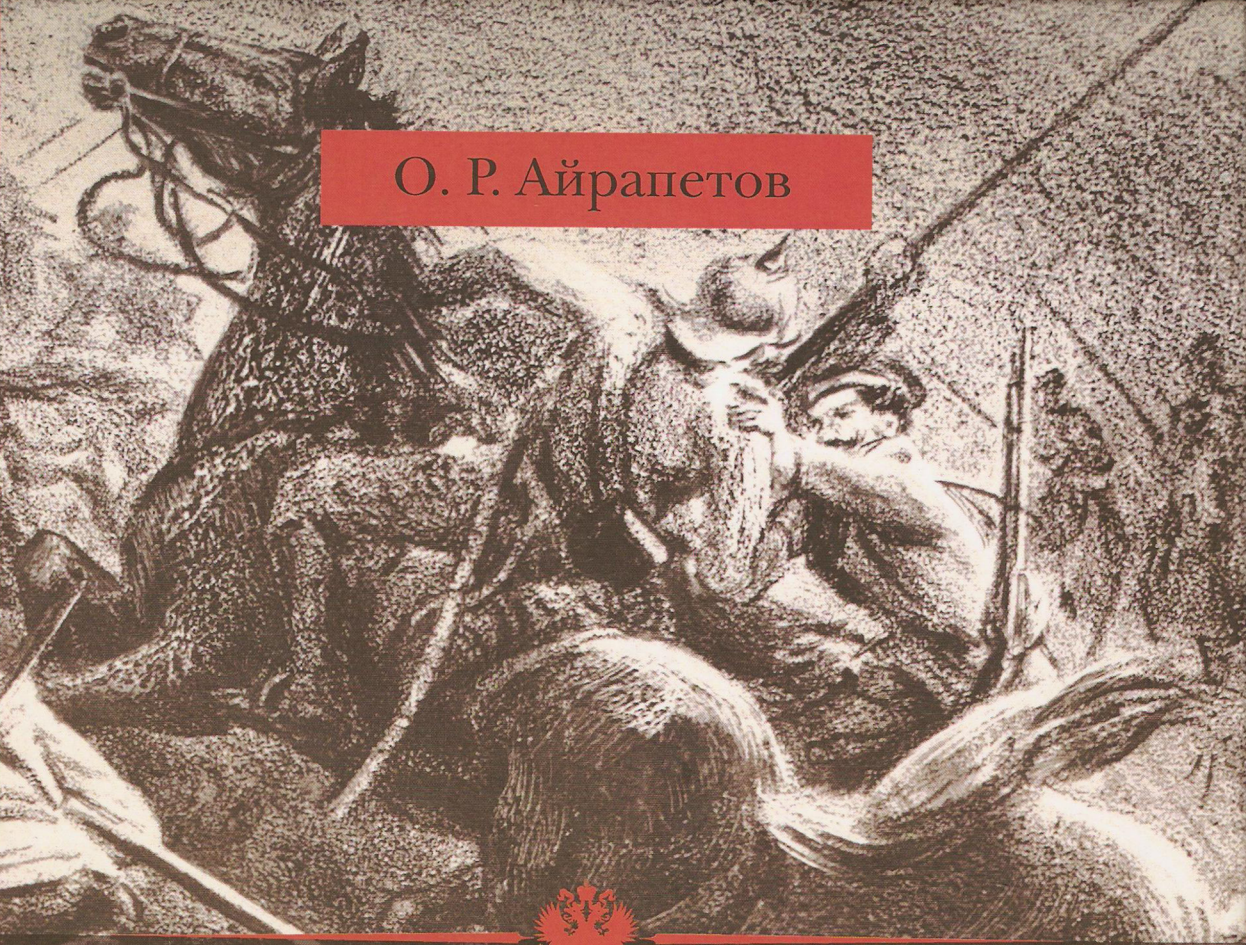

О. Р. Айрапетов

Участие Российской империи в Первой мировой войне

1914

О. Р. Айрапетов

Участие Российской империи в Первой мировой войне

1914

КУЧКОВО ПОЛЕ
Москва
2014

УДК 93/94
ББК 63.3(2)524
А367

Айрапетов О. Р.
А367 Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1914. Начало. — М.: Кучково поле, 2014. — 640 с.

ISBN 978-5-9950-0402-8

Новое фундаментальное исследование известного российского историка Олега Рудольфовича Айрапетова по истории участия Российской империи в Первой мировой войне является попыткой объединить анализ внешней, военной, внутренней и экономической политики Российской империи в 1914–1917 гг. (до Февральской революции 1917 г.) с учетом предвоенного периода, особенности которого предопределили развитие и формы внешне- и внутриполитических конфликтов в погибшей в 1917 г. стране. Первая книга посвящена предыстории конфликта и событиям первого года войны.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)524

ISBN 978-5-9950-0402-8

© Айрапетов О. Р., 2014
© ООО «Кучково поле», 2014

Вступление

Первая мировая война — одно из ключевых событий истории XX столетия. «Длинный XIX век», начавшийся Великой Французской революцией в 1789 г., подошел к концу в 1914 г. под радостные крики европейцев, которые слишком долго жили в мире. Последними крупными конфликтами в Европе были Франко-прусская война 1870–1871 гг. и Русско-турецкая война 1877–1878 гг. Столкновения на Балканах тогда еще не считались собственно «европейскими», но уже оказывали мощное влияние на противостояние великих держав в Европе и Азии. 1878 г. не в меньшей степени, чем 1871 г., вызвал к жизни процессы, приведшие в конечном итоге к 1914 г.

Франко-германский антагонизм, последовавший за подписанием Франкфуртского мира 1871 г., лишившего Францию Эльзаса, Лотарингии и 5 млрд золотых франков, уплаченных Берлину в качестве контрибуции, а также русско-австрийский антагонизм на Балканах, ставший особенно зримым после Берлинского конгресса 1878 г. и оккупации Боснии и Герцеговины Дунайской монархией в 1878 г., — все это стало основой германо-австрийского союза 1879 г., направленного против России и Франции. В 1882 г. к нему присоединилась Италия, недовольная захватом французами в 1881 г. Туниса, на который Рим имел собственные виды. Возник Тройственный союз. В 1883 г. через союз с Австро-Венгрией и Германией в этой комбинации стала участвовать Румыния. В Бухаресте были недовольны потерей Южной Бессарабии, которая в 1878 г. была возвращена России.

Столкновения русско-австрийских и русско-британских интересов в зоне Черноморских проливов стали опасно очевидны во время болгарского кризиса 1885 г. В том же году произошел русско-афганский пограничный конфликт на Кушке. Балканы и Средняя Азия разделяли Петербург с Веной и Лондоном, оккупированный англичанами в 1882 г. Египет — Лондон с Парижем, Тунис, Корсика и Савойя — Париж с Римом. Ничто так не способ-

ствует объединению разнородных сил, как общие враги. В 1887 г. сложилась Средиземноморская Антанта — союз Англии и Италии, направленный на соблюдение статус-кво в Средиземном, Адриатическом, Эгейском и Черном морях, к которому присоединилась и Австро-Венгрия. Его антирусская и антифранцузская направленность была очевидной — Лондон фактически отказался от политики «блестящей изоляции».

В этой обстановке добрые отношения с Германией приобретали особое значение для России. Попытка удержать их реализовалась в 1887 г. в «договоре о перестраховке». Петербург и Берлин обязались соблюдать благожелательный нейтралитет в случае войны одной из них с третьей державой. Это обязательство не относилось к войнам России против Австро-Венгрии или Германии против Франции, если они начнутся по инициативе Петербурга или Берлина. Договор заключался сроком на три года с автоматической пролонгацией в случае, если одна из сторон не откажется от него. Перестраховка была декларацией о намерениях сохранять баланс сил. Она исключала возможность атаки России силами стран, входивших в Средиземноморскую Антанту.

В 1888 г. на престол Германской империи вступил 29-летний Вильгельм II. Молодой кайзер недолюбливал властного «железного канцлера», доставшегося ему по наследству от деда, и предпочитал проводить собственную внешнюю политику. Отто фон Бисмарку было уже 73 года, с 1862 г. он возглавлял правительство Пруссии и с 1871 г. — Германской империи. В марте 1890 г. его сменил 59-летний генерал от инфантерии Георг Лео фон Каприви, исполнительный военный, не имевший собственных взглядов на внешнюю политику и четко выполнявший приказы императора. Новый канцлер отказался пролонгировать договор «о перестраховке». К этому времени подготовка к войне приобрела такой масштаб, что мир в Европе на самом деле был видимостью.

На старые антагонизмы накладывались противоречия в Азии и Африке. Шла бесконечная гонка вооружений — гигантское противостояние армий и флотов, средств обороны и наступления. Росла скорострельность стрелкового оружия, сокрушительная мощь орудий. Армии перешли на магазинные винтовки, стали использовать бездымный порох, мобильную тяжелую артиллерию, в 1990-е гг. на вооружении начали поступать пулеметы. Границы государств постепенно прикрывались кирпично-земляными, а затем броневыми и железобетонными крепостями. Баланс сил держался не только на мощи армий и флотов, но и на равновесии союзов. Теперь оно было нарушено.

Л. фон Каприви пытался компенсировать это словами. Он убеждал русского посла в Германии «передать г-ну Гирсу (министру иностранных дел России. — *А. О.*) его глубочайшее почтение и передать уверения, что он сделает все в интересах поддержания наилучших отношений между Германией и Россией. Говоря о князе Бисмарке, он якобы сравнил своего предшественника с атлетом, держащим на голове и в каждой руке по зем-

ному шару, он, Каприви, удовольствуется и тем, если ему удастся удержать в руках хотя бы два из них»[1]. Потерянный им «шар» и был Россией. Следует отметить, что генерал жил под дамокловым мечом собственных угроз, в реализацию которых он внес немалый вклад. «Каприви был типичным генштабистом, — вспоминал гросс-адмирал Альфред фон Тирпиц. — Этот мало кому понятный человек жил и действовал, исходя из мысли, которую он в разговорах со мной часто выражал следующим образом: «Будущей весной у нас будет война на два фронта». Каждый год он ждал войны следующей весной»[2].

Л. фон Каприви не был одинок, подобные настроения царили среди германских военных. Начальник Большого Генерального штаба Гельмут фон Мольтке-старший также смотрел в будущее без оптимизма. 14 мая 1890 г. он обратился к депутатам рейхстага с призывом поддержать проект усиления мирного состава германской армии: «Господа, если война, которая уже свыше десяти лет висит над нашими головами как дамоклов меч, и если эта война, наконец, вспыхнет, то никто не сможет предугадать ее продолжительность и ее конец. В борьбу друг с другом вступят величайшие европейские державы, вооруженные как никогда. Ни одна из них не может быть сокрушена в один или два похода так, чтобы она признала себя побежденной, чтобы она была вынуждена заключить мир на суровых условиях, чтобы она не могла воспрянуть и возобновить борьбу. Господа, это, может быть, будет семилетняя, а может, и тридцатилетняя война, и горе тому, кто воспламенит Европу, кто первый бросит фитиль в пороховую бочку... Господа, мирные заявления обоих наших соседей, на востоке и на западе, — впрочем, неустанно продолжающих развивать свою военную подготовку, — и все прочие мирные данные, конечно, представляют большую ценность, но обеспечение своей безопасности мы можем искать только в собственных силах»[3]. В тот же день, 14 мая, Вильгельм II, находившийся тогда в Кёнигсберге, поднял тост за Восточную Пруссию: «Я желаю, чтобы провинция избегла войны. Но если бы, по воле Провидения, император был вынужден защищать границы, шпага Восточной Пруссии сыграла бы в борьбе с врагом ту же роль, как и в 1870 году»[4].

Итак, среди соседей Германии, вызывавших опасения «мозга» ее армии, публично были названы Россия и Франция, не связанные еще никакими взаимными обязательствами. К этому необходимо добавить, что сближение Англии и Тройственного союза начало принимать все более открытый характер. Берлин не без оснований строил свои расчеты на использовании противоречий в колониях для усиления своих европейских позиций. Лето 1890 г. стало наилучшим периодом в германо-английских отношениях. 1 июля 1890 г. в столице Германии был подписан англо-германский договор о разграничении сфер интересов двух государств в Восточной и Юго-Восточной Африке. Идя на значительные уступки Лондону в Уганде и в районе озера Виктория, отказываясь от претензий на Занзибар, Германия получала остров Гельголанд.

Франция и Россия оказались в явной изоляции, притом далеко не блестящей. После этого вопрос о политическом сближении Парижа и Петербурга был делом времени, что и реализовалось в русско-французском союзе, оформленном двусторонними соглашениями в 1891–1893 гг. и знаменитыми визитами в 1893 г. русской эскадры в Тулон и французской — в Кронштадт. Русско-французский союз стал свершившимся фактом, впрочем, публично само слово «союз» применительно к русско-французским отношениям было произнесено уже Николаем II в августе 1897 г. В континентальной Европе окончательно сложилось блоковое противостояние. Его напряжение несколько ослабло после переноса активности русской политики на Дальний Восток в конце XIX в., однако поражение в Русско-японской войне, которое было результатом многих причин[5], привело к возвращению Петербурга к традиционным приоритетам — из Азии в Европу. К этому времени расклад сил и противоречий во внешней политике великих держав претерпел значительные изменения.

Англо-германское сближение конца 1880-х — начала 1890-х гг. было недолгим. Германия начала превращаться в мировую державу, стремившуюся выйти за пределы Европейского континента. Быстро растущая германская экономика нуждалась в рынках сбыта и источниках сырья, торговля — в политическом прикрытии, которое могло быть эффективно только при наличии военной составляющей. «Вопрос не в том, хотим мы колонизировать пространство или нет, — заявлял канцлер Бернгард фон Бюлов, — но в том, что мы должны колонизировать, хотим мы этого или нет»[6]. Немцы были настроены весьма решительно. В своей речи в рейхстаге в 1899 г. тот же Б. фон Бюлов недвусмысленно заявил об этом: «Мы не можем позволить ни одной державе, ни одному иностранному Юпитеру заявить нам: «Что поделать? Мир уже поделен»[7]. Речь, в частности, шла о том, что Берлину нужны были и колонии, и торговый флот, и мощный военно-морской флот, способный отстоять интересы Германии в Мировом океане.

В 1898 г. Вильгельм II принял новую военно-морскую программу, которую с огромным трудом удалось провести через рейхстаг 23 марта 1898 г.[8] В результате к 1903 г. Германия должна была получить флот открытого моря вместо того, который решал исключительно оборонительные задачи: 19 линейных кораблей, восемь броненосцев береговой обороны, 12 броненосных и 30 легких крейсеров[9]. Последовало и резкое увеличение германского военно-морского бюджета. В 1896–1897 гг. он равнялся 1 252 340 фунтам (против 8 369 874 — у Великобритании, 3 400 951 — у Франции, 2 072 375 — у России, 2 295 811 — у США), в 1897–1898 гг. — уже 2 454 400 фунтам (против 5 193 043 — у Великобритании, 3 537 800 — у Франции, 2530 084 — у России, 2 811 756 — у США), в 1898–1899 гг. — 2 565 600 фунтам (против 9 169 697 — у Великобритании, 4 568 676 — у Франции, 2 036 735 — у России, 4 245 255 — у США)[10].

Это было только преддверие будущего германо-английского морского противостояния, но и оно изменило многое в политике Лондона. Но-

вые проблемы способствовали преодолению старых конфликтов. Еще в 1898 г. Англия и Франция, казалось, находились на грани войны во время фашодского кризиса — тогда они не поделили верховья Нила в Судане. А в 1901 г. командование французского флота ставило перед своими силами на Атлантическом океане задачу по подготовке к военным действиям против Англии[11]. Уже в марте 1904 г. эти два государства создали Антанту или заключили «сердечное согласие» о полюбовном разделе сфер влияния в колониях, прежде всего в Египте и Марокко. Общий враг сближает.

В 1907 г. в Великобритании был спущен на воду линейный корабль нового поколения «Дредноут», который сразу же обесценил существовавшие до этого корабли первого класса — эскадренные броненосцы. Начался новый виток гонки военно-морских вооружений, прежде всего между Англией и Германией. Уже в 1908 г. с верфи в Вильгельмсхафене в присутствии кайзера был спущен на воду первый немецкий линкор дредноутного типа. Кроме казенных верфей подобные корабли в Германии могли строить и частные фирмы «Вулкан и К» (Штеттин), «Круп» — верфь «Германия» (Киль), «Шихау» (Данциг), «Блом и Фосс» (Гамбург), «Говальдсверке» (Киль). Германские моряки ожидали к концу 1911 г. получить 13 кораблей дредноутного типа, в то время как собственно на английских верфях к этому времени первоначально планировалось построить только 12 судов этого класса.

В этой обстановке британский парламент принял закон о строительстве «двух килей против одного» и началось германо-английское морское соперничество. Оно ложилось тяжелейшим бременем на британский бюджет. Цена, которую странам приходилось платить за флот, значительно выросла. Стоимость британского броненосца серии «Маджестик», корабли которой закладывались в 1893–1895 гг., равнялась 1 млн фунтов; эскадренных броненосцев типа «Лорд Нельсон» 1904–1905 гг. — 1,5 млн; линейного корабля типа «Дредноут» 1905–1906 гг. — 1,79 млн; дредноутов типа «Кинг Джордж V» 1910–1911 гг. — 1,95 млн; дредноутов типа «Куин Элизабет» 1912–1913 гг. — 2,5 млн. В результате, если в 1883 г. военно-морские расходы Британии составили 11 млн фунтов, то в 1896 г. они выросли до 18,7 млн, в 1903 г. — до 34,5 млн, в 1910 г. — до 40,4 млн[12].

Уже в 1904 г., сразу после снятия противоречий в Египте и Марокко, между Лондоном и Парижем начались переговоры о разделе сфер ответственности флотов. С 1905 г. с огромным напряжением сил британские военные стали готовить экспедиционные силы для переброски через Ла-Манш в случае германо-французского конфликта[13]. Еще 5 января 1906 г. на первых консультациях по англо-французскому военному сотрудничеству в Париже представителем Лондона были заданы вопросы о том, гарантирует ли Франция неприкосновенность бельгийских границ в случае франко-германского конфликта и понимает ли ее правительство, что немецкое вторжение в эту страну будет означать автоматическое вступление в войну Англии. На оба вопроса последовал положительный ответ, а затем обе стороны обсудили планы возможных совместных действий на суше и на море. Начавшийся

таким образом в 1906 г. обмен мнениями и военной информацией между двумя странами продолжался вплоть до 1914 г.[14] В 1912 г. англо-французские морские переговоры завершились выводом ударных сил британской Средиземноморской эскадры в Атлантику, а французского Атлантического флота — в Средиземное море. Фактически Англия при формальном отсутствии союзных обязательств взяла на себя ответственность за оборону Атлантического побережья Франции. Итак, к франко-германскому и русско-австрийскому противостоянию добавилось теперь и англо-германское.

В этой обстановке русский МИД во главе с А. П. Извольским попытался осуществить ряд проектов, нацеленных на стабилизацию положения в Азии. Русско-японские противоречия на Дальнем Востоке были сняты соглашениями с Японией, подписанными в июле 1907 г. Маньчжурия делилась на северную (русскую) и южную (японскую) сферы влияния. В первую также входила и Внешняя Монголия, а во вторую — Корея. Япония получала право промысловой деятельности на двух третях акватории русских морей Дальнего Востока, включая Амурский лиман. Ограничения вводились лишь на охоту на морских бобров и котиков.

Через месяц А. П. Извольский и британский посол в России А. Никольсон подписали в Петербурге конвенцию об Иране, Афганистане и Тибете. Обе стороны договорились признать Афганистан и Тибет лежащими в сфере влияния Англии, гарантировать территориальную неприкосновенность Тибета, сноситься с далай-ламой только через китайское правительство. Россия обговорила права для своих подданных — паломников-буддистов. Англия обязалась не аннексировать часть афганской территории и не предпринимать в Афганистане действий, направленных против России. Главной частью договора стало соглашение по разделу Персии, в которой русское влияние, политическое и финансовое, было весьма велико. Иран делился на три зоны — русскую (северную), английскую (южную), нейтральную (промежуточную между ними). Русско-английские противоречия на Среднем Востоке временно были сняты, а Англия превращалась в регионального партнера русско-французского союза в Атлантике и Азии. Впрочем, не следует переоценивать значение этого документа: соперничество Петербурга и Лондона вскоре возобновилось и в 1913–1914 гг. вновь достигло весьма высокой степени[15].

Англичан с русскими помирили немцы, а русских с англичанами — желание снять напряжение по периметру границ. Вслед за русско-английским соглашением А. П. Извольский сосредоточился на русско-германском сотрудничестве. Оно было подтверждено во время встречи Николая II и Вильгельма II в Свинемюнде в июле 1907 г., а уже в октябре того же года Россия получила принципиальное согласие Берлина на изменение статуса Аландских островов — отмену конвенции об их нейтрализации. В сентябре 1907 г. А. П. Извольский встретился в Вене с министром иностранных дел Дунайской монархии графом А. Эренталем и заявил об отсутствии каких-либо агрессивных планов в отношении Турции. В этой восточной монархии

тем временем происходили события, которым русский дипломат был в немалой степени обязан срыву своих планов.

В июле 1908 г. в Турции произошла революция, султан Абдул-Гамид вынужден был восстановить конституцию 1876 г., и на ноябрь в Османской империи были назначены выборы в парламент. Вена захотела воспользоваться возникшим кризисом для того, чтобы аннексировать оккупированные ею в 1878 г. Боснию и Герцеговину. На встрече с А. Эренталем в Бухлау в сентябре 1908 г. А. П. Извольский предложил Австро-Венгрии право аннексии Боснии и Герцеговины в обмен на свободу плавания через Проливы для русских военных судов. Этот план потерпел неудачу: Германия и Италия требовали компенсаций за изменение режима Проливов, а Париж и Лондон не соглашались с этими предложениями. 7 октября 1908 г. Вена провозгласила аннексию Боснии и Герцеговины. Начался боснийский кризис, в ходе которого Германия полностью поддержала свою союзницу.

В марте 1909 г. под угрозой германского ультиматума Россия вынуждена была согласиться с аннексией. Вслед за ней это сделала и Сербия. По меткому выражению У. Черчилля, А. Эренталь, втянув в кризис Германию, использовал паровой молот, чтобы расколоть орех, и, что было гораздо хуже, «втянул Россию в публичное унижение», которое никто не собирался прощать[16]. Уходя в отставку в июне 1909 г. Б. фон Бюлов, по его собственному признанию, предостерегал кайзера и своего преемника Т. фон Бетман-Гольвега не повторять боснийской акции[17]. Между тем она не только легла тяжким бременем на русско-германо-австрийские отношения, но и на общую обстановку на Балканах. Первая и Вторая Балканские войны не решили ни одной из проблем полуострова, создав новые: Греция, Сербия и Болгария не смогли разделить Македонию, в тыл болгарам ударили румыны и прочее.

Политика уступок и компромиссов лишь ухудшила положение России и спровоцировала рост аппетитов среди политиков германо-австрийского блока. Именно после боснийского кризиса в Большом Генеральном штабе пришли к мысли о возможности коалиционной войны Германии против Франции, России и, вероятно, Англии[18]. Слабость провоцирует агрессию европейцев не в меньшей степени, чем азиатов. Сила доказательна по своей природе, и вдохновившись этим принципом, Германия и Австро-Венгрия организовали в 1914 г. провокацию против Сербии — несчастной страны, трижды ставшей жертвой агрессии западного мира в XX в. (Австро-Венгрия и кайзеровская Германия, гитлеровская Германия и фашистская Италия, США и НАТО). Один из организаторов и вдохновителей этой провокации — эрцгерцог Франц-Фердинанд стал заложником собственных планов. Его убийство запустило механизм германо-австрийского союза, вся сила которого была приведена в действие для повторения сценария 1908–1909 гг., но на этот раз в гораздо большем масштабе.

К войне так долго готовились, о ней так долго говорили, что, похоже, с ней смирились, как с неизбежным злом, которое обязательно придет, но

все же, наверное, не завтра. Масштабные события, которых долго ждут, имеют свойство приходить неожиданно. «Первая мировая война разразилась внезапно, — вспоминал И. Г. Эренбург, бывший в то время политическим эмигрантом во Франции, — затряслась земля под ногами... Все готовилось давно, но где-то в стороне, а разразилось внезапно»[19]. Отдыхавший в Баден-вейлере (южный Баден) вместе с женой депутат IV Думы С. И. Шидловский вспоминал о первой реакции местного общества на сараевское убийство: «Сначала не только нам, но и местным немцам в голову не приходило, что дело может дойти до войны, да еще такого мирового значения; однако местные жители, с которыми мне приходилось рассуждать еще ранее о германском милитаризме и которые вообще, как все южные немцы, были далеко не поклонники немецкого «пруссачества», говорили мне, что война должна быть непременно, так как напряжение германского милитаризма дошло до такой степени, что без своего рода отдушины дело продолжаться не может»[20].

Так, долгожданно и неожиданно, началась Первая мировая война, после которой неузнаваемо изменилась политическая карта Европы. Уходившие на фронт в августе 1914 г. мечтали о радостной и веселой войне, полной романтических подвигов и приключений, которая завершится прочным и справедливым миром. Война виделась сокрушительной и короткой, солдатам обещали, что они вернутся к своим домам уже к Рождеству. На деле сбылись лишь ожидания сокрушительных последствий. Военные потери были чудовищными: погибли около 9,5 млн солдат, матросов и офицеров, около 20 млн получили ранения разной степени тяжести. Русские потери составили 1,8 млн убитых и умерших[21].

По разным подсчетам, около 5 млн гражданских лиц погибли в результате военных действий, перемещений и разного рода жестокости оккупационных режимов. Геноцид армян и ассирийцев в Оттоманской империи и Персии, проведенный младотурками, массовое уничтожение сербов и русин, организованное властями Австро-Венгрии, депортация еврейского и немецкого населения Прибалтики из прифронтовой полосы в глубь империи, реализованная по приказу Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича (младшего), миллионы беженцев, уходивших в 1915 г. вслед за русскими войсками добровольно и принудительно — все это было так не похоже на романтические предания рыцарской войны. Оставим в стороне вопрос, насколько образ «красивой» войны XIX в. соответствовал действительности. То, что произошло, было несравнимо ни с чем, предшествующим 1914 г.

Веселой и радостной война не была, короткой — тоже. Начавшись 28 июля 1914 г. с нападения Австро-Венгрии на Сербию, она закончилась 11 ноября 1918 г. Формально хронологические рамки Первой мировой для Российской империи были более узкими — с 1 августа 1914 г., когда Германия объявила ей войну, по 2 (15) марта 1917 г., когда была свергнута монархия. И хотя Россия участвовала в войне еще год, вплоть до заключения Брестско-

го мира, на самом деле это была уже агония старой страны, старой армии, старых устоев, старой жизни.

В марте 1917 г. началась история «короткого XX века» России. Его начало и конец очевидны: это две сокрушительные для судеб многих народов исторической России катастрофы — Февральская революция 1917 г., определившая скольжение в Октябрь и Гражданскую войну, и падение СССР, которое состоялось в августе 1991 г., а в декабре было уже юридически оформлено. «Короткий век» естественным образом находится под сильнейшим влиянием событий, открывающих это столетие — Февральской и Октябрьской революций, которые непосредственно связаны с Первой мировой войной. Уже этого достаточно для утверждения: важность периода 1914–1917 гг. для понимания истории России XX в. не поддается переоценке. Думаю, Карел Крамарж, искренний друг России, был абсолютно прав, когда утверждал: «Было бы страшным преступлением для России, если бы на русской катастрофе поучались все, кроме самих русских»[22].

Безусловно, одной из причин падения империи стало отсутствие консолидации ее правящих кругов. Верхи императорской России явно оказались не на высоте задач, которые ставило перед государством время. Не стала исключением из этого правила и военная элита. Получив в 1914 г. в руки не идеальный, но без сомнения один из лучших военных механизмов, которыми владела Россия за предшествующие 50 лет, имея в первые месяцы войны полную моральную поддержку тыла, высший генералитет вступил в бой, разрываемый межличностными конфликтами, отягощенный компромиссами, не сгладившими ни одно из противоречий. Верховный главнокомандующий и военный министр открыто враждовали, Генеральный штаб не сумел выбрать направление главного удара для собственной армии. В разработанные планы действий вводились многочисленные изменения.

Столкновение импровизации с организацией всегда кончается плачевно для первой. Справедливость этого утверждения проявилась уже в первый месяц войны, прежде всего в Восточной Пруссии. Поражение армии А. В. Самсонова стало первым и опасным признаком слабости военного руководства России. Британский консул в Москве Брюс Локкарт справедливо отмечал: «Танненберг на самом деле был прелюдией к русской революции. Это было письмо надежды к Ленину»[23]. Ничего еще не было потеряно, общество поначалу не воспринимало случившееся как непоправимую катастрофу, да и знало оно о поражении немного. Но для устойчивой веры в победу и возможности вождей воюющей армии нужны успехи, а в 1914 г. на германском фронте они были редким явлением.

Впрочем, способности и возможности противника опасно не только преуменьшать, но и преувеличивать. «Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период Первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражение от русских и англо-французских войск и, наконец, была

разбита англо-французскими войсками»[24]. Свой немалый вклад в эту победу внес русский фронт Первой мировой войны. Немцам не удалось реализовать план молниеносной войны, переброска подкреплений в Восточную Пруссию в первые дни сорвала взятие Парижа. В стратегии Германии это сводило на нет достигнутые ею тактические победы.

Вплоть до конца 1916 г. германская армия несла больше потерь убитыми и пленными на Восточном фронте, чем на Западном[25]. А ведь России еще приходилось сражаться с Австро-Венгрией и Турцией. Как отмечал один из лучших историков русской армии А. А. Керсновский: «В минувшую Великую войну Россия *одна* (выделено автором. — *А. О.*) приняла на себя удар половины сил вражеской коалиции. Другую половину поделили между собою Франция, Великобритания, Италия и Соединенные Штаты, страны, гораздо лучше снабженные боевой техникой. Боевое напряжение каждой русской дивизии было в несколько раз выше такового же любой союзной дивизии»[26].

В руках русской Ставки находилась грозная сила. Во всяком случае, армия была грозной до тех пор, пока в ее рядах сохранялись обученные офицерские и унтер-офицерские кадры. «Бои у Мазурских озер зимой 1915 года явились таким же свидетельством о Русской армии, как Лодзь, Бзура и Равка. Тот, кто видел русского солдата того времени, никогда не станет утверждать, что сила сопротивления его была сломлена... Он погибал скорее на своем посту, чем оставлял его без приказа начальника. Случалось, что отдельные русские отряды сдавались без серьезного сопротивления, но это было лишь тогда, когда, оставшись без начальников, люди не знали, что им делать»[27].

У войны должна быть цель. Гигантские потери должны иметь объяснение. Нужна была соответствующая уровню напряжения сил задача, столь же масштабная, сколь понятная массам и потому принимаемая ими. У союзников России на вопросы о целях и задачах войны были ясные ответы: война велась для возвращения Эльзаса и Лотарингии (Франция), для завершения объединения итальянских земель в едином государстве (Италия), для сокрушения экономической мощи Германии (Англия). Следует признать, что у России такой цели не было. Или, точнее, не было консенсуса в отношении исторической задачи, которую должна была решить война.

Символической целью не могло стать разрушение Австро-Венгрии, понятие «разгром Германии» также не было ясным. Возрождение Польши или освобождение Западной Армении не могло послужить символом мобилизации всех сил страны. На роль исторической задачи, главного приза войны могли претендовать Константинополь и Черноморские проливы. Парадоксально, но вступление Турции в войну на стороне Германии предоставило России шанс наполнить смыслом кровавое противостояние с соседями.

20 октября (2 ноября) 1914 г. Николай II подписал манифест об объявлении войны Турции: «Вместе со всем народом русским Мы непреклонно верим, что нынешнее безрассудное вмешательство Турции в военные действия только ускорит роковой для нее исход событий и откроет России путь

к разрешению завещанных ей предками исторических задач на берегах Черного моря»[28]. Не будем преувеличивать значения этих исторических задач для широких масс. У этой проблемы существовала и другая составная — согласие союзников. 3 марта 1915 г. на встрече с членами французской делегации император наиболее ясно высказал свою программу именно по вопросу о проливах, как, впрочем, и о причинах своих требований. Россия не могла участвовать в столь тяжелой войне, не имея перед собой ни одной понятной символической цели — вряд ли восстановление Польши можно считать таковой: «Я не признаю за собой права налагать на мой народ ужасные жертвы, требуемые этой войной, не давая ему в награду осуществления его вековой мечты... город Константинополь и Южная Фракия должны быть присоединены к моей империи. Впрочем, я допущу для управления городом особый режим, с принятием во внимание иностранных интересов»[29]. Согласие Англии и Франции затянулось, а вскоре оказалось, что народ в своей неграмотной или полуграмотной массе гораздо больше интересовали другие вековые мечты.

Что касается образованной части общества, то она в большинстве своем шла за политическими лидерами. «Властители дум» оказались не в состоянии следовать декларированным ими в первые дни войны принципам «священного единения». В 1915 г. оно уже было очевидно не безусловным, что имело весьма важные последствия для судьбы страны. Вряд ли будет преувеличением утверждение, что широким массам крестьянства и рабочих не нужна была тяжелая и бессмысленная с их точки зрения война. Руководителей «узких масс» образованных классов это явно не пугало. Они прежде всего мечтали о расширении политических полномочий и все свои силы направили на изощренную борьбу с правительством. Лозунг создания «правительства доверия» предполагал существование правительства, которому не стоило доверять. Подозрения подтверждались слухами, провокациями, организацией мерзких политических судилищ с санкции сочувствовавшего либералам великого князя Николая Николаевича (младшего). Ни одна страна во время войны не может позволить себе дискредитации высшей государственной власти, а страна, в которой бедных и богатых разделяет так много, с неумолимо обострившимися в военные годы рабочим и национальным вопросами и прочим, — тем более.

Обвиняя военного министра в шпионаже, дискредитируя носителей верховной власти, либералы подрывали основу дисциплины и порядка. Пока армия подчинялась своим командирам, все еще оставался шанс на относительно безболезненный выход из кризиса. Гигантские потери 1914–1916 гг. выбили кадровый офицерский корпус и резко снизили способность армии к сопротивлению противнику и подчинению командирам. Этот момент совпал с очередным штурмом власти, устроенным либеральной оппозицией. Отречение императора Николая II думцы считали необходимым условием для того, чтобы избежать гражданской войны и дать возможность при слабом регенте народному представительству окрепнуть, чтобы оно, по

словам А. И. Гучкова, «как это было в Англии в конце XVIII столетия, так глубоко пустило бы свои корни, что дальнейшие бури были бы для него не опасны»[30]. В первые дни все были счастливы и не предвидели для себя и страны тяжких последствий. Или почти все — трезвые умы все же оставались и ничего хорошего не ждали. Русский дипломат И. Я. Коростовец в феврале 1917 г. в ответ на поздравления американского посла Дж. Френсиса, который был в восторге от так быстро свершившегося бескровного переворота, ответил, что даже его, Коростовца, внуки не увидят конца «русской только что начавшейся революции»[31]. И он оказался прав.

Попытки думских интеллектуалов и бретеров возглавить воюющую страну закончились оглушительным и почти мгновенным провалом. Многим из них довелось на личном опыте убедиться в том, что власть без силы также опасна для общества, как и сила без власти. Крах организационных усилий русских либералов весной — летом 1917 г. будет абсолютно непонятен, если не помнить или не знать того, что это уже не первое их крушение. На самом деле, в качестве государственных деятелей они провалились еще ранее, в дореволюционный период, когда управляли созданными с благословления государства общественными организациями: Земским, Городским союзами и Военно-промышленными комитетами.

Неожиданно негативную роль сыграли исторические знания. Опыт Французской революции требовал опасаться угрозы справа. У русской революции во главе с либерально-демократическими, а затем и социалистическими лидерами не могло быть врагов слева. Когда выяснилось, что Россия 1917 г. все же не совсем походила на Францию 1789 или 1793 гг., было уже поздно. Значительные лица из Государственной думы, Земского, Городского союзов, Военно-промышленных комитетов быстро оказались недостойными доверия улицы и были сметены ею, как мусор.

Пришедший к власти А. Ф. Керенский, демагог с театральными замашками, верил в себя и в свою способность трактовать политику как интригу. Поначалу у него многое получалось, во всяком случае, он был успешен в борьбе за должности и в создании вокруг себя атмосферы обожания. Став военным министром, он сменил штатский пиджак на френч защитного цвета, а летом 1917 г. у него разболелась рука — он носил ее на черной повязке через плечо, что придавало фигуре «демократизатора армии» оттенок романтизма. Министр был похож на раненого героя[32]. О том, как это надеялись использовать, можно судить по приветственным завываниям сторонников демократии в «Русском инвалиде»: «Керенский и народ — одно. Имя его — имя вождя. И в этом имени — успех и победа»[33]. Приемы А. Ф. Керенского вызывали умиление в прессе, которая назвала его Сен-Жюстом русской революции, «существом особым, чуждым человеческих слабостей», в отличие от своего французского оригинала принципиально отказавшимся от кровопролития и в этом явившим «то вечное, что очищает и облагораживает всякий факт истории, поднимая его на прозрачный воздух, передавая его благожелательным солнечным лучам, — сострадание»[34].

Рост беспорядка и разложение армии вызвали к политической жизни новых лидеров, пытавшихся возродить дисциплину и порядок железной рукой, а не патетическими речами и дешевыми приемами. А. Ф. Керенский завидовал популярности генерала Л. Г. Корнилова и боялся его. Ему удалось спровоцировать на выступление своего «врага справа» и разгромить так называемый «корниловский мятеж», а после этого он остался один на один с «друзьями слева». 1 (14) сентября для усиления своих позиций он провозгласил Россию республикой, сославшись на единодушную поддержку, которой у него, кстати, не было: «Считая нужным положить предел внешней неопределенности государственного строя, памятуя единодушное и восторженное признание республиканской идеи, которая сказалась на Московском государственном совещании, Временное правительство объявляет, что государственный порядок, которым управляется Российское государство, есть порядок республиканский и провозглашает Российскую Республику»[35]. Это не спасло ни А. Ф. Керенского, ни псевдореспублику. Это были бесконечно малые величины, презираемые почти всеми. К власти под лозунгами прекращения войны и широких социальных преобразований пришли большевики.

Очень быстро во внутренний конфликт вмешались противники по Первой мировой войне. Признаться, нелегко разобраться, где военная оккупация перерастала тогда в интервенцию, ясно одно: германцы, австрийцы, турки и даже болгары к концу 1917 — началу 1918 г. не страдали разного рода комплексами, стараясь извлечь максимум выгод из победы над беззащитной Россией. Стране пришлось заплатить огромную цену за «выход из войны». 3 марта 1918 г. большевистское правительство подписало Брестский мир. Формально это была капитуляция, логичное следствие разгрома. «Масса поняла истину, что если армии нет, а рядом с вами лежит хищник, то вам придется подписать наитягчайший, унизительный мирный договор»[36]. Необходимый при таких обстоятельствах «временный выход был только во временной передышке, которая была получена при подписании Брестского мира»[37]. Передышка продлилась недолго. С весны 1917 по весну 1918 г. Антанта несла весьма тяжелые потери, а затем обстановка начала меняться в ее пользу. Мощнейшее влияние на последнем этапе войны оказали США, выступив в апреле 1917 г. на стороне противников Германии. Попытка ее командования переломить ход войны на Западном фронте до прибытия американских подкреплений провалилась: немцы смогли прорвать фронт, используя новую тактику штурмовых отрядов, но уже не имели достаточного количества сил для того, чтобы использовать возможности, созданные прорывом[38].

Уже в 1914 г. в военных действиях, в целом весьма напоминавших традиционное для XIX в. взаимодействие пехоты, кавалерии и артиллерии, начало проявляться влияние современной техники. В воздухе появились самолеты и цеппелины, на фронте — броневики, а в тылу — грузовики и автомобили. История об использовании парижских такси во время битвы

на Марне стала классической. Но контрнаступление союзников летом 1918 г. представляет картину, более привычную для поля битвы Второй мировой войны: 26 сентября в наступлении в Аргоннском лесу приняло участие 37 французских и американских дивизий, их поддерживало свыше 4 тыс. орудий, в атаке приняло участие свыше 700 танков. 27 сентября не менее масштабную атаку предприняли под Камбре англичане. С воздуха их поддерживало свыше 1 тыс. самолетов, активно штурмовавших позиции противника. На оборонявшихся было сброшено свыше 700 тонн бомб, для стрельбы по целям на земле использовано 26 тыс. пулеметных дисков[39]. Это была война моторов, и Германия явно проигрывала ее. Германское командование паниковало, оно теряло надежду на благополучное окончание войны[40].

Тем не менее достижения союзников не давали надежд на быстрое окончание войны. 3 октября 1918 г. на франко-американской конференции в Труа-Фонтан еще рассматривались сроки победоносного ее завершения — конец 1919 или начало 1920 г. Но именно в это время произошли события, решившие ее исход. В сентябре 1918 г. англичане под командованием генерала Э. Алленби сокрушили турецкую армию в Палестине, и практически одновременно генерал Л. Франше д'Эспере начал наступление на Салоникском фронте. Болгария и Турция были разгромлены и вышли из войны, ресурсы Балкан и Малой Азии отсекались от Берлина. Всего через две недели после встречи в Труа-Фонтан военный министр Германии генерал Г. Шойс подвел итоги: тыл мог предоставить армии 600 тыс. солдат на следующий год, и этого хватило бы для обороны, но отрезанный от поставок горюче-смазочных материалов из Румынии, рейхсвер мог продержаться только шесть недель[41].

Война моторов — это и война за то, на чем они работают. Между тем вероятность остановки моторов возникла именно в тот момент, когда перед германской армией, на флангах которой — в Бельгии, на Самбре и Маасе — наступали союзники, а за спиной немцев были Арденны, возникла угроза рассечения на две части. Ввиду недостатка путей сообщения кризис мог быть преодолен только при интенсивном использовании моторов[42]. Угроза вполне могла вылиться в катастрофу. Сомнений у канцлера принца Макса Баденского не осталось: нужен был мир, и желательно до того, как противник вступит на немецкую землю. Война закончилась так же, как и началась — долгожданно, но неожиданно и на Балканах, так и не ставших тогда трофеем победителей в конфликте за мировое господство.

В конце октября 1918 г. на кораблях германского флота начались волнения, 4 ноября на военно-морской базе в Киле вспыхнуло восстание. В Германии началась революция, и 9 ноября кайзер бежал в Голландию. 11 ноября 1918 г. Германия подписала перемирие в Компьене. Фактически это была капитуляция, высшее командование предпочло сдаться до того, как союзники с боем войдут на территорию Германии. Уже 13 ноября 1918 г. Брестский мир был денонсирован ВЦИК. Однако формальный выход из империалистической войны стал началом масштабной гражданской, при-

ведшей к неисчислимым бедствиям для России, перед которыми меркнут гекатомбы 1914–1917 гг. При этом потери среди сражавшихся военных относительно невелики — около 800 тыс. человек, что составляет менее 58% от показателей Первой мировой войны[43].

Это легко объяснимо несравнимо более низким уровнем насыщенности фронта Гражданской войны огневыми средствами. В мае 1916 г. на участке прорыва 8-й армии под Луцком длиной в 4,5 км на каждый километр удалось выделить только девять легких и пять полевых тяжелых орудий[44]. По нормам 1916 г. для ударной армии это были очень скромные цифры, хотя ее наступление и планировалось на второстепенном для всего русского фронта направлении. Но для Гражданской войны они были беспримерно высокими. Плотность артиллерии росла от 0,5 орудия на километр фронта в начале 1919 г. до четырех орудий на километр в конце 1920 г. В результате, если фронт наступления дивизии в 1914–1917 гг. постоянно сокращался, достигнув в 1916 г. 2 км для дивизии, то в начале 1919 г. эти показатели для главного (!) направления составляли до 50 км, осенью 1919 г. — 25–30 км, летом и осенью 1920 г. — 7–15 км[45]. Интенсивность и мощь огня в 1915–1918 гг. вообще несравнимы с показателями 1919–1920 гг. Немцы и русские тратили на артиллерийскую подготовку несколько часов (максимум в феврале 1916 г. — девять часов германская армия перед штурмом Вердена), в то время как союзники — несколько дней (июль 1916 г. — семь дней перед наступлением на Сомме, а максимум в июле 1917 г. перед наступлением во Фландрии — 16 (!) дней)[46].

Если военные потери были объяснимо меньше, то жертвы среди мирного населения с трудом поддаются исчислению. Будучи высшей формой классовой борьбы в центре бывшей империи, на окраине Гражданская война часто превращалась в межнациональные конфликты. Целые социальные слои в одном случае и этнические и религиозные группы в другом превратились в законную цель военных действий, объект уничтожения для оккупационных властей. Практически полностью были забыты и правила ведения войны, изрядно дискредитированные практикой Первой мировой. Этим, очевидно, объясняется то, что в ряде районов, например на Дону, общие потери в 1919–1920 гг. среди возрастов, годных к службе, в три раза превысили уровень Первой мировой[47]. Кризис за кризисом расширял территорию, затронутую военными действиями.

В войну кроме бывших противников по Первой мировой вмешались и бывшие союзники. Уже в декабре 1917 г. представители Антанты на конференции в Париже приняли решение о районах будущих оккупационных зон на территории России[48]. Военных активно подталкивали к действию дипломаты. Так, 21 февраля 1918 г. американский посол в России писал государственному секретарю о необходимости англичанам и французам занять Мурманск и Архангельск, а американцам — Владивосток. Дж. Френсис считал, что президент В. Вильсон был настроен против участия в интервенции японцев[49] и потому очень настойчив: «История показывает, что русские не

способны на крупные движения и большие завоевания... если они не осуществляются под иностранным влиянием и руководством. Для союзников теперь пришло время действовать»[50]. Удивительные выводы для человека, который слабо разбирался в чем-то, не связанном с покером и банками, и чудовищное невежество которого было предметом для шуток его коллег[51]. Как уверял Б. Локкарт, американец «не мог отличить левого социалиста-революционера от картошки»[52]. В марте 1918 г., еще не закончив Первой мировой войны, англичане и французы высадили десанты в Мурманске, а в мае к ним присоединились американцы[53].

Без сомнения, участие интервентов способствовало затягиванию войны. В результате, если в Европейской России она завершилась в 1920 г. с ликвидацией «белого» Крыма, то на Дальнем Востоке — в 1922 г. со взятием Владивостока. Последний иностранный солдат покинул территорию нашей страны только в мае 1925 г. Это были японцы, которые отличались самой масштабной и очень жестокой интервенцией. На Дальнем Востоке и в Сибири с августа 1918 по октябрь 1919 г. находились свыше 120 тыс. японских солдат и офицеров, своим присутствием обеспечивавших грабеж русской земли. Справедливости ради отметим, что англичане, американцы и прочие, уступая японцам в числе, не отставали от них в грабеже[54]. В апреле 1920 г. японцы высадили десант на Северном Сахалине, и 3 июля того же года объявили об оккупации русской половины острова. Начались массовые репрессии, сопровождавшиеся «экономической эксплуатацией территории»[55]. Слабость государства, обладавшего значительными богатствами, провоцировала аппетиты могучего соседа. В эти годы Токио не разменивался на разговоры о справедливости и не стеснялся в демонстрации своих интересов.

По условиям «Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией» от 20 января 1925 г. уход оккупантов из Северного Сахалина обуславливался значительными уступками советской стороны: «...принимая во внимание нужды Японии в отношении естественных богатств, правительство Союза Советских Социалистических Республик готово предоставить японским подданным, компаниям и ассоциациям концессии на эксплуатацию минеральных, лесных и других естественных богатств на всей территории Союза Советских Социалистических Республик»[56]. При этом советские власти обязались в течение пяти месяцев после эвакуации японской армии с русской территории заключить договоры о концессиях на Северном Сахалине сроком от 40 до 50 лет. Японцам должны были быть предоставлены не менее 50% нефтяных площадей, право на добычу угля, проведение лесозаготовок, японские концессии получали особые льготные условия эксплуатации[57].

Горе слабым! Картину бедствий страны дополнили последствия разорения экономики и почти полного уничтожения и без того не самой мощной системы здравоохранения — эпидемии и голод. В любом случае, как бы ни считать, период войн и великих потрясений, начавшись для нашей стра-

ны в 1914 г., закончился не в 1917 г. и не в 1918 г. Начало Первой мировой войны завершило «длинное XIX столетие» и открыло «короткий XX век», остановившийся для нашей страны с падением государства, порожденного Октябрьской революцией 1917 г., и началом ельцинского безвременья.

Для остальной Европы начало XX в. тоже не сулило ничего хорошего. Поколение ветеранов Первой мировой мечтало о том, что она станет последней войной, но этому не суждено было осуществиться. Три традиционные империи исчезли с политической карты Европы и Азии, их место заняли новые государства — молодые республики и королевства. Практически все они стремились играть роль, на которую не претендовали их предшественники — роль плавильного национального котла. Территории, столетиями существовавшие в режиме наднационального подхода к решению местных задач и проблем, внезапно превратились в национальные государства, причем этническая, культурная и конфессиональная пестрота новообразований делала неизбежным весь трагизм их дальнейшего развития, особенно при условии насильственной натурализации народов, внезапно оказавшихся чуждыми элементами на собственных землях.

К этому стоит добавить столкновение великих национальных мечтаний соседей. Традиционные для некоторых политических культур мегаломания, филистерство и фанаберия превратили возрожденные страны в злобные и опасные чудовища. Не только Польша была, по словам В. М. Молотова, «уродливым детищем Версальской системы»[58]. Новые противоречия и старые конфликты сделали неизбежной ревизию результатов Первой мировой войны. Прав оказался маршал Ф. Фош, назвавший Версальский мир 1919 г. 20-летним перемирием. Следует ли из этого, что в 1914 г. началась война, которая возобновилась после перемирия и закончилась в 1945 г.?

Русская историография этого явления находится далеко не в блестящем состоянии. Основанием изучения собственно военной и частично внешнеполитической составляющей участия России в этой войне послужили работы А. М. Зайончковского[59], который старался избегать проблем внутренней политики, а в области экономических проблем часто пользовался расхожими штампами. Не идеальным, а часто излишне лапидарным является и изложение им истории боевой работы флота, особенно на Черном море, и Кавказского фронта. Эти недостатки в значительной степени компенсировались работами М. И. Гайдука[60], В. Н. Ипатьева[61], А. А. Маниковского[62], А. М. Косинского[63], А. К. Коленковского[64], М. А. Петрова[65], К. И. Величко[66], Е. В. Масловского[67], А. П. Залюбовского[68], В. Ф. Кирея[69], Н. В. Новикова[70], Е. З. Барсукова[71], Н. Г. Корсуна[72] и многих других. Тем не менее эти работы в меньшей степени учитывались последующей традицией, после А. М. Зайончковского, а что касается политической составляющей, то в СССР она естественным образом полностью находилась под влиянием концепций, изложенных в послереволюционных работах В. И. Ленина. Западная историография в отношении политической истории 1914–1917 гг. полностью находилась под влиянием работ П. Н. Милюкова, прежде всего

его «Истории второй русской революции» (первое издание ее первого тома – София, 1921).

Очевидной является задача выхода историографии Февральской революции и последующих событий из схем В. И. Ленина, П. Н. Милюкова, А. Ф. Керенского и частично А. И. Гучкова. Нельзя не заметить, что по самым разным причинам эти четыре человека, оказывавшие столь неоспоримо мощное влияние как на политическую жизнь России, так и на научную версию указанных событий в Советской России и за ее пределами, руководствовались при изложении событий, а вернее при их трактовке, интересами продолжавшейся политической и идеологической борьбы. И если в СССР по естественным причинам господствовала ленинская точка зрения, то в отношении Февраля 1917 г. даже в «Краткий курс истории ВКП(б)» в почти неизмененном виде вошли положения, высказанные либералами в отношении царского правительства и отдельных его представителей[73]. Парадоксально, что при этом в 1960–1980-е гг. советская историография вела жесткий спор с западной по вопросам, в которых де-факто сходилась так же, как правая и левая перчатки, принадлежавшие одному лицу. Разрыв с такой традицией необходим, но уход от политически мотивированной дискуссии не достигается заменой положительных и отрицательных знаков и восклицаний перед или после фамилий исторических личностей.

Что касается западной военной историографии, то в период 1918–1941 гг. по отношению к участию России в Первой мировой войне господствовало скептическое отношение, вызванное поражением и сепаратным выходом из войны накануне победы Антанты. В этом скепсисе легко угадывается разочарование «русским паровым катком», идея которого была столь популярна среди союзников, особенно во Франции, накануне войны.

Несколько особняком от «концепции победителей» стоят оригинальные работы англоязычных авторов межвоенного периода, которые смогли подняться над средним уровнем. Прежде всего стоит назвать У. Черчилля[74] и У. Чамберлина[75], выводы которых легли в основу, пожалуй, единственной на настоящее время оригинальной англоязычной работы по данному вопросу – книги бывшего советника правительства М. Тетчер по Восточной Европе и СССР Н. Стоуна[76].

Работы А. М. Зайончковского, во всяком случае сделанные им выводы, постоянно копируются в попытках достичь схожего уровня обобщения с большей или меньшей степенью научной добросовестности. В последние годы эта тенденция приобрела в России особенно широкое распространение. Не является исключением и заимствование справочного аппарата предшествующего исследователя (часто вместе с ошибками) без указания его имени и работы. Все это неизбежно приводит к понижению профессионализма и ослаблению общей культуры исторического исследования в стране.

В связи с этим необходимость обобщающей работы по участию России в войне 1914–1917 гг. видится мне очевидной. Мой скромный личный потенциал при написании этой книги был значительно подкреплен друзьями

и коллегами, существенно помогавшими мне на разных этапах написания данной работы. Приношу свою глубокую благодарность всем им: к. и. н. Ф. А. Гайде (Москва), к. и. н. А. В. Ганину (Москва), к. и. н. Х. Гумбу (Берлин), д. и. н. М. М. Йовановичу (Белград), к. и. н. В. Б. Каширину (Москва), д. и. н. Б. Меннингу (Форт-Ливенворт, Канзас, США), д. п. н. П. Чейсти (Оксфорд), к. и. н. М. М. Шевченко (Москва), д. и. н. К. В. Шевченко (Минск).

Я благодарен А. В. Ганину за предоставленные материалы Государственного архива Российской Федерации, Национального архива Армении и документы Гуверовского архива войны, революции и мира, часть которых также была предоставлена мне Б. Меннингом. А. В. Ганин и В. Б. Каширин все последние годы оказывали мне максимально возможную поддержку и не только с архивными документами, биографическими справками, они неизменно были частью меня самого.

За долгие годы привычка обсуждать то, чем я занимаюсь, с моим другом Максимом Михайловичем Шевченко превратилась в потребность, которую он стоически переносит, и не поблагодарить его за это было бы черной несправедливостью.

2011 г., когда работа над написанием этой книги шла к завершению, выдался особенно тяжелым, и я попросту не знаю, смог бы я пережить его, не имея родственной поддержки Сергея Лебедева и дружеского участия Александра Колпакиди. Моя особая благодарность им и всем тем, кто был рядом в тяжелые дни.

Айрапетов Олег Рудольфович,
к. и. н., доц., кафедра истории России XIX — начала XX в.,
исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова

Накануне австро-германской провокации

анун Первой мировой войны был отмечен резким ухудшением англо-германских и русско-германских отношений. Гонка вооружений на море и усиление влияния Берлина в Турции — все это прямо или косвенно, но резко и неизменно обостряло противоречия в Европе. Особенно сложным пересечением интересов были Балканы. После двух Балканских войн обстановка на полуострове стала еще более взрывоопасной. Основная тенденция развития приобретала четко выраженный антиавстрийский характер, что было напрямую связано с внутренним положением Дунайской монархии. А последнее уже зависело от обстановки в этом регионе.

Находившаяся в составе Транслейтании, то есть венгерской половины империи, Хорватия тяготилась навязанным ей режимом управления и связывала свои надежды с Сербией. Уже после аннексии Боснии и Герцеговины в Хорватии начались волнения, в ответ на которые правительство провело многочисленные суды. 50 сербов и хорватов были обвинены в измене и заговоре с целью объединить Хорватию с Боснией, Герцеговиной и Сербией. 30 человек, осужденных на каторгу без каких-либо доказательств их вины, апеллировали к высшему уровню судебной инстанции, аннулировавшей приговоры по причине отсутствия достоверных свидетельств. В 1912 г. значительное количество хорватов и сербов, подданных Австро-Венгрии, отправились добровольцами в сербскую армию. Волонтеры приветствовали короля Петра на смотрах криками «Да здравствует наш король!»[1]. Демонстрации симпатий в адрес союзников со стороны славянских подданных Габсбургов были тогда многочисленными[2].

Австро-Венгрия по соглашению с Германией решила предпринять военное и политическое давление на Сербию. Популярнейшим лозунгом окружения наследника престола и партии войны стал «Сербия должна умереть!» (Serben muss sterben!). Империя с 52-миллионным населением всерьез опасалась страны, в которой насчитывалось всего 4,5 млн человек[3]. Возможность избавиться от этих страхов предоставляла или превентивная война против Сербии, в случае если ее удастся ограничить рамками австро-сербского конфликта, или в противном случае превентивная война против России и Сербии. Осознавая возможность войны с Россией при реализации планов подобной агрессии, Берлин и Вена активно готовили общественное мнение к мысли о ее неизбежности. Инициатором кампании был, конечно, старший партнер Австро-Венгрии.

10 (23) февраля 1914 г. начальник штаба Киевского военного округа докладывал начальнику Главного управления Генерального штаба (ГУГШ): «В Германии в настоящее время исподволь начинают подготовлять войска и население к мысли о неизбежности столкновения с Россией. Среди намеченных мер обращает на себя внимание популяризация этой мысли в ряде чтений на соответствующие темы в войсках и общественных аудиториях»[4]. Это было результатом заранее подготовленной и продуманной программы. Австрийцы в этом отношении уступали немцам по уровню организованности и несколько опаздывали. Еще 24 января 1914 г. в Вене прошло совещание высших чинов Военного министерства, на котором рассматривался список первоочередных действий по повышению уровня боеспособности австро-венгерской армии[5]. В нем среди прочих, по донесениям русской разведки, содержалось и такое положение: «Необходимость скорейшего принятия мер, однородных с германскими, для подготовки общественного мнения по вопросу о вероятности участия Австрии в союзной войне против России»[6].

Вскоре союзники перешли к публичным акциям. В германской и австро-венгерской прессе появились многочисленные статьи с призывами к превентивной войне. Начало им положила статья «Русский сосед», опубликованная 9 марта 1914 г. в газете Berliner Tageblatt. Она была посвящена проблеме русской угрозы Австро-Венгрии. Даже британский посол в Германии счел необходимым обратить внимание своего министра на данную публикацию. Утверждения этой статьи действительно достойны упоминания: «Если какая-либо из европейских великих держав нуждается в поддержке мирных тенденций, то это Австро-Венгрия. В каком бы направлении эта монархия ни захотела направить свою армию, ее противник всегда найдет расовую поддержку и симпатию внутри ее собственных приграничных районов. Армия является самым сильным связующим элементом империи и важнейшей поддержкой династии, и события нескольких последних лет убедительно доказали, что армия будет призвана для защиты империи только в наиболее исключительных случаях»[7]. Далее цитировались высказывания князя Отто фон Бисмарка о том, что хотя превентивная война является самоубийством, совершенным из боязни смерти, но обстоятельства таковы, что

цивилизованной Европе необходимо сделать выбор между вооруженной до зубов Россией, готовой в любой момент нанести Coup de Grace Дунайской монархии, и союзом, объединившим это государство с Германией. Статья заканчивалась весьма символично: «В Вене и Будапеште многие пришли к выводу, что ужасный конец лучше бесконечного ужаса»[8].

Подобные заявления появлялись и в других германских газетах, при этом правительство не проявляло желания сдерживать русофобскую кампанию[9]. Впрочем, смысл ее был достаточно очевиден. 31 мая (13 июня) 1914 г. в Государственной думе прозвучала примечательная речь Б. А. Энгельгардта, в которой он заявил, что шумиха в германской и австро-венгерской прессе была необходима этим государствам для оправдания собственных военных расходов. Действительно, штатный состав германской армии увеличился в 1911 г. на 10 тыс. человек, в 1912 г. — на 29 тыс., в 1913 г. — на 117 тыс., таким образом всего на 30%. Законы, принятые в Австро-Венгрии с 1912 по 1913 г., способствовали росту численности армии в мирное время на 210 тыс. человек, то есть на 64%. На фоне этого увеличение контингента новобранцев русской армии в 1914 г. на 114 тыс. человек, то есть на 30%, явно не выглядело угрозой Берлину и Вене[10].

«Я полагаю, — сказал Б. А. Энгельгардт, — что нам нечего обращать внимание на шумиху иностранной печати и на решение Штутгартского съезда (всенемецкий съезд, принявший резолюцию о том, что после окончания Балканских войн возросла угроза войны ввиду подготовки России к нападению на Германию и Австро-Венгрию. — *А. О.*). Нечего нам прислушиваться к успокоительным заверениям дипломатов, успокоительные речи ничего не стоят. Вооружение стоит весьма дорого и, очевидно, надо считаться не с успокоительными речами, а с дорогостоящим вооружением. Глядя на вооружение Германии и Австрии, нам приходится осознать, что и нам необходимо вооружаться. Для того чтобы играть ту роль, которая принадлежит России по праву, она должна иметь армию сильную, и точнее армию сильнейшую, чем у ее соседей, сильнейшую не только численно, но и качественно»[11].

Такова была думская реакция на воинственные настроения в Германии и, по словам германской прессы, в столицах ее союзницы. Этим заверениям можно было верить. 25 февраля (10 марта) 1914 г. русский генеральный консул в Будапеште докладывал поверенному в делах в Вене И. А. Кудашеву: «Газеты, субсидируемые Министерством иностранных дел, вновь начали всячески убеждать своих читателей в агрессивности политики России, приводя в доказательство как те меры, которые действительно принимаются у нас для естественного развития нашей боевой мощи, так и те, которые, по-видимому, измыслены самими газетами. Замечательно, что совершенно в том же духе, хотя и не называя прямо России, решился выступить и венгерский военный министр, защищая новые военные законопроекты перед Палатой магнатов 13 (27) февраля. Ближайшая цель этой кампании ясна — убедить венгерское общественное мнение в необходимости тех тяжелых жертв людьми и деньгами, которые будут возложены на народы монархии с при-

нятием упомянутых законопроектов... Отсюда — стремление сделать войну с Россией и популярной, и желательной, и притом в ближайшее время»[12].

В высшей степени характерно, что союзники России подозревали ее в отсутствии готовности к тому, чего так опасались ее противники. В конце 1913 — начале 1914 г. в прессе союзной Франции появились статьи о военной слабости России, медлительности ее мобилизации и прочем. Одним из инициаторов этой кампании стал французский военный агент в России, с осени 1910 г. информировавший Военное министерство о значительных прогерманских настроениях в России и о том, что она избрала оборонительную стратегию в будущей войне на своих западных границах[13]. Последовала реакция в независимой прессе свободной страны. Примером такого рода французской журналистики может служить статья «Si la guerre eclarait demain? Jl y a la Russie!», опубликованная 23 декабря 1913 г. в «Корреспондант» (Correspondant). Совпадая с проведением очередной подписки на так называемый «русский займ», подобные публикации существенно влияли на курс русских бумаг, да и на отношение к России. Русское посольство и атташат активно следили за происходящим. 9 (22) января 1914 г. военный агент полковник граф А. А. Игнатьев докладывал генерал-квартирмейстеру ГУГШ генералу Ю. Н. Данилову: «Вашему превосходительству небезызвестно, что одним из главных устоев нашего союза является глубокая и слепая вера французского народа в нашу военную мощь и нашу готовность использовать эту мощь в тот день, когда существование Франции будет поставлено на карту»[14].

За двадцать лет, прошедших со времени заключения русско-французского блока, изменилось многое. Начало XX в. было временем приближающейся первой волны разочарования французов в русском союзе, свидетелем которого стал один из его творцов — генерал Н. Н. Обручев. 17 (30) ноября 1902 г. военный министр генерал А. Н. Куропаткин записал в своем дневнике: «Обручев, только что приехавший из Франции, указал, что охлаждение к нам уже замечается. Что социалисты и радикалы, в руках коих теперь находится власть, с недоверием относятся к России, ибо самодержавный режим им ненавистен»[15].

За эти годы Россию начали узнавать, после революции 1905–1907 гг. она во многом утратила популярность, поражение в Русско-японской войне убавило убежденности в безграничности ее силы, тем не менее вера в русскую армию оставалась действенным элементом союза и кредита правительства на французском рынке ценных бумаг. К 1913 г. Россия была должна Франции 17 млрд франков, при этом на внешние государственные займы приходилось 10,616 млрд. Следует отметить, что Франция в качестве торгового партнера России (на 1910 г.: ввоз — на 53,368 млн, вывоз — на 93,7 млн рублей) значительно уступала Германии (на 1910 г.: ввоз — на 440,951 млн, вывоз — на 390,6 млн рублей) и Великобритании (на 1910 г.: ввоз — на 153,547 млн, вывоз — на 314 млн рублей)[16]. У союза с Россией были финансовая подоплека и стратегическая основа, но он практически не имел экономической составляющей. Такая комбинация могла основываться только на чувствах и вере

в Петербург как гаранта безопасности Парижа. Теперь эта вера ставилась под вопрос, во всяком случае частью общественного мнения республики. В немалой степени подъему критики в адрес России способствовало и повышение уверенности в собственных силах — морских и сухопутных, о чем сообщали с 1911 г. русские дипломаты[17].

Не будет преувеличением сказать, что французская печать уделяла пристальное внимание русской армии. В 1909 г. с подачи Министерства иностранных дел и военного ведомства она забила тревогу по поводу упразднения русских крепостей в Царстве Польском, видя в этом и результат влияния немецкой партии при русском дворе, и желание русского генералитета занять пассивную оборону в начальный период будущей войны[18]. Если первое предположение было чистейшей воды фантасмагорией, то второе до известной степени отражало реалии. Русская армия еще не оправилась от проигранной войны и революции и не была готова к активным действиям в случае нового столкновения. В этом и коренилась смертельная опасность для Франции. После боснийского кризиса многие газеты и журналы выступили со статьями, убеждавшими своих читателей, что в армии союзника начались перемены к лучшему и что она уже восстановила свою боеспособность, а в будущем явится гораздо более серьезной силой[19].

В феврале 1912 г. в Москве был собран съезд начальников окружных штабов и генерал-квартирмейстеров, чтобы рассмотреть вопрос о целесообразности и возможности нанесения главного удара по Австро-Венгрии. В 1912 г. ГУГШ не сомневался в том, что в случае войны Германия большую часть своей армии развернет против Франции, оставив на восточных границах небольшие силы для прикрытия. План, предусматривавший возможность обороны на первом этапе войны, устарел[20]. 15 (28) февраля под руководством генерала Я. Г. Жилинского началась работа.

Проект нового плана был представлен начальником штаба Киевского военного округа генералом М. В. Алексеевым[21], это была записка под названием «Общий план действий». В ней он совершенно верно оценил, что глубина австро-итальянского антагонизма исключает вступление Италии в войну на стороне противников Антанты, а кроме того, Германии придется учесть вероятность выступления Англии на стороне русско-французского союза. На основании всего этого генерал делал совершенно правильный вывод о том, что главный удар немецкая армия нанесет против Франции. Он снова предложил нанести главный удар против Австро-Венгрии, выделив для действий против Восточной Пруссии около шести корпусов: «Австрия, бесспорно, представляется нашим основным врагом; по количеству выставляемых сил она же будет опаснейшим противником. Успехи, одержанные против Австрии, обещают нам наиболее ценные результаты; сюда, казалось бы, и следует решительно, без колебаний, направить наши войска»[22].

Совещания шли с 11 часов утра до 7 часов вечера в здании штаба округа без перерыва. «Спасибо еще, что штаб Московского округа расщедрился и дал чаю с бутербродами, а то совсем пришлось бы тяжеловато, — писал на

третий день работы М. В. Алексеев. — Сегодняшним днем я все-таки доволен; то, что пришлось говорить, мысли, которые считал нужным высказать, — приняты и в мере возможного будут приняты к осуществлению, если только военный министр в присутствии командующих войсками присоединится к решениям, принятым сегодня. Доволен вовсе не потому, что принято «мое», но потому, что это подсказывается сутью дела, вытекает из требований разума. Мы еще далеки от смелого размаха и соответствующего решения, все еще сильны останавливаться на половине пути, но и то, что принято, составляет такой шаг вперед в смысле ясности и определенности, что я вправе быть довольным»[23].

В какой-то степени эти предложения были учтены при подготовке к войне, в частности в отношении особого внимания к Галиции. Именно после этого совещания были приняты знаменитые планы «А» и «Г», каждый из которых предусматривал наступление и на австрийском, и на германском направлениях. Даже в случае нанесения основного удара по Германии задачи русской армии формулировались следующим образом: «Наша задача. Обеспечение сосредоточения всех армий в избранных районах, замедляя наступление противника. Вслед за этим — для войск, действующих против Германии, переход в наступление вторжением в Восточную Пруссию, а для войск, действующих против Австрии, вторжение в Восточную Галицию из пределов Киевского военного округа, замедляя наступление австрийцев в пределы Варшавского военного округа»[24]. Задачи плана «А» формулировались более расплывчато, но тоже предусматривали перенос военных действий на территорию противника.

Многое при этом зависело от того, как будет действовать Германия. В распоряжении кайзера была огромная сила: 216 полков пехоты и 18 егерских батальонов (633 батальона), 103 полка кавалерии (510 эскадронов), 94 полка артиллерии (574 батареи). При этом 23 корпуса мирного времени (17 прусских, включая гвардейский, три баварских, два саксонских, один вюртембергский) в случае мобилизации увеличивались еще на два корпуса. В таком случае 58 дивизий полевых войск (714 батальонов, 459 эскадронов, 3948 легких и 388 тяжелых орудий) при поддержке 41 резервной дивизии давали в первую линию германской армии 102 пехотные (1260 батальонов), 11 кавалерийских (597 эскадронов) дивизий, 922 легкие батареи (5532 орудия), 97 тяжелых батарей (388 орудий), всего 1260 тыс. штыков, 89 550 сабель при 2514 пулеметах. Германия имела 4477 тыс. обученных и 5390 тыс. необученных военнообязанных[25].

Неудивительно, что выбор между двумя планами действий русской армии определялся направлением главного удара ее германской противницы. Однако его так и не сделали, и было принято паллиативное решение, предусматривавшее возможность проведения одновременно двух наступлений, при этом на более или менее существенное превосходство в силах русская армия могла рассчитывать только на германской границе. На восточно-прусском направлении, где ожидалась концентрация от 16 до

25 немецких дивизий, предполагалось сосредоточить 30 дивизий (из них 11 второочередных), а на австрийском — 48,5 (из них 13 второочередных), которые могли встретить от 43 до 47 дивизий противника. Кроме того, два корпуса выделялись в армию обеспечения и пять корпусов из Сибири и Туркестана, прибывавших на фронт в последнюю очередь, становились резервом Верховного главнокомандования[26].

18 февраля (2 марта) 1912 г. М. В. Алексеев писал: «В общем совещания наши подходят к концу. Теперь то же самое, но очень старательно предстоит проделать перед иным почтенным собранием. Если ко всему намеченному присоединится военный министр, то я скажу, что время не потрачено даром; кое-какой шаг вперед мы делаем, кое к чему приходим. Лишь бы не прозевали и не упустили весною минуты, если нам весною придется воевать. Но мы так боимся «дерзать», так опасаемся израсходовать раньше времени «грош», что я боюсь и в наших богов не особенно верую. На бумаге — ладно, а чтобы оказалось ладно и в жизни, нужно уметь, как я сказал, «дерзать». Мы разучились делать это»[27]. При этом генералы и в Петербурге, и в Москве не разучились вести себя довольно воинственно и, как это ни странно, не особенно скрывали то, чем они занимались.

Проезжавший через Москву русский посол в Австро-Венгрии встретился с директором архива МИДа в Первопрестольной и счел необходимым с тревогой сообщить С. Д. Сазонову: «Он (то есть князь Львов. — *А. О.*) обратил мое внимание на совещание генералов в Москве, которые изучают мобилизационные планы и совершенно открыто говорят об очень близкой войне с Австро-Венгрией... К сожалению, в Петербурге в военных кругах я также слышал воинственные речи по отношению к Австрии. Говорят слишком много»[28]. Почтенное собрание, о котором писал М. В. Алексеев, должно было рассмотреть проекты будущих начальников штабов Германского и Австро-Венгерского фронтов — генералов Н. А. Клюева и самого М. В. Алексеева. В марте того же 1912 г. они получили указание детализировать выполнение поставленных перед их фронтами задач. Генерал Н. А. Клюев ограничился общими рассуждениями. Важно отметить, пожалуй, его мысль о том, что в первые 12 дней мобилизации, пока не будет выяснена дислокация германских частей и закончено сосредоточение русских, перевозка последних могла производиться вне зависимости от того, какой план принят при начале мобилизации. Сам же он склонялся к принятию плана «А».

Педантичный М. В. Алексеев представил гораздо более детальный проект действий. Он исчислял силу противника в 13 корпусов, из которых семь будут наступать в тыл Варшавского округа в направлении на Люблин и далее на Брест с целью гигантского окружения, о чем, кстати, и мечтал Ф. Конрад фон Гетцендорф. Учитывая превосходство противника в сроках мобилизации, М. В. Алексеев предлагал на первом этапе до сбора главных сил ограничиться обороной и сорвать планы австрийского командования[29], а после этого перейти в контрнаступление с целью разгрома противника в пределах Галиции. Особое внимание он уделял тому, чтобы не дать возмож-

ность австро-венгерской армии отступить на юг к Днестру или на запад к Кракову[30]. Таким образом, фактически предлагалась концепция большого пограничного сражения, успешное завершение которого позволило бы овладеть Карпатами и выйти на Венгерскую равнину.

Париж был информирован о результатах московских совещаний: для французов уже не составляло секрета, что Россия готовится к наступательным действиям в будущей войне[31]. На рубеже 1913–1914 гг. тон французской прессы изменился. «Декабрьские и январские выпуски французских журналов, — отмечал в феврале 1914 г. «Военный сборник», — оживленно обсуждают ту степень содействия со стороны России, на которую Франция может рассчитывать на будущую войну. Нельзя сказать, чтобы ворох статей на эту тему производил особенно выгодное впечатление. Некоторые статьи носят несерьезный, рекламный характер; тон других — неприятен»[32]. Речь шла прежде всего именно о публикации в «Корреспондант», где, в частности, говорилось и о том, что, поскольку именно сейчас Россия нуждается в деньгах, настало наиболее удобное время для «стратегического вымогательства», то есть принуждения русской армии выбрать именно германское направление своим основным стратегическим приоритетом, а русского правительства — к приоритету железнодорожного строительства на западных границах[33].

Необходимо отметить, что военные республики не были столь пессимистичны в оценке состояния русской армии и не столь бесцеремонны в действиях и пожеланиях. При встрече с русским военным агентом во Франции полковником А. А. Игнатьевым генерал Ж. Жоффр счел необходимым высказать свое отношение к подобного рода публикациям и реформам, идущим в русской армии: «У нас не представляют себе, какая огромная работа идет в настоящее время в вашей армии»[34]. Публикации во французской прессе были названы в «Военном сборнике» «клюквой», там содержались столь очевидные ошибки, что армейский журнал не мог не удивиться: «Русская армия имеет столь колоссальное значение для Франции — и французские журналисты ленятся изучать ее хотя бы по немецким справочникам»[35]. В защиту России (и «русского займа») выступил орган финансистов Debats. А. А. Игнатьев счел необходимым передать пожелание русского посла во Франции А. П. Извольского дать отпор «Корреспондант» в «некоторых серьезных органах нашей прессы»[36]. Вслед за союзниками вскоре выступили и противники.

Помощник управляющего делами Совета министров А. Н. Яхонтов вспоминал, что в правительстве обращали внимание на рост воинственных заявлений в германской и австрийской прессе: «Некоторыми немецкими журналистами и писателями настойчиво проводилась мысль о необходимости войны, дабы остановить поступательное развитие мощи России»[37]. Русский посол в Великобритании граф А. К. фон Бенкендорф обращался к С. Д. Сазонову 28 февраля 1914 г.: «Это запугивание войной, производимое германской прессой, — отвратительный и неприятный, если только не

опасный симптом. Лишь бы только русская пресса задерживалась на этом не слишком долго; необходимо дать решительный ответ в течение одного или двух дней. Хочется думать, что так это и будет»[38]. Так оно и случилось. 27 февраля 1914 г. в вечернем выпуске «Биржевых ведомостей» вышла статья, инспирированная военным министром генералом В. А. Сухомлиновым, которая называлась «Россия хочет мира, но готова к войне»[39].

Однако эта статья, утверждавшая, что русская армия полностью готова к будущему испытанию на поле боя, скорее укладывалась в русло германской пропаганды, чем осаживала ее русофобию. Неслучайно «Локаль анцайгер» (Local Anzeiger) перепечатала ее под названием «Россия готова; Франция также должна быть готова». И хотя даже в немецком варианте осталось заявление о том, что ни Петербург, ни Париж не желают войны, реакция германских политических кругов была очень острой[40]. Тем не менее уже 28 февраля (13 марта) статс-секретарь по иностранным делам Готлиб фон Ягов встретился с русским послом в Германии С. Н. Свербеевым и заявил, что германское правительство не поддерживает алармистские настроения своей прессы. В тот же день «Норддойч алгемин цейтунг» (Norddeutche Allgemeine Zeitung) опубликовала заметку, соответствующую его заявлениям, где сообщалось, что Германия не имеет оснований для беспокойства[41]. Тем не менее беспокойство все же демонстрировалось.

Министра иностранных дел Великобритании для разговора по поводу сухомлиновской статьи даже посетил германский посол князь Макс фон Лихновский. Эдуард Грей попытался успокоить его, заявив, что не надо придавать особого значения публикациям газет вроде «Нового времени», где, кстати, вскоре появилась и статья острой антианглийской направленности. Э. Грей, судя по его собственным словам, не обратил на нее внимания[42]. При этом М. фон Лихновский вел себя так, как будто бы вечернему выпуску «Биржевых ведомостей» от 12 марта ничего не предшествовало, в том числе и публикации в «Таймс» статьи «Что это значит?» относительно нападок на Россию в германской прессе, по поводу которой он вынужден был давать объяснения Э. Грею 10 марта 1914 г.[43] Впрочем, князь всего лишь исполнял инструкции. Сам он весьма скептически относился к алармистским настроениям в Берлине, а на тревоги Теобальда фон Бетман-Гольвега отвечал, что слышит рассказы о подготовке России к войне в ближайшее время уже в течение трех десятилетий[44]. Правда, эта точка зрения не относилась к числу распространенных в Германии и Австро-Венгрии.

Один из генералов австрийской армии обратился к подданным империи с призывом собрать на нужды ее обороны 700–800 млн крон. Сделать это было совершенно необходимо для сохранения государства от русской угрозы[45]. С 1868 г., когда в Дунайской монархии была введена всеобщая воинская повинность, по финансовым и другим соображениям только 20% молодых мужчин призывного возраста прошли через службу в армии. Требования экономии привели к тому, что вместо положенных по закону трех лет солдаты часто служили только два года, после чего посылались в

долгосрочный отпуск[46]. С 1873 г. армия Австро-Венгрии крайне слабо финансировалась. С 1890 по 1907 г. военные расходы империи увеличились всего на 35%, в то время как расходы по Министерству внутренних дел — на 102%, по Министерству народного просвещения — на 102%, по Министерству финансов — на 81%, по Министерству торговли и путей сообщения — на 279%, Министерству земледелия — на 111%, Министерству юстиции — на 83%[47].

За десятилетие 1903–1913 гг. рост военного бюджета начался только после аннексии Боснии и Герцеговины в 1908 г., однако и он был недостаточен. В 1907 г. расходы на армию составили 350,486 млн, в 1908 г. — 442,599 млн, в 1909 г. — 523,356 млн крон, но в 1910 г. они уже упали до 366,571 млн и к 1913 г. достигли лишь 430,935 млн.[48] В 1911 г. на семилетнюю программу усиления армии и флота было выделено 200 млн крон, а в 1912 г. генерал Мориц фон Ауффенберг, тогда военный министр, внес проект экстраординарного военного кредита в 250 млн, большая часть которых должна была пойти на перевооружение артиллерии. Но эти проекты не успели получить полную реализацию[49].

Артиллерия австрийской армии состояла из 45 полевых пушечных полков (168 батарей, 1008 орудий), 14 полевых гаубичных полков (56 батарей, 336 орудий). В составе ландвера числилось восемь полевых дивизионов (16 батарей, 96 орудий), восемь конноартиллерийских дивизионов (24 батареи, 96 орудий) и 14 тяжелых гаубичных дивизионов (28 батарей, 112 орудий). Гонвед имел семь артиллерийских полков (36 пушечных батарей, 144 пушки, 10 гаубичных батарей, 40 гаубиц)[50]. Осадная артиллерия состояла из 97 четырехорудийных батарей (388 орудий), в основном это были орудия от 150 до 210 мм, но в 1912 г. благодаря М. фон Ауффенбергу завершались работы над новой 30,5-см мортирой на автомобильной тяге — новейшего и одного из самых мощных орудий своего времени[51].

Армия Австро-Венгрии состояла из 16 корпусов, 33 пехотных, восьми ландверных и семи гонведных пехотных, шести кавалерийских дивизий[52]. Она насчитывала 102 пехотных, четыре тирольских имперских стрелковых, четыре босно-герцеговинских пехотных полка, 28 стрелковых и один босно-герцеговинский стрелковый батальон (всего 467 батальонов)[53], 42 кавалерийских полка (15 драгунских, 16 гусарских, 11 уланских — всего 252 эскадрона)[54]. Австрийский ландвер насчитывал 35 пехотных, два горных, шесть уланских полков[55], дивизион тирольских и дивизион далматинских конных стрелков (41 эскадрон)[56]. Гонвед Венгрии имел в своем составе 28 пехотных полков и одну отдельную Фиумскую роту[57], а также 10 гусарских полков (60 эскадронов)[58]. Число обученных солдат в возрасте от 21 до 34 лет в 1912 г. равнялось 1419 тыс.: из них под знаменами — 297 тыс. (21–23 года), в резерве — 567 тыс. (24–30 лет), в ландвере и гонведе — 403 тыс., два класса ландштурма — 152 тыс. (33–34 года). А вместе со слабо обученными их количество составляло до 2200–2250 тыс. человек[59].

Резко увеличить эту численность было невозможно из-за финансовых проблем. «Явная слабость нашей армии, — вспоминал граф Оттокар фон

Чернин, — отнюдь не была виной отдельных солдат, а, скорее, продуктом всех условий государственного строя Австро-Венгрии. Она была плохо снаряжена и вступила в войну с очень незначительной артиллерией; виноваты в этом ряд военных министров и парламенты»[60]. К 1913 г. расходы подданных Франца-Иосифа на пиво, вино и табак втрое превосходили траты на имперскую оборону. Ежегодно военное обучение проходили 0,29% населения империи, в то время как во Франции — 0,75%, в России — 0,35%, в Италии — 0,37%. Численность австрийской армии мирного времени, составлявшая 27 тыс. офицеров и 442 тыс. солдат, равнялась 0,91% населения страны. В результате к началу войны Австро-Венгрия смогла выставить армию в 2265 тыс. (из них в поле — 1400 тыс., по сравнению с Францией, которая при населении в 37 млн выставила в поле 2150 тыс.[61], а призвала 4 млн) из населения в 52 млн человек[62].

Один из австрийских писателей предвоенного периода, творивший под весьма ярким псевдонимом Кассандер, обращался к своим читателям: «Вооружайтесь, вооружайтесь. Вооружайтесь для решительного боя. Балканы мы должны приобресть. Нет другого средства для того, чтобы остаться великой державой. Для нас дело идет о существовании государства, об избежании экономического краха, который, несомненно, повлечет за собой распадение монархии. Для нас дело идет о том, быть или не быть. Наше тяжкое экономическое положение может быть улучшено только тогда, когда мы приобретем Балканы как исключительную, нам принадлежащую колонию, для сбыта нашего промышленного производства, вывоза излишка населения и нашего духовного перепроизводства. Вооружайтесь, вооружайтесь. Приносите деньги лопатами и шапками, отдавайте последний грош, сплавляйте кубки и серебро, отдавайте золото и драгоценные камни на железо. Предоставляйте ваши последние силы на вооружение неслыханное, какого еще свет не видел, ибо дело идет о последнем решительном бое великой монархии. Дайте ружье в руки отрока и вооружайте старца. Вооружайтесь беспрестанно и лихорадочно, вооружайтесь днем и ночью, чтобы быть готовыми, когда настанет день решения. Иначе дни Австрии сочтены»[63].

Эти призывы не остались не услышанными. На 1914–1915 гг. были приняты бюджет армии в 575 939 415 крон (по сравнению с 430,935 млн в 1913 г.) и бюджет флота в 177 266 710 крон (по сравнению с 143,657 млн в 1913 г.)[64]. Уточненный военный бюджет на 1914 г. был принят только на первое полугодие. При этом всего на сухопутную армию выделялось 632 119 195 крон, из которых почти половина (316,678 млн) пошла на «мероприятия, связанные с Балканскими войнами». У этого бюджета была еще одна особенность: в нем отсутствовало расписание частей с указанием их штатного состава, и цифры расходов не позволяли судить о планируемых мероприятиях[65]. Контекст происходившего становился все более очевиден. Не менее очевидно было и другое: для того чтобы эти расходы привели к кардинальному улучшения положения в австро-венгерской армии, требо-

валось время, и в 1914 г. она входила полностью готовой только к войне с Сербией, но никак не с Россией[66].

Австрийский дипломат граф О. фон Чернин незадолго до войны встретился в столице Турции с послом Австро-Венгрии маркграфом Яношем фон Палавиччини. Этот представитель старой школы австрийского МИДа, много лет проработавший на Востоке, высказал свои опасения по поводу приближавшейся европейской войны. Для того чтобы избежать катастрофы, Австро-Венгрия, по его мнению, должна была отказаться от своей политики на Балканах, особенно в духе графа Алоиза фон Эренталя. Такая жертва могла предотвратить конфликт с Россией. Граф О. фон Чернин передал содержание своего разговора с Я. фон Палавиччини наследнику престола. На Франца-Фердинанда эти слова произвели «сильное впечатление», и он обещал поговорить по этому поводу с императором[67].

Безусловно, часть австро-венгерского политического руководства опасалась войны, но такие люди были в меньшинстве. Пропагандистская вспышка идей превентивной войны в германо-австрийской печати была далеко не безобидной и не случайной, ибо к этому времени уже имелось решение о военной провокации против Сербии. 1 (14) марта 1914 г. русский генеральный консул в Будапеште сообщал в МИД: «Узнаю из секретного источника: на 26 июня назначены четырехнедельные маневры. Запасные офицеры уже получили повестки. Место сбора не указано. Вероятно, маневры будут на юге Венгрии и в Боснии по сербской границе, примут участие четыре корпуса: Рагузский, Загребский, Темешварский и Надь-Себенский в присутствии наследника»[68].

Даже во время боснийского кризиса, в сентябре 1908 г., ежегодные маневры в присутствии Франца-Фердинанда проводились вдалеке от границы — в районе Балатона, и в них участвовал только венгерский гонвед, 90 тыс. солдат и офицеров при 280 орудиях. В сентябре 1909 г. в императорских маневрах принимали участие три корпуса и две кавалерийские дивизии, но они проводились в Моравии. В сентябре 1911 г. маневрировали уже четыре корпуса (10 дивизий) и две кавалерийские бригады, к которым потом присоединилась еще одна дивизия пехоты. Но и эти маневры проводились в глубине австрийской территории — на Дуклинском перевале в Карпатах. Через год маневры проходили в южной Венгрии, на равнине между Тиссой и Трансильванскими Карпатами, и в них участвовали три корпуса и две кавалерийские дивизии[69]. Теперь готовились гораздо более серьезные учения и к тому же на самой границе с Сербией.

Следует напомнить, что четыре армейских корпуса составляли четверть австро-венгерской армии (16 армейских корпусов), ровно столько, сколько планировалось выделить на Minimal Gruppe Balkan, предназначенной для разгрома Сербии. В начале мая в столице Транслейтании были проведены совещания по внешней политике. Наиболее резко выступали против России люди из окружения наследника престола. 6 (19) мая 1914 г. русский посол в Австро-Венгрии Н. Н. Шебеко писал С. Д. Сазонову: «Вышеозначенные

выступления приверженцев эрцгерцога Франца-Фердинанда вместе с целым рядом статей, направленных против России и ее агрессивных будто бы мероприятий, появившихся в последнее время в Reichpost, которая является органом наследника престола, может служить некоторым показателем того настроения, которое господствует в Бельведере и окружающих его военных и клерикальных кругах»[70].

Желая снизить накал противостояния, русский министр иностранных дел 10 (23) мая 1914 г. выступил в Думе с программной речью о внешней политике, в которой подчеркнул отсутствие непримиримых противоречий с соседями. С. Д. Сазонов завил, что союз России с Францией и дружба с Англией крепнут и развиваются. «При этом, — подчеркнул он, — считаю своим долгом отметить, что как с годами исчезло беспокойство, обнаружившееся в первые времена существования Тройственного союза, так теперь надо надеяться, все уже могут спокойно относиться к народившемуся позднее новому сочетанию держав, именуемому Тройственным согласием. Лишенное всякой агрессивности, оно только поддерживает необходимое равновесие в Европе и, как мы видели недавно, всегда готово сотрудничать с Тройственным согласием в общих интересах сохранения мира. Принадлежность к одной группировке, разумеется, не исключает добрых отношений к остальным державам. В частности, мы продолжаем стремиться к поддержанию давнишних дружеских отношений с Германской империей»[71].

Особое внимание в речи было уделено и Австро-Венгрии: «Сделанное недавно в делегациях заявление австро-венгерского Министерства иностранных дел о том, что отношения между Россией и двуединой монархией носят вполне дружеский характер, и выраженная министром надежда, что таковые сохранят этот характер и впредь, соответствуют и нашему взгляду на взаимоотношения обоих государств, а также нашему искреннему желанию поддерживать хорошие отношения с нашими соседями»[72]. Миролюбивые призывы и заявления русского министра остались неуслышанными. В Берлине и Вене готовили новые действия на Балканах, и в качестве цели был выбран Белград.

Планы провокации против Сербии обсуждались 12 июня 1914 г. во время встречи Вильгельма II с эрцгерцогом Францем-Фердинандом в замке Конопиште (Чехия), вскоре после чего наследник австро-венгерского престола отбыл на маневры в Боснию, имевшие самый провокационный по отношению к Сербии характер: их начало было назначено в Видовдан (Видов день) — траурный день для сербов, поминавших героев битвы с турками на Косовом поле в 1389 г. Положение в Боснии и Герцеговине было чрезвычайно сложным. Крестьянство, по преимуществу сербское, бедствовало, между тем именно из этого сословия выходила активная часть местной интеллигенции, стремившаяся получать образование в Белграде и, естественно, ориентировавшаяся в культурном и политическом отношении на Сербию. За 30 лет пребывания под властью Габсбургов в конфессиональной структуре провинции произошли изменения.

К моменту приобретения Веной Боснии и Герцеговины в 1879 г. православные составляли 43% населения (496 тыс.), католики, значительная часть которых еще называла себя сербами, — 18% (209 тыс.), мусульмане — 39% (448 тыс.). В результате политической и экономической эмиграции к 1910 г. процент мусульман снизился до 33%, православных осталось 43%, а количество католиков увеличилось до 23%. При этом абсолютное большинство землевладельцев (91%) и крестьян-собственников (57%) по-прежнему были мусульманами, а большинство арендаторов (74%) — православными. 77% крестьян-собственников владели участками земли менее пяти гектаров. Малоземелье провоцировало эмиграцию за пределы провинции, ее города не могли предоставить возможности трудоустройства — в немногочисленных мелких мастерских работали около 13 300 человек[73].

Переход Боснии и Герцеговины под контроль Вены отнюдь не усилил Австро-Венгрию, а наоборот, создал новую и очень сложную проблему для империи. После подавления восстаний конца 1870-х — начала 1880-х гг. австрийское управление было твердым, но осторожным. Ситуация изменилась после аннексии, вызвавшей раздражение и недовольство. Австрийские власти ужесточили режим военного управления: с 1909 по 1914 г. по обвинению в предательстве и шпионаже под суд в этой провинции были отданы 166 человек. Результатом стала радикализация настроений молодежи. В 1910 г. Боснии и Герцеговине был дарован ландтаг, а при его открытии 15 июня на губернатора Боснии и Герцеговины генерала М. Варешанина было совершено покушение. Стрелявший — Богдан Жераич, серб из Герцеговины, сделал пять неудачных выстрелов, после чего покончил жизнь самоубийством. Поступку Б. Жераича был посвящен памфлет «Смерть героя», призывавший отомстить за него[74].

Сараевское убийство и первая реакция на него

В 1908 г. в ответ на аннексионный кризис в Сербии была основана организация «Народная оборона» («Народна одбрана»), которая действовала как в Сербии, так и в Боснии и Герцеговине. Она ставила перед собой преимущественно культурно-просветительские задачи, но одновременно занималась набором добровольцев в сербскую армию и прочим. В 1909 г. «Народная оборона» была реформирована и стала заниматься исключительно культурной деятельностью. В 1911 г. в Белграде возникла подпольная организация «Объединение или смерть», получившая другое название от своих противников — «Черная рука». Значительную часть ее руководства составили кадровые офицеры сербской армии, участники переворота 1903 г. во главе с полковником Драгутином Дмитриевичем. Многие из них были недовольны последствиями аннексионного кризиса и действовали независимо от правительства. Организация ставила перед собой цель объединения южных славян, включая Боснию и Герцеговину, Черногорию, Македонию, Словению, Хорватию и Старую Сербию, то есть Косово. «Черная рука» вошла в контакт с организацией боснийских революционеров «Молодая Босния» («Млада Босна»). В результате накануне поездки Франца-Фердинанда для покушения на него были отобраны шесть кандидатов, получивших с армейских складов четыре браунинга, шесть бомб, ампулы с цианидом для совершения самоубийства и карту Боснии[1].

Премьер-министр Никола Пашич знал о существовании тайного офицерского общества и не без основания опасался его, но в целом имел о нем смутные представления. Тем не менее сербское правительство сочло необходимым заранее через дипломатические каналы предупредить наследника австро-венгерского престола об опасности поездки в Боснию. За неделю до планируемого начала маневров сербский посланник в Вене Йован-Пижон

Йованович посетил Министерство иностранных дел Австро-Венгрии и сообщил, что у сербского правительства имеются сведения «об интригах в Сараево» и оно рекомендует воздержаться от поездки наследника в Боснию. Эта информация была доведена до эрцгерцога, но он настоял на поездке[2]. Таким образом, эрцгерцог знал об опасности, но не счел необходимым прислушаться к предупреждениям, возможно, принимая их за проявление слабости перед демонстрацией силы. Австрийская провокация удалась, но закончилась трагически, в том числе и для ее организатора. На 28 июня 1914 г. выпадал не только день сербского национального траура, но и годовщина свадьбы австрийского наследника, и поэтому он решил взять с собой жену.

Следует отметить, что по непонятным причинам охрана эрцгерцога была организована из рук вон плохо. В 1910 г., во время визита Франца-Иосифа в Сараево, на улицах, по которым проезжал императорский кортеж, был выставлен двойной кордон из солдат местного гарнизона, кроме того, сотням горожан, находившимся под подозрением у полиции, попросту запретили выходить из дома. В 1914 г. ничего подобного не было. В результате шестеро террористов из организации «Молодая Босния» получили возможность совершить покушение. Первым в машину эрцгерцога бросил бомбу Неделько Чабринович, но она попала в соседнюю машину — в результате был ранен адъютант эрцгерцога. Н. Чабринович попытался совершить самоубийство, но не успел раскусить ампулу с цианидом. Следующее покушение оказалось удачным: Франц-Фердинанд и его супруга графиня София Хотек были убиты в Сараево Гаврилой Принципом, который стрелял в эрцгерцога и губернатора генерала Оскара фон Потиорека, сидевшего в одной машине с наследником, но промахнулся и попал в графиню Хотек. Супруги умерли до приезда врачей[3].

Вслед за этим по Сараево и другим боснийским городам прокатилась волна избиений сербов. Нападениям прежде всего подверглись школы и библиотеки, кроме того, было уничтожено около 200 магазинов и свыше 80 частных домов[4]. Чешская газета «Час» 1 июля 1914 г. сообщала: «Из официальных и частных сообщений известно, что в Сараево, Мостаре и других городах Боснии и Герцеговины прокатились погромы сербского населения. Около сотни сербских лавок и магазинов было разграблено фанатичным хорватско-мусульманским сбродом; здания сербских обществ и школ были разрушены; нападению подверглось и жилище сербского митрополита... Поступают сведения об антисербской резне, о раненых и убитых... Мы не понимаем, как могли возникнуть антисербские насилия... После покушения на улицах Сараево находились войска и должны были быть приняты необходимые меры безопасности... Многим хотелось бы, чтобы сербы были исключены из позитивного политического процесса, но если сербский народ, составляющий относительное большинство Боснии, будет загнан в лагерь врагов империи, пострадают интересы монархии»[5].

Однако в Вене эти интересы понимали по-другому. Там почти сразу же решили использовать это убийство для экзекуции, в пользу которой

высказались начальник Генерального штаба Ф. Конрад фон Гетцендорф и министр иностранных дел граф Леопольд фон Бертхольд, но они нуждались в германских гарантиях. Пятеро участников покушения были схвачены, а шестой бежал в Сербию. На суде Г. Принцип заявил: «Я сын крестьянина и знаю, что происходит в деревнях. Поэтому я решил отомстить и не жалею ни о чем»[6]. Положение кметов, то есть крестьян, арендовавших землю у помещиков-беков, постоянно ухудшалось. С 1880 по 1914 г. число семейств кметов выросло с 85 тыс. до 93 368, причем четыре пятых из них — православные. Арендаторы обрабатывали приблизительно треть всей годной к сельскохозяйственному обороту земли[7]. Г. Принцип знал, о чем говорил: боснийская деревня задыхалась в нищете. Так как на смертную казнь по австрийским законам мог быть осужден только совершеннолетний, а всем покушавшимся было менее 20 лет, суд приговорил Г. Принципа и Н. Чабриновича к 20 годам тюремного заключения, остальные участники получили от 13 до 20 лет[8].

В первые дни после сараевского убийства симпатии европейского общественного мнения в основном были на стороне Австро-Венгрии, тем более что поначалу в действиях ее правительства не наблюдалось ничего, предвещавшего конфликт[9]. Не было поначалу и обвинений в сторону правительства Сербии. «Хотя это отвратительное покушение, — вспоминал Бернгард фон Бюлов, — и было организовано участниками крупного сербского тайного общества, но во всяком случае многое говорило за то, что сербское правительство не подстрекало к этому злодеянию и не хотело его. Сербия была изнурена двумя войнами. Военное столкновение со значительно более сильной австро-венгерской монархией даже самому отчаянному сербу представлялось рискованным делом, к тому же еще с непримиренными болгарами и с ненадежными румынами в тылу»[10]. Не удивительно, что официальный Белград сделал все, чтобы избежать обвинений Вены.

15 (28) июня 1914 г., в Видовдан, в столице Сербского королевства, как и ранее, начались поминальные церковные службы, а вслед за ними торжества и гуляния. Около пяти часов дня было получено известие об убийстве наследника империи Габсбургов. Немедленно распоряжением властей все торжества были приостановлены, закрыты театры и прочее. Король Петр, принц Александр, правительство, скупщина — все отправили в Вену телеграммы с выражением соболезнований[11]. Сделано было все, чтобы не допустить провокаций. Но в Германии, от позиции которой во многом зависело будущее поведение Австро-Венгрии, сомнений не было. 2 июля саксонский военный агент в Берлине доносил в Дрезден: «У меня создалось впечатление, что Большой Генеральный штаб считал бы желательным возникновение войны сейчас»[12]. В отличие от австрийской армии германская была готова к большой войне.

Впрочем, в Вене и не ожидали ее. По свидетельству графа Стефана фон Буриана, в Австро-Венгрии никто вообще не хотел войны, при этом, судя по всему, он имел в виду — не ограниченной Балканами. «Провокации нашей

маленькой сербской соседки, чувствовавшей поддержку своей могущественной покровительницы, — писал он, — были невыносимы»[13]. Австрийская миссия в Белграде за отсутствием повода постаралась найти его. Русское посольство было обвинено в том, что на его флагштоке в день похорон эрцгерцога не был приспущен флаг[14]. Поехавший к австрийскому посланнику Владимиру Гизлю фон Гизленгену русский дипломат Н. Г. Гартвиг скончался от удара, пытаясь убедить своего австрийского коллегу в непричастности сербского правительства к событиям в Сараево[15]. В Белграде немедленно поползли слухи о том, что Н. Г. Гартвиг был отравлен[16]. По свидетельству врача, немедленно вызванного Гизлем фон Гизленгеном (к доктору миссии вскоре присоединились и два сербских медика), русский посланник умер от разрыва сердца, а его австрийский коллега до последнего пытался оказать ему помощь[17].

Сербский посланник в России Мирослав Спалайкович на встрече с С. Д. Сазоновым передал русскому министру просьбу сербского правительства, поддержанную Белградом, — разрешить похоронить Н. Г. Гартвига в сербской столице, «чтобы сербский народ всегда имел возможность чтить память русского дипломата, оказавшего сербам ряд неоцененных услуг». Просьба была удовлетворена, и его погребение состоялось в столице Сербии 1 (14) июля при огромном стечении народа и депутаций от различных городов, общественных организаций, дипломатического корпуса и правительства. В городе был объявлен траур, магазины не работали[18]. По пути процессии дома были украшены траурными флагами, стояли шпалерами войска, за гробом шли наследный принц Александр с братьями, высшие военные и гражданские чины. После отпевания в соборе премьер-министр Н. Пашич сказал: «Сербия сохранит навеки благодарную память о государственном муже, который был с нею душою в тяжелые для нее минуты, и завещает потомкам навеки свято чтить память великого русского патриота, славянина и друга сербского народа»[19].

Мэр Белграда Нестерович, встав на колени перед могилой, сказал: «Пусть будет легка сербская земля твоему праху. Память о тебе никогда не изгладится из сердец сербского народа»[20]. На следующий день состоялось торжественное заседание Городской думы сербской столицы, где было принято решение назвать именем Гартвига одну из улиц Белграда[21]. На надгробный памятник русскому дипломату сербское правительство выделило 100 тыс. франков, и еще столько же было собрано по подписке[22].

Во время похорон, несмотря на слухи о роли, которую сыграл в смерти Н. Г. Гартвига В. Гизль фон Гизленген, соблюдался образцовый порядок, враждебных Австро-Венгрии демонстраций не было[23]. Однако это не помешало представителю Австро-Венгрии столь активно распространять слухи о готовящемся покушении на собственную жизнь, что их пришлось опровергать в прессе[24]. Впрочем, это уже не имело значения. Начальник австро-венгерского Генерального штаба барон Ф. Конрад фон Гетцендорф с самого начала стал активно настаивать на военной экзекуции против Сер-

бии. Он всегда был сторонником военного решения сербской проблемы. Еще во время боснийского кризиса 1908–1909 гг. он считал военную акцию совершенно необходимой, иначе, по его словам, в течение десяти лет монархия могла сократиться до размера Швейцарии[25]. Б. фон Бюлов вспоминал: «Расчет с Сербией, Италией, Россией неизбежен, как проповедовал зимой 1908–1909 гг. барон Конрад фон Гетцендорф. Чем дольше медлят, тем труднее делается положение»[26]. Эту позицию военных разделяли дипломаты.

В любом случае, австрийская игра во многом зависела от позиции Берлина. А там весьма опасались распада Австро-Венгрии, за которым последовали бы распад созданной группировки центральных держав и потеря контроля над дорогой к ресурсам Османской империи. «Уверенность, что день кончины императора Франца-Иосифа будет роковым для всей монархии, — признавался Т. фон Бетман-Гольвег, — была распространена не только среди наших врагов. В Германии также много было толков о предстоящих в таком случае событиях, и печать, в особенности из пангерманского лагеря, ничуть не заботясь о впечатлениях за границей, заранее предъявила широкие претензии на наследство... Если бы посчастливилось развалить Тройственный союз, то на пути пресловутого германского стремления на восток воздвигнуты были бы непреодолимые преграды»[27]. 5 июля 1914 г. состоялась встреча Ф. Конрада фон Гетцендорфа с императором, где в принципе был решен вопрос о войне с Сербией, но многое (сроки и масштаб) зависело от ответа Германии и ее гарантий[28]. Франц-Иосиф смотрел на будущее пессимистически и первоначально отнюдь не был настроен воинственно. Однако его удалось убедить в том, что экзекуция Сербии не вызовет общеевропейского конфликта.

Результатом стало обращение к Вильгельму II с просьбой о поддержке со словами, исключавшими мирный исход кризиса: «Старания моего правительства должны быть отныне направлены к изолированию и уменьшению Сербии... Сербия, составляющая центр панславистской политики, будет уничтожена как политический фактор на Балканах»[29]. О мирном урегулировании в Вене больше никто не думал[30]. Вильгельм II, прервавший свое участие в ежегодной Кильской регате и официальном приеме британской эскадры, 5 июля встретился с австрийским послом графом Ладиславом де Сегени, передавшим германскому монарху письмо Франца-Иосифа и меморандум, составленный еще до сараевского убийства. Последний содержал план новой балканской политики. Вена предлагала способствовать созданию союза Болгарии и Турции под покровительством Германии и Австро-Венгрии, причем в любом случае из состава этой конструкции требовалось исключить Белград. Определенные разногласия вызвала австрийская позиция в отношении Румынии, которую считали ненадежной. В Германии соглашались с этим, но считали необходимым не отталкивать Бухарест[31].

Интересно отметить, что и письмо Франца-Иосифа, и меморандум предусматривали возможность военной акции против Сербии[32]. Этот факт, конечно, объяснял масштабность задуманных Францем-Фердинандом ма-

невров. Германский монарх посоветовал Вене не мешкать с выступлением против сербов[33]. Более того, он признался, что пожалеет, если Австро-Венгрия не использует столь благоприятную возможность, поскольку Россия не готова выступить, а для нейтрализации Румынии будет сделано все, «чтобы король Карл и его советники вели себя как должно»[34]. Кайзер действительно считал, что Россия не готова к войне в финансовом и военном отношении и что Николай II не станет вступаться за «цареубийц». Кроме того, в Берлине надеялись, что Париж будет удерживать Петербург от выступления — во французской армии не хватало тяжелой артиллерии[35]. Решительность Вильгельма объяснялась и его личным отношением к славянам вообще и к Сербии в частности. «Я ненавижу славян, — говорил он позже. — Я знаю, что это грешно. Никого не следует ненавидеть, но я ничего не могу поделать — я ненавижу их»[36].

После этой встречи, по свидетельству германского посла в Турции барона Ганса фон Вангенгейма, в тот же день в Потсдаме было собрано совещание, в котором участвовали министр иностранных дел, военный министр, начальник Генерального штаба, начальник Военного кабинета императора-короля, ряд послов, руководители железных дорог, финансисты и промышленники. Кайзер по очереди спрашивал каждого участника совещания о готовности к войне. Все ответили положительно, кроме финансистов, заявивших, что они нуждаются в двухнедельной отсрочке, для того чтобы продать ценные бумаги за границей и сделать займы. Было принято решение о секретной подготовке к войне, после чего кайзер отправился на яхте к берегам Норвегии, канцлер Т. фон Бетман-Гольвег ушел в отпуск, а остальные вернулись к своим обязанностям. С 5 по 22 июля немцы действительно активно переводили свои ценные бумаги за границей в наличность[37]. Морской министр, участвовавший в этой встрече, в своих воспоминаниях дает весьма двусмысленное описание ее итогов: «На этом совещании было решено избегать мероприятий, которые могли бы возбудить политические толки или вызвать особые расходы. Затем, по совету канцлера, кайзер отправился в ранее намеченную поездку по Северному морю»[38]. «Теперь или никогда», — подвел итог случившемуся Вильгельм II[39].

6 июля, то есть на следующий день после обращения в Берлин, Вена получила заверения в поддержке Германии. Т. фон Бетман-Гольвег заявил: «Австрия должна решить, что ей предпринять, чтобы выяснить отношения с Сербией; но каково бы ни было решение Австрии, она может полностью рассчитывать на то, что Германия будет стоять на ее стороне в качестве союзника»[40]. После этого поворот в сторону жестких и энергичных действий был во многом предопределен. Правда, австрийцы еще колебались, и амплитуда этих колебаний определялась борьбой между министром иностранных дел графом Л. фон Бертхольдом, опасавшимся осложнений, которые вызовет большая война, и Ф. Конрадом фон Гетцендорфом при том, что сам император отнюдь не был настроен воинственно. Противником войны с Сербией и предоставления ей заранее неприемлемого ультиматума был

глава правительства Венгрии граф Иштван Тиса, однако и он изменил свое решение после ответа, полученного из Берлина. Условием своего согласия И. Тиса поставил неприсоединение какой-либо части сербской территории к монархии. Проводя политику мадьяризации славян и румын, он вовсе не желал увеличивать их количество в Австро-Венгрии.

Что касается министра иностранных дел, он с удовольствием дал такое обещание, рассчитывая, что после победы его легко будет нарушить. По австрийским планам Сербия должна была быть сокрушена и ее существованию в качестве крупной балканской державы положен конец. Ее южные территории предполагалось разделить между Болгарией и Албанией, а ядро Сербского государства превратить в австрийский протекторат. Л. фон Бертхольд надеялся, что при самом тяжелом исходе дела ему удастся добиться локализации австро-сербского конфликта. Это означало, что австрийская дипломатия должна была выиграть как минимум три недели для мобилизации своей армии, чтобы та могла молниеносно сокрушить Сербию и сосредоточиться на русской границе. В этом случае Россия, по мнению австрийцев, воздержалась бы от выступления. Таким несколько экстравагантным способом Л. фон Бертхольд готов был спасти всеобщий мир[41].

Идеальные результаты своих действий министр изложил в докладе Францу-Иосифу от 14 июля: «Выработанное сегодня содержание ноты, отправляемой в Белград, таково, что следует рассчитывать на вероятный вооруженный конфликт. Но если Сербия уступит и примет наши условия, то это явится не только глубоким унижением для королевства и одновременно падением русского престижа на Балканах, но даст еще нам и известные гарантии, чтобы задушить великосербские козни на нашей территории»[42]. Судя по многочисленным донесениям послов Англии, Франции, России и Италии в Вене, накануне вручения ультиматума Сербии правящие круги Австро-Венгрии были уверены, что Россия не посмеет вмешаться в конфликт. В этом мнении их активно поддерживали немцы[43].

Оттокар фон Чернин, в это время посланник в Румынии, считал, что австрийский министр иностранных дел не сомневался — война с Сербией, безусловно, вызовет войну с Россией, но и это не останавливало его при условии безоговорочной поддержки со стороны Германии[44]. Ведь она гарантировала быструю и легкую победу, а не длительную и тяжелую войну. О. фон Чернин оценивал расчеты своего МИДа следующим образом: «Для меня не подлежит сомнению, что Бертхольду даже во сне не снилась мировая война в тех размерах, в каких она разразилась, и что он прежде всего был убежден, что война против Франции и России окончится победой. Я думаю, душевное состояние, в котором граф Бертхольд предъявлял ультиматум Сербии, можно отчасти определить следующим образом: или Сербия примет ультиматум, а это означало бы крупный дипломатический успех, или она его отклонит, и тогда война — победоносная, благодаря поддержке Германии, — поведет к возрождению новой, несравненно сильнейшей двуединой монархии»[45].

Во всяком случае, в Вене хватало тех, кто не боялся войны на Балканах. Позиция начальника Генерального штаба исключала возможность мирного решения. При условии начала собственной мобилизации он считал вторжение в Сербию неизбежным, даже если Белград решит уступить в последний момент. Оккупация, выплата военных издержек в случае сопротивления или его отсутствия — только эти меры по мнению Ф. Конрада фон Гетцендорфа могли восстановить влияние Дунайской монархии на Балканах[46]. После вручения паспортов французскому послу в августе 1914 г. граф Александр фон Гойос, начальник канцелярии МИДа Австро-Венгрии, почти дословно повторил доводы начальника Генерального штаба в пользу войны. «Поверьте мне, — сказал он, — мы не могли поступить иначе. В Сербии, России, во всех славянских странах и некоторых других установилось убеждение, что Австро-Венгрия разлагается и что полный развал ее только вопрос трех-четырех лет. Лучше ускорить катастрофу, чем терпеть, чтобы нас считали обреченными. Нас поставили перед необходимостью доказать, что мы еще способны на мощное проявление энергии. Но знает Бог, что мы хотели бы избавить Европу и нас самих от кризиса, в котором мы теперь очутились». Раймонд Пуанкаре, прочитав отчет об этой встрече, записал: «Другими словами, монархия Габсбургов считала себя погибшей и поэтому ускорила события и сыграла ва-банк»[47].

С развитием кризиса опасения не покидали Франца-Иосифа, но и эти страхи исключали возможность мирного исхода в отношениях с Сербией. «Если монархия должна исчезнуть, то по крайней мере она должна исчезнуть с достоинством», — сказал император в конце июля 1914 г. начальнику Генерального штаба Ф. Конраду фон Гетцендорфу[48]. Однако как только война вышла за границы австро-сербского конфликта, надежд на достоинство становилось все меньше, а гибель монархии — все ближе. Бернгард фон Бюлов вспоминал: «Император Франц-Иосиф не хотел войны, и он знал почему. Он вел в 1859 г. войну за Италию — Италия была потеряна. В 1866 г. он вел войну за Германию — гегемония в Германии была его династией утрачена. Темное предчувствие подсказывало ему, что если в течение его царствования ему в третий раз придется воевать — на этот раз из-за балканских вопросов против югославянских притязаний, — то эта война может стать последней войной для Габсбургов и для старой Австрии. Осенью 1914 г., сейчас же после объявления войны, император сказал своему другу госпоже Екатерине Шратт: «Я буду рад, если мы выйдем только с одним подбитым глазом»[49]. К словам Бюлова необходимо добавить то, что в двух войнах, которые Габсбурги вели за пределами Германии, первично их противник — Пьемонт и Сербия — был гораздо слабее Австрии, но к нему присоединялась сила, в столкновении с которой рассчитывать на успех Вена не могла. Чувство обреченности не покидало Австро-Венгрию. Гораздо увереннее австрийцев были их союзники, которые не боялись выхода войны за пределы Балкан.

12 июля Г. фон Ягов известил М. фон Лихновского о возможности австро-сербского конфликта и желании Берлина локализовать его на Балканах.

Послу поручалось приложить максимум усилий и повлиять на британскую прессу с тем, чтобы она заняла антисербские позиции и особо постаралась «избежать всего, что может произвести впечатление, что мы подталкиваем австрийцев к войне»[50]. «Я уже попытался конфиденциально и осторожно вступить в контакт с общественным мнением в предложенной мне манере, — отвечал посол 14 июля, — но ввиду хорошо известной независимости местной прессы я не могу обещать особого успеха в результате такого рода влияния. Навесить на весь сербский народ ярлык нации мошенников и убийц, как пытается это сделать «Локаль анцайгер» — это довольно сложная задача. Еще более сложно будет поставить сербов на один уровень с арабами Египта или индейцами Мексики, как это делает один официальный персонаж в интервью с венским корреспондентом «Дейли телеграф». Скорее, следует предположить, что как только Австрия приступит к насильственным мерам, симпатии народа здесь немедленно и решительно повернутся в сторону сербов, и убийство эрцгерцога, который по причине своих клерикальных настроений не был особо популярен в этой стране, будет рассмотрено как простой повод, который используется для удара по неудобному соседу»[51]. К предупреждениям предпочли не прислушиваться.

Вообще, в это время возможность вступления в войну Великобритании большинством германских политиков не предусматривалась. Правда, немецкий посол в Лондоне предупреждал свое Министерство иностранных дел, что Англия ни при каких условиях не допустит нового разгрома Франции и полного уничтожения равновесия сил на континенте. Он сравнивал значение Франции для Англии со значением Австро-Венгрии для Германии, но к его точке зрения не особо прислушивались[52]. «Будьте немного более оптимистичны в оценке наших английских друзей, — писал ему 26 февраля 1914 г. Г. фон Ягов. — Я склонен думать, что Вы иногда слишком мрачно смотрите на вещи. Это относится также к Вашему мнению, что в случае войны Англия обязательно примет сторону Франции. В конце концов, мы не зря построили наш флот, и я убежден, что в случае войны Англия самым серьезным образом задумается о том, так ли уж легко и безопасно играть роль ангела-хранителя Франции против нас»[53].

Расчеты Берлина на нейтралитет Лондона в войне, казалось, не были лишены основания. Создавалось впечатление, что с весны 1913 г. позиции Великобритании и Германии неуклонно сближались. В феврале 1913 г. Берлин и Лондон начали обсуждение возможности приостановления гонки военно-морских вооружений, так называемых «каникул», которые должны были установить пропорцию между английским и германским флотами в соотношении 16:10 или 8:5. Даже А. фон Тирпиц счел это предложение приемлемым[54]. Между тем английские государственные деятели не скрывали того значения, которое они придавали данной проблеме. «Германский флот, — передавал 30 апреля 1913 г. М. фон Лихновский слова, сказанные ему первым лордом Адмиралтейства Уинстоном Черчиллем, — является единственным препятствием на пути настоящего доверительного взаимо-

понимания между двумя странами, так как путем создания наших военно-морских сил к жизни вызвано нечто, подобное второй Эльзас-Лотарингии; вопрос, который разделил две нации почти так же, как две упомянутые им провинции препятствовали сближению между Германией и Францией»[55]. Эти слова в целом соответствовали и взглядам германского посла, который пытался убедить свое правительство, что усиление «флота Высоких морей» попросту заставляет Лондон искать континентального союзника. Переговоры по военно-морской проблеме создавали основания для сближения в других вопросах.

Германия и Великобритания сумели установить довольно продуктивный диалог по вопросу о миссии о. Лимана фон Сандерса. Британскими политиками с удовлетворением была принята речь Т. фон Бетман-Гольвега в рейхстаге 9 декабря 1913 г., в которой он говорил об однородности основных идей германской и британской политики в отношении будущего развития Турции[56]. Еще ранее, 20 октября 1913 г., в Лондоне М. фон Лихновским и Э. Греем был составлен проект конвенции о возможном разделе в будущем португальских колониальных владений в Восточной и Западной Африке, при этом в зону преимущественного германского влияния должна была попасть значительная часть Анголы. Португальская республика, образовавшаяся после революции 1910 г., была далека от стабильности, и сигналом к приведению англо-германского договора в действие должны были стать или волнения в колониях, или обращение Лиссабона за финансовой помощью. Ситуация усложнялась тем, что Португалия со времени Виндзорского договора 1386 г. (в очередной раз продленного в 1899 г.) была союзником Англии, а та, в свою очередь, гарантировала целостность ее владений. Несмотря на это, в начале лета 1914 г. Германия и Англия, казалось, вплотную подошли к подписанию данного соглашения[57].

В апреле 1914 г. король Георг V посетил Париж. Сопровождавший его Эдуард Грей отказался дать гарантии выступления своей страны в случае войны. «Если бы Франция подверглась действительно агрессивному нападению со стороны Германии, возможно, общественное мнение Англии оправдало бы действия правительства по оказанию помощи Франции. Но Германия едва ли замышляет агрессивное и угрожающее нападение на Россию; и даже если бы такое нападение последовало, публика в Англии склонилась бы к мнению, что хотя вначале Германия, быть может, и добилась бы некоторых успехов, ресурсы России настолько велики, что в конечном итоге силы Германии истощились бы даже в том случае, если бы мы не оказали помощи России»[58]. Сразу же после возвращения в Лондон Э. Грей и Г. Асквит несколько раз повторили свои заявления, сделанные месяцем ранее, о том, что Англия не связана секретными договорами с правительствами каких-либо стран на случай европейской войны[59]. Германский посол в Лондоне, докладывая об этом 18 мая 1914 г. в МИД, счел необходимым снова подчеркнуть невозможность повторения событий 1870–1871 гг.: «В том случае, когда отношения ясны, нет необходимости в формальных обязательствах или

письменных договорах»[60]. Впрочем, в Берлине не прислушивались к такого рода предупреждениям, определенные надежды там вызывала и традиция англо-русского противостояния.

Постоянные ссылки британских политиков на общественное мнение своей страны, в целом не симпатизировавшей сближению с Россией, не были беспочвенными. Оно стояло непреодолимым барьером на пути полноценного англо-русского союза до войны, которая вряд ли была возможной, если бы Берлин имел уверенность в том, какую позицию займет Лондон[61]. Что касается отношения к России, то наиболее искренно высказался по этому вопросу после Первой мировой войны Дэвид Ллойд-Джордж: «В английском народе русское самодержавие было почти так же непопулярно, как теперь большевизм. Мы отождествляли самодержавие в России с сибирскими тюрьмами для политических заключенных, с погромами беззащитных евреев, с расстрелами рабочих, единственным преступлением которых было представление петиции императору по поводу причиненной им несомненной несправедливости»[62].

С другой стороны, в результате германо-английского сближения стала возможной и организация дружественного визита британской эскадры в Киль, к обсуждению планов которого приступили сразу же после возвращение Георга V из Франции. Впервые за 19 лет, прошедших после знаменитого набега Леандра Джемсона, Лондон принял приглашение кайзера Вильгельма посетить ежегодную регату в Киле, и в июне 1914 г. британская эскадра из четырех дредноутов нанесла визит вежливости германским морякам[63]. Одновременно четыре английских линейных крейсера под командованием адмирала Дэвида Битти были гостями Кронштадта. На обратном пути в Финском заливе их провожал на яхте «Штандарт» сам император, только что вернувшийся из плавания по Черному морю[64]. В британском Министерстве иностранных дел царила безмятежность[65]. С очевидной целью не нарушать оную, М. фон Лихновский умолял свое правительство только об одном — воздержаться от театральных жестов при приеме английских моряков, поскольку подобные приемы могли вызвать в Лондоне раздражение. «Наши отношения с Англией, — писал немецкий посол, — хороши настолько, насколько это вообще возможно. Требовать большего было бы и глупо, и опасно... Здесь, как при дворе, так и в политических кругах, хотят как можно более длительного спокойствия и готовы сотрудничать с нами на этой основе»[66].

Возможность выступления России в случае австро-сербской войны в Германии оценивалась очень низко. Идеолог активной политики Готлиб фон Ягов считал, что чем более энергично Германия поддержит Австро-Венгрию, тем быстрее отступит Россия[67]. 18 июля он писал, что время работает против Вены, и она не должна упускать шанс, потому что через пару лет, возможно, уже не будет в состоянии действовать столь энергично[68]. Германский МИД, по его словам, не пугала и перспектива большой войны: «Если локализация конфликта не сможет быть достигнута и Россия

атакует Австрию, в силу вступает casus foederis, и в таком случае мы не можем пожертвовать Австрией»[69]. Как показали дальнейшие события, немцы оказались способны развязать войну и без русского нападения на Австрию, которое привело бы в действие союзнические обязательства. Однако во второй половине июля в Германии все же были склонны думать, что Россия слишком слаба, чтобы позволить себе выступление. Это мнение разделялось в Берлине многими[70].

«Германские дипломаты, — вспоминал князь Г. Н. Трубецкой, — воображали себе, что Россия накануне революции и что малейшего внешнего осложнения достаточно, чтобы внутри империи вспыхнули крупные беспорядки... Как раз перед австрийским ультиматумом в Петербурге происходили стачки рабочих, отчасти поощрявшиеся бездеятельностью полиции. Эти беспорядки еще больше укрепили германского посла в мысли, что Россия воевать не будет. Справедливость требует признать, что сам Пурталес старался, насколько это от него зависело, действовать примирительно»[71]. Подобные рассуждения представителей Берлина, казалось, были небезосновательными. С 1912 г. в России опять начался резкий рост забастовочного движения. Многое свидетельствовало о близости нового политического кризиса. Не только у противников, но и у союзников России были серьезные сомнения относительно ее внутренней стабильности. Полковник Морис Жанен, работавший в 1910–1911 гг. в Николаевской академии Генерального штаба для обмена опытом с французской Ecole Superieure de Guerre и имевший обширные знакомства среди русских военных, также считал, что в случае войны революция в России неизбежна. В 1913 г. он даже составил специальную записку об этом на имя генерала Н. Кастельно[72].

Если в 1910 г. в стране прошло всего 226 забастовок (из них только восемь политических), в 1911 г. — 466 забастовок (из них 24 политические), в 1912 г. — 2032 забастовки (из них 1300 политических), в 1913 г. — 2404 забастовки (1034 политические), то за довоенные месяцы 1914 г. — уже 3534 забастовки (из них 2565 политических). Количество бастовавших рабочих выросло с 46 623 человек в 1912 г. до 1 337 458 человек в 1914 г.[73] Забастовочная активность нарастала в 1914 г. и в русской столице: только за первую половину года на Путиловском заводе — своеобразном индикаторе настроений Выборгской стороны — прошло около 60 стачек, то есть приблизительно по одной каждые три дня. При этом стачки путиловцев иногда сопровождались попытками насильственно воспрепятствовать работе соседних заводов[74].

Позиция Фридриха фон Пурталеса по отношению к грядущей реакции русского общества соответствовала и предвоенным замыслам немецких военных, ставивших еще в 1913 г. перед своей разведкой задачу возбуждения в случае войны беспорядков на севере Африки и в России[75]. Кроме того, германское политическое руководство таким же образом надеялось осуществить обострение ирландского вопроса. Как известно, эти расчеты потерпели в 1914 г. крах. Но и в 1914, и в 1915, и в 1916 гг. германская военная разведка прилагала огромные усилия для вовлечения в войну Афга-

нистана, Персии и мусульман Британской Индии и Французской Северной Африки. Германский посол в Турции Ганс фон Вангенгейм так долго уверял своего монарха в том, что все, исповедующие ислам, являются друзьями кайзера, что в Берлине начали в это верить. Кроме того, ни для кого не было секретом, что Германия щедро оказывала помощь оружием и деньгами ирландским революционерам «Шинн Фейн» в организации восстания в апреле 1916 г. в Дублине[76]. Так что немецкая позиция в отношении России не была избирательной.

Перспектива войны с Францией и Россией не страшила Берлин. И русская, и французская армии еще не закончили свое вооружение. Что касается германского флота, то он превосходил французский и русский. Кроме того, начавшаяся в 1909 г. модернизация Кильского канала была завершена 24 июня 1914 г. Теперь немцы могли перебрасывать свои дредноуты из Балтики в Северное море по внутренним коммуникациям[77]. Германская армия была готова к осуществлению «плана Шлиффена» — плана действий, основанного на меморандуме начальника Большого Генерального штаба от 28 декабря 1905 г.[78] Этот документ стал результатом проведенной Альфредом фон Шлиффеном в ноябре — декабре того же года военной игре, основанной на том, что Германии придется вести войну с коалицией Англии, Франции и России.

«Хотя невероятна или, лучше сказать, даже невозможна в действительности эта обстановка, — подводил итоги игры генерал, — все же она представляет достаточный интерес, чтобы ее рассмотреть. В сущности, в ней мало нового. В течение почти 20 лет мы живем в ожидании войны на два фронта. Сорок лет уж как все более и более нас уверяют, что к двум театрам военных действий — Восточному и Западному может быть прибавлен теперь и Северный (имеется в виду возможность высадки английского десанта в Ютландии. — *А. О.*). Уже давно нельзя рассчитывать на то, чтобы Италия оказала нам существенную поддержку и удержала бы в пограничных Альпах значительную часть сил Франции. На другом фронте можно рассчитывать, как это принималось и раньше, что Австрия примет на себя часть вооруженных сил России. При этих условиях мы должны считаться со всеми вооруженными силами Франции, не рассчитывая на удержание части их Италией, со всеми европейскими силами Англии и значительной частью русских сил»[79].

Игра выявила абсолютную невозможность для Германии наступательных операций на двух стратегических направлениях одновременно: «Если нам действовать активно против обоих противников и наступать одной армией на Москву, а другой — на Париж, то даже в наиблагоприятнейшем случае мы очень скоро очутимся в том положении, которое Клаузевиц называет стратегическим параличом»[80]. Из двух направлений именно русское, по мнению А. фон Шлиффена, не предоставляло возможностей для быстрого и решающего успеха: «Нельзя вести войну так, как это было в Маньчжурии, то есть гнать медленно противника от одной позиции к другой, месяцами

лежать друг против друга в бездействии, пока, наконец, оба измученных противника не решатся заключить мир. Надобно в возможно скорейший срок разделаться с одним из противников, чтобы иметь свободные руки для действий против другого»[81].

Разработанный на основе этих положений план предусматривал возможность победоносной для Берлина войны на два фронта, при которой вначале будет разгромлена Франция, а потом вся сила Германии обрушится на Россию. Германская армия должна была использовать примерно 40 дней от начала мобилизации (которые, по расчетам А. фон Шлиффена, потребовались бы русской армии для завершения сосредоточения) для обхода через Бельгию (первоначально планировалось и нарушение нейтралитета Голландии — в 1905 г. план строился на использовании бельгийских и голландских железных дорог) линии пограничных французских крепостей (Верден — Туль — Эпиналь — Бельфор), протянувшихся на пространстве в 200 км вдоль франко-германской границы, и взятия Парижа[82]. Затем основные силы французской армии должны были попасть в гигантское окружение и быть оттеснены к границе со Швейцарией. «Непременно надо попытаться, — писал германский генерал, — наступлением против левого фланга французов оттеснить их в восточном направлении на их мозельские крепости, на Юру и Швейцарию. Французская армия должна быть уничтожена. Главное для развития всей операции — это образовать сильное правое крыло, с помощью его выигрывать сражения и безостановочным преследованием посредством именно этого сильного крыла все время принуждать противника к отходу»[83]. А. фон Шлиффен был убежден, что кратковременная война является непременным условием окончательной победы Германии, и предполагал возможность войны исключительно против Франции.

В конечном итоге документ, известный как «план Шлиффена», получил название «Война против Франции» и не рассматривал возможности действий против России. К мысли о том, что Германия будет вести коалиционную войну против Франции, России и, вероятно, Англии, в Большом Генеральном штабе пришли после боснийского кризиса, и вскоре это стало убеждением[84]. Обеспечением молниеносного успеха в кампании против Франции считались правильное распределение сил на направлении главного удара и огневая мощь, которая сделает возможными активные действия немцев на второстепенном направлении.

Даже после своего ухода в отставку А. фон Шлиффен постоянно обращал внимание на эти требования. В январе 1909 г. в журнале «Немецкое обозрение» была опубликована его статья «Современная война», где излагалась основная идея знаменитого плана начальника Большого Генерального штаба Германии. В статье, в частности, утверждалось: «Русско-японская война доказала, что открытое наступление на неприятельский фронт, несмотря на все трудности, может быть успешным. Но даже в лучшем случае результат такого наступления бывает ограниченным. Противник, конечно, будет оттеснен назад, но через некоторое время он повторит в другом

месте временно прерванное сопротивление. Кампания затянется. Между тем подобные войны невозможны в такое время, когда существование народа обусловлено непрекращающимся развитием промышленности и торговли и когда быстрым решением нужно снова пустить в ход остановленный колесный механизм (торгово-промышленной жизни). Недопустимо проводить стратегию изнурения, когда содержание миллионов требует миллиардных расходов. Чтобы добиться решительного и сокрушающего результата, необходимо вести наступление с двух или трех сторон, то есть с фронта и одного или обоих флангов. Такое наступление относительно легче производить тому, кто обладает численным превосходством. Но при современных условиях трудно рассчитывать на такое превосходство сил. Необходимые средства для сильного флангового удара могут быть получены лишь при условии, если силы, направляемые против неприятельского фронта, будут возможно более слабы. Но как бы слабы они ни были, они не должны ограничиваться тем, чтобы «развлекать» противника огнем, открываемым издали, из укрытого места расположения, и тем «сковывать» противника. Во всяком случае, фронт (противника) должен подвергаться атаке, то есть необходимо двигаться «вперед» также и против фронта. Для этого изобретено дальнобойное и скорострельное ружье, могущее заменить много прежних ружей и удовлетворить всем требованиям при наличии лишь соответствующего количества боевых припасов. Вместо того чтобы нагромождать резервы позади фронта, которые пребывают в бездействии и не попадают к решительному пункту, лучше позаботиться о доставке обильного количества боевых припасов. Патроны, подвозимые на грузовиках, представляют собой самые лучшие и надежные резервы. Все войска, которые прежде задерживались позади и которым должно было достаться решение, ныне должны быть сразу введены в дело для флангового наступления. Чем могущественнее силы, стянутые туда, тем решительнее совершится наступление»[85].

Именно в январе 1909 г., в момент развития боснийского кризиса, произошел интенсивный обмен взглядами на характер действий в будущей войне между австро-венгерским и германским Генеральными штабами. Мольтке-младший, полностью солидаризируясь с мнением А. фон Шлиффена о необходимости решительного наступления на направлении наибольшей опасности, поддержал идею основного удара австрийской армии по России. На письме Ф. Конрада фон Гетцендорфа от 1 января 1909 г. он сделал следующую помету относительно Сербии: «Второстепенного противника надо и расценивать как второстепенного»[86]. 21 января Ф. Конрад фон Гетцендорф получил ответ на свое письмо. Берлин согласился распространить свои союзнические обязательства не только на защиту собственно Австро-Венгрии от нападения, но и на возможное вмешательство России в австро-сербские отношения[87]. «В тот момент, когда Россия мобилизуется, — писал Г. фон Мольтке, — Германия также проведет мобилизацию и, бесспорно, мобилизует всю свою армию»[88].

В вопросе о ее использовании Г. фон Мольтке не был чересчур откровенен и не посвящал коллегу в подробности, но основные идеи плана действий немцев были все же изложены: «Если дело дойдет до войны, то я придерживаюсь того мнения, что большие цели должны стоять впереди малых, и следовательно, разгром Франции и России должен предшествовать всем остальным мероприятиям. Если эта большая цель будет достигнута, тогда для Австро-Венгрии сам по себе благополучно разрешится и сербский вопрос»[89].

В том же 1909 г. на встрече с Мольтке-младшим Ф. Конрад фон Гетцендорф получил общую информацию о плане А. фон Шлиффена: Франция должна была быть разбита в течение шести недель, после чего основные силы немцев были бы переброшены на восток. Конрад полагал, что на 12-й день мобилизации его силы встретят 31 русскую дивизию, а на 30-й день — 52. 19 марта 1909 г. Мольтке, отвечая на запрос Конрада, дал согласие на то, что еще до победы во Франции немцы предпримут демонстрацию из Восточной Пруссии в направлении реки Нарев на 24-й или 25-й день мобилизации для отвлечения внимания от австро-венгерского наступления с юга между Вислой и Бугом. При этом он подчеркнул, что основной задачей 13 немецких дивизий в Восточной Пруссии останется оборона[90].

Выполнение обещания, данного Г. фон Мольтке Ф. Конраду фон Гетцендорфу, было связано с огромными проблемами. Без существенной коррекции в распределении сил между французским и русским вариантами реализация планов наступления в направлении на реку Нарев находилась под вопросом, а точнее — была практически невозможной[91]. Мольтке остался верен основной стратегической идее своего предшественника: «*Вся* Германия должна броситься на *одного* противника, на того, кто является более могущественным и более опасным (выделено автором. — *А. О.*)». В мае 1914 г. при личной встрече Мольтке снова заверил своего австрийского коллегу, что германские войска разобьют Францию за шесть недель и сразу же после этого начнется их переброска на восток[92].

В итоге от соблазна удара по основанию польского выступа, то есть Царства Польского, в начале войны германское командование отказалось: «Мешок был дан природой, и можно было ожидать, что из этого мешка русские своевременно не ускользнут. Таким образом, дело заключалось в том, готовы ли были русские принять решительное сражение между Ковно и Варшавой, а также между Ивангородом и Ровно и биться до конца. Конечно, австро-венгерское высшее командование пошло бы с радостью на общее большое наступление, но, несмотря на это, генерал Конрад фон Гетцендорф на нем не настаивал, так как он должен был понимать, что выгоднее, чтобы германцы сначала добивались решения против Франции. «Судьба Австро-Венгрии решится не на Буге, но на Сене», — таково было мнение графа Шлиффена»[93].

Ф. Конрад фон Гетцендорф сделал из сказанного в мае 1914 г. правильный вывод: «Следовательно, мы должны по крайней мере в течение шести недель подставлять свою спину России»[94]. Тем не менее австрийцы предпо-

читали сначала расправиться с Сербией, а потом сосредоточить все свои силы на русском фронте. Главной своей задачей начальник Генерального штаба Австро-Венгрии видел разгром Сербии и надеялся осуществить его до того, как Россия окажется в состоянии вмешаться. По его расчетам, обстановка была тяжелой, но не безнадежной[95]. План действий предполагал сбор 30 дивизий (A-Staffel) в Галиции, еще 10 дивизий (Minimal Gruppe Balkan) выставлялись против Сербии, а 12 дивизий (B-Stuffel) предназначались для поддержки одной из двух группировок в зависимости от развития ситуации. Поскольку резерв формировался в Венгрии, он не мог быть достаточно быстро переброшен ни к русской, ни к сербской границе, но в июле 1914 г. его предполагали использовать на Балканах[96].

Июльский кризис и начало Первой мировой войны

3 (16) июля 1914 г. русский посол в Австро-Венгрии известил МИД о том, что в ближайшее время правительство Дунайской монархии намеревается выступить в Белграде с особыми требованиями, связав вопрос о сараевском убийстве с сербской агитацией в пределах империи. Австрийцы рассчитывали на невмешательство России и поддержку своих южнославянских подданных. Император Николай II отреагировал на это сообщение следующим образом: «По-моему, никаких требований одно государство предъявлять не должно другому, если, конечно, оно не решилось на войну»[1]. Его оценка оказалась верной. По свидетельству генерала В. Н. Воейкова император Николай II считал активизацию политики Вены на Балканах прямым следствием провокационной позиции Вильгельма II: «Одним из оснований для такого мнения государя служили донесения, в которых явно указывалось на подготовку мобилизации германской промышленности; из коммерческих же кругов в течение первой половины года поступали сведения о весьма интенсивной работе по приобретению Германией сырья и требовании ею возможно скорой уплаты по кредитам за различные поставки в Россию»[2].

Германский статс-секретарь по иностранным делам Г. фон Ягов, не без влияния своих ближайших сотрудников А. Циммермана и В. фон Штумма, предполагал, что изолированный конфликт на Балканах вполне возможен. Россия, по мнению германских дипломатов, не хотела войны, а без России, по немецким расчетам, английское выступление было невозможным. Однако это вовсе не означало, что угроза войны в будущем не пугала Вену и Берлин. Г. фон Ягов опасался, что миролюбие России изменится с выполнением военных программ: «Тогда она сокрушит нас числом своих солдат; тогда она построит свой Балтийский флот и железные дороги»[3]. Очевидно, что это и стало основной причиной появления самых жестких обвинений

по отношению к Сербии, которые, по словам Э. Грея, являлись «выводом, который не мог быть принят без доказательства»[4]. В Вене и Берлине вряд ли могли сомневаться: Петербург не хотел войны и не мог допустить разгрома Сербии. Русский МИД ясно дал понять это еще во время предшествующих кризисов на Балканах[5]. Россия стояла перед неразрешимой задачей, и все последующие события доказали это.

5 (18) июля австрийский посол в России граф Фридрих Сапари встретился с С. Д. Сазоновым и поручился ему «за миролюбие своего правительства». Тем не менее поступавшие в русский МИД сообщения вызывали опасения. С. Д. Сазонов оказался перед сложной дилеммой: демарш в Вене с советом воздержаться от военных действий против Сербии мог быть истолкован как угроза и только ухудшить обстановку. Тем не менее 9 (22) июля русскому послу в Австро-Венгрии была отправлена телеграмма: «Благоволите дружески, но настойчиво указать на опасные последствия выступления Австрии, если оно будет иметь неприемлемый для достоинства Сербии характер. Французскому и английскому послам в Вене поручается преподать советы умеренности»[6]. Дружеские советы не помогли.

9 (22) июля «Биржевые ведомости», ссылаясь на своего корреспондента в Вене, сообщили читателям, что в ближайшие дни следует ожидать вручение австро-венгерской ноты Сербии: «Австрийская нота будет вежливой по форме, но энергичной по существу... Австрийская нота будет носить ультимативный характер, причем Сербии будет дано 48 часов для ответа»[7]. В шесть часов вечера 23 июля австрийский посол в Белграде барон В. Гизль фон Гизленген предъявил сербскому правительству ультиматум неслыханной жесткости, принятие которого нарушило бы сербский суверенитет[8]. Этот документ получил безусловное одобрение со стороны германской дипломатии и общественного мнения. С юридической точки зрения, требования Вены выглядели явным нонсенсом: формально Австро-Венгрия решила наказать Сербию за преступление австрийского подданного сербской национальности. Что касается покушений, то с 1912 г. и сербы, и хорваты, и босняки-мусульмане неоднократно покушались на жизни высокопоставленных австрийских чиновников и членов императорской фамилии, не исключая и самого Франца-Иосифа[9].

Однако тогда Вена и Берлин не были еще готовы к большой войне, а потому не последовало такой единодушной реакции на покушениями. «Все утренние газеты [без различия оттенков] относятся очень сочувственно к решительному тону, принятому Австрией, — докладывал 11 (24) июля 1914 г. русский поверенный в делах в Берлине, — даже и те немногие, которые признают неприемлемость для Сербии поставленных ей условий. Особенно резок [полу]официозный «Локаль анцейгер», который говорит, что обращение Сербии в Петербург, Париж, Афины и Бухарест излишни, и заканчивает, что немецкий народ вздохнет свободно, узнав, что наконец станет ясным положение на Балканском полуострове»[10]. В тот же день на заседании венгерского парламента действия Министерства иностранных

дел получили полную поддержку как со стороны главы правительства Венгрии графа Иштвана Тисы, так и со стороны главы оппозиции графа Дьюла Андраши[11].

Узнав условия ультиматума, С. Д. Сазонов сразу же отреагировал: «Это — европейская война»[12]. Уже 11 (24) июля стали приходить многочисленные свидетельства о концентрации австро-венгерских войск по рекам Саве и Дунаю, пограничный Землин был переполнен солдатами[13]. Министр немедленно позвонил императору с просьбой принять его для личного доклада, чего не было ни разу за предыдущие шесть лет пребывания его во главе внешнеполитического ведомства. С. Д. Сазонов не сомневался, что истинным вдохновителем этого документа являлся Берлин. Опасность была весьма серьезной, сама обстановка требовала принятия быстрых и решительных мер[14]. Время австрийского выступления, которое можно смело назвать австро-германским (германский министр иностранных дел заявил, что отказывается даже думать о том, чтобы умиротворяющим образом воздействовать на Вену)[15], было выбрано не случайно.

Тревожных сообщений до ультиматума Белграду не было, практически везде события шли своим чередом. Николай II, проведя несколько недель в Крыму, отдыхал с семьей в финских шхерах. Яхта «Штандарт» пришла туда же из Черного моря, обогнув всю Европу и пройдя через Кильский канал за четыре недели до начала войны. В Петербурге готовились к официальному визиту Р. Пуанкаре[16]. 6 (19) июля императорская семья прибыла на «Штандарте» в Кронштадт, где перешла на борт яхты «Александрия». На следующий день на Малый Кронштадтский рейд прибыла французская эскадра. Начались праздничные мероприятия. 7 (20) июля они проходили в Кронштадте и Петергофе[17], на следующий день переместились в Петербург[18]. 9 (22) июля Николай II и Р. Пуанкаре после высочайшего завтрака в Петергофе отправились в Красное Село, где совершили объезд военного лагеря[19].

10 (23) июля 1914 г. в присутствии президента Франции прошли высочайший смотр, а затем и парад войск красносельского лагеря. Вслед за этим торжества были перенесены на борт броненосца «Франс» в Кронштадте[20]. Приветствуя гостя, Николай II сказал: «Согласованная деятельность наших двух дипломатических ведомств и братство наших сухопутных и морских вооруженных сил облегчают задачу обоих правительств, призванных блюсти интересы союзных народов, вдохновляясь идеалом мира, который ставят себе две наши страны, в сознании своей силы»[21]. В четыре часа утра 11 (24) июля французская эскадра ушла из Кронштадта. Визит Р. Пуанкаре был завершен[22]. Поначалу император планировал после этого продолжить прерванный отдых на «Штандарте» в шхерах Финского залива[23]. В. Гизль фон Гизленген специально задержал вручение ультиматума на два часа, так как получил информацию из Вены о том, что отъезд Р. Пунакаре из Кронштадта был отложен на час. Австрийцы хотели исключить малейшую возможность быстрой реакции со стороны Франции и России[24].

Переход французской эскадры из Кронштадта в Брест занимал несколько дней (с учетом визита вежливости в Стокгольм), и в Вене и Берлине рассчитывали использовать их для оказания давления на Петербург в условиях, исключавших возможность эффективной координации русско-французских действий на высшем уровне[25]. С целью выиграть время австрийская дипломатия известила о своих действиях в Белграде остальные державы с опозданием на 12 часов[26]. Обращаясь к великим державам со своей версией произошедшего от 12 (25) июля, австрийский МИД призывал к солидарности: «Императорское и королевское правительство убеждено, что, предпринимая эти шаги, оно встретит сочувствие со стороны всех цивилизованных народов, которые не могут допустить, чтобы цареубийство превратилось в оружие, которым можно безнаказанно пользоваться в целях политической борьбы, и чтобы мир Европы постоянно нарушался исходящими из Белграда выступлениями»[27].

12 (25) июля русский поверенный в делах в Австро-Венгрии телеграфировал по поручению Петербурга графу Л. фон Бертхольду, находящемуся на отдыхе, предложение продлить Сербии срок ответа. Вечером последовал отказ[28]. Вена действовала жестко. Германскую и австро-венгерскую дипломатию явно вдохновила перспектива надвигающейся на Россию политической нестабильности. Забастовки на заводах Петербурга, которые совпали с визитом Р. Пуанкаре 20–23 июля 1914 г., действительно приобрели большой размах. Стачечная активность начала перекидываться в Москву и другие промышленные центры империи.

Средоточием беспорядков опять стал Путиловский завод. Утром 4 (17) июля здесь состоялся двенадцатитысячный митинг солидарности с забастовщиками Баку. Митинг был разогнан конной полицией, свыше 100 человек арестовали. Вечером завод забастовал. В тот же день забастовка охватила Выборгскую сторону, а затем и другие предприятия города. Количество бастовавших, в начале месяца ограничившееся 2,5 тыс. человек, быстро выросло до 90 тыс. 7 (20) июля забастовки солидарности начались в Москве: на 33 металлообрабатывающих заводах в этот день бастовали 11 940 человек, в 20 типографиях — 3977 человек. Среди демонстрантов появились лозунги протеста против «расстрела путиловцев». На следующий день в Москве количество бастующих увеличилось на 7 тыс., к стачке присоединились трамвайные служащие, в результате чего оказалось парализовано движение общественного транспорта. Из 800 трамваев города 450 остались стоять на путях. Одновременно и в столице остановилось движение трамваев и конок. Демонстрации рабочих попытались прорваться в центр города, на Невский проспект. В ряде случаев полиция была вынуждена применять оружие. 22–24 июля количество забастовщиков в Петербурге увеличилось до 200 тыс. человек.

Градоначальник был вынужден обратиться за помощью к военным и просить о присылке казачьего полка для помощи полиции[29]. Правительство, опасавшееся, что беспорядки перекинутся даже в центр столицы, вынужде-

но было вызвать в город несколько полков гвардейской кавалерии[30]. Сразу же после завершения парада в Красном Селе в честь Р. Пуанкаре последовало распоряжение о переводе 1-й гвардейской кавалерийской дивизии в Санкт-Петербург и пригороды «для несения наряда в помощь полиции». О том, насколько серьезным было положение, может свидетельствовать тот факт, что гвардейцы перед выходом из Красного Села получили боевые патроны[31]. В город были переведены 16 эскадронов и стрелки с пулеметами. Коннице приказали выступать немедленно, не расседлывая лошадей. При входе в город колонна кавалергардов была освистана рабочими, а на ее обоз даже совершено нападение толпы, впрочем, легко отраженное подоспевшим на выручку эскадроном. Войска заняли позиции на перекрестках улиц в рабочих районах. С их приходом беспорядки на Выборгской стороне быстро пошли на убыль, и уже 11 (24) июля кавалергардский полк выступил обратно в лагерь.

Выяснилось, что скачки на красносельском скаковом кругу не были отменены[32] и прошли в тот же день в присутствии императорской фамилии и высшего генералитета[33]. Кроме кавалергардов в лагеря для участия в параде была возвращена и часть 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. «Следовательно, — вспоминал один из его участников, — отпадало опасение, что даже в день военной манифестации наших союзных чувств мы вынуждены будем сознаться перед главой союзной Франции в нашем неблагополучии внутри государства. Слава Богу, у рабочих хватило тогда патриотического чувства, чтобы распознать антигосударственную агитацию и удержаться»[34].

Это было слабым утешением, обстановка в Петербурге оставалась нестабильной. Кроме того, забастовки перекинулись и в Москву. В результате 11 (24) июля Совет министров предложил императору перевести Санкт-Петербургское и Московское градоначальства, а также Московскую и Петербургскую губернии с режима положения об усиленной охране в положение о чрезвычайной охране с предоставлением соответствующих прав градоначальникам и губернаторам[35]. В тот же день указ был подписан. Чрезвычайная охрана вводилась вплоть до 4 (17) сентября 1914 г.[36] После парада в Царском Селе в Петербург вслед за кавалерией была переброшена и пехота. «Не весело было на душе у офицеров и солдат во время этого перехода, — вспоминал офицер-преображенец. — Несение полицейской службы и охраны на заводах не имели в себе ничего привлекательного. При прохождении Путиловского завода рабочие в большом количестве высыпали на улицу смотреть на прохождение полка. Хмурые лица их и недоброжелательные взгляды, которые они бросали на солдат, напоминали картины еще не позабытого 1905 года»[37]. Казалось, предвоенные ожидания германских дипломатов оправдываются, и России вновь угрожает революция.

Узнав об австрийском ультиматуме, Николай II принял доклад С. Д. Сазонова и поручил ему обратиться к И. Л. Горемыкину для немедленного созыва заседания Совета министров, который должен был обсудить положение на Балканах. «Государь сам был совершенно спокоен, — отмечал присутствовав-

ший при этом П. Л. Барк, — и сказал мне, что Сазонов, вероятно, несколько нервничает; за последние годы возникали нередко острые конфликты из-за спорных интересов на Балканах, но великие державы находили способы сговориться между собою, и никому нет охоты из-за Балкан разжигать общеевропейский пожар, который был бы для всех гибельным и потушить который было бы не так легко. Государь выразил свое сомнение в том, что нота (то есть австрийский ультиматум. — *А. О.*) была послана после предварительного соглашения между Австро-Венгрией и Германией — император Вильгельм неоднократно заверял его в своем искреннем желании поддержать мир в Европе, и с ним всегда удавалось сговориться во время самых серьезных конфликтов»[38].

Заседание Совета министров было проведено днем 11 (24) июля на даче И. Л. Горемыкина на Елагином острове. Оно открылось докладом С. Д. Сазонова. Министр дал однозначную оценку ультиматума: австрийская нота направлена по соглашению с Германией, центральные державы надеются спровоцировать отказ Сербии, который впоследствии будет истолкован ими как предлог для вторжения Австро-Венгрии[39]. Россия не может стоять в стороне от конфликта. Многочисленные уступки, на которые шла ранее русская дипломатия, принимаются в Берлине за признак слабости и только провоцируют агрессивность Германии. «Оставить сербов в настоящее время без всякого заступничества, — говорил он, — значило бы полное крушение престижа России на Балканах, к тому же не устранило бы опасность того, что Германия в самом недалеком будущем бросит России новый вызов, где будут затронуты еще больше национальные русские интересы, и тогда Россия, несмотря на миролюбие, все же будет вовлечена в войну, но уже после испытанного ею унижения»[40].

Свидетель совещания вспоминал: «Наиболее горячо был настроен министр иностранных дел С. Д. Сазонов, который говорил, что речь идет о великодержавии России и ее исторических традициях, не допускающих, чтобы мы оставались безучастными к новому натиску Австрии на Сербию, и требующих, чтобы мы с твердостью защитили славянскую державу от унизительных притязаний»[41]. С. Д. Сазонов подчеркнул рискованность положения, в котором находилась империя, ввиду того, что совершенно неясной оставалась позиция Великобритании, а также отметил, что решение правительства зависит от того, насколько войска подготовлены с точки зрения военного и морского министров, и что в любом случае МИД сделает «все возможное для мирного разрешения сербского вопроса»[42]. Позиция министра была поддержана главноуправляющим землеустройством и земледелием А. В. Кривошеиным, отметившим, что хотя война и является риском для России, она может начаться без всякого с ее стороны желания.

Генерал В. А. Сухомлинов и адмирал И. К. Григорович подчеркнули, что процесс подготовки армии и флота еще не завершен, но также рекомендовали придерживаться твердой позиции. П. Л. Барк признал, что в подобный момент министр финансов не может руководствоваться исключительно

интересами своего ведомства, и, так как уступчивость не дает гарантии сохранения мира, присоединился к мнению большинства. Итог обсуждения был подведен И. Л. Горемыкиным, который кратко сформулировал лозунг правительства следующим образом: «Мы не хотим войны, но и не боимся ее»[43]. Представляется, что С. Д. Сазонов, стремясь избежать войны, не хотел повторения ситуации боснийского кризиса: предлагая переговоры (в любом формате — четырех держав, русско-австрийские и прочие) и всевозможные уступки, он не хотел допустить решения вопроса военным путем[44]. Для того чтобы остановить действия Вены, то есть политики с позиции силы, возможен был только один путь — вооруженных переговоров.

В результате Россия, к которой обратился за поддержкой король Петр Карагеоргиевич, рекомендовала сторонам конфликта пойти на взаимные уступки. Заседание Совета министров приняло следующие решения: 1) вместе с другими странами просить Австро-Венгрию продлить срок действия ультиматума; 2) рекомендовать Сербии в случае начала военных действий оттянуть свои войска в глубь страны и обратиться к державам с просьбой рассудить спор; 3) принципиально был решен вопрос о мобилизации четырех военных округов (Одесского, Киевского, Московского и Казанского) и двух флотов (Балтийского и Черноморского), но при этом следовало обратить внимание на то, чтобы эти действия не были истолкованы как направленные в сторону Германии[45], причем первоначально речь шла только Черноморском флоте, но император собственноручно вписал и Балтийский; 4) военный министр должен был незамедлительно ускорить пополнение запасов военного времени; 5) министру финансов предложили «безотлагательно принять меры к уменьшению сумм, находящихся в Германии и Австро-Венгрии»[46], и после завершения заседания правительства он немедленно принял решение начать изъятие казенной наличности из германских банков. Благодаря этому к началу войны из Германии было выведено около 100 млн рублей[47].

Вечером 11 (24) июля С. Д. Сазонова посетил Ф. фон Пурталес. Переданная им записка гласила, что Германия не имела никакого отношения к тексту ультиматума, но, «конечно, полностью поддерживает вполне законные, по ее мнению, требования, предъявленные венским кабинетом Сербии»[48]. В ходе встречи русский министр иностранных дел решительно отмел призывы германского посла к «монархическому принципу» и отказался от принципа локализации австро-сербского конфликта. С. Д. Сазонов недвусмысленно оценил представленный Белграду ультиматум как заведомо неприемлемый[49]. «Видевшие графа Пурталеса по выходе его от министра свидетельствуют, — гласит поденная запись русского МИДа, — что он был весьма взволнован и не скрывал, что слова С. Д. Сазонова и особенно его твердая решимость дать австрийским требованиям отпор произвели на посла сильное впечатление»[50].

23 июля Э. Грей встретился с принцем М. фон Лихновским и высказал свое удивление чрезвычайно жесткими условиями ультиматума, которые

покушались на суверенитет Сербии, тем не менее министр иностранных дел Великобритании оставался спокойным и после того, как германский посол потребовал безоговорочного выполнения всех требований Вены[51]. Э. Грей заявил М. фон Лихновскому, что «Австрия не должна спешно приступать к военным действиям». Встречи с австрийским послом не было, впрочем, она и не требовалась, поскольку все решал Берлин. О решительности и настроениях Вильгельма II можно судить по его собственноручным пометкам, оставленным на донесении М. фон Лихновского о разговоре с Э. Греем. Любые попытки смягчить ситуацию вызывали у германского монарха явное раздражение, а напротив упоминания о национальном достоинстве Сербии кайзер соизволил написать: «Такого понятия не существует!»[52].

Позиция Форин-Офиса была изложена следующим образом: «Сербия, несомненно, должна выразить Австрии свое сочувствие и свои сожаления в том, что в числе причастных к убийству эрцгерцога лиц были люди, занимавшие официальные должности, хотя бы и низшие, и, конечно, должна обещать дать удовлетворение в том случае, если это обвинение будет доказано. Во всем остальном ответ должен соответствовать интересам Сербии. Сэр Э. Грей, — сообщал русский посол в Лондоне, — не знает, можно ли по истечении срока избежать военных действий со стороны Австрии чем-либо, кроме безусловного принятия ее требований. Ему кажется, что только не отвергая прямо всех этих требований, а приняв до истечения срока возможно большее число их, удастся, может быть, этого достигнуть»[53].

24 июля Э. Грей снова встретился с М. фон Лихновским и попытался повлиять примиряющим образом на позицию Берлина. Он говорил об опасности европейской войны в случае вторжения Австрии на территорию Сербии, предлагал продлить действие ультиматума, в частности для того, чтобы четыре державы — Франция, Германия, Англия и Италия смогли выступить посредниками между Россией и Австро-Венгрией, но все эти идеи снова вызвали у Вильгельма II только жесткое раздражение. На предупреждение своего посла, предсказывавшего, что Австро-Венгрия в результате войны даже с одной Сербией «истечет кровью до смерти», кайзер энергично отреагировал лишь одним словом: «Нонсенс»[54].

12 (25) июля заседание Совета министров Российской империи было созвано в Красном Селе под председательством императора[55]. После краткого обсуждения правительством было принято решение придерживаться принятой накануне линии поведения, включая и частичную мобилизацию[56]. Кроме того, на следующий день по всей территории империи вводилось «Положение о подготовительном к войне периоде»[57]. Это была серьезная мера, предполагавшая подготовку железных дорог к воинским перевозкам, пополнение материальной части до норм военного времени, начало работ по подготовке мобилизации в частях войск, принятие мер по охране пограничной полосы, возвращение войск из лагерей и командировок в места постоянной дислокации, выдвижение кавалерии и пехотных частей, расположенных в пограничных районах, под видом маневров в намечен-

ные для прикрытия мобилизации и сосредоточения районы. Кроме того, были предприняты и другие действия: выставлялась охрана на железных дорогах, организовывались команды для взрыва намеченных участков железных дорог на границе, проводились учебные сборы, пристрелка оружия, шли минирование подходов к морским крепостям, подготовка сухопутных укреплений к военным действиям[58].

Экстраординарные меры были уже безальтернативными. В войсках ощущался большой некомплект младших офицеров по мирному штату — около 3 тыс. человек. В результате было принято решение немедленно провести выпуск старших классов военных училищ[59]. В эти дни русская армия еще продолжала жить своей обычной жизнью. Гвардейский корпус, стоявший в лагерях в Красном Селе, занимался рутинной подготовкой к маневрам под Нарвой. 12 (25) июля 1914 г. в лагеря прибыл Николай II[60], по окончании правительственного совещания он лично поздравил пажей и юнкеров с производством в офицеры и вернулся в столицу[61]. Та же картина повторилась и в Петербурге. Выпускники училищ были вызваны ко дворцу. «В училищах ничего не ожидали, — вспоминал один из них, — производство должно быть еще через месяц. Юнкера разных училищ толпами, в разнообразной форме, спешили к дворцу. Государь вышел к ним, сказал им несколько слов о нападении австрийцев на братьев-славян и поздравил их офицерами»[62].

В тот же день, 25 июля, австрийские дипломаты в Париже и Лондоне попытались уточнить позицию своего правительства. Они подчеркивали разницу между «ультиматумом» и «выступлением» с указанием срока, и «если требования Австрии не будут выполнены в срок, то австро-венгерское правительство прервет с Сербией дипломатические сношения и приступит к военным приготовлениями, но не к операциям». Николай II оценил это просто и верно: «Игра слов»[63]. Австрийское посольство в Лондоне, впрочем, также не скрывало этого, давая понять, что ультиматум Сербии направлялся с целью вызвать отказ ее правительства принять его[64]. В полдень 25 июля в австрийском посольстве узнали о том, что возможен положительный ответ сербского правительства. Этот слух был передан В. Гизлю фон Гизленгену журналистом Wiener Telegraphen-Korrespondenz-Bureau. Посланник был вне себя от ярости: «Ведь это невозможно. Это исключено. Исключено... Я просто не могу этому верить. Это было бы неслыханно»[65].

Слова дипломатических представителей Вены в Великобритании вскоре получили подтверждение на Балканах. 25 июля в 17 часов 55 минут В. Гизль фон Гизленген получил сербский ответ, признававший все пункты австрийского ультиматума, за исключением участия австрийских властей в следствии по сараевскому делу на территории Сербии. Белград пошел на максимальные уступки, но отказался капитулировать. Получив этот текст 14 (27) июля, министр иностранных дел России немедленно отправил телеграмму послам в Париже, Лондоне, Берлине, Вене, Риме и Константинополе: «Только что ознакомились с ответом, врученным Пашичем барону Гизлю. Ответ превышает все наши ожидания своей умеренностью и готовностью

дать самое полное удовлетворение Австрии. Мы недоумеваем, в чем может заключаться еще требование Австрии, если только она не ищет предлога для экспедиции против Сербии»[66].

12 (25) июля С. Д. Сазонов обратился за поддержкой в Лондон. «При нынешнем обороте дел, — сообщал он русскому послу в Великобритании, — первостепенное значение приобретает то положение, которое займет Англия. Пока есть еще возможность предотвратить европейскую войну, Англии легче, нежели другим державам, оказать умеряющее влияние на Австрию, так как в Вене ее считают наиболее беспристрастной и потому к ее голосу более склонны прислушиваться. К сожалению, по имеющимся у нас сведениям, Австрия накануне своего выступления в Белграде считала себя вправе надеяться, что ее требования не встретят со стороны Англии возражений, и этим расчетом до известной степени было обусловлено ее решение. Поэтому весьма желательно, чтобы Англия ясно и твердо дала понять, что она осуждает неоправдываемый обстоятельствами и крайне опасный для европейского мира образ действий Австрии, тем более что последняя легко могла добиться мирными способами удовлетворения тех ее требований, которые юридически обоснованы и совместимы с достоинством Сербии»[67].

Надежды С. Д. Сазонова на ясно выраженную позицию Лондона по отношению к угрозе европейского мира в июле 1914 г. не оправдались. Э. Грей продолжал рассуждать о желательности посредничества четырех держав между Австро-Венгрией и Россией в случае отказа Вены от военных действий против Сербии[68]. Эти рассуждения по-прежнему вызывали едкие замечания кайзера, обвинявшего Англию и ее министра иностранных дел во всех смертных грехах, но еще почему-то надеявшегося на нейтралитет Лондона[69]. Последней надеждой для сохранения мира был ответ Белграда на ультиматум Вены, или точнее — реакция Вены на этот ответ. Уже после войны Э. Грей оценил ситуацию следующим образом: «Австрийский ультиматум в своей внезапной жестокости зашел дальше, чем мы опасались. Сербский ответ в готовности подчиниться пошел дальше, чем мы могли мечтать»[70]. Австрийцы желали другого. В. Гизль фон Гизленген сначала открыто провоцировал антиавстрийские настроения в Белграде, а потом сообщал об их росте, опасности, угрожающей его дому, необходимости выслать своего сына в Землин и прочем. Никто не сомневался в том, что это делалось лишь с одной целью — возбудить антисербские настроения в Австро-Венгрии[71].

«Во всяком случае, невозможно отрицать, — признавался А. фон Тирпиц, — что сербский ответ означал неожиданную уступку, и я не считаю, что австрийское правительство правильно оценило положение, признав этот ответ неприемлемым в качестве базы для дальнейших переговоров. Бетман-Гольвег и Бертхольд не поняли, насколько существенен был уже достигнутый успех. Поскольку честь Австрии была спасена, а сам Бетман-Гольвег стремился во что бы то ни стало предотвратить европейскую войну,

опасность такой войны, вероятно, можно было устранить, если бы Австрия удовлетворилась этим успехом. Можно было назначить Сербии короткий срок для проведения в жизнь сделанных ею уступок в качестве условия для переговоров об остальных требованиях»[72].

Вероятно, гросс-адмирал был прав, и войны можно было бы избежать, если бы этого действительно хотели в Вене и Берлине. Как известно, для мира нужно согласие как минимум двух сторон, а для начала войны достаточно желания одной. Отказ Белграда капитулировать был настоящим подарком для «партии войны». Австрия не колебалась в своем желании наказать Сербию[73], это было совершенно очевидно. Вечером 12 (25) июля «Биржевые ведомости» сообщили о концентрации значительных сил австро-венгерской армии на границах с Сербией и Черногорией и о явной готовности Вены в случае отклонения ультиматума разорвать отношения с Белградом при явной и энергичной поддержке Берлина[74]. Подтверждения этих новостей не пришлось долго ждать.

Вена нуждалась в поводе, и она его получила, игра слов в Париже и Лондоне ей была больше не нужна. 25 июля В. Гизль фон Гизленген и сотрудники посольства покинули Белград, и в тот же день началась мобилизация австрийской армии против Сербии[75]. В 18 часов 30 минут на вокзале сербской столицы стояли два поезда: австрийского посольства, которому нужно было 10 минут, для того чтобы пересечь Дунай и попасть в Землин, и сербского правительства, эвакуировавшегося во временную столицу Ниш. В четыре часа вечера того же дня в Сербии была объявлена мобилизация. Население было настроено воинственно. Сербские офицеры провожали поезд австрийского посла криками: «Au revoir a Budapest»[76]. Приблизительно в восемь часов вечера в австрийских газетах было опубликовано сообщение о разрыве дипломатических отношений с Сербией, в Вене, Будапеште и других городах Австро-Венгрии начались патриотические манифестации[77].

26 июля австрийский пограничный наряд обстрелял баржу с сербскими резервистами на пограничной реке Саве[78]. Пограничникам показалось, что баржа шла слишком близко к их берегу. На этот раз обошлось без жертв, но 27 июля граф Л. фон Бертхольд заявил об обстреле австро-венгерской территории и о том, что Сербия начала враждебные против его страны действия[79]. С 13 (26) июля заседания Совета министров России стали ежедневными: узнав о том, что на Дунае прозвучали первые выстрелы, правительство приняло решение не признавать право Вены трактовать случившееся в качестве повода к войне и рекомендовать продолжение переговоров для улаживания конфликта[80].

До этого момента о войне в России еще почти никто не думал, но уже 13 (26) июля собственный корреспондент «Голоса Москвы» сообщал из Петербурга: «В Министерстве иностранных дел не замечается уже того оптимистического настроения, которое проскальзывало вчера здесь. Сознают, что мы накануне крупных событий»[81]. В правительстве и среди общественности столицы австро-сербский дипломатический конфликт поначалу не

вызвал тревоги: «Балканская неразбериха давно приелась, и происходившие события и споры воспринимались как очередная шумиха венской дипломатии. Вера в мир и во всеобщее к нему стремление была непоколебимою»[82]. В русской провинции сараевское убийство также было почти незамечено: шли сельскохозяйственные работы, в северо-западных губерниях (Тверской, Новгородской, Санкт-Петербургской, Архангельской) горели торфяники, огнем было охвачено около 63 тыс. десятин леса, убытки превысили 100 тыс. рублей[83]. Эти пожары и покушение на Г. Распутина[84] привлекали больше внимания, чем тлеющие уже несколько лет Балканы[85].

Тем неожиданнее для всей страны стало объявление в округах европейской ее части (за исключением Кавказа) «подготовительного к войне периода». Оно последовало 13 (26) июля 1914 г., через два дня после того, как в Австро-Венгрии начался призыв запасных[86]. До этого жизнь в гарнизонах шла по обычному размеренному распорядку. Еще днем 13 (26) июля в находившейся на границе с Восточной Пруссией крепости Осовец устраивали просмотр кинематографа для солдат и офицеров, а в семь часов вечера ее комендант получил приказ о переводе на военное положение, и уже к полночи батареи были готовы к бою[87]. В пограничных округах, например в Царстве Польском, были предприняты меры по эвакуации семейств офицеров в глубь русской территории[88]. После этого неизбежность войны стала более или менее очевидной, во всяком случае для столичного гарнизона.

«В полк прибыли вновь произведенные 12 июля офицеры, — вспоминал офицер лейб-гвардии 3-го стрелкового полка, стоявшего в Петербурге. — Мобилизационное расписание было проверено. Цейхгаузы были пересмотрены. Политические события и международные сношения, логически развиваясь, вели к войне. Мы, офицеры, из чувства национальной гордости желали этой войны и следили с волнением за ее приближением. Воспитанные в сознании силы России, зная, какими людьми мы командуем, мы верили в победу»[89]. Забастовки резко пошли на убыль. В Москве к 12 (25) июля они практически закончились. В этот же день на спад пошла забастовка в Петербурге, зато появились первые демонстрации солидарности с Сербией[90].

28 июля Австрия объявила войну Сербии: «Так как королевское сербское правительство не ответило удовлетворительным образом на ноту, переданную ему австро-венгерским посланником в Белграде 10 (23) июля 1914 г., императорское и королевское правительство вынуждено само выступить на защиту своих прав и интересов и обратиться с этой целью к силе оружия. Австро-Венгрия считает себя с настоящего момента на положении войны с Сербией»[91]. Поскольку прямая связь между Веной и Белградом была прервана, сербское правительство известили об этом решении по телеграфу через Бухарест. Почти сразу же после этого Л. фон Бертхольд признал, что информация о нападениях сербских войск на пограничные австрийские территории не подтвердилась, но это уже не имело значения[92].

В тот же день Франц-Иосиф подписал манифест к своим подданным, в котором извещал их о начале войны против Сербии. Он заканчивался

следующими словами: «В этот серьезный час я отдаю себе полный отчет во всем значении моего решения и моей ответственности перед Всемогущим; мною все взвешено и обдумано и со спокойной совестью я вступаю на путь, который мне указывает мой долг. Я уповаю на свои народы, которые в течение всех бурь всегда согласно и верно толпились вокруг моего престола и которые за честь, величие и мощь своего отечества готовы принести самые тяжелые жертвы. Я уповаю на храбрую и преисполненную самоотверженного воодушевления военную мощь Австро-Венгрии и уповаю также на Всемогущего, что Он даст моему оружию победу»[93].

28 июля на Дунае австрийская флотилия начала перехват сербских судов, в этот день удалось захватить два парохода с военными припасами[94]. В ночь с 28 на 29 июля, через несколько часов после объявления войны, австрийские мониторы обстреляли оборонительные позиции сербов под Белградом[95]. Приняв этот обстрел за подготовку захвата столицы, сербское командование отдало приказ о взрыве мостов через Саву[96]. Взорванные в 1 час 30 минут 29 июля мосты, по мнению Вены, были явным свидетельством недоброжелательной позиции Сербии. В 11 часов вчера того же дня началась интенсивная бомбардировка ее столицы мониторами и береговыми батареями Землина, которая продолжалась до шести часов утра 30 июля[97]. Одними из первых выстрелов австрийцы добились попадания в важный стратегический объект — подожгли здание университета[98].

Новости о начале войны пришли в Россию поздним вечером 15 (28) июля. К этому времени забастовочное движение в Петербурге сошло на нет. В городе из крупных предприятий бастовал только Путиловский завод (около 15 тыс. человек), а общее количество забастовщиков не превышало 30 тыс. Властями был арестован и приговорен к заключению от одного до трех месяца 371 рабочий, но решающую роль сыграли не репрессии. Вечером 28 июля у бастовавших недавно заводов возникли первые демонстрации солидарности с Сербией[99]. Улицы Петербурга быстро заполнили манифестанты, которые с криками «Ура!» бросались качать на руках проходивших или проезжавших мимо на пролетках офицеров[100].

В тот же день приблизительно в 10 часов вечера в Москве на Тверской улице у памятника М. Д. Скобелеву началась стихийная демонстрация в защиту Сербии, в которой приняли участие представители всех сословий столицы. Она продолжалась до двух часов ночи, демонстранты прорвались к австрийскому консульству, на защиту которого пришлось вызывать жандармов. 16 (29) июля по инициативе объединенных славянских обществ в Казанском соборе был отслужен молебен за победу сербского оружия. В Петербурге, Одессе, Киеве, Саратове, Ростове-на-Дону, Николаеве, Ялте и других городах России прошли демонстрации в защиту Сербии. 18 (31) июля полностью прекратились забастовки в Петербурге, успокоился и Путиловский завод[101]. М. В. Родзянко, приехавший в столицу накануне объявления войны, был поражен масштабами рабочих демонстраций, незадолго до этого строивших на улицах баррикады[102].

16 (29) июля принц Александр Карагеоргиевич обратился с манифестом к своему народу[103]. Через несколько дней слова его обращения были опубликованы в русской прессе: «Моим доблестным и дорогим сербам! Великое зло обрушилось на нашу Сербию. Австро-Венгрия объявила нам войну. Теперь все мы должны быть единодушными и показать себя героями. Всякий раз, когда Вена была заинтересована, то самые торжественные обещания давались сербам, что с ними будут поступать справедливо. Но это осталось неисполненным. Напрасно на сербских и хорватских границах столько наших героев пролили кровь за величие и интересы Венского двора. Напрасны были жертвы, принесенные Сербией во время правления моего деда для спасения кесарского престола от бунтовавших против него народов. Напрасно старалась Сербия всегда жить в дружбе с соседней монархией. Все это было ни к чему. Сербы как государство и народ подвергались всегда и всюду подозрениям, были унижаемы перед другими народами. 36 лет тому назад Австрия заняла сербские земли — Боснию и Герцеговину. Шесть лет тому назад она присвоила их себе без всякого права, обещав им конституционную свободу. Все это породило глубокое неудовольствие среди народа, особенно молодежи, и привело к отпору и сараевскому покушению. Сербия искренне оплакивала это злосчастное происшествие, осудила его и выразила готовность предать суду соучастников его. Скоро Сербия с изумлением увидела, что Австрия возлагает ответственность за покушение не на свое дурное управление или отдельных виновников, но на все Королевство сербское, несмотря на то что убийство совершил один человек — ее подданный, на глазах ее властей, Австрия обвинила в нем сербских чиновников и офицеров, правительство и все королевство. Такое обвинение независимого государства в преступлении иностранного подданного — единственное в истории Европы»[104]. У сербов не было иного пути, кроме как быть героями.

Те из них, кто жил в России, узнав о начале мобилизации, торопились попасть домой. В последние дни июля поезда, следовавшие к румынской границе, были забиты мужчинами призывного возраста, люди сидели на ступеньках и даже на крышах вагонов[105]. Значительное количество подданных Сербского королевства война захватила в Австро-Венгрии. Поскольку защита интересов Сербии по просьбе Белграда была передана России, австрийская полиция сделала все возможное, чтобы не допустить этих людей до русского посольства и консульств. Подступы к этим зданиям были блокированы, входящие и выходящие из них подвергались аресту. Репрессий не избежали даже русские подданные, несмотря на то что Австро-Венгрия и Россия еще не разорвали дипломатические отношения друг с другом[106]. Положение сербов, не успевших воспользоваться правом экстерриториальности, было ужасным. На улицах Вены проходили многотысячные демонстрации. Тех, кто казался толпе похожим на серба, зверски избивали[107]. «На сербов по всей Австрии со дня объявления войны была устроена форменная облава: за ними охотились и в домах, и на улицах, — докладывал управляющий русским Генеральным консульством в Вене в Петербург, — их

немедленно арестовывали и заключали в тюрьмы, так что через 2–3 дня на свободе ни одного серба, кроме их жен и детей, не оказалось»[108].

Австрийцы рассчитывали совершить победоносную кампанию молниеносно. Их Генеральный штаб планировал захватить Белград, а затем, двинувшись по долинам рек Моравы и Колубара, быстро проникнуть в глубь страны и захватить Крагуевац, основной сербский арсенал. Австро-венгерской армии противостояло всего 12 сербских пехотных и одна кавалерийская дивизии, численность которых по завершении мобилизации составила 247 тыс. человек. 40-тысячная группировка (пограничная стража, жандармерия и 48 кадровых армейских батальонов) была развернута в Македонии и Косово. Дух сербской армии был высоким, в ее рядах находилось большое количество офицеров и солдат, имевших недавний боевой опыт[109]. Непосредственную помощь Сербии могла оказать только Черногория, отказавшаяся от предложенного ей Веной нейтралитета и ответившая на это предложение объявлением войны. Однако 40-тысячная черногорская армия при высоких индивидуальных качествах ее бойцов представляла собой скорее ополчение, которое легче было использовать при обороне собственной территории, чем при наступлении[110].

Австрийская артиллерия начала обстреливать сербскую столицу, в результате около трети строений города было повреждено снарядами, а вся прибрежная часть выгорела[111]. Армейской артиллерии активно помогала Дунайская флотилия. Только со 2 по 17 августа ее мониторы провели восемь интенсивных обстрелов Белграда[112], от которых пострадали здания, принадлежавшие гражданским лицам, университет, городская библиотека, музей, табачная фабрика. Несколько позже корреспондент «Таймс» писал: «Бомбардировка Белграда займет место в ряду непростительных актов вандализма, которые позорят европейскую войну. Она была не спровоцирована, не имела никакого военного значения и могла иметь в качестве цели только дикое разрушение частной и государственной собственности»[113]. Иностранцы спешно покидали город, по словам очевидца, «окутанный дымом и пламенем пожаров, возникших в результате вражеской бомбардировки»[114]. Бежали и горожане. «Когда на вокзал прибыл поезд, предназначенный для дипломатического корпуса, — вспоминал немецкий посланник в Сербии, — на него бросились все, кто только мог... Нас девятеро сидело в одном купе с затекшими от усталости ногами. Мы миролюбиво дремали в течение ночи, положив уставшие головы на плечи будущих неприятелей»[115].

Встретившись в очередной раз с Э. Греем в Лондоне, германский посол изложил видение своего правительства на дальнейшее развитие кризиса: наказание Сербии и ее оккупация австрийскими войсками вплоть до полного выполнения требований, изложенных в ультиматуме Вены[116]. 27 июля, вернувшись в Берлин с Кильской регаты, Вильгельм II отправил российскому императору письмо. Апеллируя к чувству монархической солидарности, он, безусловно, считал ответственным за сараевское убийство сербское правительство, кайзер призывал: «Принимая во внимание сердечную и нежную

дружбу, связывающую нас в продолжение многих лет, я употребляю все свое влияние для того, чтобы заставить австрийцев действовать открыто, чтобы была возможность прийти к удовлетворяющему обе стороны соглашению с тобой. Я искренно надеюсь, что ты придешь мне на помощь в моих усилиях сгладить затруднения, которые все еще могут возникнуть»[117].

Николай II немедленно ответил: «Рад твоему возвращению. В этот серьезный момент я прибегаю к твоей помощи. Позорная война была объявлена слабой стране. Возмущение в России, вполне разделяемое мною, безмерно. Предвижу, что очень скоро, уступая производящемуся на меня давлению, я буду вынужден принять крайние меры, которые поведут к войне. Стремясь предотвратить такое бедствие, как европейская война, я умоляю тебя во имя нашей старой дружбы сделать все возможное в целях недопущения твоих союзников зайти слишком далеко»[118]. Россия предлагала провести конференцию по урегулированию конфликта, но эти предложения были отвергнуты Берлином[119].

15 (28) июля в своем докладе Совету министров начальник Главного управления Генерального штаба генерал Н. Н. Янушкевич отметил, что для действий против Сербии Австро-Венгрия не нуждается в мобилизации, даже частичной, между тем как она ведется в том числе и в пограничной с Россией Галиции, что создает опасность для русской границы и требует принятия мер для обеспечения ее безопасности[120]. Николай II вынужден был отдать приказ о мобилизации, причем сначала он хотел ограничиться частичной, затрагивающей только четыре военных округа, не нацеленных против Германии. Он надеялся сохранить возможность мирного решения. Однако в русском Генеральном штабе существовал лишь план общей мобилизации, так как военные не сомневались, что Австро-Венгрия будет поддержана Германией, которая фактически уже начала мобилизацию. В этой обстановке частичная мобилизация могла привести к путанице и непоправимым потерям на первом этапе войны.

В 1912 г. в ведомстве генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба русской армии появились планы «А» и «Г». Оба они подлаживались под возможные действия Германии. В случае немецкого наступления на Францию вводился в действие план «А» — одновременное наступление в Галиции и Восточной Пруссии при более значительном распределении сил в первой фазе войны против Австро-Венгрии. В пользу этого плана было то глубокое политическое значение, которое могла приобрести победа над Австро-Венгрией в ее славянских землях, а также в Италии и на Балканах. План «Г» принимался в случае нанесения Германией главного удара по России. Он был оборонительным и предусматривал отступление в глубь страны, вплоть до района Полесья. В отличие от плана «А» план «Г» детально не разрабатывался, поскольку возможность такого развития событий считалась маловероятной[121]. Основным планом действий русской армии, таким образом, становился план «А». В его основу были положены охват противника в Галиции — для этого выделялось 16 корпусов и в Вос-

точной Пруссии — девять корпусов. Против Германии выделялось 33,7%, против Австро-Венгрии — 52,2% и в стратегический резерв — 14,1% всех сил.

«Такое расположение сил, — отмечал С. К. Добророльский, — указывало на желание вести борьбу одинакового характера на всем русском фронте. Накопление главной массы войск против одного из двух противников не чувствуется в плане развертывания»[122]. В случае успеха на этих направлениях русский фронт сокращался приблизительно на 500 км, и открывалась перспектива наступления на Силезию и Берлин со стороны среднего течения Вислы. Три корпуса 6-й армии под Петербургом становились резервом Верховного главнокомандующего. Так распределялись 28 русских корпусов, главным противником считалась Германия, но для ее разгрома предполагалось сначала обеспечить тыл русских войск против возможных действий австро-венгерской армии и оказать помощь Франции. «Обе эти задачи, — вспоминал Ю. Н. Данилов, — одинаково важные, наилучшим образом разрешались собственным энергичным вторжением в пределы Восточной Пруссии, служившей естественным плацдармом для сбора германских войск, против нас оставляемых, и нанесением этим войскам решительного поражения»[123].

Именно последовательная реализация этого плана, по мнению генерала В. Гренера, могла поставить Германию и ее союзницу в катастрофическое положение. Единственным отступлением от этого плана он видел оставление слишком крупных сил под Петербургом. Корпуса оставлялись для защиты столицы — фактически это был стратегический резерв, оказавшийся бесполезным ввиду его отдаленности. «Быть может, для русских, с оперативной точки зрения, вообще было бы правильнее сначала с еще большим превосходством уничтожающе разбить германцев в Восточной Пруссии, по крайней мере отбросить их за Вислу, и лишь тогда обратиться против австро-венгерской армии. Последняя между тем продвинулась бы между Вислой и Бугом к северу и тем самым подставила бы длинный фланг русскому наступлению от Ровно и Проскурова. Если бы таким путем русским удалось очень большими силами быстро проникнуть вдоль Карпат через Львов и Станиславов к Верхней Висле, то австро-венгерской армии между Бугом и Вислой едва ли оставалось что-либо другое, как отходить в высшей степени неблагоприятных условиях по левому берегу Вислы в Западную Польшу. Чего смогли бы достигнуть русские при такой операции? *Объединенного наступления всех сил прямо на Берлин. Они могли бы гнать перед собой обоих своих противников, причем им нужно было бы стремиться только к тому, чтобы в Силезии перейти на левый берег Одера возможно крупными силами* (выделено мной. — *А. О.*)»[124].

На достижение этой цели и был направлен план «А», русская армия должна была наступать по всему фронту от Ковно до Каменец-Подольска. Идея плана, утвержденного 23 сентября 1913 г., звучала просто и ясно: «Переход в наступление против вооруженных сил Германии и Австро-Венгрии с целью перенесения войны в их пределы»[125]. Французы не сомневались в том, что

центр тяжести русского удара будет перемещен на германский фронт — такова была его логика. Кстати, уже в ходе мобилизации 1914 г. под Варшавой стала собираться новая армия для будущего наступления на Берлин, в результате Северо-Западный фронт увеличился на два корпуса (33,5 пехотной и 9,5 кавалерийской дивизий — 11 корпусов), а Юго-Западный сократился на один корпус (46 пехотных и 18,5 кавалерийской дивизий — 16 корпусов)[126]. Таким образом, русские военные не обманули союзников в своих первичных планах, они готовились наступать на двух стратегических направлениях, и приведенные ими цифры довольно точно совпадают с указанными выше. Про Константинополь же в это время никто не думал, в чем вскоре опять пришлось убеждать союзников[127].

«План стратегического развертывания, который начал реализоваться с началом мобилизации 1914 г., — отмечал генерал В. И. Гурко, — был основан на... нанесении основного удара по Австрии и затем наступлении против Германии»[128]. На самом деле вместо решающего удара русское командование готовило две одновременные изолированные подготовительные к нему операции: «Сложность этих задач потребовала разделения в начале войны наших сил *и одновременного наступления как против германцев*, во исполнение союзного договора с Францией, *так и против австрийцев* (выделено мной. — *А. О.*), являвшихся в этот период времени на нашем фронте главенствующей боевой силой. В этом раздвоении наступательной задачи, несомненно, заключалось слабое место нашей отечественной стратегии»[129]. К этому остается добавить, что выбора как такового у России не было: она вынуждена была учитывать опасность, одновременно исходившую от вероятно пассивного в начале войны германского и безусловно активного австрийского фронтов.

Итак, центр интересов русской стратегии лежал в Восточной Пруссии: германское наступление против Франции предоставляло России возможность использовать несколько недель для исправления ситуации на северном фланге Царства Польского. В то же время центр тяжести мобилизованной русской армии находился на австрийском направлении. То, что австрийцы начнут наступать, никто не сомневался, разногласия касались только возможного направления главного удара. Штаб Киевского округа считал, что австрийцы будут наступать на восток, в сторону Украины, в то время как в ГУГШ предполагали (и оказались правы), что они нанесут удар на север, в тыл русской Польше. Соотношение сил, выделяемых для германского и австро-венгерского фронтов, равнялось одной трети и двум третям — в результате ни на одном из них у России не было решающего превосходства[130]. На первом этапе войны оборона на первом фронте исключалась по соображениям союзной стратегии, а на втором — из совокупности собственных интересов. Успех встречного наступления в Галиции и наступления с недостаточными силами в Восточной Пруссии зависел теперь только от мастерства вождения войск, подготовки штабов и частей, продуманности этих операций, расчета.

На следующий день после начала обстрела Белграда в России была объявлена мобилизация четырех военных округов. Это решение принималось с большим трудом. Уже вечером 15 (28) июля в ГУГШ были готовы проекты двух приказов — о частной и общей мобилизации. В 11 часов утра 16 (29) июля Ф. фон Пурталес вновь посетил С. Д. Сазонова и от лица своего императора предложил сотрудничество. В этот момент, отмечал С. Д. Сазонов, «я мог надеяться, что на этот раз германское правительство согласится, наконец, употребить свое влияние в Вене, чтобы убедить Бертхольда в необходимости большей сговорчивости. Утром 29 июля мы еще не получили известий о переходе австрийцами сербской границы, зато в Главный штаб постоянно доходили известия о мобилизационных мерах на русской границе в Галиции, о начале которых мы были извещены уже несколько дней перед тем и которые, по нашим сведениям, были почти закончены к этому времени. Германия, по словам графа Пурталеса, продолжала настаивать на непосредственных переговорах между Веной и Петроградом, на которые Австро-Венгрия по-прежнему не соглашалась»[131].

Однако декларируемая позиция Берлина сводилась к тому, что даже частичная мобилизация русской армии, направленная исключительно против Австро-Венгрии, затрудняет германское посредничество. Сразу же после ухода германского посла это предложение обсуждалось в Совете министров. «При этом ставился вопрос, — гласит поденная запись русского МИДа, — действительно Германия намерена оказать в Вене серьезное воздействие или порученное графу Пурталесу сообщение рассчитано лишь на то, чтобы, усыпив наше внимание, по возможности отсрочить мобилизацию русской армии и выиграть время для соответственных приготовлений. Общее впечатление было таково, что, если даже допустить искренность в данном случае германского правительства, то все же приходится усомниться в достижимости этим путем практических результатов, так как если Австрия зашла уже столь далеко без содействия или, по крайней мере, потворства Германии, то следует предположить, что влияние последней в Вене сильно упало, а потому и в данную минуту германскому правительству едва ли удастся многого достигнуть»[132].

Утром 16 (29) июля генерал Н. Н. Янушкевич вручил С. К. Добророльскому указ об общей мобилизации, начало которой было назначено на 17 (30) июля. Указ должен был быть отправлен министрам военному, морскому и внутренних дел, чтобы они дали телеграммы командующим войсками и флотами, генерал-губернаторам и губернаторам. После этого указ передавался в Сенат. Настроение было очень нервным: В. А. Сухомлинов был сдержан, Н. А. Маклаков молился, а адмирала И. К. Григоровича эта новость настолько потрясла, что он сразу не поверил в нее и перезвонил военному министру для подтверждения — русский флот еще не был готов к борьбе с германским. Н. Н. Янушкевич постоянно находился в своем кабинете и почти все время говорил по одному из трех телефонов — придворному, министерскому, городскому[133]. Николай II колебался. Положение России было

двойственным: предлагая переговоры, обращаясь к Германии с просьбой о посредничестве в австро-сербском конфликте, она не могла отказаться от подготовки к войне. Опыт 1904–1905 гг. доказывал, насколько опасным может быть превентивный удар. Военные и дипломаты активно отстаивали логику своих позиций.

В три часа дня 16 (29) июля германский посол граф Ф. фон Пурталес прибыл на встречу с С. Д. Сазоновым. Это был уже его второй визит на Певческий мост в этот день. Дипломат прочел русскому министру иностранных дел телеграмму имперского канцлера, в которой говорилось, что если Россия будет продолжать свои военные приготовления, *хотя бы и не приступая к мобилизации*, то Германия начнет мобилизацию, после чего немедленно атакует Россию[134]. В свойственной для германской дипломатии манере Ф. фон Пурталес назвал эту информацию, носившую фактически ультимативный характер, «дружеским предостережением»[135]. Его собеседник, очевидно, не был настроен шутливо. «На это сообщение, — гласит запись в протоколе русского МИДа, — С. Д. Сазонов резко ответил: «Теперь у меня нет больше сомнений относительно истинных причин австрийской непримиримости». Граф Пурталес вскочил со своего места и так же резко воскликнул: «Я всеми силами протестую, г-н министр, против такого оскорбительного утверждения». Министр сухо возразил, что Германия имеет случай на деле доказать ошибочность высказанного им предположения. Собеседники расстались весьма холодно»[136]. На самом деле Германия имела непосредственное отношение к ультиматуму Сербии.

Вскоре после ухода Ф. фон Пурталеса в русском МИДе было получено известие о начале бомбардировки Белграда австрийцами[137]. После этого в кабинете начальника Главного управления Генерального штаба генерала Н. Н. Янушкевича состоялось совещание, в котором участвовали министр иностранных дел, военный министр и ряд высших генералов и чиновников МИДа. «При всестороннем обсуждении положения оба министра и начальник Генерального штаба, — гласит поденная запись МИДа, — пришли к заключению, что ввиду малого вероятия избежать войны с Германией необходимо своевременно всячески подготовиться к таковой, а потому нельзя рисковать задержать общую мобилизацию впоследствии путем выполнения ныне мобилизации частичной. Заключение совещания было тут же доложено по телефону Государю Императору, который заявил согласие на отдачу соответствующих распоряжений. Известие об этом было встречено с восторгом тесным кругом лиц, которые были посвящены в дело. Тотчас были отправлены телеграммы в Париж и Лондон для предупреждения правительств о состоявшемся решении»[138]. В среду 16 (29) июля император отметил в своем дневнике: «...день был чрезвычайно беспокойный. Меня беспрестанно вызывали к телефону то Сазонов, или Сухомлинов, или Янушкевич. Кроме того, находился в срочной переписке с Вильгельмом»[139].

16 (29) июля император, очевидно, все еще надеялся на то, что его обращение к кайзеру будет иметь положительные результаты. В этот день

в Петергофе он принял гардемаринов, которых поздравил с производством в офицеры. «Я приказал вас собрать, господа, — сказал Николай II, — в виду переживаемых Россией серьезных событий. В предстоящей вам офицерской службе не забывайте моего завета: веруйте в Бога и в славу и величие нашей могучей России»[140]. Ни одного слова об угрозе войны не было сказано. Сомнения императора и надежды на миролюбие Германии в этот день возобладали. Вечером эти сомнения и надежды были развеяны сообщением из Берлина.

В 21 час 40 минут император получил телеграмму Вильгельма II: «...я не могу рассматривать выступление Австрии против Сербии как «позорную войну». Австрия по опыту знает, что сербские обещания на бумаге абсолютно не заслуживают доверия. По моему мнению, действия Австрии должны рассматриваться как желание иметь полную гарантию в том, что сербские обещания претворятся в реальные факты. Это мое мнение основывается на заявлении австрийского кабинета, что Австрия не стремится к каким-либо территориальным завоеваниям за счет Сербии. Поэтому я считаю вполне возможным для России остаться только зрителем австро-сербского конфликта и не вовлекать Европу в самую ужасную войну, какую ей когда-либо приходилось видеть. Полагаю, что непосредственное соглашение твоего правительства с Веной возможно и желательно, и, как я уже телеграфировал тебе, мое правительство прилагает все усилия к тому, чтобы достигнуть этого соглашения. Конечно, военные приготовления со стороны России, которые могли бы рассматриваться Австрией как угроза, ускорили бы катастрофу, избежать которой мы оба желаем, и повредили бы моей позиции посредника, которую я охотно взял на себя, когда ты обратился к моей дружбе и помощи»[141]. Идеальный вариант планов Австрии не был секретом для Берлина: Сербия должна была быть оккупирована и унижена, а ее территория разделена между соседями. Вена при этом должна была отказаться от территориальных приобретений, и это называлось Берлином «колоссальным актом милосердия»[142].

16 (29) июля был опубликован и распространен указ о частичной мобилизации[143]. В тот же день около 11 часов вечера последовало высочайшее повеление об отмене всеобщей мобилизации[144]. 17 (30) июля ночью, в 1 час 20 минут, Николай II отправил ответную телеграмму кайзеру, объясняющую его колебания по вопросу о всеобщей мобилизации: «Военные приготовления, вошедшие сейчас в силу, были решены пять дней тому назад как мера защиты ввиду приготовлений Австрии. От всего сердца надеюсь, что эти приготовления ни с какой стороны не помешают твоему посредничеству, которое я высоко ценю. Необходимо сильное давление с твоей стороны на Австрию для того, чтобы она пришла к соглашению с нами»[145]. Еще ранее был предпринят и ряд других шагов, долженствующих продемонстрировать Берлину миролюбие России.

14 (27) июля в Кронштадте был задержан германский пароход с радиостанцией — крепость уже два дня находилась на военном положении, а

шкипер корабля посылал телеграммы. Германский посол немедленно заявил протест, и судно было отпущено. Николай II написал собственноручное письмо великому князю Николаю Николаевичу (младшему) с осуждением этой меры против торгового судна под флагом дружественного государства[146]. В этот же день по прямому указанию императора был отдан приказ отвести войска на 10–15 верст от границы с Германией. Командирам воинских частей приказывалось не допускать столкновений с германцами даже в случае нарушения ими государственной границы[147]. В конце июля 1914 г. группа офицеров Генерального штаба Варшавского военного округа, находившаяся в полевой поездке в районе Ломжа — Кольно, решила, как обычно, посетить небольшой городок Иоганнесбург в Восточной Пруссии. Ранее подобные посещения никогда не воспрещались немцами, но в этот раз, к несказанному удивлению русских военных, собиравшихся немного развлечься, их не пропустили[148].

Это не удивительно. Предпринятые технические меры, несмотря на отвод войск от границы, были восприняты австро-венгерской и германской разведками как начало скрытой мобилизации, к этим оценкам присоединился и французский военный атташе в России генерал маркиз В. де Лагиш[149]. Возвращавшийся в это время из отпуска в Россию через Германию британский военный атташе подполковник А. Нокс в Берлине купил газету, в которой был напечатан приказ о частичной мобилизации. Только здесь он понял — война неизбежна: на полях в разгар сельскохозяйственных работ не было видно людей, мосты находились под сильной охраной, в Восточной Пруссии обстановка была весьма нервная[150]. А в России к общей мобилизации еще и не приступили.

«Под вечер 16 июля, — вспоминал один из офицеров, — я был снова в штабе округа и узнал, что мобилизация объявлена, но... только южных округов. В штабе царило недоумение, ибо многим было известно, что наш мобилизационный план предвидел только всеобщую мобилизацию»[151]. Приказ об общей мобилизации был остановлен уже во время его рассылки на центральном телеграфе. Вместо него в ночь ушел приказ о частичной мобилизации четырех округов[152]. Уже вечером этого дня части, расквартированные в них, начали переход в предмобилизационное состояние — в гарнизонах началась активная работа. На следующий день в Петербург отправились и войска из лагерей, они возвращались в казармы для подготовки к мобилизации[153]. Только первый день частичной мобилизации мог пройти без непоправимых последствий для всеобщей. Плановые воинские перевозки начинались на второй день и подразделялись на перевозки «по мобилизации» и «по сосредоточению». Со второго дня срыв всеобщей мобилизации был бы неизбежен[154].

В ночь с 16 (29) на 17 (30) июля Ф. фон Пурталес еще дважды обращался к С. Д. Сазонову с просьбой о встрече, и министр дважды принимал его — в час и в два часа ночи. В первый раз германский посол предложил России удовлетвориться обещанием Австро-Венгрии не нарушать целостности Сер-

бии, однако российский министр ответил отказом. Данное предложение не исключало возможность военного нападения, да и события последних дней убедительно доказывали, что австрийцы слишком изящно играют терминами, и поэтому за предложенной формулировкой могло стоять что угодно, вплоть до длительной оккупации страны. Поэтому С. Д. Сазонов выработал и во время второй встречи вручил Ф. фон Путралесу следующую формулу, отражавшую позицию России: «Если Австрия, признавая, что ее конфликт с Сербией принял характер вопроса, имеющего общеевропейское значение, заявит о своей готовности исключить из своего ультиматума пункты, нарушающие принцип суверенитета Сербии, Россия обязуется прекратить все свои военные приготовления»[155].

С. Д. Сазонов заявил о готовности не только вести переговоры непосредственно с Веной, но и обсудить условия примирения между Веной и Белградом на конференции великих держав. Ответом была угроза — заявление о готовности Германии перейти к мобилизации[156]. «Мы вообразили, — писал через год с небольшим князь М. фон Лихновский, — что, используя приказной тон и приемы из армейского строевого устава, сможем добиться дипломатического успеха и так омолодить Австро-Венгрию. Это была наша фатальная и ужасная ошибка»[157]. Таким образом, Берлин занял такую же позицию, как и во время боснийского кризиса. Утром 17 (30) июля очевидность этой угрозы полностью осознали в Петербурге. Военный министр и начальник ГУГШ были настроены весьма серьезно и не теряли надежды на исправление ситуации. Это должно было произойти не позднее 17 (30) июля.

Утром этого дня Н. Н. Янушкевич и В. А. Сухомлинов пытались по телефону убедить императора вернуться к приказу об общей мобилизации. Император отверг эту просьбу и прервал разговор. Однако к телефону подошел приехавший к военным С. Д. Сазонов и добился аудиенции в Петергофе в три часа дня[158]. Министр обещал в случае удачи связаться с начальником ГУГШ по телефону. «После этого, — сказал Н. Н. Янушкевич, — я уйду, сломаю мой телефон, и вообще приму все меры, чтобы меня никоим образом нельзя было разыскать для преподания противоположных приказаний в смысле новой отмены общей мобилизации»[159]. Генерал остался в своем кабинете. Приблизительно в час дня ему позвонил В. А. Сухомлинов — теперь общая мобилизация начиналась 18 (31) июля. На этом этапе путаницы можно было еще избежать. Текст указа снова был проведен по всем инстанциям С. К. Добророльским[160], осталось лишь получить санкцию императора. В два часа дня С. Д. Сазонов, сопровождаемый генерал-майором И. Л. Татищевым, состоявшим при особе кайзера Вильгельма II, отбыли в Петергоф.

Они около часа уговаривали императора согласиться на общую мобилизацию. Николай II уже знал о том, что в Германии фактически началась мобилизация, и имел на руках телеграмму Вильгельма II о невозможности для Берлина играть роль посредника в случае продолжения русской мобилизации. Дав прочитать этот документ С. Д. Сазонову, император сказал: «Он требует от меня невозможного. Он забыл или не хочет признать, что

австрийская мобилизация была начата раньше русской, и теперь требует прекращения нашей, не упоминая ни словом об австрийской. Вы знаете, что я уже раз задержал указ о мобилизации и затем согласился только на частичную. Если бы я теперь выразил согласие на требования Германии, мы стояли бы безоружными против мобилизованной австро-венгерской армии. Это безумие»[161].

Перед Николаем II стояла сложнейшая задача — принять взвешенное и ответственное решение, имея дело с германо-австрийской дипломатией. До последних минут он надеялся сохранить мир, однако даже отказ от мобилизации при таких условиях не гарантировал миролюбия Берлина и Вены. Показательно, что австрийцы приступили ко всеобщей мобилизации 31 июля 1914 г., Франц-Иосиф подписал указ о ее начале еще до того, как в Вене стало известно о том, что Петербург решился пойти на эту меру. Австрийские действия были связаны с фактически начавшейся германской мобилизацией[162]. В этой обстановке никто не мог гарантировать, что за разоружением России могли последовать новые и новые требования со стороны Австро-Венгрии и Германии.

«Сильное желание государя во что бы то ни стало избежать войны, ужасы которой внушали ему крайнее отвращение, — гласит поденная запись МИДа, — заставляло Его Величество в сознании принимаемой им в этот роковой час тяжелой ответственности искать всевозможных способов для предотвращения надвигавшейся опасности. Сообразно с этим он долго не соглашался на принятие меры, хотя и необходимой в военном отношении, но которая, как он ясно понимал, могла ускорить развязку в нежелательном смысле»[163]. Когда император согласился, С. Д. Сазонов немедленно испросил разрешения позвонить Н. Н. Янушкевичу и сообщил ему о принятом решении, закончив сообщение словами: «Теперь вы можете сломать телефон»[164].

В четверг 17 (30) июля в Мариинском дворце было собрано экстренное заседание правительства. К концу совещания в зал, где оно проходило, вбежал генерал Н. Н. Янушкевич. Не ответив на замечание, сделанное ему И. Л. Горемыкиным, он подошел к его столу и громко произнес: «Его Императорское Величество соизволили повелеть объявить всеобщую мобилизацию»[165]. В начале седьмого вечера началась передача телеграмм, а в восемь часов вечера полки получили указание — «вскрыть четвертый». На этот раз все шло по плану, только из Киевского военного округа пришел запрос о подтверждении. Смена приказов — о частичной, а затем общей мобилизации вызвала мысль о недоразумении. Приказ был подтвержден, и больше вопросов не возникало[166]. Указ о переводе армии и флота на военное положение был опубликован в газетах и распечатан в объявлениях. 18 (31) июля было объявлено первым днем мобилизации[167]. Наиболее оперативно отреагировали моряки, которые опасались повторения событий начала Русско-японской войны. Флот мобилизовался быстро и в образцовом порядке.

Еще 12 (25) июля командующий Балтийским флотом адмирал Н. О. фон Эссен провел в Ревеле совещание флагманов и капитанов флота. Адмирал

был уверен в том, что войны избежать не удастся, и поэтому решительно настроен на меры, принятие которых исключило бы внезапное нападение противника. Под видом подготовки к маневрам начался сбор судов. Было принято решение об усиленном наблюдении над входом в Финский залив: сюда переведены для дежурства крейсеры, вперед выдвинута бригада подводных лодок, отряд минных заградителей («Амур», «Енисей», «Волга», «Ладога», «Нарова») в полной готовности к постановке мин находился в Поркалауде. Короткой шифровкой «Дым! Дым! Дым!» командующий объявил повышенную готовность флота: всем кораблям был дан приказ к отражению минных атак. Кроме того, на остров Эзель с целью организации воздушного наблюдения за подступами к Финскому заливу была переведена имеющаяся на Балтике морская авиация в связи с опасением удара подводных лодок[168].

Командующий волновался, поскольку Санкт-Петербург не давал разрешения на минирование входа в Финский залив. Колебания морского министра были вызваны пониманием того, чем грозит России война на Балтике. 16 (29) июля, перед тем как поставить свою подпись под указом об общей мобилизации, И. К. Григорович сказал: «Флот наш не в состоянии состязаться с немецким, Кронштадт не предохранит столицу от бомбардировок»[169]. Перспектива столкновения с потенциальным противником не радовала командование Балтийского флота — сказались предвоенные проволочки с кредитованием морских программ. «Посадить бы членов Государственной думы на наши старые калоши и отправить на войну с немцами», — отметил один из русских офицеров[170]. Положение на Балтике действительно складывалось сложное: линейные корабли дредноутного типа еще не были готовы, батареи на островах, которым надлежало прикрывать Поркалаудскую минную позицию, имели на вооружении только орудия небольшого калибра, самый мощный корабль флота — линкор «Андрей Первозванный» находился на ремонте в Кронштадте.

Постановка минных заграждений также была сопряжена со значительным риском. Минные заградители были тихоходными, а из 49 эсминцев и миноносцев лишь «Новик» мог считаться вполне современным. Из остальных только миноносцы типа «Генерал Кондратенко» могли быть привлечены к постановке заграждений, но при наличии 35 мин на борту нельзя было использовать их артиллерийское и торпедное вооружение. Крейсеры не имели на борту рельсов и, следовательно, не могли участвовать в минных постановках. К острову Нарген для прикрытия минных заградителей были выведены основные силы флота. План прикрытия входа в Финский залив был разработан в 1912 г. самим Н. О. фон Эссеном и А. В. Колчаком и предполагал постановку минного заграждения до официального объявления войны[171].

17 (30) июля Н. О. фон Эссен получил информацию о том, что 12 (25) июля Германия и Швеция заключили союз, что могло резко ухудшить положение Балтийского флота, и германские корабли вышли из Киля, держа курс на

Данциг. Это означало, что в течение 30–36 часов они могли оказаться у Поркалауда. В случае если бы это произошло, остановить их без минных позиций было бы невозможно[172]. Положение складывалось столь опасное, что для удержания позиций рассматривался даже план вывода недостроенного дредноута «Петропавловск» и использования его в качестве плавучей батареи у Наргена[173]. Командующий флотом не стал ждать инструкций. Войскам ушла телеграмма «Огонь! Огонь! Огонь!», извещавшая о начале военных действий[174]. Флот немедленно пришел в движение — это был сигнал о постановке мин на Поркалаудской позиции[175]. Без санкций был решен и другой важнейший вопрос. «Пусть меня потом сменят, — сказал адмирал, — но я ставлю заграждение»[176]. В пять часов утра 18 (31) июля отряд минных заградителей начал минирование входа в Финский залив. Было поставлено 2200 мин, а еще ранее начата подготовка к эвакуации военно-морской базы в Либаве[177]. У границ заграждения остались дежурить корабли, которые останавливали и возвращали назад коммерческие пароходы[178]. До конца года флот поставил 4896 мин, по большей части на центральной позиции[179].

В июле 1914 г. Н. О. фон Эссен рисковал, поскольку распоряжение начать такие действия он получил позже[180]. Адмирал не был простым исполнителем, хорошо усвоив уроки Порт-Артура. В своем штабе он установил порядки, которые заслуженно создали ему репутацию человека дела. Н. О. фон Эссен не только сам не страдал бюрократизмом, но и не терпел его в окружении. Вся его система управления была ориентирована на развитие духа инициативы у офицеров и матросов[181]. Результатом долгого труда стали искренняя любовь и тех, и других, огромный, практически беспрекословный авторитет командующего, несравнимый ни с кем из его современников[182]. Адмирал имел полное право на те слова, с которыми он обратился к своим подчиненным 19 июля (1 августа) 1914 г.: «Волею Государя Императора сегодня объявлена война. Поздравляю Балтийский флот с великим днем, для которого мы живем, которого мы ждали и к которому готовились»[183].

30 июля граф Л. фон Бертхольд пригласил к себе русского посла в Вене. Он заявил, что ввиду начавшейся русской мобилизации Австро-Венгрия вынуждена приступить к мобилизации своих войск на русской границе. Министр заверил дипломата, что данный акт не носит враждебного характера по отношению к России, с которой его страна хотела бы сохранить добрые отношения, и просил передать эти слова в Петербург. Разговор незамедлительно зашел о сербском вопросе. Н. Н. Шебеко попытался объяснить, что австрийские действия против Сербии выдают желание нанести смертельный удар этому государству, и это не может не вызвать всеобщее негодование в России. Л. фон Бертхольд попытался отделаться обычными упреками в адрес Белграда и общими фразами о том, что его страна не посягает на суверенитет своего балканского соседа. В тот же день австрийский посол в России получил разъяснение Л. фон Бертхольда: он отказывался впредь обсуждать вопросы, связанные с ответной сербской нотой и австро-

сербской войной, отметив при этом, что Дунайская монархия не желает затрагивать интересы России и не планирует аннексии какой-то части сербской территории или умаления суверенитета Сербии[184]. Несмотря на эту подслащенную пилюлю, было ясно, что австрийцы отнюдь не собираются останавливать военные действия. Вскоре последовало и разъяснение причин их неуступчивости.

18 (31) июля Ф. фон Пурталес вновь явился в здание русского МИДа и передал товарищу министра А. А. Нератову записку, излагавшую позицию Берлина: «Следуя данным Германией в Вене советам, Австрия выступила с декларацией, которой, по мнению германского правительства, достаточно, чтобы успокоить Россию. Подобная декларация, которой находящаяся в состоянии войны великая держава заранее связывает себе руки к моменту заключения мира, должна быть рассматриваема как очень крупная уступка и как доказательство ее миролюбия. Россия должна дать себе отчет в том, что, стремясь заставить Австрию идти далее этой декларации, она просит у нее нечто, не совместимое с ее достоинством и престижем великой державы. Упрекая Австрию в том, что последняя нарушает суверенные права Сербии, она посягает на те же права Австрии. Русское правительство не должно бы упускать из виду, что *Германия заинтересована* (выделено в оригинале. — *А. О.*) в поддержании престижа Австро-Венгрии как великой державы и что нельзя требовать от Германии, чтобы она воздействовала на Австрию в направлении, идущем вразрез с ее собственными интересами. При этих условиях, если Россия будет настаивать на своих требованиях и откажется признать локализацию австро-сербского конфликта совершенно необходимой в интересах европейского мира, она должна в то же время отдать себе отчет в том, что положение является крайне опасным»[185].

Итак, Германия сбросила маску, признавшись, что с самого начала не ставила перед собой задачу остановить австро-сербскую войну, а, скорее, наоборот. Не удивительно, что и попытка посредничества со стороны Великобритании также не увенчалась успехом. 31 июля Вена ответила на это предложение весьма оригинальным образом: она согласилась его принять при условии продолжения военных действий и приостановления русской мобилизации[186]. Что касается попыток Николая II воздействовать на Австро-Венгрию через Берлин, то они были обречены на провал. 31 июля Т. фон Бетман-Гольвег отправил М. фон Лихновскому телеграмму: «29 июля Царь предложил Его Величеству по телеграфу выступить посредником между Россией и Австрией. Его Величество немедленно объявил о своем согласии, информировав об этом по телеграфу Царя и немедленно предприняв шаги в Вене. Не дождавшись результата, Россия мобилизовалась против Австрии. Вследствие этого Его Величество обратил по телеграфу внимание Царя на то, что считает теперь посреднические акции почти иллюзорными, и предложил остановить военную подготовку против Австрии. Этого не было сделано... Мы не можем быть отвлеченными наблюдателями и спокойно смотреть на русскую мобилизацию у наших границ. Мы заявили России,

что если в течение 12 часов военная подготовка против Австро-Венгрии и нас не будет остановлена, мы вынуждены будем начать мобилизацию. Это будет означать войну. Мы уже сделали запрос Франции, останется ли она нейтральной в случае германо-русской войны»[187].

На самом деле еще 26 июля военный министр Пруссии генерал Эрих фон Фалькенгайн начал возвращать войска из лагерей, была введена охрана железных дорог, началась закупка зерна в районах сосредоточения армий, а 30 июля объявлены «положение, угрожающее войной», и призыв шести возрастов резервистов. Фактически началась мобилизация германской армии[188]. Формально она была объявлена значительно позже, пока же Николай II предпринимал последние усилия для того, чтобы предотвратить войну. «По техническим условиям невозможно приостановить наши военные приготовления, — сообщал он германскому кайзеру 18 (31) июля в 14 часов 55 минут, — которые явились неизбежным последствием мобилизации Австрии. Мы далеки от того, чтобы желать войны. Пока будут длиться переговоры с Австрией по сербскому вопросу, мои войска не предпримут никаких вызывающих действий. Даю тебе в этом мое слово. Я верю в Божье милосердие и надеюсь на успешность твоего посредничества в Вене в пользу наших государств и европейского мира»[189].

Ответ пришел в 17 часов 15 минут: «Вследствие твоего обращения к моей дружбе и твоей просьбе о помощи я выступил в роли посредника между твоим и австро-венгерским правительством. В то время когда еще шли переговоры, твои войска были мобилизованы против Австро-Венгрии, моей союзницы, благодаря чему, как я уже тебе указал, мое посредничество стало почти призрачным. Тем не менее я продолжал действовать, а теперь получил достоверные известия о серьезных приготовлениях к войне на моей восточной границе. Ответственность за безопасность моей империи вынуждает меня принять предварительные меры защиты. В моих усилиях сохранить всеобщий мир я дошел до возможных пределов, и ответственность за бедствие, угрожающее всему цивилизованному миру, падет не на меня. В настоящий момент все еще в твоей власти предотвратить его. Никто не угрожает могуществу и чести России, и она свободно может выждать результатов моего посредничества. Моя дружба к тебе и твоему государству, завещанная мне дедом на смертном одре, всегда была для меня священна, и я не раз честно поддерживал Россию в моменты серьезных затруднений, в особенности во время последней войны. Европейский мир все еще может быть сохранен тобой, если только Россия согласится остановить приготовления, угрожающие Германии и Австро-Венгрии»[190].

Почти сразу же после отправки этой телеграммы Вильгельм II выступил с балкона своего дворца перед берлинцами, заявив своим подданным, что его вынуждают начать войну[191]. Кайзер явно не договаривал: начать войну его вынуждали собственные расчеты, согласно которым первый и сокрушающий удар должен был быть нанесен по Франции. Залогом успеха молниеносной кампании на западе и переброски основных сил рейхсвера

на восток было опоздание сосредоточения русских войск. Чем позже начинала Россия мобилизацию, тем выше была гарантия успешного завершения «плана Шлиффена». В 11 часов вечера в Германии уже и формально началась всеобщая мобилизация. Почти одновременно, в полночь 18 (31) июля, Германия предъявила России ультиматум о прекращении мобилизации как всеобщей, так и частичной, направленной против Австро-Венгрии, и отдаче приказа о роспуске войск в течение 12 часов. Уже на следующий день 7-й германский армейский корпус, насчитывавший около 100 тыс. человек (он был отмобилизован ранее) занял нейтральный Люксембург. «План Шлиффена» фактически начал выполняться[192].

Практически в то же самое время, когда немецкие солдаты входили на территорию этого герцогства, Ф. фон Пурталес позвонил начальнику канцелярии русского МИДа барону М. Ф. Шиллингу с просьбой о приеме у министра. С. Д. Сазонов уже не сомневался: «Он, вероятно, привезет мне объявление войны»[193]. Глава русского внешнеполитического ведомства не ошибся. 19 июля (1 августа) 1914 г. Германия объявила России войну. Спешка в германском посольстве была такой, что Ф. фон Пурталес оставил ноту с двумя вариантами в одном тексте — очевидно, в немалой степени этому способствовало и то, что он очень волновался. Из кабинета русского министра он вышел в слезах[194]. Перед вручением документа он трижды спросил у С. Д. Сазонова, не готово ли русское правительство отменить мобилизацию[195]. Впрочем, на оплошность весьма аккуратных обычно немцев и в русском МИДе не обратили особого внимания. Как отмечает русская официальная версия случившегося: «...в самую минуту передачи ноты суть германского заявления была столь ясна, что не в словах было дело»[196].

Хваленый немецкий порядок, казалось, был забыт политическим руководством Германии. «С момента объявления русской мобилизации, — вспоминал А. фон Тирпиц, — канцлер (то есть Бетман-Гольвег. — *А. О.*) производил впечатление утопающего. В то время как юристы Министерства иностранных дел углублялись в академический вопрос о том, находимся ли уже мы в состоянии войны с Россией или нет, обнаружилось, что мы забыли спросить Австрию, желает ли она бороться вместе с нами против России. Италия также не была извещена об объявлении нами войны России»[197]. При этом Т. фон Бетман-Гольвег торопил своих юристов с подготовкой текста об объявлении войны России, ему была нужна поддержка социал-демократической фракции рейхстага[198]. После выборов 1912 г. она оказалась самой значительной: 110 депутатов против 90 центристов, 85 либералов и 69 консерваторов[199].

Война с царской Россией во имя защиты будущей революции всегда была популярна среди немецких левых, и они поддержали свое правительство вопреки обещаниям, сделанным перед войной на конгрессах Социалистического Интернационала. Впрочем, весной 1918 г. германские социал-демократы проголосовали и за ратификацию Брестского мира, навязанного кайзером, казалось бы, уже далеко не царской России, которая во всяком

случае не несла угрозы революции. В этом отношении расчет Т. фон Бетман-Гольвега оказался верным, но ближайшего союзника пришлось подгонять.

Следует отметить, что Австро-Венгрия начала мобилизацию против Сербии утром в 9 часов 23 минуты 25 июля, а уже 31 июля Франц-Иосиф получил телеграмму от Вильгельма II, призывающего проводить мобилизацию прежде всего против России. 1 августа 1914 г. граф Ладислав де Сегени получил телеграмму от Готлиба фон Ягова, выражающую личную надежду последнего на то, что основная тяжесть военных действий союзников будет направлена именно против России. Вскоре в Вену пришла еще одна телеграмма от австрийского военного атташе в Берлине. Вильгельм II воспользовался этим каналом, чтобы срочно передать его настоятельную просьбу Францу-Иосифу и Ф. Конраду фон Гетцендорфу о сосредоточении всех сил против России. Император Австро-Венгрии ответил: «Как только мой Генеральный штаб узнал, что Вы намерены начать войну с Россией как можно раньше, здесь было также принято решение сконцентрировать абсолютное большинство наших войск против России»[200].

Почти одновременно в своей последней телеграмме к Николаю II, отправленной 19 июля (1 августа) 1914 г. в 10 часов 45 минут, Вильгельм II призывал: «Во всяком случае, я должен просить тебя немедленно отдать приказ твоим войскам ни в каком случае не переходить нашей границы»[201]. Манифест об объявлении Россией войны Германии последовал 20 июля (2 августа) 1914 г.[202] В нем говорилось о развитии кризиса на Балканах и начале войны Германии против России. «Ныне, — призывал император, — предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную нам страну, но оградить честь и достоинство, целость России и положение ее среди великих держав. Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской земли дружно и самоотверженно встанут все верные наши подданные»[203].

«Германия, — телеграфировал в тот же день русским послам во Франции и Англии С. Д. Сазонов, — явно стремится переложить на нас ответственность за разрыв. Наша общая мобилизация была вызвана громадной ответственностью, которая создалась бы для нас, если бы мы не приняли всех мер предосторожности в то время, как Австрия, ограничиваясь переговорами, носившими характер проволочки, бомбардировала Белград. Государь Император своим словом обязался перед Германским Императором не предпринимать никаких действий, пока продолжаются переговоры с Австрией. После такого заверения и после всех доказательств миролюбия России Германия не имела права сомневаться в нашем утверждении, что мы примем с радостью всякий мирный выход, совместный с достоинством и независимостью Сербии. Иной исход был бы совершенно несовместим с нашим собственным достоинством и, конечно, поколебал бы равновесие Европы, утвердив гегемонию Германии. Этот европейский мировой характер конфликта бесконечно важнее повода, его возбудившего»[204].

События в Европе подтверждали правоту этих слов. Вечером 25 июля распоряжением военного министра Франции Адольфа Мессими на свои

посты были возвращены все офицеры Генерального штаба и командиры корпусов. 26 июля военный губернатор Парижа и командиры корпусов получили приказ о введении военного положения, а 29 июля начался призыв резервистов в пограничной с Германией полосе. 31 июля начались перевозки в пограничные районы части французской армии, предназначенной для прикрытия мобилизации и сосредоточения[205]. В этот день Германия известила правительство республики об ультиматуме, сделанном ей России. Париж должен был в течение 18 часов объявить о своем нейтралитете в русско-германской войне. В случае, если французская сторона захотела бы избежать конфликта, немецкий посол должен был потребовать гарантии — передачи крепостей Туль и Верден в качестве залога нейтралитета[206]. «Гарантии мира» были отвергнуты Парижем, и 2 августа Германия объявила Франции войну, сославшись на мифические бомбардировки французскими летчиками германской территории. «Таким образом, — оригинально заметил Т. фон Бетман-Гольвег, — мы оказались наступающей стороной, хотя и считали себя вправе ссылаться на агрессивные действия французских войск»[207].

Интересно, что не у всех в Берлине этот акт вызвал поддержку, впрочем, не из соображений миролюбия. «Я неоднократно указывал, — отмечал А. фон Тирпиц, — что мне вообще непонятно, зачем нужно объявлять войну Франции, ибо подобные акты всегда имеют привкус агрессии; армия может идти к французской границе и без этого»[208]. Но основные силы германской армии двинулись «без этого» к бельгийской границе, более того, «без этого» они ее перешли. 2 августа бельгийское правительство также получило свою «гарантию мира» — предложение пропустить германские войска через свою территорию под предлогом необходимости защиты от французской армии. В случае согласия Брюсселю обещали эвакуировать страну после окончания войны, возместить все убытки и даже учесть пожелания относительно возможных компенсаций за счет Франции. В случае отказа будущее германо-бельгийских отношений должно было решить оружие. Свои требования к королевству Берлин оправдал готовностью Франции совершить агрессию в Бельгию для выхода на нижний Рейн, в тыл германской армии[209].

Германия решила воспользоваться заявлением Франции о своей готовности уважать нейтралитет Бельгии и в случае необходимости и просьбы со стороны ее правительства прийти на помощь Брюсселю. Угроза со стороны Берлина резко подействовала на поведение Лондона: там не допускали возможности перехода контроля над бельгийским побережьем к другой державе, тем более к Германии[210]. На самом деле судьба Бельгии была уже решена, машина, запущенная германским Генеральным штабом, работала без остановки. О масштабе немецкого движения можно судить по цифрам: только через кельнские мосты в случае мобилизации каждые 24 часа проходило 550 поездов. За первые 16 дней мобилизации через Гогенцоллерновский мост в Кельне было пропущено 2150 поездов, в среднем по одному поезду каждые 10 минут[211].

Значительная часть этой армады двигалась на Бельгию. Всеобщая воинская повинность была введена здесь только в 1913 г. Предполагалось, что эта реформа обеспечит в случае проведения мобилизации увеличение армии более чем вдвое — до 334 тыс. человек[212]. К 1918 г., когда закон о воинской повинности заработал бы в полную силу, бельгийская армия увеличилась бы до 350 тыс. человек, но выполнить этот план к началу войны не успели[213]. В 1914 г. вся армия королевства состояла из шести пехотных и одной кавалерийской дивизий: 117 тыс. человек, из них 93 тыс. штыков и 6 тыс. сабель при 324 орудиях и 102 пулеметах[214]. Боеспособность ее после реформы, при почти 90-летнем отсутствии боевого опыта, оставалась открытым вопросом. Впрочем, неясным было и то, получат ли бельгийцы шанс на проведение мобилизации (они начали ее в ночь с 31 июля на 1 августа 1914 г.)[215]. Французы до войны не придавали особого значения угрозе со стороны бельгийской границы. Русские военные не сомневались в том, что вторжение через Бельгию состоится и особой опасности для интервента не будет.

В 1910 г. русская разведка получила достаточно полную информацию о «плане Шлиффена» — его отчет о военной игре, проведенной в конце 1905 г. Начальник Большого Генерального штаба исключал возможность сохранения нейтралитета Бельгии и Голландии. Естественно, он исходил из своего видения интересов этих государств: «Едва ли может подлежать сомнению, если Франция и Англия выйдут победителями из этой войны, что оба маленьких государства — Бельгия и Голландия составят часть их добычи, между тем они должны ожидать несравнимо лучших условий со стороны Германии как победительницы. Собственные интересы Бельгии и Голландии призывают их стать на сторону Германии. Конечно, нельзя вместе с тем сказать, что они на самом деле последуют этому призыву... Все-таки можно принять, что оба эти угрожаемые государства примут более смелое и более здравое решение»[216]. Готовность немцев действовать силой, если эти государства, во всяком случае Бельгия, не примут «более здравое решение», не вызывала сомнений.

23 апреля (6 мая) 1914 г. временно исполняющий должность военного агента в Гааге и Брюсселе ротмистр князь Д. А. Накашидзе сообщал в отдел генерал-квартирмейстера ГУГШ: «Короткость нынешней франко-германской границы, не позволяющая развернуть на ней всю массу германских войск, а также выгодность для этих последних занять излюбленное немцами охватывающее положение уже в самом начале войны с Францией выдвинули уже давно вопрос о возможности перехода части германских войск через Люксембург и Бельгию. Германская железнодорожная политика, стремящаяся создать здесь возможно большее число линий, часто не имеющих значения в торговом отношении, но являющихся новыми путями для перевозки войск, подтверждает предположение, что в случае войны германцы, рассчитывая на полную беспомощность Люксембурга и слабость бельгийской армии, не постесняются провести свои войска через эти две страны»[217]. Непосредственно перед войной, 15 (28) июля 1914 г., эти

положения были почти слово в слово повторены в публикации последнего, 62-го выпуска «Сборника Главного управления Генерального штаба»[218].

Выводы Д. А. Накашидзе оправдались через три месяца: 1) проход германских войск через Бельгию и Люксембург в районе Льеж – Намюр – Люксембург в случае войны с Францией весьма вероятен; 2) если война начнется внезапно, «что также весьма вероятно, то бельгийская армия не успеет, даже если бы того и пожелала, оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления этому переходу и дальнейшему продвижению германцев к французской границе»[219]. Уже 29 июля Э. Грей предупредил князя М. фон Лихновского о том, что в случае европейской войны Англия не сможет длительное время держаться в стороне от конфликта[220]. В Берлине к предупреждению не прислушались, очевидно, по той причине, что там рассчитывали быстро справиться с противниками. Вступление немцев в Люксембург усилило готовность Лондона к вмешательству. Объяснения германского посла о том, что немцы вошли в Люксембург для гарантии порядка на местных железных дорогах, принадлежавших Пруссии, и что эта мера не затрагивает территориальной целостности герцогства, были отвергнуты Э. Греем: «Это не вопрос территориальной целостности. Это вопрос нейтралитета»[221].

1 августа Лондоном было сделано соответствующее заявление и в отношении Бельгии. Тональность его была весьма серьезной: британское правительство недвусмысленно давало понять Берлину, что не останется в стороне в случае вторжения в королевство. М. фон Лихновский добавил к донесению слова о своем убеждении в том, что люди в Англии по возможности все-таки предпочли бы мир, но вопрос бельгийского нейтралитета резко осложняет ситуацию. «Мое впечатление, – написал на донесении кайзер, – что г-н Грей – фальшивый пес, который боится своей собственной дешевой и фальшивой политики, но который не выйдет открыто против нас, предпочитая, чтобы мы заставили его сделать это»[222]. В воскресенье 2 августа М. фон Лихновский вновь предупредил Министерство иностранных дел, что в случае нарушения бельгийского нейтралитета Германией и начала войны с ней взрыв общественного негодования в Англии будет таким, что ее правительство не сможет остаться нейтральным[223]. Но и это предупреждение осталось без последствий.

2 августа 1914 г. премьер-министр Великобритании лорд Г. Асквит после разговора с лордом-канцлером Р. Холдейном и министром иностранных дел Э. Греем пришел к мысли о неизбежности войны против стремления Германии к мировому господству (не просто к победе над Францией и Россией, во всяком случае по мысли Холдейна и Грея) и необходимости мобилизации. Британское правительство в целом имело представление о «плане Шлиффена», и сомнений о том, что немцы планируют вторгнуться в Бельгию, а возможно, и в Голландию, у них не было. В тот же день Лондон впервые известил Париж о своем возможном вступлении в войну на стороне Франции и России[224]. Схожее по сути предупреждение было сделано Г. Асквитом и

германскому послу. Премьер-министр открыто заявил, что германо-французская война будет весьма непопулярной в английском общественном мнении и что на нейтралитет Лондона окажут значительное влияние два фактора: 1) возможное нарушение нейтралитета Бельгии, гарантом которого является среди прочих держав и Великобритания; 2) возможные атаки германского флота на северо-западное побережье Франции, ответственность за безопасность которого взяла на себя Англия в обмен на предоставленную Парижу возможность усилить свой Средиземноморский флот[225].

Великобритания, как казалось ее правительству, была достаточно хорошо подготовлена к действиям, во всяком случае в соответствии с довоенными представлениями о них и имеющимися планами. Быстрая мобилизация ее вооруженных сил не вызывала проблем: ежегодные маневры английского флота закончились только 26 июля, и ввиду тревожного положения было принято предложение У. Черчилля не демобилизовывать флот. Готовность армии была высокой. Требовался повод, но его не мог дать Люксембург, не сопротивлявшийся вторжению, что нарушало положение о вооруженной защите его нейтралитета[226]. Вечером 2 августа король Альберт ответил категорическим отказом на требования Германии — Бельгия решила сопротивляться.

В шесть часов утра 4 августа германский посол в Брюсселе сообщил правительству этой страны о том, что Германия вынуждена будет принять меры для обеспечения своей безопасности. В восемь часов утра немецкие солдаты начали переходить бельгийско-германскую границу, а в полдень Альберт I обратился к странам — гарантам нейтралитета своей страны с просьбой о военной помощи[227]. Вторжение германской армии в Бельгию дало Лондону необходимый повод. 3 августа в Берлин ушел ультиматум о немедленном прекращении нарушения нейтралитета королевства. В полночь 4 августа Великобритания объявила войну Германии[228]. Это известие было принято в России с восторгом. «Лучшим образом с внешней стороны для нас кампания не могла начаться», — так отреагировал на это известие Николай II[229].

За примером Берлина вскоре последовала и Вена. 24 июля (6 августа) Австро-Венгрия объявила войну России. Повод для нее оказался сформулирован не менее оригинально, чем у союзницы. По мнению австрийского МИДа, именно Россия начала войну с Германией: «Ввиду угрожающего положения, занятого Россией в конфликте между Австро-Венгерской монархией и Сербией, и при наличии того обстоятельства, что вследствие этого конфликта Россия, как это следует из сообщения берлинского кабинета, сочла необходимым открыть военные действия против Германии, и что последняя, таким образом, находится в состоянии войны с вышеназванной державой, Австро-Венгрия равным образом считает себя с настоящего момента в состоянии войны с Россией»[230]. Следует отметить, что аресты русских подданных в Австро-Венгрии (значительное их количество безмятежно отдыхали на курортах) начались со дня объявления войны Рос-

сии Германией, то есть до формального разрыва Вены с Петербургом, и одновременно австрийские власти предприняли значительные усилия по ограничению выезда русских за пределы Дунайской монархии, чтобы иметь возможность интернировать их позднее[231].

Чтение австрийской ноты об объявлении войны России графом Ф. Сапари было прервано С. Д. Сазоновым, напомнившим австро-венгерскому послу, что как раз Германия объявила войну России, но тот ответил: «Ах, господин министр! Войдите же в мое положение: мне так приказали!»[232]. 26 июля (8 августа) Николай II подписал манифест о начале войны России с новым противником[233]. «Ныне Австро-Венгрия, первая зачинщица мировой смуты, обнажившая посреди глубокого мира меч против слабейшей Сербии, — говорилось в нем, — сбросила с себя личину и объявила войну не раз спасавшей ее России. Силы неприятеля умножаются: против России и всего славянства ополчились обе могущественные немецкие державы. Но с удвоенной силой растет навстречу им справедливый гнев мирных народов и с несокрушимою твердостью встает перед врагом на брань Россия, верная славным преданиям своего прошлого»[234]. В тот же день австрийское посольство (92 человека) во главе с Ф. Сапари отбыло на родину через Финляндию и Швецию[235].

Как начиналась война — реакция общества

Долгий мир в Европе подходил к концу, для политиков и высших военных чинов война пришла неожиданно. Сотни старших офицеров мобилизация застала в Ессентуках и Минеральных Водах, откуда они с трудом выбирались к своим частям[1]. В гарнизонах тем более не ждали ничего подобного, жизнь там текла спокойно и размеренно[2]. «Как всегда бывает накануне большой войны, — совершенно правильно отметил в своих воспоминаниях М. Д. Бонч-Бруевич, — в близкую возможность ее никто не верил... полк стоял в лагере, но ослепительно белые палатки, и разбитые солдатами цветники, и аккуратно посыпанные песочком дорожки только усиливали ощущение безмятежно мирной жизни, владевшее каждым из нас»[3].

Также не ожидали войны и представители общественности. «Никто не подозревал в то же время, — вспоминал А. А. Кизеветтер, — что мир находился накануне величайшей из войн. Правда, Балканы кипели, как накаленный котел, из которого горячий пар валит клубами. Но как-то никому не думалось, что это прелюдия к всесветному пожару. И объявление войны налетело, как внезапный смерч»[4]. В этом смерче было много символичного. В Петербурге поначалу афиши о всеобщей мобилизации были красными: «Маленькие плакаты кровавым пятном алели на стенах. Потом спохватились. Все остальные пошли белые»[5]. Узнавший об объявлении войны в Риге великий князь Кирилл Владимирович отметил: «Среди всеобщего веселья известие (о том, что Германия объявила войну России. — *А. О.*) произвело эффект разорвавшейся бомбы. Должен признать, что эта война явилась крайней неожиданностью, даже более, чем японская война»[6].

Семинарист А. М. Василевский, будущий маршал Советского Союза, встретил июль — август 1914 г. на каникулах в Кинешме. Он также отмечал: «Во всяком случае, объявление войны явилось для нас полной неожидан-

ностью. И, уж конечно, никто не предполагал, что она затянется надолго»[7]. Английского путешественника С. Грэхема объявление войны застало в далекой деревне на Алтае. Его описание реакции местного населения на приказ о мобилизации напоминает бессмертные страницы шолоховского «Тихого Дона»: «Молодой человек проскакал по улице на прекрасном коне, за его спиной по ветру развевался большой красный флаг; скача, он выкрикивал новость для всех и каждого: Война! Война!»[8]. Далее произошло то, что, очевидно, так удивило британца: «Люди ничего не знали о проблемах Европы, им даже не было сказано, против кого Царь начал войну. Они оседлали своих коней и с готовностью поскакали, так и не спросив о причине призыва»[9]. Генерал Ю. Н. Данилов дал точное описание поведения русского крестьянина в войну: «...терпеливые и инертные по свойствам своей природы, они шли на призыв, куда звало их начальство. Шли и умирали, пока не настали великие потрясения»[10].

В такой готовности выполнить свой долг одновременно крылась немалая опасность. Люди, не спрашивавшие, с кем им придется воевать, слабо представляли себе цели войны, не говоря уже о ее причинах. Рано или поздно это незнание должно было сыграть свою роль. На необходимость воспитания русского общественного мнения ряд офицеров Генерального штаба обращал особое внимание еще перед войной. Огромные расстояния России, слабость ее политических партий, значительный удельный вес неграмотного и недостаточно материально обеспеченного населения заставляли с опаской смотреть в будущее. Государственная дума и пресса в качестве выразителей общественного мнения особых надежд не вызвали. «Нам нужно что-то более или менее постоянное, — писал в 1913 г. полковник А. А. Незнамов, — определенно известное, длительное. Я бы позволил себе сравнение: если на Западе им (общественным мнением. — *А. О.*) могут пользоваться, как разрядом Лейденской банки, нам нужно заготовить себе целую батарею»[11]. Ничего подобного в России заготовить не успели, «духовная мобилизация» русского общества, по словам современника, «совершалась не стройно»: «Чуть ли не каждый имел свою собственную теорию восприятия войны или даже несколько теорий — последовательно или одновременно. Во всяком случае, не помню, чтобы одна какая-либо идеологическая концепция или хотя бы отчетливое чувство объединяло всех»[12]. Между тем при начале боевых действий такого масштаба огромное значение принимала пропаганда.

Самой действенной, конечно, оставалась идея угрозы вторжения, которую практически и не нужно было развивать в ряде стран (Франция, Бельгия, Сербия, Германия). В некоторых случаях военной пропаганде пришлось решать более сложные задачи: например, первые плененные на Западном фронте американские солдаты на вопрос о причине своего прибытия в Европу отвечали, что США вступили в войну, чтобы освободить «большое озеро Эльзас-Лотарингию», причем где находилось это озеро, пленные толком не знали. Однако затем последовали энергичные пропагандистские

действия со стороны командования экспедиционного корпуса[13]. В России дело обстояло иначе, в том числе и потому, что значительное количество слабо образованных и неграмотных солдат чрезвычайно осложняло действие военной пропаганды. По свидетельству А. И. Деникина, перед войной призывы давали до 40% неграмотных новобранцев[14]. Будущий комендант Берлина генерал А. В. Горбатов, встретивший эту войну рядовым в кавалерии, вспоминал, что в эскадроне, в котором он служил, «половина солдат были неграмотными, человек двадцать на сто — малограмотными, а у остальных образование ограничивалось сельской школой»[15].

В этом отношении русская армия явно уступала противникам и союзникам и по качеству, и по количеству. Для сравнения, в 1907 г. в германской армии на 5 тыс. новобранцев приходился один неграмотный, в английской на 1 тыс. — 10 неграмотных, во французской на 1 тыс. — 35 неграмотных, в австро-венгерской на 10 тыс. — 220 неграмотных, в итальянской на 1 тыс. — 307 неграмотных. Набор 1908 г. дал русской армии 52% грамотных солдат[16]. Такой состав армии таил в себе немалую опасность. «Малокультурный русский народ, — вспоминал современник войны и революции, — не отдавал себе отчета в совершавшихся тогда, в 1914 г., событиях, как не отдавал себе он и потом, в 1917 г., такого же отчета, бросая фронт и разбегаясь с винтовками в руках «без аннексий и контрибуций» по домам»[17].

Недолго продержался и мир между правительством и политическими партиями, которые своими действиями объективно способствовали разлагающему влиянию противника. Первая мировая была и первой тотальной войной. «В этой войне, — отмечал Эрих Людендорф, — нельзя было отличить, где начиналась мощь армии и флота и где кончалась мощь народа. И вооруженные силы, и народы составляли одно целое. Мир увидал войну народов в буквальном смысле этого слова. С этой объединенной мощью стояли друг против друга самые могущественные государства нашей планеты. К борьбе против неприятельских вооруженных сил на огромных фронтах и далеких морях присоединилась борьба с психикой и жизненными силами вражеских народов, с целью их развалить и обессилить»[18]. В германском Генеральном штабе перед войной считали людской материал, которым обладала русская армия, таким же хорошим, как и прежде: «Русский солдат силен, нетребователен и бесстрашен. Положительные качества русской пехоты имели большее значение при прежних условиях боя в сомкнутом строю, чем при настоящих. По внешним признакам русский сравнительно мало восприимчив, и после неудач русские войска, по-видимому, быстро оправятся и вновь будут готовы к упорной борьбе»[19]. Но проблема была в том, что он должен был быть лучше.

Парадокс заключался в том, что в то время как с Россией вели тотальную войну, то есть войну народа с народом, она и в лице своего военно-политического руководства, и в лице общественности так и не смогла подняться до того, чтобы вести такую же войну со своими противниками. Генерал А. А. Брусилов весьма точно заметил: «Даже после объявления войны

прибывшие из внутренних областей России пополнения совершенно не понимали, какая это война стряслась им на голову, как будто бы ни с того ни с сего. Сколько раз спрашивал я в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто же такие сербы — не знал никто, что такое славяне — было также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать — было совершенно неизвестно. Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, т. е. по капризу царя»[20]. На фоне значительных потерь и не компенсировавших их по масштабу успехов это непонимание рано или поздно должно было привести к опасным последствиям.

Г. К. Жуков, которого война застала в Москве, где он работал скорняком, вспоминал о том, что сначала много молодых горожан уходили добровольцами на войну, вызвался идти и его друг, которого он хотел сначала поддержать, а потом передумал, не понимая причин, по которым может стать калекой: «...я сказал Саше, что на войну не пойду. Обругав меня, он вечером бежал из дому на фронт, а через два месяца его привезли в Москву тяжелораненым»[21]. Будущий маршал был призван летом 1915 г. Этот досрочный призыв, под который попадали уроженцы 1895 г., не вызвал у него положительных эмоций: «Особого энтузиазма я не испытывал, так как на каждом шагу в Москве встречал несчастных калек, вернувшихся с фронта, и тут же видел, как рядом по-прежнему широко и беспечно жили сынки богачей»[22]. Потери на фронте и отступление 1915 г. разлагающе действовали на тыл, а тот, в свою очередь, — на армию, поставляя ей вместе с новобранцами сомнения в победе.

По свидетельству генерала А. В. Горбатова, естественное при длительном отступлении после побед уныние получало поддержку от новобранцев: «Прибывающее из глубины страны пополнение еще увеличивало такое настроение своими рассказами о близком голоде, о бездарности правителей»[23]. Исключение представляли призывники из национальных меньшинств, связывавших эту войну с идеей противостояния извечному историческому врагу. В октябре 1915 г. И. Х. Баграмян по достижении 18 лет добровольно вступил в армию и, судя по его воспоминания, совершенно не испытывал подавленных чувств в связи с перспективой скорой отправки на фронт: «Солдатская служба со всеми ее трудностями и невзгодами нисколько не омрачала мое моральное состояние. Здоровое состояние, настроение и бодрость духа не покидали меня. Я старательно выполнял все свои обязанности, стремился под руководством опытных унтер-офицеров и бывалых солдат подготовить себя к предстоявшим походам и боям, к суровым условиям фронтовой жизни»[24].

Национальные части в конце 1917 г. продемонстрировали большую стойкость к антивоенной пропаганде. Это отмечал и противник. Полковник Вальтер Николаи, возглавлявший германскую военную разведку на восточном направлении, особенно высоко оценивал стойкость русских

подданных — немцев, сибиряков, мусульман, латышей и эстонцев. Среди представителей последних двух народов антигерманские настроения были весьма сильными[25]. Однако эти настроения были скорее исключением, поскольку в русских губерниях наблюдалась другая картина. В конце 1915 г. — зимой 1916 г. призывники в тылу, не стесняясь, распевали: «За немецкую царицу взяли парня на позицу»[26]. В. Николаи вспоминал: «Судя по русским военнопленным, война в русском народе не вызвала никакого энтузиазма. Солдаты показывали, что на войну их «погнали». Будучи, однако, хорошими солдатами, они были послушны, терпеливы и переносили величайшие лишения. Они сдавались лишь тогда, когда бой был безнадежен»[27].

Большое количество неграмотных, то есть несамостоятельных людей в армии особенно ослабляло ее в дни кризиса. В частной беседе один из русских генералов так высказался о природе своего подчиненного: «Он прекрасный солдат до тех пор, пока все идет хорошо, по программе, когда он знает, где его офицеры, и слышит, как его поддерживают наши орудия, иначе говоря, во время удачной атаки или обороны в окопах, *но когда происходит нечто неожиданное, как это бывает обычно в действиях против германцев, все меняется* (выделено мной. — *А. О.*)»[28]. Выделенная часть рассуждений генерала, как мне представляется, может с таким же успехом быть отнесена и к весьма образованной части русского общества, вообще фатально нестойкого к неудачам.

Примером может послужить поведение общественности в подобного рода ситуациях во время Крымской, Освободительной и японской войн. И, уж конечно, радикально настроенная часть интеллигенции не была в состоянии объяснить народу причины и смысл войны. Окончивший Гейдельбергский университет Ф. А. Степун вспоминал, насколько непохожими на германских интеллектуалов показались ему перед войной русские: «Объяснение этого в сущности невероятного факта надо, мне кажется, искать в традиционной незаинтересованности русской радикальной интеллигенции в вопросах внешней политики. История Франции сводилась в социалистических кругах к истории Великой революции и коммуны 1871 года; история Англии интересовала только как история манчестерства и чартизма. Отношение к Германии определялось ненавистью к Железному канцлеру за его борьбу с социалистами и преклонением перед Марксом и Бебелем. Конкретными вопросами русской промышленности и внешней торговли тоже мало кто интересовался. У эсеров они сводились к требованию земли и воли, у социал-демократов — к восьмичасовому рабочему дню и теории прибавочной стоимости. Не помню, чтобы мы когда-нибудь говорили о русских минеральных богатствах, о бакинской нефти, о туркестанском хлопке, о летучих песках на юге России, о валютной реформе Витте. Славянского вопроса для леворадикальной интеллигенции также не существовало, как вопроса Константинополя и Дарданелл. Ясно, что с таким подходом к политике наша кампания не была в состоянии облечь назревающую войну в осязаемую плоть живого исторического смысла. В нашем непосредственном

ощущении война надвигалась на нас скорее как природное, чем как историческое явление. Поэтому мы и гадали о ней, как дачники о грозе, которым всегда кажется, что она пройдет мимо, потому что им хочется погулять»[29].

Эта особенность объективно делала определенную часть русского общества податливой различным формам вражеской, прежде всего немецкой, пропаганды. К ведению войны на «внутреннем неприятельском фронте», как это называл Э. Людендорф, в Берлине относились весьма серьезно: «Неужели Германия не должна была прибегнуть к этому могучему средству, действие которого она ежедневно испытывала на себе? Неужели не надо было подтачивать моральные устои неприятельских народов, как это, к сожалению, так успешно достигал у нас противник? Эту борьбу надлежало вести, во-первых, через нейтральные государства, и во-вторых, через линию фронта»[30]. В этих высказываниях, написанных уже после войны, германский генерал удивительно откровенен, за исключением ссылки на вражескую пропаганду. Отличительным качеством действий немцев в войну, как известно, была ссылка на то, что первыми начали применять то или иное оружие их противники. Так было и с газами, и с авианалетами на города. Но то, что пропаганда в тылу через нейтральные государства поставлена по важности перед таковой же на фронте, звучит весьма убедительно. Таким образом, в качестве первичного объекта своих действий немцы избрали вовсе не полуграмотного солдата в окопе, а вполне образованного человека в тылу.

В начале предвоенного периода русское общество не успело попасть под влияние военных настроений — для этого нужно было время. Германский посол граф Ф. фон Пурталес вспоминал: «Хотя с момента опубликования мобилизации прошло уже 24 часа, Петербург еще 1 августа представлял собою картину удивительно спокойную. И сейчас не наблюдалось решительно никакого общего военного воодушевления. Отряды призванных под знамена запасных, которые отчасти проходили через город с музыкою, производили гораздо скорее впечатление людей удрученных, чем охваченных воодушевлением. Запасных провожали женщины, и нередко можно было наблюдать, что не только эти последние, но и сами запасные утирают выступившие слезы. Ни одной патриотической песни, ни единого возгласа не было слышно. Какая противоположность тому, что я немного дней спустя видел в Берлине!»[31].

Да, в Берлине в эти дни обстановка была совсем иной. Правда, по донесениям русского военно-морского агента в Германии, настроения берлинцев претерпевали определенные изменения. 13 (26) июля жители столицы Второго рейха запрудили ее улицы, перед русским посольством произошли эксцессы. Потом накал страстей спал, но 15 (28) июля вышли экстренные газеты с текстом официального объявления Австро-Венгрией войны Сербии, начались новые, еще более многочисленные манифестации: «Однако на сей раз кроме возгласов «Да здравствует война!» раздавались возгласы «Долой войну!». Обе стороны старались перекричать друг друга, причем скопление и движение народа на нескольких улицах было очень

значительное и временами прекращалось даже движение экипажей по Унтер-ден-Линден. Полиция действовала весьма энергично, и никаких враждебных демонстраций против нашего посольства более не было»[32].

30 и 31 июля вокруг русского посольства вновь стали собираться берлинцы. «Толпа молчала, — вспоминал возвращавшийся в Россию из Генуи полковник А. В. фон Шварц, — угрюмая, мрачно настроенная, явно враждебная»[33]. Вскоре настроение людей на улицах немецкой столицы стало еще более воинственным: на русских в Берлине, а в основном это были женщины, дети и больные, приехавшие на лечение, совершались постоянные нападения, полиция не вмешивалась. Сотрудники посольства не могли даже протестовать, так как в здании были отключены телефоны. Для того чтобы связаться с германским МИДом, пришлось идти пешком — автомобилей и извозчиков на улицах не было. Русские подданные, оказавшиеся в Германии, пытались укрыться в здании посольства, что было весьма нелегко. 20 июля (2 августа) берлинские газеты возвестили, что Россия напала на германскую территорию. Это вызвало взрыв шовинистических эмоций[34].

Вот то, что бывший немецкий посол в России мог бы увидеть в первые дни августа в Берлине. Люди на улицах распевали Die Wacht am Rhein, а молодые дамы, одетые в белое, раздавали призывникам и военным лимонад, кофе, молоко, бутерброды и сигары, девушки в специальных желто-черных вагонах Liebesgaben'ах дарили германским военным «подарки любви»[35]. На Потстдамской площади толпа берлинцев с радостным энтузиазмом набрасывалась на проходящих мимо японцев и на руках носила их, воображая, что имеет дело с естественными врагами России и не менее естественными союзниками Германии[36]. Даже рейхсканцлер Т. фон Бетман-Гольвег и кайзер попали под влияние этих настроений, разрешив в начале августа 1914 г. вывоз в Японию заказанных правительством микадо тяжелых орудий и брони. Японцы вывезли заказ, после чего последовали весьма неожиданные для Германии события[37].

16 августа Токио предъявил Берлину ультиматум, ответ на который немцы должны были дать до 23 августа. Он состоял из двух требований: 1) немедленно вывести войска и флот из китайских и японских вод; 2) не позднее 15 сентября 1914 г. передать без каких-либо компенсаций Циндао Японии «с видом дальнейшего восстановления его Китаю»[38]. Немцы отказались принять эти требования, и Япония вступила в войну на стороне Антанты. Уже 29 августа Токио объявил блокаду Циндао и морских подступов к нему[39].

Население Австро-Венгрии реагировало на начало войны по-разному. В Праге обстановка уже с первых же дней сильно напоминала историю с призывом бравого солдата Швейка под знамена Габсбургов. 1 августа 1914 г. русский консул в этом городе докладывал: «Всеобщая мобилизация объявлена сегодня. Части войск отправлены на румынскую и итальянскую границу. Мобилизация идет неудачно. Не хватает обмундировки. Энтузиазма никакого нет. В народе сильное недовольство»[40]. В Вене и Будапеште настроения были другими: там проходили массовые патриотические демонстрации

под черно-желтыми флагами, один парад следовал за другим, резервисты спешили на сборные пункты. В ряде районов Чехии солдат встречали на станциях представительницы всех слоев общества, распределявшие среди солдат хлеб, чай, сигареты.

Далеко не все подданные Габсбургов стремились к активному участию в обороне империи, ее области значительно отличались друг от друга не только по национальному и религиозному составу. 73% населения Галиции и Буковины, на территории которых должно было пройти большое пограничное сражение, задействовалось в сельском хозяйстве, по сравнению со средними показателями в 55% по Австро-Венгрии. Среднегодовой доход на душу населения составлял в Галиции 316 крон, в Буковине — 310 крон (Нижняя Австрия — 850 крон, Богемия — 761 крона)[41]. На внутреннюю слабость Австро-Венгрии обращали внимание и ее союзники. Э. Людендорф отмечал: «...как и в сентябре (1914 г. — *А. О.*), при поездке в Ней-Сандец, я получил впечатление о полной отсталости народностей, которые не принадлежали к числу господствующих... когда я увидел хижины гуцулов, мне стало ясно, что это племя не могло понять, за что оно воюет»[42].

Неудивительно, что в боях на русском фронте австро-венгерские части, укомплектованные славянами, не всегда демонстрировали стойкость наравне с немецкими частями и гонведом. Провоевавший практически всю войну на Юго-Западном фронте А. И. Деникин так вспоминал об австро-венгерской армии: «Конечно, рассматривалась она нами неизмеримо ниже германской, а разноплеменный состав ее со значительными контингентами славян представлял явную неустойчивость. Тем не менее для скорого и решительного разгрома этой армии наш план предусматривал развертывание 16 корпусов против предполагавшихся 13 австрийских»[43].

Утром 2 августа 1914 г. германское посольство (80 человек) выехало поездом с Финляндского вокзала домой через Швецию[44]. Порядок был соблюден, в то время как при эвакуации русского посольства из Германии на сотрудников, членов их семей и укрывшихся в посольстве подданных России, включая женщин и детей, были совершены нападения толпы, некоторые из них подверглись избиению. Только послу удалось проехать беспрепятственно[45]. «По счастливой случайности я лично не пострадал», — заявил в интервью по возвращении в Россию С. Н. Свербеев. Первые четыре автомобиля при выезде дипломатов конвоировал наряд из 15 конных жандармов, остальные были предоставлены собственной судьбе, кулакам и тростям берлинцев[46]. Весьма тяжелым было положение тех, кто спешил к границам нейтральных государств с гостеприимных немецких курортов: их арестовывали, женщин и даже детей избивали прикладами, а толпы мирных немцев призывали к расправам[47].

Сложности возникли даже у императрицы-матери, которую война застала в Германии. Отъезд ее поезда сопровождался улюлюканьем и оскорблениями. Марии Федоровне пришлось задержаться в Дании: до вступления в войну Великобритании шведские власти были очень придирчивы в вопросе

о разрешении переезда через свою территорию русским подданным, а императрица не хотела пользоваться своим особым положением. Эта история вызвала сильнейшее раздражение у Николая II. «Государь не скрывал, — вспоминал русский министр финансов, — своего негодования проявленным Вильгельмом II отсутствием простой вежливости по отношению к императрице Марии Федоровне. Он добавил, что если бы мы объявили войну Германии, и мать германского императора была бы в России, он дал бы ей почетный караул для сопровождения ее до границы»[48].

Немцы смотрели в будущее без боязни и поэтому не церемонились соблюдениями правил приличий прошлого. Немецкая военная разведка в предвоенные годы констатировала постоянный рост революционных настроений и пропаганды[49]. Перед отъездом из Петербурга Ф. фон Пурталес не скупился на слова. Об этом упоминает и английский посол в России: «Германский посланник предсказывал, что объявление войны вызовет революцию. Он даже не послушался приятеля, советовавшего ему накануне отъезда отослать свою художественную коллекцию в Эрмитаж, так как предсказывал, что Эрмитаж будет разграблен в первую очередь. К несчастью, единственным насильственным действием толпы во всей России было полное разграбление германского посольства 4 августа»[50]. Именно против Германии, а не Австро-Венгрии были направлены тогда чувства, во всяком случае городского населения России, именно в «немце» оно не без основания видело настоящего творца кризиса и войны[51].

Самое заметное участие в нападении на здание немецкого посольства сыграла молодежь, заметно разогретая пришедшими в Петербург известиями об издевательствах, которым подверглись русские в Германии[52]. «Уличные горлопаны, которых везде и всегда много, рады были «выдающемуся» случаю, чтобы покричать и продемонстрировать свои дешевые чувства на улицах... — вспоминал русский генерал. — Но тут было мало, конечно, патриотизма и много, очень много звериного»[53]. Германское посольство подверглось разгрому и было подожжено. Даже массивная скульптурная композиция на парапете крыши здания, изображавшая двух воинов, державших под уздцы коней, была сброшена вниз, а металлические фигуры утоплены в Мойке[54]. На площади перед Исаакиевским собором горел костер из портретов кайзера, взятых в посольстве, в воздухе летали бумаги. Полиция поначалу не вмешивалась, позже прибывший эскадрон конных жандармов постепенно оттеснял толпу с тротуаров. За всем этим наблюдал министр внутренних дел Н. А. Маклаков в компании только что назначенного нового градоначальника[55]. Министр проигнорировал просьбу представителя МИДа вмешаться и остановить акты вандализма. Он считал, что подобным образом народные страсти смогут найти безопасное применение[56].

После разгрома германского посольства толпа отправилась к австровенгерскому, в котором еще находились посол и сотрудники. Однако на подступах к нему ее встретили усиленные наряды войск, и она вынуждена была отступить, а вскоре и рассеяться по улицам русской столицы[57]. В ре-

зультате пострадали и здания редакции немецкой газеты «Санкт-Петербург Цайтунг», немецкая кофейня и книжный магазин[58]. Вскоре все вошло в норму, хотя уровня немецкого организованного энтузиазма в России так и не достигли. Однако и эти события вызвали тревогу среди дипломатического корпуса и русского Министерства иностранных дел. 23 июля (5 августа) 1914 г. его глава подал докладную записку на имя государя. С. Д. Сазонов был в высшей степени обеспокоен тем, какой международный резонанс мог получить разгром посольства.

«Вашему Императорскому Величеству благоугодно было лично отметить, — писал он, — что Россия встретила ниспосланное ей испытание «со спокойствием и достоинством». Именно такое отношение сильно содействовало заметному до сих пор повсюду сочувственному нам настроению. С тем большим прискорбием приходится говорить об ужасном и позорном событии, произошедшем вчера ночью. Под предлогом патриотических манифестаций толпа, в которую вошли подонки столичного общества, совершенно разгромила здание германского посольства и даже убила одного из служащих посольства, а власть, на обязанности которой лежало предупредить или пресечь подобные недопустимые в цивилизованной стране неистовства, не оказалась на высоте требования. Ночью многие аккредитованные при высочайшем дворе дипломатические представители, из коих некоторые оказались очевидцами этой дикой картины, обращались с тревогой в Министерство иностранных дел, заявляя о своем желании выехать из Петербурга, а некоторые — даже о желании вытребовать свои военные суда для ограждения личной и имущественной безопасности своих подданных ввиду того, что императорское правительство, по их мнению, видимо, не может достаточно ее обеспечить, ибо раз, несмотря на установленное здесь военное положение, события, подобные вчерашнему, возможны, есть основание опасаться развития новых беспорядков»[59]. Эти опасения временно были развеяны, однако уже в первые дни войны проявилась слабость немногочисленной даже в столице империи русской полиции.

Несмотря на то что возбудителем спокойствия была Австро-Венгрия, гнев общественного мнения оказался направлен именно против Германии[60]. В. А. Сухомлинов вспоминал: «Война против Германии, — об Австро-Венгрии, к которой относились с пренебрежением, почти что не говорили, — была популярна как в армии, среди чиновничества, интеллигенции, так и влиятельных промышленных кругов. Тем не менее когда разразилась гроза, в Петербурге сначала верить этому не хотели. Состояние скептической сдержанности сменилось сильным возбуждением. На улицах появились демонстрации с флагами и пением, и в результате воинственного настроения был разгром германского посольства»[61]. Эту оценку В. А. Сухомлинова почти дословно повторяют и его непримиримые противники.

«Вся нация, — вспоминал А. Ф. Керенский, — жители больших и малых городов, как и сельской местности, инстинктивно почувствовали, что война с Германией на многие годы вперед определит политическую судьбу России.

Доказательством тому было отношение людей к мобилизации. Учитывая огромные просторы страны, ее результаты произвели внушительное впечатление: лишь 4 процента военнообязанных не прибыли в срок к месту приписки. Другим доказательством явилось неожиданное изменение в умонастроениях промышленного пролетариата. К удивлению и возмущению марксистов и других книжных социалистов, русский рабочий, так же как и французский и германский, проявил себя в той же степени патриотом, как и его «классовый враг»[62]. Конечно, «инстинктивное чувство» не могло быть долгим, но пока в России, особенно в ее крупных городах, бурлил воинственный дух.

В Петербурге резервисты охотно шли на призывные участки, на заводах проходили патриотические митинги, после объявления указа о мобилизации в полночь 18 (31) июля по Невскому прошла 80-тысячная демонстрация с национальными флагами и портретами императора[63]. Естественно, особенно выделялись офицеры столичного гарнизона. По словам М. В. Родзянко, слух о возможной приостановке мобилизации вызвал у них «недружелюбное настроение к верхам власти»[64]. Не отставала и Первопрестольная, где настроения были также весьма боевыми. «Высочайший указ о мобилизации, — гласила передовица «Голоса Москвы» от 18 (31) июля, — встречен русским обществом с полным спокойствием и с сознанием неизбежности и логичности предпринятого шага. Но еще накануне мобилизации русское общество откликнулось рядом дружных манифестаций на создавшееся положение, и в этом исключительном по силе и единодушию подъеме залог того отношения, какое встретит в России война, если неизбежность ее сделается неустранимой»[65].

20 июля (2 августа) 1914 г. в Зимнем дворце состоялся торжественный молебен в присутствии императора и членов императорской фамилии, высших военных и гражданских чинов, дипломатического корпуса[66]. Николай II вместе с семьей прибыл в Петербург на яхте «Александрия»[67]. Переход прошел почти в полном и напряженном молчании. Яхта стала у Николаевского моста, откуда императорская фамилия направилась на берег[68]. На набережной уже стояли тысячи людей — они приветствовали монарха[69]. В 11 часов император вышел к собравшимся во дворце высшим военным и гражданским чинам, чтобы сообщить им о начале войны[70]. «Хороший день, в особенности в смысле подъема духа... Подписал манифест об объявлении войны, — отмечал он в своем дневнике. — Из Малахитовой прошли в Николаевскую залу, посреди кот[рой] был прочитан маниф[ест] и затем отслужен молебен. Вся зала пела «Спаси, Господи» и «Многая лета». Сказал несколько слов. По возвращении дамы бросились целовать руки и немного потрепали Аликс и меня. Затем мы вышли на балкон на Александровскую площадь и кланялись огромной массе народа»[71].

«Из Николаевского зала Государь вышел на балкон, выходящий на Александровскую площадь, — записал в своем дневнике великий князь Андрей Владимирович. — Вся она была заполнена народом, от дворца до зданий

штабов. При появлении Государя все встали на колени»[72]. Более четверти миллиона человек собрались на площади перед Зимним дворцом, чтобы приветствовать Николая и Александру. По примеру Александра I император заявил, что война не будет окончена, пока хотя бы один неприятельский солдат останется на русской земле. Огромная толпа пела гимн[73]. Тысячи голосов кричали «Долой Германию!», «Да здравствует Россия!» и «Да здравствует царь!». «Когда я смотрел на людей около себя, которые кричали, — вспоминал стоявший на Дворцовой площади серб Миленко Вукичевич, — то не мог заметить ни на чьем лице фальши или притворства. Все искренно и одушевленно кричали... Тогда все желали победы над неприятелем. И можно сказать, что этим духом дышала вся Россия»[74].

«Императорский выход после объявления войны и манифестации на площади Зимнего дворца, — вспоминал А. С. Лукомский, — отразили в себе воодушевление русского народа. Никто не может сказать, что народ согнали к Зимнему дворцу или что манифестацией руководила «полиция»; нет, чувствовалось, что все население сливается в одно целое и в общем порыве хочет броситься на врага, чтобы отстоять свою независимость»[75]. По окончании выхода императорская чета проследовала из дворца на набережную, откуда переехала на «Александрию», взявшую курс на Петергоф. Корабль провожали приветствия десятков тысяч людей[76].

Воодушевлением первых дней войны прониклись и рабочие Северной столицы. Стачки, на которые особое внимание обращали не только германские дипломаты, прекратились[77]. «Война принесла в русскую нацию такую солидарность, которой здесь никогда не было раньше, — писал корреспондент «Таймс». — Никогда еще Россия не была столь едина... Забастовки в Петрограде исчезли за ночь, и казаки, которых ввели в город для того, чтобы сохранять порядок на Невском проспекте и в других публичных местах, внезапно стали объектом приветствий. Один из них, говорят, сказал своему товарищу: «Это правда, что все эти люди приветствуют нас, или мне это снится?»[78]. Через два с половиной года на Невском проспекте толпа будет приветствовать казаков, которые обстреляют наряды полиции и жандармов, и ликовать, громя символы монархии, но пока патриотические демонстрации в Северной столице России сменяли друг друга, ликующие толпы собирались у сербского и французского посольств, приветствуя союзников[79].

Исключение поначалу представляла ситуация с посольством Великобритании. 1 августа 1914 г. «Таймс» выступила с рядом резких антивоенных публикаций: «Целью и результатом нашего вступления в эту войну будет обеспечение победы России и ее славянских союзников. Будет ли доминирующая славянская федерация, с единодержавно управляющимся населением, скажем, около 200 млн человек, с весьма рудиментарной цивилизацией, но сильно вооруженных для военной агрессии, менее угрожающим фактором в Европе, чем доминирующая Германия с ее 65 млн высоко цивилизованного населения, большей частью занятого торговлей и коммерцией? Последней

войной, которую мы вели на континенте, была война, направленная на предупреждение роста России. Сейчас от нас просят воевать за его обеспечение. Сейчас единодушно признается, что наша последняя континентальная война — Крымская война — была чудовищной ошибкой и просчетом. Будет ли это вмешательство хоть сколько-нибудь мудрее или лучше по результатам?»[80].

По английским университетским центрам прошли мирные демонстрации, в которых участвовали студенты и преподаватели, английские ученые приняли обращение: «Мы рассматриваем Германию как страну, идущую впереди по пути Искусства и Науки, и все мы учились и учимся у германских ученых. Война против Германии в интересах Сербии и России будет прегрешением против цивилизации. Если по причине обязательств чести мы будем, к несчастью, вовлечены в войну, патриотизм может замкнуть наши рты, но даже скрепив зубы, мы будем считать себя вправе протестовать против втягивания в борьбу с нацией, столь близкой к нашей собственной и с которой у нас так много общего»[81]. Против поддержки России в любой форме выступили и лейбористы, в Палате общин и на митинге на Трафальгарской площади. Резолюции митингов ученых и социалистов были также опубликованы в «Таймс»[82]. Неудивительно, что до объявления войны Великобританией ее посольству в России даже угрожала опасность разделить судьбу германского, но утром 5 августа Дж. Бьюкенен получил короткую телеграмму из Лондона: «Война — Германия — Действуйте». Ситуация резко разрядилась буквально за несколько часов[83]. 23 августа (5 сентября) представители России, Великобритании и Франции подписали в Лондоне соглашение о незаключении сепаратного мира в войне[84]. Антанта как союз завершила свое формирование.

Волнения происходили и в других крупных столицах Европы. «Утром 3 августа 1914 г. статс-секретарь фон Ягов, — вспоминал посол Франции в Германии Жюль Камбон, — пришел во французское посольство в Берлине сообщить мне, что Германия порвала с нами дипломатические сношения и что после полудня мне будут вручены мои паспорта. Мы были в моем кабинете. Окна его, выходившие на Парижскую площадь, были открыты. Толпы молодых людей непрерывно проходили по площади, распевая патриотические песни; то и дело раздавались враждебные возгласы в адрес Франции. Я указал статс-секретарю на эту возбужденную толпу и спросил его, когда положат конец этому шуму и будет ли полиция охранять посольство. Ягов заверил меня, что будет. Но не прошло и нескольких часов, как толпа, двинувшаяся к английскому посольству, камнями разбила там окна. Император послал одного из своих офицеров к моему коллеге сэру Эдварду Гошену, чтобы выразить ему сожаление, и я никогда не сомневался, что фон Ягов был глубоко потрясен этим инцидентом. Правительство, которому повиновались как нигде и никогда, оказалось не в состоянии сдержать народные страсти. Народ словно опьянел»[85].

В Берлине было разгромлено не только британское, но и русское посольство, в Лондоне и Париже — германские. В какой-то степени это было

естественно для столичного города с большой концентрацией образованных сословий, с огромным давлением прессы на общественное мнение. «С 1870 года, — вспоминал Д. Ллойд-Джордж, — не было ни одного года, когда французская армия менее боялась бы своего великого соперника»[86]. Раймонд Пуанкаре вспоминал об этих днях: «К счастью, в эту среду, 5 августа, вся страна следовала только одному лозунгу — доверие! Словно по мановению волшебного жезла во всей стране был осуществлен священный союз (union sacree), который я призвал из глубины своего сердца и окрестил в своем послании к парламенту. Германское объявление войны вызвало в нации великолепный порыв патриотизма. Никогда во всей своей истории Франция не была столь прекрасной, как в эти часы, свидетелями которых нам дано было быть»[87].

Из окон солдатского вагона случайно попавшему туда молодому человеку эти дни казались не столь красивыми, как из президентского дворца: «Поезд шел медленно, останавливался на разъездах, дожидаясь встречных эшелонов. На станциях женщины провожали мобилизованных; многие плакали. Нам совали в вагон литровые бутылки с красным вином. Зуавы пили из горлышка, давали и мне. Все кружилось, вертелось. Солдаты храбрились. На многих вагонах было написано мелом: «Увеселительная прогулка в Берлин»[88]. Нечто подобное происходило и в Англии. Д. Ллойд-Джордж отмечал, как общественное мнение его страны отреагировало на первые дни войны: «Угроза вторжения немцев в Бельгию зажгла огнем войны весь народ от моря до моря»[89].

Британский премьер-министр Г. Асквит, глядя на ликующих жителей имперской столицы, отметил, что война или все, что ведет к войне, всегда было популярно среди лондонской толпы. При этом он процитировал фразу премьер-министра Р. Уолпула: «Now they were ringing their bells; in a few weeks they'll be wringing their hands (Сегодня они бьют от радости в колокола, а через несколько недель будут заламывать руки от отчаяния)»[90]. Эти слова удивительно точно подходят к колебаниям, которые суждено было испытать и русским столицам. Подобные метания особенно характерны для безответственной общественности.

Патриотический подъем наблюдался и в провинции. «Россию охватил вихрь, — вспоминала дочь генерала М. В. Алексеева. — Молодое поколение ликовало: «Война, война!», как будто случилось что-то очень радостное. Патриотический подъем был колоссальный»[91]. Молодежь, и не думавшая ранее о военной карьере, вступала в армию. А. М. Василевский так описал изменения, произошедшие в среде его сверстников: «Но теперь, после объявления войны, меня обуревали патриотические чувства. Лозунги о защите отечества захватили меня. Поэтому я неожиданно для себя и для родных стал военным»[92].

Эти настроения сыграли самую неожиданную роль в принятии решения по важнейшему вопросу. 29 июля (11 августа) 1914 г. Главное артиллерийское управление вышло в правительство с проектом об объявлении казенных

заводов, работающих для обороны, на особом положении. Фактически это была программа мобилизации государственной промышленности: заводов, арсеналов, мастерских, причем не только Военного и Морского министерств, но и других ведомств, которые нужны армии и флоту. Предлагались меры по значительному ужесточению производственной дисциплины, запрещался переход на другое предприятие, вводилось тюремное заключение (от четырех месяцев до одного года четырех месяцев) за небрежность, неявку на работу или «дерзость». Проект был подписан начальником ГАУ генералом Д. Д. Кузьминым-Караваевым и В. А. Сухомлиновым. 3 (16) августа Совет министров утвердил документ, но одновременно признал его применение на практике несвоевременным. Правительство считало, что в атмосфере общего подъема патриотических чувств, в том числе и в рабочей среде, в этих мероприятиях не будет особой нужды[93].

Рабочие Петербургского промышленного района в основном призывались в ряды 22-го армейского корпуса, дислоцированного в Финляндии. «К этому запасу, — вспоминал один из офицеров финляндских стрелков, — командиры полков сначала отнеслись недоверчиво, сомневаясь в его политической надежности, но на театре войны они оказались прекрасным элементом, и недоверие к ним быстро исчезло»[94]. Однако патриотические чувства испытывали не все. Часть революционеров, для которых подобные убеждения были равносильны орвелловскому «мыслепреступлению», старались любым путем избежать фронта. Наиболее оригинальным был большевик Ф. Ф. Ильин (партийный псевдоним Раскольников), который уклонился от призыва, поступив на курсы гардемаринов и благополучно сохранил себя там от германских снарядов и торпед вплоть до Февральской революции[95].

Всеобщее воодушевление и успешная мобилизация — вот что нашел в Киеве в первые дни войны приехавший сюда из своего чигиринского имения П. Раевский. По предложению генерал-губернатора он, не будучи военнообязанным, возглавил отряд Красного Креста[96]. Спешивший в Москву из Севастополя великий князь Александр Михайлович задавал себе вопрос, глядя на это воодушевление: «И сколько еще продлится этот странный энтузиазм русских интеллигентов, которые вдруг сменили свою привычную философию пацифизма на идиотическую враждебность ко всему немецкому, включая оперы Вагнера и шницель по-венски?»[97]. Крупный город в России был одновременно центром концентрации патриотических и антигосударственных элементов. В то время как первые шли на фронт, вторые заваливали мобилизационные отделы и даже военного министра просьбами и ходатайствами об освобождении от службы или хотя бы об отсрочке.

«В первые же дни мобилизации у всех воинских начальников, на станциях железных дорог, по домам и лачугам стоял сплошной стон, и море слез провожало «героев»-солдат на войну, — вспоминал современник. — Врачи, все власти, имевшие всяческое знакомство, связи, протекция, взятки, все

было использовано многими, чтобы только стать «белобилетниками» или пристроиться где-нибудь в более безопасных местах — в штабах, обозах»[98]. В августе 1914 г. для них образовалось убежище — Земский, а затем и Городской союзы[99]. «Патриотические манифестации и взрывы энтузиазма, — отмечал Ю. Н. Данилов, — являлись, по-видимому, лишь дешевым фасадом, за которым скрывалась невзрачная действительность»[100]. В отличие от образованных сословий, от горожан русское крестьянство шло на войну безропотно, по привычке. При этом оно не проявляло патриотического восторга от известия о войне.

Несколько смягчали эту реакцию государственные субсидии, которые выплачивались семьям призываемых. По закону от 25 июня 1912 г. в случае призыва рядовых и унтер-офицеров запаса и государственного ополчения пособиями обеспечивались их жены и дети (в любом случае), а также родители, братья и сестры, даже дед и бабушка, правда, в случае если призываемый был кормильцем. Все зависело от уровня цен на продукты. Ежемесячное пособие составлялось из расчета стоимости продовольственного пайка, в который входили следующие продукты: 27,2 кг муки, 4 кг круп, 4 кг соли, 400 гр. постного масла[101]. Таким образом, денежный размер пособий не был унифицирован, иногда сумма субсидий в одном уезде существенно отличалась от таковой в соседнем. Бывали случаи, когда они достигали от 30 до 45 рублей в месяц, что существенно превышало среднестатистический заработок крестьянина, и тогда женщины были даже довольны, что их мужей призвали в армию. За 1914–1915 гг. было выплачено около 442 300 тыс. рублей, а за 1915–1916 гг. — 760 млн, причем на долю сельского населения пришлось 77% выплат. По подсчетам Н. А. Данилова, за счет этих выплат совокупный доход русского крестьянства превысил за первый год войны предвоенные показатели на 340 млн рублей, а за второй — на 585 млн.[102]

«Каждый день молодецкие части, как на параде, шли на войну. Их провожало общее ликование и гордость», — вспоминал русский дипломат[103]. Ему вторил морской офицер, спешивший на место службы: «Один эшелон вез на фронт гвардейский казачий полк. Казаки шумно радовались, по вагонам звучали гармони, слышались удалые песни. Затем мимо нас прошел эшелон с гусарами, где также царило необычное веселье. Все с восторгом шли на смерть»[104]. Теми же словами описывает эти дни ехавший на фронт военный врач: «Из полутемных теплушек несется звон балалайки, топот камаринского взрывы хохота, и разжигающей искрой перекатывается из вагона в вагон ядреная солдатская ругань. Встречные эшелоны обмениваются надрывными «ура», и кажется, будто вся Россия шумно и радостно вскипела волнами вооруженных, немытых и распоясанных мужиков и на всех парах несется навстречу безумному водовороту войны»[105]. Стенли Вошборн, специальный военный корреспондент «Таймс», с восторгом писал об увиденном: «Действительно, если бы враг мог провести хотя бы день в Петрограде или в любом другом русском городе, он ужаснулся бы начавшемуся приливу (русского патриотизма. — *А. О.*)»[106].

«Нельзя сказать, чтобы война застала нас врасплох: начиная с весны 1911 г. и до начала нынешней войны, — отмечал командир 16-го армейского корпуса генерал П. А. Гейсман, — мы все время продолжали усиленно готовиться к войне во всех отношениях. «Поверочных» мобилизаций производилось очень много (весной и осенью), причем мобилизовывались не только перволинейные, но и второлинейные части; по временам проводились и «опытные» мобилизации с призывом запасных и т. д.»[107]. Однако уже в начале настоящей мобилизации проявились признаки будущих проблем. Прежде всего унтер-офицеры срочной службы, находившиеся в запасе, не были взяты на особый учет и шли на пополнение частей в качестве рядовых[108]. Это происходило даже в столице, где формировались гвардейские части[109]. Преображенский полк, например, в результате получил по 20–30 унтер-офицеров на роту, причем пришедшие из запаса ранее служили в полку и были, таким образом, прочно связаны с его традициями[110]. Та же самая картина наблюдалась и в провинции.

«В полку все обстояло благополучно, — вспоминал первые дни мобилизации М. Д. Бонч-Бруевич. — Единственное, что казалось мне огорчительным и чего исправить я не мог, это было обилие среди призванных запасных фельдфебелей, старших и младших унтер-офицеров прежних сроков службы, превратившихся здесь, в моем полку, в рядовых солдат. Внезапно образовавшийся в полку избыток младшего командного состава, приятный мне как командиру части, раздражал меня как генштабиста, привыкшего мыслить более широкими категориями. Я огорченно подумал о том, что правильнее было бы всех этих излишних в полку фельдфебелей и унтеров отправить в специальные школы и превратить в прапорщиков. Будущее показало, что мои размышления были правильны: вскоре прапорщиков начали во множестве фабриковать, но только на основе подходящего образовательного ценза»[111].

Мобилизация шла успешно в смысле удачной организации массового призыва резервистов. Безусловно, никогда ранее перед руководством армии не стояла столь масштабная и сложная задача. Тревогу должно было вызвать то, что с самого начала в ее решении присутствовали элементы импровизации и досадных просчетов. Все было подчинено одной задаче — не потерять время. Не было проявлено бережного отношения к кадрам. При предвоенном расчете на 5–6 месяцев активных военных действий такие «мелочи» не имели значения. Н. Н. Головин отметил даже такой случай, когда при мобилизации в строю одной из рот рядовыми стояло восемнадцать (!) унтер-офицеров: «Каждый, хотя немного знающий быт русской армии, понимает, что всякий прибывший из запаса унтер-офицер должен был бы расцениваться на вес золота. Все эти люди, столь нужные именно для нашей армии с ее малокультурным солдатским составом, были выбиты в первых же боях»[112].

А. И. Деникин вспоминал о том, что многие полки Юго-Западного фронта выступили в поход, имея в ротах по 5–6 офицеров и до 50% запасных

унтер-офицеров в качестве рядовых[113]: «И все-таки, и все-таки мобилизация прошла по всей огромной России вполне удовлетворительно, и сосредоточение войск закончено было в установленные сроки»[114]. Золотой запас армии уходил на фронт в качестве рядовых, в то время как уже тогда он был необходим для поддержания порядка в тылу. Впрочем, об этом мало кто думал в эти дни. Ведь война должна была быть краткосрочной и победоносной. Практически все были уверены, что уходят в поход, который продлится несколько месяцев. По общему убеждению, война должна была закончиться к Рождеству[115].

Армия рвалась на фронт, многие опасались не успеть. «Настроение у нас было праздничное, — вспоминал о своем движении к границам Восточной Пруссии из Тифлиса в августе 1914 г. младший офицер 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка, — все были уверены в победе и даже скажу больше, наиболее ретивые из нас боялись опоздать к решительному сражению, так как всем было хорошо вдолблено нашими военными авторитетами, что современная война должна быть молниеносной и решительной по своим результатам. Я лично верил этой теории и выступил на войну налегке, не запасшись абсолютно теплой одеждой и хорошей походной обувью, столь важной для пехотинца»[116].

Война позволила решить вопрос, к которому несколько раз приступали еще до ее начала. В 1913 г. в очередной раз планировали запретить продажу водки (император крайне негативно относился к «пьяному бюджету», то есть к продаже водки казной, что, по его мнению, приучало крестьян к алкоголизму и разоряло их), однако против этой идеи энергично выступил министр финансов В. Н. Коковцов, не находивший в продаже алкоголя ничего предосудительного[117]. На сколько-нибудь решительные меры в отношении этого зла перед войной правительство пойти так и не решилось. Тем не менее необходимость самой борьбы была признана на самом высоком уровне. Уже в апреле 1914 г. П. Л. Барк представил Думе программу борьбы с пьянством[118].

А в первые дни войны ситуация изменилась. На основании Устава о воинской повинности 1912 г. в период мобилизации предполагалось прекращение торговли вином и водкой[119]. Не везде выполнение этого требования прошло без эксцессов. 6 (19) июля в Баку из Петербурга направился товарищ министра внутренних дел Свиты генерал-майор В. Ф. Джунковский[120]. Поездка была вызвана забастовкой рабочих нефтяных промыслов, но к 16 (29) июля она пошла на спад — нефтепромышленники приняли предложения генерала[121]. С началом мобилизации он поспешил назад. Возвращаясь в столицу, он проехал в эти дни по всему югу России и стал свидетелем беспорядков в районе Владикавказа, вызванных тем, что запасные осаждали и иногда громили винные лавки[122]. Часто мобилизованные являлись на призывные пункты с изрядным запасом спиртного и в первые часы по прибытии в части вели себя вызывающе. «Всю ночь по лагерю неслись пьяные песни, — вспоминал прибытие в Тулу призывных совре-

менник. — Зато утром наступила реакция: отрезвевших запасных одели в военное обмундирование, превратив таким образом в солдат — и стали они тише воды, ниже травы»[123].

Иногда беспорядки заканчивались не столь простым способом. В Армавире волнения среди запасных Кавказской кавалерийской дивизии закончились даже убийством офицера[124]. Были заминки в ходе мобилизации на Волге и в некоторых районах Сибири. В г. Барнауле Томской губернии, в Пермской, Орловской, Могилевской губерниях волнения среди призываемых, по большей части связанные с прекращением винной торговли, приобрели большой размах[125]. Правда, вскоре эти локальные неурядицы (на южном направлении, начиная от Ростова-на-Дону, по словам В. Ф. Джунковского, царил образцовый порядок) были преодолены. В Баку прекратилась забастовка. Он вспоминал: «По мере приближения к Петербургу мое волнение росло, 26-го я был в Москве, провел несколько часов и был свидетелем того благодушного подъема и бодрости духа, охвативших все слои населения. Работа кипела, чувствовался могучий порыв энтузиазма»[126].

Еще 13 (26) июля 1914 г. военный министр обратился к министру финансов с просьбой о повсеместном запрещении винной торговли до окончания стратегического сосредоточения войск на границе. 4 (17) августа 1914 г., находясь в Москве, Николай II, сославшись на просьбы крестьян остановить торговлю вином, принял решение обсудить вопрос о закрытии винных лавок в Совете министров. На заседании Совета министров 9 (22) августа просьба военного министра была удовлетворена, особенно активно выступал в ее поддержку министр внутренних дел. В результате последовал высочайший запрет на торговлю вином и водкой на время всей мобилизации. 22 августа (4 сентября) запрет был продлен на все время военных действий. 8 (21) октября в ответ на всеподданнейший адрес Всероссийского союза христиан-трезвенников император заявил о своем решении сделать временный запрет на продажу казенного алкоголя постоянным[127].

Впрочем, наибольшая опасность при проведении мобилизации заключалась не в волнениях и не в запрете на продажу спиртного, а в разнице между запасными, недавно вернувшимися из строя, и теми из них, кто успел уже отвыкнуть от армейской дисциплины. «Первые были солдаты как солдаты, — вспоминал М. Д. Бонч-Бруевич, — тянулись не только перед каждым субалтерн-офицером и фельдфебелем, но готовы были стать во фронт перед любым унтер-офицером... Не действовал на такого «нижнего чина» и длительный отрыв от армии. Запасные первого типа на второй день после появления в казармах ничем не отличались от кадровых солдат. Зато запасные из участников Русско-японской войны, едва прибыв в полк, начали проявлять всевозможные претензии; держались вызывающе, на офицеров глядели враждебно, фельдфебеля, как «шкуру», презирали и даже передо мной, командиром полка, вели себя независимо и, скорее, развязно»[128]. Это была проблема, которая не приобрела еще опасных масштабов, но при невнимании к кадрам армии, при отсутствии полити-

ческого и идейного единства внутри страны вполне могла стать серьезной опасностью.

В первые дни войны единство страны казалось прочным. Спешивший в Петербург на место службы В. Г. Федоров еще надеялся, что войны удастся избежать: «Но уже в Москве я почувствовал, что надежды мои не оправдываются. Я видел на улицах войска, спешно возвращающиеся из лагерей в казармы. Части шли по городу походным порядком, запыленные и усталые. Говорили, что войска возвращены из лагерей ввиду ожидавшейся мобилизации. В тот же вечер в Москве на Лубянской площади начались патриотические манифестации. Экстренные выпуски газет разбирались нарасхват. Понемногу всеми овладело тревожное, лихорадочное состояние»[129]. Британский вице-консул в Москве вспоминал эти дни: «Среди буржуазии был тот же энтузиазм. Жены богатых купцов соревновались друг с другом в денежных пожертвованиях на госпитали. Проходили гала-представления в пользу Красного Креста в государственных театрах. Царила оргия национального гимна. Каждый вечер в опере и балете публика, охваченная экзальтированным патриотизмом, стоя слушала, как императорский оркестр исполнял национальные гимны России, Англии, Франции и Бельгии... Если в это время и были пессимисты, их голос не раздавался публично. Революция казалась невозможной даже в отдаленном будущем, хотя с первого дня войны каждый либерально настроенный русский надеялся, что победа принесет с собой конституционные реформы»[130].

Двадцатитрехлетний студент-филолог Московского университета Дмитрий Фурманов был, очевидно, среди пессимистов. В своем дневнике он отметил, как либеральные ожидания проявлялись на улицах Москвы. Эти настроения, правда, еще не были организационно оформлены: «Был я в этой грандиозной манифестации Москвы 17 июля в день объявления мобилизации. Скверное у меня осталось впечатление. Подъем духа у некоторых, может, и очень большой, чувство, может, искреннее, глубокое и неудержимое — но в большинстве что-то тут фальшивое, деланное. Видно, что многие идут из любви к шуму и толкотне, нравится эта бесконтрольная свобода — хоть на миг, да и я делаю, что хочу, — так и звучит в каждом слове... И скверно особенно то, что главари, эти закрикивалы, выглядывают то дурачками, то нахалами. «Долой Австрию!» — и крикнет какая-нибудь бесшабашная голова, и многоголосое «ура» покроет его призыв, а между тем — ни чувства, ни искреннего сочувствия»[131].

«Потенциально война развязывала руки правительству в отношении внутреннего врага, — отмечает современный исследователь. — Социалистическое и радикально-либеральные движения уже самим фактом начала войны и неизбежного ужесточения административного произвола ставились на грань внутреннего кризиса. Вместе с тем положение в один день приняло отчетливые очертания, что облегчало либералам возможность сориентироваться и занять свое место в новой политической обстановке. Однако их позиция не была столь определенной, как это обычно принято

изображать в историографии. Прежде всего, далеко не вся либеральная оппозиция испытывала тот «патриотический угар», в котором ее уличали отечественные историки»[132].

Таково было настроение этих дней. Даже варшавская пресса обратилась с призывом к полякам выступить на защиту славянства. Эти призывы не прошли бесследно. Корреспондент «Таймс» отмечал: «Когда Россия начала войну, сердца всего польского народа воспламенились в порыве в ее поддержку»[133]. До войны при планировании мобилизации в Польше считалось, что 20% призываемых из польского населения уклонятся от мобилизации, русские власти, по словам Я. Г. Жилинского, «готовились к случайностям и выступлениям». Опасения не были беспочвенными. Губернии с польским населением в 1905–1907 гг. прочно занимали первое место по неявке призываемых без уважительной причины[134]. Однако случайностей и выступлений не последовало. На самом деле, являлись не только подлежащие призыву, но и добровольцы[135]. В Варшаве они с пением военных песен и под русскими флагами шли на призывные пункты под приветствия горожан[136].

Так же было и в весьма неспокойном в 1905–1907 гг. Закавказье. Возвышенное настроение царило и в административной столице Кавказского наместничества — Тифлисе. По его улицам следовали патриотические манифестации[137]. Многие военные и здесь не ожидали такой реакции общества. «18 июля, около 12 часов дня, придя на Эриванскую площадь, — вспоминал генерал Ф. И. Назарбеков, — я был поражен громадным стечением народа. Первого встречного спросил о причине многолюдности народа, он мне ответил, что идет молебствие по случаю объявления войны Германией. Вышло, что я жестоко ошибся в своих предположениях. Настроение жителей было очень приподнятое. Очевидец войн 1877 и 1904 гг., я ничего подобного не видел. Всюду ежедневно были манифестации из самых разных слоев населения. Они дефилировали перед дворцом наместника и выражали готовность все сделать для успеха этой навязанной нам войны»[138].

Никаких проблем не возникло и в Финляндии, хотя по опыту революции 1905–1907 гг. здесь постоянно готовились к возможным осложнениям, которые сделают необходимым использование войск для восстановления порядка[139]. Как отмечал офицер Генерального штаба: «В настроении финляндцев мы не были вполне уверены. Еще так недавно, в 1906 г., во многих местах были антирусские беспорядки. Когда весной 1914 г. командировался в Западную Финляндию ряд рот различных полков на формирование новой 4-й Финляндской стрелковой бригады, то принимались даже меры на случай враждебных демонстраций или бойкота со стороны местных жителей. Правда, эти меры оказались излишними: жители-финны не только не бойкотировали русских, но даже устроили в некоторых местах чествования наших офицеров; в отношении солдат тоже проявлялось очень много внимания»[140]. Мобилизация протекала без каких-либо помех.

Старший адъютант той самой 4-й бригады, штаб которой располагался в Таммерфорсе (Тампере), вспоминал: «Местное население проявляло по

отношению к нам полную лояльность и корректность»[141]. Опасения командования 22-го корпуса, расквартированного в Великом княжестве, что в случае войны местная оппозиция организует стачки и парализует мобилизацию этого подразделения, также не подтвердились. Финское население было настроено дружелюбно к русским частям, железная дорога и связь работали прекрасно. За все дни мобилизации в Финляндии произошло всего одно опоздание поезда на 10 минут, все остальные двигались точно по графику[142]. Когда германские подданные следовали по главной улице Гельсингфорса — Эспланаде к гавани для депортации в Швецию, финская толпа начала избивать их, и для охраны немцев пришлось даже вызвать роту 2-го Финляндского полка[143].

4 (17) августа в Первопрестольную приехал Николай II. На следующий день в старых залах Большого Кремлевского дворца состоялся высочайший выход. К императору с приветственными речами обратились предводитель губернского дворянства, исполняющий должность городского головы и председатель Московского губернского земства[144]. Затем в Кремле прошел торжественный молебен, омрачившийся небольшим, но весьма примечательным инцидентом. На Кремлевской площади собрались несколько тысяч человек. По пути движения Николая II на коленях стоял старик крестьянин, пытавшийся подать бумагу на высочайшее имя, однако толпа на глазах императора буквально смяла его. Присутствовавшая при этом англичанка вспоминала: «Император, безусловно, видел это, но не подал знака. Спокойно, твердым шагом, он продолжил свой путь»[145].

Очевидно, преисполненный сознанием торжественности минуты, Николай II не счел возможным обращать внимание на подобные «мелочи». Четыре дня прошло в бесконечных парадах, празднованиях и заверениях в лояльности трону от представителей всех слоев населения: «Вся Москва, все население вышло на улицу, сотни тысяч народа заполняли весь путь следования Государя, все как бы единым сердцем встречали царя, взволнованные, готовые на всякие жертвы, лишь бы помочь царю победить врага»[146].

«Мобилизация шла прекрасно и число призванных по сравнению с частичной мобилизацией 1904 года вызвало всеобщее удивление», — вспоминал А. Нокс[147]. «Народ наш оказался законопослушным, — отмечал Ю. Н. Данилов, — и на призыв явилось до 96 процентов призванных. Более, чем по расчетам мирного времени ожидалось»[148]. Действительно, явка запасных повсюду превзошла все ожидания, прогноз 20% недобора нигде не оправдался[149]. Заставший мобилизацию в Твери Вл. И. Гурко отмечал: «Мобилизация проводилась в абсолютном порядке... Войсковые эшелоны загружались в образцовом порядке»[150]. Находившийся в деревне под Рыбинском Н. В. Савич наблюдал такую же картину: «Мобилизация прошла гладко, как хорошо налаженный часовой механизм. Население явилось послушно на сборные пункты»[151]. Теми же словами описывает ее командир Гвардейского корпуса В. М. Безобразов: «Мобилизация проходила быстро и в отменном порядке»[152].

Вернувшийся из Швейцарии в Киев в первый день мобилизации командир 9-го армейского корпуса Д. Г. Щербачев был доволен картиной, которую он там застал: «Подъем всюду был необычайный, мобилизация шла безукоризненно»[153]. Забастовки прекратились, сопротивления мобилизации не оказывалось. На призывные пункты явилось большое количество добровольцев: «Шли льготные, шли забракованные, шли освобожденные по возрасту и т. д.»[154]. Мобилизованных провожали с цветами, только после ухода поездов толпы родственников, сопровождаемые жандармами, расходились в молчании[155].

Мобилизация, как и сосредоточение, шла в полном порядке, в соответствии с предвоенными планами, это признавал даже такой последовательный критик В. А. Сухомлинова, как генерал Н. Н. Головин: «Русские железные дороги блестяще выполнили работу по мобилизации армии и сосредоточению ее на театре военных действий. Не только тысячи эшелонов и команд своевременно прибыли к местам назначения, но в период сосредоточения по требованию Ставки и штабов фронтов в связи с начавшимся наступлением противника перевозки других были ускорены, что для сибирских войск достигало трех-четырех суток. Эти перевозки с отступлением от планов были выполнены без замешательства и в некоторых случаях оказали серьезное влияние на ход военных действий. Работа железных дорог только по сосредоточению войск выразилась в перевозке более 3500 эшелонов»[156].

В августе 1914 г. 214 200 вагонов, 47,7% вагонного парка, было выделено для воинских перевозок. Эта цифра постепенно сокращалась, достигнув к декабрю 1914 г. 105 тыс. вагонов. К 1 (14) сентября 1914 г. для военных перевозок было задействовано 50% вагонов 1-го и 2-го классов и до 15% 3-го и 4-го классов. Так как для сбора порожняка требовалось время, то большинство железных дорог достигло максимальной пропускной способности через восемь (21 дорога) и двенадцать (32 дороги) дней после объявления мобилизации. Некоторые трудности наблюдались только на Сибирской железной дороге, где пришлось увеличить движение с запланированных восьми пар воинских поездов до тринадцати. С этой задачей дорога справилась, более того, в сентябре там установилось регулярное движение в 16 пар поездов[157].

«По окончании перевозок по сосредоточению, — вспоминал генерал С. А. Ронжин, — в приказе по армии был отмечен выдающийся успех, с которым они были выполнены, и поистине работа наших железных дорог в начальный период войны 1914 года будет всегда одной из блестящих страниц их истории»[158]. Руководитель мобилизационного отдела ГУГШ А. С. Лукомский получил единственную в истории русской армии награду — орден Св. Владимира 4-й степени на георгиевской ленте, «Владимир Георгиевич», как сразу же окрестили его острословы[159].

Итак, мобилизация была в целом успешной, но при этом нельзя не признать, что в самом механизме, который должен был предоставить армию на краткосрочную войну, имелся недостаток. В. А. Сухомлинов с гордостью вспоминал о мобилизованной армии: «Это были войска, верные долгу и

присяге. Те 4 $^{1}/_{2}$ миллиона, которые стали под ружье при объявлении мобилизации в 1914 году и свое назначение выполнили честно, «не щадя живота своего», — почти все выбыли из строя ко времени революции»[160]. Однако у первоочередных частей зачастую не было полноценной замены. Формировавший в Самаре 83-ю пехотную дивизию из скрытых кадров ушедшей на фронт 48-й пехотной дивизии генерал-майор К. Л. Гильчевский отмечал: «Первоочередные полки очень мало позаботились о своих скрытых кадрах. Они считали мобилизацию их второстепенным делом и, мобилизуя себя, взяли все лучшее из кадрового состава, оружия, снаряжения и прочего. Контингент запасных состоял из пожилых солдат, бывших даже в японской войне. Настроение было небоевое. Воинский порядок соблюдался слабо. Большинство офицеров относились к своим безучастно»[161].

Все это ослабляло русскую армию, боеспособность подобного рода частей напрямую зависела от количества работавших кадровых офицеров. Однако в начале войны даже второочередные части довольно скоро приобретали вполне приличные формы. Германский военный историк описывает эту армию почти теми же словами, что и русский военный министр: «Начало войны 1914 года застало русскую армию вполне боеспособной и внутренне прочной. Более 80% солдатского состава было из крестьян, отношение солдат к офицерам характеризовалось патриархальной простотой и доверием. Это изменилось лишь тогда, когда в результате затянувшейся войны выбиты были почти целиком офицеры и унтер-офицеры мирного времени и кадровый состав солдат»[162]. В этих словах содержится немало истины, как, впрочем, и в следующей оценке, данной генералом М. Гофманом: «Жесткий критицизм относительно военных усилий России, широко распространенный в Англии и в военных кругах, не оправдан. Русская армия сделала то, что она могла сделать. То, что она плохо управлялась и поэтому несла поражения, было результатом отсутствия настоящего великого лидера»[163].

Те, кто претендовал на эту роль, не прошел испытания на полях военных и, может быть, еще более политических сражений. Начиналась Первая мировая война, последняя для императорской России, в которой в ее высшем военном командовании проявятся все противоречия межвоенного периода: между сторонниками великого князя Николая Николаевича (младшего) и военного министра В. А. Сухомлинова, между теми, кто отстаивал австрийское или германское направление главного удара. В проигрыше от этих конфликтов, все более и более выходивших за пределы военной элиты, последовательно окажутся идея удара по Проливам, корпоративная замкнутость офицеров Генерального штаба, император Николай II и, наконец, политическая стабильность России.

Становление Верховного главнокомандования в первые дни войны, диалог с общественностью

ва органа верховной власти стояли во главе России во время Первой мировой войны: правительство и Верховное командование вооруженными силами, взаимоотношения которых были лишь весьма неполно и неопределенно установлены введенным наспех с началом войны «Положением о полевом управлении войск в военное время», каковое к началу войны не было еще окончательно разработано», — вспоминал контр-адмирал А. Д. Бубнов[1]. «Положение...» было утверждено 16 (29) июля 1914 г. Шестая статья первого раздела гласила: «Высшее командование над всеми сухопутными и морскими силами, предназначенными для военных действий, вверяется, если Государь Император не изволит предводительствовать войсками лично, — Верховному главнокомандующему»[2].

Полномочия его были весьма велики: «Верховный главнокомандующий есть высший начальник всех сухопутных и морских вооруженных сил, предназначенных для военных действий. Он облекается чрезвычайной властью, и повеления его исполняются на театре военных действий всеми без изъятия правительственными местами и общественными управлениями, а равно должностными лицами всех ведомств и всем населением как высочайшие повеления» (статья 17). «Верховному главнокомандующему подчиняются члены императорской фамилии, если они находятся в пределах театра военных действий» (статья 18). Главковерх назначался императором (статья 19), подчинялся непосредственно ему и был ответственен только перед ним. «Никакое правительственное место, учреждение и лицо в империи не

дает Верховному главнокомандующему предписаний и не может требовать от него отчетов» (статья 20)[3].

Главковерх имел право заключать перемирие, «когда военные обстоятельства вынуждают к тому безотлагательно», тотчас извещая об этом монарха, а если таковых обстоятельств не было — предварительно испрашивая позволения на него. «Теми же правами он пользуется в отношении прекращения перемирия» (статья 25). Он имел право менять состав подчиненных соединений и флотов, образовывать новые округа и генерал-губернаторства, расформировывать существующие, «представляя о принятых мерах и причинах, их вызвавших, Государю Императору»; «устанавливать взаимоотношения начальников высших войсковых соединений и командующих флотами»; «формировать во время войны части войск, управления, учреждения и заведения, не предусмотренные высочайше утвержденными штатами; утверждать для них временные положения и временные штаты, представляя об этом Государю Императору» (статья 28)[4].

Совершенно очевидно, что некоторые положения статей 20 и 28 оставляли открытым вопрос о пределах компетенций главы Ставки и военного министра, а также главы МВД. На эту неразработанность закрывали глаза, так как ожидалось, что во главе армии и флота встанет сам император, совмещая, таким образом, две должности — главы государства и его вооруженных сил.

Высочайшим рескриптом от 4 (17) февраля 1903 г. предусматривалось, что в случае большой европейской войны Верховным главнокомандующим станет император с самостоятельным начальником штаба для руководства военными операциями. Главнокомандующим германским фронтом должен был стать великий князь Николай Николаевич (младший), а австро-венгерским — генерал А. Н. Куропаткин[5]. Тогда на должность начальника штаба Верховного главнокомандующего предполагали назначить генерала В. В. Сахарова[6]. Николай II в начале Русско-японской войны вынужден был отказаться от поездки на фронт с целью возглавить армию и тяжело переживал это. Провожая части в Маньчжурию, он сказал: «Пожалуй, было бы лучше, чем провожать войска, самому проводить их на фронт»[7]. В межвоенный период он лишь укрепился в этой мысли.

«При составлении мобилизационного плана на случай нападения на нашу западную границу в Генеральном штабе исходили из предположения, что во главе действующих армий станет сам Государь Император, — вспоминал дворцовый комендант генерал В. Н. Воейков. — Эта мысль, не покидавшая царя и в переживаемые перед войной тревожные дни, встречала неоднократно высказывавшееся Его Величеству несочувствие со стороны всех министров, кроме военного»[8]. По мобилизационному расписанию 1910 г. окончательно оговаривались полномочия и место расположения будущей Ставки: «Высшее начальствование над всеми вооруженными силами, как сухопутными, так и морскими, предназначенными действовать против держав Тройственного союза, объединяется в лице Верховного

главнокомандующего; лицу этому непосредственно подчиняются главнокомандующие армиями фронтов, командующие армиями, не входящими в состав фронтов, и командующие морскими силами соответствующих морей. Штаб Верховного главнокомандующего формируется в Петербурге, затем — Лунинец или Минск»[9]. Этот документ, высочайше утвержденный 1 (14) мая 1912 г., тем не менее оставлял открытым вопрос о том, кто, собственно, возглавит Ставку.

Российский монарх со времен Петра Великого был прежде всего военным человеком, таковым являлся и последний император. Его доверие к своим вооруженным силам было практичестки абсолютным[10]. Русские цари неоднократно становились во главе армий, в качестве примера можно назвать Ивана Грозного, Алексея Михайловича (который вызывал у Николая II особую симпатию), Петра Великого, Александра I, при действующих армиях находились Николай I, Александр II, левым флангом Дунайской армии во время Освободительной войны 1877–1878 гг. командовал в бытность наследником цесаревичем Александр III. С другой стороны, назначение на должность главнокомандующего великих князей вовсе не было традицией, как это принято считать. Может быть, это произошло потому, что от Петра I до Павла I мужская линия династии была отнюдь не многочисленна.

При армии во время Швейцарского похода и Наполеоновских войн находился великий князь Константин Павлович, и только во время Освободительной войны главнокомандующим Дунайской армией был великий князь Николай Николаевич (старший), а главнокомандующим Кавказской армией — великий князь Михаил Николаевич, братья императора Александра II. Их командование никак нельзя признать удачным. Не отличились в качестве полководцев, за исключением Петра Великого, и русские императоры. В истории, таким образом, находилось оправдание и для желания императора лично возглавить армию, и для назначения великого князя, тем не менее воспоминания о более или менее удачной войне 1877–1878 гг. и неуверенность Николая II привели к тому, что в 1914 г. Верховным главнокомандующим был назначен Николай Николаевич (младший)[11].

Это назначение стало результатом колебаний императора и сложных интриг в его окружении. Генерал П. К. Кондзеровский, к началу войны служивший уже шесть лет генерал-квартирмейстером Главного штаба и занимавший в Ставке пост дежурного генерала, дает такую картину обстановки: «К Н. Н. Янушкевичу я заходил все же каждый день. Он рассказал мне, что вопрос о том, кто будет Верховным главнокомандующим, решен был не сразу, ибо Государь Император сам хотел стать во главе армий, но министры упросили Его Величество не оставлять управления государством»[12]. В начале войны Николай II находился под сильнейшим влиянием воспоминаний о войне 1812 г. (это отразилось и в манифесте об объявлении войны). Он сам, по примеру Александра I, хотел возглавить армию, но встретился с сопротивлением своего правительства, к которому, к удивлению императора, присоединился и военный министр[13].

Все решилось на заседании правительства под председательством императора в Петергофе. Оно состоялось на так называемой «Ферме» — в павильоне в дворцовом парке, состоявшем из зала и небольших пристроек. Посредине этого зала был установлен стол, окруженный старинной мебелью. Здесь и собрались министры. Во главе стола сидел Николай II, справа от него — И. Л. Горемыкин, слева — В. А. Сухомлинов. Император заявил о том, что желал бы дать Совету министров некоторые полномочия на период его отсутствия — решение им было уже принято[14]. «Он нам сказал, — вспоминал П. Л. Барк, — что после печальной японской войны его постоянно мучила мысль, будто он не выполнил своего долга Верховного вождя армии и флота. Когда военное положение наше на Дальнем Востоке сделалось критическим, на его обязанности лежало стать во главе армии. Верховный вождь должен переносить вместе со своими воинами все испытания судьбы, и он до сих пор не может простить того, что он не отправился в действующую армию, когда ее стали преследовать неудачи. Поэтому он решил, в случае если Промыслу Божьему угодно ниспослать нам новые тяжкие испытания, не медлить ни одного дня и сейчас же стать во главе войск»[15].

Сразу после этого выступил И. Л. Горемыкин, который со слезами на глазах умолял императора не покидать столицу. Глава правительства пользовался абсолютным доверием, его речь произвела видимое впечатление. Затем последовали выступления главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина и министра юстиции И. Г. Щегловитова. Последний, ссылаясь на пример Петра Великого и случай с Прутским походом, доказывал важность нахождения монарха в столице[16]. Против идеи императора выступил даже министр Двора граф В. Б. Фредерикс. Мысль практически всех выступавших сводилась к простой формуле: «Личность монарха должна находиться вне досягаемости какой бы то ни было критики»[17]. Заключительное слово сказал военный министр, к которому обратился Николай II. Он также выступил против, аргументируя свою позицию нежеланием идти против большинства коллег по правительству. «Значит, и военный министр против меня», — заключил государь и на отъезде в армию больше не настаивал», — вспоминал В. А. Сухомлинов[18].

При этом, как отметил морской министр И. К. Григорович, император, согласившись с мнением своих министров, все же заметил, «что впоследствии этот вопрос еще раз нужно обсудить»[19]. По свидетельству В. Н. Воейкова, первоначально императора уговорили назначить главнокомандующим В. А. Сухомлинова, но тот неожиданно предложил кандидатуру великого князя Николая Николаевича (младшего)[20]. Это произошло вскоре после совещания в Петергофе, и В. А. Сухомлинов ответил, что он против перемещения в начале войны начальствующих лиц, так как это может вызвать нежелательные импровизации в составе командования.

Затем возник вопрос о Николае Николаевиче, и это было естественно. Образ великого князя среди военных был устойчивым и в целом положительным: «Человек крупного размаха, прямой, решительный, получивший

законченное высшее военное образование, имевший за собою опыт турецкой войны, связанной с популярным именем его отца — великого князя Николая Николаевича (старшего), импонировавший своею внешностью, прошедший, наконец, ряд строевых должностей от младшего офицера до главнокомандующего столичным округом включительно, — в таком виде рисовался облик великого князя России»[21]. Из этих качеств у военного министра не было только импозантной внешности. Николай II первоначально планировал назначить Николая Николаевича командующим 6-й армией, которая должна была охранять подступы к Петербургу[22]. Военный министр заявил, что опасается сопротивления со стороны такого подчиненного, и поэтому хотел бы получить заверение самого великого князя, что он откажется от главнокомандования. Однако он неожиданно для В. А. Сухомлинова согласился принять этот пост[23].

19 июля (1 августа), в день объявления войны, император вызвал Николая Николаевича «и объявил ему о его назначении Верховным главнокомандующим вплоть до моего (то есть Николая II. — *А. О.*) приезда в армию»[24]. Итак, с самого начала великий князь был предупрежден о том, что это назначение носит временный характер. Знала об этом и вся страна. 20 июля (2 августа) 1914 г. Правительствующему сенату был дан именной высочайший указ: «Не признавая возможным по причинам общегосударственного характера стать теперь же во главе Наших сухопутных и морских сил, предназначенных для военных действий, признали Мы за благо Всемилостивейше повелеть Нашему Генерал-Адъютанту, Главнокомандующему войсками гвардии и Петербургского военного округа, генералу от кавалерии Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу быть Верховным Главнокомандующим»[25]. Таким образом, и в официальном документе также содержался намек на то, что назначение великого князя носит вынужденный и временный характер. Это сразу поставило Верховного главнокомандующего, получавшего огромную власть, в весьма двойственное, если не в ущербное положение.

Одновременно с этим назначением был подписан и указ о созыве Государственной думы[26]. Ее председатель немедленно воспользовался случаем для того, чтобы заступиться перед великим князем за орган кадетской партии — газету «Речь», закрытую за антивоенные статьи П. Н. Милюкова, выступавшего за локализацию австро-сербского конфликта и рекомендовавшего «строгое воздержание от каких бы то ни было поощрений по адресу Сербии»[27]. Правда, после ответа Белграда на ультиматум Вены газета кадетов признала, что дальнейшие претензии австрийцев были уже явно неуместны и что «Сербия уступила в большей мере, чем можно было ожидать»[28], а 20 июля (2 августа), по словам лидера партии, «Речь» должна была содержать статьи резко антигерманской направленности, но в этот день газета была закрыта военной цензурой[29]. Последними ее публикациями стали рассуждения о нарушении прав свободно мыслящей личности в результате мобилизации. Закрытие «Речи» явилось полной неожиданностью для ее редакции[30].

Атмосфера единения первых дней войны захватила и М. В. Родзянко, его энергия ловко использовалась кадетами, которые весьма точно и характерно отзывались о нем: «Когда надо звонить в колокола, он хорош, но служить обедню мы его не пригласим»[31]. Случай с «Речью» давал М. В. Родзянко возможность укрепить свое положение среди левых в Думе, и он решил заступиться: «Милюков наглупил, — сказал я, — и сам не рад. Возьмите с него слово, и он изменит направление. А газеты нам так будут нужны»[32]. П. Н. Милюков в действительности написал гораздо более жесткую статью, где говорилось о «сербских свиньях», которых стоило бы «проучить», но в этом виде ее не пропустили однопартийцы[33]. По меткому определению П. Б. Струве, «у Милюкова полголовы русского радикального интеллигента, а полголовы — болгарина (имелись в виду его проболгарские и антисербские притрастия. — *А. О.*)»[34]. П. Н. Милюков был действительно «сам не рад»: общественность не поддержала его призывы, а часть влиятельных членов ЦК выступила с резкими протестами против курса лидера партии, может быть, в первый раз за время ее существования[35]. Издатели «Речи» через прессу также обратились к Николаю Николаевичу с просьбой разрешить им продолжить издание газеты, публично заявив о готовности выполнить свой патриотический долг[36].

В результате на следующий день после заступничества М. В. Родзянко газета кадетов была открыта. Формально в опубликованном «Разрешении издания газеты «Речь» говорилось об утвержденном прошении ее издателей: «Его Императорское Высочество в твердой уверенности, что все, без единого исключения, органы русской печати исполнят в эти исторические дни свой долг перед Государем и Россией, соизволит удовлетворить это ходатайство»[37]. Передовица вновь вышедшей «Речи» была посвящена небывалому подъему, который переживала страна, и той роли, которую вопреки надеждам недругов должна была сыграть в этот момент Дума: «Но, созывая теперь Государственную думу для устранения внутренних распрей, наш Государь не ошибся. Дума встанет как один человек и перед лицом внешнего врага, угрожающего «чести, достоинству, целости России и положению ее среди великих держав», в ней не будет — мы в этом уверены — никаких внутренних распрей. Будет одно желание — показать этому врагу, что там, где он рассчитывал найти элементы слабости, он встретит, к своему удивлению и разочарованию, только элементы силы»[38].

Таким образом, применение «элемента силы» на внутреннем фронте оказалось весьма эффективным. «Потенциально война развязывала руки правительству в отношении внутреннего врага, — отмечает современный исследователь. — Социалистическое и радикально-либеральные движения уже самим фактом начала войны и неизбежного ужесточения административного произвола ставились на грань внутреннего кризиса. Вместе с тем положение в один день приняло отчетливые очертания, что облегчало либералам возможность сориентироваться и занять свое место в новой политической обстановке. Однако их позиция не была столь определенной,

как это обычно принято изображать в историографии. Прежде всего, далеко не вся либеральная оппозиция испытывала тот «патриотический угар», в котором ее уличали отечественные историки»[39].

Итак, 20 июля (2 августа) император подписал указ о созыве 26 июля (8 августа) 1914 г. специальной сессии Думы[40] (ее заседания были прекращены императорским указом от 11 (24) июня с 30 июня (13 июля) по 1 (14) ноября)[41]. Работа сессии началась 26 июля (8 августа), уже во время военных действий. В ответ на императорский манифест об объявлении войны с приветственным словом выступил М. В. Родзянко. Он заявил о полной поддержке правительства и указал на основное занятие народных представителей в этой ситуации: «Мы, остающиеся дома, приемлем долг работать не покладая рук в деле обеспечения оставшихся без кормильцев семей. И пусть там, в армии нашей, знают, что не на словах только, но и на деле мы не допустим их до острой нужды»[42].

Избранники бурно приветствовали присутствовавших послов Сербии, Англии, Франции и Бельгии и весьма благосклонно выслушали речи председателя Совета министров, министров иностранных дел и финансов. «Правительство добросовестно искало мирного исхода из создавшихся осложнений, — заявил И. Л. Горемыкин, — не оставляя даже слабой надежды отдалить надвинувшуюся кровавую бурю. Но есть предел и русскому миролюбию. Вполне осознавая лежащую на нем тяжелую ответственность, Императорское правительство не могло, однако, покорно отступить перед брошенным ему вызовом. Это означало бы отказаться от положения России среди великих держав. *Это была бы роковая ошибка, она нас унизила бы, но не изменила не нами решенного хода событий* (выделено мной. — *А. О.*). Война начата, и теперь нам остается только повторить прозвучавшие на весь мир слова: «Мы доведем эту войну, какая бы она ни была, до конца»[43].

Глава правительства нашел и слова, особенно тепло принятые думцами: «*Законодательные учреждения должны знать, что и впредь они будут досрочно созываемы, если по чрезвычайным обстоятельствам это будет признано необходимым* (выделено мной. — *А. О.*). На вашу долю, господа, выпала великая и торжественная задача быть выразителями народных дум и народного чувства. Правительство исполняло и исполнит свой долг до конца; теперь ваш черед, господа члены Государственной думы. В эту торжественную минуту я от имени правительства призываю вас всех, без различия партий и направлений, проникнуться заветами Царского манифеста, да будут забыты внутренние распри, и сплотиться вместе с нами вокруг единого знамени, на котором начертаны величайшие для всех нас слова: «Государь и Россия»[44]. Эта речь неоднократно прерывалась бурными аплодисментами, однако трудно сказать, что последний призыв был действительно поддержан всеми слушателями. Тем не менее они тепло встретили С. Д. Сазонова, весьма просто описавшего смысл войны: «Владычества Германии и ее союзницы в Европе мы допустить не можем. Те же побуждения руководят нашими союзниками»[45].

Министр финансов известил думцев о том, что сразу же после объявления войны был приостановлен обмен кредитных билетов на золото, и внес проект о выпуске новых кредиток на сумму в 1,5 млрд рублей. Бумажная масса была обеспечена золотом наполовину, что, кстати, превышало золотое обеспечение германской марки в мирное время — там была принята норма в одну треть. П. Л. Барк отчитался о проделанной его ведомством за последние недели работе. После объявления ультиматума Сербии Министерство финансов России вывезло из Германии процентные русские бумаги на сумму в 20 млн рублей и перевело из этой страны в Россию, Англию и Францию около 100 млн рублей из средств Государственного казначейства и Государственного банка. Министр обещал пойти «на самые широкие затраты» для содействия местным органам самоуправления в организации помощи семьям призванных в армию и предложил Думе согласиться на повышение акцизов на пивоварение, а также цен на вино и табак[46].

Настроение думцев казалось безоблачным, сессия затянулась на три с половиной часа, при этом вопрос о принятии трех законов о военных кредитах занял всего несколько минут. Представители различных национальных меньшинств заявляли о своей полной лояльности империи и готовности защищать ее с оружием в руках. Польская фракция также выступила с заявлением о готовности защищать славянство как во времена Грюнвальда[47]. Секретарь польского коло В. Ф. Яронский заявил: «Мировое значение переживаемого времени должно отодвинуть на второй план все внутренние счеты... Пусть пролитая наша кровь и ужасы братоубийственной для нас войны приведут к соединению разорванного на три части польского народа»[48]. Таково было настроение этих дней.

О своей поддержке войны и желании объединить свой народ, «раскроенный надвое» (очевидно, имелись в виду претензии на Мемель, к тому времени полностью немецкий город), заявили и литовцы. Кадет М. М. Ичас тоже вспомнил при этом о Грюнвальде[49]. Наиболее кратким, выдержанным и полным достоинства было выступление представителя остзейских немцев барона Г. Е. фон Фелькерзама, входившего во фракцию земцев-октябристов: «От имени моих политических друзей имею честь заявить, что искони верноподданное немецкое население Прибалтийского края всегда готово встать на защиту Престола и Отечества, что мы не только будем голосовать за предложенные кредиты, но по примеру наших предков готовы жертвовать жизнью и имуществом за единство и величие России»[50]. Между тем в Курляндии, у Либавы, на границе с Восточной Пруссией уже прозвучали первые выстрелы войны.

Это вдохновило прогрессиста Я. Ю. Гольдмана, представлявшего негерманскую часть жителей края: «Но повелитель Германии глубоко ошибался, если он думал, что эти выстрелы найдут отзвук в местном населении в каких-нибудь враждебных выступлениях против России. Наоборот, от населения Прибалтийского края, где подавляющее большинство латыши и эстонцы, в ответ на этот выстрел столь же громко прогремело: «Да здравствует Рос-

сия!». И так будет и дальше, даже при самых тяжелых испытаниях. Среди латышей и эстонцев нет ни одного человека, который бы не сознавал, что все то, что ими достигнуто, это достигнуто под защитой русского орла, и что все то, что латыши должны еще достигнуть, возможно только тогда, когда Прибалтийский край и в будущем будет как нераздельная часть великой России»[51].

О готовности еврейского народа выполнить свой долг перед страной заявил кадет Н. М. Фридман[52]. Тем не менее говорить о демонстрации единства всех политических сил в Думе не приходится. И дело даже не в том, что заявления о лояльности представителей одних народов звучали явным вызовом другим. Весьма двусмысленной была поддержка левого крыла Думы. Председатель трудовой группы А. Ф. Керенский выступил почти с революционной речью: «Мы непоколебимо уверены, что *великая стихия российской демократии* (выделено мной. — *А. О.*) вместе со всеми другими силами дадут решительный отпор нападающему врагу и защитят свои родные земли и культуру, созданные потом и кровью поколений! Мы верим, что на полях бранных в великих страданиях укрепится братство всех народов России и *родится единая воля – освободить страну от страшных внутренних пут* (выделено мной. — *А. О.*)!»[53].

Двоякое прочтение слов будущего «калифа на час» образца 1917 г. вряд ли было возможно. Впрочем, он и сам решил исключить эту возможность в эффектном завершении своего выступления: «Русские граждане! Помните, что нет врагов у вас среди трудящихся классов воюющих стран. Защищая до конца все родное от попыток враждебных нам правительств Германии и Австрии, помните, что не было бы этой страшной войны, если бы великие идеалы демократии — свобода, равенство, братство — руководили деятельностью правящей России и правительств всех стран... *Крестьяне и рабочие, — все, кто хочет счастья и благополучия России, в великих испытаниях закалите дух ваш, соберите силы и, защитив страну, освободите ее* (выделено мной. — *А. О.*)»[54].

В унисон с представителем трудовиков выступил и социал-демократ В. И. Хаустов: «Сознательный пролетариат воюющих стран не мог помешать возникновению войны и тому разгулу варварства, который он с собой несет. Но мы глубоко убеждены в том, что в международной солидарности трудящихся масс всего мира пролетариат найдет средства к скорейшему прекращению войны. И пусть условия мирного договора будут продиктованы не дипломатами, а самим народом; и вместе с тем мы высказываем глубокое убеждение, что эта война окончательно раскроет глаза народным массам Европы на действительный источник насилий и угнетений, от которых они страдают, и что теперешняя вспышка варварства будет в то же время и последней вспышкой»[55].

Это было весьма типичным выступлением представителя этой партии, занявшей весьма своеобразную позицию, так сказать, «революционного непобежденчества». И. Г. Церетели вспоминал: «...и на наше суждение о войне, в очень существенной части, практические потребности нашего

движения оказывали решающее влияние. Наилучшим исходом войны мы считали такой мир, который был бы заключен не в условиях военного торжества той или иной стороны, а под давлением народных движений... Пораженчество было для нас совершенно неприемлемо. Но ненависть к самодержавию влияла и на нашу оценку войны, и выражалось это в том, что, отвергая пораженчество, мы держались идей абсолютного нейтралитета и настаивали на равноценности военного торжества той или иной коалиции. События показали, насколько такой взгляд был ошибочен»[56].

К этим выступлениям фактически присоединился и П. Н. Милюков: «Фракция народной свободы неоднократно говорила в Государственной думе о тех вопросах, которые были затронуты двумя первыми ораторами (то есть А. Ф. Керенским и В. И. Хаустовым. — *А. О.*). Ее мнение по этим вопросам всем хорошо известно, *и, конечно, никакие внешние обстоятельства не могут изменить этих мнений* (выделено мной. — *А. О.*); когда настанет время, фракция вновь заговорит о них и вновь будет указывать на единственный возможный путь к внутреннему обновлению России. Она надеется, что пройдя через тяжкие испытания, нам предстоящие, страна станет ближе к своей заветной цели»[57]. Весьма сомнительно, что заветная цель кадетов совпадала с желаниями страны, и это было доказано на деле в феврале — марте 1917 г.

Важно другое: заявляя правительству о своей поддержке в войне против «германизма», лидер фракции оставлял за собой полную свободу выбора времени возвращения к довоенной политике партии, хотя завершил он свою речь, казалось бы, совсем другими уверениями: «Каково бы ни было наше отношение к внутренней политике правительства, наш первый долг — сохранить нашу страну единой и нераздельной и удержать за ней то положение в ряду мировых держав, которое оспаривается у нас врагами. Отложим же внутренние споры, не дадим врагу ни малейшего повода надеяться на разделяющие нас разногласия и будем твердо помнить, что теперь первая и единственная задача наша — поддержать борцов верой в правоту нашего дела, со спокойной бодростью и надеждой на успех нашего оружия»[58]. Как показали дальнейшие события, кадеты отказались от своего «первого долга» очень быстро, одними из первых. Но пока они вместе со всеми бурно приветствовали генерала В. А. Сухомлинова и адмирала И. К. Григоровича — военного и морского министров. Заседания Думы были временно прерваны — правительство собиралось возобновить их через шесть месяцев, не позднее 1 (14) февраля 1915 г.[59]

Столько же по первоначальным планам должна была продлиться война. Император встретился с представителями Государственной думы и Государственного совета в день их первого военного заседания[60]. В следующий раз, очевидно, он хотел предстать перед представителями цензовой общественности в лавровом венце победителя. Этой встречи боялись и они: если бы она состоялась, реализация «заветных целей», во всяком случае в ближайшее время, оказалась бы под вопросом. После временного закрытия «Речи» редактор этой газеты несколько месяцев старательно выдерживал

лояльную линию по отношению к власти[61]. Исключением была робкая попытка намекнуть на необходимость учитывать мнение общественности, сделанная в номере от 2 (15) августа 1914 г.[62] Она была немедленно пресечена: правительство восприняло это как намек на необходимость выхода из кризиса, и редактор газеты был оштрафован на 3 тыс. рублей[63].

Поведение кадетского органа удивляло многих. «Со всей печатью творится нечто безобразное, — отметил в своем дневнике 23 августа 1914 г. С. П. Мельгунов. — «Речь» с момента объявления войны начала с критики. Ее закрыли. Через несколько дней к.-д. орган вышел и заговорил другим тоном: о единении царя с народом... «Русские ведомости» под редакцией Мануйлова, в свою очередь, не могут найти подходящего тона. И они говорили при посещении царем Москвы о единении царя с народом. Передовая статья была написана Кизеветтером»[64].

Без сомнения, случай с печатным органом кадетов добавил популярности Верховному главнокомандующему. Особенно выигрышно выглядел этот шаг на фоне действий правительства — 26 июля (8 августа), после своего «исторического» заседания, Дума была распущена. В тот же день в Зимнем дворце были собраны члены Государственной думы и Государственного совета. Император вышел к ним вместе с Николаем Николаевичем (младшим). Многочисленные речи убеждали собравшихся в единении политических сил разных направлений перед лицом внешней опасности и создавали благоприятную атмосферу для общественной инициативы. Следующим важным шагом, способствовавшим популярности Николая Николаевича в тылу, стала поддержка, оказанная им Земскому и Городскому союзам.

26 июля (8 августа) в Москве прошло Чрезвычайное губернское земское собрание, на котором было принято решение приступить к организации помощи раненым и больным воинам. Московское земство, в частности, выступило со следующей инициативой: «Признать целесообразным установление организованного взаимодействия всех губернских земств Российской империи в целях осуществления указанной помощи». Собрание поручило Московской губернской управе войти в соглашение со всеми губернскими земствами о создании объединенной организации и избрании для принятия соответствующего решения уполномоченных. Губернскому комитету было выделено на текущие расходы 100 тыс. рублей, а в распоряжение будущего Всероссийского земского союза — 500 тыс. рублей[65]. У земцев был уже опыт создания подобной организации. Во время Русско-японской войны для помощи раненым был также создан Общеземский союз, который возглавлял князь Г. Е. Львов.

В 1904 г. начавшуюся войну земцы также использовали как повод к объединению в общерусском масштабе. В ответ на призыв представителя Исполнительной комиссии Красного Креста графа И. И. Воронцова-Дашкова о помощи при полной хозяйственной самостоятельности, представители 19 земств выдвинули условие объединения в общеземской организации. Отношение к этой инициативе у В. К. фон Плеве и И. И. Воронцова-Даш-

кова было различным, что и обусловило согласие и явочное объединение 13 земств для организации врачебно-продовольственных отрядов[66]. Земства собрали 1,2 млн рублей и сформировали 21 санитарно-врачебный отряд. После роспуска I Государственной думы Г. Е. Львов отправился с большинством депутатов в Выборг, однако не принимал участия в совещаниях и не подписал знаменитого воззвания. Общеземский союз продолжил свое существование и после Русско-японской войны, сосредоточившись на благотворительности — помощи голодающим и переселенцам. Союз во многом существовал за счет средств, выделяемых государственным Красным Крестом, и был запрещен П. А. Столыпиным в 1909 г.[67]

30 июля (12 августа) 1914 г. в Москве прошел Всероссийский съезд представителей губернских земств. Образованный его решением Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам снова возглавил князь Г. Е. Львов[68]. Произошло это весьма оригинально: князь не был избран представителем какой-либо земской организации, однако, ссылаясь на прошлые заслуги и сохранившиеся якобы еще с японской войны средства, которые был готов направить в распоряжение Союза, он добился своего участия сначала в съезде, а затем и в его президиуме. Поскольку безусловный фаворит съезда — председатель Московской губернской земской управы Ф. В. фон Шлиппе отказался от участия в выборах председателя, считая, что в этот момент земскую организацию не может возглавить лицо с немецкой фамилией, эта процедура быстро приняла характер постановочного фарса[69].

На пост главы Союза было выдвинуто две кандидатуры — князя Г. Е. Львова и графа Ф. А. Уварова (от Московского земства). Однако Ф. А. Уваров, аккуратный, осторожный и педантичный человек, давно работавший в земстве и хорошо известный среди его деятелей, будучи сотником запаса, предпочел вернуться в Терское казачье войско, к которому был приписан, и отправиться на фронт. Фактически Г. Е. Львов был избран на безальтернативной основе. Это был глубоко лично порядочный человек, мягкий по природе, предпочитавший жить иллюзиями, а не реалиями. Убежденный толстовец, он считал возможным сочетать продуктивную работу с отсутствием контроля над подчиненными. Избрание такого человека имело весьма печальные последствия[70]. До 1914 г. Г. Е. Львов был председателем Тульской земской губернской управы. В либеральном лагере он имел, по словам В. Д. Набокова, репутацию «чистейшего и порядочнейшего человека, но не выдающейся политической силы»[71].

Г. Е. Львов был убежденным либералом и разделял общую убежденность земцев в том, что коррумпированная бюрократия не в состоянии честно и эффективно тратить народные деньги[72]. Сам он, судя по всему, в принципе не считал контроль необходимым, с готовностью отвечая согласием поставить подпись на запросы земств, не ознакомившись с их содержанием[73]. После первого же «делового» разговора с главой Земского союза у губернского предводителя самарского дворянства создалось впечатление, что «во всех

делах, намерениях и отчетности должен царствовать сильнейший произвол, партийное засилие и безграничный денежный хаос»[74]. В то же время земцы были категорически против контроля над Земским и Городским союзами со стороны государства, что было бы оправданно в случае, если бы их организации существовали на собственные, то есть на общественные средства. Главу Земского союза это не останавливало, Г. Е. Львов вообще был сторонником безостановочного движения к цели. «Когда штурмом, на ура, берут крепость, — говорил он, — нельзя озираться назад. Остановка на миг может погубить все дело. Вот почему на полном ходу все развивающейся работы Всероссийский земский союз не может дать подробного отчета о своей деятельности»[75].

В качестве первого своего шага Союз декларировал полную лояльность трону. На имя императора избранным главноуполномоченным была направлена телеграмма: «Верьте, Государь, что и в тяжелую минуту войны земские люди сумеют выполнить лежащий на них долг. Твердо верят земские люди, что Россия под державным водительством Вашим выйдет из ниспосланного ей испытания победительницей с обновленными силами на поприще славы и мирного труда». Очевидно, фигура Г. Е. Львова не вызывала этого доверия, и благодарственный ответ был адресован не ему, а председателю Московской земской управы Ф. В. фон Шлиппе[76]. Верховный главнокомандующий протежировал Союзу с первых дней его существования, что не замедлило сказаться[77]. 8 (21) августа, во время пребывания в Москве, Николай II посетил склад Земского союза, где его встретило руководство этой организации. Сам Г. Е. Львов, между прочим, воспользовался случаем для того, чтобы изложить основной принцип своего руководства: «В вихре событий Всероссийский земский союз создался всего с неделю тому назад. Организация его самая простая. В Москве образован центральный комитет, а на местах — губернские и уездные. Все дело зиждется не на формах и разработанных уставах, а крепком духовном единении»[78].

31 июля (13 августа) — 1 (14) августа в Большой зале Городской думы Москвы прошел съезд представителей городов, принявший решение о созыве аналогичного земскому съезде городских голов для создания Союза городов. План будущей организации был изложен Н. И. Астровым. 8–9 (21–22) августа прошел съезд городских голов, в результате чего был создан Союз городов. Временно исполняющим обязанности председательствующего был избран врио московского городского головы В. Д. Брянский. Делегаты съезда 9 (22) августа были приняты в Большом Кремлевском дворце императором. 12 (25) августа последовало высочайшее разрешение деятельности Земского союза, 16 (29) августа — Городского союза. В отличие от Г. Е. Львова беспартийный В. Д. Брянский имел репутацию человека, который не занимался политикой, и поэтому его приветственная телеграмма императору удостоилась ответа на его имя. Однако его время продолжалось недолго. 16 (29) сентября председательствующим в Союзе городов был избран член Государственной думы от кадетской партии М. В. Челноков. 29 сентября

(12 октября), к удивлению многих, поскольку он не имел репутации организатора, М. В. Челноков победил В. Д. Брянского на выборах городского головы и в Москве[79].

Для закрепления своих позиций после своего избрания М. В. Челноков заявил о прекращении своей партийной и политической деятельности и дал соответствующие обещания министру внутренних дел. Этот шаг вызвал раздражение П. Н. Милюкова и даже стал предметом разбирательства в ЦК кадетской партии, но вскоре скандал был затушен, и М. В. Челноков остался на своих постах[80]. 17 (30) ноября он был утвержден на трехлетие в должности московского головы, а 10 (23) декабря делегации Земского и Городского союзов во главе со Г. Е. Львовым и М. В. Челноковым были приняты Николаем II в Кремле[81]. Благосклонная аудиенция была получена при поддержке Николая Николаевича (младшего). Весьма участливо к союзам относился и А. В. Кривошеин, который видел в них потенциальных союзников либерально настроенной части правительства. Поддержка со стороны главковерха и части министров имела для них тем более важное значение, что возглавляемые ими организации так и не получили поначалу законодательного оформления[82]. В первые дни войны это сказывалось на положении отрядов Красного Креста на фронте, которое было довольно неопределенным — земские организации не имели статуса. Обычным ответом генералитета на запросы, по свидетельству одного из руководителей таких отрядов, было «делайте, что хотите и как знаете»[83].

После аудиенции ситуация несколько улучшилась. Кроме того, свою роль сыграло и циркулярное письмо военного министра. 18 (31) сентября В. А. Сухомлинов распорядился оказывать в деле помощи раненым и больным всем учреждениям гражданских ведомств, общественным организациям и частным лицам поддержку «без всяких формальностей, ограничиваясь лишь выдачей расписок (при передаче медицинского имущества. — *А. О.*), которые будут служить оправдательными документами»[84]. К моменту избрания Г. Е. Львова в распоряжение Земского союза было собрано уже 6 млн рублей[85]. Николай Николаевич протежировал Земскому и Городскому союзам и испросил для них практически неограниченный кредит, и все эти просьбы вскоре были удовлетворены[86]. И в этом нет ничего удивительного, поскольку инициатива создания союзов на фоне патриотической эйфории первых дней войны была принята правительством весьма благосклонно[87]. «Прошло немного времени, — вспоминал П. Г. Курлов, — и к чувству патриотизма начали примешиваться эгоистические побуждения, и что еще хуже — помощь героям войны стала постепенно превращаться в средство для борьбы с правительством»[88].

Союзы быстро превращались в реальную силу, противопоставлявшую себя государству, но фактически существующую на средства, полученные из его казны. С самого начала своего функционирования союзы приступили к устройству сети местных учреждений, и по их просьбе они получали финансовую поддержку со стороны государства. Численность союзов

постоянно росла. В августе 1914 г. в Союзе городов состояло 140 городов, в октябре — уже 250, в январе 1915 г. — 410, в декабре того же года — 464. Тем не менее их финансовые возможности с самого начала были невелики. Земский союз имел 10 млн рублей, а Союз городов — 6 млн. Уже 3 (20) августа 1914 г. Г. Е. Львов заявил, что союзы не смогут обеспечить сбора суммы на Крестный Крест — около 20 млн рублей и поэтому нуждаются в поддержке государства в размере не менее 10 млн. А несколькими днями позже он поставил вопрос о миллиарде рублей! Характерно, что финансовые подсчеты не были представлены.

Министерство финансов выступило за оказание финансовой поддержки общественным организациям, но при условии обязательной проверки их отчетов. Мнения в правительстве разделились. Государственный контролер П. А. Харитонов выступил против этого предложения, активно поддержанного и министром внутренних дел (Н. А. Маклаков почти сразу же обрел репутацию наиболее враждебно настроенного против союзов министра), сославшись на то, что у земств и городов есть свои контрольные органы, а опытных контролеров не хватает, поскольку значительная их часть при мобилизации была направлена в полевые казначейства. В результате было принято решение ограничиться формальным надзором: созданный в Военном министерстве комитет должен был проверять отчеты союзов и направлять их на утверждение в правительство. Деньги все же начали выделяться. Уже к началу сентября Земский союз получил из Государственного казначейства 3 млн рублей. За первые два месяца войны Земский и Городской союзы получили из этого источника 12 млн рублей. К ноябрю 1914 г. сумма государственных дотаций Земскому и Городскому союзам составила 43 млн рублей[89].

Для сравнения заметим, что с августа по конец октября 1914 г. в Земский союз поступило 360 283 рубля частных пожертвований[90]. Практика поддержки земским и городским организациям со стороны государства была не нова. С 1907 г. земства получали средства из казны, причем их сумма к 1913 г. выросла с 2,4 млн до 40,8 млн рублей[91]. Таким образом, размер государственных поступлений в бюджет земств за первые четыре месяца войны превысил таковой же за весь предыдущий год. Вскоре после своего образования союзы фактически уже полностью субсидировались государством благодаря неограниченному кредиту, испрошенному у императора великим князем главнокомандующим[92].

«Это была ирония судьбы, — вспоминал П. Л. Барк. — Правительство собственными руками снабдило своих политических противников средствами для свержения существующего строя»[93]. Министр финансов был прав. Земские и городские ассигнования и добровольные пожертвования почти сразу же оказались недостаточными для той роли, на которую претендовали Земский и Городской союзы. Притом что земства представляли собой большую силу и все предвоенные годы происходил постоянный рост их расходов (со 124,185 млн в 1906 г. до 243,826 млн в 1913 г.), подавляющая

часть этих средств и во время войны тратилась на традиционные статьи, такие как образование (27,1% в 1915 г.), здравоохранение (24,2% в 1915 г.) и прочее[94]. Поддержка, оказанная либералам со стороны великого князя Николая Николаевича (младшего), безусловно, сказалась на его популярности.

Первый Верховный главнокомандующий был встречен в русском обществе удивительно единодушно. Как отмечал генерал В. И. Гурко: «Его назначение с радостью приветствовала вся русская пресса, без единого выражения неудовлетворения»[95]. Генерал В. Ф. Джунковский вспоминал: «Его назначение было приветствуемо всей Россией. Он был очень популярен, вокруг его имени создавалась масса легенд, все в его пользу, его всегда выставляли как рыцаря, как борца за правду. И он был действительно таким»[96]. Между тем временный характер назначения Николая Николаевича (младшего) в какой-то степени облегчал ограничение его самостоятельности, в том числе и при выборе ближайших сотрудников. В. А. Сухомлинов отмечал: «Я просил только Его Величество, чтобы он настоял на принятии великим князем полевого штаба в том составе, как он приготовлен был в предвидении командования действующей армией самим Государем. Это было необходимо потому, что в противном случае он составился бы исключительно из чинов штаба Петербургского военного округа, который предназначался для формирования штаба шестой армии. Государь так и сделал»[97].

Таким образом, обладая колоссальными полномочиями, главнокомандующий не был свободен в этом важнейшем вопросе. «Великий князь хотел привлечь генералов Палицына и Алексеева на наиболее ответственные посты Ставки, но Государь после того, как великий князь изъявил свое согласие, просил принять штаб в уже сформированном составе. Великий князь подчинился желанию Государя», — вспоминал отец Георгий (Шавельский)[98]. Об этом же говорит и В. И. Гурко, с той разницей, что ближайших сотрудников главнокомандующего подбирал военный министр[99]. Кроме того, в «Положении о полевом управлении войск в военное время», утвержденном непосредственно перед войной, 16 (29) июля 1914 г., не было четкой формулировки, подчинявшей главнокомандующему военного министра. Министр отвечал за укомплектование и снабжение армии, ведал прохождением службы личным составом. Взаимоотношение боевого управления и планирования с боевым снабжением и тылом осталось нерешенным. Это была застарелая болезнь русского военного механизма, в рамках которой межличностные отношения приобретали особое значение. Эти отношения у Верховного главнокомандующего и военного министра были враждебными.

Во всяком случае, по существующему «Положению...» назначение начальника штаба относилось к прерогативе императора, а генерал-квартирмейстер, дежурный генерал, начальник военных сообщений избирались военным министром по докладу начальника Генерального штаба, представители ВМС и МИДа назначались соответствующими министерствами по соглашению с военным министром[100]. Великий князь лично не был знаком практически ни с одним из своих ближайших сотрудников по Ставке, даже

со своим начальником штаба. П. К. Кондзеровский вспоминал: «До выезда нашего в Ставку Янушкевич несколько раз ездил в имение великого князя Знаменское. Всем же остальным было указано, что великий князь познакомится с чинами штаба по приезде в Ставку»[101]. Из своего имения под Петербургом Николай Николаевич и отдал одно из первых своих распоряжений: всему штабу оставаться на месте, а Гвардейскому корпусу отправляться на Северо-Западный фронт, в распоряжение генерала П. К. Ренненкампфа[102].

Впервые сотрудники Ставки увидели великого князя в качестве главнокомандующего утром 31 июля (12 августа) 1914 г. в церкви Главного штаба на молебне[103]. Многие из офицеров Ставки познакомились друг с другом или на этом молебне, или в поезде, или даже по прибытии на место дальнейшей службы[104]. Штаб Верховного главнокомандующего по плану должен был выехать к постоянному месту дислокации на 14-й день мобилизации, объявленной 17 (30) июля 1914 г. Поздно вечером 31 июля (12 августа) 1914 г. поезд главнокомандующего отправился от станции Новый Петергоф к фронту[105]. Николай II приехал проститься с Николаем Николаевичем и проводить его: «Плавно, без свистков, тихо отошел поезд, увозя великого князя с его штабом в Ставку. Государь последний благословил и обнял Верховного главнокомандующего»[106]. В полночь ушел второй поезд с чинами Ставки: «...на слабо освещенном перроне вокзала не было ни провожающих, ни публики»[107].

Ставка Верховного главнокомандующего в Барановичах, устройство и планы

Местом расположения Ставки было избрано местечко Барановичи — важный железнодорожный узел в Минской губернии. До выезда оно держалось в секрете даже для чинов штаба главнокомандующего[1]. Поезд великого князя шел как обычный, пропуская военные эшелоны, для того чтобы не нарушать мобилизационного расписания железной дороги. Поскольку прямой путь на Барановичи из Петербурга через Двинск и Вильну занимали воинские эшелоны, был выбран кружной маршрут[2]. Главнокомандующий решил не пользоваться привилегией безостановочного движения, и в городе Лида его поезд простоял пять часов. В результате движение по линии Санкт-Петербург — Бологое — Седлицы вместо обычных для мирного времени 25 часов заняло 57. Второй поезд с чинами Ставки обогнал состав главнокомандующего в дороге[3]. В пункт назначения поезд великого князя прибыл в девять часов утра 16 августа[4].

Ставка располагалась под Барановичами в районе окруженных лесом казарм железнодорожной бригады, ушедшей на фронт перед самым прибытием штаба Верховного главнокомандующего[5]. «Ряды солдатских бараков и офицерских домиков, — вспоминал генерал А. И. Спиридович, — в порядке и просторно раскинулись среди сосновой рощи, соединяемые аккуратными дорожками. Деревянная церковь с колокольней придает поселку уютный вид. За ним тянется довольно густой сосновый лес»[6]. Место было не только живописным, но и весьма спокойным. «Жизнь в Ставке, — отмечал ее генерал-квартирмейстер, — отличалась необыкновенной размеренностью и регулярностью»[7].

Британский военный агент в России вспоминал: «На самом деле, трудно было представить что-нибудь менее напоминающее войну, чем наши окрестности. Мы располагались в середине очаровательного хвойного леса, все вокруг было тихо и мирно. Мы вдвоем (А. Нокс и маркиз де Лагиш. — *А. О.*) удивились практическому уму русских, выбравших такое спокойное место для своего штаба и начавших работу с полным спокойствием и абсолютным отсутствием суеты»[8]. «Это было унылое, Богом забытое местечко, недалеко от знаменитой Беловежской пущи, где под охраной государства обитали последние европейские зубры... — по-своему описал это спокойствие великий князь Кирилл Владимирович. — Место это было глухое, оторванное от цивилизации и далекое даже от войны: мы располагались в 65 милях от фронта»[9]. Тишине способствовали плотная охрана (ближняя — Гвардейский жандармский батальон и общая — лейб-гвардии Казачий Его Величества полк, команда агентов Петроградского охранного отделения, чины общей полиции)[10] и строгий распорядок жизни Ставки[11].

Внешне быт ее сотрудников отличался простотой и скромностью, удивительной для современников, смотревших на войну глазами человека XIX в., привыкшего к романтически-помпезному взгляду на вещи. Этому способствовало и то, что в Европе давно, с 1878 г., не было большой войны. Военный корреспондент «Таймс» в России, посетивший Ставку в самом начале войны, сделал следующий вывод из увиденного: «Хотя Россия и монархия, здесь больше социального и гражданского равенства, чем в любой другой стране, которую я знаю, и люди самого высокого положения являются самыми демократичными на деле... Дворянство гораздо более демократично, чем американские миллионеры, и подчиненные относятся к ним с гораздо меньшим подобострастием, чем это принято в Англии и Америке по отношению к нуворишам»[12]. Официальный историограф императора, впервые прибывший в Барановичи вместе с Николаем II 21 сентября (4 октября) 1914 г., описал то, что так потрясло американского визитера, несколько лаконичнее: «То, что называется Ставкой, представляет собой участок железнодорожного полотна, на котором стоят вагоны разных классов»[13].

Чины штаба Верховного главнокомандующего размещались в двух поездах: в одном жили сам Николай Николаевич (младший) с состоящими при нем генералами и офицерами (великий князь, его начальник штаба и генерал-квартирмейстер занимали по отдельному вагону), военные представители союзников, протопресвитер, в другом — остальные чины Ставки. Канцелярии располагались в железнодорожных домиках при путях[14]. Для поездов была построена специальная ветка у окраины Барановичей. Рядом с ними были разбиты цветники, проложены деревянные тротуары, построены навесы над вагонами и, для того чтобы душными летними днями легче было проводить совещания, рядом с ними установили большой шатер[15]. Не без претензий были выбраны и вагоны поезда Верховного главнокомандующего — бывший состав Nordic Express, курсировавший до войны между Берлином и Санкт-Петербургом[16].

Во всяком случае, этот выбор хорошо иллюстрирует настроения в штабе Николая Николаевича. Как отмечал генерал Ю. Н. Данилов: «Основную мысль движения на Берлин русское Верховное главнокомандование преследовало в течение всего первого периода войны. Но, конечно, эту мысль надо понимать не в прямом, а в переносном ее значении»[17]. Поезд великого князя стоял у дома, где раньше располагался командир железнодорожной бригады. В этом небольшом здании находилось управление генерал-квартирмейстера, к нему были подвены прямые провода связи с фронтом и Петроградом. Правда, первые несколько недель войны в Ставке работала всего одна радиостанция, мощность которой не превышала 600 слов в час. Этого было явно недостаточно для оперативной связи со штабами фронтов, и в конце сентября 1914 г. были установлены прямые линии телеграфной связи с Ровно и Холмом[18].

3 (16) августа штаб Верховного главнокомандующего приступил к работе. Он состоял из четырех управлений: генерал-квартирмейстера (два генерала, 14 штаб- и три обер-офицера, чиновник VIII класса), дежурного генерала (два генерала, семь штаб-, пять обер-офицеров, четыре чиновника VII класса), начальника военных сообщений (генерал, четыре штаб- и 15 обер-офицеров, два чиновника VI класса) и военно-морского (адмирал, четыре штаб- и два обер-офицера). Кроме того, при штабе функционировали дипломатическая канцелярия (чиновник IV класса, два чиновника V класса, чиновник VI класса и чиновник VII класса), управление коменданта (один штаб- и семь обер-офицеров, врач и ветеринар, чиновник VII класса) и типография (чиновник VII класса), а при начальнике штаба служили штаб- и обер-офицер[19]. Не считая офицеров частей, несших охрану Ставки, весь ее штат составляли приблизительно 60 человек[20]. Великий князь собрал иностранных военных представителей, офицеров и служащих штаба, в свой вагон-столовую к обеду. Один из его участников вспоминал: «Прежде чем сесть за стол, он удовлетворенно заговорил о том, сколь величественную картину представляет сейчас Россия, покрытая воинскими составами, спешащими со всех сторон к нашим австро-германским границам»[21].

Атмосфера первых месяцев, а тем более первых дней войны захватила и Ставку. «Воинственный пыл и какой-то радостный подъем, охватившие в ту пору весь наш народ, могли бы послужить типичным примером массового легкомыслия в отношении самых серьезных вопросов, — вспоминал отец Георгий (Шавельский). — В то время не хотели думать о могуществе врага, о собственной неподготовленности, о разнообразных и бесчисленных жертвах, которых потребует от народа война, о потоках крови и миллионах смертей, наконец, о разного рода случайностях, которые всегда возможны и которые иногда играют решающую роль в войне»[22]. 1-я армия в это время уже начала вторжение в Восточную Пруссию, наступление развивалось неплохо, и тех, кто думал, что война затянется больше чем на шесть месяцев, считали пессимистами. В Барановичах уже планировали в ближайшее время перебросить 1-ю армию к Варшаве, чтобы после

овладения Восточной Пруссией быстрее приступить к наступлению на Берлин через Силезию[23].

Начальником штаба Верховного главнокомандующего был генерал-адъютант Н. Н. Янушкевич, долго служивший в канцелярии министерства, профессор Николаевской академии, читавший курс военной администрации, с 1913 г. — начальник Николаевской академии Генерального штаба, с мая 1914 г. — начальник Генерального штаба. В начале своей карьеры он командовал ротой, но никогда (за исключением ценза) — даже батальоном. «Он производит впечатление скорее придворного, чем солдата», — отмечал А. Нокс[24]. Это назначение вызвало удивление, так как генерал долгое время занимался исключительно административной и хозяйственной деятельностью. П. К. Кондзеровский вспоминал: «По своей служебной подготовке Н. Н. Янушкевич был отнюдь не стратег, а администратор. Он прошел все ступени должностей в Канцелярии Военного министерства, был долго начальником законодательного отдела и помощником начальника канцелярии. В академии он читал администрацию и совсем не был подготовлен к должности начальника Генерального штаба и тем более — начальника штаба Верховного главнокомандующего»[25].

В академии он получил среди офицеров прозвище «спящая красавица» за доброту и внимательность к служащим, а также за привычку подолгу сидеть в задумчивой позе на скамейке в Таврическом саду[26]. «Наш начальник Генерального штаба еще дитя», — охарактеризовал его перед войной В. А. Сухомлинов[27]. Тем не менее это не помешало ему включить Н. Н. Янушкевича в состав штаба Верховного главнокомандующего. Объяснялось это уже перечисленными его качествами: он устраивал всех, кто хотел быть Верховным главнокомандующим и иметь под рукой в качестве начальника штаба исполнителя. При обсуждении возможной кандидатуры на эту должность в военных кругах называлось только имя генерала М. В. Алексеева, а сам Н. Н. Янушкевич, понимая свое несоответствие требованиям этой должности, пытался отказаться от нее и принял назначение с большими душевными страданиями[28]. Уже в ходе войны он неоднократно повторял, что не подготовлен к занимаемой должности и готов сдать ее, но всякий раз против этого возражал Верховный главнокомандующий, которого устраивала подобная ситуация, обеспечивавшая возможность безусловного лидерства генерал-квартирмейстера Ставки[29].

Отсутствие военного опыта, осознанное несоответствие занимаемой должности — все это объясняло, почему Н. Н. Янушкевич находился под сильнейшим влиянием генерал-квартирмейстера Ю. Н. Данилова (Черного)[30]. Как отмечал А. Д. Бубнов: «На должности начальника штаба Верховного главнокомандующего он растерялся, но все же имел гражданское мужество осознать свою неспособность играть какую-либо роль, стушевался и уступил руководящую роль в Верховном главнокомандовании генерал-квартирмейстеру Ю. Н. Данилову»[31]. Практически все вопросы, связанные со стратегией, тот решал почти самостоятельно[32]. Фактиче-

ски, Ю. Н. Данилов и был начальником штаба Ставки. По свидетельству полковника А. А. Самойло, «генерал Янушкевич вопреки «Положению о полевом управлении войск в военное время» никакого участия в оперативной работе не принимал, отказываясь от нее под предлогом малого знакомства со стратегией. Разработка всех оперативных соображений лежала целиком на Данилове, ответственном за эту разработку, за сбор сведений о театре военных действий и данных о противнике, а также о расположении, действиях и общем обеспечении всем необходимым наших войсковых соединений, об общей организации службы связи и службы офицеров Генерального штаба»[33].

Ю. Н. Данилов был честным, усидчивым, очень упрямым и самоуверенным, чрезвычайно трудолюбивым человеком, смотревшим на своего непосредственного начальника несколько свысока[34]. Безусловно, он был одним из самых образованных высших офицеров императорской армии. «Строгий, требовательный в службе, он был грозой для подчиненных, но за несколько искусственно созданной им себе мрачной и недоступной наружностью скрывался блестящий, правда едкий, но всегда любезный собеседник»[35]. А. Нокс отмечал, что в ходе войны ему неоднократно приходилось слышать критику «ограниченной стратегии» генерал-квартирмейстера, но никто не назвал того, кто мог бы действовать лучше на его месте[36]. Николай Николаевич высоко ценил Ю. Н. Данилова и следил за тем, чтобы его никто не отвлекал во время послеобеденных прогулок, когда тот, покуривая сигару, обдумывал планы военных операций[37]. Когда зимой 1914–1915 гг. Ю. Н. Данилов заболел и ему потребовалась молочная диета, Верховный главнокомандующий распорядился привозить для него из своего имения Беззаботное под Петербургом свежее козье молоко. Его доставляли в Барановичи с пассажирским поездом каждое утро[38].

Дежурным генералом являлся генерал-майор Генштаба П. К. Кондзеровский, способный и трудолюбивый человек, занимавшийся вопросами укомплектования и обеспечения вооруженных сил, финансовым, санитарным и ветеринарным состоянием армии, эвакуацией[39]. В Главном штабе он прослужил беспрерывно 15 (!) лет, от капитана до генерала, из них шесть последних лет перед войной на посту дежурного генерала[40]. Типичный случай штабной карьеры генерала пореформенной русской армии, он все же был на своем месте, занимаясь прежде всего личным составом армии, а это преимущественно бюрократическое дело он знал хорошо, как, впрочем, и офицерский корпус, где генерал пользовался авторитетом[41]. П. К. Кондзеровский, между прочим, был категорически против награждения боевыми орденами лиц, не находившихся на линии огня, и постоянно отклонял подобные представления, которые особенно часто поступали от невоенных организаций, например от Красного Креста. Результатом этой позиции была критика ведомства дежурного генерала со стороны либералов, в том числе и А. И. Гучкова, заявившего о том, что П. К. Кондзеровский настроил против себя «весь командный состав армии»[42].

Начальником военных сообщений был генерал-майор Генерального штаба С. А. Ронжин — по мнению многих, способный, но ленивый человек, сибарит, увлекавшийся коллекционированием этикеток от сигар: «...добродушный, полный, рыхлый, тяжеловатый на подъем мужчина с определенными холостяцкими привычками: днем вздремнуть, вечером одеть туфли, за обедом выкурить хорошую сигару. Когда он садился за работу, то выполнял ее очень скоро, в обращении был очень ровен, никогда не нервничал и не суетился, вообще всегда был спокоен»[43].

Морской частью заведовал контр-адмирал Д. В. Ненюков, дипломатической — князь Н. А. Кудашев, гражданской — князь Н. Л. Оболенский[44]. Первоначально дипломатическая часть была поручена Н. А. Базили — вице-директору канцелярии министра иностранных дел, ловкому и честолюбивому молодому чиновнику, составлявшему до войны так называемые «царские пакеты», то есть ежедневные сводки из донесений русских дипломатических представителей за рубежом, которые представлялись на высочайшее имя. Но он не сработался с главковерхом и великий князь вскоре распорядился «убрать этого левантийца»[45]. Н. Л. Оболенскому надлежало заниматься управлением оккупированных территорий, и он был назначен при условии подчинения начальнику штаба Ставки. Николай Николаевич опасался слишком большой самостоятельности чиновника, занимавшего этот пост, памятуя о конфликте своего отца с князем В. А. Черкасским в Освободительную войну 1877–1878 гг. Позже он был заменен М. Н. Черняевым, кандидатуру которого поддерживал И. Л. Горемыкин. Н. Л. Оболенский был назначен помощником варшавского генерал-губернатора с целью проведения политики, направленной на сближение с поляками[46]. У главнокомандующего было шесть адъютантов, четыре полковника, ротмистр и поручик.

В Ставке находились военные представители союзников. Францию представлял генерал-майор маркиз В. де Лагиш, пользовавшийся большим уважением среди русских военных, хорошо знавший австро-венгерскую и германскую армию (незадолго перед войной он был французским военным атташе в Германии)[47]. Его положение при дворе и в Ставке было весьма хорошим, но в Париже и Петрограде у него хватало и противников, поэтому позже, в конце 1915 г., его сменил генерал П. По[48]. Великобританию до приезда генерал-майора Дж. Генбери-Вилльямса представлял военный атташе в России полковник А. Нокс, Бельгию — генерал-майор барон Л. Риккель, Сербию — полковник Б. Лонткиевич, выпускник Николаевской академии (выпуск 1899 г.)[49], Черногорию — генерал М. Мартинович. «Представители военных миссий при Ставке жили внешне спокойно и держались корректно, — вспоминал А. А. Самойло. — С ними у нас было мало общения... Настроение у них было оптимистическое: они не сомневались в окончательной победе своих стран»[50].

Великий князь никогда не работал по ночам. Он вставал в девять утра, умывшись, разговаривал со своим доктором, просматривал письма и телеграммы за ночь, которые приносил дежурный адъютант. После этого

главнокомандующий пил чай, чинам Свиты чай подавался в вагоне-столовой в девять утра. Ввиду его высокого роста на верхней перекладине дверной рамы вагона был прикреплен лист белой бумаги, чтобы обратить внимание Николая Николаевича на необходимость наклонить голову[51]. В зависимости от экстренности дела до или после чая являлся с докладом Н. Н. Янушкевич. В десять утра они вместе шли в железнодорожный домик, где размещалось управление генерал-квартирмейстера, и заслушивали доклад Ю. Н. Данилова. Чины штаба должны были являться к завтраку в 12 часов и к обеду в 19 часов 30 минут[52]. Рассаживались в строгом порядке за небольшие столики по четыре человека, за первым слева сидел великий князь с Дж. Генбери-Вилльямсом, маркизом В. де Лагишем и Л. Риккелем[53]. Завтрак состоял из двух, а обед из трех блюд, также на столе всегда было спиртное: водка, коньяк, вино[54]. Если на фронте дела шли хорошо, то главнокомандующий шутил, а если плохо — хмурился и молчал, и тогда молчали все. «В тяжелые же периоды самсоновской катастрофы или отступления из Галиции приглашения к столу великого князя прекратились»[55].

После завтрака Николай Николаевич обязательно отдыхал, он почти не покидал своего вагона, лишь иногда по утрам совершал прогулку на автомобиле или верхом по окрестностям, а по воскресеньям ездил на службу в местную бригадную церковь[56]. Она находилась в центре железнодорожного городка и была посвящена имени небесного покровителя великого князя — Св. Николая (Кочана) Христа ради Юродивого Новгородского Чудотворца. Злые языки поговаривали, что именно этой церкви, с весьма редким посвящением, Барановичи были обязаны выбором главковерха, не лишенного налета мистицизма. Последнее чувство, однако, не помешало ему в конце 1914 г. приказать протопресвитеру, чтобы церковный хор выучил несколько арий из «Князя Игоря».

В 16 часов снова был перерыв на чай, во время которого великий князь любил побеседовать с кем-либо, и, наконец, в 21 час 30 минут подавали вечерний чай. Долгое время в Ставку не допускались родные и жены, и они, приезжая ненадолго, старались не попадаться на глаза великому князю и жили «в плохонькой гостинице местечка Барановичи».

В начале войны в штаб-квартирах Верховного командования австро-венгерской и германской армий также были подобные запреты. Все это объяснялось ожиданием скоротечной войны, которая должна была пройти в атмосфере романтического солдатского аскетизма. Вильгельм II перевел высшее командование на солдатский паек. Ф. Конрад фон Гетцендорф спал на соломе в казармах под Перемышлем. Отказались от «временных» неудобств и запретов позже, в том числе и в Барановичах[57].

Адъютанты главнокомандующего практически ничего не делали: один из них, например, убивал время, занимаясь голубями и дрессируя «с большим успехом» барсука и лисицу[58].

Когда через Барановичи стали проходить первые поезда с ранеными, их очень торжественно встречали, выезжал сам великий князь вместе со

штабом и лично награждал крестами, но не особо отличившихся, а обычно давал один крест на 5–8 человек, которые потом тянули жребий. Впоследствии поездов стало больше, и Николай Николаевич выезжал встречать только некоторые из них, шефами которых являлись августейшие особы. Эти поезда были гораздо лучше устроены[59].

Центральной фигурой Ставки, естественно, был сам главнокомандующий. Его личность, безусловно, наложила отпечаток на жизнь центральной квартиры и на то, как проводились операции на фронте. «Война требует красочных фигур, — отмечал один из первых биографов Николая Николаевича (младшего) и его ближайший сотрудник в Ставке Ю. Н. Данилов, — и влияние их на солдатскую массу и простой народ огромно. Толпа охотно награждает своих избранников всеми теми данными, в наличии которых воплощается ее представление о качествах истинного вождя. Что в том, что ее герои не всегда являются действительным отражением людей, с которых они списываются! Важно ведь, чтобы под их водительством легче было идти на страдания и смерть!»[60] Крепкий, высокий, стройный и сухой, этот 58-летний человек походил на своего отца и умел производить сильное впечатление на окружающих[61].

Для массового сознания высокого роста и умения расположить к себе толпу бывает иногда достаточно, чтобы она пошла вслед за обладателем этих качеств. Вряд ли можно отрицать правоту слов отца Георгия (Шавельского): «За последнее царствование в России не было человека, имя которого было бы окружено таким ореолом и который во всей стране, особенно в низших народных слоях, пользовался бы большей известностью и популярностью, чем этот великий князь. Его популярность была легендарна... что-то неудержимо фатальное было в росте славы великого князя Николая Николаевича. За первый же год войны, гораздо более неудачной, чем счастливой, он вырос в огромного героя, перед которым, несмотря на все катастрофические неудачи на фронте, преклонялись, которого превозносила, можно сказать, вся Россия»[62]. Особенно сильны были эти настроения в начале войны. А. Д. Бубнов вспоминал: «Единственная надежда была на великого князя Николая Николаевича. Его имя было у всех на устах, ему приписывалась некая чудодейственная мощь, которая благополучно выведет Россию из предстоящего ей тяжелого испытания»[63].

«Среди солдат и рядового офицерства, — вспоминал генерал А. С. Лукомский, — великий князь пользовался громадной популярностью. Между ними распространялись самые невероятные легенды... Слухам этим давалась полная вера; рассказывали самые невероятные небылицы»[64]. В конце 1914 г. эти легенды даже стали предметом журналистского исследования. «Рассказы о доблести героев в первую очередь питаются фигурой нашего главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, — сообщал «Голос Москвы». — Побывавшие в районе военных действий чувствуют, какой глубокой нежностью и каким почтительным уважением овеяна эта незаурядная в наш скромный век фигура»[65]. В войсках ходили легенды о его

храбрости и требовательности, о том, что он посещает окопы под обстрелом противника, жестоко, но справедливо расправляется с не оправдавшими доверие генералами. «В солдатской массе он был олицетворением мужества, верности долгу и правосудия»[66].

Наиболее полно изложил великокняжескую легенду Ю. Н. Данилов: «Среди войск имя великого князя произносилось с редким благоговением; оно было окружено особым ореолом. Про великого князя ходили легендарные рассказы, рисовавшие его народным богатырем, всюду поспевавшим на помощь, всюду пресекавшим зло и водворявшим порядок. То в пылу боя глазам бойцов представлялась его характерная и тонкая фигура с открытым энергичным лицом, и его видели обходившим ряды войск в наиболее опасных местах и спасающим своими распоряжениями положение; то в артиллерии, вынужденной беспомощно умолкнуть из-за отсутствия боевых припасов, распространялся бодрящий слух о прибытии снарядов, подвезенных в поезде самим Верховным; то чудился он войскам, только что потерпевшим боевую неудачу и еще не успевшим пережить горькую от этого обиду, разбирающим лично дело, чтобы успокоить честно исполнивших свой долг и жестоко покарать виновных. В рассказах этих было много вымысла, но дорогого простому солдатскому сердцу. Но особенно преувеличенными являлись россказни о необузданных проявлениях у великого князя гнева по отношению к провинившимся начальникам»[67].

Примерно так же воспринимали личность великого князя и в тылу. В мае 1915 г. генерал Ф. Ф. Палицын вспоминал о настроениях в начале войны: «Все были убеждены, что полнота власти есть у главнокомандующего, и по России носились фантастические слухи о жестокости великого князя, о сменах и даже побоях, наносимых им почтенным провинившимся генералам. Простому народу эти слухи были любы, и старый извозчик в Петербурге в декабре 1914 года с убеждением говорил мне: «Россию спасает; жесток, генералов бьет. Спаси его, Господи!»[68]. Каратель всяческих германофильских настроений, борец за правду и неизменный заступник солдат и младших офицеров — такими были основные черты образа главковерха[69]. К этому можно добавить и слухи о том, что на жизнь великого князя покушались остзейские немцы[70]. Совокупность этих легенд, не имевших под собой никакого основания, и стала основой авторитета этого человека. «Народные массы, — как отмечал Н. Н. Головин, — стремились воплотить в нем черты любимого вождя»[71]. К этому можно лишь добавить, что эти черты больше говорили о массах, чем о вожде.

Лучшую и наиболее верную характеристику дал великому князю русский эмигрантский историк: «Порывистый и чрезвычайно резкий, великий князь производил впечатление человека волевого. Но впечатление это было чисто внешнее: ему как раз недоставало именно силы воли, и он всецело находился во все времена во власти своего окружения... Великий князь был знатоком конницы, дилетантом в стратегии и совершенным профаном в политике»[72]. Судя по всему, в последней области Николай Николаевич

действительно разбирался плохо. «Как все военные, привыкшие иметь дело со строго определенными заданиями, — вспоминал великий князь Александр Михайлович, — Николай Николаевич терялся во всех сложных политических положениях, где его манера повышать голос и угрожать наказанием не производила эффекта. Всеобщая забастовка в октябре 1905 года поставила его в тупик, так как кодекс излюбленной им военной мудрости не знал никаких средств против коллективного неповиновения. Нельзя же было арестовать несколько миллионов забастовщиков!»[73] Последнее обстоятельство постоянно приводило великого князя к мысли о необходимости уступок, и не только в 1905 г.

С самого начала войны Николай Николаевич стал знаменем либералов. «Мне представляется несомненным, — вспоминал могилевский вице-губернатор, — что беспримерная популярность великого князя, достигнутая им после первых же месяцев войны, являлась исключительно результатом занятой им по отношению к Государю, его семье и возглавляемого им правительства определенной позиции, насыщенной бесцеремонной и суровой критикой, снисходительной насмешкой и высокомерным пренебрежением»[74]. Результатом было еще одно качество славы главнокомандующего, которое необходимо отметить: «...когда на фронте начинали обвинять Ставку, великого князя всегда исключали из числа обвиняемых, во всем винили его помощников. В глазах и Ставки, и фронта великий князь, даже и после оставления им должности Верховного, оставался рыцарем без страха и упрека»[75]. Престиж императора, по верному замечанию князя В. А. Друцкого-Соколинского, «уменьшался в правильной пропорции к нараставшей популярности великого князя Николая Николаевича. Второе пожирало первое»[76].

«Управление войсками, — отмечал Э. Людендорф, — требует воли и предвидения, но оно требует также господства над огромным армейским организмом, которое может быть достигнуто и удержано только путем железной работы. Необходимо еще большее — это понимание психики войск и особенностей противника. Этого уже работой достигнуть нельзя; такое понимание, как и бесконечно многое другое, зависит исключительно от личности. Знание невесомых элементов возрастает с величиной задач. Доверие и вера в победу связывают вождей и войско»[77]. Николай Николаевич (младший) не отличался ни особой работоспособностью, ни волей или предвидением, но тем не менее он пользовался доверием солдат. Даже после Февральской революции он не потерял своей популярности. По приезде в Могилев 24 марта 1917 г. он был очень хорошо встречен войсками и населением, и это все происходило на фоне далеко не благоприятного отношения к членам императорской фамилии[78].

Великий князь имел репутацию вспыльчивого человека, но за 13 месяцев в Ставке проявил это качество лишь раз в отношении заснувшего на дежурстве младшего офицера[79]. Слухи о его жесткости в отношении той части генералитета, которая не оправдала предвоенных надежд, не

соответствовали действительности. На деле имели место единичные увольнения. Для сравнения, Ж. Жоффр, получив права главнокомандующего, в первые месяцы войны очистил французскую армию от балласта, уволив по служебному несоответствию двух командующих армиями, семерых командующих корпусами, 24 начальников дивизий, всего до 30% всего высшего командного состава армии[80]. Масштабы этой меры, безусловно, были вызваны французской спецификой, слишком сильным влиянием общества на чинопроизводство перед войной, но ее положительные последствия вскоре дали о себе знать. Ничего подобного в русской армии сделано не было.

«Замена начальствующих лиц, — признавал Ю. Н. Данилов, — производилась и у нас, но едва ли не с излишней в некоторых случаях нерешительностью и снисходительностью»[81]. Может быть, это было связано и со свойствами характера главнокомандующего: «Великий князь был тверд в своих симпатиях и дружбе. Если кто, служа под его начальством или при нем, заслужил его доверие, обратил на себя его внимание, то великий князь уже оставался его защитником и покровителем навсегда. В этом отношении он был совершенно противоположен Государю... От «своих» он никогда не отворачивался и упорно защищал тогда, когда они оказывались недостойными защиты»[82].

Твердость духа главнокомандующего также была несколько преувеличена. Он никогда не появлялся на линии огня, не был даже далее ставок главнокомандующих фронтами, в мелочах и в крупном оберегал свой покой и здоровье, даже на автомобиле никогда не ездил со скоростью, превышающей 25 верст в час, «при больших несчастьях он или впадал в панику, или бросался плыть по течению, как это не раз случалось во время войны и в начале революции»[83]. Справедливости ради необходимо отметить, что существует и другое объяснение поведения Николая Николаевича (младшего). А. Д. Бубнов считает, что великий князь не являлся представителям «общественности» и не посещал фронта для того, чтобы избежать подозрений императора и чтобы его не могли упрекнуть в том, что он намеренно ищет популярности[84]. Безусловно, это объяснение вполне применимо по отношению к встречам с «общественностью», но посещение фронта — совершенно другое дело. Впрочем, самое важное то, что Николай Николаевич был готов к исполнению своих обязанностей далеко не самым лучшим образом. Более того, еще до войны он внес немалый вклад в срыв подготовки к ней.

Зимой 1905 г. под руководством А. фон Шлиффена в Большом Генеральном штабе была проведена военная игра, заложившая основные принципы действий германских войск в будущей войне[85]. Ее результаты и стали основой плана действий Германии на первом этапе. Штабу Варшавского военного округа удалось получить агентурным путем отчет о военной игре Большого Генерального штаба по обороне Восточной Пруссии и действиях против Франции[86]. Следует отметить, что разведывательное отделение окружного штаба работало весьма энергично и добилось весьма значительных результатов[87]. В 1910 г. этот документ был издан под грифом «секретно» в ведом-

стве генерал-квартирмейстера штаба Варшавского округа. Основной удар германцы предполагали нанести на Западном фронте, где рассчитывали встретить объединенные англо-французские силы численностью 1,3 млн человек пехоты, не считая других родов оружия. Русская угроза восточным границам Германии на первом этапе войны исчислялась А. фон Шлиффеном в 500 тыс. человек пехоты[88].

По оценкам Большого Генерального штаба, русские войска должны были наступать двумя армиями — Неманской (18 дивизий) и Наревской (14,5 дивизии). Перед германским командованием в Восточной Пруссии ставилась задача не допустить объединения этих армий и разгромить их по отдельности или короткими фланговыми ударами, или путем сосредоточения превосходящих сил против одной из них, чтобы затем обрушиться на другую[89]. На границах с Россией немцами была создана система обороны, которая облегчала выполнение этой задачи. И снова благодаря хорошо поставленной работе разведки Варшавского военного округа русские штабы были с избытком снабжены информацией о германских укреплениях[90]. Прежде всего были укреплены проходы в промежутках между цепью Мазурских озер. Озера были соединены между собой каналами шириной около 19 метров, которые нельзя было пройти вброд. У железнодорожных мостов были построены бетонированные укрепления для артиллерии и пехоты. На самом удобном для движения перешейке у города Летцен был построен форт-застава Бойен, для взятия которого требовалась артиллерия 6- и 11-дюймового калибра[91].

Еще в середине 1890-х гг. германские военные всерьез рассматривали возможность вторжения русской конницы непосредственно вслед за объявлением войны. По их подсчетам, в Восточную Пруссию могло быть направлено шесть, а в Силезию и Позен — две кавалерийские дивизии[92]. Для того чтобы снять эту опасность, вдоль каналов и линий железных дорог были вырублены просеки шириной в 80–100 метров, в которых на расстоянии 1200–1400 шагов друг от друга располагались кирпичные двухъярусные блокгаузы, а подходы к ним прикрывали три линии проволочных заграждений: 1) из колючей проволоки высотой свыше двух метров; 2) из колючей проволоки высотой в рост человека, по этому заграждению были пропущены два дополнительных проволочных каната толщиной в 12,252 мм, которые не поддавались резке обычными проволочными ножницами, и для разрыва их требовались подрывные патроны; 3) забор из гладкой проволоки. Немецкие оборонительные сооружения позволяли выделить для обороны свыше 110 км всего одну дивизию[93], они практически полностью исключили возможность проникновения в Восточную Пруссию 3-й русской армии, которая могла бы действовать в связи с Неманской и Варшавской армиями. «Чем меньше, чем теснее театр войны, — гласило русское довоенное обозрение этих укреплений, — тем крупнее и ярче выступает оперативная роль крепостей. Германские крепости находятся в самой тесной связи с действиями полевой армии»[94].

Опираясь на созданную таким образом систему обороны, немцы планировали разбить русскую армию, которая начнет вторжение со стороны Варшавы, охватив ее левый фланг и тыл, то есть нанести ей основной удар с запада, из глубины собственной территории[95]. Именно левый фланг Наревской армии А. фон Шлиффен считал наиболее опасным для нее направлением. Затем германские войска должны были нанести поражение 2-й русской армии, которая действовала бы со стороны Немана. Основной удар здесь планировалось нанести по правому флангу русской армии, примыкающему к побережью Балтийского моря[96]. В случае осуществления этого плана к 35-му дню от начала мобилизации угроза вторжения в Восточную Пруссию была бы ликвидирована. «Мы должны, — отмечал А. фон Шлиффен, — стараться скорее разбить противника и уничтожить его»[97]. Информация о планах действий потенциального противника не могла быть игнорирована.

В декабре 1910 г. в Петербурге планировалось провести стратегическую игру, в которой должны были участвовать командующие военными округами, то есть командующие фронтами и армиями в будущей войне на западе. Кроме них в игре должны были принять участие и начальники окружных штабов. Первоначально ее собирались провести без предполагаемого главнокомандующего, но в последний момент пришли к паллиативному решению: назначался старший игры — великий князь Николай Николаевич (младший). Посредником в игре должен был стать Николай II, а его помощником — В. А. Сухомлинов. Это не оставляло сомнений по поводу того, кто в случае войны должен был стать Верховным главнокомандующим, а кто — начальником его штаба, первым помощником[98].

Игра была объявлена внезапно для многих ее участников, остававшихся в неведении о ее программе почти до самого начала. Предполагалось, что она пройдет в Зимнем дворце 9, 11, 13, 15 и 16 декабря с 14 до 18 часов, а 10 и 14 декабря в 20 часов по ее результатам будут сделаны сообщения (все даты — старого стиля). Николай Николаевич был весьма недоволен[99]. В случае войны ему предназначался пост командующего 6-й армией, которая должна была прикрыть Петербург и подходы к нему. Это было почетное назначение, но, очевидно, оно не соответствовало ни претензиям великого князя, ни его статусу, ни положению командующего войсками гвардии и Петербургского военного округа. В случае поражения в игре, к которой он не был готов, великий князь уже не смог бы претендовать на пост Верховного главнокомандующего. В результате он предпочел сорвать игру.

«Великий князь Николай Николаевич, — отметил в своем дневнике от 7 (20) декабря 1910 г. А. А. Поливанов, — решительно отказывается принять участие в предстоящей военной игре в качестве главнокомандующего, говоря, что он не подготовлен, многих взглядов не разделяет и 12 декабря уезжает в Скерневицы на охоту»[100]. «Командующие войсками съехались, — вспоминал В. А. Сухомлинов, — все было готово, но за час до начала игры Государь прислал мне записку, что занятия отменяются. Затем выяснилось, что Николай Николаевич был против «этой затеи», в которой «военный

министр хочет делать экзамен командующим войсками». Всех приехавших командующих из провинции он пригласил к себе на обед, не пригласив меня»[101].

«В назначенный день и к условленному часу в залах Зимнего дворца, где должна была происходить военная игра, были расставлены столы, на них разложены топографические карты и прочие необходимые материалы, — вспоминал Ю. Н. Данилов. — Оставалось раздать задания, с которыми я и прибыл во дворец. И вдруг... по телефонному звонку, в час начала игры — полная отмена. Сбор командующих войсками и их начальников штабов предложено использовать для обычных, ежегодно практиковавшихся совещаний о местных нуждах округов»[102]. Высшие чины армии, собравшиеся во дворце императора для участия в игре, были извещены о ее отмене по телефону! Это был большой удар по авторитету военного министра и ГУГШ. «С большим конфузом возвращались мы к себе через площадь в Главное управление», — вспоминал один из организаторов игры[103].

Русский Генеральный штаб в мирное время очень слабо занимался подготовкой высшего военного состава к будущей войне[104]. Срыв военной игры, безусловно, сыграл самую негативную роль в этом вопросе. Это тем более важно хотя бы потому, что в ходе ее предполагалось отработать планы вторжения в Восточную Пруссию. Правда, были планы провести игру весной того же года[105], но только весной 1914 г. военному министру удалось, проявив большую настойчивость, провести игру в Киеве, уже под своим руководством и без участия Николая Николаевича[106]. Определенную помощь в этом В. А. Сухомлинов получил от результатов визита Ж. Жоффра в Россию в августе 1913 г. Французский генерал был очень недоволен увиденным на маневрах, которые показались ему похожими на парад[107]. К весне 1914 г. русская военная разведка получила еще два отчета о германских военных играх по обороне Восточной Пруссии, проведенных в 1911 и в 1913 гг.[108] Сомнений в том, что на первом этапе войны Германия нанесет главный удар по Франции через нейтральные Бельгию и Люксембург и, следовательно, ограничится на своих восточных рубежах обороной, у русской разведки практически не было.

Игра проходила с 20 по 24 апреля (с 3 по 7 мая) 1914 г., то есть за три месяца до начала войны, в Киеве под руководством В. А. Сухомлинова. В ее основу были положены соображения по стратегическому развертыванию, утвержденные 25 сентября (8 октября) 1913 г., к участию привлекались почти все будущие командующие фронтами, армиями и их начальники штабов. Штаб В. А. Сухомлинова составили начальник Главного управления Генерального штаба генерал Н. Н. Янушкевич, генерал-квартирмейстер генерал Ю. Н. Данилов, начальник Главного управления военных сообщений генерал-лейтенант Ф. Н. Добрышин, главный интендант генерал Д. С. Шуваев, за противника играли те чины ГУГШ, которые разрабатывали подготовку соответствующих фронтов[109].

Военные игры получили широкое распространение среди офицеров Генерального штаба только за 10 лет до войны[110]. Однако старшие начальники к ним привлекались редко — они не любили эти занятия, подозревая в них своего рода экзамен. «Если время от времени и организовывались военные игры для более крупных начальников, то все же они ограничивались пределами одного какого-либо округа, — вспоминал Ю. Н. Данилов. — Значение же военной игры, организованной в Киеве в 1914 году, именно и заключалось в том, что для участия в ней были собраны почти все лица, долженствовавшие с мобилизацией занять высокие и ответственные посты в действующей армии. Кроме того, в основу этой игры были положены имевшиеся сведения о силах и намерениях наших предполагавшихся противников — Германии и Австро-Венгрии, вероятная политическая обстановка и наши действительные предположения на случай войны с центральными державами Европы»[111].

Противники России по игре делились на наиболее вероятных (Германия и Австро-Венгрия) и возможных (Румыния, Швеция, Турция), среди наиболее вероятных союзников были названы балканские государства. По основному варианту, предлагаемому для игры, немцы сначала наносили удар по Франции, оставив в Восточной Пруссии незначительные силы. Не исключалась и возможность германского наступления против России. И в том, и в другом случае русская армия должна была нанести удар по Австро-Венгрии и отвлечь на себя как можно больше сил Германии. При этом предполагалось, что Германия сможет перейти в наступление на 13-й день после начала мобилизации, Австро-Венгрия — на 16-й день, Румыния — на 15-й день утром в случае развертывания армии в средней Румынии или на 18-й день утром в случае развертывания в северной Румынии. В то же время готовность русской армии на 16-й день мобилизации равнялась только 50%, ее полный сбор ожидался на 26-й день, и только лишь на 26–41-й день на линию Смоленск — Брянск — Никитовка должны были прибыть азиатские корпуса, и оттуда их можно было отправить на любое направление. Таким образом, значительное превосходство России в силах — 1566 батальонов, 1063 эскадрона и сотни, 5708 орудий — компенсировалось для ее противников отставанием во времени их сосредоточения[112].

Задачи игры были сформулированы следующим образом: Россия и Франция вступают в войну с Германией, Австро-Венгрией, Италией, а Румыния приступила к мобилизации, но заняла выжидательную позицию. Австрийская армия в Галиции — 40 пехотных и 10 кавалерийских дивизий — силами семи корпусов наступает в район Седлице — Брест — Кобрин (то есть в основание системы снабжения русской Польши), прикрывшись остальными силами от возможного удара со стороны Киевского военного округа. Германская армия основной удар наносит по Франции, оставив в Восточной Пруссии 10 полевых и 11 активных дивизий. С их стороны ожидался удар в направлении среднего Немана, на участок Гродно — Олита[113]. Таким образом, предполагалось, что австрийцы будут пытаться разбить русскую армию в

ходе ее мобилизации и сосредоточения, а немцы постараются помочь им организовать в Царстве Польском гигантские Канны. Эти предположения были недалеки от истины. По плану игры создавались два фронта:

1. Северо-Западный (главнокомандующий — генерал Я. Г. Жилинский, командующий войсками Варшавского военного округа; начальник штаба фронта — генерал-лейтенант В. А. Орановский, начальник штаба Варшавского округа) в составе 1-й армии (командующий — генерал-адъютант П. К. Ренненкампф, командующий войсками Виленского военного округа; начальник штаба армии — генерал-лейтенант Г. Г. Милеант, начальник штаба Виленского округа) и 2-й армии (командующий — генерал от кавалерии барон Е. А. Рауш фон Траубенберг, помощник командующего войсками Варшавского военного округа; начальник штаба армии — генерал-майор В. Г. Леонтьев, генерал-квартирмейстер Варшавского округа);

2. Юго-Западный (главнокомандующий — генерал-адъютант Н. И. Иванов, командующий войсками Киевского военного округа; начальник штаба — генерал-лейтенант М. В. Алексеев, командир 13-го армейского корпуса) в составе четырех армий: 4-я (командующий — генерал барон А. Е. фон Зальца, командующий войсками Казанского военного округа; начальник штаба — генерал-майор А. Е. Гутор, начальник штаба Казанского округа), 5-я (командующий — генерал П. А. Плеве, командующий войсками Московского военного округа; начальник штаба — генерал-майор Е.-Л. К. Миллер, начальник штаба Московского округа), 3-я (командующий — генерал А. Е. Чурин, командир 21-го армейского корпуса; начальник штаба — генерал-лейтенант В. М. Драгомиров, начальник штаба Киевского округа), 8-я (командующий — генерал Н. В. Рузский, помощник командующего войсками Киевского военного округа; начальник штаба — генерал-майор П. Н. Ломновский, генерал-квартирмейстер Киевского округа)[114]. 6-я армия оставалась для защиты Петербурга, 7-я — разворачивалась против Румынии.

Обращает на себя внимание то, что «ударные» армии на двух направлениях — 2-я (Северо-Западный фронт) и 8-я (Юго-Западный фронт) получили в командующие помощников командующих войсками Варшавского и Киевского округов и окружных генерал-квартирмейстеров, а важнейший пост начальника штаба Юго-Западного фронта, при значительной к этому времени антипатии В. А. Сухомлинова к М. В. Алексееву, был поручен именно ему, а не его преемнику генералу В. М. Драгомирову. С другой стороны, в этой игре не принимал участие генерал А. В. Самсонов, возглавивший через три с небольшим месяца погибшую в Восточной Пруссии 2-ю армию.

В ходе игры, несмотря на поставленные в ее начале задачи, в полной силе проявилось увлечение Я. Г. Жилинского и Ю. Н. Данилова восточно-прусским направлением и полное игнорирование проблем, связанных с организацией работы тыла. Уже тогда, в Киеве, П. К. Ренненкампф обратил внимание на тот факт, что решение о переходе в наступление его армии, не закончившей еще сосредоточения, вряд ли может считаться правильным[115]. Если присутствие В. А. Сухомлинова в ходе игры еще действовало

на Я. Г. Жилинского и Ю. Н. Данилова сдерживающим образом, то при Верховном главнокомандующем великом князе Николае Николаевиче (младшем) они получали возможность реализовать свои замыслы на практике. Я. Г. Жилинский по результатам игры требовал придать каждой армии полевую 100-верстную железную дорогу для осады Кёнигсберга и крепостей на Висле, а в начале войны ставил задачу подготовки осады этих крепостей даже после гибели самсоновской армии. Несмотря на то что игра показала опасность слишком большого удаления 1-й и 2-й армий друг от друга, в ходе мобилизации 2-я армия была развернута еще западнее, для ускорения в обход линии Мазурских озер. Н. И. Иванов, М. В. Алексеев и В. М. Драгомиров подали по окончании штабной игры доклады: они предлагали не торопиться с наступлением (по условиям игры оно должно было начаться до завершения мобилизации и сосредоточения основной массы войск — не позже чем на девятый день) и до 21-го дня мобилизации ограничиться обороной[116].

В основе игры лежал план военного министра генерала В. А. Сухомлинова, который достался через несколько месяцев другому исполнителю — Николаю Николаевичу (младшему) вместе со штабами, в которых отсутствовало даже подобие на единство доктрины. Последнее понималось, как отмечал современник, «лишь в смысле запрещения инако мыслить»[117]. Командование разделяло основной стратегический принцип — добиться на первом этапе войны успеха и в Галиции, и в Восточной Пруссии. Но единства в понимании тактического и оперативного принципов не было. Иначе говоря, Ставка твердо знала, чего она хотела добиться в результате первых крупных операций, но не была уверена, как лучше достичь поставленных целей. Этим, как мне представляется, и объясняются те импровизации, которые были предприняты в первые недели войны Верховным главнокомандованием. Трудно не признать, что в словах М. Д. Бонч-Бруевича было немало правды: «...*«план войны»* не был разработан, даже сосредоточение сил к границам государства на случай войны висело чуть не до самой мобилизации; *«высший командный состав»* (выделено автором. — *А. О.*) действующей армии не был подготовлен для связных действий в войне»[118].

Военная игра выявила множество недостатков в организации похода в Восточную Пруссию, но война началась раньше, чем в Петербурге успели сделать выводы из штабных учений[119]. Мобилизация 1914 г. была начата по плану «А», но удержаться в рамках этого плана русскому командованию так и не удалось. Перед ним стояла такая же проблема, как и перед его австро-венгерским и германским противниками, а именно — выбор направления главного удара[120]. Из великих держав в начале войны только Франция и Англия лишены были необходимости сделать такой выбор. Ни русские, ни австрийские военные так и не смогли принять решение, которое обеспечило бы решительное сосредоточение главных сил в одном направлении. Однако и германское решение — знаменитый «план Шлиффена» также не привел к положительному результату.

Маневренный период войны — операции на германо-австрийском фронте: Галицийская битва и Восточно-Прусская операция

Перед первым походом в Восточную Пруссию великий князь Николай Николаевич заявлял о готовности начать движение на Берлин четырьмя армиями: первые две должны были атаковать немцев на север от Вислы, третья — на юг от этой реки и четвертая — на Позен и Бреслау[1]. Одним из первых распоряжений великого князя по армии был приказ Гвардейскому корпусу отправляться на Северо-Западный фронт, в распоряжение генерала П. К. Ренненкампфа[2]. Однако уже 25 июля (7 августа) гвардии, а также 1-му армейскому корпусу было предписано покинуть 1-ю армию и отправиться под Варшаву. Извещая главнокомандующего Северо-Западным фронтом генерал Я. Г. Жилинского о решении Николая Николаевича (младшего), генерал Н. Н. Янушкевич четко отмечал: «Части войск, собираемые против Германии на левом берегу Вислы, как образующие авангард новой армии, полевые управления коей будут сформированы распоряжением Верховного главнокомандующего, включаются в состав войск Северо-Западного фронта, но должны оставаться под общим начальством старшего, в Вашем непосредственном ведении, вне зависимости от командующего 2-й армией. Необходимо теперь же приступить к подготовке тыла и снабжения войск, подлежащих переброске на левый берег Вислы»[3].

В ходе мобилизации не только Гвардейский и 1-й армейский корпуса были изъяты из 1-й армии и направлены под этот город, из 6-й армии, прикрывавшей Петербург, в 1-ю армию передавался 20-й, а под Варшаву перебрасывался 18-й армейский корпус[4]. В результате этих изменений на

и без того перегруженную единственную железнодорожную линию Ковно — Вержболово, которой могла пользоваться 1-я армия, легла серьезная дополнительная нагрузка[5]. Позже гвардия и 1-й армейский корпус были временно подчинены командующему 2-й армией, при условии, что он не имел права выдвигать Гвардейский корпус далее линии Цеханова, а 1-й армейский — далее Сольдау. Впрочем, уже 6 (19) августа гвардию вновь вывели из подчинения 2-й армии[6].

Объяснение таких колебаний было простым: 1) Варшава к этому времени оставалась абсолютно беззащитна, и прикрыть ее, кроме прибывающих частей гвардии, было некому[7]; 2) Гвардейский, 1-й и 18-й армейские корпуса должны были составить основу 9-й и 10-й армий, которые запланировал к созданию Верховный главнокомандующий[8]. Великий князь собирал силы для массированного наступления в направлении на Берлин, обеспечить безопасность которого с флангов должны были Северо-Западный и Юго-Западный фронты. Его первые решение производили впечатление лихорадочного исправления первоначального варианта плана военных действий[9].

«Наша операция в глубь Германии всегда рисовалась Ставке, — вспоминал ее генерал-квартирмейстер, — в виде широкого наступления массы войск между Вислой, ниже Варшавы, и Судетским хребтом, через провинции Познань и Силезию. Операционное направление это кратчайшим направлением вело к самому сердцу Германии. На его пути лежали принадлежавшие в то время Германии польские провинции, где мы рассчитывали поднять волну освободительного движения. Захватывался попутно богатый промышленный район Верхней Силезии, существенно важный для Германии, с точки зрения изготовления военных материалов. Правда, при наступлении главной массы войск по левому берегу Вислы наши армии встречали на своем пути две германские крепости — Познань и Бреславль и оставляли у себя на фланге австрийскую крепость Краков. Но чем шире и энергичнее было бы наше вторжение в Германию, тем легче было бы овладение этими крепостями»[10]. Именно этими расчетами и объяснялось желание собрать под Варшавой дополнительные силы. Большое значение имело и положение на Западном фронте, которое с каждым днем казалось все более и более опасным.

Уже 1 августа немцы заняли Люксембург, а 4 августа после объявления войны Франции и под предлогом защиты от нее вторглись в Бельгию. Одной из главных слагаемых успеха было взятие крепости Льеж, которая закрывала четыре железнодорожных пути, жизненно важных для снабжения армии вторжения. На решение этой задачи предполагалось затратить 48 часов[11]. Специально для этого на небольшом по протяженности участке германо-бельгийской границы в районе Аахена в мирное время в состоянии полной боевой готовности постоянно находилось шесть германских бригад с артиллерией[12]. В 1913 г. в Бельгии был принят план об увеличении ее армии к 1918 г. до 350 тыс. человек, но выполнить его к началу войны не успели[13]. В 1914 г. вся армия королевства состояла из шести пехотных

и одной кавалерийской дивизий: 117 тыс. человек, из них 93 тыс. штыков и 6 тыс. сабель при 324 орудиях и 102 пулеметах[14]. Она и боролась с обрушившимся на страну бронированным кулаком мобилизованного рейхсвера. Против Бельгии и Люксембурга было брошено пять армий: 26 пехотных корпусов и пять кавалерийских дивизий[15]. Германская армия мирного времени достигала 800 тыс. человек, военного — 2400 тыс.! Лучшие немецкие части — 34 дивизии, свыше 1 млн человек — были брошены через Брюссель на Париж. С первых дней своего вторжения немцы начали практиковать расстрелы заложников, сожжение деревень и другие меры устрашения мирного населения[16].

Генерал Ж. Леман, комендант Льежа, гарнизон которого состоял из 40 тыс. человек, выполнял приказ короля Альберта — «держаться до конца». Положение было чрезвычайно сложным. Гарнизон в основном состоял из призванных из резерва солдат, крепость не успели привести в надлежащее для обороны состояние. Лишь 31 июля генерал получил возможность издать приказ о начале оборонительных работ между фортами (установлении проволочных заграждений, уничтожении деревьев и домов в секторах обстрела и т. п.). Несмотря на то что работы велись интенсивно, закончить их к началу вторжения не удалось. 3 августа Ж. Леман отдал приказ об уничтожении тоннелей, мостов и железнодорожных путей перед Льежем, а на следующий день к крепости уже подошли шесть бригад противника. 5 августа ее комендант отверг предложение о капитуляции, начались бои. 7 августа германская бригада под командованием генерал-майора Э. Людендорфа сумела просочиться в незащищенный промежуток между фортами и овладеть цитаделью города, но кольцо укреплений вокруг него продолжало сопротивление вплоть до 15 августа, пока под огнем подвезенных немцами австрийских и крупповских 480-мм и 305-мм гаубиц не пал последний форт[17].

Льеж задержал немецкое движение, но не остановил его. С началом войны Ж. Жоффр начал наступление в Эльзас и Лотарингию с целью выйти на Рейн. В апреле 1913 г., после 21 месяца подготовительных работ, им была завершена разработка «плана XVII». По предвоенным оценкам, французская армия мирного времени, насчитывавшая 710 тыс. человек, должна была противостоять германскому противнику, численность которого до мобилизации равнялась 880 тыс. На северо-востоке Франции планировалось собрать максимальное количество лучших соединений — 46 дивизий, а 25 резервных оставить для обороны. Наступление французов в Эльзас-Лотарингии, по мысли Ж. Жоффра, перехватывало инициативу у немцев[18]. Расчет был очевиден: кроме возвращения утерянных в 1871 г. провинций, что было понятно каждому французу, необходимо было защитить основной металлургический центр страны — Брие, находившийся в опасной близости от границы, и создать угрозу германскому Руру. Нельзя забывать и о том, что на рудники, находившиеся на территории германской Лотарингии, приходилось 75% всей железной руды, добываемой в Германии. Даже временный выход из строя этого источника оказался бы чрезвычайно тяжелым

ударом по экономике Второго рейха[19]. Немцы не могли позволить себе такие потери. По французским расчетам, они обязаны были бы стянуть силы к защите этого района, что давало значительные преимущества в действиях русской армии на востоке.

На франко-германской границе находилось восемь германских корпусов и две кавалерийские дивизии. Против них французы развернули четыре армии в первом эшелоне и одну во втором: 22 пехотных корпуса, пять резервных и 10 кавалерийских дивизий[20]. В эти дни французский союзник торопил русскую Ставку с наступлением и против Германии, и против Австро-Венгрии. В начале августа, еще до объявления войны, в Париже опасались появления австро-венгерских частей в составе германской армии вторжения. «Если Россия, как мы продолжаем думать, — отмечал 11 августа 1914 г. Р. Пуанкаре, — быстрее провела свою мобилизацию в направлении Галиции, чем в направлении Германии, она должна быть уже теперь в состоянии начать наступление против Австрии, даже не дожидаясь дня, указанного великим князем Николаем Николаевичем. Хотя мы советовали быстрое выступление в том и в другом смысле, я прошу Думерга запросить в Санкт-Петербурге, не возможно ли было бы для России по крайней мере немедленное выступление против Австро-Венгрии»[21].

Ставка признавала обоснованность претензий союзников и торопила свои фронты и армии. По довоенным расчетам, Северо-Западный фронт должен был закончить сосредоточение к 6 (19) августа, а Юго-Западный — к 26 августа (8 сентября)[22]. Уже 28 июля (10 августа) Н. Н. Янушкевич сообщил Я. Г. Жилинскому мнение Верховного главнокомандующего о том, что армии его фронта должны быть готовы к наступлению на 12-й день мобилизации. «Принимая во внимание, — писал начальник штаба главковерха, — что война Германией была объявлена сначала нам и что Франция как союзница наша считала своим долгом немедленно же поддержать нас и выступить против Германии, естественно, необходимо нам в силу тех же союзнических обязательств поддержать французов ввиду готовящегося против них главного удара немцев. Поддержка эта должна выразиться в возможно скорейшем нашем наступлении против оставленных в Восточной Пруссии немецких сил»[23].

Спешка при подготовке наступления ослабляла боевую ценность мобилизованных войск. Например, 13-й армейский корпус, во главе которого до войны стоял М. В. Алексеев, участвовал в Восточно-Прусской операции под командованием генерал-лейтенанта Н. А. Клюева. Он догнал корпус уже в походе и принял его, не зная подчиненных и не будучи знаком им[24]. Вряд ли это способствовало повышению боеспособности фактически второочередного корпуса — она оставалась крайне низкой, как, впрочем, и дисциплина многих его частей[25]. Не было проведено и слаживание отмобилизованных соединений — для этого не хватало времени. 13-й армейский корпус, например, на две трети был укомплектован запасными. В некоторых ротах военного времени на 200 рядовых (количество запасных доходило до 160)

приходились всего по четыре кадровых унтер-офицера, для поддержания дисциплины и обучения не хватало и офицеров. Не все части корпуса получили возможность вывести запасных на стрельбище, и поэтому в ряде случаев пришлось ограничиваться ротными учениями и рассыпным строем.

Результат был известен еще по японской войне. «Призванные по мобилизации запасные были отличным материалом, — вспоминал штабс-капитан Г. П. Беннингсен, также призванный из запаса в 1-й Невский пехотный полк 1-й дивизии 13-го корпуса, — из которого можно было после некоторого обучения выработать хороших солдат, но в момент выступления из Рославля (Смоленская губерния. — *А. О.*) это были одетые в мундиры мужики»[26]. «У нижних чинов, — как вспоминал позже сам Н. А. Клюев, — были хорошие русские лица, но это были лишь переодетые мужики, которых надо было учить, а для этого нужны были офицеры и время. Ни того, ни другого не было. Хорошее впечатление производили лишь артиллерийские части»[27].

Организационные решения Ставки в отношении 9-й и 10-й армий ослабили развернутый против Германии Северо-Западный фронт под командованием Я. Г. Жилинского. Значительная часть его сил в первые дни войны находилась в движении, не успев поучаствовать ни в Восточно-Прусской операции, ни в намечавшемся движении на Силезию. Всего к началу операции на фронт не прибыли 11 пехотных дивизий, большая часть корпусных и армейских тылов[28]. До войны считалось, что в Восточной Пруссии будут обороняться пять немецких корпусов первой линии и несколько резервных дивизий[29]. При этом 10 августа, то есть за пять дней до приказа о начале наступления на Восточную Пруссию, штаб Верховного главнокомандующего не мог определить точно количество германских корпусов в 8-й армии генерала М. фон Притвица. Теперь, когда движение основных сил Германии против Франции стало достаточно ясно, считалось, что в Восточной Пруссии находятся четыре (на самом деле их было три) армейских корпуса — 100 батальонов, подкрепленные резервными и ландверными частями. Против них Северо-Западный фронт должен был выдвинуть 208 батальонов и 228 эскадронов и сотен. Великий князь был готов к реализации своего плана помощи союзнице[30].

В результате этой готовности Я. Г. Жилинский смог начать наступление силами не четырех, а только двух и к тому же ослабленных армий, между которыми лежала сеть озер и каналов. 1-я армия под командованием генерала П. К. Ренненкампфа в составе 6,5 пехотной (вместо запланированных 15,5) и 5,5 кавалерийской дивизий к 13 августа сосредоточилась на среднем Немане. 2-я армия под командованием генерала А. В. Самсонова в составе 12,5 пехотной и трех кавалерийских дивизий (вместо запланированных 14,5 пехотной и четырех кавалерийских) к 17 августа сосредоточилась на среднем Нареве. Фактически 2-я армия была даже слабее, поскольку полторы пехотные дивизии из ее состава по разным причинам не смогли принять участия в сражении[31]. Командующие делали все возможное для усиления своей первой линии, иногда даже ценой отказа от нормальной организации

их обеспечения. Вступивший 23 июля (5 августа) в командование армией А. В. Самсонов в своем приказе № 4 требовал: «Запрещаю сверхштатные командирования офицеров и нижних чинов к штабам и тыловым учреждениям. При всякой возможности сокращать тыловые учреждения и все тянуть в ряды войск»[32].

Самым скверным образом на руководстве армией сказался и метод формирования ее штаба, в создании которого также проявилась импровизация первых дней войны. Командующий армией прибыл к ней с кавказского побережья Черного моря, где он отдыхал вместе с семьей. Начальник штаба генерал-лейтенант П. И. Постовский был вызван из Тифлиса, генерал-квартирмейстер — из Петербурга, дежурный генерал — из Ташкента, остальные офицеры штаба также приехали из разных мест. «Конечно, — вспоминал генерал Н. Н. Мартос, — такой штаб не мог с первых дней работать дружно и безошибочно, а принимая во внимание образцовую подготовку врага и близость серьезных столкновений, все это невольно наводило на неприятные размышления»[33]. Очевидно, штаб фронта не испытывал подобных чувств и сомнений. На просьбу А. В. Самсонова назначить в управление генерал-квартирмейстера армии одного из полковников, занимавшихся разработкой плана вторжения в Восточную Пруссию, последовал отказ[34]. По приезде в Варшаву командующий армией был извещен о данных разведки относительно возможных германских действий, которые были основаны на полученном в предвоенный период плане игры Большого Генерального штаба. После этого его действия стали педантично и детально регулироваться главнокомандующим фронтом[35].

31 июля (12 августа) Я. Г. Жилинский издал директивы командующим 1-й и 2-й армиями. 3 (16) августа П. К. Ренненкампф должен был перейти границу конницей, поддержанной пехотой, а на следующий день — всеми своими тремя корпусами и, выделив заслон против небольшой пограничной крепости Летцен, двигаться на фронт Инстербург — Ангенбург. Главнокомандующий фронтом требовал активных действий: «Неприятель на всем фронте и во всех случаях должен быть энергично, с упорной настойчивостью атакован»[36]. А. В. Самсонову надлежало перейти границу 5 (18) августа конницей, а на следующий день — главными силами своей армии. 2-я армия должна была отрезать противника от Кёнигсберга и захватить пути его отступления к Висле[37]. Уже 13 августа Ж. Жоффр получил через французского посла в России «великую новость»: русский Верховный главнокомандующий извещал союзников, что на следующее утро он начинает наступление против германцев[38].

«Это хорошие известия, — отмечал Р. Пуанкаре. — Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич намерен быстро начать наступление. Он заявляет, что в знак союза велит носить рядом со своим собственным флагом французский военный флаг, преподнесенный ему два года назад генералом Жоффром»[39]. Союзная Франция могла быть спокойна. 15 августа 1914 г. Р. Пуанкаре написал: «Согласно Палеологу, Англия напрасно

заподозрила царское правительство в том, что оно оставляет часть своих войск для возможных операций против Турции. Напротив, Россия прекрасно понимает, что она должна немедленно направить свой главный удар против Германии. Против последней она выставляет четыре армии в составе пятнадцати корпусов, а против Австрии — три армии в составе двенадцати корпусов»[40].

Русскому наступлению противостояла 8-я германская армия под командованием генерала М. фон Притвица в составе 14,5 пехотной дивизии и 18 кавалерийских полков, закончивших сосредоточение на 11-й день мобилизации[41]. Немцы хорошо подготовились к русскому наступлению. Достаточно отметить, что Большой Генеральный штаб впервые провел военную игру по отработке отражения русского вторжения в Восточную Пруссию в июне 1888 г. под Гумбиненом (в них, кстати, участвовал майор Пауль фон Беннекендорф унд фон Гинденбург, «играя» за командующего русской армией)[42]. В. И. Гурко, командир кавалерийской дивизии в 1-й армии, имел возможность убедиться в качестве многолетней систематической немецкой подготовки к войне: «Вообще, наше первое движение в Восточную Пруссию убедило нас, насколько тщательно подготовились немцы к войне: они все продумали, все предвидели, сделали большие затраты на подготовку»[43].

Создав в предвоенный период солидную систему обороны, германское командование вовсе не собиралось отказываться от наступления. Все это время оно исходило из того положения, что пассивная оборона для него исключалась. Подготовленные позиции должны были облегчить наступательные операции немецкой армии на одном из направлений, связав действия русских на другом. Линия Мазурских озер разрывала русские армии и ставила их в изолированное друг от друга положение, что предоставляло немцам шанс нанести им поражение по отдельности. Избрав пассивную оборону, германские силы давали бы возможность одной русской армии связать оборонявшихся боем, а другой, обойдя их через линию Мазур, ударить по 8-й армии с тыла и фланга. Поэтому предпочтительной и даже исключительной формой действия для германских войск было признано наступление[44].

Против Австро-Венгрии был развернут Юго-Западный фронт, главнокомандующим которым стал генерал Н. И. Иванов, начальником штаба — генерал М. В. Алексеев. В состав фронта входили: 4-я армия под командованием генерала барона А. Е. фон Зальца (четыре пехотные, две гренадерские, три кавалерийские дивизии, стрелковая, гвардейская и казачья бригады); 5-я армия под командованием генерала П. А. Плеве (девять пехотных, одна гренадерская, две кавалерийские и четыре казачьи дивизии); 3-я армия под командованием генерала Н. В. Рузского (12 пехотных, три кавалерийские, одна казачья дивизии); 8-я армия под командованием генерала А. А. Брусилова (девять пехотных, одна кавалерийская, четыре казачьи дивизии и одна стрелковая бригада). Кроме того, в 3-ю армию Юго-Западного фронта был переброшен 3-й Кавказский армейский корпус под командованием героя

Порт-Артура генерала В. А. Ирмана (21-я и 52-я пехотные дивизии) и 8-я кавалерийская дивизия. Всего в распоряжении Н. И. Иванова и М. В. Алексеева оказалось 38,5 пехотной и 20,5 кавалерийской дивизий[45].

Сравнивая Северо-Западный фронт во главе с безынициативным Я. Г. Жилинским и явно не готовыми к командованию армиями А. В. Самсоновым и П. К. Ренненкампфом, один из офицеров Ставки вспоминал: «На Юго-Западном фронте положение в отношении командного состава было значительно лучше (чем на Северо-Западном фронте. — *А. О.*): благодаря присутствию на постах командующих армиями и командиров корпусов таких выдающихся генералов, как Щербачев, Брусилов, Плеве и Горбатовский, а главным образом благодаря тому, что фактическое руководство операциями этого фронта находилось в руках самого выдающегося представителя нашего Генерального штаба генерала М. В. Алексеева»[46]. Перед Юго-Западным фронтом был непростой противник.

«Из всех великих держав, — вспоминал генерал Г. фон Сект, которому приходилось воевать вместе с австрийцами, — Австро-Венгрия была, пожалуй, хуже всех организована для войны как в отношении личного состава, так и материальной части. Нет нужды говорить о многочисленных причинах этого ее состояния. Последствия проявились в быстром упадке боевых способностей армии, которая была прекрасной поначалу, и в увеличивавшейся зависимости от Германии в экономической сфере»[47]. Перед войной основной проблемой империи Габсбургов было удержание социального и национального равновесия. Достичь его оказалось весьма непросто. Достаточно сказать, что приказ о мобилизации был издан на 15 языках народов Австро-Венгрии[48]. В Дунайской монархии проживали 47% славян (из них 10% — южных), 29% немцев, 18% венгров, 6% итальянцев и румын[49]. В армии мирного времени насчитывалось 23,6% немцев, 20,28% чехов и мораван, 15% венгров, 8,96% украинцев, 8,49% сербов и хорватов, 8,49% поляков, 5,66% румын, 4,26% евреев, 3,78% словенцев и 1% итальянцев. Ценность этих солдат и их готовность сражаться не была равнозначной. Наиболее надежными и боеспособными были немецкие и венгерские части. Венгры и немцы составляли чуть менее половины населения Дунайской монархии, дуалистическое устройство которой прежде всего соответствовало именно их интересам[50].

Многонациональность ослабляла прочность армии. Не все начальники и подчиненные понимали друг друга. Две трети кадровых офицеров были немцами, а большая часть оставшейся трети — венграми. Конечно, среди них было немало высокообразованных людей — так, Ф. Конрад фон Гетцендорф говорил на семи языках, но у таких офицеров не было равноценной замены. Знание рядовыми немецкого зачастую ограничивалось несколькими сотнями слов. В некоторых полках приходилось использовать три разных языка, а в одном из полков, составленных из словаков, большую часть которых представляли рабочие-эмигранты, командиры и подчиненные изъяснялись на английском[51]. Тем не менее армия поначалу была сплочена дисциплиной

и имела хорошо подготовленный офицерский состав. «Главным определяющим началом в разношерстной, разноплеменной австро-венгерской армии, — гласило русское обозрение Австро-Венгрии за 1912 г., — служит преданность монарху»[52].

Русские специалисты по этой армии предупреждали против ее недооценки, считая, что она «представляет из себя силу, с которой придется считаться ее вероятным противникам. Армия хорошо обучена, особенно стрелковому делу; над тактической ее подготовкой работают много и плодотворно. В техническом отношении армия прекрасно снабжена и обеспечена... С открытием кампании австро-венгерская армия будет работать в своей механической сплоченности... Первые удачи могут восполнить многие недостатки ее внутренней организации и обратить эту армию в очень серьезную силу. Какая реакция произойдет в этом механизме при неудаче — предвидеть трудно»[53]. Рассчитывать на национальный элемент не рекомендовалось: «Тяготение некоторых славянских народностей к России может вылиться в осязательную форму лишь при благоприятном для русской армии обороте дел на театре военных действий»[54].

Русское командование все же надеялось на возможное недовольство войной населения Восточной и Западной Галиции, Буковины, Силезии, Познани. 1 (14) августа великий князь Николай Николаевич (младший) подписал свое знаменитое обращение к полякам, в котором говорилось: «Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром Русского Царя. Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении. Одного ждет от вас Россия — такого же уважения к правам тех народностей, с которыми связала вас история»[55]. Почти сразу же после этого обращения граф С. И. Велепольский спросил у императора, как он относится к этому документу, и тот ответил: «Все, что сказал Великий Князь, исходит от меня»[56].

Одновременно Верховным главнокомандующим был подписан еще один документ, обращенный к его подчиненным: «Поляки как на русской территории, так и в пределах Германии и Австро-Венгрии, доказавшие свою лояльность, будут находиться под особым покровительством нашей армии и правительства в смысле обеспечения их личной и имущественной безопасности от всяких насилий. Всякие нарушения личных и имущественных прав поляков, не уличенных во враждебных к России действиях, будут караться по всей строгости законов военного времени»[57].

В тот же день, 1 (14) августа, С. Д. Сазонов заявил, что целью войны России с Австро-Венгрией является «не панрусизм, а освобождение народов к обособленному бытию, на национальных основах»[58]. 3 (16) августа император направил варшавскому генерал-губернатору телеграмму с высочайшей благодарностью всему населению Царства Польского за «блестящее» поведение при проведении мобилизации и «за проявленную им в настоящее трудное для государства время непоколебимую любовь и преданность мне и России»[59]. Роман Дмовский, один из видных деятелей польской общест-

венности, организовал 17 августа объединенный, полный энтузиазма ответ Верховному главнокомандующему от четырех основных польских партий: национально-демократической, польской прогрессивной, партии реалистов и Польского прогрессивного союза[60].

Телеграмма из Варшавы гласила: «Глубоко тронутые воззванием Вашего Императорского Высочества, оповестившим нас, что, подняв оружие в защиту славян, доблестная русская армия борется и за священное для нашего народа дело возрождения единой Польши и воссоединения всех расторгнутых земель ее под скипетром Государя Императора, нижеподписавшиеся представители политических партий и общественных групп польского народа крепко веруем, что кровь сынов Польши, проливаемая вместе с кровью сынов России в борьбе с общим врагом, станет лучшим залогом новой жизни в мире и в духе двух славянских народов»[61].

«Мы можем смело сказать, — заявил Р. Дмовский, — что общественное мнение в Царстве Польском, во всех его более или менее зрелых элементах, пришло к ясному пониманию австро-венгерской политики и уяснило себе, что наше будущее неразрывно связано с будущим всего славянства»[62]. Вслед за Варшавой свои заверения в лояльности поспешили направить польские организации Вильны: «Смеем уверить Ваше Императорское Высочество, что как мы, так и сражающиеся наши сыновья и братья окажемся достойными потомков грюнвальдских борцов и сумеем соперничать с родственными нам русским народом и воинством в самоотверженности и храбрости»[63]. О готовности проявить верность духу Грюнвальда говорилось и в приветственной телеграмме 5 (18) августа от поляков Подольской губернии[64].

«После начала войны, — вспоминал в 1920-х гг. Р. Дмовский, — солидарность России выражали не только декларации польских политиков. Русская армия в Польше с первого момента войны почувствовала, что находится в дружеском крае: на каждом шагу ей выражали симпатии и оказывали помощь. Нужно признать, что вплоть до поворота 1915 г., когда русская армия была в значительной степени деморализована, она относилась к населению края также очень доброжелательно»[65]. В целом население Царства Польского в начале войны действительно симпатизировало русскому делу[66], его отношение было вполне дружественным и безусловно лояльным[67]. Гвардия, размещенная в первые дни войны под Варшавой, одна из первых почувствовала на себе чрезвычайную внимательность и любезность варшавян[68].

Следует отметить, что отношение к России было все же неоднозначным. Слишком многое разделяло два народа в прошлом, и слишком разными они были. По словам того же Р. Дмовского, «много было и таких поляков, которые больше думали о гибели России, чем о возрождении Польши»[69]. В этой сложной обстановке великий князь не ограничивался словами и не отказывался от реальных действий в пользу поляков. В начале военных действий, 29 июля (11 августа) 1914 г., легионеры Ю. Пилсудского — отряд силой до трех батальонов пехоты и около сотни конницы — вместе с разъездами 7-й австрийской кавалерийской дивизии заняли пограничный город

Кельцы. Здесь не было постоянного гарнизона, и легионеры, воспользовавшись этим, захватили его и немедленно начали пропаганду восстановления единой Польши под властью Франца-Иосифа[70].

Еще в январе 1914 г., выступая в Париже, Ю. Пилсудский изложил свое видение будущей войны, в которой Германия и Австро-Венгрия разобьют Россию, а затем окажутся разбитыми Францией и Англией. Восточная Европа будет побеждена Центральной, а та — Западной. Поляки должны были быть с победителями, то есть сначала с германо-австрийцами, под властью которых они смогли бы получить возможность организовать военные силы и попытаться добиться контроля, пусть и частичного, над русской Польшей. Затем, после разгрома своих бывших покровителей, они должны были ударить уже и по ним[71]. Эту схему Ю. Пилсудский и начал реализовывать в 1914 г., впрочем, без особого успеха. На следующий день после того, как легионеры взяли Кельцы, к городу подошли два эскадрона ямбургских улан из 14-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенанта А. В. Новикова. Вместе с ними находился начальник штаба дивизии полковник В. Н. фон Дрейер с офицерами-ординарцами.

Получив от местных жителей уверения в том, что в городе нет неприятеля, отряд начал входить в Кельцы, где был внезапно обстрелян. Несколько человек были убиты и ранены, а русская кавалерия вынуждена отойти. Засада и обман горожан озлобили личный состав дивизии. Легионеров и лиц, оказавших им поддержку, стали рассматривать как бандитов. 31 июля (13 августа) к городу был направлен 14-й уланский полк с пулеметами и двумя орудиями, который выбил оттуда польские формирования. Ю. Пилсудский был разбит и бежал, оставив своих раненых и убитых. По предложению начальника штаба дивизии город был обложен контрибуцией в размере 100 тыс. рублей, кроме того, по требованию военных городские власти выдали заложников. Деньги и арестованные первоначально были направлены в тыл, в Ивангород[72].

Официальное сообщение об инциденте в Кельцах последовало не от Ставки, а от Главного управления Генерального штаба только 5 (18) августа: «31 июля в окрестностях Келец наша конница рассеяла до 800 соколов, поддержанных частями 10-го драгунского австрийского полка. После кавалерийского дела Кельцы и Хенцины очищены неприятелем»[73]. Когда контрибуция поступила в Ставку, Николай Николаевич пришел в ярость — его подчиненные посмели ввести военные санкции против русских подданных. В 14-ю дивизию направили комиссию во главе с генерал-майором Б. М. Петрово-Солово, и только успешные действия А. В. Новикова на фронте спасли его от наказания[74]. Все это отнюдь не означало готовности Ставки заигрывать с любыми польскими организациями и движениями.

11 (24) августа главковерх издал весьма жесткое объявление, которое было опубликовано через шесть дней: «В районе наших боевых действий с австрийцами установлено участие галицко-волынских сокольских организаций, причем выяснилось употребление ими разрывных пуль. Если

я обращался к польскому зарубежному населению со словами братской любви русской армии, то был уверен в лояльности взаимных отношений. Я ни минуты не допускаю, чтобы польское население могло рассчитывать на великодушие великой России, фактически участвуя во враждебных нам действиях и притом в столь недостойной форме, как употребление разрывных пуль с отрезанными концами»[75]. Николай Николаевич извещал о том, что члены сокольских и подобных им организаций в случае вооруженного сопротивления русской армии не будут рассматриваться в качестве военнослужащих со всеми вытекающими отсюда последствиями[76].

Ничего хорошего в будущем подобный тон не обещал. Провокация Ю. Пилсудского ставила под угрозу общую тональность русско-польских отношений лета — осени 1914 г. Отношение к легионерам в войсках было очень негативным, особенно к представителям Царства Польского. Тем не менее войска не практиковали особенно жестокого отношения к ним в случае взятия в плен. Лица моложе 20 лет обычно получали несколько ударов нагайкой, после чего их отпускали под честное слово не стрелять больше по русским, старших передавали в военно-полевые суды[77]. 18 (31) августа в ответ на объявление главковерха последовало заявление 17 поляков — членов Государственной думы и Государственного совета, организованное графом А. С. Велепольским. Обсуждение случившегося началось вечером 17 (30) августа, и в результате долгих дискуссий текст был выработан ранним утром следующего дня: «Польское общественное мнение признает людей, принимающих участие в различных добровольческих организациях, содействующих австрийской армии, бессознательными защитниками германизма, врагами польского дела и всего славянства. С тем большим негодованием польское общественное мнение осуждает пользующихся разрывными пулями»[78].

Случай в Кельцах был, конечно, исключением. «За все то время, что мне приходилось участвовать в военных действиях среди польского русскоподданного населения, — вспоминал Б. Н. Сергеевский, — я нигде не видел и не слышал о случаях измены или враждебности этого населения, как простого, так и интеллигентного, в отношении русских войск. Наоборот, случаев симпатии, верности России и помощи русским видел сколько угодно. Население, несомненно, было враждебно немцам, а не нам»[79]. Следует отметить, что с самого начала войны немцы действовали таким образом, который не предполагал возникновения особых к ним симпатий.

Так, заняв 20 июля (2 августа) двумя полками Калиш, они собрали в городе контрибуцию в 50 тыс. рублей, расстреляли губернского казначея, ряд стражников и лиц призывного возраста и откатились назад, захватив с собой заложников и оставив после себя трупы на улицах и в канавах[80]. В тех же Кельцах во время кратковременного вторичного занятия немцами и австрийцами националисты Ю. Пилсудского казнили шесть человек за симпатии и верность России (во всяком случае, так было сформулировано обвинение: дело в том, что «соколы» освободили из тюрьмы арестантов,

которые, естественно, не упустили возможности при помощи доносов свести счеты со своими врагами, а некоторые из освобожденных активно шантажировали местное население, вымогая деньги)[81].

В начале 1915 г. жителям города были возвращены взысканные с них деньги, польские и часть русских газет разместили следующее объявление: «Его Императорское Высочество Верховный главнокомандующий, принимая во внимание лояльное отношение к нашей армии польского населения в общей его массе и благожелательность к русским войскам, за последнее время в особенности, признал возможным в виде особой милости удовлетворить представление варшавского генерал-губернатора о возвращении 105 тыс. рублей, взысканных с города Кельцы в конце июля 1914 года за случай стрельбы по нашим войскам»[82]. В целом политика России по отношению к польскому населению отличалась мягкостью и была нацелена на установление диалога. Что же касается приглашения к оному, то есть обращения Николая Николаевича к полякам, то оно было с неприязнью встречено не только противниками, но и союзниками империи, в частности Францией.

Раймонд Пуанкаре отреагировал на воззвание великого князя следующим образом: «Итак, Россия еще раз выступила здесь помимо нас. Если бы она предложила свою помощь для восстановления всей Польши во всей ее государственной независимости, мы могли бы только приветствовать это и желать осуществления этой прекрасной мечты. Если бы она обязалась дать относительную автономию русской Польше, тоже прекрасно. Обещание полунезависимости, даже под скипетром царя, несомненно, встречено было бы с радостью и могло бы быть принято как обещание загладить старую вину (comme une reparation). Но предложить полякам в Силезии, Познани и Галиции свободу вероисповедания, языка и управления под властью императора из династии Романовых — вряд ли это значит найти путь к их сердцу; во всяком случае это значит возвестить Германии замаскированные аннексии, о которых не было заключено никакого соглашения между Россией и нами и которые могут совершенно исказить значение оборонительной войны, они рискуют также повредить тем реституциям, которые Франция имеет право требовать и намерена требовать»[83].

5 (18) августа 1914 г. великий князь подписал воззвание «К русскому народу», то есть к населению Галиции и Буковины, где, в частности, говорилось: «Да не будет больше подъяремной Руси. Достояние Владимира Святого, земля Ярослава Осмомысла, князей Даниила и Романа, сбросив иго, да водрузит стяг единой, великой, нераздельной России... Освобождаемые русские братья! Всем вам найдется место на лоне матери России. Не обижая мирных людей, какой бы они ни были народности, не полагая своего счастья в притеснении иноземцев, как это делали швабы, обратите меч свой на врага, а сердца свои — к Богу с молитвой за Россию, за Русского Царя»[84]. Значительная часть жителей австрийских территорий встречала русских, по свидетельству одного из офицеров, «с искренним расположением и явным

любопытством»[85]. Вслед за обращением к русинам, в принципе, был решен и вопрос об отношении к чехам.

Чешская и словацкая община России перед войной насчитывала, по различным данным, от 50 до 70 тыс. человек. В большинстве своем это были подданные Габсбургов, но среди них почти безраздельно господствовали русофильские настроения. Сразу же после объявления войны чехи и словаки достаточно активно проявили свое желание участвовать в борьбе с Австро-Венгрией: в обеих столицах — Киеве и Одессе прошли организованные ими демонстрации в поддержку России[86]. Именно чешская колония в Петербурге выступила с призывом переименования города в Петроград и распространила его в прессе. Он сразу же получил значительную поддержку: «Пора исправить ошибку предков, пора сбросить последнюю тень немецкой опеки. Мы, чехи, просим общественное управление нашей столицы войти с ходатайством на высочайшее имя об утверждении и обязательном впредь употреблении русского названия Петроград»[87]. И неожиданно для многих в правительстве этот призыв был поддержан императором[88].

31 июля (13 августа) в Москве состоялось многолюдное собрание местного чешского кружка, на котором был заслушан отчет о поездке делегации в Петербург, где ее приняли В. А. Сухомлинов и Н. А. Маклаков. Министр внутренних дел обещал ускорить рассмотрение прошений более 600 чехов о переходе из австрийского в русское подданство и дал разрешение на создание чешских комитетов в Киеве, Одессе и Владивостоке. Делегация обратилась к военному министру с просьбой разрешить организовать «гуситские дружины». В. А. Сухомлинов согласился при условии, что командовать ими будут русские офицеры[89]. На собрании московского кружка было принято обращение к Николаю Николаевичу (младшему): «Мы, чехи, не можем оставаться спокойными, когда поднялся меч врага на братьев наших по крови. Поэтому просим разрешить нам сделать клич по всему Русскому государству, чтобы собрались братья-чехи встать грудью на защиту русской земли. С верою в помощь Всевышнего за великое правое дело мы образуем дружины, в которые придут чехи со всех сторон, чтобы очистить Чехию от ненавистного врага»[90].

Оставалась одна проблема — в русской армии могли служить только русские подданные. В результате местным властям буквально посыпались многочисленные просьбы о переходе в подданство. Представители комитетов, образовавшихся в Киеве, Одессе, Москве и Петрограде, добились двух аудиенций у императора — 9 (22) августа и 4 (17) сентября 1914 г. Уже на первой аудиенции в обращении чехов к Николаю II было впервые сформулировано приблизительное будущее устройство чешской земли: «Да воссияет свободная и независимая корона Святого Вячеслава в лучах короны Романовых». Чешские комитеты получили разрешение обратиться к своим единоплеменникам с призывом вступать в создаваемую по разрешению императора в составе русской армии отдельную чешскую дружину. Уже 9 (22) августа этот призыв был опубликован в прессе[91].

«Чехи! — говорилось в нем. — Кто из вас способен носить оружие, особенно запасные австрийской армии, все вы нравственно обязаны вступить в ряды чешской добровольческой дружины. Докажите, что только ваши славянские убеждения воспрепятствовали вам явиться под австрийские знамена. Победоносная русская армия идет в богатырский бой, чтобы освободить все славянство из когтей кровожадного швабского хищника и, следовательно, воюет за многострадальный наш чешско-словенский народ. Победа России над вековыми нашими врагами принесет нам давно желанную свободу и государственную независимость. Братья, докажите, что вы достойны памяти наших славных гуситских войск, наводивших страх на всю германо-римскую Европу, могучий хорал которых «Божие воины» обращал в бегство немецкие орды»[92].

Первоначально чешский добровольческий отряд предполагалось создать при штабе Гвардейской стрелковой бригады, которую планировали направить на защиту Балтийского побережья, но после ее ухода на фронт формирование отряда было перенесено в Киевский военный округ[93]. 13 (26) августа дружина из состава чешской колонии Петрограда в составе 76 человек завершила свою подготовку и 17 (30) августа направилась в Киев. Туда же стали прибывать дружины из Москвы и других губерний империи[94]. 28 сентября (11 октября) на Софийской площади Киева было освящено знамя дружины и 9 (12) октября 1914 г. в составе 701 добровольца она отправилась на Юго-Западный фронт, где была разбита на отряды и распределена по отдельным частям русской армии. Они использовались для разведки и пропаганды среди частей австро-венгерской армии[95].

А. А. Брусилов весьма высоко отзывался о боевых качествах этих солдат: «Они великолепно сражались у меня на фронте. Во все время они держали себя молодцами. Я посылал эту дружину в самые опасные и трудные места, и они всегда блестяще выполняли возлагавшиеся на них задачи»[96]. Однако генерал, приписывая инициативу создания дружины себе и жалуясь на нежелание Ставки организовать подразделение из чешских военнопленных, забыл упомянуть, что дружина была создана из русских подданных и добровольцев. Использование военнопленных осложнялось не только нежеланием Ставки идти на нетрадиционное решение — создавать вооруженные силы несуществующего государства из подданных государства существующего. 27 ноября 1914 г. представители Московского и Киевского чешских обществ подали докладную записку на имя генерала М. В. Алексеева, в которой они просили русское командование принять следующие меры:

1. Шире распространять обращение Верховного главнокомандующего к населению Чехии, Моравии, Словакии и Силезии;

2. При занятии чешской территории издать правительственный акт о независимости и самостоятельности Чехии и низложении власти Габсбургов;

3. Чешская дружина при этом акте должна была рассматриваться как первая военная единица будущего государства, ядро его будущей армии[97].

М. В. Алексеев тепло принял представителей этих обществ и поддержал их предложения. Через несколько дней после встречи он обратился к Н. Н. Янушкевичу с просьбой о предоставлении великим князем Николаем Николаевичем аудиенции представителям чешской общины, однако получил отказ[98]. Переломить ситуацию ему так и не удалось. Обещания со стороны русских властей совпали с репрессиями их противников. С сентября 1914 г. австрийцы приступили к широким арестам политических деятелей в Чехии. За распространение прокламаций с воззванием Николая Николаевича вводилась смертная казнь. Впрочем, в Чехии и Моравии управление в первые месяцы военного времени было еще относительно мягким. Резко ужесточилось оно в апреле 1915 г., когда возникла угроза перехода русскими войсками Карпат[99].

Гораздо более жесткие меры австро-венгерские власти применяли с самого начала войны против сербского населения в Боснии и русинского в Галиции. Австрийцы действовали систематично, широко используя практику взятия заложников, административной высылки, арестов, доносительства. За донос на москвофила в Галиции выплачивалась премия от 50 до 500 крон[100]. Самые массовые репрессии были направлены Веной против собственных подданных русинов и их духовной и интеллектуальной верхушки[101]. Австрийская администрация фактически использовала по отношению к собственным подданным режим военной оккупации, к тому же весьма жестокой[102]. Казни часто были массовыми и публичными, расправы нередко проводились на месте, без какого-либо подобия суда[103]. Иногда уничтожались целые деревни, причем простое подозрение было достаточным для того основанием. О соблюдении какой-либо законности не приходилось и говорить[104].

Впрочем, когда дело доводилось до ареста и суда, ситуация почти не менялась. «Быть арестованным и отведенным в военно-полевой суд, заседавший в каждом местечке, — писал русский журналист из Львова после его взятия, — считалось счастьем, ибо в большинстве случаев палачи казнили на месте. Казнили врачей, юристов, писателей, художников, не разбирая ни положения, ни возраста»[105]. Казням подвергались женщины и дети, особо жестко австрийцы действовали после поражения, когда их разбитые части бежали от русской армии[106]. Весьма характерную историю пришлось услышать командиру 21-го армейского корпуса генералу Я. Ф. Шкинскому в деревне Дзибулки под Львовом. Местный священник вместе с дочерью был арестован и приговорен к смертной казни по обвинению в государственной измене. Вина отца заключалась в принадлежности к православной церкви и значительном авторитете среди прихожан, вина дочери — в том, что обучала детей русским песням. От повешения их спас только приход русских войск[107]. Всего в результате геноцида, развязанного австрийцами в 1914–1918 гг. в Галиции, Карпатской Руси и на Буковине, погибли более 150 тыс. мирных жителей[108].

Репрессии лишь усиливали русофильские симпатии, которые иногда проявлялись и на фронте среди славянских частей. Перед войной ГУГШ оценивало эту армию как дисциплинированную, искусно спаянную, механически сплоченную массу нижних чинов, однако реакцию при неудаче предсказать было сложно[109]. В Галицийской битве этот прогноз оправдался, и все сильнее стали проявляться проблемы, связанные с многонациональным составом армии. Вряд ли могли вдохновить, например, солдат 70-го Петроварадинского полка 32-й австрийской дивизии, полностью укомплектованного югославянскими подданными империи, слова приказа о переводе на русский фронт. Один из его солдат вспоминал о том, что в нем говорилось о необходимости «вразумить русских, защитников сербских комитаджей-убийц». Неудивительно, что при первых потерях в столкновении с этими «защитниками убийц» мораль полка пошла на убыль и его солдаты начали охотно сдаваться в плен[110].

Случаи подобного рода были нередки не только осенью 1914 г. — в период отступления австро-венгерской армии. Русские офицеры рассматривали войну против австрийцев как отдых по сравнению со службой на германском фронте[111]. Однако нельзя и преувеличивать влияние национального фактора на поведение австро-венгерской армии. Когда перед отречением императора Карла 11 ноября 1918 г. итальянцы перешли в единственное удачное наступление, то оказалось, что из 400 тыс. австрийской группировки, державшейся до конца, только треть была представлена австрийскими немцами, а остальные — 83 тыс. чехов и словаков, 61 тыс. югославов, 40 тыс. поляков, 32 тыс. русинов, 25 тыс. румын, 7 тыс. итальянцев[112]. Впрочем, несмотря ни на что, перед войной подготовка кадровой армии в Дунайской монархии была, по оценкам русских военных, весьма основательной. Кадровый офицерский корпус представлял собой сплоченную корпорацию, верную идее монархии[113].

«Систематическая подготовка армии к войне, — писал в 1913 г. ее бывший офицер и русский генерал Ярослав Червинка, — достигает в Австрии результатов весьма почтенных. Строевое обучение всех родов войск, полевая служба, стрельбы, инженерное, моторное дело, интендантская и санитарная часть доведены во всех деталях до крайних пределов возможного. Разведка, в смысле умения быстро добывать необходимые сведения для важных решений, развита до высокой степени успешности. Войска приучены к стройным походным движениям с мерами охранения; они маневрируют смело и уверенно, с большим умением применяются к местности. Преодолеванием целыми частями всевозможных препятствий занимаются до того серьезно, что вряд ли где-нибудь достигаются лучшие результаты»[114]. Это была неплохая армия, испытывавшая перед войной значительные финансовые сложности, вынужденная экономить на артиллерии, среди слабостей которой, кроме этнической пестроты, была еще и проблема кадров военного времени. Резервы офицеров и обученной пехоты были недостаточными и к концу 1914 г. оказались исчерпаны: первые — на

50%, вторые — на 75%[115]. Уже в сентябре 1914 г. австрийское командование вынуждено было вооружать войска, защищавшие перевалы в Карпатах, однозарядными винтовками[116].

Вооруженные силы состояли из 16 корпусов, которые по первоначальному плану планировалось развернуть в семь армий. В корпус входили две пехотные дивизии двухбригадного состава, имевших в среднем по два пехотных полка и егерский батальон, артиллерийская бригада и кавалерийская бригада в составе двух полков. Австро-венгерский полк в военное время включал четыре батальона по 1 тыс. человек. Каждый батальон имел по два пулемета, полк — пулеметную роту из четырех отделений. Пехота была вооружена 8-мм пятизарядной винтовкой Манлихера образца 1895 г., пополнения третьей линии — ее более устаревшими вариантами 1889–1890 гг., 8-мм пулеметом Шварцлозе образца 1907 г. 11 кавалерийских дивизий имели в своем составе по две бригады двухполкового состава. Кавалерийский полк состоял из шести эскадронов примерно по 160 человек, телеграфного и саперного отделений. Кавалерийская дивизия имела в своем составе от одного до двух пулеметных отделений (четыре пулемета) и трехбатарейный конноартиллерийский дивизион (12 орудий). Артиллерия к началу войны была в основном представлена устаревшими системами. Артиллерийский гений Первой мировой войны Георг Брухмюллер дал исчерпывающую характеристику состояния этого рода оружия у австрийцев: «Австро-венгерская артиллерия имела хорошую теоретическую подготовку; практическое обучение было тоже хорошее. К сожалению, материальная часть была настолько неудовлетворительна, что полезная производительность ее значительно уступала германской... Часто батареи, даже на главных фронтах, страдали от недостатка боевых припасов, что, конечно, сильно понижало их боеспособность»[117].

Количество тяжелой артиллерии было относительно невелико: 94 батареи, 372 орудия. Запас снарядов составлял: 500 — к 120-мм пушке, 300 — к 150-мм гаубице, 250 — к 240-мм мортире, что было, конечно, совершенно недостаточно. Однако Австро-Венгрия обладала прекрасными оружейными заводами «Шкода», на которых в 1913 г. началось производство новых орудий — 105-мм скорострельной пушки и 305-мм мортиры (проект разрабатывался в 1905–1911 гг. по специальному заказу Военного министерства), которой суждено было сыграть значительную роль в прорывах на русском фронте[118]. Армия готовилась исключительно к наступательным операциям[119]. Тем не менее восточная граница укреплялась, и основными крепостями здесь были Краков и Перемышль. После боснийского кризиса 1908 г. начальник Генерального штаба Австро-Венгрии особое внимание уделил Кракову. В 1914 г. была завершена модернизация крепости[120]. В 1909 г. также планировалась укрепленная линия Сан — Днестр: на Сане должны были быть укреплены Сенява и Ярослав, на Днестре — Мартынов, Галич, Езуполь, Нижвев, Залесский[121]. Эти укрепления могли стать основой для активной обороны против русского наступления.

Начальником австро-венгерского Генерального штаба с 1906 г. был генерал-фельдмаршал барон Франц Конрад фон Гетцендорф, родившийся в 1852 г. в семье, где военная служба являлась традицией. Это был энергичный, блестяще образованный человек, обладавший несомненным авторитетом в армии. «Никто в Европе не готовился к войне так тщательно, как Конрад фон Гетцендорф, руководитель австро-венгерских армий», — так оценил его Безил Лиддел Гарт[122]. Под его и Франца-Фердинанда руководством постоянно проводились ежегодные императорские маневры, резко поднявшие боеспособность армии. С 1907 г. были сменены все 16 командиров корпусов, причем 11 из них — в 1910–1912 гг., после самых масштабных учений[123]. Генерал Э. Людендорф также высоко оценивал полководческие способности Ф. Конрада фон Гетцендорфа, но отмечал и слабые стороны организации, им возглавляемой: «Австро-венгерский Генеральный штаб слишком увлекался теорией и был чужд строевой службе. Слишком много приказывалось свыше и слишком подавлялось стремление к самостоятельному творчеству. Тыловая служба была хорошо поставлена, но она поглощала множество офицеров»[124].

Глава разведывательного управления Киевского военного округа полковник А. А. Самойло высоко оценивал качество офицерского состава австро-венгерской армии, способности и опыт Ф. Конрада фон Гетцендорфа[125], который главной своей задачей видел разгром Сербии. По его плану в Галиции были сосредоточены 30 дивизий (A-Staffel), 10 дивизий против Сербии (Minimal Gruppe Balkan), 12 дивизий (B-Stuffel) предназначались для поддержки одной из двух группировок в зависимости от развития ситуации — это была 2-я армия. Поскольку резерв формировался в Венгрии, он не мог быть достаточно быстро переброшен ни к русской, ни к сербской границе[126]. Смысл плана, по меткому выражению современного британского историка, состоял в том, что Австро-Венгрия пыталась играть роль первостепенной державы, обладая ресурсами второстепенной[127]. Эти расчеты обрушились с самого начала.

12 августа 1914 г. войска генерала Оскара фон Потиорека перешли Дрину и Саву. 5-я и 6-я австрийские армии двигались двумя колоннами, как на маневрах, под музыку. 2-я армия обеспечивала их левый фланг, угрожая Белграду[128]. 460 тыс. солдат при 528 полевых орудиях — эта сила считалась достаточной для быстрого решения проблемы. Однако значительное количество слабо обученных ландштурмистов, не имевших боевого опыта, делало эти массы не способными к современной мобильной войне. Австрийское командование недооценило своего противника. Отчет военной разведки за 1913 г. гласил: «...главная причина недавних сербских успехов лежит в численном превосходстве и общем низком качестве турецких сил в Македонии. Молодая сербская армия не может еще считаться равной армиям великих держав»[129].

Когда началась война, оказалось, что сербы немногим уступали австрийцам в численности (около 450 тыс. человек вместе с ополчением), но зато

значительно превосходили в подготовке войск и их командиров, имевших боевой опыт, а также в воле к победе. 19–20 августа сербы разбили 5-ю армию противника и отбросили ее назад. Австрийцы в беспорядке бежали к Дрине. Трофеями сербской армии стали 43 полевых орудия, пять гаубиц, 86 зарядных ящиков, три полевых госпиталя и прочее. Австрийцы бросили такое количество лошадей, что их хватило для того, чтобы заменить всех волов, которые использовались до этого в упряжи сербской артиллерии[130]. При отступлении противника выяснились многочисленные факты нарушения законов войны.

Уже 8 (21) августа Н. Пашич вынужден был направить испанскому послу в Румынии ноту протеста относительно австрийских методов ведения войны: «Австро-венгерская главная квартира издала приказ командирам частей уничтожать посевы, сжигать деревни, убивать и вешать попадающихся им жителей. Австро-венгерские войска при своем отступлении у реки Дрины произвели ужасные опустошения. Наши войска нашли изувеченных и убитых австрийскими солдатами жертв, большая часть которых старики, женщины и дети. Означенные зверства, совершенные австро-венгерскими войсками, так возмутили нашу армию, что весьма трудно будет удержать ее от мести»[131].

Австрийские солдаты, преимущественно из венгерских и хорватских полков, добивали раненых, убивали пленных, в оккупированных сербских округах были организованы массовые расстрелы и повешения гражданских лиц, включая женщин и детей. По данным, собранным швейцарским профессором Р. Рейсом, жертвами этого террора среди гражданского населения Сербии стали: 1300 человек убитыми (из них 994 мужчины, 306 женщин, в том числе 87 детей обоего пола возрастом до 10 лет), 116 раненых в результате насилий (из них 51 мужчина и 65 женщин, в том числе 15 детей обоего пола возрастом до 10 лет), 562 человека пропали без вести (из них 489 мужчин и 73 женщины, в том числе 20 детей обоего пола возрастом до 10 лет)[132]. Не менее жестоко действовали австрийские власти по отношению к собственному сербскому населению: в прифронтовой полосе регулярно шли массовые казни, и даже лояльные Дунайской монархии венгры отмечали, что здесь они чувствовали себя, как на вражеской территории[133].

Вслед за победой в Церской битве сербское командование приступило к форсированию Дрины и Савы и переходу к наступлению в Боснии. 24 августа (6 сентября) сербские войска преодолели эти реки, но на этом их успехи закончились. Понеся большие потери, они вынуждены были отступить уже на следующий день. Самым негативным образом при этом сказалось недостаточное количество понтонов и прочих средств для организации прочной переправы. Была уничтожена целая бригада: общие потери составили 6366 человек, из них 4,5–5 тыс. пленных, три орудия и 12 пулеметов[134]. Это был существенный военный и моральный успех австрийцев, который тем не менее не мог исправить ошибки, ставшей фактически неизбежной еще в довоенный период, вместе с принятием плана стратегического

развертывания. В результате решения, отдававшего 2-ю армию в полное распоряжение О. фон Потиорека, Ф. Конрад фон Гетцендорф лишился до 30 августа возможности получить резерв для битвы в Галиции. При этом сербское направление со вступлением в войну России стало для него второстепенным[135].

После интенсивных боев сербам требовалась передышка. В сентябре 1914 г. австрийцы были вполне способны вести успешные оборонительные действия, сокращая численность своих войск на Балканах[136]. Теперь все внимание австро-венгерского командования было обращено на русский фронт. Первые выстрелы здесь прозвучали 6 августа, за 12 часов до фактического объявления войны, когда австрийцы обстреляли русские пограничные посты под Волочиском, где проходила железная дорога Одесса — Лемберг, и взорвали свою часть пограничного железнодорожного моста[137]. Ф. Конрад фон Гетцендорф учел обещания германского союзника разбить Францию за шесть недель и прийти на помощь Австро-Венгрии, однако составил план, явно превосходящий потенциальные возможности механизма, которым распоряжался. Он запланировал наступление с целью гигантского стратегического окружения русских войск в Польше[138].

Для этого были развернуты три армии (1, 4, 3-я) и армейская группа генерала Г. Кевеша. Первые две армии (21 пехотная и пять кавалерийских дивизий) должны были наступать на Люблин, а 3-я армия и армейская группа генерала Г. Кевеша (9,5 пехотной и пять кавалерийских дивизий) служить заслоном на востоке. В первую волну наступления против России Ф. Конрад фон Гетцендорф постарался выделить лучшие части из тех районов Дунайской империи, население которых не испытывало симпатий к России — венгерский гонвед и дойчмейстеров. Примерно за неделю до начала Галицийской битвы Конрад получил от австро-венгерского консула в Яссах точный перечень корпусов 3-й и 8-й русских армий (21 пехотная и 7,5 кавалерийской дивизий), однако предпочел поверить случайному донесению от 21 августа, убедившему его, что с востока Галиции ничего не грозит, и решил наступать между Вислой и Бугом на Люблин[139].

«Генерал Конрад фон Гетцендорф, активная энергичная личность с большой инициативой и упорством, — вспоминал В. Гренер, — был исполнен решимости немедленно идти навстречу русским и атаковать их между Бугом и Вислой. Его план потерпел неудачу — быть может, не столько по своей внутренней слабости, сколько вследствие способа выполнения»[140]. В. Гренер считал, что австрийцам лучше было бы придерживаться старой доктрины обороны и переходить в наступление после того, как австро-венгерская армия, опираясь на Карпаты, измотала бы силы русских войск[141]. Окончательного общего плана действий между Австро-Венгрией и Германией не существовало. И Мольтке-младший, и Конрад фон Гетцендорф обходили в переписке детали своих будущих действий по разным причинам: немцы боялись разглашения тайны и нарушения плана действий на Западе, австрийцы слишком надеялись на возможность осуществления гигантских Канн.

Тем не менее с началом военных действий германское командование отнюдь не охлаждало наступательный пыл Ф. Конрада фон Гетцендорфа. Г. фон Мольтке, Т. фон Бетман-Гольвег, Г. фон Ягов в конце июля 1914 г. буквально бомбардировали Вену телеграммами, убеждающими Франца-Иосифа и Конрада отказаться от наступления в Сербии в пользу удара в Галиции[142]. Австрийцы соглашались, но это согласие было мнимым, они по-прежнему хотели прежде всего расправиться с сербской армией. 1 августа в Австро-Венгрии была объявлена всеобщая мобилизация. Решение об этом было принято в 11 часов 30 минут 31 июля. Кампанию решили начать с удара по Сербии. Л. фон Бертхольда, беспокоившегося, что в этом случае вступление в войну России станет неизбежным, Ф. Конрад фон Гетцендорф успокоил словами: «Если русские нас не затрагивают, то и нам не следует их затрагивать. Обстановка такова, что для отчаяния нет причин. Если наша мобилизация будет своевременно проведена, мы с самого начала противопоставим 27,5 наших дивизий 33 русским»[143].

Убежденность Вены не преломило даже обращение самого Вильгельма II, который 31 июля в 16 часов 30 минут, после вручения ноты о русской мобилизации в Петербурге, обратился к Францу-Иосифу со словами: «Величайшее значение имеет то, чтобы Австро-Венгрия ввела в дело против России свои главные силы и не раздробляла их одновременно наступлением против Сербии. Это тем более важно, что значительная часть моей армии будет связана Францией. В гигантской борьбе, в которую мы вступаем плечом к плечу, Сербия играет совершенно второстепенную роль и требует только самых необходимых оборонительных мероприятий. На успех войны и вместе с тем на прочность наших монархий можно надеяться только в том случае, если мы оба бросим все наши силы навстречу новым могущественным противникам»[144]. Австрийцы не спешили реализовать эти призывы, предпочитая выждать и выяснить обстановку, и в итоге только 4 августа они смогли назначить началом мобилизации против России[145]. В результате войска 2-й австро-венгерской армии ожидали обратной отправки в Галицию с 12 по 18 августа и окончательно были перевезены только к 8 сентября. В решающий момент Галицийской битвы четверть всей армии Австро-Венгрии провела на колесах между Балканами и Галицией[146].

По довоенной информации русского Генерального штаба, пять немецких корпусов первой линии и несколько резервных дивизий (то есть примерно 13 дивизий) до победы на западе должны были обороняться в Восточной Пруссии, в то время как австрийцы выставят 10 корпусов в первой линии в трех армиях по линии Тарнополь — Львов — Ярослав, откуда они нанесут удар в северо-восточном направлении, и три корпуса во второй линии в районах Яворова, Львова и Бережан. Второй линии предстояло обеспечить правый фланг и тыл первой. Концентрация австро-венгерской группировки, развернутой против России, в основном должна была быть закончена к вечеру 15-го дня мобилизации (21 августа)[147]. На самом деле австрийская дислокация и направление главного удара претерпели в 1913 г. изменения

в связи с планами Ф. Конрада фон Гетцендорфа нанести главный удар на север[148]. В Западной Галиции, на нижнем Сане, были собраны две армии: 1-я — в составе трех корпусов и двух кавалерийских дивизий и 4-я — в составе трех корпусов и двух кавалерийских дивизий. Несколько корпусов образовали резерв этих армий в районе Самбора. В Восточной Галиции в районе Тарнополя находилась лишь группа Г. Кевеша в составе двух корпусов, отдельной дивизии ландштурменной бригады, восточнее Львова — еще один корпус, составивший ядро 3-й армии[149].

Эти изменения остались незамеченными и в Ставке, и в штабе Юго-Западного фронта. Там исходили из данных, полученных в 1909–1910 гг. и 1911–1912 гг.[150] План генерала М. В. Алексеева, основанный на информации, полученной перед войной от агентуры в Австро-Венгрии, «оказался не соответствующим новой обстановке»[151]. Во всяком случае, нельзя не вспомнить, что А. А. Самойло в предвоенный период отмечал «безразличное, если не сказать отрицательное отношение к делу разведки со стороны Алексеева»[152]. А. А. Самойло сообщал об этом, поскольку разведка имела информацию, что основная масса австрийцев разворачивается по линии Краков — Львов с целью использовать разницу в мобилизационной готовности двух армий: австрийской — в основном на 14-й день, русской — основном на 23-й день[153].

В период мобилизации и боевого развертывания австро-венгерской стороне удалось сохранить в секрете произошедшие изменения, русское командование не сумело воспользоваться превосходством в кавалерии, которая не могла проникнуть в глубь австрийской территории и не только не помешала мобилизации противника, как предполагалось, но и не дала сколько-нибудь значительной информации о его намерениях[154]. Произошло это прежде всего потому, что на левом, западном берегу Вислы русская кавалерия оказалась практически без поддержки пехоты. Против 34 батальонов германского ландвера генерала Р. фон Войрша здесь стояли 57 русских эскадронов и сотен и только четыре батальона пехоты[155]. Впрочем, малорезультативно русская конница действовала и в Восточной Пруссии. Уже в первые дни войны немцам удалось развернуть завесу из пограничного ландштурма, поддержанного ландверными частями дивизионной конницы[156]. С конца XIX в. в германской и австрийской военной периодике открыто обсуждались меры по борьбе с «татарским набегом» русской конницы[157]. Противник ждал большое кавалерийское вторжение в Восточную Пруссию и систематически готовился к его отражению[158].

Офицер штаба 13-го армейского корпуса описал, с чем пришлось встретиться нашим кавалеристам: «Немцы со свойственной им тщательностью и систематичностью использовали все природные условия этого театра, усилили их, сгладили недостатки. Перешейки в районе Мазурских озер были замкнуты долговременными укреплениями, наиболее доступная часть прохода между Мазурскими озерами и морем находилась под угрозой (с севера) крепости Кёнигсберг. Всюду на перешейках блокгаузы, всюду, где можно,

проволока. На тех участках, как, например, западнее Ортельсбурга, где на некотором протяжении было мало озер, их заменили проволочными заграждениями с проволокой толще пальца руки, недоступной обыкновенным ножницам для разрезывания проволоки. Окраины деревень, осушительные канавы на болотах — все обильно затянуто проволокой. С объявлением мобилизации за этой проволокой были вырыты окопы, и окраины большинства деревень обратились в укрепленные пункты, о которые честно и добросовестно разбивались наши разъезды и эскадроны, брошенные с началом войны в Восточную Пруссию»[159].

Проволоку часто было нечем резать: на эскадрон выделяли 1–2 ножниц для резки, и поэтому кавалеристам приходилось рубить ее шашками. Восточная Пруссия, по общему убеждению, стала регионом, в котором было сделано все, чтобы исключить возможность удачных действий русской кавалерии[160]. Тем не менее на второй день войны некоторые ее части все же смогли проникнуть в глубь германской территории до 50 верст[161]. 25 июля (7 августа) 6-я и 15-я кавалерийские дивизии разрушили железную дорогу Сольдау — Нейденбург на протяжении пяти верст, а также виадуки и полустанок Шевкен[162]. Впрочем, особого эффекта рейды не давали: на всех важных участках всадники встречали стойкое сопротивление, а характер местности исключал возможность свободного маневра. На четвертый день войны к бою были готовы германские части первой линии, и русская кавалерия отошла от границы[163]. Теперь ее самостоятельные действия были не только бессмысленны, но и опасны. Таким образом, успехи конницы в Восточной Пруссии были кратковременны и незначительны.

Несколько более удачно складывались для русской кавалерии события на австрийском фронте. И здесь границу прикрывали жандармы, усиленные ландштурмистами и небольшими отрядами регулярной армии, но сопротивление, которое они оказывали, было слабым[164]. Со своей стороны, Ф. Конрад фон Гетцендорф также планировал массовый кавалерийский рейд по русской территории. Австрийская кавалерия должна была пройти от Днестра до Вислы, то есть более 300 км, углубившись до 100 км. Практически нигде ее попытки не имели ни малейшего успеха и были отбиты русской пехотой и пограничниками[165]. Только на участке между Золочовом и Зборовом произошел крупный встречный кавалерийский бой, в котором приняли участие свыше 2,5 тыс. всадников. 8 (21) августа 10-я кавалерийская дивизия под командованием генерал-лейтенанта графа Ф. А. Келлера встретилась с 4-й австрийской кавалерийской дивизией генерал-майора Э. фон Заремба. Австрийцы превосходили русских по численности, имея 21 эскадрон, два батальона, восемь орудий и восемь пулеметов. У Ф. А. Келлера вместо положенных по штату 24 эскадронов насчитывалось только 18. Правда, в русской дивизии было 12 орудий, но не они сыграли главную роль в бою у деревни Ярославице. Обе стороны атаковали в конном строю. Австрийцы построились в три линии — восемь, шесть и четыре эскадрона соответственно, Ф. А. Келлер был вынужден отказаться от резерва.

Это был бой, скорее, напоминавший классическую сечу начала XIX в. Австрийцы выступили в поход в голубых ментиках, красных чакчирах и металлических касках, таких устаревших и неудобных, но пригодившихся в рубке[166]. Русские были одеты в защитную форму, но имели и пики — казалось, абсолютно устаревшее и бесполезное оружие, однако при встрече атакующих волн оно дало потрясающий эффект и чудовищные ранения. «Первая шеренга австрийского строя, — вспоминал участник этого боя, — на мгновенье замерла и как бы поднялась на воздух, нанизанная на русские пики. Раскатами барабанной дроби посыпались шашечные и сабельные удары, то глухие, то редкие, металлические в тех случаях, когда шашка встречала на своем пути железные каски. Серые защитные рубашки наших всадников просачивались австрийскими голубыми ментиками. Видно было, что обе стороны начали расстраиваться и смешиваться в общую массу»[167].

В этот момент вторая линия австрийской конницы прорвала эту массу и устремилась в тыл. Ф. А. Келлер лично повел в бой штаб и собственный конвой. Положение было исправлено этой горсткой людей, австрийцы бежали к реке Стрыпь, находившейся в 1–2 км позади, и там, будучи отсеченными от переправы, понесли большие потери. В плен попали 250 кавалеристов, 400 пехотинцев, трофеями русских всадников стали 300 лошадей, восемь орудий с передками и зарядными ящиками, пулеметы и ящик с канцелярией штаба 4-й австрийской кавалерийской дивизии[168], которая практически перестала существовать. Несмотря на эту яркую победу, стратегических успехов русская кавалерия так и не добилась, а ее размещение привело к тому, что центр русской позиции — фланги Юго-Западного и Северо-Западного фронтов оказались слабо прикрытыми.

С первых же дней мобилизации Ставка начала оказывать давление на командование Юго-Западного фронта: Н. Н. Янушкевич требовал перехода в наступление и форсирования австрийской границы не позднее 1 (14) августа, то есть задолго до завершения мобилизации[169]. Штаб фронта поначалу не торопился выполнять этот приказ, прежде всего планируя завершить сосредоточение[170]. Тем не менее главнокомандующий армиями фронта вскоре изменил свое решение. Австрийцы сами перешли границу и 3 (16) августа заняли Каменец-Подольский. Поведение офицеров и солдат поначалу было довольно вежливым — город был сдан без боя, но затем австрийские военные власти заявили, что по войскам после поднятия белого флага было сделано 20 выстрелов[171]. В связи с этим на население была наложена контрибуция: 200 тыс. рублей золотом и серебром, 450 пудов мяса и 790 пудов хлеба, 100 подвод. В случае невыплаты в течение суток австрийские власти угрожали репрессиями, вплоть до артиллерийского обстрела[172]. В официальном заявлении было сказано, что «городской голова будет повешен, а город уничтожен»[173]. Новости из Каменца вызвали у Н. И. Иванова крайне болезненную реакцию. Он потребовал от А. А. Брусилова немедленного перехода в контрнаступление и освобождения города, что весьма нарушило бы и планы штаба фронта, и планы командующего 8-й армией[174].

«На это я ответил, — вспоминал А. А. Брусилов, — что разбрасывать свои силы перед самым началом боевых действий я не считаю возможным, а что когда я перейду в наступление и войду на австрийскую территорию, то эта колонна, боясь быть отрезанной, сама побежит назад, без всякого понукания; разбрасываться же для второстепенных целей нахожу вредным»[175]. Н. И. Иванов был в ярости, раздражаясь самим фактом отказа выполнить его распоряжение[176]. А. А. Брусилов был прав, и правота его слов вскоре подтвердилась. Горожане собрали все, что было возможно, включая ценности из церквей, костелов и синагог. Надо отдать должное австрийцам — последние предметы были сразу же возвращены, но собранная сумма в 10 363 рубля изъята, а город так и не подвергнулся экзекуции. 6 (19) августа австрийская колонна ушла, вернув собранную было с города контрибуцию и расплатившись за продовольствие[177]. Объяснение этому простое: австрийцы не хотели создавать прецедент, которым вскоре могли воспользоваться в отношении австрийских городов русские[178].

Причина раздражения главнокомандующего фронтом также ясна: он сам находился под таким же постоянным давлением, как и А. А. Брусилов. 4 (17) августа в Ровно приехал великий князь Николай Николаевич, это был 18-й день мобилизации. В штабе Юго-Западного фронта Верховный главнокомандующий заявил о готовности к немедленному наступлению, несмотря на то что в довоенный период считалось, что это может произойти лишь на 28-й день[179]. Постоянно подгонял командование Юго-Западного фронта и Н. Н. Янушкевич — так, во всяком случае, ему советовал действовать В. А. Сухомлинов[180]. Штаб фронта согласился ускорить наступление и начать его 5 (18) августа (19-й день мобилизации) силами 8-й армии и 6 (19) августа (20-й день мобилизации) силами 3-й армии[181]. «Надо было видеть восторженное волнение во время завтрака французских военных агентов, не чувствовавших под собою ног от сообщенного им известия, — вспоминал присутствовавший при этом офицер. — Тогда они были благодарны!.. Сиял от принятого решения сам великий князь. Сияли и группировавшиеся около его высокой, господствовавшей надо всеми фигуры офицеры во французских и английских формах»[182].

Перед войной немцы ожидали, что основной русский удар будет нанесен по немецким территориям к востоку от Вислы. В связи с необходимостью защитить Познань и Силезию подходы к ним активно укреплялись, однако Берлин понимал, что пассивная оборона не может дать гарантий успеха, и не планировал ограничиться ею. Укрепления должны были только выиграть время для решения большой стратегической задачи на западе и последующей переброски оттуда сил на восток[183]. Особые надежды возлагались на помощь австро-венгерского союзника.

5 августа 1914 г. Мольтке-младший писал Конраду фон Гетцендорфу: «Новости из России благоприятны. На нашем фронте на востоке они в беспорядке отступили за Нарев; кажется, они эвакуируют всю русскую Польшу... Соберите все силы против России. Даже Италия не сможет быть

до такой степени грязной собакой, чтобы напасть на ваш тыл. Спустите болгар на сербов и дайте им порвать друг друга на части. Должна быть только одна цель — Россия. Сбросьте носителей кнута в болота Припяти и утопите их там»[184]. Австрийский генерал нуждался не в подобного рода призывах, а в поддержке со стороны рейхсвера и в собственных резервах, застрявших в Сербии. Не получив ни того, ни другого, он все же решился действовать. К 20 августа австрийцы на фронте в 310 км развернули 31 пехотную и 10 кавалерийских дивизий — более 700 тыс. человек. К 18 августа четыре русские армии на фронте в 400 км сосредоточили 35,5 пехотной и 12,5 кавалерийской дивизий — свыше 600 тыс. человек[185].

Военные действия на русско-германском фронте к этому времени уже начались. Согласно немецкой доктрине 8-я армия должна была перехватить инициативу у русских и оказать помощь австрийскому союзнику, связав максимально возможное количество наших войск на своем фронте[186]. 14 августа Гельмут фон Мольтке дал категорическую инструкцию штабу 8-й армии: «Когда русские придут — никакой обороны, а только наступление, наступление, наступление»[187]. Такой взгляд был общим для всех германских военных игр, в ходе которых отрабатывались варианты обороны Восточной Пруссии. Они убедительно демонстрировали превосходство наступления против одной из русских армий над обороной против обеих, которая полностью оставляла инициативу в руках противника[188]. В этот же день М. фон Притвиц принял решение прикрыться от А. В. Самсонова заслоном силой в 3,5 пехотной дивизии, выделив девять пехотных и одну кавалерийскую дивизии для разгрома 6,5 пехотной и 5,5 кавалерийской дивизий П. К. Ренненкампфа. Немцы уступали двум русским армиям в численности пехоты (14,5 дивизий против 19), кавалерии (одна дивизия против 8,5) и легких орудий (638 против 1002), примерно равным было количество легких гаубиц (108 против 112), но в тяжелой артиллерии противник имел прочный перевес (188 орудий против 24)[189].

4 (17) августа 1-я армия начала вторжение в Восточную Пруссию. Мобилизация шла в целом удачно, в части явилось большое количество добровольцев[190], среди офицеров было много тех, кто имел опыт японской войны[191]. Проблема заключалась в том, что мобилизация не была закончена, и в поход вышли еще не полностью готовые к бою части. В полках 3-го армейского корпуса не хватало до 40% по штатам военного времени, некоторые роты и батальоны пришлось оставить позади для доформирования. 29-я дивизия 20-го армейского корпуса вышла в поход в трехполковом составе вместо положенных четырех[192]. В отличие от А. В. Самсонова, который не знал ни войск, ни командиров корпусов, ни чинов штаба вверенной ему армии, командующий 1-й армией знал своих подчиненных, а те знали его[193].

Авторитет П. К. Ренненкампфа был весьма высок. Будучи назначен после японской войны командующим 3-м армейским корпусом, он развил бурную деятельность по подготовке своих подчиненных к войне с немцами и добился значительных успехов. В 1913 г. генерал был назначен командующим

войсками Виленского округа[194]. На новом посту он по-прежнему постоянно объезжал вверенные ему части, проводил инспекции и учения, в которых принимал непосредственное участие. Обладая недюжинной физической силой и выносливостью, он мог совершить в один день конный пробег в 50 верст с одной из проверяемых им кавалерийских бригад и точно такой же — с другой[195].

Тактические занятия на местности, стрельбы, внезапные проверки проводились вне зависимости от погоды и времени года. Прозванный «желтой опасностью» (П. К. Ренненкампф заслужил право носить мундир Забайкальского казачьего войска с желтыми лампасами) за распекание нерадивых, поначалу он не вызывал в войсках Виленского округа особой привязанности. Впрочем, вскоре это прошло, и они стали высоко ценить своего командующего[196]. «Его Георгиевские кресты и золотое оружие, желтые лампасы, зычный голос, богатырское сложение вызывали зависть и уважение, — вспоминал офицер штаба 3-го корпуса. — Но спустя год молодые офицеры носили его чуть ли не на руках, солдаты любили и чувствовали, что это настоящий командир — «за ним не пропадешь»[197]. К сожалению, способности П. К. Ренненкампфа так и не вышли за уровень командира кавалерийской дивизии.

2 (15) августа командующий 1-й армией отдал приказ о переходе государственной границы[198]. 3 (16) августа передовые части кавалерии начали вторжение в Восточную Пруссию, а на следующий день за ними последовала пехота. Скверное качество дорог и весьма низкий уровень координации движения колонн поначалу не ставили под угрозу выполнение задачи, но так было лишь на своей территории. Плохое управление никак не могло способствовать успеху. В ночь с 3 на 4 (с 16 на 17) августа спокойствие казалось абсолютным[199]. На период сосредоточения ни прибывающие части, ни их командиры не имели практически никакой информации о противнике. Попытки получить таковую от командира 3-го армейского корпуса генерала от инфантерии Н. А. Епанчина или его начальника штаба генерал-майора В. А. Чагина заканчивались неудачей[200].

Получить информацию о противнике было невозможно и при начале движения в Восточную Пруссию: в корпусах 1-й армии практически не было дивизионной конницы, как и русской авиации в воздухе. За исключением небольших перестрелок с патрулями немцы никак себя не проявляли. Русские войска двигались вперед на фронте 70 верст без армейского резерва, при этом наладить одновременное движение не удалось: центральный 3-й армейский корпус выдвинулся вперед, в то время как фланговые 20-й и 4-й корпуса отстали от него на 3–4 часа. Многие части при этом двигались без охранения и разведки, и первые столкновения с противником зачастую происходили внезапно. Так завязался первый серьезный бой с противником[201].

В тот же день, когда начала свое движение 1-я армия, выдвинувшийся вперед без санкции командующего армией 1-й германский армейский корпус генерала Г. фон Франсуа атаковал 3-й русский армейский корпус

под Сталлупененом. Г. фон Франсуа считал себя призванным защитником Восточной Пруссии и был ярым приверженцем наступательной тактики[202]. Еще до войны он командовал 1-м армейским корпусом, штаб которого располагался в Кёнигсберге. Потратив массу времени и сил на изучение своего корпусного округа, генерал пришел к твердому убеждению, что ему удастся защитить границу Восточной Пруссии при условии активных действий[203]. Части его корпуса в основном состояли из местных уроженцев, которые упорно сражались, не желая допустить русских к своим домам[204].

Германская военная разведка накануне 1914 г. весьма скептически оценивала возможности русской армии. Отдавая должное стойкости и неприхотливости солдата, храбрости офицера, она считала командный состав не годным к современной войне — прежде всего, не способным к принятию самостоятельных решений. Самым негативным образом на армии сказывался и недостаток унтер-офицерских кадров, непреодолимый по причине низкого уровня репутации военной службы среди образованных классов. Все это делало русскую армию неповоротливой, весьма уязвимой в маневренной войне[205]. Сам Г. фон Франсуа пренебрежительно относился к возможностям русских войск и был решительно готов и к тому, чтобы начать действовать по собственной инициативе, и к тому, чтобы взять на себя ответственность за свои решения. Последнее было тем более важно, поскольку одобрения своих планов со стороны М. фон Притвица командир германского корпуса так и не получил[206].

В начале своего наступления немцы планировали разгромить основные силы русской кавалерийской завесы. Они просто не знали о том, что сосредоточение 1-й русской армии закончено и она находится в движении. Г. фон Франсуа ждал неприятный сюрприз[207], как, впрочем, и его противников. Скверная связь и почти полное непонимание того, что происходит, привели к тому, что в ряде русских частей атакующих немцев приняли за своих: так, командир Оренбургского пехотного полка попытался выехать вперед и остановить стрельбу, но был убит[208]. Именно на участке 105-го Оренбургского полка, разбавленного почти на две трети запасными, внезапный удар с фланга, нанесенный немцами, поначалу имел частичный успех[209].

В начавшемся бою совершенно неожиданным для наших солдат и офицеров стало использование немцами в полевых условиях орудий крупного калибра, действие которых носило ошеломляющий эффект, особенно если учесть, что для многих это было боевое крещение[210]. Русская полевая артиллерия со своим умением пользоваться телефонной связью, вести огонь с закрытых позиций превосходила немцев во всем, но ей нечего было противопоставить полевым гаубицам противника[211]. «Так как в то время в нашей армии тяжелой артиллерии не было, и, следовательно, действие ее снарядов, разрывавшихся с громадным треском и поднимавших высокие столбы земли, было неожиданностью для людей, — вспоминал начальник 27-й пехотной дивизии генерал А. М. Адариди, — то оно, естественно, производило на них очень сильное впечатление, несмотря даже на то что

материальные потери мало отвечали звуковому и зрительному эффекту»[212]. Тяжелым испытанием для русской пехоты оказалось и знакомство с немецкими броневиками, с которыми трудно было бороться на открытой местности[213].

Положение русских войск было сложным, но контрудар 29-й пехотной дивизии резко изменил положение[214]. Вечером того же дня Г. фон Франсуа, получивший приказ М. фон Притвица выйти из боя при любом его исходе, вынужден был отойти[215]. На ряде участков отступление немцев оказалось весьма поспешным и больше походило на бегство[216]. Под Бильдервейшеном их части бросили окопы, раненых, перевязочный пункт и шесть орудий[217]. Общие потери войск Г. фон Франсуа в этот день составили до 1,5 тыс. человек и восемь орудий[218]. Общая убыль наступавшей русской 27-й дивизии — 63 офицера и 6842 нижних чина, почти 46% состава, перешедшего границу[219]. Русские дивизии сражались храбро, но в целом управлялись неумело. Должной координации действий отдельных частей не было, слабо охранялись фланги — все это позволяло немцам совершать обходы и наносить значительные потери своим противникам, атакуя превосходящими силами стоявшие отдельно или наступавшие порознь части[220].

Успех подобного рода приемов неудивителен, так как связь между дивизиями 3-го армейского корпуса и даже полками его дивизий была налажена из рук вон плохо[221]. Тем не менее вылазка Г. фон Франсуа так и не привела его к решающей победе, что было особенно важно в сложившейся ситуации. Командование 8-й армии ожидало, что 1-я русская армия начнет наступление на три дня раньше и это даст ему возможность по очереди расправиться сначала с ней, а затем уже и со 2-й армией. Бой 17 августа менял многое в их в расчетах — и во времени, и в пространстве. Штаб 8-й армии начал колебаться и постепенно терять уверенность в конечный успех сражения[222]. Первый бой вызвал разочарование и у русского командования. С самого начала столкновений с немцами в полный рост стала проблема недостаточно эффективного использования кавалерии.

Генерал-лейтенант Гуссейн хан Нахичеванский ограничился ролью наблюдателя и, ссылаясь на отсутствие снарядов, усталость коней и людей, отказался от преследования отступавших. Снаряды на батареях его группы были, но он не хотел рисковать, предпочитая предварительно получить их в запас из подвижного резерва[223]. Эти действия вызвали серьезные нарекания командующего армией. 6 (19) августа П. К. Ренненкампф сделал Г. хану Нахичеванскому следующее замечание: «Деятельность вашего конного отряда в бою 4 августа крайне неудовлетворительна; пехота вела упорный тяжелый бой, конница обязана была помочь появлением не только на фланге, но и в тылу неприятеля, не считаясь с числом верст, — это привело бы к меньшим потерям у нас, к тяжелому поражению неприятеля. В будущем приказываю быть более энергичным, подвижным, помнить, что у вас 48 орудий, которые направлением в тыл неприятеля принесут громадное поражение»[224]. Разнос не помог.

7 (20) августа произошел встречный бой под Гумбиненом и Гольдапом. И М. фон Притвиц, и П. К. Ренненкампф не особенно удачно управляли своими войсками, в результате чего бой превратился в сражение корпусов и их командиров. Начальник 29-й пехотной дивизии генерал-лейтенант А. Н. Розеншильд фон Паулин записал в своем дневнике: «С 6 часов утра немцы открыли сильный огонь тяжелой и легкой артиллерии, причем сразу стало ясно, что за ночь они усилились довольно значительно»[225]. В 10 часов утра противник начал наступление и почти сразу же стал теснить два передовых русских полка[226]. На правом фланге 1-й армии немцы имели успех, отбросив 20-й корпус на 10–12 км. Воспользовавшись бездействием многочисленной русской кавалерии, единственная германская кавалерийская дивизия обрушилась на обозы 20-го корпуса, вызвав панику в русском тылу. Но в центре и на левом фланге победа досталась русской армии[227].

Две основные причины были залогом успешных действий немцев. Вновь самым серьезным образом сказалось их превосходство в тяжелой артиллерии. Около часа дня под ее обстрелом оказался обоз 1-го разряда 114-го пехотного полка, который в панике бежал в тыл, «отвратительно подействовав на бывший вблизи резерв»[228]. Крики «Немецкая кавалерия!» вызвали такую панику, что обозы со снарядами покатились в тыл, увлекая за собой все, что они встречали на своем пути. Исключением был командующий армией, который сумел остановить бегущих — «его боялись куда больше, чем всю немецкую конницу»[229]. В результате, пока П. К. Ренненкампф приводил в порядок тылы, бой на передовых позициях развивался по собственной логике и без руководства командующего.

У начальника 29-й пехотной дивизии осталось в резерве 6–7 рот 113-го пехотного полка. В этот момент он узнал, что его сосед справа — 28-я пехотная дивизия — бежал вместе со своей артиллерией в Вержболово, а в тылу кавалерия противника уничтожает обозы. А. Н. фон Паулин решил держаться на занимаемых позициях, и это обеспечило ему победу в центре и на левом фланге[230]. Русские части вновь практически не имели связи в бою. Их командиры редко проявляли инициативу, точно следуя полученным приказам. 28-я дивизия двигалась по указанным ей маршрутам, отдельными слабыми колоннами, без связи и охранения. Атака немцев застала их врасплох. Из-за отсутствия связи практически повсюду противник имел преимущество в силе, сминая одну колонну за другой. Бегущих весьма успешно преследовала конница[231].

Немногим лучше дело обстояло и на других участках. «О происходившем в XX корпусе и 40-й дивизии, — вспоминал генерал А. М. Адариди, мы в 27-й не имели никакого понятия, а об отходе частей 25-й дивизии знали только потому, что он был виден с места расположения штаба... и потому что некоторые части островцев докатились до позиции 27-й ар. бр. Это и повлекло за собою ту перемену фронта части батарей бригады, которая остановила продвижение немцев»[232]. Оборонявшаяся артиллерия своим огнем весьма успешно действовала по торжествовавшим немцам, которые

преследовали отступавших в густых походных колоннах. Картечь русских пушкарей весьма эффективно охладила пыл преследователей, и им пришлось остановиться[233]. Следует отметить, что в понесшей большие потери под Сталлупененом 27-й дивизии сделали правильный вывод из случившегося. В строю оставалось только 7800 штыков при 20 пулеметах и 48 орудиях, однако это были уже обстрелянные части, командиры которых обратили особое внимание на связь и взаимодействие. Теперь они предпочитали действовать по-другому: сначала не атаковать штыком, а обороняться огнем[234].

В результате немецкие дивизии 27-го корпуса генерала А. фон Макензена атаковали окопавшуюся пехоту 3-го армейского корпуса без артиллерийской подготовки, в густых цепях, шедших на небольшом расстоянии одна за другой и превратившихся в мишень для пулеметов и орудий. Один из артиллерийских дивизионов даже выехал вперед, чтобы поддержать наступление прямой наводкой, и был практически мгновенно расстрелян нашей артиллерией. Его 12 орудий стали трофеями русской пехоты[235]. По свидетельству участников боя, противник действовал исключительно упорно[236]. Во всяком случае, так было поначалу, однако вскоре стала сказываться усталость: немецкая пехота вступила в бой с марша, находилась в движении почти 24 часа, перенесенные в основном на себе боеприпасы заканчивались. Резко возросло количество выбывших из строя офицеров и унтер-офицеров, пытавшихся вести за собой солдат[237].

После войны офицеры, командовавшие восточнопрусским ландвером, описали огневое действие русской артиллерии как ад, в котором им пришлось получать удары от невидимого противника[238]. «Немцы понесли страшные потери, — отметил в дневнике участник боя. — Все поле впереди покрыто их убитыми и ранеными»[239]. Потери были серьезными — до 10 тыс. человек. Наступление противника остановилось, а к вечеру он начал беспорядочный отход[240]. А. фон Макензен вместе со своим штабом лично поскакал к войскам, чтобы остановить отступление, однако сделать этого не смог[241]. К концу боя были разбиты одна русская и четыре германские дивизии. Вместо того чтобы сокрушить русскую армию и отбросить ее, как планировалось, к Неману, немцы вынуждены были отступить[242]. Постепенно дисциплина среди отступавших была потеряна, и началась паника[243]. Нашими войсками были захвачены 12 орудий, 25 зарядных ящиков, три исправных и 10 разбитых пулеметов, 2 тыс. винтовок, в плен попали около тысячи немецких солдат[244].

Немцы отходили, прикрываясь интенсивным огнем всех 30 батарей 17-го армейского корпуса. Прибывший в штаб Н. А. Епанчина П. К. Ренненкампф принял решение остановить пехоту на занятых позициях. Войска 1-й армии понесли значительные потери — около 6200 человек, они были чрезвычайно утомлены тяжелым боем, значительная часть скромного снарядного запаса израсходована. При этом была остановлена и конница, что существенно облегчило отход немцев[245]. Активность русской кавалерии сдерживали и штаб армии, и штаб фронта. Я. Г. Жилинский требовал не наносить

серьезных повреждений железнодорожным линиям в Восточной Пруссии, которые, по его планам, могли пригодиться в ближайшем будущем войскам его фронта[246]. В Вержболове, на пограничной станции, русская широкая железнодорожная колея заканчивалась и начиналась узкая немецкая. На перешив дороги под русский стандарт требовались время и значительные усилия, и вся надежда была на то, что удастся использовать существующие пути сообщения и захваченный подвижной состав[247]. Однако значительных трофеев пока не было, как и времени, и нормально организованного тыла.

Фактически директива штаба фронта привела к тому, что отступавшим не мешали отходить и приводить себя в порядок. Между тем состояние корпуса А. фон Макензена после боя было далеко не блестящим. Энергичные действия кавалерии могли поставить его на грань катастрофы. Когда 9 (22) августа русская пехота получила разрешение двинуться вперед, она встретила по пути все признаки панического отступления. Поле сражения на несколько километров было завалено убитыми и ранеными немецкими солдатами[248]. «Дорога, по которой она шла, — вспоминал начальник 27-й пехотной дивизии, — была усеяна брошенными ружьями, патронами и предметами снаряжения. Встречались брошенные повозки, нагруженные разным войсковым добром; попадались отсталые как раненые, так и здоровые; около места, где стояли тяжелые орудия, валялись корзиночные лотки с патронами, снаряды и т. п. Вообще были все признаки, свидетельствующие о беспорядочном и поспешном отступлении»[249].

С первого дня войны движение войск вызвало в пограничной полосе всеобщее бегство жителей деревень и городков. Опустошенные города напоминали призраки. 3 (16) августа наши войска вошли в сильно разрушенный Эйдкунен. Командир 100-го пехотного полка полковник Н. Д. Зарин отмечал в своем дневнике: «Кругом мертвая тишина, все дома брошены, с поля тянет зловонием разлагающегося трупа; кое-где валяются убитые солдаты; вечереет; жутко»[250]. В той или иной степени эта картина повторялась везде. «Вся Восточная Пруссия бежала, — вспоминал участник этих боев, — оставя на произвол судьбы дома, фермы со всем скарбом и животными, вплоть до лошадей. Все дороги были усеяны брошенными велосипедами. В некоторых домах были накрыты столы с еще теплыми кушаньями»[251]. Практически везде войска сталкивались с одной и той же картиной: в спешке жители оставляли все, от утвари до домашних животных[252]. «Брошено все, — вспоминал генерал Ю. Н. Плющевский-Плющик. — Кофейники с кофе стоят на столе. Пища готовилась на кухне, а населения нет. Пастор забыл свои очки»[253]. Частичный успех был налицо, но он так и не превратился в решающую победу. Иначе говоря, имелись признаки победы, но ее самой еще не было.

Между тем русское Верховное командование, которое в первые дни войны надеялось реализовать план Ю. Н. Данилова о переносе военных действий на левый берег Вислы, было особенно вдохновлено результатами боя под Гумбиненом[254]. Складывается впечатление, что Ставка и штаб Северо-Западного фронта считали, что главное дело уже сделано, и свели

свое руководство к подталкиванию подчиненных вперед. Особенно активно подгоняли А. В. Самсонова. 6 (19) августа Я. Г. Жилинский телеграфировал ему: «Задержка в наступлении 2-й армии ставит в тяжелое положение 1-ю армию, которая уже два дня ведет бой у Сталлупенен. Поэтому ускорьте наступление 2-й армии и возможно энергично развейте ее операции, выдвинув, если для сего потребуется, и I корпус»[255].

А. В. Самсонов оказался в весьма двусмысленном положении. Его армия была мобилизована, но не закончила сосредоточения. Войска были рассредоточены по площади свыше 30 тыс. кв. км, тылы и обозы не готовы к движению. Сам командующий был не согласен с предложенным ему планом действий, считая, что гораздо больший шанс на успех даст наступление, которое следует организовать двумя группами, действующими одновременно по восточному и западному берегам Вислы[256]. Эти предложения были отвергнуты, вносить столь масштабные изменения в план действий можно было бы в начале 1912 г., но в августе 1914 г. — уже поздно. Командующий не мог игнорировать приказы командования, но не мог он и выступить, не завершив подготовку. В результате, формируя тылы, А. В. Самсонов вынужден был бросить вперед кавалерию, поддержанную отрядами пехоты[257]. Все это производило впечатление спешки, в которой принимались важнейшие решения.

Перед началом операции начальник штаба 2-й армии открыто называл план действий авантюрой: армия должна была оставить в тылу пограничный район, в котором практически не было необходимых для снабжения путей сообщения — их годами не прокладывали именно из-за опасения возможного германского наступления[258]. «Особенно бросалось в глаза бездорожье, — вспоминал артиллерийский офицер 15-го корпуса, — недостаток населенных пунктов, бедность их и какая-то культурная дикость в полосе между р. Нарев и германской границей. Еще в мирное время говорили о том, что дикость и бездорожье до известной степени созданы искусственно, в целях затруднить движение сквозь нее германцев. Теперь, наступая сами, мы пожинали плоды посеянного»[259]. Войска медленно двигались вперед, имея самые общие представления о цели и задачах своего движения: солдаты и младший офицерский состав знали только, что идут в Восточную Пруссию[260]. В среднем по немногочисленным песчаным дорогам колонны не могли проходить более 20 верст в сутки. Командующий 2-й армией запланировал пересечь границу утром следующего дня, то есть 7 (20) августа[261].

Все довоенные немецкие расчеты строились на двух или даже трех (в зависимости от числа вторгающихся армий) последовательных победах над русскими[262]. Теперь, как казалось, они были сорваны. Не удивительно, что генерал-лейтенант М. фон Притвиц оказался под сильнейшим влиянием боя у Гумбинена. Узнав о том, что 20 августа с юга в обход основных сил 8-й армии двинулся А. В. Самсонов, он приказал отступать к Висле, несмотря на то что офицеры его штаба настаивали на возобновлении боя на следующий день[263]. Следует отметить, что возможность временного оставления восточного

берега Вислы первоначально предусматривалась инструкциями Мольтке-младшего, данными командующему 8-й армией перед началом операции: «В крайнем случае Пруссия восточнее Вислы должна быть оставлена»[264]. Тем не менее Большой Генеральный штаб всегда рассматривал этот шаг как крайний и, естественно, нежелательный вариант развития событий[265].

Наступление 2-й армии было настолько неожиданным для немцев, что они спешно бросали пограничные пункты. После границы начинались в большом количестве прекрасные шоссе, в деревнях были оставлены дома с имуществом, в стойлах — многочисленный скот, по дворам гуляли домашние птицы, и не было видно ни одного человека. «Это создавало впечатление какого-то заколдованного царства», — вспоминал офицер 24-й пехотной дивизии[266]. В Ниденбурге в оставленном немецком штабе на столе были брошены даже карты с нанесенными на них позициями оборонявшихся частей[267]. Никому не принадлежавшее, выставленное почти напоказ богатство стало причиной волны мародерства и пьянства, особенно сильно поразивших части корпуса Н. А. Клюева, которые не успели получить достаточно прочную связку. Напивались даже часовые на постах, выставленных у винных складов. Командование вынуждено было прибегать к массовым экзекуциям, поркам и прочему, но ничего не помогало[268]. Соблазн присвоить то, что явно не принадлежало никому, наложенный на недостатки быстрой мобилизации, был непреодолим. Впрочем, ситуация понемногу начала меняться.

Чем дальше углублялись на территорию противника русские войска, тем больше они встречали селений, тем более населенными они были и тем больше в них оставалось жителей разного пола и возраста. Неизменным оставалось лишь поведение помещиков. Эта часть населения уходила полностью и снималась с насиженных мест почти мгновенно: войска находили в имениях горячий суп, разлитый по тарелкам[269]. Для того чтобы успокоить население Восточной Пруссии, А. В. Самсонов подписал обращение, которое было распечатано на листовках на польском и немецком языках. Мирным жителям гарантировались жизнь и неприкосновенность жилищ и имущества при условии выполнения приказов русских военных властей. В случае сопротивления с их стороны командующий грозил жесткими репрессиями, «невзирая на пол и возраст», сожжением селений и прочим[270]. Необходимо отметить, что вступившие в пограничные русские владения германские войска уже отметились грабежами и насилием над местным населением и пленными, в то время русские оккупационные власти не выходили за пределы принятой практики ведения военных действий[271].

20 августа Мольтке-младший получил сообщение от М. фон Притвица, извещающее о принятом решении командующего 8-й армией. В тот же день Г. фон Франсуа доложил Верховному командованию о значительном успехе прошедшего под Гумбиненом боя. Мольтке-младший был явно шокирован этими взаимоисключающими версиями случившегося. В последующем телефонном разговоре с ним М. фон Притвиц заявил, что надеется собрать к 26 августа основные силы 8-й армии восточнее Вислы и остановить 2-ю

русскую армию[272]. Это решение полностью устроило бы русское командование. «В том случае, — говорится в довоенном документе ГУГШ, — если немцы по объявлении войны сразу очистили бы Восточную Пруссию, то укрепления на Висле потеряли бы большую долю своего значения, так как направление на их фронт значительных русских сил не могло бы быть вовсе оправданно. Только сосредоточение в Восточной Пруссии живой силы германцев заставляет русских уделить этому стратегическому тупику значительную часть своих сил»[273].

Кобленц, где располагалось Верховное командование германской армии, и Берлин не могли позволить себе даже временную потерю Восточной Пруссии. В таком случае Германия теряла бы значительное количество лошадей, скота, весь урожай 1914 г., который могла бы поставить ее житница, ряд городов, значение коих было весьма велико не только в экономике страны (в Кёнигсберге проходила коронация прусских королей). Стратегические последствия отхода также были весьма малоприятны. Получив линию фронта по нижней Висле, русские войска, уже не опасаясь за свой правый фланг, могли перенести основную тяжесть наступления на Познань, Силезию и австрийский фронт. Верховное командование было с самого начала настроено весьма критически относительно плана отхода 8-й армии к Висле[274]. Тем не менее М. фон Притвиц был готов отступать и дальше, даже на ее западный берег. Не случайно в приказе по 8-й армии в качестве цели отступления была указана Западная Пруссия, что давало возможность достаточно широко трактовать намерения командующего[275].

Причина была проста: генерал не имел уверенности даже в способности удержать фронт по линии этой реки — по его мнению, для решения такой задачи у него было недостаточно войск. 21 августа в телефонном разговоре с Г. фон Мольтке он заявил: «Как смогу я с пригоршней войск удерживать Вислу: ведь ее всюду противник может перейти вброд»[276]. М. фон Притвиц явно нервничал, что не могло не раздражать Верховное главнокомандование. Именно после этого разговора Г. фон Мольтке пришел к выводу о необходимости замены командующего 8-й армией. Перспективы обороны западного берега Вислы были не столь уж и мрачными. Длина германского участка реки, от русской границы до впадения в Балтику, равнялась 202 км, ширина — не менее 384 м, в разлив местами колебалась от 1280–1490 м. Долина Вислы была окаймлена высокими берегами и имела ширину от 5 до 7,5 км[277].

Штурмовать немецкую оборону здесь русское командование не собиралось, тем более что оба берега реки получили в предвоенный период серьезные укрепления, значительная часть которых могла поддерживать друг друга с помощью тяжелой дальнобойной артиллерии[278]. «Соображая сильные естественные свойства Вислы с обширными мероприятиями по ее обороне, — гласил русский довоенный обзор германских восточных крепостей, — надо признать участок германской Вислы одной из наиболее сильных оборонительных преград в Европе, несравненно труднее одолимой, чем

линии французских фортов-застав на германской границе, даже в минувший уже период расцвета их обороноспособности. Успех форсирования Вислы возможен лишь при тщательной заблаговременной подготовке всех необходимых средств. Такая сила германской Вислы в связи с возможностью обхода ее в пределах России естественно ставит вопрос о подготовке сопротивления на левом берегу Вислы»[279].

М. фон Притвиц, конечно, мог и не знать эти оценки, однако он понимал, что с началом движения 2-й русской армии сама возможность отступления из Восточной Пруссии была более чем проблематичной — войска А. В. Самсонова были к ней ближе, чем силы 8-й армии[280]. Правда, уже вечером 21 августа штаб 8-й армии получил первые обнадеживавшие известия, дававшие шанс на благополучный выход из кризиса. Оказалось, что армия П. К. Ренненкампфа так и не двинулась вперед, ограничившись медленным продвижением передовых частей, предпринятым во второй половине дня 21 августа[281]. Известия о событиях в Восточной Пруссии пришли в тот момент, когда германское командование было в целом весьма довольно развитием дел. До этого все шло по плану.

20 августа на Западном фронте германские действия были по-прежнему успешны. В этот день германская конница вошла в Брюссель, а немецкая артиллерия приступила к обстрелу второй по значению бельгийской крепости — Намюра[282]. Правда, французы все еще продолжали наступление в Эльзасе и Лотарингии, но это не беспокоило Верховное командование. А. фон Шлиффен считал, что чем больше французская армия углубится в германскую оборону в Эльзасе, тем неизбежнее будет ее окружение после взятия Парижа. «Немцы могут быть уверены, — писал он, — что если они будут упорно проводить свои операции, то французы вскоре повернут и притом не севернее, а южнее Меца, в том направлении, откуда грозит наибольшая опасность. Поэтому особенно важно, чтобы немцы были сильны насколько только возможно на правом крыле, так как именно здесь следует ожидать решения»[283].

Последние слова А. фон Шлиффена, сказанные им перед смертью 4 января 1913 г., были обращены к Г. фон Мольтке: «Будет схватка. Только сделайте правый фланг сильным»[284]. Тем не менее преемник А. фон Шлиффена в 1906–1914 гг. изменил соотношение сил на правом и левом флангах с 7:1 до 3:1, считая возможным перебросить подкрепления под Париж после окончания пограничного сражения в Эльзасе[285]. На востоке немцы не могли выжидать. После Гумбинена их не устраивал и нейтральный результат. Они должны были победить или погибнуть. В конечном итоге, это и стало одной из причин их дальнейших успешных действий. В отличие от противника, русская Ставка не теряла оптимизма. Ей казалось, что если успех первых дней развить и поддержать победой в Галиции, то судьба войны будет решена. Но до решительного успеха в Восточной Пруссии было еще далеко, а Верховное командование уже вносило изменения в первоначальный план действий.

1-я армия начала наступление, не завершив формирование тылов. После десятидневного наступления П. К. Ренненкампф вынужден был остановиться, и одной из причин стали спешка и импровизации, допущенные в начале операции[286]. Выступив без надлежащей подготовки, 1-я армия оторвалась от баз снабжения и от питавшей ее железной дороги, которую не мог заменить гужевой транспорт. Для того чтобы использовать немецкие железные дороги, их необходимо было перешить на русский стандарт. Трофейного подвижного состава не хватало. «Из захваченного подвижного состава, — вспоминал генерал В. И. Гурко, — мы могли составить только несколько поездов, особенно мешал нам недостаток локомотивов. Мы ожидали подвижной состав из Варшавы, где все почти было неподвижным. Единственной узкой колеей, которая была в нашем распоряжении, была линия Варшава — Вена с ответвлением на Александрию»[287].

После Гумбинена Ставка утвердила остановку 1-й армии, но все более торопила движение 2-й[288]. 9 (22) августа Я. Г. Жилинский потребовал от А. В. Самсонова вести наступление «самым энергичным и безостановочным образом»[289]. Начальник оперативного отдела 8-й германской армии полковник М. Гофман был уверен, что П. К. Ренненкампф исчерпал свои возможности дальнейшего движения вперед, и предлагал, прикрывшись от него корпусом, бросить все оставшиеся силы против А. В. Самсонова. Германское Верховное командование было недовольно результатами командования М. фон Притвица и возникшей в результате угрозой для Восточной Пруссии. Наследственные земли Гогенцоллернов и значительной части прусской аристократии не могли быть оставлены даже на время.

22 августа командование 8-й армии было сменено. Ее возглавил вызванный кайзером из отставки генерал П. фон Беннекендорф унд фон Гинденбург[290], начальником штаба был назначен Э. Людендорф — герой Льежа, находившийся к этому времени под второй по значению бельгийской крепостью — Намюром[291]. Крепость пала 24 августа, через четыре дня после начала обстрела ее фортов[292]. 21 августа Э. Людендорф был вызван в Кобленц. Г. фон Мольтке в личном письме к генералу сообщил о новом назначении: «Вам ставится тяжелая задача, быть может, еще более трудная, чем штурм Льежа. Я не знаю никого другого, к кому питал бы столь безграничное доверие, как к Вам. Быть может, Вы еще спасете положение на востоке»[293]. Вечером 22 августа Э. Людендорф отбыл из Кобленца на специальном поезде, а утром 23 августа в Ганновере к нему присоединился П. фон Гинденбург. Днем они прибыли в Мариенбург, где располагался штаб 8-й армии, и приняли доклад М. Гофмана[294].

Немецкая кавалерийская разведка, наблюдавшая за П. К. Ренненкампфом, уже получила подтверждение того, что войска 1-й армии остались на занимаемых позициях и явно не готовятся к движению. М. Гофман остановил выполнение приказа об отходе за Вислу, а часть 8-й армии начала выполнять предложенный полковником еще М. фон Притвицу план сосредоточения для удара по А. В. Самсонову. Э. Людендорф немедленно утвердил этот

план, и он полностью вступил в силу[295]. Большая часть генералитета 8-й армии была настроена весьма решительно, Г. фон Франсуа вообще считал, что его войска сильно подорвали наступательные возможности русских, не наседавших на них нигде и даже не занявших Гумбинена[296]. Хотя сомнения у Э. Людендорфа все же оставались. Он вспоминал: «Существенным вопросом являлось, удастся ли оторвать от армии Ренненкампфа I резервный и XVII армейский корпуса, чтобы присоединить их к другим частям 8-й армии для совместной атаки наревской армии. Если он сумеет использовать успех, одержанный при Гумбинене, и будет быстро двигаться вперед, то этот маневр становился немыслимым»[297].

Кавалерия 1-й армии чрезвычайно слабо справлялась со своими обязанностями, ее командующий знал о том, что немцы отводят свои войска, но ему не было известно, куда и в каких количествах. Не зная, зачем они это делают и откуда ждать удара, он приказал своим подчиненным укреплять занятые позиции. Только 23 августа, когда М. Гофман докладывал новому начальнику штаба 8-й армии о том, что П. К. Ренненкампф не собирается двигаться, он приказал перейти в наступление. За этот день его войска прошли 10–12 км, встречая лишь небольшие разъезды противника[298]. Вообще же, за шесть дней, предшествовавших Гумбинен-Гольдапскому сражению, 1-я армия прошла около 120 км, что составляло в среднем по 20 км в сутки, за шесть последующих суток (не считая дня сражения) — 60 км, то есть в два раза меньше[299]. Штаб Северо-Западного фронта был полностью удовлетворен развитием событий и торопил только 2-ю армию.

«Германские войска, — телеграфировал Я. Г. Жилинский А. В. Самсонову 10 (23) августа, — после тяжелых боев, окончившихся победой над ними армии генерала Ренненкампфа, поспешно отступают, взрывая за собой мосты. Перед Вами, по-видимому, противник оставил лишь незначительные силы. Поэтому, оставив I корпус в Сольдау и обеспечив левый фланг надлежащим уступом, всеми остальными корпусами энергично наступайте на фронт Зенсбург, Алленштейн, который предписываю занять не позже вторника 12 августа. Движение Ваше имеет целью наступление навстречу противнику, отступающему перед армией генерала Ренненкампфа, с целью пресечь немцам отход к Висле»[300]. Штаб фронта был убежден, что немцы будут действовать согласно плану своей довоенной игры[301], и притягивал все внимание штаба 2-й армии к ее левому, западному флангу. А. В. Самсонов исключительно энергично старался выполнить распоряжения командования и растягивал свои корпуса на запад, считая своей важнейшей задачей выход к нижней Висле. Он даже не думал о возможности поворота на северо-восток, где, по его мнению, энергично действовал П. К. Ренненкампф[302].

Ни Николаю Николаевичу (младшему), ни Я. Г. Жилинскому не пришла в голову мысль о возможности изменений, о том, что в сложившейся ситуации немцы смогут и будут действовать по-другому. Между тем германским командованием рассматривались различные варианты действий против вторгавшихся в Восточную Пруссию русских армий, и русская военная

разведка имела информацию об этом. Так, в документах германской военной игры 1911 г. предусматривалась возможность переброски из Франции трех корпусов для поддержки 8-й германской армии и организации удара по правому флангу русской «наревской» армии, действовавшей со стороны Варшавы. От «неманской» армии в таком случае планировалось прикрыться заслоном[303]. Нечто подобное и произошло на самом деле, но еще до прихода подкреплений с Западного фронта.

Между тем агентурные сведения в штаб А. В. Самсонова почти не поступали, его разведывательное отделение из-за недостатка времени не имело возможности подготовить собственную сеть информаторов на территории противника. Наличие трех кавалерийских дивизий не могло компенсировать эту потерю. В условиях Восточной Пруссии конные разъезды не могли действовать активно. Болота, леса и дефиле не давали возможность развернуть кавалерию, зато позволяли немногочисленным немецким заслонам сдерживать ее активность на необходимом удалении от районов развертывания собственных войск. Воздушная разведка также исключалась.

Авиационный отряд, переданный в армию, имел машины, техническое состояние которых не позволяло совершать полеты над территорией противника. Аэропланы использовались лишь для передачи сведений в тылу. Даже эта задача иногда становилась небезопасной, поскольку непривычная к виду летающих машин пехота обстреливала их, несмотря на опознавательные знаки на крыльях. Один раз только что призванные запасные приняли их за мишени[304]. Русские летчики делали все возможное, но моторы их машин уже выработали свой срок. Превосходство в воздухе полностью принадлежало немцам: их летчики постоянно находились в воздухе, бороться с ними было нечем, винтовочный огонь и полевая артиллерия оказались настолько малоэффективными, что командир 15-го армейского корпуса попросту запретил стрелять по немецким самолетам. Вскоре к ним присоединились и цеппелины[305]. Именно воздушная разведка в первые дни после сражения под Гумбиненом обеспечила командование 8-й армии информацией о передвижениях армии П. К. Ренненкампфа[306].

Огромное значение имел и тот факт, что радиограммы передавались русскими штабами открытым текстом (на шифровку и дешифровку уходило слишком много времени, надежной телеграфной и телефонной связи установить не удалось, а конные нарочные не могли обеспечить нужной скорости при передаче информации) и принимались не только русскими, но и германскими радистами. Таким образом, недостатка в информации у противника не было. О состоянии дел в 1-й и 2-й армиях, а равно и о приказах штаба фронта командование 8-й германской армии было информировано не менее П. К. Ренненкампфа и А. В. Самсонова[307]. Все это вместе взятое при темпах продвижения 1-й армии вело 2-ю армию прямо в ловушку, которую готовил ему штаб 8-й армии. «Решение дать сражение, — отмечал Э. Людендорф, — базировалось на учете медлительности русского командования»[308].

23 и 24 августа действия 2-й армии были еще достаточно успешными. 15-й армейский корпус генерала Н. Н. Мартоса в эти дни нанес серьезное поражение 37-й пехотной дивизии и 70-й ландверной бригаде противника, заставив их спешно отступить в беспорядке. Противник потерял более 4 тыс. человек убитыми и ранеными и около 1 тыс. пленными[309]. Успехи давались дорогой ценой, общие потери наступавших составили почти 2,5 тыс. человек[310]. Во 2-й армии уже стали проявляться признаки усталости, сказывались недостатки снабжения, неизбежные при импровизационных решениях. «Необходимо организовать тыл, который до настоящего времени организации еще не получил, — докладывал Я. Г. Жилинскому 10 (23) августа А. В. Самсонов, — страна опустошена, лошади давно без овса, хлеба не имеют, подвоз из Остроленки невозможен»[311]. Командующий армией склонялся к мысли о необходимости приостановить движение и обеспечить свой правый фланг, в том числе и для того, чтобы получить информацию о противнике, без которой он не хотел рисковать и углубляться далее на его территорию. Штаб фронта настаивал на продолжении движения, Я. Г. Жилинский был груб и категоричен: «Видеть противника там, где его нет, — трусость, а трусить я не позволю и генералу Самсонову и требую от него продолжения наступления»[312].

Это был абсолютно несправедливый упрек, граничивший с откровенным хамством. Я. Г. Жилинский действовал в худших традициях высокопоставленного чиновничества, вполне заслуживая прозвище, которое дали ему войска, — Живой Труп[313]. Сделавший карьеру в канцеляриях, где требовалось только умение подчиняться, главнокомандующий фронтом увидел в предложении боевого генерала лишь преступную инициативу. У А. В. Самсонова не осталось выбора. Он мог только выполнять приказ и требовать того же от подчиненных. В четыре часа дня 11 (24) августа Н. Н. Мартос запросил у командующего армией дневку для отдыха и приведения в порядок тылов, на что последовал отказ[314]. Без внимания А. В. Самсонов вынужден был оставить и донесение Н. А. Клюева о том, что поспешность продвижения может привести к весьма тяжелым последствиям. «Если мы будем продолжать наступление так, как до настоящего времени, — писал командир 13-го корпуса, — то к моменту столкновения мы приведем войска в небоеспособный вид»[315].

Между тем на фронте армии стали появляться части новых немецких корпусов. В 6 часов 15 минут 12 (25) августа штаб 2-й армии известил штаб Северо-Западного фронта о том, что обнаружил присутствие 17-го и 20-го армейских, 19-го Саксонского и 1-го резервного корпусов противника, при этом против правого фланга армии, где находились всего шесть полков 1-го армейского корпуса генерала Л. К. Артамонова, сосредотачивались два немецких корпуса[316]. Войдя в Сольдау, русские войска остановились, встретив в пустом городе спешно оставленную ярмарку. Отсутствие движения и задач вместе с многочисленными соблазнами быстро завершились повальным грабежом ларьков и магазинов. Офицерам удалось довольно быстро остановить

мародерство, но инцидент не прошел бесследно: «Когда роты были вновь построены, то они представляли смешную и грустную картину. Солдаты до отказа были нагружены всякими вещами, и почти у каждого в зубах дымилась сигара, которых на ярмарке было найдено великое множество. Приказано было части вывести из города и расположить по окрестным деревням»[317].

Итак, 1-й армейский корпус замер на месте со всеми удобствами, имея слабое представление о том, что творится перед его позициями. Проблема заключалась и в том, что Ставка разрешила А. В. Самсонову использовать этот корпус далее Сольдау только 8 (21) августа, в то время как подобная необходимость возникла уже с началом операции. Я. Г. Жилинский счел необходимым направить командующему 2-й армией разрешение Ставки только 14 (27) августа, и оно до А. В. Самсонова не дошло. Ввиду различных целей и задач, которые ставились перед корпусом, Л. К. Артамонов не счел необходимым сосредоточить все свои силы для обеспечения своих позиций на левом фланге наступающей 2-й армии. Вскоре это решение поставило его войска под угрозу разгрома по частям, но пока русское наступление в Восточной Пруссии продолжалось.

Тем временем возник кризис на Юго-Западном фронте. 22 августа 1914 г. австро-венгерские армии (1-я под командованием В. Данкля и 4-я под командованием М. фон Ауффенберга), насчитывавшие 350 батальонов, 150 эскадронов и 150 батарей[318], перешли в наступление на русскую 4-ю армию. На левом берегу Вислы обходное движение армии М. фон Ауффенберга поддерживали своим наступлением группа Г. Куммера и германский ландверный корпус Р. фон Войрша[319]. Обе стороны стремились реализовать свои довоенные планы, в основе которых лежала идея флангового охвата и изоляции противника от тыловых баз на передовом театре. Русские стремились осуществить подобное движение в Галиции, австрийцы — в русской Польше. Следовательно, особое значение для последних приобретал Красник, первая остановка на пути в Люблин и далее в нервное средостение всей русской системы снабжения — Брест-Литовский. Красник был центром пересечения железных дорог, связывающих Ивангород, Люблин и Холм, вдоль которых разворачивалась 4-я армия[320].

«Мобилизация протекала быстро, — вспоминал командир 18-й пехотной дивизии, располагавшейся на линии Люблин — Ивангород — Седлец, — без особых шероховатостей, и мы с нетерпением ждали прибытия подкреплений из внутренних округов Московского и Казанского. План немедленного наступления в Австрию, о котором думали раньше и средства к которому подготовляли в Люблине, уже несколько лет как был составлен, и решено было ограничиться оборонительными действиями до прибытия и развертывания армии на намеченном фронте»[321]. Подступы к нему на фронте свыше 50 км прикрывали 13-я кавалерийская дивизия и бригада гвардейской кавалерии под общим командованием генерал-лейтенанта князя Г. А. Туманова. Между тем 4-я армия развертывалась не без проблем. Вместе с крепостными войсками перед войной были упразднены и обслуживающие их части, в результате

на обслуживание и оборону некоторых важных пунктов (например, железнодорожный мост через Вислу у Ивангорода) пришлось выделять полевые войска, отвлекая их от подготовки решения непосредственной задачи[322].

Перед началом военных действий из 4-й армии был изъят 20-й армейский корпус и отправлен в состав 1-й армии генерала П. К. Ренненкампфа, чтобы компенсировать отнятые у него корпуса для формирования Особой армии, собиравшейся под Варшавой для вторжения в Германию. С другой стороны, 3-й Кавказский армейский корпус, который должен был компенсировать эту потерю, еще не прибыл. В результате 4-я армия в первые дни боев оказалась серьезно ослаблена, уступая примерно в полтора раза противостоящим ей австрийцам[323]. На направлении Люблин — Красник — Звакликов — Висла кроме кавалерии Г. А. Туманова оказался лишь 14-й армейский корпус. На фронт он выступил в ослабленном составе: его 18-я пехотная дивизия была лишена 72-го пехотного Тульского полка, который вместе с двумя батареями 18-й артиллерийской бригады составил гарнизон крепости Ивангород[324].

К 23 августа в результате многочисленных организационных импровизаций 14-й армейский корпус был уже таковым только по названию, но никак не по силе. «В мирное время этот корпус, — отмечал генерал Д. В. Баланин, — был один из сильнейших, имея в своем составе 1 пехотную дивизию, 2 стрелковые бригады и 2 кавалерийские дивизии, но вследствие разброски по громадной территории по обе стороны Вислы и различных трудных задач, возложенных на его части, корпус сразу же, с момента мобилизации, был расчленен и имел в своих рядах лишь 20 батальонов (3 полка 18-й пехотной дивизии и 2-ю стрелковую бригаду) с соответствующей артиллерией и одним полком корпусной конницы»[325]. В какой-то степени это можно было объяснить тем, что командование 4-й армии пыталось залатать дыры на своем фронте за счет самого сильного соединения. Основания для беспокойства были: армии надлежало начать наступление на Перемышль 10 (23) августа, а уже 3 (16) августа обнаружилось наступление противника по всему ее фронту[326].

4 (17) августа австрийцы, обладая плацдармом на южном берегу реки Сан (государственная граница проходила севернее реки, и австрийцы, таким образом, имели возможность развернуться перед наступлением на Красник, находившийся в 30–35 км от границы), попытались перейти в наступление, но были с потерями отбиты. 23 августа 4-я армия сама попыталась перейти в наступление[327]. Представления о том, насколько велики реальные силы противника, противостоящие армии, ее штаб не имел. А. Е. фон Зальца поставил перед своими подчиненными задачу не допустить отхода австрийцев к Кракову и выйти на линию Перемышль — Завихвост[328]. Части армии силой всего 6,5 пехотной и 2,5 кавалерийской дивизий, следуя старому плану, перешли в наступление на Перемышль. На острие русской атаки находился ослабленный 14-й корпус, левее шла 45-я дивизия 16-го корпуса, эшелоны которого еще прибывали в Люблин из Казанского военного округа.

Увлекшись преследованием легко опрокинутых передовых частей противника, неожиданно для себя русская кавалерия, а затем и пехота столкнулись с превосходящими силами противника. Резко возросшие потери вынудили войска к отходу. Управление армии оказалось не на должной высоте, координация наступавших корпусов практически отсутствовала. 25 августа, пользуясь значительным численным перевесом (228 тыс. человек и 520 орудий против 109 тыс. человек и 352 орудий) и тем, что русские войска не завершили концентрацию, австрийцы нанесли 4-й армии поражение под Красником. В трехдневном сражении 10–12 (23–25) августа три русских корпуса — 14-й, 16-й и Гренадерский — были по очереди разбиты. Потери русских войск составили до 20 тыс. человек и 28 орудий[329].

Части 18-й дивизии, основной ударной силы 14-го корпуса, смогли отойти только благодаря удачным действиям русской артиллерии. Всего две батареи парализовали наступление целой австрийской дивизии. Ливень в ночь на 24 августа превратил грунтовые дороги в месиво, делавшее невозможным активное преследование отступавших кавалерией[330]. Русские части отошли к Краснику в относительном порядке, но удержаться на позициях под этим городом не смогли. На 10 верстах фронта под Красником находилось всего три полка, да и то с разрывами между собой. В городе расположились обозы и часть артиллерии, слухи о неудачах вызвали настроение, близкое к панике. 25 августа войска стали отступать к Люблину по единственному свободному шоссе. Приблизительно на половине дороги, у города Вильколаз, на перегруженном Люблинском шоссе образовалась пробка[331].

Возникла опасная ситуация, с трудом преодоленная командиром 18-й дивизии и сохранившимися еще кадровыми офицерами: «Дорога была совершенно забита: орудия, ящики и повозки следовали в 3 ряда и только энергичными действиями гг. офицеров поддерживался порядок. Чувствовалось повышенное и крайне нервное настроение — такие условия создают опасную обстановку, когда малейший толчок может привести к крупному беспорядку. Промелькнула мысль, что если бы начальник дивизии, умышленно проезжавший шагом со своей свитой и конвоем, ускорил бы аллюр, то это могло повести, может быть, к панике»[332]. 13 (26) августа вслед за обозами и пехотой отошла и конница Г. А. Туманова, за ней двинулась кавалерия австрийцев — под угрозой оказался фланг 14-го армейского корпуса[333]. Командир корпуса генерал-лейтенант Генерального штаба И. П. Войшин-Мурдас-Жилинский был пожилым и очень добрым человеком, хорошо заботившимся о питании солдат, впрочем, этим его качества командира и ограничивались[334]. По свидетельству Б. М. Шапошникова, генерал лучше разбирался в строевой службе, чем в тактике и оперативном искусстве. За отход и поражение он был временно отстранен от командования корпусом[335].

Его подчиненные отошли под Люблин, который им предстояло отстоять во что бы то ни стало, несмотря на то что австрийцы по-прежнему значительно превосходили их в силах, а позиции под городом не были подготовлены к обороне[336]. Вскоре за И. П. Войшин-Мурдас-Жилинским

последовал и командующий армией, в Ставке поняли необходимость этой перемены: «Оказавшийся... нераспорядительным добрый старик барон Зальца (командующий 4-й армией) был заменен после первого боя в половине августа генералом А. Е. Эвертом»[337]. А. Е. Эверт был назначен на пост командующего армией 13 (26) августа[338]. Николай Николаевич (младший) сразу же после неудачи под Красником отправился ночным поездом в Ровно, в штаб Юго-Западного фронта, и лично принял решение о смене командующего. А. Е. Эверт оказался не у дел, сибирские стрелки, которыми он должен был командовать, еще не прибыли, кроме того, были смещены командир 16-го корпуса и начальник 3-й гренадерской дивизии[339]. Дело не ограничилось кадровыми перемещениями.

Одной из важнейших причин случившегося было действие по довоенным планам, устаревшим и не соответствовавшим новой ситуации. Как и в Восточной Пруссии, русские войска наступали вслепую, почти не имея представлений о том, как на самом деле развернулись в Галиции австро-венгерские армии. Первый приказ А. Е. Эверта по армии со словами «отступления не допускаю» вышел 14 (27) августа и произвел хорошее впечатление на войска, которые уже утром этого дня начали тяжелейшие бои за Люблин. Положение было очень тяжелым, а к вечеру 27 августа оно уже казалось критическим[340]. 15 (28) августа А. Е. Эверт отдал распоряжение о переходе правого фланга 14-го армейского корпуса в наступление. Возвращенный к командованию И. П. Войшин-Мурдас-Жилинский в этот момент проявил себя с самой лучшей стороны, и в последовавших тяжелейших боях корпус заслужил репутацию «железного», а его состав в это время вырос до 3,5 дивизии за счет переданной в его распоряжение 45-й пехотной дивизии[341].

16–17 (29–30) августа под Люблином продолжались тяжелые бои. 17 (30) августа удачный удар в тыл 95-й дивизии ландштурма, пытавшейся форсировать реку Ходель, нанесла конница Г. А. Туманова. Австрийцы откатились, потеряв несколько пулеметов, в плен попали до тысячи человек. Впрочем, эти частные успехи не меняли общего положения дел[342]. Австрийцы по-прежнему наступали, а русское командование все еще не имело достоверной информации о противнике. В результате 17 (30) августа 1914 г. М. В. Алексеев был вынужден собственноручно изложить «общие основания» организации агентурной разведки штабами Юго-Западного фронта и его армий. Начальник штаба фронта требовал активизировать сбор разведывательной информации в Галиции, Венгрии и Румынии, а также немедленно установить связь со штабом сербского главнокомандования[343].

Командование 5-й армии также не имело каких-либо представлений о сосредоточении крупных сил противника перед своим фронтом. Кавалерийская разведка оказалась неспособной проникнуть в глубь австрийской территории, разведывательная деятельность армейской авиации также была неудовлетворительной по причине неисправности ее материальной части. 19-й и 25-й авиационные отряды, приданные армейским корпусам с

такими же номерами, прибыли в Холм 9 и 14 августа, но из девяти аэропланов «Ньюпор» годными к полетам оказались лишь два аппарата (в составе авиационного отряда полагалось иметь шесть). В двух-трех переходах к юго-западу от фронта армии наступали пять австрийских армейских корпусов, а 21 августа 1914 г. командование 5-й армии издало директиву № 2 о переходе в наступление, где, в частности, говорилось: «Сведения о силах противника против 5-й армии сильно преувеличены, тем более что с их стороны не проявляется решительных действий»[344].

В результате осуществление ближайшей цели действий 5-й армии — выход в тыл и во фланг 1-й австрийской армии — приводило русские 25-й и 19-й армейские корпуса к случайным для них встречным боям с превосходящими силами австрийцев. 26 августа у Замостья пять австро-венгерских дивизий успешно атаковали 25-й корпус, в тот же день начались встречные бои на фронте 19-го корпуса. Они отличались исключительным напряжением: против одного русского корпуса М. фон Ауффенбергу пришлось направить три — 2, 9, 6-й корпуса. При этом первые два армейских корпуса были сняты с холмского направления, что существенно помогло оборонявшимся там русским войскам[345]. 17 (30) августа 10-й армейский корпус армии В. Данкля обошел фланг русского 25-го корпуса у Избицы и занял Красностав в его тылу[346]. Положение было весьма сложным. Ю. Н. Данилов оценил результаты боев под Томашевом как катастрофу[347].

Положение дел на этом фронте имело не только военное, но и весьма явное политическое значение. «Если медленность наступления Юго-Западного фронта уже нервировала общество, — писал 12 (25) августа В. А. Сухомлинову Н. Н. Янушкевич, — то что же будет при катастрофе с целой армией и притом с австр[ийцами], которых не бил только ленивый. Первая крупная неудача здесь была бы равносильна краху... Нам нужна победа над Австрией. Их бьют сербы, и вдруг мы будем биты ими. Это недопустимо»[348]. Ставка торопила командование Юго-Западного фронта, подгоняя контрнаступление. Тем временем русская 4-я армия отступала. 27 августа 1914 г. Ф. Конрад фон Гётцендорф в письме к императору Францу-Иосифу назвал сражение в Галиции и Польше решающим для судеб монархии. Австрийский главнокомандующий был в отчаянии: в двух шагах от успеха начало сказываться отсутствие резервов, которые должны были бы дать союзники Австро-Венгрии — итальянцы, румыны и, конечно же, немцы[349].

27 августа М. фон Ауффенберг взял Замостье, 1 сентября В. Данкль проник на 100 км в глубь русской территории и находился уже на расстоянии всего одного перехода от третьего по величине города русской Польши — Люблина. В тот же день австрийцы вошли в Комаров. Возникла реальная угроза окружения русской 5-й армии генерала П. А. Плеве, оборонявшей город. Ее фланговые 25-й и 17-й корпуса были отброшены, а центральные — 19-й и 5-й охвачены полукольцом, выход из которого не превышал 30 км. Оно могло замкнуться в плотное окружение, но эрцгерцоги Иосиф и Петр, командовавшие группами на правом и левом флангах, получили сообщения о

контробходе русских войск. Они не рискнули продолжать движение вперед и приказали своим частям отойти. Этого было достаточно.

31 августа 19-й корпус отступил из полуокружения после шести дней напряженных боев. Дело, конечно, было не в одной нерешительности австрийских принцев — их войска понесли значительные потери, от 40 до 65% состава. 19-й корпус отходил с трофеями: два знамени, 11 орудий, 30 пулеметов и уводил с собой до 5 тыс. пленных. Велики были и потери русских войск: только в одной из дивизий корпуса выбыли до 100 офицеров и 8 тыс. солдат, то есть 35% командного и 50% рядового состава. Общие потери 5-й армии за этот период составили до 30 тыс. человек, то есть 25% состава. В ночь на 1 сентября армия генерала П. А. Плеве отступила по приказу штаба фронта, а в ряде мест это сопровождалось паникой, возникшей в обозах[350]. М. фон Ауффенберг настаивал на продолжении наступления, его начальник штаба ожидал в случае принятия этого решения «полного развала находящихся против нас русских сил»[351]. Наступление австрийцев было неожиданным сюрпризом. В Киеве, подступы к которому стали укреплять после взятия противником Каменец-Подольского, также началась кратковременная паника, многие бежали в Москву и Петроград[352]. На Юго-Западном фронте назревал кризис, но гораздо более важные события происходили в это время во Франции и Восточной Пруссии.

Успехи германских армий, действовавших в северо-западной Франции, казались очевидными. 22 августа 1914 г. они вошли в соприкосновение с силами Британского экспедиционного корпуса. Четыре пехотные и одна кавалерийская дивизии были перевезены через Ла-Манш под прикрытием флота и почти сразу же вступили в бой с немцами[353]. Под Монсом они потерпели поражение и вынуждены были отступить. Уже после полудня 24 августа германское Верховное командование получило известие о решительном успехе 1-й армии генерал-полковника Александра фон Клюка в боях с англичанами. Их отступление было квалифицировано как бегство. 25 августа начальник оперативного отдела ставки кайзера пришел к следующему выводу: «Через шесть недель вся история будет окончена»[354]. 28 августа немецкой армии во Франции было указано направление окончательного наступления — на Париж. Действовавшая на острие атаки 1-я армия находилась на пределе напряжения своих сил: за 30 дней она прошла с боями свыше 600 км без единой дневки[355].

Но этим солдатам не суждено было получить поддержку. 25 августа 2-я русская армия продолжила наступление в Восточной Пруссии. А. В. Самсонов имел ряд частных успехов. Перегруппировка корпусов 8-й германской армии для контрудара продолжалась, в отличие от А. В. Самсонова и П. К. Ренненкампфа ее командование могло опираться на хорошо развитую сеть железных дорог и шоссе. Немцы максимально использовали эти возможности, их железнодорожники работали в невиданном темпе. 23–24 августа движение шло практически непрерывно, эшелоны с частями 1-го корпуса прибывали один за другим, разгружаясь за 25 минут вместо

положенных по нормам мирного времени 1–2 часов. 25 августа Г. фон Франсуа завершил переход и оказался перед фронтом 2-й армии. Тем не менее, поскольку его артиллерия еще не прибыла полностью (к утру 26 августа из 32 батарей в наличии было только 20), он категорически отказался переходить в контрнаступление[356].

В ответ на требования прибывших в его штаб П. фон Гинденбурга и Э. Людендорфа Г. фон Франсуа напомнил им судьбу атаки А. фон Макензена на подготовленные позиции русских под Гумбиненом. Командование 8-й армии вынуждено было согласиться с этим доводом. Артиллерия прибыла на следующий день, и свою атаку Г. фон Франсуа назначил на 27 августа[357]. В любом случае, к 25 августа время, когда германская оборона еще зависела от действий наших войск, подошло к концу[358]. При этом конечный результат сражения в Восточной Пруссии поначалу был далеко не очевиден, во всяком случае для германского Верховного командования[359]. Оказавшись под влиянием как успехов П. К. Ренненкампфа, так и собственных достижений, 25 августа оно также начало спешно импровизировать и отправлять из Франции на восток подкрепления[360].

Г. фон Мольтке был настолько уверен в победе, что поначалу рассчитывал обойтись без шести корпусов, хотя в итоге это количество было сокращено. Однако все же подкрепления на восток отправились с решающего, ударного, то есть правого фланга рейхсвера[361]. 2-я германская армия лишилась Гвардейского резервного корпуса, 3-я армия — 11-го корпуса и кавалерийской дивизии. «По мнению командира Первой армии, — отмечал А. фон Клюк, — необходимые силы нужно было бы взять с противоположного фланга армий, который двигался на крепости в Лотарингии, это движение легко могло быть прекращено... Для того чтобы обеспечить посылку значительных сил на помощь Восточной и Западной Пруссии, решающее сражение должно было быть проведено во Франции»[362]. Уход корпусов к П. фон Гинденбургу сделал это невозможным. Ирония заключалась в том, что катастрофа армии А. В. Самсонова произошла еще до прибытия помощи в 8-ю германскую армию.

Русское командование не смогло обеспечить нормального взаимодействия двух своих армий. Штаб Северо-Западного фронта сначала тормозил наступление П. К. Ренненкампфа[363], который 20–22 августа стоял без движения, а 23–27 августа продвигался на ощупь, пройдя всего 60–70 км и так и не вступив в соприкосновение с немецким заслоном, оставленным против него[364]. Утром 13 (26) августа П. К. Ренненкампф доложил Я. Г. Жилинскому, что не смог определить направление движения отступивших немецких частей[365]. Вслед за этим его разведка получила другую информацию, которую он немедленно переправил командующему: «Разбитые 1-й и 17-й корпуса по всем данным отошли на Кёнигсберг, необходимо точно обеспечить свой фланг и тыл при дальнейшем наступлении»[366].

Итак, по данным штаба 1-й армии, перед ее фронтом была пустота, а корпуса Г. фон Франсуа и А. фон Макензена, которые на самом деле заканчивали

подготовку к наступлению на А. В. Самсонова, уходили к столице Восточной Пруссии. Эта новость убедила штаб фронта в правильности принятого решения, хотя еще утром 12 (25) января была получена информация, что эти корпуса вместе с другими немецкими соединениями обнаружены на фронте и правом фланге 2-й армии[367]. Дело в том, что 13 (26) августа Ю. Н. Данилов известил генерал-лейтенанта В. А. Орановского о том, что Верховный главнокомандующий считает первостепенной задачей 1-й и 2-й армий ликвидацию вражеского выступа в Восточной Пруссии и поэтому их остановка в Ставке признается нежелательной[368]. В тот же день, 13 (26) августа, Я. Г. Жилинский приказал обеим армиям продолжить наступление, «имея целью прижать противника к морю и не допустить его до р. Вислы». Перед 1-й армией была поставлена задача обложить крепость Кёнигсберг двумя корпусами, а остальные силы направить на фронт Эльбинг — Заальфельд. В период обложения Кёнигсберга 1-й армии разрешалась остановка[369].

Кёнигсберг был крупнейшим городом Восточной Пруссии, его население в 1914 г. составляли 250 тыс. человек, он являлся важнейшим транспортным узлом, где пересекались шесть железных дорог, 12 шоссе и три водных пути. Вокруг города на пространстве длиной более 40 км в 1874 г. было построено 12 кирпичных фортов, которые в конце XIX в. получили еще и бетонное покрытие. Эти укрепления к 1914 г. морально устарели, к тому же они имели на вооружении лишь орудия среднего калибра, а общая численность артиллерии равнялась 68 батареям (498 орудий). Гарнизон крепости формировался за счет резервных, запасных и ландверных частей — всего около 60 тыс. человек, и его боевые качества в случае использования за пределами крепости оценивались русским командованием крайне низко. Учитывая тот факт, что крепость была слабо снабжена запасами продовольствия, ее блокада (при условии отсутствия германской армии в провинции) могла иметь шансы на успех[370]. Определенные надежды подавал и тот факт, что Кёнигсберг в основном должны были защищать берлинцы, поскольку считалось, что «укомплектования из состава преимущественно распрогандированного рабочего населения большого фабричного города оставляют желать многого»[371].

С 14 (27) августа П. К. Ренненкампф планировал приступить к выполнению приказа и начать обложение Кёнигсберга[372]. Действия 1-й армии на дальних подступах к крепости были отнюдь не активными. Не имея почти никакой информации о противнике, войска не стремились войти с ним в реальный контакт[373]. Передовые части были уверены, что немцы отступают к этой крепости, а разрушенные мосты и дороги мешали войти в соприкосновение с неприятелем[374]. Задачу, поставленную Ставкой перед армией в начале наступления, ее командующий считал выполненной, поэтому приводил в порядок свои тылы и готовился к выполнению нового приказа. Я. Г. Жилинский предполагал, что основные силы 8-й армии отходят к этой крепости[375]. Таким образом, движение 1-й и 2-й русских армий происходило уже не по сходящимся, а по расходящимся направлениям, и возможность

их соединения после 26 августа стала практически нереальной[376]. П. фон Гинденбург, Э. Людендорф и М. Гофман имели возможность не только наблюдать медлительность действий 1-й армии. С 24 августа они регулярно получали информацию о русских планах из первоисточника[377].

После завершения битвы М. Гофман отметил, что штаб 8-й армии имел особого ценного союзника — подразумевалась радиоболтовня русских штабов[378]. Их переговоры в эфире велись открытым текстом, что давало германскому командованию уникальный шанс следить за оперативными планами своих противников. Утром 25 августа были перехвачены радиограммы штабов 1-й и 2-й армий. Зная наверняка о путях движения русских войск и убедившись, что собственным тылам ничего не угрожает, так как П. К. Ренненкампф по-прежнему далек от них, командование 8-й армии могло действовать наверняка и спокойно сосредоточить свои основные силы против 2-й русской армии[379]. Ее положение уже к 25 августа было чрезвычайно тяжелым. Обеспечить, как требовало того «Положение о полевом управлении войск», отдельную этапную линию для снабжения каждого корпуса при начале движения в Восточную Пруссию не удалось.

В результате снабжение всей армии было организовано по одному этапу, бесперебойная поставка продовольствия фактически отсутствовала, войска вынуждены были расходовать неприкосновенные запасы уже в начале операции[380]. Немногочисленные грунтовые дороги были песчаными, движение по ним — весьма сложным, войска выбивались из сил. Транспорты отстали, снабжение сталкивалось с чрезвычайными трудностями, а формирование тылов к моменту выступления не было закончено. С другой стороны, население в районе, через который проходили войска, не имело продовольственных и фуражных запасов, чтобы их можно было изъять для обеспечения армии, так как урожай еще не собрали[381].

Возможности двух одноколейных железных дорог Белосток — Лицк и Варшава — Нейденбург также были ограничены, и их явно не хватало для потребностей армии[382]. Несмотря на это, Я. Г. Жилинский продолжал торопить командование армии и гнать ее вперед — к Алленштейну[383]. Тем временем немцы, к 26 августа приведя в порядок свой потрепанный под Гумбиненом 17-й армейский корпус, нанесли под Бишофсбургом контрудар по 6-му армейскому корпусу, действовавшему на правом фланге 2-й армии. 8-я армия имела превосходство в 20 батальонов и 300 орудий, но, владея инициативой и опираясь на развитую сеть дорог, создавала более значительный перевес в силах на основных участках своего наступления[384]. На стороне немцев было прежде всего качество управления.

Командир 6-го корпуса генерал А. А. Благовещенский большую часть своей служебной карьеры провел в штабах, где в совершенстве овладел искусством оформления документов и удушения инициативы у подчиненных. Больше он ничем не интересовался и кроме канцелярской работы ни на что годился. Свой штаб генерал старался подобрать по собственному вкусу, за что теперь приходилось расплачиваться войскам[385]. Перед войной корпус

дислоцировался в Варшавском военном округе и поэтому содержался в усиленном составе и был хорошо подготовлен к действиям. «Состав строевых офицеров в полках, — вспоминал один из офицеров, — безусловно, отличный, преданный своему делу и воспитанный в духе всегдашней готовности к войне. Что касается массы солдат, то это был прекрасный боевой материал, достаточно обученный и воспитанный в воинском духе»[386]. Оставалось только одно — эффективно использовать эту силу, но именно этого нельзя было ожидать от командира корпуса.

Удар противника под Бишофсбургом оказался абсолютно неожиданным для командования 2-й армии, поскольку возможность возникновения опасности с северо-востока ее штабом исключалась[387]. Не ожидал его и А. А. Благовещенский, поскольку конная разведка корпуса не имела информации о противнике, а две его пехотные дивизии (4-я и 16-я) следовали на значительном расстоянии друг от друга, что давало немцам возможность разбить их поодиночке[388]. А. фон Макензен учел свои ошибки под Гумбиненом: на этот раз он тщательно подготовил атаку и начал ее с массированного обстрела русских позиций тяжелой артиллерией[389]. Немецкое превосходство в этом виде оружия сразу же дало о себе знать: в русские тылы потянулись обозы с ранеными, на ряде участков возникла паника[390].

Обстрел поначалу давал сокрушительный эффект. «Люди, непривыкшие к шуму и разрушительному действию тяжелых снарядов, — вспоминал очевидец, — вначале ошалели и начали бросаться то вправо, то влево, не отдавая себе отчета в том, что они делают»[391]. Тем не менее начавшиеся бои носили исключительно кровопролитный характер: наши потери составили около 5 тыс. убитыми, ранеными и пленными, немецкие — около 4 тыс. убитыми и ранеными. Немцы захватили 16 орудий, 18 пулеметов и 37 зарядных ящиков, на поле боя было собрано 4048 винтовок. Главная задача противника была достигнута: уже к вечеру 26 августа русский 6-й армейский корпус начал в беспорядке откатываться назад, оголяя правый фланг 2-й армии[392].

Своевременной связи и взаимодействия его частей командир корпуса наладить так и не смог. 16-я дивизия практически весь бой у Бишофсбурга простояла в стороне от решающих событий, ожидая приказа, который последовал после окончания сражения. «От офицеров, состоящих при штабе корпуса и штабе 4-й дивизии, — вспоминал офицер 16-й пехотной дивизии, — получены донесения, что 4-я дивизия совершенно разбита. Она отходит на Ортельсбург; 16-й дивизии приказано прикрыть отступление, двигаясь туда же. Впоследствии уже выяснилось, что 4-я дивизия была разбита по куропаткинской системе: сперва введен в бой один полк — разбит, потом другой, третий с тем же результатом; четвертый остался до конца боя в качестве резерва при командире корпуса и принял лишь небольшое участие в деле. 16-я дивизия не получила никаких боевых приказов, кроме последнего — о прикрытии отступления»[393].

Разрыв между флангами А. В. Самсонова и П. К. Ренненкампфа в этот день составил всего 70 км, но в штабе 1-й армии не имели информации о

положении соседа. Командующий 2-й армией также не имел информации ни о П. К. Ренненкампфе, ни о немцах, более того, 26 августа он начал терять контроль над движением своих корпусов, не зная и об отходе 6-го армейского корпуса. Ставка тем временем продолжала торопить его движение на север, удачное завершение которого в Барановичах считали условием для начала большого наступления на Позен[394]. В результате и 27 августа корпуса центра 2-й армии получили приказ двигаться вперед, фактически упрощая германскому командованию решение задачи по их окружению. Выполняя этот приказ, они втянулись в тяжелые бои с немцами, которые шли с переменным успехом, но в этот же день 1-й армейский корпус генерала Г. фон Франсуа атаковал и опрокинул 1-й армейский корпус генерала Л. К. Артамонова, стоявший на левом фланге А. В. Самсонова[395]. Вновь огромный вклад в успех немцев внесла их тяжелая артиллерия[396].

Негативную роль сыграл и командир русского 1-го армейского корпуса. Еще перед войной он получил у сослуживцев репутацию человека, на слово которого нельзя полагаться, что он блестяще подтвердил своими делами[397]. Карьерист и ханжа, в мирное время он предпочитал следить не за боевой подготовкой вверенных ему войск, а лишь за тем, что вызовет поощрение начальства: например, проверял, достаточное ли количество икон имеется в казармах и хорошо ли знают солдаты молитвы[398]. В ходе инспекционных проверок генерала перед иконами зажигали максимально возможное количество свечей, а арестованным на гауптвахте выдавали Евангелие[399]. В 1897 г. Л. К. Артамонов побывал в Абиссинии, где, по его словам, совершил одно из самых известных своих деяний, вошедших в историю: «Лично переплыл Белый Нил, невзирая на крокодилов, и водрузил на левом берегу около «Фашода» французский флаг. Экспедиция Маршана флаг не нашла»[400]. Бесконечные рассказы о подобного рода подвигах (бывших или выдуманных) стали причиной прозвища, заработанного командиром корпуса у подчиненных, — Артамонов-Нильский[401].

Весьма оригинальная репутация не помогла генералу в Восточной Пруссии. Его распоряжения были энергичны и кратки, но неточны и дезориентировали подчиненных[402]. В приказе об объявлении войны был весьма характерный для «героя Абиссинии» пассаж: «Настал для всех нас час воли Божией! На Тя, Господи, уповаем, да не постыдимся и вовек! Твердо верю, что каждый из чинов I армейского корпуса, от старшего генерала до последнего обозного рядового, честно и доблестно исполнят свой долг. Но кроме желания надо еще и ум, и воинская служба, так как всякое дело мастера боится»[403]. Главным условием победы Л. К. Артамонов считал веру в Бога и призывал подчиненных всемерно ее поддерживать[404].

Генералу не удалось проявить себя в качестве мастера. Он не справился ни с управлением боем, шедшим поначалу с переменным успехом, ни с организацией отступления[405]. Командир корпуса вел себя так, как это делали многие генералы пореформенной армии: он вмешивался в управление частями, запутывая своими распоряжениями действия нижестоящих началь-

ников, носился по частям на автомобиле, желая подбодрить подчиненных личным примером, в результате руководство корпусом было практически парализовано[406]. Не имея достоверной информации о положении дел, Л. К. Артамонов фактически дезориентировал штаб армии своими донесениями. Еще в два часа дня он сообщил А. В. Самсонову, что корпус стоит «как скала» и что командующий может полностью на него положиться[407]. Вслед за этим связь прервалась, в штабе корпуса царил такой хаос, что до начала отступления были свернуты и телефон, и телеграф, и даже радиостанция — так что оперативно информировать штаб армии о том, что «скала» пришла в движение, не было никакой возможности[408].

На завершающем этапе боя под Сольдау Л. К. Артамонов уже ничем не командовал, потеряв автомобиль, он брел по дороге вместе со своим адъютантом, повторяя: «Все погибло»[409]. Вид его не мог вдохновить подчиненных: «Он шел, как лунатик, не замечая окружающего, один полуоторванный погон спускался ему на грудь, весь он был покрыт пылью. Трудно в нем было узнать прежнего самоуверенного и грозного командира корпуса»[410].

Утром 14 (27) августа А. В. Самсонов побывал в расположении 15-го армейского корпуса и, осмотрев поле боя в районе Мюлена, остался доволен ходом боя. О том, что произошло на флангах его армии — с 6-м и 1-м корпусами, он узнал по возвращении в свой штаб[411]. Только в шесть часов вечера А. В. Самсонов получил новое известие, которое доставил прибывший с конным отрядом генерал-майор Н. А. фон Штемпель. Оказалось, что 1-й корпус уже несколько часов отступает на Млаву. Командующий поначалу отказался поверить этой новости, а убедившись в том, что она соответствует действительности, распорядился сменить Л. К. Артамонова на генерала А. А. Душкевича[412], который был старшим по званию в 1-м армейском корпусе. Ему было приказано немедленно остановить отход и перейти в наступление[413]. Выполнить этот приказ оказалось уже невозможно, трудно было даже обеспечить своевременную смену командиров.

Моральное состояния корпуса, понесшего большие потери и разбитого при первом серьезном столкновении с противником, оставляло желать лучшего. Отходящие части перемешались и к вечеру уже шли в полном беспорядке, а в Млаве потерявшимся солдатам и офицерам пришлось потратить немало усилий, чтобы найти своих[414]. Только отказ Г. фон Франсуа от преследования спас 1-й русский корпус от катастрофы[415]. Л. К. Артамонов утратил контроль над ситуацией и слал в штаб армии телеграммы, которые явно свидетельствовали о том, что на него ни в коем случае нельзя полагаться. Так, в 19 часов 25 минут он сообщил, что удерживает Сольдау[416]. Таким образом, вслед за правым флангом 2-й армии оголился и ее левый фланг, а к вечеру 27 августа положение стало критическим[417].

Центральные корпуса армии — 13-й и 15-й оказались в мешке. А. В. Самсонов предполагал выйти из него при помощи контрудара, подчинив командира 13-го корпуса командиру 15-го. 14 (27) августа Н. Н. Мартос получил приказ на следующее утро организовать фронтальную атаку противника —

13-й корпус должен был нанести удар во фланг. Организовать совместные действия корпусов в данных условиях было практически невозможно, поскольку корпус Н. А. Клюева находился в 30 верстах от места планируемой атаки и просто не мог успеть к ее началу на утро следующего дня[418].

Положение центральных корпусов ухудшалось и весьма скверным сотрудничеством между их командирами. Н. А. Клюев и ранее предпочитал сосредотачиваться на решении собственных задач, 11 (24) августа он не оказал помощь Н. Н. Мартосу, хотя и находился всего в 25 верстах от него[419]. Через два дня история повторилась, причем в этот раз он ссылался на необходимость выполнить приказ главнокомандующего фронтом и занять Алленштейн[420]. У генерала было только одно объяснение — за все время наступления Алленштейн являлся единственной точно намеченной директивами главнокомандующего фронтом для действий его корпуса целью. Приказание занять его оставалось в силе и 14 (27) августа. На помощь 15-му корпусу в этот день была направлена одна бригада, которая сбилась с дороги в лесу и вечером вернулась в исходный пункт[421].

Вечером этого дня А. В. Самсонов еще не имел полной и, во всяком случае, достоверной информации о положении на своих флангах. Его единственным шансом была бы попытка привести отошедшие 1-й и 6-й армейские корпуса в порядок с целью обеспечения отхода центра. Вместо этого он решил осуществить решительную контратаку во фланг обходящих его армию немцев с опорой на свой центр[422]. Решение принималось ночью и утром 15 (28) августа. В 00 часов 45 минут 15 (28) августа Л. К. Артамонов доложил А. В. Самсонову, что не может сдать корпус, так как А. А. Душкевич в этот момент занят поисками остатков своей дивизии, добавив при этом: «От вверенного мне корпуса за истекшие бои остались лишь небольшие части»[423]. Высокий уровень потерь неизбежно сказался на моральном состоянии войск. «Встречаемые группки русских солдат сдавались, — отмечалось в дневнике действий за 28 августа германского 3-го резервного конного полка. — Людей для конвоя не было, отчего, отняв у сдающихся винтовки и показав направление в тыл, посылали их самостоятельно»[424].

Немецкие контрудары явно указывали на то, что противник не торопится уйти за Вислу, а провел перегруппировку для контрнаступления по 2-й армии. Это стало ясно даже Ставке, но ее приказы тем не менее оставались неизменными[425]. В 1 час 30 минут 15 (28) августа А. В. Самсонов получил телеграмму Я. Г. Жилинского, которая не просто подталкивала его вперед, но главнокомандующий фронтом приказал ему сделать это: «Доблестные части вверенной Вам армии с честью выполнили трудную задачу, выпавшую на их долю в боях 12, 13 и 14 августа. Приказал генералу Ренненкампфу, который дошел до Гердауен, войти с Вами в связь конницей; надеюсь, что в пятницу совокупными усилиями I, XIII и XV корпусов Вы отбросите противника»[426]. Связь штаба армии с корпусами была налажена чрезвычайно скверно. Телефонные и телеграфные линии постоянно портились противником, радиостанции часто работали на одних волнах, что весьма затрудняло прием,

ординарцы не могли обеспечить своевременную доставку информации[427]. В результате сведения приходили со значительным опозданием, которое обесценивало их.

В этой обстановке командующий армией стремился оказаться как можно ближе к линии фронта. Он часто вспоминал свой опыт успешного отражения атак японцев под Ляояном. «В Самсонове, — вспоминал П. Н. Богданович, — командующий армией стал постепенно переключаться на начальника казачьей дивизии — ведь это был его последний строевой и боевой опыт»[428]. Еще 12 (25) августа генерал хотел отбыть вперед, чтобы руководить сражением из штаба одного из передовых корпусов, но получил категорический запрет Ставки, требовавшей постоянной связи со штабом армии[429]. Теперь, как казалось командующему 2-й армией, выбора не было. Судьбу операции, при условии удара в тыл силам 8-й германской армии конницей П. К. Ренненкампфа, должен был решить уровень организации боя его передовых корпусов.

В 7 часов 5 минут А. В. Самсонов сообщил Я. Г. Жилинскому об отступлении корпуса генерала Л. К. Артамонова и о том, что он выезжает в штаб 15-го корпуса «для руководства наступающими корпусами»[430]. Еще через 25 минут аналогичная телеграмма была отправлена генералу Л. К. Артамонову: «Переезжаю для общего руководства наступающими корпусами. Держитесь, насколько возможно. При необходимости отхода базируйтесь на Прасныш, Пултуск. Ввиду перерыва связи обращайтесь в штаб главнокомандующего»[431]. Вслед за этим штаб 2-й армии был эвакуирован в тыл, а ее командующий с офицерами оперативной части и конвоем отправился в штаб 15-го корпуса. Он был уверен в том, что положение еще возможно изменить. Отправляясь в эту поездку, А. В. Самсонов сказал: «Сегодня повезло неприятелю, завтра повезет нам»[432].

В результате этого решения именно в тяжелейший для 2-й армии момент ее управление фактически самоликвидировалось. Необходимости в принятии такого решения не было, так как к этому времени 13-й, 15-й корпуса и 2-я пехотная дивизия формально уже были объединены под командованием генерала Н. Н. Мартоса[433]. К тому же по дороге А. В. Самсонов встретил драгунский разъезд 6-го армейского корпуса, от которого получил подробные известия о неудаче на правом фланге. Тем не менее на решение генерала и эти новости не оказали влияния. Автомобили штабной колонны были отправлены в тыл, и далее командующий с сопровождавшими его лицами двинулся верхом. Между тем генерал уже просто физически не был в состоянии столь активно руководить войсками на фронте. Страдавший от приступов астмы, он чувствовал себя все хуже и хуже и даже не мог самостоятельно сесть в седло — его сажали и снимали чины конвоя[434].

Возможно, имея негативный опыт сотрудничества Н. Н. Мартоса и Н. А. Клюева, А. В. Самсонов считал, что его личное присутствие сделает центральную группировку более единой и управляемой. Во всяком случае, это позволяло в случае необходимости провести быструю замену коман-

диров. А. В. Самсонов пытался лично руководить действиями отдельных соединений, неизбежно опускаясь на уровень бригады и дивизии[435]. С другой стороны, потеря штаба армии исключала возможность координации действий корпусов 2-й армии, особенно тех, которые находились на ее флангах[436]. В результате с русской стороны бои вели отдельные соединения и части, что резко понижало эффективность их зачастую героических усилий.

Тем временем, с 27 по 29 августа, в самые решающие дни сражения под Танненбергом, штаб 1-й армии не имел практически никакой информации о 2-й армии[437]. 27 августа П. К. Ренненкампф, выполняя распоряжение Ставки, проводил перегруппировку для обложения Кёнигсберга. 2-й и 4-й армейские корпуса, располагавшиеся на левом фланге его армии, находились в 90 км от района битвы и могли прибыть туда через 2–3 дня. Однако ничего сделано не было. Командование Северо-Западного фронта по-прежнему не владело информацией о реальном положении дел[438]. Я. Г. Жилинский торопил командование 1-й армии. Он думал уже о том, что будет делать по окончании операции. «Приказываю немедленно приступить к обложению крепости Кёнигсберг, — телеграфировал он П. К. Ренненкампфу 15 (28) августа, — причем это обложение не должно иметь характера ни осады, ни обложения, т. е. желательно занять лишь такое положение, при котором возможно было бы воспрепятствовать выходу противника из города. Обложение имеет своей главной целью недопущение противнику активными действиями из Кёнигсберга прервать наше сообщение от Вержболово к нижней Висле»[439].

Приказ об оказании помощи 2-й армии был отдан начальником штаба 1-й армии вслед за получением этого распоряжения: 2-й и 4-й армейские корпуса, конница хана Нахичеванского должны были начать движение на фронт Прейсиш-Эйлау — Бартенштейн — Бишофштейн, конница В. И. Гурко — на фронт Зеебург — Бишофштейн[440]. П. К. Ренненкампф сначала получил распоряжение об организации конного рейда по тылам германских сил, задействованных против А. В. Самсонова. Решение об отправке пехоты он принял сам, решив «ослушаться повеления Верховного главнокомандующего», о чем и сообщил в 11 часов 30 минут 26 (29) августа Я. Г. Жилинскому. Корпуса должны были выступить в тот же день[441]. Прояви командующий 1-й армией такую же инициативу на сутки раньше, положение А. В. Самсонова изменилось бы кардинальным образом, но в решающий момент 2-я армия была предоставлена собственной судьбе.

Немцы завершали окружение 13-го и 15-го корпусов, прикрываясь от стоящего в бездействии 6-го корпуса всего одним полком, а против 1-го корпуса — ландверной бригадой[442]. Обходные колонны немцев 28 августа остановились из-за спора между командирами 17-го армейского и 1-го резервного корпусов, но даже и этот подарок судьбы не мог быть использован из-за бездействия командира 6-го корпуса, который после боя 26 августа окончательно утратил желание рисковать и уж тем более проявлять какую-либо инициативу. На 29 августа А. А. Благовещенский назначил корпусу

дневку, предоставив, таким образом, немцам возможность не опасаться за тылы бравших в окружение центр 2-й армии частей. В таком же бездействии находился и 1-й русский корпус. Все это происходило 28 августа, когда 15-й и часть 13-го русские корпуса вели тяжелейшие бои с противником, в которых ряд германских частей был разбит и принужден к отходу. Люди в русских полках не получали еды в течение 5–6 дней, лошади не имели почти никакого фуража. Отступление стало очевидной необходимостью[443].

Приблизительно в пять часов дня 28 августа Н. Н. Мартос доложил командующему армией, что его корпус исчерпал свои силы[444]. 15-й армейский не мог больше продолжать наступление, высокий уровень потерь и обнаженные фланги делали его положение чрезвычайно опасным. Не мог он и совершить маневр на соединение с 13-м корпусом, как ему предлагал генерал П. И. Постовский. Войска генерала Н. Н. Мартоса находились в бою и не могли быть быстро выведены из него[445]. В результате было принято решение о немедленном отводе войск на линию границы. По плану отход должен был осуществляться поэтапно, и начинали его 13-й и 15-й корпуса, прикрываясь 2-й пехотной дивизией[446]. Ни А. В. Самсонов, ни Н. Н. Мартос, ни П. И. Постовский еще не знали о том, что находятся в полуокружении[447]. В то же время имевший в своем распоряжении неиспользованный резерв в четыре полка Н. А. Клюев даже не попытался использовать их. Командир корпуса тратил время на совещания с подчиненными, а эти части фактически получили дневку. Отличающийся личной храбростью генерал Н. А. Клюев был явно не способен на самостоятельные решения[448].

Положение складывалось весьма сложное, но пути отступления еще не были перекрыты. Немцы уже выигрывали сражение, однако их войска пока не полностью прониклись уверенностью в своем превосходстве над нашими. Вечером между 17 часами 30 минутами и 18 часами 30 минутами 28 августа П. фон Гинденбург выехал к передовой. Восточнее Танненберга путь был забит бегущими паникерами, судя по описаниям, их было немало. Сначала проскакала тяжелая батарея, затем повозки с боеприпасами, обозные фуры, за ними бежала пехота. Все катилось в тыл с криками «Русские идут!». Добиться от бегущих какой-либо внятной информации или остановить их было невозможно. Автомобилям командующего армией и его штаба пришлось свернуть на обочину, чтобы их не смял поток беглецов. Как позже выяснилось, они испугались колонны пленных, выходивших из леса. В ночь на 29 августа Э. Людендорф доложил Верховному командованию о том, что, хотя сражение выиграно, реализовать план окружения двух русских корпусов, судя по всему, не удастся[449].

Бездействие 1-го и 6-го корпусов предоставило такой шанс противнику. 6-й корпус использовал дневку, данную А. А. Благовещенским, а 1-й корпус только вечером 15 (28) августа обрел новое командование[450]. Л. К. Артамонова наконец сменил А. А. Душкевич, который сразу же получил из штаба фронта распоряжение усилить оборону. В 3 часа 5 минут 16 (29) августа Ю. Н. Данилов сообщил В. А. Орановскому, что через день-полтора

к 1-му корпусу должны подойти подкрепления из крепости Осовец, что обеспечит его оборонительные позиции, которым пока никто не угрожал. Ставка перебрасывала Гвардейский корпус на Юго-Западный фронт и весьма опасалась пустоты под Варшавой[451]. И вновь умение немцев действовать по обстановке оказалось эффективнее русской безынициативности и оглядки на начальство, пусть иногда и вынужденной.

28 августа, вопреки приказу штаба 8-й армии, генерал Г. фон Франсуа отказался бросить все свои силы на прикрытие флангов от возможных действий русского 1-го корпуса. Он предпочел сосредоточиться на путях отхода центральной группы 2-й армии[452]. Отвод 13-го и 15-го корпусов был начат в ночь с 28 на 29 августа. Н. А. Клюев предпринял его без точного выяснения дорог и определения маршрутов для отдельных частей, и это была непростительная ошибка[453]. Исправить ее было невозможно, поскольку вечером 28 августа связь войск с командованием оказалась утрачена. Командир 15-го корпуса со штабом исчез (как выяснилось позже, они попали в плен, внезапно нарвавшись на немцев), и никто не знал, где находится командир 13-го корпуса — на настроение войск все это действовало самым скверным образом[454].

План отступления был сорван уже вечером 15 (28) августа, так как 2-я пехотная дивизия отошла ранее основной группы войск. Возможность отхода, при котором части последовательно занимали бы позиции, прикрывая друг друга и предоставляя возможность пользоваться немногочисленными маршрутами, была сорвана. В тяжелых условиях, по местности, пересеченной болотами, озерами и лесами, корпуса втягивались в одни и те же дороги, состояние которых полностью исключало возможность быстрого прохождения колонн пехоты, обозов, артиллерии. Начали возникать пробки, в тесноте и темноте части перемешались, иногда они вступали в огневой бой друг с другом, принимая соседей за немцев. Образовался беспорядок, управление даже мелкими частями крайне затруднилось, отступлением фактически уже никто не руководил. К вечеру 16 (29) августа остатки 13-го и 15-го корпусов втянулись в Кальтенборнский лес, где постепенно полностью утратили подобие организованной силы, превращаясь в многотысячную толпу, распадавшуюся на отдельные отряды и группы[455].

В этот момент в лесу был обнаружен Н. А. Клюев со штабом[456]. В относительном порядке отступал шедший впереди 2-й пехотный Софийский полк, менее других пострадавший от смешения с другими. Это естественное исключение не могло поправить положения. Н. А. Клюев распорядился направить чинов штаба к перекрестку, для того чтобы давать направление движущимся частям и не допускать беспорядка, но это решение было принято слишком поздно, чтобы исправить положение[457]. «Колонна, величины которой из-за темноты никто не мог себе даже приблизительно представить, — отмечал офицер штаба, — продолжала двигаться вперед»[458]. Войска превращались в текущие по незнакомым лесным дорогам массы. «...не немцы нас добили, а мы сами... После Кальтенборна корпуса, — вспоминал участ-

ник отступления, — как организованной единицы уже не было, была лишь толпа пеших и конных солдат, искавших, к какому начальнику пристать, чтобы пробиться»[459]. Важнейшим условием успеха для немцев становился контроль над выходами из дефиле, в которые втянулись отступавшие. Не имея возможности для маневра на узких дорогах, русские колонны были обречены на значительные потери при каждом штурме немецкой заставы.

Особенно сильный эффект на психику войск производили обстрелы немецких бронемашин, внезапно возникавших и исчезавших на поворотах и перекрестках[460]. 29 августа русские корпуса оказались в полном и плотном окружении. Растянув свои 25 батальонов на 50 км, 1-й германский корпус оседлал выходы из теснин и начал добивать выходивших из них русских солдат и офицеров. Г. фон Франсуа не боялся удара в спину со стороны 1-го русского корпуса и не ошибся. Выходившие тремя колоннами из окружения русские войска пытались пробиться к границе. На их боеспособности сказывались и осознание поражения, и тяжелые беспрерывные бои, которые пришлось вести в течение двух предыдущих суток, и отсутствие питания, и длительные марши, и неимение единого командования. Успешные в ряде случаев прорывы немецких блокпостов не вели к решению проблемы, так как за ними находились другие. Сохранившие порядок отряды начали таять, дробиться, пытаясь выйти из окружения небольшими группами[461].

Тем временем штаб фронта был уверен, что 2-я армия отходит к границе, и поэтому в 12 часов дня 16 (29) августа Я. Г. Жилинский распорядился приостановить дальнейшее выдвижение 2-го и 4-го корпусов 1-й армии на помощь А. В. Самсонову[462]. Только 17 (30) августа А. А. Душкевич попытался перейти в наступление, и вечером того же дня 1-й армейский корпус взял Нейденбург[463]. Сопротивление немцев было энергичным, город горел. «В городе творилось нечто неописуемое, — вспоминал участник боев. — Большинство домов было разбито, улицы были загромождены поломанными обозными двуколками, лазаретными фурами и зарядными ящиками, кое-где на домах виднелись флаги Красного Креста, там помещались наши лазареты, которые вместе с городом несколько раз побывали в руках врага. На площади были выстроены орудия, взятые немцами и теперь нами отбитые. По улицам проходило много солдат совершенно чужих полков, кое-где виднелись группы немецких пленных, все создавало впечатление какого-то хаоса»[464].

Успех 1-го корпуса под Нейденбургом было невозможно закрепить, и А. А. Душкевич вынужден был отойти, так как занимавшие Сольдау части оставили город в полном беспорядке[465]. В тот же день наступление на Ортельсбург предпринял и А. А. Благовещенский[466]. Настроение в войсках было скверным — утром никто не мог сказать, что происходит. «Управление войсками расстроилось, — отмечал в своем дневнике один из офицеров, — связь между корпусами нарушена. В штабе нашего VI корпуса полная растерянность. Нейденбург, где помещался штаб армии, занят немцами, и где находится командующий, выехавший на участок XV корпуса, неизвестно»[467].

Наступление 6-го корпуса поначалу развивалось успешно, но вскоре было свернуто командиром корпуса, приказавшим отходить к границе[468].

Однако отойти в порядке не удалось. Ко второй половине дня тылы уже бежали, оставляя за собой полный хаос. К трем часам дня 17 (30) августа разъезд 4-го уланского Харьковского полка застал такую картину: «Обочины дороги были усеяны брошенными обозными повозками, фургонами, двуколками, лазаретными линейками, обывательскими подводами, телегами, бричками и разного рода предметами, никакого отношения к воинским частям не имеющими. Павшие и загнанные лошади, бродившие по дороге, да несколько обозных солдат дополняли удручающую картину. По всему было видно, что эта бегущая волна прокатилась совсем недавно»[469]. Вечером 30 августа помогать было уже практически некому. Окруженные русские корпуса перестали существовать как организованная сила. 30–31 августа часть русских колонн была уничтожена, часть сдалась, и еще часть — блокирована в лесах, где и сложила оружие.

А. В. Самсонов оказался в трагическом положении. Еще 23 июля (7 августа), обращаясь в приказе к своим подчиненным, он заявил: «Попадать в плен позорно. Лишь тяжелораненый может найти оправдание. Разъяснить во всех частях»[470]. Теперь он видел разгром и массовую сдачу в плен своих подчиненных, опасность оказаться в плену была реальной и для него самого. Страдавший от приступов астмы генерал шел по лесу с остатками своего штаба и повторял: «Император доверял мне. Как я смогу снова посмотреть ему в лицо после такого несчастья?»[471]. Офицеры выходили из окружения, пробираясь лесом, в стороне от дороги. Ночью 17 (30) августа они внезапно потеряли командующего. «Все чины штаба, — писал в отчете 18 (31) августа 1914 г. генерал П. И. Постовский, — подозревали, что генерал Самсонов отстал сознательно, пользуясь темнотой и лесом. Не раз в течение 15 и 16 августа он говорил мне, что его жизнь как деятеля кончена. Все мы следили за ним и не давали возможности отделить свою судьбу от нашей. Подозрение, что генерал Самсонов достиг своего, отстав от нас в лесу, стало превращаться в уверенность, когда среди ночи послышался выстрел»[472].

«Все поняли, — вспоминал П. И. Постовский уже после войны, — что этим выстрелом покончил свою жизнь благородный командующий армией, не пожелавший пережить постигшего его армию несчастья»[473]. Вернувшись, отступавшие начали искать тело своего командира, но не нашли его. Группу возглавил начальник штаба армии[474]. Местный житель — старый поляк, знавший о поражении русской армии, несмотря на запрет властей оказывать помощь окруженцам, помог группе из 10–12 офицеров и показал им дорогу к русской границе[475]. С помощью местных жителей поляков на следующий день они вышли на патрули лейб-гвардии Кексгольмского полка[476]. Указавший окруженцам дорогу старик обнаружил в лесу тело застрелившегося старшего русского офицера, которое было предано земле[477].

Вдова генерала вместе с двумя другими сестрами милосердия в ноябре 1915 г. совершила поездку в Германию для оказания помощи русским воен-

нопленным. Сопровождаемые датскими офицерами, они осмотрели ряд лагерей. Вдова А. В. Самсонова посетила Западную и Восточную Пруссию, Бранденбург и Саксонию[478]. Во время этой поездки, побывав на месте сражения, она и опознала останки мужа. Немцы эксгумировали их с воинскими почестями, на месте гибели генерала был установлен памятный знак. В специально выделенном траурном вагоне прах А. В. Самсонова был перевезен через Швецию в Петроград[479]. 2 (15) ноября сестры милосердия приехали из Берлина в Копенгаген[480].

Сколько-нибудь надежных известий о судьбе генерала общество не получило, что стало причиной всевозможных слухов и домыслов. Только после поездки его вдовы в Германию всем стало ясно, что генерал мертв. «Самсонова нет, — сообщало «Новое время». — Умер он от ран или был убит — безразлично. После 15 месяцев неизвестности его тело было найдено женой на поле сражения»[481]. 18 ноября (1 декабря) 1915 г. поезд с траурным вагоном прибыл на Финляндский вокзал русской столицы. В тот же день была организована траурная процессия: гроб с останками А. В. Самсонова с воинскими почестями был перенесен на Николаевский вокзал, откуда отбыл в Херсонскую губернию для погребения в имении генерала[482]. Информация о самоубийстве по-прежнему была скрыта — его предпочитали называть умершим[483].

Поражение 2-й армии было настоящей катастрофой. По предложению Э. Людендорфа бои 23–31 августа 1914 г. получили название «сражения под Танненбергом» — для него это был символический реванш за поражение Тевтонского ордена в битве под Грюнвальдом 15 июля 1410 г., которое в немецкой традиции называлось «битвой под Танненбергом»[484]. «Сражение закончилось огромным успехом — большим, чем мы предполагали, — отметил в своем дневнике 31 августа М. Гофман. — 4–5 русских корпусов уничтожено, 50–60 тыс. пленных, включая двух командиров корпусов, которых уже доставили сюда. С одной русской армией покончено, теперь настала пора для другой»[485].

По русским данным, всего в плен попали до 60 тыс. человек[486]. 4 сентября немцы заявили о пленении 92 тыс.[487], что является преувеличением, так как вся окруженная группировка не превышала по численности 90 тыс. человек[488]. Впрочем, несомненно, немецкая победа была полной и сокрушительной. Два русских корпуса перестали существовать, их командиры попали в плен. В беседе с Н. Н. Мартосом Э. Людендорф и П. фон Гинденбург (оба они владели русским языком) признали в нем достойного противника. Командующий 8-й армией даже приказал вернуть ему золотое оружие. Последнее распоряжение, впрочем, так и не было выполнено, зато позже Берлин попытался организовать суд над ним, инкриминируя генералу насилие над гражданским населением, в особенности над женщинами и детьми. Комедия был прекращена после того, как Петроград официально заявил, что в случае насилия над русским пленным офицером такой же участи подвергнутся и немецкие в русском плену[489].

Сразу же после поражения в Восточной Пруссии остатки 13-го и 15-го корпусов, потерявших под Танненбергом своих командиров, штабы и артиллерию, были выведены в Лиду и Гомель, где имелись свободные казармы. Принявший остатки 13-го корпуса генерал-лейтенант В. Е. фон Флуг отметил: «Представившиеся мне в Лиде на смотр люди корпуса не являли ничего, похожего на бывшие строевые воинские части. Это были действительно лишь жалкие остатки, собранные в команды численностью от 100 до 200 человек от каждого из 8 полков корпуса и его артиллерии, почти без вооружения и, что было прискорбнее всего, без своих полковых знамен, которые в большинстве перед сдачей войск в плен были зарыты в землю в тайных местах Восточной Пруссии»[490]. Организованно из всего 13-го корпуса из окружения вышло только две роты 142-го Звенигородского пехотного полка: 15 офицеров и порядка 150 солдат. Корпус потерял 656 офицеров и 37 744 солдата, всю артиллерию и почти все знамена, не имея при этом, как отмечала правительственная комиссия, «каких-либо серьезных столкновений с противником»[491].

Немногим лучше было положение в 15-м корпусе. От полков 6-й дивизии осталось по 500–600 человек, от 8-й — по 400–500 человек, от артиллерийских бригад — почти ничего[492]. П. К. Кондзеровский, посещавший разбитые части, вспоминал: «...какими-то беспомощными, беззащитными показались мне эти люди; видно было, что среди них нет никого, кто бы их объединил, подбодрил, о них позаботился»[493]. Специально для проверяющего был устроен смотр. Перед генералом проходили остатки частей корпуса, а стоявший рядом командир называл их. Вся 8-я артиллерийская бригада была представлена одним офицером — это был поручик, отдавший при прохождении честь принимавшему смотр командованию. Николай Николаевич решил полностью восстановить 15-й корпус, до начала 1915 г. он оставался в Гомеле. Остатки 13-го корпуса были переведены в Ригу, где на их основе сформирована отдельная стрелковая бригада в составе четырех двухбатальонных полков. Каждый батальон носил имя бывшего полка корпуса[494]. 18 (31) августа был назначен новый командующий 2-й армией — бывший командир 2-го армейского корпуса генерал С. М. Шейдеман[495].

Один из лучших германских генералов Вильгельм Гренер так оценивал причины провала русского наступления: «Поход в Восточную Пруссию мог бы закончиться для немцев весьма плохо, если бы командующий Северо-Западным фронтом генерал Жилинский оказался на высоте задачи — твердой рукой осуществлять единство руководства над вверенными ему армиями в операциях против Восточной Пруссии. Хотя он был уже в мирное время начальником штаба русской армии, но во время войны все же не обнаружил тех способностей, которые необходимы для вождения армий. Так же как и младший Мольтке, он полагался на осмотрительность и самостоятельность командующих армиями и потому не проявлял собственной инициативы»[496]. Безусловно, огромная доля вины за произошедшую в Восточной Пруссии катастрофу лежит на Ставке. 19 августа (1 сентября) великий князь известил

императора о поражении, ответственность за которое полностью взял на себя[497].

Наступление в Восточную Пруссию, несмотря на поражение, сделало Николая Николаевича еще более популярным среди союзников[498]. Английский представитель при Ставке генерал-майор Дж. Генбери-Вилльямс приехал в Ставку непосредственно перед катастрофой армии А. В. Самсонова и настроения перед ее началом не застал. По его словам, Николай Николаевич тяжело переживал поражение в Восточной Пруссии, но смотрел на провалившуюся операцию как на помощь союзникам, облегчавшую их положение во Франции[499]. «Мы рады принести такие жертвы нашим союзникам», — сказал он французскому военному представителю маркизу В. де Лагишу[500]. Слабо еще представлявший их размеры, Р. Пуанкаре 30 августа отметил: «Во всяком случае, это выступление русских армий (имеется в виду и против Германии, и против Австро-Венгрии. — *А. О.*) облегчит нас на Восточном фронте, и генерал Жоффр чрезвычайно благодарен за него великому князю Николаю Николаевичу»[501]. В отсутствии переброшенных в Восточную Пруссию корпусов германское наступление на Париж не могло закончиться успешно. Ситуация изменилась и на западе, и на востоке.

Франция в этот момент по-прежнему возлагала особые надежды на своих союзников. 3 сентября 1914 г. ее президент и правительство покинули Париж. Перед отъездом в Бордо Р. Пуанкаре обратился к народу с воззванием, под которым подписались и все министры. Оно, в частности, гласило: «Терпеть и бороться — таков должен быть лозунг союзных армий: английской, русской, бельгийской и французской. Терпеть и бороться, пока на море нам будут помогать англичане. Бороться, пока русские будут продолжать свое наступательное движение в сердце Германии для нанесения ей решительного удара»[502]. Хотя в этот момент русские армии уже не наступали «в сердце Германии», свой вклад в спасение Парижа они все же внесли. К чести французского главнокомандующего, он и после войны считал, что, несмотря на катастрофу под Танненбергом, русские выполнили свои обязательства перед союзниками. 30 августа, в день, когда он получил известие об исходе сражения в Восточной Пруссии, два германских корпуса уже покидали фронт во Франции[503]. В то же время большие потери существенно ослабили правое крыло немцев во Франции (с 10 тыс. человек на 1 км фронта до 3–5 тыс.)[504]. Компенсировать эти потери было нечем, что во многом спасло французов в битве на Марне.

Без поражения под Танненбергом победа на Марне была бы в высшей степени маловероятна. Не менее сомнительно, что русское командование сознательно пошло на подобный жертвенный акт во имя союзнического долга. В оценке случившегося, как мне представляется, прав А. Нокс, сухо отметивший, что более чем четвертью армии (девять корпусов и восемь кавалерийских дивизий) не жертвуют. Первоначальный план военных действий был действительно изменен, для того чтобы оказать помощь западным союзникам[505]. Перед армиями поставили сначала задачу демонстрации,

рейда, но командование увлеклось достигнутыми местными успехами и поплатилось за это[506]. Британский историк Н. Стоун дает замечательно точную характеристику основной причины катастрофы: «Главной сложностью было не то, что армии были «не готовы», а то, что они были готовы так, как это понимал Жилинский, т. е. их абсолютно не подготовили к тому, что должно было произойти»[507]. Это был закономерный результат столкновения импровизации с организацией.

«Эта часть военной игры, — поучал после ее завершения в декабре 1905 г. своих подчиненных А. фон Шлиффен, — дала возможность показать, что и слабейшая армия может победить более сильную. Вряд ли это ей удастся, если она пойдет прямо на фронт сильнейшего противника. Она просто будет уничтожена. Напротив того, следует наступать в наиболее чувствительном для противника направлении, стараться атаковать фланг и тыл его и тем принудить застигнутого врасплох противника быстро менять фронт. Если он это будет проделывать, то будет подвергать самого себя величайшей опасности, совершая слишком рискованную операцию, так как в этом случае его фланг и тыл также будут находиться под самой сильной угрозой. Для выполнения подобной операции нужны понимающий свою задачу начальник с железным характером, упорное желание победы и войска, ясно понимающие все это. Впрочем, одни эти факторы не приведут еще к победе. Нужно еще для этого, чтобы противник был застигнут врасплох неожиданностью наступления, пришел в большее или меньшее смятение и портил бы свои необдуманные решения поспешностью приведения их в исполнение»[508].

С той же школой и поэтому с примерно с такими же приемами действий столкнулись во время своего наступления в Лотарингии и наши союзники. Не удивительно, что в результате возникла та же ситуация. Несмотря на превосходство в силах и внезапность своего наступления, французы к 25 августа потерпели серьезное поражение и вынуждены были отступать. Причины этого провала, перечисленные А. М. Зайончковским, звучат совсем по-восточнопрусски: несогласованность действий 4-й и 5-й французских армий, не соответствующая обстановке группировка 4-й армии уступами, что привело к обнажению ее правого фланга, плохая разведка, лучшая подготовка германской армии к действиям в лесах и прочее[509]. Общие потери четырех французских армий во время сражения в Лотарингии и отступления составили 800 тыс. человек[510]. Тем не менее французское командование смогло избежать еще большей катастрофы на этом направлении.

Потрясение от поражения А. В. Самсонова было велико, и Ставка поначалу опасалась, что следующим шагом немцев станет удар по Варшаве и далее в тыл Юго-Западного фронта. 31 августа штаб Верховного главнокомандующего принял весьма важное решение: «В случае безусловной невозможности в течение ближайших дней достигнуть решительных над австрийцами успехов, будет указано армиям Ю.-З. фронта отходить»[511]. В результате возможным стало очищение всего Привислянского края. Тем не менее Верховное командование сумело прийти в себя и принять правиль-

ное решение о поддержке войск, действовавших против Австро-Венгрии, прежде всего боеприпасами. Снарядный вопрос дал о себе знать уже в самом начале войны. М. В. Алексеев указывал на большие незапланированные расходы боеприпасов и просил П. К. Кондзеровского о помощи. Так как Северо-Западный фронт имел меньшую протяженность, а интенсивность боев на нем после провала Восточно-Прусской операции ослабела, то часть парков из запаса решено было перебросить Юго-Западному фронту[512].

После провала в Восточной Пруссии великий князь Николай Николаевич принял весьма непростое и ответственное решение о переброске на правый фланг Юго-Западного фронта двух корпусов из состава войск, сосредоточенных в районе Варшавы[513]. Ставка колебалась, опасаясь движения немцев от Нарева к центру Польши по правому берегу Вислы, однако все же решилась на этот шаг[514]. Гвардейский корпус, находившийся в Варшаве для предотвращения возможного наступления на город немецкого корпуса Р. фон Войрша, стал перебрасываться к А. Е. Эверту. Весьма своевременная поддержка усилила отступавшие под ударами австрийцев русские части. Уже 29 августа в Люблин из-под Варшавы была отправлена 1-я гвардейская пехотная дивизия[515]. Направляясь на вокзал, пехота прошла через город. Ее провожали бурными приветствиями. «Толпы народа останавливались на улице, — вспоминал преображенец, — а женщины бросали в ряды полка цветы»[516]. 30 августа Гвардейский корпус выдвинулся к Ивангороду, а 31 августа он был срочно направлен к Люблину, так как противник находился всего в одном переходе от города[517]. Переброска шла в спешке, гвардейские части, готовившиеся ранее к действиям в Восточной Пруссии, не получили даже достаточного количества карт Люблина и его окрестностей. В Преображенском полку была только одна (!) такая карта[518].

К 30 августа 3-й Кавказский корпус остановил наступление В. Данкля на правом фланге 4-й армии. Австрийцы оказались всего в 30 км от железной дороги Люблин — Ивангород, по которой шли снабжение и переброска войск. На левом фланге армии противник действовал успешнее. Под самой серьезной угрозой оказалась дорога Люблин — Холм[519]. 19 августа (1 сентября) на люблинском направлении русские войска продолжали отступление. В их тылу находилась железнодорожная станция Травники, на которой уже пылали подожженные интендантами склады, телефон и телеграф были выведены из строя. К вечеру у Травников остались около 300 стрелков, явная подготовка сдачи станции повлияла на их моральное состояние резко отрицательно, и они отступили. В ночь с 1 на 2 сентября железнодорожная связь между Ровно (штаб Юго-Западного фронта) и Люблином (штаб 5-й армии) оказалась ничем и никем не защищенной. Именно в это время М. В. Алексеев посетил Люблин — к счастью, австрийцы не решились занять станцию[520].

Гренадерский корпус, понесший значительные потери, продолжал отступление, его боевые возможности резко упали. Травники обстреливались неприятельской артиллерией[521]. Русские войска отходили на классическую позицию в 16 км южнее Люблина, у деревни Неджвица-Дужа. Летом 1913 г.

в этом районе проходили маневры русской армии, в которых отрабатывалось отражение австро-венгерского наступления на Люблин. Именно на эту позицию отходили тогда русские войска, выполнявшие задачу обороны города. На ней и остановили австрийцев в начале осени 1914 г.[522] Следует отметить, что полной уверенности в успехе этого предприятия в ночь с 1 на 2 сентября не было. В тылу у оборонявших Люблин возникла чрезвычайно неприятная картина.

«Чем дальше мы продвигались к востоку, — вспоминал командир роты 81-го Апшеронского полка, — тем картина становилась все мрачнее и мрачнее... Правее полотна железной дороги виднелись спешно отходившие без дорог, полем, обозы в направлении на Люблин. Впереди, на юго-востоке, ясно стало видно пламя и густой дым, и стали говорить, что это горит железнодорожная станция Травники... И без пояснений было видно, что у нас назревает катастрофа, во всяком случае, обстановка сложилась для нас очень неблагоприятно»[523]. Начальник штаба армии генерал А. Е. Гутор в ночь на 2 сентября утратил самообладание и начал лихорадочно создавать импровизированные отряды, отдавать противоречивые распоряжения, в результате которых войска утомлялись бессмысленными переходами. В 3 часа 30 минут в Люблин из Ровно прибыл экстренный поезд — паровоз и вагон командующего войсками Киевского военного округа. В нем находился М. В. Алексеев.

Генерал успел встретиться с сыном, офицером лейб-гвардии Уланского Его Величества полка. Тот вспоминал слова отца, сказанные на вокзале за время короткой встречи: «...приехал в Люблин, чтоб «помочь, так как вами неладно распоряжаются»... Затем сетовал на задержку в пути, нервность тыла и железнодорожников. На мой вопрос, что происходит у Травников, досадливо махнул рукой и сказал: «Как видишь, я проехал благополучно... Нет выдержки, а может быть, и умения... Этот временный нарыв меня не гнетет... Мне больно за мой XIII корпус, который уложили в Восточной Пруссии»[524]. Начальник штаба Юго-Западного фронта не терял контроля над собой. Очевидно, поэтому он смог верно оценить ситуацию.

Подход подкреплений, переброшенных из-под Варшавы, сыграл решающую роль в срыве попытки Ф. Конрада фон Гетцендорфа овладеть люблинской базой снабжения. Его операция, основанная на предположении, что русская армия будет готова к наступлению лишь к 20 августа, провалилась. Гвардейцы и кавказские стрелки пришли как нельзя более вовремя — в ночь с 17 (30) на 18 (31) августа в войсках, действовавших под Люблином, узнали о поражении А. В. Самсонова. Приход подкреплений способствовал перелому ситуации в пользу оборонявшихся[525]. 20 августа (2 сентября) апшеронцы нанесли серьезный контрудар по наступавшим на Люблин австрийцам и отбили у них деревню Суходолы. Блестящий, хорошо подготовленный и спаянный в боях в Персии против шахсеванов полк показал себя самым лучшим образом. В плен были захвачены до тысячи человек, трофеями апшеронцев стало 10 пулеметов[526].

Восстановить положение под Травниками должна была Петровская бригада — Преображенский и Семеновский полки[527]. 20 августа (2 сентября) они нанесли контрудар по наступавшему противнику под Владиславовом[528]. Эти действия были весьма удачными, и в результате австрийские части, в основном сформированные в Боснии и Словакии, были разбиты. Особенное впечатление на солдат противника произвели гиганты-гвардейцы, которые шли в атаку в полный рост. Понеся большие потери, словаки, русины и боснийцы стали сдаваться в плен[529]. К вечеру 2 сентября противник начал отступать. Отход быстро перерос в бегство, в темноте гвардейцы утратили соприкосновение с австрийцами. Не имея кавалерии, гвардия не могла обеспечить преследование и добить врага[530]. Австрийцы были остановлены и разбиты, но потери победивших также оказались значительны. Дравшийся на соседнем участке Финляндский полк за три дня боев 25–27 августа (7–9 сентября) потерял около 2 тыс. из 4600 своих солдат (из них 400 убитыми)[531]. Получив благодаря подкреплениям столь необходимую передышку, с 20 августа (2 сентября) 4-я армия начала готовиться к масштабному контрнаступлению. Вскоре недавно наступавшие на Люблин части противника сами оказались под угрозой окружения. Им пришлось отходить[532].

«Уничтожение австрийской армии на Люблинском фронте, — справедливо отмечал В. А. Сухомлинов, — может служить неопровержимым доказательством, что наша армия уже 7 августа свое развертывание закончила и перешла в наступление»[533]. Но и первоначальный план русского командования, предполагавший окружение австрийской армии в Галиции путем нанесения одновременных ударов с флангов и отсечения австрийцев от Карпат, был сразу же сорван. Еще перед войной М. В. Алексеев предусматривал подобное развитие событий. Теперь он решил использовать то обстоятельство, что основные силы австрийцев были слабо прикрыты с галицийского фланга. Цели этого наступления были прежними. Быстрое продвижение 3-й армии генерала Н. В. Рузского и 8-й армии генерала А. А. Брусилова позволило бы отрезать армии В. Данкля и М. фон Ауффенберга и от Карпат, и от Кракова[534].

5 (18) августа 1914 г. эти армии получили приказ перейти в наступление, несмотря на незавершенную мобилизацию. В этот же день 8-я армия перешла государственную границу, проходящую по реке Збруч[535]. Армии наступали общим фронтом, согласуя свои действия, что и предопределило их успех. Между тем начало их движения было предпринято в весьма неблагоприятной обстановке[536]. «Сведения о противнике были неопределенные, — вспоминал генерал В. М. Драгомиров. — Для командований 3-й и 8-й армий было ясно одно: противник, по всей вероятности, предпримет операцию в Варшавский округ и обеспечит эту операцию заслоном в Восточной Галиции. Где будет встречен противник — неизвестно, но, несомненно, на путях к Львову»[537].

После первых успехов А. А. Брусилов получил телеграмму от командующего фронтом, в которой ему предписывалось перенацелить наступление

для оказания помощи 3-й армии. Если бы австро-венгерскому командованию удалось сдержать движение левого фланга Юго-Западного фронта, их собственное наступление в русской Польше было бы обеспечено от опасности обхода через Галицию. 24 августа 1914 г. командующий 3-й австрийской армией генерал Р. Брудерман получил приказ выступить из района Львова и нанести серьезный удар русским в направлении на Броды и Тарнополь. На окончательное решение Ф. Конрада фон Гетцендорфа повлиял телефонный разговор с начальником штаба 3-й австрийской армии полковником Пфеффером, убеждавшим своего главнокомандующего в неизбежности успеха: «Эта сволочь уже бежит»[538].

Пфеффер явно принимал желаемое за действительное, при этом только к 25 августа в район Станиславова и Стрыя начали прибывать передовые эшелоны 2-й австрийской армии. Целиком же ее 7,5 пехотной и одна кавалерийская дивизии были перевезены к 8 сентября. В результате 9,5 пехотной и пять кавалерийских дивизий Р. Брудермана и Г. Кевеша оказались лицом к лицу с 21 пехотной и 7,5 кавалерийской дивизиями 3-й и 8-й русских армий, которые двигались навстречу австрийцам. 26 августа произошло встречное столкновение 3-й австрийской и 3-й русской армий на притоке Днестра — Золотой Липе: Р. Брудерман вынужден был отступать, надеясь остановить русское наступление на подготовленных позициях[539]. Бой 26 августа послужил основанием Н. В. Рузскому для неисполнения приказа штаба фронта.

Вместо того чтобы вывести 3-ю армию на общий фронт с 4-й и 5-й армиями для дальнейшего наступления на реку Сан, уже 27 августа основные силы 3-й русской армии были нацелены на Львов. 29 августа ее части вышли на следующий приток Днестра — Гнилую Липу, однако Н. В. Рузский по-прежнему не оказывал прямой помощи 5-й армии, находившейся в это время в критическом положении. 30 августа Н. И. Иванов, не добившийся от Н. В. Рузского выполнения приказов штаба фронта, назначил его лично ответственным за действия 3-й и 8-й армий. В этот день оборона австрийцев на Гнилой Липе, все еще не получивших помощь от своей 2-й армии, была взломана. В прорыв была отправлена 10-я кавалерийская дивизия, которая настигла отступающую в колоннах пехоту противника и атаковала. В результате были захвачены значительное количество пленных и четыре гаубицы[540].

В штабе Юго-Западного фронта явно переоценивали уровень австрийских укреплений под Львовом и Галичем[541], и эти оценки не расходились с мнением Ставки[542]. Н. В. Рузский готовился к осаде Львова. Между тем этот город трудно было назвать крепостью. В 1887 г. на его подступах были впервые сооружены земляные укрепления с кирпичными стенками, в 1912 г. их обновили, при этом на обвод в 48 км было установлено всего 12 орудий. Считалось, что в случае войны полевая армия сама создаст необходимые оборонительные сооружения[543]. Теперь для выполнения такой задачи не было ни сил, ни времени. После двукратного поражения, по мнению командующего 3-й австрийской армией генерала Р. Брудермана, сравнительную боеспособность в его армии сохранили только четыре дивизии общей

численностью не более корпуса[544]. Уже 31 августа он планировал отойти от центра Восточной Галиции, но получил приказ удержать его. Вначале Ф. Конрад фон Гётцендорф надеялся, что и имевшихся у Р. Брудермана сил будет достаточно для непродолжительной обороны на подготовленных позициях, но в ночь на 1 сентября паника охватила даже лучшие венгерские части, и они побежали, увлекая за собой других[545].

Одну дивизию и бригаду с трудом удалось собрать во Львове, Р. Брудерман и его начальник штаба Боог считали большую часть своих войск небоеспособными: славянские полки — по причине русофильской пропаганды, а ландверные, ландштурменные и маршевые части были ненадежны, их солдаты и офицеры не имели боевого опыта и после первых столкновений часто бежали, увлекая за собой других[546]. Австрийское командование сталкивалось на полях Галиции примерно с теми же проблемами со своими резервистами, что и русское — на сопках Маньчжурии. В результате было принято решение об оставлении Львова. 21 августа (3 сентября) передовые части 9-го корпуса 3-й армии начали занимать покинутые австрийцами форты внешнего обвода обороны Львова. Повсюду были вывешены белые флаги, крупные орудия стояли без прислуги. На входивших в город ранним утром 3 сентября русских солдат с балконов летели цветы и приветствия[547].

Мэр столицы Восточной Галиции вручил ключи от города начальнику 42-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту В. П. Роде. Тот немедленно сообщил командиру 9-го армейского корпуса генералу Д. Г. Щербачеву, а он, в свою очередь, изумил этим известием штаб 3-й армии, никак не ожидавший такой новости. Н. В. Рузский поначалу отказался поверить в донесение об этом успехе[548]. Его штаб явно переоценил значение львовских укреплений для австрийцев. Немногим лучше обстояло дело и в 8-й армии. Если верить А. А. Брусилову, офицеры его штаба опросили русинов, идущих со стороны Львова, о наличии там войск, и узнав о том, что город пуст, первые въехали в столицу Восточной Галиции[549]. На самом деле вместе с В. П. Роде в город въехал офицер Генерального штаба для поручений при командующем 8-й армией полковник граф Д. Ф. Гейден. Львовяне радушно встречали русские войска, доброжелательность исходила даже от поляков. Купив конфет в магазине на рыночной площади, Д. Ф. Гейден отправился в штаб А. А. Брусилова, где вручил свою покупку в качестве доказательства того, что город взят. Ему тоже сначала не поверили[550].

22 августа (4 сентября) во Львов прибыл Д. Г. Щербачев. «Пройдя по городу, — вспоминал он, — я увидел полный порядок и мирную обстановку, по главной улице много щегольских экипажей и дам, магазины открыты, и только обозы напоминали о войне. Местные жители заявляли, что просили австрийские войска скорее уйти, так как русские все равно возьмут Львов и сопротивление только отразится на городе»[551]. Итак, этот важнейший транспортный и административный пункт достаточно неожиданно для русского командования был оставлен противником без боя[552]. Интересно, что Н. В. Рузский, получивший за этот город два Георгиевских креста, от-

казался подписать наградные листы на 9-й корпус, считая, что награждать не за что: «Ведь это не бой, а просто военная прогулка»[553]. «Только после «взятия» Львова... Рузский повернул свой фронт и принял вместе с Брусиловым всю тяжесть боев отступавшей австрийской армии, которая, скользя своим левым флангом по их армиям, правый увела», — записал в своем дневнике 1 октября 1915 г. М. К. Лемке[554]. Формулировка исчерпывающая, и, как мне кажется, авторство ее принадлежит не самому М. К. Лемке, а одному из офицеров Ставки.

Уходя, австрийцы бросили большое количество имущества. В городе были захвачены значительные трофеи, из которых самыми важными для русской армии в сложившейся ситуации были 30 локомотивов и значительное количество подвижного состава, что позволяло активнее использовать австрийскую железнодорожную колею, не перешивая ее под русский стандарт[555]. По свидетельству А. А. Брусилова, за все время Галицийской битвы русские войска могли использовать только те паровозы и вагоны, которые были захвачены у противника[556]. Впрочем, вскоре русские инженеры нашли простой и оригинальный способ приспособления русского подвижного состава на австрийских железных дорогах[557]. Что касается трофеев собственно военного имущества, то после приведения их в порядок, большая часть через Румынию была отправлена сербам[558]. Нельзя не отметить, что переход в русские руки важнейшего культурного и транспортного центра Восточной Галиции, каким был Львов, имел не только стратегическое, но и весьма важное моральное значение.

Победа в Галицийской операции позволила значительно поднять авторитет Ставки. После успеха под Гумбиненом в тылу ожидали новых победных реляций. Еще 11 (24) августа «Утро России» назвало победу под этим городом и последующее взятие Инстербурга решающими для сражения за Восточную Пруссию: «В стратегическом отношении победа дает нам возможность выровнять фронт на германской границе. Наши войска после этой победы уже подходят в Восточную Пруссию по меридиану Варшавы. В моральном отношении эта победа, благодаря которой германская армия находится в полном отступлении за р. Ангерап, важна потому, что впечатление, произведенное ею на немцев, очень велико... Мы наступаем»[559]. «Таким образом, — утверждали в тот же день «Биржевые ведомости», — жестоким пятидневным боем и искусным маневром наши войска стремятся достигнуть занятия всей Восточной Пруссии — этой страны, представляющей собой почти одну сплошную крепость, на которую германский Генеральный штаб возлагал столько надежд»[560].

12 (25) августа штаб главковерха сообщал: «На восточно-прусском фронте германские войска в полном отступлении за реку Ангерап. Переправа через эту реку у Даркнена в наших руках. К западу от Мазурских озер 9 августа наши войска заняли города Иоганнисбург, Ортельсбург и Вилленберг. По сведениям, 10 августа наши войска заняли город Сольдау, жители которого бежали. Нейденбург очищен германскими войсками и подожжен ими. Зна-

чительные силы неприятеля, занимавшие этот район, отходят в северном направлении. Отступление противника продолжается на всем фронте»[561]. Сообщение Ставки за следующий день гласило: «На Восточно-Прусском театре германская армия отступала от Гумбинена форсированными переходами, причем часть ее собирается к крепости Кёнигсберг. Заблаговременно подготовленная и укрепленная позиция на реке Ангерап брошена противником без боя. Дороги за рекой Ангерап усеяны патронами, бризантными гранатами и мешками, брошенными германскими войсками для ускорения отступления»[562].

15 (28) августа «Русские ведомости» заявили о том, что под Гумбиненом были разбиты 3–4 корпуса противника и в ближайшее время следует ожидать занятия всей Восточной Пруссии: «События на Восточно-Прусском театре войны развертываются с очень большой быстротой, и главную задачу наших войск в этом районе можно считать уже выполненной»[563]. В тот же день «Утро России» писало о том, что падение этой германской провинции «составляет вопрос лишь нескольких дней»[564]. Со своей стороны, Ставка сообщила о взятии после тяжелых и упорных боев 15 (28) августа Сольдау, Алленштейна и Бишофсбурга[565]. Общественность откликнулась на это обсуждением характера будущих действий русской армии против Кёнигсберга: эксперты сходились на том, что крепость не будет подвергнута осаде и штурму ввиду солидности ее укреплений, и предвидели блокаду восточнопрусской твердыни[566]. 16 (29) августа штаб главковерха вновь известил страну о хороших новостях: «В боях в Восточной Пруссии принимают участие гарнизоны крепостей Торна и Грауденца с многочисленной тяжелой артиллерией. Наше наступление на этом фронте продолжается»[567].

Естественно, уровень ожиданий дальнейших успехов после таких новостей был весьма высок. Но уже 19 августа (1 сентября) Ставка издала официальное сообщение о поражении в Восточной Пруссии: «Вследствие накопившихся подкреплений, стянутых со всего фронта благодаря широко развитой сети железных дорог, превосходные силы германцев обрушились на наши силы, около двух корпусов, подвергшихся самому сильному обстрелу тяжелой артиллерии, от которой мы понесли большие потери. По имеющимся сведениям, войска дрались геройски. Генералы Самсонов, Мартос, Пестич и некоторые чины штаба погибли. Для парирования этого прискорбного события принимаются с полной энергией и настойчивостью все необходимые меры. Верховный главнокомандующий продолжает твердо верить, что Бог поможет их успешно выполнить»[568]. Об окружении ничего не говорилось, крупные потери объяснялись калибром и дальнобойностью артиллерии противника[569].

Из сообщения Ставки даже нельзя было сделать вывод, где произошли эти события. В русской прессе возникли предположения, что она имело место в юго-западной части Восточной Пруссии, куда легче было подвезти по железным дорогам крепостную артиллерию. Ясно было одно — произошло нечто серьезное[570]. Эта новость, естественно, произвела весьма тяжелое

впечатление на фронте[571], впрочем, и в тылу было не лучше. «Обстановка боя, во время которого произошла катастрофа, повлекшая за собой смерть генералов Самсонова, Мартоса и Пестича, — сообщало «Утро России», — до сих пор остается невыясненной, хотя вся Россия жаждет знать подробности. За отсутствием последних обычно родятся всевозможные слухи, не имеющие решительно никакой цены. Из осведомленных кругов передают, что, несмотря на понесенные потери, наше положение в Восточной Пруссии продолжает оставаться прочным. Два корпуса, подвергшиеся обстрелу тяжелыми орудиями германцев (по-видимому, взятыми из крепостей Торна и Грауденца), пострадали только от артиллерийского боя, который происходил на дальнем (не менее 7 верст) расстоянии»[572].

Та же газета позже убеждала своих читателей: наши войска отошли из-под Сольдау в полном порядке, а это свидетельствовало о том, что противник не решился преследовать их вне пределов досягаемости своей крепостной артиллерии[573]. Очевидно было, что после побед и обещаний дальнейших успехов произошло нечто непредвиденное, и это не могло не беспокоить людей. В интервью, данном 19 августа (1 сентября) «Утру России», М. В. Родзянко пытался успокоить общественность: «Меня лично почти более, чем неудача, огорчает та нервозность, которую проявляет общество при таких известиях. Не следует преувеличивать тяжесть событий. Мы имеем дело с сильным врагом... Нет ничего хуже, если в действующую армию проникнут известия, что оставшиеся дома слишком волнуются и падают духом при неудаче. Важны не неудачи; важен конечный итог войны»[574]. Доверие к Ставке со стороны органов печати оставалось пока демонстративно единодушным.

«Кто не боится сказать правду, как бы горька она ни была, — тот силен, — заявили «Биржевые ведомости». — Лгут слабые! И то обстоятельство, что наш полководец не скрыл неудачи, не пожелал, как это делают немцы, утаить ее, имеет огромное нравственное значение. Пусть немцы поддерживают дух своего народа ложью о взятии Петрограда, о победах не существующих! Мы сильны — и не боимся поэтому правды, какова бы она ни была»[575]. В целом, сомнений в том, каким будет этот итог, в тылу пока не было. «Событие, о котором сообщает штаб, — гласила передовица «Речи», — не может существенно отразиться на наших операциях в Восточной Пруссии, оно не может ослабить нашей армии, и оно не должно поэтому морально угнетать сражающуюся армию и нас, наблюдающих за ходом операции. В каждой войне потери неизбежны»[576]. «Как ни прискорбна эта неудача, — сообщало военное обозрение «Русских ведомостей», — она все-таки является лишь отдельным фактом, который сам по себе не может изменить общего положения дел в Восточной Пруссии»[577]. Этим настроениям и способствовал успех Юго-Западного фронта. По словам В. Ф. Джунковского, взятие Львова и Галича действительно смягчили удручающее впечатление от самсоновской катастрофы: «Эти две блестяще одержанные победы заставили немного забыть Сольдау»[578].

Николай Николаевич уже 20 августа (2 сентября) телеграфировал Николаю II о главном достижении Юго-Западного фронта: «Счастлив порадовать Ваше Величество победой, одержанной армией генерала Рузского под Львовом. После семидневного непрерывного боя австрийцы отступают в полном беспорядке, местами бегут, бросая легкие и тяжелые орудия, артиллерийские парки и обозы. Неприятель понес громадные потери, и взято много пленных. До этого же решительного боя армией генерала Рузского взято за семь дней сорок четыре орудия, множество ручного оружия, большое число пулеметов»[579]. Этот успех имел большое значение для положения на «домашнем фронте». Особенно бурно после этого была воспринята общественным мнением новость о взятии административного центра Восточной Галиции. Львов и Галич пали в один день — 21 августа (3 сентября) 1914 г., при этом войска захватили значительное количество трофеев[580].

Победа была очевидной. Львов с его довоенным населением в 206 тыс. человек был пятым по величине городом Австро-Венгрии (после Вены — 2030 тыс., Будапешта — 881 тыс., Триеста — 229 тыс., Праги — 224 тыс.)[581]. «Таких городов, как Львов, — сообщали «Русские ведомости», — не отдают без крайней необходимости, их защищают до последней возможности. Взятие Львова русскими войсками является не менее ярким показателем величины одержанной в Галиции победы, чем сообщения о числе захваченных нашими армиями орудий и других трофеев. Это трофей очень крупный. Это — большая победа»[582]. Император был в восторге. В печати распространялись фантастические сведения о движении к городу под «беспрестанным огнем», о «свинцовом дожде», который становился тем сильнее, чем ближе подходила армия ко Львову, о двухдневном непрерывном бое на его фортах и даже о боях в городе, рукопашных и с использованием артиллерии.

В Петрограде, Москве, Киеве и других городах состоялись массовые патриотические демонстрации, в честь воссоединения Галиции с Россией в церквях были отслужены благодарственные молебны[583]. «Биржевые ведомости» после окончания Галицийской битвы, сравнивая ее с результатами похода в Восточную Пруссию, утверждали: «Можно без преувеличения сказать, что успехи, достигнутые нами в Галиции, настолько велики сами по себе, что являются самыми решительными с начала кампании из всех операций на всех театрах войны»[584]. Либеральный лагерь торжествовал, по-своему объясняя случившееся — в зависимости от партийных и политических пристрастий. Для кадетов этот успех был прежде всего важен как начало выполнения обещаний, данных Николаем Николаевичем (младшим) полякам. Кроме того, они надеялись, что взятие Львова и Галича будет иметь решающее значение для преодоления колебаний нейтральных балканских государств[585].

Октябристы подчеркивали благотворность существования представительских учреждений для армии и страны. «Голос Москвы» опубликовал передовицу «От Мукдена до Львова», в которой объявил победу в Галиции триумфом политического устройства на основе манифеста от 17 (30) октя-

бря 1905 г. «Старый строй, — утверждала гучковская газета, — привел нас к Мукдену, новый — к Львову. Если до сих пор был мыслим спор о преимуществах того или другого строя, то под Львовом он решен уже окончательно и бесповоротно»[586]. На самом деле ни первая серьезная неудача, ни первый серьезный успех не имели отношения к будущности этого строя. Как верно вспоминал Б. Локкарт: «Падение Львова смягчило суровое поражение под Танненбергом... Танненберг, на самом деле, был прелюдией к русской революции. Это было письмо надежды к Ленину»[587].

Характерно, что именно после победы под Львовом впервые о поражении под Сольдау высказался и официальный «Правительственный вестник»: «Это — частный эпизод войны, возможный при той или иной группировке сил, эпизод еще меньшего значения, если принять во внимание, что два наши корпуса, потерпевшие неудачу, составляют небольшую часть наших армий, сражающихся теперь на фронте. Затем необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что германские войска, обрушившиеся при Сольдау на наши два корпуса, несмотря на такой успех, не могли использовать его и не преследовали наши войска. Следовательно, при доблестном сопротивлении наших двух корпусов в указанном деле сами же германские войска сильно потерпели и были значительно обессилены. Последствия нашей неудачи в настоящее время уже уничтожены, и наше наступательное движение идет прежним ходом — в непосредственной связи с победой, одержанной под Львовом. Последняя решительным образом благоприятствует всему нашему боевому положению в Германии»[588].

Командование Юго-Западным фронтом еще до взятия Львова отдало директиву о переходе всех армий фронта в наступление. Это было особенно важно, поскольку противник проводил перегруппировку и по-прежнему перебрасывал в Галицию с сербского фронта 2-ю армию[589]. Взятие столицы Восточной Галиции давало противнику некоторый выигрыш во времени, но оно же несколько улучшало положение русских армий. Во всяком случае, сразу же после занятия Львова Н. В. Рузскому и А. А. Брусилову была отправлена директива командующего фронтом, предписывающая 3-й армии, усиленной 12-м корпусом, двигаться на Раву-Русскую, а 8-й армии оберегать фланг всего фронта, действуя по обстановке восточнее Львова. «Движение Рузского к Раве-Русской вызывалось тем обстоятельством, что главные силы австрийской армии были на линии Люблин — Холм и генерал Рузский своим движением должен был охватить фланг вражеских полчищ, с которыми северные армии фронта справиться не могли и были ими сильно теснимы»[590].

М. В. Алексеев позволил А. А. Брусилову оставить 12-й корпус в составе его армии при условии активизации ее действий. 8-я армия, обеспечивая свой левый фланг, взяла 21 августа (3 сентября) сильно укрепленный город Галич, а на следующий день — Миколаев. Противник, который ранее оказывал довольно серьезное сопротивление, начал отступление, частично принявшее характер беспорядочного. Дороги, по которым отступала австро-венгерская армия, были забиты брошенным транспортом и оружием.

Ради спасения остатков своей армии М. фон Ауффенберг отдал приказ, запрещающий даже батальону задерживаться и вступать в арьергардный бой для облегчения обхода обозов. Это было правильное решение, в результате принятия которого остов кадровой австро-венгерской армии был спасен. Русские войска захватили огромные трофеи, склады с продовольствием, фуражом, боеприпасами, но ни одна войсковая часть не попала в окружение. Для отрыва от преследования отступавшие бросали даже госпитали, но все равно несли крупные потери — только под Галичем было захвачено 32 орудия и похоронены 4800 австрийцев[591]. Оборонительная позиция австрийцев по Днестру оказалась в руках русских.

Правда, использовать ее для движения вперед русским было весьма непросто. Стараясь задержать их, австрийцы, отступая, постарались взорвать все мосты через реку. Частично им это удалось, кроме того, начавшиеся дожди вызвали довольно редкое явление — осенний разлив рек. Русские инженерные части сделали все возможное для налаживания надежных переправ. Это позволило сконцентрировать силы армии для отражения австрийской контратаки на Львов, так называемого Городокского сражения (5–12 сентября 1914 г.). Уже накануне этой операции Ф. Конрад фон Гетцендорф обратился к Мольтке-младшему с просьбой о присылке по меньшей мере двух германских корпусов под Перемышль[592]. Своих сил австрийцам уже не хватало: в их распоряжении оставалось всего две дивизии, которые перевозились с сербского фронта. Представитель германского командования при австро-венгерском штабе уже 31 августа рекомендовал союзникам готовиться к эвакуации Львова и отходу за реку Сан[593].

Немцы отказались помочь союзнику, и это решило исход Галицийской битвы. Однако нельзя сказать, что к началу сражения под Городком австро-венгерская армия полностью потеряла свои боевые качества. Воздушная разведка русской 8-й армии доносила о том, что австрийские части активно укрепляют свои позиции под Городком. Сюда же перебрасывались войска из Перемышля[594]. Ф. Конрад фон Гетцендорф планировал силами своей 3-й армии остановить наступление русских на Городокской позиции, в то время как 2-я армия генерала Э. фон Бем-Ермоли должна была нанести удар по левому, южному флангу 3-й русской армии, а 4-я армия М. фон Ауффенберга — сделать поворот кругом и ударить по северному флангу Н. В. Рузского. В это время армия В. Данкля переходила к обороне на люблинском направлении, а группа Иосифа-Фердинанда прикрывала действия М. фон Ауффенберга от 5-й русской армии[595].

В пользу справедливости этой информации свидетельствует как подготовка оборонительных позиций, которые на особо опасных участках насчитывали до восьми линий обороны, так и то, что в ходе самого сражения, носившего исключительно ожесточенный характер, австрийские части неоднократно переходили в контратаки[596]. План австрийского Верховного командования основывался на том убеждении, что 5-я русская армия была разбита. Австрийская авиация приняла перевозку 61-й дивизии из Вла-

димира-Волынского в Брест-Литовский (она была назначена в гарнизон крепости) за начало большого отступления русских войск. Ф. Конрад фон Гетцендорф рассчитывал, что трех пехотных и двух кавалерийских дивизий будет достаточно, чтобы застраховаться от возможных действий П. А. Плеве[597]. Этот план с самого начала был сорван. 4 сентября 5-я русская армия перешла в наступление, а 6 сентября овладела городом Замостье. Группа Иосифа-Фердинанда отступала[598].

Изменилось и положение на фронте, который должен был сдерживать В. Данкль. С 27 августа по 2 сентября 4-я русская армия вела оборонительные бои на фронте в 90 км под Люблином. Ко 2 сентября под Люблин прибыло шесть дивизий, 4-я армия выросла до 14 пехотных и 3,5 кавалерийской дивизий. 1–2 сентября путем разделения прибывших пополнений и имевшихся войск была создана новая русская армия — 9-я. Ее возглавил генерал П. А. Лечицкий. В то же время потери австрийцев составили до 30–40% от списочной численности. 2 сентября они начали отступление[599], однако провести его полностью организованно не удалось. Поначалу отступавшие бросали все, что могло задержать их отход, быстро превращавшийся в бегство[600]. Началось разложение, впервые принявшее форму капитуляции целых частей перед наступавшими русскими войсками, австрийцы сдавались в плен ротами[601]. 6 сентября сдался окруженный 45-й австрийский полк, в плен попали 45 офицеров во главе с полковником и 1600 солдат[602]. К сожалению, в этот момент русское командование не использовало для преследования кавалерию, что спасло жизнь и свободу многим отступавшим[603].

В этой обстановке Ф. Конрад фон Гетцендорф все еще пытался осуществить свои замыслы на львовском направлении. 8 сентября 4-я и 3-я австро-венгерские армии перешли в контрнаступление на стыке 3-й и 8-й русских армий[604]. Австрийские части были в основном представлены венгерским гонведом, солдаты которого храбро и энергично шли в атаки и теснили русскую пехоту. К вечеру 9 сентября австрийцы подходили ко Львову с трех сторон. Их части находились в 20 км от города на северо-западе, в 15 км — на западе, в 30 км — на юге[605]. Бои носили исключительно тяжелый характер. На каждые 5,5 км фронта, занимаемых двумя армиями противника — 4-й М. Ауффенберга и 3-й С. Бороевича фон Бойны, назначенного вместо Р. Брудермана, — приходилось по дивизии. Правда, в ходе боев в составе этих частей выявился некомплект в 26%, а войска русских 3-й и 8-й армий, которые также понесли большие потери, сохраняли превосходство в артиллерии на 146 орудий[606].

Положение было крайне сложным. Обе стороны практически исчерпали свои возможности и не имели резервов[607]. 10 и 11 сентября на фронте А. А. Брусилова и Н. В. Рузского шли особо тяжелые бои. С одной стороны австрийцам удалось на некоторых участках потеснить армию А. А. Брусилова на 6–12 км[608]. К 29 августа (11 сентября) напряжение достигло кульминации. В городе были хорошо слышны выстрелы орудий, и в штабе 8-й армии не исключали возможности оставления Львова. Тем не менее австрийское

наступление было остановлено в 12 км от города[609]. В эти дни сказалось превосходство русских войск в артиллерии, которая при наличии снарядного запаса сыграла значительную роль в ходе решающих боев. Английский корреспондент, находившийся в ходе боев в войсках 8-й армии, отмечал огромное значение для исхода боя массового использования русскими войсками полевых тяжелых гаубиц[610].

В ходе боев под Львовом Н. В. Рузский просил о помощи, и она была ему оказана. 8–9 сентября командование Юго-Западного фронта организовало общее наступление 9, 4 и 5-й армий. Первым результатом этой атаки был разгром немецкого ландверного корпуса Р. фон Войрша. 8 сентября русский Гвардейский корпус захватил 34 орудия, в том числе и немецкую тяжелую батарею. Германские артиллеристы, по свидетельству командира корпуса, сражались до последнего, и все были переколоты штыками у своих орудий[611]. 9 сентября Р. фон Войрш был разбит, как и части 1-й австро-венгерской армии, которые понесли в ходе этих боев потери до 90 тыс. человек, что составило до 27% состава. Насколько тяжело доставались эти успехи, можно судить по простым цифрам: активно участвовавший во встречных боях с австро-германцами лейб-гвардии 3-й стрелковый полк за месяц боев с конца августа по конец сентября 1914 г. сократился от списочной численности 49 офицеров и 2,5 тыс. нижних чинов до шести офицеров и 210 стрелков[612].

10 сентября В. Данкль начал быстрое отступление, теперь уже его армия оказалась под угрозой обходящей ее тыл и фланг 5-й армии генерала П. А. Плеве. Преследуя противника, русские войска 10–11 сентября развили весьма высокий темп наступления, пройдя до 30–32 км. Это наступление создавало угрозу флангового охвата и дальнейшего окружения 2, 3 и 4-й австро-венгерских армий[613]. После тяжелейших пятидневных боев фронт 4-й австрийской армии под Рава-Русской был прорван[614]. Это создавало угрозу окружения основной австро-венгерской группировки и сводило на нет небольшие успехи австрийцев на фронте русской 8-й армии[615]. В новой ситуации чем глубже кулак из 17,5 австро-венгерской дивизии втягивался в позиции армии А. А. Брусилова, тем серьезнее для них становилась угроза окружения. Ф. Конрад фон Гетцендорф лично прибыл к эрцгерцогу Фридриху, чтобы наблюдать за действиями войск. 11 сентября русская кавалерия стала угрожать непосредственно этому штабу, и он понял, что отступление неизбежно. Ранним утром этого дня командование 4-й русской армии передало открытым текстом задачу двум своим корпусам выйти к вечеру далеко в глубь австрийского фронта. Опасаясь прорыва этих корпусов армии П. А. Плеве под Рава-Русской, которые, по словам Ф. Конрада фон Гетцендорфа, могли отрезать в Западной Галиции главные силы императорской и королевской армий, он приказал своим войскам отступать за реку Сан[616].

Уже во второй половине дня 11 сентября воздушная разведка 8-й армии обнаружила начало отхода противника. Австрийцы торопились выйти из опасного положения[617]. В ночь на 12 сентября австрийцы начали быстрый отход, и Городокское сражение было остановлено. Это стало тем более пра-

вильным решением, что в ходе боев наметился очередной перелом. Только за один день боев под Рава-Русской русскими войсками были захвачены 8 тыс. пленных и 30 орудий. Забитые эшелонами с ранеными и подкреплениями, австрийские железные дороги не справлялись с перевозками. Не лучше дело обстояло и с шоссейными дорогами. Поток людей и орудий был направлен на запад, боеприпасов и медицинских повозок — на восток. В Перемышле на улицах повозки стояли ось к оси. 4 (17) сентября русские войска подошли к этой крепости, прикрывавшей важнейший транспортный узел в районе. Австрийское командование надеялось, что ее оборона позволит выиграть время для перегруппировки[618].

По свидетельству плененных под Рава-Русской солдат противника, 8–12 сентября они не получали продовольствия и вынуждены были сами обеспечивать себя питанием[619]. В период Галицийской битвы М. В. Алексеев постоянно стремился провести операцию по окружению армий противника, используя для этого как подготовленные еще для войны планы, так и импровизации. Обходные движения в зависимости от сложившейся ситуации поручались то 3-й и 8-й, то 5, 4 и 9-й армиям. В результате планы противной стороны были сорваны, австро-венгерская армия понесла большие потери. Однако на финальном этапе сражения время для осуществления плана М. В. Алексеева было упущено. Утомленные боями под Львовом и длительными марш-бросками, части 3-й армии не смогли помешать этому отступлению. Задуманные фланговые охваты так и не были реализованы, преследование вылилось в цепь фронтальных наступлений.

С другой стороны, 1-я австро-венгерская армия, хотя и понесла значительные потери, сохранила порядок и выдержала отступление в направлении и режиме, не позволившими русской армии отсечь противника от Карпат и с люблинского направления. Австрийцы быстро отступали, разрушая за собой дороги и мосты, оставляя большое количество оружия, боеприпасов и амуниции[620]. Отступление остальных армий Дунайской монархии быстро приобрело слабо организованный характер. Вильгельм Гренер вспоминал: «Генерал фон Конрад упорно держался своего плана и делал крайние усилия, чтобы одержать победу. Но, несмотря на это, операция в Галиции после многонедельных тяжких боев окончилась такой неудачей, которая наполнила впечатлительного генерала Мольтке даже боязнью, что Австро-Венгрия может подумать о сепаратном мире с Россией. Только благодаря энергии и решительности генерала Конрада австро-венгерская армия через короткое время, снова встав на ноги, сделалась боеспособной»[621].

Дороги в русский тыл были буквально забиты пленными. Военный врач описал типичную картину: «От Райовца до Красностава дорога утопает в синих (австрийских) шинелях. Усталые, скучные, с давно не бритыми лицами, они плетутся, как скот. В глазах глубокое равнодушие»[622]. Общие потери австро-венгерских войск насчитывали 400 тыс. человек, из них около 100 тыс. пленными, что составило до 45% численности частей, вступивших в Галицийскую битву. Однако и потери русских войск были значительны —

до 230 тыс. человек, в дивизиях в среднем оставалось по 4500 человек[623]. Остро ощущался недостаток офицеров, даже в гвардии, не хватало продовольствия, фуража и боеприпасов, которые трудно было доставить по испорченным коммуникациям[624].

Осуществлять эффективное преследование этими войсками было сложно, при этом австрийцы, сумевшие к 16 сентября оторваться от своих преследователей на полтора перехода, попытались создать фронт по Сану[625], однако удержать свои основные укрепленные позиции на этой реке они не сумели. Уже 2 (15) сентября Преображенский полк захватил плацдарм и мост у Кржешова[626]. 7 (20) сентября были захвачены города Сенява и Самбор, 8 (21) сентября — правобережное укрепление Ярослава, австрийцы отошли на западный берег Сана, взорвав за собой мосты, но это им не помогло. Через два дня город был взят[627]. Уходя, противник не успевал даже эвакуировать свои госпитали, только в Ярославе их было оставлено два[628]. Успех в Галицийской битве был очевиден, однако его нечем было развить.

Организация военной администрации в Восточной Галиции

4 (17) сентября 1914 г. Верховный главнокомандующий подписал обращение к народам Австро-Венгрии, в котором говорилось, что целью России в войне является восстановление «права и справедливости», достижение «свободы» и «народных вожделений». Точных обещаний из обращения не следовало, но оно оканчивалось следующим образом: «Австро-венгерское правительство веками сеяло между вами раздоры и вражду, ибо только на вашей розни зиждилась его власть над вами. Россия, напротив, стремится только к одному, чтобы каждый из вас мог развиваться и благоденствовать, храня драгоценное достояние отцов — язык и веру, и, объединенный с родными братьями, жить в мире и согласии с соседями, уважая их самобытность. Уверенный, что вы будете всеми силами содействовать достижению этой цели, призываю вас встречать русские войска как верных друзей и борцов за ваши лучшие идеалы»[1].

Австрийская Галиция делилась на Восточную (административный центр — Львов, 51 уезд) и Западную (административный центр — Краков, 30 уездов). По переписи 1910 г. здесь проживали 5 913 115 человек, из них в Восточной Галиции — 5 334 193 человека[2]. В Буковине (административный центр — Черновцы) проживали всего 650 тыс. человек[3]. Занятие Восточной Галиции и ее административного центра поставило вопрос об управлении этими территориями. Ответ на него давала статья 11 «Положения о полевом управлении войск в военное время»: «Занятые области противника или присоединяются к ближайшим военным округам, или же, по надобности, из этих областей образуются самостоятельные военные генерал-губернаторства. Для управления в гражданском отношении занятыми по праву войны областями

неприятеля формируются особые учреждения»[4]. 22 августа (4 сентября) Верховный главнокомандующий издал приказ образовать в Галиции «особое генерал-губернаторство с подчинением его через главного начальника снабжения Юго-Западного фронта главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта». В тот же день на пост генерал-губернатора с резиденцией во Львове был назначен генерал-лейтенант граф Г. А. Бобринский[5].

В городе активную деятельность уже вел его двоюродный брат — депутат Государственной думы граф В. А. Бобринский. Его стараниями после входа во Львов русских войск были начаты розыск по тюрьмам арестованных русофилов и немедленное их освобождение[6]. Еще до войны Владимир Бобринский последовательно выступал в защиту русофильских элементов Галиции, отстаивавших свое право на сохранение этнической и культурной идентичности[7]. Эти элементы, столь нежелательные для Габсбургов, были в основном представлены формирующейся русинской интеллигенцией. На процессах, проведенных против нее австрийскими и венгерскими властями с помощью провокаторов в декабре 1913 г. в Мармарош-Сигете и в марте 1914 г. во Львове, основными доказательствами злонамеренности обвиняемых и их связи с русской разведкой стали напечатанные в России богослужебные книги, Святое Писание и даже изъятый при обыске (!) «Тарас Бульба»[8].

По данным австрийской переписи, сделанной на основании использования «обиходного языка», в уездах Восточной Галиции превалировали русины (62,5%), а в Западной — поляки (от 53 до 99,9%). Эти данные, разумеется, были до известной степени условны, так как не давали сведений по проживавшим здесь евреям[9]. Такими же недостатками страдала и австрийская довоенная статистика по Буковине (здесь были определенные неточности относительно евреев и армян)[10]. По более точным русским данным, в Восточной Галиции и Буковине русинское население составляло 41–62%, польское население местами доходило до 45%, еврейское — 11%, при этом в Восточной Галиции 62% принадлежали к униатской церкви, на Буковине 68% — к православной.

9 (22) сентября Г. А. Бобринский принял в большом белом зале дворца бывшего австрийского наместника делегацию представителей 19 галицко-русских культурно-просветительских и экономических обществ во главе с доктором В. Ф. Дудыкевичем. Представители русинов высказали радость в связи с освобождением от австрийского ига и воссоединением с Россией и заявили о своих верноподданнических чувствах по отношению к императору (В. Ф. Дудыкевич сразу же после взятия Львова направился в Петроград, где 28 августа (10) сентября был принят Николаем II). В ответном слове Г. А. Бобринский заявил о том, что в военных условиях не стоит ожидать немедленной ломки сложившихся реалий, а также предупредил, что не допустит мести или религиозной распри. 15 (28) сентября Николай II в телеграмме генерал-губернатору передал высочайшую благодарность депутациям русинских организаций[11].

Проблема обеспечения спокойствия была весьма сложной. Многие из освобожденных Г. А. Бобринским были настроены весьма недоброжелательно по отношению к своим идейным противникам и жаждали мести[12]. Для таких чувств у них были все основания. Обстановка в Восточной Галиции складывалась весьма сложная, отношения между конфессиями и нациями — традиционно натянутыми. Достаточно сказать, что 37% всей территории Галиции принадлежало крупным собственникам (владельцам латифундий — свыше 1 тыс. гектаров земли), которых было всего 475 человек, в основном поляки. При этом 94% русинов занимались земледелием, и абсолютное большинство этих крестьян владели участками земли от 1 до 5 гектаров[13]. Экономическое положение русинского крестьянства можно описать одним словом — нищета[14].

Необходимо отметить, что австро-венгерские власти с начала войны применяли самые жесткие меры против сербского населения в Боснии и русинского в Галиции. Они действовали систематично, широко используя практику взятия заложников, административной высылки, арестов, доносительства. За донос на москвофила в Галиции выплачивалась премия от 50 до 500 крон[15]. При малейшем желании представлялась большая возможность для заработка. В Восточной Галиции издавались 17 газет и 50 журналов на русинском языке, 51 газета и 136 журналов на польском, восемь газет и семь журналов на немецком, четыре газеты и четыре журнала на еврейском[16]. Если русинские издания (46 из 67 выходили во Львове), такие как «Галичанин», «Прикрапатская Русь», существовали на средства подписки, то украинские («Діло», «Руслан») пользовались субсидиями австрийского МИДа[17].

Разумеется, что для украинцев возникали весьма выгодные возможности для расправы с русинами и захвата их имущества. Речь шла не только о прессе. Национально ориентированным и верным Габсбургам элементам было чем поживиться. Так, например, товарищество «Просвита» в 1909 г. имело в Галиции около 28 тыс. членов, 2164 читальни, 194 хора, 170 любительских трупп и прочее. Но более всего местные власти раздражала православная церковь, в ее преследовании они не сдерживали себя практически ничем (необходимо учесть, что до 77% местных чиновников были поляками)[18]. Впрочем, в вопросе преследования православия собственной территорией австрийцы не ограничивались. При вторжении на русскую территорию, в Подолию, они проводили массовые аресты православных священников, уводили их в качестве заложников, громили монастыри и церкви (по данным архиепископа Варшавского Николая, таким образом в его епархии пострадало 20 церквей, погромы сопровождались глумлением над предметами церковной службы)[19].

Но самые массовые репрессии были направлены Веной против компатриотов. Уже 11 августа во львовских газетах был опубликован первый смертный приговор: в этот день во дворе городской тюрьмы по обвинению в передаче сведений русским войскам были повешены три крестьянина. За-

тем последовали другие массовые казни, причем обвинения не отличались разнообразием: за встречу с хлебом-солью русских войск, за ожидание их прихода, за симпатии к России и прочее[20]. По воспоминаниям переживших эти события, это был «подлинный, живой погром» всех тех, кто называл себя в Галиции русскими. Значительная часть арестованных была выслана в концентрационные лагеря Терезин и Телергоф, где они систематически подвергались пыткам, издевательствам и истреблению[21].

В конце августа 1914 г. только в Телергофе были собраны 2300 человек, а в конце ноября число заключенных достигло приблизительно 7 тыс., включая детей младше 10 лет. Людей привозили в товарных вагонах по 80–100 человек в каждом, в длительной дороге их почти не кормили и не выдавали воды. Заключенные сотнями погибали от побоев, болезней, дурного питания[22]. Самую активную роль в этих мерзких преследованиях сыграли активисты польских и украинских националистических организаций[23]. Ситуация в городах, особенно во Львове, была более сложной. Достаточно сказать, что в начале войны здесь польскими и украинскими националистическими организациями были проведены массовые демонстрации в поддержку правительства[24].

Именно из этих кругов рекрутировались доносчики на москвофилов и их палачи. Особенно активными были мазепинцы, получившие возможность уничтожить своих оппонентов физически и выжечь сознание родственной близости с русским народом из русинов. «Жажда славянской крови, — вспоминал один из узников Телергофа и Терезина, — запоморочила помыслы военных и мирских подданных Габсбургской монархии. Наши братья, вырекшиеся Руси, стали не только ее прислужниками, но и подлейшими доносчиками и палачами родного народа»[25]. С попустительства властей над арестованными по подозрению в симпатиях к России при конвоировании по улицам города открыто глумились и издевались, подвергали побоям и разного рода мучениям[26].

Следует отметить, что перед войной Восточная и Западная Галиции стали центрами польского сокольского движения, в рамках которого местная молодежь проходила усиленную военную и частично диверсионную подготовку. Центрами сокольских организаций стали Краковский, Тарновский, Ряшевский, Перемышльский, Львовский, Станиславовский и Тарнопольский округа, численность организаций достигала 40 тыс. человек[27]. Кроме «соколов», к 1914 г. действовавших в Галиции 48 лет, существовали еще стрелковые союзы, стрелковые дружины, военный союз, военный союз имени Костюшко — все это были польские организации[28]. В городах и местечках преобладал польский и еврейский элемент, весьма значительным было и влияние националистов. Кроме того, сочувствовавшие России элементы с началом войны были запуганы террором австрийских властей, арестовавших перед эвакуацией до 8 тыс. человек, подозреваемых в москвофильстве. Магистрат и полиция Львова контролировались поляками, в большинстве своем враждебно настроенными к России[29].

Кроме польских в Галиции существовали и две схожие по типу организации украинских националистов, так называемых мазепинцев — «Русский Сокол» и «Сечь». Всего данные организации к лету 1914 г. объединяли 2383 филиала и около 135 тыс. членов[30]. Это была хорошо организованная сила, в негативном отношении которой к России сомневаться не приходилось. Ее существование и допускалось австрийскими властями именно с целью противостояния русскому влиянию в мирное время и русской армии в военное. Входящую в Галицию русскую армию весьма сочуственно встречали в селах, а в городах иногда пытались обстреливать, правда, без особого успеха[31]. В целом пропаганда националистов успеха не имела. В тылу русской армии было абсолютно безопасно в самых мазепинских местах, посещавший их М. М. Пришвин отмечал, что «почти нигде не было войск, даже разъездов, патрулей, и везде было так, будто едешь по родной земле, способной нести крест татарского и всякого ига»[32]. В родных местах чувствовали себя и офицеры, отмечая прекрасное отношение к армии местного населения[33].

С польскими общественными и религиозными деятелями во главе с президентом Львова Г. А. Бобринский встретился на следующий день после русинов, 10 (23) сентября 1914 г. Они заявили о своей лояльности новой власти, прибавив при этом, что благодаря их усилиям Львов, «старинный славянский и польский город», был оставлен австрийцами без боя. Ответ русского генерал-губернатора не оставлял сомнений относительно того, какой будет его политика. Он отметил, что Восточная Галиция «искони коренная часть единой Руси великой. В этих землях коренное население всегда было русское, и устройство их должно быть основано на русских началах. Я буду здесь вводить русский язык, закон и строй»[34]. Генерал предупредил, что поляки являются коренным населением Западной Галиции и обещания великого князя Николая Николаевича относительно будущего Польши будут выполняться там после завоевания этих территорий[35].

Именно польским делегациям Г. А. Бобринский заявил и о том, что в случае необходимости не остановится перед репрессиями. Впрочем, это предупреждение было обращено ко всему населению Восточной Галиции: «Пользуясь настоящим, первым нашим свиданием, считаю нужным определенно установить и предупредить через вас всех жителей Львова, все население Галиции, что за малейшую попытку тайным или явным образом противодействовать правительственным мероприятиям я буду карать по всей строгости военного времени и полевого суда, невзирая ни на положения, ни на сословия и не останавливаясь ни перед какими-либо посторонними соображениями. Население бедной Галиции сильно пострадало от войны. Дай Бог, чтобы нашими общими силами нам удалось быстро его умиротворить и дать ему то благосостояние, на которое вправе рассчитывать все верноподданные русского Царя»[36]. Последняя проблема действительно была самой сложной.

Военный режим в непосредственном тылу воюющей на чужой территории армии никогда не отличался мягкостью. Свою роль сыграли невиданные

до этого масштаб военных действий и их ожесточенность. Война есть война, и избежать полностью инцидентов во время военных действий не удается ни одной армии. Отношение к ним русских военных властей было однозначным: за мародерство следовало жестокое наказание, вплоть до расстрела[37]. Тем не менее были целые соединения, появление которых создавало массу проблем. Прекрасная кавалерийская часть — Туземная (или так называемая Дикая) дивизия, состоявшая из добровольцев, набранных на Кавказе, части территории Закавказья и Средней Азии, перейдя границы Российской империи, сразу же отметилась рядом грабежей и изнасилований[38]. Ее рядовые бойцы — всадники были добровольцами, которые получали за службу довольно приличную плату — 30 рублей в месяц, а за каждый Георгиевский крест полагалась прибавка в три рубля[39]. Среди добровольцев были амнистированные императором при вступлении на службу абреки и кровники: например, в Ингушском полку состояла целая сотня таких всадников[40].

Следует отметить, что в боях эта дивизия проявила себя с самой лучшей стороны, за всю войну в ней не было ни одного случая дезертирства, ее бойцы не сдавались добровольно в плен[41]. «Наездники они были почти все очень хорошие, — вспоминал офицер дивизии. — Боевую дисциплину инстинктивно усваивали, что же касается дисциплины внутренней, домашнего распорядка, вне боя, то этого они не понимали и только года через 2–3 с трудом одолели, и то не полностью. Ближайшие начальники должны были зорко следить, дабы предотвратить вовремя могущие быть недоразумения, в особенности в области взаимоотношений с местными жителями, которых по ту сторону границы горцы считали врагами России, а следовательно, и своими»[42].

Офицерам и унтер-офицерам с трудом удалось остановить такое «наказание врага». «На ночевках и при всяком удобном случае, — вспоминал офицер Ингушского полка, — всадники норовили незаметно отделиться от полка с намерением утащить у жителей все, что плохо лежало. С этим командование боролось всеми мерами, вплоть до расстрела виновных, но за два первых года войны было очень трудно выветрить из ингушей их чисто азиатский взгляд на войну, как на поход за добычей»[43]. В результате часто случалось так, что при появлении всадников этой дивизии в селах и местечках Галиции население старалось спрятаться. Причины были просты. «Всякого жителя неприятельской страны, — свидетельствует ротмистр А. Л. Марков, с большой симпатией относившийся к своим весьма непростым подчиненным, — они считали врагом со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами, а его имущество — своей законной добычей. В плен австрийцев они не брали вовсе и рубили головы всем сдавшимся»[44].

Такие случаи явно шли вразрез с политикой русских военных властей на оккупированной австрийской территории. В остальных частях к пленным, разумеется, относились по-другому, а раненых русинов по их просьбе исповедовали священники[45]. Во всяком случае, после того как фронт откатился на запад, местное население быстро убедилось в том, что ему не стоит бояться

русской армии. Тыловые части даже начали помогать местным крестьянским хозяйствам, лишившимся работников[46]. Американский гражданин, военный корреспондент «Таймс» Стенли Вошборн, посетивший занятые русскими войсками районы Галиции (Львов, Галич), отметил образцовый оккупационный порядок, установленный там, отсутствие жалоб со стороны местного населения на насилие или покушение на частную собственность русскими солдатами и офицерами. Негативно по отношению к русским были настроены только евреи[47].

В ряде городов Восточной Галиции они приняли активное участие в погромах и расправах над русофилами, активно помогая венгерским и немецким частям, а также польским и украинским националистам[48]. Естественно, что часть еврейской общины предпочла уйти вслед за австрийскими войсками, а другая часть с приходом русских войск воздержалась от активного проявления своих эмоций[49]. «Поляки держат себя вполне нейтрально по отношению к русским, не более того, — сообщал корреспондент «Биржевых ведомостей». — Евреи безразличны. Словаки и русины не скрывают своего восторга от побед великой России и для русских готовы на все»[50]. Демонстративная безразличность на войне часто скрывает совсем другие чувства, которые обычно небезопасно демонстрировать перед военной администрацией, коль скоро она их вызывает.

Как отмечалось в отчете жандармского управления генерал-губернаторства Галиции, «проявлений этой враждебности, по крайней мере в первый период, совершенно не было вследствие того, что эта часть населения (еврейская интеллигенция. — *А. О.*), можно сказать, полностью оставила пределы Галиции. Мелкое еврейство, городское население держалось до отступления крайне приниженно и только при оставлении русскими Львова не скрывало своего ликования по этому поводу»[51]. Впрочем, ожидать чего-либо другого было сложно. «Война ведется таким жестким образом, — отмечал 30 октября (12 ноября) 1914 г. директор дипломатической канцелярии при Ставке князь Н. А. Кудашев, — что не знаешь даже, что возможно и чего дозволять не имеет смысла»[52]. Не будем, однако, преувеличивать тяжесть русской военной власти. Тем не менее слова Н. А. Кудашева свидетельствуют не о силе русской администрации, а, скорее, наоборот. Ей недоставало образованных, знакомых с местными условиями сотрудников. Ведомство князя Н. Л. Оболенского, который отвечал в Ставке за гражданское управление оккупированными территориями, с первых шагов столкнулось с кадровой проблемой и весьма сложной обстановкой в Галиции.

27 августа (9 сентября) 1914 г., в разгар боев начального этапа войны, вице-директор дипломатической канцелярии при Ставке Н. А. Базили сообщил С. Д. Сазонову о «замечательной лояльности нашего польского населения, идущей значительно дальше того, на что можно было в лучшем случае надеяться. Зарубежное польское население также относится вполне сочувственно к нашим войскам. Единственным исключением в этом отношении являются появившиеся было в числе австрийских войск польские

сокольские отряды. Под влиянием ли отрицательного к ним отношения польского общества или вследствие объявления о непризнании нашими войсками за ними характера комбатантов сокольские отряды скоро исчезли»[53].

Ряд польских деятелей выступил с инициативой создания в составе русской армии польских добровольческих соединений, однако это предложение не было поддержано ни великим князем Николаем Николаевичем, ни Н. Н. Янушкевичем. «Отдавая вполне должное лояльным чувствам, проявляемым ныне польским обществом, — докладывал Н. А. Базили, — Верховный главнокомандующий и начальник его штаба не могут не отнестись к этому предложению с некоторым опасением. Более чем вероятно, что если теперь создана будет польская армия, то при определении нового устройства Польши тем самым будет решен вопрос о предоставлении ей права содержать независимую армию. Эта цель, по-видимому, и входит в расчет инициаторов этого предложения. Наконец, неизвестно еще, как повернутся события впоследствии, и, быть может, польские военные организации могут оказаться со временем даже вредными для нас»[54]. Для подобного рода опасений имелись все основания.

16 (29) сентября 1914 г., по окончании Галицийской битвы, Н. А. Базили подал на имя Верховного главнокомандующего записку, в которой говорилось о сложном положении на оккупированных территориях. «Перед нашей администрацией в Галиции («Временное положение об управлении областями Австро-Венгрии, занятыми по праву войны» было утверждено главковерхом 19 августа (1 сентября) 1914 г. — *А. О.*), — отмечал Н. А. Базили, — выдвигаются в высшей степени трудные задачи. Обстановка, в которой ей придется работать, чрезвычайно сложная. Австрийская администрация, как бы она ни были пристрастна и несправедлива, представляла собой очень совершенную машину. Заступающая ее место русская власть не должна уступать ей качественно. По всем этим причинам казалось бы необходимым управление этим краем, исторически призванным стать коренной частью России, поставить на надлежащую высоту, и сделать это надо с самого начала. Очень большое значение в этом отношении будут иметь уездные начальники. Было бы чрезвычайно желательно, чтобы на эти должности привлекались просвещенные и независимые по своему личному положению лица, вроде наших предводителей дворянства и лучших местных деятелей. Уездным начальникам должен быть дан в помощь достаточный материал»[55].

Но как с деятелями, так и с материалом возникали бесчисленные проблемы. Сотрудник князя Н. Л. Оболенского отмечал: «Дела, нас касавшиеся, были разбросаны по всем отделам штаба (Верховного главнокомандующего. — *А. О.*). Попадали они, главным образом, к дипломатам, которые не знали и не понимали, что с ними делать, и перебрасывали их, куда попало. Много вопросов весьма важных и спешных, ждавших своего решения, как, например, устройство управления и администрации на занятых неприятельских территориях, оставалось без движения. Так, отправили дипломаты в Министерство внутренних дел ходатайство военных властей о посылке в

Галицию чиновников для работы в административных органах. Министерство, в свою очередь, обратилось циркулярно к губернаторам западных провинций, а те послали на занятые территории своих чиновников, которые плохо проявили себя на службе. Воспользовались случаем, чтобы от них избавиться. Таким образом, в Галиции образовалась администрация, состоявшая из никуда не годных чиновников, которые восстанавливали против нас местное население, встретившее русских солдат как своих братьев-славян, с радостью. Все это надо было срочно исправлять»[56].

За исправление взялись, но вопрос кадрирования штатов русской администрации решить так и не удалось. «Если наша власть в крае не будет располагать силой, — писал в цитируемой выше записке Н. А. Базили, — то в случае наших неуспехов нельзя быть уверенным в спокойствии, и нашим сообщениям может угрожать опасность. Организация же русской полиции явной и тайной, и притом достаточно многочисленной, совершенно неотложна»[57]. Увеличенный штат жандармского управления военного генерал-губернатора Галиции, под властью которого находилось четыре неполные губернии (около 4 млн), насчитывал 115 человек, включая писарей и унтерофицеров. Из них на Львов, население которого перед войной равнялось приблизительно 170 тыс., приходились 36 человек. Для сравнения, в мирное время только во Львовском уезде служили от 80 до 90 жандармов)[58], всего же австрийское Областное жандармское управление № 5 имело в своих рядах до войны 68 офицеров и 3165 нижних чинов, большая часть которых служила в Восточной Галиции (24 жандармских отделения из 35)[59].

Наряду с путаницей и неизбежными в военное время репрессиями русскими властями был предпринят ряд мер по поддержанию местного населения. С самого начала особое внимание было уделено налаживанию новой системы образования: во Львове, Тарнополе, Станиславове и Черновцах были открыты двухмесячные курсы русского языка, организацией которых занималась дирекция народных училищ Киевского учебного округа. К началу 1915 г. было запланировано открыть еще 10 образовательных училищ с преподаванием на русском языке: по пять в городах и селениях[60]. Вместе с тем существовали и многочисленные проблемы материального характера. Война разорила значительную часть Галиции, во Львов потянулись беженцы, в основном женщины, дети и старики[61].

Начальник штаба 10-го армейского корпуса, организовавший в своем тылу раздачу муки крестьянам, вспоминал: «Положение населения в занятых нами областях вблизи фронта было очень тяжелое: кормильцы семейств взяты в солдаты, жизнь замерла, фабрики и заводы остановились, заработать негде, стали и железные дороги, и прекратилась жизнь во всех административных учреждениях, властей никаких — ни своих, ни русских, ни суда, ни управы, ни администрации. Вся торговля остановилась, стоимость денег стала неопределенной. У жителей не было ни рабочего скота, ни муки, ни чая, ни сахара... Лошадей забрали и свои, и чужие. Оставшийся рогатый скот понемногу реквизировался для пополнения порционных гуртов. Мука

израсходовалась. Пшеница и ячмень хотя и были у населения, но не было мельниц»[62].

Для лучшей организации помощи населению и беженцам во Львове был создан Главный благотворительный комитет, который открыл филиалы в других городах генерал-губернаторства[63]. Значительная проблема возникла и с совершенно неожиданной стороны. 2 (15) октября 1914 г. в интервью группе русских и иностранных журналистов генерал-губернатор Г. А. Бобринский заявил: «В настоящее время я особенно озабочен вопросом об облегчении участи большого количества австрийских чиновников, находящихся в Галиции без всяких средств к существованию, ибо австрийское правительство захватило с собою все суммы, предназначенные для выдачи им жалованья, а также все сбережения их в банках»[64]. Осенью 1914 г. в Галиции насчитывалось около 50 тыс. чиновников Австро-Венгрии, только в одном Львове их скопилось до 12 тыс.[65]

По распоряжению генерал-губернатора в конце сентября в город были завезены продукты на сумму 60 тыс. рублей: соль, сахар, солонина, мука, крупы, рис — все это раздавалось беднейшему населению[66]. В городе и провинции были организованы благотворительные столовые, беженцам распределялась помощь продуктами. Только за октябрь 1914 г. было роздано продуктов на сумму 100 тыс. рублей[67]. Учитывая тот факт, что курс обмена русских денег на австрийские в сентябре 1914 г. установился в соотношении 0,3 рубля за 1 крону, эта была весьма значительная сумма[68]. Материальная помощь была оказана и семьям австрийских чиновников, организованы приюты для детей-сирот[69]. Кроме того, жалованье получали и сотрудники оставленных в городе австро-венгерских госпиталей (1500 раненых, 20 врачей и сестры милосердия).

Выздоравливавшие раненые, признанные комиссией годными к строевой службе, направлялись в глубь России, инвалиды передавались на попечение местных патронатов. Разумеется, за ранеными ухаживал и русский медицинский персонал, а в начале декабря 1914 г., когда в австрийских госпиталях осталось только 600 раненых и больных, они были переведены под русскую юрисдикцию[70]. За ноябрь 1914 г. во Львове разного рода помощь получили 19 537 нуждающихся, для раздачи было получено 16 тыс. пудов муки, 1,5 тыс. пудов крупы, 12 тыс. пачек кофейных консервов и прочее[71]. За то же время во Львове было организовано 40 бесплатных столовых, обеспечивающих по 40 тыс. бесплатных обедов в день[72].

Однако этого оказалось недостаточно, и 31 октября (13 ноября) 1914 г. Главный благотворительный комитет издал обращение «Помогите родной Галиции!», в котором говорилось: «При самом начале мобилизации по всей Червонной Руси прошли аресты тысячей и казни сотен священников, интеллигентов и крестьян, одним словом, всех тех, кто проявил себя яркими поборниками русской народной идеи. Враги русского народа захотели воспользоваться военным положением, чтобы грубой силой искоренить то русское сознание, с которым они бессильны были бороться культурным

путем. До сих пор выяснено, что в занятой нами части Галичины арестованы около 10 тыс. русских людей, а казнены более 1 тыс. Освобождены нами из галицких тюрем лишь около 2 тыс., остальные вывезены в глубь Австрии и Венгрии, и неизвестно, какая их постигла участь. Имущество же их разграблено озлобленными австрийскими жандармами, мадьярами и немцами. Мы еще не имеем точных сведений из Угорской Руси и Лемковщины, но оттуда доходят зловещие слухи, что отступающие австрийцы вырезали целые деревни и что уцелевшие жители скрываются по горам и лесам. Сколько осталось вдов и сирот, ныне потерявших все из-за верности своих отцов и мужей нашей общей Матери Руси! И мы не можем их оставить без своего сердечного участия и без помощи в хлебе, одежде и топливе»[73].

Крестьянское население Восточной Галиции действительно стало объектом забот русской администрации непосредственно перед началом посевной — весной 1915 г. Из запланированных 449 715 пудов зерна успели отправить только 166 549 пудов, а распределить еще меньше. Однако порядок распределения был очень выгоден: беднейшие крестьяне получали его в кредит без задатка, прочие выплачивали 25%, а на оставшуюся сумму предоставлялась рассрочка вплоть до 1 марта 1916 г.[74] Только на временные курсы для учителей из Галиции (первоначально их организовали в Петрограде) правительством было выделено 35 тыс. рублей[75]. Не удивительно, что зимой 1915 г. жители русинских деревень, оказавшихся между русскими и австрийскими позициями, шли к русским, где их кормили и укрывали, а не грабили и насиловали[76].

Более сложными, как уже отмечалось, были отношения русских властей с еврейским населением Галиции. Как правило, поначалу проблемы были связаны с укрывательством бывших военнослужащих. Осенью 1914 г. довольно обычной была картина австрийских пленных, идущих по дорогам в цивильном. Это были русины, которые покидали австрийскую армию при отступлении и уходили по домам. Многих там потом и задерживали[77].

Нередко случались и побеги пленных. Их этапирование было организовано не лучшим способом. Иногда расстояние при переходах превышало 25 верст (чуть меньше 27 км), уставшие люди отставали от колонн, при незначительном количестве конвоиров и отсутствии жесткого отношения к отставшим побег не составлял большого труда, особенно для местных жителей, которым было куда бежать[78]. Выход из весьма двусмысленного положения был найден 12 (25) августа 1914 г., после взятия Тарнополя. Тогда по рекомендации присутствовавшего при штаба 8-й армии депутата Государственной думы графа В. А. Бобринского А. А. Брусилов принял решение отпустить пленных галичан, которые согласились присягнуть на верность России и ее императору[79]. Позже стали использовать более традиционную форму — честное слово не воевать против русских.

Во всей контролируемой русскими властями Галиции за все время их пребывания там было проведено 1200 арестов и около тысячи обысков. Как такового сопротивления русским войскам и властям не оказывалось,

крупные фигуры из еврейской, польской партий и иезуиты покинули город вместе с австрийскими частями. Впрочем, во Львове была раскрыта и обезврежена небольшая террористическая группа, готовившая покушение на генерал-губернатора Г. А. Бобринского и русофильски настроенных общественных деятелей.

За время русского контроля над четырьмя губерниями Восточной Галиции из нее были высланы 1568 человек, и самый известный из них — униатский митрополит Андрей (Шептицкий)[80]. Польский граф и австрийский гусарский офицер, до пострижения он постоянно занимал антирусские позиции до войны, а после прихода русских войск публично призвал паству во время службы в Свято-Георгиевском соборе Львова сохранять верность Францу-Иосифу[81]. Проведенный в резиденции Шептицкого обыск дал доказательства подрывной пропаганды[82]. В результате граф-митрополит был арестован и выслан из Галиции в Киев[83]. Позже он был переведен в суздальский Спасо-Евфимиев монастырь, а осенью 1916 г. — в Ярославль, где и проживал до февральского переворота в снятой для него квартире на тихой Воздвиженской улице под гласным надзором полиции[84].

Герои русской революции не позабыли о нем, Шептицкий был освобожден и вызван в Петроград по распоряжению министра юстиции Временного правительства А. Ф. Керенского[85]. Позже он был направлен в Австро-Венгрию, правда, его пересылка была приостановлена из-за так называемого дела отца Николая Рыжкова — настоятеля православной церкви в Праге, арестованного в августе 1914 г. и приговоренного в 1917 г. к смертной казни. Австрийцы и ранее предлагали обменять русского священника на униатского митрополита, но после того как Шептицкий был освобожден без предварительных условий, изменили свою позицию[86].

В целом, вряд ли общее количество высланных русскими властями можно назвать значительным для военного управления населением численностью около 4 млн человек, особенно если учитывать сложное этническое, социальное и конфессиональное состояние края. Во внутренние губернии под надзор полиции было выслано: евреев — 38% (585 человек), русинов-галичан (бежавших из плена) — 29% (455 человек), поляков — 25% (412 человек), немцев и венгров — 5% (76 человек), русских подданных — 2% (28 человек), итальянцев, греков и чехов — 1% (12 человек). При этом за тот же период под честное слово не воевать против России были освобождены 4290 военнопленных, уроженцев Галиции, православных и униатов[87].

Завершение битвы в Восточной Пруссии, Варшавско-Ивангородская и Лодзинская операции

После Галицийской битвы возросла популярность генерала Н. И. Иванова, победа в ней приписывалась только ему. Г. И. Шавельский отмечал, что «добрым гением Юго-Западного фронта был не сам главнокомандующий, а начальник его штаба, скромный, никогда не кричавший о себе генерал М. В. Алексеев, — это знали и понимали, во всяком случае, не все. Взоры массы устремлялись прежде всего на главнокомандующего победоносной армией»[1]. Оба генерала получили награды из рук императора в присутствии главнокомандующего. Встреча состоялась на небольшой узловой станции Луков[2]. Н. И. Иванов получил орден Св. Георгия 2-й степени, М. В. Алексеев — 4-й степени, причем великий князь лично повесил ему на грудь собственный Георгиевский крест[3].

Но основным «героем» прошедшего сражения стал генерал Н. В. Рузский. Его увлечение эффектными «взятиями» городов, проявившееся под Львовом, привело к тому, что австрийская армия избежала катастрофы, ограничившись поражением. Сам же генерал приобрел славу победителя не без помощи отечественных журналистов. «Но до сих пор русский народ не знает, — записал 1 (14) октября 1915 г. в своем дневнике М. К. Лемке, — что австрийская армия в 600 тыс. человек преблагополучно выскользнула из приготовлявшихся ей ножниц, не сжатых своевременно Рузским, который и виноват в ее спасении»[4]. Н. В. Рузский был одним из генералов, пользовавшихся перед войной поддержкой В. А. Сухомлинова, который знал его с тех пор, когда тот еще командовал корпусом в Киевском военном округе: «В Рузском я ценил человека, прекрасно знакомого с военным делом и способного к целесообразной, продуктивной работе. Деятельность его

на войне ценилась высоко, хотя телесно крепок он не был, ему временно приходилось, по нездоровью, покидать ряды воюющих»[5].

Весьма верную, как представляется, характеристику Н. В. Рузскому дал его сосед по Юго-Западному фронту генерал А. А. Брусилов: «Рузский, человек умный, знающий, решительный, очень самолюбивый, ловкий и старавшийся выставлять свои деяния в возможно лучшем свете, иногда в ущерб своим соседям, пользуясь их успехами, которые ему предвзято приписывались»[6]. В подобных действиях Н. В. Рузский получил поддержку со стороны своего начальника штаба генерала В. М. Драгомирова и генерал-квартирмейстера полковника М. Д. Бонч-Бруевича[7]. 1 (14) сентября 1914 г. 3-я армия сменила командование, ее возглавил командир 8-го корпуса генерал Р. Д. Радко-Дмитриев. Верховный главнокомандующий решился, наконец, сделать вывод из произошедших в Восточной Пруссии событий.

На этот день на русском Северо-Западном фронте сложилась непростая ситуация. Вслед за поражением А. В. Самсонова настала очередь П. К. Ренненкампфа. Его положение казалось прочным, газеты сообщали о том, что он по-прежнему популярен в войсках и теснит пруссаков, 16 (29) августа генерал был награжден орденом Св. Владимира 2-й степени с мечами[8]. Однако уже 18 (31) августа В. А. Орановский предупредил командующего 1-й армией, что вслед за разгромом А. В. Самсонова надо ожидать наступления на его фронте[9]. Опасность была очевидной. Настал последний день трагедии 2-й армии. Именно тогда германское Верховное командование поставило перед П. фон Гинденбургом следующую цель: «Ближайшей задачей 8-й армии явится очищение Восточной Пруссии от армии Ренненкампфа. Преследование разбитого теперь противника вести частями, которые могут быть для этого выделены, в направлении на Варшаву, с учетом возможного движения русских от Варшавы на Силезию. В дальнейшем 8-ю армию предлагается использовать, если обстановка в Восточной Пруссии это позволит, в направлении на Варшаву»[10].

8-я германская армия была усилена 11-м армейским, Гвардейским резервным корпусами и 8-й кавалерийской дивизией. Ее состав был увеличен до 7,5 корпуса и двух кавалерийских дивизий, после разгрома 2-й русской армии ее солдаты и офицеры верили в свои силы, ее командование хорошо представляло себе возможности и манеру управления противника. П. фон Гинденбург и Э. Людендорф имели два плана действий: один предусматривал нанесение удара по Седлице, что создало бы серьезную угрозу тылу Юго-Западного фронта и оказало существенную помощь австрийскому союзнику, второй — вытеснение 1-й русской армии из Восточной Пруссии. Командование 8-й армии предпочло второй план. Теперь, прикрывшись тремя пехотными дивизиями из остатков 2-й армии, основные силы немцев (12 пехотных и две кавалерийские дивизии) были направлены против 1-й (13,5 пехотной и 5,5 кавалерийской дивизий). Силы были примерно равны, но немцы обладали значительным перевесом в артиллерии — 1026 орудий против 724, который был решающим в легких гаубицах — 150 против 48 и

абсолютным в тяжелой артиллерии — 192 при абсолютном отсутствии таковой у русских. К 5 сентября германские войска развернулись в 40 км от армии П. К. Ренненкампфа, а 6–9 сентября начали входить с ней в соприкосновение[11].

Немцы торопились. На момент окончания операции против А. В. Самсонова им не было известно расположение Гвардейского корпуса, кроме того, по данным разведки, они ожидали в ближайшее время завершения переброски в тыловой район 1-й армии 22-го армейского корпуса из Финляндии и 18-го армейского корпуса из Петербурга. Все эти части в случае сбора в районе Гродно резервной группировки резко усложнили бы выполнение поставленной Верховным командованием перед 8-й армией задачи[12]. Наступлению предшествовала работа по дезинформации русских штабов. Немцы хотели притянуть внимание противника к правому флангу 1-й армии, в то время как удар планировали нанести на ее левом фланге. Утром 18 (31) августа начальник штаба 1-й армии генерал-лейтенант Г. Г. Милеант предложил отвести войска с занимаемых позиций как весьма невыгодных для обороны, особенно на левом фланге, и сосредоточить их в тылу, в районе Гумбинена — Гольдапа, для того чтобы «весьма вероятный обход левого фланга армии через Мазурские озера можно было соответственно встретить контрманевром». Начальник штаба фронта генерал В. А. Орановский согласился с этим предложением и обратил внимание Г. Г. Милеанта на необходимость притянуть к пехоте кавалерию армии[13].

Однако уже ночью 19 августа (1 сентября) Я. Г. Жилинский потребовал от П. К. Ренненкампфа «во что бы то ни стало удерживаться севернее Мазурских озер на путях от линии Инстербург, Ангербург к линии Волковышки, Сувалки, причем в действиях армии должно быть проявлено полное упорство»[14]. Необходимо отметить, что отношения между начальником штаба армии и ее командующим были далеки от идеальных. С началом военных действий они резко испортились. П. К. Ренненкампфа явно раздражала независимость суждений подчиненного[15]. После приказа главнокомандующего Северо-Западным фронтом неправота Г. Г. Милеанта казалась П. К. Ренненкампфу абсолютно очевидной, ведь она расходилась с указаниями свыше. Командующий армией немедленно отреагировал на распоряжение Я. Г. Жилинского, поняв его в буквальном смысле: 1-я армия стала окапываться, готовясь к обороне каждой пяди занятой земли. Протесты Г. Г. Милеанта, справедливо указывавшего на то, что положение стоящего на левом фланге слабого кордона от этого не улучшится, игнорировались. Командующий армией, по словам начальника штаба, начал «форменную травлю» своего неудобного подчиненного[16].

В тяжелейшем положении оказался генерал-квартирмейстер армии генерал-майор К. К. Байов, который разделял взгляды Г. Г. Милеанта, но вынужден был выполнять взаимоисключающие приказы своих командиров[17]. Штаб армии фактически перестал работать в нормальном режиме, его рекомендации принимались и отвергались несколько раз в день. Ко-

мандующий то принимал решение об усилении своего заслона на правом фланге, то отказывался от него. В результате несчастный 20-й армейский корпус то начинал движение с правого фланга 1-й армии на левый, то прекращал его и возвращался назад. Так продолжалось почти семь дней[18]. Происходило именно то, на что рассчитывал в 1905 г. А. фон Шлиффен: создание фланговой угрозы заставит русское командование действовать в манере А. Н. Куропаткина, то есть метаться, снимать для укрепления флангов части с фронта, что в конечном итоге вызовет обвал русской обороны[19].

Колебания П. К. Ренненкампфа имели под собой основания самого разного характера. С самого начала войны русская морская разведка сообщала о готовности значительных сил германского флота (шесть дредноутов, шесть броненосцев, один линейный, 10 линейных крейсеров и другие корабли) перейти через Кильский канал в Балтику и о том, что до 50 транспортов концентрируются в районе порта Свинемюнде в Восточной Пруссии для перевозки десанта в Финляндию[20]. Эти опасения соответствовали предвоенным ожиданиям Морского Генерального штаба, где опасались прямого удара в Финском заливе с возможным развитием операции в сторону русской столицы. В связи с этим внимание моряков прежде всего было приковано к так называемой центральной, или Поркалаудской, минно-артиллерийской позиции, закрывающей вход в Финский залив. Ее и должны были прикрывать русские дредноуты[21].

В первые дни войны командование Балтийского флота ожидало, что противник предпримет попытку прорыва в восточную часть Балтики. Ставка выдвинула перед флотом задачу любой ценой не допустить этого. Опасения были не беспочвенными. Еще 12 (25) июля начальник германского Морского Генерального штаба отметил: «Если Англия останется нейтральной, то, несмотря на чрезвычайно важные задачи в Северном море, я стою за то, чтобы сначала покончить с Россией, выделив для этого столько сил, сколько понадобится. С другой частью флота и с освободившимися в Балтийском море судами могут быть выполнены задачи, намеченные для Северного моря». Вильгельм II также склонялся к этой идее[22]. Тем не менее первые три недели войны обстановка на море была относительно спокойной[23].

Следуя составленному в предвоенный период плану, командование русского флота приняло слишком поспешное, как оказалось позже, решение об оставлении Либавы. Город находился приблизительно в 50 км (в трех переходах) от германской границы. При Александре III здесь начали строить крепость, но на ее сухопутном фронте перед Русско-японской войной укреплений почти не было, а после 1905–1907 гг. строительство не велось. «Либава действительно была не крепостью, — вспоминал начальник ее крепостного штаба в 1902–1904 гг., — а каким-то странным недоразумением... Укрепление Либавы с юга (то есть с германской границы. — *А. О.*) производило такое впечатление, будто наше высшее начальство было убеждено, что достаточно русским генералам на полпути между границею и Либавою

поставить на дороге вывеску: «Вход германским войскам воспрещается», чтобы никакие немцы к нам не пришли»[24].

Поскольку на такую любезность со стороны германцев командование флота не могло рассчитывать, а планы вторжения в Восточную Пруссию ему не были известны, оно приняло решение обезопасить себя в угрожаемых точках. В результате 1 августа в восемь часов вечера в Либаве получили приказ уничтожить порт и приступить к закупорке входа в него. Работы начались немедленно: у входа в порт были затоплены пять задержанных германских пароходов, три землечерпалки и три шаланды, в его внутренней гавани — плавучие краны и доки, старые миноносец и подводная лодка, одновременно все портовые сооружения были приведены в негодность, взорваны мост через канал, затворы в створах сухопутных доков. К четырем часам дня 2 августа все эти работы были завершены, имущество 1-й минной дивизии эвакуировано[25]. На восток ушли и стоявшие здесь три подводные лодки учебного отряда: «Стерлядь», «Белуга», «Пескарь»[26]. 31 июля такие же работы начались и в Виндаве: здесь вход в порт был затруднен затопленными пароходами, но полностью так и не блокирован вплоть до прихода сюда немцев в 1915 г.[27]

Опасения оказались излишними. Противник поначалу не был слишком активен на либавском направлении. 1 августа 1914 г. для действий в русских водах было выделено два легких крейсера «Аугсбург» и «Магдебург» и несколько миноносцев. Утром 2 августа немецкие корабли покинули бухту Данцига для минирования подступов к этому порту[28]. Поставив минное заграждение вечером того же дня, уже 21 июля (3 августа) они обстреляли Либаву[29]. Было выпущено 20 снарядов, которые, впрочем, не причинили особого вреда[30]. Крейсеры обстреливали невооруженный уже город и, поскольку в летнее время значительная часть его жителей (кстати, немцев) с семействами находилась на пляже, не пожалели для них двух снарядов. По счастливой случайности дело обошлось без жертв: снаряды ушли в прибрежный песок и не взорвались[31]. Вскоре флот противника получил приказ постоянно беспокоить русское побережье[32]. В 20-х числах августа положение на Балтике изменилось. Немцы «создавали обстановку, позволявшую предполагать, будто германский флот в эти дни готовится к какой-то крупной операции»[33]. В этих обстоятельствах Либава понадобилась как передовой пост базирования русских подводных лодок, к которым вскоре присоединились и английские[34].

«За последнюю неделю, — вспоминал офицер 1-й крейсерской бригады, — германские суда начали проявлять усиленную деятельность и появлялись в наших водах почти ежедневно. 4/17 августа несколько крейсеров подходило к устью Финского залива на вид нашей I бригады крейсеров, после чего отошли на W. Им легко это было сделать безнаказанно из-за большого преимущества в скорости. Ночью 5/18 августа неприятельские миноносцы появлялись в Ирбенском проливе и освещали берег прожекторами, а днем обстреливали Нижний Дагеророт; наши крейсера гнались за

ними, но, конечно, безуспешно. 6/19 неприятельские миноносцы были на виду у Утэ и затем обстреливали Бикгофен; к вечеру несколько крейсеров входили в Финский залив и доходили до меридиана Гангэ; 7/20 и 8/21 посты Рижского залива доносили, что ночью видели прожектора у Вердера, Аренсбурга и Руно. 8/21 севернее Такхона взорвалось два голландских парохода: этим обнаружилось поставленное неприятелем в ночь на 5/18 в устье Финского залива заграждение; 9/22 их крейсера были у Бакгофена и Стейпорта. С 10/23 стоял густой туман и неприятеля видно не было, но к вечеру 11/24 обнаружилось усиленное неприятельское радиотелеграфирование. Немцы рыскали вблизи, но для нас оставались неуловимыми, несмотря на то что мы за все эти недели почти не имели якорных дней»[35].

Впрочем, в попытке выполнить приказ о действиях против русского берега немцы быстро понесли весьма значительную утрату: в ночь с 12 (25) на 13 (26) августа у входа в Финский залив на камни близ острова Оденсхольм выскочил легкий крейсер «Магдебург». Перед этим он обстрелял пост и маяк на острове, было сожжено несколько деревянных строений, но радиостанция осталась цела и продолжала работать без перерыва[36]. Противник попытался снять корабль с мели, но, когда это не удалось, а к нему приблизились броненосные крейсеры «Баян» и «Паллада», немцы взорвали «Магдебург»[37]. Его носовая часть была оторвана, корпус судна очень сильно поврежден, что сделало невозможным снятие с мели[38]. Потеря крейсера была слишком дорогой ценой за несколько сожженных деревянных зданий. Полностью эвакуировать команду корабля не удалось, в плен попали его командир, два офицера и 54 матроса. Но самыми ценными призами стали шифровальные книги, система квадратов, коды сигналов. Русский флот немедленно поделился этой информацией с англичанами[39].

Хотя соображения командования флота относительно опасности со стороны немцев не подтвердились поначалу и потому не показались обоснованными для Верховного главнокомандующего, они все же вызвали у него беспокойство за правый фланг 1-й армии. 23 августа (5 сентября) Николай Николаевич (младший) приказал ее командующему обратить особое внимание на свой правый фланг, опасаясь того, что немцы высадят десант в тылу, опираясь на порты Восточной Пруссии[40]. Для этого в штаб П. К. Ренненкампфа в Инстербург специально был послан капитан 2 ранга А. Д. Бубнов. Ставка даже запросила командующего Балтийским флотом о возможности противодействия противнику силами линкоров, однако император запретил использовать ударные силы флота вне центральной позиции[41].

«Русские находились тактически в очень благоприятном положении, — отмечал генерал В. Гренер. — Если бы 10-я армия своевременно прибыла на позиции, то она могла бы встретить немецкий охват восточнее Мазурских озер и противодействовать движению немцев через Лык и южнее. Однако Ренненкампф странным образом заботился не о своем левом фланге, а о правом, где он опасался немецких действий через залив и со стороны моря»[42]. Без сомнения, страх перед германским десантом был ошибкой.

Перед войной германское командование не рассматривало вопрос о какомлибо десанте на Балтике до решения противостояния с британским флотом. Более того, они сами опасались, и не без основания, набегов русских миноносцев из района Либавы[43].

1–3 сентября русские крейсеры «Россия», «Рюрик», «Богатырь», «Олег» и эскадренный миноносец «Новик» совершили выход в центральную часть Балтики с целью демонстрации флага. В ответ на это командование германского флота решило перебросить из Северного моря тяжелый крейсер «Блюхер», 4-ю эскадру линейных кораблей (семь вымпелов), две флотилии миноносцев (22 вымпела). Эти силы должны были компенсировать неприятный эффект потери «Магдебурга» и присутствием в море создать угрозу русским берегам[44]. Одновременно в портах Восточной Пруссии действительно шел сбор транспортов, но производился он лишь с целью дезинформации русского командования[45]. По той же причине немцами был передан по радио открытым текстом ряд сообщений о направлении к левому флангу их фронта, то есть к побережью частей Гвардейского резервного корпуса. Одна из них была перехвачена и принята за чистую монету П. К. Ренненкампфом, Я. Г. Жилинским и В. А. Орановским[46].

С 9 сентября Балтийский флот постоянно получал информацию об усилившейся активизации немцев на востоке Балтики[47]. 11 сентября немецкая эскадра из пяти линейных кораблей, четырех броненосцев и одного легкого крейсера, 21 миноносца и восьми тральщиков появилась в районе Виндавы, обстреляла русское побережье и высадила небольшой десант[48]. Силу десанта было трудно определить сразу, но командование русского флота получило информацию о том, что с германскими военными кораблями находилось восемь транспортов[49]. Набег немцев был кратковременным, на следующий день основные силы эскадры противника возвратились назад[50]. Тем не менее они выполнили свою задачу и убедили русское Верховное главнокомандование в том, что опасность десанта реальна. В результате ориентировка Ставки совпала с замыслом германского командования. Свою лепту в успех немцев внес и штаб Северо-Западного фронта. Оба они явно руководствовались «шпаргалкой» — довоенной информацией о планах немцев нанести удар в районе побережья[51].

Сам П. К. Ренненкампф вовсе не собирался ограничивать себя обороной, он был все еще весьма популярен в армии, которая пока не знала неудач и была настроена на возобновление наступления[52]. Успех под Львовом, по мнению командующего, кардинальным образом менял ситуацию на всем фронте, и 22 августа (4 сентября) он предложил возобновить наступление в Восточной Пруссии. И его сразу же полностью поддержал Я. Г. Жилинский, считавший, что немцы готовят наступление на участке 2-й армии, в тыл Варшаве. По мнению командующего фронтом, лучше всего было бы возобновить наступательные операции в конце августа (по старому стилю), так как к этому времени фронт пополнится 22-м и 3-м Сибирским армейскими корпусами. 23 августа (5 сентября) Ставка приняла решение

создать в районе Осовца новую, 10-ю армию в составе 22-го армейского, 3-го Сибирского и 1-го Туркестанского корпусов[53]. Вечером следующего дня П. К. Ренненкампф известил своих командиров корпусов и начальников кавалерийских дивизий о том, что 10-я армия сформирована и в ближайшее время 1-я армия перейдет в наступление[54].

Но немцы, уже получившие сведения о подготовке 1-й армии к движению вперед (восстанавливались взорванные ранее мосты через реки Прегель и Дейме, активизировались стоявшие ранее неподвижными передовые части), не стали ждать. 3 сентября П. фон Гинденбург отдал приказ о переходе в наступление[55]. 6 сентября в районе Мазурских озер началось движение немецких войск, на следующий день они вошли в соприкосновение с русскими, а 8 сентября атаковали их. На левом фланге 1-й армии, то есть на направлении движения обходной группы 8-й армии (пять пехотных и две кавалерийские дивизии при 400 орудиях), оказался русский заслон силой в одну пехотную и одну кавалерийскую дивизии при 60 орудиях[56]. Командующий армией приказал «оборонять позицию пассивно, но упорно; кто оставит самовольно окопы, того расстреливать на месте без суда и следствия»[57]. Генерал находился под постоянным давлением со стороны главнокомандующего фронтом. В штабе фронта между тем не было единого мнения относительно образа действий. В. А. Орановский настаивал на отступлении, а Я. Г. Жилинский все время колебался[58].

В 15 часов 30 минут 26 августа (8 сентября) главнокомандующий вновь призвал П. К. Ренненкампфа прочно удерживать занимаемые позиции и заверил его, что «усилия 2-й и 10-й армий будут направлены на обеспечение Вашего левого фланга»[59]. Днем атаки немцев, как и демонстративное наступление на центральные позиции 1-й армии, были отбиты[60], но П. К. Ренненкампф уже понял, что главный удар был нанесен именно там, где его предупреждал Г. Г. Милеант, и немедленно запросил обещанную поддержку со стороны 10-й армии[61]. Взволнованный Я. Г. Жилинский провел разговор с П. К. Ренненкампфом по телефону, в ходе которого оба генерала несколько успокоились и пришли к выводу, что в отступлении нет необходимости. Сделано это было крайне оригинальным способом: Я. Г. Жилинский посоветовал отходить, но отказался отдать такой приказ[62]. К вечеру левый фланг 1-й армии оказался под угрозой. Многократное превосходство наступавших стало проявляться в полную силу. Русские заслоны повсюду отступали навстречу основным силам[63].

В ночь на 9 сентября Я. Г. Жилинский вновь потребовал от П. К. Ренненкампфа удерживать фронт, обещая содействие и со стороны 2-й армии, и утром 9 сентября командующий принял решение, уже запоздалое, об усилении своего заслона на Мазурских озерах. Его оборонительная линия была уже обойдена[64]. У главнокомандующего фронтом было одно, само главное для него объяснение своих директив: он получал приказы Ставки и буквально выполнял их, передавая распоряжения командующему армией — проявлять «полное упорство» в обороне[65]. Казалось бы, ситуация

еще может быть исправлена, так как 27 августа (9 сентября) штаб фронта заверил штаб 1-й армии, что 20 батальонов из состава 22-го армейского корпуса должны в тот же день выступить во фланг наступающим немцам[66]. Но почти сразу же после этого генерал В. Г. Леонтьев известил командующего 1-й армией о том, что намеченное днем ранее наступление 10-й армии не состоится по причине неустроенности 22-го и 3-го Сибирского армейских корпусов[67].

На качество пополнений по прибытии на фронт самое негативное влияние оказывали слухи и скверное управление. 22-й армейский корпус прибыл в Августовские леса в начале сентября и сразу же испытал на себе губительное действие и того, и другого. «Гибель штаба и корпусов армии Самсонова потрясающе подействовала на психику не только участников, но и совершенно непричастных к операции 2-й армии начальников, — вспоминал очевидец. — Командование нашим чудным по составу и еще лишь сосредотачивающимся XXII корпусом было уже приведено в полную негодность, охваченное ужасом от одних только слухов о самсоновской катастрофе»[68]. Начались ненужная спешка, суета, ротация командиров и частей, знакомые по Русско-японской войне импровизации. Приводило это также к знакомым последствиям. «Итак, наш корпус, — отмечал тот же офицер, — начинал войну «по-манджурски» — отрядами случайного состава, со случайными начальниками и неорганизованным управлением»[69].

В результате хороший корпус, только что прибывший на фронт, был немедленно разодран по частям. Его 1-я и 3-я бригады, выдвинутые вперед до завершения сосредоточения корпуса, потерпели серьезное поражение в боях между Лыком и Бялой[70]. Их командование заверило в штабе фронта, что немцев в этом районе «на сто верст в округе нет»[71]. Не имея информации о противнике, они встали на бивак без охранения и были утром внезапно атакованы и разгромлены германской дивизией[72]. «Как маленькие дети, — отмечал участник этого боя, — мы были атакованы огнем тяжелой артиллерии на биваке, в котловине, простреливаемой насквозь, дали сразу себя охватить, оказались без управления и связи. Только исключительной доблестью частей можно объяснить то, что мы смогли отбиться и уйти. Немцы понесли от нашего огня и контратак тяжелые потери и не преследовали»[73]. 27 августа (9 сентября) настала очередь 2-й и 4-й бригад, которые не дали себя захватить врасплох, но вынуждены были весь световой день вести тяжелый встречный бой с превосходящими силами противника, а в ночь на 10 сентября — отступить[74].

Вновь самым серьезным образом сказалось превосходство германской армии в тяжелой артиллерии. Для многих это был первый бой, и испытание стало ужасным. «На стрелков страшные взрывы тяжелых снарядов, с целым столбом черного дыма и земли, производили впечатление потрясающее, — вспоминал А. И. Верховский. — В первый же день боя я встретил несколько человек, сошедших с ума на самом поле сражения. Постройки от разрыва одного «чемодана» разваливались как карточные домики и загорались,

деревья вырывало с корнем, орудийные лафеты гнулись, как будто были сделаны из воска, осколки, зубчатые как пила, со свистом разлетались во все стороны, нанося рваные, большей частью тяжелые раны»[75]. В результате боев 25–27 августа (7–9 сентября) ввиду исключительно низкой организации командования корпус практически полностью потерял боеспособность и в беспорядке отступил с занимаемых позиций у Лык и Иоганнисбурга к Августову[76]. Ни связи со штабом корпуса, ни информации о соседних частях командиры бригад не имели ни во время боя, ни при отходе[77]. О поддержке 1-й армии с его стороны в эти дни не могло быть и речи. Корпус начал действовать на должном уровне только по прошествии времени, когда управление им пришло в порядок.

У генерала Я. Г. Жилинского на Северо-Западном фронте (не считая Риго-Шавельского района, к северу от Немана) было 11 корпусов пехоты и девять кавалерийских дивизий (450 тыс. человек) против пяти германских пехотных корпусов и двух кавалерийских дивизий (200 тыс. человек). Однако организационно русские армии здесь еще не полностью преодолели последствия сражения в Восточной Пруссии. 1-я армия уже вела сражение, 10-я еще не закончила сосредоточение, а 2-я была небоеспособна. Позже главнокомандующий фронтом пытался доказать, что не обещал поддержки левому флангу П. К. Ренненкампфа[78]. «Но где же была 10-я армия? — вопрошал генерал В. Гренер. — До сих пор этой армии еще не существовало как целого, а с ее частями, которые действительно выступали против немцев при их наступлении южнее вокруг Мазурских озер, у Иоганнисбурга, Бялы и Лыка, немцы справлялись легче, чем этого можно было ожидать»[79]. Безалаберность Я. Г. Жилинского, бездумное следование директивам Ставки вопреки реальному положению дел на фронте вновь поставили его подчиненного на грань катастрофы.

П. К. Ренненкампф еще вечером 27 августа (9 сентября) надеялся на то, что вместо обещанного на этот день флангового удара он сможет получить поддержку 10 сентября. В первом приказе об отступлении, изданном в шесть часов вечера 9 сентября, говорилось об отходе, целью которого являлся сбор резервов для подготовки контрудара (то есть то, что предлагал Г. Г. Милеант 18 (31) августа), но уже в 23 часа 30 минут П. К. Ренненкампф вынужден был издать еще одно распоряжение, в котором отводил армию дальше и уже не говорил о контрударе[80]. В ночь с 9 на 10 сентября командующий 1-й армией начал отвод войск с занимаемых рубежей, прикрыв его рядом успешных контратак[81]. Это решение оказалось неожиданным для противника. Удар, к некоторому удивлению и разочарованию немцев, пришелся по пустоте. Сражение за Восточную Пруссию было выиграно, запланированное окружение 1-й армии сорвалось[82]. Э. Людендорф вспоминал: «В сущности, Ренненкампф как будто вообще и не думал о серьезном сопротивлении. Во всяком случае, он очень своевременно начал отступление и двигался по ночам... Русские сумели организовать отступление и продвигали массы по местности без дорог»[83].

28 августа (10 сентября) 22-й корпус прибыл в Августов, и уже на следующий день его командир генерал А. Ф. фон ден Бринкен получил телеграмму Я. Г. Жилинского, в которой описывалось сложное положение 1-й армии и приказывалось вернуться на один переход назад и занять Маркграбово. 3-й Сибирский армейский корпус должен был вернуть Лык. Вечером того же дня войска выступили в поход[84]. Приказ А. Ф. фон ден Бринкену никак не мог настроить его на энергичные и конкретные действия. Кроме направления движения в нем все было туманно: «Цель движения Вашего корпуса на Маркграбов и далее к Гольдапу — отвлечение на себя части сил противника, обходящих левый фланг Ренненкампфа. Если во время этого движения Вы подвергнетесь атаке превосходных сил, при условиях, не дающих уверенности в успехе столкновения, Вам следует немедленно отходить на свою базу, увлекая за собой противника и этим облегчая левый фланг Ренненкампфа. В решительный бой, жертвуя своим корпусом, вступать только в том случае, если это окажется необходимым для спасения I армии от катастрофы. Для согласования Ваших действий с Ренненкампфом, с которым у меня нет непосредственной связи, Вам следует установить таковую связь собственными силами, на что обращаю особенное внимание»[85].

Только 29 августа (11 сентября) Я. Г. Жилинский сообщил П. К. Ренненкампфу, что на следующий день начнется обещанное тремя днями ранее наступление частью сил соседней 10-й армии[86]. В штабе фронта в этот момент считали, что 1-я армия «близка к краху» из-за глубокого обхода противника[87]. Между тем командир 22-го армейского, выведя свое соединение на указанные позиции и не получив внятных инструкций к действиям и прочной связи, застыл на месте, ожидая дальнейших указаний. Корпус фактически оказался в роли наблюдателя за обходящими П. К. Ренненкампфа немцами[88]. Даже наблюдать это движение удалось не сразу: поначалу корпус встретил перед собой пустое пространство и не имел никакой информации о противнике[89]. В любом случае, обещание Я. Г. Жилинского организовать контрудар уже ничего не меняло для 1-й армии, так как почти сразу же после этого командующий фронтом распорядился: «Отводите войска центра и правого фланга возможно быстрее, так как ночь упущена, то, сделав крайнее напряжение и переход не менее 45 верст, войска выйдут из трудного положения»[90].

Отсутствие единства в мыслях и действиях читалось практически на всех уровнях принятия решений в русской армии. Ее пехота и артиллерия ничем не уступали германским, но качество управления оставляло желать много лучшего. «Наша «неповоротливость, — вспоминал А. А. Незнамов, — губила нас при маневрировании, главным образом на поле сражения и прежде всего при развертывании»[91]. Теперь штаб фронта был готов увести 1-ю армию как можно глубже в тыл. В это время на левом фланге П. К. Ренненкампфа его слабый кордон отходил, ведя тяжелые бои с наступающими немцами[92]. Известия о том, что реально происходит на этом участке фронта, также пришли с опозданием.

Уже 28 августа (10 сентября) разъезды гвардейской кавалерии вскрыли обходное движение германских колонн на Гольдап, в котором приняли участие все три рода оружия. Выдвинувшиеся вперед отряды русской конницы оказались под угрозой окружения и стали откатываться назад[93]. 30 августа (12 сентября) генерал-лейтенант В. И. Гурко, начальник 1-й кавалерийской дивизии, находившейся на левом фланге 22-го корпуса, выслал вперед два офицерских разъезда по 12 всадников от каждого полка. Углубившись вперед широким веером, они внезапно обнаружили прорыв — немцы силами до корпуса уже глубоко обходили левый фланг 1-й армии[94]. В этот день П. фон Гинденбург приказал войскам продолжить преследование, используя все свои силы. Главной задачей было перехватить пути в тылу отступавших, ведущие к Неману, Вильне и Ковно. Недостаток кавалерии существенно осложнял выполнение этой задачи[95], а между тем фактор времени приобретал все большее значение. «Ренненкампф накануне полной гибели, — записал в дневнике вечером 30 августа (12 сентября) офицер штаба фронта. — Немцы заходят ему во фланг, и колонны их показались уже в Ромынтенской пуще немного южнее Гумбинена»[96]. В тот же день штаб 8-й армии переехал из Норденбурга, где еще недавно находился штаб П. К. Ренненкампфа[97].

В то же время точной информации о состоянии 1-й армии в штабе фронта не было, что только усиливало опасения Я. Г. Жилинского, который уже начал взваливать ответственность за случившееся на подчиненных[98]. Одновременно он торопил отступление. «Как подчиненный военнослужащий, — ответил ему командующий 1-й армией 30 августа (12 сентября), — конечно, выполняю... Правда, выйдут из трудного положения, но, скажу откровенно, попадут в другое, может, более трудное положение, будут настолько утомлены, что к бою малоспособны, противнику уже серьезного отпора не дадут. Самое трудное и тяжелое — это даже говорить об отходе за Неман; после этого отхода и думать нельзя будет о каком-нибудь успешном наступлении. Войска потеряют веру в себя и в своих начальников, а такие войска, Вы сами знаете, к наступательным действиям мало способны. Хотя мы понесли тяжелые потери, но большинство частей к бою способны. Сегодня ходили в штыки и завтра пойдут, если нужно. Отойдя же за Неман, они на это уже не будут способны»[99].

Что касается 22-го корпуса, то 31 августа (13 сентября) с его штабом была установлена связь, и командиру было приказано отвести войска на 45 верст назад, чтобы выйти из изолированного положения[100]. Главной задачей, сформулированной штабом фронта, теперь стало прикрытие железнодорожных путей и избежание серьезного столкновения с противником до завершения сосредоточения армии и прикрытия[101]. Таким образом, всего за несколько дней солдатам 22-го корпуса пришлось пройти свыше 200 км — до германской границы, потом назад, опять к границе и снова обратно[102]. Также за Бобр был отведен и удачно начавший бои под Лыком 3-й Сибирский корпус[103]. Отход проходил в тяжелых условиях. По ходу непрерывного отступления войска постоянно находились под обстрелом

с воздуха. Кроме того, используя грузовики, немцы подвозили пехоту и орудия, стараясь обстрелять или задержать отступавших. Они оказывали сопротивление, но постепенно становились все более податливы к слухам, к страху попасть в окружение[104]. Нервозность приводила к тому, что русские части обстреливали друг друга, иногда принимая собственные обозы за бронеавтомобили (!) противника[105].

«Чем дольше длилось это преследование, — вспоминал ротный командир 106-го Уфимского полка, — чем ближе настигал нас враг, тем сильнее проявлялся этот страх: старые, дисциплинированные части не шли, а почти бежали, не только по шоссе и дорогам, но часто и прямо без дорог!.. Это был необыкновенный по быстроте и непрерывности (день и ночь) марш»[106]. Еще сильнее этот страх сказывался на второочередных частях, только что мобилизованных, не обстрелянных, не слаженных, в которых командиры и подчиненные еще не привыкли друг к другу[107]. Основная часть 1-й армии отступила по шоссе Инстербург — Гумбинен — Сталупинен — Вирбален (Вержболово) — Вылковишки, и это отступление, начавшись весьма успешно, в ряде случаев закончилось в полном беспорядке. 12 и 13 сентября штаб армии потерял управление 2-м и 22-м корпусами[108]. Командующий армией отдавал приказы и отменял их, покидал штаб, чтобы отправиться к войскам, и возвращался, а затем отстранил Г. Г. Милеанта от должности, после чего вместе со штабом отправился поездом в тыл. В течение двух дней после этого армией практически никто не руководил[109].

Корпуса шли по указанным направлениям, но организация движения тылов, очередность прохождения и порядок следования — все это практически отсутствовало. Это привело к неоправданным потерям, избежать которых при подобном руководстве было невозможно. Вновь, как и под Мукденом, несколько дивизий вливались в горловину одного шоссе, где уже возникла гигантская пробка из обозов, препятствовавшая движению частей[110]. Собственно, части в этой суматохе прекращали свое существование, превращаясь в толпы людей, в которых отдельные группы, возглавляемые офицерами, пытались восстановить порядок и дисциплину — из 26-й дивизии удалось собрать только пять с половиной рот для прикрытия движения[111].

«Картина была не из веселых, — вспоминал князь Гавриил Константинович. — Вдали пылали деревни и зарево освещало всю местность. Слышны были разрывы снарядов и крики погонщиков обозных лошадей, выбивавшихся из сил. Все дороги были сплошь запружены обозами. Хаос стоял невероятный. При этом моросил мелкий дождь. Наша дивизия медленно двигалась на измученных лошадях, неоднократно останавливалась, так как ей приходилось проскакивать через пересекавшие ее путь обозы»[112]. В 5 часов 45 минут 31 августа (13 сентября) командующий армией разрешил в случае необходимости для ускорения отступления бросить обозы[113]. Результат был неизбежен. Вид брошенных обозов, подожженного транспорта и пылающих по сторонам шоссе деревень лишь усилил дезорганизацию и привнес в отход 1-й армии элемент паники.

В какой-то степени она стала уже неизбежной, во всяком случае, далеко не редким явлением в августе — сентябре 1914 г. «Паника среди русских войск была в первые месяцы войны весьма частою, — вспоминал П. Н. Симанский. — Необстрелянные войска, попадавшие, однако, под современный обстрел, устрашенные гулом тяжелой артиллерии противника, небрежность и неумение в ведении разведки, в организации охранения, отсюда ряд поражающих впечатление бойца неожиданностей, ослабление кадрового состава войсковых частей, массою влитых сюда запасных, постоянная суетливая гоньба войск вперед и в стороны, из-за чего тыловые учреждения не могли поспевать, а если где-либо и поспевали, не могли быть правильно установлены неопытными руководителями, отсюда, с одной стороны, физическое переутомление войск, а с другой — их голодовки, вот те условия, в которых находились русские войска в первые 2–3 месяца войны и которые создавали готовое поля для какой угодно паники»[114].

31 августа (13 сентября) штаб Верховного главнокомандующего осторожно известил страну о новой неудаче в Восточной Пруссии: «Необходимость уделить главное внимание Галицийскому театру военных действий, где развитие наших успехов энергично продолжается, временно помешала нам иметь достаточные силы в Восточной Пруссии для продолжения успешно начатого вторжения в нее. Вследствие этого в двадцатых числах августа наша армия генерал-адъютанта Ренненкампфа остановилась на линии Гердауен — Лабиау (Либава). 25 августа началось повсеместное движение германцев как на восток, против генерала Ренненкампфа, так и на юг, к нашей границе. Пересеченная местность Мазурских озер затрудняла точное определение сил, собравшихся в них. Только 28 августа ясно обнаружился глубокий обход левого фланга армии генерала Ренненкампфа. Обход этот вынудил нашу армию начать отступление. 29 августа с целью остановить наступление неприятеля на некоторых участках мы перешли к активным действиям, выяснившим, однако, что численность наступавших германцев была значительной. Бои на этом фронте продолжаются»[115].

На самом деле русской армии было уже не до активных действий. Утром 13 сентября она ползла назад, к собственной границе, черепашьим темпом из-за перегруженности дороги. Грузовики, гужевой транспорт, конница, пехота — все это двигалось несколькими колоннами по дороге и полям со скоростью 1–1,5 км в час. Войска нервничали, прислушиваясь к нарастающему гулу артиллерии противника с флангов. Появлялись первые признаки паники[116]. В пять часов дня 31 августа (13 сентября) генерал А. Н. Розеншильд фон Паулин выехал к деревне Обрыв, стоявшей на шоссе, которое вело в Ковно, в 7 км от границы.

Там царил полный беспорядок. «Картина при этом представилась отвратительная, — вспоминал генерал. — Шоссе от самого Вержболова и, как потом оказалось, до самых Вильковишек запружено было в 4 ряда повозками разных обозов, перемешанных между собою, которые, сцепившись между собой колесами, не могли двигаться вперед. Дер. Обрыв и все прилегающие

к ней окрестные деревни были набиты до отказа спящими людьми разных частей. Все перемешано, никаких начальников не видно. Вдоль шоссе разводились костры, варилась пища, кормились лошади и непробудно спали разные чиновники, врачи, священники и все вообще, кто ездят в обозах. Никто не только не принимал никаких мер, но и не содействовал тому, кто проявлял инициативу. Между тем немцы обходили с юга и грозили напасть на фланг и отрезать от своих. Положение было вполне исключительное. Въехав на хутор, находящийся на шоссе, начальник дивизии приказал дивизионной казачьей сотне немедленно очистить его и разобрать людей по частям, а также разогнать обозных по повозкам и гнать обозы вперед, не позволяя останавливаться. После отдачи этого приказания не прошло и нескольких минут, как вдруг со стороны Вержболова открылся артиллерийский огонь и шрапнели стали рваться над шоссе и над ближайшими хуторами. Произошла невероятная паника. Откуда ни возьмись, появились какие-то массы войск, которые сплошной лавиной двигались к югу от шоссе ускоренным шагом к направлению на восток. Обозные, выпрягши лошадей и севши на них верхом, полевым галопом, с криками, давя людей, поскакали в том же направлении. Почти не было человека, который не поддался влиянию этой стихии»[117].

Благодаря тому, что его дивизия отступила, сохранив дисциплину, А. Н. Розеншильд фон Паулин восстановил порядок в течение получаса и прикрыл шоссе, медленно отступая вслед за бегущими[118]. В этих условиях вновь быстро разложились второочередные части. 56-я дивизия (как и 54-я под Ляояном) сразу же получила прозвище «орловских рысаков». Для задержания и приведения в порядок многочисленных беглецов Кавалергардский полк и ряд других кавалерийских частей были поставлены в заслон. Один из его офицеров вспоминал: «Среди других на нашем участке преобладали обезумевшие от страха пехотинцы 56-й дивизии, которые, побросав в пути свои винтовки и все снаряжение, а часто даже сапоги, беспорядочной толпой, потерявшие всякий воинский вид, стремились проскочить на восток, за Неман, который почему-то казался им спасением»[119].

Значительная часть войск, уже в полном хаосе, отходила за реку, под прикрытие крепости Ковно: «Все пребывающие в Ковно поезда были битком набиты ранеными, больными, а также совершенно здоровыми солдатами всевозможных частей, облепившими ступеньки, буфера, крыши вагонов. По шоссе, проселочными дорогами и прямо целиной шла бесконечна серая толпа, потерявшая всякий воинский облик. Повозки всех видов: уставные и взятые по воинской повинности телеги и фурманки, зарядные ящики, лазаретные линейки, гурты интендантского скота... все это с криком и руганью, цепляясь и обгоняя друг друга неудержимой лавиной стремилось в спасительную Ковно»[120]. Это был закономерный результат того, что старшие начальники и их штабы фактически не руководили войсками при отступлении[121]. «По сторонам большой дороги, — вспоминал генерал Герман фон Франсуа, — поля были усеяны продовольственными запасами, снаряжением,

санитарными повозками, парковыми ящиками, оружием и всякого рода обозными вещами. Придорожные картины рисовали нам неистовое бегство войсковых толп в паническом ужасе с криками «Спасайся, кто может!»[122].

1 (14) сентября 1914 г. немцы закончили сражение на Мазурских озерах. Они насчитали до 35 тыс. пленных и 180 орудий, захваченных у П. К. Ренненкампфа[123]. Торжествующий Г. фон Франсуа назвал П. К. Ренненкампфа «вождем умеренных дарований»[124]. Весьма близкую оценку дал ему и Ф. Ф. Палицын: «Я думаю, что он мужествен, но негодный командующий армией. Негодный по умственным и другим качествам. Для меня он экзамена на командующего армией не выдержал. Он хорош, где его физический глаз видит и где благодаря его способностям схватить условия местности он может распорядиться сам. Он хорошо поведет корпус пехоты, а еще лучше кавалерийский, но не более, и при том в условии, что ему дана будет известная задача. В связи с другими он будет хуже, а как командующий армией, он, по-моему, совершенно не годен. Желал бы ошибаться в этом определении»[125]. Увы, Ф. Ф. Палицын был весьма точен.

П. фон Гинденбургу удалось разбить и вытеснить из пределов Восточной Пруссии 1-ю русскую армию. Общие потери при отступлении, по данным Ставки от 9 (22) сентября 1914 г., составляли до 100 тыс. человек и 150 орудий[126]. В официальных сводках штаб великого князя пытался дать радужную картину запланированного и организованного отступления: «К 1 сентября, после боев, дорого стоивших неприятелю, наши доблестные войска в полном составе выведены из трудного положения и заняли исходные позиции для дальнейших операций»[127]. На самом деле только отсутствие у немцев кавалерии спасло отступающие войска от гораздо больших неприятностей, хотя масштаб потерь постоянно рос по мере их уточнения. 13 (26) сентября директор дипломатической канцелярии при Верховном главнокомандующем князь Н. А. Кудашев докладывал из Ставки в МИД: «По приблизительному подсчету, Ренненкампф потерял 135 000 человек из общего числа 210 000. Потеряно громадное количество припасов. Хорошо, что сама армия осталась. Дух ее непоколебим, несмотря на поражение и потери»[128].

Уже 31 августа (13 сентября) Я. Г. Жилинский в телеграмме Верховному главнокомандующему обвинил П. К. Ренненкампфа в потере самообладания и контроля над правофланговыми корпусами его армии. Главнокомандующий фронтом также известил Ставку о том, что уже помог 1-й армии действиями 10-й, и сообщил о своих планах замены П. К. Ренненкампфа на генерала Н. А. Епанчина[129]. Николай Николаевич немедленно доложил об этом императору, добавив от себя: «Редакция и стиль телеграммы произвели на меня удручающее впечатление. Для меня совершенно неясны причины таких выводов, и я скорее склонен думать, что генерал Жилинский потерял голову и вообще не способен руководить операциями. Я бы его давно сменил, но нет свободного заместителя. Предвижу самые тяжелые последствия, а главное — не получаю достаточной ориентировки, что происходит главное от того, что он неспособен ориентироваться и что-либо взять в руки»[130].

Только 1 (14) сентября в штабе фронта стало ясно, что худшего удалось избежать — 1-я армия была спасена[131]. В тот же день великий князь известил Николая II о том, что полностью возлагает ответственность за случившееся на себя, и принял решение о замене Я. Г. Жилинского Н. В. Рузским и оставлении П. К. Ренненкампфа на своем посту[132]. «У Ренненкампфа один огромный плюс — ему верят войска и, очевидно, у него есть «счастье», — писал 3 (16) сентября В. А. Сухомлинову Н. Н. Янушкевич. — Потому что выйти из его ловушки целым, это было чудо»[133]. Я. Г. Жилинскому не так повезло, и 3 (16) сентября он был отстранен от командования фронтом, который на следующий день возглавил Н. В. Рузский, причем первоначально отказавшись от активных действий[134].

Войска продолжали выполнять директиву Я. Г. Жилинского от 1 (14) сентября, предписывавшую 1-й армии отступать за средний Неман, 2-й — за Нарев, 10-й — за Бобр. Отступление было проведено 1–9 (14–22) сентября[135]. При этом финляндским стрелкам пришлось вести сдерживающие бои, в которых в очередной раз в полную силу были продемонстрированы огневая мощь и моральный эффект германской тяжелой артиллерии. Русские войска держали оборону днем и отступали по ночам, отходя за реки и отрываясь от контакта с неприятелем[136]. После бесцельных и непонятных как командирам, так и солдатам передвижений войска 10-й армии получили возможность небольшой передышки, за это время рядовые смогли немного отдохнуть, а штабы — восстановить управление[137]. Впрочем, окончательно решить последнюю проблему так и не удалось.

«Мы, русские, — отмечал капитан Б. Н. Сергеевский, — в большинстве вообще страдаем недостатком организационных способностей. Наши старшие начальники в большинстве были недостаточно подготовлены, а многие и вовсе неподготовлены к управлению войсками. При этих условиях неопределенность организации и работы органов управления, т. е. штабов, являлась особенно нежелательной. Складывалась грустная картина: прекрасные войска, плохие начальники и вовсе неорганизованное управление»[138]. Мораль частей, разбитых в Восточной Пруссии, была невысока, полностью полагаться на их боеспособность до окончательного восстановления 2-й армии за счет пополнений новый главнокомандующий фронтом, очевидно, не хотел[139].

Между тем возникла опасность ускоренного штурма недостроенной и не полностью вооруженной крепости Гродно. Крепость, которая должна была обеспечить связь 1-й и 2-й армий, оказалась не подготовленной к обороне. Опыт, полученный немцами в Бельгии и Франции, говорил о серьезности этой угрозы. В опасном положении считался и Осовец, прикрывавший важнейшее направление на Белосток[140]. Война застала и его в процессе перевооружения, а полностью завершить строительство укреплений планировалось к 1920 г. «Осовец, — вспоминал один из офицеров его гарнизона, — не был крепостью в полном значении этого слова. Скорее, это была укрепленная позиция без ядра, с совершенно необеспеченным

тылом. Крепость состояла из 3 фортов на левом и одного форта на правом берегу р. Бобр (4-й форт существовал только на бумаге)»[141]. В случае потери Осовца и Гродно железнодорожная магистраль Петроград — Варшава была бы прервана, что поставило бы русские силы в Польше в исключительно тяжелое положение[142].

С приходом свежих сил планировалось достичь тройного превосходства в силах над противником. Попытка немцев осуществить глубокое вторжение в направлении на Гродно и Ковно была довольно быстро парирована[143]. 6 (19) сентября перед 10-й армией была поставлена задача активизировать свои действия с целью снятия угроз на среднем течении Немана, на Нареве и Бобре[144]. Угрозы эти вскоре стали проявляться в полную силу. В весьма тяжелом положении оказался Осовец. 8 (21) сентября он подвергся сильнейшему обстрелу противника: «Крепость вся засыпалась снарядами. Не было места, где не рвались бы снаряды или не падали осколки. Везде, пронзительно свистя, с сухим треском рвались снаряды (от полевых легких по 8-дм включительно), разрушая дома, ломая и вырывая с корнем деревья, портя шоссе, ломая шпалы и коверкая и перебивая рельсы на железной дороге и производя пожары. Целыми пролетами выносилась проволока наземных линий и постоянно перебивался полевой кабель на телефоне. Около батарей погребов и вышек (на деревьях) снаряды ложились так густо, что воронки не только сливались, но перекрывали одна другую. Ребра 8-дм германских бомб носились как какие-то серпы, сбивая не только ветви с деревьев, но и деревья и телеграфные столбы»[145]. Гарнизон с честью выдержал это испытание, а немцев лишили возможности повторить атаку.

Северо-Западный фронт нанес контрудар. Перед наступлением в тылу попытались провести разъяснительную работу с населением, что оно сделало неправильные выводы из первых побед на германском направлении. Завышенные ожидания были вызваны ошибочными оценками. «Наше наступление в пределы Восточной Пруссии, — убеждало читателей «Утро России», — было лишь демонстрацией. Это нужно твердо помнить»[146]. Отступление П. К. Ренненкампфа изображалось как безусловное достижение, ставшее закономерным результатом порядка, который обеспечивался при отходе войск. При этом газеты не жалели черных красок для инфернализации немцев, включая гражданское население, которое стреляло по отступавшим, использовало гражданские постройки в качестве щита и не гнушалось такими запретными приемами, как отравление источников воды[147]. Неудача затушевывалась, так как в Восточной Пруссии вновь начались ожесточенные бои. Ставка ожидала победы, после которой не нужно будет вспоминать о случившемся.

15 (28) сентября 10-я армия начала наступление вдоль западного берега Немана силами 2-го Кавказского и 22-го корпусов, объединенных на правом фланге под командованием генерала П. И. Мищенко, и 3-го Сибирского корпуса, усиленного 2-й Финляндской стрелковой бригадой, — на левом[148]. Это заставило противника спешно отходить от реки, которую он

собирался форсировать в районе Друскеникая. Немцы быстро ушли из-под угрозы окружения. Их арьергарды были захвачены в Августовских лесах в районе Сувалок, где 18–19 сентября (1–2 октября) им пришлось вести исключительно кровопролитные бои[149]. Следует отметить, что в целом отход противника на этом этапе протекал все же достаточно организованно, и попытки преградить его встречали энергичный отпор. Немцы вновь активно использовали тяжелую артиллерию, производившую самое тягостное впечатление на русскую пехоту[150].

Ситуация выправилась после того, как в дело стала активно вступать и русская артиллерия. Потери немцев резко возросли[151]. При отходе им не удалось удержать управление войсками на высоком уровне, чего нельзя было сказать о наступавших. В свою очередь, русское командование не справилось с управлением движением частей по немногочисленным дорогам, и они начали перемешиваться[152]. Весьма интересна оценка этих событий, данная ее участником: «В результате получился «слоеный пирог», в котором каждой русской и германской части приходилось действовать вне связи друг с другом и со своим командованием. Таким образом, преимущества германского управления войсками отпали, шансы уравнялись, и мы победили»[153]. Победа давалась тяжелой ценой — окружавшие часто превращались в окруженных. Так, например, сложил оружие внезапно блокированный в лесу батальон 13-го Финляндского полка[154]. Тем не менее неоднократные рукопашные бои чаще всего завершались победами, противник понес весьма высокие потери. «Русские показали свои волчьи зубы», — отмечали в письмах германцы[155].

Эти бои значительно повысили веру наших войск в себя и своих начальников и внушили им утраченную было мысль о возможности победы над врагом. Ошеломленные ожесточением боев в лесах и болотах, немцы поначалу подумали, что их атакуют привезенная сюда японская пехота или «кавказские черкесы»[156]. Оказалось, что в момент кризиса германцы были склонны объяснять свои неудачи присутствием несуществующего врага. «Солдаты передавали, — сообщал русский фронтовой корреспондент, — что в последних боях под Сувалками немцы приняли некоторые кавказские части за японцев и в паническом страхе бежали, крича: «Японцы, японцы»[157]. 21 сентября (4 октября) штаб Ставки официально заявил о решительном успехе: «Августовское сражение закончилось 20 сентября победой. Поражение германцев полное, и они в настоящее время находятся в беспорядочном отступлении к границам Восточной Пруссии. Наши доблестные войска энергично преследуют противника, бросающего по пути своего отступления повозки, орудия и снаряды и оставляющего своих раненых»[158]. Все это способствовало укреплению духа войск, но он не мог компенсировать недостатки в их управлении.

Успех в Восточной Пруссии снял и угрозу Варшаве. В тот же день ее военный генерал-губернатор обратился к жителям города с объявлением о том, что «Варшава с окрестностями находится в полной безопасности от неприятеля»[159]. Эти оценки Августовского сражения были лишь частично

верны. Несмотря на значительные потери, немцам все же удалось избежать окружения в лесах, которое планировало устроить им русское командование (в начале наступления оно оценивало силы противника в 3–4 дивизии). Причиной этому были чрезвычайно медлительные действия П. И. Мищенко и его 2-го Кавказского корпуса[160]. К 27 сентября (10 октября) по приказу главнокомандующего фронтом наступление было остановлено. 10-я армия вернула Лык и Бялу, восстановила угрозу вторжения в Восточную Пруссию и сняла таковую же для Гродно и Осовца. Ее общие потери составили около 20 тыс. человек, были захвачены в плен 2,5 тыс. немецких солдат и офицеров, значительное количество обозов, артиллерия и пулеметы[161].

На Юго-Западном фронте после трехнедельных напряженных боев, сопровождавшихся значительными потерями, русские войска медленно вели преследование разбитых отступавших австрийцев. Для более энергичного наступления нужны были резервы, но Ставка использовала их на формирование 10-й армии. Русские войска имели примерное равенство с противником: 18 корпусов против 20, однако австрийцы не могли самостоятельно удержать фронт и быстро отходили навстречу формирующимся пополнениям[162]. После окончания операции австро-венгерское командование сместило с занимаемых постов пятерых корпусных командиров: генералов Арца (6-й армейский), Гриезлера (7-й армейский), Шойхтестнеля (8-й армейский), Юлиека (9-й армейский), Критска (17-й армейский)[163]. Эта мера сама по себе говорит о характере австрийского поражения. Смещение затронуло почти одну треть всех довоенных командиров корпусов и половину принимавших участие в первом наступлении на русском фронте.

«Очевидно, австрийцы понесли в Львовской битве и во время отступления колоссальные потери, — вспоминал М. Гофман, — иначе генерал Людендорф не мог себе объяснить тот факт, что главная сила австрийской армии, почти 40 дивизий, нашла для себя достаточно места на западном берегу Вислоки и между Карпатами и Вислой. Большая часть молодых кадровых офицеров и сверхсрочных унтер-офицеров погибла. Это была невозместимая потеря. В течение всей войны армия не могла от нее оправиться»[164]. Возникала реальная опасность Кракову и возможная — Силезии.

«В течение трех недель (начала сентября. — *А. О.*), — вспоминал генерал Карл Густав Эмиль Маннергейм, командовавший тогда бригадой гвардейской кавалерии, — противник был загнан назад в Карпаты и в коридор между горами и Вислой. Крепость Перемышль с гарнизоном в 120 тысяч человек была обложена, Краков и Силезия оказались под угрозой»[165]. Гарнизон Перемышля, польско-русинское население которого не превышало 50 тыс. жителей, постоянно увеличивался по мере приближения к нему русских войск[166], пока не превысил более чем вдвое число его обитателей. Именно в этот период сказалась слабость национальной разношерстности австро-венгерской армии, не проявлявшаяся ранее, во время ее наступления.

Английский военный журналист Б. Пейрс вспоминал, как проявлялась эта особенность: русины и сербы были открыто за Россию; хорваты больше

колебались; поляки, казалось, заняли выжидательную позицию, но прекрасно принимали русских. «Больше всех потрясли нас чехи, которые не выказывали своих симпатий по отношению к нам, до тех пор пока мы не приблизились к их стране, но потом до самого конца войны сдававшихся в одиночку, ротами и даже целыми полками»[167]. Между тем именно на чехов в начале войны союзное командование возлагало особые надежды, а для австрийского правительства чешский вопрос был постоянной головной болью еще до войны, а с ее началом ситуация в Богемии только ухудшилась[168].

Лидер чешских националистов профессор Т. Масарик был информирован о планах русского командования проникнуть через Силезию в Моравию и Богемию в 1914 г. Планы включали организацию вооруженного содействия русским войскам со стороны чешского населения[169]. Действительно, М. В. Алексеев 16 (29) ноября 1914 г. предлагал Ставке ввиду возможного вступления русских войск на чешские земли принять ряд мер, которые могли возбудить мятежи в 8-м и 9-м австрийских корпусах, преимущественно чешских по национальному составу. Предполагалось создать орган, с помощью которого русские власти могли «войти в связь с чешским народом», выработать воззвание Верховного главнокомандующего к чешскому народу, в котором ясно и определенно были бы перечислены те преимущества, которые получит в будущем Чехия за помощь русским войскам. «Недоговоренности в этом обращении, — писал М. В. Алексеев, — быть не должно: чехов ведь пугают обращением в «Чешскую губернию»[170].

Правда, это воззвание осталось без последствий. Русское правительство имело определенные планы в отношении Чехии и Словакии, но при этом отнюдь не торопилось связывать себя какими-нибудь международными обязательствами. Так продолжалось до Февраля 1917 г.[171] Один из лучших друзей П. Н. Милюкова был далеко не в восторге от этих планов. Т. Масарик вспоминал о годах войны: «Моей единственной задачей было освободить наш народ от панславянских и прорусских иллюзий»[172]. Эти настроения пугали чешского либерала. В мае 1915 г. в своем докладе, обращенном к Эдуарду Грею, он писал: «Предполагается Чехию сделать монархическим государством; за Чешскую республику стоят лишь немногие радикальные политические деятели... Чешский народ — это надо подчеркнуть еще раз — весь проникнут русофильством. Русская династия в какой-либо форме была бы наиболее популярной. Чешские политические деятели желают, по меньшей мере, установления Чешского королевства в полном согласии. Желания и планы России будут иметь решающее значение»[173].

Думается, правы историки, утверждающие, что в этих словах было больше опасений, чем надежд освободить собственный народ от «прорусских иллюзий»[174]. И чувства Т. Масарика в какой-то мере разделяла австро-венгерская контрразведка, руководитель которой отмечал оживление русофильских симпатий в Богемии и Моравии в октябре 1914 г. Кроме того, он отмечал: «Настроение на родине отражалось в войсках. Целые чешские части оказывались неспособными в критические моменты. Нео-

бычайно много чехов попало в плен»[175]. Таким образом, «иллюзии» все же были достаточно сильными, чтобы вызывать опасения. Германия не могла допустить полного военного поражения Габсбургов. Канцлер Теобальд фон Бетман-Гольвег вспоминал: «Если бы мы допустили распад Австро-Венгрии, славянский мир добился бы победы, имеющей вековое значение. Для европейского запада этот легкий триумф Москвы представлял бы начало эпохи тяжелого гнета»[176].

Германское командование считало абсолютно недопустимой даже временную потерю силезского угля и также весьма опасалось взрыва внутри Австро-Венгрии в случае приближения русских сил к Чехии. Эрих фон Фалькенгайн вспоминал: «Продолжение фронтального преследования неприятельской неманской армии (П. К. Ренненкампфа. — *А. О.*), разбитой лишь в меньшей своей части и оставшейся в том виде, в каком она вышла из сражения у Мазурских озер, не давало надежды на скорые решительные результаты. Но от него положительно надо было отказаться, принимая во внимание обстановку на галицийско-польском фронте. Там австро-венгерская армия отступала от Сана... В середине сентября в германской Главной квартире созрело убеждение, что ввиду слабости и общего состояния союзных войск решение вопроса о том, где и когда остановится это отступление, зависит исключительно от воли неприятеля»[177].

П. фон Гинденбург и Э. Людендорф еще 13 сентября 1914 г. планировали развить успех, достигнутый ими после победы над А. В. Самсоновым и П. К. Ренненкампфом. Однако на следующий день они получили телеграмму из Ставки германского главнокомандования: «В нынешнем положении австрийцев операция через Нарев (то есть против русского Северо-Западного фронта. — *А. О.*) более не считается желательной. По политическим причинам необходима прямая поддержка австрийцев. Это вопрос операций из Силезии»[178]. Наступление против гораздо более многочисленного противника из Восточной Пруссии было опасным еще и потому, что оно должно было проходить по плохим дорогам, разбитым к этому времени беспрерывным семидневным дождем и отступлением русских войск. По германской армии уже начала ходить мрачная шутка: «Русские уверяют, что они не подготовились к войне, но как тогда в такой короткий срок они смогли превратить свои дороги в такое непроходимое состояние? Очевидно, они испортили их давно»[179]. Силезия давала возможность использовать собственные железные дороги и шоссе. Но главной причиной была необходимость оказания помощи союзникам.

14 сентября Макс Гофман записал в своем дневнике: «У австрийцев дела идут плохо, они просили о решительной поддержке, и мы собираем большую часть нашей армии в Силезию для оказания им помощи»[180]. Первоначально немцы планировали снять два корпуса и отправить их в Силезию в качестве ядра новой армии, возглавить которую должен был генерал Р. фон Шуберт с Э. Людендорфом в качестве начальника штаба. Германские части уже в конце Галицийской битвы воевали бок о бок с австрийцами и также несли

большие потери. Уже осенью 1914 г. германское командование начало практиковать смычку германских частей с австро-венгерскими, что придавало сопротивлению последних дополнительную твердость[181]. Ездивший для переговоров с австрийцами Э. Людендорф выяснил, что их поражение носит гораздо более масштабный характер и двух корпусов не хватит для оказания эффективной помощи. Поэтому он и предложил использовать главные силы 8-й армии под командованием П. фон Гинденбурга. Это предложение было принято[182].

В районе Кракова и Ченстохова из основных сил германской 8-й армии и подразделений, переброшенных из Франции на конечном этапе Восточно-Прусской операции, было начато формирование новой 9-й армии. В ее состав вошли 11, 17, 20-й армейские корпуса, Гвардейский резервный корпус, ландверный корпус Р. фон Войрша и Сводный корпус Р. фон Фроммеля. Кроме того, армии передавались две отдельные бригады из гарнизона крепости Торн и 8-я кавалерийская дивизия: всего 135 тыс. штыков, 10 400 сабель и 956 орудий. Командующим был назначен П. фон Гинденбург, а начальником штаба — Э. Людендорф. П. фон Гинденбургу был подчинен и командующий 8-й армией — генерал Р. фон Шуберт. Переброска войск, вошедших в состав новой 9-й армии, проходила с 17 по 28 сентября. Три корпуса — 11, 17, 20-й перевозились из Восточной Пруссии. Немцы использовали две магистрали: Кёнигсберг — Краков и Летцен — Крейцбург, позволявшие пропускать в сутки до 80 эшелонов. Тылы армии были перевезены ко 2 октября[183].

Германское командование торопилось. Ставка в Люксембурге была чрезвычайно взволнована сложившейся ситуацией. 21 сентября А. фон Тирпиц отметил: «...наше положение стало чрезвычайно сложным из-за полного провала Австрии. Из 800 000 солдат, находившихся в Галиции, у нее, вероятно, осталось еще 500 000. Здесь, на западе, положение стало для нас весьма затруднительным»[184]. Кризис оказался настолько тяжел, что не было места даже для разногласий между Ставкой кайзера и командованием Восточного фронта. М. Гофман в это же время отмечал тяжелое положение, сложившееся у союзников Германии: «Похоже, у австрийцев дела идут плохо: они экономили деньги на армии в течение 20 лет и теперь они платят за это»[185].

Наши противники решили воспользоваться тем, что между основными силами Юго-Западного и Северо-Западного фронтов образовался промежуток в 200 верст от Варшавы до устья реки Сан, прикрытый только кавалерийской завесой Варшавского отряда по линии Коваль — Шадек и устаревшей крепостью Ивангород с гарнизоном в одну пехотную бригаду[186]. Эта часть пришла туда с началом военных действий. После 1909 г. штат крепости был существенно сокращен. Руководитель ее обороны в 1914 г. вспоминал: «Правда, был теперь комендант, но без гарнизона, был начальник крепостной артиллерии, но без артиллерии, и существовал начальник инженеров, однако никаких инженерных работ не производилось. Так и прошло время до лета 1914 года»[187]. В начале войны Верховный главнокомандующий отдал приказ по возможности восстановить верки Ивангородской крепости для

того, чтобы не допустить переход переправы к противнику, и военный инженер А. В. фон Шварц успешно справился с этим заданием[188].

Назначенный по инициативе М. В. Алексеева комендантом крепости с производством в генерал-майоры, А. В. фон Шварц добился усиления крепости артиллерией, ее гарнизон пополнился одной первоочередной бригадой и двумя бригадами ополчения. В результате активной подготовки местности и маневров за два месяца новый комендант подготовил к обороне крепость Ивангород, которая в Варшавском военном округе стала к этому времени предметом шуток[189]. Ее состояние в начале войны было описано А. В. фон Шварцем следующим образом: «Я ужаснулся от мысли, что достаточно не только полка пехоты, но даже и кавалерийского полка, чтобы при их приближении крепость пала бы неминуемо»[190]. Морской офицер, прибывший туда из Амурской флотилии в распоряжение командира полка крепостной артиллерии, вспоминал: «Местность, называемая Ивангород, как говорят остряки, замечательна тем, что в ней нет ни крепости, ни города. Действительно, кирпичные сооружения не могли служить защитой от современных снарядов, да они и не были вооружены. Вся артиллерия расположилась вокруг в земляных укреплениях и была замаскирована так хорошо, что можно было пройти в нескольких шагах и не заметить орудия»[191].

Теперь эта точка в 80 км от Варшавы становилась основной опорой Юго-Западного фронта. Кавалерийская завеса была неплотной: «Русские войска к западу от Вислы были представлены слабым заслоном, состоящим из 5 кавалерийских дивизий и из нескольких пехотных дивизий в районе Варшава — Ивангород. Для того чтобы сделать сильными фланги, центр был оставлен практически открытым»[192]. «Германское высшее командование, верное своим принципам оперировать по линии наименьшего сопротивления»[193], решило организовать наступление на Варшаву. 9-й германской армии должна была оказать поддержку 1-я австрийская в составе трех армейских корпусов, двух отдельных пехотных и пяти кавалерийских дивизий: 155 тыс. штыков, 10 тыс. сабель и 616 орудий[194]. «Армии (австро-венгерские. — *А. О.*) отходили к районам будущего развертывания. Этот ускоренный отход австрийцев при медленном наступлении русских повлек потерю соприкосновения друг с другом, что помогло союзникам скрыть свою группировку и тем самым отчасти обеспечить неожиданность своего наступления»[195].

Германское командование, по свидетельству П. фон Гинденбурга, имело расплывчатое, но в целом довольно верное представление о русском развертывании: «Все, что мы знали наверняка, было то, что русские очень медленно следовали вдоль реки Сан вслед за отступающими австро-венгерскими армиями. Далее были признаки того, что к северу от Вислы находилось 6 или 7 русских кавалерийских дивизий и неизвестное число бригад пограничной стражи. Одна русская армия, по-видимому, находилась в процессе формирования под Ивангородом. Возможно, некоторые из подразделений этой армии были взяты из состава армий, которые недавно противостояли нам в Восточной Пруссии, тогда как другие, свежие, прибыли из Азиатской

России. Далее, мы получили доклады, что к западу от Варшавы и фронтом на запад в процессе сооружения окопов находится большая позиция. Следовательно, мы маршировали прямо в абсолютную неизвестность и должны были быть готовы к сюрпризам»[196].

Почти одновременно с германо-австрийцами решение принималось и русским командованием. Трудно отрицать правоту горьких слов Б. М. Шапошникова, относящихся именно к этому периоду: «Ставка Верховного главнокомандующего, удрученная второй неудачей в Восточной Пруссии, не имела единого плана, каждый фронт действовал по-своему»[197]. С ним фактически соглашается и А. М. Зайончковский, отметивший, что командующие русскими фронтами оказались не в состоянии прийти к единому мнению, а Ставка во главе с Николаем Николаевичем (младшим) не проявляла должной воли: «Жесткий по наружному поведению, но поддающийся влиянию близких лиц великий князь, при совершенно не подходящем ни по характеру, ни по опыту, ни по познаниям начальнике штаба, с трудом боролся и очень часто уступал, но вразрез со здравым военным взглядом, эгоистической и очень часто узкой стратегической мысли Рузского и Иванова, тянувших исключительно в пользу своих фронтов. Роль главнокомандующего сводилась исключительно к изысканию компромиссов, чтобы по возможности объединить обоих его помощников»[198].

В какой-то мере это было результатом еще предвоенного размещения войск, паллиативного варианта планов «А» и «Г». По меткому выражению британского историка, два отдельных командования вели две отдельные войны[199]. 2 (15) сентября 1914 г. Н. И. Иванов принял разработанный М. В. Алексеевым план дальнейших действий. Начальник штаба Юго-Западного фронта исходил из того, что войска фронта устали и не могут продолжать движение к Кракову, на пути к которому находится к тому же Перемышль. Ставка Верховного предлагала ограничиться заслоном против этой австрийской крепости. М. В. Алексеев же предлагал для большей безопасности блокировать Перемышль, а время, необходимое для блокады, использовать для приема пополнений и приведения в порядок тылов и материальной части подразделений фронта. Еще до войны, основываясь на данных при опытной стрельбе по бетонным сооружениям крепости Осовец в 1912 г., русский Генштаб пришел к выводу, что при действиях против Перемышля необходимо иметь орудия калибром выше шести дюймов, так как они оставляли в бетоне лишь незначительные повреждения. Такой артиллерии в распоряжении Юго-Западного фронта не было, поэтому эти его предложения были поддержаны и Н. И. Ивановым, и Верховным главнокомандующим[200]. По диспозиции М. В. Алексеева предполагались следующие действия на Юго-Западном фронте:

1) 9-я и 4-я армии должны были дойти до реки Вислока и ожидать завершения блокады Перемышля;

2) на 5-ю и 3-ю армии возлагалась задача завершения блокады, на 8-ю — их прикрытие со стороны Венгрии;

3) после блокирования Перемышля 3-я армия должна была передать ее вновь формируемой из второочередных частей блокадной армии и присоединиться к 8-й, а 5-я — к 9-й и 4-й армиям;

4) после этого формировалась группа из трех армий (4, 5, 9-й) для наступления на Краков;

5) немедленно должно было начаться формирование конного корпуса силой в 5–6 дивизий для прикрытия этого наступления;

6) М. В. Алексеев, предусматривая возможность флангового удара противника из района Ченстохова, считал совершенно необходимым создать в районе Варшавы мощную группу, которая могла бы парировать этот удар[201].

Генерал М. Гофман, очень хорошо знавший русскую армию и всю войну проведший на Восточном фронте, отмечал, что положительные результаты «скорее следует приписать личной инициативе отдельных лиц, чем распорядительности центральных властей»[202]. Неудивительно, что успехи в операциях против германцев были скромными. Перед Варшавско-Ивангородской операцией Ставка Верховного не смогла добиться эффективного взаимодействия фронтов, а вернее, их командований. В 1912 г., находясь на маневрах во Франции, великий князь как-то сказал Р. Пуанкаре: «В нашей огромной империи, отдав приказ, никогда не знаешь наверняка, придет ли он по назначению»[203]. Этого тем более трудно было добиться при манере Верховного главнокомандующего отдавать приказы. Варшава входила в зону ответственности Северо-Западного фронта, который теперь возглавил генерал Н. В. Рузский, имевший собственный план, исключавший создание сильной группировки под Варшавой:

1) 1-ю армию, которую он считал временно неспособной к наступлению и, судя по всему, к обороне, планировалось отвести за Неман;

2) 10-ю армию отвести за реку Бобр;

3) 2-ю армию отвести за фронт Златория — Бельск;

4) Варшавский отряд оставить на месте, но в случае сильного натиска германцев частью этого отряда усилить гарнизон крепости Новогеоргиевска, а остальных отвести к Ивангороду[204].

7 (20) сентября 1914 г. Н. Н. Янушкевич известил генерала Н. И. Иванова об этом предложении Н. В. Рузского. Варшавский отряд в составе двух второочередных дивизий, Кавказской казачьей дивизии, 3-й бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии и казачьего полка был подчинен генералу от инфантерии П. Д. Ольховскому. Ему и было приказано «удерживаться в пределах возможности в районе Варшавы, Новогеоргиевска, Зегржа, разведывая кавалерией на левом берегу Вислы на фронте от Влоцлавска до Новорадомска, причем в случае давления противника генералу Ольховскому надлежит, оставив одну дивизию на усиление Новогеоргиевска с целью доведения его до 3 дивизий, взорвав мосты на Висле у Варшавы, отходить к Ивангороду»[205]. Таким образом, Варшавский отряд должен был отступать по расходящимся направлениям, а три русские армии оставляли без прикрытия Варшаву и Ивангород, имея перед собой 3–4 германских корпуса.

Это был спасительный для Австрии план, лишавший Юго-Западный фронт возможности в ближайшее время возобновить наступление. Фланг и тылы фронта оставались совершенно открытыми. Получив эту информацию, генерал Н. И. Иванов на следующий день связался с начальником штаба Ставки, категорически протестуя против отступления Северо-Западного фронта. «При самых демонстративных действиях армии генерала Рузского совершенно не помешают неприятелю развить энергичные действия к стороне Ивангорода, Люблина. Занятие Варшавы произведет такое нравственное впечатление, которого нельзя не принимать во внимание. Тыл трех армий настолько сложен, настолько наполнен запасами, учреждениями, что на переброску его потребны большое время и громадная работа. Перемена базирования — дело трудное, а в обстановке, которая ставится Юго-Западным армиям, тем более. Путей южнее Полесья мало, едва достаточно для двух армий, а их придется разделить между пятью. Мне нужно определенно знать, когда генерал Рузский имеет в виду отвести свои войска. Этот отход необходимо было бы приурочить ко времени очищения всего тыла трех армий Юго-Западного фронта»[206].

Положение Юго-Западного фронта могло сразу же стать угрожающим, и Н. И. Иванов предложил сделать личный доклад главковерху, если он приедет в штаб фронта в Холм. Для согласования действий фронтов Ставка Верховного назначила совещание в Холме 9 (22) сентября, на котором председательствовал Николай Николаевич (младший) и присутствовали оба главнокомандующих фронтами и начальники оперативных частей. К моменту проведения совещания русские войска почти по всему фронту утратили соприкосновение с противником. На Юго-Западном фронте они дошли лишь до Сана, где их остановил неожиданный разлив реки, и только 9-я армия успела выйти к Вислоке. Генерал В. М. Безобразов, командовавший Гвардейским корпусом, входившим в 9-ю армию, отметил в своем дневнике от 22 августа (4 сентября), что сильные дожди существенно тормозят движение его корпуса[207]. Позже они привели к невиданному в начале осени паводку.

Еще до начала совещания армии Н. В. Рузского 1–8 (14–21) сентября почти завершили свой маневр отхода. С контактом были утеряны и сведения о противнике в Восточной Пруссии[208]. При этом Ставка продолжала получать информацию о том, что немцы готовят наступление по левому берегу Вислы, и передавать ее фронтам. 11 (24) сентября Н. Н. Янушкевич успокаивал М. В. Алексеева: «Верховный главнокомандующий поручил мне уведомить Вас, что масса конницы генерала Новикова не только выяснит истинное положение дел на левом берегу Вислы, но и обеспечит правый фланг Юго-Западного фронта от всяких неожиданностей и даст возможность выиграть время для соответственного маневра этих армий в зависимости от обстановки»[209]. Совершенно непонятно, каким образом столь сложную задачу на почти 300-верстном фронте могли решить пять кавалерийских дивизий А. В. Новикова (около 10 тыс. человек), пусть и с поддержкой приданной им бригады пехоты![210]

Для того чтобы не допустить разнобоя в действиях кавалерии, подчиняющейся Юго-Западному и Северо-Западному фронтам, Н. Н. Янушкевич в тот же день известил начальника штаба Н. В. Рузского генерала В. А. Орановского о задачах, поставленных перед А. В. Новиковым и приказал кавалерии фронта на левом берегу также вести разведку «возможно интенсивнее и непременно в связи с работой генерала Новикова»[211]. Таковым было ближайшее следствие совещания. Николай Николаевич в очередной раз пришел к худшему из решений — к паллиативу, в какой-то степени вынужденному. «К сугубо дурным сторонам Николая Николаевича как Верховного главнокомандующего, — отмечал сотрудник его штаба, — я лично отношу слабость воли и мелочность характера, проявлявшиеся в отсутствии твердого управления фронтами, в тщеславных расчетах при освещении «заслуг» Рузского под Львовом, в перенесении личной неприязни к Сухомлинову на деятельность его как военного министра»[212].

Пытаясь выправить ситуацию и не допустить катастрофы в случае реализации плана Н. И. Рузского, М. В. Алексеев перевел к 8 (21) сентября под Ивангород 3-й Кавказский корпус генерала В. А. Ирмана. В случае наступления противника он помог бы гарнизону парировать атаку. Основной удар после этого планировалось нанести во фланг в направлении на Кельцы и отрезать австро-германскую армию от железнодорожного снабжения. Для выполнения этого плана нужна была еще одна переправа. Между Варшавой и Ивангородом на Висле не было мостов, и по приказанию М. В. Алексеева началось срочное строительство моста у местечка Гура-Кальвария. Поскольку фланговая операция должна была стать масштабной, начальнику штаба Юго-Западного фронта нужно было несколько мостов (до десяти). 15 (28) сентября он послал А. В. фон Шварцу депешу: «Я Вас настоятельно прошу помочь мне и построить к 20 сентября в Новой Александрии мост для прохода войск с легкой артиллерией и т. д.»[213].

Комендант Ивангорода начал строительство плотового моста через Вислу и сбор материалов для других мостов за два дня до этого. Ниже Ивангорода, у Ново-Александрии, было собрано 15 пароходов для наведения судовых мостов. Из шести судов был организован паром на 3 тыс. человек[214]. Объем этих приготовлений был легко объясним, так как уже 15 (28) сентября Н. Н. Янушкевич известил Н. И. Иванова о предполагаемых Ставкой действиях. Поскольку в Галиции разбитый противник отходил к Кракову и не мог представлять опасности, перед обоими фронтами ставилась задача подготовки глубокого вторжения в Германию от средней Вислы по направлению к верхнему Одеру. Для этого Юго-Западный фронт должен был сосредоточить на левом берегу Вислы не менее 10 армейских корпусов. На следующий день и Н. В. Рузский был извещен об этих планах Верховного. Николай Николаевич (младший) требовал сокращения линии Северо-Западного фронта и выделения в район Варшавы не менее шести корпусов, из которых два должны были быть немедленно отправлены туда для усиления отряда П. Д. Ольховского и парирования возможного наступления немцев[215].

Итак, в результате совещания в Холме общий план действий так и не был принят, однако в действия фронтов были внесены коррективы. Внешне был принят план командования Юго-Западного фронта. Генерал Н. В. Рузский должен был остановить дальнейший отход 2-й армии и усилить по меньшей мере двумя корпусами Варшавский район. Генералу Н. И. Иванову надлежало переместить в район Ивангорода армию в составе трех корпусов и одной кавалерийской дивизии. Остальные части могли продолжать запланированные действия. Таким образом, Верховный хотел усилить район Варшавы и укрепить связь между фронтами[216].

Нельзя не заметить, что теперь Юго-Западный фронт терял возможность выполнения плана наступления, ибо компромисс привел к тому, что войска Н. В. Рузского, которые должны были обороняться против численно слабейшего противника, несли одинаковую и даже меньшую нагрузку по обеспечению обороны Варшавско-Ивангородской линии, как и войска Юго-Западного фронта, перед которыми стояла задача стратегического значения, успешное выполнение коей могло решить судьбу войны. Срыв германского плана молниеносной войны к этому времени стал очевиден, 14 сентября закончилась битва на Марне, и на парижском направлении наступило затишье. Правда, начались напряженные бои во Фландрии, но они не могли принести быстрого решения ни одной из сторон. Почему же великий князь, известный своей строгостью и требовательностью к дисциплине, проявил такую мягкость к позиции и действиям Н. В. Рузского?

Представляется, что объяснение этому нужно искать в позиции самого Верховного и наиболее близкого его соратника генерала Ю. Н. Данилова, мнение которого в вопросах стратегии было в Ставке определяющим. Николай Николаевич (младший) с самого начала войны и до конца 1914 г. оставался верным своей идее наступления прежде всего на Берлин, обходя немецкие крепости Торн, Позен и Бреслау, которую он изложил в телеграмме Ж. Жоффру перед первым наступлением в Восточную Пруссию[217]. Примерно так же информировал С. Д. Сазонова о направлении будущего наступления, которое должно было начаться 8 октября, и начальник Генерального штаба генерал М. А. Беляев[218]. Кроме того, великий князь, безусловно, учитывал и то, что победы над Австро-Венгрией не компенсировали поражения на германском фронте в глазах общественности как русской, так и зарубежной[219]. Николаю Николаевичу нужен был реванш за поражение в Восточной Пруссии. Штаб Юго-Западного фронта вынужден был пересмотреть свои планы. Прежде всего отказались от преследования противника, продолжая обложение Перемышля, которое велось довольно активно. Генерал Г. Кусманек, комендант Перемышля, ответил категорическим отказом на предложение сдаться.

Вместе с Краковом эта крепость считалась одной из наиболее важных на восточном фланге империи Габсбургов. В 1865 г. здесь были построены первые укрепления, а в 1871–1873 гг. — первые форты. Крепость перестраивалась и модернизировалась каждый раз, когда ухудшались русско-австрийские

отношения: в 1887, 1896 и 1909 гг.[220] К 1914 г. ее ядро было оградой нового типа длиной в 15 км, состоявшей из 21 долговременного опорного пункта и соединяющих их куртин в виде валов со рвами, усиленными железными решетками и проволочными сетями. Вперед на расстояние от 5 до 11 км была вынесена главная крепостная позиция — 38 долговременных укреплений, из них 19 фортов. Обвод главной позиции равнялся 45 км, а шесть фортов представляли наиболее отдаленную Седлисскую группу, выдвинутую на 11 км от железнодорожного моста через реку Сан. Все укрепления фортового пояса были связаны между собой и с ядром крепости сетью шоссе и узкоколейных железных дорог общим протяжением около 100 км. Все органы управления крепости и укрепления обслуживались телеграфной и телефонной сетями[221].

С началом войны австрийцы принялись активно усиливать оборонительные возможности Перемышля. По 14 часов в сутки около 400 офицеров и 25 тыс. рядовых, до 29 тыс. мобилизованных местных крестьян трудились на укреплениях и земляных работах. В результате к началу блокады было окончено несколько долговременных сооружений, построены барачные лагеря и склады, к существовавшим двум мостам через реку Сан, протекавшую через город, было добавлено еще два военных моста, для расчистки секторов обстрела вырубили 1 тыс. гектаров леса и снесли 21 населенный пункт. Крепость была снабжена мясом и фуражом на 70 дней и овощами — на 95 дней. Ее гарнизон составили почти 100 тыс. человек: венские ландштурмисты обслуживали артиллерию, галицийские и венгерские стали основой пехоты. 32-я дивизия, четыре полка которой (6-й новосадский, 23-й самборский, 70-й петроварадинский и 86-й суботичский) были почти полностью славянскими, после боев в Сербии и Галиции не могла считаться надежной — сказывались и усталость, и низкий уровень морали.

Конечно, это были слабые части, и для их укрепления в крепость ввели 23-ю гонведную дивизию, полностью укомплектованную венграми. Она и стала главной опорой Г. Кусманека. Главным преимуществом оборонявшихся было превосходство в артиллерии, которое полностью принадлежало австрийцам. Несмотря на то что среди более чем 1 тыс. орудий крепости было немало устаревших, вплоть до образцов 1861 г., здесь имелись две батареи 305-мм мортир на автомобильной тяге и еще весьма эффективная тяжелая артиллерия — 240-мм мортиры и 150-мм гаубицы образца 1891 г. Русские войска (7,5 пехотной и одна кавалерийская дивизии) имели 483 орудия, из которых полевые тяжелые орудия составляли только 6,5%, полевые гаубицы — 7%. Осадной артиллерии у осаждающих не было вообще. Генерал Н. И. Иванов предложил снять блокаду, но по настоянию генералов А. А. Брусилова и С. Н. Дельвига, инспектора артиллерии 9-го корпуса, 22–24 сентября (5–7 октября) была предпринята попытка штурма[222].

15 (28) октября, убедившись в том, что гарнизон крепости в основном состоит из ландштурмистов, Ставка санкционировала переход от блокады к «другим способам действий, если они будут подсказываться обстановкой»[223].

Расплывчатость формулировки явно указывала на нежелание брать на себя ответственность за возможную неудачу. «Условия штурма были очень тяжелые, — вспоминал его участник, — без предварительной подготовки и достаточной поддержки своей артиллерии, под губительным огнем крепости, точно пристрелявшейся по рубежам и местным предметам, под дождем, перешедшим в снег, по невылазной грязи»[224].

Самым негативным образом на ведение осады и ее результат повлияло то, что за короткое время она поручалась разным командующим (генералам Р. Д. Радко-Дмитриеву, А. Н. Селиванову и Д. Г. Щербачеву) и формированиям (3-й и 11-й армиям), а также то, что в ее начале русская разведка недооценила размеры артиллерийского вооружения крепости, исчислив его только в 300 орудий. Окончательный штурм, руководил которым генерал Д. Г. Щербачев, привел к частичному успеху, который не был развит ввиду начавшегося австро-германского наступления[225]. В ряде случаев русские войска дошли до предфортовых искусственных укреплений, где их застал приказ отходить[226]. В целом атаки были отбиты австрийцами с чувствительными потерями для штурмующих, и в ночь с 24 на 25 сентября (с 7 на 8 октября) генерал Д. Г. Щербачев распорядился прекратить атаку. Днем 25 сентября (8 октября) А. А. Брусилов отдал приказ отходить[227].

Необходимо отметить, что под Перемышлем шла смена полевых войск на резервные, М. В. Алексеев хотел освободить лучшие по качеству войска для будущей операции. Командование Юго-Западного фронта, воспользовавшись отсутствием контакта с противником, начало замещать корпуса на Сане и Висле. 1 (14) октября из 9-й армии был изъят Гвардейский корпус, который в ночь на 2 (15) октября передал свои позиции 18-му армейскому корпусу[228]. У Ивангорода должна была быть собрана сводная армия, для чего выделялось управление 4-й армии во главе с генералом А. Е. Эвертом, два корпуса из той же армии и один из 9-й. Остаток 4-й армии вместе с соответствующим участком фронта распределялся между 9-й и 5-й армиями. Новая 4-я армия должна была прибыть под Ивангород 18 сентября (1 октября). К этому же сроку войска должны были начать прибывать под Варшаву. 15 (28) сентября генерал А. В. фон Шварц получил от М. В. Алексеева телеграмму, близкую к отчаянию: начальник штаба фронта просил завершить в Ивангороде строительство моста для переправы отряда с легкой артиллерией в срок не более чем пять дней. Мост был построен[229].

Очевидно, опасность германского удара в направлении на Варшаву и планы Николая Николаевича (младшего) были причиной нового предложения командования Юго-Западного фронта, старавшегося привлечь внимание Верховного к своему направлению как площадке для наступления в район Верхней Силезии. Учитывая сосредоточение германо-австрийских сил в районе Крейцбург — Ченстохов — Бендин, по плану штаба Юго-Западного фронта новая 4-я армия должна была теперь наступать не по правому берегу Вислы, а по левому, от Ивангорода. 9-я армия постепенно перемещала свои корпуса на левый берег Вислы. Здесь, как и предлагал Н. Н. Янушкевич,

должна была собраться группировка в 9–10 корпусов этих армий, которая могла быть задействована и в направлении Кракова, и в направлении Калиша, то есть германской Силезии[230]. Таким образом, выполнение плана германо-австрийского наступления оказалось бы под серьезной угрозой.

Реализация очередных предложений Н. И. Иванова и М. В. Алексеева была сорвана действиями Н. В. Рузского, который не увеличил группировку в районе Варшавы и сорвал решение холмского совещания. Для главнокомандующего Северо-Западным фронтом эти действия опять прошли безнаказанно. На 20 сентября (3 октября) он наметил наступление в Восточную Пруссию с целью овладения линией Мазурских озер. В этом наступлении должны были принять участие 1-я и 10-я армии, прикрываясь 2-й армией, то есть Северо-Западный фронт достиг желаемого численного превосходства: девяти русским корпусам противостояло два с половиной германских. Н. В. Рузский всего лишь информировал Ставку о том, что все его корпуса уже получили боевое задание, а потому он просил Верховного приостановить наступление Юго-Западного фронта, чтобы не увеличивать разрыв между соседями и дать возможность последнему парировать удар противника по Варшаве.

Ставка фактически приняла план Н. В. Рузского к действию, оставив его без замечаний, а поведение командующего фронта — без последствий. Действия Николая Николаевича были вполне логичными, если учесть его желание организовать большое наступление на германском направлении, которое виделось ему решающим. 12 (25) сентября вместе с принятием плана Н. В. Рузского Ставка указала Н. И. Иванову на необходимость приостановки наступления до 20 сентября (3 октября) и усиления правого фланга за счет левого. Возможность создания мощной группировки в районе Ивангорода для самостоятельных действий исключалась, стык фронтов на варшавском направлении оставался неприкрытым. А начало наступления германо-австрийцев планировалось на 15 (28) сентября, то есть через три дня после того, как Ставка фактически отвергла план Иванова — Алексеева[231].

Очевидно, М. В. Алексеев предчувствовал что-то неладное, потому что 11 (24) сентября им была разослана ориентировка командующим армиями. Учитывая концентрацию противника по линии Крейцбург — Берлин и постепенное продвижение германо-австрийских сил на восток от Ченстохова, он считал возможными следующие направления наступления союзников: на Варшаву, на Ивангород, на Сандомир, на нижнее течение Вислоки, с переправой у Вислы, у Нижнего Корчина. Наиболее вероятным направлением главного удара противника М. В. Алексеев полагал участок Вислы от Ивангорода от Сандомира, куда, по его расчетам, германо-австрийцы могли выйти уже 18 сентября (1 октября). Он ошибся в расчетах всего на несколько дней, но сделать было уже ничего невозможно. Армии на Ниде так и не были сконцентрированы. Н. И. Иванов выполнял приказ Николая Николаевича. Армии Юго-Западного фронта стояли, имея на правом фланге

за спиной реку Сан без надежных переправ и лесисто-болотистую полосу, а на правом были скованы осадой Перемышля[232].

Впрочем, и за Перемышлем, в карпатских лесах, хватало проблем с труднопроходимыми участками, делавшими передвижение войск, особенно конницы и артиллерии, сплошным мучением. Дороги, по словам тех, кому пришлось проходить по ним, не поддавались «никакому описанию»: «Австрийцы целыми верстами проложили вертящиеся неприкрепленные бревна поперек места предположенной к разработке дороги, пролегающей через болота. Может быть, для пеших людей эти бревна были подмогой, но ноги лошадей скользили, а бревна расходились; упав, лошади не могли вытащить обратно ног. Местами были сплошные озера с вязким дном. Лошади поверх спины погружались в жидкую грязь, путаясь ногами в каких-то препятствиях, горные орудия исчезали в воде. Никто из участников этого движения не испытывал когда-либо что-либо подобное. Ужасы этого перехода неописуемы»[233].

Штаб Юго-Западного фронта был весьма озабочен такой обстановкой и планировал отвести свои армии на правый берег Вислы и Сана, для того чтобы получить пространство для контрманевра и возможность для контратаки. Однако и этот план не был реализован. В дело вмешался лично великий князь. Решение Н. И. Иванова и М. В. Алексеева вызвало у него «самое отрицательное к себе отношение». 13 (26) сентября он вновь провел совещание в Холме, и опять в план действий фронта были внесены коррективы: отход 9-й армии прекращен, осада Перемышля оставлена, подготовка к перегруппировке фронта назначена на 14 (27) сентября, а утром следующего дня она должна была начаться почти одновременно с наступлением П. фон Гинденбурга[234]. Оно немного задержалось из-за того, что корпус генерала Р. фон Войрша опаздывал с выгрузкой у Ченстохова, но 13 (26) сентября германо-австрийцы закончили сосредоточение. 27 сентября 9-я германская армия перешла в наступление на Варшаву, поначалу не встретив особого сопротивления[235].

Перед наступлением немецкое командование решило подготовить почву для сочувственного отношения к своим войскам со стороны местного населения. Необходимо отметить, что П. фон Гинденбург был уроженцем Восточной Пруссии, чей предок погиб в Грюнвальдской битве в 1410 г., а Э. Людендорф происходил из Позена, то есть территорий со смешанным германо-польским населением, где соперничество, особенно культурное, обоих народов было традиционным и очень острым. Оба генерала не испытывали особых симпатий к полякам, однако они вынуждены были пойти на ряд действий, совпавших с таковыми же мерами, предпринятыми германским правительством. 2 сентября 1914 г. конклаву кардиналов в Риме был вручен «меморандум немецких католиков о мировой войне».

В разработке и подписании этого документа приняли участие видные деятели католической церкви Германии и ряд депутатов рейхстага. В нем, в частности, говорилось: «Германия ведет войну не ради завоеваний, но

борется за свое существование. Самое тяжелое нападение в настоящей войне приходится выдерживать со стороны православных московитов. Россия хочет подчинить всех славян не только своему политическому, но и религиозному деспотизму. Победа России принесла бы тягчайший урон католичеству. Католицизм во всей Западной Европе не имеет более опасного врага, чем русский насильник, который уже столетия тому назад при помощи зверских мер вырвал из-под власти церкви польских католиков»[236]. Документ широко распространялся в прифронтовой полосе, за ним последовали и другие меры.

На католическую епископскую кафедру в Позене, которая пустовала несколько предвоенных лет ввиду особой позиции германского императорского правительства, традиционной еще со времен культуркампфа, был назначен польский священник. Генерал-лейтенант Курт фон Морген от имени командующего армией, наступавшей на Варшаву, издал обращение к полякам, в котором от имени Вильгельма II декларировались обещания освобождения «прекрасной страны» от русского варварства, политической и религиозной свободы. К. фон Морген призвал польское население к войне за освобождение и информировал его о том, что германские войска получили приказ относиться к полякам как к друзьям. В качестве места издания обращения было указано «Польское королевство».

Характерно, что воззвание не было подписано ни П. фон Гинденбургом, ни Э. Людендорфом. В походе вместе со своей свитой должен был участвовать саксонский король Фридрих-Август III, правнучатый племянник Фридриха-Августа I, первого и единственного герцога Варшавского, чье присутствие должно было напомнить полякам о временах польско-саксонской династической унии. В окружении короля были представители германской аристократии во главе с великим герцогом Саксен-Мейнингемским[237]. Этим господам и дамам так и не пришлось приветствовать въезд Фридриха-Августа III в Варшаву. Большую часть операции они провели во временно оккупированной Лодзи, развлекаясь поездками на охоту в заповедные леса[238].

Директива Ставки, направленная на подготовку наступления на Силезию, появилась почти одновременно с окончанием германо-австрийского сосредоточения. Этот документ не соответствовал ни плану Н. В. Рузского, ни решению совещания в Холме, ни сложившейся обстановке. Северо-Западному фронту было приказано приступить к формированию значительной группы в районе Варшавы, Юго-Западному – перевести на левый берег Вислы не менее девяти корпусов, а по возможности и три армии. По завершении группирования эти силы должны были начать наступление на запад, а оба фронта прикрывать их фланги. В результате в начале Варшавско-Ивангородской операции русская армия оказалась без плана контрманевра, который пришлось вырабатывать уже в ходе сражения[239].

Германское командование, по свидетельству М. Гофмана, несколько неверно представляло себе планы русского Верховного командования. Во всяком случае, в своих поздних работах он приписал Николаю Николаевичу

действия, которые тот реально предпринял не в начале операции, а несколько позже, когда германское наступление было уже на подъеме: «Узнав о наступлении 9-й армии, великий князь Николай Николаевич приступил к выполнению широко задуманного плана. Из сражавшихся против австрийцев армий он взял около 14 корпусов и перебросил их частью по железной дороге, частью походным порядком позади Вислы к северу. Меньшая часть этих сил должна была перейти Вислу и сковать германскую армию фронтальной атакой. Прочие силы, поддержанные только что прибывшими в это время в Варшаву сибирскими корпусами, должны были перейти в наступление с линии Варшава — Новогеоргиевск в обход фланга нашей армии. План был хорош. Великий князь правильно понял, что ему следует прежде всего совершенно устранить 9-ю армию, чтобы потом уже окончательно разделаться с австрийцами»[240].

К сожалению, к началу наступления П. фон Гинденбурга подобных планов у Николая Николаевича не было, и уж совсем плохо обстояло дело с концентрацией сил на варшавском направлении. При этом общее превосходство в силах оставалось за русской стороной. Участвовавшие в операции 9-я германская армия, которая состояла из 12,5 пехотной и одной кавалерийской дивизий, и 1-я австро-венгерская армия, имевшая 11,5 пехотной и пять кавалерийских дивизий, вместе насчитывали 290 тыс. штыков, 20 тыс. сабель и 1600 орудий. Противостоявшие им 2, 5, 4 и 9-я русские армии и Варшавский укрепленный район имели в составе 470 тыс. штыков, 50 тыс. сабель и 2400 орудий, не считая крепостных[241]. Однако при этом на 14 (27) сентября на варшавском направлении находились только 27-й корпус и кавалерийская завеса (разведывательные группы) в составе конного корпуса генерала А. В. Новикова и Кавказской кавалерийской дивизии генерал-лейтенанта К.-Г.-Р. Р. Шарпантье[242].

Неуклонное применение принципа единоначалия, четкая и ясная общая цель и концентрация воли германского командования столкнулись с положением, при котором принятое русской Ставкой решение ставилось под вопрос, а помощь соседу при атаке и обороне отнюдь не была естественной. В результате и оказался возможным успех германского удара[243]. Русские части были развернуты по фронту длиной в 250 км. Для атаки Варшавы была выделена группа А. фон Макензена в составе 3,5 корпуса и одной кавалерийской дивизии. Собственно на город наступали 17-й и часть 20-го корпуса, а потом и весь этот корпус. Группе генерала М. фон Гальвица в составе Гвардейского резервного корпуса, одной дивизии из корпуса Р. фон Войрша и одной бригады из 20-го корпуса поручалось достичь Вислы и не допустить ее перехода русскими войсками на участке от Ново-Александрии до Ивангорода[244].

Естественно, русская кавалерия была не в состоянии удержать линию, которую занимала. Она делала то, что могла: сдерживала противника, имитируя готовность держать оборону на тех или иных позициях, не давала немцам двигаться к Висле походным порядком, заставляла их «производить

боевые развертывания и задерживаться в боях против наших дивизий»[245]. При слабой поддержке пехоты конница не имела ни малейшего шанса остановить или даже приостановить наступление, в котором участвовали все три рода оружия. Немцы быстро двигались вперед. За три дня наступления, включая дневку 17 (30) сентября, они прошли около 50 км[246].

16 (29) сентября Ставка окончательно убедилась в том, что на фронте у Н. В. Рузского отборным русским войскам противостоят ландверные и резервные части, а полевые корпуса немцев действуют на фронте Познань — Ченстохов — Краков. «Таким образом, — сообщал в этот день М. В. Алексееву Н. Н. Янушкевич, — фронт Вислы приобретает сейчас сугубо важное значение, *нужна поэтому соответственная власть, вернее, соответствующее важности операции управление* (выделено мной. — *А. О.*)... Только Николай Иудович и Вы, Михаил Васильевич, можете правильно и удачно разрешить эту, по всей вероятности, важнейшую в близком будущем задачу. Верховный главнокомандующий решил поставить во главе всего этого фронта Николая Иудовича и Вас, подчинив Вам все армии от Новогеоргиевска до Карпат включительно. Буде признаете нужным, Вам будет предоставлена возможность объединить действия 3-й и 8-й армий, оставляя их в своем подчинении. Несомненно, придется, вероятно, усилить Вислянский фронт не только, как я говорил, за счет Северо-Западного фронта, но и за счет Галицийской группы, но это, конечно, дело будущего, а равно и Вашего усмотрения. Больно и обидно, что приходится останавливать победное шествие, больно сознавать, что для полной паники австрийцев нужен был день или два работы Лечицкого и Эверта, но серьезность опасности для Вас и для общего дела от Калиша до Познани слишком велика»[247].

Последняя фраза была недалека от истины — германское наступление развивалось успешно. 29 сентября М. Гофман записал в своем дневнике: «Мы на пороге большого успеха: с того момента как началось наше движение, русская армия прекратила давление на австрийцев и сейчас отступает за Вислу. Нельзя предвидеть направление, которое примет наша атака, все полностью зависит от новостей, которые мы получим»[248]. 1 октября немцы были уже в 40 км от Варшавы. Несколько удачнее других действовала Гвардейская кавалерийская бригада, прикрывавшая отход корпуса А. В. Новикова и задержавшая германо-австрийский авангард на три дня[249]. Только на третий день германо-австрийского наступления Ставка великого князя убедилась в опасности и начала разработку нового плана, который был разослан в штабы фронтов и армий только на следующий, четвертый день, то есть 18 сентября (1 октября). По этому плану 1-я и 10-я армии Северо-Западного фронта должны были продолжать наступление и одновременно выделить на Вислу 2–3 корпуса.

Ставка Верховного считала, что против фронта Н. В. Рузского находятся четыре германских корпуса, но на деле их было на полтора меньше. 2-я армия должна была атаковать противника во фланг со стороны Варшавы, а 4-я и 9-я армии провести фронтальную атаку германцев. 5-й армии надлежало

оказать содействие операции на Висле. Остальные армии Юго-Западного фронта должны были прикрывать реку Сан и блокаду Перемышля. Общее командование операцией осуществлялось штабом Юго-Западного фронта, в ночь с 18 на 19 сентября (с 1 на 2 октября) в распоряжение генерала Н. И. Иванова перешли крепость Новогеоргиевск, Варшавский отряд и 2-я армия. Фактически вся основная тяжесть работы легла в эти дни на плечи начальника штаба фронта, поскольку командующий болел. М. В. Алексеев разработал план операции, идея которого восходит к его предложениям 8–15 (21–28) сентября. Это был план флангового удара всей 2-й армией, прикрытой Новогеоргиевском. Русский правый фланг имел опору в этой крепости, левый — в Ивангороде[250]. Он требовал не менее 11 дней для передислокации 2-й армии (она находилась в 80–100 верстах от Варшавы и в 160 верстах от левого фланга немцев), разворота 4-й и 9-й армий и выделения группы корпусов из Северо-Западного фронта, а также для сосредоточения[251].

Если бы немцы вышли к Висле за это время, то реализация этого плана стала бы невозможной, так как возникла бы совсем другая задача — форсирования Вислы. Это как раз был тот самый план, о котором писал М. Гофман. Выиграть время — вот что становилось первоочередной задачей для Юго-Западного фронта. Еще 16 (29) сентября Н. Н. Янушкевич извещал М. В. Алексеева, что переброска двух корпусов из состава фронта Н. В. Рузского начнется немедленно. Это было уже не первое обещание, однако его не торопились выполнять. Сам Н. В. Рузский и его генерал-квартирмейстер генерал М. Д. Бонч-Бруевич предпочитали торговаться за каждый корпус, предлагали послать наиболее пострадавшие, ослабленные части вместо сильных, а Ставка в лице генерала Ю. Н. Данилова терпеливо объясняла: «...взгляд Верховного главнокомандующего и вся обстановка за то, что на берегах Вислы будет решена участь первого периода кампании, а может быть, и всей войны. При таких условиях Вы сами согласитесь, что нужно напрячь все силы к тому, чтобы обеспечить операцию. Главному должно быть подчинено все остальное... Надо давать наиболее боеспособные и сильные корпуса»[252]. Удивительно, но при такой оценке ситуации Ставка соглашалась на требования Северо-Западного фронта, а Н. В. Рузский вплоть до 27 сентября (10 октября) не послал ни одного корпуса под Варшаву[253].

Германское командование решило своим наступлением задачу оказания помощи союзникам: «Осуществление плана великого князя вначале имело для австрийцев хорошее последствие. Они получили возможность перейти в наступление, успешно продвинулись вперед, достигли 9-го числа (октября. — *А. О.*) Сана и вступили в Перемышль»[254]. Русские осадные войска окончательно покинули подступы к крепости 14 октября, отступление проводилось в полном порядке, были взорваны железнодорожные мосты, разрушалось полотно дороги. Провести первый поезд с западного направления в Перемышль австрийцам удалось только 23 октября[255]. 19–26 сентября (2–9 октября) русские войска вели оборонительные бои на Висле, стараясь

выиграть командованию время для перегруппировки. 6 октября немцы достигли Вислы и прочно заняли здесь линию реки. 6 октября М. Гофман записал в своем дневнике: «К сожалению, победы здесь нет. Русские укрылись за Вислой, когда мы пришли. Только около 3000 пленных и т. д. Тем не менее стратегический успех огромен, так как вся русская армия отступает на австрийском фронте... Они (то есть русские. — *А. О.*) собрали 9 армейских корпусов, которыми они собирались обрушиться на нас, но мы слишком быстры для них, и к 5-му (октября. — *А. О.*) мы были на линии Вислы, и им пришлось драться для того, чтобы форсировать ее»[256].

26 сентября (9 октября) немцы вышли к Ивангороду. Ровно за день до этого А. В. фон Шварц закончил основные работы по усилению обороны крепости[257]. П. фон Гинденбург решил искать решение ситуации на севере, под Варшавой, до сих плохо прикрытой русскими войсками и лишенной укреплений, способных компенсировать малочисленность наших сил[258]. Состояние фортов, разоруженных и взорванных перед войной, исключало возможность организации обороны с опорой на них. Значительные усилия, направленные на приведение их в боеспособное состояние, не могли дать необходимый результат за короткое время[259]. Положение был тяжелым, в городе начали распространяться слухи о его скором падении. Варшавский генерал-губернатор обратился к жителям с воззванием, опровергавшим домыслы паникеров, предупреждая, что в отношении распространителей паники «мною будут применяться самые строгие меры»[260].

В ночь с 10 на 11 октября в Варшаве впервые за войну услышали звук вражеской артиллерии. Кроме того, впервые в XX в. германские военно-воздушные силы совершили налеты на этот город. В них принимали участие дирижабли и самолеты, поначалу разбрасывавшие листовки на польском языке, в которых содержался призыв к населению не беспокоиться и оставаться дома, так как бомбежке будут подвергнуты только военные объекты. На деле немцы бомбили Варшаву без разбора: было сброшено 32 бомбы, убиты 14, ранены около 30 человек, причем все гражданские[261] (после окончания сражения наиболее нуждающимся 16 семьям пострадавших была оказана помощь в размере 300 рублей)[262]. Ни один солдат, офицер или чиновник не пострадал, ни одно правительственное здание не было повреждено. Это необычное по тем временам оружие поначалу вызвало в городе панику и рост антигерманских настроений: Государственный банк был эвакуирован в Седлеце, город покинула французская колония[263].

Однако вскоре, несмотря на близость фронта и бомбежки, наступило необычное для войны спокойствие[264]. Город продолжал жить своей жизнью: улицы его были заполнены людьми, функционировал транспорт. «На путях к Варшаве идут бои, — отмечал русский корреспондент, — но это не только не создает паники, наоборот, какое-то радостное возбуждение царит кругом. Отношение к войскам теплое, дружеское и почти нежное»[265]. В Варшаве были слышны взрывы германских снарядов на русских оборонительных позициях, но дух горожан оставался стойким. Варшавяне активно помогали

войскам, делали все, что могли, для раненых. Школы, библиотеки, множество казенных и частных зданий были отданы под госпитали[266]. Ход событий под Варшавой вызвал разочарование у союзников. «Где те надежды, — отметил 13 октября в дневнике Р. Пуанкаре, — о которых несколько дней назад распространялся перед нами великий князь Николай Николаевич»[267].

Тем временем 27–29 сентября (10–12 октября) в Варшаву прибывали эшелоны 1-го Сибирского и 4-го корпусов, а 23-й и 2-й корпуса подходили к городу по восточному берегу Вислы. Кроме того, во 2-ю армию были временно направлены 13-я Сибирская дивизия, свежая 50-я дивизия из Петроградского округа и полк Офицерской стрелковой школы[268]. Их ждал теплый прием. «Население Варшавы с восторгом приветствует поток русских войск, направляющихся через город на левый берег Вислы», — сообщал 4 (17) октября «Русский инвалид»[269]. Первым в город вошел 91-й Сибирский стрелковый полк, прибывший из Галиции[270]. «Варшава восторженно встретила сибирцев, усыпая пути их цветами, — вспоминал генерал П. И. Постовский. — Части были чудные, из одних кадровых нижних чинов»[271]. Появление сибирских стрелков, промаршировавших под командованием полковника И. В. Лесневского по Маршалковской и Иерусалимской улицам прямо на позиции под городом, вызвало взрыв энтузиазма варшавян, восторженно встречавших русских солдат. Горожане забросали своих защитников цветами и папиросами[272].

«Все чувствовали, — вспоминал участник боев, — что перелом в сражении наступает и сибиряки не выдадут»[273]. С приходом русских подкреплений положение под Варшавой резко менялось. Немцы считали против своих 60 батальонов (18 дивизий) 224 русских батальона (то есть примерно 60 дивизий), особенно чувствовалось присутствие сибирских частей, которые П. фон Гинденбург назвал «элитой царской империи»[274]. Уже в первый же день они контратаковали немцев с большим успехом, но за него пришлось заплатить дорогой ценой. Полковник С. М. Рожанский, лично ведший своих солдат в атаку, пал смертью храбрых при штурме германских позиций[275]. Восемь дней шли постоянные встречные бои с переменным успехом, население покидало центр Царства Польского[276].

Именно немецкая угроза Варшаве заставила русское командование снимать части с австрийского фронта и облегчала Ф. Конраду фон Гетцендорфу задачу деблокады Перемышля. 9 октября 1914 г. на поле боя у раненого или убитого русского офицера немцами был найден приказ, дававший ясное представление о замыслах русского командования. Э. Людендорф вспоминал: «Приказ, найденный под Гройецом, дал нам ясную картину неприятельских намерений. План великого князя был большого размаха и для нас весьма опасен. Свыше 30 русских армейских корпусов, тесно сосредоточившихся, подавшись сильно вправо, должны были переправиться через Вислу между Варшавой и устьем Сана, а другие части должны были переправиться далее к югу через Сан. 14 дивизий были предназначены для того, чтобы разбить пять дивизий группы Макензена. Великий князь хотел

произвести сильный охват 9-й армии, а на левом крыле удерживаться на высотах восточнее Перемышля. Для этой операции великий князь перебросил также части из армии Ренненкампфа. Если бы этот план удался, то победа России, на которой Антанта строила свои стратегические соображения, была обеспечена»[277]. «Если бы этот план удался, — вторил ему П. фон Гинденбург, — под угрозой оказалась бы не только наша 9-я армия, но и весь наш Восточный фронт, Силезия, и на самом деле вся страна оказалась бы перед катастрофой»[278].

Для того чтобы сорвать эти планы, П. фон Гинденбург пошел на риск, попытавшись в очередной раз использовать выигрыш во времени и нанести упреждающий удар к югу от Варшавы. Он выделил для наступления четверть сил, имевшихся в его распоряжении: два армейских корпуса и одну кавалерийскую дивизию. Предусматривалось тесное взаимодействие с австрийскими войсками. Оборону по Висле немцы считали надежной, но к своим союзникам имели серьезные нарекания. «Здесь все в прекрасном порядке за исключением австрийцев! — отмечал М. Гофман еще 8 октября. — Если бы только эти животные могли двигаться! Они упускают успех, достигнутый нами, сквозь пальцы. Мы на линии Вислы, и по всему фронту напротив нас русские. Прямая атака невозможна — река слишком широка (800 метров)»[279]. Одновременно с немецким заканчивалось сосредоточение и русских сил[280].

«Развивалась странная стратегическая ситуация, — вспоминал П. фон Гинденбург. — В то время как корпуса противника перебрасывались из Галиции к Варшаве по противоположному берегу Вислы, наши собственные корпуса двигались в том же северном направлении по этому берегу реки. Для того чтобы сдержать наше движение на левом фланге, противник бросил большие силы через Вислу под Ивангородом и ниже. В серии последовавших жестоких боев эти части были отброшены назад на исходные позиции, но мы не были в состоянии полностью очистить от противника западный берег реки»[281]. Попытки русских войск 9–11 октября перейти в контрнаступление южнее Ивангорода не привели к успеху.

Гренадерский и 3-й Кавказский корпуса попытались переправиться через Вислу в двух местах в районе Ивангорода, у Гура-Кальварии и Ново-Александрии, но удержаться на плацдармах не удалось, и войска были вынуждены отступить на правый берег Вислы. Фронтальные атаки закончились большими потерями, как, впрочем, и для немцев. Гренадерский корпус потерял две батареи и около 7 тыс. пленными. Потери 3-го Кавказского корпуса на 3 (16) октября составили 124 офицера и 8 тыс. солдат. Теперь на западном берегу Вислы у русских в этом районе оставался только один плацдарм — в районе фортов Ивангорода[282]. 26 сентября (9 октября) по приказу генерала В. А. Ирмана был сформирован сводный отряд под командованием командира 2-й бригады 21-й пехотной дивизии генерал-майора Н. М. Иванова. В его состав вошли три батальона 84-го пехотного Ширванского Его Величества полка, 4-я батарея 21-й артиллерийской бригады, взвод казаков и несколько саперов. Перед отрядом была поставлена задача закрепиться

на плацдарме у деревни Козенице и держать его до тех пор, пока не будет наведен понтонный мост для 3-го Кавказского корпуса[283].

Вечером были приведены баржи из Ивангорода, которые позволили с наступлением темноты начать переправу. До рассвета успели переправить всю пехоту и казаков, но только два орудия. Войска переправлялись налегке, без полевых кухонь и запаса продовольствия. Из грузов на левый берег в основном перевозились боеприпасы. Утром 27 сентября (10 октября) начался бой, который не прекращался в течение 13 суток. Немцы атаковали даже ночью, освещая район ракетами. Уже в первый день против трех русских батальонов здесь действовали два германских полка, а против двух орудий — четыре батареи. В ночное время удалось постепенно усилить гарнизон плацдарма, введя туда по частям всю 2-ю бригаду 21-й пехотной дивизии (оставшийся батальон 84-го пехотного Ширванского полка и 83-й пехотный Самурский полк). В тяжелейших условиях им удалось отстоять Козенице и выиграть время для подготовки контрнаступления[284].

16 октября германская тяжелая артиллерия обстреляла крепость, и немцы сами попытались форсировать реку на понтонах. Эти попытки были сорваны русскими войсками. При этом самым положительным образом сказывалась опора на устаревшую, но все же реально существовавшую крепость. Она снабжала хлебом два корпуса, а 96 тяжелых орудий и гаубиц (правда, их калибр не превышал шести дюймов) и 102 средних и легких орудия оказали огромную помощь пехоте. Немалую роль в срыве планов противника по форсированию Вислы сыграл и чрезвычайно активный и популярный комендант генерал А. В. фон Шварц. Он широко использовал свой порт-артуровский опыт. Ему удалось добиться выделения для крепости 36 шестидюймовых крепостных гаубиц образца 1910 г. Эти мощные и достаточно дальнобойные (до 6 км) орудия были сведены в девять батарей, семь из которых составили подвижной артиллерийский резерв коменданта. Дело в том, что старые крепостные орудия этого калибра устанавливались на платформы и не могли быть переведены на другое место в условиях боя. По приказу А. В. фон Шварца на колесные лафеты были поставлены и присланные в крепость 24 47-мм и четыре 75-мм скорострельных морских орудия. Это решение обеспечило возможность поддержки войскам в операциях под крепостью[285].

В ночь на 20 октября Вислу в районе Козенице форсировал 3-й Кавказский армейский корпус. На этот раз русские войска удержались на западном берегу реки. Болотистый лесок в этом местечке, расположенном в 30 км вниз по течению реки под Ивангородом, стал районом, переходящим из рук в руки, где постоянно шли встречные бои. Болотистые берега и густой лес практически исключали оборонявшимся возможность эффективного использования полевой артиллерии[286]. С другой стороны, немцы широко использовали тяжелую артиллерию, что привело к большим потерям на плацдарме, переправа была взята во фланговый огонь. Обстрелы чередовались атаками и контратаками. Пространство перед русскими окопами

было завалено трупами немецких и русских солдат. В одной из рот Тульского полка, вышедшей на плацдарм с 250 солдатами, через несколько дней осталось 50 человек. В этот момент для поддержки войск была задействована часть крепостной артиллерии, что оказало существенную помощь войскам, дравшимся на небольшом пятачке[287]. В. А. Ирман был вынужден ввести туда даже кавалерийские части. Один из участников боев вспоминал: «...наши части выбивались из сил. Ирманов обходил полк и просил продержаться до утра, когда ожидался подход Гренадерского корпуса»[288].

12 октября 1914 г. М. Гофман записал в дневнике: «Для меня это было самое тяжелое время во всей кампании: напряжение продолжается днем и ночью — бесконечные паники и тревоги»[289]. В этот день немцы вышли уже на линию фортов бывшей Варшавской крепости[290]. Оставшаяся на части из них тяжелая артиллерия начала вести огонь по противнику. В этот момент со всей силой сказались последствия ликвидации четырех полков варшавской крепостной пехоты, поскольку находившиеся на фортах дружины ополчения и конные пограничники не могли заменить их[291]. Однако время уже начало работать на русских, а против них были исключительно организационные факторы, среди которых можно отметить два наиболее важных:

1) слабая организация разведки; как отмечал один из ее руководителей: «За все время Варшавско-Ивангородской операции штаб 2-й армии и, видимо, штаб фронта не имели правильного представления о группировке германских сил, причем основные черты группировки обнаруживались уже в процессе операции. Агентура давала слабые намеки, но доверия к ней не было, как не было вообще доверия к агентурной разведке на основе опыта прошлого. Виной здесь также бескритичный подход, с которым армия включала в сводки всякие сведения, не отделяя важных от пустяковых и правильных от дезинформационных»[292];

2) продолжавшаяся дезорганизация работы фронтовых штабов.

К 11 октября, после двукратного разговора с генералом С. М. Шейдеманом, командовавшим 2-й армией, оборонявшей Варшаву, Н. И. Иванов счел положение под городом критическим. Он сообщил в Ставку, что необходим личный доклад. 29 сентября (12 октября) в Холм прибыл Верховный главнокомандующий для совещания. Предметом доклада генерала Н. И. Иванова была возможная сдача Варшавы, руководство армией генералом С. М. Шейдеманом и отношение генерала Н. В. Рузского к сосредоточению сил в Варшавском районе. Н. И. Иванов считал, что Н. В. Рузский продолжал занимать недоброжелательную позицию к переброске сил под Варшаву (фактически он ее саботировал), так как личной ответственности за оборону города не нес. Николай Николаевич требовал ускорить сосредоточение семи корпусов 2-й армии у Варшавы. Он торопил с контрударом и для обеспечения успеха этого наступления предложил Н. И. Иванову сразу решить все проблемы и назначить командующим 2-й армией вместо С. М. Шейдемана М. В. Алексеева.

К этому генералу великий князь испытывал полное доверие. Однако командующий Юго-Западным фронтом был категорически против, он не хотел терять начальника штаба и предложил Верховному в таком случае обменять М. В. Алексеева на генерала Ю. Н. Данилова. В результате было принято решение в стиле «волевого» Николая Николаевича: Северо-Западному фронту возвращалась 2-я армия и Принаревская группа, а также связанные с ней в оперативном отношении 5-я армия и конный корпус генерала А. В. Новикова. Н. В. Рузскому теперь был подчинен Варшавский район, а 30 сентября (13 октября) последовала директива о подготовке удара в левый фланг германцев силами Северо-Западного фронта[293]. Во время беседы Н. И. Иванова с Верховным главнокомандующим М. В. Алексеев несколько раз выходил в аппаратную и связывался с С. М. Шейдеманом. 2-я армия держалась за линию варшавских фортов, но ее командующий немедленное наступление считал несвоевременным.

В ночь с 30 сентября на 1 октября (с 13 на 14 октября) под команду Н. В. Рузского перешли 2-я, 5-я армии и корпус А. В. Новикова. При сдаче 2-й армии М. В. Алексеев посоветовал Н. В. Рузскому обратить внимание на ее командующего, так как считал, что генерал С. М. Шейдеман боялся ответственности и был безынициативен. Но Н. В. Рузский, конечно, оставил его на посту. Теперь Ставка вплотную подошла к реализации плана контрнаступления силами двух фронтов под Варшавой, однако она вновь самоудалилась от активного руководства событиями. Н. И. Иванов и Н. В. Рузский фактически проводили одну и ту же операцию, но каждый из них по-прежнему придерживался своих взглядов, в то время как великий князь колебался между доводами одного и другого[294]. «Намерением противника, — вспоминал П. фон Гинденбург, — было нанести быстрый удар вдоль по Висле, в то время как решительная атака от Варшавы должна была завершить наш разгром»[295]. 14 октября 2-й Сибирский и 4-й армейские корпуса перешли в контрнаступление под Варшавой и оттеснили немцев до линии Блоне — Пясечно — Гура-Кальвария[296].

В сложившейся ситуации особенно важным становился вопрос о координации действий фронтов, и именно здесь Ставка вновь пошла на компромисс ввиду того, что Н. В. Рузский считал войска своего фронта не готовыми к наступлению. Оно началось 5–6 (18–19) октября. 2, 5, 4-я армии вводились в бой последовательно, что было особенно важно для немцев, рассчитывавших на более активную поддержку со стороны своих союзников[297]. В первый день русской контратаки передовица «Русского инвалида» торжественно провозгласила: «Пусть же радуются немцы: мы бьем их не варварскими какими-нибудь приемами, а по правилам их же тактики»[298]. В этот день в Варшаву были доставлены около 3 тыс. пленных, в городе появились слухи о пленении некоего германского принца[299]. Русское командование надеялось на окружение под Варшавой двух германских корпусов и даже потребовало подачи вагонов для пленных и особого вагона для принца Иоахима Прусского, бывшего с войсками[300].

21 октября 1914 г. М. Гофман отметил в своем дневнике, что надеялся взять Варшаву энергичным ударом, пока там не было русских войск, но, несмотря на невероятные форсированные марши немецкой пехоты, ее противник все же успел подойти вовремя к столице Польши[301]. Позже, уже после войны, он взвалил ответственность за неудачу на союзников. «Причина неуспеха нашего наступления, — вспоминал М. Гофман, — лежит в том, что сражавшимся южнее Вислы австрийским армиям не удалось перейти через Сан и нанести поражение необходимой переброской крупных сил для действий против 9-й армии. Теперь 9-й армии необходимо было так выйти из соприкосновения с русскими, чтобы они не могли ее быстро преследовать»[302]. Между тем они и не были готовы к этому. Во всяком случае, в сколько-нибудь серьезных масштабах. 19 октября великий князь сообщил Ж. Жоффру, что концентрация русских войск на правом берегу Вислы еще не завершена и что ему понадобится еще много времени для подготовки наступления на Берлин[303].

В ночь на 7 (20) октября немцы незаметно для русских войск начали отход. Утром этого дня 2-я армия генерала С. М. Шейдемана должна была начать атаку на немецкие позиции на западных подступах к Варшаве, и когда выяснилось, что противник отступает, атака была отложена, но непосредственное преследование не началось — время было потрачено на донесения и согласование новых планов действий и приказов[304]. 9 (22) октября наметившееся отступление противника приняло явный, масштабный характер[305]. «Настроение здесь за последние дни, — докладывал С. Д. Сазонову в этот день из Барановичей Н. А. Кудашев, — значительно оптимистичнее, нежели на прошлой неделе. Наш успех под Варшавой, под Ивангородом да, впрочем, и по всему фронту приободрил штаб. Но, как и при прежних наших успехах, при первом известии о них значение их преувеличивалось: генерал Данилов потребовал немедленного оповещения о них наших представителей во Франции и Англии. Между тем теперь обнаруживается, что разгрома немцев не было. Они просто спешно стали отступать, как только заметили, что перед ними превосходные силы. Конечно, и за это мы должны быть благодарны и благодарить Бога. Но о победе над германцами можно будет говорить только тогда, когда они поспешно будут отступать на собственной территории»[306].

Столь трезвая точка зрения отнюдь не была господствующей. «Ура, ура, ура! — восклицала 9 (22) октября передовица «Русского инвалида». — Немцы за Вислой разбиты наголову — быстрота русских боевых операций кружит голову всему свету еще с разгрома австрийцев в Галиции. Но ведь это были австрийцы, которых, как преувеличенно выражались, только ленивый не бил, а вот теперь трещат германцы, «лучшие военные люди на свете», казалось бы. Весь свет недоумевает, и мы в том числе — куда девалась наша манджурская оперативная вялость, нерешительность, оборонительность и уступчивость. Исполать Верховному стратегу и его штабу — высокое военное искусство их неопровержимо»[307]. Очевидно, под влиянием оптимистических

настроений и ожидания будущего похода в Германию в тот же день было опубликовано воззвание о формировании в России польских легионов[308]. Оно появилось вовремя.

Война шла в самом сердце польских земель, и особенно жестоко ее вели представители европейских армий. «Сравнивая три армии, действовавшие на польских землях, — вспоминал Роман Дмовский, — нужно отметить, что наиболее бесчеловечно вела себя австро-венгерская армия... Она имела на своем счету бесчисленное множество экзекуций, она разрушила также наибольшее количество памятников старины. Нужно добавить, что хотя это была единственная католическая армия, она с особым рвением разрушала костелы»[309]. Что касается немцев, то они вообще вели себя достаточно бесцеремонно, что отнюдь не способствовало популярности рейхсвера в Польше, несмотря ни на какие обещания, сделанные накануне наступления на Варшаву. Кроме того, оккупационные власти установили насильственный курс бумажной марки, приравняв ее к 1 рублю 40 копейкам, в то время как довоенный курс марки равнялся 50 копейкам[310].

Воззвание от 9 (22) октября было опубликовано в «Армейском вестнике», ряде русских и польских газет и распространено на польском языке по всем населенным пунктам Царства Польского. Формально его подписал назначенный командиром легиона В. Горчинский: «Поляки! Организуется польский легион с разрешения Верховного главнокомандующего. Как один человек должны мы вступить в ряды русской армии для изгнания пруссаков из пределов Царства Польского. Мы не дозволим в местностях, занятых пруссаками, совершать над нашими братьями тяжкие насилия. Пруссаки берут нашу молодежь и посылают ее на передовые позиции, издеваются над нашими матерями, сестрами, дочерьми, грабят наше имущество, оставляя за собой нищету и разрушение. Польские легионы уже борются во Франции — недавно 40 000 человек войска польского из Америки высадилось во Франции. Мы твердо убеждены, что наше начинание будет иметь большое значение для всех трех частей Польши, поднимет бодрость и воодушевление, разбудит спящих и прибавит отваги и храбрости»[311].

В легионы могли вступать добровольцы — поляки-католики, годные по здоровью, не бывшие под судом, готовые соблюдать дисциплину и служить до окончания войны. Политические взгляды добровольцев не принимались во внимание, но политическая деятельность на службе запрещалась[312]. Вскоре вербовочные комиссии легиона возникли кроме Царства Польского в Холмской губернии и Литве[313]. Однако в целом реализацию этого проекта трудно было назвать удачной. Ссылка на мифические легионы поляков, якобы уже воюющие на Западном фронте, была явной мистификацией, вскоре разоблаченной польской прессой. Никакие десятки тысяч поляков из США или Канады во Францию не прибывали[314]. С другой стороны, В. Горчинский являлся абсолютно неизвестным для польского общественного мнения человеком, про него знали лишь то, что он был помещиком, а этого совершенно недостаточно, чтобы руководить легионом. Сбор добровольцев шел

медленно, польская пресса критиковала эту идею, не без основания утверждая, что масса поляков и так уже сражается под знаменами русской армии. В. Горчинский был вынужден заявить, что он выступил лишь инициатором созыва легиона, не претендует на командование им и готов быть рядовым[315].

В январе 1915 г. Польский национальный комитет признал «такую формацию чрезвычайно желательной», с разрешения военных властей был создан Организационный комитет Польских легионов во главе с генералом от инфантерии Эдмундом Свидзинским, в котором В. Горчинский занял пост начальника управления организации[316]. Значительной поддержки эта инициатива все же не получила. Сформированный в декабре 1914 г. на Юго-Западном фронте Польский легион в январе 1915 г. по требованию МВД был переименован в 1-ю польскую (позже — 739-ю Ново-Александрийскую) дружину ополчения. В сентябре 1915 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего издал приказ о создании на базе 104-й бригады Государственного ополчения, укомплектованной в основном поляками, Польской стрелковой бригады в составе русской армии. Внутри бригады разрешалось делопроизводство на польском языке[317].

9 (22) октября Ставка поставила перед фронтами задачу энергичного преследования, главной целью которого был разрыв в районе Сандомира стыка австро-германского фронта[318]. Германское отступление в какой-то степени было неожиданным и для австрийцев, однако оно проводилось организованно. Поэтому Н. Н. Янушкевич требовал от Н. И. Иванова и Н. В. Рузского, чтобы армии, действовавшие на средней Висле, приняли «самые энергичные меры к тому, чтобы выяснить направление отступления противника, стремясь отнюдь не потерять соприкосновения с ним, настигнуть его арьергарды и принудить неприятеля к бою»[319]. Выполнить это приказание было непросто. «Германские войска отходили в порядке, — отмечал генерал Ю. Н. Данилов. — В минувшую войну они не раз показали свое умение быстро и своевременно отходить из неудачно слагавшейся для них боевой обстановки. Отступление для немцев не было признаком поражения, но лишь одним из приемов маневрирования»[320].

Пехота начала преследование противника от Варшавы только 10 (23) октября[321]. Немцы умело воспользовались задержкой русских войск и отходили, прикрывшись слабыми арьергардами[322]. При этом очень искусно уничтожались железные дороги, шоссе, телеграфные линии. «Противник отходил в полном порядке, — вспоминал Б. М. Шапошников. — Захватить отставших солдат XI немецкого корпуса удавалось редко»[323]. Вплоть до реки Варты, которой пехота достигла через 10 дней, она практически ни разу не встретила сопротивления. Достигнув этого рубежа, она остановилась, и вперед пошла конница — 1-й кавалерийский корпус[324]. Однако сделать что-нибудь заметное не удалось и кавалерии.

Участвовавший в преследовании старший унтер-офицер С. М. Буденный также отмечал, что даже обозы противника отступали в образцовом порядке, а русская кавалерия вовсе не отличалась активностью при пре-

следовании[325]. В результате только на реке Равке удалось принудить к бою и разбить германский арьергард и захватить 12 орудий. «Мы почему-то считали, — вспоминал генерал-майор Ф. Ф. Новицкий, — что ужасающие по своему состоянию русские дороги явятся нашими союзниками и что противники, оснащенные тяжеловесной техникой, не смогут по нашим дорогам успешно передвигаться и маневрировать. Действительность же показала, что как раз наоборот: немцы именно благодаря своей высокой технике легко преодолевали такие бездорожные пространства, в коих мы сплошь и рядом застревали. Так случилось и на этот раз»[326].

Немцы считали, что ни одна армия не сможет вести действия, оторвавшись от линии железных дорог на 100 км. Учитывая «большую непритязательность русских» и беспощадное использование ими конского состава, германские войска отошли на 120 км[327]. Железнодорожное полотно, шоссейные дороги и мосты систематически разрушались ими при отступлении, что не замедлило сказаться на темпах преследования[328]. В конце октября ситуация на фронте стабилизировалась. Русская армия смогла восстановить движение поездов лишь к 18 ноября, но правильное снабжение войск продовольствием так и не было организовано[329]. В ночь на 8 (21) октября немцы внезапно отступили и от крепости Ивангород, при этом предпочли прикрыться союзником. Теперь уже 1-я австрийская армия начала наступление на Ивангород. В случае его успеха П. фон Гинденбург обещал Ф. Конраду фон Гетцендорфу помощь[330].

Не подозревавший ничего гарнизон крепости, обнаруживший отход немецкой армии в восемь часов утра, немедленно приступил к уничтожению укреплений противника. На преследование был выделен отряд силой приблизительно в дивизию. Но к 14 часам 30 минутам выяснилось, что под Ивангородом идет всего лишь смена войск — к крепости подходили значительные силы австрийцев. Нарвавшийся на два австро-венгерских корпуса 4-й батальон Тульского полка почти полностью был уничтожен. Австрийцы наступали, по оценке участника боев, «с необычайным упорством»[331]. 8 (21) октября гвардия получила приказ перейти из Галиции под Ивангород. Переходы совершались в спешке, утром следующего дня они уже были в 20 верстах от крепости. 9 (22) октября В. Данкль отбросил 75-ю русскую дивизию, и теперь на его пути не было полевых войск. К счастью, австрийцы двигались не быстро. Основной удар они планировали нанести утром 10 (23) октября, и это дало выигрыш во времени[332].

Навстречу противнику через Ивангородский мост спешно переправлялись войска Гвардейского корпуса, впереди шла кавалерийская бригада Г. К. Маннергейма. 10–11 (23–24) октября австрийцы начали штурмовать крепость[333]. Внезапно для себя они наткнулись на прочную оборону, которую успели создать гвардейцы. В районе Ново-Александрии начались тяжелейшие встречные бои[334]. «Всех наших военачальников, — отметил 15 (28) октября в донесении в Петроград Н. А. Кудашев, — поражает приподнятый дух в австрийских войсках. Они дерутся теперь так, как не дрались раньше»[335].

Значительные потери несли обе стороны. Контрудары в лоб дорого давались русским гвардейцам. Им пришлось сражаться на легко простреливаемых участках — в лучшем случае в ложементах, так как на рытье окопов не было ни времени, ни возможностей. Тем не менее гвардия выполнила свою задачу, и уже на рассвете 12 (25) октября австрийцы вынуждены были отступить от Ново-Александрии[336].

На других участках атаки противника были отбиты с большими потерями. Опять самую эффективную поддержку оборонявшимся оказал подвижной артиллерийский резерв А. В. фон Шварца. 12 (25) октября под крепость прибыл 14-й армейский корпус, с его помощью русские войска перешли в энергичное контрнаступление. Около деревни Бердзеж был окружен центр австрийской позиции. Туда были переброшены две батареи новых шестидюймовых гаубиц. Утром 13 (26) октября они открыли огонь, эффективность которого сокрушила стойкость австро-венгерской пехоты. Действия русских артиллеристов потрясли присутствовавших на поле боя немцев, и они приписали точность огня тому, что им управляли японцы[337]. Причина была проста: под Ивангородом дралась 1-я Забайкальская казачья дивизия, среди казаков было немало монголоидов, а желтые околыши и лампасы только усиливали слухи о японском происхождении этой части еще во время ее движения на фронт по Польше. Казаки очень обижались и жаловались офицерам: «Какие здесь дикари живут, русского от японца отличить не могут»[338].

Попытки австрийцев удержать промежуточные позиции были сломлены[339]. Около четырех часов дня артиллерия стихла, и в контрнаступление перешла гвардия. «Все поле, — вспоминал один из участников атаки, — покрылось бегущими вперед с винтовками наперевес частями гвардии. Противник, предпочитая сдачу в плен смерти, выбегал из окопов и строился в колонны, выкидывая большие белые флаги»[340]. Те, кто не хотел сдаваться, откатывались в лес под огнем русских орудий. Стойкость лучших австрийских частей была сломлена[341]. Так, у Черного леса в плен сдался вышедший в колонне батальон вместе с командиром, офицерами и пулеметами[342]. В результате напряженных боев, продолжавшихся девять дней, германо-австрийские войска были вытеснены на окраину леса, а затем и на равнину, где вновь попали под смертоносный огонь русской артиллерии.

В ночь на 14 (27) октября и утром этого дня началось отступление австрийцев, в ходе которого они понесли тяжелые потери. Отход был быстрым, противник не оказывал активного сопротивления вплоть до Радома. Тем не менее в плен попали свыше 15 тыс. человек. 15 (28) октября толпы пленных проследовали через крепость к вокзалу[343]. Организованное отступление плохо удалось командованию и войскам 1-й австро-венгерской армии, которая понесла большие потери. «Началось форменное их избиение, — вспоминал сотник А. Г. Шкуро. — Мне казаки приводили каждый по 200–250 пленных. Мы преследовали врага в направлении на Кельцы, занятые австрийцами»[344]. Но и победителям это преследование, по словам его

участника, давалось весьма нелегко: «Места живописны, войска страдают от плохой воды. Тыл был расстроен, нет ни почты, ни газет, ни сведений о ходе войны. Население разорено движением войск обеих воюющих сторон»[345].

19–20 октября (1–2 ноября) 14-й армейский корпус, действуя во фланг 5-му австро-венгерскому корпусу, отходившему от Ивангорода, нанес ему серьезное поражение в районе Ново-Александрии. В плен попали 68 офицеров и 4345 нижних чинов, австрийцы оставили 22 орудия и 19 пулеметов[346]. 4 ноября русские войска завершили операцию на австрийском участке фронта, взяв сильно укрепленную ключевую позицию под Сандомиром — Кельцы. Сандомир был взят силами 19-й кавалерийской дивизии и 72-го пехотного Тульского полка[347]. Потери кавалеристов были невелики, но Тульский полк лишился командира, нескольких офицеров и около 800 солдат. Австрийцы даже не успели поджечь деревянный мост, через который уже на следующий день двинулся вперед 1-й кавалерийский корпус генерала А. В. Новикова[348]. В окружение попали и вынуждены были сдаться около 12 тыс. австрийцев с 50 орудиями. Австро-венгерская армия явно выдыхалась. Бой за Кельцы занял всего четыре часа, он длился с 10 часов утра до двух часов дня[349].

30 октября (12 ноября) Ивангород посетил Николай II. Он принял доклад коменданта А. В. фон Шварца о троекратном отражении крепостью атак и осмотрел ее форты[350]. На следующий день император «поехал осматривать левый участок нашей боевой линии, где сидели австрийцы и откуда они были выбиты нашим гвардейским корпусом. Деревни тоже в печальном положении. Видеть все это было захватывающе — рядом с окопами в поле и в лесу были разбросаны могилы наших героев с крестами и надписями на них. Погода была отличная, солнечная»[351]. Картина представлялась страшная: повсюду встречались разоренные селения, выкошенные артиллерией леса. Увидев наполовину уничтоженный германскими орудиями костел, Николай II зашел в него и после разговора с ксендзом выделил на восстановление храма 3 тыс. рублей[352].

Практически повсюду на месте недавних боев были разбросаны свежие могилы русских и немецких солдат[353]. Их должно было быть действительно много. Когда в начале ноября 1914 г. после окончания боев британский журналист посетил Козенице, он был потрясен увиденным: «Я сомневаюсь, могу ли я сказать, что на всех 10 км этого леса можно найти хотя бы акр без окопов, стрелковых ячеек и могил»[354]. По свидетельству офицера, возглавлявшего похоронную команду, до 4 ноября 1914 г. были похоронены свыше 16 тыс. русских и германских бойцов, а работы были далеко не закончены[355]. Но эти жертвы были не напрасны — оборона Ивангорода сорвала планы немецкого командования. Как это ни странно, после Варшавско-Ивангородской операции и у немцев, и у русских утвердилась уверенность в победе. В русской Ставке царило невероятно приподнятое настроение — немецкое отступление считали началом большого успеха[356].

Такие же чувства испытывали и в германских штабах. «Мы не боимся русских, даже когда, как сейчас, они превосходят нас 3 к 1», — отмечал

29 октября 1914 г. М. Гофман[357]. П. фон Гинденбург также считал, что победы 1914 г. дали германской армии чувство превосходства над русскими, которое объединяло всех — от старого ландштурмиста до молодого рекрута[358]. Несколько менее оптимистично был настроен Вильгельм II, отметивший 28 октября 1914 г.: «Мы стоим совершенно одни и должны вынести поражение с достоинством»[359]. Немецкие офицеры, принимавшие участие в этих боях, запомнили их на десятилетия.

Слова генерала Гюнтера Блюментрита полностью подтверждают правоту этой оценки: «Во время Первой мировой войны мы близко познакомились с русской царской армией. Я приведу малоизвестный, но знаменательный факт: наши потери на Восточном фронте были значительно больше потерь, понесенных нами на Западном фронте с 1914 по 1918 г. Русский генералитет тогда качественно уступал немецкому, и тактика огромных армий в наступлении была негибкой. Зато в обороне русская армия отличалась замечательной стойкостью. Русские мастерски и очень быстро строили фортификационные сооружения и оборудовали оборонительные позиции. Их солдаты показали большое умение вести бой ночью и в лесу. Русский солдат предпочитает рукопашную схватку. Его физические потребности невелики, но способность, не дрогнув, выносить лишения вызывает истинное удивление»[360].

За первые два месяца войны германская армия понесла значительные потери. Военный министр генерал Э. фон Фалькенгайн вспоминал: «Строевой состав сильно упал вследствие быстрого, превзошедшего всякие ожидания наступления, многочисленных ожесточенных боев в течение него и перерыва связи. Пополнения не успевали подходить. Всюду не хватало младшего командного состава. Наступательные бои пробили в его рядах огромные бреши, которые совершенно не представлялось возможным быстро заполнить... Снаряжение крайне нуждалось в пополнении. Уже появлялись грозные признаки недостатка в снарядах. Правда, германская армия выступила в поход хорошо снабженной, согласно взглядам, тогда существовавшим. В последние годы перед войной Военное министерство сделало все по тогдашним понятиям возможное, чтобы удовлетворить задачам, поставленным Генеральным штабом. Однако расход во много раз превысил предположения мирного времени, и он постоянно рос, несмотря на строгие меры против расточительного расходования патронов. Кстати, можно упомянуть, что и наши враги в этой области пережили точно такое же испытание»[361].

Настроение немецких солдат в это время было более близким к позиции их кайзера: «В осенние месяцы 1914 года часть, получившая приказ отправиться с Западного фронта на восток, воспринимала это почти как наказание... Предвзятое мнение о легкости Восточного фронта почти не изменилось на всем протяжении войны, хотя все более и более полков, начавших войну на западе, перекидывалось на русский фронт, причем, как правило, это сопровождалось внезапным и резким увеличение цифры

потерь. Полки, побывавшие на востоке, сохраняли надолго на всех театрах военных действий, куда бы их ни бросала судьба, прочное воспоминание о лишениях и боях на этом фронте и о необычайном упорстве русского солдата»[362].

Совсем другим было положение в русской армии. Солдаты радовались отбитому немецкому наступлению, тому, что германец «показал спину». «Их мораль (то есть русских солдат. — *А. О.*) увеличилась на сто процентов, — вспоминал английский военный корреспондент, — и все их страхи относительно способности противостоять германским легионам исчезли навсегда. Огромный престиж солдат кайзера исчез, войска доказали, что это была фикция»[363]. В армии готовились к вторжению в Германию, настроение было бодрым[364]. В отличие от своих подчиненных, русский генералитет вовсе не был настроен столь оптимистически и имел для этого все основания. Безусловным и очевидным уже для многих современников был тот факт, что в области стратегического руководства армиями германская сторона находилась на большей высоте, чем ее русский противник.

На полях сражений подтвердилась оценка, сделанная германским Генштабом перед войной: «Быстрого использования благоприятного оперативного положения ожидать от русского командования также трудно, как быстрого и точного выполнения войсками предписанного приказом маневра. Для этого слишком велики препятствия со всех сторон при издании, передаче и выполнении приказов. Поэтому немецкое командование при столкновении с русскими будет иметь возможность осуществлять такие маневры, которых она не позволила бы себе с равным противником»[365]. Ставка в лице Верховного главнокомандующего проявила свою неспособность к эффективному руководству, реализации принятых решений, координации действий командующих фронтами.

Тем не менее Николай Николаевич (младший), вдохновившись успехом под Варшавой и Ивангородом, решил вернуться к плану наступления в Силезию. 20 октября (2 ноября) 1914 г. Н. Н. Янушкевич известил об этом главнокомандующих фронтами: «Конечной целью, к достижению которой должны быть направлены все наши усилия, является вторжение в Германию, причем главную массу наших армий предположено направить в промежуток между Вислой и Судетами. Эта операция требует постепенного выдвижения армий, развернутых на левом берегу Вислы, на соответствующий фронт, каковым намечается линия Кола — Ченстохов — Освенцим, и независимо от того прочного обеспечения обоих флангов этих армий как со стороны нижней Вислы, так и со стороны Галиции. Обеспечение флангов предстоящей операции является настолько важным, что Верховный главнокомандующий не считает возможным дальнейшее продвижение корпусов 2-й и 5-й армий до тех пор, пока не будут достигнуты более решительные результаты в Восточной Пруссии и на реке Сане»[366]. Перед первым вторжением в Восточную Пруссию Ставка считала необходимым, в соответствии с предвоенными планами, обеспечить фланги для движения на Берлин, однако стремилась

ускорить подготовку к нему, еще и не начав наступление против 8-й армии М. фон Притвица.

В преддверии Варшавско-Ивангородской операции очищение Восточной Пруссии от немецкой армии уже не было условием для этого плана. Теперь Северо-Западный фронт должен был отбросить немцев за линию Мазурских озер, а Юго-Западный — австрийцев за Карпаты. За это время русские армии на левом берегу Вислы должны были привести в порядок свои тылы и подготовиться к большому наступлению[367]. Фактически оно планировалось почти одновременно на трех направлениях — в Галиции, Восточной Пруссии и Силезии. Четыре армии — 2-я и 5-я Северо-Западного фронта, 4-я и 9-я Юго-Западного фронта, имевшие в своем составе до 40 дивизий, — должны были начать наступление на фронте в 250 км в общем направлении на Силезию и Познань. Остальным 55 дивизиям русского фронта надлежало обеспечивать фланги этого клина. 10-я и 1-я армии Северо-Западного фронта должны были отбросить немцев за линию Мазурских озер и закрепиться на Нижней Висле; 3-я и 8-я армии Юго-Западного фронта — выйти к Карпатам; 11-я армия — осаждать Перемышль[368].

21 октября (3 ноября) 1914 г., на следующий день после получения этой директивы Ставки, М. В. Алексеев подал генералу Н. И. Иванову докладную записку, которую главнокомандующий переправил в Барановичи через три дня. Начальник штаба Юго-Западного фронта признавал правильность выбора Германии в качестве конечной цели русского наступления, но считал, что направление на Берлин преграждает прежде всего австро-венгерская армия. Успех при отражении германского натиска на Варшаву убедил М. В. Алексеева в том, что слабые силы рейхсвера, находившиеся на русском фронте, могут лишь эффективно обороняться, опираясь на подготовленный тыл и «особые свойства местности»: «Малочисленность германских войск, независимо от того, где они развернуты — в Восточной Пруссии или на линии Торн — Познань, не способна остановить движения наших главных сил. Они могли бы лишь угрожать их сообщениям. *Итак, для нас главным врагом, главным предметом действий является австрийская армия, главным театром – Галиция, ибо через нее пролегают для нас пути к Берлину* (выделено мной. — *А. О.*), т. е., выражаясь иначе, после победы над австрийской армией. Августовская (по времени) операция, закончившаяся разгромом австрийских армий, ставя нас на пути к Берлину, явилась столь грозной для германцев, что они приняли исключительные меры для предотвращения удара, непосредственно направленного против Германии»[369].

Однако за два месяца ситуация резко изменилась. Главным последствием Варшавско-Ивангородской операции генерал М. В. Алексеев считал передышку, которую получила австрийская армия благодаря энергичной поддержке германского союзника. «В короткое время австрийская армия выполнила громадную работу. Она восстановила свои силы в такой степени, что сделалась боеспособной и пригодной для упорной борьбы. Она перешла в наступление, выказала большую стойкость и упорство, чем в августовских

боях, большую настойчивость в поставленных ей целях. В результате она сковала свободу действий оставленных в Галиции двух армий и имеющей перед собою также австрийцев нашей девятой армии. Правда, и условия борьбы сильно переменились не в нашу пользу — в августе мы имели 18 свежих корпусов с полным числом офицеров, теперь — 12–14 корпусов, из которых некомплект достиг 250 000 человек, а недостаток офицеров принял угрожающие размеры»[370].

В сложившейся ситуации русская армия обрекалась на кордонную стратегию, почти равномерное распределение войск по линии фронта без сколько-нибудь значительных резервов. Ставка определяла три задачи: 1) вторжение в Германию (16 корпусов); 2) поражение австрийской армии (10 корпусов); 3) обеспечение 1-й армии справа (10 корпусов). Всего же на русских фронтах находилось 37 корпусов. М. В. Алексеев энергично протестовал против распыления сил русской армии, при котором четверть ее сил (10 корпусов) направлялась на абсолютно второстепенную задачу «обеспечения». Восточно-прусское направление вообще, по его мнению, было малоперспективным. «Ни одно государство при современных условиях, — писал М. В. Алексеев, — не может выставить таких сил, которые позволяли бы считать себя готовыми к одновременному выполнению двух главных задач. Приходится группировать для удара войска за счет других участков, прибегая на последних к выжидательным и оборонительным действиям»[371].

Начальник штаба Юго-Западного фронта считал, что имевшихся в его распоряжении сил может хватить для того, чтобы нанести очередное поражение австрийцам, но никак не достаточно для того, чтобы использовать этот успех. В таком случае эта армия всегда будет иметь время для восстановления сил. Именно поэтому он и предлагал оставить на восточно-прусском направлении 4–5 корпусов, а 21 корпус сосредоточить против Австро-Венгрии. Главным театром М. В. Алексеев предлагал считать Галицийский, основной задачей — «окончательно расшатать» австрийскую армию как основную преграду на пути к Берлину и только после этого вести наступление на германском участке фронта. Немецкая армия как серьезное препятствие им не рассматривалась: «Прибытие, если оно состоится, одного-двух резервных, а тем более ландверных корпусов соотношения сил существенно не изменит и не позволит немцам с надеждой на успех произвести наступательный маневр — они с этими силами способны лишь к упорной длительной борьбе по прикрытию ближайших путей на Берлин». Эти соображения и предложения не получили поддержки у Н. Н. Янушкевича[372]. Не только он, но и Николай Николаевич (младший) не отказались от своих довоенных планов. В Барановичах оценивали Варшавско-Ивангородскую операцию как, «несомненно, очень крупную стратегическую победу», открывавшую дороги в Силезию, Познань и Моравию[373].

И Ставка, и штаб Юго-Западного фронта сходились лишь в одном: они не верили в способность германцев к наступлению. Между тем для пополнения 9-й германской армии с Западного фронта перебрасывались 1-й и

3-й кавалерийские корпуса, а из Восточной Пруссии — 1-й и 25-й резевные корпуса. Кроме того, еще три корпуса формировались из гарнизонов Позена, Бреслау и Торна. Все это составляло, без учета 2-й австрийской армии и корпуса Р. фон Войрша, около 10 пехотных и трех кавалерийских корпусов. В районе Торн — Ярочин собиралась ударная армия — 5,5 пехотного и два кавалерийских корпуса. Ее готовность к наступлению первоначально намечалась на 11 ноября. Этот срок не был выдержан, и, пожалуй, это было единственное свидетельство слабости немцев на направлении, в котором собирался наступать великий князь[374]. Ставка недооценила и способность австрийцев к сопротивлению. Ответом на предложения М. В. Алексеева стала телеграмма Н. Н. Янушкевича главнокомандующим фронтами, посланная 24 октября (6 ноября), то есть в день, когда Н. И. Иванов послал в Ставку записку начальника своего штаба.

Ставка подтвердила формулировку главной задачи — глубокое вторжение в Германию, для чего основные силы русской армии должны были быть собраны в промежутке между нижней Вислой и Судетами. Для этого севернее предлагалось направить 9-ю армию Юго-Западного фронта на Освенцим и перевести на левый берег Вислы 1–2 армейских корпуса из состава 3-й армии того же фронта. Таким образом, ни о каком усилении армий Н. И. Иванова речи не шло, при этом задачи фронта формулировались весьма широко: «В этом случае для обеспечения нашего левого фланга и тыла, которое могло бы выразиться в обложении Кракова и Перемышля и прочном занятии Карпатских перевалов, останется от 23 до 25 дивизий, часть коих могла бы быть впоследствии заменена бригадами ополчения. Такова должна быть, по мнению Верховного главнокомандующего, группировка наших войск Юго-Западного фронта ко времени окончания наступающей с австрийцами развязки, занятия Галиции и подхода правофланговых армий Юго-Западного фронта на меридиан Кракова»[375].

Таким образом, Юго-Западный фронт должен был развивать успех без непременного условия, выдвинутого М. В. Алексеевым, то есть усиления до 44–45 дивизий, а в случае успеха — выхода на Карпатские перевалы и обложения двух австрийских крепостей он должен был сократиться, причем за счет первоочередных частей. Планы штаба главковерха соответствовали настроению этих дней. Николай Николаевич (младший) и Н. В. Рузский вытягивали корпуса армий Северо-Западного фронта в линию, за которой практически не было резервов. В отличие от них командование Юго-Западного фронта на финальном этапе Варшавско-Ивангородской операции осторожно относилось к предложению Ставки об энергичном преследовании, считая, что расширившийся в результате наступления русских войск фронт 4-й и 9-й армий (130 верст) слишком широк для восьми корпусов. Желая иметь позицию не только для наступления, но и для обороны, командование фронта решило приостановить движение до окончания боев на реке Сан[376].

После Варшавско-Ивангородской операции мораль австро-венгерской армии снова пошла на убыль. Немцы считали, что союзники не выполни-

ли поставленной перед ними задачи. Среди офицеров германской армии, особенно прусских, уже тогда почти нормой стало презрительное отношение к австрийцам[377]. «Позднее с австро-венгерской стороны утверждали, — вспоминал Э. Людендорф, — что австро-венгерские войска отступили потому, что 9-я армия двинулась назад. Это, с одной стороны, правильно, а с другой — нет. При этом умалчивается о той причине, которая вынудила отвести назад 9-ю армию и которая заключалась исключительно в отказе австро-венгерской армии, столь храброй в начале войны, но не смогшей оправиться от поражения при Львове»[378]. Под Радомом генерал П. К. Кондзеровский встретил большую колонну пленных, и на 1 тыс. австрийцев приходилось не более 10 русских конвоиров, причем побегов не было и поддерживался полный порядок[379].

Возросла и усталость русской армии, кадры которой понесли в первых боях суровые потери. В ближайшем тылу фронта процветали кафешантаны, ставшие центрами кутежей офицеров. М. В. Алексеев знал об этом, но не запрещал их, считая, что «после страшно тяжелой и опасной жизни на позициях у офицерства является непреодолимая потребность отвлечься, позабыться в кутежах и т. п. — это прямо необходимо, без этого никакие нервы не могут выдержать тяжести боевой службы»[380]. Далеко не самым лучшим образом было организовано и наступление в Восточную Пруссию. Немецкое население почти полностью покинуло города и веси, оставив дома, массу имущества, скот, птицу, что немедленно сказалось на воинской дисциплине. На занятой территории царило мародерство, особенно активно отметились обозники и артиллеристы. Пехотинцу не было смысла тащить на себе дополнительную тяжесть, и он просто громил оставленное[381].

«Походные движения этого периода войны, — вспоминал их участник, младший офицер одного из полков 2-го Кавказского армейского корпуса, — представляли невероятную деморализующую картину: каждая рота отмечала свой путь массой пуха и пера домашней птицы, которая щипалась на ходу. На штыках у солдат можно было видеть пронзенную свиную ляжку или утку. Никакие средства не помогали; даже подпрапорщики, эти блюстители законности и дисциплины, и те были бессильны, хотя каждый раз можно было наблюдать их благой порыв на нескольких измененных лицах гренадер»[382].

23 октября (5 ноября) Николай Николаевич отправил Ж. Жоффру телеграмму о победе на Висле, которую он назвал «величайшим со времени начала войны успехом с нашей стороны». «Я надеюсь, — сообщал главковерх, — на быстрое и полное осуществление нашей общей задачи, будучи убежден в том, что окончательная победа будет принадлежать знаменам союзников»[383]. В Барановичах считали, что инициатива полностью перешла в руки русского командования[384]. 25 октября (7 ноября) 1914 г. Ставка издала реляцию: «Расширяя в течение 18 дней наш успех по всему 500-верстному фронту, мы сломили повсюду сопротивление врага, который находится в полном отступлении... Одержанная победа позволяет нашим войскам перейти к новым задачам, с приступом к которым начнется новый период кампании»[385].

20 октября (2 ноября) начальник штаба 1-го кавалерийского корпуса полковник В. Н. фон Дрейер прибыл в штаб 6-й армии в Лодзь. Разведка корпуса доносила, что в районе Торна и Калиша сосредотачиваются германская пехота и кавалерия. Казалось бы, бессмысленно было посылать туда 20 тыс. кавалеристов А. В. Новикова, не поддержанных собственной пехотой. Однако командующий армией генерал С. М. Шейдеман, очевидно, находился в плену эйфории недавних успехов. В. Н. фон Дрейер получил директиву: «Противник разбит и быстро отступает; коннице генерала Новикова начать энергичное преследование в операционном направлении на Калиш, который и следует взять. Вас ждет там богатая добыча»[386]. 9 ноября русские войска вышли на границу, а кавалерийский корпус генерала А. В. Новикова совершил небольшой рейд в глубь германской территории между Торном и Калишем. Однако там его ожидали превосходящие силы пехоты и кавалерии. Под Калишем русская 8-я кавалерийская дивизия встретилась с ними и после короткого боя отступила в панике. Набег не удался[387].

При отступлении 5-й кавалерийской дивизии два ее разведывательных эскадрона попали в окружение и вышли из него по тылам противника благодаря поддержке польских крестьян, снабжавших русских улан и гусар продовольствием и фуражом и предупреждавших о немецких засадах[388]. Такие случаи были далеко не единичными, и весной 1915 г. командование начало награждать отличившихся таким образом поляков серебряными медалями «За усердие» на ленте ордена Св. Станислава[389]. После боев корпус А. В. Новикова вернулся без патронов и снарядов, с утомленным конским и людским составом. Командующий 2-й армией генерал С. М. Шейдеман считал необходимым временно вывести его из активной работы, поскольку кавалерия нуждалась в отдыхе[390].

Тем временем большая часть 2-й армии, пройдя с 20 октября по 2 ноября приблизительно 130 км, бездействовала на занимаемых у Лодзи позициях. В ее штабах по-прежнему не было достоверной информации о противнике[391]. Несмотря на провал рекогносцировки А. В. Новикова, Ставка продолжала лелеять планы колоссального похода в Германию. Николай Николаевич был против того, чтобы двигаться на Берлин через Вену. Планируемое им наступление в Германию должно было помочь англичанам и французам, которые с 20 октября по 15 ноября 1914 г. в чрезвычайно тяжелой обстановке вели бои за так называемый Ипрский выступ, на ликвидацию которого германское командование бросило последние подготовленные резервы, имевшиеся тогда в его распоряжении.

27 октября (9 ноября) Н. В. Рузский извещал Ставку о готовности 2-й и 5-й армий его фронта перейти в наступление через два дня — дело было лишь за восстановлением испорченного немцами при отступлении участка Варшавско-Венской дороги, на которой без остановки работали два железнодорожных батальона и около 3500 рабочих. Главнокомандующий Северо-Западным фронтом ожидал восстановления железнодорожного движения к 28 октября (10 ноября), которое должно было помочь наладить

снабжение массы войск, находившихся на левом берегу Вислы, и прежде всего продовольствием[392]. Немцам удалось добиться потери соприкосновения с русскими войсками при выходе на собственные железнодорожные линии. Это очень беспокоило Ставку, которая осознавала опасность того, что противник сможет легко изменить группировку своих войск, перебрасывая их в нужном направлении.

Положение в русском тылу было весьма тяжелым. Ставка сообщала о том, как германский противник отходил от Варшавы и Ивангорода: «На железных дорогах неприятель взрывал и сжигал станционные здания и сооружения, безусловно, уничтожая все водонапорные башни, водокачки и стрелки, от которых почти не осталось и следа. На некоторых перегонах сплошь рельсы взрывались противником через стык, и таким образом, путь мог быть восстановлен лишь посредством укладки всех новых рельсов. Все мосты, водопроводные трубы, виадуки и прочее, не исключая самых незначительных по своим размерам, взрывались настолько обстоятельно, что не поддавались никакому исправлению, а должны были быть заменяемы новыми. На шоссейных дорогах оказались совершенно разрушенными все мосты, а само полотно, за малыми исключениями, перекопано или взорвано в шахматном порядке, поочередно с правой и левой стороны дороги. Телеграфные столбы вдоль железных и шоссейных дорог сваливались, изоляторы разбивались, а проволока разрывалась почти на каждом перелете»[393].

Было ясно, что без восстановления коммуникаций успешные действия на германском участке фронта невозможны. Тем не менее Н. Н. Янушкевич оценивал обстановку на фронте как весьма удачную. 28 октября (10 ноября) он известил Н. В. Рузского и Н. И. Иванова о плане главковерха: 1) армии на левом берегу Вислы должны были разбить немцев под Ченстоховом, одновременно для обеспечения флангов этой операции планировались удары в направлении на Калиш и Краков; 2) Северо-Западный фронт должен был обеспечивать тыл и фланг русской группировки в Восточной Пруссии и на торно-млавском направлении; 3) Юго-Западный фронт — продолжать преследовать австрийцев с целью обложения Перемышля, закрытия перевалов в Карпатах и перевести как можно больше сил на левый берег Вислы; 4) 4-я армия временно переводилась в подчинение Северо-Западного фронта, но снабжение ее по-прежнему осуществлялось через Юго-Западный фронт[394].

29 октября (11 ноября) выяснилось, что 4-я армия не сможет завершить подготовку к наступлению к 31 октября (13 ноября). Пройдя от 10 до 14 переходов (160–220 верст), оторвавшись от тылов и израсходовав свой сухарный запас, армия могла рассчитывать на его восстановление только к 14 (27) ноября, когда планировались к завершению ремонтные работы на железной дороге. Компенсировать отсутствие железнодорожного снабжения организацией транспортов за короткий срок было невозможно. В случае, если армия все же начала бы двигаться вперед, ей пришлось бы остановиться уже через 2–3 дня. В противном случае у нее имелся шанс увеличить свой сухарный запаса до норм семидневной выдачи к 3 (16) ноября.

К намеченному Ставкой сроку Северо-Западный фронт мог рассчитывать только на готовность своих 2-й и 5-й армий[395].

Практически в это же время и германское командование убедилось в невозможности добиться полной готовности к тому, чтобы начать собственное движение 11 ноября. К наступлению были готовы лишь корпуса 9-й армии, остальные находились в стадии срочного формирования и сосредоточения. 1-й кавалерийский корпус генерала Р. фон Фроммеля мог прибыть из Франции только к 15 ноября, корпуса «Бреслау» и «Позен» способны были закончить свое формирование и развертывание не ранее 16 ноября, 2-я австро-венгерская армия могла сосредоточиться в районе Крейцбурга не ранее 18 ноября[396]. Тем не менее даже в такой неблагоприятной для себя обстановке П. фон Гинденбург и Э. Людендорф решили не ожидать русского наступления. Они опять перехватили инициативу, хотя, конечно, не планировали ввязаться в столь сложную операцию, в которую вылилось наступление на Лодзь. Б. М. Шапошников отмечал: «Германское главное командование на востоке рассчитывало, что ему удастся смять правое крыло 2-й русской армии и, может быть, выйти на Лодзь. У русского высшего командования была своя цель — обеспечить вторжение в Германию. О Лодзинской операции, конечно, никто не думал»[397].

Генерал Н. В. Рузский больше всего опасался возможных действий со стороны Восточной Пруссии. 18 (31) октября его штаб издал директиву, обязывающую 1-ю армию генерала П. К. Ренненкампфа обеспечивать правый фланг и тыл армий, действовавших на левом берегу Вислы. Лучшим способом обеспечения этой задачи Н. В. Рузский считал концентрацию основных сил 1-й армии на правом берегу Вислы. В результате связь между ней и 2-й армией, входившей в состав Северо-Западного фронта, оказалась весьма слабой. 25 октября (7 ноября) П. К. Ренненкампф испросил разрешения перевести часть своих сил на левый берег для обеспечения стыка между армиями. Для этого кроме одобрения главнокомандующего фронтом ему были нужны мосты — у Плоцка, Влоцлавска и Новогеоргиевска. При этом только в последней точке он мог рассчитывать на наведение судового моста через 4–5 дней.

На следующий день начальник штаба Северо-Западного фронта генерал В. А. Орановский ответил на эти предложения следующим образом: «Главнокомандующий вполне согласен с предложением Вашего Высокопревосходительства и потому разрешает провести все подготовительные работы для его осуществления, *но самую переброску одного корпуса на левый берег не делать, не предупредив заблаговременно.* Необходимо иметь в виду, что у Вышгорода и Плоцка будут возведены временные мосты, но параллельно с этим в этих пунктах будут строиться и постоянные мосты, готовность которых определяется главным начальником снабжений *примерно через месяц* (выделено мной. — *А. О.*). Материалов для одновременного возведения моста у Влоцлавска в наличии нет»[398]. Таким образом, П. К. Ренненкампф не получил разрешения для заблаговременной переброски войск на угрожа-

емый участок, а возможность для быстрого маневра могла предоставиться только в начале декабря.

Русские войска понесли большие потери и были измотаны в предшествующих боях. Не менее уставшими были и немецкие части, однако германское командование, в отличие от русского, более ясно видело свою общую задачу. 9-я германская армия, отступившая из-под Варшавы, была за несколько дней переброшена под Торн и практически с колес 11 ноября начала наступление в стык между 1-й и 2-й русскими армиями под командованием генералов П. К. Ренненкампфа и С. М. Шейдемана. Таким образом, немцы нанесли свой удар за три дня до начала совместного наступления русских фронтов, запланированного Ставкой на 14 ноября. Немецкое наступление было внезапным, но не принесло поначалу ожидаемых результатов, поскольку русские войска ожесточенно оборонялись.

И вновь сказалось недостаточное качество руководства. Командующий фронтом генерал Н. В. Рузский сначала не придал особого значения немецкому наступлению. Как и ранее немцы, уступавшие в силах в целом по фронту, имели значительное превосходство на направлении главного удара. Наступавшая 9-я германская армия состояла из 5,5 корпуса и пяти кавалерийских дивизий численностью в 155 тыс. человек при 960 орудиях и 450 пулеметах. По мере готовности на ее фланги выходили корпуса, по преимуществу состоявшие из ландвера и ландштурма: «Грауденц», «Позен», «Бреслау», «Торн». В этих ополченских частях имелось 124 тыс. штыков и сабель, 480 орудий и 250 пулеметов. Противостоявшая им 1-я русская армия насчитывала 123 500 штыков и сабель, 440 орудий и 200 пулеметов; 2-я армия — 158 500 штыков и сабель, 540 орудий и 350 пулеметов; 5-я армия — 85 тыс. штыков и сабель, 320 орудий и 190 пулеметов.

В результате уже 12 ноября возникла ситуация, когда четыре корпуса 9-й германской армии обрушились на один корпус 1-й русской армии — 5-й Сибирский[399]. Его 79-я и 50-я стрелковые дивизии были ослаблены выделением шести батальонов для гарнизона Новогеоргиевска и этапной службы, кроме того, в корпусе не было корпусной артиллерии и конницы. Русские войска подверглись нападению трех германских армейских и одного кавалерийского корпусов. 1, 15, 20-й немецкие корпуса атаковали при поддержке бронемашин и тяжелой артиллерии. А. фон Макензен вводил свои войска в бой по частям и в первый день наступления не добился запланированного успеха[400]. Тем не менее к вечеру 5-й Сибирский корпус понес значительные потери и начал отступать. Особо эффективным оказалось удачное сочетание немцами действий тяжелой артиллерии и бронемашин. Многие из сибиряков впервые увидели подобного рода технику, не умея еще бороться с ней, они начали отходить[401]. Командование 1-й армии не сразу смогло определить масштаб немецкого наступления.

30 октября (12 ноября) П. К. Ренненкампф сообщил Н. В. Рузскому, что на 5-й Сибирский корпус наступают «более двух дивизий». Тем не менее командующий армией просил разрешения перебросить на левый берег

Вислы 6-й Сибирский армейский корпус, находившийся в Плоцке. Разрешение было получено, но переправ ни в Плоцке, ни в его окрестностях не существовало, временные мосты еще не были готовы. Пришлось заказывать судовые средства из Новогеоргиевска[402]. Поскольку 6-й Сибирский корпус задержался у Плоцка, командир 5-го Сибирского генерал-лейтенант Л. Л. Сидорин приказал отступить на один переход. Немцы не преследовали[403], их войска, пройдя до атаки два дня маршами по 35–40 км, были утомлены и нуждались в отдыхе.

Тем временем отступление 5-го Сибирского корпуса было исключительно скверно организовано. Войска, втянувшись под вечер 12 ноября в лесистую местность с плохими дорогами, утратили связь между собой, ночью отход быстро превратился в беспорядочное движение, командир корпуса получил первую информацию о новом расположении своих частей только в два часа пополудни следующего дня. Немцы начали движение утром 13 ноября, но благоприятный момент был ими упущен. На помощь сибирякам был выдвинут 2-й армейский корпус[404]. К исходу 13 ноября отступившие войска закрепились на новых позициях. А. фон Макензен, имея трехкратное превосходство в силах, не смог окружить две изолированные от соседей ослабленные русские дивизии[405].

При этом остановить немецкое наступление было нечем. Вытянутые по фронту русские армии опять не имели за собой резерва, который позволил бы быстро ликвидировать угрозу прорыва. Именно этим решил воспользоваться противник. П. фон Гинденбург и Э. Людендорф не могли рассчитывать на поддержку свежими силами. 8 ноября 1914 г. начальник железнодорожных сообщений германского Верховного командования полковник В. Гренер доложил Э. фон Фалькенгайну, что может обеспечить одновременную перевозку четырех корпусов с Западного фронта на Восточный. Для переброски каждого требовались 40 эшелонов и четыре с половиной дня. Однако эти корпуса так и не отправились на русский фронт, они были брошены на Ипрский выступ, который германской армии так и не удалось взять. 14 ноября выяснилось, что запаса снарядов у нее хватит всего на четыре дня. Э. фон Фалькенгайн даже через два дня после этого готов был продолжать атаку Ипра до «последнего тяжелого снаряда», люди в счет не шли[406]. Германское командование на востоке могло рассчитывать лишь на преимущество в управлении своими войсками, создавая значительное превосходство в силах на решающих направлениях.

14 ноября три корпуса А. фон Макензена обрушились на 2-й армейский корпус генерал-лейтенанта А. Е. Чурина, продолжая оказывать давление и на 5-й Сибирский корпус. К вечеру этого дня оба русских корпуса, избежав окружения, начали отход. Утомленные в боях немцы не преследовали. Вплоть до отступления Н. В. Рузский надеялся отбить германское наступление силами этих двух корпусов. Бои 12–15 ноября показали главнокомандующему Северо-Западным фронтом масштаб немецкого наступления[407]. Только 15 ноября он начал перегруппировку сил. 15–16 ноября 1914 г. 9-я германская армия

под командованием А. фон Макензена прорвала русский фронт и двинулась во фланг и тыл 2-й русской армии[408]. С. М. Шейдеман тем временем завершил подготовку к наступлению, назначенному на 14 ноября. Часть его корпусов уже двинулась вперед, но в ночь с 15 на 16 ноября 2-я армия получила новое распоряжение своего командующего — немедленно начать отход. Положение складывалось сложное, поскольку требовалось остановить движение войск и направить их обратно, но выбора не было[409].

17 ноября в 9-ю германскую армию подошли закончившие формирование и сосредоточение крепостные корпуса, и их немедленно ввели в бой. Теперь в наступлении принимали участие шесть пехотных и два кавалерийских корпуса. По плану германского командования в районе Лодзи должны были произойти охват с флангов и полное окружение 2-й русской армии[410]. Ее части вынуждены были начать отступление на рубеж реки Бзура. Эта небольшая речушка еще не замерзла к этому времени. Ширина ее не превышала 40 метров, и хотя она не везде была проходима вброд, но все же сама по себе не представляла значительного препятствия[411]. Тем не менее ее болотистые берега давали обороняющемуся значительные преимущества. 16–17 ноября связь между 1-й и 2-й русскими армиями была нарушена, и германские корпуса приступили к окружению 2-й армии. Для охвата Лодзи и окончательного блокирования железнодорожной линии, связывающей Лодзь с Варшавой, А. фон Макензен выделил группу под командованием генерала Р. фон Шеффера-Бояделя в составе трех пехотных и двух кавалерийских дивизий. 18 ноября под этим городом начались бои[412].

Одновременно жесточайшие бои развернулись под Бзурой и Ловичем, небольшим польским городом в тылу 2-й и 5-й русских армий. Н. В. Рузский понимал опасность перехода этого железнодорожного центра к немцам, но при отсутствии у него резервов впал в традиционную болезнь русского командного состава после милютинских реформ — отрядоманию. В Ловичский отряд, созданный по директиве командующего фронтом приказом П. К. Ренненкампфа 6 (19) ноября, первоначально вошли 63-я пехотная дивизия, полк Офицерской стрелковой школы, 9-й и 10-й Туркестанские полки и 6-я Сибирская стрелковая дивизия, части которой по мере выгрузки следовали в пункты своего сосредоточения[413]. Потом туда бросали все, что возможно, начиная от бригад и заканчивая полками и батальонами. Кроме того, за восемь дней боев в отряде сменились несколько начальников. Неудивительно, что при такой обстановке инициатива полностью принадлежала немцам, пустившим в прорыв в обход 2-й русской армии группу Р. фон Шеффера. В какой-то момент прямая связь 2-й армии со штабом Северо-Западного фронта была нарушена[414].

5 (18) ноября великий князь Николай Николаевич (младший) решил подбодрить своих подчиненных. Он отправил Н. В. Рузскому телеграмму следующего содержания: «Передайте от моего имени всем командующим армиями и через них остальным начальникам, что я считаю наше стратегическое положение хорошим. Наступил час, когда все до единого должны

напрячь свои силы, дабы наш переход в наступление увенчался полным успехом. На нашей стороне превосходство сил, а главное — с нами Бог. Памятуя это, осеня себя крестным знамением, смело и дружно, при полном взаимодействии, вперед на врага, во славу Царя и Родины. Генерал-адъютант Николай»[415]. Это обращение было своевременным, но успокоения не внесло, так как не могло восполнить отсутствия эффективного руководства. 2-я армия понесла большие потери.

1-й армейский корпус был практически окружен и вынужден вести непрерывные бои без подвоза продовольствия и боеприпасов. Корпус нес значительные потери пленными и отставшими, но продолжал драться. С самой лучшей стороны проявил себя его командир генерал А. А. Душкевич, который, не имея связи со штабом 2-й армии, продолжал оставаться спокойным и твердо держать свой корпус под контролем[416]. Командующий 2-й армией генерал С. М. Шейдеман испугался опасности второго Танненберга и запаниковал. В своих телеграммах он подробно сообщал Верховному главнокомандующему об отчаянном положении гарнизона, но сам, по свидетельству М. Гофмана, «отбивался изо всех сил». Нешифрованные переговоры по радио были бичом русской армии. 18 ноября немцы перехватили приказ С. М. Шейдемана об отступлении из города. Получив эту информацию, германское командование распорядилось приготовиться к преследованию, но Николай Николаевич (младший) отменил распоряжение С. М. Шейдемана и запретил ему покидать Лодзь, что привело к путанице и в немецких расчетах[417].

Участник этих боев старший адъютант 2-го резервного гвардейского полка Эрих Манштейн вспоминал, как ободряюще подействовали на германское командование перехваченные русские телеграммы, которые по привычке передавались нешифрованными: «К сожалению, обстоятельства сложились иначе, чем мы ожидали. Перехваченные телеграммы оказались ложными. Русские совсем не думали об отходе. Поэтому наш батальон у Котовице натолкнулся на оборонительную позицию, которую мы, полагая, что имеем дело с арьергардом, попытались атаковать»[418]. Вместо преследования немецкая пехота натолкнулась на жесткое сопротивление и понесла большие потери. Попытки корпусов «Позен» и «Бреслау» перейти в наступление с целью объединиться с группой Р. фон Шеффера были отражены.

В этой обстановке огромную роль сыграл командующий 5-й армией генерал П. А. Плеве, которого А. Нокс называл человеком «школы Мольтке». О его самообладании ходили легенды. Когда посыльный офицер, прибывший от генерала С. М. Шейдемана, в весьма возбужденном состоянии обратился к П. А. Плеве со словами: «Ваше Превосходительство, 2-я армия окружена и будет принуждена к сдаче», он ответил: «Вы прибыли сюда, батенька, играть трагедию или делать доклад? Если делать доклад, обратитесь к начальнику штаба, но запомните, никаких трагедий, иначе я вас арестую»[419]. Необходимо отметить, что со своим начальником штаба генералом Е. К. Миллером, П. А. Плеве хорошо ладил.

5-я армия в короткий срок была развернута во фланг наступавшим немцам. Уже 18 ноября она остановила наступавшие 3-й германский кавалерийский корпус генерала Р. фон Фроммеля и корпус «Позен». Немцы, успешно давившие до этого на кавалерийский корпус А. В. Новикова, неожиданно для себя столкнулись с силами 5-й армии и понесли большие потери. Ее 1-й Сибирский и 5-й армейский корпуса нанесли удары по войскам Р. фон Шеффера на линии железной дороги Лодзь — Петроков — Варшава. Управление 2-й армией также перешло к П. А. Плеве. 19 ноября его войска отбили очередную попытку кавалеристов Р. фон Фроммеля и корпуса «Позен» перейти в наступление и нанесли им серьезное поражение. Немцы вынуждены были отступать с большими потерями. Опасность к вечеру 19 ноября представляла уже только группа Р. фон Шеффера. Немецкий план двустороннего охвата Лодзи был сорван. Ловичский отряд отстоял город и вошел в соприкосновение с правым флангом 2-й армии восточнее Лодзи у Брезин.

20–21 ноября русский фронт был почти полностью восстановлен (Н. В. Рузский собирался начать наступление для поддержки 2-й армии только утром 7 (20) ноября). Насколько серьезно воспринимала в эти дни положение на фронте Ставка, свидетельствует телеграмма Н. Н. Янушкевича Н. И. Иванову, в которой он сообщал, что в случае, если сопротивление противника не будет сломлено, русским войскам придется отойти к Висле и Сану. При этом оборону предполагалось удерживать по левому берегу Вислы и по Сану с сохранением по нему переправ[420]. Ситуация быстро изменилась. С полудня 8 (21) ноября положение германских войск становилось все более тяжелым[421]. Прорвавшийся в русский тыл немецкий корпус с кавалерией сам оказался в полуокружении. «Теперь, казалось бы, Танненберг угрожал самим немцам», — вспоминал Б. М. Шапошников[422].

Вечером 21 ноября последовал приказ по армии А. фон Макензена — начать прорыв и «решительным наступлением уничтожить противника, находящегося восточнее Лодзи»[423]. 22 ноября 1914 г. М. Гофман, находившийся тогда в Позене (Познани), отметил в своем дневнике: «Наш левый фланг разбит. Как мы сможем вывести их оттуда (из-под Лодзи. — *А. О.*) и восстановить положение снова, я не знаю, но, возможно, что-либо придет в голову. Мы находимся на острие бритвы. Это могла быть великая победа, но войска подвели нас; бедные парни больше ничего не могут сделать: их офицеры мертвы, и противник слишком превосходит их числом. Мы полностью разбили 3–4 корпуса за прошедшую неделю — мы взяли примерно 50 000 пленных, но теперь наша сила подошла к концу»[424]. Однако эти опасения оказались напрасными, несмотря на то что положение фактически окруженной под Лодзью германской группы было катастрофическим. 22 ноября в 16 часов 34 минуты Р. фон Шеффер отдал своим войскам приказ отступать[425].

Именно в это время управление Ловичским отрядом вошло в глубокий кризис. 6 (19) ноября штаб отряда во главе с генералом В. А. Слюсаренко, командиром 43-й пехотной дивизии, переехал в Брезины. На 10 (23) ноября было намечено наступление, однако за день до этого П. К. Ренненкампф

отправил в штаб отряда Свиты Его Императорского Величества генерал-майора графа А. П. Шувалова с приказом выяснить причину задержки контрудара. А. П. Шувалов по телеграфу дал положительную оценку действиям В. А. Слюсаренко, но командующий армией все же сместил его, назначив А. П. Шувалова. На следующий день уже в ходе операции был смещен и А. П. Шувалов, его заменил генерал-лейтенант Ф. Н. Васильев. Кроме того, вечером 10 (23) ноября был смещен и начальник штаба отряда полковник А. А. Балтийский. Его преемник подполковник Е. А. Меньчуков вынужден был с ходу входить в курс дел и писать собственные приказы частям. В спешке в боевых заданиях не были указаны конечные пункты движения, что способствовало неразберихе[426].

Закономерным результатом подобного рода действий стали большие потери. 55-я пехотная дивизия, входившая в состав 1-й армии, начала прибывать в Варшаву 7 (20) ноября. Практически сразу же она была введена в бой, и уже к 18 (31) ноября перестала существовать, потеряв три четверти солдат, почти всех кадровых офицеров, включая трех командиров полков. Особенно тяжело сказывались на стойкости русских частей потери среди командного состава, если речь шла о частях второй очереди[427]. «Где были офицеры, — вспоминал А. А. Незнамов, — там эти второочередные войска кое-как дрались, держались и отстреливались по крайней мере; где их было очень мало или не было (за убылью) вовсе — там сдавались в плен без всякого сопротивления»[428]. Между тем в действиях противника назревал явный кризис.

«Начав отступление в ночь на 23 ноября, — вспоминал генерал Ю. Н. Данилов о действиях немцев, — они принуждены были вести его в крайне неблагоприятных условиях: в сильную стужу, перегруженные артиллерией, обозами и многочисленными ранеными, обстреливаемые со всех сторон нашей артиллерией и пехотой, рискуя каждую минуту очутиться в таком положении, из которого только два выхода: смерть или плен. Целью их движения был прорыв через Брезины, представляющий важный узел путей»[429]. На острие прорыва шла 3-я гвардейская дивизия генерал-лейтенанта К. Лицмана: 7 тыс. боеспособных немцев двигались вместе с 2 тыс. своих раненых и 8 тыс. русских пленных, не оказывавших практически никакого сопротивления. Пленных выстраивали в батальонные и полковые колонны, и издали это казалось единой массой, виртуально удваивая силу прорывающихся[430]. В случае недостатка лошадей немцы использовали пленных в качестве тягловой силы[431].

В это время в Барановичах царила растерянность. «Между Лодзью и Брезиной, — информировал 10 (23) ноября С. Д. Сазонова начальник дипломатической канцелярии при Ставке князь Н. А. Кудашев, — какая-то германская часть (корпус?) продвинулась вперед и там оказалась окруженной нашими войсками. Успеют ли захватить или уничтожить ее — не знаю. Последние дни здесь, в штабе, царит некоторое замешательство, так как даже если и удастся вывернуться из создавшегося положения (а удасться

должно при нашем превосходстве сил), все же вторжение германцев так близко к Варшаве было полной неожиданностью для нашего штаба и, надо думать, смешало их карты. Все теперь зависит, как кажется, от того, успеем ли мы использовать превосходство наших сил на месте до прихода подкреплений из Германии... В общем, хотя положение теперь спасено, невольно испытываешь досаду, что критическая обстановка так быстро меняет положение, признаваемое штабом блестящим»[432].

С 11 (24) ноября штаб главковерха начал сообщать о достигнутых под Лодзью успехах[433]. Ставка действительно надеялась на большой успех и уже заказала вагоны для 20 тыс. германских пленных[434]. К 11 (24) ноября под Варшаву прибыло 17 поездов по 80 вагонов в каждом, и в них начали посадку захваченных в плен немцев[435]. Через Варшаву на правый берег Вислы пошли длинные вереницы пленных, среди которых особо выделялись солдаты и офицеры гвардии[436]. В каждый эшелон помещались около тысячи пленных, 12 (25) ноября в Праге ожидали прибытия в общей сложности 48 таких эшелонов[437]. В армии радовались победе: практически все знали, что «немца окружили», и считали, что главное уже сделано[438]. На самом деле обстановка была далеко не блестящей, и прежде всего из-за неразберихи, создаваемой русским командованием. 43-я пехотная дивизия во главе с новым командиром вошла в Лодзь, где генерал С. М. Шейдеман устроил ей парад, после чего отправил войска на отдых. Вовремя оказать поддержку сибирским стрелкам они уже не смогли[439].

На участке германского прорыва оказалась только 6-я Сибирская дивизия. Ее штаб при движении не имел ни карт, ни сколько-нибудь организованной разведки. Полки двигались на ощупь, опрашивая попавшихся по пути местных жителей. 23 ноября дивизия наткнулась на противника и в импровизированном для обеих сторон бою поначалу имела успех, было даже захвачено несколько орудий[440]. Однако это был временный успех. В ночь с 23 на 24 ноября 25-й резервный корпус после кровавого ночного уличного боя овладел Брезинами. Начальник штаба Ловичского отряда дважды отказывался верить докладам о том, что к городу приближаются немцы. В последний раз 23 ноября в 10 часов вечера он даже пригрозил этапному коменданту расстрелом за распространение панических слухов. А через три часа штаб бежал под немецкими пулями[441].

6-я Сибирская вынуждена была вести двухдневный бой с германской группировкой в составе трех дивизий, не получив поддержки от соседних 1-го Сибирского армейского корпуса, 1-й Сибирской и 10-й пехотной дивизий[442]. 24 ноября немцы организовали атаку по всему фронту сибиряков. Решающий бой начался во второй половине дня: германцы выдвинули вперед тяжелые гаубицы, 10-см пушки и полевую артиллерию и использовали эти орудия в качестве огневого тарана, за которым двигались остальные[443]. Центр 6-й Сибирской дивизии сдержал все атаки, но правый и левый фланги были уничтожены, в результате противник окружил и добил оставшуюся часть дивизии, потерявшей большую часть бойцов и 22 орудия[444]. В ночь на

25 ноября вслед за пехотой группы Р. фон Шеффера из окружения вышли и остатки его кавалерии. Прибывшая на место боя 25 ноября 14-я русская кавалерийская дивизия встретила «небольшие группы пехотинцев-сибиряков в характерных папахах. Пехотинцы двигались в разных направлениях». Старший офицер принял их за разведку, но оказалось, что это остатки одного из полков дивизии[445].

Низкая облачность и туман способствовали германскому прорыву, но более всего — неспособность русского командования в лице генерала Н. В. Рузского и Верховного главнокомандующего наладить эффективное управление войсками. Работа штаба фронта была дезорганизована[446]. Эти же обстоятельства затрудняли преследование прорвавшихся из мешка немцев, которые понесли при осуществлении этой операции большие потери — до 40 тыс. человек. В трех немецких дивизиях, вышедших из окружения, насчитывалось, по русским данным, не более 8 тыс. человек[447], а их потери пленными на финальном этапе боев под Лодзью составили около 11 тыс.[448] «Путь немцев, — вспоминал генерал-квартирмейстер русской Ставки, — был обозначен разного рода брошенными предметами снабжения, брошенными при спешном отступлении. В течение нескольких дней после прорыва район Рзгов — Тушин — Брезины кишел отсталыми германскими солдатами, бродившими в одиночку или небольшими партиями; все они, в конце концов, стали добычей нашей конницы»[449]. Однако этот успех так и не перерос в большую победу.

Штаб главковерха не сразу признал провал своего контрудара. 13 (26) ноября из Барановичей последовало сообщение: «Сражение под Лодзью еще продолжается. Крупные массы германцев, прорывавшиеся 7 ноября в район Стрыков — Брезины — Колюшки — Рзгов — Тушин, теснимые со всех сторон нашими войсками, ныне напрягают все усилия, чтобы пробиться к северу. На пространстве к югу от станции Колюшки бродят рассеянные партии неприятеля. Нами захвачены пленные, тяжелые и легкие орудия»[450]. Только 15 (28) ноября Ставка официально заявила об окончании операции под Лодзью. Это звучало бравурно: «В центре сражения город Брезины и селения в долине речки Морги взяты нами, причем на некоторых участках немцы выбивались штыковыми ударами. Наше наступление в этом районе продолжается. У Березин и Гловна наша конница произвела несколько успешных атак на неприятельскую пехоту. При отходе немцев нами захвачены орудия, некоторые с полной запряжкой»[451].

На самом деле германский корпус с приданными частями вышел из окружения. Был упущен шанс реального возмездия за поражение А. В. Самсонова, которое могло бы сыграть огромной важности роль для мобилизации воли к победе на фронте и в тылу. Расчеты русского командования, надеявшегося на это и уже заказавшего публикацию в прессе о пленении отряда, в который входили и части прусской гвардии, рухнули[452]. Р. фон Шефферу удалось не только вывести свои войска из окружения, вместе с ранеными и обозами, но и увести с собой свыше 10 тыс. пленных и трофеи — 64 орудия и

39 пулеметов[453]. Немцы прорвались на участке 1-й армии генерала П. К. Ренненкампфа, движение которого не обеспечили фронт и Ставка. Сказались и приказ Н. В. Рузского не переводить войска 1-й армии на левый берег Вислы, данный накануне немецкого наступления, и отсутствие мостов, которые П. К. Ренненкампфу обещали предоставить лишь в начале декабря.

Для переправы 1-й армии был выделен только один понтонный мост, пехоту пришлось переправлять через Вислу на лодках и других подручных средствах. Это не помогло — войска П. К. Ренненкампфа опоздали, и он в очередной раз оказался в центре критики. Генералу припомнили все, даже то, чего никогда не было[454]. Буквально в те самые часы, когда немцы шли на прорыв, князь Н. А. Кудашев сделал довольно пессимистическое предсказание: «В общем, надо сказать, что если нам и удастся вывернуться из настоящего положения, то только благодаря численности и стойкости наших войск, а не мудрости нашей стратегии. Но это, конечно, личное мое дерзновенное мнение»[455]. Прогноз подтвердился. В Ставке, впрочем, не особо расстраивались, считая, как писал Н. Н. Янушкевич, что «надо благодарить Бога и за это»[456]. По окончании боев проявившие в эти дни неспособность к руководству армиями генералы П. К. Ренненкампф и С. М. Шейдеман были отстранены от командования[457]. Пожалуй, это был единственный вывод, который сделала для себя Ставка из Лодзинской операции.

Для германского командования это сражение, сопровождавшееся сложными маневрами и контрманеврами с целью окружения, было, по свидетельству П. фон Гинденбурга, самым сложным из всех на Восточном фронте. Однако немцы могли быть довольны: они вырвали инициативу у русского главнокомандующего и сорвали планируемый удар по Силезии[458]. Правда, большие потери заставили германское командование снять с Западного фронта и перебросить на Восточный четыре корпуса: 2, 3, 13 и 24-й резервный. Бои под Ипром уже прекратились, и это давало возможность германскому командованию осуществлять подобное лавирование. К счастью для истощенных русских частей, эти корпуса не были сконцентрированы П. фон Гинденбургом в одном направлении и вводились в бой разрозненно с целью стабилизации фронта после прорыва группы Р. фон Шеффера[459]. На этом фоне командующие Юго-Западным и Северо-Западным фронтами начали борьбу за то, чтобы сделать именно свое направление главным в будущих операциях.

Ставка вовсе не отказалась от своих первоначальных намерений. Может быть, это произошло потому, что осознание масштаба произошедшего пришло позже. Во всяком случае, уже 23 ноября генерал Н. Н. Янушкевич отправил главнокомандующему Юго-Западным фронтом телеграмму, в которой он предлагал ему *уже на следующий день* со всей настойчивостью вернуться к задаче разгрома австро-германской группировки на фронте Краков — Ченстохов[460]. С 25 октября (7 ноября) в Гродно начала собираться осадная бригада: мортирный полк с 11-дюймовыми (280-мм) и 9-дюймовыми (229-мм) мортирами, тяжелый пушечный полк с дальнобойными орудиями.

Генерал Ю. Н. Данилов считал, что этого хватит на одновременную атаку двух первоклассных и одной слабой крепости. Артиллерию для осадных бригад получали за счет разоружения русских крепостей, однако ее не хватало[461]. 31 октября (13 ноября) перед фортами Кракова был собран Гвардейский корпус. Предполагалось, что он двинется в Силезию в обход обложенной крепости в верховьях Вислы[462].

Осадной артиллерии решительно не хватало, и приходилось обращаться за помощью, причем получить ее было непросто. Еще в самом начале сентября 1914 г. японцы предложили России 16 осадных орудий, захваченных ими в Порт-Артуре[463]. 15 (28) сентября Ставка получила информацию о том, что японцы готовы уступить 34 мортиры (240-мм), 14 пушек (240-мм), 12 гаубиц (280-мм) и даже прислать на русский фронт вспомогательный корпус[464], но в результате стало понятно, что речь идет только о трофеях. Возникла напряженная ситуация. Петроград отказался покупать эту устаревшую артиллерию, однако вскоре выяснилось, что это был дар, долженствующий символизировать уважение и забвение прошлого. Настал черед недоумевать и обижаться Токио. В конце концов, недопонимание было преодолено, и 10 (23) ноября на пограничной станции Куанченцзы японские трофеи возвращены бывшим хозяевам. После этого дело с заказами приобрело несколько лучший оборот[465].

Японская армия имела в своем составе корпус осадной артиллерии и шесть полков тяжелой полевой артиллерии. 6 ноября японская группировка, насчитывавшая 22 980 человек при 142 орудиях, при поддержке приблизительно 1500 англичан добилась капитуляции германской крепости Циндао на полуострове Шаньдун. Накануне начала военных действий в немецких владениях на Дальнем Востоке проживали 161 тыс. человек, из них 3125 солдат и офицеров и 3806 мирных жителей германцев. В осаде использовалось большое количество тяжелой осадной артиллерии, что обеспечило низкий уровень потерь атакующих. Японские артиллеристы потопили в гавани австрийский крейсер «Императрица Елизавета»[466]. Сразу же после падения германской крепости на Дальнем Востоке Россия уже обращалась с просьбой о передаче ей осадного парка — как трофейной германской, так и собственно японской артиллерии. 12 (25) ноября 1914 г. С. Д. Сазонов сообщал военному министру В. А. Сухомлинову: «Я имел относительно настоящего вопроса разговор с японским послом. Барон Мотоно подтвердил мне, что английское правительство заявило о желании приобрести у японцев осадную артиллерию, прибавив, что японское артиллерийское ведомство ныне занято проверкой находящихся в Циндао осадных орудий, дабы подтвердить пригодность их для военных действий»[467].

25 ноября, на следующий день после прорыва группы Р. фон Шеффера, великий князь даже обратился через С. Д. Сазонова к японскому правительству с просьбой передать осадные орудия крупного калибра из-под Циндао, так как они были ему необходимы для осады Бреслау и других германских крепостей. Такое же обращение было отправлено и англичанам. Они отре-

агировали очень быстро. Уже 27 ноября было получено согласие Лондона, который довел эту информацию и до своего дальневосточного союзника. Положение действительно было очень серьезным: с 16 по 22 ноября австрийцам при поддержке подвижных резервов и тяжелой артиллерии удалось оттеснить русские войска от краковских фортов, а в конце октября немцы начали активно приводить в оборонительное состояние крепости Бреслау и Позен[468].

Обращение великого князя пришло как нельзя вовремя. В сентябре — ноябре 1914 г. японцы и англичане захватили все германские колонии на Тихом океане. Теперь японской армии негде было применять это оружие, и, очевидно, не без давления из Лондона правительство микадо согласилось поставить русской армии тяжелые орудия. Правда, вскоре великий князь временно отказался от этих гигантских планов.

Одновременно была решена судьба Лодзи, так дорого обошедшейся русской и германской армиям. С 19 ноября (2 декабря) началась эвакуация города. Его комендант выписывал пропуска на выезд всем желающим, но выбраться из Лодзи могли далеко не все. Железная дорога была перегружена военными поездами: вывозились раненые, пленные, трофеи и склады — все, что могло иметь хоть какую-то военную ценность. Наиболее доступными для гражданского населения стали автомобильный и гужевой транспорт, однако ввиду того, что цены на эти услуги резко взлетели (место в автомобиле стоило от 200 до 300 рублей, найм подводы — от 100 до 150 рублей), большое количество жителей вынуждено было остаться. В девять часов вечера 22 ноября (5 декабря) город покинул последний поезд Красного Креста, в котором находился А. И. Гучков, и в Лодзи остались лишь силы прикрытия. В ночь на 25 ноября (8 декабря) в город вошли немцы[469].

Планы русского вторжения в Германию были сорваны[470]. Отступление стало неизбежным, поскольку выдвинувшиеся вперед русские войска попали под мощный немецкий контрудар. «25 ноября шел ужасный бой, — вспоминал офицер 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка. — Сотни снарядов рвались в расположении 1-го и 2-го батальонов. Из всех прилегающих домов не уцелело ни одного — все горело. Немцы непрерывно шли в атаку, и тысячи их трупов устилали все поле впереди. Насколько хватало взора, всюду видны были лежащие немцы и их ранцы из телячьей кожи мехом вверх. Тщетно немецкие офицеры старались увлечь своих людей. Два-три взмаха обнаженной шашки, несколько призывных слов — и офицер падал, сраженный меткой пулей. На его место становился другой»[471].

Так продолжалось четыре дня и ночи, и 2-й Кавказский армейский корпус, понесший огромные потери, к 12 часам дня 29 ноября (12 декабря) был отведен к Бзуре. Остатки 13-го лейб-гренадерского были сведены в две роты. 30 ноября (13 декабря) русские армии получили приказ отойти на позиции по четырем рекам левобережной Польши — Бзуры, Равки, Пилицы и Ниды, где было легче удержать оборону и перегруппироваться. 7 (20) декабря немцы после многочисленных и весьма дорого обошедшихся

их пехоте атак заставили русские войска отойти с западного берега Равки на восточный[472]. На левом берегу Вислы временно установилось затишье[473]. Русско-германский фронт стабилизировался по линии четырех рек. Они не были широкими, но тем не менее представляли собой хорошее препятствие для пехоты. Замерзнуть реки еще не успели, к тому же перейти их вброд было возможно далеко не везде. Вплоть до начала 1915 г. на этих позициях с небольшими перерывами шли тяжелейшие для обоих сторон бои[474].

29 ноября (12 декабря) в Седлеце произошла встреча главковерха с командованием Северо-Западного и Юго-Западного фронтов, во время которого и Н. В. Рузский, и Н. И. Иванов высказались за наступательные действия — каждый на собственном фронте. Н. И. Иванов и М. В. Алексеев связывали с этим наступлением перспективу развала Австро-Венгрии, и в крайнем случае были готовы согласиться с тем, чтобы оно сначала имело частный характер. При этом окружение великого князя — Н. Н. Янушкевич и Ю. Н. Данилов не отказывались от идеи наступления в Восточную Пруссию. Ю. Н. Данилов при этом считал необходимым не увлекаться идеями большой операции и не удаляться далеко от собственных границ[475]. Кроме этих двух ближайших сотрудников к германскому направлению склонялся и другой близкий к Николаю Николаевичу (младшему) с довоенного времени человек — командир Гвардейского корпуса В. М. Безобразов. 19 ноября (2 декабря) 1914 г. он воспользовался приездом из Ставки полковника А. П. Коцебу, чтобы передать Верховному главнокомандующему свое мнение, что главный удар необходимо нанести в Силезии и тем самым разделить Австро-Венгрию и Германию[476].

Николай Николаевич (младший) колебался, поочередно соглашаясь то с одной, то с другой точкой зрения. В конце концов, пришли к паллиативному решению, согласно которому предполагалась возможность наступления только одной 10-й армии в направлении Восточной Пруссии[477]. Это решение было заранее невыполнимым. Армия генерала от инфантерии Ф. В. Сиверса, имея на 170 км фронта 170 тыс. человек, еще ранее оказалась не в состоянии преодолеть подготовленную немцами линию обороны. Среди войск все сильнее давало о себе знать присутствие значительного числа второочередных частей, отличившихся безудержными грабежами при вторичном вхождении в Восточную Пруссию. Один из таких полков — 333-й в шутку был назван «полузвериным» (по аналогии с числом Зверя — 666). Попытки продолжить наступление привели лишь к потерям на проволоке[478]. Командование упрямо держалось за каждый метр захваченной территории противника.

Начальник штаба армии генерал барон А. П. фон Будберг вспоминал: «Местами мы закопались в землю в том же самом положении, до которого в ноябре дошли наши стрелковые цепи, не обращая внимания на то, что такое закрепление было полнейшим абсурдом; на фронте 29-й дивизии были, например, такие участки, которые могли служить первоклассной иллюстрацией того, как не надо было занимать боевые фронты; но войска

были к ним привязаны, все было нанесено на схемы и стало неприкосновенным табу»[479]. Немецкая линия обороны проходила по линии Мазурских озер и реке Ангерап, в теснинах между озерами и болотами. В проходах германские позиции находились на высотах, подступы к которым прикрывались несколькими рядами колючей проволоки, а русские располагались в низине, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Кроме грязи и почти полного отсутствия дорог в тылу существенно сказывался недостаток количества тяжелой артиллерии в армии, и было принято решение о подготовке к «постепенной атаке»[480].

Предполагалось постепенно вытеснять противника из дефиле и фланкирующих позиций. Правда, для этого не хватало артиллерии и снарядов, как, впрочем, и единого мнения у руководства 10-й армии. Начальник штаба был против активного наступления, командующий — за[481]. В результате «постепенная атака» готовилась слабо. Начальник штаба 27-й пехотной дивизии, входившей в состав 3-го армейского корпуса, вспоминал: «Четыре полка 27-й дивизии были раскинуты на пространстве около 10 километров перед рекой Ангерап, впадающей в Мазурские озера, солидно укрепленные противником. Почти три месяца войска стояли неподвижно за своими слабыми проволочными заграждениями и вели перестрелку с немцами. Один только раз приказано было в декабре месяце провести частичное наступление и прорвать позицию противника. Ничего из этого не вышло; потери оказались огромными; в одном 105-м Оренбургском полку было свыше 800 человек убитых и раненых, среди них несколько офицеров с командиром полка во главе»[482].

Незамерзающие болота (морозы чередовались оттепелями), невозможность основательно окопаться (грунтовые воды чувствовались на небольшой глубине), сильные позиции немцев — все это удручающим образом действовало на мораль русских войск. В успех атаки верили мало, попытки наступления, решительные или нет, всегда сопровождались большими потерями[483]. Рассчитывать на прорыв в подобной ситуации 10-я армия не могла. Только в конце 1914 г. она получила для прорыва под Летценом и у Ангерапа несколько десятков тяжелых орудий из Осовца, включая четыре 12-дюймовые гаубицы[484]. Постепенно на фронт 10-й армии из состава разных крепостей передали 25 батарей тяжелой артиллерии, которые прибывали с собственным и весьма значительным запасом снарядов и не экономили их. Стрельба велась днем и ночью — даже по окопам противника[485]. Такая поддержка сказалась на настроении войск, однако эта мера запоздала.

30 ноября (13 декабря) 1914 г. в Бресте собралось новое совещание под председательством начальника штаба Ставки генерала Н. Н. Янушкевича и генерал-квартирмейстера генерала Ю. Н. Данилова. В нем принимали участие главнокомандующие обоими фронтами с начальниками штабов (генералы М. В. Алексеев и В. А. Орановский) и главными начальниками снабжения (генералы А. Ф. Забелин и Н. А. Данилов). Совещание выявило сложную ситуацию со штатным составом (треть некомплекта на обоих

фронтах), с запасом снарядов (примерно по 380 снарядов), перебои со снабжением имуществом. Особенные проблемы испытывал Северо-Западный фронт с сапогами — ему требовалось 462 тыс. пар. Н. И. Иванов и Н. В. Рузский категорически протестовали против немедленного перехода в наступление. В результате было принято решение о сокращении линии фронта при обязательном удержании плацдарма на левом берегу Вислы. 10-я армия Северо-Западного фронта должна была по возможности активизировать действия в Восточной Пруссии, а Юго-Западный фронт — подготовиться для отражения австрийского контрудара со стороны Дуклинского перевала и выделить части для усиления группировки на левом берегу Вислы[486]. На самом деле ничего еще не было решено.

Трудно отказать в справедливости М. Д. Бонч-Бруевичу, описавшему стиль работы Верховного главнокомандования следующими словами: «Такие быстрые переходы от одного решения к другому прямо свидетельствуют, что точно выработанной ближайшей задачи великой войны не существовало, и, мало того, не было в то время оснований предполагать, что такая задача вообще может выработаться при наличности непримиримого разногласия между тремя группами начальников, волею судеб ставших у руля великой войны... Главкомы обоих фронтов с их штабами твердо стояли на своих решениях и смотрели на действия друг друга как на препятствие к достижению задач великой войны. Ставка выслушивала заявления этих враждующих между собой сторон и старалась из противоречий выяснить истину, считая ее где-то посередине. Этими стараниями создавались лишь примиряющие компромиссные решения, строго взвешенные с настроениями враждующих сторон и главковерха, но слабо соображенные со стратегическими условиями на театре военных действий всей великой войны и с интересами России»[487].

Великий князь в какой-то момент потерял контроль над собой, бросаясь от одной идеи к другой, не чураясь при этом крайностей. 14 декабря, после совещания в Бресте, он согласился с планом наступления на Юго-Западном фронте при обороне на Северо-Западном и при отказе даже от операции 10-й армии в Восточной Пруссии. Но уже 17 декабря он известил английского военного министра лорда Г. Китченера о возможности отступления за Буг ввиду нехватки боеприпасов, однако никаких конкретных действий за этим не последовало[488]. Еще ранее об этом были информированы и французы. У Р. Пуанкаре это вызвало тревогу: «По-видимому, русский Генеральный штаб намерен возложить на нас ответственность за свои неудачи. Каким образом русская армия со своим численным превосходством оказывается столь бессильной? Как это великий князь Николай Николаевич может думать о том, чтобы ограничиться обороной?»[489]. Это был один из способов привлечения внимания к своим проблемам или паника, которой часто был подвержен Николай Николаевич.

20 декабря 1914 г. великий князь сообщил Дж. Генбери-Вилльямсу свои оценки размеров этого кризиса. По его словам, у России было до 800 тыс.

обученных резервистов, готовых встать в строй, но отсутствие вооружения мешало отправить их на фронт[490]. Уже на 14-й день мобилизации генерал Д. Д. Кузьмин-Караваев пришел к выводу, что существующего запаса (4 275 400 винтовок системы Мосина и 362 019 системы Бердана) не хватит для войны. Так как этот запас превосходил предвоенные оценки требуемого запаса вооружений, то в 1914 г. русские оружейные заводы, производившие «мосинки», были загружены: Тульский — на 7%, Ижевский — на 9% и Сестрорецкий — на 12% мощности. В июне 1914 г., например, Тульский завод выпустил одну боевую винтовку, в июле — одну учебную. Развернуть от этих цифр ускоренное производство, естественно, было невозможно.

Д. Д. Кузьмин-Караваев командировал в Японию полковника В. Г. Федорова с заданием купить 1 млн винтовок, однако ему удалось выполнить это поручение лишь на пятую часть. Уже в конце 1914 — начале 1915 г. пограничники, полиция, жандармерия получили японские винтовки взамен трехлинеек, поступивших в распоряжение фронта. В результате этого в начале войны войска не чувствовали нехватки в ручном стрелковом вооружении. Это происходило, в частности, и потому, что новые подразделения в тылу не создавались, пополнение следовало прямо на фронт. Кроме того, в ходе боев армия понесла большие потери в вооружении, и до весны 1915 г. не был организован централизованный сбор оружия с поля боя.

Примерно та же ситуация сложилась и с пулеметами. Полагавшейся довоенной нормы в восемь пулеметов на стрелковый полк и кавалерийскую дивизию вскоре оказалось недостаточно для обеспечения боя. Некоторые части перестали отсылать в тыл трофеи и сами переделывали их под русский патрон. Однако снабжение патронами и этих полков продолжалось по отчетности, по существовавшему штату. В январе 1915 г. начальник Генерального штаба генерал М. А. Беляев неоднократно повторял, что в случае, если будет решен вопрос с вооружением, он готов поставлять фронту по три армейских корпуса ежемесячно[491]. При этом общий некомплект русских армий приближался к цифре 500 тыс. человек, в ряде частей некомплект достигал 50%[492].

В июле и августе 1914 г. фронт получил 52 легких, 15 мортирных, шесть горных и семь тяжелых парков; в сентябре — 23 легких, семь мортирных, семь горных и ни одного тяжелого парка; в октябре — 20 легких, 11 мортирных, семь горных и пять тяжелых парков; в ноябре — 12 легких, девять мортирных, два горных и четыре тяжелых парка; в декабре — 16 легких, пять мортирных, три горных и два тяжелых парка[493]. Очевидно, что лучше всего русская артиллерия снабжалась в первый месяц войны, а в первые три месяца она получила гораздо более половины поданного за пять месяцев снарядного запаса: 95 из 123 легких, 33 из 47 мортирных, 20 из 25 горных, 12 из 18 тяжелых парков. При этом снабжение армии снарядами в декабре 1914 г. уменьшилось по сравнению с августом по разным показателям в 3,25 раза (легкие парки), в 3 раза (мортирные), в 2 раза (горные парки), в 3,5 раза (тяжелые парки). Это, конечно, отнюдь не означало, что все

поданные парки были использованы. В целом неплохо обстояло дело со снарядами к полевым орудиям.

За первые пять месяцев войны их расход в среднем составил 464 тыс., то есть к январю 1915 г. из запаса в 6420 тыс. было израсходовано только 2320 тыс. Безусловно, снарядный голод был, но о нем можно говорить лишь применительно к тяжелой артиллерии. Ее количество, да и мощность были недостаточными: 76 орудий калибра в 42 линии, 512 гаубиц калибра в 48 линий, 164 гаубицы калибра 6 дюймов. При этом расход на самые распространенные виды полевой тяжелой артиллерии — 48-линейную и 6-дюймовую гаубицы составил: на первую — 70, на вторую — 100 в месяц. В 1915 г. ситуация мало изменилась — 122 и 144 в месяц. В условиях маневренной войны эти цифры мало волновали Ставку, Н. Н. Янушкевич и Ю. Н. Данилов не беспокоили Главное артиллерийское управление запросами о снарядах к орудиям выше трех дюймов[494].

Помочь в это время России союзники не могли. В английской армии во Фландрии до конца 1915 г. было всего 24 устаревших 6-дюймовых орудия, по батарее на корпус. Не всегда была возможность обеспечить полагающимися по штату двумя пулеметами батальон. Применение германской армией 5,9-дюймовой гаубицы в качестве полевой артиллерии было шоком и для франко-английского командования, и для солдат, даже для английских «презренных старцев». Снарядов для тяжелой артиллерии также не хватало, 70% имевшихся составляла шрапнель. Вплоть до осени 1915 г. английская промышленность не могла обеспечить вооружением волонтеров формирующихся армий Г. Китченера: в месяц их набиралось до 60 тыс., а винтовок производилось только 45 тыс. До конца 1914 г. в Англии было произведено только 287 пулеметов, а в 1915 г. — 6102[495].

Во Франции в 1914 г. имелся всего один завод, выпускавший 155-мм снаряды. Осенью 1914 г. французская промышленность давала 13 600 снарядов в день при норме ежедневного расхода в 25 тыс. Французская армия встретила войну, имея на вооружении в качестве самого тяжелого полевого орудия 120-мм, да и тех на 1 октября 1914 г. было только 110. Лишь к январю 1915 г. французские войска получили 17 гаубиц калибра 220 мм образца 1880 г. Кризис с полевой и тяжелой артиллерией союзники сумели преодолеть только к началу 1916 г.[496] Таким образом, рассчитывать на материальную помощь от Англии и Франции в конце 1914 г. не приходилось.

Кроме проблем с вооружением и боеприпасами возникла еще одна, порожденная специфическими условиями новой войны. При переходе в оборону русские войска столкнулись с отсутствием колючей проволоки, которая уже широко начала применяться противоборствующими армиями для укрепления своих позиций. Первые партии колючей проволоки стали поступать в русскую армию только в декабре 1914 г.[497] Конечно, для формирования новых корпусов требовались не только винтовки и орудия, но и офицерские и унтер-офицерские кадры, которых в таком количестве просто не было. Ужасающий недостаток кадровых офицеров давал о себе

знать с самого начала войны. Анализируя характер и методы подготовки офицерского корпуса (особенно резерва), Н. Н. Головин не без основания отмечал, что «наше военное ведомство готовило скорее профессиональную армию, а не профессиональные кадры для вооруженного народа»[498].

С осени 1914 г. кризис боеприпасов заставлял командование на фронтах нервничать. Но оно иногда было склонно преувеличивать его размеры с целью объяснения собственных неудач. Так, в разговоре с императорам в Ставке 19 ноября (2 декабря) 1914 г. Верховный главнокомандующий изложил причины своих неудач следующим образом: «Единственным большим и серьезным затруднением является то, что у нас опять недостает снарядов. Поэтому во время сражений нашим войскам приходится соблюдать осторожность и экономию, а это значит, что вся тяжесть боев падает на пехоту; благодаря этому потери сразу сделались колоссальны. Некоторые армейские корпуса превратились в дивизии; бригады растаяли в полки и т. д.»[499].

В это время уже все корпуса не имели списочного состава рядовых, унтеров и офицеров. Потери командного состава объяснялись в том числе и заметностью обмундирования и вооружения. В начале 1915 г. почти повсеместно у офицеров исчезли блестящие металлические погоны, вместо шашки они стали использовать винтовку. В пехоту, где потери были особенно высоки, из кавалерии начали переводить кадровых офицеров. Чтобы как-то решить проблему недостатка офицерских кадров, каждый линейный полк получил право выдвинуть на прапорщиков по 18 человек и дать офицерское звание всем вольноопределяющимся. Только гвардейские части отстояли свое право не назначать офицеров таким образом. Экстренные меры должны были обеспечить пополнение армии к середине февраля 1915 г. около 15 тыс. офицеров[500].

Шпиономания и ее первые жертвы. Первые проблемы во внутренней политике

Одним из опаснейших предвестников паники является шпиономания — скверное проявление бдительности, доведенной до абсурда. В нашем тылу она впервые возникла еще в первые дни войны, когда чуть ли не в каждом немце видели шпиона. Внезапно для всех возникли слухи о предательстве графини М. Э. Клейнмихель, в салоне которой, по словам анонимных свидетелей, немцы почерпнули массу полезных для себя сведений[1]. Активное участие в разжигании страстей приняли безответственные болтуны[2]. Пример подал брат председателя Государственной думы, который распускал слухи о том, что М. Э. Клейнмихель послала Вильгельму II план мобилизации русской армии в коробке из-под шоколада. Нашлись свидетели ее ареста и даже расстрела (в другом варианте сплетни — повешения)[3]. Разумеется, ничего подобного не было и не могло быть[4].

В самом начале боевых действий в Восточной Пруссии в 1914 г. войска также были склонны к излишней подозрительности. В брошенных домах, оставленных городах и селениях виделись разъезды незаметного и потому тем более страшного противника[5]. Не встречая почти никого, войска чувствовали себя как в пустыне, при этом в стороне от их движения постоянно вспыхивали подозрительные пожары: «...и к небу тянулись клубы дыма какого-то странного цвета. Немедленно посылались дозоры, но никого подозрительного обнаружить не удавалось»[6]. Как известно, дыма без огня не бывает, а странный дым от зажженного непонятно кем огня лишь способствовал ощущению присутствия рядом чужой и враждебной силы.

Невидимый и неуловимый враг порождал подозрительность, которая переходила в страх, искала и находила выходы.

А. И. Верховский вспоминал, как это происходило: «Показалось подозрительным, почему при подходе главных сил слева от дороги завертелось крыло мельницы. Шпиономания в то время охватила всех. Считалось, что немцы все могут и всем пользуются. Мельница была немедленно сожжена. Затем подозрение возбудила какая-то точка на фабричной трубе, стоявшей при входе в городок Бялу. Труба несколькими пушечными выстрелами была свалена и с грохотом обрушилась на окружающие строения»[7]. В сентябре 1914 г. на паровой фабрике в Друскениках был дан обычный сигнал к работе — свисток, а в это время под городом шел артиллерийский бой. Толпа бросилась искать сигналившего неприятелю шпиона и вскоре нашла глухонемого немца, который и был убит[8]. И все это происходило на собственной территории, что уж говорить о творившемся на вражеской.

Немецкие селения казались центрами непонятной таинственной угрозы, пресса писала о ночных обстрелах из домов крестьян, нападениях на русских солдат и офицеров, передвигавшихся поодиночке, и прочем. «Наши солдаты, например, — писал В. Я. Брюсов, — глубоко убеждены, что немцы отравляют колодцы, хотя вряд ли это осуществимо уже в силу технических трудностей. Во всяком случае, немцы стреляют из окон по проходящим русским, ночью пытаются зарезать сонных и т. п.»[9]. Примерно то же самое, по свидетельству очевидца, происходило и на Юго-Западном фронте: «Для войны нужна ненависть, а нашим солдатом владеют какие угодно чувства, но только не ненависть. И вот ее старательно прививают. Дни и ночи толкуют нам о шпионах... И достаточно тени подозрения, чтобы сделаться жертвой шпиономании. Жертвой невинной и заранее обреченной»[10]. И конечно же, слухами о шпионах была переполнена столица[11].

Подобные настроения были свойственны любой армии и любой стране на первом этапе этой войны. В 1910 г. А. А. Свечин блестяще описал в своей статье «Желтая опасность», опубликованной в «Русском инвалиде», негативное влияние этого явления: «Надо опасаться легенд о шпионах — они разъедают то доверие друг к другу, которым сильно государство... Сеется страх перед шпионами; создается какая-то тяжелая атмосфера общего предательства; в народной массе ежедневно тщательно культивируется тупая боязнь; а *страх измены – нехороший страх* (выделено автором. — *А. О.*); все это свидетельствует прежде всего о растущей неуверенности в своих силах... Ум человеческий отказывается искать простых объяснений грозным явлениям. Серьезные неудачи порождают всегда и большие суеверия. В числе таковых, тесно связанных с поражением, наиболее видное место занимают суеверия о шпионах... Жертвы нужны — человеческие жертвы — объятому страхом людскому стаду»[12].

Шпиономания, конечно, не была исключительно русским явлением. В начале войны подобная истерия охватила и Германию, хотя в германской прессе были запрещены какие бы то ни было сообщения о шпионаже[13].

Слухи о русских, английских и французских шпионах, которые разъезжают по стране, выведывая секреты и распространяя в источниках воды тиф, привели к насилию над гражданами этих государств, которых война застала в Германии. Местные власти, состоявшие в основном из гражданских чиновников, пошли на нарушение устоявшейся традиции. «Мероприятия их состояли преимущественно в публичных предостережениях, — вспоминал Вальтер Николаи. — Население слышало впервые об этих вещах из уст властей. Следствием этого была по всей Германии дикая шпионобоязнь, приводившая к смешным, а иногда и к серьезным явлениям. Во время сильнейшего национального возбуждения самые бессмысленные слухи распространялись с быстротой молнии. Особенно разрушительно действовало сообщение, что по Германии ездят автомобили с золотом для целей вражеской разведки. Задерживали каждый автомобиль и брали седоков под огонь. При этом потеряли жизнь и ехавшие по делам службы высшие чиновники»[14].

Нечто подобное происходило и в Англии. В Австро-Венгрии в начале войны опасения шпионской активности со стороны Сербии привели к тому, что в Вене были арестованы и чуть было не отданы под суд в качестве сербских агентов сотрудники немецкого Адмиралтейства, перевозившие золото в Константинополь для адмирала Вильгельма Сушона[15]. В первые дни мобилизации во Франции жертвами шпиономании чуть не стали отдыхавшие там В. Г. Короленко с супругой. Чета была задержана и направлена в полицию, поскольку показалась подозрительной проходившим по улице солдатам[16]. Позже там также не чурались объяснять катастрофы на фронте происками германской агентуры. Но нигде и никто не обвинял в контактах с представителями вражеской разведки не только собственного военного министра, но даже и представителей среднего генералитета. В этом России предстояло стать несчастным исключением. Сплетни о предательстве в верхах особенно тяжело действовали в обстановке, когда страна и армия вовсе не были едины в понимании задач, стоявших перед ними в этой войне.

Противоречия к тому же имели и национальную подоплеку. В. Николаи описал их довольно точно: «Недружелюбное отношение поляков, литовцев и балтийцев могло объясняться тем, что театром военных действий была их родина. Равнодушие русского солдата имело, однако, и оборотную сторону. Ему недоставало военного воодушевления, пленные не знали, какую цель должна преследовать война с Германией. Для истинно русского солдата не играли никакой роли ни идеи реванша и освобождения отечества от вступивших в него немцев, с помощью которых французское правительство успешно поднимало настроение своих войск, ни экономическая и политическая конкуренция Германии, в которой был убежден каждый английский солдат. Он исполнял свой долг, не задавая вопросов»[17].

Столичная общественность подсказывала ему таковые. Повторялась ситуация 1904–1905 гг. Может быть, это объяснялось тем, что война в России не затронула жизненно важных культурных и политических центров. П. Н. Милюков вспоминал: «...набросанная нашим поэтом картина — в

столицах «гремят витии», а в глубине России царит «вековая тишина» — эта оставалась верной. В войне 1914 г. «вековая тишина» получила распространенную формулу в выражении: «Мы — калуцкие», т. е. до Калуги Вильгельм не дойдет»[18]. Единственной проблемой, с которой столкнулись власть и общество, было отношение к немцам, живущим в России. Значительная часть из них сохраняла свое германское или австро-венгерское подданство. Это был единственный «враг», который очевидно присутствовал в глубоком тылу.

28 июля (10 августа) император подписал указ, где, в частности, говорилось: «Действие всяких льгот и преимуществ, предоставляемых подданным неприятельских государств договорами или началами взаимности, прекратить. Задержать подданных неприятельских государств, как состоящих на действительной военной службе, так и подлежащих призыву, в качестве военнопленных. Предоставить подлежащим властям высылать подданных означенных государств как из пределов России, так и из пределов отдельных ее местностей, а равно подвергать их задержанию и водворению в другие губернии и области»[19]. С самого начала у этого правила были исключения. На последовавших 28 и 30 июля (10 и 12 августа) заседаниях Совета министров было принято решение: ввиду нежелания чехов и прочих австро-венгерских подданных славян возвращаться в империю Габсбургов установить для них льготный порядок для принятия в подданство России.

Кроме того, министр торговли и промышленности был весьма недоволен огульным выселением немцев из Петербурга и прочих местностей, что наносило большой урон нормальной работе предприятий[20]. Немцев выселяли не только в столице. К высылке подданных враждебных России государств в Москве приступили в самом начале войны, но 1 (14) августа 1914 г. главноначальствующий Москвы генерал-майор Свиты Его Императорского Величества А. А. Адрианов временно приостановил ее вследствие многочисленных ходатайств о переходе в русское подданство[21]. Более того, в тот же день последовало его объявление о приеме прошений от всех желающих[22].

На особое расположение властей прежде всего могли рассчитывать лица, проживавшие в Москве длительное время и имевшие в городе солидную репутацию. За них заступился и исполнявший обязанности городского головы В. Д. Брянский. Снисходительность имела и социальный подтекст, она не распространялась на мастеровых, рабочих и прочих. Таких в Москве набралось вместе с семьями около 5 тыс. человек, и еще 2 тыс. были присланы из губернии. Интернированные были размещены в Крутицких казармах. Из этой категории на освобождение могли рассчитывать только славяне — чехи, поляки и русины[23]. 1 (14) августа 1914 г. к ним были присоединены еще 500 германских и австрийских подданных, привезенных из Варшавской и Лодзинской губерний[24].

В первые дни войны в Москве удалось избежать эксцессов, которые имели место в столице империи. Представители немецкой колонии Первопрестольной даже обратились через американское консульство и посольство в России в Берлин с заявлением, что московские власти относятся к ним

вполне корректно. Трудно судить о том, кому принадлежала эта инициатива, однако представители нейтральной страны публично признали справедливость слов данного заявления[25]. Обстановка в Петрограде также казалась спокойной. 20 июля (2 августа) на должность местного градоначальника был назначен рязанский губернатор князь А. Н. Оболенский. Уже на следующий день он прибыл в столицу и приступил к исправлению новых обязанностей[26]. 22 июля (4 августа) произошел разгром германского посольства, редакции немецкой газеты и других зданий, что вряд ли можно поставить в упрек новому градоначальнику, тем более что за действиями полиции в этот момент наблюдал лично министр внутренних дел. Ничего подобного более не повторялось.

С конца августа 1914 г. интернированных в Москве лиц вместе с поступавшими туда пленными начали высылать из города на восток[27]. Схожая ситуация сложилась и в Петрограде, откуда часть подданных Германии и Австро-Венгрии, задержанных в начале войны, в то же время высылалась за границу через Финляндию, а часть отправлялась в Вологду под надзор полиции. В августе — сентябре 1914 г. из столицы таким образом были высланы около 3 тыс. человек. В Министерство внутренних дел ежедневно поступало по несколько сотен прошений о переходе в русское подданство. Значительное их количество исходило от славян, а также женщин, работавших сестрами милосердия[28]. Они и удовлетворялись в первую очередь.

С 20 июля (2 августа) по 23 августа (5 сентября) 1914 г. количество таких прошений составило уже около 7 тыс., и из них было удовлетворено (кроме чехов, поляков, русинов и сербов, то есть австрийцев и немцев) только 39[29]. Значительная часть германо-австрийских подданных по-прежнему оставалась в обеих столицах. Положение их было довольно двусмысленным: проживание им разрешалось, но при этом оно было временным. Иногда власти допускали демонстративные, бессмысленные репрессии: например, массовое увольнение детей, происходивших из такого рода семей, из средних и высших учебных заведений, как это было в Москве в начале сентября[30].

Столичная пресса пока вела себя достаточно сдержанно, за исключением «Утра России», где 8 (21) октября появилась откровенно провокационная статья Г. А. Ландау «Брат-немец», призывавшая бороться с «внутренними немцами» — чиновниками, коммерсантами и помещиками, не опасаясь шовинизма, которого нет и не будет в русском народе. Впрочем, журналиста не пугала перспектива жертв на этом пути: «Невинно пострадавших здесь быть не может, и как бы ни потерпели они при этом материально или духовно, несправедливости и зла от этого будет бесконечно меньше, чем если бы хотя бы одного из уцелевших в этой беспримерной бойне русских заставить снова склонить голову перед ярмом немца, считающего его скотом, свиньей и хамом»[31]. Вскоре эти призывы были услышаны. 9 (22) октября последовало решение императора о призыве в армию студентов. Оно вызвало весьма бурную и радостную реакцию, по городу прошли патриотические демонстрации[32].

На встрече с А. А. Адриановым была принята телеграмма на высочайшее имя, в которой говорилось: «...московское студенчество, преисполненное верноподданнических чувств, спешит повергнуть к стопам Вашего Величества чувства бесконечной любви и беспредельной преданности и горячую благодарность за дарованную ему высокую милость — немедля встать в ряды победоносной армии Вашего Величества, и клянется верой и правдой, не щадя своего живота, служить своему обожаемому Монарху и дорогому Отечеству»[33]. Ректор Императорского Московского университета М. К. Любавский, директор Лазаревского института П. В. Гидулянов, директор Института инженеров путей сообщения Н. Д. Тяпкин, директор Сельскохозяйственного института И. А. Иверонов и другие полностью поддержали патриотический порыв молодежи[34]. Торжества продолжились, но вскоре приобрели неожиданный характер. В ночь с 10 (23) на 11 (24) октября 1914 г. «вековая тишина» в Москве была нарушена.

10 (23) октября 1914 г. после молебна на Красной площади молодежь с криками «Долой немцев!» начала растекаться по городу и нападать на магазины, принадлежавшие людям с немецкими фамилиями. Наряды конной и пешей полиции старались помешать хулиганам[35]. Официальное сообщение гласило: «Прибывшая полиция быстро восстановила порядок. Десять человек арестованы»[36]. Восстановить порядок на самом деле было не так уж просто, в ходе погрома пострадало около 30 немецких фирм[37]. Кроме того, жертвой толпы стали русская (товарищество М. И. Кузнецова), английская и две бельгийские фирмы, а также здание на Мясницкой, в котором под флагом Красного Креста находился госпиталь с 100 ранеными (там же располагался немецкий магазин), пострадали несколько семей русских немцев (одна из них накануне потеряла сына-офицера на фронте)[38]. Город представлял собой страшное зрелище. «Я проехал по Мясницкой, — писал журналист «Речи». — Точно неприятель побывал на одной из главных деловых артерий города. Было жутко и стыдно глядеть. Зияли дыры на месте окон, поблескивало на электрическом свете битое стекло, белели доски, которыми наскоро зашиты злополучные магазины. То же, хотя и не так часто, — на Кузнецком Мосту, на Петровке, Арбате»[39].

В ответ на подобное проявление патриотических чувств немедленно последовали энергичные протесты, в том числе со стороны студенческих организаций Императорского Московского университета, которые были опубликованы в «Русских ведомостях» и «Речи»[40]. Уже на следующий день после погрома А. А. Адрианов сделал объявление, в котором осудил погромы и предупредил, что в случае их повторения будет действовать жестко. «Возмутительно, — заявлял он, — когда толпа прикрывает свое преступное деяние патриотическим песнопением. Народный гимн — это молитва. Сопровождать же молитву безобразием — кощунство»[41]. Одновременно им был издан приказ, обязывавший всех германских и австро-венгерских подданных в течение трех дней встать на учет и сдать любое оружие, имевшееся у них дома. Нарушители подвергались штрафу в 3 тыс. рублей, тюремному

заключению или аресту[42]. Утром 11 (24) октября на дверях московских магазинов, подвергшихся нападениям, появились объявления «Служащие и рабочие — русские подданные»[43].

В тот же день петроградский градоначальник генерал-майор князь А. Н. Оболенский издал распоряжение развесить во всех торгово-промышленных заведениях города объявления «Просят не говорить по-немецки». Такие же надписи сразу же появились во всех публичных местах, включая трамваи[44]. 14 (27) октября А. Н. Оболенский предложил всем австро-германским подданным, проживающим в Петрограде (таковых оказалось свыше 13 тыс.), покинуть столицу и Россию в течение двух недель. Исключение делалось только для больных, проходящих курс лечения, славян, французов, итальянцев и православных. Было подано около 10 тыс. прошений о переходе в русское подданство, часть австрийских подданных (в основном это были чехи) начала принимать православие[45]. В результате к 29 октября (11 ноября) из Петрограда в финляндский город Раумо выехали 3800 человек, а оттуда они переезжали через Ботнический залив в Швецию[46].

14 (27) октября городская дума Москвы собралась для обсуждения случившегося. Заявление по вопросу о погромах сделал В. Д. Брянский: «К такого рода явлениям можно относиться только отрицательно. События эти тем более печальны, что в разгроме принимали участие молодежь и даже дети. В настоящее время можно выразить полную уверенность, что эти явления, столь несоответствующие исконным нравственным началам русского народа, более не повторятся»[47]. Вскоре жизнь в Первопрестольной вернулась в свои привычные, далекие от войны, рамки. «Если не считать раннего закрытия ресторанов, — сообщала в конце октября 1914 г. передовица «Голоса Москвы», — отсутствия столь характерной для Москвы пьяной ночной сутолоки, то, пожалуй, теперешняя жизнь Москвы ничем не отличается от обычной»[48].

Вступление Турции в войну: военно-политическая подготовка

Начало войны застало линейный крейсер «Гебен» и легкий крейсер «Бреслау» в Средиземном море. Присутствие здесь германских кораблей весьма волновало русских моряков. С 1912 г. русские и французские флоты вплотную подошли к обсуждению планов совместных действий на море. Поскольку русская военно-морская программа на Балтике тогда еще была далека от завершения, то прежде всего обсуждались проекты взаимодействия на Средиземном море[1]. Начальник Морского Генерального штаба вице-адмирал А. И. Русин, посетивший Париж с ответным визитом в июне 1914 г., после приезда в Россию его французского коллеги вице-адмирала Л.-Ж. Пивэ в 1913 г., обсудил с ним проблему двух немецких кораблей в этом регионе. Л.-Ж. Пивэ считал, что оснований для особой тревоги нет.

По мнению французского Морского Генерального штаба, цель пребывания этих кораблей была преимущественно политической: они должны были в случае войны служить связующим звеном между итальянским и австро-венгерским флотами и действовать против коммуникаций Франции на Средиземном море. А. И. Русин высказал опасение, что эти корабли в таком случае уйдут в Турцию и попытаются каким-нибудь образом вовлечь ее в войну. Это не входило в расчеты русских военных моряков, и А. И. Русин спросил у Л.-Ж. Пивэ, не согласятся ли французы с тем, чтобы русские линейные крейсеры типа «Бородино» после их постройки на Балтике были переведены на Средиземное море при условии обеспечения стоянки во французских гаванях. Каждый из этих кораблей при ходе в 29 узлов должен был нести двенадцать 14-дюймовых орудий — в случае необходимости они могли бы без труда нагнать и уничтожить «Гебен». Л.-Ж. Пивэ принял эту идею с восторгом и обещал оборудовать для них базу в Тулоне[2].

Предложение А. И. Русина было не случайным. С середины 1913 г. в русском МИДе и Адмиралтействе возникали самые разные проекты воссоздания русской Средиземноморской эскадры[3]. Еще в январе 1914 г. морской министр адмирал И. К. Григорович обратился к министру иностранных дел С. Д. Сазонову с предложением создать Средиземноморскую русскую эскадру. И. К. Григорович опасался ожидаемого в конце 1914 — середине 1915 г. усиления турецкого флота за счет строившихся в Англии дредноутов «Решад V», «Рио-де-Жанейро» (предназначался Бразилии), «Ривадавия» (предназначался Аргентине) и «Амиранте Латторе» (предназначался Чили). Морской министр считал, что в случае покупки последних трех кораблей турками они получили бы приблизительно шестикратное превосходство над Черноморским флотом вплоть до конца 1915 г., на который был запланирован ввод в строй трех черноморских русских дредноутов. Поэтому он и предлагал перекупить корабли латиноамериканского заказа и в случае невозможности их провода через Проливы присоединить к ним часть крейсеров и миноносцев из Балтики.

Эта эскадра и должна была составить, по словам И. К. Григоровича, «наш средиземноморский отряд, который сможет взять на себя стратегическую задачу при всякой политической обстановке компенсировать преобладание турецкого флота над нашим в Черном море»[4]. Предложения И. К. Григоровича не были поддержаны, а война сорвала и планы перевода в Средиземное море группы линейных крейсеров отечественной постройки. Русские крейсеры так и не были достроены, а германским суждено было сыграть роль, во многом превосходившую их боевую ценность. Штаб командующего морскими силами Черного моря еще 15 (28) декабря 1913 г. разработал основные положения плана действий русского флота на 1914 г. на случай войны. Перед Черноморским флотом были поставлены следующие задачи: достичь господства на море и освободить армию от охраны побережья. Методом достижения этих задач был избран решительный бой. Десантная экспедиция на Босфор в планы на 1914 г. не входила, так как средства для ее проведения, уничтоженные после Русско-японской войны, восстановить не успели, и армия была готова только к противостоянию с Германией и Австро-Венгрией.

Обстановка на Черном море складывалась чрезвычайно сложная. По расчетам командования Черноморского флота, отношение Болгарии к России исключало возможность использования Бургаса — единственного порта, который мог бы служить маневренной базой для действий наших кораблей в районе Проливов, что же касается Румынии — она, безусловно, занимала выжидательную позицию. Единственным плюсом оставалось то, что при союзных отношениях России с Великобританией и Францией считался невозможным приход австро-венгерских дредноутов в Турцию. В 1914 г. в состав турецкого флота должен был войти дредноут «Решад V», достраивавшийся в Англии. Этот корабль имел скорость в 21 узел и десять 13,5-дюймовых орудий. Одного этого было достаточно для того, чтобы из-

менить расстановку сил в пользу турок. Кроме того, штаб Черноморского флота учитывал возможность покупки турками других кораблей и прихода в Константинополь крейсера «Гебен» и двух легких крейсеров типа «Кельн». Это также изменило бы ситуацию на море в пользу Османской империи[5].

Русская армия, как и флот, пристально следила за событиями на Балканах и делала в целом верные выводы — война с Турцией неизбежна. Отчет Главного управления Генерального штаба о вероятных планах Тройственного союза от 1 (14) марта 1914 г. содержал верную оценку положения в регионе: «К государствам, примыкающим к Тройственному союзу, должна быть, повидимому, прежде всего отнесена Турция. В этом государстве, как известно, в настоящее время сильно влияние Германии; работа последней, вероятно, приведет к тому, что в случае европейской войны Турция будет на стороне Тройственного союза, и если Турция по каким-либо причинам не выступит активно, то во всяком случае державам этого союза будет обеспечен ее благожелательный нейтралитет. Болгария, ищущая в настоящее время сближения с Турцией и стремящаяся найти поддержку в Австро-Венгрии, сохранит спокойствие лишь до тех пор, пока остается нейтральной Сербия; если же последняя выступит с угрозой Австро-Венгрии, то ей, несомненно, придется считаться с возможностью нападения на нее Болгарии. Что касается Румынии, то общность политических интересов ее с государствами Тройственного союза после Балканских войн 1912–1913 гг. значительно ослабела; весьма вероятно, что в случае европейской войны Румыния будет соблюдать строгий нейтралитет и лишь позже, в зависимости от хода событий, примкнет к той или иной группировке держав»[6]. Прежде всего в качестве потенциального противника на Балканах рассматривалась Турция.

В январе 1914 г. в штабе Черноморского флота были разработаны основные положения по военно-тактической игре на этот год, проведенной в апреле. На ней отрабатывались возможные действия флота «Р» против флота «Т». В таблицу сил последнего уже были введены «Султан Осман» и «Решад V». Эти дредноуты имели в игре коэффициенты 188 и 162, в то время как наиболее мощные турецкие броненосцы «Тургут Раис» и «Хайреддин Барбаросса» — всего лишь по 40. Коэффициент русских эскадренных броненосцев, переименованных в линейные корабли, был гораздо меньше. У «Евстафия» и «Иоанна Златоуста» он равнялся 56, у «Пантелеймона» — 48, у «Трех Святителей» — 47. Весьма характерны вопросы, возникшие при подготовке игры: 1) может ли инициатива военных действий принадлежать стороне «Р» до разрыва дипломатических отношений и служить поводом к этому акту; 2) может ли сторона «Р» рассматривать ввод хотя бы одного военного судна «Т» в Черное море в качестве casus belli; 3) имеются ли у стороны «Р» на побережье Босфора агенты, которые могли своевременно известить о входе флота «Т» в означенное море[7].

Уроки Порт-Артура вроде бы не прошли даром, и командование рассматривало возможность самостоятельного превентивного удара. Однако вопросов было больше, чем ответов на них. Это и подтвердили маневры

флота по программе игры, состоявшиеся 16–18 июня (29 июня — 1 июля) 1914 г. Ночью на рейде Пицунды русские миноносцы атаковали флот «Т», который имитировала бригада линкоров[8]. Учебная атака прошла успешно. В последующем встречном бою проявилось полное превосходство русского флота над существующим на тот момент турецким. Однако выводы были все же малоутешительными: «Июньские морские маневры Черноморского флота, несомненно, надо считать весьма поучительными и в смысле выполнения удачными. Сопоставление сил в данное время благоприятствовало флоту «Р», но достаточно было усилить флот «Т» хотя бы одной современной боевой единицей, чтобы флот «Р» потерял все свои имущества»[9]. Таким образом, адмирал А. И. Русин имел все основания просить своего французского коллегу обратить особенное внимание на германские суда в Средиземном море.

В Берлине планировали заменить «Гебен» в октябре 1914 г. другим линейным крейсером — «Мольтке». «Гебен» был назван в честь генерала от инфантерии Августа фон Гебена, кавалера ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия 3-й степени, который он получил в 1873 г. «в воздаяние отличной храбрости и мужества, оказанных во время действий германских войск во Франции»[10]. На крейсере, не прошедшем полностью в 1912 г. пробные испытания, текли трубки, в результате он мог надежно поддерживать скорость в 12–14 узлов и только короткое время — 20 узлов при проектной скорости в 29 узлов. Сразу же после убийства Франца-Фердинанда главный корабль германской Средиземноморской дивизии ушел в австро-венгерскую базу в Адриатике — Полу, где срочно был проведен ремонт. На тяжелом крейсере сменили 4460 трубок, в результате корабль мог поддерживать скорость от 18 до 24 узлов. 2 августа «Гебен» и «Бреслау» пришли в Мессину, где их должны были ожидать итальянские легкие крейсеры и эсминцы. По плану Морского Генерального штаба, составленному ранее, в Мессине должна была собраться для соединения германо-австро-итальянская эскадра.

Единые силы Тройственного союза по предложению Италии переходили бы под командование австрийского адмирала А. Гауса. Была проведена большая предварительная работа: заготовлены общие шифры и сигналы, тактические наставления, сигнальные книги и планы. Еще в марте 1914 г. на совещаниях адмиралами В. Сушоном и А. Гаусом была поставлена основная задача первого периода действий — помешать переброске французского 19-го корпуса из Алжира во Францию[11]. В июне 1914 г. французский флот был собран в Тулоне для проведения частичной мобилизации и маневров. После их окончания Armee Navale Средиземного моря и отряд Атлантического океана продолжили плавание. Французские военно-морские силы находились уже в высокой степени готовности, когда 19 июля была объявлена мобилизация. 25 июля командующий Средиземноморской эскадрой Франции вице-адмирал О. Буэ де Лапейер собрал командиров кораблей на совещание, в ходе которого предупредил их о том, что они должны быть готовы ко всему[12].

Было принято решение сосредоточить все внимание флота на обеспечении перевозки 19-го корпуса во Францию, при этом изменены запланированные ранее порты погрузки войск: вместо Филиппвиля и Боны они должны были следовать в Алжир и Оран[13]. Не зная этого, немцы предприняли попытку сорвать французские мобилизационные планы. На рассвете 4 августа 1914 г. «Гебен» обстрелял алжирский порт Филиппвиль, а «Бреслау» — порт Бону. «Бреслау» подошел к французскому порту под русским флагом и поднял свой, только открыв огонь[14]. Немецкие корабли повредили три парохода, их снаряды вызвали пожары в портах, в Филиппвиле были повреждены радиостанция и газовый завод, пострадали войска, готовившиеся к погрузке на вокзале, в обоих городах было много убитых и раненых[15]. В результате командующий французскими военно-морскими силами поторопился прикрыть берега Орана и Алжира. Переброска 19-го корпуса была задержана на три дня. Огромное превосходство в силах (15 линкоров, три линейных крейсера) французы не реализовали, так как их корабли были задействованы для конвоирования транспортов с войсками[16].

Отходя от Боны, адмирал В. Сушон встретился с английскими линейными крейсерами, но поскольку война между Англией и Германией еще не была объявлена, эта встреча прошла для «Гебена» и «Бреслау» безболезненно. 1 августа крейсер «Чатхам» зашел в Мессинский залив, не обнаружив там никого. Утром 4 августа линейный крейсер «Индомитабл» заметил немецкие крейсеры, идущие на восток. Корабли не произвели полагавшихся в мирное время приветственных салютов, но и враждебных действий не было. «Гебен» и «Бреслау», используя преимущество в скорости, оторвались от английского крейсера, который попытался держать их в виду. Вскоре «Индомитабл» ушел в Бизерту для погрузки угля. 3 и 4 августа командующий Средиземноморской эскадрой адмирал А. Милн получал из Лондона самые разные приказы, которые исключали возможность реальных действий по перехвату кораблей В. Сушона. Наблюдать за ними были отправлены четыре броненосных крейсера контр-адмирала Э. Траубриджа, который поначалу не имел полномочий для активных действий[17].

В 5 часов 6 минут утра 5 августа «Бреслау» прибыл в Мессину, а в 7 часов 45 минут туда пришел «Гебен». Командующий немецкой эскадрой получил небольшую передышку, однако весьма непродолжительную. В 9 часов 37 минут В. Сушон получил сообщение о том, что 4 августа Англия объявила войну Германии. Кроме того, выяснилось, что надежды на помощь союзников не оправдались. Австро-Венгрия еще не вступила в войну[18]. 4 августа А. Гаус получил приказ: «Всякое враждебное действие против английского флота и английской морской торговли должно до нового распоряжения избегаться». В ответ адмирал информировал Вену, что в любом случае не сможет прийти на помощь немецким кораблям, поскольку эта операция связана со слишком большим риском: пока он будет идти в Мессину, английская и французская эскадры успеют объединиться[19]. Позиция Австро-Венгрии оста-

валась неопределенной, но в одном была уверенность: 5 августа австрийцы в Мессину не придут.

Что касается Италии, то она и вовсе не собиралась вступать в войну. Обстановка в Риме слишком быстро менялась, чтобы быть в чем-то уверенным. Еще 27 июля 1914 г. новый начальник итальянского Генерального штаба генерал Луиджи Кадорна, назначенный на этот пост 20 июля, после скоропостижной смерти своего предшественника, отдал распоряжение о подготовке к мобилизации на границе с Францией. На первом этапе предполагалось довести до уровня военного времени девять из двенадцати существовавших армейских корпусов. Была начата и подготовка к мобилизации 3-го армейского корпуса, который по предвоенным планам должны были перевезти в Германию для действий в Эльзасе. Только 31 июля правительство приняло решение о нейтралитете. Не знавшие этого военные с санкции короля продолжали переговоры с австрийцами и немцами. 2 августа вернувшийся в столицу Виктор-Эммануил III, утвердил решение правительства о нейтралитете, и 3 августа оно было публично озвучено[20].

Лишь благодаря личным связям в Морском министерстве в Риме немцы получили бункеровку, причем уголь в основном грузили с немецких торговых кораблей, пришедших в Мессину, после чего 6 августа перед кораблями была поставлена новая и тоже невыполнимая задача: попытаться прорваться в Атлантику или в Полу (австро-венгерская военно-морская база на Адриатике). Начальник германского Морского Генерального штаба вице-адмирал Х. фон Поль стоял за уход кораблей в Адриатику, где в проливе Отранто их ждали четыре британских линейных крейсера. Австрийцы в Мессину не пришли. Адмирал А. Гаус не хотел рисковать при прорыве своими линкорами — тремя типа «Тегетгоф» и тремя типа «Радецкий» при двух броненосных крейсерах и десяти эсминцах. Кроме того, австрийцы хотели избежать столкновения с Англией и ее флотом — война была объявлена только 11 августа[21].

Категорически протестовал А. Гаус и против плана переброски австро-венгерского флота в Константинополь. Возможность реализации этого проекта адмирал считал в высшей степени сомнительной, кроме того, даже в случае успеха флот Габсбургов уже не смог бы вернуться на свою базу вплоть до конца войны. Адмирал не хотел оставлять без защиты (в том числе и от формально дружественной Италии) 300 миль австрийского побережья Адриатики. Максимум, на что он согласился после требований немцев выйти навстречу «Гебену» и «Бреслау» хотя бы до Бриндизи, — это вывести свои корабли в море, имея целью движения Отрантский пролив. 7 августа в 9 часов 15 минут А. Гаус вышел в море, однако, не пройдя и половины пути к Отранто от Полы, узнал об изменении маршрута германских крейсеров и в 19 часов повернул назад[22].

В сложившейся ситуации все большее значение стала приобретать Турция. 14 июля 1914 г., то есть сразу же после начала кризиса на Балканах, граф Л. фон Бертхольд предложил заключить союз между Берлином, Веной и Константинополем. 22 июля с таким же предложением к Вильгельму II

обратился Энвер-паша[23]. Кайзер без особых симпатий относился к младотуркам и иногда позволял себе довольно резкие о них высказывания, вроде: «Среди них есть такие, которых следовало бы повесить»[24]. Впрочем, это не мешало ему менять свое отношение к этим людям в случае необходимости. В качестве условий соглашения с центральными державами были предложены отмена капитуляций, передача Западной Фракии (принадлежавшей Болгарии), островов Эгейского моря, перешедших в результате Балканских войн к Греции, а также Родоса и Додеканеза, захваченных Италией в ходе войны 1911–1912 гг. Ни на одно из этих условий Берлин не соглашался, так как не хотел терять потенциальных союзников в Софии, Афинах, а также формального союзника в лице колебавшегося Рима. Поскольку война, по немецким планам, должна была закончиться довольно быстро, а Турция являлась слабым союзником, в Германии поначалу не торопились идти навстречу пожеланиям Константинополя[25].

Ситуация резко изменилась с угрозой вступления в войну Англии. Эти изменения затронули не только германские планы, но непосредственно сказались и на англо-турецких отношениях. На одном из трех заказанных в Англии дредноутов («Султан Осман») работы близились к завершению, а другой — «Решад V» был практически готов к передаче в начале июля. Неожиданно для турок в Лондоне сначала решили задержать ходовые и артиллерийские испытания, а 28 июля Адмиралтейство реквизировало оба турецких дредноута. Передача этих линкоров в состав британских военно-морских сил была тем более обидна, что она произошла после того, как турки внесли за них последние денежные переводы и даже выслали в Англию команды для знакомства с кораблями. На заявление турецкого капитана, находившегося с матросами на транспорте, что он готов высадить свою команду на «Решаде V» и поднять на нем турецкий флаг, последовало распоряжение Адмиралтейства воспрепятствовать этой попытке, а в случае необходимости разрешалось использовать силу[26].

Уже 2 августа 1914 г. в Константинополе был подписан германо-турецкий союзный оборонительный договор. Документ предполагал нейтралитет Турции и Германии в австро-сербской войне (статья 1), но в случае вмешательства в конфликт России союзные обязательства Германии по отношению к Австро-Венгрии распространялись и на Турцию (статья 2). Со своей стороны, Берлин брал на себя обещание направить в Османскую империю военную миссию, а ее правительство должно было обеспечить ей возможность «действенного влияния» на руководство собственной армией (статья 3). Кроме того, Германия обязалась защищать османские владения, причем в случае необходимости и силой оружия (статья 4)[27]. Со стороны Турции его подписал великий визирь принц Саид Халим-паша. Кроме него о договоре знали всего два члена правительства — министр внутренних дел Талаат-паша и военный министр Энвер-паша[28]. К моменту подписания договора его вторая статья уже вступила в силу. Впрочем, это не помешало младотуркам и вести переговоры с Россией, и объявить нейтралитет. Все

эти меры были подчинены одной задаче — выиграть время для лучшей подготовки к войне[29]. В Берлине хорошо понимали это.

Правительство Турции вело весьма двусмысленную политику. 19 июля (2 августа) великий визирь «доверительно известил» русского посла в Турции М. Н. Гирса о попытках его австрийского коллеги склонить Константинополь к союзу и заверил в том, что Османская империя останется нейтральной. На следующий день те же заверения были даны и французскому послу[30]. М. Н. Гирс не склонен был доверять словам. «Из верного источника узнаю, — докладывал он С. Д. Сазонову, — что некоторые из членов комитета («Единение и Прогресс». — *А. О.*) хотят побудить правительство присоединиться к Тройственному союзу, но правительство будто бы ответило, что скорее удалится от власти, чем согласится вступить на путь политических авантюр. При всем том я убежден, что Турция не применет воспользоваться первым благоприятным случаем, могущим безнаказанно принести пользу ее интересам»[31]. 3 августа младотурецкое правительство объявило о нейтралитете своей страны, а на следующий день начало общую мобилизацию, мотивируя эту меру соображениями предосторожности. В турецкой столице росли тревожные настроения, слухи о неизбежности войны переполняли город[32].

Визирь немедленно заверил русского посла, что правительство собирает 200-тысячную армию во Фракии и что на русскую границу войска не будут направлены[33]. Это была ложь. Трем турецким дивизиям из состава 9-го и 11-го армейских корпусов было приказано занять позиции вдоль кавказской границы[34]. 6 августа Энвер-паша предложил русскому военному агенту генерал-майору М. Н. Леонтьеву заключить союз при условии возвращения Западной Фракии и Эгейских островов, при этом при его подписании брал на себя обязательство немедленно удалить из армии немецких офицеров и предоставить ее в распоряжение России. Гарантией преодоления оппозиции таким планам в правительстве Энвер-паша считал ту же армию, вернее, свое влияние в ней[35]. С. Д. Сазонов не доверял этим предложениям и не торопился с ответом. Кроме того, возможность примирения с турками за счет болгар и греков была явно умозрительной. Добиться территориальных уступок от Софии и Афин можно было только силой. Воевать с Болгарией ради предложений, которым никто не верил, — такие мысли в России не могли появиться вообще.

Тем временем подготовка Турции к войне продолжалась. В Босфор была переброшена часть кораблей минного флота, основные силы Турции, по донесениям русского военно-морского агента, группировались в районе Константинополя, Мраморного моря и во Фракии. 4 августа началось минирование верхнего Босфора, а еще через три дня на Проливах были погашены огни и сняты навигационные буи — проход как через Босфор, так и через Дарданеллы разрешался теперь только в сопровождении турецкого парохода[36]. Все эти меры официально объяснялись необходимостью защиты нейтралитета[37]. Правительство Турции еще не пришло в этот момент к

определенному решению и, несмотря на заключенный с Германией союз, хотело выиграть время для того, чтобы убедиться в неизбежности победы своих союзников. Прочной уверенности в ней в начале августа еще не было[38].

Командование британской эскадры в начале августа тоже колебалось — направить свои корабли в Адриатику или к Гибралтару, в зависимости от возможных маршрутов движения немцев. Только ночью 5 августа А. Милн получил разрешение действовать активно, а не ограничиваться поддержкой французов и недопущением атак на их военные транспорты. Э. Траубридж караулил немецкие корабли у входа в Отрантский пролив, перекрыв им путь в Адриатику. В возможность пребывания «Гебена» и «Бреслау» в Мессине англичане не верили, ведь Италия была нейтральной, и следовательно, ни один корабль воюющей страны не мог появляться в шестимильном прибрежном пространстве. Таким образом, Мессинский пролив должен был быть закрыт и для немцев, и для англичан. 7 августа французское Адмиралтейство заявило о завершении перевозки войск из Алжира и о готовности направить флот на соединение с британской Средиземноморской эскадрой[39]. На пути к Гибралтару возник мощный заслон.

Но немцы отнюдь не собирались отправлять свою Средиземноморскую дивизию на самоубийственный прорыв в Атлантику или в Адриатическое море, где она была бы обречена на бездействие. Германский морской министр гросс-адмирал А. фон Тирпиц считал необходимым перевести ее в Дарданеллы. По мнению В. Сушона, именно этот последний пункт был наиболее важен для Германии, так как присутствие германских кораблей должно было спровоцировать вступление в войну Оттоманской империи. 4 августа, после того как в срочном порядке была достигнута договоренность с Турцией по поводу этих двух крейсеров, В. Сушону был отдан приказ идти из Мессины в Константинополь[40]. 6 августа правительство Турции собралось на совещание по вопросу о дальнейших действиях. Разрешение на проход «Гебена» и «Бреслау» означало нарушение нейтралитета и опасность немедленного начала войны. Министры единогласно высказались за прием германской Средиземноморской эскадры, но обусловили это согласие новыми требованиями к Берлину, которые существенно изменяли условия союзного договора от 2 августа 1914 г.[41]

Германия должна была гарантировать территориальную неприкосновенность Оттоманской империи, во время заключения мира учесть турецкие интересы при распределении контрибуции, поддержать отмену режима капитуляций, учесть пожелания Турции при решении вопроса о территориальных приращениях: речь шла о Карсе и Батуме, островах Греческого архипелага (если Греция вступит в войну на стороне Антанты) и об изменении границ на Балканах в случае нового раздела полуострова. Поскольку младотурки требовали срочный ответ на поставленные вопросы, а корабли В. Сушона уже находились в пути, в тот же день Г. фон Вангенгейм, сообщив турецкие сведения в Берлин, дал согласие практически по всем пунктам. Германия соглашалась на гарантию территориальной неприкосновенности,

поддержку в вопросах отмены капитуляций, учете интересов союзника при выплате контрибуций, послевоенного устройства Балкан, включая и острова в Ионическом море (при условии вступления Греции в войну)[42].

Определенная расплывчатость формулировок была допущена лишь в пятом пункте ответа, касавшегося послевоенного устройства русско-турецкой границы: «Германия обязуется обеспечить Турции такое исправление ее восточной границы, которое даст ей возможность установить непосредственное соприкосновение с мусульманскими элементами в России»[43]. Таким образом, точное описание возможных территориальных изменений отсутствовало. Такое положение дел позволяло турецкой и германской сторонам трактовать пятый пункт по-разному. Турки считали, что получили санкцию на приобретение не только Карса, Батума и Ардагана, но и на гораздо большие трофеи в Закавказье, а в перспективе — и на Кавказе. При этом письмо немецкого посла не содержало указаний на необходимость дальнейшей ратификации, и в ходе войны так и не было подтверждено кайзером, а следовательно, не было обязательным для Германии. Тем не менее оно вполне удовлетворило младотурецкое правительство[44]. 6–10 августа 1914 г. немцам было не до формальностей. Их корабли уже спешили к Дарданеллам. Во второй половине дня 6 августа на «Гебен» была отправлена телеграмма из Берлина: «Его Величество убежден, что корабли пробьют себе дорогу с успехом»[45].

7 августа Э. Траубридж увидел «Гебен» и «Бреслау», идущие в направлении Эгейского моря, но, имея инструкцию действовать осторожно и избегать столкновения с превосходящими силами, не решился атаковать немецкий линейный крейсер с десятью 10-дюймовыми орудиями, имея на своих броненосных судах только орудия калибром 9,2 и 7,5 дюйма. В тот же день А. Милн вышел из Мальты на восток во главе эскадры из трех линейных и одного легкого крейсера. Он знал, что крейсеры противника идут в Эгейское море, но уже не мог их догнать. Впрочем, он не особенно торопился, потому что не верил, что В. Сушону дадут убежище в нейтральных турецких водах. Британская эскадра поначалу шла со скоростью в 12 узлов. 8 августа ее командующий получил из Адмиралтейства телеграмму о том, что Австро-Венгрия объявила войну Англии. Это была ошибка, в результате которой А. Милн остановился, не желая быть отрезанным от Мальты австрийцами или допустить разгром изолированных крейсеров Э. Траубриджа. Ему было приказано немедленно объединиться с командующим. Только на следующий день недоразумение прояснилось, но в результате было потеряно 24 часа[46].

А. Милн совершил непоправимую ошибку по поводу того, как поведут себя турки в отношении германских кораблей именно в тот момент, когда влияние Британии в Турции упало до критически низкого уровня. 7 августа последовала нота протеста турецкого правительства в связи с секвестром дредноутов. В Константинополе немедленно разгорелись антианглийские страсти. «Секвестр турецких дредноутов, — докладывал в Петербург 25 июля (7 августа) М. Н. Гирс, — вызвал здесь сильное негодование против Англии»[47].

Сбор средств для покупки дредноутов (7 млн фунтов) был проведен по общенародной подписке: в течение нескольких лет пожертвования собирались в каждом доме, организовывались специальные благотворительные базары, вклады вносили даже женщины и дети, а чиновники всех рангов обязаны были выделять часть жалованья на восстановление флота. Общественное мнение Турции было уязвлено[48].

Кроме «Решада» и «Османа» турки заказали в Англии еще один линкор — «Фатих», со сроком постройки в течение 22 месяцев. Если учесть, что «Султан Осман» должен был вступить в строй в июле 1914 г., «Решад» — в начале 1915 г., то с приходом «Фатиха» в 1916 г. турки могли иметь флот в составе трех дредноутов, двух легких крейсеров, 12 эсминцев, четырех подводных лодок, не считая старых судов[49]. Теперь с планами возрождения флота пришлось расстаться. Только приобретение немецких крейсеров могло каким-либо образом компенсировать эту потерю. Младотурецкое правительство колебалось вплоть до последнего момента. Некоторое время немецкие корабли стояли у Дарданелл, поскольку турки так и не могли окончательно решиться впустить их в Мраморное море. Еще 26 июля (8 августа) визирь убеждал М. Н. Гирса, что не пустит немцев в турецкие воды и не нарушит нейтралитета своей страны[50].

Но в 8 часов 30 минут утра 10 августа 1914 г. «Гебен» и «Бреслау», спасавшиеся от преследования, вошли в Дарданеллы. Как отмечает официальная история британского флота, «мы допустили в первые дни войны ошибку, серьезность которой вначале не была даже понята»[51]. Положение в восточном Средиземноморье действительно усложнилось. 11 августа с турецкой стороны последовало предложение временно разоружить «Гебен» и «Бреслау». Против него категорически восстал Г. фон Вангенгейм, и корабли были «проданы»[52]. В прессе была указана и сумма сделки — 80 млн марок[53].

С одной стороны, учитывая обострение турецко-греческих отношений (весной 1914 г. опасались даже начала конфликта между этими двумя странами) и усиление ВМС Греции за счет покупки кораблей типа «Дредноут» в США, а также отказ правительства Великобритании выполнить обязательства по продаже двух равноценных судов в связи с началом войны, это был вполне закономерный шаг Константинополя.

С другой, он принципиально менял баланс сил в восточном Средиземноморье. Мощность одного только «Гебена» позволяла ему успешно противостоять всему русскому Черноморскому флоту, ударной частью которого в это время служили пять линкоров додредноутного типа: «Евстафий» и «Иоанн Златоуст» (по четыре 12-дюймовых, два 8-дюймовых, шесть 6-дюймовых орудий, скорость — 16 узлов), «Пантелеймон» (бывший «Князь Потемкин-Таврический», четыре 12-дюймовых, восемь 6-дюймовых орудий, скорость — 16 узлов), «Ростислав» (четыре 10-дюймовых, четыре 6-дюймовых орудия, скорость — 15 узлов), «Три Святителя» (четыре 12-дюймовых, семь 6-дюймовых орудий, скорость — 16 узлов). Теперь турецкий флот имел в своем составе «Гебен» (десять новых 10-дюймовых, шесть 6-дюймовых ору-

дий, реальная скорость – 24 узла) и бывшие немецкие корабли типа «Бранденбург» – «Хайреддин Барбаросса» («Курфюрст Фридрих Вильгельм») и «Тургут Раис» («Вейсенбург»), каждый из них нес по шесть устаревших 11-дюймовых орудий, скорость этих кораблей составляла 17 узлов.

Русский флот на Черном море имел два крейсера – «Кагул» и «Очаков», на борту каждого из них было по восемь 6-дюймовых орудий, а скорость составляла 23 узла. Турецкий – три крейсера: «Бреслау» (шесть 4-дюймовых орудий, скорость – 27 узлов), «Гамидие» и «Меджидие» (по два 6-дюймовых, четыре 4-дюймовых орудия, скорость – 22 узла). Только в эсминцах превосходство было за русским флотом – 22 против 10, причем девять новейших против шести. Последнее объяснялось тем, что весной 1914 г. в строй начали вступать первые четыре черноморских «новика»[54].

Скорость русской броненосной эскадры не превышала 16 узлов, в то время как проектная скорость германского линейного крейсера составляла 28 узлов, что давало ему возможность свободно навязывать бой русским эскадренным броненосцам или уклоняться от него. Русские корабли, заложенные по программе и находившиеся в постройке, имели готовность: линкоры дредноутного типа «Императрица Мария» – 65%, «Император Александр III» – 53%, «Императрица Екатерина II» – 33%; легкие крейсеры «Адмирал Лазарев» – 14%, «Адмирал Нахимов» – 14%. «Императрицу Марию» спустили на воду в октябре 1913 г., а в строй ее планировалось ввести весной 1915 г., «Екатерину II» – в конце 1915 г. и «Александра III» – летом 1915 г.[55]

Это была расплата за задержки финансирования этих программ в предвоенный период. Как правильно отмечал М. А. Петров: «В то время как создание Балтийского флота было нормировано программами, охватывающими планомерное его усиление, черноморские судостроительные программы, преследуя цель поддержания нашего господства на Черном море, возникали спорадически, под угрозой потери такового в связи с усилением флота Турции. Уже по одному этому они проходили с опозданием, которое становилось еще значительнее ввиду необходимости оборудования судостроительной базы в Николаеве для создания современных кораблей»[56].

Приход немецких крейсеров в Константинополь имел и политические последствия. Период с 10 августа по 29 октября 1914 г. В. Сушон считал для себя наиболее тяжелым за всю войну, до последней минуты он не был уверен, удастся ли ему преодолеть колебания противников войны в турецком правительстве[57]. Это свидетельство тем более интересно, что турецко-германский союз был заключен до прихода германских судов в Мраморное море. Тем не менее единства в турецком правительстве не было, оно продолжало колебаться[58]. Покупка кораблей носила чисто формальный характер и фактически свелась к переодеванию германских экипажей в турецкую форму. Командовать ими продолжал немецкий адмирал, и поведение его было порой вызывающим. В. Сушон старательно демонстрировал тот очевидный факт, что продажа его маленькой эскадры фактически была фикцией.

Так, например, «Гебен» («Султан Явуз Селим») и «Бреслау» («Мидилли») подходили к резиденции М. Н. Гирса, выходившей на Мраморное море. Выстраивались экипажи кораблей, которые по команде снимали фески, заменяя их немецкими бескозырками, и судовые оркестры в течение часа-двух исполняли Die Wacht am Rein, Deutchland, Deutchland uber alles и прочее. Потом фески занимали место бескозырок[59]. Неудивительно, что страны Антанты протестовали против подобной покупки. Посол Франции сразу же отметил, что пребывание германской военной миссии в таком виде угрожает нейтралитету Турции. Французы предлагали совместное с Великобританией выступление за одновременный вывод из страны всех военных миссий. Положение становилось угрожающим. Германские корабли не подчинялись военно-морской миссии, во главе которой стоял британский контр-адмирал Артур Лимпус. И хотя по контрактам 1909 и 1912 гг. британский адмирал являлся командующим флотом со ставкой в Константинополе, было ясно, что эффективно сопротивляться германскому влиянию он не мог[60].

Посол Великобритании сэр Луи Маллет потребовал вывода германских экипажей и передачи кораблей в полное распоряжение военно-морской миссии[61]. Л. Маллет считался туркофилом и был поклонником младотурецкого правительства, он не ожидал проблем в турецко-британских отношениях. До 16 августа британский дипломат отсутствовал в турецкой столице в течение месяца и упустил возможность повлиять на ситуацию на начальном этапе кризиса[62]. 13 августа перед посольством Великобритании была организована многочисленная женская демонстрация протеста против секвестра турецких дредноутов, а еще через несколько дней в мечетях Константинополя состоялись торжественные молебны о ниспослании победы германо-австрийским армиям[63]. В Берлине беспокоились, и 14 августа В. Сушон получил приказ в случае невозможности сохранять свободу рук выйти в Черное море для действий против России[64]. Впрочем, вскоре оснований для беспокойства не осталось. Уже 16 августа германский адмирал передал требование усилить свои экипажи присылкой группы специалистов для формирования отряда для обороны Босфора и Дарданелл[65].

Турки не торопились с ответом на требования Л. Маллета и, со своей стороны, предлагали различные темы для переговоров, а тем временем через Румынию и Болгарию в столицу Турции прибывали германские военные и военно-морские специалисты. Их переезд через нейтральные страны был совершенно открытым, и его невозможно было не заметить. Правда, на территории Венгрии союзников встречали овациями, к поездам несли еду, сигареты и напитки, а в Румынии немцев встретили холодно, даже порой враждебно, тем не менее их переезду никто не препятствовал. Уже ранним утром 29 августа первая команда моряков из 60 человек после десятидневной поездки прибыла в Константинополь[66]. Всего для усиления военно-морской миссии прибыли два адмирала, 10 морских офицеров, комендоры, дальномерщики, сигнальщики, которые составили Особый отряд, работавший

над укреплениями Дарданелл. Командовавший им адмирал Г. фон Узедом в течение нескольких недель добился значительных результатов.

Для укомплектования команд турецких кораблей прибыли также 23 старших и 12 палубных офицеров, 425 старшин разных специальностей. Количество германских военнослужащих в Константинополе в середине сентября, включая солдат и матросов, достигло 4 тыс. человек. Влияние на флот британских специалистов (72 человека, из них 10 офицеров на командных должностях, 10 электротехников, 20 комендоров и прочие) было быстро сведено к нулю. В конце концов, им было предложено продолжить работу в стенах Морского министерства. 9 сентября миссия А. Лимпуса была отозвана из Турции[67]. 17 сентября султан подписал ираде о назначении В. Сушона командующим турецким флотом[68], а на следующий день лично провел смотр своим военно-морским силам у Принцевых островов[69].

В. Сушон немедленно приступил к действиям. Флотилию миноносцев возглавил старший офицер «Гебена» капитан 2 ранга Мадлунг. Двумя ее полуфлотилиями также командовали немцы. На каждый миноносец назначались германский офицер, три человека прислуги минных аппаратов, 10–15 матросов и кочегаров 1-й статьи[70]. Уже 20 сентября было заявлено о полной готовности турецкого флота к действиям[71]. МИД России пытался избежать возможных осложнений с Турцией. Еще 8 августа С. Д. Сазонов инструктировал М. Н. Гирса в случае прихода германских судов в турецкую столицу вместе с английским и французским послами добиваться разоружения этих крейсеров.

«Поднятие ими турецкого флага, — писал министр, — и вступление в состав турецкой эскадры сделает положение серьезным, ибо наша Черноморская эскадра, по словам морского ведомства, хотя и будет поставлена в более трудное положение, однако может принять бой с турецким флотом, хотя бы и усиленным обоими названными судами, если бы у турок явилось подобное искушение. Поэтому, стараясь добиться удаления или разоружения этих судов, не доводите дела до разрыва»[72]. С. Д. Сазонов советовал М. Н. Гирсу быть дружелюбным, но жестким в требованиях. «Имейте в виду, что действий Турции непосредственно против нас мы не опасаемся, — писал министр послу в Турции 10 августа. — Вместе с тем, сохраняя вполне дружественный характер объяснений с турками, постарайтесь им внушить, что в случае действий, не получивших нашей санкции, они рискуют всей Малой Азией, ибо нам они не в состоянии вредить, а в союзе с Англией и Францией мы можем подвергнуть риску все ее существование»[73]. Вряд ли подобного рода позиция могла разубедить турецкое правительство в правоте выбранного им курса на союз с Германией.

Впрочем, особых иллюзий в отношении ориентации Турции в России не испытывали. Одним из первых перейти к действиям предложил командующий русским Черноморским флотом адмирал А. А. Эбергард. Получив известие о том, что немецкие корабли вошли в Мраморное море, он отправил Николаю II телеграмму, испрашивая разрешение на вход в Босфор

с лучшими кораблями флота. А. А. Эбергард считал, что может сделать это на том же основании, что и В. Сушон. С точки зрения русского адмирала, такой шаг был бы лучшей гарантией нейтралитета Турции. Однако на следующий день турецкое правительство заявило о покупке «Гебена» и «Бреслау», и предложение А. А. Эбергарда не могло уже быть реализовано. Русским кораблям было запрещено выходить в море дальше западного меридиана Одессы[74]. С приходом «Гебена» и «Бреслау» Энвер-паша и его сторонники все меньше скрывали свои истинные намерения. Немецкие крейсеры были хорошо встречены, германские моряки сразу же начали вести себя в турецкой столице по-хозяйски[75].

Немецкое влияние в армии и в стране росло с каждым днем. 9 августа 1914 г., ссылаясь на донесение французского военного атташе в Константинополе, Р. Пуанкаре отметил: «Порта назначила командующим 1-й армией Лимана фон Сандерса, ставшего Лиманом-пашой; он приобрел огромное влияние на Энвера-пашу, а через него на Совет министров, часто приглашается на заседания последнего. В Ангоре и Смирне командование 4-м и 5-м корпусами отдано немецким полковникам. Немцы теперь в Турции на каждом шагу и распоряжаются как у себя дома. Опасения, которые Россия высказывала нам несколько месяцев назад по поводу миссии Лимана фон Сандерса, оказываются таким образом совершенно основательными. С этого времени все тщательно подготавливалось, и партия разыгрывается так, как это предвидели и желали обе центральные империи»[76]. В России продолжали с опасением смотреть за развитием ситуации, в начале августа присутствие германской миссии дало себя знать у самой границы страны — группа около 15 немецких офицеров появилась и в Эрзеруме[77].

Уже 2 (15) августа военный министр доложил Николаю II о том, что Турция готовится к войне, а министр иностранных дел высказал опасение по поводу возможности начала военных действий на кавказской границе. В результате было принято решение перебросить из Средней Азии на Кавказ 2-й Туркестанский корпус[78]. «Русский инвалид» в этот день писал: «Выход же «Гебена» в море под турецким флагом может явиться одним из важнейших событий ближайших дней, и во всяком случае пока еще невозможно учесть тот вред, который им может быть нанесен морским силам Тройственного согласия на южном театре»[79]. Командующий Черноморским флотом явно не желал выжидать, когда ответ на этот вопрос будет очевидным.

А. А. Эбергард, несмотря на отказ от его предложений, по-прежнему придерживался своей точки зрения, изложенной в плане от 15 (28) декабря 1913 г. 5 (18) августа 1914 г. он настаивал на разрешении атаковать германские корабли в случае их выхода в Черное море, пусть даже и под турецким флагом. Главной политической и стратегической целью России в данной войне, по его мнению, было овладение Проливами. Следовательно, необходимо было разгромить турецкие армию и флот. Последняя цель при отсутствии сил для десанта становилась первоочередной задачей для Черноморского флота. А. А. Эбергард торопился, в том числе и потому, что,

с его точки зрения, оставалась возможность прорыва в Константинополь и австро-венгерских дредноутов. 24 июля (6 августа), в день объявления австрийцами войны России, С. Д. Сазонов предложил русским послам во Франции и Англии выяснить, на какую помощь со стороны союзников можно было рассчитывать для недопущения этих кораблей в зону Проливов. С другой стороны, начав действия первыми, русские моряки, по его мнению, могли бы захватить инициативу и если не уничтожить флот противника, то закупорить в Босфоре выход в Черное море[80]. Командующий Черноморским флотом имел основания для беспокойства.

7 (20) августа русский военно-морской агент в Турции сообщал в Морской Генеральный штаб: «Вернулся из Константинополя — положение тревожное ввиду захвата всей власти немцами. Энвер — полный диктатор. Во главе правительственных учреждений поставлены немцы; почта и телеграф под немецкой цензурой; телеграммы на условные адреса не принимаются — требуется точный адрес и социальное положение отправителя. Фирман на проход судов визируется немецким офицером. Все пароходы с грузом задерживаются, несмотря на протесты, и грузы захватываются без расписок. Фактически капитуляции отменены. На иностранных пароходах, кроме русских, разобщают радиотелеграф... На «Гебене» и «Бреслау» объявлено назначение нескольких турецких офицеров — по-видимому, фиктивно: весь состав остается»[81]. В ответ на протесты английского, французского и русского послов визирь заверил их, что скоро это закончится, поскольку на «Гебене» и «Бреслау» уже началась замена экипажей[82].

Ставка первоначально отреагировала на соображения А. А. Эбергарда несколько невнятно: 10 (23) августа генерал Н. Н. Янушкевич известил его, что Верховный главнокомандующий согласен с тем, что десант на Босфор преждевременен. О возможности атаковать «Гебен» не было сказано ни слова[83]. 12 (25) августа последовал высочайший указ о переводе всех земель, входивших в Кавказское наместничество, на военное положение[84]. 14 (27) августа командующий Черноморским флотом вновь обратился к начальнику штаба Ставки: «Противные всем правилам нейтралитета условия, при которых «Гебен» и «Бреслау» подняли турецкий флаг, полагаю, дают основание считать их выход в Черное море враждебным против России выступлением, оправдывающим самые решительные против этих судов действия Черноморского флота. Ввиду допускаемого к 20 августа выхода этих судов из Босфора испрашиваю указаний». Интересна надпись, сделанная на телеграмме генерал-квартирмейстером Ставки Ю. Н. Даниловым: «...разрыва с Турцией нам, видимо, не избежать»[85]. Эти слова обращают на себя внимание, потому что их оставил человек, определявший в это время стратегию русского Верховного главнокомандования.

В турецком вопросе Ставка по-прежнему занимала непоследовательную позицию, тем временем обстановка на Проливах постоянно менялась, и эти изменения приобретали вполне отчетливый характер. Фактически только с прибытием двух германских судов мобилизация турецкой армии

началась по-настоящему. Корабли В. Сушона становились гарантией ее успеха. Младотурки понимали неизбежность войны и чрезвычайно опасались, что инициатива с началом военных действий будет перехвачена Антантой. В таком случае, по их мнению, мобилизация могла быть сразу же сорвана[86]. Р. Пуанкаре так отреагировал на эти события: «Германия пускает в ход все ресурсы своего империалистического гения, чтобы обеспечить себе помощь за границей. Наш посол в Константинополе Морис Бомпар телеграфирует из Терапии, что Турция уже приняла решение о всеобщей мобилизации. Она делает вид, что опасается операций Болгарии под Адрианополем и России у Проливов»[87]. Действительно, с самого начала войны немцы понимали значение Турции.

11 августа 1914 г. О. Лиман фон Сандерс послал запрос Вильгельму II, не желает ли он отозвать в действующую армию офицеров его миссии, но вскоре он получил приказ оставаться на месте и уверения в том, что кайзер рассматривает службу в Константинополе как пребывание на «поле боя с германской армией». За 1914 г. немецкая военная миссия выросла с 42 до 70 офицеров, а за всю войну — до 800 человек, включая военных врачей и технический персонал[88]. На слова своего императора и сослался О. Лиман, когда Энвер-паша заявил, что готов отпустить немецких офицеров в Германию. «Не подлежит сомнению, — докладывал об этом М. Н. Гирс, — что распоряжение Берлина было сделано с расчетом использовать тем или иным путем Турцию и вызвать недоразумения между нею и нами»[89]. Кайзер имел все основания для сказанных им слов, а русский посол — для своих опасений.

Во время Балканских войн турецкие вооруженные силы показали себя далеко не самым лучшим образом. В 1912–1913 гг. турки потеряли около 250 тыс. человек — 14 из 49 имевшихся у них дивизий. Восстановлением боеспособности армии активно и успешно занималась миссия О. Лимана, численность которой вместе с инструкторами унтер-офицерами составила приблизительно 900 человек[90]. В кратчайшие сроки О. Лиман провел масштабную чистку турецкого офицерского корпуса[91]. Место уволенных офицеров и генералов занимали проявившие себя на поле боя командиры, к которым старались придавать по немецкому начальнику штаба или сотруднику (позже, уже в ходе войны, командировались и австрийские офицеры, всего же общее число австро-германских инструкторов в 1914–1918 гг. составило 6 тыс. человек)[92].

Немецкие консультанты внедрялись по всей административно-командной пирамиде армии, начиная с самого верха. С января 1914 г. Энвер-паша возглавил и Военное министерство, и Генеральный штаб турецкой армии. Весной 1914 г. О. Лиман, и без того обладавший колоссальным влиянием, перевел полковника Фридриха Бронсарта фон Шеллендорфа из германского атташата на должность первого помощника начальника Генерального штаба турецкой армии[93]. В это же время была налажена радиосвязь миссии О. Лимана с Большим Генеральным штабом, для чего использовались мощная радиостанция торгового парохода «Корковадо», успевшего бежать

перед началом войны из Батума и прибывшего в Константинополь. Оперативность связи обеспечивалась тем, что транспорт стал на якорь напротив германского посольства в Терапии[94]. Успехи работы немецких военных были действительно велики. С другой стороны, младотурки также старались сделать выводы из допущенных ими ошибок и проигранных войн. По временному закону о воинской обязанности от 12 мая 1914 г. военнообязанными считались все подданные Османской империи в возрасте от 20 до 45 лет, но до февраля 1915 г. его действие не распространялось на немусульман, которые платили особый налог[95].

«Турецкий пехотинец, — отмечал воевавший с турками в Месопотамии британский генерал, — является сейчас лучшим бойцом, чем он был во время Русско-турецкой войны 1877–1978 гг., когда его, как правило, плохо вели в бой ненадежные офицеры, игнорировавшие малейшие обязанности ротных и батальонных командиров. Офицеры сейчас лучше образованы, и все они окончили военные школы, в то время как командный состав 1877 г. был вычищен. Немаловажно и то, что значительный процент германских офицеров служил в Месопотамии (и не только там. — *А. О.*), поддерживая турецкого офицера на должном уровне. Война с Болгарией, во время которой пехота вела себя так плохо, привела Европу к неверному выводу о боевой силе турка. Каждый человек в Турции, каждый турецкий офицер сразу же скажет вам, что причина поражения в войне с болгарами лежит в тупом игнорировании религиозного элемента партией младотурок, в которую принуждены были вступать турецкие генералы, и в том, что без религиозного «вдохновения» анатолийский солдат, этот цвет турецкой армии, не будет сражаться»[96].

Этот солдат был неприхотлив, вынослив, безынициативен и жесток. Обзор «Русского инвалида» характеризовал его следующим образом: «По натуре — незлобивые, добродушные, скотоподобные твари, лишенные элементарнейших правил человеческой культуры»[97]. Религиозной составляющей турецкой армии на этот раз было уделено достаточно внимания, хорошо поработали и германские инструкторы. Но велика была и технологическая, и интеллектуальная зависимость от оригинала турецких военных реформ. После их проведения турецкая армия, по-прежнему состоявшая из постоянной (низам), резервной (ихтият), территориальной (мустафиз) и иррегулярной кавалерии, имела по боевому расписанию 1151 батальон, 399 эскадронов и 1602 орудия, из которых низам — 337 батальонов и 211 эскадронов.

Система организованного резерва 1-го и 2-го класса (редиф), введенная в 1886 г., была отменена в 1913 г. По оценкам турецкого Генерального штаба, общая мобилизационная возможность османской армии равнялась 2 млн человек, половина из которых могла быть немедленно призвана под знамена. Это позволило бы сформировать полевую армию в 460 тыс. рядовых, 14 500 офицеров и 160 тыс. животных, не считая приблизительно 42 тыс. жандармов и пограничников, которые при мобилизации переходили в

распоряжение Военного министерства[98]. Боеспособность низама и иррегулярных частей была низкой. При их обучении в ходе мобилизации турки старались максимально использовать выпускников из унтер-офицерских школ в Константинополе и Дамаске, где преподавали германские инструкторы[99].

Наиболее сильные части традиционно собирались в европейской части Турции, следовательно, под командованием Лимана-паши. Состояние турецкого флота к моменту прибытия «Гебена» и «Бреслау» было также плачевным: с 1877 г. он не появлялся в Черном море, за исключением 1912 г., когда турецкая эскадра обстреливала Варну и позиции болгар у Чаталджи. От Варны турецкие корабли были отогнаны болгарскими миноносцами, весьма неудачной для турок была и попытка выйти за Дарданеллы и встретиться в бою с греческим флотом, который заставил их корабли скрыться за укреплениями Проливов. В строю находились только линейный корабль «Мессудие» и восемь миноносцев. Остальные суда стояли на ремонте по причине полной или частичной небоеспособности. Орудия главного калибра с «Мессудие» были сняты[100]. Занявший пост военно-морского министра в феврале 1914 г. Джемаль-паша обнаружил во флоте страшный застой и беспорядок: корабли не ремонтировались, экипажи невозможно было собрать даже для смотра на берегу. Командующий флотом отменил его под предлогом «сырой погоды»[101]. Неудивительно, что на все турецкие корабли были назначены германские офицеры и матросы.

Численность немецкой миссии на Босфоре значительно выросла, на ее содержание требовались все большие средства. Через территорию Румынии и Болгарии была привезена и значительная сумма в золоте — 5 млн марок, причиной посылки которой, кстати, был отказ турецких коммерсантов принимать германские ассигнации от адмирала В. Сушона[102]. Переброска военных специалистов и крупной партии золота не прошла незамеченной, русские военные и военно-морские агенты в Бухаресте и Софии своевременно известили об этом Ставку[103]. Интересно, что немцы должны были расплачиваться золотом даже тогда, когда они формально находились уже на турецкой службе. Деньги были размещены в константинопольском филиале «Дойче Банка» под охраной германской морской пехоты.

Готовность турок выступить на стороне центральных держав вовсе не была еще очевидной, 10 сентября гросс-адмирал А. фон Тирпиц записал в своем дневнике: «В Турции дело не продвигается вперед. Часть вины падает на тех, кто пугает турок по поводу Дарданелл, что мне совершенно непонятно. На Балканах ожидают крупного поражения австрийцев. Если это случится, мы можем оставить всякие надежды на этот уголок Европы и на ислам»[104]. Вскоре эти опасения развеялись. «В Константинополе были те, кто симпатизировал сближению с Антантой, но доминировало подозрение, — отмечал австрийский министр иностранных дел. — Все державы Антанты алчно смотрели на турецкую территорию, и Турция знала, чего будет стоить гарантия территориальной целостности, если она будет «спасена» Антантой. У нее уже был такого рода опыт в близком и далеком прошлом»[105].

Младотурки готовились к войне. 6 (19) августа был реализован австрийский план, предложенный Францем-Иосифом Вильгельму II еще в начале июля 1914 г. — в этот день был подписан болгаро-турецкий договор о дружбе и союзе. София и Константинополь обязались уважать территориальную целостность друг друга (статья 1), в случае войны с одной или двумя балканскими державами оказывать военную помощь (статья 2), причем болгарское участие в наступательных действиях ставилось в зависимость от достижения соглашения с Румынией относительно ее нейтралитета (статья 5), а София могла самостоятельно выбрать момент для начала мобилизации (статья 6). Соглашение действовало до завершения европейской войны и демобилизации армий ее участников (статья 7)[106].

Теперь младотурецкое правительство могло быть спокойно относительно своей европейской границы. Оно немедленно попыталось максимально использовать мирное еще состояние своей страны. 6 (19) августа министр финансов Турции Джавид-бей предложил М. Н. Гирсу вступить в переговоры, целью которых была бы отмена капитуляций. На следующий день такое же предложение было сделано французскому и английскому послам. Ни Россия, ни Англия, ни Франция не проявили интереса к этим планам, заявив о готовности гарантировать территориальную целостность Турции и максимум о возможности обсудить «переходные меры», то есть продлить действие капитуляций под другим названием[107].

22 августа 1914 г. Эдуард Грей инструктировал Луи Маллета, что в случае поддержки со стороны русского и французского представителей он мог пойти на значительные уступки: письменную гарантию трех союзных держав о соблюдении независимости и целостности Турции в ходе войны и по ее завершении, соблюдение ее экономических интересов (за счет германских концессий и турецкой части железной дороги Берлин — Багдад — Басра). Кроме того, предполагалась возможность отказа от режима капитуляций. В качестве ответной меры предлагалось немедленное списание с «Гебена» и «Бреслау» всех немецких офицеров и матросов, обеспечение бесперебойного движения торгового мореходства через Проливы и гарантий сохранения нейтралитета в войне[108]. 29 августа послы России, Франции и Великобритании встретились с великим визирем и вместе повторили эти условия. 3 сентября младотурецкое руководство провело секретное совещание в доме у Саида Халима-паши, в ходе которого было принято решение о подготовке вступления в войну на стороне Германии[109]. Настрой младотурецкого правительства становился все более очевидным.

Направление, откуда исходила наибольшая опасность первого удара, также не вызывало сомнений — это было море. Очевидным был и метод предупреждения этой опасности. 21 августа (3 сентября) 1914 г. генерал М. Н. Леонтьев телеграфировал в Петроград: «Единственный способ помешать внезапному выходу турецкого флота в Черное море — объявить блокаду и поставить минное заграждение»[110]. Из Турции и пограничных с ней областей приходили все более тревожные новости. «По словам приез-

жающих, — сообщал «Правительственный вестник», — в Эрзеруме и Зивине сосредоточены крупные отряды войск, кормящихся за счет местного населения. На границе турецкими властями чинятся проезжающим на Кавказ невероятные препятствия»[111]. Сезонные турецкие рабочие стали массами покидать Батумскую область, несмотря на то что местные власти специально обратились с заявлением о желании России сохранить с Турцией мирные отношения[112].

Уже 23 августа (5 сентября) русский МИД официально предупредил всех подданных России за границей при возвращении домой избегать пути через Константинополь по причине его небезопасности[113]. 8 сентября вышел султанский ираде об отмене режима капитуляций. Ликвидации подлежали все судебные, налоговые, административные и прочие привилегии иностранцев[114]. 9 сентября Турция разослала в столицы великих держав ноту, в которой говорилось об односторонней отмене режима капитуляций с 1 октября 1914 г. Протесты остались без внимания[115], при этом следует отметить, что в них приняли участие Германия и Австро-Венгрия[116].

Позиция, занятая Берлином, оказала безусловное влияние на появление указа от 8 сентября. Кайзер рассчитывал на вхождение Турции в войну и ради этого готов был поступиться в вопросе о капитуляциях. Германская дипломатия давала понять туркам, что больше всего она заинтересована в сохранении единства Оттоманской империи и свободе «промышленной деятельности»[117]. Любое решение об отмене капитуляций не было вопросом, относящимся исключительно к внутренней политике Османской империи, и поэтому оно все равно не могло стать законным без согласия великих держав. Немцы предпочитали оттянуть вопрос о капитуляциях до окончания войны, их отмена должна была стать наградой за союзнические усилия Турции, и внезапное решение младотурок вызвало в Германии раздражение[118].

Для Берлина данный вопрос носил исключительно тактический характер. Он действительно был заинтересован в «промышленной деятельности» больше других европейских держав — капитуляции были выгоднее пришедшим ранее других на рынок Оттоманской империи конкурентам. Между тем с конца 1880-х гг. Германия и Австро-Венгрия быстро наращивали свое экономическое присутствие в Турции. С 1887 по 1910 г. доля Берлина в местном импорте возросла с 6 до 21%, Вены — с 13 до 21%. По уровню капиталовложений в османскую промышленность немцы вышли на первое место — 45,4%, в то время как доля Франции составляла 25,9% и Великобритании — 16,9%. Но Франция и Великобритания безраздельно господствовали в другой области[119]. Основным внешним кредитором Турции перед войной неизменно оставалась Франция — ей принадлежало около 2,5 млрд франков (60,3%) османского долга, за ней следовали Германия — 850 млн франков (21,3%), Англия — 600 млн франков (14,2%) и Италия — 120 млн франков (3%)[120].

Вступая в войну с кредиторами государства, младотурки рассчитывали на своего основного экономического партнера. Уже 9 сентября 1914 г.

кайзер выпустил прокламацию, направленную к мусульманам — подданным враждебных Германии государств. В ней объяснялось, что они не рассматриваются немцами в качестве врагов и в случае сдачи в плен будут отпущены к халифу, то есть султану Турции[121]. Поддержка Берлина, конечно, не ограничивалась такими жестами и не осталась без благодарности. Пятничная молитва закончилась пожеланиями благополучия падишаху и «хаджи Вильгельму»![122] Следует отметить, что в Османской империи за использование этого титула христианином полагалась смерть. Кайзер, конечно, не совершал хадж в Мекку, но летом и осенью 1914 г. это было не важно. В Турции распространялись памфлеты, в которых утверждалось, что немцы не являются христианами, как англичане и французы, тем более русские, а потомками пророка Мухаммеда. Европейцев и немусульман, проживавших в это время в пределах Османской империи, отмена капитуляций сразу же сделала объектами нападок[123]. Местное население как бы сводило счеты с теми, кто пользовался правами экстерриториальности и неподсудности турецким властям.

Активизация действий Германии и Австро-Венгрии в Турции привела к усилению внимания обоих противостоящих блоков к Греции. С самого начала войны Вильгельм II обратился к королю Константину с призывом поддержать борьбу с «сербскими убийцами», который был мягко отклонен. Король сослался на явную невозможность проведения враждебной Антанте мобилизации в связи с явным господством ее флота в Средиземном море[124]. 31 июля 1914 г. последовало официальное заявление правительства королевства о нейтралитете в текущей войне[125]. Это отнюдь не означало отказа Афин от возможного участия в войне. Сразу же после прибытия «Гебена» и «Бреслау» премьер-министр Греции Э. Венизелос известил английское правительство о том, что его страна готова предоставить свою армию (около 250 тыс. человек), флот и базы для атаки Константинополя.

Греческий Генеральный штаб, в отличие от британского, имел свой план действий. Он предполагал осуществление десанта на Булаирский перешеек. Поддержать эту идею сразу же в Лондоне не смогли, там еще живы были надежды на нейтралитет Турции. 1 сентября 1914 г. по инициативе У. Черчилля было созвано совещание представителей Генерального штаба и Адмиралтейства. Директор отдела военных операции и разведки Военного министерства генерал-майор Ч. Колвелл предупредил, что овладение Константинополем — чрезвычайно сложная операция, которая потребует не меньше 60 тыс. солдат и офицеров и из них не менее 30 тыс. должны составить первый эшелон. 4 сентября главе английской военно-морской миссии в греческом флоте контр-адмиралу М. Керру предложили войти в связь с представителями греческой армии и флота для более детального обсуждения предложений Э. Венизелоса.

С гораздо большим энтузиазмом восприняли предложения Афин в Париже: уже 23 сентября министр иностранных дел Франции Т. Делькассе известил Э. Венизелоса о готовности послать в его страну войска, но позже

оказалось, что это было политическое решение, и военные не склонны его поддерживать. Не удивительно, что после этого греки сразу же начали колебаться — явление, которое потом стало обычным для поведения дипломатии Балканских стран. 9 сентября М. Керр ответил, что условием своего выступления Греция считает гарантию нейтралитета Болгарии. Греки были готовы обеспечить операцию своим транспортным флотом, но хотели получить от англичан два линейных, один броненосный, три легких крейсера и флотилию миноносцев. Все это, впрочем, не имело практического значения, так как уже 6 сентября Э. Венизелос заявил, что не верит уверениям болгар о нейтралитете[126]. Греция начала мобилизацию и сосредоточение части своей армии на границах с Болгарией. В течение шести месяцев там были собраны около 120 тыс. человек, ставших надежным прикрытием для греческого участка железной дороги Ниш — Салоники[127]. В болгарский нейтралитет не очень-то верили и другие. На Балканах в августе — октябре 1914 г. установилось шаткое и весьма опасное равновесие.

Русский МИД в этой ситуации исходил из нежелательности русской инициативы в ухудшении русско-турецких отношений. 16 (29) августа 1914 г. С. Д. Сазонов ответил на неоднократные телеграммы А. А. Эбергарда: «Продолжаю придерживаться мнения, что нам важно сохранять мирные отношения с Турцией, пока не определится перевес русско-французских войск над австро-германскими. Считаю поэтому нежелательным какое-либо вызывающее действие против турок, могущих усилить влияние тех турецких деятелей, которые стоят за войну. Сам по себе выход «Гебена» в Черное море не означает разрыва, и меры против него теперь допустимы только в случае полной уверенности в успехе. С общей политической точки зрения, разделяемой Францией и Англией, весьма важно, чтобы война с Турцией, если она оказалась неизбежной, была вызвана самой Турцией»[128]. Ставка между тем колебалась. Это было в стиле великого князя Николая Николаевича (младшего): 17 (30) августа он предлагал командующему Черноморским флотом руководствоваться полученной телеграммой министра иностранных дел от 16 (29) августа, а 19 августа (1 сентября) уже позволял ему атаковать «Гебен» в случае выхода этого корабля в Черное море[129].

28 августа (10 сентября) 1914 г. в Министерстве иностранных дел России состоялось совещание под председательством С. Д. Сазонова. В нем приняли участие начальник Морского Генерального штаба адмирал А. И. Русин и ряд его подчиненных. На следующий день он известил А. А. Эбергарда о его результатах. Они были странными и нисколько не походили на точные инструкции. А. И. Русин, по собственным словам, вводил командующего Черноморским флотом в курс дела, «отнюдь не лишая Ваше Высокопревосходительство предоставленной Вам свободы действий». Дипломаты выступали против активных действий, моряки — за. В результате флоту запрещали активные действия в районе Босфора и с оговорками разрешали в районе Крыма. Это настолько поразило адмирала А. А. Эбергарда, что он подчеркнул процитированные выше слова в тексте телеграммы[130].

7 (20) сентября С. Д. Сазонов, находившийся в Ставке, опять известил Севастополь о неизменности своих позиций: «Продолжаю с политической точки зрения считать нежелательным принятие инициативы разрыва с Турцией, вследствие высказываемых, однако, нашим морским ведомством соображений о желательности предоставить адмиралу Эбергарду свободу принять меры по усмотрению в случае появления «Гебена» в Черном море не встречаю к тому препятствий. Желательно, однако, избежать предварительного минирования устья Босфора, тем более что операция эта, по-видимому, не может остаться тайной»[131]. Ставка не прибавила к этому тексту ни одного слова. 8 (21) сентября русский морской агент в Турции сообщил в Петроград о том, что турецкие германские морские офицеры закупают подробные карты русских черноморских портов. По его мнению, потенциальный противник вел подготовку к нападению на Одессу, Новороссийск и Феодосию. 12 (25) сентября он же сообщил, что из Германии в Константинополь прибыли морские мины[132].

В Барановичах и Севастополе с середины августа 1914 г. получали одно за другим сообщения о военной контрабанде через территорию Румынии и Болгарии, о том, что турки активно укрепляют Чаталджинские позиции и Босфор, а мобилизованные части перебрасываются в Трапезунд. 1 (14) сентября М. Н. Гирс сообщил о возможности турецко-германского десанта силами до 40 тыс. человек. По мнению А. И. Русина, изложенному в телеграмме в Ставку от 9 (22) сентября, он мог состояться в районе Одессы. Турецкий транспортный флот был разделен на девять отрядов и подчинен германскому офицеру, выход кораблей ожидался в середине сентября, с окончанием работ на германо-турецких кораблях. При погрузке на транспорты турецкие офицеры сообщали своим солдатам о том, что они отправятся в Одессу[133].

Проект высадки 3–4 корпусов в районе Одессы действительно обсуждался германо-турецким командованием, однако было ясно, что выполнить его не удастся, поскольку у турок не было возможностей для того, чтобы организовать и обеспечить перевозки 75–100 тыс. человек по морю[134]. В сентябре 1914 г. оперативная часть штаба Черноморского флота составила сводку по морским транспортным средствам Турции. Согласно их подсчетам, у турок было 35 транспортов общей грузоподъемностью 36 415 тонн, восемь военных транспортов, уступленных Национальным Оттоманским обществом, грузоподъемностью 20 286 тонн, и пять транспортов морского ведомства, общий тоннаж которых равнялся 12 981 тонне. Кроме того, в Константинополе оказались 12 германских и один австро-венгерский пароход общей грузоподъемностью в 31 732 тонны. Это позволяло туркам перебросить 40 тыс. человек с использованием собственных пароходов, и еще 20 тыс. в случае, если будут задействованы пароходы союзников. Так как десант не мог состоять только из одного рода оружия, то численность войск должна была быть значительно меньше[135].

По данным турецкой статистики на 1912 г., общий тоннаж торгового флота этой страны равнялся 110 тыс. тонн, при этом только шесть транспор-

тов, принадлежавших государству, имело тоннаж свыше 3 тыс. тонн. Ни одна частная компания не имела судна грузоподъемностью свыше 1 тыс. тонн. Турецкие транспорты были рассредоточены, Османская империя имела 12 тыс. км сухопутных и 8 тыс. км морских границ и в основном зависела от морского транспорта[136]. Собрать их в одной точке в период мобилизации было довольно сложно, да и общий тоннаж был недостаточно велик. Тем не менее они представляли определенную силу, с которой нельзя было не считаться, тем более с учетом того, что она все в большей степени попадала под контроль немцев.

Нельзя было не учитывать и тот факт, что русское побережье от Днестровского лимана до Очаковской крепости прикрывали лишь две ополченские бригады, одна из которых была расквартирована в Одессе, а другая — в Очакове[137]. Совершенно очевидно, что прочно гарантировать безопасность главного коммерческого порта и главной судостроительной базы России на ее юге — Николаева мог только флот. В 1914 г. наблюдение над берегом было поставлено далеко не самым лучшим образом. С началом войны турки смогли высадить в Аккерманском уезде Одесской губернии лишь один кавалерийский разъезд, перевезенный на пароходе «Зафер» под прикрытием «Бреслау». Перед конниками была поставлена задача сбора разведывательной информации, и через неделю их должны были забрать назад, однако выполнить этот план не удалось. Турки были арестованы местными урядниками при активной помощи крестьян[138].

Враждебность Турции и ее готовность выступить на стороне Германии были очевидны и уже открыто обсуждались в русской прессе[139]. Между тем воля А. А. Эбергарда и его стремление действовать были явно парализованы противоречивыми указаниями. 8 (21) сентября командующий Черноморским флотом телеграфировал о состоявшемся выходе «Гебена» в Черное море, завершая сообщение следующими словами: «Первый военных действий не начну, теперь Босфора не заминирую»[140]. На самом деле в этот день в море вышел «Бреслау» в сопровождении минного крейсера и двух миноносцев — «Гебен» впервые показал свой флаг здесь только 20 сентября (3 октября). Впрочем, ошибка штаба флота не имела решающего значения. Каждый раз когда немецкие корабли под турецким флагом выходили из Босфора, перед их командирами ставилась задача спровоцировать конфликт между Турцией и Россией[141]. Со своей стороны, турки опасались того, что верхний Босфор будет минирован, и с 9 (22) сентября приступили к его тралению[142]. Опасность нападения постоянно росла, а воля А. А. Эбергарда и его стремление действовать были явно парализованы противоречивыми указаниями.

Тем не менее 8 (21) сентября, получив разрешение главковерха на выход в море, А. А. Эбергард вывел флот в поиск и вечером следующего дня приблизился к Зунгулдаку. Так как обнаружить потенциального противника не удалось, русская эскадра, пробыв в море двое суток, вернулась в Севастополь. 12 (25) сентября последовало распоряжение командующего о выключении

маяков и навигационных светящихся знаков, и ввиду опасности нападения населению прибрежных пунктов в Одессе и Севастополе было запрещено освещать окна домов. 24–27 сентября (7–10 октября) русская эскадра в полном составе показала флаг у берегов Румынии, но уже 30 сентября (13 октября) разрешение на активные действия в море было отменено Ставкой[143]. После действия «по усмотрению» были запрещены, и флот не удалялся далее 60 миль от Севастополя[144]. 7 (20) октября две бригады линейных кораблей и 2-й дивизион эсминцев удачно провели учебные стрельбы в районе мыса Фиолент[145].

Переговоры между Севастополем, Петроградом и Барановичами проходили на фоне постоянного ухудшения положения на Проливах. Усиление влияния Германии в Константинополе, концентрация турецких регулярных войск в Сирии и на русской границе — все это было очевидным свидетельством того, как отметила 3 (15) сентября одна из петроградских газет, что «ручаться за будущее едва ли возможно»[146]. Этот прогноз начал быстро подтверждаться. Только три казенных оружейных завода (Ижевский, Тульский и Сестрорецкий) заказали в 1914 г. 2500 станков. На станки делали заказы и пороховые заводы, и заводы, работавшие для нужд флота. Самая короткая дорога для поставок проходила через Черное море. Британские суда, следовавшие в Россию или из России, задерживались и обыскивались. Особенно неприятной и болезненной для России была задержка британского транспорта со станками для строившегося в Царицыне завода для производства 16-дюймовых орудий. Сразу же программа вооружения линейных крейсеров для Балтийского флота была сорвана[147].

Обстановка на Проливах резко обострилась. Вскоре дело дошло до неприятного инцидента в гавани Чанак, за который османское правительство вынуждено было принести извинения. 20 сентября командующий британской Средиземноморской эскадрой получил приказ об уничтожении «Гебена» и «Бреслау», под каким бы флагом они не вышли в Средиземное море. При этом обстрел собственно турецких кораблей запрещался. Наиболее признанный знаток местных вод в британском флоте адмирал А. Лимпус не был даже назначен командующим эскадрой исключительно для того, чтобы не обидеть Турцию. 26 сентября 1914 г. у входа в Дарданеллы британская эскадра задержала турецкий эсминец[148], а на следующий день Турция закрыла Дарданеллы для прохода судов под любым флагом[149]: пролив был минирован, заградительные сети спущены, маяки погашены, поднят сигнал «путь закрыт». Еще через день было объявлено о закрытии судоходства на Проливах[150].

У входа в Босфор образовалось скопление транспортных и пассажирских судов всех черноморских государств. Больнее всего эта мера ударила по России. «Не потратив ни единой человеческой жизни, — вспоминал американский посол в Турции, — не сделав ни единого выстрела ни из одного орудия, даже вблизи (Проливов. — *А. О.*), Германия приобрела то, что, пожалуй, не смогли бы приобрести три миллиона человек, противостоящих

хорошо оснащенной русской силе. Это был один из самых драматических военных успехов, и все это было результатом работы германской пропаганды, германского проникновения и германской дипломатии»[151]. Протесты французского, английского и русского послов, немедленно последовавшие вслед за закрытием Проливов, были проигнорированы[152].

Вскоре в Турции были закрыты иностранные почтовые конторы (в основном англо-французские), турецкие подданные с конца сентября начали в спешном порядке покидать территорию России[153]. В начале октября 1914 г. военно-морской министр Турции Джемаль-паша предложил британскому послу обсудить возможность вывода английских войск из Египта по окончании войны. Л. Маллет отказался продолжать разговор, что возмутило турецкого министра[154]. 20 сентября (3 октября) русское посольство в Константинополе известило Петроград о том, что 18 сентября (1 октября) у русско-турецкой границы начались большие маневры и вооружение мусульманского населения «для предстоящей резни армян»[155].

Появление немецкой миссии в Эрзеруме в августе 1914 г. немедленно дало о себе знать. В сентябре заметно участились набеги турецких курдов на территорию Персии в районе Урмии. Целью этих налетов к концу месяца стали уже не только деревни с невооруженным христианским (преимущественно айсорским) населением, но и русские посты, а также разъезды персидских казаков. После набега обычно следовала реакция русских войск, и курды уходили на территорию Турции. Среди персидских курдов стала распространяться информация о присоединении к Турции Иранского Курдистана и Азербайджана в ближайшем будущем[156]. Планы были весьма обширными: в Турции перед войной проживали 2,2 млн, в Персии — 1,1 млн, в России — 0,2 млн курдов. Их общность являлась весьма условной, этот народ был разделен на враждующие друг с другом племена, значительная его часть сохраняла язычество — к туркам хорошо относились лишь курды-сунниты, однако они и были большинством, во всяком случае среди турецких курдов[157].

Активизация набегов этих подданных султана совершенно ясно указывало на еще одно направление будущей активности турок — Персию[158]. В Константинополе готовились использовать разрыв на персидско-турецкой границе в районе города Хотур. Смешанная русско-британско-турецко-персидская комиссия, которая начала работу после подписания 4 (17) ноября 1913 г. в Константинополе Заключительного протокола о турецко-персидском разграничении, еще не успела завершить демаркацию границы на этом спорном участке[159]. У русского генералитета не было сомнений в том, что турки, имея подобное «окно» на границе, захотят вернуться в Северную Персию, где они уже пытались закрепиться в 1905, 1908, в 1910–1911 гг. и откуда им пришлось уйти в 1912 г.

Еще до формального объявления войны Турции, в ночь на 18 (31) октября 1914 г., В. А. Сухомлинов, извещая генерала Н. Н. Янушкевича о том, что это произойдет в ближайшем будущем, инструктировал его: «Персия не

способна оказывать сопротивление Турции, и Россия не должна стесняться соображениями нейтралитета, не объявляя войны Персии»[160]. В Министерстве иностранных дел существовало другое мнение по этому вопросу. 20 октября (2 ноября) 1914 г. английское посольство в России, ссылаясь на позицию Эдуарда Грея, представило С. Д. Сазонову памятную записку. Англичане просили проявить в Персии максимально «примирительную позицию», опасаясь осложнений в Египте, Афганистане и Индии. С. Д. Сазонов поддержал эту просьбу в своем обращении в Ставку и в наместничество на Кавказе[161]. «Примирительная позиция» настолько осложнила положение в Персии, что ее последствия были с трудом преодолены лишь весной 1915 г.

Между тем уже 9 октября военный в агент в Турции генерал-майор М. Н. Леонтьев доложил в Петроград о том, что мобилизацию турецкой армии можно считать законченной[162]. 7 (20) октября М. Н. Гирс известил С. Д. Сазонова о возможном скором выступлении Турции на стороне германо-австрийского альянса в связи с прибытием в Константинополь очередной партии германского золота[163]. В тот же день С. Д. Сазонов информировал А. А. Эбергарда о возможности вступления Турции в войну в ближайшее время[164]. Действия МИДа были легко объяснимы. Примерно в это же время турецкое правительство пыталось имитировать свою готовность к проведению переговоров с Россией, а на самом деле уже велась подготовка к наступлению на турецко-египетской, турецко-русской и турецко-персидской границах.

Командование Черноморского флота получало сбивчивые указания, смысл которых сводился к тому, что действия против «Гебена» и «Бреслау» можно было начинать лишь с полной уверенностью в успехе, кроме того, инициатива начала военных действий по политическим соображениям должна была принадлежать туркам. Противоречивые указания не могли не запутать командующего Черноморским флотом и сковали его инициативу. Неудивительно, что адмирал А. А. Эбергард, который был сторонником активных действий, не чувствовал себя уверенно. Тем не менее инструкции Ставки и МИДа изменились в 20-х числах сентября, когда адмирал получил разрешение на минирование собственного побережья. Очевидно, это изменение позиции Ставки было вызвано опасениями возможности десанта. После 21 октября Ставка и МИД почти каждый день информировали об ухудшении отношений с Турцией. Утром 27 октября А. А. Эбергард вывел основные силы флота в море, которые вернулись на рейд Севастополя на следующий день в 13 часов 30 минут. Командующий Черноморским флотом знал, что «Гебен» находится в Черном море — его заметил русский торговый пароход «Александр Михайлович». В 17 часов 30 минут 28 октября во флот пришла телеграмма, извещающая о том, что объявление войны со стороны нового противника состоится в этот же день[165].

Последний прогноз был недалек от истины. Но турецкое правительство не собиралось объявлять войну — оно готовилось начать ее без объявления. 24 октября после совещания Энвера, Джемаля и Талаата В. Сушону

был передан приказ, подписанный двумя днями ранее. Он гласил: «Задача турецкого флота — захватить господство на Черном море. Установите местонахождение русского флота и без объявления войны совершите на него нападение по месту обнаружения»[166]. 25 октября В. Сушон получил секретные приказы, подписанные Джемалем-пашой. Они были адресованы турецким морским командирам, которые ставились в подчинение немецкому адмиралу. 26 октября Германия внесла в Константинополе аванс в счет нового займа — 5 млн турецких лир золотом[167]. «Завтра мы выйдем в море, и это уже не будет прогулка! — записал в этот день в своем дневнике один из офицеров «Бреслау». — Как только всему миру станет известно, что турки присоединились в качестве союзников к германо-австрийским армиям, пусть узнают также, что «Бреслау» и «Гебен» не почивают на лаврах»[168].

27 октября «Гебен» и «Бреслау» вышли в Черное море. Вместе с ними в набеге участвовали практически все боеспособные суда турецкого флота, которые должны были обеспечить одновременную атаку наиболее важных пунктов русского побережья. Для обороны Босфора были оставлены только два тихоходных линкора — «Тургут Раис» и «Барбаросс Хайретдин», канонерка «Бурак Раис» и два эсминца. На все корабли были назначены германские офицеры и матросы, поскольку без них выполнение сколько-нибудь ответственного задания было невозможно[169]. Только их усилиями удалось привести в готовность к выходу два новейших корабля 1-й миноносной полуфлотилии «Муавинет» и «Гайрет». Все работы по управлению ими, включая обслуживание топок, также делали немцы — турецкая команда была слаба и непривычна к работе, а потому грелась в походе у дымовых труб[170]. В день выхода в море В. Сушон отдал своим подчиненным приказ об уничтожении русских морских сил, а также торговых судов, государственного и частного имущества. На флагманском корабле был поднят сигнал: «Сделать все возможное для будущности Турции»[171].

Утром 29 октября турецкие корабли обстреляли русские города Причерноморья: Севастополь, Одессу, Феодосию, Керчь, Ялту, Новороссийск. Последний город был совсем не защищен. «Бреслау» выпустил по нему 308 снарядов, были подожжены нефтяные цистерны, и город покрыл густой черный дым от горящей нефти[172]. По Феодосии было выпущено около 100 снарядов, в результате повреждены городской собор, греческая церковь, портовые амбары, железнодорожное депо и плавкран. Ко всем русским городам турецкие корабли подходили под русским флагом. В порт Одессы турецкие эсминцы также вошли под русскими флагами, которые они спустили вместе с началом торпедной атаки. Нападение было полностью внезапным. В Одессе были потоплены канонерская лодка «Донец» и пароход «Николай»[173].

У берегов Крыма, в 10 милях к западу от мыса Фиолент, под обстрел противника попал минный транспорт «Прут», который шел с грузом мин в Севастополь. Это был бывший пароход Доброфлота «Москва», построенный в 1879 г. В 1909 г. он был включен в состав Черноморского флота. Имея

5459 тонн водоизмещения, восемь 47-мм орудий и максимальную скорость в 12 узлов, он никак не мог ни уйти от германского крейсера, ни оказать ему сопротивление. Даже попытка выброситься на берег не удалась — «Гебен» преградил дорогу «Пруту». Его командир капитан 2 ранга Г. А. Быков принял решение затопить корабль[174]. Команда покинула судно, на борту которого остался лишь корабельный священник иеромонах Антоний, молившийся о спасении своих духовных чад, и минный офицер лейтенант А. В. Рагузский, взорвавший в последний момент пороховой погреб, чтобы не допустить захвата судна противником. Позже при атаке противника немцами были повреждены и несколько эскадренных миноносцев. На поставленных турецкими судами минных заграждениях у Керчи погибло два русских каботажных парохода — «Ялта» и «Казбек», среди команды и пассажиров были убитые и раненые. Судоходство на Черном море пришлось временно приостановить[175].

Удар по главной базе русского флота также оказался внезапным. «Тихо и безмятежно протекала жизнь в Севастополе, — писал официальный историограф Ставки. — Выступлений Турции так долго ждали, что и ждать перестали»[176]. Обстрел начался около 6 часов 30 минут и продолжался недолго, но вызвал беспокойство в городе[177]. Первые выстрелы сначала приняли за учения, но когда стали рваться боевые снаряды, началась легкая паника: «По приморским улицам с криками ужаса разбегаются во все стороны портовые рабочие. По набережным мечутся женщины с расширенными от страха глазами, громко крича»[178]. Внезапность атаки стала причиной того, что была упущена возможность потопить «Гебен». С первым его выстрелом А. А. Эбергард со штабом прибыл на линейный корабль «Евстафий»[179].

Немецкий крейсер обстреливал Севастополь на русских минных позициях, которые не успели замкнуть с электрозарядом. Проход в минных полях был открыт, так как в Севастополе ждали прихода «Прута»[180]. Командующий не хотел рисковать столь ценным кораблем и колебался, желая получить подтверждение того, что минный транспорт не находится на заграждении[181]. Начальник охраны рейдов, не дождавшись распоряжения А. А. Эбергарда, отдал приказ активировать минное заграждение, но было уже поздно[182]. Приказ был отдан в 6 часов 23 минуты, и на исполнение его потребовалось около 20 минут. В результате противнику удалось покинуть опасные воды невредимым. Летом 1917 г. при разоружении минных станций под Севастополем на позиции 2-й станции была поднята мина № 12 с широкой царапиной, свидетельствующей о том, что «Гебен» зацепил ее. К несчастью, пять пудов взрывчатки не были приведены в боевое положение[183].

За 15 минут германский линейный крейсер выпустил по крепости 47 280-мм и 12 150-мм снарядов[184]. В Одессе вражеское нападение привело к тому, что испуганные обыватели облепили набережную, наблюдая за непривычным зрелищем. В это время власти города, не исключая присутствовавшего ответственного за оборону Черноморского побережья генерала В. Н. Никитина, отличившегося при защите Порт-Артура, попросту не

знали, что делать[185]. Людские потери в Севастополе были относительно невелики: погибли два больных матроса в госпитале и несколько солдат-артиллеристов на береговых батареях[186].

Жертв могло быть гораздо больше, поскольку на рейде в полной боевой готовности находились недавно переданные в состав флота четыре парохода РОПиТа, переделанные в тральщики. Каждый имел на борту полный запас мин (200 на рельсах на палубе и 200 в трюме) в связи с тем, что 15 (28) октября они получили приказ командующего быть в полной готовности для выхода в море. Все четыре минных заградителя стояли напротив морского госпиталя, непосредственно за линейными кораблями. Здесь они и попали под залпы «Гебена»[187]. Взрыв даже одного заградителя в случае попадания лишь осколка снаряда мог закончиться настоящей трагедией[188]. В Новороссийске и Одессе также имелись потери, причем большая часть пострадавших от внезапного нападения (85 убитых, 40 раненых и 76 пленных) пришлась на флот, потерявший канонерскую лодку («Донец» был поднят и вновь введен в строй в 1916 г.) и минный заградитель. Кроме того, противник потопил восемь коммерческих пароходов общей вместительностью более 7 тыс. тонн и угольную баржу, еще один пароход достался туркам в качестве приза[189].

Николай II записал в этот день в своем дневнике: «Находился в бешеном настроении на немцев и турок из-за подлого их поведения вчера на Черном море!»[190]. Император был не одинок. Негодование в России достигло весьма высокого уровня. Здание турецкого посольства было немедленно взято под охрану конной и пешей полицией, подойти к нему было невозможно[191]. 17 (30) октября в Петрограде состоялась патриотическая демонстрация: около 10 тыс. человек прошли по Невскому к Военному министерству, где бурно приветствовали появившегося на балконе В. А. Сухомлинова, после чего отправились к Зимнему дворцу[192]. Передовица кадетской «Речи» торжествовала: «Судьбе угодно было, чтобы мы одним ударом решили не только вопросы международного равновесия, не только вопросы национального освобождения, но и важнейшие для нас самих вопросы нашей национальной жизни. Турция подняла меч. Турция от меча погибнет»[193]. Турецкое посольство в России не знало, что делать. О планах своего правительства оно информировано не было. 17 (30) октября первый советник посольства посетил русский МИД и поинтересовался судьбой турецких дипломатов. Ответ был предельно ясен: «...отношение русского правительства к турецкому посольству будет всецело зависеть от того, как отнесется турецкое правительство к нашим представителям в Константинополе»[194].

В тот же день М. Н. Гирс потребовал от османского правительства паспорта дипломатов, и вечером следующего дня русское посольство покинуло Константинополь[195]. Следует отметить, что, несмотря на наличие большой толпы, многочисленная конная и пешая полиция смогла обеспечить порядок, и отъезд посольства не был омрачен инцидентами[196]. 19 октября (1 ноября) турецкое посольство в России было информировано о разрыве дипломатических отношений между двумя странами, а 20 октября (2 ноя-

бря), после того как пришло подтверждение выезда русских дипломатов из столицы Османской империи, решилась судьба турецких: их известили, что они покинут Петроград и отправятся домой через Скандинавию, Германию и Австро-Венгрию[197]. Выезд турецких дипломатов был хорошо организован, сотрудники посольства покинули страну под охраной жандармов, никаких эксцессов не было допущено[198].

19 октября (1 ноября) турецкое правительство объяснило свое нападение на русские суда и города провокацией с русской стороны и даже предложило предать случившееся забвению. Прибывший в этот день к С. Д. Сазонову османский поверенный в делах зачитал ему ноту великого визиря: «Передайте министру иностранных дел Сазонову, что мы глубоко сожалеем, что враждебный акт, вызванный русским флотом, нарушил дружеские отношения обеих держав. Вы можете заверить Императорское российское правительство, что Блистательная Порта не применет дать этому вопросу надлежащее разрешение и что Порта примет все меры к прекращению возможности повторения подобных фактов. Вы можете заявить ныне же господину министру иностранных дел, что турецкое правительство решило запретить флоту выходить в Черное море и что мы, в свою очередь, надеемся, что русский флот не будет крейсировать у наших берегов. Я твердо надеюсь, что Императорское российское правительство выкажет в этом деле такой же примирительный дух, как и мы, в интересах обеих стран»[199].

С. Д. Сазонов не принял эти объяснения и категорически отверг фантастическую версию событий, изложенную в турецкой ноте. С его точки зрения, только немедленная высылка германских военных и морских чинов могла бы стать предпосылкой для начала переговоров о компенсации за набег. Без этого русским и турецким дипломатам нечего было обсуждать[200]. Нота великого визиря была очередной попыткой выиграть время. Уже 29 октября султан подписал манифест о вступлении в войну, в котором говорилось о том, что русские войска перешли границу на Кавказе, англо-французский флот обстрелял Дарданеллы, а английский — Акабу. Русское, английское и французское правительства объявлялись главными врагами халифата[201]. Это не помешало великому визирю уверять 17 (30) октября М. Н. Гирса, что он «сумеет привести к порядку немцев». Разумеется, ни в этом разговоре, ни в своей телеграмме от 19 октября (1 ноября) визирь не обмолвился об удалении германских военных из Турции[202]. Одновременно с вылазкой в Черное море турки предприняли попытку атаки Суэца, причем ссылок на провокацию со стороны англичан в этом случае не было[203].

1 ноября за М. Н. Гирсом последовали английский и французский послы в Турции и сотрудники миссий. 20 октября (2 ноября) Николай II подписал манифест об объявлении войны Турции: «В безуспешной доселе борьбе с Россией, стремясь всеми способами умножить свои силы, Германия и Австро-Венгрия прибегли к помощи оттоманского правительства и вовлекли в войну с нами ослепленную ими Турцию. Предводимый германцами турецкий флот осмелился напасть на наше Черноморское побережье. Немедленно

после сего повелели мы Российскому Послу в Царьграде со всеми чинами посольскими и консульскими оставить пределы Турции. С полным спокойствием и упованием на помощь Божию примет Россия это новое против нее выступление старого угнетателя христианской веры и всех славянских народов. Не впервые доблестному русскому оружию одолевать турецкие полчища — покарает он и на сей раз дерзкого врага нашей Родины. Вместе со всем народом русским Мы непреклонно верим, что нынешнее безрассудное вмешательство Турции в военные действия только ускорит роковой для нее исход событий и откроет России путь к разрешению завещанных ей предками исторических задач на берегах Черного моря»[204].

В последний момент великий визирь попытался исправить положение хотя бы в отношениях с Парижем. 2 ноября турецкий посол в этой стране встретился с Т. Делькассе и сообщил ему турецкую версию случившегося: «26 и 27 октября турецкий флот упражнялся в стрельбе в Черном море. 28-го один турецкий крейсер и три или четыре контрминоносца увидели отряд русских судов, состоявших из минного заградителя «Прут» и трех миноносцев, которые направлялись ко входу в Босфор с намерением искать (?! — *А. О.*) мины. Вследствие сего начальник оттоманского отряда, имея в виду, что между Турцией и Россией существовало состояние войны (?! — *А. О.*), направился к одному из русских портов и причинил ему повреждения. Порта полагает, что русский корабль действовал по собственной инициативе и без ведома своего правительства, а потому она надеется, что русское правительство выразит ему свое порицание. Со своей стороны, Порта готова возвратить взятых турецкими судами русских пленных»[205]. Этот неслыханный по наглости и лжи документ был оставлен без ответа. Не говоря уже о том, что нападение было совершено без объявления войны, само место гибели «Прута» было столь далеко от Босфора, что фальшь турецкой версии была очевидна[206].

23 ноября 1914 г. в Константинополе была провозглашена «священная война». Халиф обращался к мусульманам всего мира: «Центральная Европа не избегнула бедствий, вызванных на Ближнем и Дальнем Востоке московитским правительством, которое, стремясь уничтожить благотворение Божества, этого дара нациям и народам, имеет лишь одну цель — поработить человечество и которое испокон веков выказало себя жестоким и озлобленным врагом человеческого благополучия, увлекая на этот раз в общую войну правительства Англии и Франции, национальная гордость которых имеет высшим удовлетворением порабощение тысяч мусульман и которые, все питаясь низким стремлением насытить их вожделения похищением свободы населения, подвергнутого их тираническому и незаконному господству, никогда не переставали проявлять застарелую ненависть, которая толкает их поколебать и ослабить насколько возможно халифат, потому что эта высокая власть составляет поддержку мусульманского мира и силу ислама»[207].

Воспитанники французских лицеев и германских академий сочли необходимым прежде всего разъяснить причины своей ненависти к России.

Скоро они продемонстрируют свою способность защищать «благотворение Божества, этого дара нациям и народам», истребляя собственных подданных — армян, греков, арабов. В Константинополе и ряде городов Османской империи в ответ на эту декларацию прошло несколько массовых демонстраций, в столице они закончились погромами имущества подданных Антанты. Было частично разрушено здание русского генерального консульства, уничтожен памятник-часовня над могилой русских солдат в Сан-Стефано. Во вполне традиционной для турок манере вслед за этим разрушением последовало глумление над человеческими останками. Колокола с часовни направили в военный музей. Правительство приступило к массовому закрытию образовательных учреждений, принадлежащих подданным Антанты, и конфискации их имущества. Следует отметить, что объявление «священной войны» в союзе с христианскими государствами не получило однозначной поддержки даже в самой Турции, не говоря уже о ее арабских провинциях[208].

Призыв халифа не нашел поддержки и среди русских мусульман. Их общины остались лояльными, в мечетях Казани, Уфы, Екатеринбурга, Новочеркасска, Екатеринодара и других городов прошли молебны о даровании победы над новым врагом. В Баку такой молебен собрал в соборной мечети около 10 тыс. человек[209]. Вечером 20 октября (2 ноября) 1914 г. в Тифлисе перед дворцом наместника состоялась многотысячная патриотическая демонстрация, а на следующий день генерал-адъютант граф И. И. Воронцов-Дашков принял делегации от армянского и мусульманского населения во главе с их духовными пастырями, заверившими его в полной лояльности своей паствы правительству. В своей речи наместник обратил особое внимание на необходимость сохранения внутреннего мира на Кавказе и в Закавказье[210]. Экзарх Грузии архиепископ Питирим обратился с воззванием ко всем жителям Кавказа и Закавказья: «Живите дружно между собой, без различия языка, народностей и вероисповедания». В Грузии прозвучали призывы «дать отпор врагу нашего общего отечества — России»[211]. Количество добровольцев было значительным. Уже 22 октября (4 ноября) последовало разрешение к формированию армянских и грузинских добровольческих дружин[212].

Итак, партия сторонников войны в турецком правительстве победила. На Черном море это произошло не без помощи не санкционированных правительством действий адмирала В. Сушона. Обстрел русских городов произошел в последние дни Варшавско-Ивангородской операции. Планы германских военных на быструю победу были сорваны на всех фронтах. Вильгельм II в эти дни был настроен очень пессимистично. 28 октября 1914 г. он отметил: «Мы стоим совершенно одни и должны вынести поражение с достоинством»[213]. Вступление в войну Турции резко ухудшило стратегическое положение России. Маттиас Эрцбергер вспоминал: «...с августовских дней 1914 г. в Берлине постоянно рассчитывали на объявление Турцией войны; последнее заставило ждать себя дольше, чем предполагали, и, наконец, было вырвано неожиданным ударом, в котором участвовал

главным образом Энвер-паша. Характерно, что в Константинополе было объявлено, что обстрел русских городов был совершен в ответ на атаку русскими кораблями турецких в Черном море. Часть министров в знак протеста против германской провокации подала в отставку[214]. В Германии по этому поводу была большая радость; теперь блокада России была в значительной степени проведена, так как становились невозможным как подвоз военных припасов, так и вывоз из России избытков хлеба через Дарданеллы, что создавало Германии большое облегчение»[215]. Это была легко объяснимая радость.

Вступление Турции в войну: экономические последствия для России

За год до начала войны один из русских военно-морских экспертов по проблеме Проливов капитан 2 ранга Г. К. фон Шульц писал: «Современное положение Черноморских проливов создает опасную фикцию обеспечения Черного моря от вторжения неприятельских флотов, уменьшает международное значение России, обесценивает наш Черноморский флот и затрудняет его развитие. Не гарантируя свободы нашей морской торговли даже в мирное время, оно грозит полным ее прекращением с началом войны; вместе с тем закрытие Проливов для нашего флота создает непреодолимые препятствия всякой активности русской политики на Ближнем Востоке»[1].

«Часто называют владение Константинополем ключом к владению всего мира, — писал современник уже во время войны, — это, может быть, было правильно много лет назад, но теперь Константинополь просто ключ ко всей России»[2]. Уже первый военный месяц весьма отрицательно сказался на русской внешней торговле. Объем экспорта за август 1914 г. составил 23,5 млн рублей против 159 млн за тот же месяц предшествующего года, соответствующие показатели импорта — 31 и 106 млн рублей. Вывоз хлеба и муки сократился до 10 млн пудов против 159 млн за август 1913 г., масла — до 253 тыс. пудов против 633 тыс., яиц — до 8 млн штук против 379 млн (до войны они в основном вывозились в Германию и Австро-Венгрию), леса — до 14 млн пудов против 69 млн, льна и пеньки — до 12 тыс. пудов против 932 тыс., марганцевой руды — до 279 тыс. пудов против 4,96 млн, нефти и нефтепродуктов — до 573 тыс. пудов против 5706 тыс. и т. д.[3]

Всего, по официальным данным, за первые 10 месяцев 1914 г. вывоз основных товаров из страны сократился на треть по сравнению с показа-

телями 1913 г.[4] Для примера того, как закрытие турецких проливов ударило по России, можно привести данные по ее крупнейшему порту — Одессе. В августе и сентябре 1914 г. сюда прибыло всего по пять пароходов, за год было вывезено 441 130 тыс. пудов различных товаров (против 81 826 тыс. в 1913 г.), и ввезено товаров на сумму 34 564 232 рубля (в 1913 г. — на 91 039 039 рублей)[5]. Таковы были потери, которые понесла Россия, когда Босфор и Дарданеллы были еще открыты для судоходства.

С их потерей были прерваны пути, по которым после закрытия Балтики германскими Reichsmarine проходило 97% всего грузооборота империи. Теперь у России оставалось только два открытых морских пути: Атлантический — через Архангельск и Сибирский — через порты Тихого океана, Владивосток и Далянь. Путь из Архангельска к берегам Англии занимал 10–15 суток, из Владивостока до западных берегов США — 18–20 суток. В любом случае, Архангельск лежал на расстоянии свыше 3 тыс. км от фронта, а от Владивостока было в четыре раза больше[6].

Блокада означала удар и по русским финансам. Сделать вывод о масштабе удара по ним можно и по довоенному опыту. За 15 лет, предшествовавших Первой мировой войне (1898–1913), из 21,9 млрд рублей русских активов около 80% всех поступлений было получено за счет экспорта, а остальные средства — за счет государственных займов (2 млрд рублей) и иностранных вложений в промышленность, торговлю и кредитные учреждения[7]. Эти поступления, а следовательно, и стабильность русской экономики во многом основывались на хлебном экспорте. Средний годовой сбор главных хлебов в России (рожь, пшеница, ячмень, кукуруза, овес) в 1910–1913 гг. доходил до 4,5 млрд пудов, при этом вывозилось до 680 млн пудов, то есть 15% сбора[8]. Даже в неблагополучном 1911 г., когда в России было собрано 3,77 млрд пудов зерновых (против 4,6 млрд в 1910 г., 4,48 млрд в 1912 г. и 5,41 млрд в 1913 г.), объем вывоза хлеба изменился не существенно — 821 млн пудов (против 847 млн в 1910 г., 548 млн в 1912 г., 648 млн в 1913 г.). Доходы от экспорта при этом составили: в 1910 г. — 735,3 млн, в 1911 г. — 735,3 млн, в 1912 г. — 547,1 млн, в 1913 г. — 589,9 млн рублей[9].

«Свобода плавания через Проливы, — отмечал в своей докладной записке на имя императора от 27 мая (9 июня) 1914 г. С. Д. Сазонов, — имеет для России первостепенное значение. Достаточно указать, что в 1910 г. через порты Черного и Азовского морей было вывезено из России:

пшеницы — 277 110 000 пуд.;
ржи — 33 877 000 пуд.;
ячменя — 215 456 000 пуд.;
овса — 6 491 000 пуд.;
Итого 532 934 000 пуд.

Что составляет на общую сумму вывоза этих хлебов в том же 1910 г. 743 777 000 пуд., более 70%. Рядом нельзя не отметить, что, согласно объяснительной записке министра финансов к проекту государственной росписи доходов и расходов на 1914 г., торговый баланс России в 1912 г.

был на 100 миллионов менее в сравнении со средним активным сальдо за предыдущие годы. Такое уменьшение произошло, по объяснению министра финансов, вследствие недостаточно удовлетворительной реализации урожая, обусловленной между прочим временным закрытием Дарданелл для судов всех наций во время итало-турецкой войны»[10]. Удар был весьма чувствительным. С 1903 по 1912 г. 37% всего вывоза из империи проходило через Черноморские проливы[11].

В 1913 г. две трети всей внешней торговли России приходилось на морскую: на Балтику – 69,7% всего морского импорта, на Черное море – 16,7%; экспорт распределялся по тем же морям в соотношении 39,2% к 56,5%. При этом свыше 60% хлебного экспорта приходилось именно на южные порты, менее 30% – на Балтику и Северное море и около 10% – на западную сухопутную границу и германские порты. Иначе говоря, Россия больше вывозила через порты Черного моря, в основном это был хлеб, и больше ввозила через Балтику, в основном это были фабрично-заводская продукция и сырье. Кроме морских дорог использовались маршруты через Ботнический залив и Румынию. В 1913 г. по ним было экспортировано товаров на 79 млн рублей, что составило 5,6% от вывоза империи, суммарная стоимость которого насчитывала 1220,5 млн рублей. По ним же в 1913 г. было ввезено товаров на 33,8 млн рублей – 2,8% общей стоимости экспорта России. Эти пути обеспечивали 3% грузооборота, к чему, кстати, они не были готовы[12].

Транссибирская магистраль могла пропускать в день только 280 вагонов, из которых 100 требовались под грузы, необходимые для самой дороги, 140 – для правительственных грузов и только 40 – для всего остального. Это была мизерная цифра, существенно увеличить которую не представлялось возможным. Из 10 млн тонн грузов, необходимых для России, только 1 млн мог быть перевезен этим путем. Для того чтобы оценить масштаб проблем, достаточно одного примера: до войны через Владивосток в Россию ввозилось от 6 до 7 млн пудов (96–112 тыс. тонн) селитры из Чили, необходимой для производства азотной кислоты, без которой невозможен был выпуск взрывчатки. Собственных запасов селитры в стране не было. Только в конце 1916 г. заработал на полную мощность казенный завод в Юзовке, дававший в среднем 500 тыс. пудов аммиачной селитры, то есть 6 млн пудов в год[13].

Это означало, что для перевозки чилийской селитры требовалось от 12 до 14 тыс. вагонов в год, в среднем от 32,87 до 38,36 вагонов в день, то есть практически весь свободный резерв подвижного состава железной дороги. При этом объем перевозок по Транссибу вырос многократно. В 1914 г. цена общего объема русского импорта через Дальний Восток составила 29,144 млн, а в 1915 г. – уже 301,094 млн рублей. Неудивительно, что грузы скапливались во Владивостоке, и администрация дороги сталкивалась с неимоверными сложностями при их вывозе. К началу 1916 г. в городе скопилось 48 тыс. тонн невывезенных грузов, в августе того же года – 128 тыс. тонн, а в феврале 1917 г. – 336 тыс. тонн (правда, военный министр генерал М. А. Беляев называл другую, еще более впечатляющую цифру – 30 млн пудов, или

448 тыс. тонн)[14]. Американский посланник на Балканах, возвращавшийся в августе 1917 г. к румынскому королевскому двору через Японию и Россию, застал во Владивостоке довольно обычную для этих лет картину: гавань и улицы, загроможденные огромными ящиками с различными товарами, автомобилями, боеприпасами[15].

«Лишаясь возможности подвоза грузов из-за границы морем и по железным дорогам и имея лишь дальний путь для доставки по Сибирской железной дороге из Владивостока, — отмечал адмирал И. К. Григорович, — пришлось обратить внимание на Архангельск, в котором начались работы по сооружению пристани на левом берегу Северной Двины и вооружению некоторых пунктов прибрежия и самого города. Морской Генеральный штаб начал детально разрабатывать план указанной обороны. Повеление о постройке пути на Мурман и о переделке узкоколейного пути Вологда — Архангельск на ширококолейный последовало слишком поздно»[16]. На самом деле делалось практически все возможное в условиях военного времени.

Были вновь затребованы и рассмотрены результаты съемок 1894 г., когда исследовался участок «Кемь — гавань на Мурманском берегу» для возможного железнодорожного строительства. К подготовительным работам на участке приступили уже в конце 1914 г., когда для этого были отпущены средства: только для заготовки строительных материалов зимой было выделено 3,6 млн рублей[17]. 10 (23) июля последовал указ об отчуждении 5765 десятин земли в зоне строительства от Сороцкой бухты на Белом море до Семеновской бухты Кольского залива. Поскольку подробная съемка территорий на значительном участке запланированного пути отсутствовала, то они изымались в пользу государства по ходу строительства[18]. К этому времени порта в последней точке будущей железной дороги еще не было.

Что касается Архангельска, то через него в мирное время проходило только 0,01% ввоза в Россию, и поэтому до войны в улучшении его транспортных возможностей не было необходимости. Город связывала с остальной Россией через Вологду одна колея узкоколейной железной дороги, построенной в 1898 г. и использовавшейся раньше только с целью вывоза леса во внутренние губернии. Ее пропускная способность составляла одну пару пассажирских и 2–3 пары товарных поездов в сутки[19]. Общий грузооборот Архангельского порта до войны составлял около 60 млн пудов (960 тыс. тонн) в год. 80% вывоза приходилось на лес, 15% — на хлеб и около 5% — на рыбу. Основными продуктами ввоза (до 83%) в порт были каменный уголь (его импортировали из-за границы) и рыба (ее привозили малыми судами поморы)[20].

Довоенная экспортная и импортная торговля осуществлялась практически лишь водным путем по Северной Двине через Котлас. Пропускная способность Архангельского порта (с учетом того, что период навигации не превышал 5–6 месяцев) составляла 1–2 парохода в неделю, поскольку не было разгрузочных набережных[21]. Оборот вагона на 19 перегонах занимал при нормальных условиях 6–7 суток[22]. При этом длина железной дороги

равнялась всего 635 км. Принадлежала она частному лицу и кроме весьма низкой пропускной способности имела слабый и немногочисленный подвижной состав[23]. Погрузочные возможности порта были минимальными: в гавани имелся единственный плавучий кран грузоподъемностью не более 500 пудов (8 тонн), на деревянную пристань вело пять подъездных веток, но только по одной из них подавались вагоны, остальные четыре можно было использовать лишь под вагонетки для перевозки грузов между пристанью и главным путем[24]. Впрочем, до войны большего и не требовалось.

Лес и рыбу подвозили до Вологды, где их примитивным образом перегружали на поезда, следовавшие по широкой колее. Тем не менее и такая дорога к Архангельску стала почти сразу же интенсивно использоваться для провоза военных грузов[25]. Для повышения пропускной способности дороги увеличивалось количество разъездов, в Архангельск к октябрю 1914 г. было доставлено 250 вагонов и несколько паровозов с новгородской и воронежской узкоколеек. Парк местной железной дороги вырос до 900 вагонов и 40 паровозов[26]. Этим проблемы не ограничивались. В Архангельске не было даже железнодорожного моста через Северную Двину, ближайший железнодорожный терминал отстоял от места разгрузки более чем на 10 км.

Подготовка к перешивке дороги Вологда — Архангельск началась уже осенью 1914 г., а работы — в мае 1915 г. Закончили их через девять месяцев, к январю 1916 г. Кроме перешивки было построено 596 км новой дороги по тундре. 18 (31) января 1916 г. из Архангельска вышел первый бесперегрузочный состав. Пропускная способность сразу же поднялась до 10 пар товарных поездов в сутки (300 вагонов), из которых 125 вагонов занимал уголь. К концу года благодаря устройству новых разъездов ежедневная пропускная способность увеличилась в два раза. В порту Архангельска к этому времени уже были мощные краны грузоподъемностью в 15, 50 и 100 тонн, но не было ледоколов и достаточного количества барж для перевозки грузов через реку[27].

Низким качеством дороги проблемы не исчерпывались. Уже в осеннюю навигацию 1914 г. возникла масса трудностей. Архангельская губерния, в которой накануне войны проживали почти 490 тыс. человек, никогда не обеспечивала себя хлебом[28]. При ежегодной потребности примерно в 5 млн пудов продовольствия 2,4 млн пудов ввозилось. В 1914 г. из-за неурожая эти цифры существенно повысились и вкупе с обстоятельствами первых военных месяцев вызвали в осенние месяцы сложное положение[29]. С сентября по декабрь 1914 г. в губернию для внутреннего потребления было ввезено до 700 тыс. пудов хлеба, что создало дополнительные нагрузки на транспорт[30]. Впрочем, это была не самая тяжелая проблема.

Если в предвоенные годы в среднем через Архангельск в Россию ввозилось около 5 млн пудов грузов ежегодно (максимальный показатель не превышал 7,5 млн пудов), то только за два осенних месяца порт принял около 30 млн пудов[31]. «Трудно даже предположить, — отмечал русский оружейник, — что бы делала Россия во время войны, не будь этого порта и железной

дороги, ведущей к нему из центра страны»[32]. Всего же в первую военную навигацию 1914 г. в Архангельск было доставлено 22 млн пудов угля и около 15 млн пудов прочих грузов[33]. «Пароходов прибывало много, — вспоминал вице-адмирал Г. Ф. Цывинский, — шаланд и буксиров (перевозивших грузы на левый берег. — *А. О.*) было очень мало. Иностранные пароходы, боясь замерзнуть и остаться здесь до весны, наперебой друг у друга перехватывали шаланды; тут суетились агенты транспортных контор, представители военных управлений и бесчисленных заводов, работавших на оборону»[34].

Командовавшему в порту Архангельска капитану 1 ранга В. Я. Ивановскому стоило большого труда привести дела в порядок. Для мобилизации всех возможностей ему пришлось использовать практически все имевшиеся в порту пристани, организовать в кратчайшие сроки найм около 2 тыс. рабочих, на работы в порту были привлечены ополченцы и арестанты[35]. Кроме сложностей с выгрузкой и транспортировкой по узкой колее имелись и другие: в гавани у существующих причалов были недостаточные для океанских судов глубины, уже в 1914 г. пришлось начинать дноуглубительные работы[36].

Речной маршрут от Архангельска до Котласа в какой-то степени снимал нагрузку на железную дорогу. В навигацию 1914 г. по Северной Двине было перевезено 6,3 млн пудов грузов. Однако и этот путь требовал модернизации: новых условий для перегрузки и транспортировки (с конца января 1915 г. в районе Котласа было начато строительство барж грузоподъемностью до 150 тыс. пудов), дноуглубительных работ и прочего. С Волги на Северную Двину были переброшены и дополнительные буксирные пароходы. В навигацию 1916 г. речной флот Северной Двины составлял 381 пароход и 818 барж. В результате проведения большой работы в 1915 г. по реке было перевезено 28,7 млн пудов грузов, а в 1916 г. — 37,7 млн пудов (по реке преимущественно шел уголь)[37]. Существовала еще одна проблема: Северная Двина замерзала и значительную часть года навигация была невозможна, в 1914–1915 гг. навигационный период продолжался с 1 мая по 1 ноября[38].

Еще в 1913 г. Морское министерство объявило конкурс на постройку 12 ледоколов, но эту программу не успели реализовать. В начале второй недели войны, 9 (22 августа) 1914 г. встал вопрос о покупке ледокола из Канады. В результате был куплен большой ледорез «Канада», переименованный в «Федора Литке», который перегнали к концу октября этого года. В условиях относительно мягкой для Архангельска зимы 1914–1915 гг. ему удалось провести по Северной Двине 146 пароходов. К сожалению, уже в январе 1915 г. корабль из-за аварии пришлось перегнать в Англию, поскольку отремонтировать его собственными силами не удалось. Одновременно в Архангельск прибыл купленный ледокольный пароход «Садко»[39], однако его мощность была недостаточной.

Уже в феврале 1915 г. для прокладки пути через лед в Белое море был послан старый британский линкор «Юпитер» (для сохранения секретности его переименовали в «Буйвола»), поскольку ледоколы не могли пробиться к порту из-за повреждений. Не смог сделать этого и британский корабль,

застрявший во льдах горловины Белого моря и вынужденный уйти на Мурман[40]. К открытию навигации 1915 г. из случившегося были сделаны выводы и образована ледокольная служба Архангельского порта, в котором в марте 1915 г. работало уже 15 ледоколов и ледокольных пароходов[41]. Единственная незамерзающая гавань России со свободным выходом в Атлантику — Екатерининская в это время фактически пустовала.

Еще в 1899 г. на ее западном берегу, напротив большого поморского селения Кола, был основан порт Александровск (Мурманск), из-за отсутствия железной дороги быстро пришедший в упадок. В 1910 г. там жили всего 374 человека. При этом на всем Мурманском берегу от мыса Святой Нос до границы с Норвегией на протяжении около 1500 верст постоянно проживали всего около 3 тыс. человек — 672 семьи. Население Александровского уезда с площадью 130 210 кв. верст в 1914 г. составляли 12 456 человек. Железная дорога от Петрозаводска к весне 1916 г. была готова на две трети, но движение до Мурмана было открыто только накануне Февральской революции, да и тогда грузоподъемность этой ветки составляла лишь 1,3 млн тонн в год. Дорога строилась одновременно на двух участках: от Петрозаводска и до Сороцкой бухты на юге и от Колы до Кандалакши. К январю 1916 г. они были в целом закончены, и сразу началось строительство среднего участка, длиной приблизительно в 450 верст. Промежуток от Кандалакши до Сороцкой бухты обеспечивал водный транспорт, а в зимнее время — ледокол[42].

«Местность чрезвычайно трудная: то каменистая, то болотистая, пересекаемая массою рек и речек, бурных и капризных, местами совершенно непроезжая, — описывал журналист строительство Олонецкой дороги, то есть участка, идущего от Петрозаводска. — На месте кроме земли и леса — ничего, не только материалов, но ни продовольствия, ни рабочих рук. Глушь полнейшая»[43]. Строительство дороги действительно велось в исключительно тяжелых природных условиях: работы можно было начинать лишь в июне, когда осушались почвы, и прекращать в сентябре — октябре. Ограниченный строительный сезон вынуждал организовывать круглосуточные работы в разгар периода мошки и прочего. Даже подвоз продовольствия рабочим и военнопленным, работавшим там, был связан со значительными сложностями, а решить эту проблему за счет местных ресурсов не представлялось возможным по причине их незначительности[44].

Пока дорога строилась и особенно когда судоходство было невозможным, положение осложнялось настолько, что приходилось использовать любые способы перевозок: от строительства временных железнодорожных линий по льду зимой до организации лопарей для перевозок военных грузов на оленях до ближайших постоянных железнодорожных станций. Последняя идея была предложена капитаном 2 ранга М. С. Рощаковским, который сумел организовать санные перекладные с января по апрель 1915 г. Грузы двигались по этапам, на каждом из которых происходила смена оленей. Всего было задействовано около 15 тыс. оленей[45].

«Бесконечное количество оленьих упряжек, — отмечал Генри Ньюболт, — несущихся по снежным равнинам Лапландии, представляло собою, пожалуй, наиболее живописную картину всей войны»[46]. Впрочем, этот вынужденный способ был более живописным, чем эффективным. Грузоподъемность саней, конечно, не могла заменить ни морского, ни сухопутного парового транспорта. К тому же лопарское население Александровского уезда составляло чуть менее 2 тыс. человек[47]. К гужевому извозу, пусть и не столь экзотичному, для транспортных перевозок пришлось прибегнуть в январе 1915 г. и в Архангельске. Нанятые извозчики вывезли 250 тыс. пудов частных грузов из 450 тыс., скопившихся в порту, и несколько разгрузили его к началу новой навигации[48]. К следующей зиме потребность в такого рода перевозках отпала в связи с вводом в строй ширококолейной железной дороги. Ее начальная пропускная способность в 213 750 тонн с лихвой обеспечивала перевозку поступающих морем грузов[49].

Зима 1915–1916 гг. была чрезвычайно суровой, что весьма осложнило навигацию на Белом море. Русское правительство вынуждено было срочно купить еще три ледокола и четыре ледокольных парохода[50]. Усилия их команд были поистине титаническими, но все же недостаточными: в зимние месяцы 1915–1916 гг. в Белом море застряло около 80 пароходов вследствие полученных во льду повреждений и невозможности своевременной разгрузки. В результате в Англии пришлось заказать мощные ледоколы «Святогор» и «Добрыня Никитич», а затем более мощные «Александр Невский» и «Микула Селянинович», которые были построены только в 1917 г. Всего же в Англии и Канаде было приобретено четыре готовых ледокола и шесть грузовых пароходов с ледорезными образованиями корпуса[51].

При этом одна беда вызывала другую. Следствием недостатка транспорта стала задержка в его развитии. Так, из-за отсутствия свободного транспортного тоннажа в США уже в декабре 1915 г. ждали отправки в Россию от 46 до 48 тыс. тонн грузов для Мурманской железной дороги: 33 800 тонн рельсов, 218 стрелочных переводов, 20 паровозов, 350 платформ. Для того чтобы вывезти их, пришлось прибегать к помощи англичан[52]. Нагрузки на порт Архангельска и железную дорогу были весьма велики, к тому же вплоть до 1917 г. они постоянно возрастали. В 1915 г. в порт прибыло свыше 75 млн пудов, в 1916 г. — около 120 млн пудов, а за девять месяцев 1917 г. — 75,4 млн пудов[53]. Если в 1913 г. порт принял 120 тыс. тонн грузов, то в 1916 г. — уже 19 223 200 тонн. Небольшую помощь Архангельску оказали Мурманск и Кемь, которые приняли в этом году по 1016 тыс. тонн и 116 800 тонн соответственно[54], при этом следует отметить, что портовое управление в Мурманском порту было утверждено только 9 (22) сентября 1916 г. — в его состав вошли четыре человека[55].

За лето 1916 г. в Архангельск прибыло свыше 600 пароходов, то есть приблизительно по четыре в сутки[56]. Старая гавань была слишком тесна для прибывавших грузов, и очень скоро основную гавань Архангельска перенесли вверх по реке на Бакарицу, где до войны находились частная

пристань лесопильного завода и несколько временных пристаней для выгрузки угля. Здесь было достаточно места и для складов, и для подъездных путей. В навигацию 1915 г. бревенчатые пристани Бакарицы протянулись на 5 км, рядом с ними были проложены железнодорожные ветки, построено множество складов.

В связи с трудностями проводки транспортов по зимней реке была использована и заводская гавань Экономия, располагавшаяся на 25 верст ниже Архангельска (расстояние от города до устья Северной Двины равняется 60 верстам). Однако помещений все равно не хватало. В октябре 1915 г., по словам В. Г. Федорова, «весь город, особенно прибрежные улицы, был завален различными материалами и предметами военного снаряжения. Площадь около собора была забита громадными кругами колючей проволоки... Вдоль пристани лежали целые горы каменного угля, в хаотическом беспорядке валялись громадные ящики с различными станками. Из Америки прибывали винтовки системы Винчестера, снаряды для полевой артиллерии. Шли громадные партии пороха и ручных гранат. Начали поступать свинец, медь, цинк, никель, олово, инструментальная и ленточная сталь для винтовочных обойм, а также ленточная латунь для гильз. Штабелями лежали ящики с разнообразными инструментами, главным образом английского изготовления»[57]. Однако проблемы маршрута через Север не ограничивались наземным транспортом.

«Охрана северных фарватеров, — вспоминал капитан 1 ранга Г. К. фон Шульц, представлявший русский флот при командовании британским Гранд-Флитом, — требовала крейсеров и эскадренных миноносцев и затрагивала поэтому также сферу интересов командующего Гранд-Флитом. В этом вопросе сталкивались различные влияния, и трудно было найти примирительное решение... Союзники, не располагая в достаточной мере ни собственным тоннажем, ни средствами защиты морских путей сообщения, вынуждены были доверить все это дело Адмиралтейству (русскому. — *А. О.*), и оно, по-моему, выполняло все, что было в пределах возможного»[58]. В июле 1914 г. все морские силы России в районе Архангельска были ограничены посыльным судном «Бакан», имевшим одно трехдюймовое орудие, и приходившим сюда на период навигации из Либавы для охраны промыслов[59]. В начале 1915 г. этот переведенный в посыльные суда транспорт получил дополнительное вооружение: еще одно 75-мм, четыре 47-мм орудия и пулемет[60].

Кроме «Бакана» — единственного корабля под военным флагом, экипаж которого полностью состоял из офицеров и матросов военного флота, было пять невооруженных гидрографических судов отдельной съемки Белого моря, которыми командовали офицеры флота, но команды были составлены из наемных, и административный пароход «Мурман» с гражданским экипажем, имевший на борту 37-мм орудие. В Архангельске имелось около 30 мелких паровых судов, парусный рыбачий флот, но у местных властей не было плана морской мобилизации. Сразу же после объявления войны «Бакан» задержал девять германских коммерческих пароходов общим

тоннажем 16 485 тонн[61], которые были переданы в казну, и часть из них вооружена для несения охраны торговых путей. Таким образом, ситуация была несколько исправлена, но на Белом море и на подступах к нему у России явно не хватало военных судов: посыльное судно, вооруженная яхта, три вспомогательных крейсера и четыре невооруженных судна и тральщика не могли обеспечить эффективный контроль над его акваторией, хотя уже в начале войны существовала опасность со стороны германских ВМС[62].

Положение было столь тяжелым, что в начале войны не удалось найти сколько-нибудь серьезной артиллерии для прикрытия подступов к Архангельску с моря. Между тем 21 июля (3 августа) 1914 г. сюда пришли секретные сообщения от русского консула в Норвегии о том, что в Архангельск идут четыре германских минных крейсера. Началась спешная работа по созданию искусственных препятствий, вызвавшая панику в городе. В результате удалось затопить несколько барж и интернированных германских пароходов в фарватере, который скоро пришлось расчищать для открытия судоходства[63]. Кроме того, на острове Мудьюг была установлена батарея из 37-мм орудий. Просьба, направленная в конце 1914 г., о присылке в Архангельск двух 152-мм и четырех 75-мм орудий для батарей и трех 75-мм орудий для кораблей не была выполнена. К лету 1915 г. удалось получить только четыре 75-мм орудия, которые и были открыто установлены на Мудьюге[64].

Угроза с моря стала реальной уже в начале лета 1915 г. В ночь на 31 мая 1915 г. бывший английский пароход «Вена», захваченный немцами в первые дни войны и переделанный в минный заградитель «Метеор», незаметно прорвался через завесу британских морских патрулей в Северном море и 6 июня подошел к Каниному Носу. В русских водах немцы пробыли всего 48 часов и половину этого времени потратили на минные постановки. «Метеор» был предусмотрительно раскрашен в цвета судов Архангельско-Мурманского пароходства, в связи с чем несколько встреченных им коммерческих пароходов и рыбацких парусников не обратили на него никакого внимания. В результате незаметной оказалась и постановка на путях наиболее вероятных маршрутов движения 10 минных банок от 27 до 32 мин в каждой, всего 285 мин. Вход в Белое море был заблокирован, взрывы начались уже 11 июня[65]. В августе для наблюдения за горлом Белого моря была развернута система связи, на шести маяках было устроено шесть сигнально-наблюдательных постов, начато строительство трех береговых радиостанций (завершено в октябре 1915 г.)[66].

Также срочно пришлось налаживать и систему траления опасных вод. Так как своих тральщиков на Белом море не было, пришлось обращаться за помощью к англичанам, а вслед за этим переделывать в тральщики все подходящие для этого мелкосидящие суда[67]. На быструю помощь от союзников не рассчитывали, и поэтому в июне и июле были зафрахтованы и вооружены 47-мм орудиями два парохода — «Василий Великий» и «Колгуев», которые использовались и для патрулирования, и для траления, и для сопровождения транспортов. В июле пришли и первые шесть английских тральщиков,

которые немедленно приступили к боевой работе. К октябрю 1915 г. ими было уничтожено 174 мины[68]. На Белом море вообще постоянно ощущался недостаток военных кораблей. Для усиления обороны Архангельска в августе 1915 г. сюда были перевезены две малые (43,6 тонны каждая) и весьма устаревшие подводные лодки, ранее предназначавшиеся для действий у Кронштадта. Их появление было шумным, но абсолютно бесполезным — в море они не выходили[69].

Ко второй половине августа 1915 г. в Архангельск прибыло 286 иностранных и 308 русских пароходов, пять погибло в Белом и три в Северном море. Среди пострадавших судов был и английский вспомогательный крейсер «Арланц» с начальником Морского Генерального штаба адмиралом А. И. Русиным на борту. Он подорвался на мине 29 мая (12 июня) 1915 г., после того как три пары английских тральщиков расчистили опасный участок и дорога казалась свободной. Поврежденный крейсер был спасен и отбуксирован в бухту Святого Носа на Мурмане. Русские корабли вытралили 55 мин, всего же к концу навигации было уничтожено 218 мин из 285, установленных «Метеором», общие потери составили 10 погибших и три поврежденных судна. Уровень потерь резко снизился с 1 (14) сентября 1915 г., когда была установлена проводка караванов тральщиками. Таким образом, в Архангельск до конца навигации было проведено 198 пароходов. Всего же за эту навигацию в Архангельск пришло 606 пароходов водоизмещением 872 179 тонн и ушло 555 пароходов водоизмещением 776 672 тонны.

Что касается «Метеора», то англичанам удалось перехватить и уничтожить его в Северном море. Тогда противник перешел к использованию подводных лодок. Первой из них была U-195, совершившая переход из Вильгельмсхафена к берегам северо-восточной Норвегии, где она начала перехват английских и русских судов, а также нейтральных транспортов с военным грузами. К осени 1916 г. между Нордкапом и устьем Белого моря действовало не менее пяти немецких субмарин (U-28, U-43, U-46, U-48, U-75). 13 (26) сентября они начали атаковать суда, следовавшие в русские порты. За короткое время им удалось потопить 10 норвежских пароходов на пути к Архангельску.

Русские посыльные суда, имевшие на борту по 1–2 47-мм орудия, не могли угрожать субмаринам противника. Количество сколько-нибудь ценных кораблей было невелико[70]. 2 (15) ноября 1915 г. император утвердил положение Совета министров о введении временного военного управления в районе Архангельского порта и «водного района Белого моря и прилегающей части Северного Ледовитого океана до норвежской границы». В губернии фактически было введено военное положение, а губернатор стал помощником главноначальствующего, получившего огромные полномочия[71]. На эту должность был назначен вице-адмирал А. П. Угрюмов[72]. Усиление власти и ее централизация были, безусловно, необходимой мерой в период войны. Русские власти имели причины для беспокойства не только за безопасность морского сообщения с союзниками. При строительстве Мурманской желез-

ной дороги использовался труд германских и австро-венгерских военнопленных, которых насчитывалось около 12 тыс. человек при сравнительно небольшой охране. В декабре 1915 г. на Мурманское побережье из Владивостока был переведен минный заградитель «Уссури» (три 120-мм и четыре 47-мм орудия), гарнизон Александровска был увеличен до 150 человек[73].

8 (21) апреля 1916 г. для обеспечения обороны Мурманского побережья Александровский, Кемский и Шенкурский уезды Архангельской губернии были переведены на военное положение с подчинением главноначальствующему[74]. Постепенно на Мурманском побережье появлялись новые корабли. Союзники оказали помощь, прислав вспомогательный крейсер «Ифигения» (позже использовался в качестве плавучей мастерской), старый броненосец «Альбемарль» и восемь тральщиков. Франция также направила сюда вспомогательный крейсер «Шампань», который, впрочем, был довольно быстро возвращен назад. Весьма пригодились и спешно переведенные на Белое море два новых эсминца «Властный» и «Грозовой», заградитель «Уссури» и плавмастерская «Ксения». Для сопровождения транспортов пришлось прибегнуть к практике конвоев. 5 ноября 1916 г. подлодка U-56 была потоплена миноносцем «Грозовой»[75].

Для предотвращения германской угрозы со стороны моря пришлось обращаться не только к англичанам, но и к японцам. 12 (25) января 1916 г. Совет министров поддержал предложение морского министра о покупке у них части трофейных русских судов — речь шла о крейсере «Варяг», эскадренных броненосцах «Полтава» и «Пересвет». Сумма сделки равнялась приблизительно 15 млн иен. 23 января (5 февраля) император одобрил решение правительства[76]. 27 марта (9 апреля) 1916 г. корабли были переданы России в порту Владивосток. «Полтава» была переименована в «Чесму». Корабли сдавались в весьма плохом состоянии, еще хуже обстояло дело с экипажами, формировавшимися из сводных команд Гвардейского флотского экипажа, Балтийского и Черноморского флотов. «Чесма» прибыла только в январе 1917 г., «Варяг» — в ноябре 1916 г. (в марте 1917 г. его пришлось направить в Англию для прохождения капитального ремонта), «Аскольд» — в июне 1917 г. Что касается «Пересвета», он сначала сел на мель у Владивостока, после чего его пришлось ремонтировать в Японии. В конце концов, этот броненосец подорвался на минах и затонул недалеко от Порт-Саида в декабре 1916 г.[77]

Таким образом, сколько-нибудь достаточная вооруженная сила у России на Белом море (линкор, четыре эсминца, крейсер, посыльное судно, четыре вооруженные яхты) появилась только к лету 1917 г.[78] Вместе с гидрографическими судами, тральщиками, ледоколами и ледорезами в состав флотилии вошло до 80 вымпелов[79], в том числе и первые русские субмарины. Перевезенные на Белое море летом 1915 г. две подводные лодки в августе были исключены из состава судов флота, но в начале сентября эта маленькая эскадра усилилась и малой подводной лодкой итальянского производства («Святой Георгий», 260 тонн), совершившей беспрецедентный для кораблей этого класса переход из Специи в Архангельск (свыше

5 тыс. миль)[80]. В ноябре 1916 г. англичане прислали на Мурман три подводные лодки, специально обученные тактике борьбы с субмаринами, и еще три тральщика. С началом навигации 1917 г. немецкие подводные лодки вновь появились у входа в Кольский залив. Однако их успехи были уже не столь заметными. Все пароходы, шедшие к нашим берегам со сколько-нибудь значительным грузом, имели на борту артиллерийское вооружение, активно применялась и тактика конвоев. В результате в навигацию 1917 г. вплоть до октября в русские порты пришло 768 пароходов, потоплено же было только три[81].

Еще одной крупной проблемой было безопасное хранение военных грузов под Архангельском. Уже в январе 1915 г. в Архангельске скопилось 320 тыс. тонн английского угля, 3 тыс. автомобилей и 64 тыс. тонн различных грузов. Вывоз из порта товаров был связан с неимоверными трудностями, в 1915–1916 гг. он не мог быть обеспечен на должном уровне, и ящики, выгруженные с кораблей, под тяжестью положенных на них новых грузов буквально врастали в землю[82]. Современник отмечал: «Не только пристань, но буквально все улицы и площади Архангельска были завалены ящиками, оборудованием, ворохами колючей проволоки, грудами металлов, складами снарядов. Целые горы, в буквальном смысле этого слова, каменного угля лежали вдоль пристаней; громадные ящики с различными станками для развития военных заводов, набросанные в хаотическом порядке, громоздились один над другим»[83].

В июле и декабре 1915 г. на складах, пристанях и станциях Архангельска произошло три крупных пожара, нанесших значительный ущерб (до 300 тыс. рублей)[84]. Однако самое страшное было впереди. Скученность взрывчатых (снаряды, патроны, тротил, порох, мелинит) и легковоспламеняемых (хлопок, белый фосфор) средств и невозможность организовать надлежащее их хранение приводили к катастрофическим последствиям. 26 октября (8 ноября) 1916 г. на пароходе «Барон Дризен» произошел взрыв огромной мощности[85]. По странному совпадению это случилось в день, когда было опубликовано сообщение о гибели в Севастополе дредноута «Императрица Мария»[86]. Команда судна была полностью составлена из иностранцев (китайцы, шведы, американцы, португальцы, испанцы, норвежец и француз)[87], «Барон Дризен» был реквизированным пароходом, капитаном которого являлся русский подданный Фриц Деймен. 23–28 сентября 1916 г. он прошел погрузку в Нью-Йорке, где традиционно чрезвычайно плохо было поставлено обеспечение безопасности — фактически на судно мог проникнуть кто угодно[88].

Последнее обстоятельство было тем более опасно, что с осени 1915 г. немцы приступили к подготовке диверсионных актов на территории США. Среди немецких и ирландских по происхождению докеров Нью-Йорка они получили немалую поддержку. Ирландцы, как и немцы, ненавидели Англию и ее союзников и проносили на суда специально сконструированные небольшие сигарообразные мины[89]. Следует отметить, что сами немцы

устанавливали в нейтральных портах очень строгий порядок доступа на свои суда. Так, например, при погрузке транспортной подводной лодки «Дойчланд» в Балтиморе всех грузчиков обыскивали, полностью раздевая перед началом работ на борту[90]. Как выяснилось позже, до своего прихода в Нью-Йорк «Барон Дризен» принял часть груза (медь) в Балтиморе, где рядом с ним стоял реквизированный в США германский пароход «Рейн» и 13 сентября при погрузке взрывчатки произошел взрыв на стоявшем рядом французском пароходе «Сен-Жан»[91]. По предварительным данным, при взрыве погибли от 300 до 400 человек, были тяжело ранены от 300 до 400 и легко ранены от 1000 до 1200 человек[92].

Уже 29 октября (11 ноября) вице-адмирал П. П. Муравьев, докладывая о первых результатах следствия Особому совещанию по обороне государства, заявил, что «уже и теперь имеется основание предполагать наличие злоумышления». Участники совещания сразу обратили внимание на тот факт, что и «Императрица Мария», и «Барон Дризен» стали жертвами внутренних взрывов, и это давало основание для подобного рода предположений[93]. Официальное сообщение о случившемся в Бакарице последовало через пять дней после трагедии: «Морской Генеральный штаб сообщает, что в час пополудни 26-го сего октября в Архангельске произошел взрыв на пароходе «Барон Дризен», имевшем груз боевых припасов и стоявшем у пристани Бакарицы. От взрыва рухнули некоторые из соседних жилых бараков и начались пожары построек и части находившихся на берегу грузов, причем было разрушено пожарное депо и погиб обоз вместе с командою. Несмотря на это, пожары благодаря энергично принятым мерам удалось прекратить к вечеру того же дня. Во время катастрофы погиб пароход «Барон Дризен» и поврежден стоявший рядом другой пароход «Эрл-оф-Фарфор». Кроме того, были повреждены некоторые портовые средства. Ущерб от повреждений и потери грузов оказался меньшим, чем того можно было ожидать: наибольшая часть грузов, поданных на берег, была увезена еще до того, как пожар начался. Число раненых и обожженных достигает 650 человек. Убитых около 150 человек. Начато следствие для исследования причин взрыва на пароходе «Барон Дризен», причем власти уже в настоящее время имеют серьезные основания предполагать наличие злоумышления, организованного германскими эмиссарами»[94].

На самом деле все обстояло не столь блестящим образом. С транспорта на пристань успели выгрузить около 40 тонн взрывчатки, когда произошла катастрофа. Обломки борта и палубы парохода разлетелись на расстояние до 6 км[95]. Крупные куски весом до 10–15 пудов разлетались до 2–3 верст от эпицентра. Даже в Холмогорах, в 60 верстах от Бакарицы, взрывная волна выбивала стекла из окон[96]. Взрывы вызвали детонацию грузов на пристани, почти мгновенно пожар перебросился на склады и железнодорожные пути[97]. В течение нескольких минут, как отмечал очевидец, «Бакарица превратилась в огнедышащий вулкан. На воздух взлетали целые поезда с боеприпасами, далеко разбрасывая снаряды, рвавшиеся иногда в воздухе или при ударе о

землю. Горящие ящики с патронами трещали, как пулеметы, и рассеивали во все стороны пули»[98].

Взрыв произошел около часа дня, с огромным трудом удалось локализовать пожар к 10 часам вечера[99]. Картина, оставленная им, была ужасной. «По левому берегу Двины и в районе взрыва, — вспоминал адмирал Г. Ф. Цывинский, — на пространстве около половины квадратной версты была взрыта земля, из-под кочек песку и илу выглядывали кое-где обломки металлических частей взорванного парохода и разных грузов, лежавших на берегу до момента взрыва. Временные сараи, пакгаузы легкой постройки, бывшие на этой площади, лежали упавшими на земле, под своими крышами»[100]. Было уничтожено до 30 тыс. тонн военных грузов, объем убытков составил около 80 млн рублей золотом[101]. «Эрл-оф-Фарфор» получил повреждения, исключавшие возможность его дальнейшей эксплуатации: взрывная волна снесла все палубные надстройки, мачту и трубу. Казна была вынуждена выплатить владельцам парохода его стоимость[102].

Пристани Бакарицы возобновили свою работу уже через день. Дополнение к официальному сообщению ничего не говорило о жертвах в Архангельске и почти ничего о разрушениях в нем: «Что касается самого города, то как от произошедшего взрыва, так и от пожаров ни город, ни его жители не пострадали нисколько»[103]. На самом деле потери в городе были незначительными, в частных домах Архангельска воздушной волной выбило стекла. Основной урон был нанесен гавани, в результате погибли грузы, прибывшие на 10 пароходах из Англии, Франции и США[104]. В городе явно не хватало собственных средств для борьбы с последствиями катастрофы. 31 октября (13 ноября) в Архангельск был направлен специальный отряд Красного Креста: пять врачей, 23 сестры милосердия и вагон с перевязочными средствами[105].

Только благодаря счастливой случайности жертвы были относительно немногочисленны: всего погибли 530 и были ранены более 1 тыс. человек. В 1916 г. порт активно работал не только на выгрузку. Во Францию в течение этой навигации были направлены 625 русских офицеров и 34 975 солдат, около 4 тыс. пленных эльзасцев (они рассматривались в качестве освобожденных французских граждан) и 7 тыс. пленных итальянцев (для дальнейшего следования в Италию). «Барон Дризен» взорвался на следующий день после ухода четырех французских транспортов, каждый из которых увозил по 1 тыс. русских солдат[106]. Под влиянием этих событий А. П. Угрюмов 10 (23) ноября 1916 г. был замещен вице-адмиралом Л. Б. Корвином (Кербером)[107]. Межведомственная комиссия, работавшая в конце 1916 — начале 1917 г. установила виновного. Им был объявлен боцман «Барона Дризена», чудом спасшийся во время взрыва. Не менее чудесным образом он взял на себя вину за диверсию и был расстрелян[108].

Новый главноначальствующий энергично принялся за дело, однако, несмотря на предпринятые меры по усилению безопасности, 13 (26) января 1917 г. снова произошел взрыв. На этот раз в порту Экономия близ Архан-

гельска взорвался ледокольный пароход «Семен Челюскин», имевший на борту до 3 тыс. пикрита[109], а кроме того, хлористую соль, грузовики и легковые автомобили. От ледокола ничего не осталось, стоявший рядом французский транспорт затонул. Взрывы и пожары продолжались еще четыре дня, среди 300 складов Экономии не осталось ни одного не поврежденного, погибли 70 и были ранены 200 человек[110]. Количество раненых постоянно росло и, по уточненным данным, составило 344 человека, из которых три офицера и 99 нижних чинов. Только через пять дней гавань вновь начала принимать пароходы[111]. Убытки составили около 50 млн рублей золотом[112].

Частично минимизировать урон изоляции в первые месяцы войны пытались путем посреднической торговли через Швецию и Норвегию, но вскоре от этого пришлось отказаться. Прежде всего, активность германского флота заставила прекратить судоходную связь между финскими портами и Стокгольмом, поскольку на юг от Аландских островов плавание было уже небезопасно. Связи между русскими и шведскими железнодорожными линиями не существовало, между Торнео (Финляндия) и Корунга (Швеция) был разрыв. Укреплять острова Аландского архипелага Россия не имела право по условиям Парижского мира, но все же соображения безопасности потребовали прибегнуть к этой мере летом 1915 г.[113] Дело осложнялось еще тем, что общественность этих стран симпатизировала Германии и это затрудняло провоз военной контрабанды, особенно на фоне действий Великобритании, сокращавшей свободу морской торговли нейтральных государств со своими противниками. Размеры шведского импорта в Германию постоянно росли, прежде всего это касалось высококачественной железной руды: в 1914 г. — 6600 тыс. тонн, в 1915 г. — 6800 тыс., в 1916 г. — 6900 тыс. Кроме того, Швеция ввозила в Германию значительное количество древесины и экспортировала оттуда уголь, а в апреле 1915 г. Стокгольм продал Берлину более 10 тыс. лошадей, что вызвало протесты государств Антанты[114].

При этом шведы были не прочь сами увеличить ввоз продовольствия и сырья из России, и конечно же, не для того, чтобы отправлять их в страны Антанты. Проблема реэкспорта и военной контрабанды стояла очень остро. В качестве примера можно привести вопрос с медью. Швеция запретила ее вывоз, но поскольку был по-прежнему разрешен экспорт произведений искусства, то в качестве таковых вывозились многочисленные медные статуи Гинденбурга. Только после энергичного протеста правительства Великобритании эта практика была прекращена[115]. Однако медью дело не ограничивалось. По данным Совета министров России, традиционные потребители русского бензина в Европе увеличили его ввоз в Германию: Голландия — с 800 тыс. пудов в 1914 г. до 1700 тыс. к марту 1915 г., Дания — с 93 тыс. до 1084 тыс. и Швеция — со 120 тыс. до 1544 тыс. пудов за тот же период[116].

Среднее количество кораблей, посещавших русские порты за три года войны, составило приблизительно по 1250 в год. Для сравнения отметим, что в среднем за то же время в гавани Великобритании заходило по 2200 ко-

раблей в неделю (считая мелкие и средние каботажные суда). И все же количество крупных океанских судов тоже было впечатляющим, особенно по сравнению с максимальными русскими показателями (28 в неделю) — от 120 до 140 в неделю. К тому же достаточная провозоспособность Северного пути была достигнута только к концу 1915 г.[117] Тем не менее это среднестатистические показатели, а более точно передают реальность другие цифры: в самый близлежащий к фронту русский порт Архангельск в октябре — ноябре 1916 г. пришло не более 20 русских союзнических транспортов[118].

По сравнению с 1913–1914 гг. показатели экспорта и импорта изменились следующим образом:

По импорту				
	Жизненные припасы	Сырье и полуфабрикаты	Изделия	Все товары
Июль — декабрь 1914 г.	42,2%	32,8%	43,4%	34,6%
Январь — июнь 1915 г.	36,8%	35,4%	39,4%	36,6%
Июль — декабрь 1915 г.	40%	56,2%	89,4%	66%
Январь — июнь 1916 г.	29,4%	42,3%	98,5%	59,1%
По экспорту				
Июль — декабрь 1914 г.	21,6%	24%	40,2%	22,8%
Январь — июнь 1915 г.	7,2%	9,2%	53,2%	8,8%
Июль — декабрь 1915 г.	16,2%	22,2%	26%	18,4%
Январь — июнь 1916 г.	6,4%	18%	34%	11,2%

Совершенно очевидно, что закрытие Черноморских проливов больнее всего ударило именно по продовольственному вывозу России, сократившемуся за первое полугодие 1915 г. до 7,2%. В 1915 г., самом тяжелом для России, ввоз изделий, то есть промышленной продукции, упал до рекордно низкой отметки за всю войну. Благодаря экстраординарным мерам правительства его удалось поднять до довоенного уровня, но две трети ввоза шло на нужды армии и только треть — на нужды страны. Та же пропорция прослеживается и в распределении сырья и полуфабрикатов, объем ввоза которых сократился в три раза: так, за навигацию 1916 г. привезено 1,5 млн тонн снарядов и других боевых грузов, 1 млн тонн угля[119]. Для сравнения отметим, что британский торговый флот с августа 1914 г. по октябрь 1916 г. перевез 8 млн человек, 1 млн больных и раненых, 1 млн лошадей и мулов, 9,42 млн тонн различных военных грузов[120]. Конечно, значительная часть этих перевозок приходилась на ближние маршруты во французские порты, а большая — на освоенные и контролируемые британскими военно-морскими силами коммуникации. Океанская торговля оставалась под контролем Лондона, чего никак нельзя сказать о балтийской и черноморской торговле.

В результате внешняя торговля России в течение всей войны находилась в кризисе, и ее баланс к началу 1917 г. принял почти катастрофический оборот. В среднем в 1909–1913 гг. стоимость вывезенных из империи товаров

равнялась 1501 млн рублей, а ввезенных — 1139 млн, давая, таким образом, положительное сальдо в 362 млн рублей, в 1913 г. соответственно 1520 млн, 1379 млн и 141 млн рублей. Уже в 1914 г. эти цифры составили 1098 млн, 956 млн и 142 млн, в 1915 г. — 1153 млн, 402 млн и 751 млн, а в 1916 г. — 2707 млн, 579 млн и 2128 млн рублей. В результате за три неполных года войны превышение импорта над экспортом составило 3021 млн рублей[121].

Насколько больно ударила по России блокада, можно судить по тому, что в наиболее мощный Петербургский промышленный район было завезено в 1912 г. около 2048 тыс. тонн угля и значительное количество готового металла из Германии и Великобритании. Донецкий уголь и уральская руда не могли быть адекватной заменой ни по цене, ни по способу доставки. Кроме того, годовая потребность железа и стали России составляла 344 тыс. тонн, в то время как годовое производство только к концу 1916 г. стало достигать цифры в 256 тыс. тонн. Из ежегодной потребности в техническом оборудовании в 720 млн рублей на 1913 г. 37% импортировалось. По сложным машинам этот процент был еще выше — 58%.

Русская легкая промышленность по-прежнему зависела от импорта такого стратегического сырья, как хлопок. Небольшого увеличения собственного производства удалось достичь в Туркестане, а в Закавказье оно резко уменьшилось, и в результате к 1916 г. его внутренние запасы были исчерпаны, начался хлопковый кризис. Справедливости ради необходимо отметить, что тот год был вообще неурожайным во всех странах. При закрытых Проливах, исключавших возможность ввоза египетского хлопка, оставался только один путь — ввоз американского хлопка через Дальний Восток, чрезвычайно осложнявшийся из-за недостаточной пропускной способности железной дороги и нехватки подвижного состава.

Уже в 1915 г. импортированные из США 3,1 млн пудов этого сырья долгие месяцы оставались на складах Владивостока. Чрезвычайно важен был и импорт цветных металлов, довоенные потребности страны обеспечивались за счет отечественного производства: по меди — на 85%, по цинку — на 27,3%, по свинцу — на 2,3%, а по олову, никелю и ртути — исключительно за счет ввоза. Еще хуже положение обстояло в продукции химической промышленности — около 50% всех добываемых химическим путем продуктов приходилось ввозить из-за границы. Уже в начале 1915 г. выяснилось, что потребности фронта в порохе в 20 раз превышали возможности трех имевшихся в России пороховых заводов. Снарядный кризис можно с тем же основанием назвать и зарядным. Имевшиеся в империи 38 сернокислотных заводов в четыре раза уступали германским по мощности[122].

Серная кислота — важнейший компонент для производства бездымного пороха, и с проблемой увеличения объемов ее потребностей столкнулись все участники войны, но в России и во Франции эта проблема осложнялась потерей части районов, где были расположены заводы по ее производству. Однако русская армия, в отличие от французской, в худшие для себя дни осталась практически без эффективного контакта с союзниками. Кризис

1915 г. продемонстрировал это со всей силой. Г. фон Вангенгейм еще до начала войны считал, что для Германии лучший путь к победе в будущем конфликте лежит через блокаду Проливов[123]. Вспоминая положение, сложившееся осенью 1914 г., Э. фон Фалькенгайн писал: «Если прибавить к этому двусмысленное в то время положение Болгарии, то выступление Турции делалось прямо-таки жизненно необходимым и еще более ценным»[124].

Кавказский фронт: от Аджарии до Персии, зима 1914 — весна 1915 г.

Начало войны с Турцией, несмотря на многочисленные сообщения разведки и дипломатов, застало Россию врасплох. Для кавказско-малоазиатского направления существовало три варианта действий: 1) в случае изолированной русско-турецкой войны Кавказский военный округ, состоявший в мирное время из трех корпусов — 1, 2 и 3-го Кавказских армейских, усиливался на 4–5 корпусов и выполнял задачи наступательного характера; 2) в случае одновременной войны с германо-австрийской коалицией из округа изымался один корпус, и ослабленная армия решала задачи пассивной обороны; 3) в случае, если война с Германией и Австро-Венгрией начиналась при нейтралитете Турции, из округа изымалось уже два корпуса[1].

При этом уже в ходе кампании 1914 г. части 2-го и 3-го Кавказских корпусов перебрасывались на австро-германский фронт (за исключением 2-й Кавказской казачьей дивизии), в результате к вступлению Турции в войну Кавказский фронт имел 85 батальонов, 143 сотни и 262 орудия. Эти силы могли получить поддержку только в результате переброски на Кавказ из Туркестана 2-го Туркестанского армейского корпуса[2], а для этого требовалось время.

Тем не менее Кавказская армия перешла в наступление. Продвижение русских войск сначала развивалось успешно: 21 октября (3 ноября) был занят Баязет, 24 октября (6 ноября) — Кепри-Кейская позиция, являющаяся ключом к дороге на Эрзерум[3]. После этого движение было приостановлено — развивать его было нечем, а уже 25 октября (7 ноября) турки перешли в контрнаступление. На высотах Кепри-Кея завязались бои, охваченные во фланг русские войска вечером того же дня начали отступать, а к 30 октя-

бря (12 ноября) командир 2-го Кавказского корпуса генерал Г. Э. Берхман израсходовал практически все свои резервы. 31 октября (13 ноября) он получил подкрепления, которые помогли стабилизировать положение[4]. 5 (18) ноября штаб Кавказской армии сообщил: «Продвижение нашего авангарда на эрзерумском направлении закончено»[5]. К 8 (21) ноября бои здесь практически прекратились, наступило затишье[6].

Главнокомандующий армией сосредоточился на других вопросах. 12 (25) ноября 1914 г. он отдал приказ: «Вся мощь нашего оружия обращена исключительно против вооруженного неприятеля. Мирное население, к какой бы нации и вероисповеданию оно ни принадлежало, должно пользоваться одинаковым нашим покровительством. Мусульмане должны пользоваться таким же положением, как и христиане. Грабежи, убийства, разбои и нарушения права собственности в занятых нами областях отнюдь не допускаются. Виновники этих преступлений без различия национальности должны предаваться военному суду»[7].

Это было весьма показательное и своевременное выступление. Штаб Кавказской армии получал сообщения о том, что в начале ноября 1914 г. в Эрзеруме состоялся большой митинг, на котором распространялись слухи о грабежах и насилии над мирным турецким населением, которые якобы производили русские войска. 6 (19) ноября из этого города в Сивас было вывезено казначейство, местным крестьянам раздавалось оружие для организации партизанских отрядов. Эти меры были легко объяснимы. Среди мобилизованных было много необученных (особенно христиан), солдаты дезертировали группами и поодиночке[8]. Мобилизации подлежали лица от 23 до 30 лет — в действующую армию, от 30 до 38 лет — в запасные части, от 38 до 45 лет — в ополчение. Всего было мобилизовано 23 возраста[9].

Практически сразу после начала войны произошло обострение армянского вопроса. Младотурки стремились освободиться от только что данных ими обещаний. 26 января (8 февраля) 1914 г. в Константинополе было подписано русско-турецкое соглашение о начале реформ в Западной Армении, предполагавшее разоружение иррегулярной курдской кавалерии, сокращение срока службы в ее рядах до одного года, создание органов власти в автономии, при этом генеральные советы вилафетов Вана и Битлиса формировались по принципу равного представительства армянской и мусульманской общин, остальные — на основе национальной пропорции населения[10]. Теперь, воспользовавшись мобилизацией, турки приступили к привычному для них массовому террору.

Со своей стороны, представители армянской общественности, предвидя неизбежность вступления Турции в войну, выдвинули предложение об активном участии в ней на стороне России, однако это не вызвало заинтересованности ни в Тифлисе, ни в Петербурге[11]. Армян не держали в неведении. 6 (19) августа 1914 г. М. Н. Гирс сообщил в МИД: «Телеграфирую в Ван: «Какие бы то ни было выступления армян без предварительного с нами соглашения были бы для нас нежелательны. Приступить же к таковому

возможному в ближайшем будущем все же еще рано, так как мы находимся в мире с Турцией. Мы никоим образом не желаем разрыва с нею»[12]. Как часто бывает, нежелание воевать не стало гарантией мира ни для кого. В Западной Армении начались погромы. Эти новости из Оттоманской империи вызвали возмущение в России. Начался приток армян-добровольцев в русскую армию. Настроения были чрезвычайно тревожными[13].

Уже в ноябре 1914 г. корреспондент «Голоса Москвы» сообщал из Тифлиса: «Армянский народ переживает трагедию: в Турецкой Армении стоит призрак погрома, резни и пожаров»[14]. Вскоре этот призрак превратился в реальность. В Карскую область потянулись беженцы-армяне из Турции[15]. Одновременно в Турции развернулись широкие репрессии против греков. В самых широких масштабах они начались еще перед войной, когда младотурки приступили к депортации греков из района Смирны и побережья Средиземного моря в глубь страны[16]. Это население вынуждено было массами покидать родные места, многие предпочли оставить страну. В кратчайший срок в Россию и Грецию переехали около 100 тыс. человек[17].

С самого начала мобилизации османской армии христиане и иудеи не вызывали доверия у турецкого правительства и отправлялись в рабочие батальоны. Что до мусульман, несмотря на то что война с Россией была вообще популярной — она воспринималась как враг номер один, многие воевать вообще не хотели. В принципе, как и ожидалось, противоречия между турками и нетурецким мусульманским населением на русской границе были быстро забыты, но уже в арабских провинциях реакция на начало войны оказалась отнюдь не единодушной. Среди арабских призывников нередко происходило членовредительство[18], а ведь многим из них предстояло идти на русский фронт или штурмовать Египет. Люди устали — с итало-турецкой войны, с 1911 г., это была уже третья война, в которую вступала Турция.

Необходимо было поднять дух аскеров. На границе с Россией была развернута 3-я турецкая армия. В начале войны она состояла из 9, 10 и 11-го корпусов 2-й регулярной кавалерийской дивизии (девять дивизий, 35 эскадронов, 244 орудия)[19]. Вместе с ними действовали четыре дивизии и бригада иррегулярной курдской кавалерии, 15 пограничных и один жандармский батальон: всего около 140 батальонов, 128 эскадронов, 250 орудий и около 8–10 тыс. курдов. С учетом подкреплений, подошедших к 3-й турецкой армии в конце ноября — начале декабря 1914 г., ее численность выросла до 190 тыс. человек, не считая курдов: 160 батальонов, 128 эскадронов, около 300 орудий[20].

По плану, разработанному советником военного министра Энвера-паши полковником Ф. Бронсартом фон Шеллендорфом, она должна была провести наступление во фланг и тыл русским войсками — на Сарыкамыш[21]. Это был небольшой городок, расположенный у подножия горы Саганлуг, в 58 верстах от Карса и 30 верстах от турецкой границы[22]. В 1911 г. в нем насчитывалось 260 домов, здесь жили русские, лезгины, осетины, греки и армяне[23]. В мирное время здесь находились штаб-квартира и казармы 156-го

пехотного Елисаветпольского генерала князя П. Д. Цицианова пехотного полка и значительные военные склады: Сарыкамыш лежал на прямом пути из Карса в Эрзерум и был последней станцией русской железной дороги на этом направлении[24]. Если бы 3-й турецкой армии удалось овладеть Сарыкамышем, то положение выдвинутых после открытия военных действий вперед русских войск быстро стало бы критическим. Эрзерумская группировка, насчитывавшая 63,25 батальона, 39 сотен, 12 инженерных рот, 166 орудий, была самой сильной в Закавказье, остальные 30,75 батальона, 66 сотен, три инженерные роты, 90 орудий были равномерно развернуты вдоль 550 верст границы, а еще шесть батальонов выделено на охрану побережья. Учитывая то, что основная группировка была разделена на передовую (три четверти) и резерв (четверть), противник мог обладать решающим превосходством в силах при наступлении — около 150 тыс. против 50 тыс. человек[25].

Задолго до этих событий при оценке возможных действий турок в случае войны штаб Кавказского военного округа исходил из того, что главным объектом действий противника станет Тифлис, при этом основное направление его движения пройдет по линии Эрзерум — Карс — Тифлис (463 или 483 версты в зависимости от маршрутов). Этот выбор объяснялся желанием турок прикрыть свою главную базу снабжения — Эрзерум и его долину, а также наличием самого удобного шоссе[26]. Гораздо более близкий к Тифлису Ардаган не давал такого преимущества. Кроме того, обе дороги, идущие от него к главному русскому военно-административному центру Закавказья, Ардаган — Ахалцих — Тифлис (388 верст) и Ардаган — Ахалкалаки — Тифлис (382 версты) легко перекрывались в дефиле у Бакуриан, где можно было бы сдержать крупные силы наступавших[27].

В случае успеха турок у Сарыкамыша возможности компенсировать поражение в ближайшей перспективе у русского командования не было. Под угрозой падения оказывался Карс — оплот русского могущества в регионе[28]. Падение этой крепости открывало бы дорогу в Закавказье для турецкой армии. Энвер-паша мечтал о походе на Каспий, строил планы о выходе к Поволжью, мобилизации сил мусульманских народов для дальнейшего движения на Афганистан и Индию[29], и для этого были определенные основания. В Персии у турок были сторонники еще со времен революции. Что касается Кабула, то еще в начале Первой Балканской войны эмир Хабибулла-хан обещал поддержку султану и заявил, что Османскую империю и Афганистан объединяют интересы и враги[30].

Уже в конце 1914 — начале 1915 г. русскому командованию пришлось учитывать возможность обострения ситуации в Персии, где турецкие и германские агенты развернули весьма успешную пропаганду «священной войны» против России и Англии (особенно среди курдов, в районе озера Урмия, то есть в зоне русского влияния), пользуясь сочувствием, а иногда и прямой поддержкой местной жандармерии, находившейся в значительной степени под контролем шведских офицеров-инструкторов[31]. Увеличение количества немцев и турок в Персии было заметно, они быстро распространя-

ли свое влияние на полудикие племена пограничья, не особенно церемонясь в средствах. Особенно удачной по действенности находкой стали слухи о том, что германский кайзер принял ислам[32]. Твердо полагаться власти могли только на Персидскую казачью бригаду, действовавшую под командой русского генерала и русских инструкторов. В 1911 г. в Персии появилась новая сила — жандармерия, которую тренировали шведские инструкторы, с момента своего создания она стала гораздо большей силой, чем казачья бригада. Уже в 1911 г. насчитывалось 5700 рядовых жандармов. Кроме того, штат инструкторов из Скандинавии (34 человека) превышал число русских офицеров (не более 10 человек). В результате резко ослабла роль той силы, которая традиционно была проводником русского влияния в стране[33].

Казачья бригада, находившаяся под русским командованием, по сравнению с жандармами в 1914 г. была относительно невелика (1,2 тыс. сабель), к тому же почти полностью задействована для охраны шахского двора и 450 км дороги Энзели — Решт — Казвин — Тегеран. Это шоссе, построенное русскими инженерами, в 1914 г. было главной транспортной артерией, связывавшей столицу Персии с Россией[34]. К июлю 1914 г. шведы создали 11 жандармских полков, примерно по 1 тыс. человек в каждом, расположенных в разных городах и провинциях Персии. Столичная полиция и жандармерия также находились в руках шведов. Жандармы и полицейские были хорошо обучены и вооружены[35]. С конца 1914 г. инструкторский кадр этих частей получил еще один источник пополнения — за счет бежавших из русского плена австрийцев и турок[36].

С началом войны задачи по охране дорог, государственных учреждений и русского имущества стали гораздо более сложными, роль Персидской казачьей бригады для их решения резко возросла[37]. Большие опасения вызывали и шахсеваны: 45 кочевых племен на юге провинции Азербайджан практически не подчинялись Тегерану и в 1911–1912 гг. доставили немало забот русским властям, дело часто доходило и до нападений на пограничные посты и селения[38]. В сентябре 1912 г. глава шахсеванов Баграм-хан сдался русским войскам под Ардебилем и поклялся, что больше не будет воевать против них. Следует отметить, что большая часть кочевников в 1914–1915 гг. выполнила это обещание[39]. Накануне начала войны уверенности в этом, разумеется, не было. Русский контроль над Персией был явно незначителен и не гарантировал порядка и безопасности на фланге Кавказской армии в случае войны с Турцией.

По данным, полученным в Ставке на 12–13 (25–26) декабря 1914 г., наиболее крупные силы турецкой армии были сгруппированы: в районе Константинополя и Босфора — 1-я армия в составе двух корпусов (70 тыс. человек); в районе Адрианополя и Дарданелл — 2-я армия в составе четырех корпусов (130 тыс. человек); на сарыкамышском направлении — 3-я армия в составе трех корпусов и одной дивизии (до 150 тыс. человек); в Сирии — 4-я армия в составе двух армейских, одного запасного корпусов и одной дивизии (до 115 тыс. человек); в Аравии и Месопотамии — еще два корпуса[40]. Это

расположение полностью соответствовало плану турецкой мобилизации, составленному Ф. Бронсартом фон Шеллендорфом, считавшим необходимым удержание центра стратегической тяжести Турции — Константинополя любой ценой[41]. В этой обстановке началась Сарыкамышская операция.

Ей предшествовала демонстрация в Аджарии, где в ноябре туркам удалось занять часть Батумской области[42]. Еще в октябре 1914 г. русская разведка докладывала о том, что турецкое правительство начало собирать отряды добровольцев для вторжения в Аджарию, для чего местная администрация пошла даже на освобождение годных к службе арестантов. Они вооружались и включались в «шайку Аслан-бека Абашидзе» — представителя местного владельческого рода[43]. Этим донесениям не поверили, поскольку губернская администрация была полностью уверена в лояльности местного населения, остававшегося спокойным даже в смутные годы первой русской революции[44]. Большую часть населения Зачорохского края составляли аджарцы (около 80 тыс.), лазы (около 5 тыс.), весьма значительным был и процент турок. Основная часть аджарцев и лазов проживала и в пограничных районах Турции — это были потомки тех, кто покинул Батумскую область после перехода ее в руки русских[45].

В предвоенный период штаб Кавказского округа не ожидал наступления противника со стороны суши[46]. Наиболее возможным вариантом действий турок считалась высадка десанта с целью овладения Батумом. Город прикрывала крепость, но его исключительно пестрое население вызывало опасения. В 30-тысячном городе жили 28,9% грузин и мингрелов, 22% русских, 14,3% греков, 13,5% армян, 5% евреев, 6,5% остальных народностей. При этом треть населения города была представлена иностранными подданными, из них 7 тыс. человек имели подданство Турции, 2 тыс. — Греции, 640 — Персии и около 250 — остальных стран[47]. 1 (14) ноября сконцентрированные на русской границе отряды численностью до 5 тыс. человек начали вторжение в Аджарию[48].

Лояльность местного населения не вызывала сомнений у русских военных властей[49], тем не менее оно восстало. Жители пограничных районов традиционно промышляли контрабандой: они формировали многочисленные вооруженные турками банды, служили проводниками для отрядов вторжения, перевозили грузы и прочее. Следует отметить, что основной целью восставших стал грабеж городов и поселка горнопромышленной компании[50]. В результате небольшой пограничный отряд — взвод пехоты и сотня пограничников — вынужден был отступить на Ардаган. Остальные войска отошли за реку Чорох, от которой их пытались отрезать башибузуки. С помощью восставших турки и отряд Аслан-бека Абашидзе поставили на короткое время под контроль часть Верхней Аджарии, сожгли медеплавильный Дзансульский завод и ограбили поселок при нем[51].

Развить этот успех они не сумели, поскольку отряды лазов и аджарцев, в высшей степени эффективно действовавших в лесисто-горной местности, не могли быть использованы для атаки на Михайловскую крепость.

Оправдался предвоенный прогноз: пока эта позиция находилась в наших руках, она обеспечивала контроль (или возможность его восстановления) над Черноморским побережьем Закавказья[52]. Действия противника были столь неожиданны, что русское командование поначалу не смогло определить с точностью масштаб вторжения. Оно было убеждено лишь в том, что он значителен[53]. Уже 20 ноября (3 декабря) 1914 г. было принято решение перебросить подкрепления из Ардагана и Батума для скорейшего умиротворения Чорохского края[54]. Практически одновременно с Аджарией турки активизировались и на ванском направлении, где с середины ноября они попытались перейти в наступление[55].

Бои носили упорный характер и затянулись до 7 (20) декабря, когда наступление противника было парировано. Еще через два дня на ванском направлении турки перешли к обороне[56]. Задачу отвлечения внимания от эрзерумского направления и Сарыкамыша германо-турецкое командование выполнило. В какой-то степени этим планам способствовал и визит императора в Закавказье. 26 ноября (9 декабря) 1914 г. Николай II прибыл в Тифлис, где посетил православный Свято-Сионский и армяно-григорианский Ванский соборы, мечети обоих течений ислама, встретился с экзархом Грузии, католикосом армян, шейх-уль-исламом шиитов и муфтием суннитов. 30 ноября (13 декабря) император приехал в Карс, а 1 (14) декабря — в Сарыкамыш. Формально поездка прошла весьма удачно. Встречи и приемы следовали один за другим, император посещал храмы, госпитали и учебные заведения, проводил смотры воинских частей, представители разных групп населения, народов и вероисповеданий заявляли о своей полной лояльности[57].

Поскольку наместник граф И. И. Воронцов был тяжело болен и вынужден придерживаться постельного режима, почти всем распоряжался генерал А. З. Мышлаевский. Уже в эти дни он начал проявлять первые признаки беспокойства, которое вскоре переросло в откровенную панику[58]. В отличие от А. З. Мышлаевского Г. Э. Берхман, корпус которого выдержал бои с противником, был уверен в том, что турки в ближайшее время начнут наступление большими силами, не сомневался он и в конечном исходе операции, а потому просил приехавшего накануне императорского визита В. Ф. Джунковского приложить усилия к тому, чтобы Николай II посетил войска на границе. Эта просьба была доведена В. Ф. Джунковским до адресата, который воспринял ее чрезвычайно благоприятно[59].

А. З. Мышлаевский приложил все усилия, чтобы не упустить представившуюся возможность, и сосредоточился на демонстрации своей распорядительности в типичном для русского чиновника стиле. В частях получили приказы наводить порядок и чистоту и проследить за тем, чтобы при проезде монарха никто не сидел на заборах при наличии таковых[60]. Сопровождавший императора в поездке из Сарыкамыша к границе А. И. Спиридович вспоминал: «Порядка мало. Изредка попадаются около шоссе питательные или санитарные пункты. Новые вывески, новые флаги, недоделанность

кругом заставляют думать, что этого всего не было и устроено ввиду приезда Государя. Наскоро, напоказ»[61]. То же самое отметил и историограф Николая II генерал Д. Н. Дубенский[62]. Тем не менее император был доволен, особенно сильное впечатление произвели на него посещение Сарыкамыша и автомобильная поездка к границе[63]. Смотр войск корпуса Г. Э. Берхмана прошел великолепно, сам генерал поцеловал руку монарха перед войсками под крики «Ура!»[64]. Солдаты радовались возможности увидеть императора[65]. Как часто бывает в такого рода случаях, неприятности последовали позже.

9 (22) декабря началось наступление противника на Сарыкамыш. За два дня до этого был взят в плен командир полка курдской иррегулярной конницы. На предварительном допросе он показал, что на сарыкамышском направлении ожидается наступление. Из штаба дивизии под казачьим конвоем пленного офицера направили в штаб корпуса, но туда он так и не прибыл: конвоиры зарубили курда по пути, и полученная информация не была принята к сведению[66]. «На сарыкамышском направлении незначительные столкновения», — гласило сообщение штаба Кавказской армии от 7 (20) декабря[67]. Русское командование не верило в то, что противник сможет перейти в наступление, и поначалу не восприняло активизацию турок как серьезную опасность. Даже в день начала сражения помощник командующего Кавказской армией генерал А. З. Мышлаевский счел появление их батальонов на сарыкамышском направлении ошибкой, допущенной при движении[68].

Это тем более удивительно, что в середине июля 1914 г. под руководством генерала Н. Н. Баратова в Сарыкамыше была проведена военная игра по отражению возможной турецкой атаки на этот город, в ходе которой оборонявшиеся потерпели поражение[69]. А. З. Мышлаевский явно проигнорировал ее результаты. Объяснить такое поведение генерала может тот факт, что при оценке местности он опирался на довоенный обзор театра военных действий. Его автор полковник С. А. Виберг утверждал, что перевал Бардуз является труднодоступным для движения даже малых отрядов пехоты и в летнее время[70]. Перевал Бардуз и одноименное селение находились в четырех верстах от Верхнего Сарыкамыша. Перевал нависал над городком, расположенным в котловине, и представлял собой естественный ключ к нему. На Бардуз из Сарыкамыша вела скверного качества колесная дорога, движение по которой зимой действительно было чрезвычайно сложным. С другой стороны, в случае появления на перевале артиллерии противника под огнем оказывались бы и железная дорога и шоссе Сарыкамыш — Карс. Окруженные лесистыми горами, расположенные в узких и глубоких выемках в них, дороги исключали возможность маневра. Движение по ним под огнем было практически невозможно[71].

С другой стороны, подходы к Сарыкамышу через Бардуз считались невыгодным для противника маршрутом. «Обход Саганлуга с запада, — гласил обзор, — помимо трудностей движения по плохим дорогам, доступным для движения лишь небольших сил с легким обозом и артиллерией,

крайне опасен, т. к. противник должен будет совершать фланговый марш перед фронтом нашей главной позиции»[72]. Опасение вызывало более или менее благоустроенное шоссе Караурган — Карс (96 верст), но даже и оно становилось труднопроходимым на нескольких участках. Более того, даже по самому лучшему шоссе и именно на участке в турецком тылу движение зимой останавливалось на несколько недель из-за сильных снежных заносов[73]. Следовательно, теоретически наступление противника в этот период было почти невозможно, а через Бардуз — практически невозможно[74]. Штаб Кавказской армии заявил о том, что 9 (22) декабря на сарыкамышском направлении был отбит ряд атак противника[75].

Это была полуправда. Несколько отбитых атак не помешали туркам овладеть инициативой, они сумели сосредоточить на решающем направлении превосходящие силы, и русские вынуждены были проводить перегруппировку, в связи с чем на несколько дней оборонявшиеся уступали наступавшим почти на всей протяженности фронта[76]. Сил было совершенно недостаточно, а генерал А. З. Мышлаевский, вмешиваясь в управление частями, своими распоряжениями лишь усложнял задачи[77]. Для обороны города был сформирован Сарыкамышский отряд во главе с командиром 1-го Кавказского армейского корпуса генералом от инфантерии Г. Э. Берхманом[78], который сдерживал наступление турок до концентрации сил 2-го Туркестанского корпуса[79]. В командование корпусом должен был вступить генерал-майор М. А. Пржевальский, командир прибывшей в город 1-й Кубанской пластунской бригады[80].

11 (24) декабря А. З. Мышлаевский прибыл в город и именем главнокомандующего отстранил от управления войсками Сарыкамышского отряда генерала Г. Э. Берхмана, лично возглавив группировку. В тот же день в 16 часов 30 минут приказом № 1 он разделил отряд на два корпуса — 1-й Кавказский армейский и Сводный и два отряда — полковника С. А. Довгерда и генерал-лейтенанта Н. М. Истомина[81]. 1-й Кавказский корпус переходил в подчинение Г. Э. Берхмана, Сводный — под командование прибывшего с А. З. Мышлаевским генерала Н. Н. Юденича. В состав Сводного корпуса вошла часть 1-го Кавказского и 2-го Туркестанского корпусов[82]. Так, фактически во главе туркестанцев стал начальник штаба Кавказской армии — Н. Н. Юденич, а командир корпуса вскоре получил другое назначение[83].

Г. Э. Берхман должен был энергично атаковать турок в направлении на Кеприкей, Н. Н. Юденич — нанести удар по их левому флангу, Ольтинский отряд Н. М. Истомина (две бригады с батареями, ожидавшимися из Карса) — выбить турок из Ольт, а отряд С. А. Довгерда (18-й стрелковый полк с одной батареей, ополченцами и пограничниками) — держать Бардузский перевал и обеспечивать связь между войсками Н. Н. Юденича и Н. М. Истомина[84]. Вся эта лихорадочная деятельность никак не способствовала упрощению положения на фронте и в тылу[85]. Над русскими войсками в этот день уже витала опасность окружения. 12 (25) декабря авангард обходящей колонны противника, легко сбив небольшие ополченские заслоны на перевалах, вы-

шел на позиции в 6–7 км от Сарыкамыша. У городского вокзала находились значительные склады боеприпасов и продовольствия[86]. Н. Н. Юденич отдал распоряжение подтянуть к Сарыкамышу резервы, но поскольку они находились на расстоянии от 70 до 100 км от города, возможность их быстрого подхода исключалась[87].

Штаб Кавказской армии издавал успокаивающие сообщения, в которых читалась рука А. З. Мышлаевского: «На ольтинском направлении бои развиваются. На сарыкамышском направлении наши войска, перейдя в наступление, сбили передовые части турок на всем фронте»[88]. Между тем 12 (25) декабря, в день опубликования этого известия, гарнизон Сарыкамыша состоял из двух дружин ополчения, вооруженных берданками[89]. Ополченцы совершенно не годились для выполнения сколько-нибудь серьезной задачи: они имели по 15 патронов на винтовку, были практически не обучены и использовались для караульной службы на складах и вокзале[90]. По счастливой случайности 12 (25) декабря в Сарыкамыш прибыли для дальнейшего следования в Тифлис кадры для формирования нового 23-го Туркестанского полка: для этого каждый полк 2-го Туркестанского корпуса выделил по одному взводу, а сам корпус — взвод легкой артиллерии и гаубичный взвод. В тот же день из Тифлиса с последним поездом прибыли молодые офицеры, выпущенные из Тифлисского военного училища[91]. Не было в городе и старшего офицера, который смог бы возглавить эту разношерстную массу и сделать из нее нечто боеспособное.

Также случайно выяснилось, что на вокзале находится какой-то полковник, который пьет чай в буфете, ожидая поезда, чтобы направиться в свою часть. Им оказался начальник штаба 2-й Кубанской пластунской бригады полковник Н. А. Букретов, возвращавшийся после болезни в строй. А. З. Мышлаевский отдал ему по телеграфу распоряжение организовать оборону города до прихода подкреплений. Н. А. Букретов сформировал роты из 2 тыс. запасных, прибывших на вокзал, использовав для этого 120 прапорщиков, получивших свои офицерские погоны 1 (14) декабря. Кроме того, ему удалось найти на складах трехлинейные винтовки и частично перевооружить ими ополченцев. Полковник присоединил к импровизированным ротам две пулеметные команды (16 пулеметов), следовавших в его бригаду, и выдвинулся вперед, к позициям на Бардузском перевале. Укрепиться на них не удалось. В тот же день, 12 (25) декабря, турки атаковали перевал. Долго удержаться с ополченцами и наспех сбитыми из резервистов частями Н. А. Букретов не мог[92].

12 (25) декабря А. З. Мышлаевский все еще считал, что турки на этом направлении появились случайно, в результате ошибки, допущенной при движении, но в общем обстановку под Сарыкамышем он уже признавал угрожающей[93]. Утром 13 (26) декабря 29-я турецкая дивизия начала атаку Бардузского перевала и днем оттеснила сводный русский отряд — он стал откатываться в город. В тот же день сюда начали стягивать все, что было возможно: 80-й пехотный Кабардинский полк, 1-й батальон 18-го Туркестан-

ского полка с двумя орудиями, 1-й Запорожский казачий полк с четырьмя орудиями[94]. В решающие для обороны дни Сарыкамышский отряд не мог рассчитывать на поддержку. Выдернутые для контрудара с фронта части только начали перегруппировку. За Сарыкамышем находился Карс, практически лишенный гарнизона, а в тылу Кавказской армии имелись только формирующаяся 3-я Кавказская стрелковая бригада (прикрывала Карс), 66-я пехотная дивизия, 3-я Кубанская пластунская бригада (прикрывала Ардаган)[95].

До Бардуза к моменту начала турецкого наступления дошел лишь батальон 18-го стрелкового Туркестанского полка, который и встретил 13 (26) декабря атаку 29-й дивизии противника. Подтянуть приданные ему два орудия (в армии шел переход с шести- на четырехорудийные батареи, и эти пушки были случайно, но весьма своевременно присланы в гарнизон в качестве кадра для новой четырехорудийной батареи), на перевал так и не удалось. Сбив туркестанцев с перевала, турки овладели господствующими над Сарыкамышем и дорогами к нему высотами. Развивая этот успех, они попытались спуститься вниз. Очевидно, посчитав, что у русских нет артиллерии, турецкие артиллеристы вывели свою четырехорудийную батарею на открытую позицию для непосредственной поддержки пехоты. Она мгновенно была обстреляна двумя орудиями, приданными отступившему батальону, и, потеряв три орудия, была принуждена к молчанию[96].

Без поддержки артиллерии наступление турок затормозилось. К тому же на подходе к городу их пехота попала под огонь восьми орудий, имевшихся в гарнизоне, и понесла большие потери. Не ожидая встретить такого сопротивления, командир 29-й турецкой дивизии подумал, что в город подоспело подкрепление, и остановился, ожидая подхода остальных дивизий 9-го армейского корпуса — 17-й и 28-й. В результате весьма ослабленному батальону 18-го Туркестанского полка удалось удержать вокзал, а войскам Н. А. Букретова — закрепиться на окраинах[97]. Фактически эта передышка стала залогом спасения Сарыкамыша и, как следствие, гибели армии противника[98]. Ночью полуокружение стало очевидным для всех: «Турки жестоко страдали от мороза и не скрывались от русских, развели огромные костры и всю ночь, а может быть, и днем тоже, жгли костры вдоль всей линии на верхушке горы над вокзалом»[99]. Утром 14 (27) декабря турки начали артобстрел русских позиций, после чего пошли на штурм с трех сторон. Но в этот день гарнизон получил первое подкрепление, атакующим удалось занять лишь три сакли на окраинах города. Гарнизон был измучен непрерывными боями и ослаблен потерями[100].

Далеко не лучшим образом обстояло дело и с командованием, в котором поначалу царила неразбериха. К ночи с 14 на 15 (с 27 на 28) декабря в штабе А. З. Мышлаевского поняли, что Сарыкамыш находится под ударом пяти дивизий противника, к тому же выяснилось, что передовые части турок перерезали железную дорогу на Карс[101]. В конце концов, запутавший все А. З. Мышлаевский 15 (28) декабря вместе со своим начальником штаба

генерал-майором Л. М. Болховитиновым покинул Сарыкамыш на автомобиле, направляясь кружной дорогой на Александрополь и Карс. Причиной оставления войск в критическом положении была болезнь главнокомандующего (на самом деле с начала войны больной И. И. Воронцов не покидал постели)[102]. Положение было весьма сложным, окружение стало почти свершившимся фактом, а по дороге на Карс автомобиль А. З. Мышлаевского был обстрелян турками. В возможность счастливого для Кавказской армии исхода событий он уже не верил[103].

Очевидно, это и стало причиной сбивчивых распоряжений генерала, отданных в этот день. Перед отъездом он назначил двух равноправных начальников — Г. Э. Берхмана и Н. Н. Юденича и приказал им при необходимости начать отступление на Карс, организовав сильный заслон. Оставшиеся должны были ни в коем случае не допустить разгрома наших сил[104]. Держать оборону в городе, в окружении гор, занятых противником, было невозможно, оставаться в нем — тоже. Ко времени отъезда А. З. Мышлаевского на продовольственных складах имелось запасов на 8–10 дней, 19 декабря 1914 г. (1 января 1915 г.) ежедневная выдача хлеба в войсках была сокращена до одного фунта[105]. Между тем перед отъездом генерал отдал распоряжение не только об общем отступлении от города, но и об уничтожении складов. В случае выполнения этого приказа катастрофа была неминуема: уступавшие противнику по численности и на три четверти окруженные части были бы уничтожены[106]. Вероятно, понимая, что произойдет в случае выполнения этой директивы, А. З. Мышлаевский не подписал ее, ограничившись передачей по телеграфу[107]. Он уже явно готовился к оправданию после поражения.

Суммируя его распоряжения, можно заметить, что генерал одновременно приказывал готовиться к отходу, но поскольку отступить в порядке и сохранить обозы и артиллерию на обледенелых спусках и подъемах горных дорог было весьма сложно, он призывал «напрячь все силы, чтобы отбросить турок от Сарыкамыша»[108]. На отход наших войск от города весьма рассчитывал и Энвер-паша. В своем приказе от 12 (25) декабря он отмечал: «Если русские отступят, то они погибли». Н. Н. Юденич на свою ответственность отказался выполнять приказ А. З. Мышлаевского, предпочтя активную оборону. Сохраненные склады затем сослужили добрую службу Кавказской армии, обеспечив ее бесперебойное снабжение[109]. 15 (28) декабря бой на окраинах города возобновился, но турки уже не штурмовали, они также были измучены. Вечером того же дня в город прибыл генерал М. А. Пржевальский с пятью батальонами пластунов и возглавил оборону[110].

Энвер-паша поначалу находился в Эрзеруме: по сообщениям русской разведки он собирался войти после победы в Карс и провозгласить себя гази, то есть победителем[111]. Турецкая пропаганда напрягала усилия для того, чтобы вызвать восстание против России. Одна из прокламаций сообщала народам Кавказа о том, что 100 тыс. аскеров перешли русскую границу, и призывала: «Мусульмане! Из гранитных гор Кавказа слышна хвала Аллаху и героизму мусульманских войск. Привет тебе, мусульманский народ

Кавказа, от имени наместника великого пророка Магомеда Халифа. Ныне он призывает тебя к священной войне... Мусульмане-кавказцы! Теперь вы должны, как и прочие мусульмане, восстать против врагов нашей веры и крови — русских и объявить им священную войну... наступило время гонения на нашу веру, шариат и Коран. Сплотитесь и вооружайтесь ружьями и кинжалами против врага Корана и именем священной войны изгоните его из пределов нашей Родины, всячески препятствуйте прибывающим на помощь русским войскам из России; разрушайте железные дороги, мосты, телеграфы и телефоны; организуйтесь, нападайте на врага и преследуйте его. Слушайтесь прибывших из Турции организаторов, указывайте им дороги и слушайте их, ибо они ваши кровные братья»[112].

Убедившись в удачном начале операции, турецкий военный министр принял решение лично возглавить армию. 16 (29) декабря к Сарыкамышу подошел свежий 10-й турецкий армейский корпус. Утром того же дня Энвер-паша повел решительное наступление на город всеми силами, поставив во главе атаки 10-й корпус[113]. Поначалу она имела успех: днем турки уже прочно перерезали дороги на Карс, Сарыкамыш был окружен, но только на несколько часов — к трем часам дня противник был выбит с позиций, ведущих в русский тыл[114]. 16 (29) декабря, в тот день, когда происходили эти трагические события, в собственноручном и последнем своем приказе № 51 А. З. Мышлаевский поручил командование Сарыкамышским отрядом Г. Э. Берхману. Пожалуй, ликвидация двоевластия в окруженной группировке, судьбу которой решали если не минуты, то считаные часы, была его единственным правильным решением, принятым за время всей Сарыкамышской операции.

При этом он по-прежнему упорно предлагал Г. Э. Берхману невыполнимые решения: «Ввиду прорыва турок у Новоселима и создавшегося положения у Карса предлагаю Вам вступить в командование войсками первого Кавказского и Сводного корпусов. Совместно с генералом Юденичем, который останется у Вас, Вы должны разбить турок у Сарыкамыша и открыть себе выход на Карс вдоль железной дороги, а при невозможности — на Каракурт и даже по обходным путям в направлении к Карсу, уничтожая турок, которые перебросились с ольтинского направления на пути между Сарыкамышем и Карсом. Для облегчения Вашего движения можно уничтожить часть Ваших обозов и бросить лишние тяжести. В случае недостатка продовольствия широко пользуйтесь местными средствами. Сам я переезжаю в Александрополь, чтобы принять дальнейшие меры». Связь ввиду создавшейся ситуации предлагалось держать летучей почтой, и это было единственное предложение, реализация которого была возможна и не угрожала гибелью русским войскам[115].

Совершенно непонятно, как и где эта группировка нашла бы «местные средства» для продовольствия, неясно и то, как и куда она смогла бы отойти, в то время как турки постоянно наседали на русские позиции уже в самом Сарыкамыше. В городе до вечера шел исключительно упорный бой, во мно-

гих местах переходивший в штыковые атаки. Противник овладел казармами 156-го Елисаветпольского полка и вокзалом. Победа была вырвана у турок буквально в последний момент, в двух шагах от успеха. Вечером М. А. Пржевальский бросил в бой свой последний резерв — две сотни пластунов. Их ночная контратака на несколько дней остановила натиск турок. Турецкий штурм был отбит, противник выбит из города и из здания вокзала. Лишь полтора батальона турок по-прежнему удерживали казармы елисаветпольцев. Успех позволил оборонявшимся провести перегруппировку и усилить оборону[116].

17 (30) декабря на позициях под городом было относительно спокойно[117]. В этот день войска гарнизона приступили к зачистке от турок саклей, находившихся на высотах у города. Эти каменные здания были прекрасно приспособлены к обороне и фактически превращены в маленькие крепости. Одну из них пришлось взорвать с помощью минной галереи, весь ее гарнизон погиб, после чего оставшийся пункт обороны немедленно прекратил сопротивление: три старших, семь младших офицеров и 300 солдат во главе с командиром полка сдались в плен. Одновременно блокированные в казармах Елисаветпольского полка турки вынуждены были сложить оружие. Эта неудача была компенсирована ими успехом на другом направлении. 17 (30) декабря 1-я Константинопольская дивизия противника оттеснила 3-ю пластунскую Кубанскую бригаду и двумя полками захватила Ардаган, который туркам удавалось удерживать за собой в течение пяти дней[118].

18 (31) декабря войска Кавказской армии начали фланговое движение против группировки Энвера-паши, а она вновь атаковала город. Гарнизон отбил три штурма, под вечер в резерве М. А. Пржевальского остался только один взвод, но больше атак не последовало[119]. Сражение еще не было выиграно ни одной из сторон. В это время русская Ставка опасалась, что турки начнут переброску сил из Фракии и Константинополя на Кавказский фронт. Именно тогда великий князь Николай Николаевич (младший) в разговоре с Дж. Генбери-Вилльямсом высказал просьбу о союзнической военно-морской демонстрации против Турции, чтобы облегчить положение русского Кавказского фронта. Эта мера, по словам главнокомандующего, облегчила бы положение русских войск, не имеющих резервов, которые были взяты командованием на австро-германский фронт[120].

Неудивительно, что 18 (31) декабря Ставка опасалась поражения в первом же сражении в Закавказье. Верховный главнокомандующий хотел уже только компенсировать моральные потери. «Эту моральную сторону следует иметь в виду нашим союзникам, — писал об этом разговоре министра иностранных дел его представитель в Барановичах. — Если они с этим согласны, то желательно их воздействие на Турцию в наиболее уязвимых и чувствительных ее местах. У Турции таких мест много, где воздействие на нее может компенсировать успехи на Кавказе, даже забыть о ее успехах, обратив подъем духа в панику»[121]. При этом, обращаясь и к Г. Китченеру, и Ж. Жоффру, великий князь счел необходимым добавить, что «мы ничего

у союзников и ни о чем не просим; хотим их успокоить насчет наших дальнейших военных действий»[122].

18 (31) декабря Дж. Генбери-Вилльямс был командирован в Петроград вместе с главой дипломатической части Ставки князем Н. А. Кудашевым для переговоров с С. Д. Сазоновым и послами Антанты. Самым решительным способом оказать помощь России в Ставке считали прорыв Дарданелл. Моряки с самого начала сомневались в том, что союзники пойдут на такую сложную операцию ради чужих интересов, но заявили о своей готовности поделиться с ними информацией по Проливам[123]. Выбора не было — в этот день Николай Николаевич (младший) предельно точно и ясно ответил на очередной запрос С. Д. Сазонова: «Одни мы захватить Проливы не можем ни под каким видом»[124]. Николай Николаевич еще не имел последних новостей из Закавказья. Связь поддерживалась только с Тифлисом и Карсом. От А. З. Мышлаевского приходили маловразумительные сообщения, вроде официального: «В районе Сарыкамыша бои продолжаются»[125].

Дело в том, что еще 12 (25) декабря одним из первых турецких снарядов была разрушена единственная в Сарыкамышской группе радиостанция, а 14 (27) декабря турки перерезали и телеграфную линию, соединявшую город с Тифлисом. Только 18 (31) декабря радиостанция была исправлена и связь с Тифлисом восстановлена. В этот день Сарыкамыш еще штурмовали войска Энвера-паши, и только к вечеру русская оборона стала окончательно стабильной и уверенной[126]. Наступление турецкой армии было отмечено массовым грабежом и насилиями над христианским населением — русскими, греками, армянами и грузинами[127]. Отсутствие связи с Сарыкамышем и взятие турками Ардагана ставило под вопрос безопасность Тифлиса. В случае победы противника дорога на административный центр Кавказа и Закавказья была бы открыта. Приехавший сюда А. З. Мышлаевский 16 (29) декабря начал эвакуацию семей служащих, архивов и ценностей[128].

Эти действия вместе с появлением беженцев из пограничной полосы вызвали панику в городе. Жители начали в спешке покидать Тифлис, и 18 (31) декабря городской голова А. И. Хатисов вынужден был собрать Думу для того, чтобы обсудить меры по урегулированию отъезда обывателей и кампанию по борьбе со слухами[129]. В этот день В. А. Сухомлинов в письме к Н. Н. Янушкевичу с горечью констатировал: «...от гр. Воронцова-Дашкова я получил телеграмму с просьбой о присылке войск и с таким заключительным аккордом: «положение, угрожающее потерей Тифлиса», и пленением наместника, конечно, т. к. он уже не встает с постели. Во всем этом узнаю г-на Мышлаевского, орудующего там всем и создавшего совершенно невозможное положение. Очень трудно сказать, что теперь делать, но несомненно, что на Кавказе сейчас два врага: турки и Мышлаевский — и оба действуют успешно»[130].

Вскоре кризис был преодолен. Воля, энергичность, инициативность, отсутствие боязни ответственности за принимаемые решения, прекрасная организация штабной работы — все эти качества генерала Н. Н. Юденича

помогли ему справиться и с А. З. Мышлаевским, который после восстановления связи с Сарыкамышем по-прежнему норовил вмешиваться в командование войсками из Тифлиса, и с Энвером-пашой, стремившимся переломить ситуацию и вновь бросить войска в бой. Проведя перегруппировку, Н. Н. Юденич начал контрнаступление. 19 декабря 1914 г. (1 января 1915 г.) русские части стали наступать на Бардузский перевал и в три часа дня взяли его, окружив правый фланг противника. Утомившиеся и исчерпавшие свои возможности турки начали отступать. На следующий день наши войска наступали уже по всему фронту, противник еще оказывал сопротивление, но вскоре оно прекратилось[131]. Вечером 20 декабря 1914 г. (2 января 1915 г.) к городу подошли подкрепления — 1-я Кавказская казачья дивизия и 2-я пластунская бригада[132].

21 декабря 1914 г. (3 января 1915 г.) было восстановлено движение по железной дороге Карс — Сарыкамыш[133]. К этому моменту русская победа была уже очевидной: за два дня в плен сдались 5 тыс. турецких рядовых и 40 офицеров, противник начал оставлять орудия[134]. 3 января 1915 г. Энвер-паша покинул армию, а на следующий день отступление его подчиненных превратилось в бегство[135]. Необходимость в помощи союзников на турецком направлении надолго отпала. Быстро исчезла и паника в тылу Кавказской армии. Еще 21 декабря 1914 г. (3 января 1915 г.) тифлисский губернатор обратился к населению с воззванием, в котором убеждал жителей, что городу ничего не угрожает. Выезд из Тифлиса не ограничивался, но за распространение панических слухов вводилось наказание — штраф 3 тыс. рублей или трехмесячное тюремное заключение[136].

К этим мерам не пришлось прибегать, уже на следующий день в город стали приходить радостные новости с фронта[137]. 22 декабря 1914 г. (4 января 1915 г.) был возвращен Ардаган — Сибирская казачья бригада выбила противника из города кавалерийским ударом[138]. В тот же день в два часа дня сдалось то, что осталось от 9-го армейского турецкого корпуса[139]. При отсутствии налаженного снабжения и слабом уровне командования, не справившегося с управлением войсками, 3-я турецкая армия фактически распалась на отдельные части. 22 декабря 1914 г. (4 января 1915 г.) русские войска одержали победу под Сарыкамышем и вплоть до следующего дня осуществляли преследование, выйдя на позиции, которые они занимали до начала турецкого наступления. Русская армия потеряла 20 тыс. убитыми, ранеными, больными, более 6 тыс. человек пострадали от переохлаждения[140].

Именно Г. Э. Берхман как командир Сарыкамышского отряда известил в этот день об успехе главнокомандующего Кавказской армией больного наместника: «Безмерно счастлив от лица всех чинов вверенных мне войск горячо поздравить Ваше Сиятельство с большой и славной победой. Доношу: сегодня 22 декабря в 5 часов вечера решительно определилось полное поражение 9-го и 10-го турецких корпусов под Сарыкамышем»[141]. Штаб Кавказской армии поначалу ограничился сообщением об изгнании противника из Ардагана и дал более скромное описание победы: «Под Сарыкамышем

нанесено полное поражение турецкой армии. Девятый турецкий корпус уничтожен»[142]. Но уже на следующий день, 23 декабря 1914 г. (5 января 1915 г.), штаб армии официально сообщил о победе над наступавшей группировкой противника и пленении значительной ее части.

Угрозы вторжения на русскую территорию больше не существовало: «Под Сарыкамышем вчера к вечеру наши славные войска одержали полную победу над турками. Нами разбиты 2 турецких корпуса, причем один из корпусов взят в плен целиком вместе с корпусным командиром, тремя начальниками дивизий и вообще всем своим составом. Успевшие прорваться небольшие партии турок нами энергично преследуются и уничтожаются»[143]. После того как стала известна эта новость, Тифлис украсился флагами, улицы и площади города заполнили ликующие толпы, шумно праздновавшие победу русской армии.

Через два дня на вокзал стали прибывать первые эшелоны с пленными[144], вид их был ужасен. На последнем этапе боев неизбежно сказалась слабая подготовка тыла и снабжения противника: резервисты, особенно набранные в Сирии и Ираке, были одеты в летнюю форму и обувь. Все это быстро превращалось в лохмотья, не спасавшие от горных морозов. Многие из арабских солдат вообще впервые в жизни увидели снег, плен для них становился спасением, и они охотно клали оружие[145]. Среди партий пленных, которые прибывали в Тифлис, были и турецкие армяне, которых также бросали на фронт[146]. Все пленные выглядели одинаково. «Голь, абсолютная голь! — писал встречавший в Тифлисе эшелон с пленными из-под Сарыкамыша журналист. — В какой вагон не заглянешь, везде бледные лица, на которых застыл ужас прошлого боя, босые ноги, грязные истрепанные фески»[147].

23 декабря 1914 г. (5 января 1915 г.) последовала первая награда войскам и их командиру. И. И. Воронцов-Дашков в своей телеграмме благодарил начальника Сарыкамышского отряда, командиров и подчиненных «за стойкую службу Царю, Родине и Кавказу», после чего приказывал Г. Э. Берхману передать командование отрядом начальнику полевого штаба Кавказской армии генерал-лейтенанту Н. Н. Юденичу как старшему в должности. Он и должен был организовать энергичное преследование отступавших[148]. Г. Э. Берхману, пораженному и уязвленному таким необычным способом благодарности, оставалось только подчиниться. На следующий день он издал приказ по Сароыкамышскому отряду, в котором прощался с войсками и передавал командование своему преемнику[149].

Русские войска шли вперед, сталкиваясь на своем пути с типичными результатами деятельности турок и примкнувших к ним разного рода башибузуков[150]. До войны район Карса — Ардагана, то есть территорий, присоединенных после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., имел смешанное население: 46,6% армян, 20% закавказских татар, 5% турок, чуть более 7% курдов и прочие[151]. В наиболее опасном положении находились армяне, русские власти не допускали грабежей и насилия, обычных для турок и курдов в османских владениях, что немедленно сказалось на благо-

состоянии и вызвало недовольство, очевидное задолго до 1914 г. Уровень национального противостояния был высок, и каждая из сторон готовилась к защите и нападению.

«Армянское население, — гласил обзор Кавказского военного округа за 1911 г., — поставленное со стороны Турции под первый удар, с кровавой местью курдов за его экономические успехи в течение 35 лет русского господства, естественно, стремится объединиться. Труды партии «Дашнакцутюн» сплотили все приграничное армянское население в одно целое и придали ему боевую организацию. Тайно существующие, тайно обучающиеся «строевые части» этой армянской милиционной армии, несомненно, носят в себе признаки антиправительственной организации. Но, находясь на самой границе и спасая собственное существование от ужасов курдского набега, армяне тем самым являются и первыми борцами за нашу государственную границу»[152]. Очевидно, так думали и турки. Узнав об отходе русских войск, армянское население спешно последовало за ними, опасаясь резни[153]. Эти опасения быстро оправдались.

Формально в турецкой армии существовали правила, ограничивавшие традиционные для турок способы ведения войны. Памятки солдатам гласили: «Никогда не оскорбляй веры неприятельских солдат или мирного населения: не причиняй вреда его храмам. Аллах заповедывал нам уважать все религии на свете. Аллах не любит ни жестокости, ни жестоких людей. Аллах проклинает их. Жестокость создает нам врагов даже из наших друзей и таким образом увеличивает количество наших врагов. Жестокостью никогда не победишь... Без специального приказания своего начальника не жги и не разрушай неприятельской деревни или домов»[154]. Действительное значение этих деклараций сразу же было проверено на практике. Недолгое пребывание турецкой армии в Ардаганском уезде не прошло без следа: все русские и греческие селения были сожжены, начались массовые убийства христиан[155].

Армянские селения, оказавшиеся в руках турок, полностью уничтожались[156]. Резня, организованная турецкими военными властями, была массовой[157]. «Трупы армянского населения валяются там всюду, — отмечал в письме русский военный врач, — ими набиты все колодцы»[158]. Практически то же самое происходило и в греческих поселениях, в лучшем случае в живых оставляли молодых женщин, которых уводили в рабство. Масса таких пленниц была освобождена русскими войсками из рук турецких и курдских убийц и грабителей. Богатейший до войны уезд был почти начисто разорен ими[159]. «Сплошь и рядом после учиненного турками разгрома, — отметил в своем интервью возглавлявший на этом участке фронта санитарный отряд думы М.-Ю. Джафаров, — встречались селения, совершено опустошенные, причем мы находили в них только женщин и детей, так как турки беспощадно убивали мужчин»[160].

Эта информация позже нашла подтверждение в комиссии о нарушении правил и обычаев войны на турецком фронте. В частности, под Ардаганом

были вскрыты массовые захоронения жертв турецких зверств. В основном убитыми были армяне — мужчины в возрасте от 12–13 лет и старше. Их уводили за город, где убивали и закапывали в огромных рвах-могилах. После этого начинался зверский погром оставшегося населения — женщин и малолетних детей. Особенно изуверскую изобретательность турки проявляли по отношению к церквям. Присутствовавшие при этом германские офицеры ничего не делали для того, чтобы остановить эти убийства[161]. Не удивительно, что после этого от более чем двухтысячного населения Ардагана (50% — армяне, 30% — турки)[162] практически никого не осталось.

«Громадный квартал в центре города, — отмечал приехавший туда через несколько дней после его взятия журналист, — застроенный магазинами и торговыми помещениями, был выжжен»[163]. И это было сделано менее чем за пять дней! Расплата пришла быстро. Турки намеревались закрепиться в Ардагане, однако контрнаступление русской армии не дало им осуществить эти планы. Мечети города и площади перед ними были забиты трупами аскеров и курдов, убитых в боях[164], позже под Ардаганом захоронили еще 1,5 тыс. трупов. Было захвачено знамя 8-го турецкого пехотного полка[165].

Сводки из Закавказья приносили в Ставку только радостные известия. Турки попытались перехватить инициативу и оказать поддержку своим войскам, отходившим от Сарыкамыша. Решающим местом их контратаки стал Караурган — небольшое местечко, конечный пункт шоссе Карс — Сарыкамыш, за которым начиналась условная дорога до Эрзерума, проходимая для колесного транспорта только в сухое время года[166]. Решающую роль должен был сыграть 11-й армейский корпус противника, получивший значительные подкрепления из Эрзерума, — его численность на этот момент оценивалась приблизительно в 50–60 тыс. человек против 25–30 тыс. обычного штата. Попытка ослабить давление на отходивший 10-й корпус не завершилась успехом, хотя несколько дней турецкая пехота исключительно упорно атаковала занимаемые нашей армией Саганлукские позиции. После окончания этих боев турки отошли на позиции под Зивином, где попытались перейти к обороне. Все эти попытки завершились неудачей[167].

4 (17) января 1915 г. штаб Кавказской армии известил о завершении этих боев: «Караурганское сражение, происходящее последние три дня при непрекращающейся метели, закончилось полной нашей победой. Усилиями доблестных кавказских и туркестанских полков и равно сибирских казаков последнее сопротивление противника было сломлено. Его арьергарды, прикрывавшие отступление, почти уничтожены, и остатки турецкой армии, теснимые с флангов и фронта, бегут к Эрзеруму»[168]. В плен попали три командира турецких полков, шесть полков, то есть две трети корпуса, уничтожены и пленены[169]. Противник был в очередной раз разбит и на ардаганском направлении. На Ольтинском шоссе Сибирская казачья бригада добила ускользнувшую из Сарыкамыша 30-ю турецкую дивизию[170]: казаки совершенно неожиданно для противника атаковали пехоту сомкнутым строем и почти полностью уничтожили ее, было захвачено два орудия[171].

7 (20) января стало известно о масштабах победы: два турецких корпуса разгромлено. Остатки 9-го корпуса вместе с его командиром Али Исханом-пашой, 200 офицерами и 7 тыс. аскеров, всей артиллерией, обозами, припасами и оружием стали добычей русской армии. Остатки 10-го корпуса обратились в бегство, преследуемые русскими войсками[172].

В боях под Сарыкамышем, Ардаганом, Караургáном и Ольтами было захвачено 108 орудий — турки лишились 18 батарей[173]. 6 (21) января в Тифлис прибыло 24 вагона трофеев из Караургана[174]. На следующий день экзарх отслужил на главной площади города благодарственный молебен в честь победы, собравший огромное количество людей[175]. 13 (26) января на центральной площади Тифлиса у военного собора была организована выставка части захваченного у турок имущества: 25 горных орудий «Шнейдер — Крезо», 12 полевых орудий Крупа, 16 пулеметов, винтовки Маузера, передки, зарядные ящики, патроны, снаряды, цейсовские дальномеры, бинокли, телефоны, компасы и другое вооружение и военное имущество (в основном немецкого производства), оставленное 9, 10, 11 и 1-м армейскими корпусами противника[176]. К сожалению, отсутствие под Сарыкамышем резервов исключало возможность энергичного и глубокого преследования противника[177].

«Отступление турок, теснимых нами во всех районах, — писал 4 (17) января военный журналист, — переходит в бегство. Наблюдается одна и та же картина. Обессиленные, голодные неприятельские части, уцелевшие от нашего огня, умоляют прежде всего накормить. Пленные едва держатся на ногах от усталости и голода. Офицеры удручены неповиновением солдат, бросающих ружья и бегущих к русским сдаваться»[178]. Далеко не всем повезло попасть в плен. Отступление турецкой армии проходило в чудовищно сложных условиях: температура в горах опускалась до минус 40 градусов по Цельсию, снежный покров достигал 50–60 см. На перевалах замерзли тысячи турок[179]. В лесах под Сарыкамышем можно было наблюдать страшные картины: многочисленные трупы солдат и офицеров вражеской армии стояли, сидели и лежали в тех позах, в которых их застала смерть[180]. По официальным данным, из 150 тыс. человек, начавших наступление на Сарыкамыш, в составе 3-й турецкой армии на 10 (23) января 1915 г. насчитывалось только 12 400[181]. Вечером 14 (27) января 1915 г. были добиты остатки 30-й дивизии: оружие сложили ее командир вместе со штабом, 16 офицерами, 350 аскерами и были взяты три горных орудия[182]. Русские войска овладели Ольтинской и Зивинской позициями, отошли от Ардагана на 80 верст[183].

В первых числах января Приморский отряд во главе с генерал-майором В. П. Ляховым начал вытеснение противника из Зачорохского края, русское наступление здесь ввиду сложности рельефа и малочисленности войск шло медленно, но неуклонно[184]. Большая часть Батумской области была освобождена, но полностью вытеснить турок не удалось, тем более что сюда отошли часть разбитого 10-го турецкого корпуса и 3-я дивизия 1-го корпуса. После победы под Ардаганом часть русских войск из Ольтинского

отряда — 16-й и 17-й Туркестанские стрелковые полки, 3-й Горно-Моздокский полк и одна горная батарея — была переброшена к побережью[185]. Их появление на фланге противника оказалось внезапным и способствовало его поражению[186]. В боях подтвердились предвоенные донесения русской разведки. «В настоящее время выясняется, — гласило официальное сообщение губернатора Батумской области от 12 (25) января 1915 г., — что под маской регулярных войск в Зачорохском крае орудуют арестанты, выпущенные турками из трапезундской, ризской, эрзерумской и других тюрем. Война в Зачорохском крае является исключительной по трудности. Приходится каждую пядь земли брать приступом, до такой степени турки сражаются упорно. Турецкие лозистанские четники прекрасно вооружены и хорошо знают местность»[187].

В тыл с Кавказского фронта шел постоянный поток пленных. С 1 (14) декабря 1914 г. по 20 января (2 февраля) 1915 г. в Тифлис прибыли 14 220 турецких солдат и 326 офицеров[188]. С начала войны до середины февраля 1915 г. через станцию Минеральные Воды в Россию были отправлены 49 тыс. турецких солдат и 527 офицеров[189]. Пленные принесли с собой многочисленные болезни, в том числе и тиф. Медицинское состояние турок требовало немедленных и решительных мер, иначе эпидемии грозили перекинуться и на территорию империи. В результате вскоре было принято решение выдерживать пленных в шестинедельном карантине, после чего их отправляли на остров Нарген у входа в Бакинскую бухту, где был создан большой лагерь для военнопленных[190]. Угроза эпидемии была снята, а армия, с которой наступал Энвер-паша, фактически прекратила свое существование.

Все лавры победителя достались Н. Н. Юденичу, неоднократные попытки Г. Э. Берхмана добиться пересмотра решения И. И. Воронцова-Дашкова закончились без успеха. Николай Николаевич (младший) отказывался пересматривать этот вопрос, и только осенью 1915 г., после доклада императору нового начальника штаба генерала М. В. Алексеева, на Кавказ был направлен для рассмотрения этого вопроса генерал Ф. Ф. Палицын[191]. Проведя тщательное расследование, он сообщил о результатах в обстоятельном докладе на высочайшее имя[192]. На основании этого документа император принял решение восстановить справедливость и 21 июля (13 августа) 1916 г. Г. Э. Берхман заслуженно получил орден Св. Георгия 4-й степени за победу под Сарыкамышем[193]. Только ко второй годовщине начала этого сражения он публично был назван его героем[194].

Победное окончание Сарыкамышской операции сказалось и на положении в Персии. В самом начале турецкого наступления русское командование, опасаясь катастрофы на карском направлении, приказало Азербайджанскому отряду генерал-майора Ф. Г. Чернозубова (12 батальонов, одна дружина, 24 сотни при 24 орудиях) покинуть Северную Персию. Несмотря на протесты Ф. Г. Чернозубова, ему пришлось отступать, бросив при этом склады[195]. Командир отряда был образованным офицером, прекрасным

знатоком региона, в совершенстве владевшим персидским и курдским языками, лично храбрым человеком, но при этом скорее администратором, чем военным, и не сумел настоять на собственном мнении[196]. Воспользовавшись отходом русских сил, турецкие войска и иррегулярные части просачивались в Персию, дойдя 1 (14) января 1915 г. до Тавриза. Задача была очевидной — обойти Кавказскую армию через территорию Персии и вторгнуться в русский Азербайджан[197]. Решение этой задачи облегчалось наличием вполне приличной дороги, на которую выходил противник.

Шоссе Тавриз — Джульфа, построенное русскими инженерами, было основной коммуникационной линией, связывающей южный и северный Азербайджан и важнейшим торговым путем для русской торговли в Персии[198]. Влияние России на экономику этой страны было весьма значительным. В 1912–1913 гг. общий торговый оборот Персии равнялся 180,704 млн рублей, из которых на долю России приходилось 113,374 млн, или 62,7%. В 1913 г. русский импорт (на сумму 59,216 млн) составил 58% всего ввоза Персии, а экспорт (54,158 млн) — 68,9% от общего вывоза. Россия ввозила почти 90% стали и железа, 76% спичек, 94% стекла, 85% фарфора, потребляемых персидским рынком[199]. Поспешное отступление русских войск резко и негативно сказалось на престиже России среди местного населения, прежде всего курдов, которые начали переходить на сторону турок и совершать набеги на города, склады и дороги[200].

Вторгнувшись в нейтральное государство, турки грубо нарушали основы международного права, при взятии одного из городов ими был убит русский консул А. И. Ияс. Его голову насадили на пику и возили по городам в качестве демонстрации победы. С этим трофеем 25 декабря 1914 г. (7 января 1915 г.) в Тавриз вошел отряд из 1200 аскеров и приблизительно 3 тыс. курдов[201]. Верные принципу поддержки сильнейшего, местное население и власти Тавриза устроили вошедшим в город войскам «восторженную встречу». Однако это помогло не всем. Чиновники и представители местной знати, подозреваемые в русофильских настроениях, были расстреляны. Этой судьбы не избежали даже несколько ханов и губернаторов. Пострадало и христианское (в основном армянское) население города[202].

Турецкие солдаты и курдские ополченцы начали повальный грабеж и насилия, которые старался пресечь американский консул, население было обложено налогом «на нужды священной войны»[203]. В сторону Джульфы под защиту русской армии потянулись спасавшиеся от резни беженцы: армяне, айсоры, персы. Но дорога к спасению для многих стала могилой. «Трудно описать картину массового бегства мирного населения, — отмечал военный корреспондент. — Тысячи женщин, стариков, старух, детей сотни верст прошли по снегу, пока добрались до Джульфы. Многие беженцы так и не дошли до Джульфы: кто замерз, а кто умер от болезни или голода»[204]. Тем временем шах и меджлис заняли выжидательную позицию, не торопясь принимать чью-либо сторону. После разгрома 3-й армии Энвера-паши инициатива вновь вернулась к русской стороне[205].

У селения Софиан, в 27 верстах от Тавриза, на шоссе, ведущем в Джульфу, успехам турок и курдов был положен предел[206]. Попав в засаду, курдская кавалерия и пехота низама попали под пулеметный огонь с флангов с расстояния 200–300 метров и побежали, оставив на поле боя около 1 тыс. трупов[207]. «В боях под Тавризом, — сообщил 18 (31) января штаб Кавказской армии, — турки потеряли 4 горных орудия, боевые и продовольственные припасы и, будучи отрезаны от Тавриза, понесли большие потери и бежали. 17 января Тавриз занят нашими войсками»[208]. Потеряв около 2 тыс. убитыми, ранеными и пленными, бросив артиллерию, обозы и склады, турки и курды бежали из города. Предварительно они повесили персов, не желавших продавать им товары за бумажные деньги, разграбили их имущество и сожгли базар[209]. 18 (31) января 1915 г. Ф. Г. Чернозубов въехал в Тавриз — его приветствовали тысячи людей и представители власти. «Турки, — отмечал русский журналист, — встреченные вначале довольно приветливо тавризцами, после двукратного поражения и позорного бегства потеряли весь престиж»[210]. 21 января (3 февраля) в город вернулся русский консул, и поскольку русское консульство было разграблено и сожжено, он остановился в здании турецкого консульства, куда, кстати, была перенесена значительная часть награбленного[211].

Почти одновременно с действиями в Персии была завершена операция по очистке Аджарии. 21 февраля (6 марта) от турок и повстанцев был освобожден Дзансульский завод, а к 28 февраля (13 марта) противник полностью выбит из районов медных рудников в Мургульском ущелье. Уходя, турки и мятежники уводили за собой местное население. Часть жителей пряталась в лесах, откуда потом выходила к русским войскам. 11 (24) марта был взят город Артвин. Здесь была та же картина, что и в Ардагане: все казенные здания и частные дома были разграблены и сожжены. Войдя в город, турки обложили армянских жителей контрибуцией. Собрав таким образом 70 тыс. рублей, они приступили к казням. Из населения в 7680 человек в городе осталось не более 1 тыс. Русские войска перешли через реку Чорох, и турецкие регулярные части стали покидать территорию империи, а местное население, участвовавшее в мятеже и грабежах, сдавало оружие. К 25 марта (7 апреля) территория Чорохского края была очищена, русские войска начали переходить государственную границу — война и здесь была перенесена на территорию Турции[212].

Естественно, военные действия привели к потерям среди повстанцев и разорению территории[213]. Масштабы потерь подытожило Особое совещание, проведенное под председательством генерал В. П. Ляхова в конце октября 1915 г.: если до войны население Батумской области составляли 180 тыс. человек, то в ходе этих действий оно сократилось на 50 тыс. Беженцы шли тремя потоками — в Карскую область, Кутаисскую губернию и Турцию[214]. Репрессий со стороны русских властей по отношению к местному населению не последовало. Исключение составили руководители, уже имевшие проблемы с законом в довоенное время. «Выясняется, — сообщал русский

корреспондент, — что отдельными отрядами командовали и руководили лица, долго жившие в Аджарии. Многие из них имеют богатое уголовное прошлое; формуляры их весьма интересны»[215].

Наместник Кавказа предложил лишить русского подданства всех участников мятежа — мусульман Батумской и Карской областей, с последующей конфискацией имущества и выселением в Турцию по окончании войны. Освободившиеся земли планировалось передать «под переселение русских людей». Против этих планов выступили министры юстиции и иностранных дел[216]. 28 апреля (11 мая) Совет министров, поддержав проект И. И. Воронцова-Дашкова, отметил необходимость распространять карательные меры исключительно против изменников[217]. Следует отметить, что с самого начала речь не шла о распространении ответственности за мятеж на все мусульманское население означенных территорий.

Уже 6 (19) апреля 1915 г. генерал-губернатор Батумской области разрешил всем лицам мужского пола, выселенным в начале боевых действий из района Михайловской крепости, вернуться назад. Одновременно это разрешение было распространено и на жителей верхней и нижней Аджарии и Артвинского округа[218]. Этот приказ вызвал повсеместную радость, поскольку крестьяне получили возможность вернуться к своим полям во время посева[219]. Возвращение растянулось почти на полтора года. Многие из ушедших в Турцию опасались возмездия и выжидали. Сомнения были окончательно преодолены весной 1916 г., после взятия Трапезунда. Русскими военными властями был отдан категорический приказ, запрещавший разрушение домов в покинутых деревнях, за все продовольствие и фураж армия расплачивалась на месте деньгами.

Немаловажное значение имел и тот факт, что фронт все дальше уходил в глубь турецкой территории, земли за Чорохом превращались в безопасный тыл. Убедившись в этом, аджарские беженцы (в основном старики, женщины и дети) стали охотнее возвращаться к родным местам. Фелюги с такими пассажирами под белым флагом курсировали между турецким и русским берегами, и флот их не трогал[220]. Совершенно по-другому вели себя турки. Воспользовавшись относительным затишьем на приморском участке фронта, которое установилось летом и осенью 1915 г., они провели ряд карательных акций против армянских сел, расположенных за Чорохом, на турецкой территории. В результате целый район обезлюдел, его население, которое, кстати сказать, соблюдало полное спокойствие, было в значительной части уничтожено, возвращаться к пепелищу было некому[221]. Следует отметить, что турки вообще не отличались гуманными действиями, и это добавляло проблем русской администрации в Закавказье. Остатки разбитых под Сарыкамышем частей по пути в глубокий тыл предавали огню и мечу встречавшиеся им христианские селения[222].

Вслед за преследовавшей их русской армией возвращались беженцы-христиане, многие из которых хотели поквитаться за пережитое. Только в Карской области было разорено и уничтожено 50 греческих селений, их

жители частично бежали, а оставшихся или вырезали, или увели в качестве заложников[223]. Ввиду роста «антимусульманского движения» в области ее генерал-губернатор вынужден был издать воззвание к спокойствию и предупредить все население «об ответственности по всей строгости военного времени»[224]. 3 (16) марта главный начальник Кавказского военного округа также издал обязательное постановление о запрещении распространения устным и печатным образом «сведений, касающихся целой народности или отдельных ее представителей, направленных к возбуждению национальной или религиозной вражды между различными частями населения Кавказского края. Виновникам грозит штраф 3000 руб. или трехмесячное заключение»[225].

Проблема сохранения спокойствия в тылу осложнялась появлением значительного количества беженцев из Западной Армении. В начале февраля 1915 г. только в районе города Игдырь на границе с Ереванской губернией скопилось от 30 до 40 тыс. беженцев-армян, в основном это были женщины и дети[226]. Их общее количество в Ереванской губернии и Карской области равнялось приблизительно 80 тыс. человек[227]. Вскоре к ним начали присоединяться беженцы из Северной Персии[228]. Бежавшие отсюда турецкие части действовали так же, как и под Сарыкамышем: персидское подданство не защищало христиан, турки методично расправлялись с ними или натравливали на них курдов. Судьба армян и несториан-ассирийцев была страшной. За попытки укрывательства турки безжалостно расправлялись и с персами[229].

«К нам бежит армянское население с турецкого театра войны, — гласила статья «Беженцы», опубликованная в начале 1915 г. в «Речи». — У этого населения нет иного выхода. Те, которые не бегут, будут поголовно вырезаны, замучены, истерзаны не только вооруженными ордами, но и местным «мирным» населением, курдами, турками. Эти новые армянские беженцы отличаются от других тем, что никогда, уже не один век, не знали мирного, спокойного существования. Периодически, а то и непрерывно оно подвергалось погромам. Их громили и за то, что они «неверные» или иноверцы, их громили и за то, что они инородцы. Их громили и тогда, когда они сидели смирно и никто не мешал погромам. Еще больше их громили, когда они жаловались и за них заступалась Европа»[230]. Именно это и произошло вскоре с армянским населением Османской империи, которое было объявлено младотурками виновником катастрофы под Сарыкамышем. На самом деле, ее основной причиной было отсутствие в тылу турецкой армии надежных коммуникаций.

Турецкий противник: планы и действия союзников по борьбе с ним

На территорию Турции площадью 1760 тыс. кв. км приходилось только 5759 км железных дорог, причем все они были одноколейными и крайне слабо обеспеченными подвижным составом. К началу войны у турок было 280 паровозов, 720 пассажирских и 4500 грузовых вагонов. Железные дороги Турции могли обеспечить не более 100 поездов в сутки[1]. Багдадская железная дорога от Конии до Таврского хребта проходила достаточно далеко от тылов турецкой армии, действовавшей в Закавказье. Кроме того, она еще не была завершена — в двух местах у Тавра и хребта Аманус не были готовы тоннели (тоннель под Амануса был построен только в январе 1917 г.). Грузы там дважды приходилось перегружать на вьючный транспорт, чтобы за Амануса снова двигаться по железной дороге к Багдаду. Следовательно, возможность использования речных путей в верхней Месопотамии также была ограничена.

Оставался только один путь снабжения — через Черное море, по линии Константинополь — Трапезунд. 24 октября (6 ноября) 1914 г. Черноморский флот потопил здесь три самых крупных турецких парохода, перевозивших войска к Энверу-паше: «Мидхат-паша», «Безми-Алем», «Бехр-Ахмер»[2]. Это была большая потеря для турок, однако самым радикальным решением вопроса о срыве их военных поставок для России было бы полное закрытие Босфора или разрыв турецких коммуникаций в районе Проливов. Для решения первой задачи Черноморский флот с первых же дней войны активно приступил к минированию. В 1914 г. было поставлено 5500 мин, и таким образом израсходован весь минный запас, даже с учетом пополнения. Из

этого числа только 910 были поставлены у Босфора[3]. Разумеется, полностью блокировать пролив не удалось. Лучшим способом решения вопроса в конечном итоге был признан прямой удар.

Капитан 1 ранга Г. К. фон Шульц, русский представитель при британской Атлантической эскадре, предлагал ее командованию провести операцию на Балтике с целью освобождения самого прямого сообщения между Россией и союзниками[4]. Предложения русского офицера совпадали с довоенными предложениями первых лордов Адмиралтейства адмиралов Джона Фишера и Артура Вильсона[5]. Вернувшийся в Адмиралтейство Дж. Фишер вновь предложил свою старую идею относительно Балтики. В конце 1914 г. это предложение было поддержано У. Черчиллем, но правительство так и не приняло его[6]. Идею удара по Константинополю впервые предложил именно У. Черчилль, и его активно поддержали премьер-министр Г. Асквит и Г. Китченер[7]. Последний вообще был ярым сторонником действий на востоке, принципиально расходясь в этом с Ж. Жоффром[8].

Г. Китченер передал предложения великого князя в Адмиралтейство. 7 (20) января 1915 г. британское посольство в России информировало С. Д. Сазонова: «В настоящее время оно (то есть Адмиралтейство. — *А. О.*) пришло к заключению, что в добавление к второстепенной демонстрации, о которой лорд Китченер телеграфирует Вашему Императорскому Высочеству, общие интересы союзного дела требуют серьезного усилия, чтобы сломить турецкое сопротивление. В соответствии с этим Адмиралтейство решило попытаться путем морской операции форсировать проход через Дарданеллы. Предполагается, что эти операции, которые будут, как надеется Адмиралтейство, походить на способ, посредством которого германцы уничтожили внешнее кольцо антверпенских фортов, займут 3 или 4 недели для своего выполнения»[9].

Подготовка плана операции на Проливах была поручена вице-адмиралу С. Кардену[10]. В Средиземном море собиралась эскадра. Первоначально в ее состав британцы предполагали ввести 12 линейных кораблей (из них только два дредноута), три легких крейсера, 16 истребителей миноносцев, четыре подводные лодки, одну базу для гидропланов, значительное количество тральщиков и вспомогательных судов. Кроме того, Лондон сделал предложение Франции поддержать операцию флотом. Начало ее планировалось на вторую половину февраля[11]. Британские моряки, в отличие от военных, предпочитали атаковать слабейшую позицию. Главной проблемой была поддержка с суши. Исторический опыт убедил англичан в необходимости комбинированного удара по Проливам. Британский флот форсировал Дарданеллы без поддержки армии лишь в 1807 г., когда эскадра адмирала Дж. Дакворта прорвалась в Мраморное море, но ей пришлось уходить оттуда с большими потерями. Этот урок не прошел даром, и даже в Крымскую войну одним из первых актов тогдашних союзников была оккупация Галлиполийского полуострова.

С. Карден предлагал начать с медленного продвижения в Дарданеллах, систематически уничтожая форт за фортом и одну минную позицию за

другой[12]. Роль основной ударной силы в таком случае играл флот, но его успехи должна была удержать армия. Проблема состояла в том, что свободных сухопутных сил в распоряжении Лондона не было. Их требовалось собрать или создать. Однако к концу 1914 — началу 1915 г. обученных кадров у англичан не хватало, а французы еще не отошли от шока. В начале 1915 г. союзники даже просили у России выделить войска для этой операции, и Николай Николаевич согласился послать отборный отряд в составе четырехбатальонного полка, одной батареи и казачьей полусотни. Этот отряд предполагалось перевезти из Владивостока в район Проливов, где он должен был соединиться с союзниками. Так как собственного тоннажа у России для этого не было, его предложили обеспечить союзникам. В результате англичане отказались от русского участия в операции на первом ее этапе[13].

12 (25) января 1915 г. Верховный главнокомандующий ответил на телеграмму Г. Китченера. Великий князь придавал своему ответу особое значение и составил его лично. Он писал: «Обращение к союзникам в целях вызвать выступление против Турции имело целью оттянуть турецкие силы с Кавказского фронта в момент, когда на всем фронте Кавказской армии завязывалось сражение с превосходными силами. Это сражение могло закончиться для нас поражением. Действительно, намереваясь оказать всеми нашими силами содействие союзникам, мы решили никоим образом не ослаблять наших войск, сражающихся против немцев и австрийцев. Мы рассматривали также военные действия союзников против Турции как мощное средство оказать значительное моральное воздействие. В своем обращении мы не указали и не настаивали на том или ином способе выполнения, так как мы не имели возможности принять непосредственное участие в выполнении плана действий против Турции»[14].

Эта невозможность, по мнению Николая Николаевича (младшего), объяснялась следующими причинами: 1) слабость на море (русский флот был равен по силе турецкому только в случае сбора всех кораблей в одной эскадре, при этом ввод в строй первого русского дредноута «Императрица Мария» ожидался не ранее мая 1915 г.); 2) русские корабли могли принимать запас угля только на четыре дня, перезагрузка в походе в зимнее время была невозможной; 3) при этом наша основная база находилась в 24 часах хода от Босфора; 4) сильные позиции береговой артиллерии противника; 5) требуемые для десанта силы (не менее двух корпусов) могли быть обеспечены только за счет европейского фронта. Последнее решение было явно неприемлемым для великого князя, который считал наиболее важной задачей сокрушение главного противника — Германии. «Такова ясная и правдивая картина нашего положения, — писал он. — Мы спешим изложить ее, дабы союзники считались с ней, когда им придется выбирать средства и определять характер действий против Турции для того, чтобы добиться наибольшего успеха при данных обстоятельствах. Нельзя надеяться на разгром Турции путем успехов на Кавказском театре войны. Даже взятие Эрзерума не будет иметь в этом отношении решающего влияния»[15].

Позицию главковерха без всяких дипломатических ухищрений разъяснил его генерал-квартирмейстер. «Генерал от инфантерии Данилов, — сообщал С. Д. Сазонову в письме от 12 (25) января 1915 г. князь Н. А. Кудашев, — действительно высказался подробнее и определеннее, нежели Великий Князь. Он начал с того, что наше положение на Кавказе, после блестящих побед под Сарыкамышем, Караурганом и других, теперь прекрасно, но непрочно. Потери наши там громадны, и полнить их неоткуда. Между тем имеются сведения, что турки уже подтягивают подкрепления к нашей границе: 12-я дивизия, предназначавшаяся для действий против англичан на Шатт-эль-Арабе, направлена ныне на север; 2-й и 5-й корпуса (Адрианопольский и Смирненский) будто тоже готовятся к перевозке на наш фронт. При таких условиях месяца через полтора-два наша Кавказская армия будет в том же критическом положении, в котором она находилась до наших побед. Надеяться на повторение совершенных нашими кавказскими войсками подвигов можно, но рассчитывать на это не следует, и катастрофу на Кавказе необходимо по возможности предупредить. Ввиду этого всякая серьезная диверсия, совершенная нашими союзниками и направленная против Турции, только может быть нами приветствуема. Он (т. е. Данилов) подтвердил мне невозможность, даже при условии успеха английского предприятия, в какой успех он лично, безусловно, не верит, посылки нами каких-либо войск для десантной операции на Босфоре»[16]. Следует отметить, что в диверсии на Проливах были заинтересованы и сами союзники, прежде всего англичане.

Первой реакцией Лондона на вступление в войну Турции было завершение длительного процесса оккупации Египта и Кипра. Остров был присоединен к владениям Британской империи 5 ноября 1914 г.[17], а 18 декабря объявлен британский протекторат над Египтом[18]. Еще ранее англичане приступили к занятию юга Месопотамии. Дальние подступы к Индии всегда были предметом особого внимания Лондона. Вслед за прибытием германских кораблей в Мраморное море правительство Британской Индии направило бригаду пехоты в Персидский залив, на остров Бахрейн. После объявления войны она немедленно начала действовать в устье Шатт-эль-Араба. В ноябре 1914 г. численность британских войск здесь была удвоена, достигнув дивизии. 23 ноября она заняла порт Басру, 9 декабря — город Курну, находившийся в 50 милях выше, у слияния Тигра и Евфрата[19]. Таким образом, к концу декабря 1914 г. небольшой экспедиционный корпус англо-индийской армии контролировал низовья этих двух рек, которые впоследствии стали основными коммуникационными линиями действий британцев в направлении на Багдад[20].

27 января — 11 февраля 1915 г. турки предприняли атаку на Суэцкий канал, в которой участвовали до 15 тыс. человек. Они планировали пересечь канал посредине, перерезать эту важнейшую для Антанты коммуникацию (хотя бы на время) и поднять в Египте восстание против англичан. С регулярными частями шли ополчения бедуинов Синая, друзов, курдов, черкесов

и 2 тыс. беженцев из Триполи. Эти планы не удалось реализовать. Атака была отбита, при этом наступление сорвано относительно небольшими британскими силами, и турки побежали, оставляя пленных. Командовавший армией Джемаль-паша объяснил события в хвастливой телеграмме: его армия якобы достигла канала и разгромила англичан. Но внезапно началась страшная песчаная буря, славное войско султана увидело в этом волю Аллаха и поэтому с триумфом вернулось, потеряв пять человек и двух верблюдов, которые, кстати, потом нашлись[21]. Англичане исчисляли потери противника в 1 тыс. убитых, 2 тыс. раненых и 650 пленных, сам Джемаль-паша после войны привел данные, более близкие к этим, что и объясняет такое расстройство сил, находившихся под его командой[22].

Именно эта атака, пусть и провалившаяся с треском, способствовала ускорению принятия решения об экспедиции на Дарданеллы. Первоначально предполагалось ограничиться исключительно морской атакой и не использовать войска ни под каким предлогом. Более того, в случае неудачи первой атаки морякам предлагали вообще ограничиться демонстрацией и уйти[23]. Теперь планы изменились. Для экспедиционных сил было выделено три армейских корпуса, общая численность которых планировалась около 120 тыс. человек. Они состояли из АНЗАКа (Ausralian and New Zealand Army Corps), королевской морской дивизии, британской территориальной дивизии, англо-индийских частей и французской дивизии, составленной из колониальных частей и морской пехоты. Сбор этих сил затянулся, что обусловило разрыв между началом Дарданелльской операции — 19 февраля и высадкой десанта — 25 апреля 1915 г.[24]

При формировании этих сил британское командование повторило почти все ошибки русского в 1904–1905 гг. Интересно, что командовать десантом поручили генералу Яну Гамильтону — столь остроумному когда-то критику А. Н. Куропаткина, находившемуся во время Русско-японской войны при штабе генерала Т. Куроки. Я. Гамильтон считался знатоком Востока. 14 марта 1915 г., находясь в поезде между Парижем и Марселем, он записал в дневнике свой разговор с британским военным министром лордом Г. Китченером. Правда, тогда речь шла лишь о 80 тыс. человек, причем только 50 тыс. из них — активных штыков. Незадолго до начала войны он инспектировал австралийцев и нашел, что «лучшего материала не существует»[25]. Однако этот материал еще должен был получить возможность превратиться в хорошие войска. Для этого силам Я. Гамильтона предполагалось придать 29-ю дивизию численностью в 19 тыс. человек — «*extras — division de luxe*», как назвал эту часть британский генерал в своем дневнике[26].

Но с самого начала Я. Гамильтона предупредили о том, что именно с отправкой этой части военный министр предвидит затруднения. Те, кто выступал против создания кадрового запаса в довоенный период, теперь не хотели делиться ничем. Все, что выделялось для Востока, воспринималось в командовании Британскими экспедиционными силами как некий вид похищения с Запада. С самого начала речь шла только о временной передаче

дивизии. И даже это было непросто сделать. Г. Китченер вынужден был предупредить Я. Гамильтона: «Вы должны сразу же понять, что Верховное командование во Франции не согласится. Они думают, что для того, чтобы выиграть войну, они должны всего только отбросить немцев на пятьдесят миль ближе к их базе»[27].

У англичан не хватало обученных резервов. Их недостача определила потерю Фландрии в 1914 г. «То же самое относится и к Дарданелльской операции, — отмечал Д. Ллойд-Джордж. — Роковая задержка в высадке войск позволила туркам подвести подкрепления; эта задержка объяснялась тем, что мы не могли выделить лишней дивизии для того, чтобы создать экспедиционный корпус, — *одной* (выделено автором. — *А. О.*) дивизии — до тех пор, пока не стало слишком поздно и нельзя уже добиться никаких результатов»[28]. Задерживала союзников и еще одна проблема. Безусловно, с точки зрения дипломатических расчетов они хотели бы войти в Константинополь одни, но военные расчеты делали предпочтительным содействие русского десанта или на худой конец демонстрации на Босфоре.

Однако, как отмечалось выше, уже 24 января 1915 г. Николай Николаевич (младший) известил союзников о невозможности помочь им активными действиями. И он сам, и князь Н. А. Кудашев в разговоре с Дж. Генбери-Вилльямсом заявили о технической невозможности масштабных военно-морских русских действий у Босфора до мая 1915 г., то есть до ожидаемого ввода в строй линкора «Императрица Мария»[29]. На 1 декабря 1914 г. готовность этого корабля составила уже 75,9%, а однотипных «Императора Александра III» и «Императрицы Екатерины Великой» соответственно 71,7% и 66,2%. Пять строившихся эсминцев имели готовность 82–95%, две подводные лодки — 88–97% и еще две подводные лодки — 75–84%. На корабли, заложенные по программе 1914 г., вообще не приходилось рассчитывать в ближайшее время: готовность по одному линкору составляла 7,7%, а по двум легким крейсерам, восьми эсминцам и шести субмаринам шла только заготовка материала[30]. На осуществление судостроительной программы самое серьезное влияние оказывала блокада, поскольку два судостроительных завода треста «Наваль-Руссуд» зависели от зарубежных поставок. За три года (1914–1916) из необходимых 997 вспомогательных механизмов они заказали за границей 738, а изготовили сами только 71[31].

В начале войны специалисты по Босфору вице-адмирал В. А. Канин и капитан 1 ранга М. И. Каськов считали прорыв к проливу вполне возможным ввиду незначительной боеспособности «Гебена» и «Бреслау» после долгого плавания в Средиземноморье и низкого уровня готовности турецких укреплений на Босфоре отразить атаку. Даже весьма осторожный командующий Черноморским флотом адмирал А. А. Эбергард испрашивал разрешение на операцию — восстановление полной готовности немецких кораблей к действию ожидалось не ранее сентября 1914 г.[32] Однако, по мнению русских моряков, за первые три месяца войны немцы привели укрепления Босфора в порядок и штурм их без поддержки войск был невозможен.

В это время изменилась и позиция русского МИДа: С. Д. Сазонов теперь отстаивал активные действия на Проливах, однако Ставка уже не проявляла колебаний. 15 (28) декабря 1914 г. директор дипломатической канцелярии Ставки Н. А. Базили сообщал министру о результатах разговора с генерал-квартирмейстером штаба главковерха «по возбужденному Вами вопросу».

Мысли Ю. Н. Данилова были просты — высадка вблизи Босфора невозможна. Когда этот вопрос обсуждался до войны, имелось в виду то, что она будет внезапной. Теперь ситуация изменилась, и успех стал маловероятен. В первый и второй эшелоны десанта Ставка не могла выделить более чем по одному корпусу. Разрыв между ними составил бы не менее недели, что дало бы туркам возможность разгромить их по отдельности в случае, если они будут высажены непосредственно у Босфора. Следовательно, высаживаться они могли бы вдалеке от турецкой столицы, в Малой Азии, что делало бы путь к Проливам чрезвычайно сложной задачей. Для занятия зоны Проливов, по мнению Ю. Н. Данилова, требовалось 8–10 корпусов, а такую армию Ставка могла выделить только после победы над Германией. Россия не могла самостоятельно справиться с десантом, ей была необходима поддержка болгар. Экспедиционная армия могла бы собраться в районе Бургаса и Варны и оттуда двинуться на Чаталджинские позиции[33]. Интересно, что еще 14 декабря 1914 г. состоявший при султане генерал-фельдмаршал К. фон дер Гольц в письме к Э. фон Фалькенгайну указывал, что дальнейшее развитие кризиса зависит «в значительной степени от мелких балканских стран»[34].

В первую очередь это было верно в отношении Болгарии. Условие, поставленное Ю. Н. Даниловым относительно высадки экспедиционной армии, было явной отговоркой: уже 30 июля (12 августа) правительство Васила Радославова официально заявило о своем желании придерживаться строго нейтралитета вплоть до конца войны[35], а затем — о закрытии Бургасского порта в связи с началом его минирования. 9 (22) августа 1914 г. был заминирован Варненский порт, а 10 (23) августа завершены такие же работы в Бургасе. Поведение Софии с самого начала войны было исключительно двуличным, однако оно имело продуманную правовую базу. Гаагскую конвенцию 1907 г. о правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны Болгария подписала, но не ратифицировала. Таким образом, выполнение ее для Софии было не обязательным, а минирование портов и тушение маяков не нарушало нейтралитета, хотя и противоречило принятым нормам[36]. Как показали дальнейшие события, болгарское правительство относилось к ним весьма избирательно.

В частности, оно предпочитало закрывать глаза на проезд через свою территорию немецких военных. На протесты представителей Антанты 19 августа (1 сентября) последовало разъяснение: «В ответ на шаги, предпринятые представителями держав Тройственного согласия в отдельности по поводу проезда через Болгарию в Константинополь 600 германцев, состоящих будто бы офицерами и матросами германской службы, болгарское правительство удостоверило сегодня, что действительно недавно через

Болгарию проездом из Румынии проехали 600 германцев, но что они были одеты в штатское платье и имели при себе исправные документы. Они заявили, что направляются партией в Константинополь»[37]. Стоит добавить, что эта группа ехала отдельным поездом, на что в Софии также было объяснение: «Согласно действующим в Болгарии законам и правилам, формирование специальных поездов зависит исключительно от начальников железнодорожных станций, они обязаны только улавливаться с главным железнодорожным управлением об установлении расписания такого рода поездов»[38]. Все это, по мнению Софии, было свидетельством соблюдения строгого нейтралитета[39]. Через Болгарию шла и интенсивная переброска военных грузов для Турции[40]. Все это никак не позволяло рассчитывать на содействие властей этой страны, но эти проблемы военные оставляли решать дипломатам. На их повторявшиеся требования Ставка отвечала отказами.

12 (25) января 1915 г. директор дипломатической канцелярии при Ставке князь Н. А. Кудашев опять попытался вернуться к разговору о необходимости операции на Босфоре, но последовал отказ. «На это я ему напомнил слова Вашего Высокопревосходительства, — сообщал Н. А. Кудашев С. Д. Сазонову, — переданные ему после моей первой поездки в Петроград: что только то Вы считаете крепко приобретенным, что добыто нами самими, нашей кровью, нашими усилиями. Согласившись с этим, генерал Данилов прибавил, что мы и не думаем чужими руками жар загребать, что, впрочем, нам и не придется, так как англичане, если бы им и удалось овладеть Проливами, уничтожить турецкий флот и навести страх на столицу Оттоманской империи, то и тогда не смогут овладеть этою столицей: никакой десант, который они могли бы выслать, не в состоянии был бы одолеть турецкую армию, которая не отдаст же без боя столицу. Если принять во внимание это обстоятельство, то, по мнению генерала Данилова, мы ничем не рискуем, поощряя англичан к осуществлению их предположения. Что касается до общего вопроса завладения нами Босфором, то это не может быть сделано «между прочим». Он самым внушительным образом пояснил: завоевание Босфора потребует отдельной войны, а будет ли Россия способна вести эту отдельную войну, и захочет ли — в этом он глубоко сомневается»[41].

В рассуждениях Ю. Н. Данилова была ссылка и на объективные сложности. Слабым местом русской стратегии на Черном море по-прежнему оставался транспортный флот. Его развитие не успевало за ростом потребностей страны. В 1906 г. грузооборот всех морских портов России составил 20 млн тонн, причем под русским флагом было доставлено только 8,7% всех грузов. В 1913 г. грузооборот вырос уже до 30 млн тонн, в то время участие в их доставке русского флага увеличилось всего лишь до 9,8%. Перед началом Первой мировой войны ежегодно на фрахт судов Министерство финансов вынуждено было выделять до 140 млн рублей золотом. При этом в составе торгового флота России в 1914 г. числилось 2600 парусных судов различной грузоподъемности. Естественно, они не могли быть использованы при десантной операции. Транспортным ре-

зервом флота были пароходы РОПиТа* (Русское общество пароходства и торговли) и Доброфлота — в 1913 г. их было 80. Кроме того, можно было использовать 330 пароходов общей вместимостью в 345 тыс. регистровых тонн, принадлежавших 20 основным пароходным компаниям страны. По численности они составляли треть, а по вместимости — две трети всего самоходного коммерческого флота[42]. Естественно, что далеко не все эти суда были сосредоточены в Черном море.

Недостаточность транспортного флота стала ахиллесовой пятой Босфорского проекта. Первым на это обратил внимание морской министр адмирал И. К. Григорович. 31 декабря 1914 г. (13 января 1915 г.) он обратился к Н. Н. Янушкевичу с призывом о необходимости готовиться к экспедиции в любом случае, независимо от того, как пойдут дела на австро-германском фронте: «Для подготовки транспортной флотилии в настоящее время необходимо назначить командующего флотилией, при котором по мере действительной надобности организуется штаб. На эту должность мною назначен капитан над портом в Кронштадте контр-адмирал Хоменко как выдающийся офицер, неоднократно проявивший себя как в отношении способности хорошо организовать порученное ему дело, так и в отношении находчивости и распорядительности, что он выказал во время осады Порт-Артура, так и при других возлагавшихся на него ответственных поручениях»[43]. Базой флотилии был выбран Одесский порт.

Ставка не возражала, но выделять войска для экспедиции поначалу не собиралась. 1 (14) января 1915 г. Н. Н. Янушкевич вновь известил А. А. Эбергарда, что она может состояться только после победы на главном театре военных действий. Одновременно были сформулированы основные задачи флота: не допустить десант противника и сорвать его транспортные перевозки на Черном море[44]. Последнее было особенно важным. По данным русской разведки, на середину января 1915 г. турки после поражения под Сарыкамышем спешно перебрасывали подкрепления из-под Константинополя на Кавказский фронт[45]. Тем не менее моряки активно взялись за дело. Прибывший в Одессу А. А. Хоменко 31 января (13 февраля) 1915 г. дал первый отчет по транспортным средствам на имя капитана 1 ранга А. Д. Бубнова: «На Ваш запрос сообщаю, что в Черном море имеется 140 пароходов, могущих вместить после их приспособления приблизительно: 300 рот, 24 батареи и 12 эскадронов. Остается для обоза место, вместо соответствующего помещения 45 рот, что признается недостаточным. В настоящее время производится осмотр, частью приступлено к оборудованию. Прошу сообщить более точные сведения о возможном составе экспедиционного корпуса для расчета при оборудовании»[46].

---

* Русское общество пароходства и торговли (1856–1918), судоходная компания, основана и фактически управлялась Министерством финансов и Морским министерством. 50% акций компании владело государство, назначавшее половину совета компании. В случае мобилизации пароходы компании поступали в распоряжение Морского министерства. Общество национализировано в 1918 г.

Как оказалось позже, эти цифры были несколько завышенными: для того чтобы достигнуть этих показателей, пришлось бы отказаться от всех грузопассажирских перевозок на Черном море, а их уровень резко вырос с началом войны. Железнодорожная сеть в Предкавказье не справлялась со снабжением нового фронта, поэтому полностью рассчитывать на 140 транспортов, упоминаемых в докладе А. А. Хоменко, было нельзя. А. Д. Бубнов, получив этот документ, перечислил предполагаемые условия операции: базирование на болгарские порты и поддержка Румынии, Болгарии и Греции при условии отказа этих государств от активного участия в операции. Необходимо было еще раз выяснить количество десантных и транспортных средств (из расчета разовой перевозки), время их сбора и сбора сухопутных сил, размер которых гарантировал бы успех экспедиции. Следовательно, требовался план операции с окончательным решением проблемы места высадки и расчетом времени для перевозки войск от посадки на корабли до высадки[47].

Пока ни одна из этих задач не была решена, флоту предлагалось активизировать собственные действия. Турецкие форты на Проливах представляли собой земляные открытые укрепления, как правило, стоявшие у среза воды и хорошо видные с моря. Орудия на них были разделены траверсами. Правда, в апреле 1912 г. дарданелльские форты без особого успеха обстреливал итальянский флот, но на этот раз опасность была гораздо более страшной. На вооружении этих укреплений, охраняющих входы в Босфор и Дарданеллы, находились 85 орудий и 16 мортир. Среди устаревших были и вполне современные крупповские орудия калибром 10,2, 9,2, 10, 11 и 14 дюймов, при этом только 22 орудия были длинноствольными, а следовательно, дальнобойными и использовали современные снаряды.

Запас снарядов к дальнобойным орудиям был очень невелик: по 25 современных и 50 устаревших на ствол. Короткоствольные орудия и гаубицы использовали снаряды с черным дымчатым порохом весьма низкой разрушительной силы, и ценность их была невелика. Неудивительно, что 3 ноября 1914 г. союзная эскадра без каких-либо потерь обстреляла форты Дарданелл. Два английских линейных и два легких крейсера, два французских линкора, 12 эсминцев, три подводные лодки с маткой подошли к Галлиполийскому полуострову и за два галса вывели из строя форт Седд-эль-Бахр. В форте произошел взрыв арсенала — 360 снарядов и 10 800 кг пороха, в результате которого он превратился в руины[48].

Успех обстрела был, в частности, связан и с незначительной емкостью турецких арсеналов. Между тем удача союзников сразу же произвела большой резонанс на Балканах, что не замедлило сказаться на транзите военных грузов в Турцию. Еще 13 ноября 1914 г. А. фон Тирпиц отметил в своем дневнике: «Турки уже сейчас вопят о присылке боеприпасов, а нам нечего дать, не говоря уже о том, что Румыния ничего больше не пропускает»[49]. Действительно, если ранее через эту страну под видом металлического лома и различного рода машин потоком шла военная контрабанда, то в конце

октября в Румынии ее начали задерживать. Это вызвало оживленный обмен нотами между Бухарестом и Веной[50]. Колебания Бухареста были связаны не только с демонстрацией силы англо-французского флота на Средиземном море и неясной обстановкой на Восточном фронте Германии и Австро-Венгрии. Обстановка на Черном море также складывалась тогда не в пользу германо-турецкого блока. В ноябре — декабре 1914 г. турецкий флот понес ряд чувствительных потерь.

На совместном заседании флагманов, капитанов и артиллерийских офицеров русского флота все его участники единодушно высказались против поиска столкновения с «Гебеном» (считалось, что линейные корабли не в состоянии противостоять дредноутам)[51]. Специалисты тогда единодушно считали, что «Гебен» несравненно сильнее нашей эскадры[52]. Несмотря на это, А. А. Эбергард практически немедленно приступил к поиску противника. 4 (17) ноября 1914 г. русская эскадра в составе пяти эскадренных броненосцев, трех крейсеров и эсминцев возвращалась в Севастополь после обстрела Трапезунда. В этот день была получена радиограмма с сообщением, что «Гебен» и «Бреслау» находятся в море. Поскольку запасы топлива у эскадры были уже на исходе, командующий принял решение продолжать движение на базу. Выполнить этот план не удалось. 5 (18) ноября шедший впереди русских кораблей крейсер «Алмаз» заметил по курсу два знакомых силуэта. Подав сигнал тревоги, он вернулся в строй за линкорами[53].

5 (18) ноября русские корабли встретились у мыса Сарыч, в 39 милях от Херсонесского маяка, с «Гебеном». В 14-минутном морском бою немецкий корабль получил три попадания 12-дюймового и одиннадцать — среднего калибра, были убиты 12 офицеров и 102 матроса, в результате «Гебен» на две недели был вынужден стать на ремонт[54]. Противник воспользовался преимуществом в скорости и быстро оторвался от наших линейных кораблей[55]. К сожалению, русские эсминцы не смогли преследовать «Гебен», поскольку эскадра находилась в море уже семь дней и запас топлива подходил к концу[56]. Потери были и на «Евстафии», в который попал вражеский снаряд: были убиты три офицера и 29 матросов, один офицер и 24 матроса ранены, из них 19 человек тяжело. В бою ни один из кораблей русской эскадры ни на минуту не вышел из строя. После боя часть русских судов также прошла через ремонт, но десятидневный[57]. В частности, вечером 5 (18) ноября по приходе в Севастополь в сухой док был введен «Евстафий» — линкор принял около 1 тыс. тонн воды[58]. Этот бой убедительно продемонстрировал, как выучка и успешное командование могут компенсировать техническую отсталость[59].

13 декабря 1914 г. турецкий флот понес еще одну потерю. В этот день английская подводная лодка B-11 под командованием коммодор-лейтенанта Нормана Холбрука потопила в Дарданеллах турецкий эскадренный броненосец «Мессудие». Это был устаревший корабль постройки 1874 г., прошедший модернизацию в 1901 г. Его ценность была невелика, однако этот случай показал слабость обороны, в том числе и противолодочной, на Проливах. B-11 была также устаревшей, спущенной на воду в 1906 г. Тем не

менее Н. Холбрук смог выполнить поставленную перед ним задачу. Активно действовали и русские моряки. 26 декабря на минах у Босфора подорвался «Гебен». Крейсер принял через пробоину около 600 тонн воды, но все же сумел вернуться к своей базе. «Имея особый опыт в минном деле, — вспоминал командир линкора «Хайреддин Барбаросса» капитан 2 ранга, — русские ставили мины на глубинах в 180 м (590 футов), что до тех пор считалось невозможным»[60].

Успехи союзников на море вызвали в Константинополе тревогу и уныние. Германское посольство начало эвакуацию архивов, в городе ходили слухи о переезде правительства в Бруссу, недовольство против немцев было столь сильным, что главная квартира германо-турецкого командования вынуждена была переехать на транспорт «Корковадо», стоявший под охраной миноносцев[61]. Русская разведка доносила, что в конце января — начале февраля 1915 г. турки активно укрепляли Принцевы острова, на Босфорские укрепления перебрасывались орудия, которые снимали с Адрианопольской крепости[62]. Это означало только одно: германо-турецкое командование не исключало возможности прорыва флота союзников в Мраморное море. Но перелом в ситуации не наступил. Ставка не была полностью удовлетворена действиями своих моряков.

О. Лиман фон Сандерс вспоминал, что ничего значительного на море в первый период войны, до декабря 1914 г., ни германо-турецким, ни русским флотом не было сделано, но это отнюдь не привело к недостатку внимания к потенциальной угрозе с севера: «Все оборонительные меры, которые казались необходимыми для отражения русского десанта, были приняты. Берега Черного моря по обоим сторонам Босфора были защищены батареями и летными подразделениями, и VI армейский корпус находился недалеко от Сан-Стефано в готовности встретить любой русский десант. Этот армейский корпус был специально подготовлен для этой задачи бесчисленными крупномасштабными маневрами»[63]. С началом 1915 г. ситуация на Проливах изменилась, причем явно не в пользу турок. 2 января 1915 г. на русских минах подорвался турецкий крейсер «Берк» и вышел из строя до конца войны.

Успехи русской армии и флота, а также активизация союзников в районе Дарданелл, казалось, позволяли надеяться на близость перелома на турецком направлении. 10 марта 1915 г. адмирал Г. фон Узедом докладывал Э. фон Фалькенгайну: «Несмотря на сравнительно незначительный успех неприятеля, воспрепятствовать в течение длительного периода уничтожению всех укреплений Дарданелл не удастся, если заказанные уже много месяцев назад боеприпасы, мины, не будут быстро доставлены или если оборона не будет поддержана отечественными подводными лодками»[64].

Биографический указатель

Адариди Август-Карл-Михаил Михайлович (1859–1940). Окончил Николаевское инженерное училище, прапорщик гвардии (1879). Подпоручик (1884), поручик (1885). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан гвардии с переименованием в капитаны Генерального штаба (1888). Помощник адъютанта штаба Варшавского военного округа (1888–1892). Командирован в Оренбургское казачье юнкерское училище для преподавания военных наук (1892–1894), подполковник (1892). Штаб-офицер при управлении 56-й пехотной резервной бригады (1894–1899), полковник (1896). Начальник штаба 35-й пехотной дивизии (1899–1903), командир 98-го пехотного Юрьевского полка (1903–1905). Принял участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг., за отличия произведен в генерал-майоры (1907). Прикомандирован к Главному штабу (1905–1906). Член Военно-исторической комиссии по описанию войны с Японией (1906–1909). Начальник штаба 12-го армейского корпуса (1909–1914), генерал-лейтенант (1914). Начальник 27-й пехотной дивизии (1914–1915), во главе которой отличился в ходе боев под Сталупененом и Гумбиненом. В 1915 г. под давлением командира 3-го армейского корпуса генерала Н. А. Епанчина вынужден был выйти в отставку. После Октябрьской революции в эмиграции в Финляндии и во Франции.

Адрианов Александр Александрович (1861–1918). Окончил 2-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию (1880), 1-е военное Павловское училище, подпоручик (1882), поручик (1886). Окончил по 1-му разряду Военно-юридическую академию, штабс-капитан (1890). Капитан (1892), кандидат на военно-судную должность (1892–1894), помощник военного прокурора Варшавского военно-окружного суда (1894–1899), подполковник (1895), полковник (1899). Прикомандирован к прокурорскому надзору Варшавского военно-окружного суда для ознакомления на практике с военно-судебной деятельностью (1890), военный следователь Варшавского военного округа (1899–1901), помощник военного прокурора Варшавского военно-окружного суда (1901–1904). Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг., в распоряжении командующего 2-й Маньчжурской армией (1904–1905). Военный следователь Петербургского военного округа (1904–1905), помощник военного прокурора Петербургского военно-окружного суда (1905–1906), командирован в Эстляндию в качестве члена прокурорского надзора для наблюдения за производством следствий по делам политическим и о разграблении и поджогах помещичьих усадеб (1905), командирован в Свеаборг для наблюдения за производством дознаний по делу о Свеаборгском восстании, направления этих дел в суд и поддержания в суде обвинения

(1906), военный судья Московского военно-окружного суда (1906–1907). Генерал-майор (1907), военный судья Санкт-Петербургского военно-окружного суда (1907–1908). Московский градоначальник (1908–1914), Свиты Его Императорского Величества генерал-майор (1912). Главноначальствующий над Москвой (1914–1915), в мае 1915 г., с назначением Ф. Ф. Юсупова главноначальствующим над Москвой, вернулся к исправлению обязанностей градоначальника, после немецких погромов в мае 1915 г. вынужден был подать рапорт об отставке, в октябре 1916 г. предан суду за бездействие власти. Умер в Москве.

Александр I Павлович (1777–1825), император Всероссийский (1801–1825), Великий князь Финлядский (1809), царь Польский (1815).

Александр II Николаевич (1818–1881), наследник цесаревич (1825–1855), император Всероссийский, царь Польский и Великий князь Финляндский (1855–1881).

Александр III Александрович (1845–1894), второй сын императора Александра II, наследник цесаревич (1865–1881), император Всероссийский, царь Польский и Великий князь Финляндский (1881–1894).

Александр Михайлович (1866–1933), великий князь, племянник Александра II, внук Николая I, сын великого князя Михаила Николаевича, наместника Кавказа. При рождении зачислен на действительную военную службу и произведен в полковники. В плавании по Балтийскому морю на корвете «Варяг» (1881), зачислен на Балтийский флот (1882), в плавании по Балтике (1884–1885). Мичман, зачислен в Гвардейский флотский экипаж (1885), флигель-адъютант (1886). В заграничном плавании на корвете «Рында» (1886–1889), лейтенант (1889), в том же году находился в плавании по Черному и Балтийскому морям. В кругосветном путешествии на собственной яхте «Тамара» (1890–1891), в плавании по Черному морю (1891). Переведен на Балтийский флот, назначен командиром миноносца «Ревель» на одну кампанию, командовал отрядом из 12 миноносцев (1892). На крейсере «Дмитрий Донской» отправился в плавание в США для передачи личной благодарности императора Александра III президенту Астору за продовольственную помощь во время неурожая на юго-востоке России, капитан 2 ранга (1893). Старший офицер эскадренного броненосца «Сисой Великий» с оставлением в списках Гвардейского экипажа находился в плавании по Балтике и за границей на императорской яхте «Полярная звезда» (1895). В плавании на броненосце «Сисой Великий» (1896), тогда же отчислен в Свиту Его Императорского Величества с оставлением в списках Гвардейского экипажа. Член Совета по делам торгового мореплавания при Министерстве финансов (1898), старший офицер броненосца береговой обороны «Генерал-адмирал Апраксин» с оставлением в Гвардейском экипаже (1899), командир эскадренного броненосца «Ростислав» на Черноморском флоте, капитан 1 ранга, назначен председателем Совета по делам торгового мореплавания (1900). Председатель Особого совещания для рассмотрения вопроса об управлении торговыми портами (1901), председатель в Комитете по эксплуатации лесной концессии на реке Ялу (1901–1902). Возглавлял различные комиссии по модернизации броненосца «Ростислав» (1901–1902). Главноуправляющий торговым мореплаванием и портами с оставлением в прочих должностях (1902), контр-адмирал, младший флагман Черноморского флота, зачислен в Свиту с оставлением главноуправляющим, почетный член конференции Николаевской морской академии (1903). Председатель Особого комитета по усилению военного флота на добровольные пожертвования (1904). В начале Русско-японской войны занимался организацией «крейсерной войны», в феврале 1905 г. командовал эскадрой перехватчиков в Красном море. В июле 1905 г. — командующий флотилией минных крейсеров на Балтике, в августе того же года назначен младшим флагманом Балтийского флота с оставлением в прочих должностях. В ноябре 1905 г. уволен от

должности главноуправляющего в связи с ее упразднением. На одну кампанию назначен командующим Практической эскадрой обороны побережья Балтийского моря (1906), затем фактически находился в отставке. В 1909 г. уволен от должности младшего флагмана, произведен в вице-адмиралы и пожалован в генерал-адъютанты. Почетный член конференции Николаевской инженерной академии (1911). Один из основателей русской военной авиации, организатор офицерской авиационной школы в Севастополе (1910). Заведующий организацией авиационного дела в армиях Юго-Западного фронта (1914), а в 1915 г. — во всей действующей армии. Адмирал (1915), полевой генерал-инспектор военно-воздушного флота (1916). После отречения императора Николая II сопровождал вдовствующую императрицу в Могилев на встречу с ним. Проживал в своем имении в Крыму с семьей под домашним арестом, был освобожден немецкими войсками в апреле 1918 г., в декабре того же года на английском корабле «Форсайт» отплыл из Севастополя. Проживал во Франции, участвовал в деятельности русских военных эмигрантских обществ и организаций.

Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918), русский военачальник и государственный деятель. Из семьи солдата, получившего офицерский чин при защите Севастополя в Крымскую войну. Окончил Московское пехотное юнкерское училище, прапорщик (1876), участвовал и отличился в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба с причислением к Генеральному штабу (1890). Профессор Николаевской академии по кафедре истории русского военного искусства (1898–1904), одновременно занимал ряд должностей в Главном штабе. Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. генерал-квартирмейстер 3-й Маньчжурской армии. С 1906 г. 1-й обер-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба, с 1908 г. начальник штаба Киевского военного округа, с 1912 г. командир 13-го армейского корпуса. С началом Первой мировой войны начальник штаба Юго-Западного фронта, генерал от инфантерии (1914), с марта 1915 г. главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, в тяжелейших условиях организовал отступление русских войск из так называемого польского мешка, предотвратив планируемое немецким командованием окружение. Начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего, фактически руководил военными действиями русской армии (август 1915 — март 1917 г., 30 августа — 9 ноября 1917 г.), генерал-адъютант (1916). Верховный главнокомандующий (март — май 1917 г.), затем военный советник Временного правительства, в конце 1917 — начале 1918 г. находился у истоков Белого движения на юге России, один из создателей Добровольческой армии.

Алексей Михайлович (1629–1676), второй царь из династии Романовых (1645–1676), сын Михаила Федоровича и его второй жены Евдокии.

Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатрис Гессен-Дармштадтская (1872–1918), в крещении Александра Федоровна, императрица (1894–1917), убита большевиками вместе с семьей в Екатеринбурге.

Альберт Саксен-Кобург-Готский (1875–1934), Альберт I, король бельгийцев (1909–1934). В годы германского нашествия возглавил армию, фельдмаршал британской армии (1921).

Андраши де Чикценткирали унд Красногорка Дьюла (1860–1929), граф, младший сын канцлера Австро-Венгрии, австро-венгерский и венгерский политический деятель. Заместитель статс-секретаря правительства Венгрии (1892), министр образования (1894), министр королевского двора (1895), министр внутренних дел Венгрии (1906–1910). Выступал за сохранение дуализма, против введения всеобщего избирательного права. В ок-

тябре 1918 г. несколько дней занимал пост министра иностранных дел Австро-Венгрии, пытался добиться заключения сепаратного мира. В 1918–1920 гг. отошел от политики, но в 1920 г. был избран в Национальную ассамблею как беспартийный депутат, а затем возглавил христианско-национальную партию (партию крупных помещиков и капиталистов).

Андрей, митрополит Галицкий, в миру — граф Роман Шептицкий (1865–1944), предстоятель Украинской грекокатолической церкви (1901–1944). Лейтенант австрийской армии, в 1888 г. окончил юридический факультет Вроцлавского университета, получил степень доктора права, принял монашество в католическом ордене базилиан. Священник в Перемышле, затем в Добромилах (1892). Окончил иезуитскую семинарию в Кракове, получив степень доктора теологии (1894). Игумен монастыря Святого Онуфрия во Львове (1896). В 1899 г. назначен императором Францем-Иосифом епископом Станиславовским. С 17 декабря 1900 г. митрополит Галицийский, архиепископ Львовский и епископ Каменец-Подольский. Занимался политикой, был депутатом Галицийского сейма, австрийской Палаты господ. Осенью 1908 г. негласно посетил подпольные общины восточного обряда в Петербурге и Москве. В 1910 г. ездил в США, где занимался организацией эмигрантов из Галиции. Во время Первой мировой войны, когда после Галицийской битвы Львов был занят русскими войсками, остался во Львове со своими прихожанами. 19 сентября 1914 г. был арестован русскими военными властями по обвинению в проавстрийской агитации и выслан в глубь России. Находился в ссылке в Киеве, Новгороде, Курске, а затем в заключении в Спасо-Евфимиевском монастыре в Суздале. После Февральской революции освобожден Временным правительством по предложению министра юстиции А. Ф. Керенского. В мае 1917 г. созвал Собор Российской грекокатолической церкви (РГКЦ), назначив своим экзархом в России иеромонаха студита Леонида Федорова, в конце 1917 г. вернулся во Львов. После окончания Первой мировой и распада Австро-Венгрии поддерживал идею независимой Западной Украины, за что арестовывался польскими властями. Активно сотрудничал с гитлеровцами, поддерживая антирусскую и антисоветскую пропаганду, после прихода советских войск приветствовал их возвращение во Львов и отправил И. В. Сталину поздравительное послание.

Андрей Владимирович (1879–1956), великий князь, четвертый сын великого князя Владимира Александровича, третьего сына императора Александра II и великой княгини Марии Павловны. Получил домашнее образование, зачислен на воинскую службу, произведен в поручики (1895). Флигель-адъютант (1899), окончил Михайловское артиллерийское училище (1902). Причислен к Александровской военно-юридической академии для перевода иностранных военно-полевых уставов (1905–1906). Окончил по 1-му разряду Александровскую военно-юридическую академию, причислен к военно-судебному ведомству (1908). Полковник, командир 5-й батареи лейб-гвардии Конноартиллерийской бригады (1910), сенатор (1911), командир 6-й лейб-гвардии Донской казачьей Его Величества батареи (1911–1914). С начала войны при Генеральном штабе, с мая 1915 г. — командующий лейб-гвардии конной артиллерией. После Февральского переворота вышел в отставку с мундиром, уехал на Кавказ, где его и застала Октябрьская революция. В конце 1919 г. выехал из Кисловодска и в начале 1920 г. эвакуировался из Новороссийска на французском корабле. В 1921 г. женился на М. Ф. Кшесинской. Почетный председатель Союза измайловцев, Общества взаимопомощи офицеров лейб-гвардии конной артиллерии, председатель Русского историко-генеалогического общества во Франции, активный сторонник своего брата Кирилла. С 1947 г. — председатель Гвардейского объединения.

Артамонов Леонид Константинович (1859–1932). Окончил Владимирскую Киевскую военную гимназию (1876), Михайловское артиллерийское училище, подпоручик (1879). Принял участие в Ахал-Текинской экспедиции 1879 г., произведен в поручики. Окончил

по 2-му разряду Николаевскую инженерную академию (1880). Принял участие во второй Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 гг., действительный член Императорского Русского географического общества (1882). Штабс-капитан (1884), командир роты 12-го саперного батальона (1884–1885). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, капитан (1888). Состоял при Кавказском военном округе, старший адъютант штаба 1-й Кавказской казачьей дивизии (1888–1889), обер-офицер для поручений при штабе Кавказского военного округа (1889–1890). Обер-офицер для поручений при штабе войск Закаспийской области (1890–1892), подполковник (1892), старший адъютант штаба Приамурского военного округа (1892–1893), штаб-офицер для поручений при штабе войск Закаспийской области (1893–1895), штаб-офицер при управлении 2-й Закаспийской стрелковой бригады (1895–1897), полковник (1896). Военный советник в Абиссинии (1897), состоял в распоряжении начальника Главного штаба (1897–1901). Принял участие в походе в Китай, начальник штаба Южно-Маньчжурского отряда, за отличия произведен в генерал-майоры (1900). Командир 2-й бригады 31-й пехотной дивизии (1901–1903), начальник 8-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады (1903–1904). Принял участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг., командующий 8-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизией (февраль – октябрь 1904 г.), командующий 54-й пехотной дивизией (1904–1906), временно командующий 8-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизией, исполняющий должность коменданта крепости Владивосток (1906), начальник 22-й пехотной дивизии (1906–1908), генерал-лейтенант (1907). Главный начальник Кронштадта (1908–1910), комендант Кронштадтской крепости и главный руководитель оборонительных работ в Кронштадте (1910–1911), командир 16-го армейского корпуса (март 1911 г.)., командир 1-го армейского корпуса (1911–1914), генерал от инфантерии (1913). За крайне неудачное руководство войсками корпуса в сентябре 1914 г. был отстранен от должности, состоял в резерве чинов при штабе Минского военного округа, а с 1916 г. – Петроградского военного округа. Временно командующий 18-й Сибирской стрелковой дивизией (январь – апрель 1917 г.). После Октябрьской революции 1917 г. остался в Советской России, жил в Москве, Новгороде и Ленинграде, где и умер.

Асквит Герберт Генри (1852–1928), граф Оксфордский и Асквитский (1925), британский государственный деятель, член Палаты общин с 1886 г., министр внутренних дел (1892–1895), с 1898 г. лидер либеральной партии, канцлер казначейства (1906–1908), премьер-министр (1908–1916). В 1918 г. потерял место в парламенте, но в 1920 г. вернулся, с 1925 г. – член Палаты лордов.

Астров Николай Иванович (1868–1934), русский общественный и политический деятель. Родился в семье сельского священника. Окончил юридический факультет Московского университета (1892). Служил кандидатом, затем старшим кандидатом на судебные должности при Московском окружном суде. Мировой судья в Москве (1894), секретарь Московской городской думы (1897), гласный Московской городской думы (1903). С 1905 г. член кадетской партии, сотрудник и фактический руководитель канцелярии I Государственной думы (1906), директор Московского кредитного общества (1910), глава комитета прогрессивной группы гласных Московского губернского земского собрания (1913–1916), член Главного комитета Всероссийского союза городов (1914–1916), московский городской голова (март – июнь 1917 г.), председатель Всероссийского союза городов, депутат Учредительного собрания от Москвы. Активный участник Белого движения на юге России, член Особого совещания при Добровольческой армии, один из главных политических советников А. И. Деникина (1918–1919). С 1920 г. в эмиграции в Чехословакии, председатель Союза писателей и журналистов в Праге, товарищ председателя Пражского эмигрантского комитета, организатор и руководитель Русского заграничного исторического архива в Праге.

Ауффенберг-Комаров Мориц фон (1852–1928), австро-венгерский военный деятель, генерал от инфантерии (1910), военный министр (1911–1912). В начале Первой мировой войны командовал 4-й армией, совершившей в августе 1914 г. успешное наступление на 5-ю русскую армию и захватившей в результате г. Комаров. Отличился при отступлении во время боев под Рава-Русской в сентябре того же года, выйдя из окружения с большими потерями в живой силе и вооружении. Был объявлен виновником случившегося и отправлен в отставку.

Баграмян Иван (Ованес Хачатурович) Христофорович (1897–1982), выдающийся советский военачальник. Родился в селе Чардахлы Елизаветпольской губернии (ныне Азербайджан) в семье железнодорожного служащего. Начальное образование получил в армянской церковно-приходской школе в Елизаветполе (ныне Гянджа), в железнодорожном (1907–1912) и техническом (1912–1915) училищах в Тифлисе. В 1915 г. вступил добровольцем в армию, после службы в запасном полку был направлен в школу прапорщиков (1917). После Февраля 1917 г. перешел в формировавшиеся дашнаками армянские национальные подразделения, в составе которых принял участие в боях с турками, командовал ротой и эскадроном. В 1920 г. присоединился к большевистскому восстанию, добровольно вступил в Армянскую Красную армию, командир эскадрона 1-го Армянского полка. В составе 11-й армии на командных постах принял участие в боях с дашнаками и грузинскими националистами во время установления советской власти в Закавказье. Командир Ленинаканского кавалерийского полка (1923–1924, 1925–1931). Окончил Высшую кавалерийскую школу в Ленинграде (1925, выпуск Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского, А. И. Еременко), по 1-му разряду Военную академию имени М. В. Фрунзе (1934). Полковник (1935), начальник оперативного отдела штаба 5-й кавалерийской дивизии в Киевском военном округе (1935–1936), начальник оперативного отдела штаба армии (1936). В 1936 г. направлен в первый набор Академии Генерального штаба, в 1938 г. закончил академию, оставлен старшим преподавателем кафедры тактики высших соединений. Начальник оперативного отдела штаба 12-й армии Киевского особого военного округа (сентябрь — ноябрь 1940 г.), начальник оперативного отдела — заместитель начальника штаба КОВО (1940–1941), член ВКП(б). Начальник оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта (июнь — сентябрь 1941 г.), генерал-майор (1941), награжден орденом Красного Знамени (ноябрь 1941 г.), назначен начальником штаба Юго-Западного фронта, принял участие в разработке плана и организации успешных контрнаступлений под Ростовом-на-Дону и Ельцом (ноябрь — декабрь 1941 г.), генерал-лейтенант (декабрь 1941 г.), назначен начальником штаба Юго-Западного направления. В июне 1942 г., после ликвидации Юго-Западного направления, назначен начальником штаба 28-й армии, в июле того же года направлен на Западный фронт заместителем командующего 61-й армией, в том же месяце назначен командующим 16-й армией. Награжден орденом Кутузова 1-й степени, орденом Суворова 1-й степени, генерал-полковник, командующий 1-м Прибалтийским фронтом (1943), Герой Советского Союза (июль 1944 г.). В ноябре 1944 г. назначен командующим Земландской оперативной группой, образованной из 1-го Прибалтийского фронта, одновременно заместитель командующего 3-м Белорусским фронтом маршала А. М. Василевского, награжден вторым орденом Суворова 1-й степени (1945). Участник Парада Победы на Красной площади, возглавил сводный полк 1-го Прибалтийского фронта. Командующий войсками Прибалтийского военного округа (1945–1954), главный инспектор Министерства обороны СССР (1954–1955), Маршал Советского Союза (1955), заместитель министра обороны СССР (1955–1956), начальник Высшей военной академии (1956–1958), заместитель министра обороны СССР — начальник тыла Министерства обороны (1958–1968). В 1962 г. спланировал и руководил операцией «Анадырь» — скрытой переброской советских войск и ракет средней дальности на Кубу. Генеральный инспектор

Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР (1968–1982), Герой Советского Союза (1977).

Базили Николай Александрович (1883–1963), русский дипломат. В 1903 г. поступил на дипломатическую службу. Второй секретарь русского посольства во Франции (1908–1911), сотрудник Ставки Верховного главнокомандующего (1914), директор дипломатической канцелярии при Ставке Верховного главнокомандующего (1916–1917). Член Совета МИДа, участвовал в составлении акта об отречении Николая II от престола. С июля 1917 г. поверенный в делах в русском посольстве в Париже. После революции в эмиграции во Франции. В 1919 г. принимал участие в создании и деятельности Русского политического совещания. После оккупации Франции немецкими войсками выехал в США и с осени 1939 г. жил в Америке, умер в Филадельфии.

Байов Константин Константинович (1869–1920). Окончил Владимирский Киевский кадетский корпус (1886), 2-е военное Константиновское училище, выпущен в лейб-гвардии Егерский полк, подпоручик (1888), поручик (1892). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан гвардии с переименованием в капитаны Генерального штаба (1894). Помощник старшего адъютанта штаба Туркестанского военного округа (1895), обер-офицер для поручений при штабе Финляндского военного округа (1895–1899), подполковник (1899), старший адъютант штаба Виленского военного округа (1899–1903), полковник (1903), начальник штаба 27-й пехотной дивизии (1903–1907), командир 107-го пехотного Троицкого полка (1907–1910), генерал-майор (1910), окружной генерал-квартирмейстер штаба Виленского военного округа (1910). С началом военных действий в 1914 г. назначен генерал-квартирмейстером штаба 1-й армии, начальник штаба 1-й армии (сентябрь — декабрь 1914 г.), командующий (позже начальник) 6-й пехотной дивизией (1914–1917), генерал-лейтенант (1915). С начала 1918 г. добровольно в РККА. Участвовал в разработке проекта предложений по обороне Московского военного округа от германских войск, занимал пост военрука Московского района Западного участка отрядов завесы. С декабря 1918 г. — начальник отдела Воениздата ЦИК, работая в составе Военно-исторической комиссии, участвовал в написании монографий о войне 1914–1918 гг. (1919). Умер в январе 1920 г. в Москве.

Баланин Дмитрий Васильевич (1857 — до 1928 г.). Окончил Владимирскую Киевскую военную гимназию (1874), 2-е военное Константиновское училище, подпоручик (1876). Переведен в лейб-гвардии Семеновский полк, прапорщик (1877). Принял участие и отличился в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском фронте, подпоручик (1877), награжден орденами Св. Анны 4-й степени и Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом (1878). Поручик (1882), в том же году окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, произведен в штабс-капитаны Генерального штаба. Помощник старшего адъютанта штаба Киевского военного округа (1882–1888), штаб-офицер при управлении 9-й местной бригады (1888–1889), подполковник (1888), старший адъютант штаба Киевского военного округа (1889–1890), помощник делопроизводителя канцелярии Военного министерства (1890–1897), полковник (1892), делопроизводитель канцелярии Военного министерства (1897–1902), генерал-майор (1902), заведующий мобилизационной частью Главного интендантского управления (февраль — декабрь 1902 г.), начальник штаба 21-го армейского корпуса (1902–1904), генерал-квартирмейстер штаба Киевского военного округа (1904–1908), генерал-лейтенант (1908), начальник 18-й пехотной дивизии (1908–1914), командир 27-го армейского корпуса (1914–1916), генерал от инфантерии (1914). Награжден мечами к ордену Св. Анны 1-й степени и Георгиевским оружием (1915), командующий 11-й армией (1916–1917). В апреле 1917 г. переведен в резерв чинов при штабе Киевского военного округа, с мая того же года в отставке с

мундиром и пенсией. В 1919 г. находился в заключении. С 1920 г. служил в управлении Всеобуча штаба Петроградского военного округа. В 1921 г. уволен по болезни, арестован. Умер в тюрьме.

Балтийский (Андреев) Александр Алексеевич (1870–1939), русский и советский военный деятель. Родился в г. Балтийский Порт (ныне Палдиски) Эстляндской губернии. Окончил Рижское реальное училище (1891), военно-училищный курс Московского пехотного юнкерского училища, гвардии подпоручик (1893), поручик (1897), штабс-капитан (1901). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, капитан Генерального штаба (1903). Старший адъютант штаба 4-й пехотной дивизии (октябрь 1904 г.), исполняющий должность столоначальника Главного штаба (1904–1905), исполняющий должность столоначальника Главного управления Генерального штаба (1905–1908). Окончил двухгодичный курс военно-морских наук при Николаевской морской академии (1908). Помощник делопроизводителя ГУГШ (1908–1912), подполковник (1908), полковник (1911). Штаб-офицер, ведающий обучающимися в Николаевской военной академии офицерами (1912–1914). Начальник штаба 43-й и 72-й пехотной дивизий (1914), начальник штаба 64-й пехотной дивизии (1915), командир 291-го пехотного Трубчевского полка (1915–1916), начальник штаба 3-й Сибирской стрелковой дивизии (1916–1917). Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, генерал-майор (1916). Исполняющий должность начальника этапно-хозяйственной службы 12-й армии (1916–1917), награжден Георгиевским оружием, генерал-лейтенант, в распоряжении военного министра (1917). В 1918 г. добровольно вступил в РККА. Руководил Высшей военной инспекцией (апрель — июнь 1918 г.), начальник штаба 4-й армии (октябрь — ноябрь 1918 г.), командующий 4-й армией (1918–1919), состоял для особых поручений при командующем Южной группой армий Восточного фронта М. В. Фрунзе (март — август 1919 г.), начальник штаба Туркестанского фронта (1919–1920), заместитель командующего войсками Заволжского военного округа (апрель — октябрь 1920 г.), в распоряжении главкома РВСР (1920–1921), в резерве штаба РККА (1921), заведующий кафедрой тактики Военной академии РККА (1922), военный советник председателя РВСР (1922–1923). В 1931 г. уволен со службы. В 1930-х гг. преподавал в Военно-транспортной академии, в 1938 г. арестован по обвинению в причастности к контрреволюционной офицерской террористической организации и расстрелян, реабилитирован в 1956 г.

Баратов Николай Николаевич (1865–1932), русский военный деятель, из дворян Терского казачьего войска. Окончил Владикавказское реальное училище (1882), 2-е военное Константиновское училище и Николаевское инженерное училище, выпущен хорунжим в 1-й Сунженско-Владикавказский полк Терского казачьего войска, сотник (1885), подъесаул (1887). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, есаул (1891). Старший адъютант штаба 13-й пехотной дивизии (1891–1892), обер-офицер для поручений при командующем войсками Кавказского военного округа (1892–1895), состоял в прикомандировании к Ставропольскому казачьему юнкерскому училищу для преподавания военных наук (1895–1897), подполковник (1896), штаб-офицер при управлении 65-й пехотной резервной бригады (1897–1901), полковник (1900), командир 1-го Сунженско-Владикавказского казачьего полка (1901–1907). Участвовал и отличился в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Начальник штаба Сводного кавалерийского корпуса (1905–1906). За боевые отличия награжден золотым оружием (1905), произведен в генерал-майоры (1906). Начальник штаба 2-го Кавказского армейского корпуса (1907–1912), генерал-лейтенант (1912), начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии (1912–1915), командующий отдельным экспедиционным корпусом в Персии (1915–1916), награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (1916). С апреля 1916 г. экспедиционный корпус переименован в Кавказский кавалерийский, с февраля 1917 г. — в

1-й Кавказский кавалерийский корпус. С марта 1917 г. — главный начальник снабжений Кавказского фронта и главный начальник Кавказского военного округа. В апреле 1917 г. назначен командиром 5-го Кавказского армейского корпуса, находившегося в составе Кавказской армии, но уже в июле 1917 г. возвращен на пост командующего Кавказским кавалерийским корпусом в Персии с правами командующего армией, генерал от кавалерии (1917). После Октябрьской революции на несколько месяцев эмигрировал в Индию, представитель Добровольческой армии (позже ВСЮР) в Закавказье (1918–1919). В сентябре 1919 г. в Тифлисе на него было совершено покушение, в результате взрыва бомбы он был ранен и потерял ногу. С 1920 г. в эмиграции, по поручению генерала П. Н. Врангеля занимался организацией помощи военным инвалидам. С 1930 г. и до кончины — председатель Зарубежного союза русских военных инвалидов и главный редактор ежемесячной газеты «Русский инвалид». Умер в Париже, похоронен на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

Барк Петр Львович (1869–1937), русский государственный деятель. Окончил юридический факультет Императорского Петербургского университета, кандидат, поступил на службу в Министерство финансов с чином коллежского секретаря (1892). В 1893 г. командирован в Берлин, Лондон, Париж и Амстердам по делам службы. Младший столоначальник (1894), секретарь (1895) при управлении Государственным банком, титулярный советник (1895). В 1895, 1897 и 1898 гг. командирован в Берлин, Париж по делам службы и для изучения банковского дела. Коллежский асессор, директор Петербургской конторы Государственного банка и ее отделения заграничных операций (1897). Председатель правления Учетно-ссудного банка в Персии (1898). В 1899 г. разрешено совмещать занимаемую должность с участием в правлении Русско-Китайского банка, в 1900 г. командирован в Париж для переговоров с первым министром персидского шаха. Надворный советник, член Совета и товарищ председателя фондового отдела Петербургской биржи (1901), директор правления общества Энзели-Тегеранской железной дороги, а также страхового и транспортного обществ (1902). В 1903 г. командирован в Персию по делам службы. Назначен управляющим Петербургской конторой Государственного банка, коллежский советник (1905), управляющий Государственным банком, статский советник (1906), в том же году перешел в Министерство внутренних дел и назначен членом попечительского совета приюта принца П. Г. Ольденбургского. Директор-распорядитель и член правления Волжско-Камского коммерческого банка (1907), действительный статский советник (1911), товарищ министра торговли и промышленности (1911), член Совета Императорского человеколюбивого общества с оставлением в предыдущей должности (1913). Управляющий Министерством финансов (январь — май 1914 г.), министр финансов и шеф Отдельного корпуса пограничной стражи (1914–1917), тайный советник, член Государственного совета (1915). В марте 1917 г. арестован, но вскоре освобожден, выехал с семьей на юг России. В мае 1917 г. оставлен за штатом, в декабре того же года уволен от службы. До октября 1920 г. жил в Крыму, оказывал помощь Белому движению, затем эмигрировал в Англию, служил финансовым экспертом, советником. В 1935 г. принял английское подданство, получил титул баронета. Похоронен в Ницце.

Безобразов Владимир Михайлович (1857–1932). Окончил Пажеский корпус, гвардии корнет (1877), принял участие и отличился в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове, награжден орденами Св. Анны 4-й степени и Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом (1878). Поручик (1880), штабс-ротмистр (1884), ротмистр (1888), полковник (1891). Командир 9-го уланского Бугского полка (1896–1900), генерал-майор (1900), командир Кавалергардского полка (1900–1904), 1-й бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии (1904–1906). Свиты Его Императорского Величества генерал-

майор (1905), начальник Офицерской кавалерийской школы (1906–1909), генерал-лейтенант (1907), начальник 2-й гвардейской кавалерийской дивизии (1909–1912), командир Гвардейского корпуса (1912–1915), генерал от кавалерии (1913), генерал-адъютант (1915). За бои в Галиции награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (1914) и Георгиевским оружием (1915). В распоряжении Верховного главнокомандующего (август — ноябрь 1915 г.), командующий Гвардейским отрядом (1915–1916), войсками гвардии (июнь — август 1916 г.). В августе 1916 г. отчислен от должности, в апреле 1917 г. отправлен в отставку. После Октябрьской революции 1917 г. покинул Россию. В эмиграции в Дании и во Франции, умер в Ницце.

Беляев Михаил Александрович (1863–1918). Окончил 3-ю Петербургскую классическую гимназию (1883), Михайловское артиллерийское училище, подпоручик (1886), поручик (1890). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан (1893). Состоял при Московском военном округе, исполняющий должность старшего адъютанта штаба 13-го армейского корпуса, капитан (1893), в том же году переведен в Генеральный штаб и назначен старшим адъютантом штаба 24-й пехотной дивизии (1893–1896), обер-офицер для особых поручений при штабе 18-го армейского корпуса, исполняющий должность столоначальника Главного штаба (1897), подполковник (1898), младший (1898–1901), старший (1901–1902) делопроизводитель канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба, полковник, столоначальник (1902), начальник отделения (1903) Главного штаба. Принял участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Офицер Генерального штаба для поручений при начальнике полевого штаба наместника на Дальнем Востоке (февраль — август 1904 г.), с августа 1904 г. командирован в распоряжение командующего Маньчжурской армией, в ноябре того же года в связи с расформированием полевого штаба наместника переведен в полевой штаб 1-й Маньчжурской армии, в 1905 г. исполнял должности генерала для особых поручений при начальнике штаба главнокомандующего, начальника канцелярии полевого штаба, начальника канцелярии штаба главнокомандующего. В марте 1906 г. оставлен за штатом и откомандирован в Главный штаб, в декабре того же года назначен начальником 2-го отделения Главного штаба, генерал-майор (1908), временно исполняющий должность генерал-квартирмейстера Главного штаба (1908), в 1909 г. назначен на эту должность, генерал-лейтенант (1912), временно исполняющий должность начальника Генерального штаба (1913), генерал от инфантерии, исполняющий должность начальника Генерального штаба (1914), член Военного совета (1915), начальник Генерального штаба (1916). Представитель русской армии при румынской главной квартире (октябрь 1916 — январь 1917 г.). В январе 1917 г. назначен военным министром, оказал посильное сопротивление Февральскому перевороту в Петрограде, арестован и заключен в Петропавловскую крепость, перед арестом уничтожил все секретные документы. В апреле уволен со службы, освобожден после Октябрьской революции. В 1918 г. вновь арестован, на этот раз ВЧК, и расстрелян.

Бем-Ермоли Эдуард фон (1856–1941), барон. Родился в семье унтер-офицера Георга Бема, получившего офицерский чин за отличие в кампании в Северной Италии в 1849 г. и вышедшего в 1885 г. в отставку майором и потомственным дворянином фон Бем-Ермоли (вторая часть — фамилия жены). Окончил кадетскую школу и Военную академию Марии-Терезии в Винер-Нейштадте, лейтенант (1875). Окончил курс Академии Генерального штаба (1878). Полковник (1895), командир 16-й кавалерийской бригады в Пресбурге (1901), генерал-майор (1903), командир кавалерийской дивизии в Кракове (1905), генерал-лейтенант (1907), командир 12-й пехотной дивизии (1909), 1-го армейского корпуса в Кракове (1907), генерал от кавалерии (1912), командующий 2-й армией (1914), генерал-полковник (1916), фельдмаршал (1918). С 1918 г. в резерве

чехословацкой армии, генерал 1-го класса, генерал армии (1928). С 1939 г. гражданин Третьего рейха, почетный командир 28-го пехотного полка (Троппау). После смерти были организованы похороны с соблюдением государственных и воинских почестей, вермахт был представлен В. Кейтелем.

Бенкендорф Александр Константинович фон (1849–1916), русский дипломат, граф, тайный советник, сын племянника генерал-адъютанта графа А. Х. фон Бенкендорфа, военного агента в Пруссии, а затем посланника в Вюртемберге генерал-адъютанта графа К. К. фон Бенкендорфа. Получив домашнее образование, в 1868 г. поступил на службу в МИД в Департамент внутренних сношений. В 1869 г. направлен сверхштатным чиновником в русскую миссию во Флоренции. Камер-юнкер (1871), губернский секретарь (1872), младший секретарь миссии в Риме (1873), второй и первый секретарь в этой же миссии, а затем и в посольстве в Италии (1873–1886). Церемониймейстер Двора Его Императорского Величества с оставлением в МИДе (1883). Первый секретарь посольства в Австро-Венгрии (1886), советник посольства (1893), в должности советника исполнял обязанности временного поверенного в делах в Вене (1895). Чрезвычайный посланник и полномочный министр в Дании (1897–1902). Гофмейстер Двора Его Императорского Величества с оставлением в МИДе (1899). Чрезвычайный и полномочный посол в Великобритании (1902–1916). Умер и похоронен в Лондоне.

Беннекендорф унд фон Гинденбург Пауль-Людвиг-Ганс-Антон фон (1847–1934), германский военный и государственный деятель, второй президент Веймарской Германии (1925–1934). Родился в Позене (ныне Познань, Польша), в 1859 г. поступил в кадетский корпус в Вальдштадте (Лейгниц), в 1863 г. перевелся в кадетский корпус в Берлине, который окончил в 1866 г., лейтенант гвардейской пехоты. Участвовал и отличился в Австро-прусской войне 1866 г. и Франко-прусской войне 1870–1871 гг. Обер-лейтенант (1872), в 1876 г. окончил Военную академию с причислением к Генеральному штабу. На службе в Большом Генеральном штабе (1877–1878), капитан (1878), офицер штаба 2-го армейского корпуса (Штеттин, 1878–1881), офицер штаба 1-й пехотной дивизии (1881–1884), командир роты 58-го пехотного полка (Фрауштадт, Позен, 1884–1885), майор (1885), офицер 2-го (оперативного) отдела Большого Генерального штаба, возглавляемого тогда полковником графом А. фон Шлиффеном, одновременно преподаватель Военной академии по тактике (188–1889). Начальник 2-го отдела (пехота) Военного министерства (1889–1893), подполковник (1891), командир 91-го пехотного полка (Ольденбург, 1893–1896), полковник (1894), начальник штаба 8-го армейского корпуса (Кобленц, 1896–1900), генерал-майор (1897), генерал-лейтенант (1900), командир 28-й пехотной дивизии (Карлсруе, 1900–1905), генерал от инфантерии (1905), командир 4-го армейского корпуса (Магдебург, 1905–1911). В 1911 г. вышел в отставку, в 1914 г. вернулся на службу и назначен командующим 8-й армией. За победу под Танненбергом произведен в генерал-полковники (26 августа 1914 г.). С ноября 1914 г. главнокомандующий Восточным фронтом, за успешные действия в Восточной Пруссии и Польше произведен в генерал-фельдмаршалы (27 ноября 1914 г.). С августа 1916 г. начальник Большого Генерального штаба. В ноябре 1918 г. сыграл значительную роль в отречении кайзера Вильгельма II. После поражения Германии вышел в отставку, в 1919–1925 гг. уклонялся от активной политической жизни, в 1925 г. избран президентом Германии, в 1932 г. вновь выиграл выборы, победив на них А. Гитлера, в январе 1933 г., несмотря на свою антипатию к НСДАП, назначил А. Гитлера на пост рейхсканцлера.

Бердан Хайрам (1823–1893), американский конструктор стрелкового оружия, участник гражданской войны в США, генерал-майор (1865).

Бернард III Фридрих-Вильгельм-Альберт-Георг (1851–1928), герцог фон Саксен-Мейнинген унд Хильдбургхаузен. Получил домашнее начальное образование, в 1867 г. зачислен в пехотный полк Саксен-Мейнингена в звании второго лейтенанта Свиты, в 1869 г. начал изучать классическую филологию в Гейдельберге. В составе 95-го Тюрингского пехотного полка и 6-й кавалерийской дивизии принял участие во Франко-прусской войне 1870–1871 гг., офицер для поручений. 18 января 1871 г. участвовал в церемонии провозглашения создания Германской империи в Версале. После войны вернулся к изучению филологии в Лейпцигском университете, по окончании которого в 1873 г. получил военное образование в рядах гвардейского фузилерного полка в Берлине. Увлекался изучением современного греческого языка, на который переводил произведения Шиллера, неоднократно посещал Грецию, покровительствовал археологическим изысканиям, в 1889 г. от университета Афин получил лавровый венок и титул «филэллин», почетный член Германского археологического института (1892), доктор филологии университета Бреслау (1912). В 1882 г. причислен к Генеральному штабу, генерал-майор (1889), генерал-лейтенант (1891), генерал от инфантерии (1896), командир 6-го армейского корпуса в Бреслау (1896–1903), генерал-полковник (1903), генерал-инспектор 2-й армейской инспекции со штабом в Мейнингене (1903–1912), в 1912 г. произведен в генерал-фельдмаршалы и вышел в отставку. В ходе войны вместе с супругой герцогиней Шарлоттой неоднократно выезжал на фронт в расположение тюрингских частей. В ноябре 1918 г. отрекся от престола. Проживал в Германии, политической деятельностью не занимался. Умер в Мейнингеме, Тюрингия.

Бертхольд унд цу Унгаршитц Фраттлинг унд Пуллутц Леопольд-Антон-Иоганн-Сигизмунд-Иосиф-Корсинус-Фердинанд фон (1863–1942), граф, государственный деятель Австро-Венгрии, дипломат и политик. Родился в одной из богатейших семей Дунайской империи в Вене, начальное образование получил дома, после чего изучал право в университете. С 1893 г. на дипломатической службе, секретарь посольства во Франции (1894), советник посольства в Великобритании (1899), советник посольства в России (1903). Посол в России (1906–1912), заменил на этом посту графа А. фон Эренталя, ставшего министром иностранных дел. В 1908 г. в своем поместье Бухлау в Моравии принимал А. фон Эренталя и А. П. Извольского. После смерти А. фон Эренталя в 1912 г. стал его преемником. Активный сторонник «военной партии» и силовых действий на Балканах. Во время Первой Балканской войны в конце 1912 г. путем прямых угроз вынудил Сербию отказаться от приобретения выхода к Адриатическому морю, а Черногорию — очистить Скутари. Стремясь расколоть Балканские страны, разжигал вторую Балканскую войну, толкая Болгарию к выступлению против Сербии и Греции. По окончании этой войны, встревоженный новым расширением Сербии, при поддержке Германии осенью 1913 г. едва не довел дело до европейской войны. После сараевского убийства активный сторонник карательных действий против Сербии, один из составителей ультиматума, который с самого начала редактировался им таким образом, чтобы он не мог быть принят Белградом, составитель ноты об объявлении войны Сербии. 13 января 1915 г., после провала переговоров по вовлечению в войну на стороне центральных держав Италии, в ходе которых он стал склоняться к уступке Трентино, под давлением военных подал в отставку, после чего отошел от политической деятельности. После 1918 г. проживал в своем поместье в Венгрии, похоронен в родовом склепе в поместье Бухлау.

Берхман Георгий Эдуардович (1854–1929), русский военный деятель из обрусевшей немецкой семьи. Окончил 2-ю Московскую военную гимназию (1873), 1-е военное Павловское училище, прапорщик, подпоручик (1876). Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., поручик (1877), штабс-капитан (1880). Окончил по 2-му разряду Никола-

евскую академию Генерального штаба (1881), старший адъютант штаба 21-й пехотной дивизии (1881–1887), капитан (1883), штаб-офицер для особых поручений при штабе Кавказского армейского корпуса (1887–1888), старший адъютант штаба Кавказского военного округа (1888–1893), подполковник (1888), полковник (1892), командир 257-го Лорийского пехотного резервного полка (1893–1899), командир 81-го пехотного Апшеронского полка (1899–1902), генерал-майор (1902), начальник штаба 2-го Кавказского армейского корпуса (1902–1905), генерал-квартирмейстер штаба Кавказского военного округа (1905–1907), начальник штаба Кавказского военного округа (1907–1913), генерал-лейтенант (1907), командир 24-го армейского корпуса (1913–1914), генерал от инфантерии (1913). С января 1914 г. — командир 2-го Кавказского армейского корпуса, во главе которого вступил в войну в составе 10-й армии. В декабре 1914 г. назначен командиром 1-го Кавказского армейского корпуса, с января 1915 г. — в распоряжении главнокомандующего Кавказской армией. За бои под Сарыкамышем награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (1916). Командир 40-го армейского корпуса (1916–1917). После Февральской революции отстранен от командования корпусом и зачислен в резерв чинов при штабе Кавказского военного округа, участник Белого движения, в Добровольческой армии и Вооруженных силах Юга России в распоряжении главнокомандующего. После эвакуации Крыма выехал в Константинополь, затем в Болгарию, позже переехал во Францию, скончался в Марселе.

Бетман-Гольвег Теобальд фон (1856–1921), германский государственный деятель, министр внутренних дел Пруссии (1905–1907), государственный секретарь по внутренним делам Германии (1907–1909), имперский канцлер (1909–1917).

Бисмарк-Шенхаузен Отто-Эдуард-Леопольд-Карл-Вильгельм-Фердинанд фон (1815–1898), князь (с 1871), первый канцлер (1871–1890) Германской империи, осуществивший план объединения Германии по малогерманскому пути и прозванный «железным канцлером». При выходе в отставку получил титул герцога Лауэнбургского и чин прусского генерал-полковника с рангом генерал-фельдмаршала (1890).

Битти Дэвид (1871–1936), граф, британский флотоводец. С 1884 г. на военно-морской службе, лейтенант (1886), участвовал и отличился в действиях против махдистов (1896–1898), командуя одной из канонерских лодок на Ниле. Капитан 3 ранга (1898), старший офицер броненосца «Барфлер» (1899), участвовал в действиях в Китае против восстания «Ихэтуань», отличился в боях под Тянцзинем. Капитан 1 ранга (1900), командир крейсера «Джуно» (1902), крейсера «Суффолк» (1902–1904), военно-морской советник при штабе армии в Лондоне (1905), командир эскадренного броненосца «Квин» (1908), контр-адмирал (1910), сотрудник штаба Адмиралтейства (1911–1913), командующий эскадрой линейных крейсеров (1913). В 1914 г., после проведения визитов во Францию и Россию, произведен в вице-адмиралы. После Ютландского сражения назначен первым лордом Адмиралтейства и произведен в адмиралы (1916). В ноябре 1918 г. принял капитуляцию германского флота в Скапа-Флоу. Адмирал флота (1919). С 1927 г. в отставке.

Благовещенский Александр Александрович (1854 — после 1915 г.). Окончил 2-й Московский кадетский корпус (1870), 3-е военное Александровское училище, прапорщик (1872), подпоручик (1873), поручик (1874), штабс-капитан (1877). Окончил по 2-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба (1878), участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Старший адъютант 10-го армейского корпуса (1878–1879), состоял при штабе того же корпуса (1879–1883), капитан Генерального штаба (1880). Заведующий передвижением войск по железным дорогам Харьковского района (1883–1890), начальник штаба Свеаборгской крепости (1890–1894), командир 4-го Финляндского стрелкового

полка (1894–1897), командир 64-го пехотного полка (1897–1899), начальник штаба 1-го Кавказского армейского корпуса (апрель – сентябрь 1899 г.), начальник военных сообщений Киевского военного округа (1899–1903), окружной генерал-квартирмейстер штаба Киевского военного округа (1903–1904). Принял участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг., дежурный генерал Маньчжурской армии (февраль – ноябрь 1904 г.), дежурный генерал при главнокомандующем войсками на Дальнем Востоке (1904–1907). Начальник 2-й пехотной дивизии (1907–1912), генерал от инфантерии (1912), командир 6-го армейского корпуса (1912–1914), в августе 1914 г. снят с должности, в марте 1915 г. уволен в отставку.

Блюментрит Гюнтер (1892–1967). С 1911 г. на военной службе, знаменный юнкер в 71-м пехотном полку, окончил Данцигское военное училище, лейтенант (1912). Принял участие в Первой мировой войне, в 1914 г. – в Бельгии, в 1914–1918 гг. – на Восточном фронте, обер-лейтенант (1918), командир роты 71-го пехотного полка (1918–1919). Член фрейкора (1919), офицер 22-го стрелкового полка (1919–1926), капитан (1926), переведен в штаб 6-й пехотной дивизии (1926–1933). Майор (1933), лектор и ведущий занятия по тактике в Военной академии (1933–1935), подполковник (1935). Переведен в Генеральный штаб, полковник, начальник отдела подготовки Генерального штаба (1938). В 1939 г. переведен в Объединенное командование Сухопутных сил (ОКХ), вместе с генерал-лейтенантом Э. фон Манштейном и генерал-полковником Г. фон Рундштедтом разрабатывал план вторжения в Польшу (план «Вайс»), начальник оперативного отдела штаба армий «Юг» (1939), начальник оперативного отдела группы армий «А» (1940). Участвовал в разработке операции по высадке десанта в Англии («Зеелеве»). Генерал-майор, начальник штаба 4-й армии (1941), в составе группы армий «Центр» принял участие в нападении на Советский Союз. На последнем этапе битвы за Москву сумел вывести 4-ю армию из опасного положения. В январе 1942 г. назначен генерал-квартирмейстером ОКХ, в сентябре 1942 г. – на пост начальника штаба германских сил на Западе, генерал-лейтенант (1942), награжден Рыцарским орденом Железного Креста, генерал от инфантерии (1944), командующий «корпусной группой Блюментрита» на «линии Зигфрида», командующий 25-й армией в Нидерландах, за оборонительные бои получил дубовые листья к Железному Кресту, командующий 1-й воздушно-десантной армией (1945). В мае 1945 г. сдался англичанам, привлекался в качестве свидетеля Нюрнбергским трибуналом, вплоть 1948 г. содержался в качестве военнопленного (в 1947 г. передан американцам). С 1950 г. привлекался правительством ФРГ для создания бундесвера.

Бобринский Владимир Алексеевич (1867–1927), граф, общественный и политический деятель. В 1887 г. начал обучение на юридическом факультете Московского университета, который ему пришлось оставить в том же году из-за участия в студенческих волнениях. В 1887 г. поступил вольноопределяющимся в лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк, в 1889 г. сдал офицерский экзамен при Михайловском артиллерийском училище, с 1891 г. стал корнетом запаса. Продолжил обучение в Парижской школе политических наук, Эдинбургском университете. С 1893 г. являлся почетным мировым судьей, гласным Тульского уездного и губернского земств, испытал значительное идейное влияние своего дяди Р. А. Писарева (одного из либеральных деятелей Тульского земства), поддерживал дружеские отношения с Л. Н. Толстым. Председатель Богородицкой уездной земской управы (1895–1898), один из создателей умеренно правой организации тульских земцев «За царя и порядок» (октябрь 1905 г.), вошедшей в состав тульского отдела «Союза русского народа», депутат II–IV Государственных дум от Тульской губернии. Во II Думе состоял членом фракции октябристов и умеренно правых, выступал с осуждением революционного террора, против упразднения военно-полевых судов. Поддержал роспуск Думы 3 июня 1907 г., изменение избирательного закона. В III Думе являлся одним из организаторов

и руководителей фракций умеренно правых и русской национальной. С 1908 г. состоял членом Общества славянской взаимности, организатором и руководителем Галицко-Русского общества. В IV Думе являлся товарищем председателя фракции умеренно правых и националистов, а после ее раскола — фракции прогрессивных националистов. Председатель комиссии по народному образованию, сторонник неославянофильства, участвовал в славянских съездах в Праге (1908) и Софии (1910). Автор сочинения «Чехия и Прикарпатская Русь». Председатель Галицко-Русского благотворительного общества, оказывал финансовую поддержку ряду русинских газет и журналов русофильской ориентации. В январе 1914 г. выступил коронным свидетелем на «угрорусском процессе» в Мамарош-Сигете (процесс против русинской интеллигенции, организованный австрийскими властями). В начале Первой мировой войны вступил в звании корнета в лейб-гвардии Гусарский полк, ординарец командующего 8-м армейским корпусом генерал-лейтенанта Р. Д. Радко-Дмитриева, участвовал во взятии Львова и Галича, где занялся освобождением из тюрем заключенных туда русинов. В 1914–1915 гг. председатель Галицийского краевого благотворительного комитета. В июне 1915 г. вернулся к думской работе, назначен членом Всероссийской следственной комиссии по расследованию причин недостатка снарядов в армии под председательством инженер-генерала Н. П. Петрова. Вошел в состав бюро «Прогрессивного блока», 5 (18) ноября 1916 г. избран старшим товарищем председателя Государственной думы. После Октябрьской революции перебрался на Украину, участвовал в организации Белого движения на юге России, после поражения которого эмигрировал во Францию, где примкнул к сторонникам великого князя Кирилла Владимировича. Умер в Париже.

Бобринский Георгий Александрович (1863–1928), граф. Образование получил в подготовительном пансионе Николаевского кавалерийского училища, в 1883 г. выдержал офицерский экзамен при 2-м военном Константиновском училище, корнет лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка (1883). Адъютант военного министра (1886–1904), поручик гвардии (1887), штабс-ротмистр (1888), ротмистр (1891), полковник (1896), генерал-майор (1904), генерал для особых поручений при главнокомандующем всеми сухопутными и морскими силами, действующими против Японии (1904–1905), с апреля 1905 г. состоял в распоряжении командующего 1-й Маньчжурской армией. С сентября 1905 г. зачислен по Военному министерству. В распоряжении военного министра (1910–1914), генерал-лейтенант (1910). С началом Первой мировой войны находился в распоряжении главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, затем в распоряжении главного начальника снабжений армий Юго-Западного фронта. Временно исполняющий должность военного генерал-губернатора Галиции (август — октябрь 1914 г.), временный военный генерал-губернатор Галиции (1914–1916), генерал-адъютант (1915), в распоряжении главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (1916–1917). В июне 1917 г. уволен со службы по прошению. С 1919 г. в эмиграции во Франции.

Богданович Павел Николаевич (1883–1973). Окончил Царицынскую Александровскую классическую гимназию (1902) и Киевское военное училище (1904), подпоручик (1904), полковой адъютант 13-го лейб-гвардии Гренадерского Эриванского полка. В 1905–1906 гг. участвовал в экспедициях по прекращению волнений и беспорядков в Закавказье, имел ранения, поручик (1907), штабс-капитан (1911). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба (1911), капитан (1913), старший адъютант штаба 8-й пехотной дивизии (1913). Участвовал в походе в Восточную Пруссию, при попытке выхода из окружения попал в плен. В 1918 г. бежал в Голландию. В 1922 г. приглашен на службу в военную миссию при русском посольстве в Париже и произведен сперва в подполковники, затем в полковники. Исполнял должность штаб-офицера для поручений при главноуполномоченном главнокомандующего Русской армией в Париже.

Был приглашен генералом А. И. Кутеповым для работы в отделении его штаба. В 1925 г. приступил к созданию Национальной организации русских разведчиков и возглавлял ее до начала Второй мировой войны. В середине 1942 г. стал редактором издававшегося в Париже еженедельника «Парижский вестник», участвовал в организации сбора теплых вещей на нужды германской армии. В 1945 г. вместе с другими лицами, сотрудничавшими в «Парижском вестнике», арестован французскими властями. В 1948 г. уехал в Аргентину, где первое время был управляющим большого имения в горах, а затем по болезни переехал в Буэнос-Айрес, скончался в доме престарелых.

Болховитинов Леонид Митрофанович (1871–1925), из дворян. Окончил Воронежское реальное училище (1890), военно-училищный курс при Московском пехотном юнкерском училище, подпоручик (1892), поручик (1895). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан (1898). Обер-офицер для поручений при штабе Приамурского военного округа (1899–1902), капитан (1900). Участвовал в Китайской кампании 1900–1901 гг., награжден орденами Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом (1901), Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (1901), Св. Станислава 2-й степени с мечами (1901). Обер-офицер для поручений при штабе Квантунской области (1902–1903), старший адъютант штаба Квантунской области (1903–1904), подполковник (1903), награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (1903). Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг., старший адъютант временного штаба наместника на Дальнем Востоке (январь — март 1904 г.), награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами (1904), штаб-офицер для делопроизводства и поручений в управлении генерал-квартирмейстера полевого штаба наместника на Дальнем Востоке (март — август 1905 г.), штаб-офицер для особых поручений при начальнике штаба главнокомандующего на Дальнем Востоке (август 1905 г.), штаб-офицер для поручений при управлении генерал-квартирмейстера 1-й Маньчжурской армии (1905–1906), за отличия произведен в полковники и награжден золотым оружием (1906). Делопроизводитель ГУГШ в отделении генерал-квартирмейстера (1906–1911), командир 90-го пехотного Онежского полка (1911–1914), сотрудник редакции «Военной энциклопедии» (с 1911 г.), генерал-майор (1914), генерал-квартирмейстер штаба Кавказского военного округа (1914), генерал-квартирмейстер штаба Кавказской армии (1914), с января 1915 г. — при штабе наместника на Кавказе. В 1917 г. переведен на Западный фронт, командующий 1-м армейским корпусом, генерал-лейтенант. В 1918 г. принят в РККА, где, числясь при Высшем военном совете, находился при штабе главкома Красной армии Северного Кавказа. В августе 1918 г. при занятии Екатеринодара частями Добровольческой армии пробрался в город, где проживала его семья, и был арестован. Предан военно-полевому суду Добровольческой армии, который приговорил его к смертной казни. Генерал А. И. Деникин заменил приговор суда разжалованием в рядовые, служил в частях Дроздовской дивизии около года, за отличия в боях восстановлен в чине. В начале 1920 г. принял от кубанского атамана генерала Н. А. Букретова должность военного министра кубанского правительства. Во время отступления Кубанской армии от Новороссийска к югу и сдачи части войск наступающей Красной армии у Сочи сумел переправиться на судах в Крым. В Русской армии генерала Врангеля занимал должность инспектора классов Кубанского Алексеевского военного училища, с которым в 1920 г. покинул Крым. После пребывания на острове Лемнос прибыл в Тырново-Сеймен в Болгарии, где оставался инспектором классов Кубанского училища до 1924 г. Позже переехал в поселок Харманли, где и покончил с собой из-за обвинений в сотрудничестве с ВЧК.

Бомпар Луи Морис (1854–1935), французский политический деятель, дипломат, генеральный резидент на Мадагаскаре (1889–1890), посол в Петербурге (1902–1908) и Константинополе (1904–1914), сенатор (1920–1933).

Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич (1870–1956), русский и советский военный деятель. Выходец из обедневшей дворянской семьи, сын землемера, брат видного деятеля большевистской партии В. Д. Бонч-Бруевича. Образование получил в Константиновском межевом институте и на математическом факультете Московского университета (1891). Окончил военно-училищный курс Московского пехотного юнкерского училища, подпоручик (1892), поручик (1896). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, гвардии штабс-капитан с переименованием в капитаны Генерального штаба (1898). Старший адъютант штаба 2-й казачьей сводной дивизии (1898–1900), обер-офицер для поручений при штабе Киевского военного округа (1900–1902), старший адъютант штаба Киевского военного округа (1903–1904), подполковник (1903). Состоял в прикомандировании к Киевскому военному училищу для преподавания военных наук (1904–1908), полковник (1907). Штаб-офицер для поручений при штабе Варшавского военного округа (1908), начальник штаба Либавской крепости (1908–1910), штаб-офицер, заведующий обучающимися в Николаевской военной академии офицерами (1910–1914). С марта 1914 г. командир 176-го пехотного Переволоченского полка, с которым вступил в Первую мировую войну. Генерал-майор (1914), за отличие в Галицийской битве награжден Георгиевским оружием (1914). Генерал-квартирмейстер штаба 3-й армии (август — сентябрь 1914 г.), после перевода ее командующего генерала Н. В. Рузского на пост главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта назначен генерал-квартирмейстером штаба этого фронта. Награжден Георгиевским оружием (1914). Один из инициаторов выселения евреев из прифронтовой полосы и организаторов дела по обвинению полковника С. Н. Мясоедова в шпионаже в пользу Германии. После поражения 10-й арии и гибели 20-го армейского корпуса в распоряжении главковерха, весной — летом 1915 г. — начальник штаба 6-й армии, один из организаторов шпиономании в Петрограде и Финляндии. Исполняющий должность начальника штаба армий Северного фронта (1915–1916), начальник гарнизона Пскова (1916–1917), после Февральской революции кооптирован в состав исполкома Псковского совета рабочих и солдатских депутатов, активно сотрудничал с Советом. Во время выступления генерала Л. Г. Корнилова поддержал Временное правительство, в сентябре — ноябре 1917 г. занимал посты командующего армиями Северного фронта, начальника гарнизона Могилева, был назначен большевиками начальником штаба главковерха. С 1918 г. на службе в Красной армии, военный руководитель Высшего военного совета, после упразднения которого отчислен в распоряжение СНК (управляющим делами которого был его брат). В 1919 г. после ареста главкома И. И. Вацетиса и начальника полевого штаба РВСР Ф. В. Костяева временно исполнял обязанности начальника полевого штаба РВСР. Начальник Высшего геодезического управления (1919–1923). С 1923 г. в отставке, в 1931 г. арестован по делу о контрреволюционном заговоре офицеров Генерального штаба, но вскоре освобожден. Комдив (1937), генерал-лейтенант (1944).

Бороевич фон Бойна Светозар (1856–1920), барон, австро-венгерский военный деятель. Родился в селе Уметич, сын фельдфебеля пограничных войск, дослужившегося в 1872 г. до офицерского звания. Окончил кадетскую школу в Либенау, произведен в лейтенанты и выпущен в 52-й венгерский пехотный полк (Грац) (1875). В 1878 г. участвовал в боях при оккупации Боснии и Герцеговины, награжден крестом за военные заслуги. Обер-лейтенант (1880), окончил Военную академию в Вене, причислен к Генеральному штабу (1881). С 1883 г. служил в штабе 63-й пехотной бригады, капитан. С 1887 г. офицер-инструктор Терезианской военной академии, капитан. С 1892 г. майор, начальник штаба 19, 18, 27-й пехотных дивизий. Командир 4-го батальона 17-го пехотного полка (1896–1898), начальник штаба 8-го армейского корпуса (Прага, 1898–1904), командир 14-й пехотной бригады (1904–1907). В 1905 г. произведен в потомственное дворянское достоинство королевства Венгрии с прибавлением приставки «фон Бой-

на». С 1907 г. командир 7-го ландверного округа в Аграме, зарекомендовал себя как хорватский националист. Генерал от инфантерии (1912), командир 6-го армейского корпуса (1912–1914), во главе которого вступил в Первую мировую войну в составе 4-й армии генерала М. фон Ауффенберга. Участвовал в сражении у Комарова, с сентября 1914 г. сменил генерала Р. Брудермана на посту командующего 3-й армией, которой руководил во время боев в Карпатах вплоть до июня 1915 г. Руководил осадой крепости Перемышль, которую занял 3 (16) июня 1915 г. после отхода русских войск. С июня 1915 г., после вступления в войну Италии, командующий 5-й армией на итальянском фронте, руководил действиями войск на р. Изонцо и в Тироле. В мае 1917 г. 5-я армия была преобразована в армию «Изонцо», а в августе 1917 г. — в группу армий, которую он возглавил. В октябре — ноябре совместно с немцами провел сражение у Капоретто («12-е сражение на Изонцо»), закончившееся поражением итальянцев. Награжден германским орденом Pour le Mérite (1917), главнокомандующий австро-венгерскими войсками на итальянском фронте (январь — июнь 1918 г.), фельдмаршал (1918). После войны вышел в отставку, в 1918 г. был категорически против вступления Хорватии в состав Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, настаивая на создании хорватами независимого государства. Правительство королевства СХС не позволило ему поселиться в Хорватии, жил в Австрии, умер в г. Клагенфурт.

Бринкен Александр-Павел Фридрихович фон ден (1859–1917), барон, русский военный деятель, из семьи курляндских дворян. Окончил Полоцкую военную гимназию (1877), 1-е военное Павловское училище, переведен в лейб-гвардии Гренадерский полк, прапорщик (1880), подпоручик (1884), поручик (1885). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан гвардии с переименованием в капитаны Генерального штаба (1886). Старший адъютант штаба Виленского военного округа (1886–1890), подполковник (1890), старший адъютант штаба Омского военного округа (1890–1892). Состоял в прикомандировании к Елисаветградскому кавалерийскому юнкерскому училищу для преподавания военных наук (1892–1896), полковник (1894). Начальник штаба Керченской крепости (1896–1898), начальник штаба Свеаборгской крепости (1898–1901), командир 85-го пехотного Выборгского полка (1901–1904), генерал-майор (1904). Принял участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг., в распоряжении начальника этапов Маньчжурской армии (май — ноябрь 1904 г.). Начальник штаба 1-го Сибирского армейского корпуса (1904–1905), начальник штаба 1-го армейского корпуса (1905–1908), генерал-лейтенант (1908), начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа (1908–1912), командир 22-го армейского корпуса (1912–1917). Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, генерал от инфантерии (1914). Умер в марте 1917 г.

Бронсарт фон Шеллендорф Фридрих-Генрих-Бруно-Юлиус (1864–1950), германский генерал, находился при японской армии в качестве наблюдателя от германской армии в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Полковник (1913), с 1913 по 1917 г. входил в германскую военную миссию в Османской империи, с 1914 г. будучи советником Энвер-паши фактически возглавлял Генеральный штаб турецкой армии, на этом посту участвовал в организации геноцида армян. В 1917 г. переведен на Западный фронт, где командовал пехотной дивизией до окончания войны. С 1919 г. в отставке.

Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926). Окончил Пажеский корпус, прапорщик (1872), поручик (1874). Участвовал и отличился в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском фронте, штабс-капитан (1877), награжден орденами Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й степени с мечами (1878). Начальник полковой учебной команды

(1878–1881), капитан (1881), ротмистр (1882). С 1883 г. в постоянном составе Офицерской кавалерийской школы, ротмистр гвардии с переименованием в подполковники (1887), помощник начальника (1890), начальник отделения верховой езды и выездки, полковник (1892), с 1893 г. начальник драгунского отдела, помощник начальника (1898), генерал-майор (1900), начальник Офицерской кавалерийской школы (1902–1906), генерал-лейтенант (1906). Начальник 2-й гвардейской кавалерийской дивизии (1906–1909), командир 14-го армейского корпуса (1909–1912), генерал от кавалерии (1912), помощник командующего войсками Варшавского военного округа (1912–1913), командир 12-го армейского корпуса (1912–1914), командующий 8-й армией (1914–1916), за успешные действия в Галицийской битве награжден орденами Св. Георгия 4-й и 3-й степеней (1914). Генерал-адъютант, награжден Георгиевским оружием (1915). Командующий армиями Юго-Западного фронта (1916–1917), за прорыв обороны противника летом 1916 г. награжден Георгиевским оружием с бриллиантами. Верховный главнокомандующий (май — июнь 1917 г.). С осени 1917 г. проживал в Москве, в августе 1918 г. арестован ВЧК, но вскоре отпущен под домашний арест, в декабре 1918 г. освобожден. С 1919 г. в РККА в ходе Советско-польской войны 1920 г. состоял в Особом совещании при главкоме РККА, с июня 1920 г. инспектор Центрального управления коннозаводства и животноводства при Наркомземе. В 1922 г. инспекция по коннозаводству была преобразована в военную, инспектор кавалерии РККА (1923–1924). С 1924 г. состоял для особо важных поручений при РВС.

Брухмюллер Георг (1863–1948), выдающийся германский артиллерист, автор ряда работ по использованию артиллерии. На службе в артиллерии с 1885 г., в 1913 г. в чине подполковника уволен в запас по болезни. С началом Первой мировой войны возвращен в строй, начальник артиллерии 86-й пехотной дивизии. Разработал тактику применения короткого артиллерийского удара, предварявшего и сопровождавшего прорыв пехоты, которую с успехом применил в боях на германском Восточном фронте под озером Нарочь в марте 1916 г. и при взятии Риги в сентябре 1917 г. Кавалер ордена Pour le Mérite (1917). В марте 1918 г. подготовил прорыв фронта союзников на Западном фронте на участке 8-й британской армии, за успешные действия произведен в полковники. В 1919 г. вновь вышел в отставку, в августе 1939 г. за вклад в развитие артиллерии произведен в генерал-майоры.

Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924), русский советский поэт, прозаик, драматург, переводчик, теоретик стиха и литературовед, литературный критик и историк, один из основоположников русского символизма. Во время Первой мировой войны военный корреспондент, вел активную работу по организации помощи армянским беженцам, переводил средневековую армянскую поэзию. Поддержал революцию Февраля и Октября 1917 г. Член ВКП(б) с 1920 г. Работал в Наркомате просвещения, Госиздате, заведовал Книжной палатой, вел ряд курсов в Московском университете и в организованном им в 1921 г. Высшем литературно-художественном институте (впоследствии ВЛХИ им. В. Я. Брюсова).

Брянский Виктор Диодорович (1869 — после 1931 г.), русский политический и общественный деятель, из дворян. Кандидат Московского университета, действительный статский советник, товарищ московского городского головы (1909–1917), временно исполняющий обязанности московского городского головы (1912–1914), активный деятель Союза городов, гласный Московской городской думы (1917–1918). В эмиграции в Югославии, председатель Издательской комиссии Русского культурного комитета в Белграде (1928–1931).

Бубнов Александр Дмитриевич (1883–1963). Окончил Морской корпус (1902), Военно-морской отдел Николаевской морской академии (1913). В звании мичмана на эскадренном броненосце «Орел» участвовал в Цусимском сражении, был тяжело ранен, попал в плен. По возвращении служил на Балтийском флоте и в Морском Генеральном штабе, капитан 2 ранга (1913). В начале Первой мировой войны — на крейсере «Диана» на Балтике, но вскоре переведен в Ставку Верховного главнокомандующего, где сначала был назначен флаг-капитаном Военно-морского управления. Капитан 1 ранга (1914), начальник Военно-морского управления Ставки (1916–1917), контр-адмирал (1917). В декабре 1917 г. уволен в отставку, преподаватель Морской академии. В 1918 г. покинул Петроград и примкнул к Белому движению. В конце 1918 г. в качестве морского эксперта включен адмиралом А. В. Колчаком в состав русской делегации во главе с С. Д. Сазоновым на Версальской мирной конференции, но убедившись в том, что делегация на переговоры не допущена, покинул Францию и отправился на юг России. В мае 1919 г. назначен начальником дивизиона миноносцев в Севастополе, в августе того же года — начальником штаба командующего Черноморским флотом. В феврале 1920 г. уволен генералом А. И. Деникиным за поддержку кандидатуры генерала П. Н. Врангеля, эмигрировал во Францию, затем в Югославию. Способствовал созданию Военно-морского училища (1923) и Высшей военно-морской школы (1930) в Дубровнике, профессор стратегии и военно-морского искусства в Королевской военно-морской академии в Дубровнике (1923–1941). После вторжения гитлеровцев и оккупации Югославии преподавал русский язык в гимназии в г. Кранье (Словения), где остался и после прихода к власти в Югославии коммунистов.

Будберг Алексей Павлович фон (1869–1945), из семьи обрусевших дворян Лифляндской губернии, барон. Окончил Орловский генерала Бахтина кадетский корпус (1886), Михайловское артиллерийское училище, подпоручик (1889), поручик (1891). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан гвардии с переименованием в капитаны Генерального штаба (1895). Обер-офицер для поручений при штабе Приамурского военного округа (1897–1899), штаб-офицер для поручений при командующем войсками Южно-Уссурийского отдела (1899–1900), подполковник (1899), старший адъютант штаба Приамурского военного округа (1900–1901). Участвовал в подавлении «боксерского восстания» и походе в Китай в 1900–1901 гг. Штаб-офицер при управлении 6-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады (1901–1902), начальник штаба Владивостокской крепости (1902–1913). Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг., за отличие был произведен в полковники (1904). Генерал-майор (1910), генерал-квартирмейстер штаба Приамурского военного округа (1913–1914), генерал-квартирмейстер штаба 10-й армии (1914). Награжден Георгиевским оружием (1914). Начальник штаба 10-й армии (1914–1915). После поражения в Восточной Пруссии находился в отпуске по болезни в Петрограде, где состоял в резерве чинов (1915). Генерал для поручений при командующем 1-й армией, командующий 40-й пехотной дивизией (август — октябрь 1915 г.), командующий 70-й пехотной дивизией (1915–1917). Дважды ранен. Генерал-лейтенант (1916), с апреля 1917 г. командир 14-го армейского корпуса. В начале 1918 г. выехал в Японию, затем проживал в Маньчжурии. В начале 1919 г. назначен в распоряжение начальника штаба Верховного главнокомандующего А. В. Колчака, главный начальник снабжения и инспекции при Верховном главнокомандующем, помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего с правами военного министра по управлению Военным министерством, третий помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего и управляющий Военным министерством, военный министр (1919). В октябре 1919 г. отчислен от должностей, выехал в Харбин для лечения. Начальник штаба Приамурского военного округа (1919–1920). С 1920 г. в эмиграции в Японии, Китае, с 1923 г. — в США. Начальник 1-го Северо-Американского отдела РОВС, почетный председатель Общества русских ветеранов Великой войны (1925). Умер в Сан-Франциско.

Буденный Семен Михайлович (1883–1973), советский военачальник. Родился в бедной крестьянской семье на хуторе Козюрин Платовской станицы Ростовской губернии области войска Донского. В 1903 г. призван в армию, проходил службу в Приморском драгунском полку на Дальнем Востоке, участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг. В 1907 г. как лучший наездник полка направлен на курсы наездников для нижних чинов при Офицерской кавалерийской школе, закончил их в 1908 г., служил в Приморском полку до 1914 г. Мобилизация 1914 г. застала его на побывке у родителей, в войну вступил в составе 18-го драгунского Северского полка, сражался на Юго-Западном, Северо-Западном, Кавказском фронтах и в составе корпуса Н. Н. Баратова в Персии, неоднократно отличился в боях с противником, старший унтер-офицер, полный георгиевский кавалер, летом 1917 г. избран председателем полкового комитета и заместителем председателя дивизионного комитета. Активно действовал против войск, поддержавших выступление Л. Г. Корнилова. По возвращении на Дон в 1918 г. активно поддержал большевиков, избран членом исполнительного комитета Сальского окружного совета и назначен заведующим окружным земельным отделом. С февраля 1918 г. активно участвовал в Гражданской войне, создал конный отряд, выросший затем в полк, бригаду и дивизию, действовавшую против белых в районе Царицына. Член РКП(б) (1919). В июне 1919 г. под его командованием создан Конный корпус, отличившийся в боях против кавалерийских корпусов генерал-лейтенанта К. К. Мамонтова и генерал-лейтенанта А. Г. Шкуро под Касторной и Воронежем. С ноября 1919 г. возглавил Первую конную армию, которой руководил вплоть до 1923 г. Участвовал в боях против А. И. Деникина и П. Н. Врангеля, в Советско-польской войне 1920 г., осуществив Житомирский прорыв. Член РВС (1921–1923), заместитель командующего Северо-Кавказским военным округом (1923), помощник главкома РККА по кавалерии и член РВС СССР (1923), инспектор кавалерии РККА (1924–1937). В 1932 г. окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе, Маршал Советского Союза (1935). Активно поддержал политику репрессий, входил в состав Специального судебного присутствия Верховного суда СССР, приговорившего М. Н. Тухачевского и ряд других военачальников к расстрелу. Командующий войсками Московского военного округа (1937–1939), член Главного военного совета НКО СССР, заместитель, а с 1940 г. первый заместитель наркома обороны. Один из инициаторов создания конно-механизированных соединений. В ходе Великой Отечественной войны входил в состав Ставки Верховного главнокомандования, командовал войсками Юго-Западного направления (июль — сентябрь 1941 г.), группой армий резерва Ставки (август — сентябрь 1941 г.), Резервным фронтом (сентябрь — октябрь 1941 г.), Северо-Кавказским направлением (апрель — май 1942 г.), Северо-Кавказским фронтом (май — август 1942 г.), с января 1943 г. главнокомандующий кавалерией РККА, заместитель министра сельского хозяйства СССР по коневодству (1947), инспектор кавалерии (1953–1954). Кандидат в члены ЦК КПСС (1934–1939), член ЦК КПСС (1939–1952), кандидат в члены ЦК КПСС (1952–1973), депутат Верховного Совета СССР I–VIII созывов, член Президиума Верховного Совета СССР (1938–1973). Умер в Москве.

Букретов Николай Андрианович (1876–1930), из семьи ереев-кантонистов, православный, приписной казак Кубанского казачьего войска. Окончил Тифлисское реальное училище (1894), Московское пехотное юнкерское училище, подпоручик (1896), поручик (1899). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан (1903). Цензовое командование ротой в 15-м гренадерском Тифлисском полку (1903–1904), помощник старшего адъютанта штаба Кавказского военного округа (1904–1907), капитан (1905). Состоял в прикомандировании к Тифлисскому военному училищу для преподавания военных наук (1907–1912), подполковник (1908), цензовое командование батальоном отбывал в 15-м гренадерском Тифлисском полку (1910), полковник (1911), старший адъютант штаба Кавказского военного округа (1912). Прикомандирован к ар-

тиллерии (1913), начальник штаба 2-й Кубанской пластунской бригады. За отличие в боях под Сарыкамышем награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (1915). Командир 90-го пехотного Онежского полка (1915), генерал-майор, начальник 2-й Кубанской пластунской бригады (1916). В конце 1917 г. командующий Кубанскими войсками и член кубанского правительства. В начале 1918 г. вышел в отставку, вернулся в строй после занятия Кубани Добровольческой армией. В начале 1920 г. избран Кубанской радой войсковым атаманом. После эвакуации Новороссийска отошел с частью кубанских войск в район Сочи, после их капитуляции сложил с себя звание атамана и бежал с другими членами Кубанской рады в Грузию, затем переехал в Константинополь, а в 1922 г. — в США. Умер в Нью-Йорке.

Буриан фон Райец Стефан (1851–1922), австро-венгерский государственный деятель, граф, министр финансов (1903–1915), министр иностранных дел (1915–1916, апрель — октябрь 1918 г.).

Буэ де Лапейер Огюстин (1852–1924), французский военный моряк и государственный деятель, вице-адмирал, морской министр (1909–1911), активный сторонник усиления военно-морского флота Франции кораблями дредноутного типа, в 1911 г. назначен командующим Средиземноморской эскадрой. В 1915 г. вышел в отставку.

Бьюкенен Джордж Вильям (1854–1924), британский дипломат. С 1876 г. на службе в МИДе, на дипломатических должностях в посольствах в Италии, Японии, Австро-Венгрии и Германии (1876–1904), посланник в Болгарии (1904–1908), посол в России (1910–1918), посол в Италии (1919–1921).

Бюлов Бернгард-Генрих-Карл-Мартин фон (1849–1929), граф (1899), князь (1905), германский государственный деятель и дипломат. Участвовал во Франко-прусской войне, затем поступил на прусскую гражданскую службу, в 1874 г. перешел в МИД. В 1876 г. назначен на пост атташе в германском посольстве в Париже, в 1880 г. повышен до второго секретаря этого посольства. Участвовал в работе Берлинского конгресса. Первый секретарь посольства в Санкт-Петербурге, временно выполнял обязанности поверенного в делах (1884), посланник в Румынии (1888–1893), посол в Италии (1893–1897), имперский статс-секретарь иностранных дел (1897–1900), рейхсканцлер и министр-президент Пруссии (1900–1909). С 1909 г. в отставке, затем посол Германии в Италии (1914–1915).

Вангенгейм Ганс фон (1859–1915), барон, германский дипломат, посланник в Греции (1909–1912), посол в Турции (1912–1915).

Варешанин фон Вареш Мариан (1847–1917), барон, австро-венгерский военный и государственный деятель словенского происхождения. Окончил кадетский корпус в Фиуме, военное училище в Винер-Нойштадте, лейтенант (1866). Участвовал в Австро-прусской войне 1866 г. Окончил Военную школу в Вене (Академию Генерального штаба, 1871), в 1872 г. причислен к Генеральному штабу, произведен в обер-лейтенанты и назначен в штаб 2-й пехотной дивизии (Вена). Капитан (1873), в дивизионных штабах в Лемберге (Львове), Аграме (Загребе), военно-топографическом бюро Генерального штаба (1873–1876). В 1875 г. командирован в Черногорию в качестве военного агента при князе Николае, в 1878 г. участвовал в занятии Боснии и Герцеговины, в 1879 г. руководил приемом сербской военной делегации на австро-венгерских маневрах близ г. Брук-ан-дер-Лейте. Майор (1881), начальник штаба 9-й пехотной дивизии (Прага, 1881–1883), которой командовал наследник престола эрцгерцог Рудольф. Преподавал эрцгерцогу военную историю и

военную географию. Подполковник, командир 75-го пехотного полка (1885). В 1880 г. его отец получил титул фон Вареш и по существующим законам мог передать его сыну, если тот прослужил более 20 лет на военной или гражданской службе, что и было сделано в 1887 г. Мариан Варешанин фон Вареш в 1887 г. был назначен начальником штаба округа Зара, полковник (1888). Генерал-майор (1893), командир 48-й пехотной бригады в Перемышле (1893–1894), командир 3-й пехотной бригады (1896–1897), фельдмаршал-лейтенант (1897), командир 18-й пехотной дивизии в Мостаре, начальник штаба 12-го армейского корпуса в Германштадте (1900), заместитель командира 15-го армейского корпуса (1903), командир военного округа Зара, фельдцейхмейстер, тайный советник (1905), генерал от инфантерии (1908), командир 15-го армейского корпуса (Сараево), губернатор Боснии и Герцеговины, генерал-инспектор пехоты (1909). После покушения Б. Жераича возведен в баронское достоинство, в 1911 г. подал в отставку и замещен генералом О. фон Потиореком.

Василевский Александр Михайлович (1895–1977), выдающийся советский полководец. Родился в семье священнослужителя в селе Новая Гольчиха Кинешменского уезда. В 1909 г. окончил духовное училище в Кинешме и поступил в духовную семинарию в Костроме, в феврале 1915 г. после сдачи экзаменов экстерном поступил в Алексеевское военное училище. В мае 1915 г. после окончания ускоренного курса обучения произведен в прапорщики. В сентябре того же года после пребывания в запасных частях начал боевую службу на Юго-Западном фронте. Командир полуроты, а затем и роты 409-го Новохоперского пехотного полка, участвовал и отличился в Брусиловском прорыве, штабс-капитан, командир батальона 409-го пехотного полка, который осенью 1916 г. был переброшен на Румынский фронт. В ноябре 1917 г. ушел в отпуск и уехал к родителям в Кинешму. Работал инструктором Всевобуча (июнь – август 1918 г.), учителем в начальных классов сельских школ в Новосильском уезде Тульской губернии (сентябрь 1918 – апрель 1919 г.). В апреле 1919 г. призван в РККА, по октябрь того же года занимал должности заместителя командира взвода, командира отдельного отряда, роты, батальона, 5-го стрелкового полка, расположенных в Тульской губернии. В декабре 1919 г. переведен на Западный фронт, где участвовал в боях с польскими интервентами, а после окончания Советско-польской войны – с бандами в Белоруссии и на Смоленщине. По окончании боевых действий командир полка 48-й Тверской стрелковой дивизии. В 1927 г. окончил стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА имени III Коминтерна «Выстрел». Находившиеся в его подчинении части неоднократно получали отличную оценку по результатам боевой подготовки и действиям на маневрах в 1928 г. С 1931 г. переведен в Управление боевой подготовки РККА, редактировал выпускавшийся управлением «Бюллетень боевой подготовки» и оказывал помощь редакции журнала «Военный вестник». Участвовал в создании «Инструкции по ведению глубокого общевойскового боя», «Инструкции по взаимодействию пехоты, артиллерии, танков и авиации в современном общевойсковом бою», а также «Наставления по службе войсковых штабов». Начальник отдела боевой подготовки Приволжского военного округа (1934–1936), после введения в РККА персональных воинских званий произведен в полковники (1936). В 1937 г. окончил Военную академию Генерального штаба, назначен начальником кафедры тыла академии. В октябре 1937 г. назначен начальником отделения оперативной подготовки командного состава в Генштабе, комбриг (1938), с 1939 г. одновременно на должности заместителя начальника Оперативного управления Генштаба. Принял участие в разработке первого плана войны против Финляндии, в 1940 г. по окончании Советско-финляндской войны участвовал в мирных переговорах с Финляндией и демаркации новой советско-финляндской границы. Первый заместитель начальника Оперативного управления Генерального штаба, комдив (1940), с апреля 1940 г. принимал участие в разработке плана войны с Германией, в ноябре того же года в составе советской делегации совершил поездку в Берлин для переговоров

с Германией. Начальник Оперативного управления Генерального штаба, заместитель начальника Генерального штаба, генерал-лейтенант (1941), представитель Ставки Верховного главнокомандования на Северо-Западном фронте (апрель — май 1942 г.), с апреля 1942 г. исполняющий обязанности начальника Генерального штаба, генерал-полковник, с июня 1942 г. начальник Генерального штаба, с октября 1942 г. заместитель наркома обороны СССР, один из авторов плана контрнаступления под Сталинградом, во время проведения этой операции осуществлял координацию действий фронтов по окружению и уничтожению 6-й армии, а также отражению попытки деблокировать ее извне, предпринятой группой Э. Манштейна. Генерал армии (январь 1943 г.), Маршал Советского Союза (февраль 1943 г.). Координировал действия фронтов во время Курской битвы, освобождения Украины и Прибалтики, наступления в Восточную Пруссию. Награжден орденом «Победа», Золотой звездой Героя Советского Союза (1944), в феврале 1945 г. назначен командующим 3-м Белорусским фронтом, руководил взятием Кёнигсберга. Автор плана разгрома Квантунской армии. Главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке (июнь — сентябрь 1945 г.), по окончании кампании против Японии награжден второй Золотой звездой. Начальник Генерального штаба Вооруженных сил СССР и заместитель министра Вооруженных сил СССР (1946–1948), первый заместитель министра (1948–1949), министр Вооруженных сил (1949–1950), военный министр СССР (1950–1953), первый заместитель министра обороны (1953–1956), заместитель министра обороны по вопросам военной науки (1956). В 1957 г. уволен в отставку по болезни, в 1959 г. возвращен, генеральный инспектор группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР (1957–1977).

Васильев Федор Николаевич (1858–192?), русский и советский военный деятель. Окончил 2-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию (1874), 1-е военное Павловское училище, подпоручик (1876). Гвардии прапорщик (1877), участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., гвардии подпоручик (1877), поручик (1882). В 1885 г. окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, гвардии штабс-капитан с переименованием в капитаны Генерального штаба. Состоял при Туркестанском военном округе, обер-офицер для поручений при штабе Туркестанского военного округа (1886–1889), помощник делопроизводителя старшего оклада Азиатской части Главного штаба (1889–1894), подполковник (1890), состоял при Главном штабе (1894–1896), полковник (1894), помощник военного губернатора Ферганской области (1896–1901), командир 110-го пехотного Камского полка (1901–1902), заведующий Азиатской частью Главного штаба (1902–1903), генерал-майор (1902), начальник 1-й стрелковой бригады (1906–1908), начальник штаба Одесского военного округа, генерал-лейтенант (1908), начальник штаба 7-й армии (июль — сентябрь 1914 г.), командир 6-го Сибирского армейского корпуса (1914–1917), генерал от инфантерии (1915). После выступления генерала Л. Г. Корнилова уволен в отставку. Сотрудничал с большевиками, с 1920 г. сотрудник-составитель в Исторической комиссии Всероглавштаба, штатный руководитель практических занятий в Военной академии РККА, с 1 января 1921 г. старший руководитель групповых лекций Военной академии РККА.

Вацлав Святой, Вячеслав Чешский (около 907–935/936), чешский князь из рода Пржемысловичей (924–935/936). Принял христианство и вводил его в языческой тогда Чехии, признал своим сюзереном императора Германии Генриха I, убит братом Болеславом, сохранявшим верность язычеству. Прославлен святым патроном Чехии, почитается как католиками, так и православными.

Велепольский Альфред Сигизмундович (1879–1955), русский офицер польского происхождения, граф. Окончил по 1-му разряду Пажеский корпус, гвардии корнет

(1899). Помощник начальника полковой учебной команды лейб-гвардии Гусарского полка (1902–1903), гвардии поручик (1903). Состоял при Российской императорской миссии в Абиссинии (1903–1904). Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг., подъесаул 4-го Сибирского казачьего полка. В январе 1906 г. вернулся в лейб-гвардии Гусарский полк, гвардии штабс-ротмистр (1907), гвардии ротмистр (1911), полковник, флигель-адъютант (1915). После Февраля 1917 г. уволен по болезни от службы. После Октября эмигрировал в Польшу, в 1940 г. переехал в США. Умер в Танганьике, Восточная Африка.

Велепольский Сигизмунд Иосифович (1863–1919), граф, управляющий княжеством Ловичским.

Венизелос Элефтериос (1864–1936), греческий государственный деятель. Родился на острове Крит, окончил юридический факультет Афинского университета (1887). Активно участвовал в Критском движении 1895 г., которое переросло в восстание 1897 г. После назначения принца Георга Верховным комиссаром острова стал советником по вопросам юстиции и вошел в правительство. Будучи либералом, быстро вошел в противостояние с принцем и покинул пост. После вынужденной отставки принца Георга в сентябре 1906 г. Верховным комиссаром стал бывший премьер-министр Греции А. Заимис, а Венизелос — лидером Конституционного комитета и премьер-министром Крита. В 1909 г. избран президентом Крита, провозгласил объединение острова с Грецией. В 1910 г. избран в парламент Греции, премьер-министр (1910–1915). В Первую мировую войну сторонник выступления на стороне Антанты, что привело к длительному конфликту с королем Константином. В 1915 г. с разрывом отношений с королем Константином, несмотря на триумфальную победу либеральной партии на выборах, покинул пост премьер-министра. После сдачи королем части территории Восточной Македонии болгарской армии возглавил антиправительственное восстание на севере страны, образовал временное правительство в Салониках (1915–1917). С помощью Антанты сумел добиться изгнания короля и вступления в войну на стороне союзников. После отречения короля Константина, вызванного вмешательством Антанты во внутригреческий конфликт, и провозглашения королем Александра, вновь возглавил правительство (1917–1920) и провел аграрную реформу. Возглавлял греческую делегацию на Парижской мирной конференции (1919–1920), в ходе работы конференции на него было совершено покушение со стороны политических противников. Подписал Нейский (1919) и Севрский (1920) договоры. В 1920 г., проиграв выборы, покинул страну. После поражения в Греко-турецкой войне подписал Лозанский договор (1923) и в начале 1924 г. вернулся в Грецию, возглавив правительство (январь — февраль 1924 г.), в марте 1924 г. вновь вынужден был покинуть страну. После этого дважды возглавлял правительство (1928–1932, январь — март 1933 г.). В 1935 г. эмигрировал в Париж.

Верховский Александр Иванович (1886–1938), русский и советский военный деятель, из дворян Смоленской губернии. В 1903 г. поступил в Пажеский корпус, в начале 1905 г. за либеральные высказывания после Кровавого воскресенья исключен и отправлен солдатом на фронт в Маньчжурию, служил в 35-й артиллерийской бригаде, награжден Георгиевским крестом 4-й степени, за боевые отличия произведен в подпоручики (1905). Служил в Гельсингфорсе в 3-м Финляндском стрелковом артиллерийском дивизионе (1905–1908), поручик (1909). В 1911 г. окончил по 1-му разряду Императорскую Николаевскую военную академию, штабс-капитан. Цензовое командование ротой отбывал во 2-м Финляндском стрелковом полку (1911–1913). Капитан, старший адъютант штаба 3-й Финляндской стрелковой бригады (1913). В составе 22-го армейского корпуса участвовал в боях в Восточной Пруссии, был ранен и эвакуирован в Петроград. Награжден Георгиевским оружием (1915) и орденом Св. Георгия 4-й степени (1915). Начальник

оперативной части штаба 22-го армейского корпуса, исполняющий обязанности старшего адъютанта отделения управления генерал-квартирмейстера 9-й армии (1915), исполняющий обязанности помощника начальника отделения управления генерал-квартирмейстера 7-й армии (1915–1916), исполняющий обязанности старшего адъютанта отделения генерал-квартирмейстера штаба 7-й армии (1916). В марте – апреле 1916 г. одновременно выполнял обязанности начальника штаба группы войск, организованной для овладения Трапезундом с моря. За отличие произведен в подполковники с утверждением в должности старшего адъютанта (1916), с сентября 1916 г. одновременно состоял помощником по оперативной части русского представителя при румынской Главной квартире. В распоряжении начальника Генерального штаба (октябрь – декабрь 1916 г.), помощник флаг-капитана по сухопутной части штаба начальника высадки Черного моря (1916–1917), исполняющий обязанности начальника штаба отдельной Черноморской морской дивизии (1917). Активный сторонник Февральской революции, избран членом и товарищем председателя Севастопольского совета рабочих депутатов. Разработал Положение о местных солдатских комитетах. В конце марта 1917 г. направлен в Петроград для работы в комиссии по пересмотру законоположений и уставов в соответствии с новыми правовыми нормами. Полковник (1917), командующий войсками Московского военного округа (май – август 1917 г.). Сторонник Временного правительства, во время выступления генерала Л. Г. Корнилова объявил округ на военном положении, отстранив от должностей всех прокорниловски настроенных офицеров. Военный министр (август – октябрь 1917 г.), при назначении произведен в генерал-майоры. Член Директории (сентябрь – октябрь 1917 г.). После Октябрьской революции 21 октября 1917 г. уволен в двухнедельный отпуск, затем отошел от политической деятельности. В 1918 г. дважды арестовывался, после освобождения мобилизован в РККА, в марте 1919 г. снова арестован. С октября 1919 г. инспектор военно-учебных заведений Запасной армии. Читал курс тактики на Казанских инженерных курсах. Член Особого совещания при главкоме, главный инспектор военно-учебных заведений республики (1920). Главный руководитель Военной академии РККА (1922), затем на преподавательской работе. Военный эксперт советской делегации на Генуэзской международной конференции (1922). Начальник штаба Северо-Кавказского военного округа (1930–1931). В 1931 г. уволен со службы, арестован по обвинению в участии в антисоветской деятельности, признал себя виновным, Коллегией ОГПУ приговорен к расстрелу. Приговор заменен 10 годами лагерей. В 1934 г. досрочно освобожден. Преподавал на курсах «Выстрел», с 1936 г. – в Военной академии им. Фрунзе и Академии Генерального штаба. Старший руководитель кафедры тактики Военной академии Генерального штаба РККА, профессор, комбриг. В 1938 г. арестован по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации, приговорен к расстрелу и казнен. В 1956 г. реабилитирован.

Виберг Сергей Александрович (1874 – после 1919 г.). Из семьи обрусевших шведских дворян, православный. Окончил 2-й кадетский корпус (1891), Николаевское инженерное училище, подпоручик (1894), поручик (1896), штабс-капитан (1900). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, капитан (1902). Командовал ротой в Михайловском крепостном пехотном батальоне (1902–1904). Принял участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг., старший адъютант штаба 15-го армейского корпуса (январь – май 1905 г.). Исполняющий должность штаб-офицера для особых поручений при штабе 19-го армейского корпуса (1905–1906), обер-офицер для особых поручений при генерал-квартирмейстере Кавказского военного округа (октябрь – ноябрь 1906 г.), обер-офицер для особых поручений при штабе Кавказского военного округа (1906–1907), подполковник (1907), штаб-офицер для поручений при штабе Кавказского военного округа (1907–1915), полковник (1911), командир 18-го Туркестанского стрелкового полка (1915–1916). Награжден Георгиевским оружием, генерал-майор (1916), начальник

штаба 5-й Кавказской стрелковой дивизии (1916–1917). Участник Белого движения на юге России.

Виктор-Эммануил III (1869–1947), король Италии (1900–1946), император Абиссинии (1936–1943), король Албании (1939–1943), в 1896 г. женился на дочери черногорского князя Николая Елене Петрович (1873–1953).

Вильгельм II (1859–1941), император Германии и король Пруссии (1888–1918), сын принца Фридриха Прусского (впоследствии императора Фридриха III) и Виктории Великобританской.

Вильсон Артур Найвет (1842–1921), британский военный моряк. С 1855 г. на военно-морской службе, мичман. Принял участие в Крымской войне (1855) и Второй Опиумной войне (1858). В 1870 г. вошел в состав комитета, исследовавшего эффективность тореды Уайтхеда, в 1876 г. стал командиром школы торпедистов на корабле «Вернон», в качестве капитана бригады морской пехоты принял участие в экспедиции в Египет (1882) и Судан (1884), за храбрость в битве при Эль-Тебе (1884) награжден орденом Виктории. Лорд-комиссионер Адмиралтейства и контролер флота (1897), командующий эскадрой Канала (1901–1903), главнокомандующий флотом Метрополии и флотом Канала (1903), адмирал флота (1907), первый лорд Адмиралтейства (1910–1911). С 1911 г. в отставке.

Витте Сергей Юльевич (1849–1915), русский государственный деятель и дипломат, граф (1905). В 1870 г. в дирекции Одесской железной дороги, в 1871 г. поступил на государственную службу в канцелярию новороссийского и бессарабского генерал-губернатора с чином коллежского секретаря. В 1874 г. назначен чиновником сверх штата в Департамент общих дел Министерства путей сообщения, одновременно служил в управлении казенной Одесской железной дороги, где прошел должности конторщика грузовой службы, помощника машиниста, начальника станции, контролера движения, заведующего конторой движения, помощника начальника эксплуатации дороги. Титулярный советник (1874), в 1877 г. уволен от службы по Департаменту общих дел МПС, назначен помощником управляющего по движению и начальником эксплуатации Одесской железной дороги, во многом благодаря его усилиям было обеспечено железнодорожное сосредоточение и снабжение действующей армии на Дунае. Заведующий отделением эксплуатации правления Юго-Западной железной дороги (1878–1881), участвовал в составлении Устава российских железных дорог, в 1880 г. назначен начальником эксплуатации Юго-Западных железных дорог, управляющий Юго-Западными железными дорогами (1886). В 1888 г. вызван в Харьков в качестве эксперта следствия о причинах катастрофы императорского поезда в Борках 17 октября 1886 г. Действительный тайный советник (1889), назначен директором Департамента железнодорожных дел Министерства финансов, в 1890 г. введен в Совет МПС, управляющий МПС (февраль — август 1892 г.), управляющий Министерством финансов (с августа 1892 г.), тайный советник (1893), министр финансов (1892–1903), член Комитета Сибирской железной дороги, действительный тайный советник (1899). В 1903 г. уволен от должности министра финансов с назначением председателем Комитета министров и членом Государственного совета, в 1905 г. возглавил русскую делегацию на переговорах с Японией после Русско-японской войны 1904–1905 гг., завершившихся подписанием Портсмутского мира, председатель Совета министров (1905–1906). После 1906 г. в отставке, член Государственного совета.

Владимир Святой, Владимир I Святославич (около 960–1015), Великий князь Киевский (978–1015), в 988 г. принял христианство в качестве государственной религии Киевской Руси, в XIII в. канонизирован в лике Равноапостольного Святого.

Воейков Владимир Николаевич (1868–1942). Окончил Пажеский корпус, службу начал в лейб-гвардии Кавалергардском полку, зять министра Двора графа В. Б. Фредерикса. Флигель-адъютант (1906), командир лейб-гвардии Гусарского полка (1907–1913), генерал-майор Свиты Его Императорского Величества (1913), с 1913 г. главнонаблюдающий за физическим развитием населения Российской империи, дворцовый комендант (1913–1917). В марте 1917 г. арестован, в октябре переведен из Петропавловской тюрьмы в больницу, после Октябрьской революции бежал, проживал в эмиграции во Франции.

Войрш Ремус фон (1847–1920), германский военный деятель. С 1860 г. на прусской военной службе, принял участие в Австро-прусской войне 1866 г. и Франко-прусской войне 1870–1871 гг. Генерал-майор, командир 12-й пехотной дивизии (1897), генерал-лейтенант (1901), генерал от инфантерии, командир 6-го армейского корпуса (1905), в 1911 г. вышел в отставку. С началом Первой мировой войны возвращен на службу, назначен командиром Силезского ландверного корпуса, во главе которого принял участие во вторжении на территорию русской Польши с целью оказать помощь австро-венгерской армии в наступлении на Варшаву в октябре и ноябре 1914 г., генерал-полковник (1914). Принял участие в Горлицком прорыве и преследовании отступавших русских войск. Осенью 1915 г. возглавил армейскую группу в южной части Польши. В декабре 1917 г. произведен в звание фельдмаршала, вышел в отставку. В 1919 г. возвращен на службу, командовал южным крылом обороны восточных границ Германии.

Войшин-Мурдас-Жилинский Ипполит Паулинович (1856–192?). Окончил Михайловскую Воронежскую военную гимназию (1872), 1-е военное Павловское училище, подпоручик, прапорщик гвардии (1874), подпоручик гвардии (1876), поручик гвардии (1877). Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове, штабс-капитан (1878). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, капитан (1885). Состоял для поручений при штабе Виленского военного округа (1885–1886), подполковник (1886), старший адъютант штаба Виленского военного округа (1886–1891), полковник (1890). Начальник штаба Бендерской крепости (1891–1892), начальник штаба 20-й пехотной дивизии (1892–1894), начальник штаба 38-й пехотной дивизии (1894–1898), командир 150-го пехотного Таманского полка (1898–1900), генерал-майор (1900), начальник штаба 17-го армейского корпуса (1900–1902), окружной генерал-квартирмейстер штаба войск гвардии и Петербургского военного округа (1902–1905), состоял в распоряжении главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа (1905–1907), начальник 4-й пехотной дивизии (1907–1912), генерал-лейтенант (1907), командир 14-го армейского корпуса (1912–1917), генерал от инфантерии (1913). Временно отстранялся от командования после поражения под Красником, но был возвращен, а в октябре 1914 г. награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В марте 1917 г. снят с поста и зачислен в резерв чинов при штабе Двинского военного округа, в мае 1917 г. уволен от службы по прошению с мундиром и пенсией. С 1918 г. добровольно в РККА, преподавал тактику на Нижегородских командных курсах.

Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837–1916), государственный и военный деятель, граф. В 1855 г. поступил в Императорский Санкт-Петербургский университет, но курса не окончил, в 1856 г. поступил на службу в лейб-гвардии Конный полк унтер-офицером на правах вольноопределяющегося, через четыре месяца был произведен в юнкеры. Эстандарт-юнкер (1857), корнет (1858), в 1859 г. командирован в распоряжение главнокомандующего Кавказской армией. В 1859–1862 гг. участвовал и отличился в боях с горцами в Адыгее, Чечне и Дагестане, поручик (1859), адъютант главнокомандующего (1860), штабс-ротмистр (1861), командир конвоя главнокомандующего, ротмистр, флигель-адъютант (1862). В 1863–1864 гг. сопровождал императора в поездках в Финляндию,

в Москву и за границу. В 1865 г. произведен в полковники, участвовал и отличился в походах и боях в Туркестане (1865–1866). Генерал-майор с зачислением в Свиту Его Императорского Величества, помощник губернатора Туркестанской области (1866). В 1867 г. сопровождал императора в поездке на Всемирную выставку в Париже, в том же году назначен командиром лейб-гвардии Гусарского полка. Командир 2-й бригады 2-й гвардейской кавалерийской дивизии (1873), начальник штаба Гвардейского корпуса (1874), генерал-лейтенант с оставлением в Свите (1876). Участвовал и отличился в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. В марте 1881 г. стал одним из организаторов так называемой «Священной дружины», с апреля по сентябрь 1881 г. главный начальник охраны Его Императорского Величества. Главноуправляющий государственным коннозаводством, министр Императорского двора и уделов, канцлер российских орденов (1881–1897), член Государственного совета (1881), в 1884 г. зачислен в списки Генерального штаба, генерал от кавалерии (1890). С 1904 г. председатель Главного управления Российского общества Красного Креста. Наместник Кавказа (1905–1915). С началом Первой мировой войны назначен главнокомандующим Кавказской армией. 23 августа 1915 г. уволен с занимаемых должностей с оставлением в составе Свиты и Государственного совета.

Вошборн Стенли (1878–1950), американский гражданин, специальный корреспондент «Таймс» при штабе японской армии (1904–1905). На русском фронте в 1914–1917 гг., летом 1917 г. в звании майора входил в качестве консультанта в миссию Э. Рута, направленную президентом В. Вильсоном в Россию.

Габсбург-Лотринген Франц-Фердинанд Карл-Людвиг-Иосиф-Мария фон (1863–1914), эрцгерцог Остеррейх-Эсте, сын эрцгерцога Карла-Людвига, брата Франца-Иосифа I, с 1896 г. наследник австро-венгерского престола, с 1913 г. генерал-инспектор армии.

Габсбурги, одна из наиболее могущественных монарших династий Европы на протяжении Средневековья и Нового времени.

Гавриил Константинович (1887–1955), князь императорской крови, сын великого князя Константина Константиновича. Окончил 1-й Московский кадетский корпус (1905), по 1-му разряду Николаевское кавалерийское училище, корнет в лейб-гвардии Гусарском полку (1907). Флигель-адъютант (1908), в 1909–1912 гг. состоял в отпуске по болезни, поручик (1911). В 1911 г. поступил в Александровский лицей и в 1913 г. окончил три старших класса. Состоял в Свите Его Императорского Величества (1912–1913). Заведующий разведчиками 4-го эскадрона лейб-гвардии Гусарского полка (1913–1915), награжден Георгиевским оружием (1914), штабс-ротмистр (1915). После гибели брата, корнета того же полка князя Олега Константиновича, и смерти отца отозван в Петроград. Состоял в Свите, оставаясь в списках полка (1915–1917). С осени 1916 г. учился на подготовительных курсах 1-й очереди военного времени Николаевской военной академии, ротмистр (1916), полковник (1916). В апреле 1917 г. уволен от службы с мундиром по болезни. После Октябрьской революции проживал в Петрограде, в августе 1918 г. арестован ВЧК, в сентябре освобожден, получил разрешение на выезд из России, эмигрировал в Финляндию, затем во Францию. С 1920 г. жил в Париже. Почетный председатель Общекадетского объединения во Франции. В 1939 г. главой Русского императорского дома великим князем Владимиром Кирилловичем пожалован титулом великого князя. Умер в Париже.

Гальвиц Макс фон (1852–1937), германский военный деятель. С 1870 г. на прусской военной службе, добровольцем участвовал во Франко-прусской войне 1870–1871 гг.

Окончил Военную академию (1880), адъютант 11-й артиллерийской бригады, на службе в Большом Генеральном штабе (1883–1886, 1891–1895), в Военном министерстве (1887–1891), командир артиллерийского дивизиона 11-го артиллерийского полка (1895–1899), артиллерийского полка (1899–1901), 29-й артиллерийской бригады (1901–1903), начальник Департамента военной администрации и представитель Военного министерства в рейхстаге (1903–1906), командир 15-й пехотной дивизии (1906–1911), генерал от артиллерии, инспектор полевой артиллерии (1911). С началом войны назначен командующим Гвардейским резервным корпусом в составе 2-й армии, участвовал в боях в Бельгии, отличился при взятии крепости Намюр, после чего его корпус был переброшен на русский фронт. Участвовал в зимнем сражении на Мазурских озерах, командующий армейской группой «Гальвиц» (февраль — август 1915 г.), 12-й армией (август — сентябрь 1915 г.), за бои под Праснышем награжден орденом Pour le Mérite (1915), командующий 11-й германской армией, действовавшей против Сербии (1915–1916), командующий Западной группой войск на Западном фронте (март — июль 1916 г.), командующий 2-й армией, действовавшей на Сомме (июль — декабрь 1916 г.), с декабря 1916 г. командующий 5-й армией, с января 1917 г. командующий группой армий «Гальвиц» под Верденом. С декабря 1918 г. в отставке, с 1920 г. депутат рейхстага от Немецкой национальной народной партии.

Гамильтон Ян Стандиш Монтейт (1853–1947), британский генерал. Родился в семье военного, окончил Королевскую военную академию в Сандхерсте, лейтенант (1879), принял участие и отличился в Афганской войне в составе батальона шотландских стрелков полка Гордона, а также в Первой Англо-бурской войне, был ранен в битве при Маджуба-Хилл (1881). Капитан (1882), за отличие в Нильской экспедиции (1884–1885) досрочно произведен в майоры. Принял участие и отличился в Бирманской войне (1886–1887), досрочно произведен в подполковники. Служил в Бенгалии (1890–1893), полковник (1891). Участвовал в экспедиции в Читраль (1893–1895), заместитель генерал-квартирмейстера в Индии (1895–1898), командир 3-й бригады в Тирахской кампании (1897–1898), был ранен. Принял участие во Второй Англо-бурской войне, отличился в боях под Ледисмитом. Возведен в звание рыцаря, награжден орденом Бани, произведен в генерал-майоры и назначен начальником штаба генерала Г. Китченера (1902). Военный секретарь Военного министерства (1901–1903), генерал-квартирмейстер армии Метрополии (1903–1904). Военный атташе Индийской армии при японской армии во время Русско-японской войны (1904–1905), после ее окончания на различных штабных и командных должностях (1905–1914), командующий наземной обороной Англии (1914–1915), в феврале 1915 г. назначен командовать Объединенными союзными силами для атаки на Дарданеллы, в октябре того же года отозван в Англию. С 1915 г. в отставке, после окончания войны один из инициаторов создания Англо-Германской ассоциации, с 1928 г. ее вице-президент. Выступал с публичными заявлениями в поддержку А. Гитлера, в 1935 г. Ассоциация была распущена, а генерал отошел от активной политики.

Гаус Антон (1851–1917), австро-венгерский гросс-адмирал и океанолог. С 1869 г. на военно-морской службе, преподавал в Военно-морской академии в Фиуме (ныне Риека, Хорватия). Опубликовал учебник «Океанология и морская метереология». В 1900 г. командовал корветом в плавании к берегам Дальнего Востока, участвовал в подавлении «боксерского восстания», до 1902 г. оставался в Пекине. Вице-адмирал (1907), представитель Австро-Венгрии на второй мирной конференции в Гааге. Инспектор флота (1912), адмирал, глава морского отдела Военного министерства и командующий флотом (1913), гросс-адмирал (1916), в августе 1917 г. умер от воспаления легких.

Гебен Август Карл фон (1816–1880), прусский военный деятель, генерал от инфантерии. Родился в Саксонии, но военную службу начал в рядах королевской прусской

армии, поступив в 17 лет в 24-й пехотный полк. В 1836 г. вышел в отставку и отправился добровольцем в Испанию, где вступил в ряды армии карлистов и принял участие в гражданской войне. Неоднократно был ранен, дважды попадал в руки правительственных войск и бежал, в повстанческой армии дослужился до подполковника. В 1840 г. вернулся в Пруссию и был возвращен на службу в чине лейтенанта. В 1848 г. в чине капитана принят в состав Большого Генерального штаба, служил под начальством майора Г. фон Мольтке в штабе 4-го армейского корпуса, под командованием принца Вильгельма Прусского принял участие в подавлении восстания в Бадене. В 1860 г. в качестве представителя прусской армии в экспедиции испанцев в Марокко, генерал-майор (1863). Командир бригады во время войны с Данией (1864), генерал-лейтенант. Командир 13-й дивизии в период войны с Австрией (1866). Командир 8-го армейского корпуса в период войны с Францией (1870–1871), в 1871 г. командующий 1-й армией, генерал армии, кавалер Большого Железного Креста, по окончании войны командир 8-го армейского корпуса. Кавалер ордена Св. Георгия 3-й степени (1873).

Гейден Дмитрий Федорович (1862–1926), сын генерала от инфантерии, члена Государственного совета графа Ф. Л. Гейдена. Окончил Санкт-Петербургский университет и поступил вольноопределяющимся в 12-й гусарский Ахтырский полк, где был произведен в офицеры. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1891), после Русско-японской войны 1904–1905 гг. вышел в отставку в чине полковника. Крупный помещик Подольской губернии, винницкий уездный предводитель дворянства. Был избран депутатом в IV Государственную думу. Во время мобилизации в 1914 г. вернулся в армию, штаб-офицер для поручений при штабе 8-й армии, исполняющий должность дежурного генерала штаба 8-й армии (1915–1917), дежурный генерал штаба 8-й армии (январь — октябрь 1917 г.). С октября 1917 г. в распоряжении начальника штаба армий Румынского фронта. Активный участник Белого движения на юге России, в июне — августе 1919 г. исполняющий должность начальника гарнизона г. Царицына. Заболел холерой и был эвакуирован. После эвакуации из Крыма проживал в Сербии и занимал должность штатного преподавателя в Крымском кадетском корпусе в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев. После сокращения штата корпуса переехал в Загреб, где и скончался.

Гейсман Платон Александрович (1853–1919), русский военный деятель из семьи обрусевших фламандских дворян. Окончил с золотой медалью Кишиневскую классическую гимназию (1870), по 1-му разряду 2-е военное Константиновское училище, подпоручик (1872), поручик гвардии (1875). Добровольцем участвовал в Сербо-турецкой войне, командир батальона сербской армии (1876). Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. принял участие в боях под Плевной, переходе через Балканы, дальнейшем походе отряда генерала В. И. Гурко к Константинополю. Награжден орденами Святой Анны 4-й степени, Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, произведен в штабс-капитаны (1878). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, капитан, штабс-капитан Генерального штаба (1881). Состоял при войсковом штабе войска Донского, старший адъютант штаба 3-й кавалерийской дивизии (1881–1883), старший адъютант штаба 34-й пехотной дивизии (1883–1886), капитан (1883), старший адъютант штаба Одесского военного округа (1886–1887), подполковник (1887), штаб-офицер для поручений при штабе Одесского военного округа (1887–1888). Прикомандирован к Елисаветградскому кавалерийскому юнкерскому училищу для преподавания военных наук (1888–1891). Штаб-офицер при управлении 4-й стрелковой бригады (1891–1892), полковник (1891). Экстраординарный (1892–1894), ординарный (1894–1902), заслуженный ординарный (1902–1907) профессор Николаевской академии Генерального штаба, штаб-офицер, ведующий обучающимися в академии офицерами (1894–1898), генерал-майор (1900), почетный член Конференции Николаевской академии (1907). Командир

2-й бригады 37-й пехотной дивизии (1901), начальник 44-й пехотной дивизии (1907–1911), генерал-лейтенант (1907), командир 16-го армейского корпуса (1911–1914), генерал от инфантерии (1913). В октябре 1914 г. сдал командование и был зачислен в резерв чинов при штабе Киевского военного округа, член Военного совета (1915). После Октябрьской революции остался в Петрограде, приват-доцент Петроградского университета.

Генбери-Вилльямс Джон (1859–1946), британский военный и государственный деятель. Учился в колледже Веллингтона и Королевской военной академии в Сандхерсте, по окончании учебы в 1878 г. направлен в 43-й полк легкой пехоты. Принял участие и отличился в кампании в Египте в 1882 г., адъютант губернатора Мадраса (1884–1885), адъютант командира 3-го Оксфордширского полка легкой пехоты (1892–1895). Отличился в действиях в Южной Африке (1899–1900), военный секретарь сэра А. Милнера (1897–1900), рыцарь ордена Св. Михаила и Георгия (1899), ордена Виктории (1902), военный секретарь государственного военного секретаря (1900–1903), секретарь генерал-губернатора и военный секретарь Канады (1904–1909), рыцарь-командор ордена Виктории (1908), генерал-майор (1909), бригадный генерал при администрации Шотландии (1909–1914). Представитель Канады в Международном олимпийском комитете (1911–1921), с 1914 г. введен в состав Генерального штаба, глава Британской военной миссии при Ставке Верховного главнокомандования в России (1914–1917), рыцарь ордена Бани (1917), представитель Великобритании по вопросам британских военнопленных в Гааге (1917–1918) и Берне (1918). В 1919 г. вышел в отставку. С 1920 по 1934 г. на придворной службе, маршал дипломатического корпуса, рыцарь Большого Креста ордена Виктории (1926). С 1934 г. в почетной отставке, конюший Двора, проживал в Виндзорском замке, где и умер.

Георг-Фредерик-Эрнест-Альберт (1865–1936), король Соединенного королевства Великобритании и Ирландии (с 1927 г. — Северной Ирландии), император Индии Георг V (1910–1936).

Геруа Борис Владимирович (1876–1942). Окончил Пажеский корпус, выпущен подпоручиком в лейб-гвардии Егерский полк (1895). Поручик (1899). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию (1904), гвардии штабс-капитан с переименованием в капитаны Генерального штаба (1903). После окончания академии по собственному желанию отправился в Маньчжурию, назначен на должность старшего адъютанта 2-го армейского корпуса. После сражения у Ляояна обер-офицер для поручений (в разведывательном отделении) управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем на Дальнем Востоке. В 1906 г. старший адъютант штаба 42-й пехотной дивизии в Киеве. Подполковник, помощник делопроизводителя в части второго обер-квартирмейстера (разведывательный отдел) Главного управления Генерального штаба (1909). Полковник (1912), экстраординарный профессор по тактике Николаевской военной академии (1912–1913), ординарный профессор (1913). В начале Первой мировой войны назначен командующим 123-м Козловским пехотным полком, с которым участвовал в Галицийском сражении и боях на Дунайце, затем начальник отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. С декабря 1914 г. начальник штаба 5-й пехотной дивизии. В 1915 г. награжден Георгиевским оружием за оборону города Ясло 3–4 октября 1914 г. С апреля 1915 г. начальник штаба 31-й пехотной дивизии, с которой отошел из Галиции во время майского наступления 9-й германской армии генерала А. фон Макензена. В конце 1915 г. назначен командующим лейб-гвардии Измайловским полком, с которым участвовал в отражении наступления германской гвардии в боях у Холма и Красностава. В начале июня 1916 г. назначен генерал-квартирмейстером войск гвардии (гвардейского отряда из двух пехотных и одного кавалерийского корпусов). В июле

1916 г. произведен в генерал-майоры со старшинством от 15 августа 1915 г. Генерал-квартирмейстер штаба Особой армии во время брусиловского наступления на Юго-Западном фронте. С 1 мая 1917 г. начальник штаба 11-й армии. Арестован 31 августа 1917 г. по приказу А. Ф. Керенского за участие в выступлении генерала Л. Г. Корнилова и доставлен в Бердичев, где уже находились под следствием генералы Деникин и Марков. Освобожден за отсутствием доказательств. Не вернулся в штаб армии и выбыл в Петроград, объяснив это тем, что его якобы вызвали в Военную академию преподавать в качестве профессора. В 1918 г. отказался от предложения начальника Военной академии генерала Андогского выехать вместе с академией в Казань и нелегально перешел границу в Финляндию, куда уже ранее переехала его семья. В конце 1918 г. выехал в Англию, где принял должность председателя Особой военной миссии по оказанию материальной помощи армиям генералов Е. К. Миллера, Н. Н. Юденича, А. И. Деникина и адмирала А. В. Колчака. В связи с ликвидацией деятельности миссии в 1920 г. окончательно поселился в Лондоне в районе Челси. В эмиграции вновь стал заниматься живописью. Еще будучи младшим офицером лейб-гвардии Егерского полка он посещал Рисовальную школу Общества поощрения художеств в Петербурге, а в Лондоне продолжил свое художественное образование в школах Челси и Слейда. Писал портреты, пейзажи и занимался книжной графикой, участвовал в выставках Королевского общества художников-портретистов. Известен его портрет генерала от кавалерии В. И. Гурко, заменявшего на посту начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал-адъютанта М. В. Алексеева в конце 1916 г. 1 октября 1935 г. избран в Лондоне действительным членом Королевского общества поощрения художеств. Член совета Союза измайловцев, а с 1939 г. его председатель. Скончался в марте 1942 г. в Культон-Сент-Мэри (Девон). Похоронен на местном кладбище.

Гидулянов Павел Васильевич (1874–1937), русский историк, профессор церковного права Московского университета, директор Лазаревского института восточных языков (1911–1917). Сотрудник «Энциклопедического словаря» Брокгауза — Ефрона. В 1933 г. арестован вместе с отцом Павлом Флоренским. Приговорен к 10 годам ИТЛ с заменой высылкой на тот же срок в Казахстан. Проживал в Алма-Ате, работал юрисконсультом. В 1934 г. дело было пересмотрено, срок заключения сокращен до пяти лет, в начале 1937 г. высылался из Алма-Аты в Кустанай «в порядке очистки города от социально-чуждых элементов». В августе 1937 г. арестован по обвинению в создании антисоветской монархической организации, приговорен к расстрелу. Реабилитирован в 1958 г.

Гизль фон Гизленген Владимир (1860–1938), барон, генерал-лейтенант, австро-венгерский военный и дипломат. На дипломатической службе с 1893 г., в 1896–1906 гг. выполнял ряд военно-дипломатических поручений на Ближнем Востоке. Участвовал в Гаагской конференции мира 1907 г. Посланник в Черногории (1909–1913), в Сербии (1913–1914).

Гильчевский Константин Лукич (1857–192?), сын солдата сверхсрочной службы. Окончил Александропольское уездное училище, в 1872 г. поступил вольноопределяющимся на службу, участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., за отличие при взятии Карса произведен в прапорщики (1878). В 1882 г. выдержал офицерский экзамен при Тифлисском пехотном юнкерском училище, подпоручик, поручик (1887). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан (1890). Состоял при Кавказском военном округе, исполняющий должность старшего адъютанта штаба 1-й Кавказской казачьей дивизии (1890), старший адъютант штаба 2-й Кавказской казачьей дивизии (1890–1893), капитан (1892), обер-офицер для поручений при штабе Кавказского военного округа (1893–1896), заведующий мобилизационным отделом штаба Кавказского военного округа, подполковник (1896), штаб-офицер для поручений при штабе Кавказского военного округа (1896–1899), старший адъютант штаба Кавказского

военного округа (1899–1900). Штаб-офицер при управлении 63-й пехотной резервной бригады (1900–1904), полковник (1900), командир 270-го пехотного Купянского полка (1904–1905), командир 16-го гренадерского Мингрельского полка (1905–1908). В 1905 г. отказался выступать в карательную экспедицию в Кутаисскую губернию. Генерал-майор (1908), командир 2-й бригады 21-й пехотной дивизии (1908), командир 1-й бригады 39-й пехотной дивизии (1908–1913), командир 1-й бригады Кавказской гренадерской дивизии (1913–1914). С началом Первой мировой вонйы командующий 83-й пехотной дивизией, отстранен от командования дивизией за погром, устроенный ее частями в г. Уланув. С ноября 1914 г. в резерве чинов при штабе Киевского военного округа, начальник 1-й дивизии государственного ополчения (март — июль 1915 г.), командующий 101-й пехотной дивизией (1915–1917), за отличия в летнем наступлении Юго-Западного фронта награжден Георгиевским оружием, орденом Св. Георгия 4-й степени, произведен в генерал-лейтенанты (1916), командующий 11-м армейским корпусом.

Гирс Михаил Николаевич (1856–1932), русский дипломат, гофмейстер (1895), сын министра иностранных дел Н. К. Гирса. С 1878 г. на дипломатической службе. Посланник в Аргентине и Бразилии (1895–1898), посланник в Баварии (1898–1901), посланник в Румынии (1902–1910), посол в Австро-Венгрии (1910–1912), посол в Турции (1912–1915), посол в Италии (1915–1917). С 1917 г. в эмиграции, проживал в Париже, председатель Совещания бывших послов.

Гогенцоллерн Иоахим Франц Гумберт (1890–1920), принц Прусский, младший сын германского императора Вильгельма II. Вместе с братьями получил образование в Доме принцев в Плене, страдал эпилепсией. Военную службу начал в 1911 г. в 1-м гвардейском пехотном полку. С началом Первой мировой войны служил в 14-м гусарском полку, ротмистр. Воевал на Восточном фронте, принял участие в первом сражении на Мазурских озерах, где был ранен. 11 марта 1916 г. женился на принцессе Марии Августе Ангальтской. Ряд ирландских, а также украинских националистов рассматривал его кандидатуру в качестве претендента на престол Ирландии и Украины. После революции и окончания войны переехал в Швейцарию. В 1920 г. застрелился из-за семейных неудач и гибели монархии. Похоронен в Потсдаме.

Гогенцоллерны, германская династия швабского происхождения, династия курфюрстов Бранденбурга, затем королей Пруссии, в период с 1871 по 1918 г. прусские короли из династии Гогенцоллернов были одновременно кайзерами Германии.

Гойос цу Стишенштейн Александр фон (1876–1937), австро-венгерский дипломат. С 1900 г. на дипломатической службе, сотрудник в консульствах в Китае, Франции, Сербии и Германии, с 1905 г. первый секретарь посольства в Великобритании, с 1912 г. начальник канцелярии МИДа, сторонник партии войны с Сербией. В 1917 г. назначен сотрудником австро-венгерского консульства в Христиании (современный Осло).

Головин Николай Николаевич (1875–1944), военный историк. Окончил Пажеский корпус, гвардии подпоручик (1894). Поручик (1897). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, гвардии штабс-капитан с переименованием в капитаны Генерального штаба (1900). Состоял при Петербургском военном округе, старший адъютант штаба 37-й пехотной дивизии (1901–1902), старший адъютант штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии (1902–1903), обер-офицер для поручений при штабе войск гвардии и Петербургского военного округа (1903–1904), помощник старшего адъютанта того же штаба (1904–1905). Подполковник (1905), начальник строевого отдела Варшавской крепости (апрель — июль 1905 г.), штаб-офицер для особых поручений при

штабе войск гвардии и Петербургского военного округа (июль — октябрь 1905 г.), старший адъютант того же штаба (октябрь — ноябрь 1905 г.), заведующий передвижениями войск Петербургско-Двинского района (1905–1910). Секретарь общества ревнителей военных знаний (1905–1907), в 1907 г. защитил диссертацию по военной психологии на звание экстраординарного профессора Николаевской академии Генерального штаба, экстраординарный профессор академии (1908–1909). В 1908–1909 гг. в годичной командировке во Французской военной академии, в 1909 г. защитил диссертацию на звание ординарного профессора Николаевской академии Генерального штаба, ординарный профессор академии (1909–1914), полковник (1909). Командир 20-го драгунского Финляндского полка (январь — июль 1914 г.), командир лейб-гвардии Гродненского гусарского полка (июль — ноябрь 1914 г.). За отличное командование полком произведен в генерал-майоры, награжден Георгиевским оружием (1915). Исполняющий должность генерал-квартирмейстера штаба 9-й армии (1914–1915), исполняющий должность начальника штаба 7-й армии (1915–1916), награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (1916). После Февральской революции 1917 г. назначен исполняющим должность начальника штаба помощника главнокомандующего армиями румынского фронта, генерал-лейтенант (1917). В октябре 1917 г. переведен в распоряжение министра-председателя и Верховного главнокомандующего А. Ф. Керенского, после Октябрьской революции продолжал числиться по Генеральному штабу, в июне 1918 г. отчислен, выехал в Киев, оттуда в Добровольческую армию. В декабре 1918 г. выехал в Париж, где занял должность помощника по военным вопросам в делегации С. Д. Сазонова. Летом 1919 г. направлен в распоряжение А. В. Колчака, в сентябре того же года возглавил его штаб. В октябре 1919 г. был эвакуирован в Японию для лечения. В 1920 г. выехал во Францию, занимался научной и педагогической деятельностью среди русской военной эмиграции во Франции, Югославии, Болгарии и Чехословакии, читал курсы лекций по военной истории в военных академиях Франции и США. Официальный представитель Гуверовского института войны, революции и мира в Европе (1926–1940). После оккупации части Франции гитлеровцами сотрудничал с оккупантами в Комитете взаимопомощи русских эмигрантов, занимался отправкой добровольцев на советско-германский фронт и вербовкой офицеров для армии генерала А. А. Власова. Умер в Париже.

Гольдман (Голдманис) Ян Юрьевич (1875–1955), из семьи латышских крестьян, депутат IV Государственной думы от Курляндской губернии, прогрессист, один из инициаторов создания латышских стрелковых частей на Северном фронте. После Февраля 1917 г. комиссар Временного правительства в Риге. Участник Государственного совещания, член Предпарламента, член Учредительного собрания, где выступил с заявлением об автономии Латвии. Министр в правительстве Латвии, член Учредительного сейма Латвии (1920–1922). В 1944 г. эмигрировал в Германию, в 1950 г. — в США.

Гольц Кольмар фон дер (1843–1916), германский военный теоретик и генерал-фельдмаршал (1911), участвовал и отличился в Австро-прусской и Франко-прусской войне, служил в отделении военной истории Большого Генерального штаба, в 1883 г. издал работу Das Volk im Waffen («Вооруженный народ»), заложив начало концепции тотальной войны, которая ведется не между армиями, а между народами. В 1882 г. прибыл в Турцию в составе германской военной миссии во главе с генералом фон Кехлером в звании подполковника. В 1883 г., после смерти этого генерала, возглавил германскую миссию и был произведен в бригадные генералы турецкой армии, до 1896 г. занимался ее модернизацией. В 1909 г. снова возвращен кайзером на службу в Турции, генерал-адъютант султана, маршал турецкой армии (1914), в октябре 1915 г. возглавил 6-ю турецкую армию, действовавшую под Багдадом. В результате его умелого командования турки добились окружения и капитуляции британского корпуса генерала Чарльза Таунсхенда под Кутт-эль-Амарой на р. Тигр.

Горбатов Александр Васильевич (1891–1973), советский военный деятель. Из крестьян Владимирской губернии, окончил сельскую трехклассную школу (1902), работал в хозяйстве отца, на обувной фабрике в Шуе. В 1912 г. призван в армию, служил в 17-м гусарском Черниговском полку. Участвовал и отличился в Первой мировой войне, был произведен в старшие унтер-офицеры и награжден крестами ордена Св. Георгия и медалями. С августа 1919 г. в РККА, красноармеец, командир взвода, эскадрона. Принял участие и отличился в боях против А. И. Деникина, С. В. Петлюры, в Советско-польской войне. С 1919 г. член ВКП(б). С апреля 1920 г. командир 58-го кавалерийского полка, с августа 1920 г. командир Отдельной Башкирской кавалерийской бригады, командир 7-го Черниговского Червонного казачества кавалерийского полка (1921). Окончил командные кавалерийские курсы (1926), командир кавбригады 3-й кавдивизии (1928). Окончил курсы усовершенствования комсостава в Москве (1930), командир 4-й Туркестанской горно-кавалерийской дивизии (1933), комбриг (1935), командир 2-й кавалерийской дивизии (1936). В 1937 г. снят с должности и исключен из партии «за связь с врагами народа», в 1938 г. восстановлен в партии и назначен заместителем командира 6-го кавалерийского корпуса, в том же году вызван в Москву и арестован, виновным себя не признал, в 1929 г. осужден на 15 лет лишения свободы и пять лет поражения в правах, наказание отбывал на Колыме. В марте 1941 г. в результате пересмотра дела освобожден, после лечения в санатории назначен заместителем командира 25-го стрелкового корпуса на Украине. С началом Великой Отечественной войны корпус был переброшен в Белоруссию, где вступил в бой немецко-фашистскими агрессорами под Витебском. Отличился в боях под Ярцево, где организовал оборону из отходящих частей. Был ранен и отправлен в тыл на лечение, затем зачислен слушателем на Курсы высшего комсостава, но к учебе не приступил и по собственной просьбе отправлен на фронт. В октябре 1941 г. назначен командиром 226-й стрелковой дивизии, отличился в оборонительных, а затем и в наступательных боях под Харьковом, генерал-майор (1941). Инспектор кавалерии Юго-Западного фронта (июнь – август 1942 г.), Сталинградского фронта (август – октябрь 1942 г.), заместитель командующего 24-й армией (1942–1943), участник Сталинградского сражения. Командир 20-го гвардейского стрелкового корпуса 4-й гвардейской армии, генерал-лейтенант (1943), командующий 3-й армией (1943–1945), генерал-полковник (1944). Участвовал и отличился в Орловской, Брянской, Белорусской, Восточно-Прусской и Берлинской операциях. За действия в Восточной Пруссии удостоен звания Героя Советского Союза (1945), с июня 1945 г. комендант Берлина, командующий 5-й ударной армией (1946–1950), командующий ВДВ (1950–1954), командующий войсками Прибалтийского военного округа (1954–1958), генерал армии (1955), с 1958 г. в группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

Горбатовский Владимир Николаевич (1851–1924). Окончил 2-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию и 1-е Павловское военное училище, подпоручик (1870), поручик (1872), штабс-капитан (1876). Принял участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове, отличился в боях под Плевной, награжден орденами Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (1878) и Св. Станислава 2-й степени с мечами (1879). Капитан (1878), майор с переименованием в подполковники (1880), полковник (1892), командир Красноярского резервного батальона (1893–1899), командир 44-го пехотного Камчатского полка (1899–1901), командир 4-го гренадерского Несвижского полка (1901–1904), генерал-майор (1904). Принял участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг., командир 1-й бригады 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии (1904), отличился при обороне Порт-Артура, начальник 1-го отдела сухопутной обороны, затем начальник восточного фронта крепости. Награжден орденами Св. Георгия 4-й степени, Св. Анны 1-й степени с мечами, Св. Станислава 1-й степени с мечами (1904), Св. Владимира 2-й степени с мечами (1905). После сдачи крепости назначен председателем Комиссии по передаче военно-

пленных японским войскам. Начальник Алексеевского военного училища (1905–1909), генерал-лейтенант (1908), начальник 3-й гренадерской дивизии (1909–1914), командир 19-го армейского корпуса (1914–1915), генерал от инфантерии, награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (1914), командующий 13-й армией Северо-Западного фронта (июнь – август 1915 г.), 12-й армией Северного фронта (1915–1916), 6-й армией Северного фронта (март – декабрь 1916 г.), 10-й армией того же фронта (1916–1917). В апреле 1917 г. смещен с должности и переведен в резерв. После Октябрьской революции эмигрировал в Эстонию, в 1920 г. председатель Комиссии для устройства раненых и больных чинов Северо-Западной армии генерала Н. Н. Юденича. Умер в Ревеле.

Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917), русский государственный деятель. Окончил Императорское училище правоведения (1860), начал службу в чине титулярного советника в канцелярии 1-го департамента Сената. В 1862 г. причислен к Министерству юстиции, коллежский асессор (1863). Надворный советник (1866), плоцкий вице-губернатор (1867), в 1868 г. переведен в Министерство внутренних дел, келецкий вице-губернатор (1869), коллежский советник (1869), статский советник (1872), член временной комиссии при МВД по крестьянским делам губерний Царства Польского (1873–1874), действительный статский советник (1875), тайный советник (1882), товарищ министра юстиции (1891–1894), сенатор (1894), товарищ министра внутренних дел (1895), министр внутренних дел (1895–1899), действительный тайный советник (1896), член Государственного совета (1899), председатель Совета министров (1906, 1914–1916) действительный тайный советник 1-го класса (1916). После Февральской революции 1917 г. арестован, но вскоре освобожден и уволен со службы. Убит на даче вблизи Сочи вместе с женой и дочерью.

Горчинский Витольд Остоя (1878–1929), подполковник русской, а затем и польской армии, один из инициаторов создания польских легионов в России. В 1915 г. вошел состав Организационного комитета Польских комитетов ополчения, вскоре вышел из этой организации из-за разногласий по вопросу о командовании, участвовал в организации латышских стрелковых частей. В 1918 г. перешел на службу в польскую армию, в составе которой участвовал в Советско-польской войне 1920 г. В 1923 г. возглавлял правую офицерскую организацию, готовившую государственный переворот, был арестован, но позже освобожден, после чего проживал в Польше в качестве частного лица.

Гофман Карл Адольф Максимилиан (1869–1927), германский военный деятель. Родился в Гомберге (Гессен-Нассау), в 1887 г. по окончании гимназии поступил вольноопределяющимся в 4-й Тюрингский пехотный полк, кадет Королевской военной школы в Нейссе (1887–1888), второй лейтенант (1888), лейтенант (1895). Окончил Военную академию в Берлине (1898), направлен в шестимесячную командировку в Россию, по возвращении в 1889 г. направлен в «русский отдел» Большого Генерального штаба, в 1901 г. произведен в капитаны с переводом в Генеральный штаб. Военный обозреватель при штабе 1-й японской армии (1904–1905), майор (1907), подполковник, полковник (1914), начальник оперативного отдела 8-й армии (1914), генерал-майор (1916), начальник Генерального штаба при командующем Восточным фронтом (1916–1918), фактический руководитель германской делегации при переговорах в Брест-Литовске. В 1919–1927 гг. проживал в Берлине, умер в Берхтесгардене в Баварии.

Гошен Вильям Эдвард (1847–1924). Родился в графстве Кент в семье Вильгельма Гошена, сына лейпцигского издателя, эмигрировавшего в Англию и основавшего там банк. Окончил школу в Регби и колледж Тела Христова в Оксфорде. С 1869 г. на дипломатической службе, посланник в Сербии (1898–1900), полномочный министр в Дании

(1900–1905), рыцарь ордена Св. Михаила и Георгия (1901), рыцарь Большого Креста ордена Виктории (1904), посол в Австро-Венгрии (1905–1908), в Германии (1908–1914), рыцарь Большого Креста ордена Св. Михаила и Георгия (1909), рыцарь Большого Креста ордена Бани (1911). В 1916 г. вышел в отставку и был возведен в звание баронета.

Грей Эдуард (1862–1933), виконт Фаллодон, британский государственный деятель и дипломат. Член Палаты общин (1885–1916), с 1916 г. член Палаты лордов, заместитель министра иностранных дел (1892–1895), министр иностранных дел (1905–1916), временный посол Великобритании в США (1919).

Гренер Вильгельм (1867–1939), германский военный и политический деятель. С 1884 г. на службе в Вюртемберской армии, учился в Военной академии (1893–1897), в 1899 г. назначен в железнодорожный отдел Генерального штаба, в 1912 г. возглавил его. Заместитель военного министра Пруссии (1916–1917), командир дивизии на Западном фронте (1917), начальник штаба командующего оккупационными войсками на Украине, 1-й генерал-квартирмейстер Генерального штаба (1918), сыграл значительную роль в отречении Вильгельма II, с 30 сентября 1919 г. в отставке. Министр транспорта (1920–1923), министр обороны (1928–1932), с 1931 г. министр внутренних дел, сторонник запрещения штурмовых отрядов нацистов, накануне 1933 г. удалился от активной политической деятельности.

Григорович Иван Константинович (1853–1930), русский военно-морской и государственный деятель. Окончил Морское училище, гардемарин (1874), мичман (1875), лейтенант (1879). Командир парохода «Колдунчик» (1883), парохода «Рыбка» (1883–1886), флаг-офицер в походном штабе эскадры Тихого океана (1887–1888). Находился в плавании на корвете «Витязь» и крейсере «Адмирал Нахимов» (1887–1889), капитан 2 ранга, старший офицер монитора «Тифон», командир парохода «Петербург» (1890), старший офицер фрегата «Герцог Эдинбургский», флаг-капитан берегового штаба старшего флагмана 2-й флотской дивизии (1891), старший офицер крейсера 1 ранга «Витязь» (1893), старший офицер крейсера «Адмирал Корнилов» (1893–1895), командир крейсера 2 ранга «Разбойник», броненосца береговой обороны «Броненосец» (1895), минного крейсера «Воевода» (1896), морской агент в Великобритании (1896–1898), капитан 1 ранга (1897). В 1898 г. командирован во Францию для наблюдения за постройкой эскадренного броненосца «Цесаревич» и броненосного крейсера «Баян», в том же году возглавил приемные испытания крейсера «Светлана», в 1899 г. назначен командиром «Цесаревича», после постройки корабля в 1903 г. привел его в Порт-Артур. Контр-адмирал (1904), командир порта Порт-Артур, после контузии при обстреле броненосца сдал командование кораблем. В 1905 г. вернулся в Петербург из Шанхая, где организовал отправку чинов Морского министерства в Россию, назначен начальником штаба командующего Черноморским флотом и портов Черного моря. В 1906 г. ранен в Севастополе эсерами. Исполняющий должность главного командира Черноморского флота и портов Черного моря (1906–1907), командир порта императора Александра III в Либаве (1907, ныне Лиепая, Латвия). Временно исполняющий должность главного командира флота и начальника портов и морской обороны Балтийского моря, военный губернатор Кронштадта (1908), товарищ морского министра, вице-адмирал (1909), морской министр, адмирал, почетный член конференции Николаевской морской академии (1911), генерал-адъютант (1912), член Государственного совета (1913). В 1917 г. подал в отставку. Преподаватель курса морской практики на Навигационном отделении Высшей школы водного транспорта, эксперт Военно-морской комиссии по исследованиям и использованию опыта войны 1914–1918 гг. на море (1920), сотрудник Петроглавархива (1921). В 1924 г. эмигрировал во Францию.

Гутор Алексей Евгеньевич (1868–1938), русский и советский военный деятель, из дворян Воронежской губернии. Окончил 4-й Московский кадетский корпус (1886), Михайловское артиллерийское училище, гвардии подпоручик (1889), поручик (1893). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан гвардии с переименованием в капитаны Генерального штаба (1895). Состоял при Московском военном округе, обер-офицер для поручений при штабе Гренадерского корпуса (1897–1900). Прикомандирован к Московскому военному училищу для преподавания военных наук (1900–1901), штаб-офицер для поручений при штабе 12-го армейского корпуса (апрель — сентябрь 1901 г.), штаб-офицер для поручений при штабе Киевского военного округа (1901–1902), старший адъютант штаба Киевского военного округа (1902–1904). Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг., начальник штаба 9-й пехотной дивизии (1904–1905). Командир 121-го пехотного Пензенского полка (1905–1910), генерал-майор (1910), командир лейб-гвардии Московского полка (1910–1913), начальник штаба Киевского военного округа (1913–1914), генерал-лейтенант (1914), начальник штаба 4-й армии (1914–1915). Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (1915). Начальник 34-й пехотной дивизии (1915–1916). Награжден орденом Св. Георгия 3-й степени (1915). Командир 6-го армейского корпуса (1916–1917), командующий 11-й армией (апрель — май 1917 г.), главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта (май — июль 1917 г.). С июля 1917 г. находился в распоряжении Верховного главнокомандующего, с октября того же года — в резерве чинов при штабе Московского военного округа. С августа 1918 г. добровольно вступил в РККА, председатель Главной уставной комиссии, преподаватель Военно-педагогических курсов. Член Особого совещания при главнокомандующем всеми вооруженными силами Республики (1920), в том же году состоял при главнокомандующем по Сибири. Был арестован в Омске по обвинению в контрреволюционной деятельности, вывезен в Москву, где в 1922 г. освобожден, дело прекращено за недоказанностью обвинения. После освобождения лектор в Военной академии, с 1923 г. руководитель по стратегии, с 1927 г. преподаватель высших военно-учебных заведений РККА по стратегии и общей тактике. Умер в Москве.

Гучков Александр Иванович (1862–1936), русский предприниматель, общественный и политический деятель, потомственный почетный гражданин, из купеческой семьи. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1886), продолжал образование в Берлинском и Гейдельбергском университетах. В 1888 г. избран почетным мировым судьей в Москве, в штате Нижегородского губернатора (1892–1893), затем в Московском городском управлении, член Московской городской управы (1893–1897), гласный Московской городской думы (1897–1907). В 1895 г., в период обострения армянского вопроса, совершил неофициальную поездку по территории Османской империи, осуществил переход через Тибет (1896). Служил младшим офицером в охране КВЖД (1897–1899), в качестве добровольца участвовал в Англо-бурской войне на стороне буров (1900). В 1903 г. ездил в Македонию во время Илинденского восстания, в Русско-японскую войну в качестве представителя Московской городской думы и главноуполномоченного (первоначально его помощника) Российского общества Красного Креста и Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны находился на театре военных действий, после Мукденского сражения и отступления русских войск остался в городе с русскими ранеными для защиты их интересов. Вместе с тяжелоранеными и медицинским персоналом был возвращен японцами под Сыпингаем. Директор Московского учетного банка, член советов: Петербургского учетного и Ссудного банка, Страхового общества «Россия», Товарищества А. С. Суворина «Новое время» (1902–1908). В 1905 г. участвовал в земско-городских съездах, один из лидеров «шиповского меньшинства», в создании «Союза 17 октября», с 1906 г. возглавил его. Сторонник сильной конституционной монархии, летом 1906 г. приглашен П. А. Столыпиным войти в состав его правительства в качестве министра торговли и промышленности, но отказался. В мае 1907 г. избран членом

Государственного совета от промышленности и торговли, в октябре 1907 г. отказался от этого звания, избран депутатом III Государственной думы, возглавил фракцию октябристов. Председатель думской комиссии по обороне, председатель Государственной думы (март 1910 — апрель 1911 г.), подал в отставку в знак протеста против принятия закона о земствах в западных губерниях в обход Думы. Инициатор перехода «Союза 17 октября» в оппозицию к правительству (1913). В начале Первой мировой войны на фронте в качестве главноуполномоченного Российского Красного Креста, один из организаторов и руководителей Центрального военно-промышленного комитета, член Особого совещания по обороне. В 1915 г. вторично избран в Государственный совет по торгово-промышленной курии, участвовал в создании и работе «Прогрессивного блока». В конце 1916 — начале 1917 г. вынашивал планы династического переворота с целью замены императора великим князем Михаилом Александровичем и установления «ответственного перед Думой министерства» из либеральных политиков. 2 (15) марта 1917 г. в качестве представителя Временного комитета Государственной думы вместе с В. В. Шульгиным принял отречение Николая II в Пскове. После Февральской революции 1917 г. военный и морской министр в первом составе Временного правительства (2 марта — 30 апреля), затем участник подготовки выступления Л. Г. Корнилова. В Гражданскую войну оказывал деятельную помощь Белому движению, по окончании войны в эмиграции в Париже.

Дакворт Джон Бартоломью (1747–1817), контр-адмирал (1800), вице-адмирал (1804), адмирал (1810) британского флота. Удачно действовал против испанцев под Кадисом (1800), против французов под Санто-Доминго (1807), в 1807 г. назначен вторым флагманом Средиземноморской эскадры. Губернатор Ньюфаундленда (1810–1812), отличился в действиях против американцев в 1812 г., член парламента (1812), командующий Плимутской морской базой в (1815–1817).

Даниил Романович (1201/1204–1264), князь Волынский (1205–1206, 1215–1231), князь Галицкий (1205–1206, 1211–1212, 1229–1231, 1233–1235, 1238–1254), король Галицкой Руси (1254–1264), Великий князь Киевский (1240).

Данилов Николай Александрович (1867–1934), русский и советский военный деятель. Закончил 1-й Московский кадетский корпус (1884), 3-е военное Александровское училище, подпоручик гвардии (1886), поручик гвардии (1890). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, малая серебряная медаль, штабс-капитан гвардии с переименованием в капитаны Генерального штаба (1893). Состоял при Петербургском военном округе, в 1893–1895 гг. находился в заграничной командировке с ученой целью. Старший адъютант штаба 1-й гвардейской пехотной дивизии (1895–1897), исполняющий должность помощника делопроизводителя старшего оклада канцелярии Военного министерства (1897–1902), подполковник (1898), делопроизводитель канцелярии Военного министерства (1902–1904), полковник (1902). Экстраординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба по кафедре тактики (1901). Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг., начальник канцелярии полевого штаба Маньчжурской армии (1904–1905). В конце войны назначен исполняющим должность начальника штаба главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами на театре военных действий, награжден золотым оружием (1905). Помощник начальника канцелярии Военного министерства (1905–1911), генерал-майор (1908), начальник канцелярии Военного министерства (1911). Постоянный член Главной крепостной комиссии (1905–1909), ординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба (1904–1912), генерал-лейтенант (1911), заслуженный профессор и почетный член Конференции Николаевской военной академии (1912). С 1914 г. главный начальник

снабжений армий Северо-Западного фронта, генерал от инфантерии. Командующий 10-м армейским корпусом (1916–1917), 2-й армией (1917). После Октября 1917 г. перешел на сторону большевиков, с 1918 г. добровольно поступил на службу в РККА. С 1919 г. преподаватель Академии Генерального штаба, с 1921 г. декан военно-экономического факультета Военно-инженерной академии, профессор Военной академии РККА. Инспектор штаба РККА (1931–1933).

Данилов Юрий Никифорович (1866–1937), русский военный деятель. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1886), Николаевскую академию Генерального штаба (1892). Офицер штаба 27-й артиллерийской бригады (1892–1894), старший адъютант штаба Киевского военного округа (1894–1898), помощник делопроизводителя Канцелярии по мобилизации войск (1898–1903), штаб-офицер Генерального штаба при Главном штабе (1903–1904), начальник отделения Главного штаба (1904–1905), постоянный член Крепостного комитета отделения Главного управления Генерального штаба (1904–1906, 1908–1910, председатель – 1910–1914), помощник 1-го обер-квартирмейстера ГУГШ (1906), командир 166-го пехотного Ровенского полка (1906–1908), обер-квартирмейстер ГУГШ (1908–1909), генерал-квартирмейстер ГУГШ (1909–1914), генерал от инфантерии (1914), генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего (1914–1915). За Галицийскую битву награжден орденом Св. Георгия 4-го класса. Командир 25-го армейского корпуса (1915–1916), начальник штаба Северного фронта (1916–1917), после Февральской революции командующий 5-й армией. В 1918 г. вступил в РККА, возглавил группу советских военных экспертов на переговорах в Брест-Литовске, твердый противник заключения мира. В марте 1918 г. выехал на Украину, присоединился к Добровольческой армии, помощник начальника Военного управления Вооруженными силами Юга России (1920). С 1920 г. в эмиграции в Париже.

Данкль фон Красник Виктор (1854–1941), граф, австрийский военачальник. Родился в семье капитана австрийской армии, учился в немецких гимназиях в Герце и Триесте (1865–1868), в кадетском корпусе в Сент-Пелтене (1868–1870), в Военной академии Марии-Терезии в Винер-Нейштадте (1870–1874). Лейтенант (1874), учился в Военной академии (1879–1880), после окончания переведен в штаб 8-й кавалерийской бригады (Прага). Капитан (1882), в 1883 г. переведен в штаб 32-й пехотной дивизии (Будапешт). Занимался топографическими работами на границе с Италией, командовал 11-м уланским полком, с 1896 г. начальник штаба 13-го армейского корпуса (Аграм), с 1899 г. полковник, начальник Центрального департамента Большого Генерального штаба, в 1903 г. произведен в генерал-майоры и назначен командиром 66-й пехотной бригады (Комморн), с 1905 г. командир 16-й пехотной бригады (Триент). Фельдмаршал-лейтенант (1907), назначен командиром 36-й пехотной дивизии (Аграм), генерал от кавалерии (1912), командир 14-го армейского корпуса. С началом мобилизации назначен командующим 1-й армией, в августе 1914 г. нанес поражение 4-й русской армии под Красником, но вскоре вынужден был отступить. Принял участие в Варшавско-Ивангородской операции (1914), в организации Горлицкого прорыва (1915), весной 1915 г. в связи со вступлением в войну Италии назначен командующим 11-й армией и начальником обороны Тироля. Со слабыми силами сумел остановить продвижение итальянцев, генерал-полковник (1916). Принял участие в наступлении на Трентино в марте 1916 г., которое быстро выдохлось. В июне 1916 г. сдал командование по болезни, после операции на горло больше командные должности не занимал. Капитан 1-го гвардейского стрелкового полка (1917), возведен в дворянское достоинство, пожалован титул барона (1917), возведен в достоинство графа с титулом фон Красник (1918), в декабре 1918 г. вышел в отставку. В 1925 г. после смерти фельдмаршала Ф. Конрада фон Гётцендорфа стал канцлером ордена Марии-Терезии. В 1930-е гг. выступал против аншлюса. Умер в Инсбруке.

Дельвиг Сергей Николаевич (1866–1944), русский военный и украинский националистический военный деятель и дипломат. Из московского дворянства, православный. Окончил 2-й Московский кадетский корпус (1883), Михайловское артиллерийское училище, подпоручик (1886), поручик (1888). Окончил по 1-му разряду Михайловскую артиллерийскую академию, штабс-капитан, помощник штаб-офицера, ведающего обучающими офицерами в полевом отделе Офицерской артиллерийской школы (1891), капитан (1896). Окончил Офицерскую артиллерийскую школу, подполковник (1899). Командир пешей батареи Офицерской артиллерийской школы (1899–1904), полковник (1903). Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг., награжден орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами (1905). Помощник начальника Офицерской артиллерийской школы (1906–1909), генерал-майор (1909), командир 24-й артиллерийской бригады (1909–1914). Исполняющий должность инспектора (1914), инспектор (1915) артиллерии 9-го армейского корпуса, награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (1914), комендант крепости Перемышль (апрель — май 1915 г.). В распоряжении главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (июнь — октябрь 1915 г.), командир 40-го армейского корпуса (1915–1916), генерал-лейтенант (1916), инспектор артиллерии армий Юго-Западного фронта (1916–1917). Вскоре после Февраля 1917 г. в отставке, после Октября 1917 г. переехал в Киев, сотрудничал с украинскими националистическими правительствами — Центральной радой В. К. Винниченко, гетманством П. П. Скоропадского, Директорией С. В. Петлюры. В 1919 г. вел переговоры с Польшей об установлении демаркационной линии в Галиции, посол УНР в Румынии (1919–1920), генерал-полковник украинской армии (1920). С 1920 г. в эмиграции в Румынии, в 1944 г. переехал в Египет, умер в Каире.

Делькассе Теофил (1852–1923), французский государственный деятель и дипломат, один из создателей Антанты. Министр колоний (1894–1895), министр иностранных дел Франции (1898–1905), морской министр (1911–1913), посол в России (1913–1914). С августа 1914 г. министр иностранных дел, в октябре 1915 г. вышел в отставку и отстранился от политики.

Деникин Антон Иванович (1872–1947), русский военный деятель, военный писатель, один из лидеров Белого движения. Родился в бедной семье отставного майора, в прошлом крепостного крестьянина, выслужившегося в офицеры из рядовых. Учился в Ловичском реальном училище, проявил блестящие способности к математике (1882–1890), окончил Киевское пехотное юнкерское училище (1892). Служил во 2-й артиллерийской бригаде (1892–1895). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба, произведен в капитаны (1899), вернулся во 2-ю бригаду, где прослужил до 1902 г. Старший адъютант штаба 2-й пехотной дивизии (1902–1903), старший адъютант штаба 2-го кавалерийского корпуса (1903–1904), штаб-офицер для особых поручений 9-го (1904) и 8-го (1904–1906) армейских корпусов. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг., в действующую армию направлен по собственной просьбе, участвовал в Мукденском сражении. Штаб-офицер при управлении 57-й пехотной резервной бригады (1906–1910), командир 17-го пехотного Архангелогородского полка (1910–1914), генерал-майор, генерал для поручений при командующем войсками Киевского военного округа (1914). С началом Первой мировой войны участвовал в формировании штабов Юго-Западного фронта, 3-й и 8-й армий, генерал-квартирмейстер 8-й армии, командовал 4-й бригадой (1914), 4-й «Железной» стрелковой дивизией (1915–1916), генерал-лейтенант (1916), участник основных сражений против австро-венгерской армии, командир 8-го армейского корпуса на Румынском фронте (1916–1917). После Февральской революции 1917 г. назначен помощником начальника штаба при Верховном главнокомандующем, командовал Западным, потом Юго-Западным фронтами. Стремясь сдержать развал армии, требовал введения смертной казни не только на фронте, но и в тылу. Увидел сильную личность в генерале

Л. Г. Корнилове, поддержал его выступление, за что был арестован. Освобожден после Октябрьской революции 1917 г. распоряжением генерала Н. Н. Духонина, как и другие генералы «быховской группы», бежал на Дон, где вместе с генералами Л. Г. Корниловым и М. В. Алексеевым занимался формированием Добровольческой армии. Участвовал в первом Кубанском («Ледяном») походе. После гибели Л. Г. Корнилова в 1918 г. занял пост командующего Добровольческой армией, позже — главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. С января 1920 г. верховный правитель Российского государства, 4 апреля 1920 г. сдал командование генералу П. Н. Врангелю и на английском военном корабле покинул Россию. После прибытия в Константинополь и убийства начальника его штаба генерала И. П. Романовского отошел от политики. В эмиграции жил в Англии, Венгрии, Франции. После прихода к власти А. Гитлера заявлял, что необходимо поддерживать Красную армию, которую после разгрома фашистов можно будет использовать для «свержения коммунистической власти». Выступал с осуждением эмигрантских организаций, сотрудничавших с фашистской Германией. В 1945 г. под влиянием слухов о возможности насильственной депортации в СССР эмигрировал в США.

Джавид-бей Гусейн (1875–1926), турецкий государственный деятель еврейского происхождения (выходец из каракашларов, то есть «чернобровых» — ответвление секты денме, центром которой были в начале XX в. Салоники), в молодости принял ислам, что позволило ему стать членом комитета «Единение и прогресс». Министр финансов (1913–1918), один из идеологов геноцида армян, казнен в Турции по обвинению к организации заговора против президента Турецкой республики генерала Мустафы Кемаля.

Джафаров Мамед-Юсуф (1885–1938). Окончил Бакинскую гимназию и юридический факультет Императорского Московского университета (1912). Присяжный поверенный. Член IV Государственной думы от мусульманского населения Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской губерний, входил в мусульманскую группу. До 1917 г. — кадет, после — мусаватист. Член Закавказского комиссариата, министр торговли и промышленности Азербайджанской республики (1918), в 1920 г. эмигрировал в Турцию.

Джемаль-паша, Ахмет-Джемаль (1872–1922), турецкий государственный и военный деятель. Один из лидеров младотурецкой партии «Единение и прогресс», военный преступник, один из организаторов геноцида армян в 1915 г. Будучи офицером, примкнул к младотурецкому движению, принял активное участие в революции 1908 г. Губернатор Аданы (1909), Багдада (1911), в 1912 г. возглавлял службу безопасности в Константинополе, в 1912–1913 гг. командовал дивизией, после окончания Балканских войн назначен командиром 1-го армейского корпуса, генерал-лейтенант, морской министр (1913–1918). Вместе с Энвером и Талаатом входил в правящий триумвират младотурецкой партии. В 1914 г. назначен командующим 4-й армией, неудачно попытавшейся осуществить вторжение в Египет, в 1917 г. главнокомандующий группы войск Сирии и Западной Аравии. В декабре 1917 г. оставил командование и вернулся к исполнению обязанностей морского министра. В октябре 1918 г. уволен в отставку и бежал в Германию, а затем в Швейцарию. В 1919 г. заочно приговорен к смертной казни трибуналом в Константинополе. В 1921 г. перебрался в Афганистан, где выступил в роли военного советника эмира. В 1922 г. переехал в Советский Союз, убит в Тбилиси дашнаками.

Джемсон Леандр Стар (1853–1917), британский колониальный деятель, сотрудник С. Родса, премьер-министр Капской колонии (1904–1908), баронет (1911).

Джунковский Владимир Федорович (1865–1938), государственный и военный деятель. Окончил Пажеский корпус, выпущен подпоручиком в лейб-гвардии Преобра-

женский полк (1884). Поручик, адъютант московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича (1891), штабс-капитан (1895), капитан (1900). Полковник, московский вице-губернатор (с августа 1905 г.), губернатор, председатель Московского столичного попечительства о народной трезвости (с ноября 1905 г.), генерал-майор Свиты Его Императорского Величества (1908). Товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов (1913–1915). В августе 1915 г. попытался выступить против Г. Распутина и поддержать «стачку министров», отправлен в действующую армию, командовал бригадой, 15-й Сибирской стрелковой дивизией, 3-м Сибирским армейским корпусом, генерал-лейтенант (1917). Неоднократно арестовывался после Октябрьской революции 1917 г., в 1919 г. приговорен к пяти годам лишения свободы за контрреволюционную деятельность, но до окончания срока заключения выпущен на свободу. В 1920-е гг. сотрудничал с ОГПУ, в конце 1937 г. арестован и в феврале 1938 г. расстрелян.

Дмитриевич Драгутин (1876–1917), сербский военный и политический деятель, один из организаторов и лидер общества «Черная рука», начальник разведывательного отдела Генерального штаба (1914). Окончил гимназию и военное училище в Белграде, подпоручик (1896), Военную академию в Белграде, поручик (1899), капитан, один из организаторов переворота и убийства короля Александра Обреновича и королевы Драги (1903). Преподавал в Военной академии тактику, участвовал в Балканских войнах. В 1911 г. полковник, участвовал в создании тайного общества «Объединение или смерть», или «Черная рука», быстро стал лидером этой организации, получив прозвище Апис. Один из организаторов покушения в Сараево, с началом войны возглавил разведывательный отдел Генерального штаба, занимал ряд штабных должностей, в марте 1917 г. по приказу Александра Карагеоргиевича арестован в Салониках, предан суду военного трибунала по обвинению в государственной измене и расстрелян. Реабилитирован в 1953 г.

Дмовский Роман Валентьевич (1864–1939), польский политический деятель и публицист. В годы учебы в Варшавском университете участвовал в деятельности подпольной студенческой организации «Союз польской молодежи «Зет», в 1891 г. стал организатором студенческой уличной манифестации в сотую годовщину Конституции 3 мая, был арестован и полгода содержался в варшавской цитадели, затем выслан в Митаву. В 1893 г. вместе с другими деятелями буржуазно-национального движения организовал «Лигу народову», действовавшую в России, Германии и Австро-Венгрии. В 1895 г. тайно перебрался из Митавы во Львов, возглавил «Лигу народову», преобразованную в 1897 г. в национал-демократическую партию. Первоначально выдвигал программу консолидации национальных сил, оппозиции русификаторской политике царизма. В 1904 г. принял участие в Парижской конференции революционных и оппозиционных партий России. По мере развития польского революционного рабочего движения все более решительно стал выступать против него. В 1905 г. обосновался в Варшаве, в 1905–1907 гг. призывал к подавлению революции и предлагал сотрудничество с императорскими властями. Член Государственной думы второго и третьего созывов. Во время Первой мировой войны выступал на стороне Антанты, возглавлял Польский национальный комитет, созданный 25 ноября 1914 г. в Петербурге, с 1917 г. — одноименный комитет в Париже. В 1919 г. делегат Польши на Парижской мирной конференции. Был политическим противником Ю. Пилсудского, последовательно выступал за создание мононационального польского государства, депортацию евреев и насильственное ополячивание немцев и украинцев. В 1926 г. основал правонационалистическую политическую группировку «Лагерь великой Польши» (1926–1933).

Добророльский Сергей Константинович (1867–1930), русский военный деятель. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище (1888)

и Николаевскую академию Генерального штаба (1894). В 1901–1904 гг. на службе в Главном штабе. Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг., офицер штаба 2-й Маньчжурской армии (1905). После окончания войны полковник (1905), начальник штаба 9-й пехотной дивизии (1905–1906), делопроизводитель управления генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба (1906–1908), командир 166-го пехотного Ровенского полка (1908–1910), генерал-майор (1910), помощник начальника мобилизационного отдела ГУГШ (1910–1913), начальник мобилизационного отдела ГУГШ (1913–1914). Генерал-лейтенант (1914), начальник штаба 3-й армии (1914–1915), начальник 78-й пехотной дивизии (1915–1917), командир 45-го, 10-го армейских корпусов (1917–1918). Участник Белого движения на юге России, в 1919 г. командовал 4-й пехотной дивизией, затем 3-м армейским корпусом и войсками Черноморского побережья. С 1920 г. проживал в эмиграции в Германии, входил в круг офицеров-сменовеховцев, группировавшихся вокруг журнала «Война и мир» (Берлин).

Добрышин Филипп Николаевич (1855–1920). Окончил 3-е Александровское военное и Михайловское артиллерийское училища, подпоручик, поручик (1878), штабс-капитан (1886). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, капитан (1886), обер-офицер для поручений при штабе Московского военного округа (1886–1890). Прикомандирован к Московскому пехотному юнкерскому училищу для преподавания военных наук (1890–1894), подполковник (1890), полковник (1894), штаб-офицер при штабе 13-го армейского корпуса (1894–1896), заведующий передвижениями войск по железнодорожным и водным путям Казанского района (январь — ноябрь 1896 г.), Московско-Архангельского района (1896–1899), начальник штаба 1-й гренадерской дивизии (1899–1901), командир 12-го гренадерского Астраханского полка (1901–1903), генерал-майор (1903), начальник отдела Управления военных сообщений Главного штаба (1903–1905), начальник отдела Управления военных сообщений Главного управления Генерального штаба (1905–1907), начальник отдела военных сообщений ГУГШ (1907–1914), генерал-лейтенант (1909), начальник 3-й гренадерской дивизии (май — сентябрь 1914 г.). В октябре 1914 г. назначен начальником Львовского железнодорожного узла, в ноябре того же года отозван в распоряжение главного начальника снабжений Юго-Западного фронта. С мая 1915 г. исполняющий должность начальника штаба Казанского военного округа, начальник штаба данного округа (январь — март 1917 г.). С марта 1917 г. в резерве чинов при штабе Казанского, с мая 1917 г. — при штабе Московского военного округа, в январе 1918 г. уволен в отставку. С июня 1918 г. добровольно вступил в РККА, член Технического комитета при главном начальнике снабжений РККА.

Довгерд (Довгирд) Стефан Антонович (1871–1918), из семьи обрусевших польско-литовских дворян, православный. Окончил Псковский кадетский корпус (1889), 2-е военное Константиновское училище, подпоручик (1891), поручик (1894), штабс-капитан (1897). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, капитан (1899). Состоял при Варшавском военном округе, старший адъютант штаба 4-й пехотной дивизии (1900), старший адъютант штаба 6-й кавалерийской дивизии (1900–1903), штаб-офицер для особых поручений при командующем войсками Семиреченской области (1903–1904), подполковник (1903), начальник штаба крепости Кушка (1904–1906), исполняющий должность начальника штаба 1-й Сибирской пехотной дивизии (1906–1907), штаб-офицер при управлении 1-й Сибирской пехотной резервной бригады, полковник (1907), начальник штаба 8-й Сибирской стрелковой дивизии (1907–1913), командир 18-го Туркестанского стрелкового полка (1913–1915), генерал-майор (1915), начальник штаба 4-го Кавказского армейского корпуса (март — сентябрь 1915 г.), командир бригады 40-й пехотной дивизии (1915–1916), начальник штаба Гренадерского корпуса (1916–1917),

командир 2-й гренадерской дивизии (июнь – декабрь 1917 г.). Участник Белого движения. В 1918 г. возглавлял подпольную монархическую организацию в Москве.

Драгомиров Владимир Михайлович (1867–1928), сын генерала М. И. Драгомирова. Окончил Пажеский корпус (1886), гвардии подпоручик, поручик (1890). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба с малой серебряной медалью, штабс-капитан гвардии с переименованием в капитаны Генерального штаба (1892). Состоял при Киевском военном округе, старший адъютант штаба 33-й пехотной дивизии (1892–1895), обер-офицер для особых поручений при штабе 9-го армейского корпуса (1895–1897). Заведующий передвижениями войск по железнодорожным и водным путям Киевского района (1897–1901), подполковник (1898), начальник штаба 42-й пехотной дивизии (1901–1905), полковник (1902). Принял участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг., с сентября 1904 г. начальник штаба 12-го армейского корпуса, с февраля 1905 г. начальник штаба 1-го армейского корпуса. Командир 147-го пехотного Самарского полка (1905–1906), командир лейб-гвардии Преображенского полка (1906–1908), генерал-майор (1907), в 1908 г. зачислен в Свиту Его Императорского Величества. Генерал-квартирмейстер штаба Киевского военного округа (1908–1912), начальник штаба того же округа (1912–1914), генерал-лейтенант (1913), начальник штаба 3-й армии (август – ноябрь 1914 г.). Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (1914). Начальник 2-й гвардейской пехотной дивизии (ноябрь – декабрь 1914 г.), командир 8-го армейского корпуса (1914–1915), начальник штаба Юго-Западного фронта (март – май 1915 г.), в распоряжении Верховного главнокомандующего (май – август 1915 г.), командир 8-го армейского корпуса (1915–1916), командир 16-го армейского корпуса (1916–1917). С апреля 1917 г. в резерве чинов при штабе Киевского военного округа, в августе того же года уволен в отставку. Участник Белого движения на юге России, с 1920 г. в эмиграции в Югославии.

Дрейер Владимир Николаевич фон (1876–1967), русский военный из семьи обрусевших немцев. Окончил 2-й Оренбургский кадетский корпус (1894), Павловское военное училище, подпоручик (1896), поручик (1899). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан (1903). Помощник старшего адъютанта штаба Туркестанского военного округа (1904–1906), капитан (1905), помощник старшего адъютанта штаба Виленского военного округа (1906–1907), старший адъютант штаба 3-го армейского корпуса (1907–1911), подполковник (1908), штаб-офицер для поручений при штабе 14-го армейского корпуса (1911–1914), полковник (1911), военный корреспондент на Итало-турецкой (1911) и Балканских (1912–1913) войнах. С июня 1914 г. штаб-офицер для поручений при штабе Варшавского военного округа. С началом Первой мировой войны начальник штаба 14-й кавалерийской дивизии, исполняющий должность начальника штаба 1-го кавалерийского корпуса, с ноября 1914 г. начальник штаба 27-й пехотной дивизии. Руководил арьергардом 20-го армейского корпуса при окружении его в Августовских лесах, по выходе из окружения командир 275-го пехотного Лебедянского полка (1915). Награжден Георгиевским оружием (1917). В 1917 г. командир 8-го пограничного Заамурского полка, начальник штаба 13-й Сибирской стрелковой дивизии, начальник штаба Сводного кавалерийского корпуса, командующий 7-й кавалерийской дивизией, генерал-майор. Военный корреспондент при Вооруженных силах Юга России. С 1920 г. в эмиграции во Франции и в США, умер в Монте-Карло.

Друцкой-Соколинский Владимир Андреевич (1880–1943), князь, выпускник Императорского училища правоведения, статский советник, камергер Высочайшего двора, в годы Первой мировой войны минский гражданский губернатор. После революции в эмиграции в Италии, умер в Риме.

Дубенский Дмитрий Николаевич (1857–1923), русский военный писатель и издатель, историограф императора Николая II в годы Первой мировой войны. Окончил 3-е военное Александровское училище (1877), Михайловское артилерийское училище, прапорщик (1879), подпоручик (1880), поручик (1882). В 1884 г. поступил в Академию Генерального штаба, курса не кончил и в 1885 г. перешел в Главный штаб, где занимался военно-конной повинностью и производством военно-конных переписей (1888–1904). Штабс-капитан (1889), капитан (1894), подполковник (1899), полковник (1903), штаб-офицер для поручений при начальнике Главного штаба (1904). С 1900 г. издавал газету «Русское чтение», распространявшуюся среди армии и крестьян. В 1904–1905 гг. издавал еженедельный иллюстрированный журнал «Летопись войны с Японией». В отставке (1909–1912), генерал-майор (1912), состоял для особых поручений при Главном управлении государственного коннозаводства (1912–1915), член совета Главного управления государственного коннозаводства (1915–1916). Издавал иллюстрированный журнал «Летопись Великой войны», с 1915 г. официальный историограф Николая II, сопровождал императора вплоть до его отъезда из Ставки в 1917 г., издал четыре тома этих описаний — «Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в Действующей армии». После 1917 г. в эмиграции, умер в Висбадене.

Дудыкевич Владимир Феофилович (1861–1922), деятель галицко-русского движения, доктор права. Из семьи православного священника, окончил немецкую гимназию во Львове и юридический факультет в Вене. Работал адвокатом в Галиции, где стал одним из лидеров русинского движения, несмотря на активное сопротивление украинофилов и поляков, был избран в сейм Галиции, где стал активным защитником русского населения, его традиционной религии и культуры. Перед войной уехал в Россию, вел активную работу по поддержке беженцев из Галиции, после Октября 1917 г. был арестован как монархист, умер в ссылке в Ташкенте.

Душкевич Александр Александрович (1853 — после 1917 г.). Окончил Тифлисское юнкерское пехотное училище, прапорщик (1875). Подпоручик (1877), принял участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском фронте. Поручик (1880), штабс-капитан (1882), капитан (1885), подполковник (1891), полковник (1901). Командир 9-го пехотного Сибирского Тобольского полка (1904–1905), во главе которого участвовал и отличился в Русско-японской войне 1904–1905 гг., дважды ранен, за боевые отличия награжден орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами и золотым оружием (1904), орденом Св. Георгия 4-й степени и произведен в генерал-майоры (1905). Помощник коменданта Санкт-Петербургской крепости (1905–1908), начальник 1-й Туркестанской резервной бригады (июнь — август 1908), начальник 1-й Туркестанской стрелковой бригады (1908–1910), генерал-лейтенант (1910), начальник 7-й Сибирской стрелковой дивизии (1910–1912), начальник 22-й пехотной дивизии (1912–1914), командир 1-го армейского корпуса (1914–1916), генерал от инфантерии (1915). С марта 1916 г. в резерве чинов при штабе Петроградского, с марта 1917 г. — при штабе Двинского военного округа.

Епанчин Николай Алексеевич (1857–1941), военный историк. Окончил классическую гимназию в Петербурге (1874), 1-е военное Павловское училище, подпоручик гвардии (1876). Участвовал и отличился в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове, поручик (1877), награжден орденами Св. Анны 4-й степени и Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом (1878). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан гвардии с переименованием в капитаны Генерального штаба (1882). Старший адъютант штаба 37-й пехотной дивизии (1882–1883), старший адъютант штаба 1-й гвардейской пехотной дивизии (1883–1886), состоял для поручений

при штабе войск гвардии и Петербургского военного округа (1886–1888), штаб-офицер того же штаба (1888–1889), подполковник (1888), полковник (1892), штаб-офицер для поручений при штабе Гвардейского корпуса (1889–1895), начальник штаба 1-й гвардейской пехотной дивизии (1895–1900), генерал-майор (1900). Экстраординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба (1901–1903), директор Пажеского корпуса (1900–1907), генерал-лейтенант (1907). Начальник 42-й пехотной дивизии (1907–1913), генерал от инфантерии (1913), командир 3-го армейского корпуса (1913–1915). В феврале 1915 г. смещен с должности и зачислен в резерв чинов при штабе Двинского военного округа, в мае того же года уволен со службы с пенсией. В июне 1916 г. возвращен на службу и зачислен в резерв чинов при штабе Одесского военного округа, с января 1917 г. командовал 4-й Финляндской стрелковой дивизией, в апреле того же года отчислен от должности и зачислен в резерв чинов при штабе Киевского военного округа, с ноября того же года в отставке по прошению с мундиром и пенсией. Проживал в Крыму, в 1920 г. эмигрировал в Германию, с 1923 г. проживал во Франции, умер в Ницце.

Жанен Пьер-Тибо-Шарль-Морис (1862–1946), французский генерал. Окончил Военную академию Сен-Сир, преподавал в Николаевской академии Генерального штаба (1909–1911), в начальный период Первой мировой войны командовал полком на Западном фронте, в мае 1916 г. назначен главой французской военной миссии при русской Ставке. В конце 1917 г. отозван во Францию, в августе 1918 г. назначен маршалом Ф. Фошем командующим войсками Антанты в России, занимался эвакуацией чехословацких войск во Владивосток и далее в Европу, в декабре 1918 г. прибыл в Омск и остался в качестве представителя Франции при адмирале А. В. Колчаке. В 1920 г. при отступлении фактически предал его, отдав приказ подчинявшимся ему чехословакам, ответственным за контроль над Сибирской железной дорогой, не защищать адмирала. В том же году вернулся во Францию.

Жераич Богдан (1886–1910), студент-юрист, принадлежал к кружку сербской революционной молодежи, создал и возглавил тайное общество «Слобода» («Свобода»). После неудачного покушения на генерала М. Варешанина застрелился. В. Ивасюк, австрийский чиновник, расследовавший это дело, сделал из его черепа чернильницу. Жераич стал символом сопротивления, вдохновившим членов «Молодой Боснии» на покушение в Сараево. Известно, что его могилу неоднократно посещал Г. Принцип, поклявшийся в 1912 г. отомстить за него.

Жилинский Яков Григорьевич (1853–1918). Окончил Николаевское кавалерийское училище, выпущен корнетом в Кавалергардский полк (1876), поручик (1879). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-ротмистр гвардии с переименованием в капитаны Генерального штаба (1883). Состоял при Московском военном округе, старший адъютант штаба 1-й гренадерской дивизии (1885–1887), младший делопроизводитель канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба (1887–1894), подполковник (1887), полковник (1891), старший делопроизводитель канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба (1894–1896), состоял в распоряжении начальника Главного штаба (1898–1899). Военный агент при испанской армии на Кубе во время Испано-американской войны (1898), представитель Военного министерства на Гаагской мирной конференции (1899). Командир 52-го драгунского Нежинского полка (1899–1900), генерал-майор (1900), генерал-квартирмейстер Главного штаба (1900–1903), 2-й генерал-квартирмейстер Главного штаба (1903–1904), генерал-лейтенант (1904), начальник полевого штаба наместника на Дальнем Востоке Е. И. Алексеева (1904–1905), после отзыва которого состоял в распоряжении военного министра (1905–1906). На-

чальник 14-й кавалерийской дивизии (1906–1907), командир 10-го армейского корпуса (1907–1911), генерал от кавалерии (1910), начальник Главного управления Генерального штаба (1911–1914), командующий войсками Варшавского военного округа и варшавский генерал-губернатор (1914), главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта (август — сентябрь 1914 г.). По итогам боев в Восточной Пруссии снят с поста главнокомандующего и переведен в распоряжение военного министра. В 1915–1916 гг. представлял русское командование в Союзном совете во Франции. Осенью 1916 г. отозван в Россию. В сентябре 1917 г. уволен со службы с мундиром и пенсией. После Октябрьской революции пытался выехать за границу, но был арестован и расстрелян.

Жоффр Жозеф Жак (1852–1931), французский военный деятель. В 1870 г. поступил в Политехническую школу в Париже, но в связи с началом Франко-прусской войны сменил гражданскую карьеру на военную, участвовал в обороне Парижа, после окончания военных действий долгое время служил в колониях в качестве военного инженера. В 1911 г. назначен на пост главнокомандующего французской армией. Сторонник активных действий, принял «План XVII», преполагавший в начальный период войны наступление в Лотарингии. Действия в 1914 г., особенно во время битвы на Марне, сделали его популярным в армии, среди солдат он получил прозвище Папа Жоффр. Однако провал спланированных им наступлений в Шампани в 1915 г., неудачи французских войск в первый период военных действий под Верденом и значительные потери в битве на Марне в 1916 г. привели его к почетной отставке с поста главнокомандующего 31 декабря 1916 г. В 1917 г. произведен в маршалы Франции и назначен главой французской военной миссии в США, в 1918 г. — главой Высшего военного совета. С 1919 г. в отставке.

Жуков Георгий Константинович (1896–1974), выдающийся советский военачальник, Маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза (1939, 1944, 1945, 1956), кавалер двух орденов «Победа» (1944, 1945). Родился в семье крестьянина в деревне Стрелковка Калужской губернии, окончил трехклассную церковно-приходскую школу и был отдан в ученики в скорняжную мастерскую в Москве, где закончил двухлетний курс городского училища. В 1915 г. призван в армию, прошел обучение на кавалерийского унтер-офицера, с августа 1916 г. в боях на Юго-Западном фронте в составе 10-го Новгородского драгунского полка. За отличие награжден Георгиевскими крестами 4-й и 3-й степеней, после контузии направлен в запасной кавалерийский полк. В декабре 1917 г. вернулся в Москву, а затем в деревню, с августа 1918 г. в РККА, с марта 1919 г. член РКП(б). Участвовал в Гражданской войне на Восточном, Западном и Южном фронтах, в боях с Дутовым, Деникиным, Врангелем, подавлении восстания на Тамбовщине, награжден орденом Красного Знамени (1922). Командир 39-го кавалерийского полка (1923), окончил Высшую кавалерийскую школу (1924), курсы высшего комсостава РККА (1929), командир 2-й бригады 7-й Самарской кавдизивии (1930), помощник инспектора кавалерии РККА (1932), командир 4-й кавдивизии (1933–1937), 3-го и 4-го кавалерийских корпусов (1937–1938), заместитель командующего Западным особым военным округом (1938–1939), командующий Особым корпусом, а затем 1-й армейской группой советских войск в Монголии (1939). Провел успешную операцию по окружению и уничтожению японских войск, вторгшихся в МНР, за которую удостоен звания Героя Советского Союза (1939). Командующий Киевским особым военным округом, генерал армии (1940), в июне 1940 г. подготовил операцию по занятию Бессарабии и возглавил Южный фронт, выделенный из войск КОВО. По итогам штабной игры начала 1941 г. назначен начальником Генерального штаба (февраль — июль 1941 г.), член Ставки Главного командования (с июля 1941 г. — Верховного главнокомандования), участвовал в разработке планов крупнейших операций войны. Командующий Резервным фронтом (июль — сентябрь 1941 г.), в ходе Смоленского сражения организовал удачное контрнаступление под Ельней (август —

сентябрь 1941 г.), командующий Ленинградским фронтом (сентябрь — октябрь 1941 г.), в критический для фронта момент провел операцию по его стабилизации, отбил штурм Ленинграда, предпринятый группой армий «Север». Командующий Резервным (октябрь 1941 г.) и Западным (октябрь 1941 — август 1942 г.) фронтами. Возглавил оборону на московском направлении в критические дни битвы за столицу. Стабилизировал положение на центральном участке советско-германского фронта, подготовил войска к переходу в контрнаступление, в ходе которого командовал Западным фронтом. Осуществлял координацию действий фронтов во время наступлений на Ржевском направлении (январь — декабрь 1942 г.), в целом неудачной для Красной армии операции, но сковавшей силы противника на московском направлении и не допустившей их переброски на сталинградское направление. С августа 1942 г. заместитель Верховного главнокомандующего и первый заместитель наркома обороны, в качестве представителя Ставки координировал действия армий Сталинградского фронта в сентябре 1942 г., один из авторов плана операции «Уран» — контрнаступления советских войск под Сталинградом, осуществлял координацию действий фронтов во время окружения и уничтожения 6-й германской армии. В январе 1943 г. координировал действия фронтов по деблокаде Ленинграда. 28 января 1943 г. ему первому с начала войны было присвоено звание Маршала Советского Союза. В марте 1943 г. находился на Белгородском направлении, координировал действия фронтов во время подготовки и проведения Курской операции, а также во время преследования отступавшего по направлению к Днепру противника. В январе 1944 г. руководил операцией по окружению противника в ходе Корсунь-Шевченковской операции. В апреле 1944 г., после гибели генерала Н. Ф. Ватутина, возглавил 1-й Украинский фронт, который с марта того же года вел наступление на Карпаты, завершившееся в апреле. 10 апреля 1944 г., по завершении освобождения Правобережной Украины, награжден орденом «Победа» № 1. С июня по ноябрь 1944 г. координировал действия фронтов во время операции «Багратион», нацеленной на освобождение Белоруссии и уничтожение группы армий «Центр». С ноября 1944 по май 1945 г. командовал войсками 1-го Белорусского фронта, которые совместно с войсками 1-го Украинского и 2-го Белорусского фронтов осуществили Висло-Одерскую операцию, а затем разгром берлинской группировки немецко-фашистских войск и овладели Берлином. От имени и по поручению Верховного главнокомандования 8 мая 1945 г. в Карлсхорсте (Берлин) принял капитуляцию фашистской Германии. После войны — главнокомандующий Группой советских войск в Германии и главноначальствующий Советской администрации (июнь 1945 — март 1946 г.), главнокомандующий Сухопутными войсками и заместитель министра Вооруженных сил (март — июнь 1946 г.), командующий войсками Одесского (1946–1948) и Уральского (1948–1953) военных округов. С марта 1953 г. первый заместитель министра обороны, в июне 1953 г. с группой высшего генералитета организовал арест Л. П. Берии в Кремле во время заседания Президиума ЦК. Министр обороны (1955–1957), принял участие в разработке операции «Вихрь» по подавлению антисоветского мятежа в Венгрии. В октябре 1957 г. снят с должности, с марта 1958 г. в отставке.

Забелин Александр Федорович (1856–1933). Окончил Бакинское реальное и 1-е Павловское училища, подпоручик лейб-гвардии Московского полка, в составе которого принял участие и отличился в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове, был тяжело ранен под Горным Дубняком. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1881), причислен к Генеральному штабу и направлен в Киевский военный округ, где составил «Военно-статистическое обозрение Волынской губернии», изданное штабом округа в 1887 г. Заведовал передвижением войск Козлово-Владикавказского района (1884–1886), Киевского района (1887–1888), в 1888 г. перевелся в Петербург, где также занимался военными железнодорожными перевозками. Полковник (1891),

назначен делопроизводителем отдела Главного штаба по передвижению войск и военных грузов. С 1898 г. помощник начальника канцелярии военного министра, генерал-майор (1899). Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг., начальник военных сообщений Маньчжурской армии. Начальник канцелярии военного министра (1905–1910), генерал-лейтенант (1907), начальник Главного управления военно-учебных заведений (1910–1914), генерал от инфантерии (1911), главный начальник снабжений Юго-Западного фронта (август — декабрь 1914 г.), в декабре 1914 г. вновь возглавил Главное управление военно-учебных заведений. После Февральской революции 1917 г. уволен в отставку по болезни с мундиром и пенсией, принял участие в Белом движении на юге России, в 1919 г. начальник части военно-учебных заведений Военного управления Вооруженных сил Юга России, с 1919 г. в резерве чинов при штабе главнокомандующего ВСЮР, после поражения ВСЮР эмигрировал во Францию.

Зайончковский Андрей Медардович (1862–1926), русский и советский военный деятель, автор работ по военной истории России. Окончил Орловскую военную гимназию (1879), Николаевское инженерное училище, подпоручик (1882), поручик (1885). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан (1888). Состоял при Петербургском военном округе, старший адъютант 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, капитан (1890), старший адъютант штаба Гвардейского корпуса (1890–1895), подполковник (1895), штаб-офицер для особых поручений при штабе 1-го армейского корпуса (1895–1898), штаб-офицер для поручений при штабе войск гвардии и Петербургского военного округа (1898–1900), полковник (1899), штаб-офицер для особых поручений при главнокомандующем войсками гвардии и Петербургского военного округа (1900–1902), начальник штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии (1902). Состоял при великом князе Михаиле Николаевиче (1902–1904). Участвовал и отличился в Русско-японской войне 1904–1905 гг., командир 85-го пехотного Выборгского полка (1904–1905), командир 2-й бригады 3-й Сибирской пехотной дивизии (март — сентябрь 1905 г.), с мая одновременно исполнял должность командующего 1-й бригады 22-й пехотной дивизии. Был контужен. Генерал-майор (1905), награжден золотым оружием (1906). Генерал для особых поручений при главнокомандующем войсками гвардии и Петербургского военного округа (1905–1906), командир лейб-гвардии Егерского полка (1906–1908), командир 1-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии (1908–1912). Помощник великого князя Александра Михайловича по управлению Севастопольским музеем (1908–1914), генерал-лейтенант (1912), начальник 22-й пехотной дивизии (май — июль 1912 г.), начальник 37-й пехотной дивизии (1912–1915), командир 30-го (1915–1916) и 37-го (август — октябрь 1916 г.) армейских корпусов, одновременно командовал Добруджанской армией, командир 18-го армейского корпуса (1916–1917), генерал от инфантерии (1916). С апреля 1917 г. в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа, с мая 1917 г. в отставке. С 1918 г. добровольно вступил в РККА. Старший делопроизводитель Отчетно-организационного отдела Организационного управления Всероглавштаба (1918–1919), начальник штаба 13-й армии (1919–1920). Состоял в распоряжении и для особых поручений при начальнике полевого штаба РККА (1920), член Особого совещания при главнокомандующем всеми вооруженными силами республики, помощник председателя комиссии по исследованию и изучению опыта мировой войны (1920). В октябре 1920 г. арестован, но вскоре освобожден. С 1921 г. член Малого и Высшего академических военно-педагогических советов, с 1922 г. главный руководитель Военной академии РККА, профессор стратегии Военной академии РККА. С 1924 г. состоял для особых поручений при штабе РККА.

Зальца Антон Егорович фон (1843–1916), барон. Окончил Николаевское училище гвардейских юнкеров, выпущен подпоручиком в лейб-гвардии 4-й стрелковый Императорской Фамилии батальон (1862). Участвовал в подавлении Польского мятежа в 1863 г.

Поручик (1867), штабс-капитан (1869), капитан (1874), состоял в распоряжении главнокомандующего Кавказской армией великого князя Михаила Николаевича (1876–1878). Участвовал и отличился в Русско-турецкой войне 1878–1879 гг. на Кавказском фронте, адъютант главнокомандующего Кавказской армией, за отличия награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (1878) и произведен в подполковники (1879). Командир 1-го Кавказского стрелкового батальона (1879–1889), полковник (1881), участник боев на Кушке (1885), командир 80-го пехотного Кабардинского полка (1889–1895), генерал-майор, начальник Кавказской туземной стрелковой бригады (1895), начальник 1-й Кавказской стрелковой бригады (1895–1902), командующий (1902) и начальник (1902–1904) 24-й пехотной дивизии, генерал-лейтенант (1902), начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии (1904–1905), командир 22-го армейского корпуса (1905–1906), командир 1-го армейского корпуса (1906–1908), генерал от инфантерии (1908), помощник командующего войсками Киевского военного округа (1908–1912), командующий войсками Казанского военного округа (1912–1914), командующий 4-й армией Юго-Западного фронта (август 1914 г.). После поражения у Красника отстранен от командования, заменен генералом А. Е. Эвертом и назначен членом Александровского комитета о раненых. Комендант Петропавловской крепости (1914–1916).

Зарин Николай Дмитриевич (1872–1918). Окончил Псковский кадетский корпус (1890), 3-е военное Александровское училище, подпоручик гвардии (1892), поручик гвардии (1896). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан гвардии с переименованием в капитаны Генерального штаба (1899). Состоял при Варшавском военном округе, старший адъютант штаба 2-й пехотной дивизии (1901–1902), старший адъютант штаба 1-го кавалерийского корпуса (1902–1903), подполковник (1903), штаб-офицер для особых поручений при штабе 16-го армейского корпуса (1903–1905). Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Начальник штаба 41-й пехотной дивизии (1905–1913), полковник (1907), командир 100-го пехотного Островского полка (1913–1914). Принял участие в походе в Восточную Пруссию, был ранен в бою при Гумбинене, за отличия в боях произведен в генерал-майоры, награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (1914). Начальник штаба 22-го армейского корпуса (1914–1917), награжден Георгиевским оружием (1916), командующий 19-й Сибирской стрелковой дивизией (февраль — апрель 1917 г.). С июня 1917 г. в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа, с января 1918 г. в отставке. Участник антибольшевистского движения в Поволжье, расстрелян большевиками.

Иван IV Васильевич, Иван Грозный (1530–1584), великий князь Московский и всея Руси (1533), первый царь всея Руси (1547–1584).

Иванов Николай Иудович (1851–1919), сын штабс-капитана, выслужившегося из солдат сверхсрочной службы. Образование получил в Павловском кадетском корпусе, 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии и Михайловском артиллерийском училище, откуда в 1869 г. выпущен подпоручиком в 3-ю гвардейскую гренадерскую артиллерийскую бригаду, в составе которой принял участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Инструктор румынской армии, затем состоял при генерале Э. И. Тотлебене. За отличие произведен в чин капитана и награжден орденами Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом и Св. Станислава 2-й степени с мечами. Полковник (1884), с июля того же года командир 2-й батареи лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады, с марта 1888 г. заведовал мобилизационной частью Главного артиллерийского управления, командир Кронштадтской крепостной артиллерии (1890–1899), генерал-майор (1894), состоял для особых поручений при генерал-фельдцейхмейстере великом князе Михаиле Ни-

колаевиче, принимал участие в ряде комиссий и совещаний по крепостным вопросам (1899–1904). Во время войны с Китаем исполняющий должность начальника артиллерии десантного корпуса (1900–1901), генерал-лейтенант (1901). С началом Русско-японской войны 1904–1905 гг. назначен в распоряжение командующего Маньчжурской армией, с июля 1904 г. начальник Восточного отряда, отличился в сражении при Ляояне. В сражении на Шахе не смог выполнить поставленной перед ним задачи, назначен командиром 3-го Сибирского армейского корпуса, который отличился стойкой обороной в битве под Мукденом. За отличия в войне награжден орденами Св. Георгия 4-й и 3-й степеней и золотым оружием с бриллиантами. По окончании военных действий назначен начальником тыла Маньчжурских армий. Командир 1-го армейского корпуса (1905–1907), с апреля 1907 г. главный начальник Кронштадта, с ноября того же года временный кронштадтский генерал-губернатор, член Совета государственной обороны (1907–1908), генерал-адъютант (1907), генерал от артиллерии (1908), командующий войсками Киевского военного округа (1908–1914). Участвовал в Первой мировой войне, главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта (1914–1916), с марта 1916 г. назначен состоять при императоре. Во время Февральской революции 1917 г. направлен в Петроград для подавления беспорядков, но потерпел неудачу. После отречения Николая II арестован и доставлен в Петроград. Находился на рассмотрении Чрезвычайной следственной комиссии, по личному распоряжению А. Ф. Керенского освобожден по состоянию здоровья. После освобождения в конце 1917 г. уехал в Киев, участвовал в Гражданской войне на стороне Белого движения Юга России, в 1918 г. принял предложение генерала П. Н. Краснова занять пост командующего Особой Юной армией. В ноябре 1918 г. умер от тифа.

Иванов Николай Максимович (1859–1935). Окончил 1-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию (1877), 1-е военное Павловское училище, прапорщик (1879). Подпоручик артиллерии (1879), поручик гвардии (1885), штабс-капитан (1890), капитан (1896), полковник (1901). Командир 133-го пехотного Симферопольского полка (1906–1910), за отличие произведен в генерал-майоры (1910), командир 2-й бригады 7-й Сибирской стрелковой дивизии (1910–1914), командир 2-й бригады 21-й пехотной дивизии (1914). За бои на Козеницком плацдарме награжден Георгиевским оружием (1915) и орденом Св. Георгия 4-й степени, генерал-лейтенант (1915). Начальник 52-й пехотной дивизии (1915–1917), командир 3-го Кавказского армейского корпуса (июль — август 1917 г.). С 1920 г. в эмиграции в Югославии, умер в Скопье.

Ивановский Виктор Яковлевич (1863–1924). Окончил 1-е Санкт-Петербургское реальное училище (1878), Морское училище (1882), мичман (1882). Окончил гидрографическое отделение Николаевской морской академии (1890), Минный офицерский класс (1895). Командовал портовым судном «Лаг» (1892), гидрографической партией на съемке Онежского озера (1892–1894), являлся старшим офицером крейсера 2 ранга «Азия» (1899–1901), учебного судна «Европа» (1901), преподавателем Минной школы (1899–1902), Минного офицерского класса (1903–1909), одновременно командовал минным заградителем «Волга» (1905–1909), заведовал обучением в Минном офицерском классе (1907–1909). Помощник начальника Учебно-минного отряда Балтийского флота (1909–1913), одновременно командир учебных судов «Адмирал Корнилов» (1909–1911), «Двина» (1911–1913). Состоял в прикомандировании к Морскому Генеральному штабу для занятий (1913–1914), капитан 1 ранга (1914), с началом войны назначен начальником охраны водного района Архангельского порта, много сделал для организации перевозки военных грузов из Англии и Франции в Россию через Северный Ледовитый океан, контр-адмирал (1915). С апреля 1917 г. председатель комиссии для наблюдения за постройкой кораблей в Балтийском море, начальник технического отдела Главного гидрографического управления (1918–1921), член Комиссии по изучению Северного Ледовитого океана,

председатель Особой комиссии по изучению Северного Ледовитого океана и Северных морей при Главном гидрографическом управлении (1920–1921).

Иверонов Иван Александрович (1867–1916), русский геодезист. Окончил Московский межевой институт (1887), преподавал там же астрономию и геодезию (1891–1915). Профессор (1909), директор Московского сельскохозяйственного института (1909–1916).

Игнатьев Алексей Алексеевич (1877–1954), русский военный дипломат и писатель, генерал-майор русской армии (1917), генерал-лейтенант Советской армии (1943). Окончил Киевский кадетский корпус (1894), Пажеский корпус (1896), Николаевскую академию Генерального штаба (1902), Офицерскую кавалерийскую школу (1903). Службу начал в Кавалергардском полку. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. Военный атташе в Дании, Швеции и Норвегии (1908–1912), во Франции (1912–1917), с началом Первой мировой войны одновременно представитель русской армии при французской главной квартире. После Октябрьской революции оставался во Франции. В 1925 г. передал советскому правительству денежные средства, принадлежавшие России и вложенные на его имя во французские банки. Работал в советском торгпредстве в Париже. С 1937 г. на службе в Красной армии, инспектор и старший инспектор по иностранным языкам Управления военно-учебных заведений РККА, начальник кафедры иностранных языков Военно-медицинской академии. С октября 1942 г. старший редактор военно-исторической литературы Военного издательства Народного комиссариата обороны. Находясь с 1947 г. в отставке, занимался литературной деятельностью.

Извольский Александр Петрович (1856–1919), русский дипломат. Окончил Императорский Александровский лицей. В 1875 г. определен на службу в МИД с чином титулярного советника, в 1876 г. назначен состоять при посольстве в Риме, второй секретарь канцелярии МИДа (1878), в том же году назначен секретарем генерального консульства в Восточной Румелии, принимал участие в устройстве автономного управления этой провинции в качестве секретаря международной комиссии, коллежский асессор (1878), в 1879–1880 гг. временно управлял делами генерального консульства в Восточной Румелии, камер-юнкер Двора Его Императорского Величества (1880). Назначен состоять в ведомстве МИДа, первый секретарь миссии в Бухаресте (1881), временно управлял миссией (1881–1882), надворный советник (1882). Первый секретарь миссии в Вашингтоне (1885), временно управлял миссией (1885–1886), коллежский советник (1885). В 1888 г. командирован в Рим для восстановления официальных отношений с Римской курией. Статский советник (1889), камергер Двора Его Императорского Величества, министр-резидент в Ватикане (1894), действительный статский советник (1895), чрезвычайный посланник и полномочный министр в Сербии, Баварии (1897), Японии (1899), Дании (1902), министр иностранных дел, гофмейстер Двора Его Императорского Величества (1906), в 1910 г. отставлен от должности министра, назначен чрезвычайным и полномочным послом во Францию. После февраля 1917 г. оставлен за штатом и по собственному желанию уволен от занимаемой должности, остался в Париже, на Версальской мирной конференции выступал в поддержку интервенции против Советской России.

Ильин (партийный псевдоним — Раскольников) Федор Федорович (1892–1939), советский военный моряк и дипломат, писатель и журналист. Родился в семье священника, в 1909 г. поступил в Санкт-Петербургский политехнический институт, с 1910 г. член РСДРП(б), сотрудник газет «Звезда» и «Правда» (1912–1914), слушатель гардемаринских классов (1914–1917). После Февраля 1917 г. заместитель председателя Кронштадтского совета, активный участник июльского выступления в Петрограде, после провала которого арестован, а в октябре 1917 г. освобожден. Активный участник Октябрьского переворота,

отражения наступления А. Ф. Керенского и П. Н. Краснова на Петроград, разгона Учредительного собрания. Комиссар Морского Генерального штаба, заместитель народного комиссара по военным и морским делам Л. Д. Троцкого (1918). В июне 1918 г. выполнял поручение Совнаркома по затоплению судов Черноморского флота под Новороссийском, куда они ушли в мае того же года после взятия немцами Севастополя. Часть кораблей отказалась подчиняться и вернулась в Севастополь. С июля 1918 г. член Реввоенсовета Восточного фронта, с августа 1918 г. командующий Волжской флотилией. Участвовал во взятии Казани и подавлении Ижевско-Воткинского восстания, член Реввоенсовета республики (1918). В декабре 1918 г., командуя группой эсминцев Балтийского флота во время действий против англичан под Ревелем, посадил на мель эсминцы «Автроил» и «Спартак» на месте, где Балтийский флот до революции проводил учебные стрельбы. Корабли были захвачены, команды взяты в плен. Содержался в плену в Англии, в мае 1919 г. обменян на группу арестованных подданных Великобритании. По возвращении вновь назначен командующим Волжско-Камской флотилией. Участвовал в обороне Царицына (1919), в походе на Баку и высадке десанта в Энзели (1920), награжден двумя орденами Красного Знамени. Командующий Балтийским флотом (1920–1921). С 1922 г. на дипломатической работе, полпред в Афганистане (1922–1930), в Эстонии (1930–1933), в Дании (1934), в Болгарии (1934–1938). В апреле 1938 г. вызван в Москву, покинул Софию, но в СССР не вернулся, опасаясь обвинений в связях с Л. Д. Троцким и ареста. Проживал в Париже, откуда обратился к И. В. Сталину с просьбой о сохранении советского подданства, объясняя факт невозвращения формальными сложностями. В июне 1939 г. объявлен в СССР врагом народа, исключен из партии и лишен гражданства. В июле 1939 г. опубликовал в парижской эмигрантской газете «Последние новости» письмо протеста «Как меня сделали «врагом народа», а в августе 1939 г. в парижском журнале «Новая Россия» — «Открытое письмо Сталину» с обвинениями в репрессиях против бывшего руководства партии. Погиб в том же году в Марселе при невыясненных обстоятельствах: выпал из окна госпиталя в Марселе. Реабилитирован в 1963 г.

Иосиф-Фердинанд Сальватор Мариа-Франц-Деопольд-Антон-Альберт-Иоганн-Баптист-Карл-Людвиг-Руперт-Мария (1872–1942), эрцгерцог, сын Фердинанда IV, последнего Великого герцога Тосканского и Алисы Бурбон-Пармской. Получил образование в оберреалшуле в Мариш-Вайсенкиршен и в Военной академии Марии-Терезии в Винер-Нейштадте, лейтенант (1892), в 1895–1897 гг. учился в Военной академии, капитан (1897). Подполковник (1903), полковник (1905), командир 93-го пехотного полка (1905–1908), генерал-майор (1908), командир 5-й пехотной бригады (1908–1911). Неоднократно выходил в отпуск, чтобы заниматься любимым увлечением — воздухоплаванием. Фельдмаршал-лейтенант (1911), командир 3-й пехотной дивизии (1911–1914), в начале войны произведен в генералы от инфантерии и назначен командиром 14-го армейского корпуса, командовал армейской группой в ходе Галицийской битвы. После отстранения М. фон Ауффенберга назначен временно командующим 4-й армией (сентябрь 1914 г.), в ноябре 1915 г. утвержден в должности. Участвовал в обороне Карпат, в прорыве под Горлице и весенне-летнем наступлении на русском фронте, генерал-полковник (1916). Объявлен одним из виновников поражения австрийской армии под Луцком и 7 июня 1916 г. отстранен от командования. Инспектор военно-воздушных сил (1917–1918). После падения монархии проживал в Австрии, политической деятельностью не занимался, после аншлюса оказался под домашним арестом, затем отправлен в концлагерь Дахау, освобожден после вмешательства Г. Геринга, умер в Вене.

Ирман (Ирманов) Владимир Александрович (1852–1931). Окончил Московскую военную гимназию и 3-е военное Александровское училище, подпоручик (1870), поручик с переименованием в подпоручики артиллерии (1872), поручик (1873), штабс-капитан

(1876). Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., капитан (1878), подполковник (1893). Участвовал и отличился в Китайском походе 1900 г., полковник (1900). Награжден золотым оружием (1901), орденом Св. Анны 2-й степени с мечами (1903). Командир отдельного Забайкальского артиллерийского дивизиона (1901–1904), участвовал и отличился в Русско-японской войне 1904–1905 гг., командующий 4-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригадой (1904–1906), герой обороны Порт-Артура. За отличия награжден орденами Св. Георгия 4-й степени и Св. Владимира 3-й степени с мечами, произведен в генерал-майоры (1904), награжден орденом Св. Георгия 3-й степени (1905). После сдачи крепости попал в плен, пытался бежать из лагеря в Нагасаки. Комендант крепости Владивосток, командир 4-го армейского Сибирского корпуса (1906–1912), генерал-лейтенант (1908), командир 3-го армейского Кавказского корпуса (1912–1917). За успехи в Галицийской битве награжден Георгиевским оружием с бриллиантами и произведен в генералы от артиллерии (1914). В 1916 г. сменил фамилию на Ирманов. В июне 1917 г. зачислен в резерв чинов при штабе Кавказского военного округа. После Октябрьской революции примкнул к Белому движению, в 1919 г. в Добровольческой армии, переименован в генералы от кавалерии, командовал 1-й бригадой 1-й Кавказской казачьей дивизии в корпусе генерала А. Г. Шкуро. С февраля 1920 г. в резерве чинов при штабе главнокомандующего ВСЮР. Эмигрировал в Югославию, умер в г. Нови-Сад.

Истомин Николай Михайлович (1855–192?). Окончил Штурманское училище, прапорщик (1873). Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Подпоручик (1878), поручик (1879). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба по 2-му разряду (1883). Состоял при Киевском военном округе, старший адъютант штаба 12-й пехотной дивизии (1883–1890), штабс-капитан (1884), капитан (1885), подполковник (1890), штаб-офицер при управлении начальника 2-й местной бригады (1890–1894), штаб-офицер при управлении 55-й пехотной резервной бригады (1894–1901), полковник (1894, за отличие), командир 137-го пехотного Нежинского полка (1901–1904). Участвовал и отличился в Русско-японской войне 1904–1905 гг., в боях был контужен, за отличие произведен в генерал-майоры, награжден орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами (1904), орденом Св. Станислава 1-й степени с мечами (1905). Командир 2-й бригады 1-й Сибирской пехотной дивизии (1904–1906), начальник этапного отдела военных сообщений при главнокомандующем на Дальнем Востоке (1905–1906), начальник штаба 4-го армейского корпуса (1906–1913), генерал-лейтенант (1913, за отличие), начальник 20-й пехотной дивизии (1913–1915). Отличился в Сарыкамышской операции, командуя Ольтинским отрядом, награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (1915). Командир 5-го Кавказского армейского корпуса (1915–1916), командир 46-го армейского корпуса (1916–1917). В апреле 1917 г. отстранен от командования, зачислен в резерв чинов при штабе Минского военного округа, в октябре того же года уволен от службы по прошению с мундиром и пенсией. В Гражданской войне участия не принимал, проживал в Петрограде, в 1920-е гг. преподавал в Военно-морском гидрографическом училище в Ленинграде.

Ичас Мартин Мартинович (1885–1941), русский и литовский политический и государственный деятель, издатель и публицист, кадет, депутат IV Государственной думы от Ковенской губернии, министр финансов Литовской Республики (1918–1926). В 1941 г. выехал через Германию и Португалию в Бразилию, умер в Рио-де-Жанейро.

Ияс Александр Иванович (1869–1914), русский востоковед. Уроженец Великого княжества Финляндского, окончил Финляндский кадетский корпус, выпущен в лейб-гвардии Литовский полк, подпоручик (1891). Поручик (1895), командирован в распоряжение командующего войсками Закаспийской области. Окончил офицерские курсы восточных языков при Азиатском департаменте МИДа, изучал арабский, турецкий и персидский

языки (1895–1898). Штабс-капитан (1900), начальник косульского конвоя при Генеральном консульстве в Мешхеде, начальник русской противочумной охраны в Персии (1901). В 1901 г. участвовал в рекогносцировке Памира, капитан (1905). Консул в Саудж-Булаке (Персидский Курдистан), полковник (1913). Убит при вторжении турок в Персию.

Йованович Йован-Пижон (1869–1939), сербский дипломат, государственный деятель, историк и переводчик. Окончил юридический факультет Белградского университета. С начала 1900 г. на службе в суде Белграда, в мае – сентябре 1900 г. профессор Белградского университета. Секретарь Министерства финансов (1900–1901, 1903), дипломатический представитель в Болгарии (1903–1904), глава консульского отдела МИДа (1904–1906), дипломатический представитель в Египте (1907), дипломатический представитель в Черногории (1907–1909), генеральный консул в Скопле (1909–1911), управляющий МИДом (1911–1912), министр иностранных дел (июнь – август 1912 г.), посланник в Австро-Венгрии (1912–1914), заместитель министра иностранных дел (1914–1916), посол в Великобритании (1916–1919). В апреле 1919 г. подал в отставку, посол в США (январь – февраль 1920 г.), по собственному желанию освобожден от занимаемой должности, депутат Народного собрания Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (1920–1929), один из основателей Земледельческого союза (1920), который возглавил в 1923 г., после переворота 1929 г. один из лидеров объединенной оппозиции.

Кадорна Луиджи (1850–1928), граф. Племянник государственного деятеля графа Карло Кадорны, сын итальянского генерала Рафаэля Кадорны, командовавшего в 1870 г. частями, вступившими в Рим. Окончил Военный колледж в Милане (1868), Военную академию в Турине (1875). С 1883 г. командир батальона 62-го пехотного полка, затем на штабной работе. С 1892 г. командир 10-го полка берсальеров, затем начальник штаба 8-го армейского корпуса, командир бригады «Пистойя» (1898–1905), с 1905 г. командир дивизии в Анконе, в Неаполе (1907–1909), с 1910 г. командир 4-го армейского корпуса (Генуя), с 1911 г. командующий 2-й армией, с 1913 г. сенатор, с июля 1914 г. начальник Генерального штаба, руководил воссозданием армии в 1914–1915 гг. С вступлением Италии в войну назначен начальником штаба Верховного командования, фактически возглавил руководство армией. После прорыва итальянского фронта на Изонцо в октябре 1917 г. и последовавшего за этим обвала фронта обвинен в катастрофе, в ноябре смещен с должности начальника штаба и назначен членом Верховного военного совета союзников в Версале. В сентябре 1918 г. вышел в отставку. С приходом к власти Б. Муссолини в 1922 г. зачислен на действительную службу, произведен в звание маршала (1926).

Камбон Жюль (1845–1935), французский дипломат, посол в США (1897), Испании (1902), Германии (1907), генеральный секретарь МИДа Франции (1915), за свои работы по истории и теории международных отношений избран членом французской «Академии бессмертных» (1918). Член французской делегации на Парижской мирной конференции (1919), председатель конференции послов в Генуе (1923).

Канин Василий Александрович (1862–1927). Окончил Морской корпус (1882), Минные классы (1891). В 1896–1897 гг. находился в заграничном плавании на эскадренном броненосце «Император Николай I», затем командовал миноносцами «Орел» и «Глухарь». Участвовал в Китайской кампании 1900–1901 гг., флагманский минер Практической эскадры Черного моря (1901–1903), старший офицер канонерской лодки «Черноморец» (1902–1903), старший офицер эскадренного броненосца «Георгий Победоносец» (1903–1904), заведующий торпедным складом и пристрелочной станцией Севастопольского

порта (1904–1907), командир канонерской лодки «Кубанец» (1907–1908), командир линейного корабля «Синоп» (1908–1911), начальник 4-го дивизиона миноносцев Балтийского флота и председатель Комиссии по наблюдению за постройкой кораблей (1911–1913), командующий отрядом минных заградителей Балтийского флота (1913–1915), начальник минной обороны Балтийского моря (1915), командующий флотом Балтийского моря (1915–1916), адмирал, член Государственного совета и Адмиралтейств-совета (1916). В апреле — июне 1917 г. занимал пост второго помощника морского министра, в декабре того же года уволен в отставку, уехал в Крым, где примкнул к Белому движению. После ухода оккупационных немецких войск командующий Черноморским флотом (1918–1919). В 1919 г. эмигрировал во Францию, умер в Марселе.

Карагеоргиевич Александр (1888–1934). Начальное образование получил в Женеве, военное образование — в Петербурге в Пажеском корпусе. После отречения старшего брата Георгия от престолонаследия в 1909 г. стал наследным принцем Сербским. Во время Балканских войн 1912–1913 гг. командующий 1-й армией, в Первую мировую войну главнокомандующий сербскими армиями. С июня 1916 г., после значительного ухудшения здоровья своего отца короля Петра, стал регентом. 1 декабря 1918 г., после окончания Первой мировой войны, принц-регент Александр провозгласил объединение югославянских народов в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, королем которого он стал в 1921 г. После переворота 1929 г. король Югославии (1921–1934), 9 октября 1934 г. был убит в Марселе хорватскими и македонскими националистами, действовавшими при поддержке гитлеровской разведки.

Карагеоргиевич Петр (1844–1921), сын князя Александра Карагеоргиевича. Получил образование в Женеве и Париже. В 1870 г. вступил во французский Иностранный легион, в составе которого принял участие во Франко-прусской войне 1870–1871 гг., его участие в восстании 1875 г. (под именем Петара Мрконича) было связано в том числе и с планами приобретения популярности на родине с целью возвращения сербского престола, что ему в какой-то степени удалось. В 1883 г. женился на княжне Зорке, старшей дочери черногорского князя Николая. После убийства короля Александра Обреновича в 1903 г. армия, а затем и Скупщина провозгласили Петра королем Сербии (1903–1921), но в 1916 г. из-за ухудшения здоровья он передал управление армией, а в будущем и страной престолонаследнику принцу Александру.

Карден Секвилл Гамильтон (1857–1930), британский военный моряк. С 1870 г. на военно-морской службе. Участвовал в экспедиции в Египет (1882), в Судан (1884), в Бенин (1897). Контр-адмирал (1908), в составе эскадры Атлантического океана (1910–1911), адмирал-суперинтендант Мальтийских верфей (1912–1914), вице-адмирал (1914), командующий эскадрами в Восточном Средиземноморье (1914–1915), один из инициаторов операции форсирования Дарданелл флотом. Командовал атакой пролива в феврале 1915 г. и подготовкой атаки в марте 1916 г., незадолго перед которой вынужден был по болезни сдать командование адмиралу Д. де Робеку. В 1917 г. получил звание адмирала и вышел в отставку.

Карл I, Карл Франц Иосиф (1887–1922), император Австро-Венгрии, король Чехии (как Карл III) и Венгрии (как Карл IV) с 21 ноября 1916 г. по 12 ноября 1918 г.

Кастельно Ноель Жозеф Эдуард де Курьер де (1851–1944), французский генерал. Вступил на военную службу в 1870 г. во время Франко-прусской войны, с 1911 г. заместитель начальника Генерального штаба, в 1914 г. возглавил неудачное наступление в Лотарингии, командовал Армейской группой Центра во время наступления в Шампани

осенью 1915 г., после чего назначен начальником штаба главнокомандующего генерала Ж. Жоффра, вместе с которым смещен в декабре 1916 г., в 1918 г. назначен на пост командующего Восточной армейской группой в Лотарингии.

Каськов Митрофан Иванович (1867–1917). На службе с 1884 г., окончил Морское училище, мичман (1887). Офицер оперативного отделения штаба Черноморского флота и портов (1905), штаб-офицер стратегической части Главного Морского штаба, затем Морского Генерального штаба (1906–1910), командир мореходной канонерской лодки «Донец» (1910–1912), капитан 1 ранга (1911), командир линейного корабля «Пантелеймон» (1912–1916). Обеспечивал доставку морем из Мариуполя двух дивизий для поддержки наступающих частей Кавказского фронта. Контр-адмирал (1916), начальник штаба командующего флотом Черного моря (1916–1917). В марте 1917 г. зачислен в резерв чинов Черноморского флота, в декабре того же года убит матросами-анархистами на Малаховом кургане в Севастополе.

Кевеш фон Кевешхаза Герман (1854–1924), австро-венгерский военный деятель. Окончил кадетский корпус в Хайнбурге (1866), Тешинскую военную академию, лейтенант (1872), обер-лейтенант (1875). Окончил Военную школу (1878), капитан (1879). В 1882 г. отличился при подавлении восстания в Южной Далмации. Майор (1890), подполковник (1894), полковник (1896), командир 23-го пехотного полка (1898– 1902), генерал-майор (1902), командир 15-й пехотной бригады (1902–1906), командир 8-й пехотной дивизии (1906–1910), фельдмаршал-лейтенант (1907), командир 12-го армейского корпуса (1911–1914), генерал от инфантерии (1911). В начале Первой мировой войны его корпус стал основой для создания армейской группы, которую он и возглавил. Участвовал в боях в Галиции и Польше в 1914 и 1915 гг., в сентябре 1915 г. возглавил 3-ю армию, которая вместе с болгарскими войсками начала наступление на Сербию, 9 октября 1915 г. его армия взяла Белград, после чего была нацелена на Черногорию. В январе 1916 г. 3-я армия оккупировала Черногорию, за успехи на Балканах в феврале 1916 г. произведен в генерал-полковники. В 1916 г. 3-я армия передислоцирована на итальянский фронт. В июне 1916 г. переведен на русский фронт, где должен был создать новую 3-ю армию для противодействия наступлению А. А. Брусилова, в октябре того же года возглавил 7-ю армию. В августе 1917 г. в результате контрудара по войскам русского Юго-Западного фронта захватил Черновицы, за что произведен в фельдмаршалы и возведен в достоинство барона. В сентябре 1918 г. назначен командующим армейской группой на западных Балканах, после поражения Австро-Венгрии вышел в отставку, проживал в Вене и Будапеште, политикой не занимался. Умер в Вене, похоронен в Будапеште.

Келлер Федор Артурович (1857–1918), граф. Из дворян Смоленской губернии, племянник героя Русско-японской войны генерала графа Ф. Э. Келлера. Окончил приготовительный пансион Николаевского кавалерийского училища и поступил вольноопределяющимся в 1-й лейб-драгунский Московский полк (1877). Принял участие и отличился в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове, награжден знаками отличия ордена Св. Георгия 4-й и 3-й степеней. В 1878 г. выдержал офицерский экзамен при Тверском кавалерийском юнкерском училище и с отличием окончил Офицерскую кавалерийскую школу, прапорщик. Поручик (1881), штабс-ротмистр (1884), ротмистр (1887), подполковник (1894), полковник (1901), командир Крымского дивизиона (1901–1903), командир 15-го драгунского Александровского полка (1904–1906), командир лейб-гвардии Драгунского полка (1906–1910), исполнял обязанности временного калишского губернатора (1905–1907), был ранен в результате покушения. Флигель-адъютант, генерал-майор с зачислением в Свиту Его Императорского Величества (1907), командир 1-й бригады Кавказской кавалерийской дивизии (1910–1912), начальник 10-й кавалерийской

дивизии (1912–1915), генерал-лейтенант (1913). Один из лучших русских кавалеристов своего времени, выделялся личной храбростью и пользовался авторитетом и уважением в войсках. Награжден орденом Св. Георгия 4-й (1914) и 3-й (1915) степеней, генерал от кавалерии (1917). Во время Февральского переворота 1917 г. предлагал императору помощь для подавления беспорядков, после отречения Николая II отказался присягать Временному правительству. С апреля 1917 г. в резерве чинов при штабе Киевского военного округа, жил в Харькове, летом 1918 г. отклонил предложение выехать на Дон и примкнуть к Добровольческой армии по причине неясного отношения ее руководителей к идее восстановления монархии. В декабре 1918 г. назначен гетманом П. П. Скоропадским главнокомандующим войсками на территории Украины с подчинением ему гражданских властей. В конце ноября того же года принял предложение возглавить формирующуюся в Витебской и Полтавской губерниях белую армию, но не успел выехать к месту ее формирования. Накануне занятия Киева войсками Директории отказался покинуть его с немцами и взял на себя руководство обороной города. Ввиду невозможности сопротивления распустил вооруженные отряды и остался в Киеве, арестован петлюровцами вместе с двумя адъютантами под предлогом высылки. Категорически отказался снять с себя знаки отличия и отдать наградное оружие. По пути на вокзал зверски убит толпой украинских националистов.

Кербер Людвиг Бернгардович (с 1916 г. — Корвин Людвиг Федорович), русский военный моряк немецкого происхождения. Окончил Морской корпус (1884), Минные офицерские классы (1894), Николаевскую морскую академию (1902). Участвовал в кругосветном плавании на корвете «Витязь» под командованием капитана 1 ранга С. О. Макарова (1886–1889), в его честь назван мыс в Японском море, исследованный во время плавания. Совершил переход на Дальний Восток на крейсере «Россия» (1897–1900). Служил на кораблях эскадры Тихого океана. Во время Китайского похода 1900–1901 гг. отличился в боях на Пейхо и при штурме фортов Дагу. В 1902 г. командовал миноносцами № 52 и 139. Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг., флагманский интендант штаба командующего флотом Тихого океана (1904), старший офицер крейсеров «Богатырь» и «Россия» (1904–1905). Начальник Морской канцелярии при главнокомандующем сухопутными и морскими силами на Дальнем Востоке (1905–1906), командир минного крейсера «Донской казак» (1906), штаб-офицер Морского Генерального штаба (1906–1908), командир канонерской лодки «Хивинец» (1908–1909), военно-морской агент в Великобритании (1909–1911), командир линейного корабля «Цесаревич» (1911–1913), начальник штаба командующего морскими силами Балтийского флота адмирала Н. О. Эссена (1913–1914). С началом войны назначен начальником штаба командующего флотом Балтийского моря, награжден Георгиевским оружием, вице-адмирал (1914), назначен членом Адмиралтейств-совета (1915), председатель Совещания по морским перевозкам (1916). В ноябре 1916 г. назначен главноначальствующим Архангельска и Беломорского водного района, а также командующим флотилией Северного Ледовитого океана. В марте 1917 г. отстранен от должности, в декабре 1917 г. уволен в отставку. В 1918 г. выехал за границу, умер в Лондоне.

Керенский Александр Федорович (1881–1970), русский юрист, политический и государственный деятель. Родился в Симбирске в семье директора местной мужской и женской гимназии, в 1889 г. переведенного в Ташкент главным инспектором народных училищ Туркестанского края. Окончил с золотой медалью 1-ю Ташкентскую мужскую гимназию (1889), юридический факультет Петербургского университета (1904). С 1905 г. помощник присяжного поверенного, принимал активное участие в общественном движении, сблизился с социалистами-революционерами. В декабре 1905 г. арестован по обвинению в связях с боевой организацией эсеров, в апреле 1906 г. освобожден из-за

недостаточности улик, выслан в Ташкент, откуда вернулся в Петербург осенью 1906 г. В качестве защитника выступал на ряде крупных политических процессов, принесших ему всероссийскую известность. Депутат IV Государственной думы, для участия в выборах вышел из состава партии эсеров, призывавших к их бойкоту, в Думе присоединился к трудовикам, фракцию которых возглавил в 1915 г. Неоднократно выступал с критикой правительства, получив репутацию одного из лидеров социалистов. Во время Февральской революции 1917 г. член Временного комитета Государственной думы, товарищ председателя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Несмотря на нежелание Совета делегировать своих членов в состав Временного правительства, отстоял это право для себя, заявив о готовности застрелиться, если ему не доверяют товарищи по борьбе. В результате в марте 1917 г. в качестве представителя революционной демократии занял пост министра юстиции, одновременно восстановил членство в партии эсеров. В мае 1917 г., после отставки А. И. Гучкова, занял пост военного и морского министра, проводил политику «демократизации» армии с целью ее подготовки к переходу в наступление, которое началось в июне 1917 г. и после первых успехов завершилось поражением. В июле 1917 г., после отставки князя Г. Н. Львова, возглавил правительство, сохранив за собой предыдущий пост. В сентябре 1917 г., после провала выступления генерала Л. Г. Корнилова, фактически спровоцированного главой правительства, назначил себя на пост Верховного главнокомандующего. В результате, формально получив диктаторскую власть, потерял всякий авторитет у левых и приобрел стойкую ненависть у правых слоев общества. В октябре 1917 г. возглавляемое им Временное правительство оказалось в изоляции и было легко свергнуто большевиками. После неудачной попытки восстановить положение, опираясь на Конный корпус генерала П. Н. Краснова, бежал. В Гражданской войне не смог примкнуть ни к одному из антибольшевистских движений по причине своей непопулярности у всех. С июня 1918 г. в эмиграции в Англии и Франции, с 1940 г. — в США. Постоянно призывал к крестовому походу против коммунизма, в июне 1941 г. публично приветствовал нападение А. Гитлера на СССР, позже отказался от своих слов и предложил помощь И. В. Сталину, однако предложение осталось без ответа. После 1945 г. пытался организовать антисоветское движение без особого успеха. Умер в Нью-Йорке.

Керр Марк Эдуард Фредерик (1864–1944), офицер королевских военно-морских и военно-воздушных сил, контр-адмирал (1913), глава английской военно-морской миссии в Греции и командующий королевскими ВМС Греции (1913–1915). В 1914 г. освоил пилотирование самолета, став первым флаг-офицером британского флота, научившимся летать. Командующий британской Адриатической эскадрой (1916–1917), в 1917 г. произведен в генерал-майоры, занимался созданием Министерства авиации и Королевских ВВС. Заместитель начальника штаба авиации (1917–1918), в 1918 г. руководил по очереди двумя авиаокругами в Великобритании, вышел в отставку из-за разногласий с руководством авиации, занимался писательской деятельностью.

Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933), русский историк и политический деятель, член-корреспондент Российской академии наук (1917). Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1888). Занимался русской историей под руководством В. О. Ключевского и П. Н. Милюкова. В 1903 г. защитил магистерскую, в 1909 г. — докторскую диссертации, приват-доцент (1893–1909), профессор Московского университета (1909–1911). В 1911 г. в знак протеста против реакционной политики министра народного просвещения Л. А. Кассо ушел из университета вместе с группой профессоров и доцентов. Преподавал в Народном университете А. Л. Шанявского и в Коммерческом институте. В 1904 г. вошел в редакцию журнала «Русская мысль» и вступил

в «Союз освобождения». Один из учредителей партии кадетов, в январе 1906 г. избран членом ее ЦК. Сотрудничал в газете «Русские ведомости». Делегат II Государственной думы от Москвы. С началом Первой мировой войны примкнул к позиции «оборонцев», хотя и считал необходимым продолжать политику борьбы с правительством. Приветствовал Февральскую революцию 1917 г., активно выступал за установление республиканского строя. Последовательный противник большевиков и их политики, в мае 1918 г. арестован ВЧК, но в 1919 г. освобожден после протестов общественности и личного вмешательства В. И. Ленина. Позже неоднократно подвергался арестам, в сентябре 1922 г. выслан из Советской России. Жил в Праге, преподавал в Русском народном и Карловом университетах. Один из учредителей, а с 1930 г. председатель Русского исторического общества.

Кирилл Владимирович (1876–1938), великий князь, старший сын великого князя Владимира Александровича, третьего сына императора Александра II, и великой княгини Марии Павловны. Окончил Морской кадетский корпус и Николаевскую морскую академию. В 1904 г. начальник военно-морского отдела штаба командующего флотом на Тихом океане вице-адмирала С. О. Макарова, находился рядом с ним при взрыве эскадренного броненосца «Петропавловск», остался жив, награжден золотым оружием. В 1905 г. вступил в брак со своей двоюродной сестрой Викторией Мелитой, дочерью герцога Эдинбургского, разведенной супругой герцога Эрнста Гессен-Дармштадтского. Так как этот брак не был разрешен императором, Кирилл Владимирович был лишен Николаем II всех прав члена императорской фамилии. В 1907 г., после принятия православия Викторией, император признал этот брак и присвоил ей титул великой княгини Виктории Федоровны, а в 1909 г. Кириллу были возвращен все права члена императорской фамилии. С 1909 г. в Гвардейском флотском экипаже, служил на крейсере «Олег» (1909–1912), в последний год — командиром. С началом Первой мировой войны в Ставке Верховного главнокомандующего, с 1915 г. командир Гвардейского флотского экипажа, который и привел 1 (14) марта 1917 г. к Государственной думе, присягнув на верность новому правительству. После издания приказа об устранении всех членов императорской фамилии от государственных и военных должностей выехал в Финляндию, во время Гражданской войны — в Швейцарию. В ситуации, когда ни законы, ни обычаи уже не могли точно определить, кому должно принадлежать право престолонаследия, подталкиваемый амбициями своей супруги, 31 августа 1924 г. на правах старшего представителя династии провозгласил себя императором Кириллом I, что было отрицательно встречено значительной частью русской эмиграции, включая монархистов. Особенно негативной была реакция руководства армии. Умер в Париже.

Китченер Горацио Герберт (1850–1916), барон Хартумский (1898), лорд (1901), виконт Хартумский и Ваальский (1902), выдающийся британский военный и государственный деятель. Добровольцем участвовал во Франко-прусской войне 1870–1871 гг. на стороне французов. Лейтенант (1871), капитан (1883), вице-консул в Анатолии (1883). Участвовал и отличился в оккупации Египта (1883), бревет-майор (1884), бревет-подполковник (1885), бревет-полковник (1888). Майор (1889), бригадный генерал (1892), генерал-майор (1896), в 1898 г. командовал англо-египетской армией при походе в Судан и разгроме махдистов. Начальник штаба фельдмаршала Робертса Кандагарского во время Второй Англо-бурской войны (1899–1902). Генерал-лейтенант (1901), главнокомандующий англо-индийской армией (1902–1909), фельдмаршал (1909). Вице-король Индии (1911), британский агент и генеральный консул в Египте и англо-египетском Судане (1911–1914), военный министр (1914–1916). Погиб 5 июня 1916 г. на крейсере «Хемпшир» по пути в Россию.

Клаузевиц Карл Филипп Готтлиб фон (1780–1831), прусский офицер и военный писатель, который своим сочинением «О войне» (1832) произвел переворот в теории и основах военных наук.

Клейнмихель Мария Эдуардовна (1846–1931), урожденная графиня Келлер, супруга генерал-майора графа Н. П. Клейнмихеля.

Клюев Николай Алексеевич (1859–1921). Окончил 1-е Павловское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Командир 183-го пехотного резервного Гроховского полка (1904), лейб-гвардии Волынского полка (1905), генерал-лейтенант (1909), начальник штаба Варшавского военного округа (1909–1913), с 1913 г. командир 1-го Кавказского армейского корпуса, с началом Первой мировой войны возглавил 13-й армейский корпус, входивший в состав 2-й армии генерала А. В. Самсонова вместо генерала М. В. Алексеева, возглавившего штаб Юго-Западного фронта. Корпус был полностью разгромлен в боях в Восточной Пруссии, сам Клюев попал в плен. С началом Гражданской войны участвовал в Белом движении на севере России, после поражения уехал в Финляндию, умер в Гельсингфорсе.

Клюк Александр фон (1846–1934), прусский и германский военный, генерал-полковник. С 1865 г. на военной службе, участвовал в Австро-прусской войне 1866 г. и Франко-прусской войне 1870–1871 гг. Командир роты офицерской школы (1881), начальник офицерских подготовительных курсов (1884), командир батальона 66-го пехотного полка (1889), командир 1-го (Берлинского) округа ландвера (1896), командир 34-го пехотного полка (1898), 23-й пехотной бригады (1899), начальник 37-й пехотной дивизии (1903), командир 6-го (1906), затем 1-го армейского корпуса (1907), генерал-инспектор 8-й армейской инспекции (1913), в августе 1914 г. назначен командующим 1-й армией, отличился при движении через Бельгию на Париж и при отражении французского контрудара на Марне. В мае 1915 г. отстранен от командования армией по ранению, в октябре того же года переведен в резерв.

Коковцов Владимир Николаевич (1853–1943), русский государственный деятель, граф (1914). Окончил Александровский лицей с золотой медалью (1872). С 1873 г. на службе в Министерстве юстиции, в 1878 г. командирован за границу для изучения тюремного дела, с 1882 г. помощник начальника Главного тюремного управления МВД, с 1890 г. на службе в Государственной канцелярии. С 1891 г. статс-секретарь Государственного совета по Департаменту государственной экономии, с 1896 г. товарищ министра финансов, сенатор (1900), государственный секретарь (1902), министр финансов (1904–1914), в 1904 г. провел заключение 5% займа в форме краткосрочных обязательств во Франции на сумму в 300 млн рублей. Действительный статский советник (1905), член Государственного совета, статс-секретарь (1905), в том же году после назначения С. Ю. Витте председателем Совета министров отправлен в отставку с поста товарища министра финансов. В конце 1905 — начале 1906 г. выполнял ряд поручений по заключению нового займа во Франции, возглавлял комиссию по выработке нового рабочего законодательства. С 26 апреля 1906 г. министр финансов, с 11 сентября 1911 г. по 30 января 1914 г. председатель Совета министров с сохранением поста министра финансов. Проводил политику государственной экономии и увеличения золотого запаса. В результате с 1904 по 1913 г. золотой запас Российской империи вырос с 1100 млн до 2170 млн рублей. С января 1916 г. председатель 2-го департамента Государственного совета, с декабря 1916 г. попечитель Александровского лицея. Занимался частным предпринимательством. С 1917 г. член Совета Русского для внешней торговли банка. В 1918 г. арестовывался ВЧК, после осво-

бождения эмигрировал во Францию, где возглавил Международный коммерческий банк (бывшее отделение Петроградского коммерческого банка). Умер в Париже.

Колвелл Чарльз Эдуард (1859–1928), британский военный деятель, разведчик, военный писатель и историк. Получил начальное домашнее образование, затем учился в Хейлейбери-колледже (1871–1876), Королевской военной академии в Вулвиче (1876–1877). Второй лейтенант королевской полевой артиллерии (1878), после окончания курсов для молодых офицеров в Вулвиче и Шуберинессе направлен в Индию (1879), участвовал во Второй Англо-афганской войне, принял участие в походе на Кабул. В 1881 г. переведен в Южную Африку, участвовал в последних операциях Первой Англо-бурской войны, в декабре 1881 г. переведен в Вулвич. С 1882 г. автор ряда статей в военных журналах. Окончил Штабной колледж в Камберли, капитан (1886). В гарнизонной артиллерии Портсмута и Олдершотском лагере (1886–1887), в 1887 г. переведен в отдел разведки Военного министерства, помощник генерал-адъютанта. В 1887–1892 гг. в секции «Е», ответственной за сбор информации по Австро-Венгрии, Балканам, Турции, Египту и независимым африканским государствам, совершил несколько ознакомительных поездок по Греции, Турции, Алжиру, Тунису, Марокко и ряду европейских стран. В гарнизонной артиллерии в Ширнессе и Девонгпорте (1892–1896), бригад-майор (1893), майор (1896), командующий ротой артиллерии береговой обороны Мальты (1896), военный обозреватель при греческой армии во время Греко-турецкой войны (1897). В 1899 г. направлен вместе со своим подразделением из Мальты в Южную Африку, где оно было преобразовано в тяжелую батарею. Принял участие во Второй Англо-бурской войне, отличился при походе на Ледисмит и деблокаде города, досрочно произведен в подполковники (1900). В 1901 г. в составе сил под командованием генерала Дж. Френча возглавил отдельную колонну по борьбе с партизанами, но действия признаны неудачными, возвращен в метрополию. В артиллерийских частях в Корке и Дувре (1902–1903). Помощник генерал-квартирмейстера в мобилизационном отделе Военного министерства (1903–1907), досрочно произведен в полковники (1904), награжден орденом Бани (1907), с 1907 г. перешел на половинное жалованье, в 1909 г. вышел в отставку. Продолжая сотрудничать с военной прессой, сосредоточился на писательской деятельности, писал статьи, рассказы, книги по военной истории, в качестве военного обозревателя сотрудничал с рядом изданий. В августе 1914 г. возвращен на военную службу, произведен в генерал-майоры (временное звание) и назначен директором отдела военных операций и разведки Военного министерства (1914–1916). Выступал против проведения акции на Проливах исключительно силами флота и дальнейших поспешных действий по высадке десанта на Галлиполи, а вслед за провалом наступления — за эвакуацию полуострова. В декабре 1915 г. отказался возглавить Военное министерство. В январе 1916 г. Имперский Генеральный штаб возглавил генерал В. Робертсон и, так как его структура подверглась коренным изменениям, Колвелл оставил свою должность. Совершил две поездки в Россию (январь — февраль, март — май 1916 г.) для обсуждения вопроса о военных поставках и сотрудничестве армий и флотов. Заместитель начальника Имперского Генерального штаба (май — июнь 1917 г.), произведен в постоянное звание генерал-майора (1917). С 1918 г. в отставке, вернулся к журналистской, писательской и исследовательской деятельности.

Колчак Александр Васильевич (1874–1920), выдающийся русский военный моряк, исследователь полярного Севера, гидрограф, лидер Белого движения в Сибири, адмирал (1918). Окончил Морской кадетский корпус (1894), участвовал в полярной экспедиции барона Э. В. Толя (1900–1902), после возвращения в Петербург в 1903 г. назначен начальником экспедиции на вельботе, снаряженном Императорской академией наук на Новосибирские острова и Землю Беннета для поисков Э. В. Толля. По возвращении в Иркутск с разрешения Главного Морского штаба отправился в Порт-Артур, где коман-

довал миноносцем «Сердитый». В 1905 г. вернулся из японского плена в Петербург и был прикомандирован к Академии для обработки картографических и гидрологических материалов Русской полярной экспедиции. Заведующий Отделом русской экспедиции Морского Генерального штаба (1906–1908), командир транспорта «Вайгач» (1908–1911). На службе в МГШ (1911), командир эсминца «Уссуриец» (1912–1913), эсминца «Пограничник» (1913–1914). Исполняющий должность начальника Оперативного отделения штаба командующего морскими силами Балтийского моря (1913). Начальник Минной дивизии Балтийского флота (1915–1916), командующий Черноморским флотом (1915–1917). В связи с демократизацией флота и его последующим развалом покинул пост командующего, через Петроград, Швецию, Норвегию и Англию выехал в США. После Октябрьского переворота 1917 г., желая продолжать войну с Германией, обратился с просьбой о принятии на британскую службу. В 1918 г. в Сингапуре, по пути из Сан-Франциско в Месопотамию, был вызван в Пекин, где получил предложение организовать Русские вооруженные силы на КВЖД. После переговоров в Токио отправился через Сибирь на юг России с целью присоединиться к Белому движению во главе с генералами А. И. Деникиным и М. В. Алексеевым, но задержался в Омске, где стал военным и морским министром Директории. После государственного переворота в ноябре 1918 г. провозглашен верховным правителем России, вел активную борьбу с большевиками, в 1919 г. разбит и вынужден отступать по Сибири в направлении на Владивосток. В 1920 г. захвачен в Иркутске отрядами Политцентра, контролируемыми большевиками и эсерами, отдан под суд трибунала и расстрелян вместе с последним премьер-министром его правительства В. Н. Пепеляевым.

Кондзеровский Петр Константинович (1869–1929). Окончил 1-й кадетский корпус (1887) и 2-е военное Константиновское училище, выпущен в гвардию, подпоручик (1889), поручик (1893). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан гвардии с переименованием в капитаны Генерального штаба (1895). Состоял при Финляндском военном округе, обер-офицер для особых поручений при штабе 18-го армейского корпуса (1897–1899), столоначальник Главного штаба (1899–1901), подполковник (1900), младший делопроизводитель канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба (1901–1902), начальник 4-го отделения (1902–1903) и 14-го отделения (1903–1905) Главного штаба, полковник (1904), член Хозяйственного комитета (1905–1906), исполняющий должность помощника дежурного генерала Главного штаба (1907–1908), дежурный генерал Главного штаба (1908–1914), генерал-майор (1909), дежурный генерал при штабе Верховного главнокомандующего (1914–1917), генерал-лейтенант (1916). После Февральской революции отставлен от должности и назначен членом Военного совета, в мае 1918 г. уволен, переехал с семьей в Финляндию, принял участие в Белом движении на северо-западе России, с начала 1919 г. член военно-политического центра в Финляндии, начальник штаба и помощник главнокомандующего Северо-Западной армией генерала Н. Н. Юденича (май — июль 1919 г.), помощник главнокомандующего Северо-Западной армией по должности военного министра (октябрь — ноябрь 1919 г.). В ноябре 1919 г. назначен представителем Северо-Западной армии в Финляндии. После поражения Н. Н. Юденича в конце 1920 г. переехал из Гельсингфорса в Париж. С начала 1925 г. начальник военной канцелярии великого князя Николая Николаевича (младшего), член объединения лейб-гвардии Егерского полка. Умер в Париже.

Конрад фон Гетцендорф Франц (1852–1925), австро-венгерский военный деятель, граф, фельдмаршал (1916). Учился в Терезианской военной академии в Винер-Нойштадте (1867–1871), лейтенант (1871), окончил Академию Генерального штаба с причислением к Генштабу (1876). В 1878 г. принял участие в оккупации Боснии и Герцеговины, в 1882 г. — в

подавлении восстания в Южной Далмации. Преподаватель тактики в Академии Генерального штаба (1888–1892), полковник, командир полка в Троппау (1893), генерал-майор, командир бригады в Триесте, где отличился при подавлении итальянского восстания в 1902 г., командир дивизии в Инсбруке (1903), генерал-лейтенант (1906), начальник Генерального штаба австро-венгерской армии (1906–1917). В 1917 г. назначен командовать армией на итальянском фронте, после революции 1918 г. подал в отставку.

Константин Павлович (1779–1831), великий князь, второй сын императора Павла I, цесаревич (с 1799 г.). Воспитывался вместе с великим князем Александром Павловичем под наблюдением Екатерины II, военную подготовку прошел в гатчинских войсках отца. С 1795 г. шеф Санкт-Петербургского гренадерского полка. В 1796 г. женился на кобургской принцессе Юлиане-Генриетте-Ульрике, в православии — Анна Федоровна, брак был несчастливым и бездетным, в 1801 г. она покинула Россию. В 1796 г. назначен шефом лейб-гвардии Измайловского полка, в 1797 г. — генерал-инспектором кавалерии, в 1798 г. — главным начальником над кадетскими корпусами. Участвовал в Итальянском и Швейцарском походах А. В. Суворова (1799), возглавлял комиссию по преобразованию армии (1801–1804). Участвовал в Аустерлицком сражении, командовал гвардией (1806–1807), после Фридланда выступал за мир с Францией, принимал участие в переговорах в Тильзите и Эрфурте. Участвовал в первом этапе Отечественной войны 1812 г., выступал за необходимость заключения мира с Наполеоном, отослан из армии в Петербург, а из столицы — в Тверь. Вернулся в армию в конце 1812 г., отличился в сражении при Дрездене и Фер-Шампенуазе. Вместе с Александром I принимал участие в торжественном вступлении союзных войск в Париж, в работе Венского конгресса и во втором походе во Францию в 1815 г. С 1815 г. назначен главнокомандующим польской армией, руководил ее реформированием и перевооружением, почти постоянно проживал в Варшаве и был фактически правителем царства. В 1820 г. после официального расторжения первого брака вступил в морганатический брак с графиней Иоанной Грудзинской, получившей титул княгини Лович, и отрекся от престола в пользу младшего брата великого князя Николая Павловича. Отличался вспыльчивым и неуравновешенным характером, причудливо сочетавшим способность демонстрировать польские симпатии и презрение к конституции 1815 г. В ходе восстания 1830–1831 гг. обвинялся в сочувствии к полякам и был удален из армии. 15 июня 1831 г. умер от холеры по дороге в Минск.

Короленко Владимир Галактионович (1853–1921), русский писатель украинского происхождения, родился в Житомире в семье уездного судьи. Публицист, журналист, общественный деятель, либеральный народник. В ходе Гражданской войны проживал в Полтаве, неоднократно выступал с протестами против террора ее участников.

Костюшко Анджей Тадеуш Бонавентура (1746–1817), военный и политический деятель Речи Посполитой. В 1775–1777 гг. участвовал в войне за независимость США, в американских войсках получил звание полковника, занимался фортификацией, за заслуги в 1783 г. произведен Конгрессом США в бригадные генералы. Организатор восстания в Польше в марте 1794 г., в октябре 1794 г. был разбит русскими войсками, взят в плен и заключен в Петропаловскую крепость. В 1796 г. освобожден императором Павлом I, принес ему присягу на верность, получил 12 тыс. рублей, выехал в США. В 1797 г. вернулся в Европу, в 1798 г. поселился под Парижем, проживал во Франции и в Швейцарии, где и умер. Похоронен в Кракове.

Коцебу Александр Павлович (1876–1938), выпускник Пажеского корпуса, адъютант Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, полковник лейб-гвардии Уланского полка императрицы Александры Федоровны.

Кривошеин Александр Васильевич (1857–1921), русский государственный деятель, внук крепостного крестьянина и сын подполковника артиллерии. Окончил Варшавскую гимназию и поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, затем перевелся на юридический факультет того же факультета, который окончил со степенью кандидата. В 1884 г. определен на службу в Министерство юстиции, коллежский секретарь. В 1885 г. уволен от службы по домашним обстоятельствам, в 1887 г. определен на службу в МВД, командирован для занятий в Земельный отдел, занимался вопросами переселения крестьян на Дальний Восток. Титулярный советник (1889), коллежский асессор (1893), надворный советник (1895), коллежский советник (1898), статский советник (1900), действительный статский советник (1904), начальник Переселенческого управления (1904), товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием (1905), член Особого совещания о мерах к укреплению крестьянского землевладения (1905). В должности гофмейстер Двора Его Императорского Величества (1905), товарищ министра финансов (1906), член Государственного совета (1907), главноуправляющий землеустройством и земледелием (1908), гофмейстер Двора Его Императорского Величества (1909), статс-секретарь Его Императорского Величества с оставлением в занимаемых должностях (1910). Входил в ряд комитетов. В 1915 г. по случаю преобразования Главного управления землеустройства и земледелия в Министерство земледелия переименован в министры земледелия. В мае 1917 г. оставлен за штатом, в декабре того же года уволен от службы. В 1918 г. участвовал в подпольной антисоветской деятельности, в октябре того же года переехал в Киев, начальник Управления снабжения правительства при главнокомандующем генерале А. И. Деникине (1919–1920). В феврале 1920 г. переехал в Константинополь, затем в Париж. В мае — октябре 1920 г. вернулся в Крым, где возглавил правительство Юга России, в октябре 1920 г. эмигрировал, жил во Франции и Германии.

Кудашев Иван Александрович (1859–1933), князь, действительный статский советник. Окончил Пажеский корпус (1879), вступил корнетом в лейб-гвардии Конный полк, переведен в 1882 г. в резерв гвардейской кавалерии. Перешел на дипломатическую службу, в 1896 г. 1-й секретарь миссии в Копенгагене, с 1901 г. министр-резидент в Гессен-Дармштадте и Сакс-Кобург-Готе по совместительству, помощник секретаря посольства в Константинополе (1905), посол в Дании (1906–1910), посланник в Бельгии (1910–1913), поверенный в делах в посольстве в Австро-Венгрии (1913–1914), посол в Испании (1916–1917). Вскоре после Февральской революции 1917 г. отправлен в отставку, но затем возвращен на пост посланника в Китае (1917–1920). В эмиграции во Франции.

Кудашев Николай Александрович (1868–1925), русский дипломат, князь. Первый секретарь российского посольства в Токио (1902), член российской делегации на мирной конференции в Портсмуте (1905), первый секретарь российского посольства в Константинополе (1906), временный поверенный в делах России в США (1910–1913), директор Дипломатической канцелярии в Ставке Верховного главнокомандующего (1914–1916), посланник в Китае (1916–1917). Продолжал занимать пост посланника до 1920 г., когда китайские власти закрыли русские дипломатические представительства. Умер в 1925 г.

Кузьмин-Караваев Дмитрий Дмитриевич (1856–1950), русский военный деятель. Окончил Пажеский корпус, подпоручик (1873). Подпоручик гвардии (1875), участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Поручик (1878), штабс-капитан (1881), адъютант генерал-фельдцехмейстера (1886–1893), капитан (1889), полковник (1891). Командир 1-й батареи гвардейской конноартиллерийской бригады (1893–1895), командир 2-го конноартиллерийского дивизиона (1895–1897), командир 2-го дивизиона гвардейской конноартиллерийской бригады (1897–1899), командир гвардейской конноартилле-

рийской бригады (1899–1904), генерал-майор (1900), начальник артиллерии войска Донского (1904–1905), исполняющий должность товарища генерал-фельдцейхмейстера (1905–1906), генерал-лейтенант (1906), товарищ генерал-фельдцейхмейстера (1906–1909), начальник Главного артиллерийского управления (1909), генерал от артиллерии (1912). В мае 1915 г. по обвинению в халатности снят с должности и отчислен в Военный совет. В 1918 г. уволен со службы в связи с упразднением Военного совета, добровольно вступил в РККА. Служил на артиллерийском полигоне, в комиссии артиллерийских опытов. С 1924 г. персональный пенсионер. В 1935 г. лишен пенсии и выслан со всей семьей из Ленинграда в Казахстан. С 1941 г. проживал в г. Муроме. В 1943 г. по ходатайству Главного маршала артиллерии Н. Н. Воронова пенсия восстановлена, в 1944 г. за многолетнюю службу и выдающуюся деятельность в области развития русской артиллерии награжден орденом Ленина.

Куммер фон Фалькенфельд Генрих (1852–1929), генерал от кавалерии (1912). В начале войны возглавил армейскую группу в составе трех пехотных и одной кавалерийской дивизий на русском фронте, которая занимала оборонительные позиции на левом берегу Вислы у границы с русской Польшей, на левом фланге 1-й армии генерала В. Данкля. Вместе со своим соседом — германским корпусом Р. фон Войрша достаточно успешно действовал в первый период войны, но потерпел поражение в Галицийской битве. В 1916 г. уволен в отставку, проживал в Австрии, умер в Зальцбурге.

Курлов Павел Григорьевич (1860–1923), государственный деятель, один из руководителей российских спецслужб, организатор политического сыска. Окончил Николаевское кавалерийское училище, выпущен в лейб-гвардии Конногренадерский полк (1880), окончил Александровскую военно-юридическую академию (1888). Помощник военного прокурора Одесского военно-окружного суда (1891), уволен от службы по домашним обстоятельствам (1892). Товарищ прокурора Владимирского (1892) и Московского (1897) окружных судов, прокурор Вологодского окружного суда (1899), прокурор Московской судебной палаты (1900), курский вице-губернатор (1903–1905), минский губернатор (1905–1906), член Совета министра внутренних дел (1906), временно управлял Киевской губернией (1906–1907), исполняющий обязанности вице-директора (1907) и директора (1907) Департамента полиции, шталмейстер (1907), начальник Главного тюремного управления (1907–1909), товарищ министра внутренних дел, переименован в чин генерал-майора и назначен командиром Отдельного корпуса жандармов (1909), генерал-лейтенант (1910). В 1911 г. уволен от службы, а в 1912 г. 1-й департамент Государственного совета на основании сенатского расследования вынес на высочайшее усмотрение решение о предании его и группы высших чинов Департамента полиции суду по обвинению «в превышении власти и бездействии», повлекших за собой смертельное ранение П. А. Столыпина. Освобожден от суда императором. После начала Первой мировой войны вновь поступил на службу в чине генерал-лейтенанта, с 1914 г. состоял при главном начальнике снабжения армий Северо-Западного фронта, назначен генерал-губернатором Восточной Пруссии. С сентября 1914 г. помощник главного начальника Двинского военного округа (ведал военной цензурой и контрразведкой), с ноября 1914 г. особоуполномоченный по гражданскому управлению Прибалтийским краем с правами генерал-губернатора. С августа 1915 г. в резерве чинов при штабе Двинского военного округа, с ноября 1915 г. в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа. С октября 1916 г. состоял при МВД, исполняющий обязанности товарища министра внутренних дел, заведующий делами Департамента полиции. Во время Февральской революции арестован, содержался в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, с августа 1917 г. — в хирургическом отделении Петроградской тюрьмы. В октябре 1917 г. переведен под домашний арест, в августе 1918 г. бежал за границу, в эмиграции в Германии.

Куроки Тамэмото (1844–1923), японский военный деятель, выходец из княжества Сатсума (современная префектура Кагосима). Активный участник реставрации Мэйджи и подавления Сатсумского восстания самураев, генерал-лейтенант (1893). Во время Японско-китайской войны командовал 6-й дивизией, участвовал в штурме Вэйхайвэя. За военные успехи получил титул барона, генерал-полковник (1903). В Русско-японскую войну главнокомандующий 1-й армией, граф (1907). В 1909 г. вышел в отставку. С 1917 г. член Тайного совета.

Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925), русский военный и государственный деятель. Окончил 1-й кадетский корпус (1864), по 1-му разряду 1-е военное Павловское училище, подпоручик, выпущен на службу в 1-й Туркестанский линейный батальон (1866). Участвовал и отличился в действиях против бухарцев, поручик (1868, за Самарканд), командир роты (1869), штабс-капитан (1870). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба с производством в капитаны, назначен на службу в штаб войск Туркестанского военного округа (1874), командирован на восемь месяцев за границу (Германия и Франция), после продления командировки участвовал в походе французских войск в Большой Сахаре (Алжир). В 1875 г. возвратился в Россию, в декабре того же года назначен исполняющим должность старшего адъютанта штаба ТуркВО. В 1876 г. участвовал в действиях против Кокандского ханства, в том же году участвовал в посольстве в Кашгарию, заключил договор с Якуб-беком, по дороге был ранен в схватке с каракиргизами. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове, отличился под Плевной, Ловчей, при переходе Балкан состоял начальником отряда генерал-лейтенанта М. Д. Скобелева, был тяжело ранен. Подполковник (1877), полковник, заведующий Азиатской частью Главного штаба, адъюнкт-профессор Николаевской академии Генерального штаба с оставлением в прочих должностях (1878), командующий Туркестанской стрелковой бригадой (1879). Участвовал в действиях против текинцев в 1880–1881 гг., за отличия произведен в генерал-майоры (1882). С 1882 г. в Главном штабе, входил в ряд комитетов и комиссий, руководил полевыми поездками офицеров Генерального штаба. Генерал-лейтенант, начальник Закаспийской области, командующий расположенными в ней войсками и начальник железной дороги (1890), в 1894–1895 гг. возглавил почетное посольство в Персию. Военный министр (1898–1904), в 1898 г. с особым поручением императора посетил Францию, генерал от инфантерии (1900), генерал-адъютант (1902), в 1903 г. с особым поручением посетил Японию, в феврале 1904 г. командующий Маньчжурской армией, в октябре 1904 г. главнокомандующий всеми вооруженным силами на Дальнем Востоке, в марте 1905 г. командующий 1-й Маньчжурской армией, в феврале 1906 г. уволен от последней должности с назначением членом Государственного совета. Командующий Гренадерским корпусом, 5-й армией (1915), Северным фронтом (1916), туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа (1916). В ходе Февральской революции 1917 г. арестован и препровожден в Петроград, в мае освобожден и проживал в своем бывшем имении в Псковской губернии, с 1921 г. преподаватель в средней школе.

Кусманек фон Бургнойштэдтен Герман (1860–1934), австро-венгерский военный деятель, генерал-полковник (1917). Окончил Терезианскую военную академию и Академию Генерального штаба (1884), в 1894 г. служил в Главном военном архиве, начальник Бюро военного министра (1903–1908). С октября 1908 г. командир 65-й пехотной бригады (1908–1910), командир 3-й пехотной дивизии (1910–1911), командир 28-й пехотной дивизии (1911–1914), комендант Перемышля (1914–1915). В плену в России в 1915–1918 гг., после подписания Брестского мира возвратился в Австрию, вышел в отставку, умер в Вене.

Лагиш Пьер-Адольф-Анри Викторньен де (1859–1940), маркиз. Окончил Высшую политехническую школу (1879), служил в артиллерии. В июле 1912 г. в чине полковника назначен на пост военного атташе республики в России, который занимал вплоть до сентября 1916 г. В сентябре 1912 г. произведен в бригадные генералы. С августа 1914 г. военный представитель Франции в русской Ставке. В феврале 1915 г. произведен в дивизионные генералы. Командир 161-й пехотной дивизии (март — декабрь 1917 г.). Рыцарь (1912), офицер (1913), командор (1917) ордена Почетного легиона. С декабря 1917 по апрель 1919 г. глава французской военной миссии при штабе британской армии. В запасе командующего 4-й армией (апрель — октябрь 1919 г.), командир 22-й пехотной дивизии (ноябрь 1919 г.), с ноября 1919 г. в резерве.

Ландау Григорий (Гавриэль) Адольфович (1877–1941), русский журналист и общественный деятель еврейского происхождения. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1902), печатался в русско-еврейских («Еврейская библиотека», «Восход», «Еврейский мир») и русских периодических изданиях. Один из основателей «Еврейской демократической группы» и «Союза для достижения равноправия еврейского народа», активный кадет, участник Московского государственного совещания. После Октября 1917 г. эмигрировал в Берлин, входил в редакцию кадетской газеты «Руль», в 1933 г. выслан нацистами из Германии, поселился в Риге, где продолжал журналистскую деятельность. После вхождения Латвии в состав СССР арестован органами НКВД и сослан в Пермскую область, где и умер.

Леман Жерар-Матье-Жозеф-Жорж (1851–1920), бельгийский военный деятель и математик, граф. Один из учеников генерала Бриальмона, с 1880 г. вел в Королевской военной школе курсы строительства, фортификации и осады, с 1893 г. инспектор математических наук, с 1899 г. директор учебного курса, начальник школы (1905–1914). Генерал-лейтенант (1912), член Высшего совета обороны (1913), командир 3-й пехотной дивизии и укрепленного района Льеж (1913–1914). В августе 1914 г. возглавил оборону крепости. После взрыва боеприпасов на последнем из продолжавших сопротивление фортов Льежа — Лонсине в бессознательном состоянии попал в плен. В декабре 1917 г. освобожден немцами по состоянию здоровья, принял освобождение по приказу короля Альберта. В 1918 г. сопровождал короля в торжественном въезде в Льеж. В 1919 г. возведен в дворянское достоинство, пожалован титул графа.

Лемке Михаил Константинович (1872–1923), историк русской журналистики, цензуры и революционного движения. В 1915–1916 гг. военный цензор в Ставке Верховного главнокомандующего.

Леонтьев Владимир Георгиевич (1866 — после 1917 г.). Окончил 1-е военное Павловское училище, выпущен подпоручиком в лейб-гвардии Литовский полк (1885). Окончил Петербургский археологический институт, поручик (1889). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан гвардии с переименованием в капитаны Генерального штаба (1891). Старший адъютант штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии (1891–1895), обер-офицер для особых поручений при штабе Гвардейского корпуса (1895–1898), подполковник (1898), штаб-офицер для особых поручений при штабе 1-го армейского корпуса (1898–1900), штаб-офицер для поручений при штабе войск гвардии и Петербургского военного округа (1900–1902), штаб-офицер для особых поручений при главнокомандующем войск гвардии и Петербургского военного округа (июнь — октябрь 1902 г.), начальник штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии (1902–1907), полковник (1902), командир 64-го пехотного Казанского полка (1907–1911), генерал-майор (1911), начальник штаба 14-го армейского корпуса (1911–1913), генерал-квартирмейстер штаба

Варшавского военного округа (1913–1914), генерал-квартирмейстер штаба Северо-Западного фронта (август — сентябрь 1914 г.), генерал для поручений при командующем 2-й армией (сентябрь 1914 г. — август 1915 г.), командующий (с августа 1915 г.) и начальник (с апреля 1916 г.) 77-й пехотной дивизии, генерал-лейтенант (1916). С сентября 1917 г. в резерве чинов при штабе Киевского военного округа.

Леонтьев Максим Николаевич (1871–1948). Окончил Пажеский корпус, выпущен подпоручиком в 3-ю гвардейскую и гренадерскую бригаду (1890), позже переведен в лейб-гвардии 1-ю артиллерийскую бригаду, поручик (1894), гвардии штабс-капитан с переименование в капитаны Генерального штаба (1895). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба (1896). Обер-офицер для особых поручений при штабе Кавказского военного округа (1897–1899), помощник старшего адъютанта штаба Кавказского военного округа (1899–1900), подполковник (1900), штаб-офицер для особых поручений при командующем войсками Сибирского военного округа (1900–1901), в 1901 г. находился с разведывательной и исследовательской миссией в Монголии. Помощник военного агента в Турции (1901), военный агент в Румынии (1901–1905), полковник (1905), военный агент в Болгарии (1905–1911). Командир 85-го пехотного Выборгского Его Императорского и Королевского Величества Императора Германского и Короля Прусского Вильгельма II полка (1911–1913), генерал-майор (1913), военный агент в Турции (1913–1914). С ноября 1914 г. исполняющий должность генерал-квартирмейстера Генерального штаба, с июля 1916 г. командующий 4-й особой пехотной бригадой, направленной на Салоникский фронт. Военный агент в Греции (1917), в начале 1918 г. выехал во Францию в качестве представителя Временного правительства. В 1920 г. назначен представителем генерала П. Н. Врангеля в Чехословакии, до 1923 г. проживал в Праге, затем переехал во Францию, а в 1936 г. — на Таити, где и скончался.

Лесневский Иосиф Викентьевич (1867–1921), русский и польский военный деятель. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг., полковник (1907), командир 82-го пехотного Дагестанского полка (1913–1914), генерал-майор (1914), командир бригады гренадерской дивизии (1914–1917), командир 8-й Сибирской стрелковой дивизии (апрель — сентябрь 1917 г.). В сентябре 1917 г. перешел на службу в 1-й Польский армейский корпус, командовал 3-й Польской стрелковой дивизией. С декабря 1918 г. командующий оперативной группой под Львовом, военный министр Польши, член Совета обороны (1919–1920), генерал-лейтенант Войска Польского.

Лечицкий Платон Алексеевич (1856–1923), из семьи священника, уроженец Гродненской губернии. Окончил Литовскую духовную семинарию (1877), Варшавское пехотное юнкерское училище, прапорщик (1880). Подпоручик (1881), поручик (1885), штабс-капитан (1887), капитан (1889), подполковник (1896). Участник Китайской кампании 1900–1901 гг., за отличие произведен в полковники (1901). Командир 1-го Восточно-Сибирского полка (1901–1902), в 1902 г. последовательно командовал 10-м Восточно-Сибирским, 7-м Кавказским, 24-м Восточно-Сибирским стрелковыми полками. Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг., за боевые отличия награжден золотым оружием (1904) и орденом Св. Георгия 4-й степени (1905). Флигель-адъютант (1904), генерал-майор с зачислением в Свиту Его Императорского Величества (1905), командир 1-й бригады 6-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии (1905–1906), 6-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии (март — июль 1906 г.), 1-й гвардейской пехотной дивизии (1906–1908), генерал-лейтенант (1908), командир 18-го армейского корпуса (1908–1910), командующий войсками Приамурского военного округа и войсковой наказной атаман Амурского и Уссурийского казачьих войск (1910–1914), генерал от инфантерии (1913). Участник Первой мировой войны, командующий 9-й армией

(1914), за успешные действия награжден Георгиевским оружием с бриллиантами (1914), орденом Св. Георгия 3-й степени (1914). После Февральской революции в распоряжении военного министра. С мая 1917 г. в отставке. С 1920 г. в РККА, инспектор пехоты и кавалерии Петроградского военного округа (1921). В 1921 г. арестован, содержался в Таганской тюрьме Москвы, где и умер.

Лиддел Гарт Безил (1895–1970), выдающийся британский военный историк и теоретик. Родился в семье священника-методиста, окончил школу Св. Павла в Лондоне и Кристи-колледж в Кембридже, участвовал и отличился в Первой мировой войне в боях во Фландрии, в 1914–1916 гг. — в пехоте, с 1916 г. — в составе Королевского танкового корпуса, после ранения занимался подготовкой новобранцев в Англии (1916–1918). В 1927 г. вышел в отставку по болезни в звании капитана. Военный корреспондент «Дейли телеграф» (1925–1935) и «Таймс» (1935–1939). В предвоенный период опубликовал ряд работ по римской, византийской и современной военной истории, активно выступал за развитие авиации и бронетанковых сил, входил в ближайшее окружение У. Черчилля. После окончания Второй мировой войны издал ряд работ по военной истории гитлеровской Германии, теории партизанской и антипартизанской войны и т. д. В 1966 г. возведен в рыцарское достоинство.

Лиман фон Сандерс Отто (1855–1929), германский военный деятель. В 1913 г. командир дивизии, генерал-лейтенант, произведен в генералы от кавалерии Вильгельмом II, так как по германо-турецкому договору все члены германской миссии в Турции повышались через звание. Таким образом, он стал единственным маршалом в турецкой армии. В августе 1914 г. возглавил 1-ю турецкую армию, во время Дарданелльской операции союзников в 1915 г. возглавил 5-ю армию и оборону турецкой столицы. Его действия на Галлиполи обеспечили срыв планов по овладению Константинополем, в феврале 1918 г. возглавил турецкие войска в Палестине, но в сентябре был разбит британской армией под командованием генерал Эдмунда Алленби под Мегиддо и пленен под Назаретом, некоторое время находился в плену на Мальте. После окончания войны в отставке.

Лимпус Артур Генри (1863–1931), британский военный моряк. На морской службе с 1878 г., участвовал и отличился в военных действиях в Восточном Судане в 1884–1885 гг., в Англо-бурской войне при деблокаде Лэдисмита в 1900 г., в подавлении «боксерского восстания» в 1900 г., контр-адмирал (1910), на службе во флоте метрополии (1910–1911), глава британской военно-морской миссии в Турции (1912–1914), вице-адмирал (1914), командир доков на Мальте (1914–1916), адмирал (1915), старший морской офицер на Мальте (1915–1916), глава снарядного комитета Адмиралтейства (917), вышел в отставку в 1919 г.

Лихновский Карл Макс фон (1860–1928), шестой князь и восьмой граф Лихновский. Германский посол в Великобритании (1912–1914).

Лицман Карл (1850–1936), прусский и германский военный и политический деятель, генерал от инфантерии (1915), депутат рейхстага от НСДАП (1933–1936). Окончил военную школу в Потсдаме, фанен-юнкер (1867), лейтенант (1868). Участвовал во Франко-прусской войне 1870–1871 гг. Окончил Военную академию, причислен к Генеральному штабу (1886). Полковник (1895), генерал-майор (1898), командир 39-й пехотной дивизии (1901–1902), директор Военной академии (1902–1905), в 1905 г. зачислен в резерв в звании генерал-лейтенанта, один из создателей правой молодежной организации «Союз молодой Германии». В 1914 г. возвращен в строй, инспектор этапов 3-й армии (август — октябрь

1914 г.), начальник 3-й гвардейской пехотной дивизии, во главе которой участвовал и отличился в Лодзинской операции, за прорыв из окружения получил в армии прозвище Лев Брезин, награжден орденом Pour le Mérite, произведен в генералы от инфантерии. С декабря 1914 г. командир 40-го резервного армейского корпуса, отличился в зимнем сражении на Мазурах, в июле 1915 г. руководил взятием крепости Ковно, награжден дубовыми листьями к ордену Pour le Mérite. В июле 1916 г. 40-й резервный корпус переброшен под Владимир-Волынский, где сумел остановить наступление войск 8-й русской армии и спасти от окончательного разгрома силы 4-й австро-венгерской армии. С 1917 г. на Западном фронте, с августа 1918 г. в резерве, с декабря 1918 г. в отставке. Активно занимался политикой, с 1929 г. член НСДАП, старейший депутат рейхстага в 1933 г. Во время немецко-фашистской оккупации Польши Лодзь была переименована в Лицманштадт, а Брезины — в Левенштадт.

Ллойд-Джордж Дэвид (1863–1945), граф Дуайфор (1945), британский государственный и политический деятель и дипломат. Член Палаты общин (1890–1945), министр торговли (1905–1908), министр финансов (1908–1915), военного снабжения (1915–1916), военный министр (1916), премьер-министр (1916–1922). Лидер либеральной партии (1926–1931), член Палаты лордов (1945).

Локкарт Роберт Гамильтон Брюс (1887–1970), британский дипломат, разведчик, журналист, писатель. С 1911 г. на службе в Форин-Офисе. Вице-консул и генеральный консул Великобритании в Москве (1912–1917), глава специальной британской миссии при советском правительстве (январь — сентябрь 1918 г.). В сентябре 1918 г. арестован, а в октябре выслан из Советской России за участие в «заговоре трех послов». Коммерческий секретарь британской миссии в Праге (1918–1922). С 1922 г. в отставке. С 1928 г. журналист газеты Evening Standard. В сентябре 1939 г. возвратился на службу в МИД, один из руководителей отдела политической разведки Форин-Офиса (1939–1940), английский представитель при временном чехословацком правительстве в Лондоне (1940–1941), директор Комитета по делам политической войны, ведавшего вопросами пропаганды и разведки (1941–1945). По окончании войны в отставке.

Ломновский Петр Николаевич (1871–1956). Окончил Тифлисский кадетский корпус (1889), 1-е военное Павловское училище (1891), гвардии подпоручик, поручик (1895). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан гвардии с переименованием в капитаны Генерального штаба (1898). Помощник старшего адъютанта штаба войск Закаспийской области (1899), помощник старшего адъютанта штаба 2-го Туркестанского армейского корпуса (1899–1901), подполковник (1901), старший адъютант штаба Приамурского военного округа (1901–1903), штаб-офицер при управлении 8-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады (1903–1904). Принял участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг., начальник штаба 8-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии (февраль — апрель 1904 г.), старший адъютант управления генерал-квартирмейстера Маньчжурской армии (апрель — декабрь 1904 г.), та же должность в 1-й Маньчжурской армии (1904–1905). Полковник (1905), штаб-офицер для делопроизводства и поручений управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем на Дальнем Востоке (1905–1906), начальник штаба 6-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии (1906–1908), командир 24-го Сибирского стрелкового полка (1908–1912), генерал-майор (1912), окружной генерал-квартирмейстер штаба Киевского военного округа (1912–1914), исполняющий должность начальника штаба 8-й армии (1914–1915), награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, начальник 15-й пехотной дивизии (1915–1917), генерал-лейтенант (1916), командир 8-го армейского корпуса (апрель — июль 1917 г.), командующий 10-й армией (июль 1917 г.), командующий армиями Юго-Западного фронта (июль — ав-

густ 1917 г.). С сентября 1917 г. в резерве чинов при штабе Киевского военного округа, представитель Добровольческой армии в Киеве (1918–1919). С 1919 г. в эмиграции в Болгарии, затем во Франции.

Лукомский Александр Сергеевич (1868–1939). Окончил Петровский Полтавский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище (1888), Николаевскую академию Генерального штаба (1897). Полковник (1907), с 1909 г. начальник мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба, генерал-майор (1910), помощник начальника канцелярии Военного министерства (1913–1916), генерал-лейтенант (1914). В апреле – декабре 1916 г. командовал 32-й пехотной дивизией, отличился в боях на Юго-Западном фронте во время наступления А. А. Брусилова. С декабря 1916 г. по апрель 1917 г. занимал пост генерал-квартирмейстера Ставки Верховного главнокомандующего, с июля по август того же года начальник штаба Ставки, 1 (14) сентября 1917 г. арестован за активное участие в выступлении генерала Л. Г. Корнилова, заключен в тюрьму г. Быхов. После Октябрьской революции бежал на Дон, где принял активное участие в Белом движении. Член Донского гражданского совета (1917–1918), начальник штаба Добровольческой армии (1917), 3-й заместитель председателя Особого совещания при командующем Добровольческой армией генерале А. И. Деникине, помощник командующего (1918), начальник Военного управления (1918–1919), председатель Особого совещания (1919), глава правительства при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России (1920). В марте 1920 г., после поражения на Кубани и Северном Кавказе, эмигрировал в Турцию, а затем во Францию. Представитель генерала П. Н. Врангеля в союзных странах Антанты (март – ноябрь 1920 г.), помощник великого князя Николая Николаевича (младшего) (1920-е гг.), начальник всех воинских организаций, связанных с Русским общевоинским союзом (РОВС) в Америке и на Дальнем Востоке (1926–1928), с 1928 г. в распоряжении председателя РОВС. Умер в Париже.

Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925), русский общественный и политический деятель, князь. Окончил юридический факультет Московского университета (1885), работал в судебных и земских органах Тульской губернии, председатель Тульской губернской земской управы, участник земских съездов. Депутат I Государственной думы, кадет, возглавил врачебно-продовольственный комитет. Занимался оказанием помощи переселенцам в Сибирь и на Дальний Восток. Для изучения переселенческого дела в 1909 г. посетил Соединенные Штаты и Канаду. С 1912 г. член Московского комитета партии «прогрессистов». В 1914 г. возглавил «Всероссийский земский союз помощи больным и раненым военным», через год этот союз объединился со Всероссийским союзом городов в единую организацию Земгор, глава объединенного комитета Земского союза и Союза городов (1915–1917). После Февральской революции, с 10 (23) марта 1917 г. министр-председатель и министр внутренних дел первого Временного правительства. 7 (20) июля 1917 г. вышел в отставку, после Октябрьской революции поселился в Тюмени, зимой 1918 г. арестован, переведен в Екатеринбург, через три месяца выпущен до суда под подписку о невыезде, покинул Екатеринбург, пробрался в Омск, занятый восставшим Чехословацким корпусом. По поручению Временного Сибирского правительства выехал в США для встречи с президентом В. Вильсоном и другими государственными деятелями. В октябре 1918 г. приехал в Америку. В конце 1918 г. возвратился во Францию, где в 1918–1920 гг. стоял во главе Русского политического совещания в Париже.

Любавский Матвей Кузьмич (1860–1936), русский и советский историк. Родился в семье сельского диакона, окончил Сапожковское духовное училище, Рязанскую духовную семинарию, историко-филологический факультет Московского университета (1882). Магистр русской истории (1894), доктор русской истории (1900), приват-доцент (1894),

экстраординарный профессор (1901), ординарный профессор (1902). Непрерывно преподавал в Московском университете до 1930 г., читал лекции на Высших женских курсах профессора Герье. Декан историко-филологического факультета Московского университета (1908–1911), ректор университета (1911–1917). По политическим воззрениям примыкал к октябристам, выступал против политизации учебного процесса, за сохранение университетской автономии. Председатель «Общества истории и древностей российских» при Московском университете (1913). Заслуженный ординарный профессор (1919), сверхштатный профессор факультета общественных наук (1922), сверхштатный профессор этнологического факультета МГУ (1925). В 1918 г. руководитель Московского отделения Главархива, до 1920 г. член коллегии, заместитель председателя Главархива. В 1920 г. был экспертом-консультантом по архивным вопросам Наркомата иностранных дел, участвовал в Рижской конференции по заключению мирного договора между РСФСР и Польшей. Директор Московского отделения юридической секции Единого государственного архивного фонда (1920–1929). В 1930 г. арестован по так называемому «академическому делу», год находился в предварительном заключении, затем выслан на пять лет в Уфу и лишен звания академика, реабилитирован в 1969 г.

Людендорф Эрих (1865–1937), германский военный и политический деятель. С 18 лет на военной службе, с 1894 г. в Большом Генеральном штабе, начальник мобилизационного отдела Генерального штаба (1908–1913), полковник, командир полка (1913–1914). В начале Первой мировой войны генерал-квартирмейстер 2-й армии, отличился при взятии бельгийской крепости Льеж, с 22 августа 1914 г. начальник штаба 8-й армии, начальник штаба германского Восточного фронта, генерал-квартирмейстер Генерального штаба (1916), главнокомандующий Западным фронтом, генерал-полковник (1918). С 26 октября 1918 г. в отставке, эмигрировал в Швецию. В 1920 г. вернулся, примкнул к нацистам, участвовал в «пивном путче» в Мюнхене в 1923 г., в 1924 г. выдвигался как кандидат от НСДАП (Национал-социалистическая германская рабочая партия во главе с А. Гитлером) на выборах в рейхстаг, где представлял эту партию до 1928 г., в 1925 г. в качестве кандидата от нацистов проиграл на выборах президента Веймарской Республики. В 1928 г. вышел из НСДАП, отошел от политической деятельности, в 1935 г. отказался принять звание фельдмаршала из рук А. Гитлера.

Ляхов Владимир Платонович (1869–1919). Окончил 1-й Московский кадетский корпус, 3-е Александровское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Из училища выпущен в лейб-гвардии Измайловский полк. С 1898 г. занимал ряд должностей по Генеральному штабу в Кавказском военном округе. С 1904 г. полковник и начальник штаба 21-й пехотной дивизии. В 1909 г., после событий в Тегеране, переведен в Россию и назначен командиром 50-го пехотного Белостокского полка. В 1912 г. генерал-майор и начальник войскового штаба Кубанского казачьего войска. Во время Первой мировой войны на Кавказском фронте. С декабря 1914 г. комендант Михайловской крепости (ныне Батум) и начальник Приморского отряда Кавказской армии, участвовал и отличился в Трапезундской операции (апрель 1916 г.), начальник 39-й пехотной дивизии (с мая 1916 г.), отличился при взятии Эрзинджана (июль 1916 г.), произведен в генерал-лейтенанты (1916). Активный участник Белого движения на юге России, в январе — марте 1919 г. главноначальствующий и командующий войсками Терско-Дагестанского края, вынужден был оставить должность в связи с выявившимися преступлениями начальника его конвоя, в июле 1919 г. убит в своем доме в окрестностях Батума.

Макензен Антон Людвиг Август фон (1849–1945). Родился в семье управляющего поместьем, в 1869 г. вступил вольноопределяющимся во 2-й лейб-гвардии гусарский

полк, принял участие и отличился во Франко-прусской войне 1870–1871 гг., лейтенант резерва (1870). После учебы в университете Хале в 1873 г. вновь вернулся на военную службу, обер-лейтенант 2-го лейб-гвардии гусарского полка. Адъютант командира 1-й кавалерийской бригады (Кёнигсберг) генерала Ю. фон Верди дю Вернуа. В 1880 г. окончил Военную академию, причислен к Генеральному штабу. Капитан (1882), майор (1891), адъютант начальника Большого Генерального штаба генерала А. фон Шлиффена (1891–1893). Подполковник (1894), полковник (1897), командир 1-го лейб-гвардии гусарского полка (1894–1898), флигель-адъютант (1898–1901). В 1899 г. возведен в дворянское достоинство, с изменением фамилии на фон Макензен. Генерал-майор (1900), командир лейб-гвардии Гусарской бригады (1901–1903), генерал-лейтенант (1903), командир 36-й дивизии (1903–1908), генерал от кавалерии (1908), командир 17-го армейского корпуса (1908–1914). В ходе наступления на Варшаву осенью 1914 г. командовал Ударной армейской группой, с ноября 1914 г. по апрель 1915 г. командующий 9-й армией. Генерал-полковник (1914), генерал-фельдмаршал (1915), командующий 11-й армией (апрель — сентябрь 1915 г.). С октября 1915 г. возглавил германо-австро-болгарскую группу армий «Макензен», действовавшую против Сербии, в 1916 г. командовал германо-австро-болгаро-турецкой группировкой в походе против Румынии. С января 1917 г. командовал оккупационными частями в Румынии. В начале 1919 г., согласно условиям перемирия, покинул Румынию, но был интернирован вместе со своим штабом в Венгрии и передан французскому военному командованию, в 1919 г. находился в плену в Салониках. В 1920 г. вернулся в Германию, вышел в отставку, с 1921 г. активно покровительствовал ветеранским и военным организациям («Юнгштурм», «Стальной шлем», «Общество Шлиффена»). Будучи убежденным монархистом, воздерживался от активного участия в политике, но на президентских выборах 1932 г. поддержал П. фон Гинденбурга против А. Гитлера. После прихода к власти нацистов поначалу сотрудничал с ними, но в 1934 г. подверг критике расправы над военными в ходе «Ночи длинных ножей», а в 1939 г. — нарушения обычаев войны в кампании в Польше. В 1941 г. присутствовал на похоронах Вильгельма II.

Маклаков Николай Алексеевич (1871–1918), русский государственный деятель, гофмейстер (1913). Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1893). С февраля 1894 г. чиновник для особых поручений при Московской казенной палате, затем податный инспектор в Суздале, с 1898 г. — во Владимире, с 1900 г. начальник отделения Тамбовской казенной палаты, с 1902 г. директор Тамбовского губернского попечительного о тюрьмах комитета, с марта 1906 г. управляющий Полтавской казенной палатой, один из организаторов торжеств в честь 200-летия Полтавской битвы 1709 г., отмечен П. А. Столыпиным и назначен исполняющим делами черниговского губернатора, в конце года утвержден в этой должности, проявил выдающиеся административные способности. С декабря 1913 г. управляющий МВД, с 21 февраля 1912 г. министр, с января 1915 г. одновременно член Государственного совета, входил в группу правых. 5 июля 1915 г. уволен от должности министра с оставлением членом Государственного совета, с февраля 1916 г. член его финансовой комиссии. После Февральской революции арестован, 23 августа 1918 г. расстрелян в Петрограде по постановлению ВЧК.

Маллет Луи дю Пан (1864–1936), британский дипломат, тайный советник Британской империи, глава Восточного департамента Министерства иностранных дел (1907–1913), посол в Турции (1913–1914).

Манасевич-Мануйлов Иван Федорович (1869–1918), журналист, выходец из еврейской мещанской семьи, высланной в Сибирь вместе с ее главой Манасевичем, обвиненным в уголовном преступлении. Был усыновлен купцом Мануйловым, принял лютеранство, окончил реальное училище в Петербурге. С 1888 г. агент столичного охранного

отделения, служил в Главном дворцовом управлении (1889–1890). Сверхштатный чиновник 10-го класса Императорского человеколюбивого общества (1890). С 1897 г. состоял на службе в Министерстве иностранных дел, занимался журналистикой и драматургией, с 1899 г. представитель Департамента полиции в Риме, исполнял обязанности агента по римско-католическим делам. В 1902–1903 гг. служил в Париже, чиновник для особых поручений 8-го класса при Министерстве внутренних дел, коллежский асессор (1903). В 1904–1905 гг. занимался пропагандистской и контрразведывательной деятельностью против Японии в Европе. В 1905 г. находился в распоряжении председателя Совета министров графа С. Ю. Витте, в 1906 г. уволен в отставку. Занялся журналистикой, сотрудник газет «Новое время» и «Вечернее время», входил в ближайшее окружение Г. Распутина. В январе 1916 г. причислен к МВД, направлен в распоряжение председателя Совета министров Б. В. Штюрмера. Неоднократно участвовал в разного рода аферах, в августе 1916 г. арестован по обвинению в шантаже и мошенничестве, в феврале 1917 г. освобожден. В 1918 г. задержан при попытке бегства в Финляндию и расстрелян по приговору ВЧК.

Маннергейм Карл Густав Эмиль Карлович (1867–1951), русский военный из семьи финляндских дворян шведского происхождения, финский военный деятель и политик, барон. Окончил Гельсингфорский лицей (1887), Николаевское кавалерийское училище, гвардии корнет (1889), гвардии поручик (1893), гвардии штабс-ротмистр (1899), ротмистр (1901). Состоял для особых поручений при управляющем Придворно-конюшенной частью (1897–1903), с 1903 г. командир эскадрона Офицерской кавалерийской школы. Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг., на театр военных действий отправился добровольно, подполковник (1904), полковник (1905). В 1907–1908 гг. командирован с разведывательными целями в Монголию, а затем в Пекин. Командир 13-го уланского Владимирского полка (1909–1911), командир лейб-гвардии Уланского Его Величества полка (1911–1913), генерал-майор (1911). В 1912 г. зачислен в Свиту Его Императорского Величества. Начальник Отдельной гвардейской кавалерийской бригады (1913–1915). За бои в конце 1914 г. награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (1915), Георгиевским оружием (1915). Командующий 12-й кавалерийской дивизией (1915), генерал-лейтенант (1917), командир 6-го кавалерийского корпуса (май – сентябрь 1917 г.). После прихода к власти большевиков уехал в Финляндию, где был назначен главнокомандующим финской армией. Совместно с германскими войсками подавил революцию 1918 г. в Финляндии, очистил страну от советских войск и активных просоветски настроенных элементов. Регент Финской республики (1918–1919), с 1931 г. председатель Совета государственной обороны. Во время Советско-финляндской и Второй мировой войн главнокомандующий финской армией (1939–1944), президент Финляндии (1944–1946). Последние годы жил в Швейцарии. Скончался в Лозанне, похоронен в Хельсинки.

Манштейн-Левински Эрих фон (1887–1973), один из наиболее талантливых немецких военных периода Второй мировой войны, военный преступник. Родился в семье генерала фон Левински, после смерти отца усыновлен семьей генерала фон Манштейна, женатого на его тетке. Окончил кадетский корпус (1902) и военное училище, прапорщик в 3-м гвардейском пехотном полку (1906), лейтенант (1907), окончил Военную академию, обер-лейтенант (1914). В Первой мировой войне участвовал в боях на Западном и Восточном фронтах во 2-м гвардейском резервном полку, адъютант батальона. В ноябре 1914 г. был тяжело ранен в боях в Польше, капитан (1915), адъютант при штабе 12-й армии, затем офицер при штабе 2-й и 1-й армий (1916), начальник оперативного управления 4-й кавалерийской дивизии (1916–1918), начальник оперативного управления 213-й пехотной дивизии (1918). В 1939 г. генерал-лейтенант, вместе с Г. Блюментритом и Г. Рундштедтом подготовил план нападения на Польшу («Вайсс»), в ходе Польской кампании начальник

штаба группы армий «Юг», в начале кампании против Франции в 1940 г. начальник штаба группы армий «А», автор идеи наступления через Арденны, командир 38-го корпуса, генерал от инфантерии, награжден Рыцарским крестом Железного Креста (1940). В 1941 г. командир 56-го механизированного корпуса в составе группы армий «Север», командующий 11-й армией, действовавшей в Крыму, разбил советские войска в районе Керчи, за взятие Севастополя произведен в генерал-фельдмаршалы (1942). Командовал 11-й армией под Ленинградом, группой армий «Дон» (1942), неудачно пытался деблокировать 6-ю арию Ф. Паулюса в Сталинграде. Командующий группой армий «Юг» (1943–1944), за контрудар под Харьковом награжден дубовыми листьями к Рыцарскому кресту (1943). После поражений на Курской дуге, при попытке удержать оборону по Днепру на Корсунь-Шевченковском выступе, награжден мечами к Рыцарскому кресту и отправлен в резерв. В 1945 г. арестован англичанами, в 1946–1948 гг. содержался в лагере для военнопленных офицеров высшего ранга, в 1948 г. вернулся в Германию, в 1950 г. приговорен британским трибуналом к 18 годам тюрьмы за «недостаточное внимание к защите жизни гражданского населения» и применение тактики выжженной земли. Освобожден в 1953 г. по состоянию здоровья. Работал военным советником правительства ФРГ, умер в Баварии.

Мария-София-Фредерика-Дагмара (1847–1928), принцесса Датская, дочь короля Дании Христиана IX. С 1866 г. замужем за великим князем цесаревичем Александром Александровичем. В крещении Мария Федоровна, императрица (1881–1894), вдовствующая императрица (1894–1928). После Февральской революции 1917 г. проживала в Крыму, откуда осенью 1918 г. была вывезена на английском корабле в Данию. Скончалась в замке Видёре.

Марков Анатолий Львович (1893–1961), общественный деятель, писатель. Родился в семье дворян Курской губернии. Племянник лидера «Союза русского народа» Н. Е. Маркова. Учился в Воронежском кадетском корпусе и Николаевском кавалерийском училище. Участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. Ротмистр 1-го офицерского (Алексеевского) конного полка. В эмиграции жил в Югославии, затем в Египте, где служил в английской полиции. Вместе с отцом и братом вступил во Всероссийскую фашистскую партию В. Родзаевского, с 1937 г. именовавшуюся Российским фашистским союзом (РФС). Возглавлял Египетский очаг РФС с центром в г. Александрия. После Второй мировой войны поселился в США. Много печатался в эмигрантской патриотической прессе по вопросам русской истории. Скончался в Сан-Франциско.

Мартинович Митар (1870–1954), черногорский военный и политический деятель. Военное образование получил в Италии. В армии Черногории с 1890 г., генерал (1902). Основатель артиллерийской военной школы в Черногории (1896) и военной печати (1907). Военный министр (1907–1910), генерал-адъютант короля Черногории Николы Петровича (1911–1912). Во время Балканских войн премьер-министр и одновременно министр иностранных дел и военный министр (1912–1913). В 1912 г. командовал Приморским отрядом и возглавлял осаду Скадра (Шкодры). Во время Первой мировой войны командовал различными отрядами (1914–1915), с 1 апреля по 15 декабря 1915 г. возглавлял военную миссию Черногории при Ставке русской армии, потом вернулся в Черногорию и снова командовал военными отрядами (1915–1916). Сыграл заметную роль при объединении Черногории с Сербией в 1918 г. С 1918 г. в армии Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, вышел в отставку в 1921 г.

Мартос Николай Николаевич (1858–1933). Окончил Петровско-Полтавскую военную гимназию (1875) и 1-е военное Павловское училище, подпоручик (1877), в 1878 г. пере-

веден прапорщиком в лейб-гвардии Волынский полк. Участвовал Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., отличился в боях у Горного Дубняка и под Плевной. Подпоручик, награжден орденами Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом и Св. Анны 4-й степени (1878). Окончил по 2-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, поручик гвардии с переименованием в штабс-капитаны Генерального штаба (1883). Старший адъютант штаба 39-й пехотной дивизии (1883–1884), старший адъютант штаба 2-й Кавказской казачьей дивизии (1884), старший адъютант штаба Кавказской гренадерской дивизии (1884–1885), капитан (1885), старший адъютант штаба 18-й пехотной дивизии (1887), старший адъютант штаба 38-й пехотной дивизии (1887–1890), подполковник (1890), штаб-офицер при управлении начальника 11-й местной бригады (1890–1894), цензовое командование батальоном отбывал в 134-м пехотном Феодосийском полку (1893), полковник (1894), старший адъютант штаба Одесского военного округа (1894–1897), начальник штаба 14-й кавалерийской дивизии (1897–1898), начальник штаба 13-й пехотной дивизии (1898–1900). Участвовал в походе в Китай, начальник штаба десантного корпуса (1900). Генерал для особых поручений при командующем войсками Одесского военного округа (1901–1902), помощник начальника штаба Одесского военного округа (1902), окружной генерал-квартирмейстер штаба Одесского военного округа (1902–1904), генерал-майор (1902). Принял участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг., начальник штаба 8-го армейского корпуса (февраль — август 1905 г.). За участие в боях под Мукденом награжден орденом Св. Станислава 1-й степени с мечами (1905) и золотым оружием (1907). Начальник 15-й пехотной дивизии (1905–1907), генерал-лейтенант (1907), помощник приамурского генерал-губернатора, командующего войсками Приамурского военного округа и наказного атамана Амурского и Уссурийского казачьих войск (1907–1910), помощник командующего войсками Виленского военного округа (1910–1911), командир 15-го армейского корпуса (1911–1914), генерал от инфантерии (1913). В ходе Восточно-Прусской операции попал в окружение, был взят в плен. В начале 1918 г. отправлен в Россию и помещен в госпиталь в Мценске, затем — в Москве. Как уроженец Украины получил разрешение уехать в Киев. При гетмане П. П. Скоропадском был арестован, но вскоре освобожден, после чего выехал в Севастополь. Участник Белого движения на юге России, в 1919 г. после поражения армии А. И. Деникина эвакуировался из Новороссийска в Салоники, затем — в Югославию. Служил чиновником военного ведомства в Загребе, где и умер.

Маршан Жан-Баптист (1863–1934), французский военный, в 1883 г. добровольно вступил в армию рядовым, лейтенант (1887), отличился в действиях в африканских колониях, в 1896 г. майор, возглавил экспедицию к Белому Нилу, закончившуюся Фашодским кризисом. Участвовал в подавлении «боксерского восстания» в Китае, в Первую мировую войну дивизионный генерал.

Масарик Томаш Гарриг (1850–1937), чешский социолог и философ, общественный и государственный деятель. Профессор Пражского университета (1882), депутат рейхсрата (1891–1893, 1907–1914). Годы Первой мировой войны провел в Швейцарии, Италии, Великобритании, Франции, России, США, где активно агитировал общественное мнение Антанты за независимость Чехословакии и признание «чехословаков» особой нацией. После падения Австро-Венгерской империи был заочно избран (будучи в США) в 1918 г. первым президентом Чехословацкой Республики, президент республики (1918–1935).

Мельгунов Сергей Петрович (1879–1956), русский историк, журналист и политический деятель. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1904), поступил на его юридический факультет, затем в Лазаревский институт восточных

языков, но курса не закончил. Будучи студентом, занимался подготовкой популярных брошюр по истории в кружке, который составил Историческую комиссию при Учебном отделе Общества по распространению технических знаний в России, входил в Педагогическое общество при Московском университете. Участник студенческих волнений в январе 1901 г. В 1904 г. причастен к деятельности пропагандистской социал-демократической группы, в 1906 г. примкнул к кадетам, с 1907 г. член Народно-социалистической партии (НСП). С 1900 г. сотрудничал в газете «Русские ведомости», в журналах «Русское богатство», «Вестник Европы», «Русская мысль», «Вестник воспитания» и других. Работал преподавателем русской истории в средних учебных заведениях Москвы. Во время революции 1905–1907 гг. организовал с педагогом П. М. Шестаковым издательство «Свободная Россия». В 1911 г. один из основателей кооперативного издательства «Задруга». В 1913–1923 гг. редактор-издатель совместного с В. И. Семевским, П. Н. Сакулиным и А. К. Дживелеговым исторического журнала «Голос минувшего». Автор ряда научных работ по истории Русской церкви, русского общественного и революционного движения. С началом Первой мировой войны занял позицию «оборончества», но критически относился к всплеску шовинистических настроений. Активно поддержал Февральскую революцию, выступал за отделение церкви от государства и предоставление равных прав представителям различных конфессий. Отрицательно относился как к правой контрреволюции, так и к большевикам. После Октябрьской революции главной задачей считал борьбу с советской властью, ради чего признавал возможным блокирование с монархистами. В 1918–1922 гг. неоднократно арестовывался органами ВЧК, в 1920 г. приговорен к смертной казни, замененной 10 годами заключения, освобожден под давлением научной общественности, в 1922 г. выслан из Советской России. Проживал во Франции, где активно занимался антибольшевистской пропагандой и научной работой. В годы фашистской оккупации выступил категорически против любого сотрудничества с гитлеровцами. В 1949–1954 гг. редактор журнала «Возрождение».

Меньчуков Евгений Александрович (1879–1938), русский и советский военный деятель. Окончил Александровский кадетский корпус (1896) и Павловское военное училище (1898). В службу вступил 31 августа 1896 г., подпоручик гвардии (1898), поручик гвардии (1902). Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан гвардии с переименованием в капитаны Генерального штаба (1905). Проходил цензовое командование ротой в 1-м Финляндском стрелковом полку (1906–1907), обер-офицер для особых поручений при штабе 3-го Сибирского армейского корпуса (1907–1909), обер-офицер для поручений при штабе Виленского военного округа (1909–1912), подполковник (1911), штаб-офицер для поручений при командующем войсками Виленского военного округа (1912), штаб-офицер для поручений при командующем 1-й армией генерале П. К. Ренненкампфе, полковник (1914), начальник штаба 26-й пехотной дивизии (январь – февраль 1915 г.), исполняющий должность начальника штаба 27-й пехотной дивизии (1915–1916), награжден Георгиевским оружием (1915), командир 27-го пехотного Витебского полка (1916–1917), генерал-майор, начальник штаба 46-го армейского корпуса (1917). С 1920 г. в РККА, состоял для поручений при начштаба ССР Грузии, начальник оперативно-мобилизационного отдела того же штаба, начучебчасти ВУЗ Грузии, заведующий повторных курсов свободной грузинской школы (1921). В 1930 г. состоял заведующим пулеметного дела в школе «Выстрел», бригинтендант (1936). Научный сотрудник военно-исторического отдела Генштаба РККА. В 1938 г. арестован и расстрелян, реабилитирован в 1956 г.

Мессими Адольф (1869–1935), французский политический и военный деятель. В 1887 г. поступил в Сен-Сир, по окончании начал службу в пехоте в качестве лейтенанта,

в 1894–1896 гг. учился в Военной школе (аналоге Академии Генерального штаба), служил в штабе Лионского округа, в 1899 г. подал в отставку. С 1902 г. член Палаты представителей, переизбирался в 1906 и 1910 гг. Активно поддерживал увеличение военного и военно-морского бюджетов. Министр по делам колоний (1911), в качестве военного министра (1911–1912) старался провести реформы для усиления французской армии. С 13 июня по 26 августа 1914 г. вновь возглавил Военное министерство, в августе 1914 г. командир батальона резерва, в ходе Первой мировой войны последовательно командовал полком и дивизией, окончание войны встретил в звании бригадного генерала. Сенатор (1923–1935), член комиссии по делам армии и по внешней политике, президент комиссии Сената по делам колоний (1926–1931).

Милеант Гавриил Георгиевич (1864–1936), русский военный деятель. Окончил Одесское реальное училище (1881), 1-е военное Павловское и Николаевское инженерное училища, подпоручик (1884), поручик (1886), штабс-капитан (1888), капитан (1891). В 1894 г. окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба. Состоял при Одесском военном округе, старший адъютант штаба 14-й пехотной дивизии (1895–1896), штаб-офицер для поручений при штабе Одесского военного округа (1896–1900), подполковник (1896), полковник (1900), заведующий передвижениями войск по железнодорожным и водным путям Одесского района (190–1901), начальник строевого отдела штаба Либавской крепости (март — август 1901 г.), заведующий передвижением войск по железнодорожным и водным путям Московско-Брестского района (1901–1904), командир 53-го пехотного Волынского полка (1904–1905). Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Начальник временного управления по организации обратной перевозки войск с Дальнего Востока в Европейскую Россию (1905–1907), за успешную организацию перевозок награжден золотым оружием (1906), по окончании прикомандирован к ГУГШ. Генерал-майор (1906), начальник военных сообщений Петербургского военного округа (1907–1913), начальник штаба Виленского военного округа (1913–1914), генерал-лейтенант (1913). С началом Первой мировой войны назначен начальником штаба 1-й армии, по окончании Восточно-Прусской операции отстранен по настоянию командующего армией генерала П. К. Ренненкампфа, с сентября 1914 г. начальник 4-й пехотной дивизии, с сентября 1915 г. начальник Главного военно-технического управления. После Февральской революции 1917 г. отстранен от должности и зачислен в резерв чинов Петроградского, а затем Киевского военного округа. Командир 5-го армейского корпуса (апрель — декабрь 1917 г.). Уволен в отпуск как невыбранный на должность командира корпуса, уехал на юг России, состоял в рядах Вооруженных сил Юга России. С 1920 г. в эмиграции, умер в Герцоговине в Югославии.

Миллер Евгений-Людвиг Карлович (1867–1939), русский военный деятель немецкого происхождения, из дворян Санкт-Петербургской губернии. Окончил Николаевский кадетский корпус (1884), Николаевское кавалерийское училище, гвардии корнет (1886), поручик (1890), штабс-ротмистр (1891). В 1892 г. окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, капитан Генерального штаба. Состоял при Финляндском военном округе (1892–1893), начальник строевого отдела Карской крепости (февраль — март 1893 г.), в запасе Генерального штаба (1893–1896), состоял в распоряжении начальника Главного штаба (1896–1897), подполковник (1896), состоял при Главном штабе (1897–1898). Военный агент в Нидерландах и Бельгии (1898–1901), полковник (1901), военный агент в Италии (1901–1907). Командир 7-го гусарского Белорусского полка (1907–1909), обер-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба (1909–1910), генерал-майор (1909), начальник Николаевского кавалерийского училища (1910–1912), начальник штаба Московского военного округа (1912–1914), начальник штаба 5-й армии (1914–1916), генерал-лейтенант (1914). В январе 1915 г. начальник штаба

12-й армии, командир 26-го армейского корпуса (1916–1917), в апреле 1917 г. арестован солдатами за отданный по корпусу приказ снять красные банты. В августе 1917 г. назначен представителем Ставки Верховного главнокомандующего при итальянской главной квартире, выехать до Октябрьской революции не успел, заочно приговорен к смертной казни, жил в посольстве Италии. В 1918 г. вместе с дипломатическим корпусом выехал на север. Генерал-губернатор Северной области (январь 1919 г.), главнокомандующий войсками Северной области (май 1919 г.), главный начальник области (сентябрь 1919 г.), генерал от кавалерии (1919). В 1920 г. эмигрировал в Норвегию, оттуда во Францию. С 1920 г. главноуполномоченный по военным и морским делам генерала П. Н. Врангеля в Париже, с 1922 г. начальник штаба П. Н. Врангеля, с 1923 г. состоял в распоряжении великого князя Николая Николаевича (младшего), принял активное участие в организации и деятельности Русского общевоинского союза, с 1925 г. старший помощник председателя РОВС. В 1930 г., после похищения советской разведкой генерала А. И. Кутепова, возглавил РОВС, в 1937 г. был похищен из Парижа, доставлен в Гавр, вывезен на пароходе «Мария Ульянова» в Ленинград, расстрелян в Москве.

Милн Арчибальд Беркли (1855–1938), британский адмирал, второй баронет Милн, сын адмирала Александра Милна, первого баронета Милна (1816–1896). В 1879 г. в чине лейтенанта участвовал в Англо-зулусской войне. Своей последующей карьере во флоте обязан связям отца и близостью к королевской семье. С 1895 г. на службе на королевских яхтах. Контр-адмирал (1904), командующий королевскими яхтами (1903–1905), второй флагман эскадры Атлантического океана (1905–1906), командующий 2-м дивизионом Хоум-Флита (1908–1910), адмирал (1911), командующий Средиземноморской эскадрой (1912–1914). После прорыва «Гебена» и «Бреслау» был подвергнут жесточайшей критике прессы, снят с поста, но оставлен на службе с половинным жалованьем. В 1919 г. вышел в отставку.

Милюков Павел Николаевич (1859–1943), русский историк, политический и государственный деятель, лидер кадетов (конституционно-демократической партии). Окончил 1-ю Московскую гимназию, во время войны 1877–1878 гг. отправился добровольцем в санитарный отряд Действующего корпуса Кавказской армии. В 1877 г. поступил на историко-филологический факультет Императорского московского университета, в 1881 г. был исключен за участие в студенческом движении, но в 1882 г. восстановлен и окончил факультет. Ученик В. О. Ключевского и П. Н. Виноградова, оставлен на кафедре русской истории, где в 1892 г. защитил магистерскую диссертацию по теме «Государственное хозяйство России первой четверти XVIII века и реформы Петра Великого». Докторскую диссертацию не защищал. В 1886–1895 гг. приват-доцент Московского университета, одновременно преподавал в гимназии и на Высших женских курсах. В 1895 г. уволен из университета из-за политической неблагонадежности и выслан в Рязань, в 1897 г. приглашен в Софийское высшее училище для чтения лекций по истории, но уже в 1898 г. по требованию русского правительства его отстранили от преподавания. В 1899 г. вернулся в Россию, в 1901 г. за оппозиционную детальность арестован и приговорен к шестимесячному заключению без права проживания в столицах (после заступничества В. О. Ключевского срок заключения вдвое сокращен императором). Публиковал статьи в оппозиционном эмигрантском издании «Освобождение», стал одним из признанных идеологов российского либерализма. В 1903–1905 гг. предпринял длительную поездку по Балканам, Европе и Северной Америке, читал лекции в Чикагском, Гарвардском и Бостонском университетах. После начала революции 1905 г. вернулся в Россию, в мае 1905 г. избран председателем Союза союзов, оппозиционного объединения профессиональных организаций. В октябре 1905 г. стал одним из основателей конституционно-демократической партии, ее признанным лидером и редактором газеты «Речь». После роспуска в

1906 г. I Государственной думы один из инициаторов и авторов «Выборгского воззвания» с призывом к гражданскому неповиновению. Не будучи депутатом Думы, не подписал воззвание и в результате избежал ареста и запрета на избрание в последующем в Думу. С марта 1907 г. председатель Центрального комитета партии кадетов. В 1907–1917 гг. депутат III и IV Государственных дум, руководил работой фракции кадетов, один из лидеров думской оппозиции. С началом Первой мировой войны выступил за «войну до победного конца», декларировал необходимость соглашения с правительством на патриотической основе, на практике продолжал оппозиционную деятельность, особенно активно — после поражений 1915 г. Один из инициаторов создания и лидеров «Прогрессивного блока» в Думе, в ноябре 1916 г. в своей речи, которая была названа его сторонниками «штормовым сигналом», бездоказательно обвинил ряд министров и императрицу в предательстве. С началом Февральской революции 1917 г. вошел во Временный комитет Государственной думы, после отречения Николая II — министр иностранных дел Временного правительства (март — май 1917 г.). Выступал за выполнение Россией своих обязательств перед союзниками по Антанте и, следовательно, за продолжение войны до победного конца. Его нота с изложением этой позиции, отправленная союзникам 18 апреля, вызвала демонстрации протеста, организованные большевиками и их союзниками, в результате чего он вынужден был выйти из состава правительства. В качестве лидера кадетов последовательно выступал с антибольшевистских позиций, поддержал выступление генерала Л. Г. Корнилова, после поражения которого переехал в Крым. Избран в Учредительное собрание, в работе которого участия не принял. Отправившись на Дон, примкнул к военной организации генерала М. В. Алексеева, в январе 1918 г. входил в состав «Донского гражданского совета», созданного при Добровольческой армии. Вскоре после этого переехал в Киев, где в мае 1918 г. начал переговоры с германским командованием, рассматривая немцев в качестве потенциального союзника против большевиков. Поскольку переговоры не были поддержаны большинством кадетов, сложил с себя обязанности председателя ЦК партии. С ноября 1918 г. в эмиграции в Англии, с 1920 г. — во Франции. Возглавлял Союз русских писателей и журналистов в Париже и Совет профессоров во Франко-русском институте. Разработал «новую тактику», направленную на внутреннее преодоление большевизма, отвергавшую как продолжение вооруженной борьбы внутри России, так и иностранную интервенцию. Считал необходимым союз с социалистами на основе признания республиканского и федеративного порядка в России, уничтожения помещичьего землевладения, развития местного самоуправления. Против «новой тактики» выступили многие его коллеги по партии, и в результате в июне 1921 г. он вышел из нее, став одним из лидеров Парижской демократической группы Партии народной свободы (с 1924 г. — Республиканско-демократическое объединение). Подвергался нападкам со стороны монархистов, которые обвиняли его в организации революции и в марте 1922 г. организовали на него покушение в Берлине (его закрыл собой соратник В. Д. Набоков). В 1921–1940 гг. редактировал выходившую в Париже газету «Последние новости», занимался историческими исследованиями, опубликовал ряд трудов по истории России и русской революции. С началом Великой Отечественной войны выступил сторонником поражения Германии и победы Советского Союза. Умер в Эксле-Бен, позже перезахоронен в Париже.

Михаил Николаевич (1832–1909), великий князь, четвертый сын императора Николая I, в 1832 г. назначен шефом лейб-гвардии Конногренадерского полка. В 1840 г. поступил в 1-й кадетский корпус, подпоручик (1846), поручик (1847), капитан (1849), полковник (1850), генерал-майор с назначением в Свиту Его Императорского Величества, член Государственного совета без права голоса (1852). В 1854–1855 гг. участвовал в обороне Севастополя, командовал всей артиллерией, находившейся на фортах, укреплениях и батареях Северной стороны и по правому берегу р. Черная, принимал участие

в сражении под Инкерманом. Член Государственного совета (1855), генерал-адъютант, генерал-фельдцейхмейстер, генерал-лейтенант, вице-председатель Комиссии для улучшения по военной части, почетный президент Михайловской артиллерийской академии, начальник 2-й легкой гвардейской кавалерийской дивизии (1856), главный начальник военно-учебных заведений, шеф 2-го кадетского корпуса, генерал от кавалерии (1860). В 1864–1881 гг. главнокомандующий Кавказской армией, наместник Кавказа. В 1873 г. участвовал в совещаниях о введении всеобщей воинской повинности, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском фронте, генерал-фельдмаршал (1878). В 1881 г. уволен с поста главнокомандующего Кавказской армией и наместника Кавказа с оставлением в прочих должностях, назначен председателем Государственного совета. Почетный член Николаевской академии Генерального штаба (1882), член Комитета министров (1883), почетный председатель Государственного совета (1905).

Мищенко Павел Иванович (1853–1918), русский военный деятель. Окончил 1-е Павловское военное училище, прапорщик (1871), подпоручик (1872), поручик (1873), штабс-капитан (1876). Принял участие и отличился в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Кавказском фронте, награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (1877), капитан (1878). Участвовал в Ахалтекинской экспедиции 1880–1881 гг. Учился и успешно окончил Офицерскую артиллерийскую школу (1886). Подполковник, командир 3-й вылазочной батареи Брест-Литовской крепостной артиллерии (1889), командир 1-й отдельной легкой Закаспийской батареи (1893), полковник (1896). В 1899–1901 гг. на службе в Отдельном корпусе пограничной стражи, помощник начальника охранной стражи КВЖД. Принял участие и отличился в подавлении «боксерского восстания», награжден орденами Св. Георгия 4-го класса (1900) и Св. Владимира 3-й степени (1903), произведен в генерал-майоры с назначением командиром 1-й бригады 39-й пехотной дивизии (1901), зачислен в Свиту Его Императорского Величества (1904). Принял участие и отличился в Русско-японской войне 1904–1905 гг., в начале войны командовал Отдельной Забайкальской казачьей бригадой, награжден орденом Св. Станислава 1-й степени, золотым оружием, произведен в генерал-лейтенанты с назначением в генерал-адъютанты и назначен командующим Сводной Уральско-Забайкальской казачьей дивизией (1904). Награжден орденом Св. Анны 1-й степени с мечами, назначен командующий Сводным кавалерийским корпусом, затем командующим войсками и временным генерал-губернатором Владивостока (1905). Командир 2-го Кавказского армейского корпуса (1906), туркестанский генерал-губернатор, командующий войсками Туркестанского военного округа и наказной атаман Семиреченского казачьего войска (1908–1909), генерал от артиллерии (1911), наказной атаман Донского казачьего войска (1911–1912), командир 2-го Кавказского армейского корпуса (1914–1915), 31-го армейского корпуса (1915–1917). После Февральской революции 1917 г. уволился от службы по болезни с мундиром и пенсией, жил в Туркестане, в 1918 г. покончил жизнь самоубийством в Темир-Хан-Шуре.

Мольтке Гельмут Иоганн Людвиг фон (1848–1916), граф, прусский и германский военный деятель, племянник Мольтке-старшего. Участвовал и отличился во Франко-прусской войне 1870–1871 гг., окончил Военную академию (1878), причислен к Генеральному штабу в 1880 г. В 1882–1891 гг. личный адъютант фельдмаршала Г. фон Мольтке, своего дяди, после смерти которого назначен адъютантом Вильгельма II. Командовал бригадой и дивизией, произведен в генерал-лейтенанты (1902), назначен генерал-квартирмейстером Генерального штаба (1904), начальник Генерального штаба (1906–1914).

Морген Курт Эрнст фон (1858–1928), германский военный деятель. Окончил Берлинский кадетский корпус, второй лейтенант (1878). В 1887–1888 гг. участвовал в экспе-

дициях в Камерун, где служил на военно-административных должностях (1889–1890), в 1890 г. участвовал в экспедиции в район Адамауа, возглавил полицейские части колонии в Камеруне (1893), находился в качестве германского военного агента при англо-египетской армии, участвовал в походе против махдистов (1896–1897). Капитан, военный агент в Константинополе (1897), в качестве наблюдателя находился при турецких войсках во время Греко-турецкой войны 1897 г., сопровождал кайзера Вильгельма II в поездке в Сирию и Палестину, произведен во флигель-адъютанты, майор (1898), командирован в Большой Генеральный штаб (1901). Командир батальона 1-го Померанского короля Фридриха-Вильгельма IV гренадерского полка (1902–1905), подполковник (1905), в штабе 39-го Нижнерейнского фузилерного полка (1905–1908), полковник (1908), командир 2-го Вестфальского пехотного принца Фридриха Нидерландского полка (1908–1912), генерал-майор (1912), командир 81-й пехотной бригады (Любек). В 1914 г. с началом войны произведен в генерал-лейтенанты, 7 ноября 1914 г. назначен командиром 1-го резервного корпуса, с августа 1918 г. командир 14-го резервного корпуса. С января 1919 г. на пенсии, проживал в Любеке, где и умер.

Мосин Сергей Иванович (1849–1902), русский оружейник, генерал-майор, окончил Михайловское артиллерийское училище (1870) и Михайловскую артиллерийскую академию (1875), конструктор винтовки образца 1891 г., принятой на вооружение в Императорской русской армии, начальник Сестрорецкого оружейного завода.

Мотоно Ичиро (1862–1918), японский дипломат, барон (1907), сын одного из основателей газеты «Иомиури Синбун», учился во Франции, перевел на французский гражданский кодекс Японской империи. Посол в Бельгии (1898–1901), представитель Японии на Гаагской мирной конференции, посол во Франции (1901–1906), в России (1906–1916), подписал русско-японские соглашения 1907, 1910 и 1912 гг., министр иностранных дел (1916–1918).

Муравьев Петр Петрович (1860–1940). Учился в Морском училище (1878–1882), гардемарин (1881), мичман (1882). Учился на гидрографическом отделении Николаевской морской академии (1884–1886), лейтенант (1889). Закончил по 1-му разряду Минный офицерский класс (1894). Командовал канонерской лодкой береговой обороны «Мина» (1896–1898), в 1898 г. прослушал в Николаевской морской академии курс военно-морских наук, флагманский минный офицер штаба начальника эскадры Тихого океана (1899–1900), принимал участие и отличился при подавлении «боксерского восстания», награжден бронзовой медалью. В 1901 г. за отличие произведен в чин капитана 2 ранга, старший офицер эскадренного броненосца «Наварин» (1901–1902), командир миноносца «Прозорливый» (1902–1904), командир учебного судна «Африка» (1904–1907), командир учебного судна «Европа», помощник начальника Учебно-минного отряда Балтийского флота (1907–1909), начальник Учебно-минного отряда Балтийского флота (1909–1911). С октября 1911 г. начальник Главного управления кораблестроения, с мая 1912 г. член Особого комитета по организации прибрежной обороны. С 1 июня 1915 г. товарищ морского министра, с 28 июня 1915 г. председатель Совещания по судостроению, адмирал (1916). После 1917 г. в эмиграции во Франции.

Мышлаевский Александр Захарович (1856–1920), военный историк. Окончил Житомирскую классическую гимназию (1874), 2-е военное Константиновское и Михайловское артиллерийское училища, прапорщик, подпоручик (1877), поручик (1878), штабс-капитан (1883). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, капитан (1884). Состоял при Московском военном округе, офицер для особых поручений при штабе 13-го армейского корпуса (1884–1888), штаб-офицер при управлении начальника

18-й местной бригады, подполковник (1888), штаб-офицер для поручений при штабе Киевского военного округа (апрель — июль 1888 г.), старший адъютант штаба Киевского военного округа (июль — ноябрь 1888 г.), старший адъютант штаба Московского военного округа (1888–1891), младший делопроизводитель канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба (1891–1897), полковник (1892), старший делопроизводитель канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба (1897–1899), экстраординарный (1898), ординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба (1898–1905), начальник Военно-ученого архива Главного штаба (1899–1903), генерал-майор (1900). Состоял в числе двух генералов при Главном штабе (1903–1904), начальник 1-го отделения управления дежурного генерала Главного штаба (1904–1905), заслуженный профессор Николаевской академии Генштаба (1905), дежурный генерал Главного штаба (1905–1908), генерал-лейтенант (1906), начальник Главного штаба (1908–1909), начальник Главного управления Генерального штаба (март — сентябрь 1909 г.), командир 2-го Кавказского армейского корпуса (1909–1913), генерал от инфантерии (1912). С декабря 1913 г. помощник по военной части наместника на Кавказе, с августа 1914 г. помощник командующего Кавказской армией. С марта 1915 г. в отставке за болезнью с мундиром и пенсией. В июле 1915 г. вновь определен на службу из отставки с назначением в распоряжение военного министра, председатель Комитета по делам металлургической промышленности Особого совещания по обороне государства (1915–1917). В марте 1917 г. назначен товарищем председателя Комиссии по улучшению быта военных чинов, затем командующим войсками Кавказского военного округа, но уже в июне 1917 г. вновь переведен в распоряжение военного министра.

Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922), русский политик и общественный деятель, сын министра юстиции Д. Н. Набокова, отец писателя В. В. Набокова. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1890), служил в Государственной канцелярии. Профессор уголовного права в Училище правоведения, редактировал юридические журналы «Вестник права», «Право» и другие (1896–1904). Со дня основания П. Б. Струве журнала «Освобождение» в 1902 г. состоял его постоянным сотрудником. Гласный Петербургской думы (1902), активный участник земских съездов 1904–1905 гг., один из учредителей кадетской партии. За выступления на политических процессах в защиту обвиняемых в 1904 г. лишен звания камергера. Товарищ председателя ЦК кадетской партии и редактора партийного органа «Вестник партии Народной Свободы», депутат I Государственной думы, подписал выборгское воззвание. После Февраля 1917 г. управляющий делами Временного правительства, правительством А. Ф. Керенского был назначен послом в Англию. Депутат Учредительного собрания от Петроградской губернии, в заседаниях не участвовал. После декрета об аресте лидеров «буржуазных партий» уехал в Крым. Министр юстиции Крымского правительства (1919). С 1920 г. в эмиграции. Вместе с И. В. Гессеном издавал в Берлине газету «Руль». Погиб в Берлине, личным вмешательством предотвратив убийство П. Н. Милюкова эмигрантом-монархистом, желавшим отомстить за Февральскую революцию.

Назарбеков Фома Иванович (Назарбекян Товмас Ованесович, 1855–1931), русский и армянский военный деятель, из дворян Тифлисской губернии, армяно-григорианского вероисповедания. Окончил 2-ю Московскую военную гимназию, 3-е военное Александровское училище, подпоручик (1876). Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., отличился при штурме Ардагана и Эрзерума, поручик (1877), награжден орденами Св. Станислава 3-й степени и Св. Анны 3-й степени (1877). Штабс-капитан (1879), капитан (1886), подполковник (1896), полковник (1902). Участвовал и отличился в Русско-японской войне 1904–1905 гг., командир 286-го пехотного Кирсановского полка (1904–1906), за отличия

под Мукденом награжден золотым оружием. Командир 14-го пехотного Олонецкого полка (1906). В 1906 г. вышел в отставку, генерал-майор. В ноябре 1914 г. вступил на службу генерал-майором, назначен командиром бригады 66-й пехотной дивизии, начальник 2-й Кавказской стрелковой бригады (1915), командир Азербайджанского отряда, с ноября 1915 г. командующий 2-й Кавказской стрелковой дивизией, награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (1916), командир 7-го отдельного Кавказского армейского корпуса (1917), в декабре того же года назначен командиром формирующегося Армянского корпуса, главнокомандующий войсками Армянской республики (1918–1920), генерал от инфантерии (1919), командовал армией в боях против турок и азербайджанцев. В 1920 г. арестован, содержался в заключении в Баку и Рязани, в 1921 г. амнистирован, в последние годы жизни проживал в Тифлисе.

Накашидзе Давид Александрович (1880–1954), князь, выпускник Пажеского корпуса (1900), ротмистр 3-го драгунского полка. Умер в эмиграции в Нидерландах.

Нахичеванский хан Гуссейн Келбалаевич (1863–1918), русский военный деятель, потомок персидской династии, правившей в Нахичеванском ханстве. Окончил Пажеский корпус, выпущен корнетом в лейб-гвардии Конный полк (1883). Принял участие и отличился в Русско-японской войне 1904–1905 гг., командир 2-го Дагестанского конного полка, трижды исполнял должность командующего Кавказской конной бригадой, в составе которой действовал полк, награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (1907). Командир 44-го драгунского Нижегородского полка (1905–1906), флигель-адъютант (1906), командир лейб-гвардии Конного полка (1906–1911), генерал-майор, зачислен в Свиту Его Императорского Величества (1907). В 1911 г. в распоряжении главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, командир 1-й отдельной кавалерийской бригады (1912–1914), генерал-лейтенант (1914), командующий 2-й кавалерийской дивизией (1914), в августе 1914 г. командовал кавалерийской группой в составе 1-й армии генерала П. К. Ренненкампфа, награжден орденом Св. Георгия 3-й степени (1914), командир 2-го кавалерийского корпуса (октябрь 1914 — октябрь 1915 г.), генерал-адъютант (1915), с октября 1915 г. в распоряжении главнокомандующего Кавказской армией, генерал от кавалерии (1916), с апреля 1916 г. командир Гвардейского кавалерийского корпуса. В апреле 1917 г. зачислен в резерв чинов при штабе войск Киевского, а в июне того же года — Петроградского военного округа. Расстрелян большевиками в Петрограде.

Незнамов Александр Александрович (1872–1928), русский и советский военный деятель, участник Первой мировой и Гражданской войн. Окончил Тульскую классическую гимназию (1890), Николаевское инженерное училище, подпоручик (1893), поручик (1895). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан (1900). Состоял при Варшавском военном округе, начальник строевого отдела штаба Зегржской крепости (1900–1901), старший адъютант штаба 13-й кавалерийской дивизии (1901–1904), капитан (1902). Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг., старший адъютант штаба 35-й пехотной дивизии (1904–1905), подполковник (1905). Экстраординарный профессор по кафедре стратегии в Академии Генерального штаба (1908–1909), полковник (1909), ординарный профессор, штаб-офицер, ведающий обучающимися в академии офицерами (1909). Начальник штаба 55-й пехотной дивизии, участвовал в Лодзинской операции (1914), за отличия награжден Георгиевским оружием (1915), генерал-майор, командир 102-го пехотного Вятского полка (1915), генерал для поручений при командующем 7-й армией (1915), награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, генерал-квартирмейстер штаба 7-й армии (1916), исполняющий должность начальника штаба 7-й армии (май — август 1917 г.), в резерве чинов при штабе Одесского

военного округа (сентябрь – октябрь 1917 г.), генерал-квартирмейстер штаба помощника главнокомандующего армиями Румынского фронта (1917–1918), помощник начальника отделения ГУГШ (май 1918 г.). В июне 1918 г. добровольно вступил в РККА, на службе в Главном штабе, профессор Военно-инженерной академии, преподаватель Академии Генерального штаба РККА, состоял в комиссии по разработке уставов. Ординарный профессор Военной академии РККА (1919), с 1922 г. руководитель дисциплины по стратегии и тактике в академиях Ленинграда. Автор трудов военно-научного и военно-публицистического характера.

Ненюков Дмитрий Всеволодович (1869–1929). В службе с 1886 г., окончил Морское училище, мичман (1889). В заграничном плавании на крейсере «Адмирал Корнилов» (1892–1894), крейсере 2 ранга «Забияка» (1894), крейсере «Адмирал Корнилов» (1894–1895), лейтенант (1895), в заграничном плавании на крейсере «Память Азова» (1897–1899). Окончил офицерский артиллерийский класс, артиллерийский офицер 1-го разряда (1900), старший артиллерийский офицер эскадренного броненосца «Цесаревич» (1903–1905), старший офицер мореходной канонерской лодки «Храбрый» (1905–1906), капитан 2 ранга (1906), командир миноносца «Громящий» (1906–1907), командующий транспортом «Рига» (1908–1909). Прикомандирован к Морскому Генеральному штабу (1909–1910), капитан 1 ранга за отличие (1910), штаб-офицер высшего оклада МГШ (1910–1911), командир линейного корабля «Пантелеймон» (1911–1912). Прикомандирован к МГШ для занятий (1912–1913), контр-адмирал (1913), помощник начальника МГШ по судостроению (1913–1915), член от Морского министерства в Совете Добровольного флота (1913–1917), начальник военно-морского управления штаба Верховного главнокомандующего (1914–1916), вице-адмирал (1916). С 1917 г. в отставке, в 1918 г. примкнул к Белому движению на юге России, командующий Черноморским флотом (1919–1920). После 1920 г. в эмиграции в Югославии, умер в г. Земун (Сербия).

Нератов Анатолий Анатольевич (1863–1938), русский дипломат, сын сенатора, действительного тайного советника Анатолия Ивановича Нератова. Окончил Александровский лицей (1883). В 1886 г. поступил в Азиатский департамент Министерства иностранных дел и прошел последовательно ступени от делопроизводителя до чиновника особых поручений при министре и старшего вице-директора того же департамента, действительный статский советник (1904), в 1909 г. пожалован в звание камергера. За все годы службы не занимал ни одного заграничного поста. С 1910 и до 1916 г. товарищ министра иностранных дел С. Д. Сазонова. 6 декабря 1911 г. пожалован в гофмейстеры. Став товарищем министра, во время долгой болезни тогдашнего министра С. Д. Сазонова управлял министерством. Будучи, по свидетельству Ю. Я. Соловьева, «типичным бюрократом» и «не имея собственных взглядов на русскую внешнюю политику», во всем соглашался с мнением А. П. Извольского (русский посол в Париже). В ноябре – декабре 1916 г. временно исполняющий обязанности министра иностранных дел, с 1916 г. член Государственного совета, с 1916 г. и до Февральской революции 1917 г. товарищ министра иностранных дел Н. Н. Покровского. С 27 февраля по 2 марта 1917 г. управляющий Министерством иностранных дел. В ноябре 1917 г. уехал на юг, где при А. И. Деникине принимал участие в Особом совещании при главкоме ВСЮР. После окончания Гражданской войны в эмиграции. В апреле 1920 г. приказом генерала П. Н. Врангеля назначен главой российской дипломатической миссии в Константинополе. Скончался в русском госпитале г. Вильжюиф (Франция).

Никитин Владимир Николаевич (1848–1922). Окончил Михайловское артиллерийское училище, прапорщик (1868). Участвовал и отличился в боевых действиях на Кавказском фронте Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Награжден золотым оружием (1877)

и орденом Св. Георгия 4-й степени (1878). Полковник (1890), командир 7-го мортирного артиллерийского дивизиона (1895), командир 20-й артиллерийской бригады (1899), генерал-майор (1900), генерал-лейтенант (1904). Принял участие и отличился в Русско-японской войне 1904–1905 гг., с февраля 1904 г. исполняющий должность начальника артиллерии 3-го Сибирского армейского корпуса, за отличия при обороне Порт-Артура награжден орденами Св. Георгия 3-й степени (1904) и Св. Владимира 2-й степени с мечами (1905), после капитуляции крепости — в плену в Японии. Начальник артиллерии 1-го армейского корпуса (1906–1908), командир 1-го армейского корпуса (1908–1911), генерал от артиллерии (1910), командующий войсками Иркутского военного округа и войсковой наказной атаман Забайкальского казачьего войска (1911–1912), командующий войсками Одесского военного округа (1912–1914), командующий 7-й отдельной армией, отвечавшей за оборону побережья Черного моря и границы с Румынией (1914–1915). С октября 1914 г. армия включена в состав Юго-Западного фронта. Во время подготовки англо-французским командованием Дарданелльской операции осуществлял руководство планировавшейся операцией поддержки на Босфоре. В октябре 1915 г. сдал командование генералу Д. Г. Щербачеву и назначен членом Военного совета. С апреля 1916 г. комендант Петроградской крепости, в январе 1917 г. введен в состав Верховного военного суда с оставлением в занимаемой должности. В апреле 1917 г. уволен от службы по болезни с мундиром и пенсией. После Октябрьской революции покинул Россию, в эмиграции во Франции, умер в Париже.

Николаи Вальтер (1873–1947), немецкий разведчик, специалист по России, полковник (1918). С 1906 г. руководитель разведывательного отдела в Кёнигсберге, с начала 1913 г. по ноябрь 1918 г. руководил секцией, потом отделом IIIb (военная разведка) Большого Генерального штаба. После поражения Германии и Ноябрьской революции 1918 г. в отставке, с 1920 г. на пенсии. Поддерживал связи с нацистами, но на действительную службу не вернулся. В 1945 г. арестован в советской зоне оккупации и перевезен в Москву, умер от инфаркта в больнице Бутырской тюрьмы.

Николай, архиепископ (Михаил Захарович Зиоров, 1851–1915), епископ Русской Православной Церкви, с апреля 1908 г. архиепископ Варшавский и Привисленский. Член Государственного совета Российской империи.

Николай I Павлович (1796–1855), император Всероссийский, царь Польский и Великий князь Финляндский (1825–1855).

Николай II Александрович (1868–1918), император Всероссийский, царь Польский и Великий князь Финляндский, последний император Российской империи (1894–1917). Из императорского дома Романовых.

Николай Николаевич (младший) (1856–1929), великий князь, внук императора Николая I, старший сын великого князя Николая Николаевича и великой княгини Александры Петровны. Образование получил в Николаевском инженерном училище (1873) и Николаевской академии Генерального штаба (1876). Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. офицер для особых поручений при главнокомандующем, своем отце. За форсирование Дуная награжден орденом Св. Георгия 4-го класса, за штурм Шипки — золотым оружием. С 1884 г. командовал лейб-гвардии Гусарским полком, с 1890 г. — 2-й бригадой 2-й кавалерийской гвардейской дивизии, с 1890 г. — 2-й гвардейской кавалерийской дивизией. Генерал-инспектор кавалерии (1895–1905), генерал от кавалерии (1900), генерал-адъютант (1904), командующий войсками гвардии Петербургского военного округа (1905–1914), председатель Совета государственной обороны (1905–1908). Во время Первой мировой

войны Верховный главнокомандующий (1914–1915), награжден орденами Св. Георгия 3-го и 2-го классов, Георгиевской саблей, украшенной бриллиантами с надписью «За освобождение Червонной Руси». Отметился скромными полководческими дарованиями. Главнокомандующий войсками Кавказского фронта (1915–1917). 2 (15) марта 1917 г. при отречении император Николай II назначил Николая Николаевича Верховным главнокомандующим, но 11 (24) марта смещен с должности решением Временного правительства. Жил в Крыму, откуда в марте 1919 г. на английском дредноуте «Мальборо» эмигрировал в Италию, затем во Францию, участия в политической деятельности и в Гражданской войне не принимал.

Николай Николаевич (старший) (1831–1891), великий князь, третий сын императора Николая I. Учился в 1-м кадетском корпусе, в 1851 г. начал службу в лейб-гвардии Конном полку, с 1852 г. командовал бригадой, с 1856 г. — дивизией гвардейской кавалерии, генерал-адъютант (1856). Генерал-инспектор по инженерной части (1852–1891), с 1855 г. член Государственного совета, с 1859 г. командир Гвардейского резервного кавалерийского корпуса, с 1861 г. командир отдельного Гвардейского корпуса, командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1864–1880), генерал-инспектор кавалерии (1864–1891), главнокомандующий Дунайской армией (1877–1878), один из ответственных за ряд ошибок на первом этапе войны. За переправу через Дунай и капитуляцию Плевны награжден орденами Св. Георгия 2-го и 1-го классов, по окончании войны произведен в генерал-фельдмаршалы (1878). С 1880 г. болел и фактически удалился от активной деятельности.

Новиков Александр Васильевич (1864–1932). Окончил Нижегородскую графа Аракчеева военную гимназию (1881), Михайловское артиллерийское училище, выпущен в армейскую конную артиллерию, подпоручик (1884), в том же году переведен в гвардейскую конноартиллерийскую бригаду, поручик (1888). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан гвардии с переименованием в капитаны Генерального штаба (1891). Состоял при Кавказском военном округе, старший адъютант штаба 20-й пехотной дивизии (1891–1893), обер-офицер для особых поручений при штабе 17-го армейского корпуса (1893–1896), подполковник (1896), исполняющий должность штаб-офицера для особых поручений при штабе 13-го армейского корпуса (1896–1899), штаб-офицер для поручений при штабе Московского военного округа (1899–1902), полковник (1900), начальник штаба 1-й кавалерийской дивизии (1902–1905), начальник Тверского кавалерийского юнкерского училища (1905–1907), генерал-майор (1907), начальник Елисаветградского кавалерийского училища (1907–1910), командир 2-й бригады 5-й кавалерийской дивизии (1910–1913), генерал-лейтенант (1913), начальник 14-й кавалерийской дивизии (1913). За отличия в боях с австро-германцами награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (1914). Командир 1-го кавалерийского корпуса (октябрь 1914 — январь 1915 г.), в распоряжении Верховного главнокомандующего (январь — июнь 1915 г.), командир 43-го армейского корпуса (1915–1917), в апреле 1917 г. переведен в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа, уволен от службы по болезни с мундиром и пенсией. С 1918 г. добровольно в РККА. Начальник штаба, затем помощник военного руководителя Совета Западного участка отрядов завесы (1918), начальник штаба, командующий Западной армией (1918–1919). С сентября 1919 г. инспектор кавалерии полевого штаба РВСР, начальник Московского топографического училища Высшего геодезического управления (1920), инспектор работ ВГУ (1921). С 1922 г. в отставке. В 1930 г. арестован по делу «Весна», в 1931 г. приговорен к 10 годам лагерей.

Новицкий Федор Федорович (1870–1944), русский и советский военный деятель. Окончил Полоцкий кадетский корпус (1887), 1-е военное Павловское училище, под-

поручик (1889), поручик (1892). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан (1895). Состоял при Варшавском военном округе, старший адъютант штаба 8-й пехотной дивизии (1896–1901), капитан (1897), подполковник (1901), начальник строевого отдела штаба Брест-Литовской крепости (1901–1903), начальник штаба 8-й пехотной дивизии (1903–1910), полковник (1905), прикомандирован к кавалерии (1907) и к артиллерии (1908), командир 21-го пехотного Муромского полка (1910–1914), в августе 1914 г. в период похода в Восточную Пруссию командовал 1-й бригадой 8-й пехотной дивизии, начальник штаба 1-го армейского корпуса (1914–1917), генерал-майор (1914). После Февральской революции 1917 г. командовал 22-й пехотной дивизией, затем 82-й пехотной дивизией, в декабре 1917 г. избран командиром 43-го армейского корпуса. С февраля 1918 г. добровольно в РККА, военрук Калужского района завесы (апрель — август 1918 г.), командир Калужской дивизии (июнь — июль 1918 г.), командующий войсками Ярославского военного округа (1918–1919), начальник штаба 4-й армии (январь — февраль 1919 г.), летом 1919 г. помощник командующего той же армии (командующий — М. В. Фрунзе), помощник командующего Южной группы Восточного фронта и член РВС Южной группы (июль — август 1919 г.), на штабных и командных должностях на Туркестанском фронте (1919–1920). Эксперт на советско-польских переговорах (1920), принял деятельное участие в разработке плана взятия Перекопа и разгрома Врангеля. С 1921 г. начальник штаба Рабоче-Крестьянского Красного воздушного флота, начальник факультета Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского (1923–1930). В 1930 г. арестован по делу «Весна», но освобожден до окончания следствия. Вернулся на преподавательскую работу. С 1933 г. начальник Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского, комдив (1935), в отставке (1938). Преподаватель кафедры военной истории Военной академии имени М. В. Фрунзе (1943–1944), генерал-лейтенант авиации (1943). Умер в Москве.

Нокс Альфред (1870–1964), британский военный, генерал-майор (1917), военный атташе в России (1911–1917), в годы Гражданской войны британский представитель при адмирале А. В. Колчаке.

Ньюболт Генри Джон (1962–1938), английский поэт-маринист, издатель и историк флота, в 1915 г. возведен в звание рыцаря Британской империи.

Оболенский Александр Николаевич (1872–1924), князь. Окончил Пажеский корпус, выпущен в лейб-гвардии Преображенский полк (1891). В 1906 г. исключен из гвардии за беспорядки во вверенном ему 1-м батальоне полка. С 1907 г. служил по Министерству внутренних дел. Костромской вице-губернатор (1908), рязанский губернатор (1910–1914), камергер (1912), действительный статский советник (1913). После начала войны переименован в чин генерал-майора с назначением петроградским градоначальником (1914–1916), зачислен в Свиту Его Императорского Величества (1916). В сентябре 1817 г. уволен от службы по прошению. Участник Белого движения в составе Северо-Западной армии. Умер в Париже.

Оболенский Николай Леонидович (1878–1960), государственный деятель, князь. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1901). Земский начальник, статский советник (1914), начальник гражданской канцелярии при штабе Верховного главнокомандующего (1914–1915), член Совета министра внутренних дел, губернатор курский и харьковский (1915), председатель Особого комитета борьбы с дороговизной (1916), ярославский губернатор (1916–1917). В эмиграции во Франции, состоял при великом князе Николае Николаевиче.

Обручев Николай Николаевич (1830–1904), русский военный и государственный деятель. Окончил 1-й кадетский корпус (1848), академию Генерального штаба (1854). С 1856 г. профессор Академии Генерального штаба, в 1858 г. стал первым редактором журнала «Военный сборник» (отстранен через восемь месяцев после серии статей, критиковавших недостатки интендантской службы в Крымскую войну). Полковник (1859), с 1863 г. делопроизводитель Военно-ученого комитета при Главном штабе, сторонник создания независимого Генерального штаба, принимал активное участие в реформировании армии. Генерал-лейтенант (1873), в 1875 г. изложил план подготовки Царства Польского на случай войны с Австро-Венгрией и Германией, который был окончательно принят в 1880 г. Перед войной 1877–1878 гг. действовал в качестве доверенного лица военного министра Д. А. Милютина, подготовил план военных действий, рассчитанных на краткосрочную войну. В июне 1877 г. вызван на Кавказский фронт, где разработал план Авлияр-Аладжинской операции, закончившейся 4 октября 1877 г. полным разгромом турецкой армии. После Аладжи приглашен в императорскую штабквартиру под Плевну, где награжден орденом Св. Георгия Победоносца 3-го класса, генерал-адъютант (1878). В Порадиме разработал план перехода русской армией Балкан в зимнее время. В апреле 1879 г. выехал с дипломатической миссией в Константинополь и Филиппополь. После убийства Александра II и отставки Д. А. Милютина назначен на пост начальника Главного штаба при военном министре П. С. Ванновском. В 1880–1890-е гг. под его руководством были проведены все наиболее важные изменения в русской армии: перевооружение, укрепление европейских границ, подготовка к Босфорской экспедиции. Генерал от инфантерии (1887). Принял участие в оформлении русско-французского союза 1891–1893 гг., подписав военную конвенцию 1892 г. Выступил против вмешательства России в японо-китайский конфликт 1894–1895 гг. и активной политики Николая II на Дальнем Востоке. В декабре 1897 г. подал в отставку, умер 25 июня 1904 г. во Франции.

Ольховский Петр Дмитриевич (1852–1936). Окончил Полтавскую военную гимназию (1869), 1-е военное Павловское училище, подпоручик, прапорщик гвардии (1871), подпоручик гвардии (1874), поручик гвардии (1877). Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Окончил по 2-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан гвардии с переименованием в капитаны Генерального штаба (1878). Старший адъютант штаба 9-го армейского корпуса (1878), старший адъютант штаба 9-й кавалерийской дивизии (1878–1880), штаб-офицер для особых поручений при штабе 9-го армейского корпуса (1880–1886), подполковник (1881), полковник (1884), начальник штаба 24-й пехотной дивизии (1886–1895), командир 95-го пехотного Красноярского полка (1895–1896), командир 94-го пехотного Енисейского полка (1896–1898), генерал-майор (1898), начальник штаба 21-го армейского корпуса (1898–1899). Генерал для особых поручений при командующем войсками Финляндского военного округа (1899–1900), начальник Финляндской стрелковой бригады (1900–1902), начальник штаба Финляндского военного округа (сентябрь – декабрь 1902 г.), начальник 1-й Финляндской стрелковой бригады (1902–1904). Командующий 3-й гвардейской пехотной дивизией (июль – декабрь 1904 г.), генерал-лейтенант (1904), начальник 3-й гвардейской пехотной дивизии (1904–1908), командир 22-го армейского корпуса (1908–1912), генерал от инфантерии (1910). Помощник главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа (1912–1914), главный начальник Петроградского военного округа (июль – октябрь 1914 г.), командир Варшавского отряда (1914–1915). С апреля 1915 г. в распоряжении Верховного главнокомандующего, с июня 1915 г. главный начальник Московского военного округа. Член Военного совета (1915–1917). После Февральской революции покинул Россию. В эмиграции во Франции.

Орановский Владимир Алоизиевич (1866–1917). Окончил Пажеский корпус, выпущен корнетом в лейб-гвардии Драгунский полк (1884), поручик (1888). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-ротмистр (1891). Капитан Генерального штаба (1892), обер-офицер для поручений при штабе Закаспийской области (1892–1894), старший адъютант штаба 6-й пехотной дивизии (1894), обер-офицер для особых поручений при штабе 19-го армейского корпуса (1894–1895), штаб-офицер при управлении 2-й Восточно-Сибирской линейной бригады (1895–1896), подполковник (1895), заведующий передвижениями войск по железнодорожным и водным путям Приамурского района (1896–1899), штаб-офицер при управлении 2-й Восточно-Сибирской линейной бригады (1899–1901), полковник (1899), окружной генерал-квартирмейстер штаба Приамурского военного округа (1901–1904). С марта 1904 г. в распоряжении командующего Маньчжурской армией, генерал-майор (1904), генерал-квартирмейстер 1-й Маньчжурской армии (1904–1905). Награжден золотым оружием с надписью «За храбрость» (1905). Генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего на Дальнем Востоке (1905–1906), начальник штаба войск Дальнего Востока (1906–1907). Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (1907). Командовал бригадой 2-й гвардейской кавалерийской дивизии (май — сентябрь 1907 г.), начальник 2-й отдельной кавалерийской бригады (1907–1908), начальник штаба генерал-инспектора кавалерии великого князя Николая Николаевича (младшего) (1908–1909), начальник канцелярии генерал-инспектора кавалерии (1909–1910), генерал-лейтенант (1910), начальник 14-й кавалерийской дивизии (1910–1913), начальник штаба Варшавского военного округа (1913–1914), начальник штаба Северо-Западного фронта (1914–1915), генерал от кавалерии (1914), командир 1-го кавалерийского корпуса (1915–1917), командир 42-го отдельного армейского корпуса (март — июнь 1917 г.). С июня 1917 г. в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа, с августа того же года в распоряжении главнокомандующего армиями Северного фронта. После подавления выступления генерала Л. Г. Корнилова с группой офицеров и генералов арестован в Выборге постановлением Выборгского совета по подозрению в сочувствии корниловскому выступлению и после многочисленных издевательств убит толпой солдат.

Павел I Петрович (1754–1801), император Всероссийский (1796–1801).

Палавиччини Янош фон (1848–1941), маркграф, австрийский дипломат, сотрудник посольства во Франции, Сербии (1887), дипломатический представитель в Баварии (1894), посланник в Румынии (1899), посол в Турции (1906–1918).

Палеолог Жорж Морис (1859–1944), французский дипломат, политик и писатель, член Французской академии (1928). Сын валашского революционера, эмигрировавшего во Францию в 1848 г. С 1880 г. на службе в МИДе, секретарь посольств в Танжере, Пекине, Риме, работал в центральном аппарате МИДа (1893–1907). Дипломатический агент и генеральный консул в Болгарии (1907–1909), полномочный министр в Софии (1909–1910), директор дипломатического аппарата МИДа (1912–1914), посол в России (1914–1917), в мае 1917 г. вернулся во Францию, продолжив службу в центральном аппарате МИДа. В 1917–1918 гг. активно готовил французскую интервенцию против Советской России. Генеральный секретарь МИДа (1920–1921), один из авторов Севрского договора 1920 г. В 1921 г. вышел в отставку. Активно занимался литературной деятельностью.

Палицын Федор Федорович (1851–1923), русский военачальник. Окончил Орловскую Бахтина военную гимназию (1868) и 1-е военное Павловское училище, подпоручик (1870), в том же году переименован в прапорщики гвардии, подпоручик (1874), поручик

(1875). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан гвардии с переименованием в капитаны Генерального штаба (1877). Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове, состоял для поручений при штабе 3-го армейского корпуса (июнь — август 1877 г.), старший адъютант штаба 1-й гренадерской дивизии (1877–1878), старший адъютант штаба 22-й пехотной дивизии (май — август 1878 г.), старший адъютант штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии (1878–1880). Состоял для поручений при штабе войск гвардии и Петербургского военного округа (1880–1882), подполковник (1881), штаб-офицер для особых поручений при штабе войск Гвардейского корпуса (1882–1889), полковник (1884), начальник штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии (1889–1891), помощник начальника штаба войск гвардии и Петербургского военного округа (1891–1895), генерал-майор (1894), начальник штаба Гвардейского корпуса (апрель — май 1895 г.), начальник штаба генерал-инспектора кавалерии великого князя Николая Николаевича (младшего) (1895–1905), генерал-лейтенант (1900), начальник Главного управления Генерального штаба (1905–1908), генерал от инфантерии (1907), член Государственного совета (1908). С августа 1914 г. при главнокомандующем армиями Юго-Западного фронта, с осени 1915 г. заведывал укреплениями на Кавказском фронте. С сентября 1915 г. сменил генерала Я. Г. Жилинского на посту представителя русской армии в Военном совете союзных армий в Версале. В мае 1917 г. уволен от занимаемой должности, в октябре того же года уволен от службы по прошению с мундиром и пенсией. Председатель Военно-исторического и статистического комитета при Русском политическом совещании в Париже (1918–1920), позже состоял членом Общества взаимопомощи офицеров Генштаба в Берлине, учредитель и 1-й председатель Общества взаимопомощи Союза офицеров в Париже. Умер в Берлине.

Пашич Никола (1846–1926), выдающийся сербский государственный деятель, основатель и многолетний лидер радикальной партии, премьер-министр Сербии (1891–1892, 1904–1905, 1906–1908, 1909–1911, 1912–1918), премьер-министр Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (1918, 1921–1924, 1924–1926). Учился в Высшей политехнической школе в Цюрихе (1868–1873), где вступил в кружок сербского социалиста С. Марковича, познакомился и подружился с русскими социалистами, в том числе и М. А. Бакуниным. В 1878 г. был впервые избран в Народную скупщину, депутатом которой постоянно избирался вплоть до смерти (за исключением лет, проведенных в вынужденной эмиграции). В 1881 г. его стараниями по объединению оппозиции была создана радикальная партия, лидером которой он оставался на протяжении последующих 45 лет. Один из руководителей Тимокского восстания 1883 г. против короля Милана, после поражения которого вынужден был удалиться в шестилетнюю эмиграцию (Болгария, Румыния, Россия). В эмиграции занял прочную славянофильскую и русофильскую позицию. В марте 1889 г., после отречения Милана, вернулся в Сербию. По возвращении впервые избран премьер-министром (1891–1892), мэром Белграда (1892–1893), назначен послом в Россию (1893–1894). В 1899 г. вместе с остальными лидерами радикальной партии арестован по сфабрикованному обвинению в причастности к организации покушения на жизнь экс-короля и главнокомандующего армии Милана Обреновича, приговорен к смертной казни. В результате вмешательства со стороны русской дипломатии смертный приговор заменен на пятилетнее тюремное заключение, а вскоре после этого амнистирован. После государственного переворота 29 мая 1903 г. радикалы вновь пришли к власти, и он стал почти бессменным премьер-министром и министром иностранных дел. После окончания Первой мировой войны и создания Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, формированию которого он отдал много сил в течение войны, не стал первым премьер-министром нового государства (этот пост занял его партийный соратник С. Протич). Возглавил делегацию Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев на Парижской конференции 1919–1920 гг., где решал задачу обеспечения

международного признания нового государства и его границ. После возвращения из Парижа снова возглавил правительство и сыграл решающую роль в принятии первой конституции Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев в 1921 г.

Пейрс Бернард (1867–1949), один из первых британских историков, занимавшихся Россией, переводчик русской литературы и журналист. Окончил школу Харроу, Тринити-Колледж в Оксфорде (1889), после чего несколько лет работал учителем, затем учился за собственный счет во Франции, Италии, Германии, одновременно изучая поля сражений наполеоновского периода. В 1898 г. впервые приехал в Россию, после чего начал изучать ее историю и литературу. Лектор в Кембридже (1901–1906), лектор русской истории в Ливерпульском университете (1906), в том же году приехал в Россию на открытие I Думы, где познакомился с лидерами либеральных партий, в 1907 г. стал секретарем англо-русского комитета в Лондоне, где опубликовал свою первую книгу «Россия и реформы». Профессор русской истории, языка и литературы Ливерпульского университета (1908–1917), издатель журнала Russian Review (1912–1914), военный журналист (1914–1917), награждался за личную храбрость русскими военными наградами, среди них знаком отличия ордена Св. Георгия (солдатский Георгиевский крест). В начале 1917 г. сотрудник британского посольства в России, советник Дж. Бьюкенена. В 1918 г. уехал в Сибирь, где находился в распоряжении Р. Ходжсона, британского представителя при А. В. Колчаке. В 1919 г. получил рыцарский титул. Профессор русского языка, литературы и истории в Лондонском университете, редактор журнала Slavonic Review, директор школы Славянских и Восточно-европейских исследований, Кингс-Колледж, Лондон (1919–1936). В 1924 г. перевел и издал в Англии письма императрица Александры Федоровны к Николаю II, в 1925 г. — «Горе от ума», в 1926 г. — басни Крылова. Автор ряда работ и воспоминаний по последнему периоду правления Николая II и современной ему политике СССР. С 1942 г. в США, умер в Нью-Йорке.

Пестич Евгений Филимонович (1866–191?). Окончил Пажеский корпус, гвардии подпоручик (1886), гвардии поручик (1890). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан гвардии с переименованием в капитаны Генерального штаба (1892). Состоял при Виленском военном округе, старший адъютант штаба 16-го армейского корпуса (1893–1894), обер-офицер для особых поручений при штабе 16-го армейского корпуса (1894–1898), штаб-офицер для поручений при штабе Виленского военного округа (1898–1901), подполковник (1898), начальник штаба Ивангородской крепости (1901–1907), полковник (1902). Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Командир 6-го пехотного Либавского полка (1907–1910), генерал-майор (1910), начальник штаба 13-го армейского корпуса (1910–1914). С августа 1914 г. в плену в Германии.

Петр I Алексеевич, Петр Великий (1672–1725), четвертый царь из династии Романовых (1682), первый император Всероссийский (1721).

Петр-Фердинанд-Сальватор-Карл-Людвиг-Мария-Иосиф-Леопольд-Антон-Рупперт-Пий (1874–1948), эрцгерцог, младший сын Фердинанда IV, последнего Великого герцога Тосканского и Алисы Бурбон-Пармской, брат эрцгерцога Иосифа-Фердинанда. Полковник, командир 66-го пехотного полка (1908), генерал-майор (1911), фельдмаршал-лейтенант (1914), командир 25-й пехотной дивизии, во главе которой вступил в войну в Польше. В 1917 г. был переведен на Тирольский фронт, командир 5-го армейского корпуса, генерал от инфантерии (1917). В 1918 г. командовал 10-й армией в Триенте. После окончания войны проживал в Люцерне, политической деятельностью не занимался. В 1935 г. вернулся в Австрию, умер в Зальцбурге.

Петров Михаил Александрович (1885–1938), русский и советский военный моряк, советский историк флота. Окончил Морской кадетский корпус (1905), в 1910 г. поступил в Военно-морской отдел Николаевской морской академии, в 1913 г. окончил ее дополнительный курс. Старший лейтенант, старший флаг-офицер штаба начальника Учебно-артиллерийского отряда (1913), старший флаг-офицер командующего Балтийским флотом (1913–1914), капитан 2 ранга (1915), помощник флаг-капитана по распорядительной части штаба командующего Балтийским флотом (1915–1916), с апреля 1917 г. помощник флаг-капитана по оперативной части штаба Балтийского флота, участвовал в Моонзундском сражении. После Октябрьской революции 1917 г. перешел на службу в РККФ, участвовал в организации «Ледового похода» Балтийского флота весной 1918 г. (переход из Гельсингфорса в Кронштадт). Преподаватель Морской академии (1919), начальник Оперативного управления Морского штаба Республики (1920–1921), начальник Морской академии (1921–1923). В 1924 г. уволен в отставку, продолжал преподавательскую деятельность в академии, с 1927 г. начальник Учебно-строевого управления ВМС РККА. Автор многочисленных работ по военно-морской истории и теории развития и использования флота. Заслуженный деятель науки и техники (1928), в 1928 г. решительно выступил против планов М. Н. Тухачевского, реализация которых уничтожила бы флот, профессор (1929). Один из авторов концепции развития военно-морского флота Советского Союза. В 1930 г. арестован и осужден как автор вредительской концепции развития флота. В 1932 г. освобожден после заступничества Наркомвоенмора К. Е. Ворошилова и начальника морских сил СССР В. М. Орлова. Капитан 1 ранга (1935). В 1938 г. расстрелян.

Петрово-Солово Борис Михайлович (1861–1925). Окончил лицей Цесаревича Николая в Москве (1885), выдержал офицерский экзамен при 2-м военном Константиновском училище. Гвардии корнет (1886), поручик (1890), штабс-ротмистр (1891), ротмистр (1894), полковник (1897), флигель-адъютант (1902), генерал-майор с зачислением в Свиту Его Императорского Величества (1905), командир 3-го драгунского Сумского полка (1904–1905), лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка (1905–1907), командир 1-й бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии (1907–1914). Рязанский губернский предводитель дворянства, генерал для поручений при Верховном главнокомандующем (1914–1916). В сентябре 1917 г. уволен от службы по болезни.

Пивэ Луи-Жозеф (1855–1924), французский военно-морской деятель. В 1872 г. поступил в Военно-морской колледж в Шербуре, гардемарин 2-го класса (1874). В 1875 г. в плавании в Средиземном море, в 1876 г. в плавании в Тихом океане на «Мажисьен», мичман (1878), в плавании на транспорте «Крез» (1879), в 1880 г. принял участие в Тунисской кампании на крейсере «Кольбер», лейтенант (1882), на фрегате «Венера» — адъютант командующего дивизией Леванта (1883), бревет-офицер артиллерии (1885), рыцарь ордена Почетного легиона (1886), в 1887 г. на крейсере «Д'Эстен» — адъютант дивизии Индийского океана. Офицер для поручений при морском министре (1889–1891), командовал авизо «Илан» и школой штурманов флота (1891–1893), с 1893 г. на гидрографической службе, капитан 2 ранга (1896), старший офицер крейсера «Суше». Принял участие в операциях международной эскадры на Крите, во время Греко-турецкой войны 1897 г. отличился при спасении мирного населения. Начальник штаба дивизии в составе Северной эскадры, на крейсере «Бувинэ» (1898), командир корабля «Манш» (1899–1900), начальник 2-го отделения Генерального штаба (1900–1902), капитан 1 ранга, офицер Почетного легиона (1902), командовал кораблем «Таг» (1902–1903), броненосными крейсерами «Брюи», «Жанна д'Арк» (1903), «Глуар» (1904), крейсером «Республик» (1905–1907), контр-адмирал (1907). Генерал-майор, командир 2-го военно-морского округа в Бресте (1907–1909), командовал дивизией Средиземноморской эскадры (1909–1911), флаг на

броненосцах «Жюль Ферри», затем «Виктор Гюго». В 1911 г. возвращен на прежний пост в Бресте. Командор ордена Почетного легиона (1912), вице-адмирал (1913), начальник Морского Генерального штаба (1913–1914), командир 1-го военно-морского округа в Шербуре (1914), 2-го округа в Бресте (1915–1917). В 1917 г. вышел в отставку.

Пилсудский Юзеф (Иосиф) (1867–1935), польский государственный и политический деятель, первый глава возрожденного польского государства, основатель польской армии, маршал Польши. Родился под Вильной в дворянской семье, отец был активным участником восстания 1863 г. Окончил Первую Виленскую гимназию (1885) и поступил на медицинский факультет Харьковского университета, откуда исключен в 1886 г. за участие в студенческих беспорядках. В марте 1887 г. за причастность к заговору с целью цареубийства арестован и приговорен к пяти годам ссылки в Сибири. За участие в бунте в Иркутской тюрьме получил дополнительно полгода тюремного заключения. По возвращении из Сибири в 1892 г. вступил в Польскую социалистическую партию. В 1894 г. избран представителем Литовской секции в Рабочем центральном комитете ППС и стал главным редактором газеты «Рабочий». С мая 1896 г. — в Лондоне, где в качестве представителя Рабочего центрального комитета принял участие в Четвертом конгрессе II Интернационала. По возвращении в Россию сосредоточился на партийной издательской работе. В 1900 г., после провала издания «Рабочего», вновь арестован. Симулировал душевную болезнь и из варшавской тюрьмы переведен в петербургскую лечебницу для душевнобольных. В мае 1901 г. сумел организовать побег, принесший ему признание членов ППС. В 1902 г. избран в расширенный состав РЦК ППС. После недолгого пребывания в Лондоне вернулся в Россию, приступил к укреплению и радикализации ослабевших партийных структур, организовал издание новой газеты «Борьба». С началом Русско-японской войны 1904–1905 гг. отправился в Японию, пытаясь найти поддержку для подготовки восстания в Польше. Предлагал японцам создать польский легион из взятых в плен поляков — солдат русской армии. Этот план провалился, но он вел разведывательную деятельность в пользу Японии, получая за это финансовую поддержку. По возвращении в Польшу в 1904 г. организовывал партийные боевые группы, активно действовавшие во время революции 1905 г. Деятельность боевых группировок финансировалась за счет средств, полученных от японцев и при ограблениях банков и почтовых поездов. После поражения революции в основном проживал в Австро-Венгрии, на территории Галиции увлекся созданием военизированных группировок на основе сокольских союзов. В 1913 г. организовал офицерские курсы Стрелецкого союза. С началом Первой мировой войны при покровительстве австрийских властей из военизированных и военно-спортивных организаций «Стрелец», «Сокол» приступил к формированию польских легионов в составе австро-венгерской армии. После вступления легионов на территорию Царства Польского выпустил воззвание, в котором провозглашался комендантом польских войск, подчиненных якобы созданному в Варшаве национальному правительству, однако в действительности такое правительство не было образовано, а воззвание имело целью вызвать польское восстание на территориях, контролируемых российскими властями. В 1917 г. вошел в состав Временного государственного совета, созданного немецкой администрацией на оккупированной части Польши, но вскоре в связи с обозначившимся в ходе войны перевесом стран Антанты вышел из него и отдал приказ, чтобы польские солдаты не давали присяги на верность Германии и Австро-Венгрии. В результате легионы были распущены, большинство легионеров интернированы, а он сам заключен в крепость Магдебург. 8 ноября 1918 г. освобожден и уже в качестве жертвы австро-германцев вернулся в Варшаву. 11 ноября 1918 г. Регентский совет назначил его временным начальником государства. 22 ноября в Варшаве сформировал правительство во главе с социалистом Е. Морачевским. В январе 1919 г. Учредительный сейм признал его чрезвычайно широкие полномочия начальника государства. Воспользовавшись Гра-

жданской войной в России и ослаблением Германии, проводил политику, направленную на аннексию литовских, украинских, белорусских, немецких и русских земель. Целью его политики было создание «Междуморья» — польско-литовско-белорусско-украинской федерации. В феврале 1919 г. со столкновений в Белоруссии началась Советско-польская война, в которой поляки поначалу владели инициативой. Действуя в союзе с С. В. Петлюрой, в 1919–1920 гг. они захватили Вильно, Минск, Киев, после чего потерпели поражение. Польские войска откатились до Варшавы и Львова. С помощью значительных военных поставок из Франции, Англии и США, а также французской военной миссии во главе с генералом М. Вейганом, взявшей на себя руководство армией, создана ударная группировка, осуществившая контрудар по войскам Западного фронта, возглавляемых М. Н. Тухачевским, который совершил те же ошибки, что и Пилсудский перед началом наступления Красной армии. Потерпев тяжелое поражение, названное в Польше «чудом на Висле», она вынуждена была начать отступление. В ходе контрнаступления польские войска оккупировали обширные территории Латвии и Литвы, где генерал Л. Желиговский по негласному распоряжению Пилсудского, якобы вопреки его воле, занял Вильно и Виленский край. 12 октября 1920 г. в Риге подписан мирный договор, который лег в основу официальных польско-советских отношений до начала Второй мировой войны. Варшава захватила Виленский край, Западную Белоруссию и Западную Украину, где немедленно приступила к насильственной полонизации местного населения. 14 декабря 1922 г. передал власть избранному 9 декабря 1922 г. первому президенту Польши Г. Нарутовичу, после убийства которого 16 декабря и избрания новым президентом С. Войцеховского занял пост начальника Генерального штаба. В мае 1923 г. подал в отставку. В мае 1926 г. благодаря содействию военного министра генерала Л. Желиговского совершил военный переворот, после чего занимал должности военного министра и генерального инспектора вооруженных сил и избиран президентом Польши. От этого поста отказался и при повторном голосовании президентом по его рекомендации избран И. Мосцицки. Помимо должности военного министра в 1926–1928 гг. и 1930 г. занимал также пост премьер-министра. Установившийся авторитарный режим, опиравшийся на армию и сторонников Пилсудского, известен как «санация» — имелось в виду восстановление морального здоровья общества. Роль парламента была ограничена. Политическая оппозиция преследовалась правовыми средствами и силовыми методами: избиения, подавление национальных движений в Белоруссии и Галичине, интернирование без судебных решений в созданный в 1934 г. концентрационный лагерь в Березе-Картузской. Часть его политических противников была вынуждена эмигрировать. В апреле 1935 г. принята новая конституция Польши, санкционирующая авторитарный президентский строй. В стране проводилась политика антисемитизма. В 1932 г. заключил пакт о ненападении с СССР, в 1934 г. — с Германией. Считал ненадежными такие соглашения и искал опоры во Франции и Англии, а также в Румынии, единственной соседке Польши, с которой не было территориальных споров. Умер от рака печени в Варшаве 12 мая 1935 г., тело было погребено в замке Вавель (Краков), сердце — в Вильно.

Питирим (Павел Васильевич Окнов) (1858–1919). Родился в семье священника, после окончания Рижской гимназии (1879) поступил в Киевскую духовную академию, кандидат богословия. В 1883 г. пострижен в монашество и назначен преподавателем Киевской духовной семинарии, инспектор Ставропольской духовной семинарии (1887), с 1890 г. ее ректор и архимандрит, ректор Петроградской духовной семинарии (1891). В 1894 г. хиротонисан в сан епископа Новгород-Северского, викария Черниговской епархии, епископ Тульский и Белевский (1896), епископ Курский и Белгородский (1904). В годы революции 1905–1907 гг. активно выступил против нее, избран почетным председателем Курского отдела Союза русского народа. В 1909 г. возведен в сан архиепископа, архиепископ Владикавказский и Моздокский (1911), архиепископ Самарский и Ставропольский

(1913), архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии, член Святейшего синода (1914–1915). С ноября 1915 г. митрополит Петроградский и Ладожский, архиепископ Александро-Невской лавры, входил в ближайшее окружение Г. Распутина. Сразу же после отречения императора в 1917 г. арестован, но вскоре освобожден и после сложения сана уволен на покой с пребыванием в пределах Владикавказской епархии. Проживал в Пятигорске, где в начале 1918 г. подвергся издевательствам со стороны революционной толпы. С началом Белого движения поддержал его, находился на территориях, занятых Вооруженными силами Юга России. Умер в Новороссийске.

Плеве Вячеслав Константинович фон (1846–1904), государственный деятель из семьи обрусевших немцев, православный. Окончил юридический факультет Императорского Московского университета, определен на службу кандидатом на судебные должности при прокуроре Московского окружного суда, коллежский секретарь (1867). В 1868 г. переведен кандидатом на судебные должности во Владимирский окружной суд и назначен секретарем этого суда. Товарищ прокурора Тульского окружного суда, титулярный советник (1870), коллежский асессор (1873), вологодский губернский прокурор (1873), прокурор Вологодского окружного суда (1874), товарищ прокурора Варшавской судебной палаты (1876), надворный советник (1877), коллежский советник (1879), исполняющий должность прокурора Петербургской судебной палаты (1879), прокурор Петербургской судебной палаты, статский советник (1880). Исполняющий обязанности прокурора в Особом присутствии Сената для суждения дел о государственных преступлениях и по производству дела о цареубийстве 1 марта 1881 г., действительный статский советник, директор Департамента полиции МВД, член Комиссии по положению о государственной охране (1881), тайный советник (1883), сенатор (1884), товарищ министра внутренних дел с оставлением сенатором (1885), государственный секретарь с оставлением сенатором (1894), статс-секретарь (1896), действительный тайный советник (1899), исполняющий должность министра — статс-секретаря Великого княжества Финляндского (1899), в 1900 г. утвержден в этой должности с оставлением в прочих, министр внутренних дел с оставлением прочих должностей (1902–1904). 15 июля 1904 г. убит членом боевой организации эсеров.

Плеве Павел Адамович (1850–1916), выдающий русский военный деятель, выходец из семьи обрусевших немецких дворян. Окончил Варшавскую гимназию (1868) и Николаевское кавалерийское училище, выпущен корнетом в лейб-гвардии Уланский Его Величества полк (1870), поручик (1874). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-ротмистр с переименованием в капитаны Генерального штаба (1877). Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове, обер-офицер при штабе 13-го армейского корпуса (1877–1878). Штаб-офицер для поручений при штабе командующего оккупационными войсками в княжестве Болгарском (1878–1879), начальник отделения Военного управления российского комиссара в княжестве Болгарском (июнь — август 1879 г.), штаб-офицер для поручений при военном министре княжества Болгарского (август — октябрь 1879 г.), подполковник (1879), член Главного военного суда княжества Болгарского (октябрь — ноябрь 1879 г.), начальник Софийского военного отдела (1879–1880). Штаб-офицер для поручений при штабе Казанского военного округа (сентябрь — декабрь 1881 г.), состоял при Главном штабе (1881–1883), полковник (1882), штаб-офицер, ведающий обучающимися в Николаевской военной академии офицерами (1883–1884), правитель дел в Николаевской академии Генерального штаба (1884–1890), командир 12-го драгунского Мариупольского полка (1890–1893), генерал-майор (1893), окружной генерал-квартирмейстер штаба Виленского военного округа (1893–1895), начальник Николаевского кавалерийского училища (1895–1899), начальник 2-й кавалерийской дивизии (1899–1901), генерал-лей-

тенант (1900), начальник войскового штаба войска Донского (1901–1905). Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Комендант Варшавской крепости (март — июль 1905 г.), командующий 16-м армейским корпусом (1905–1906), помощник командующего войсками Виленского военного округа (1906–1909), генерал от кавалерии (1907), командующий войсками Московского военного округа (1909–1914), командующий 5-й армией (август 1914 г. — январь 1915 г.). За отличия в Галицийской битве награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (1914), отличился в ходе Лодзинской операции. Командующий 12-й армией (январь — июнь 1915 г.), 5-й армией (июнь — декабрь 1915 г.), главнокомандующий армиями Северного фронта (декабрь 1915 — февраль 1916 г.). По состоянию здоровья освобожден от командования, назначен членом Государственного совета. Умер в Москве.

Плющевский-Плющик Юрий Николаевич (1877–1926). Окончил Александровский кадетский корпус (1895), 2-е Константиновское училище, подпоручик гвардии (1898), поручик гвардии (1902). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба (1905), во время учебы добровольцем отправился в Маньчжурию, принял участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Штабс-капитан гвардии с переименованием в капитаны Генерального штаба (1905). Цензовое командование ротой отбывал в лейб-гвардии Семеновском полку, в составе которого принял участие в подавлении декабрьского вооруженного восстания в Москве. Старший адъютант штаба 16-й пехотной дивизии (1907–1909), обер-офицер для поручений при штабе Варшавского военного округа (1909–1910), исполняющий должность столоначальника Главного управления Генерального штаба (1910–1911), помощник начальника отделения ГУГШ (1911–1914), подполковник (1911), штатный преподаватель военных наук Николаевской военной академии (1914). С началом войны назначен помощником начальника отделения управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем армиями Северо-Западного фронта, полковник (1914), с декабря 1914 г. старший адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба 10-й армии, с декабря 1915 г. командир 202-го пехотного Горийского полка. В феврале 1917 г. переведен в Ставку и назначен исполняющим должность генерала для делопроизводства и поручений управления дежурного генерала при Верховном главнокомандующем, с июня исполняющий должность 2-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем, генерал-майор (1917). После выступления Л. Г. Корнилова арестован, но вскоре освобожден и зачислен в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа. Активный участник Белого движения на юге России, участник 1-го Кубанского похода, с ноября 1918 г. генерал-квартирмейстер Добровольческой армии, генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего ВСЮР (январь — ноябрь 1919). С 1920 г. в эмиграции в Югославии, затем во Франции, умер в Париже.

По Поль Морис Сезар Жеральд (1848–1932), французский генерал, ветеран Франко-прусской войны 1870–1871 гг., в которой потерял руку. В 1914 г. был вызван из отставки Ж. Жоффром, возглавил Эльзасскую армию, наступление которой поначалу было успешным, но вскоре закончилось поражением, впоследствии участвовал в битве на Марне. В 1916 г. несколько месяцев представлял французскую армию в русской Ставке, отозван по состоянию здоровья.

Поливанов Алексей Андреевич (1855–1920), русский военный деятель. Окончил частную гимназию при лютеранской церкви Св. Анны в Петербурге (1871), Николаевское инженерное училище, подпоручик 2-го саперного батальона (1874), прапорщик лейб-гвардии Гренадерского полка (1875). В 1876 г. поступил в Николаевскую инженерную академию, участвовал и отличился в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., на которую отбыл с учебы вместе со своим полком. Подпоручик, поручик (1877), участвовал в осаде под Плевной, ранен в сражении под Горным Дубняком и в октябре 1878 г. возвращен на

учебу. Окончил по 1-му разряду Николаевскую инженерную академию (1880), возвратился в свой полк, штабс-капитан (1882), капитан (1886). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба первым по наукам, причислен к Генеральному штабу и направлен в Киевский военный округ, старший адъютант штаба (1888). Подполковник (1882), младший делопроизводитель канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба (1889), полковник (1890), старший делопроизводитель канцелярии ВУК ГШ, занимался в особой его части по подготовке к войне под непосредственным руководством начальника Главного штаба генерала Н. Н. Обручева. Начальник 2-го отделения Главного штаба по стратегическим и крепостным вопросам (1894), помощник главного редактора журнала «Военный сборник» и газеты «Русский инвалид» (1898), главный редактор, генерал-майор (1899), второй генерал-квартирмейстер Главного штаба по работе оперативного характера (1905), в том же году исполнял обязанности начальника Главного штаба, генерал-лейтенант (1906), помощник военного министра с правами товарища министра (1906–1912), почетный член Николаевской инженерной академии (1910), генерал от инфантерии (1911), член Государственного совета (1912), военный министр (1915–1916). После Февральской революции 1917 г. новым военным министром А. И. Гучковым назначен председателем Особого комитета по построению армии на новых началах, в декабре 1917 г. уволен от службы. С февраля 1920 г. на службе в РККА, входил в состав Особого совещания при главнокомандующем всеми вооруженными силами Республики. Во время Советско-польской войны вместе с А. А. Брусиловым и другими подписал воззвание «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились», в котором призывал идти на службу в РККА. В августе — сентябре 1920 г. эксперт по военным вопросам на советско-польских мирных переговорах в Риге. Умер от тифа.

Поль Хуго фон (1855–1916), германский военный моряк, командующий флотом открытого моря в 1915–1916 гг. В 1876 г. вступил на военно-морскую службу, лейтенант, обер-лейтенант (1874), капитан (1900), коммодор (1905), контр-адмирал (1908), вице-адмирал (1910), командующий 1-й эскадрой, начальник Морского Генерального штаба (1913), после сражения у Доггер-банки назначен командующим флотом, выступал против генерального сражения и был сторонником подводной войны.

Постовский Петр Иванович (1857–1931). Окончил 4-ю Московскую классическую гимназию (1875), 1-е военное Павловское училище, прапорщик (1878), подпоручик (1879), поручик (1880). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан (1886). Состоял при Варшавском военном округе, старший адъютант штаба 8-й пехотной дивизии (1886–1890), капитан (1888), обер-офицер для поручений при штабе 15-го армейского корпуса (1890–1892), штаб-офицер для особых поручений при штабе 14-го армейского корпуса (1892–1900), подполковник (1893), полковник (1897), начальник штаба 16-й пехотной дивизии (1900–1903), командир 14-го пехотного Олонецкого полка (1903–1906), генерал-майор (1906), генерал для особых поручений при командующем войсками Варшавского военного округа (1906–1908), генерал-квартирмейстер штаба Варшавского военного округа (1908–1913), начальник 1-й Кавказской стрелковой бригады (1913–1914), начальник штаба 2-й армии (август — октябрь 1914 г.). Вышел из окружения вместе с группой штаба армии. Германским военно-полевым судом в 1915 г. заочно осужден за злодеяния в отношении мирных жителей Восточной Пруссии. Командующий 76-й пехотной дивизией (октябрь — ноябрь 1914 г.), командующий 65-й пехотной дивизией (1914–1915), генерал-лейтенант (1914). С июля 1915 г. по болезни в резерве чинов при штабе Киевского военного округа, с декабря того же года в распоряжении начальника Генерального штаба. С ноября 1916 г. управляющий делами Главного комитета при ГУГШ по предоставлению отсрочек военнообязанным по призывам в армию в текущую войну. С 1919 г. в эмиграции.

Потиорек Оскар фон (1853–1933), австрийский военный и государственный деятель, генерал-инспектор (1911), с 1912 г. губернатор Боснии и Герцеговины, в начале Первой мировой войны командовал 5-й и 6-й австрийскими армиями. В декабре 1914 г., после поражений, нанесенных ему сербами, отстранен от командования, в январе 1915 г. отправлен в отставку.

Пржевальский Михаил Алексеевич (1859–1934). Окончил Петровскую Полтавскую военную гимназию (1876) и Михайловское артиллерийское училище (1879). Службу в офицерских чинах начал в гвардейской артиллерии, подпоручик (1878), поручик (1879). Окончил Михайловскую артиллерийскую академию и по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан гвардии с переименованием в капитаны Генерального штаба (1888). Состоял при Кавказском военном округе, начальник строевого отдела штаба Михайловской крепости (1888–1891), обер-офицер для особых поручений при командующем войсками Кавказского военного округа (1891–1892), надворный советник (1892), секретарь генерального консульства в Эрзеруме (1892–1901), занимался сбором разведывательных сведений, изучил этот регион, полковник (1896), начальник штаба 39-й пехотной дивизии (1901–1903), командир 155-го пехотного Кубинского полка (1903–1905), начальник войскового штаба Кубанского казачьего войска (1905–1906), генерал-майор (1906), начальник войскового штаба Терского казачьего войска (1906–1908), начальник Кубанской пластунской бригады (1908–1914), в начале войны с Турцией отличился при обороне г. Сарыкамыш, командир 2-го Туркестанского армейского корпуса (1915), генерал-лейтенант, награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием (1915). Сыграл выдающуюся роль в проведении Эрзерумской операции, отличился в Эрзинджано-Харпутской операции. Генерал от инфантерии (1916), награжден орденом Св. Георгия 3-й степени (1916). С апреля 1917 г. командующий Кавказской армией, а с мая того же года главнокомандующий войсками Кавказского фронта. В декабре 1917 г., не имея возможности противостоять развалу фронта, сложил с себя полномочия главнокомандующего и покинул действующую армию. Активный участник Белого движения на юге России, в конце 1918 г. назначен генералом А. И. Деникиным командующим добровольческими войсками на Кавказе. Эвакуирован в начале 1920 г. из Новороссийска на остров Лемнос, в октябре 1920 г. выехал в Крым, после эвакуации армии П. Н. Врангеля — в эмиграции в Югославии, член объединения лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады. Умер в Белграде.

Принцип Гаврило (1894–1918), уроженец Боснии, студент, член «Молодой Боснии», осужден за убийство Франца-Фердинанда на 20 лет, в 1918 г. умер от туберкулеза в австрийской тюрьме.

Притвиц унд Гаффрон Максимилиан фон (1848–1917), германский военный деятель. С 1866 г. на военной службе, лейтенант (1867). Окончил Военную академию (1876), служил в Большом Генеральном штабе (1877–1878, 1886–1890), командир роты 76-го пехотного полка (1878–1885), командир батальона 43-го пехотного полка (1890–1892), начальник штаба 9-го армейского корпуса (1892–1896), командир 6-го гренадерского полка (1896–1897), 20-й пехотной бригады (1897–1901), 8-й дивизии (1901–1906), 16-го армейского корпуса (1906–1913). С 1913 г. генерал-инспектор 1-й армейской инспекции (Кёнигсберг). С началом Первой мировой войны назначен командующим 8-й армией. 22 августа 1914 г. смещен с поста командующего и отправлен в отставку.

Пришвин Михаил Михайлович (1873–1954), русский и советский писатель, автор произведений о природе, член Императорского географического общества (1907). В годы Первой Мировой войны военный корреспондент.

Пуанкаре Раймонд (1860–1924), французский политик, член Палаты депутатов (1887–1903), министр образования, изящных искусств и религии (1893), министр финансов (1894–1895, 1906, 1926–1928), министр иностранных дел (1922–1924), премьер-министр (1912–1913, 1922–1924, 1926–1929), президент Франции (1913–1920), сенатор (1920–1929).

Пурталес Фридрих фон (1853–1928), граф, германский дипломат, посланник в Нидерландах (1899–1902), представитель Пруссии при правительстве Баварии (1902–1907), посол в России (1907–1914), советник МИДа (1914–1918). С 1918 г. в отставке.

Рагузский Александр Владиславович (1887–1914), русский военный моряк, из дворян Костромской губернии. Окончил Александровский дворянский институт (Нижний Новгород), Морской корпус (1908). Корабельным гардемарином совершил заграничное плавание на крейсере «Богатырь», участвовал в спасении жителей Мессины после землетрясения в декабре 1908 г. Мичман (1909), службу проходил на Черноморском флоте на линейном корабле «Пантелеймон», затем на минном транспорте «Прут». Лейтенант (1914), посмертно награжден Георгиевским оружием.

Радко-Дмитриев Радко Дмитриевич (Радко Русков Дмитриев) (1859–1918), болгарский и русский военный и государственный деятель. В 1876 г. участвовал в болгарском национально-освободительном движении, участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. в составе лейб-гвардии Уланского полка. Окончил Военное училище в Софии (1879), преподавание в это время велось русскими офицерами на русском языке по русским учебникам. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1884), принял участие и отличился в Болгаро-сербской войне 1885 г., помощник начальника штаба Западного корпуса, командовал авнагардом при наступлении на Пирот. Один из главных организаторов переворота 1886 г., свергнувшего князя Александра Баттенбергского. После контрпереворота вынужден был эмигрировать в Румынию, где стал видным членом прорусской офицерской организации. Участвовал в офицерском восстании в Силистрии (1887), после неудачи которого уехал в Россию и поступил на русскую военную службу, служил на Кавказе. В 1898 г., после нормализации отношений между Россией и Болгарией, вернулся на родину, назначен начальником штаба 5-й Дунайской пехотной дивизии. Начальник оперативного отделения Генерального штаба (1900–1904), начальник Генерального штаба (1904–1907), начальник 3-й военно-инспекционной области (1909–1912). Во время Первой Балканской войны 1912 г. командующий 3-й болгарской армией, нанес поражение туркам под Кир-Килиссе и Люле-Бургасом, но не смог овладеть Чаталджинскими позициями. В ноябре 1912 г. командовал 3-й и 1-й армиями под Чаталджей, потерпел неудачу при вторичной попытке овладеть турецой линией укреплений. Во время Второй Балканской войны занимал пост помощника главнокомандующего Действующей армией, затем отправлен Фердинандом Кобургом посланником в Россию. После начала Первой мировой войны официально испросил у царя Фердинанда разрешения вступить в русскую армию, не получив ответа на свою просьбу, сделал это самостоятельно, принял русское подданство и в чине генерал-лейтенанта командовал 8-м армейским корпусом 8-й армии Юго-Западного фронта. Отличился в битве в Галиции, награжден орденом Св. Георгия 3-й степени, после вступления генерала Н. В. Рузского в должность главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта назначен командующим 3-й армией Юго-Западного фронта. Успешно и храбро действовал против австрийцев на перемышльском и краковском направлениях. Весной 1915 г. ослабленная в боях, растянутая по длинному фронту, не имевшая резервов и не получившая подкреплений 3-я армия оказалась под ударом германо-австрийского наступления, в ходе Горлицкой операции и отступления из Кар-

пат понесла большие потери. 7 (20) мая 1915 г. смещен с поста командующего армией, позже командовал 2-м Сибирским армейским и 7-м Сибирским армейским корпусами (1915). С весны 1916 г. командующий 12-й армией Северного фронта, расположенной в районе Риги. В конце декабря 1916 г. предпринял удачное наступление на митавском направлении, не приведшее, однако, к значительному успеху. Летом 1917 г. отстранен от командования решением Временного правительства и зачислен в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа. Уехал на юг России для лечения, в сентябре 1918 г. взят большевиками в число заложников и 18 октября 1918 г. зверски убит ими в Пятигорске вместе с рядом других высокопоставленных русских военных и государственных деятелей.

Радославов Васил (Василий) (1854–1929), болгарский общественный и государственный деятель. Получил юридическое образование в Вене и Гейдельберге, министр юстиции (1884–1886), премьер-министр (1886–1887, 1913–1918), лидер либеральной партии (1887–1918), депутат Народного собрания (1880, 1886–1887, 1911), министр внутренних дел (1899–1900). После поражения Болгарии в Первой мировой войне и отречения Фердинанда Кобургского эмигрировал вместе с ним в Германию.

Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1869–1916), крестьянин села Покровское Тобольской губернии. С 1904 г. в Петербурге, близок вначале к семье великого князя Николая Николаевича (младшего), в том же году представлен супругой великого князя императору в качестве старца и провидца. В связи с репутацией целителя и неизлечимой болезнью наследника престола пользовался значительным влиянием на императрицу и, по мнению ряда современников, использовал это для подготовки принятия кадровых и политических решений Николая II. В последние годы жизни превращен в одиозную фигуру, символ разложения монархии. 16 (29) декабря 1916 г. убит заговорщиками (Ф. Ф. Юсупов, В. М. Пуришкевич, великий князь Дмитрий Павлович) в Петрограде.

Рауш фон Траубенберг Евгений-Александр-Эрнест Александрович (1855–1923), барон, русский военный деятель, из дворян Эстляндской губернии. Окончил Пажеский корпус, выпущен корнетом в лейб-гвардии Конный полк (1873), поручик (1876). Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-ротмистр (1880), в том же году переименован в капитаны Генерального штаба. Состоял для особых поручений при штабе 1-го армейского корпуса (1880–1881), старший адъютант штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии (1881–1884), состоял для поручений при штабе войск гвардии и Петербургского военного округа (октябрь – декабрь 1884 г.), штаб-офицер для поручений при том же штабе (1884–1888), подполковник (1885), военный агент в Афинах (1888–1891), полковник (1888). Прикомандирован к лейб-гвардии Кирасирскому Ее Величества полку (1891–1893), состоял в распоряжении начальника Главного штаба (1893–1894), командир 39-го драгунского Нарвского полка (1894–1899), генерал-майор (1899), командир лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка (1899–1900), начальник штаба Гвардейского корпуса (1900–1904), начальник штаба Московского военного округа (1904–1907), генерал-лейтенант (1905), начальник 5-й кавалерийской дивизии (1907–1910), командир 23-го армейского корпуса (1910–1913), генерал от кавалерии (1911), помощник командующего войсками Варшавского военного округа (1913–1914), главный начальник Минского военного округа (1914–1917). После Февральской революции арестован солдатами, Временное правительство отказалось отдать приказ о его освобождении. В марте 1917 г. официально отставлен от должности и зачислен в резерв чинов при штабе Киевского военного округа, вскоре уволен в отставку. Участник Белого движения на юге России. В 1920 г. эвакуировался из Крыма, эмигрировал в Германию, умер в Мюнхене.

Рейс Рудольф Арчибальд (1875–1929), швейцарский публицист, химик, криминолог, профессор Университета Лозанны. Родился в Германии, где и получил образование, после чего продолжил учебу в Швейцарии, в 1897 г. защитил докторскую диссертацию по химии, стал признанным экспертом в фотографии, с 1906 г. профессор криминологии Университета Лозанны. В 1914 г. по приглашению правительства Сербии возглавил расследование военных преступлений австро-венгерской, а затем и болгарской армий на территории королевства, результаты которого были опубликованы еще в ходе Первой мировой войны. В 1915 г. участвовал в отступлении сербской армии через Албанию к Адриатике, а также в возвращении армии в Сербию в 1918 г. Член сербской делегации на Парижской мирной конференции, после завершения войны остался жить в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев. Один из основателей общества Сербского (затем Югославского) Красного Креста. Автор брошюры «Послушайте сербов!», обращенной к европейцам в 1928 г. и звучавшей весьма актуально вплоть до сегодняшнего дня.

Ренненкампф Павел-Георг Карлович (1854–1918), русский военный деятель, из дворян Эстляндской губернии, лютеранин. В 1870 г. поступил на службу в 89-й пехотный Беломорский полк, унтер-офицер. Окончил Гельсингфоргское пехотное юнкерское училище, корнет (1873), поручик (1876), штабс-ротмистр (1877). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, ротмистр (1882). Майор (1882), обер-офицер для особых поручений при штабе 14-го армейского корпуса (1882–1884), подполковник (1886), состоял в распоряжении начальника штаба Варшавского военного округа (1886), а также для поручений при штабе Казанского военного округа (1886–1888), старший адъютант войскового штаба войска Донского (1888–1889), штаб-офицер для особых поручений при штабе 2-го армейского корпуса (1889–1890), начальник штаба Осовецкой крепости (1890–1891), полковник (1890), начальник штаба 14-й кавалерийской дивизии (1891–1895), командир 36-го драгунского Ахтырского полка (1895–1899), начальник штаба войск Забайкальской области (1899–1901), генерал-майор (1900). Принял участие и отличился в Китайской кампании 1900 г., за боевые отличия награжден орденом Св. Георгия 4-й и 3-й степеней (1900). Начальник 1-й отдельной кавалерийской бригады (1901–1904). Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг., командующий Забайкальской казачьей дивизией (1904), в июне того же года за боевые отличия произведен в генерал-лейтенанты, а в августе назначен начальником Забайкальской казачьей дивизии. В августе 1905 г. переведен в распоряжение главнокомандующего на Дальнем Востоке, командир 7-го Сибирского армейского корпуса (ноябрь 1905 — июнь 1906 г.). В январе 1905 г. командовал карательным отрядом, направленным на подавление волнений на Транссибирской железной дороге, в кратчайшие сроки восстановил (вместе с отправленным навстречу ему отрядом генерала барона А. Н. Меллера-Закомельского) сообщение Маньчжурских армий с Западной Сибирью. За боевые отличия награжден золотым оружием с бриллиантами (1906). Командир 3-го Сибирского армейского корпуса (июнь — декабрь 1906 г.), командир 3-го армейского корпуса (1906–1913), генерал от кавалерии (1910), генерал-адъютант (1912), командующий войсками Виленского военного округа (1913–1914). С началом Первой мировой войны до ноября 1914 г. командовал 1-й армией. Его действия в ходе Восточно-Прусской операции вызвали большое недовольство в России и стали предметом разбирательства специальной комиссии, не нашедшей в них преступления. После Лодзинской операции отстранен от командования, состоял в распоряжении военного министра. В августе 1915 г. перешел из лютеранства в православие, в октябре того же года уволен от службы с пенсией и сохранением мундира. После Февральской революции арестован и заключен в Петропавловскую крепость, находился под следствием Чрезвычайной следственной комиссии, но по результатам следствия фактов для выдвижения против него обвинения собрано не было. После Октябрьской революции освобожден и уехал в Таганрог. После занятия города большевиками перешел

на нелегальное положение. В марте 1918 г. арестован ВЧК, от предложения вступить в Красную армию отказался, направлен в Петроград, где 1 апреля 1918 г. расстрелян по приказу В. А. Антонова-Овсеенко.

Риккель Луи-Дезире-Юбер де (1857–1922), барон. Окончил Военную школу, лейтенант артиллерии (1885), капитан (1889), пожаловано баронское достоинство (1890), экстраординарный (1893), ординарный (1899–1905) профессор Военной школы, подполковник (1908), составитель «Мемуаров об обороне Бельгии» (1909–1910), во многом определивших ход подготовки границ королевства к войне, помощник начальника Генерального штаба Бельгии (1913–1914), генерал-майор (1914), представитель при русской Ставке (1914–1918), по возвращении из России произведен в генерал-лейтенанты.

Роде Готлиб-Павел-Вильгельм (Василий) Карлович (Павлович) (1858–1935), русский военный деятель германского происхождения, уроженец Санкт-Петербургской губернии, лютеранин. Окончил Санкт-Петербургское реформатское училище (1876), 2-е военное Константиновское училище, прапорщик лейб-гвардии Семеновского полка (1878). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, подпоручик гвардии с переименованием в поручики Генерального штаба (1884). Состоял при Виленском военном округе, старший адъютант штаба 29-й пехотной дивизии (1884–1887), штабс-капитан (1885), капитан (1886), старший адъютант штаба 3-го армейского корпуса (1887–1890), старший адъютант штаба 17-го армейского корпуса (1890–1891), штаб-офицер для особых поручений при штабе 13-го армейского корпуса (1891–1894), подполковник (1891), состоял в прикомандировании к Московскому военному училищу для преподавания военных наук (1894–1897), полковник (1895), штаб-офицер для особых поручений при штабе Гренадерского корпуса (1897–1899, начальник штаба 3-й гренадерской дивизии (1899–1901), командир 1-го пехотного Невского полка (1901–1904), за отличие произведен в генерал-майоры (1904), начальник штаба 1-го Кавказского армейского корпуса (1904–1913), за отличие произведен в генерал-лейтенанты (1913), начальник 42-й пехотной дивизии (1913–1915), награжден орденом Святого Георгия 4-й степени (1914), командир 7-го Сибирского армейского корпуса (июль — октябрь 1915 г.). С октября 1915 г. в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа, в сентябре 1917 г. уволен от службы по болезни, при отставке произведен в генералы от инфантерии. После прихода к власти большевиков арестован, после освобождения уехал в Финляндию. В эмиграции проживал в Германии и Финляндии, умер в Хельсинки.

Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924), русский общественный и государственный деятель. Окончил Пажеский корпус, после чего в 1877 г. вступил корнетом в лейб-гвардии Кавалергардский Его Величества полк, в 1882 г. вышел в запас в чине поручика. Жил в Екатеринославской губернии, где в 1883 г. избран почетным мировым судьей, предводитель дворянства Новомосковского уезда (1886–1891). В 1891 г. вышел в отставку «по домашним обстоятельствам» и несколько лет провел в имении в Новоторжском уезде Новгородской губернии, где избран земским гласным. Пожалован в звание камер-юнкера (1892), камергера (1899). С 1901 г. председатель Екатеринославской губернской земской управы, действительный статский советник (1906), один из организаторов «Союза 17 октября» и член его ЦК, член Государственного совета по выборам от екатеринославского земства (1906–1907). В связи с избранием от Екатеринославской губернии в III Думу 31 ноября 1907 г. сложил звание члена Верхней палаты. В Думе с 1910 г. возглавил фракцию октябристов, а 22 марта 1911 г. сменил А. И. Гучкова на посту председателя Думы. После раскола партии октябристов на рубеже 1913–1914 гг. входил во фракцию земцев-октябристов. Переизбранный в IV Думу, умело лавируя между фракциями и группировками палаты, стал ее председателем и в дальнейшем ежегодно

переизбирался на эту должность. Значительную роль сыграл в годы Первой мировой войны. Начав с почти безоговорочной поддержки власти в первые месяцы военных действий, под влиянием поражений на фронте перешел в оппозицию. С июля 1915 г. один из лидеров «Прогрессивного блока», принадлежал наряду с А. И. Гучковым и Г. Е. Львовым к числу наиболее вероятных кандидатов блока на пост премьер-министра. Был одним из инициаторов учреждения 17 августа 1915 г. Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства, с 26 августа 1915 г. возглавлял образованную Особым совещанием Эвакуационную комиссию. 27 февраля 1917 г. избран председателем Временного комитета Государственной думы. От имени комитета вел по телеграфу переговоры со Ставкой, завершившиеся отречением Николая II и созданием Временного правительства, в которое, однако, не вошел. Затем оставался во главе быстро утратившего влияние Временного комитета, под его руководством в апреле — августе 1917 г. проходили так называемые частные совещания членов Думы, обсуждавшие политическую и экономическую ситуацию в стране. Находился на посту председателя Думы вплоть до ее роспуска 6 октября 1917 г. После Октябрьской революции уехал на Дон, участвовал в создании Белого движения. Скончался в эмиграции в Югославии.

Рожанский Станислав Мечеславович (1871–1914), русский военный польского происхождения. Окончил Тифлисское пехотное юнкерское училище, подпоручик (1893), поручик (1897). Участвовал и отличился в войне с Китаем в 1900–1901 гг., штабс-капитан (1901), награжден орденами Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом (1901), Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (1902). Участвовал и отличился в Русско-японской войне 1904–1905 гг., ранен, награжден орденами Св. Георгия 4-й степени (1904), Св. Анны 4-й степени, Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й степени с мечами (1905), произведен в капитаны (1906). В 1907 г. награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами и произведен в подполковники. Командир 4-го батальона 15-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, полковник (1910), командир 16-го Сибирского стрелкового полка (1913). Умер от ран, полученных в бою под Гройцами (близ Варшавы), посмертно награжден орденом Св. Георгия 3-й степени (1915).

Розеншильд фон Паулин Анатолий Николаевич (1860–1929), русский военный деятель немецкого происхождения, лютеранин. Окончил Полоцкую военную гимназию (1877), 1-е военное Павловское училище, прапорщик лейб-гвардии (1879), подпоручик (1884), поручик (1885). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан (1887). Состоял при Виленском военном округе, капитан Генерального штаба (1887), старший адъютант штаба 28-й пехотной дивизии (1887–1889), состоял для особых поручений при штабе 3-го армейского корпуса (1889–1891), подполковник (1891), штаб-офицер для особых поручений при штабе 3-го армейского корпуса (1891–1892), старший адъютант штаба Омского военного округа (1892–1896), полковник (1895), штаб-офицер для особых поручений при штабе 7-го армейского корпуса (1896), столоначальник Главного управления казачьих войск (1896–1897). Состоял в числе штаб-офицеров Генштаба, положенных по штату при Главном штабе (1897–1899), начальник части по изданию уставов и положений об образовании учреждений при Главном штабе (1899–1901). С февраля 1900 г. в отставке. Прикомандирован к лейб-гвардии 4-му стрелковому Императорской Фамилии батальону для обновления строевых познаний (май — сентябрь 1901 г.). Состоял в распоряжении начальника Главного штаба (1901–1903), командир 7-го стрелкового полка (1903–1905). Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг., контужен, за отличия произведен в генерал-майоры (1905). Командир 2-й бригады 10-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии (июль — ноябрь 1905 г.), награжден золотым оружием (1905), командир лейб-гвардии 1-го стрелкового Его Величества батальона (1905–1907), зачислен в Свиту Его Величества (1906), начальник Офицерской стрел-

ковой школы (1907–1909), командир 2-й бригады 12-й пехотной дивизии (1909–1911), командир 1-й бригады 42-й пехотной дивизии (1911–1914), генерал-лейтенант (1914), с мая 1914 г. начальник 29-й пехотной дивизии. Участвовал в первом и втором походах в Восточную Пруссию, в боях при Стулупенене, Губменене, в боях в Августовских лесах, где при попытке выхода 20-го армейского корпуса из окружения попал в плен. После освобождения в конце 1918 г. прибыл в Добровольческую армию и после короткого пребывания в резерве чинов возглавил курсы инструкторов по пулеметному делу. В 1919 г. участвовал в занятии Одессы, после чего возглавил отряд добровольцев из Одессы, с которым наступал на киевском направлении в составе 3-го отдельного корпуса генерала Шиллинга. В 1920 г. эвакуирован из Новороссийска в Сербию. В эмиграции проживал в Нови-Саде, принят на службу в находившемся в старой крепости Петервардейн отделении инспекции пехоты Военного министерства Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев. Похоронен в Нови-Саде.

Роман Мстиславич (около 1150–1205), князь Новгородский (1168–1170), Волынский (1170–1187, 1188–1199), Галицкий (1188, 1199–1205), первый князь Галицко-Волынский (1199–1205), Великий князь Киевский (1201, 1204).

Романовы, русский боярский род, носивший такую фамилию с конца XVI в., с 1613 г. — династия русских царей, с 1721 г. — императоров всероссийских, впоследствии — царей Польши, великих князей Литвы и Финляндии, герцогов Ольденбурга и Гольштейн-Готторпа и великих магистров Мальтийского Ордена. Отреклись от престола в марте 1917 г.

Ромейко-Гурко Василий Иосифович (1864–1937), русский военачальник, сын генерал-фельдмаршала И. В. Гурко. Окончил Пажеский корпус (1885), начал службу корнетом в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку, поручик (1889). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1892), после чего служил на штабных должностях, штабс-ротмистр с переименованием в капитаны Генерального штаба. Участвовал в Памирской экспедиции 1892 г. Состоял при Варшавском военном округе, старший адъютант штаба 8-й пехотной дивизии (1892–1893), обер-офицер для поручений при штабе Варшавского военного округа (1893–1894), исполняющий должность штаб-офицера для особых поручений при помощнике командующего войсками Варшавского военного округа (1894–1896), подполковник (1895), штаб-офицер для поручений при командующем войсками Варшавского военного округа (1896–1899). Русский военный агент при армии буров во время Англо-бурской войны (1899–1902), полковник (1900). Младший делопроизводитель канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба (1900–1901), военный агент в Берлине (апрель — ноябрь 1901 г.). С началом Русско-японской войны направлен штаб-офицером для поручений при управлении генерал-квартирмейстера Маньчжурской армии, откомандирован исполняющим обязанности начальника штаба 1-го Сибирского армейского корпуса (в районе Ляояна), затем, оставаясь при штабе, участвовал в сражении при Вафаньгоу. С конца июля 1904 г. заведовал в штабе армии военной цензурой, с 20 июля (2 июня) исполняющий должность начальника Уссурийской отдельной конной бригады и начальника конницы Южного отряда, прикрывал отход к Ляояну и участвовал в Ляоянском сражении. Во время сражения на реке Шахэ временно исполняющий должность начальника штаба 1-го Сибирского армейского корпуса, участвовал в захвате Путиловской сопки, после чего назначен начальником Путиловского участка обороны. С ноября 1904 г. руководил формированием штаба отряда генерала П. К. Ренненкампфа, исполняющий должность начальника штаба отряда во время Мукденского сражения. Награжден золотым оружием с надписью «За храбрость» (1905), генерал-майор (1905), с марта 1905 г. командир 2-й бригады Урало-Забайкальской казачьей дивизии, командир 2-й бригады 4-й кавалерийской дивизии (апрель — октябрь 1906 г.), председатель военно-исто-

рической комиссии по описанию Русско-японской войны (1906–1911), генерал-лейтенант (1910). С марта 1911 г. начальник 1-й кавалерийской дивизии, с которой вступил в Первую мировую войну в составе 1-й армии Северо-Западного фронта, участвовал в Восточно-Прусской операции 1914 г., награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (1914). С ноября 1914 г. командир 6-го армейского корпуса, в конце мая 1915 г. в районе реки Днестр по собственной инициативе предпринял наступление, в результате которого разбил до двух австро-венгерских корпусов и захватил около 13 тыс. пленных, награжден орденом Св. Георгия 3-й степени (1915). С февраля 1916 г. командующий 5-й армией Северного фронта, генерал от кавалерии (1916), с августа 1916 г. командующий Особой армией, временно исполняющий обязанности начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего (10 (23) ноября 1916 г. – 17 февраля (1 марта) 1917 г.). Принимал участие в работе Петроградской конференции (январь – февраль 1917 г.) на совещании военных представителей стран Антанты. С 3 (16) марта 1917 г. главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, 15 (28) мая 1917 г. подал Верховному главнокомандующему генералу М. В. Алексееву заявление о сложении с себя ответственности за положение дел во вверенных ему армиях ввиду принятия Временным правительством и обнародования 10 (23) мая «Декларации прав солдата». 22 мая (4 июня) 1917 г. указом Временного правительства снят с должности с запрещением занимать посты выше командира дивизии, состоял в распоряжении Верховного главнокомандующего. 21 июля (3 августа) арестован и заключен в Петропавловскую крепость по обвинению в переписке с арестованным бывшим императором. В сентябре 1917 г. по решению Временного правительства выслан за границу через Архангельск, 14 (27) октября 1917 г. официально уволен из армии. В эмиграции проживал в Италии, участвовал в работе Русского общевоинского союза (РОВС).

Ромейко-Гурко Владимир Иосифович (1862–1927), русский государственный деятель, сын генерал-фельдмаршала И. В. Гурко, публицист, член Русского собрания, сподвижник П. А. Столыпина, действительный статский советник. Окончил юридический факультет Императорского Московского университета, комиссар по крестьянским делам Гродецкого и Радиминского уездов Варшавской губернии, член Варшавского губернского присутствия по крестьянским делам (1887), исполнял должность варшавского вице-губернатора. С 1895 г. на службе в Государственной канцелярии, помощник статс-секретаря Департамента экономии (1898), начальник Земского отдела в МВД (1902), товарищ министра внутренних дел (1906–1907). В 1907 г. привлечен к суду и отставлен от службы за заключение невыгодной сделки на поставку зерна для помощи голодающим с купцом Л. Лидвалем. В 1908 г. помилован императором, в 1909 г. освобожден от законных последствий осуждения. Гласный Тверского губернского земского собрания, член Постоянного совета Объединенного дворянства (1909), камергер (1910), член Государственного совета (1912), входил в «Правую группу», с июня 1913 г. – в «Кружок внепартийного объединения», член «Прогрессивного блока» (1915). Активный участник Белого движения, с 1919 г. в эмиграции, скончался в Париже.

Ронжин Сергей Александрович (1869–1929). Окончил Симбирский кадетский корпус (1886) и Николаевское инженерное училище, подпоручик (1889), поручик (1891). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан (1897). Состоял при Киевском военном округе, старший адъютант штаба 32-й пехотной дивизии (1898–1899), капитан (1899), помощник старшего адъютанта штаба Киевского военного округа (1899–1902), штаб-офицер для особых поручений при командующем войсками Киевского военного округа (1902–1908), подполковник (1903), полковник (1907), заведующий передвижением войск Киевского района (1908–1911). Начальник отделения Главного управления Генерального штаба (1911–1913), генерал-майор (1912), помощник начальника отдела военных сообщений ГУГШ (1913–1914), с мая 1914 г. на-

чальник отдела военных сообщений ГУГШ, представитель от Военного министерства в Совете по железнодорожным делам, начальник военных сообщений при Верховном главнокомандующем (1914–1917), генерал-лейтенант (1916). В январе 1917 г. переведен в распоряжение военного министра, в мае того же года зачислен в резерв чинов при штабе Одесского военного округа. Принял участие в Белом движении на юге России, с июля 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР. В 1920 г. эвакуировался из Новороссийска, проживал в эмиграции в Югославии.

Рощаковский Михаил Сергеевич (1876–1938), русский морской офицер, герой Русско-японской войны, принадлежал к ближайшему окружению императора Николая II. Окончил Морской кадетский корпус с присуждением премии Адмирала Нахимова в 250 рублей, мичман, зачислен в 1-й флотский экипаж (1896). Вахтенный офицер эскадренного броненосца «Чесма» (февраль — апрель 1897 г.). Производитель гидрографических работ на Балтийском море (1897–1898), вахтенный офицер эскадренного броненосца «Император Александр II» (1898), вахтенный начальник миноносца № 120 (1898), вахтенный начальник мореходной канонерской лодки «Грозящий» (1899), вахтенный начальник броненосца «Император Александр II» (1899–1900), вахтенный начальник миноносца «Скат», лейтенант (1901), вахтенный начальник эскадренного броненосца «Наварин» (1901), вахтенный начальник крейсера 1 ранга «Рюрик» (1901), вахтенный начальник крейсера 1 ранга «Громобой» (1902), вахтенный начальник крейсера 2 ранга «Разбойник» (1902), вахтенный начальник и исполняющий должность командира миноносца «Бойкий» (1902), вахтенный начальник крейсера 2 ранга «Разбойник» (1903), вахтенный начальник эскадренного броненосца «Полтава» (1904). Принял участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг., отличился в боях при обороне Порт-Артура, командуя миноносцем «Решительный». В июле 1904 г. его корабль послан с депешей в Чифу, где вынужден интернироваться. После высадки японского десанта отказался сдаваться, во время рукопашного боя ранен. Участвовал в Цусимском сражении, командуя носовой башней главного калибра броненосца береговой обороны «Адмирал Сенявин». Находился в японском плену (1905–1906). В 1-м флотском экипаже (1906–1907), коллежский асессор 2-го департамента Министерства иностранных дел (1907), второй секретарь российского посольства в Греции (1908), секретарь российской миссии в Дармштадте (январь — июнь 1908 г.). Определен на действительную службу в чине лейтенанта за пребывание в запасе флота со старшинством с 10 (23) июня 1908 г.. Назначен в 1-ю минную дивизию Балтийского моря (август 1908 г.), зачислен в 1-й Балтийский флотский экипаж (1908–1914), вахтенный начальник эскадренного миноносца «Пограничник» (август — декабрь 1914 г.), начальник отделения 1-й морской партии траления Балтийского моря (1914–1915), командир ремонтирующегося миноносца «Легкий» (январь — июль 1915 г.). В распоряжении начальника Морского Главного штаба (июль — ноябрь 1915 г.), исполняющий должность начальника службы связи Белого моря (1915–1916), адъютант морского министра (июль — декабрь 1916 г.), начальник отряда судов обороны Кольского залива (1916–1917). С сентября 1917 г. уволен от службы и переведен в МИД. В 1918 г. эмигрировал из Архангельска в Норвегию. В 1928 г. вернулся в Россию, арестован и осужден на три года ссылки в Сибирь, в том же году освобожден и получил разрешение на свободное проживание на всей территории СССР. Проживал в Москве, в 1935 г. арестован НКВД, осужден на пять лет заключения как социально опасный элемент, умер в Карагандинском ИТЛ, реабилитирован в 2004 г.

Рузский Николай Владимирович (1854–1918). Окончил 1-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию (1870), Константиновское военное училище, подпоручик (1872), в том же году переведен в лейб-гвардии Гренадерский полк, гвардии прапорщик, подпоручик (1875), поручик (1877). Принял участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на

Балканском полуострове, штабс-капитан (1878). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, капитан Генерального штаба (1881). Помощник старшего адъютанта штаба Казанского военного округа (1881–1882), старший адъютант штаба Киевского военного округа (1882–1887), подполковник (1882), полковник (1885), начальник штаба 11-й кавалерийской дивизии (1887–1891), начальник штаба 32-й пехотной дивизии (1891–1896), командир 151-го пехотного Пятигорского полка (июль – декабрь 1896 г.), генерал-майор (1896), окружной генерал-квартирмейстер штаба Киевского военного округа (1896–1902), начальник штаба Виленского военного округа (1902–1904), генерал-лейтенант (1903). Принял участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Начальник штаба 2-й Маньчжурской армии (1904–1906), командир 21-го армейского корпуса (1906–1909), член Военного совета, генерал от инфантерии (1909). Автор Полевого устава 1912 г. Помощник командующего войсками Киевского военного округа с оставлением членом Военного совета (1912–1914), командующий 3-й армией (август – сентябрь 1914 г.). За взятие Львова награжден орденами Св. Георгия 4-й и 3-й степеней, за Галицийскую битву произведен в генерал-адъютанты и награжден орденом Св. Георгия 2-й степени. Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта (сентябрь 1914 – март 1915 г.), снят с должности по болезни, назначен членом Государственного и Военного советов (1915), командующий 6-й армией (июнь – август 1915 г.), главнокомандующий армиями Северного фронта (август – декабрь 1915 г.). Вновь заболев, сдал фронт, главнокомандующий армиями Северного фронта (август 1916 – апрель 1917 г.). Принял активное участие в давлении высших чинов армии на Николая II с целью добиться отречения императора от престола. В апреле 1917 г. покинул свой пост и уехал лечиться в Кисловодск. В сентябре 1918 г. вместе с группой генералов взят в заложники чекистами, вывезен в Пятигорск, где после издевательств зарублен.

Русин Александр Иванович (1861–1956), из семьи священника. Окончил Морской корпус в звании гардемарина (1881), в том же году произведен в мичманы. Окончил гидрографическое отделение Николаевской морской академии (1888), Артиллерийский офицерский класс (1896). Морской агент в Японии, старший лейтенант, капитан 2 ранга (1899–1904), заведующий миноносцами и их командами в Николаевске-на-Амуре (1904), исполняющий должность начальника морской канцелярии Главнокомандующего сухопутными и морскими силами, действующими против Японии (1905), капитан 1 ранга (1905). Командир эскадренного броненосца «Слава» (1905–1907), командующий отдельным отрядом судов, назначенных для плавания с корабельными гардемаринами (1907), временно исполняющий обязанности помощника начальника Главного Морского штаба (1907–1908), исполняющий должность начальника Николаевской морской академии (1908–1909), директор Морского корпуса, командующий отдельным учебным отрядом судов Морского корпуса (1908–1913), контр-адмирал (1909), почетный член Конференции Николаевской морской академии (1910), вице-адмирал (1912), начальник Главного Морского штаба (1913–1914), начальник Морского Генерального штаба (1914), начальник Морского штаба Верховного главнокомандующего (1914–1917), помощник морского министра (1915), адмирал (1916). В июле 1917 г. уволен в отставку. После Октябрьской революции эмигрировал во Францию, принимал активное участие в деятельности эмигрантских организаций, основанных русскими моряками, председатель Всезарубежного объединения русских морских организаций, почетный председатель Общества взаимопомощи бывших чинов императорской армии и флота. В 1939 г. переехал в Марокко, умер в Касабланке.

Рыжков Николай Николаевич (1868–1920), протоиерей. Родился в семье священника в слободе Борисовка Грайворонского уезда Курской губернии. Окончил Курскую семинарию, Киевскую духовную академию, кандидат богословия (1892). Правщик текстов

в канцелярии Святейшего синода (1893), псаломщик при посольской церкви в Вене (1895), с 1897 г. одновременно нештатный секретарь при генеральном консульстве в Вене. Окончил Венский университет по кафедре славистики (1901), в том же году принял священнический сан, настоятель храма Святых Апостолов Петра и Павла в Карлсбаде, одновременно настоятель церкви Святого Николая в Праге. Принимал активное участие в культурной и религиозной жизни Чехии и Моравии, воздерживаясь от причастности к политической. В августе 1914 г. арестован, провел 22 месяца в одиночной камере в тюрьме в Вене. В мае 1917 г. предстал перед судом по обвинению в подрывной деятельности против Австро-Венгрии, приговорен к смертной казни через повешение. При посредничестве испанского посольства, представлявшего в Австро-Венгрии интересы России, организован обмен отца Николая на графа А. Шептицкого. В 1917 г. вернулся в Петроград, где и умер.

Савич Никанор Васильевич (1869–1942), русский общественный деятель. Окончил физико-математический факультет Новороссийского университета, после жил в своем имении, был уездным и губернским земским гласным. Депутат III и IV Дум от Харьковской губернии, октябрист, после раскола фракции вошел в думскую фракцию земцев-октябристов. Товарищ председателя Комиссии государственной обороны (с 1912 г. — Комиссия по военным и морским делам), в Думе считался специалистом по военным вопросам. С августа 1915 г. член Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. 28 февраля 1917 г. назначен комиссаром Временного комитета Государственной думы в Военное и Морское министерство. В мае 1918 г. уехал из Петрограда на Украину. Участник совещания в Яссах в ноябре 1918 г. В 1919 г. член Особого совещания при А. И. Деникине, в 1920 г. в крымском правительстве П. Н. Врангеля занимал пост государственного контролера, после поражения армии П. Н. Врангеля в ноябре 1920 г. эвакуировался в Константинополь. С февраля 1921 г. жил в Париже.

Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927), российский государственный деятель, землевладелец Рязанской губернии, из старинной провинциальной дворянской семьи. В 1883 г. поступил на службу в Министерство иностранных дел. В 1890 г. прибыл в Лондон, где стал вторым секретарем посольства. В 1894 г. назначен секретарем русской миссии при Ватикане, где работал под руководством А. П. Извольского. В Ватикане прослужил 10 лет, в 1904 г. получил назначение советником посольства в Лондоне, где послом в то время был граф А. К. Бенкендорф. С марта 1906 г. министр-резидент при папе римском. В 1907 г. назначен посланником в США. 26 мая 1909 г., после так называемого «скандала Бухлау», назначен товарищем (заместителем) министра иностранных дел на место отправленного послом в Константинополь Николая Чарыкова, чтобы усилить внешний контроль за деятельностью министра А. П. Извольского. С 4 сентября 1910 г. управляющий МИД Российской империи, с 8 ноября 1910 г. министр иностранных дел. Занял должность министра иностранных дел благодаря содействию П. А. Столыпина. 1 января 1913 г. назначен членом Государственного совета. 1 августа 1914 г. принял от германского посла ноту об объявлении войны. 7 июля 1916 г. уволен с поста министра иностранных дел. После увольнения гофмейстер и член Государственного совета. 12 января 1917 г. назначен послом в Великобританию, но в связи с Февральской революцией к месту службы выехать не успел. После Октябрьского переворота активный участник Белого движения. В 1918 г. входил в состав Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России А. И. Деникине. В 1919 г. министр иностранных дел Всероссийского правительства А. В. Колчака и А. И. Деникина, член Русского политического совещания, которое, по замыслу лидеров Белого движения, должно было бы представлять интересы России на Парижской мирной конференции. Деятель эмиграции, в 1927 г. опубликовал

свои «Воспоминания», описывающие его деятельность на посту товарища министра и министра иностранных дел Российской империи. Несколько лет провел в Польше, где ему вернули его имение под Белостоком в знак признательности за симпатии к Польше. Скончался в 1927 г. в Ницце.

Самойло Александр Александрович (1869–1963), русский и советский военный деятель. Окончил 3-ю Московскую гимназию (1890), Московское военное училище, подпоручик (1892), поручик (1895). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан (1898). Командир роты в 1-м лейб-гренадерском Екатеринославском полку (1898–1900), на стажировке по службе Генерального штаба при штабе Казанского военного округа (1900–1901), старший адъютант 31-й пехотной дивизии (1901–1902), капитан (1901), помощник старшего адъютанта штаба Киевского военного округа (1902–1903), обер-офицер для поручений при том же штабе (1903–1904), старший адъютант того же штаба, руководил разведывательной работой по Австро-Венгрии (1904–1909), подполковник (1904), полковник (1908), делопроизводитель в разведывательном отделении Главного управления Генерального штаба, занимался сбором разведывательной информации по Австро-Венгрии (1909–1914), штаб-офицер для производства и поручений в управлении генерал-квартирмейстера Ставки Верховного главнокомандующего (1914–1915), исполняющий должность помощника генерал-квартирмейстера штаба армий Западного фронта (1915–1917), генерал-майор (1916), генерал-квартирмейстер штаба 10-й армии (март – сентябрь 1917 г.), начальник штаба 10-й армии (сентябрь – декабрь 1917 г.), эксперт на переговорах в Брест-Литовске (1917–1918). В 1918 г. добровольно вступил в РККА, с февраля того же года помощник начальника военрука Западного участка завесы, начальник штаба Беломорского военного округа (май – август 1918 г.), начальник полевого штаба Северо-Восточного участка завесы (август – сентябрь 1918 г.), начальник штаба 6-й армии (сентябрь – ноябрь 1918 г.), командующий той же армией (1918–1920), в мае 1919 г. командовал Восточным фронтом. Член комиссии по мирным переговорам с Финляндией (апрель 1920 г.), второй помощник начальника полевого штаба РВСР (май – июнь 1920 г.), временно исполняющий должность начальника Всероглавштаба (1920–1921), третий помощник начальника штаба РККА (1921–1922), начальник Московского окружного управления ВУЗ (1922–1923), инспектор ГУВУЗ РККА (1923–1926). С 1926 г. на преподавательской работе. Генерал-лейтенант авиации (1940), с 1941 г. преподавал в Военно-воздушной академии, профессор академии (1943). С 1948 г. в отставке.

Самсонов Александр Васильевич (1859–1914). Окончил Владимирскую Киевскую военную гимназию (1875), Николаевское кавалерийское училище, корнет (1877). Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., поручик (1880). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-ротмистр (1884). Состоял при Кавказском военном округе, старший адъютант штаба 20-й пехотной дивизии (1884–1885), капитан (1885), старший адъютант штаба Кавказской гренадерской дивизии (1885–1889), столоначальник Главного управления Казачьих войск (1889–1890), штаб-офицер для поручений при штабе Варшавского военного округа (1890–1893), подполковник (1890), штаб-офицер для особых поручений при командующем войсками Варшавского военного округа (1893–1896), полковник (1894), начальник Елисаветградского кавалерийского юнкерского училища (1896–1904), генерал-майор (1902). Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг., начальник Уссурийской конной бригады (март – сентябрь 1904 г.), за боевые отличия в мае 1904 г. произведен в генерал-лейтенанты. Командующий Сибирской казачьей дивизией (сентябрь 1904 – март 1905 г.), начальник Сибирской казачьей дивизии (март – сентябрь 1905 г.), за отличия награжден золотым оружием (1906), ор-

деном Св. Георгия 4-й степени (1907). Начальник штаба Варшавского военного округа (1905–1907), войсковой наказной атаман войска Донского (1907–1909), туркестанский генерал-губернатор, командующий войсками Туркестанского военного округа и наказной атаман Семиреченского казачьего войска (1909–1914), генерал от кавалерии (1910). После объявления мобилизации командующий 2-й армией Северо-Западного фронта (1914). Застрелился при выходе из окружения. Его вдова, отправившись в Германию в качестве сестры милосердия, опознала останки по медальону. В ноябре 1915 г. его тело было доставлено в Петроград, а затем перевезено для погребения в с. Акимовка Херсонской губернии.

Сапари фон Мурашонбат Сечизигет унд Сапар Фридрих (1869–1935), граф, австро-венгерский дипломат и государственный деятель. С 1895 г. на службе в дипломатическом ведомстве, занимал различные должности в посольствах в Риме, Берлине и Мюнхене, с 1907 г. на службе в канцелярии министра иностранных дел, с 1909 г. возглавил эту канцелярию. Ближайший сотрудник и доверенное лицо графа А. Эренталя и графа Л. фон Бертхольда, в 1914 г. посол в России, в ходе Первой мировой войны занимался организацией работы австрийского Красного Креста. После окончания войны и революции отошел от политической и государственной деятельности.

Сахаров Виктор Викторович (1848–1905). Окончил 3-е военное Александровское училище по 1-му разряду с наименованием «отличнейший», подпоручик армии (1866), прапорщик лейб-гвардии Гренадерского полка (1867), подпоручик (1870), поручик (1873). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду, за успехи в науках произведен в штабс-капитаны, переведен в штаб Петербургского военного округа (1875). В 1876 г. переведен в штаб действующей армии, в 1877 г. командирован исполняющим должность Кавказской казачьей дивизии. Принял участие и отличился в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Подполковник (1877), в 1878 г. временно исполняющий должность начальника штаба 2-й гренадерской дивизии. В 1878–1879 гг. находился на Балканском полуострове в составе полевого штаба действующей армии. В 1879 г. по возвращении из Варны командирован в штаб Гвардейского корпуса, полковник, штаб-офицер для особых поручений при командующем войсками гвардии Петербургского военного округа великом князе Николае Николаевиче (старшем) (1880). Начальник штаба 2-й гвардейской дивизии (1884–1888), с 1 (13) января 1889 г. заведующий мобилизационной частью Главного управления казачьих войск, преподавал историю конницы в Офицерской кавалерийской школе и руководил практическими занятиями и занятиями офицеров по тактике Николаевской академии Генерального штаба. Помощник начальника штаба Варшавского военного округа, генерал-майор (1890), генерал-квартирмейстер того же округа (1892), начальник штаба Одесского военного округа (1894), генерал-лейтенант (1897), начальник Главного штаба, почетный член Николаевской академии Генерального штаба (1898), генерал-адъютант (1903), военный министр (1904–1905), почетный член Николаевской инженерной академии (1904). В 1905 г. уволен от должности военного министра, в октябре того же года командирован в Саратовскую губернию для борьбы с революционными беспорядками. Застрелен у себя в кабинете террористкой-эсеркой, пришедшей на прием.

Свербеев Сергей Николаевич (1857–1922), русский дипломат, посол в Берлине (1912–1914). После революции в эмиграции в Германии.

Свечин Александр Андреевич (1878–1938), русский и советский военный деятель, военный историк. Окончил 2-й Санкт-Петербургский кадетский корпус (1895), Михай-

ловское артиллерийское училище, подпоручик (1897), поручик (1900). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан (1903). Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг., доброволец. Обер-офицер для особых поручений штаба 16-го армейского корпуса (1904–1905), обер-офицер для поручений при управлении генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии (январь – май 1905 г.), начальник строевого отделения штаба крепости Осовец (1905–1907), обер-офицер для поручений при штабе Варшавского военного округа (1907–1908). В 1907 г. командирован в Германию для наблюдения за ходом крепостных маневров, помощник делопроизводителя ГУГШ по крепостной части (1908–1913), подполковник (1908), полковник (1912). Делопроизводитель Главного управления Генерального штаба (1913–1914), офицер для поручений при начальнике штаба Верховного главнокомандующего (1914–1915), командир 6-го Финляндского стрелкового полка (1915–1917), генерал-майор, награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием (1916), начальник Отдельной Черноморской морской десантной дивизии (январь – май 1917 г.), исполняющий должность начальника штаба 5-й армии (май – сентябрь 1917 г.). После провала выступления Л. Г. Корнилова отстранен от должности и определен в распоряжение штаба Северного фронта, генерал-лейтенант (1917). С марта 1918 г. добровольно вступил в РККА. Принимал участие в совещании комиссии для организации обороны Петрограда, затем занимал сразу три должности: помощника начальника Петроградского укрепрайона, начальника штаба Западной завесы и военрука ее Смоленского района, возглавлял Всероглавштаб (1918). Штатный преподаватель Академии, председатель военно-исторической комиссии (1918), с 1922 г. главный руководитель истории военного искусства Военной академии РККА. Арестован в 1930 г., освобожден, в 1931 г. осужден на пять лет, в 1932 г. освобожден и возвращен на службу. Комбриг (1935), комдив (1936), преподавал в Военной академии им. Фрунзе и Академии Генерального штаба (1936–1937). В 1937 г. арестован, в 1938 г. казнен, в 1956 г. реабилитирован.

Сегени-Марич фон Мадьяр-Сеген унд Шолгехаза Ладислав де (1841–1916), австровенгерский государственный деятель и дипломат, граф. Член парламента Венгрии (1869–1882), на службе в центральном аппарате МИДа (1882–1892), посол в Германии (1892–1916), сторонник агрессивной политики по отношению к Сербии.

Сект Ганс фон (1866–1936), германский военный и политический деятель, генерал-полковник. С 1885 г. на военной службе. Окончил Военную академию (1899). Во время Первой мировой войны начальник штаба 4-й армии (1914–1915), 11-й армии (1915), группы войск, действовавших против Сербии (1915–1916), против Румынии (1916) и России (1917). С декабря 1917 г. начальник Генерального штаба турецкой армии, начальник войскового управления германской армии (1919–1920), начальник управления сухопутными войсками (1920–1926), создатель профессионального рейхсвера. Осенью 1923 г. сосредоточил в своих руках исполнительную власть для борьбы с движениями, угрожающими Веймарской республике. Депутат рейхстага от Народной партии (1930–1932), сторонник передачи власти нацистам. Главный военный советник в составе германской военной миссии при гоминьдановском правительстве Китая (1934–1935).

Селиванов Андрей Николаевич (1847–1917). Окончил Александровский сиротский кадетский корпус (1863), Михайловское артиллерийское училище, подпоручик (1866). В отставке (1867–1870). В 1870 г. вновь поступил на службу в полевую пешую артиллерию, поручик, штабс-капитан (1873). Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., капитан (1877). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба (1878), старший адъютант штаба 12-й кавалерийской дивизии (1878–1880). Штаб-офицер для

особых поручений при штабе 12-го армейского корпуса (1880–1884), подполковник (1880), полковник (1883), штаб-офицер для поручений при штабе Киевского военного округа (1884–1885), состоял при Главном штабе (1885–1887), делопроизводитель канцелярии Мобилизационного комитета Главного штаба (1887–1889), начальник штаба 8-й кавалерийской дивизии (1889–1893), командир 111-го пехотного Донского полка (1893–1895), генерал-майор (1895), окружной генерал-квартирмейстер штаба Виленского военного округа (1895–1899), начальник штаба Приамурского военного округа (1899–1901). Участник Китайской кампании 1900–1901 гг., генерал-лейтенант (1901). Начальник 16-й пехотной дивизии (1901–1903), начальник 13-й пехотной дивизии (1903–1904). Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг., начальник 37-й пехотной дивизии (1904–1905), временно командующий 15-м армейским корпусом (январь — апрель 1905 г.), ранен, награжден золотым оружием (1905). Командир 2-го Сводного стрелкового корпуса (1905–1906), иркутский генерал-губернатор, командующий войсками Иркутского военного округа и войсковой наказной атаман Забайкальского казачьего войска (1906–1910), генерал от инфантерии (1907), член Государственного совета (1910). Командующий Блокадной (11-й) армией, на которую возложена осада Перемышля (1914–1915), после капитуляции крепости награжден орденом Св. Георгия 3-й степени (1915). После падения Перемышля осадная армия была расформирована, а на Юго-Западном фронте создана полевая 11-я армия. С апреля 1915 г. по болезни покинул пост командующего армией, оставшись только членом Государственного совета.

Сергеевский Борис Николаевич (1883–1976). Окончил классическую Ларинскую гимназию в Петербурге (1901), Константиновское артиллерийское училище, гвардии подпоручик (1904), поручик (1907), штабс-капитан (1911). Окончил по 1-му разряду Императорскую Николаевскую военную академию и вольнослушателем Императорский археологический институт, капитан (1911). Прикомандирован к 145-му пехотному Новочеркасскому полку (1911–1914). В 1914 г. переведен в Генеральный штаб и назначен офицером для поручений при штабе 22-го армейского корпуса. Исполняющий должность начальника штаба 3-й Финляндской стрелковой бригады (1914–1915), награжден Георгиевским оружием (1915), исполняющий должность штаб-офицера для поручений при штабе 40-го армейского корпуса, подполковник (1916), участвовал в Луцком прорыве, исполнял должность начальника штаба корпуса. Штаб-офицер для делопроизводства и поручений при управлении генерал-квартирмейстера при штабе Верховного главнокомандующего, с поручением ему службы связи (февраль 1917 г.), полковник (1917), в октябре 1917 г. произведен в генерал-майоры Временным правительством, это производство не признал. В ноябре 1917 г., накануне разгрома Ставки большевиками, оставил Могилев и уехал в штаб Кавказской армии в Тифлис, где получил назначение помощником начальника штаба Сводно-Армянского отряда. Начальник штаба 1-й Русской Закавказской стрелковой дивизии (март 1918 г.), вскоре расформированной правительством Грузии. С сентября 1918 г. в Добровольческой армии, обер-офицер для поручений при генерал-квартирмейстере армии, затем помощник начальника оперативного отделения штаба Вооруженных сил Юга России (1919), начальник штаба 5-й дивизии (январь — март 1919 г.). Начальник службы связи Добровольческой армии (1919–1920), Добровольческого корпуса (1920), преподаватель Константиновского военного училища в Феодосии (1920–1922), в составе которого принял участие в боях на Кубани и в Крыму, в ноябре 1920 г. эвакуировался с училищем в Галлиполи, где будучи инспектором классов исполнял должность командира офицерской роты училища. В 1921 г. прибыл с училищем в Болгарию, откуда в 1922 г. вместе с генералом А. И. Кутеповым и его группой был выслан болгарскими властями в Сербию. В Сербии состоял библиотекарем в Донском женском институте в Великой Кикинде, преподавателем в Донском кадетском корпусе в Гаражде, а затем в русско-сербской

гимназии в Белграде. В 1943 г. назначен директором гимназии в Белграде, в 1944 г. выехал с ней в Германию. Восстановил занятия гимназии в беженском лагере под Мюнхеном и в то же время являлся начальником 2-го отдела РОВС (1949–1950). В 1951 г. выехал в США и преподавал в русской приходской школе в Сан-Франциско. Скончался в Лос-Анджелесе.

Сиверс Фаддей Васильевич (1865–1915). Окончил классическую гимназию (1871), Варшавское пехотное юнкерское училище, прапорщик (1872), подпоручик (1875), поручик (1877). Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., подпоручик гвардии (1879). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, поручик гвардии с переименованием в штабс-капитаны Генерального штаба (1881). Состоял в Московском военном округе, старший адъютант штаба 1-й кавалерийской дивизии (1881–1884), капитан (1883), состоял в прикомандировании к Елисаветградскому кавалерийскому юнкерскому училищу для преподавания военных наук (1884–1888), подполковник (1887), штаб-офицер для поручений при штабе Одесского военного округа (1888–1892), полковник (1891), начальник штаба Бендерской крепости (1892–1894), начальник штаба Керченской крепости (1894–1895), начальник штаба Кавказской гренадерской дивизии (1895–1899), командир 16-го гренадерского Мингрельского полка (1899–1900), генерал-майор (1900), начальник штаба 3-го Сибирского армейского корпуса (июль – декабрь 1900 г.). Состоял в распоряжении начальника Главного штаба, участвовал в подавлении восстания «боксеров» и в войне с Китаем (1900–1901). Начальник штаба 7-го армейского корпуса (1901–1902), начальник штаба 18-го армейского корпуса (1902–1904), командующий 27-й пехотной дивизией (1904–1906), начальник штаба Виленского военного округа (1906–1908), генерал-лейтенант (1906), командир 16-го армейского корпуса (1908–1911), генерал от инфантерии (1912), командир 10-го армейского корпуса (1911–1914), за бои в Галиции награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (1914), командующий 10-й армией Северо-Западного фронта (1914–1915). После поражения в Восточной Пруссии и окружения 20-го армейского корпуса отстранен от командования, в марте 1915 г. уволен в отставку.

Симанский Пантелеймон Николаевич (1866–1938), военный историк, писатель. Окончил Псковский кадетский корпус (1883), 2-е военное Константиновское училище, подпоручик гвардии (1885), поручик (1889). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан гвардии с переименованием в капитаны Генерального штаба (1891). Состоял при Московском военном округе, старший адъютант штаба 35-й пехотной дивизии (1891–1896). Состоял в прикомандировании к Александровскому военному училищу для преподавания военных наук (1896–1900), подполковник (1896), штаб-офицер для особых поручений при штабе 17-го армейского корпуса (1900–1902), полковник (1900), начальник штаба 1-й гренадерской дивизии (1902–1904), командир 2-го гренадерского Ростовского полка (1904–1906), числился по армейской пехоте (1906–1907). Член Военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны (1907–1910), преподавал в Николаевской академии Генерального штаба, генерал-майор (1909). Состоял в распоряжении военного министра (март 1910 г.), командующий 2-й бригадой 35-й пехотной дивизии (1909–1914), командующий 61-й пехотной (второочередной) дивизией (1914–1917), награжден Георгиевским оружием (1915), генерал-лейтенант (1917), командир 47-го армейского корпуса. Активный участник Белого движения на северо-западе России, с 1918 г. в Северо-Западной армии, начальник 1-й стрелковой дивизии Отдельного Псковского добровольческого корпуса в Пскове (октябрь – ноябрь 1918 г.), командир Либавского отряда (декабрь 1918 – январь 1919 г.). С 1920 г. в эмиграции в Польше, председатель Российского Общественного комитета в Польше, член полкового объединения. Умер в Варшаве.

Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882), выдающийся русский военачальник. Образование получил дома и в частном пансионе в Париже. В 1861 г. поступил в Петербургский университет, но в том же году оставил его и поступил на военную службу, зачислен юнкером в лейб-гвардии Кавалергардский полк. Принял участие и отличился в подавлении Польского восстания 1863–1864 гг., произведен в поручики (1863). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба в звании штабс-капитана (1868), направлен в Туркестанский военный округ. Подполковник (1872), принял участие и отличился в Хивинском походе 1873 г., награжден орденом Св. Георгия 4-го класса. Полковник (1874), принял участие и отличился в подавлении Кокандского восстания 1874–1876 гг. Генерал-майор, награжден орденами Св. Георгия 3-го класса, Св. Владимира 3-й степени, золотым оружием (1876), назначен военным губернатором Ферганской области (1877). Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., командовал Сводной казачьей дивизией, стрелковой бригадой, пехотной дивизией, корпусом. Отличился при форсировании Дуная, штурмах и обложении Плевны, переходе через Балканы, в бою при Шипке — Шейново, а также при занятии Адрианополя и движении к Константинополю. Генерал-лейтенант, награжден орденом Св. Станислава 1-й степени (1877), генерал-адъютант (1878), командир Армейского корпуса (1878–1880). В 1880 г. возглавил вторую экспедицию в Ахалтекинский оазис, в 1881 г. после взятия Геок-Тепе произведен в генералы от инфантерии, награжден орденом Св. Георгия 2-го класса. Публично выступал в поддержку сербов Боснии и Герцеговины и с осуждением политики Австро-Венгрии и Германии. В 1882 г. умер в Москве от паралича сердца и легких.

Слюсаренко Владимир Алексеевич (1857–1933). Окончил 1-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию (1873), 1-е военное Павловское училище, прапорщик (1875), подпоручик (1876). Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., поручик (1877), штабс-капитан (1880). Принял участие в походах против текинцев 1880–1881 гг., за отличие произведен в капитаны (1882), подполковник (1895), полковник (1902). Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг., награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (1905), за боевые отличия произведен в генерал-майоры (1905). Командующий 45-й артиллерийской бригадой (1905–1906), командующий 2-й гренадерской артиллерийской бригадой (май — июнь 1906 г.), командир 2-й гренадерской артиллерийской бригады (1906–1907), исполняющий должность начальника артиллерии 19-го (1907–1908), 2-го Кавказского (1908–1910) армейских корпусов, генерал-лейтенант (1909), начальник 43-й пехотной дивизии (1910–1914). После назначения генерала С. М. Шейдемана командующим 2-й армией временно командовал 2-м армейским корпусом (1914–1915), 28-м армейским корпусом (1915–1917), генерал от инфантерии (1915). В августе 1917 г. оставил свой пост, после Октября 1917 г. уехал на Украину, при гетмане П. П. Скоропадском командовал 6-м Украинским корпусом, генеральный бунчужный, в распоряжении военного министра (1918). В ноябре 1918 г. арестован занявшими Полтаву отрядами Директории, с декабря 1918 г. в резерве чинов при штабе главнокомандующего Вооруженными силами Юга России в Екатеринодаре, член проверочной комиссии тыловых учреждений (1919). С 1920 г. в эмиграции, умер в Югославии.

Спалайкович Мирослав (1869–1951), сербский и югославский дипломат и политический деятель. Родился в г. Крагуевац. Окончил юридический факультет в Сорбонне, в 1898 г. там же защитил докторскую диссертацию по теме «Босния и Герцеговина». Дипломатическую карьеру начал в 1900 г. в сербском посольстве в Санкт-Петербурге. Консул в Приштине (Оттоманская империя) (1904–1907), начальник департамента МИДа Сербии (1907–1911), посол Сербии в Болгарии (1911–1913). Осенью 1913 г. в течение краткого времени заместитель министра иностранных дел Сербии Н. Пашича, член радикаль-

ной партии Н. Пашича и близкий друг короля Александра I Карагеоргиевича. Посол в России (1913–1917), в 1917 г. назначен послом в Италии, но до 1918 г. остался в России. Заместитель министра иностранных дел Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (февраль – август 1920 г.), посол в Италии (1920–1924), посол во Франции (1924–1935). С 1944 г. проживал в эмиграции в Париже.

Спиридович Александр Иванович (1873–1952), жандармский генерал. В 1900 г. командирован к Московскому охранному отделению, где служил под руководством С. В. Зубатова. Начальник Таврического (1902–1903), Киевского (1903–1905) охранных отделений. В 1905 г., после покушения на его жизнь агента П. Руденко, отозван в Петербург. Заведывал агентурой при дворцовом коменданте (1906–1916), ялтинский градоначальник (1916–1917). После Октябрьской революции в эмиграции. Умер в США.

Степун Федор Августович (1884–1965), русский философ, социолог, историк, писатель. Родился в Москве в семье фабриканта, выходца из Восточной Пруссии. Изучал философию в Гейдельбергском университете (1902–1909), в 1910 г. защитил докторскую диссертацию о философии истории Вл. С. Соловьева. Входил в редакционный совет журнала «Логос», выступал в роли литературного и театрального критика, следуя принципам эстетики символизма (1910–1914). Участвовал в Первой мировой войне, прапорщик артиллерии запаса. В политическом плане близок к эсерам и после Февральской революции стал депутатом Всероссийского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, работал в политическом отделе Военного министерства Временного правительства, летом и осенью 1917 г. главный редактор органа Военного министерства газеты «Русский инвалид», переименованной 2 (15) июля 1917 г. в «Армию и Флот Свободной России». После Октябрьской революции сотрудничал в созданной Н. А. Бердяевым Вольной академии духовной культуры, издал литературный сборник «Шиповник» (1922), публиковался в журналах «Искусство театра», «Театральное обозрение», преподавал в театральных училищах. В 1922 г. выслан из России. В эмиграции в Германии, с 1926 г. профессор социологии Высшего технического училища в Дрездене. С 1931 г. один из редакторов журнала «Новый град» (Париж). В 1937 г. лишен права преподавательской деятельности и публикации своих сочинений нацистами. С 1946 г. профессор кафедры русской культуры философского факультета Мюнхенского университета.

Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911), государственный деятель Российской империи. В разные годы занимал посты уездного предводителя дворянства в Ковно, гродненского и саратовского губернатора, министра внутренних дел, премьер-министра.

Струве Петр Бернгардович (1870–1944), русский общественный и политический деятель, журналист, философ, историк, экономист. Окончил гимназию (1889), юридический факультет Санкт-Петербургского университета (1894). С 1885 г. увлекся социалистическими учениями, в 1890 г. организовал в университете марксистский кружок, в 1892 г. учился в университете в Граце, в 1896 г. участвовал в Лондонском съезде Интернационала, написал часть доклада Г. В. Плеханова по аграрному вопросу. Редактор марксистских журналов (1896–1898), автор «Манифеста российской социал-демократической партии» (1898), один из организаторов созыва организационного I съезда РСДРП (Минск, 1898) и издания «Искры». С 1900 г. в эмиграции, начал отходить от марксизма, налаживал контакты с либералами, редактор журнала «Освобождение» (1902–1905), издаваемого в Мюнхене, один из создателей «Союза Освобождения», который должен был объединить либералов и революционеров. В 1905 г. амнистирован, возвратился в Россию, вступил в кадетскую партию, член ЦК (1905–1915), фактически отошел от партии в 1908 г.

С 1906 г. преподавал в Петербургском политехническом институте, редактор журнала «Русская мысль» (1906–1918). Депутат Государственной думы второго созыва, статский советник (1907). Вдохновитель, издатель и автор сборника «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции» (1909). Экстраординарный профессор Санкт-Петербургского университета (1913), почетный доктор Кембриджского университета (1916). Директор Экономического департамента МИДа (1917), академик Российской академии наук (1917 г., в 1928 г. исключен, в 1990 г. восстановлен). Активный деятель Белого движения, участвовал в организации Добровольческой армии (1917–1918), в подпольном сопротивлении большевикам в Москве (1918). Редактор и издатель сборника «Из глубины» (1918). В 1919 г. заочно приговорен к смертной казни советским судом, эмигрировал в Финляндию и далее во Францию. Редактор газеты «Великая Россия» (1919), входил в состав Особого совещания при генерале А. И. Деникине, в состав правительства при генерале П. Н. Врангеле. С 1920 г. в эмиграции в Болгарии, Чехословакии, Германии и Франции. Редактор газеты «Возрождение» (1925–1927). С 1927 г. стал отходить от политической деятельности, с 1928 г. проживал в Белграде, занимался исследовательской и преподавательской деятельностью. В 1941 г. арестован гитлеровцами, вскоре освобожден и в 1942 г. выехал в Париж, где и умер.

Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926), русский военный деятель. Окончил Александро-Брестский и 1-й кадетский корпуса (1865), Николаевское кавалерийское училище (1867), выпущен в лейб-гвардии Уланский Его Величества полк корнетом, поручик (1872). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба (1874), в том же году произведен в штабс-ротмистры «за успехи в науках», причислен к Генеральному штабу, старший адъютант 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Одновременно преподавал тактику в Николаевском кавалерийском училище. Обер-офицер для особых поручений при штабе 1-го армейского корпуса (1877), в том же году прикомандирован для командования эскадроном лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. состоял в распоряжении главнокомандующего действующей армией великого князя Николая Николаевича (старшего). Участвовал в боях на Шипке и под Плевной, подполковник (1877). Участвовал и отличился в переходе через Балканы и преследовании турок к Адрианополю, начальник штаба конного отряда генерала М. Д. Скобелева, за боевые отличия награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и золотым оружием (1878). С 1878 г. штаб-офицер для особых поручений при штабе 1-го армейского корпуса, с мая 1878 г. правитель дел Николаевской академии Генштаба, руководил практическими занятиями офицеров, одновременно преподавал тактику в Николаевском кавалерийском училище и Пажеском корпусе, полковник (1880). С 1884 г. командир 6-го лейб-драгунского Павлоградского полка, с 1886 г. начальник Офицерской кавалерийской школы, генерал-майор (1890), начальник 10-й кавалерийской дивизии (1897), генерал-лейтенант (1898). С 1899 г. начальник штаба, с 1902 г. помощник командующего, командующий войсками Киевского военного округа (1904–1908). С 1905 г. киевский, подольский и волынский генерал-губернатор, генерал от инфантерии (6 (19) декабря 1906 г.), генерал от кавалерии (16 (29) декабря 1906 г.), начальник Главного управления Генерального штаба (1908–1909), военный министр (1909–1915), почетный член Николаевской академии Генерального штаба, член Государственного совета (1911), генерал-адъютант (1912). Организатор реформ русской армии в период между Боснийским кризисом и началом Первой мировой войны. С началом военных действий стал целью антиправительственной кампании, которую вели против военного министра Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич (младший) и его сторонники вместе с либеральной частью Государственной думы, фактически объявлен главным виновником экономической отсталости России

и ответственным за «снарядный голод». В результате 13 (26) июня 1915 г. Николай II, уступая общественному мнению, уволил его с поста военного министра с оставлением членом Государственного совета, по требованию общественности было начато следствие по обвинению генерала в измене и взяточничестве. В апреле 1916 г. арестован и помещен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, в июле вследствие нервного расстройства переведен в психиатрическую лечебницу, в октябре того же года — под домашний арест. После Февральской революции 1917 г. следствие было возобновлено и в качестве соучастницы привлечена его жена. Судебное разбирательство, несмотря на желание следствия найти доказательства, которые обвинили бы вместе с генералом и монархию, не привело к нужным Временному правительству результатам. Тем не менее он был признан виновным в неподготовленности армии к войне и в сентябре 1917 г. приговорен к бессрочной каторге (замененной тюремным заключением) и лишению всех прав состояния, вновь заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, а после Октябрьской революции 1917 г. переведен в тюрьму «Кресты». По амнистии, как достигший 70-летнего возраста, в мае 1918 г. освобожден и выехал в Финляндию, а оттуда в Германию, где проживал в эмиграции. В 1923–1926 гг. был консультантом по восточно-европейским вопросам в Главном штабе рейхсвера.

Сушон Вильгельм Антон (1864–1946), германский адмирал (1918). С 1881 г. на военно-морской службе, служил на различных кораблях, командовал канонерской лодкой «Адлер», участвовал в захвате островов Самоа. Окончил Морскую академию в Киле. Служил в Главном командовании флота (1896–1900), в Адмирал-штабе (1902–1904). Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. начальник штаба крейсерской эскадры в Восточной Азии, в Имперском морском управлении (1906–1907), затем командовал броненосцем «Веттин». Начальник штаба военно-морских сил на Балтике (1909–1912), контр-адмирал (1911), с октября 1913 г. командующий эскадрой Средиземного моря, в сентябре 1914 г., после прихода германских кораблей в Константинополь, официально принят на турецкую службу в чине вице-адмирала и назначен командующим германо-турецким, а с 1915 г. и болгарским флотом. Вице-адмирал германского флота, кавалер ордена Pour le Mérite (1916). В августе 1917 г. назначен командиром 4-й эскадры флота открытого моря, во главе которой участвовал в планировании и проведении операции «Альбион», то есть захвате Моонзундского архипелага, в апреле 1918 г. командовал высадкой германского десанта в Финляндии, в октябре 1918 г. назначен начальником морской базы Балтийского моря в Киле. В марте 1919 г. вышел в отставку, умер в Бремене.

Талаат-паша, Талеат Мехмед (1874–1921), турецкий государственный деятель, один из руководителей младотурецкой партии «Единение и прогресс», военный преступник. Родился в семье военного, окончил школу в Адрианополе, свою карьеру начал с поста служащего в телеграфной конторе, примкнул к младотурецкому движению, в 1893 г. арестован, в 1895 г. освобожден и выслан в Салоники, где до 1908 г. работал в почтовой службе. Принял активное участие в революции 1908 г., избран депутатом меджлиса. Министр внутренних дел (1909–1912), министр почты и телеграфа (1912), в 1912–1913 гг. служил в армии. Один из главных организаторов переворота 23 января 1913 г., после которого вновь занял пост главы МВД. Вместе с Энвером и Джемалем входил в руководящий триумвират младотурецкого руководства, являлся идеологом политики насильственной тюркизации нетурецких народов Османской империи, один из главных организаторов геноцида армян в 1915 г. В октябре 1918 г. бежал в Германию, где проживал под именем Али Сали-бей. В 1919 г. заочно приговорен к смертной казни чрезвычайным трибуналом в Константинополе. Застрелен в Берлине 16 марта 1921 г. Согомоном Тейлеряном, до-

бровольно сдавшимся после этого властям и полностью оправданным в ходе открытого процесса берлинским судом.

Тирпиц Альфред фон (1849–1930), выдающийся деятель германского флота, морской министр Пруссии (1897–1916). За успехи в создании флота в 1911 г. получил звание гросс-адмирала.

Тиса де Борос-Иено Иштван (1861–1918), граф, венгерский государственный деятель, сын графа Кальмана Тиса (1830–1902) — лидера либеральной партии, одного из основателей политики Ausgleich, то есть компромисса между Австрией и Венгрией в 1867 г., премьер-министра Венгрии (1875–1890). Иштван Тиса был премьер-министром Венгрии (1903–1905, 1913–1917). В 1918 г. убит революционными солдатами в Будапеште.

Траубридж Эрнест Чарльз Томас (1862–1926), британский моряк. Окончил колледж Веллингтона и поступил в Королевский военно-морской колледж в Дартмуте, кадет (1875), лейтенант (1884), коммодор (1895), офицер броненосца «Ревендж», Средиземноморская эскадра (1896–1898), капитан, военно-морской атташе в Вене (1901), в Мадриде (1902), в Токио (1902–1904). В качестве наблюдателя присутствовал на борту японских судов в сражении при Чемульпо и операциях под Порт-Артуром. Награжден орденом Восходящего Солнца, орденами Святых Михаила и Георгия, Виктории (1905). Флаг-капитан броненосца «Куин», Средиземноморская эскадра (1906–1907), комендант королевских военно-морских казарм в Чатаме (1908–1910), частный секретарь первого лорда Адмиралтейства (1910), контр-адмирал (1911), начальник военного штаба Адмиралтейства (1912), командир крейсерской эскадры в составе Средиземноморского флота (1913). Его командование крейсерской эскадрой в августе 1914 г. вызвало мощную критику как позорящее честь и достоинство королевских ВМС. В сентябре 1914 г. вызван в Англию, где его действия стали предметом расследования особой комиссии в Портсмуте, в ноябре того же года отдан под суд военно-морского трибунала, который оправдал его, тем не менее он больше никогда не получал командования на море. В 1915 г. по протекции У. Черчилля назначен главой британской военно-морской миссии в Белграде. Отличился в действиях против австрийцев, командуя батарей морских орудий и торпедным катером. Участвовал в отступлении к побережью Адриатики через Албанию, помогал организовать эвакуацию сербской армии и беженцев из Сан-Джиованни-ди-Медуа на Корфу, героическим поведением обратил на себя внимание принца Александра, который предложил оставить его при своей персоне в качестве офицера связи и консультанта. Вице-адмирал, вместе с сербскими частями отправлен на Салоникский фронт (1916). После поражения Болгарии в 1918 г. назначен генералом Л. Франше д'Эспере адмиралом, командующим на Дунае, за что вновь подвергнут критике в Адмиралтействе. В 1919 г. вернулся в Англию, его положение ухудшилось после попыток вмешательства в борьбу с правительством Б. Куна в Советской Венгрии, не имея на то полномочий. В 1919–1920 гг. оставлен на посту президента временной союзнической комиссии на Дунае, произведен в адмиралы и награжден Рыцарским крестом ордена Св. Михаила и Георгия (1919), в июне 1920 г. после установления постоянной международной комиссии отозван, но вскоре вновь отправлен на Дунай, где служил президентом комиссии до марта 1924 г. В 1921 г. отправлен в отставку из рядов королевского флота. В 1926 г. умер в Биарице.

Трубецкой Григорий Николаевич (1873–1930), русский дипломат и общественный деятель, князь. С 1895 г. на дипломатической службе, занимал ряд должностей в посольствах в Австро-Венгрии, Германии и Турции. В 1905 г. вышел в отставку, вместе с братом князем Е. Н. Трубецким редактировал общественно-политический журнал «Московский

еженедельник». В 1910 г. вернулся на дипломатическую службу, возглавлял ближневосточный отдел МИДа (1910–1914), посланник в Сербии (1914–1915). Участник Московского поместного собора (1917–1918). В годы Гражданской войны в правительстве генералов А. И. Деникина и П. Н. Врангеля. С 1920 г. в эмиграции в Австрии, а затем во Франции.

Туманов (Туманишвили) Георгий Александрович (1856–1918), князь. Окончил приготовительный пансион Николаевской военной гимназии и Николаевское кавалерийское училище, прапорщик (1877). Принял участие и отличился в Русско-турецкой войне на Кавказско-Малоазиатском фронте, поручик (1877), награжден орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом (1878). Штабс-ротмистр (1883). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, ротмистр (1885). Состоял при Виленском военном округе, старший адъютант штаба 41-й пехотной дивизии (1885–1887). Состоял для поручений при штабе Кавказского военного округа (1887–1888), старший адъютант штаба Кавказской кавалерийской дивизии (1888–1890), штаб-офицер для поручений при штабе Кавказского армейского корпуса (1890–1891), подполковник (1890), штаб-офицер при управлении 25-й местной бригады (1891–1893), штаб-офицер при управлении 2-й Кавказской пехотной резервной бригады (1893–1896), полковник (1894), начальник штаба 6-й кавалерийской дивизии (1896–1900), командир 27-го драгунского Киевского полка (1900–1901), генерал для особых поручений при командующем войсками Варшавского военного округа (1901–1904), генерал-майор (1902). Принял участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Командир 2-й бригады Сибирской казачьей дивизии (1904–1905), начальник штаба 10-го армейского корпуса (1905–1906), начальник штаба 2-го кавалерийского корпуса (1906–1907), начальник штаба 16-го армейского корпуса (январь – февраль 1907 г.), дежурный генерал штаба Варшавского военного округа (1907–1910), генерал-лейтенант (1910), начальник 13-й кавалерийской дивизии (1910–1916), отличился в боях под Красником (1914) и под Вильной (1915), командир 7-го кавалерийского корпуса (1916–1917), генерал от кавалерии (1916). После Февральской революции отстранен от командования, с апреля 1917 г. в резерве чинов при штабе Киевского военного округа, награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (1917). Уехал на лечение на воды, захвачен в Пятигорске большевиками в числе заложников и после мятежа И. Л. Сорокина зарублен вместе с генералами Н. В. Рузским, Р. Д. Радко-Дмитриевым и другими заложниками.

Тяпкин Николай Дмитриевич (1870–192?), русский и советский ученый, профессор гидравлики и внутренних водных сообщений. Директор Московского инженерного училища Ведомства путей сообщения (1908–1913), ректор Московского института инженеров путей сообщения (1913–1918), председатель и главный руководитель Комиссии по введению метрической системы в России. В 1922 г. арестован, в 1923 г. приговорен к административной высылке в Сибирь сроком на три года. Реабилитирован в 2000 г.

Уваров Федор Алексеевич (1866–1954), граф, общественный деятель, председатель Можайской земской управы (1902–1910), член Государственного совета от Земского собрания Московской губернии (1909). В 1914 г. добровольцем отправился в действующую армию, хорунжий. После революции эмигрировал во Францию, умер в Ницце.

Угрюмов Алексей Петрович (1859–1937). Окончил Морской кадетский корпус, мичман (1880), лейтенант (1885). Окончил Минный офицерский класс и зачислен в минные офицеры 1-го разряда (1891). В 1892 г. предложил способ постановки мин заграждения с помощью рельс, уложенных на палубы кораблей. Капитан 2 ранга (1899), старший офицер мореходной канонерской лодки «Кубанец» (1900–1901), старший офицер крей-

сера «Очаков» (1902). Окончил курс военно-морских наук при Николаевской морской академии (1902). Командир миноносца № 86 (1902), миноносца «Строгий» (1903), заведующий обучающимися в учебном отряде Черноморского флота (1903–1904), капитан 1 ранга (1904). Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг., флаг-капитан штаба командующего 1-й эскадрой флота Тихого океана, затем командир крейсера 1 ранга «Россия» (1904), командир крейсера 1 ранга «Громобой», затем транспорта «Монгучай». Командир посыльного судна «Алмаз» (1905–1906), крейсера 1 ранга «Паллада» (1906–1908), броненосного крейсера «Рюрик» (1908–1910). Помощник начальника Морского Генерального штаба (1911–1913), контр-адмирал (1913), вице-председатель временного Морского крепостного совета Морской крепости императора Петра Великого (1913), начальник Главного управления кораблестроения, член Совещания по судостроению (1915–1916), вице-адмирал (1915), главноначальствующий Архангельска и Беломорского водного района (1916), председатель Совещания по морским перевозкам (1916–1917). После Октябрьской революции эмигрировал во Францию.

Уздем Гвидо фон (1854–1925), германский адмирал (1910). С 1871 г. на военно-морской службе. Личный адъютант принца Генриха Прусского (1886–1890), служил в военно-морском кабинете кайзера (1891–1895), командир корабля «Герта» (1898–1900). В 1900–1901 гг. участвовал в компании против «боксеров» в Китае, отличился при наступлении на Пекин, в 1902 г. награжден орденом Pour le Mérite. Командир императорской яхты «Гогенцоллерн» (1902–1904), с 1906 г. обер-директор верфей в Киле. В 1910 г. вышел в отставку. В августе 1914 г. отправлен в Турцию, где произведен в звание мушира, за отличие при обороне Дарданелл получил дубовые листья к ордену Pour le Mérite. С 1919 г. в отставке.

Ульянов (Ленин) Владимир Ильич (1870–1924), русский политический и советский государственный деятель, революционер, создатель партии большевиков, один из организаторов и руководителей Октябрьской революции 1917 г., председатель Совета народных комиссаров РСФСР и СССР (1917–1924). Идеолог и создатель Третьего (Коммунистического) интернационала, основатель Советского государства.

Уолпул Роберт (1676–1745), выдающийся британский государственный деятель, первый граф Орфорд (1742). Военный министр (1708), казначей флота (1710). В 1711 г. осужден за взяточничество и заключен в Тауэр. Первый лорд казначейства (1715), глава правительства, первый премьер-министр (1730–1742). Во внешней политике стремился избежать участия Великобритании в военных конфликтах.

Фалькенгайн Эрих фон (1861–1922), германский военный деятель, генерал от инфантерии. С 1896 по 1903 г. служил в Китае, отличился при подавлении «боксерского восстания», чем обратил на себя внимание Вильгельма II. Занимал различные должности в Брауншвейге, Метце и Магдебурге (1903–1913), военный министр Пруссии (1913), начальник Генерального штаба после отставки Мольтке-младшего в 1914 г., командующий 9-й армией в Трансильвании (1916). После разгрома Румынии отправлен в Турцию, возглавил турецкие силы в Палестине, где в декабре 1917 г. разбит генералом Э. Алленби под Иерусалимом. Командующий 10-й армией на Восточном фронте (1918). После 1919 г. в отставке.

Федоров Владимир Григорьевич (1874–1966), русский и советский ученый и конструктор, основоположник отечественной школы конструкторов автоматического

стрелкового оружия. Из семьи смотрителя Училища правоведения. Окончил 3-ю Санкт-Петербургскую гимназию (1892), Михайловское артиллерийское училище, подпоручик гвардии (1895), поручик (1899). Окончил по 1-му разряду Михайловскую артиллерийскую академию, штабс-капитан (1900). Обер-офицер для поручений при Главном артиллерийском управлении (1901), делопроизводитель младшего оклада ГАУ (1903), капитан (1904), делопроизводитель Артиллерийского комитета при ГАУ (1904–1912), полковник (1910), постоянный член Артиллерийского комитета ГАУ (1912). Сконструировал автоматические винтовки калибра 7,62 мм (1912), 6,5 мм под патрон собственной конструкции (1913), первый в мире автомат под винтовочный патрон калибра 6,5 мм для винтовки «Арисака» (1916). Постоянный член отдела Артиллерийского комитета при ГАУ (1915), генерал-майор (1916). Директор и технический директор Ковровского пулеметного завода, выпускавшего автоматы его системы (1918–1931). В 1921 г. организовал и возглавил проектно-конструкторское бюро на заводе по автоматическому стрелковому оружию. Герой Труда (1928), консультант по стандартизации в оружейно-пулеметном тресте (1931–1933), профессор (1940), консультант по стрелковому оружию в Наркомате и Министерстве вооружения (1942–1946), генерал-лейтенант инженерно-технической службы (1943), действительный член Академии артиллерийских наук (1946–1953). Автор научных трудов по истории, проектированию, производству и опыту боевого применения стрелкового оружия. С 1953 г. в отставке.

Фелькерзам Гамилькар (Гамилькар Евгений Магнус) Евгеньевич фон (1854–1929), барон, русский общественный и политический деятель. Окончил юридический факультет Дерптского университета (1879). Служил асессором Туккумского уездного суда (1879–1881), секретарь (1885–1900), второй секретарь (1901–1905) курляндского губернского предводителя дворянства, советник Курляндского кредитного общества (1906), член Курляндской монархическо-конституционной партии. Депутат III и IV Государственных дум от Курляндской губернии (1907–1917). С 1919 г. в эмиграции в Берлине.

Фишер Джон (1841–1920), первый барон Килверстоун (1909), выдающийся британский военно-морской и государственный деятель, адмирал. Родился на Цейлоне в семье морского офицера, старший из 11 детей. В 1854 г. поступил в военно-морскую школу на корабле «Британия», морским кадетом участвовал в блокаде Финского залива в 1855 г. Участвовал в опиумной войне с Китаем в 1859–1860 гг., после чего окончил школу морских артиллеристов. Инструктор корабельной артиллерии на броненосце «Экселлент» (1864–1869), старший офицер флагмана Китайской эскадры «Океан» (1870–1872), инструктор по торпедной и минной подготовке на «Экселленте» (1872–1876), командовал пятью кораблями, последним из которых был «Инфлексибл», самый мощный корабль того времени (1876–1883). Участвовал и отличился в бомбардировке Александрии в 1882 г., после чего приближен к принцу Уэлльскому, будущему королю Эдуарду VII. На службе во флоте метрополии (1883–1886), в Адмиралтействе (1886–1890), суперинтендант Портсмутских доков (1891–1892), третий лорд Адмиралтейства, то есть ответственный за строительство кораблей военно-морского флота и их вооружение (1892–1897). В 1894 г. возведен в рыцарское достоинство, в 1897 г. возглавил британскую делегацию на конференции в Гааге, после чего назначен командовать флотом Северной Атлантики и Вест-Индии. Командующий Средиземноморской эскадрой (1899–1902), второй лорд Адмиралтейства, то есть ответственный за личный состав флота (1902–1903), командир Портсмутских доков (1903–1905), первый лорд Адмиралтейства (1905–1910). Провел резкое сокращение флота за счет устаревших кораблей и начал перевооружение, прототипом которого стал линейный корабль «Дредноут». В отставке (1910–1914), первый лорд Адмиралтейства (1914–1915), после провала Дарданелльской операции подал в

отставку с этого поста, до конца Первой мировой войны возглавлял правительственную комиссию по изобретениям и исследованиям.

Флуг Василий Егорович фон (1860–1955), русский военный деятель. Окончил 2-ю Петербургскую военную гимназию (1877), Михайловское артиллерийское училище, подпоручик (1880), поручик (1885). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан (1890). Состоял при Приамурском военном округе, начальник строевого отдела штаба Владивостокской крепости (1890–1894), капитан (1892), старший адъютант штаба Кавказской гренадерской дивизии (1894–1896), штаб-офицер при управлении 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады (1896–1899), подполковник (1896), исполняющий должность начальника штаба 3-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады (Порт-Артур, 1899–1900), полковник (1900), начальник отдела штаба Квантунской области (1900–1902). Участвовал и отличился в Китайском походе, награжден золотым оружием (1901). Начальник штаба Квантунской области (1902–1904), генерал-майор (1903), начальник временного штаба наместника на Дальнем Востоке (январь 1904 г.). Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг., генерал-квартирмейстер полевого штаба наместника (январь — ноябрь 1904 г.), исполняющий ту же должность в штабе главнокомандующего на Дальнем Востоке (ноябрь 1904 г.), состоял в распоряжении главнокомандующего на Дальнем Востоке (ноябрь 1904 — январь 1905 г.), генерал-квартирмейстер штаба 2-й Маньчжурской армии (январь — сентябрь 1905 г.). Военный губернатор Приморской области и наказной атаман Уссурийского казачьего войска (1905–1909), генерал-лейтенант (1908), начальник 37-й пехотной дивизии (1909–1912), начальник 2-й гвардейской пехотной дивизии (1912–1913), помощник туркестанского генерал-губернатор и командующего войсками Туркестанского военного округа (1913–1914), командующий 10-й армией (август — сентябрь 1914 г.), в распоряжении Верховного главнокомандующего (1914–1915), генерал от инфантерии (1914), командир 2-го армейского корпуса (1915–1917), за отличие при наступлении Юго-Западного фронта награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (1916). С мая 1917 г. в резерве чинов при штабе войск Петроградского военного округа, в декабре 1917 г. прибыл на Дон и поступил в распоряжение генерала М. В. Алексеева. Весной 1918 г. командирован в качестве представителя Добровольческой армии в Сибирь и на Дальний Восток. В декабре 1918 г. по поручению адмирала А. В. Колчака вернулся на юг России, поступил в распоряжение генерала А. И. Деникина. Помощник по военной части главноначальствующего и командующего войсками Киевской области генерала В. М. Драгомирова (сентябрь 1919 г.), с декабря 1919 г. в резерве чинов при штабе войск Новороссийской области. С 1920 г. в эмиграции в Югославии. С 1922 г. служил в Военном министерстве королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, активно участвовал в деятельности Русского общевоинского союза, с 1930 г. временно исполняющий обязанности начальника 4-го отдела РОВС (Югославия). В 1939 г. уехал в Германию, а затем в США, умер в Сан-Франциско.

Франсуа Герман фон (1856–1933), германский военный деятель, из семьи французских гугенотов, переехавших в Пруссию в XVII в., сын генерала Бруно фон Франсуа, погибшего в 1870 г. в битве под Шпихерном. Службу в офицерских чинах начал в 1-м гвардейском пехотном полку, лейтенант (1875). Окончил Военную академию в Берлине (1887), капитан (1889), майор (1894), подполковник, начальник штаба 4-го армейского корпуса (1899), которым тогда командовал П. фон Гинденбург. Генерал-майор, командир Гессенской бригады (1908), генерал-лейтенант, командир 13-й дивизии (1911), генерал от инфантерии, командир 1-го армейского корпуса (1913). Сыграл выдающуюся роль в боях в Восточной Пруссии как в действиях против 1-й, так и против 2-й русских армий. Командующий 8-й армией (октябрь — ноябрь 1914 г.), командир 41-го резервного армейского корпуса (1915–1918), во главе которого отличился в боях под Горлице и Верденом.

Франц-Иосиф I (1830–1916), император Австрии (1848–1866), император Австрии и король Венгрии (1866–1916).

Фредерикс Владимир (Адольф-Антон-Владимир) Борисович (1838–1927), русский государственный деятель из шведского рода, с первой половины XVIII в. находящегося на русской службе, барон. Получил домашнее образование. С 1856 г. на военной службе, унтер-офицер лейб-гвардии Конного полка на правах вольноопределяющегося, в том же году произведен в юнкеры, причислен к действующим частям полка. Эстандарт-юнкер (1857), корнет (1858), поручик (1860), штабс-ротмистр (1863), ротмистр (1866), командир 4-го эскадрона лейб-гвардии Конного полка (1867–1869), полковник (1869), флигель-адъютант, командир 2-го дивизиона полка (1871), командир лейб-гвардии Конного полка (1875), генерал-майор Свиты Его Императорского Величества с оставлением в должности командира полка (1879). В 1880 г. командирован во Францию для присутствия на маневрах. Командир 1-й бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии (1881), член Главного военного суда (1884–1885), в 1888 г. состоял при цесаревиче великом князе Николае Александровиче при погребении императора Вильгельма I в Берлине и при нем же в 1889 г. на маневрах германских войск. В 1888–1890 гг. командировался в качестве посредника на межокружные маневры, генерал-лейтенант, шталмейстер Двора Его Величества (1891). Помощник министра Императорского двора и уделов на правах товарища министра (1893), генерал-адъютант (1896), управляющий Министерством двора и уделов и исполняющий должность канцлера российских орденов (1897), в 1898 г. утвержден в должности министра и канцлера, командующий Императорской главной квартирой, генерал от кавалерии (1900). Член Государственного совета по назначению (1906–1917), 2 (15) марта 1917 г., находясь с императором в Пскове, скрепил своей подписью манифест Николая II об отречении. По требованию Временного правительства удален от бывшего императора, арестован, доставлен в Петроград, но вскоре освобожден, уволен в отставку с мундиром и пенсией. В 1924 г. по просьбе отпущен советским правительством из России, выехал с дочерью в Финляндию, где и умер.

Фридман Нафталь Маркович (1863–1921), русский общественный и политический деятель, адвокат, кадет. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1887), занимался адвокатской практикой (помощник присяжного поверенного, с 1906 г. присяжный поверенный) в Поневеже Ковенской губернии. Депутат III и IV Государственных дум от Ковенской губернии. Активно защищал интересы еврейского населения империи, в частности во время «дела Бейлиса», участвовал в организации помощи выселенных из прифронтовой полосы военными властями еврейских семей. После Февраля 1917 г. сотрудничал с Временным правительством, после Октября 1917 г. вернулся в Литву и снова занялся адвокатской практикой в Паневежисе. В 1920 г. избран в Учредительный сейм Литвы. Скоропостижно скончался на немецком курорте, куда выехал на лечение.

Фридрих-Август I (1750–1827), курфюрст саксонский Фридрих-Август III (1763–1806), король Саксонии Фридрих-Август I (1806–1827), герцог Варшавский (1807–1815).

Фридрих-Август III Иоганн-Людвиг-Карл-Густав-Грегор-Филипп (1865–1932), кронпринц Саксонии (1902–1904), последний король Саксонии (1904–1918), генерал от инфантерии саксонской армии (1902), прусский генерал-фельдмаршал (1912).

Фридрих-Мария-Альбрехт-Вильгельм-Карл (1856–1936), эрцгерцог Австрийский, герцог Тешинский, австрийский фельдмаршал (1914), германский фельдмаршал (1915). Старший сын эрцгерцога Карла-Фердинанда и эрцгерцогини Елизаветы, после смерти

отца в 1874 г. усыновлен дядей эрцгерцогом Альбрехтом. В 1871 г. поступил на действительную службу в Тирольский егерский полк, лейтенант. Обер-лейтенант (1873), капитан (1875), майор (1876), подполковник (1878), полковник, командир 18-го пехотного полка (1879), генерал-майор (1882), командир 27-й пехотной бригады (1882–1886), фельдмаршал-лейтенант (1886), командир 14-й пехотной дивизии (1886–1889), командир 5-го Пресбургского армейского корпуса (1889), генерал-инспектор Вооруженных сил (1905–1907), главнокомандующий ландвера (1907), генерал от инфантерии (1910). Главнокомандующий Вооруженными силами, фельдмаршал (1914), в декабре 1916 г. смещен, формально оставаясь заместителем главнокомандующего, в феврале 1917 г. отстранен от командования. В 1921 г. принял венгерское подданство.

Фроммель Рудольф фон (1857–1921), подданный баварской короны, граф, генерал от кавалерии. Прапорщик (1875), лейтенант (1876), обер-лейтенант (1887), командир 1-го баварского королевского кавалерийского полка «Принц Карл фон Байерн» (1905), 1-й баварской кавалерийской бригады (1906), инспектор Баварской кавалерии (1910–1913), в 1913 г. вышел в отставку, в 1914 г. вернулся на службу, командир 3-го кавалерийского корпуса в 6-й армии, корпус позже переформирован в Сводный корпус, затем в армейскую группу «Фроммель», в конце 1916 г. в 57-й корпус. С 1918 г. в отставке.

Фурманов Дмитрий Андреевич (1891–1926), советский писатель, родился в крестьянской семье в селе Середа Костромской губернии. В 1899 г. поступил в Иваново-Вознесенское шестиклассное училище, при его окончании оказался под сильным влиянием событий революции 1905 г., что позже отразилось в его литературном творчестве. В 1905 г. поступил в коммерческую школу, после окончания которой в 1908 г. поступил в реальное училище в Кинешме. В 1912 г. поступил на филологический факультет Московского университета, в 1914 г. ушел на фронт братом милосердия. Работал в санитарных поездах, летучих отрядах Кавказского, Юго-Западного и Северо-Западного фронтов. В конце 1916 г. вернулся в Иваново-Вознесенск, после Февраля 1917 г. примкнул к большевикам, во время Октябрьской революции возглавил в Иванове революционный штаб. В 1917–1918 гг. примыкал к эсерам-максималистам, затем к анархистам. С июля 1918 г. член РКП(б). В начале 1919 г. с отрядом иваново-вознесенских рабочих отправился на Восточный фронт, с марта 1919 г. комиссар 25-й стрелковой дивизии, командиром которой был В. И. Чапаев. Позже начальник политуправления Туркестанского фронта, уполномоченный Реввоенсовета Туркфронта в Семиречье, участвовал в подавлении антисоветского мятежа в г. Верный (ныне Алма-Ата, Казахстан), комиссар красного десанта на Кубани, начальник политотдела 9-й Кубанской армии, редактор газеты «Красный воин» — органа 11-й Кавказской армии. Окончил факультет общественных наук МГУ (1924), секретарь Московской ассоциации пролетарских писателей (1924–1925). Делегат VIII Всероссийской конференции РКП(б), VII и VIII Всероссийских съездов Советов. Основные литературные произведения: романы «Чапаев» (1923), «Мятеж» (1925).

Хабибулла-хан (1872–1919), старший сын эмира Абдуррахмана, родился в Ташкенте. Эмир Афганистана (1901–1919). Пытался проводить светскую политику и модернизировать страну, в предвоенный период лавировал между Россией и Англией. 21 марта 1905 г. подписал с Англией договор о полном отказе от самостоятельной внешней политики в обмен на субсидию в 160 тыс. фунтов в год. Сохранил нейтралитет в годы Первой мировой войны, хотя 2 октября 1915 г. принял германскую миссию во главе с капитаном Оскаром фон Нидермайером в Кабуле. Миссия находилась в стране по сентябрь 1916 г. и занималась модернизацией афганской армии и подготовкой антибританских и антирусских

выступлений в русской Средней Азии и Британской Индии. 2 февраля 1919 г. потребовал от Англии признать полную независимость своей страны. 20 февраля 1919 г. убит на охоте.

Халим-паша Саид (1863–1921), египетский принц, внук Мухаммеда-Али, турецкий государственный и партийный деятель, государственный преступник. Получил домашнее образование, затем изучал политические науки в Швейцарии, с 1888 г. член Государственного совета Османской империи, занимал различные посты в османской администрации. Генеральный секретарь партии «Единение и прогресс». Великий визирь (1913–1917), один из инициаторов вступления Турции в Первую мировую войну, после поражения в которой арестован и заключен в тюрьму на Мальте. Освобожден в 1921 г., в 1922 г. убит армянскими боевиками в Риме за свою роль в организации геноцида армян.

Харитонов Петр Алексеевич (1852–1916), русский государственный деятель, юрист. Окончил по 1-му разряду Императорское училище правоведения, определен в службу в Министерство юстиции, титулярный советник (1873), коллежский асессор (1875), надворный советник (1878), коллежский советник (1881), статский советник (1883), действительный статский советник (1887), статс-секретарь Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета (1898), тайный советник (1899), товарищ государственного секретаря (1904), сенатор, член Государственного совета (1906), государственный контролер (1907–1916), действительный тайный советник (1912).

Хатисов (Хатисян) Александр Иванович (1874–1945), русский политический деятель армянского происхождения. Из семьи крупного чиновника. Окончил Тифлисскую гимназию (1891), учился на медицинских факультетах Московского и Харьковского университетов (1897). В 1898 г. выехал за границу для продолжения образования. В 1900 г. вернулся в Тифлис, где занимался политической деятельностью. В 1902 г. избран гласным Тифлисской городской думы, с 1905 г. член городской управы. Участвовал в революции 1905–1907 гг. Кадет, был близок к армянской революционной партии «Дашнакцутюн». Заместитель городского головы Тифлиса (1907–1910), городской голова Тифлиса (1910–1917), председатель Кавказского комитета Союза городов (1914–1917). Один из организаторов армянских добровольческих дружин в годы Первой мировой войны и помощи армянским беженцам. Заместитель председателя Армянского национального бюро (Тифлис, 1915–1917). После Февраля 1917 г. вступил в «Дашнакцутюн». Председательствовал на Совещании армянских политических партий (март — апрель 1917 г.) до октября 1917 г. возглавлял Армянское национальное бюро. В июне 1917 г. принял участие в Закавказском крестьянском съезде в Тифлисе. Участвовал в созыве Армянского национального совещания (съезд восточных армян) и в создании Армянского национального совета (сентябрь — октябрь 1917 г.). В апреле 1918 г. с образованием Закавказской Демократической Федеративной Республики назначен министром финансов и продовольствия, а также министром призрения правительства Закавказского сейма. Принимал участие в мирных переговорах с Турцией в Трапезунде и Батуме (февраль — май 1918 г.). С октября 1919 г. министр иностранных дел Армянской Республики (1919), премьер-министр (1919–1920). Летом 1920 г. в составе Бюро правительства отправился за границу с целью организаций в армянской диаспоре внутреннего заема и «Золотого фонда» для Армении. 2 декабря 1920 г. от имени правительства подписал Александропольский договор, передав власть армянскому большевистскому Ревкому. В эмиграции во Франции, товарищ председателя «Комитета братской помощи», оказывавшего помощь пострадавшим от землетрясения в Армении (1926), член организационного комитета «Очага друзей русской культуры» в Париже (1926–1928), лектор русского народного университета. Сотрудничал в «Иллюстрированной России». В период оккупации Франции

гитлеровскими войсками переехал в Португалию, где арестован по ложному доносу с обвинением в сотрудничестве с нацистами, вскоре после освобождения умер.

Хаустов Валентин Иванович (1884–192?), рабочий, депутат IV Государственной думы от Уфимской губернии, социал-демократ, Октябрьскую революцию не принял, критиковал и большевиков и меньшевиков, выступал с антисемитскими и антисоветскими заявлениями.

Холбрук Норманн Дуглас (1888–1976), британский подводник. В 1914 г. лейтенант на корабле «Британия», в том же году произведен в коммодор-лейтенанты и назначен командиром подводной лодки В-11, потопившей «Мессудие», награжден крестом Виктория.

Холдейн Ричард Бердон (1856–1928), британский государственный деятель, юрист, философ. Один из основателей Лондонской школы экономики (1895), военный министр (1905–1912), проведший ряд реформ, резко поднявших боеспособность британской армии и обеспечивших расширение ее мобилизационных ресурсов накануне Первой мировой войны. Член Палаты лордов (1911), лорд-канцлер (191–1915), вынужден подать в отставку в результате ложных обвинений в политических симпатиях к Германии.

Хоменко Александр Александрович (1867–1939). В службе с 1884 г. Окончил Морское училище, мичман (1887). Лейтенант (1894), ревизор крейсера 2 ранга «Новик» (1901–1903), командир миноносца «Скорый» (1903–1904), старший офицер крейсера «Новик» (апрель — июль 1904 г.), за отличие произведен в капитаны 2 ранга (1904). Заведующий сектором морских батарей в горах Скалистой, Большой и Ново-Китайского города сухопутного фронта обороны Порт-Артура. Командовал минным крейсером «Абрек» (1905–1906), учебным судном «Рында» (1906–1910). За отличие произведен в капитаны 1 ранга (1909). Капитан над Кронштадтским портом (1911–1915), контр-адмирал (1912). В 1915 г. причислен к Черноморскому флотскому экипажу, возглавлял создававшуюся в Одессе транспортную флотилию, предназначавшуюся для десантной операции на Босфор, начальник грузовых перевозок по Черному и Азовскому морям (1916–1917), вице-адмирал (1916). После революции эмигрировал во Францию, возглавлял Управление российского торгового флота в Париже (1919–1929). Умер в Ницце.

Хотек фон Хоткова унд Вогним София (1868–1914), графиня, с 1 июля 1900 г. морганатическая супруга эрцгерцога Франца-Фердинанда, с 1905 г. герцогиня фон Гогенберг.

Церетели Ираклий Георгиевич (1881–1959), русский и грузинский общественный и политический деятель, меньшевик, выходец из известной грузинской княжеской фамилии Церетели. В 1900 г. поступил на юридический факультет Московского университета, в 1901 г. сослан в Сибирь за участие в студенческом революционном движении. В 1903 г., вернувшись из ссылки, стал социал-демократом и членом Тифлисского комитета РСДРП. После II съезда партии перешел во фракцию меньшевиков, главный редактор журнала «Квали» («Борозда»). В 1904 г., спасаясь от ареста, уехал в Берлин, где поступил в университет. После начала революции 1905 г., несмотря на туберкулез, вернулся в Россию. В 1907 г. избран членом II Государственной думы, председатель социал-демократической фракции и член аграрной комиссии Думы. После разгона Думы 3 (16) июня 1907 г. осужден на пять лет каторги, замененной по состоянию здоровья шестью годами тюрьмы с последующим поселением в Сибири. Активный участник стро-

ительства системы Советов после Февральской революции. В апреле 1917 г. вернулся в Петроград из Иркутска и вошел в состав исполкома Петроградского совета. Министр почт и телеграфов Временного правительства (май — сентябрь 1917 г.). К Октябрьской революции отнесся отрицательно, депутат Учредительного собрания, после роспуска уехал в Грузию, где стал одним из лидеров независимой республики. Представитель Грузии на Парижской (Версальской) конференции (1919), выступал с позиций великодержавного грузинского национализма. После вхождения Красной армии в Грузию в 1921 г. бежал, в эмиграции во Франции, с 1940 г. в США.

Циммерман Артур (1864–1940), германский дипломат и политик. С 1893 г. на дипломатической службе, с 1896 г. на службе в консульстве в Китае, консул в Кантоне (1900), заместитель статс-секретаря по иностранным делам (1911–1916), статс-секретарь по иностранным делам (1916–1917). В ходе Первой мировой войны сторонник неограниченной подводной войны, автор знаменитой «телеграммы Циммермана» к правительству Мексики от 16 января 1917 г., раскрытие которой британской разведкой способствовало вступлению США в Первую мировую войну на стороне Антанты.

Цицианов Павел Дмитриевич (1754–1806), князь, русский военный деятель, происходил из древнего грузинского княжеского рода Цицишвили. В семилетнем возрасте записан в лейб-гвардии Преображенский полк капралом, получил домашнее образование. В 1772 г. произведен в прапорщики гвардии, назначен командиром егерской роты лейб-гвардии Преображенского полка с производством в капитан-поручики (1777), по собственному желанию переведен в армию в звании подполковника в Тобольский пехотный полк. Полковник (1785), в 1786 г. назначен командиром Санкт-Петербургского гренадерского полка, с которым участвовал и отличился в Русско-турецкой войне 1787–1791 гг., бригадир (1790), генерал-майор (1793). Участвовал и отличился в подавлении Польского восстания 1794 г., награжден орденом Св. Георгия 3-й степени и золотым оружием, его образцовые действия были отмечены А. В. Суворовым, который в одном из приказов призвал войска «сражаться решительно, как храбрый генерал Цицианов». В Персидском походе 1796 г. помощник главнокомандующего В. А. Зубова, комендант крепости Баку (1796–1797). С 1797 г. в отставке. После воцарения Александра I вновь поступил на службу, произведен в генерал-лейтенанты в день коронации императора. В 1802 г. назначен инспектором пехоты на Кавказ, астраханским военным губернатором и главнокомандующим в Грузии. В 1802 г. заключил дружественные договоры с рядом дагестанских феодалов, в 1803 г. покорил Джаро-Белоканскую область, в 1804 г. — Гянджинское ханство. Путем переговоров преодолел сопротивление грузинской феодальной знати и добился присоединения к России Имеретии и Мингрелии. «Я дерзнул, — писал он, — принять правило, противное бывшей здесь системе, и вместо того чтобы жалованьем и подарками, определенными для умягчения горских народов, платить некоторый род дани за мнимое их подданство, я сам требую даней». В начале Русско-персидской войны в 1804–1813 гг. руководил отражением нападения персидских войск Аббас-мирзы и нанес им ряд поражений, генерал от инфантерии (1804). В 1805 г. присоединил к России Шекинское, Карабахское, Ширванское ханства и Шурагельский султанат. В начале 1806 г. предпринял экспедицию против крепости Баку, к которой в то же время подошла с моря эскадра генерал-майора И. И. Завалишина. 8 (20) февраля 1806 г. предательски убит во время переговоров с бакинским ханом о капитуляции крепости. В 1811 г. его прах перевезен в Тифлис и похоронен в Сионском соборе.

Цывинский Генрих Фаддеевич (1855– 1938), русский военный моряк. В службе с 1872 г., мичман (1876), лейтенант (1881). Совершил несколько дальних плаваний. Обер-

офицером участвовал в морской демонстрации 1880–1881 гг. у берегов Китая, спустя десятилетие вновь отправился на Дальний Восток в должности старшего офицера полуброненосного фрегата «Владимир Мономах» из состава отряда, сформированного для плавания с наследником цесаревичем Николаем Александровичем. Капитан 2 ранга (1891), будучи хорошим специалистом минного дела, в 1893–1896 гг. занимал должность помощника главного инспектора минного дела. Принимал участие в разработке планов десантной операции на Босфор, в 1896 г. совершил секретную поездку на берега пролива. Автор идеи «мертвого заграждения» Босфора с помощью поставленных на якорь поперек пролива коммерческих судов, связанных между собой цепями. Командир крейсера 2 ранга «Крейсер» (1896–1899), капитан 1 ранга (1899), командир крейсера 1 ранга «Герцог Эдинбургский» (1901–1904), крейсера 1 ранга «Генерал-Адмирал» (1904–1905), Отдельного отряда судов Балтийского моря (1905–1906), контр-адмирал (1906), командир Отдельного практического отряда Черного моря (1906–1908), вице-адмирал (1910), с декабря 1910 г. главный инспектор минного дела. По его собственному рассказу, в 1911 г. его вместе с вице-адмиралами Лилье и Успенским (все трое из Морского технического комитета) принесли в жертву Государственной думе, требовавшей реформ во флоте, в том числе «омоложения» личного состава высшего управления. По увольнении получил приглашение «Русского общества изготовления снарядов и мин» и поступил туда на службу техническим консультантом по минному делу. В годы Первой мировой войны занимался обеспечением доставки грузов, адресованных заграничными фирмами «Русско-Балтийскому судостроительному обществу» и другим предприятиям. В годы революции, после многих мытарств, решил вернуться на родину и в 1922 г. принял литовское гражданство. Умер и похоронен в Вильно.

Чабринович Неделько (1895–1916), уроженец Боснии, типографский рабочий, член сербской революционной организации «Молодая Босния», осужден за участие в покушении на Франца-Фердинанда на 20 лет, в 1916 г. умер от туберкулеза в австрийской тюрьме.

Чагин Владимир Александрович (1862–1936). Окончил Полоцкую военную гимназию (1880), Михайловское артиллерийское училище, подпоручик (1883), поручик (1885). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан (1889). Состоял при Киевском военном округе, старший адъютант штаба 5-й пехотной дивизии (1889–1890), старший адъютант штаба 9-го армейского корпуса (1890–1895), капитан (1891). Состоял при Новочеркасском казачьем юнкерском училище для преподавания военных наук (1895–1899), подполковник (1895), штаб-офицер для особых поручений при штабе 19-го армейского корпуса (1899–1900), полковник (1899), начальник штаба 7-й кавалерийской дивизии (1900–1901), начальник штаба 29-й пехотной дивизии (1901–1904). Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг., командир 114-го пехотного Новоторжского полка (май — октябрь 1904 г.), начальник транспорта 2-й Маньчжурской армии (1904–1905). Командир 170-го пехотного Молодечненского полка (1905–1908), генерал-майор (1908), начальник штаба 3-го армейского корпуса (1908), участвовал в первом походе в Восточную Пруссию. С октября 1914 г. начальник штаба 2-й армии, руководил штабом армии в боях под Варшавой и Лодзью. С декабря 1914 г. командующий 6-й Сибирской стрелковой дивизией, генерал-лейтенант (1915), начальник 41-й пехотной дивизии (1915–1917), в 1917 г. командующий 16-м армейским корпусом. С 1918 г. в Добровольческой армии, в резерве чинов главнокомандующего, затем начальник военной цензуры в Управлении штаба главнокомандующего. После эвакуации из Крыма и пребывания в Константинополе приехал в Грецию, где служил преподавателем математики в Афинской русской школе. Скончался в Афинах.

Челноков Михаил Васильевич (1863–1935), политический и общественный деятель, кадет, из семьи московских купцов. Обучался в Лазаревском институте восточных языков, активный земский деятель Московской губернии, гласный Московской городской думы. С 1907 г. член ЦК партии кадетов. Депутат II, III и IV Государственных дум. С сентября 1914 г. главноуполномоченный Всероссийского союза городов (1914), московский городской голова (1914–1917). В марте 1917 г. несколько дней являлся комиссаром Временного комитета Государственной думы по управлению Москвой, в мае 1917 г. уполномоченный комиссара Временного правительства над бывшим Министерством двора и уделов по делам Русского музея. После Октябрьской революции участник антибольшевистского подполья, затем эмигрировал, проживал в Югославии.

Червинка Ярослав Вячеславович (1848–1933), русский и чехословацкий военный деятель. Родился под г. Бенешовым в Богемии (ныне Чехия). В 1866 г. вступил добровольцем в армию, участвовал в битве при Садовой, кадет. Лейтенант (1869), обер-лейтенант (1875). В 1877 г. покинул Австро-Венгрию, добровольцем принял участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове, в 1878 г. официально уволен с австрийской службы и принят на русскую, поручик. Штабс-капитан (1881), в 1883 г. вышел в отставку, в 1885 г. определен на службу в Корпус пограничной стражи. Майор (1888), подполковник (1896), полковник (1903), генерал-майор (1908). В 1909 г. вышел в отставку, в 1914 г. возвращен на службу в штаб Киевского военного округа, один из инициаторов создания чехословацких воинских частей в составе русской армии, командир чехословацкой бригады (1916). В 1917 г. вошел в состав Комиссии по созданию чехословацких соединений в Киеве, в 1918 г. вышел из нее из-за разногласий с представителями эмигрантских организаций. В 1919 г. эмигрировал в Чехословакию, где был принят на военную службу в чине бригадного генерала и назначен инспектором ремонта кавалерии. Дивизионный генерал (1922), в 1924 г. вышел в отставку.

Черкасский Владимир Александрович (1824–1878), русский государственный и общественный деятель, князь, действительный статский советник, умеренный либерал, близкий к славянофилам. В 1840 г. поступил на юридический факультет Императорского Московского университета и в 1844 г. закончил его. Специализировался по истории русского права с особым вниманием к истории крестьянского вопроса. В 1852–1855 гг. находился под полицейским надзором за публикацию статьи «Юрьев день» в славянофильском «Московском сборнике». В начале 1857 г. представил правительству свой труд «О лучших средствах к постепенному исходу из крепостного состояния». С конца 1857 г. активный участник подготовки крестьянской реформы 1861 г., один из трех ведущих членов Редакционных комиссий (1858–1861). Мировой посредник в Веневском уезде Тульской губернии (1861–1862). По приглашению Н. А. Милютина участвовал в подготовке крестьянской реформы 1864 г. в Царстве Польском, наделившей тамошних крестьян землей. В 1866 г. покинул Варшаву. Московский городской голова (1868–1870), активно участвовал в обсуждении «Городового положения» 1870 г. С октября 1876 г. уполномоченный русского Красного Креста при действующей армии, с ноября 1876 г. заведующий гражданскими делами при главнокомандующем. Фактически заложил основы гражданского самоуправления в Болгарии. Умер от переутомления в день подписания Сан-Стефанского трактата.

Чернин цу Чудениц Оттокар Теобальд Отто Мария фон (1872–1932), граф, австро-венгерский дипломат и государственный деятель, выходец из германизированного чешского аристократического рода. Окончил юридический факультет Венского университета. С 1897 г. на дипломатической службе, атташе австрийского посольства во Франции

(1898–1899), в Гааге (1899–1902). В 1902 г. вышел в отставку по болезни, депутат ландтага Богемии от немецкой партии (1903–1913), входил в ближайшее окружение эрцгерцога Франца-Фердинанда. В 1912 г. возвращен на дипломатическую службу, посол в Румынии (1913–1916), министр иностранных дел (1916–1918). В 1918 г. в качестве представителя Австро-Венгрии участвовал в переговорах в Брест-Литовске и разработке мирных соглашений с Румынией, Советской Россией и Центральной радой. В апреле 1918 г. вышел в отставку. После распада Австро-Венгрии его собственность в Чехословакии была конфискована, а сам он эмигрировал в Австрию, где был избран депутатом Национального совета республики демократической партии. Умер в Вене.

Чернозубов Федор Григорьевич (1863–1919), из дворянства войска Донского. Окончил Пажеский корпус, выпущен корнетом, зачислен в лейб-гвардии Казачий Его Величества полк (1883), поручик (1887). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-ротмистр гвардии с переименованием в капитаны Генерального штаба (1889). Состоял при Одесском военном округе, старший адъютант штаба 40-й пехотной дивизии (1889–1894), подполковник (1894). Состоял для особых поручений при штабе 12-го армейского корпуса (1894–1897), штаб-офицер при управлении 3-й стрелковой бригады (1897), начальник штаба Киевской крепости-склада (1897–1900), полковник (1898), штаб-офицер при управлении 4-й Сибирской резервной бригады (1900). Состоял в распоряжении начальника Главного штаба (1900–1901), исполняющий должность начальника штаба 1-й Кавказской казачьей дивизии (1901–1902), начальник штаба 1-й Кавказской казачьей дивизии (1902). Состоял в распоряжении главнокомандующего войсками Кавказского военного округа (1902–1908), заведующий обучением персидской кавалерии (1902–1906), генерал-майор (1906), начальник войскового штаба Терского казачьего войска (1908–1914), командир действовавшего в Северной Персии Азербайджанского отряда (1914–1915), генерал-лейтенант (1915), начальник 4-й Кавказской казачьей дивизии (1915–1916), командир 2-го Кавказского кавалерийского корпуса (1916–1917), в апреле 1917 г. отстранен от должности и зачислен в резерв чинов при штабе Кавказского военного округа. В октябре того же года назначен командиром 5-го Кавказского армейского корпуса. После развала фронта вернулся на Дон, состоял в распоряжении донского атамана, был управляющим военным и морским отделом войска Донского. Умер в Новочеркасске.

Черчилль Уинстон Леонард Спенсер (1874–1965), выдающийся британский государственный и политический деятель. Член Палаты общин (1900–1922, 1924–1964), заместитель министра колоний (1906–1908), министр торговли (1908–1910), министр внутренних дел (1910–1911), морской министр (1911–1915), канцлер герцогства Ланкастерского (1915), министр военного снабжения (1917), военный министр и министр авиации (1919–1921), министр авиации и колоний (1921), министр колоний (1921–1922), министр финансов (1924–1929). В 1929–1939 гг. в оппозиции, затем морской министр (1939–1940), премьер-министр и министр обороны (1940–1945), премьер-министр (1951–1952). С 1955 г. в отставке.

Чурин Алексей Евграфович (1852–1916). Окончил классическую гимназию в Вологде (1871), 3-е военное Александровское училище, прапорщик гвардии (1873). Принял участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове, был ранен, поручик (1877). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, гвардии штабс-капитан с переименованием в капитаны Генерального штаба (1882). Состоял при Одесском военном округе, старший адъютант штаба 7-й кавалерийской дивизии (1882–1883), помощник старшего адъютанта штаба Одесского округа (1883),

офицер для поручений при том же штабе (1883–1884). Столоначальник Главного штаба (1884–1887), подполковник (1887), старший адъютант штаба Финляндского военного округа (1887–1888), штаб-офицер для поручений при том же штабе, заведующий передвижением войск по железнодорожным и водным путям Финляндского района (1888–1891), полковник (1889), начальник штаба 27-й пехотной дивизии (1891–1898), командир 108-го пехотного Саратовского полка (1898–1899), генерал-майор (1899), генерал для особых поручений при командующем войсками Виленского военного округа (1899–1902), начальник 5-й стрелковой бригады (1902–1905). Принял участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг., командующий 5-й стрелковой дивизией (1905–1906). Начальник 18-й пехотной дивизии (1906–1907), генерал-лейтенант (1907), начальник штаба Варшавского военного округа (1907–1909), командир 21-го армейского корпуса (1909–1914), генерал от инфантерии (1912), помощник командующего войсками Виленского военного округа (апрель – август 1914 г.), главный начальник Двинского военного округа (август 1914 г.), командир 2-го армейского корпуса (1914–1915), командующий 5-й армией (январь – июнь 1915 г.), 12-й армией (июнь – август 1915 г.), 6-й армией (1915–1916), в марте 1916 г. сдал командование, назначен членом Военного совета.

Шавельский Георгий Иванович (отец Георгий) (1871–1951). Родился в селе Дубокрай Витебской губернии в семье дьячка, окончил Витебскую духовную семинарию. В 1895 г. рукоположен в сан священника, настоятель Суворовской церкви в Санкт-Петербурге. С 1902 г. служил в церкви Святого Николая при Николаевской академии Генерального штаба. В 1904–1905 гг. в действующей армии, полковой священник, дивизионный благочинный, главный священник 1-й Маньчжурской армии (1904). Законоучитель в Смольном институте (1906–1910), магистр богословия, профессор Императорского историко-филологического института (1910), протопресвитер военного и морского духовенства (1911–1917), член Святейшего синода (1915–1917), член Поместного собора (1917–1918), возглавлял военное духовенство Добровольческой армии, член Временного церковного управления на юго-востоке России (1918–1919). В 1920 г. эмигрировал в Болгарию, профессор богословского факультета Софийского университета (1920). В 1927 г. из-за разногласий с Русской зарубежной церковью перешел в юрисдикцию Болгарской православной церкви, скончался в Софии.

Шапошников Борис Михайлович (1882–1945), русский и советский военный деятель, основатель советского Генерального штаба, военный теоретик, автор труда «Мозг армии» (1927–1929). Окончил Пермское реальное училище (1901), Московское военное училище, подпоручик (1903), поручик (1906). Окончил по 1-му разряду Николаевскую военную академию, штабс-капитан (1910). Командир роты 1-го Туркестанского стрелкового полка (1910–1912), капитан (1912), старший адъютант штаба 14-й кавалерийской дивизии (1914), помощник старшего адъютанта отделения генерал-квартирмейстера штаба 12-й армии, исполняющий должность штаб-офицера для поручений управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта, подполковник (1915), исполняющий должность начальника штаба Отдельной казачьей сводной бригады (1915–1916), исполняющий должность начальника штаба 2-й Туркестанской казачьей дивизии (1916–1917), полковник (1917). В декабре 1917 г. выбран начальником Кавказской гренадерской дивизии. В 1918 г. добровольно вступил в РККА, помощник начальника оперативного Управления по разведывательной части в штабе Высшего военного совета (март – сентябрь 1918 г.), начальник разведотдела полевого штаба РВСР (сентябрь – октябрь 1918 г.), член Высшей военной инспекции (1918–1919). Первый помощник начальника штаба народного комиссара по военным

и морским делам Украины (март — август 1919 г.), начальник разведотдела (август — октябрь 1919 г.), с октября 1919 г. начальник Оперативного управления полевого штаба РВСР, первый помощник начальника штаба РККА (1921–1925), командовал войсками Ленинградского и Московского военных округов (1925–1928), начальник штаба РККА (1928–1931), командующий войсками Приволжского военного округа (1931–1932), начальник и военный комиссар Военной академии им. М. В. Фрунзе (1932–1935), профессор академии (1935), командующий войсками Ленинградского военного округа (1935–1937). Начальник Генерального штаба и заместитель народного комиссара обороны (1937–1940), маршал Советского Союза (1940), заместитель наркома обороны (1940–1941, 1942–1943), начальник Генерального штаба (1941–1942), начальник Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова (1943–1945).

Шарпантье Клаас-Густав-Роберт Робертович (1858–1918). Окончил Николаевское кавалерийское училище, корнет (1879). Поручик (1882), штабс-ротмистр (1884), ротмистр (1888), полковник (1896), командир 3-го драгунского Сумского полка (1901–1904), генерал-майор (1904), командир лейб-гвардии Гродненского гусарского полка (1904–1907), начальник Отдельной гвардейской кавалерийской бригады (1907–1910), генерал-лейтенант (1910), начальник Кавказской кавалерийской дивизии (1910–1915). С декабря 1915 г. состоял в распоряжении главнокомандующего Кавказской армией. Умер в Хельсинки.

Шварц Алексей Владимирович фон (1874–1953), из дворян Екатеринославской губернии, православный. Окончил Екатеринославское реальное училище (1892), Николаевское инженерное училище, выпущен в 1-й Уссурийский железнодорожный батальон, подпоручик (1895), поручик (1897), штабс-капитан (1901). Окончил по 1-му разряду Николаевскую инженерную академию, капитан (1902). Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг., отличился при обороне Порт-Артура, награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (1905), подполковник (1906). Репетитор Николаевской инженерной академии и училища, член Военно-исторической комиссии при ГУГШ по описанию действий Русско-японской войны (1907). Штатный преподаватель Николаевской инженерной академии и училища (1909), полковник (1910). После начала Первой мировой войны получил назначение в распоряжение начальника инженеров крепости Ивангород, а затем назначен ее комендантом с производством в генерал-майоры. За успешную оборону крепости награжден Георгиевским оружием (1914). После оставления Ивангорода в 1915 г. в распоряжении Ставки, переведен на Кавказ и назначен комендантом Карской крепости. Начальник Трапезундского укрепленного района (1916), начальник Главного военно-технического управления (1917), генерал-лейтенант (1917). После Октябрьской революции вступил в РККА, военный руководитель Северного участка завесы и Петроградского района вплоть до заключения Брестского мира, после чего уехал в Одессу, участия в Гражданской войне не принимал. После высадки союзного десанта в Одессе назначен французскими властями ее военным губернатором (1919). В том же году после оставления союзниками Одессы уехал в Константинополь и далее в Италию и Францию. В 1923 г. перешел на аргентинскую службу. В качестве профессора фортификации, без присвоения какого-либо чина в армии, преподавал в Высшей военной школе в Буэнос-Айресе, где и умер.

Шебеко Николай Николаевич (1863–1953), русский дипломат, действительный статский советник, дипломат, участник Белого движения.

Шейдеман Сергей Михайлович (1857–1922). Окончил Петровскую Полтавскую военную гимназию (1874), Михайловское артиллерийское училище, подпоручик (1877).

Принял участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове, поручик (1878), Окончил по 2-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан (1883). Состоял при Киевском военном округе, старший адъютант штаба 11-й кавалерийской дивизии (1883–1890), капитан (1885), подполковник (1890). Штаб-офицер при штабе 3-го армейского корпуса (1890–1892), старший адъютант штаба Виленского военного округа (1892–1896), полковник (1894), начальник штаба 4-й кавалерийской дивизии (1896–1901). Командир 1-го лейб-драгунского Московского полка (1901–1902), помощник начальника штаба Московского военного округа (апрель – май 1902 г.), окружной генерал-квартирмейстер штаба Московского военного округа (1902–1906), генерал-майор (1902). Начальника штаба Приамурского военного округа (1906–1908), генерал-лейтенант (1907), начальник 3-й кавалерийской дивизии (1908–1912), командир 2-го армейского корпуса (1912–1914), командующий 2-й армией (август – декабрь 1914 г.), награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (1914), командир 1-го Туркестанского армейского корпуса (1914–1917). В июне 1917 г. переведен в резерв чинов при штабе Киевского военного округа, командующий 10-й армией (ноябрь 1917 г.). В 1918 г. добровольно вступил в РККА, руководитель Рязанского участка завесы. Впоследствии арестован, умер в заключении.

Шеффер Рейнгард Готтлиб Генрих фон (1851–1925), барон фон Шеффер-Боядель (1905). Участник Франко-прусской войны 1870–1871 гг., лейтенант 83-го пехотного полка. Окончил Военную академию, капитан (1883). На службе в Генеральном штабе (1883–1894), подполковник, начальник штаба Гвардейского корпуса (1894), полковник (1897), командир гвардейского Гренадерского полка (1899), генерал-майор, командир 2-й гвардейской пехотной бригады (1901), обер-квартирмейстер Большого Генерального штаба (1903), генерал-лейтенант, командир 2-й гвардейской пехотной дивизии (1906), генерал от инфантерии, командир 11-го армейского корпуса (1908). С 1913 г. в резерве. Командир 15-го резервного корпуса (1914–1916), отличился в боях под Лодзью в ноябре 1914 г., награжден орденом Pour le Mérite, генерал-полковник (1914). Командир 27-го резервного корпуса (1916–1917), осенью 1916 г. командовал армейской группой «Шеффер» на Восточном фронте. Начальник 67-го генерального командования (1917–1918). В декабре 1918 г. вышел в отставку. Умер в имении Боядель в Силезии.

Шкинский Яков Федорович (1858–1938). Окончил Нижегородскую графа Аракчеева военную гимназию (1875), 2-е военное Константиновское училище, подпоручик (1877). Прикомандирован к лейб-гвардии Волынскому полку, в составе которого принял участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове, гвардии прапорщик, гвардии подпоручик (1878). Окончил по 2-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, произведен в поручики гвардии с переименованием в штабс-капитаны Генерального штаба (1882). Состоял при Варшавском военном округе, старший адъютант штаба 5-й Кавказской дивизии (1883–1888), капитан (1884), исполняющий должность штаб-офицера при управлении 13-й местной бригады, подполковник (1888), заведующий передвижениями войск по железнодорожным и водным путям Киевского района (1888–1892), полковник (1892), зведующий передвижениями войск по железным дорогам Вологодско-Саратовского района (1892–1894), Нижегородско-Брестского района (1894–1899), начальник военных сообщений Кавказского военного округа (1899–1901), генерал-майор (1900), генерал-квартирмейстер штаба войск Кавказского военного округа (1901–1905). Принял участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг., исполняющий должность начальника военных сообщений при главнокомандующем на Дальнем Востоке (1905–1906). Генерал-квартирмейстер Главного штаба (1906–1907), генерал-лейтенант (1906), начальник 18-й пехотной дивизии (1907–1908), начальник 3-й гвардейской пехот-

ной дивизии (1908–1910), командир 1-го Сибирского армейского корпуса (1910–1911), помощник командующего войсками Виленского военного округа (1911–1914), генерал от инфантерии (1912), командир 21-го армейского корпуса (1914–1915), командующий войсками Иркутского военного округа и войсковой атаман Забайкальского казачьего войска (1915–1917). В марте 1917 г. уволен от службы по болезни с мундиром и пенсией, уехал на Кавказ. В 1918–1919 гг. участвовал в Белом движении на юге России, в 1920 г. эмигрировал в Югославию. Умер в Белграде.

Шкуро Андрей Григорьевич (1887–1947), русский военный деятель, активный коллаборационист. Родился в семье казачьего офицера, окончил 3-й Московский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище, сотник (1907). В составе 1-го Уманского казачьего полка удачно действовал против бахтияр в Персии, в 1908 г. переведен в 1-й Екатеринодарский конный кошевого атамана Захара Чепига полк. В 1914 г. зачислен в 3-й Хоперский казачий полк 3-го Кавказского армейского корпуса, участвовал и отличился в боях на Юго-Западном фронте, награжден Георгиевским оружием (1914), есаул (1915). В 1916 г. сформировал Кубанский конный отряд особого назначения для партизанских действий в тылу противника на Западном фронте, затем отряд был переведен на Румынский фронт, а после Февраля 1917 г. в Персию. В декабре 1917 г. ранен. С весны 1918 г. вступил в активную борьбу с большевиками, присоединился к Добровольческой армии А. И. Деникина. В 1919 г. возглавил Кубанский конный корпус, произведен в генерал-лейтенанты. С 1920 г. в эмиграции сначала в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, затем во Франции. С 1941 г. вместе с генералом П. Н. Красновым активно сотрудничал с нацистами, формировал казачьи части, которые использовались для борьбы с партизанами на Балканах и в Италии, в 1944 г. произведен в группенфюреры СС. Весной 1945 г. возглавляемый им казачий отряд сдал оружие англичанам, которые выдали их советским властям. За активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против СССР приговорен к повешению, казнен в Москве.

Шлиппе Федор Владимирович фон (1874–1951), русский общественный деятель, октябрист. Выпускник Екатеринославской классической гимназии (1892), кандидат естественного факультета Московского университета (1897), Петровской сельскохозяйственной академии (1899). Председатель Верейской земской управы (1906–1909), председатель Московской губернской земской управы (1913), камер-юнкер (1912–1914), камергер, статский советник (1914). В 1920 г. эмигрировал в Германию. Член Российского монархического совета, Совета общественных организаций, председатель Земско-городского совета в Германии (1922), Союза русских торгово-промышленных и финансовых деятелей в Германии (1924). В 1920–1930-х гг. представитель Российского Общества Красного Креста в Германии. В его доме происходили встречи генерала А. А. Власова с П. Н. Красновым, фон Лампе и другими видными деятелями первой русской эмиграции. В 1944 г. подписал так называемый «Пражский манифест» Комитета освобождения народов России генерала А. А. Власова. Умер в Деттингене.

Шлиффен Альфред фон (1833–1913), германский военный деятель, граф, генерал-фельдмаршал (1911). С 1854 г. на прусской военной службе, участвовал и отличился в Австро-прусской и Франко-прусской войнах. С 1884 г. возглавил отдел военной истории в Большом Генеральном штабе, возглавлял Большой Генеральный штаб (1891–1905), инициатор принятия нового плана действий германской армии в случае «большой войны», предусматривавшего нанесение в первый период войны главного удара по Франции через территории нейтральных Бельгии и Голландии с целью глубокого обхода французских приграничных крепостей и взятия Парижа.

Шратт Екатерина (1853–1940), австрийская актриса, фаворитка императора Австрии Франца-Иосифа.

Штемпель Николай Аркадьевич фон (1861 — после 1944 г.), барон. Окончил Николаевский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. Генерал-майор (1911), командир 2-й бригады 6-й кавалерийской дивизии (1913–1917), командир 9-й кавалерийской дивизии (1917). В эмиграции в Югославии и Франции.

Штумм Вильгельм Август фон (1869 — после 1928 г.), германский дипломат, ротмистр германского Гвардейского драгунского полка, занимал различные дипломатические должности в посольствах в Великобритании, США, Франции, Вене, России, Испании, перед Первой мировой войной — в центральном аппарате МИДа.

Шуберт Рихард фон (1850–1933). В 1867 г. вступил в 7-й пионерный батальон, с 1868 г. служил в артиллерии. Участник Франко-прусской войны 1870–1871 гг. Учился в Военной академии (1875–1978). С 1879 г. служил в Генштабе, потом в Большом Генштабе (1888–1891). С 1904 г. начальник штаба 2-го армейского корпуса, с 1895 г. командир 30-го полевого артполка, с 1899 г. 16-й, затем 33-й полевой артбригады, с 1902 г. 39-й дивизии. Губернатор Ульма (1906). С 1907 г. инспектор полевой артиллерии, с 1911 г. в резерве. С началом войны назначен (август 1914 г.) командиром 14-го резервного корпуса в составе 7-й армии генерала И. Геерингена. Действовал в Вогезах, участник наступления на Нанси — Эпиталь. После назначения генерала П. фон Гинденбурга командующим 9-й армией командовал 8-й армией на Восточном фронте, находясь в подчинении П. фон Гинденбурга и имея задачей обеспечение обороны Восточной Пруссии в случае возможного русского наступления. При этом 8-я армия была значительно ослаблена, поскольку наиболее боеспособные части переданы в 9-ю армию. 27 октября 1914 г. принял командование 27-м резервным корпусом во Фландрии. Награжден орденом Pour le Mérite, командующий 7-й армией во Франции (1916), генерал-полковник (1917). С марта 1917 г. переведен в резерв. В декабре 1918 г. вышел в отставку.

Шуваев Дмитрий Савельевич (1854–1937). Окончил Оренбургскую Неплюевскую военную гимназию (1870), 3-е военное Александровское училище, подпоручик (1872). Участвовал в кампании 1873 г. против Хивинского ханства и во взятии Хивы. Поручик (1874), в 1875 г. участвовал в кампании против Коканда, штурме и взятии Андижана, штабс-капитан (1876). Окончил по 2-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба (1878). Назначен на службу в Оренбургский военный округ, обер-офицер для поручения штаба округа (1878–1879), в 1879 г. командирован к войсковому штабу войска Донского для преподавания военных наук в Новочеркасском казачьем юнкерском училище. Капитан (1880), подполковник (1883), начальник Новочеркасского училища (1885–1899), полковник (1887), генерал-майор (1899), начальник Киевского военного училища (1899–1905), командующий 5-й пехотной дивизией (1905–1908), генерал-лейтенант (1906), командир 2-го армейского корпуса (1908), начальник Главного интендантского управления и главный интендант Военного министерства (1908–1916), генерал от инфантерии (1911), военный министр (1916–1917), член Государственного совета (1917). После Февральской революции 1917 г. к ответственности не привлекался, в апреле 1917 г. назначен членом Военного совета, в мае того же года уволен в отставку по прошению. С 1920 г. в РККА, во время Советско-польской войны начальник штаба и командующий 4-й армией. С 1922 г. начальник штаба Петроградского военного округа, преподавал на курсах комсостава. С 1928 г. в отставке, персональный пенсионер. В 1937 г. арестован органами НКВД и расстрелян, реабилитирован посмертно.

Шувалов Андрей Петрович (1865–1928), граф. Образование получил в Императорском лицее, в службу вступил в 1886 г., в 1887 г. выдержал экзамен на офицерский чин при 2-м военном Константиновском училище, гвардии корнет, поручик (1891), штабс-ротмистр (1895), флигель-адьютант (1897). Состоял в распоряжении военного министра (октябрь — ноябрь 1899 г.), гвардии ротмистр (1899), полковник (1903). Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг., командир Терско-Кубанского конного полка (1904–1906), командир 5-го гусарского Александропольского полка (1906–1910), генерал-майор с зачислением в Свиту Его Императорского Величества (1912). Инспектор лечебных заведений Петрограда и представитель Верховного начальника по санитарной и эвакуационной части (принца А. П. Ольденбургского) в г. Торнео для наблюдения за эвакуацией раненых воинов (1915–1916). Участвовал в Белом движении в составе Вооруженных сил Юга России, в 1920 г. эвакуирован из Новороссийска. В эмиграции в Швейцарии. Умер в Монте-Карло.

Шульц Густав (Густав Тойво Иоганн) Константинович фон (1871–1946), русский и финский военный моряк немецкого происхождения. Родился в Москве в семье чиновника (отец — судья, статский советник). С 1887 г. на службе в Императорском русском флоте, окончил Морское училище, мичман (1890), окончил Минный офицерский класс по 2-му разряду, лейтенант (1895), окончил Александровскую юридическую академию (1903). Капитан 2 ранга (1906), командир мореходной канонерской лодки «Гиляк» (1906–1907), мореходной канонерской лодки «Бобр» (1907), миноносца «Поражающий» (1908–1909), флагманский обер-аудитор штаба начальника действующего флота Балтийского моря (1908–1911), флагманский обер-аудитор штаба командующего морскими силами Балтийского моря (1911), командир эскадренного миноносца «Генерал Кондратенко» (1911–1914), капитан 1 ранга при выходе в отставку (1914). С началом Первой мировой войны вновь на службе, числился по 1-му Балтийскому флотскому экипажу, но являлся представителем русского флота при командовании Гранд-Флита. Принял участие в Ютландском сражении, в январе 1918 г. уволился из рядов русского флота и продолжил службу в рядах Гранд-Флита вплоть до мая 1919 г., после чего переехал в Финляндию и был принят на военно-морскую службу в звании коммодора, начальник штаба береговой обороны (1919–1923), командующий Военно-морскими силами Финляндии (1923–1926), в 1926 г. вышел в отставку, одновременно произведен в звание контр-адмирала. В 1920-е гг. входил в ряд комиссий по обороне. В 1930 г. представитель Финляндии на Лондонской морской конференции, в 1932 г. на конференции по разоружению в Женеве, в 1937–1939 гг. на службе в комитете по невмешательству в гражданскую войну в Испании. Автор работ по истории британского флота и его участию в Первой мировой войне. Умер 9 сентября 1946 г. в Саалфельде, советской зоне оккупации в Германии.

Щегловитов Иван Григорьевич (1861–1918), государственный деятель, видный русский юрист. Окончил с золотой медалью Императорское училище правоведения, титулярный советник (1881), коллежский асессор (1883), надворный советник (1887), коллежский советник (1891), статский советник (1894), действительный статский советник (1899), министр юстиции (1906–1914), тайный советник (1907), член Государственного совета (1907), статс-секретарь Его Императорского Величества, сенатор (1911), действительный тайный советник (1914). В ходе Февральской революции 1917 г. арестован, содержался в Петропавловской крепости, после Октябрьской революции оставлен в заключении, в августе 1918 г. перевезен в Москву и по решению Совета народных комиссаров расстрелян на Ходынском поле.

Щербачев Дмитрий Григорьевич (1853–1932). Окончил Орловскую военную гимназию (1873), поступил в 3-е военное Александровское училище, откуда был переведен в Михайловское артиллерийское училище, подпоручик (1876), прапорщик гвардии (1877), подпоручик (1878), поручик (1881). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, гвардии штабс-капитан с переименованием в капитаны Генерального штаба (1884). Состоял при Петербургском военном округе, старший адъютант штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии (1884–1889), обер-офицер для поручений при штабе войск гвардии и Петербургского военного округа (1889–1890), подполковник (1890), старший адъютант штаба войск гвардии и Петербургского военного округа (1890–1898), полковник (1894), начальник штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии (1898–1901), командир 145-го пехотного Новочеркасского полка (1901–1903), генерал-майор (1903), командир лейб-гвардии Павловского полка (1903–1906). Командовал войсками, расстрелявшими демонстрацию в Петербурге 9 (22) января 1905 г. Руководил подавлением беспорядков в Кронштадте и бунта в лейб-гвардии Саперном батальоне. Причислен к Свите Его Императорского Величества (1906). Начальник 1-й Финляндской стрелковой бригады (1906–1907), начальник Николаевской академии Генерального штаба (1907–1912), генерал-лейтенант (1908), командир 9-го армейского корпуса (1912–1915). За бои под Львовом и Рава-Русской награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (1914). Командующий 11-й армией (1915–1917), генерал от инфантерии, генерал-адъютант, награжден орденом Св. Георгия 3-й степени (1915). Помощник командующего армиями Румынского фронта короля Фердинанда (1917–1918), командовал Украинским фронтом, подчинявшимся Центральной раде (декабрь 1917 — февраль 1918 г.), в феврале 1918 г. заключил в Фокшанах перемирие с немцами, добившись согласия на сохранение румынской армии, в марте 1918 г. дал согласие на ввод румынских войск в Бессарабию, затем уехал в имение, которое было предоставлено ему королем Румынии. В ноябре 1918 г. прибыл в Бухарест, где вступил в переговоры с представителями союзного командования. Награжден Большим крестом ордена Почетного легиона (1918). В декабре 1918 г. назначен представителем русских армий при союзных правительствах и союзном Верховном командовании. С января 1919 г. в Париже, где создал представительство русских армий, ведавшее снабжением Белого движения, пытался сформировать добровольческие части из русских военнопленных. В 1920 г. сдал пост генералу Е. К. Миллеру из-за разногласий с П. Н. Врангелем по вопросу о совместных действиях с Польшей. Переехал в Ниццу, где жил на пенсию, выделенную ему румынским правительством. Член учебного комитета Высших военно-научных курсов (1931).

Эбергард Андрей Августович (1856–1919). Родился в Греции в семье действительного статского советник А. И. Эбергарда, русского консула на Пелопоннесе. С 1875 г. на военно-морской службе. Окончил Морской кадетский корпус, гардемарин (1878). Мичман (1879), старший флаг-офицер при командующем отрядом судов в Тихом океане контр-адмирале Н. В. Копытове (1882–1884), лейтенант (1884), адъютант управляющего Морским министерством адмирала И. А. Шестакова (1886–1891), старший флаг-офицер штаба начальника Тихоокеанской эскадры вице-адмирала П. П. Тыртова (1891–1894), морской агент в Турции (1894–1896), за отличие произведен в капитаны 2 ранга (1895). Старший офицер мореходной канонерской лодки «Донец» (1896–1897), броненосца «Екатерина II» (1897–1898), «Чесма» (1898–1899), командир мореходной канонерской лодки «Манджур» (1899–1901), временно командующий крейсером 1 ранга «Адмирал Нахимов». Участвовал в войне с Китаем (1901), за отличие произведен в капитаны 1 ранга (1902), флаг-капитан штаба начальника эскадры Тихого океана (1903–1904). С марта 1904 г. в распоряжении наместника на Дальнем Востоке адмирала Е. И. Алексеева, в апреле того

же года назначен флаг-капитаном в Морской походный штаб наместника, в том же месяце назначен исполняющим должность начальника Морского походного штаба наместника на Дальнем Востоке, затем командиром эскадренного броненосца «Цесаревич», однако в последнюю должность не вступал, выехал из Порт-Артура вместе с адмиралом Е. И. Алексеевым и до февраля 1905 г. исполнял должность начальника его Морского походного штаба. Командир эскадренных броненосцев «Император Александр II» (1905–1906), «Пантелеймон» (1906), помощник начальника Главного морского штаба (1906–1908), командующий отдельным отрядом судов, назначенных для плавания с корабельными гардемаринами (1907–1908), контр-адмирал (1907), начальник Балтийского отряда (1908), начальник Морского Генерального штаба (1908–1911), вице-адмирал (1909), командующий морскими силами Черного моря (1911–1914), адмирал (1913), командующий Черноморским флотом (1914–1916). Член Государственного совета (1916–1917), член Адмиралтейств-Совета (1917). В декабре 1917 г. уволен в отставку, в 1918 г. арестован ЧК, но освобожден. Умер в Петрограде.

Эверт Алексей Ермолаевич (1857–1926). Окончил 1-й Московский кадетский корпус (1874), 3-е военное Александровское училище, подпоручик (1876). Прапорщик гвардии (1877), участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове, подпоручик (1877), поручик (1878). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан гвардии с переименованием в капитаны Генерального штаба (1882). Состоял при штабе Московского военного округа, старший адъютант 3-й пехотной дивизии (1882–1886). Состоял для поручений при штабе Варшавского военного округа (март — ноябрь 1886 г.), подполковник (1886), старший адъютант штаба Варшавского военного округа (1886–1888), штаб-офицер для особых поручений при командующем войсками Варшавского военного округа (1888–1893), полковник (1891). Начальник штаба 10-й пехотной дивизии (1893–1899), командир 130-го пехотного Херсонского полка (1899–1900), генерал-майор (1900), начальник штаба 11-го армейского корпуса (1900–1901), начальник штаба 14-го армейского корпуса (1901–1903), начальник штаба 5-го армейского корпуса (1903–1904). Принял участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг., генерал-квартирмейстер полевого штаба главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами, действующими против Японии на Дальнем Востоке (1904–1905), генерал-лейтенант (1905), начальник штаба 1-й Маньчжурской армии (1905–1906), за боевые отличия награжден золотым оружием (1906). Начальник Главного штаба (1906–1908), командир 13-го армейского корпуса (1908–1912), генерал от инфантерии (1911), командующий войсками Иркутского военного округа и войсковой наказной атаман Забайкальского казачьего войска (1912–1914). В августе 1914 г. назначен командующим 10-й армией, но в том же месяце переведен командовать 4-й армией, отличился в Галицийской битве, награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (1914). Главнокомандующий армиями Западного фронта (1915–1917), за отличия при отражении прорыва немцев между Двинском и Сморгонью награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. В марте 1917 г. снят с занимаемого поста и уволен в отставку. В 1918 г. подвергался аресту, жил в Смоленске и Верее, где и умер.

Энвер-паша, Исмаил-Энвер (1881–1922), турецкий военный и государственный деятель, военный министр (1913–1918), один из лидеров младотурецкой партии «Единение и прогресс», военный преступник. Родился в семье железнодорожного рабочего, с 1897 г. примкнул к движению младотурок. Окончил Стамбульское военное училище (1903). Принял активное участие в младотурецкой революции, военный атташе в Германии (1909–1911), принял активное участие в Итало-турецкой и Балканских войнах, один из главных организаторов и активных участников переворота 23 января 1913 г.,

во время которого лично застрелил военного министра, впоследствии занял его место. Вместе с Талаат-пашой и Джемаль-пашой составил триумвират, управлявший Османской империей, один из инициаторов вхождения в Первую мировую войну на стороне Германии и Австро-Венгрии. Его политической программой были расширение владений Турции в сторону Кавказа и Средней Азии и насильственная тюркизация нетюркских народов Оттоманской империи, включая и мусульман (арабов, албанцев и т. д.). Во время войны занял высший военный пост заместителя главнокомандующего вооруженными силами (формально главнокомандующим числился султан, на дочери которого был женат Энвер). В декабре 1914 г. возглавил наступление на Карс, стремясь к разгрому русской Кавказской армии. Несмотря на значительные военные амбиции и неожиданное открытие военных действий, проиграл сражение под Сарыкамышем в начале 1915 г. Один из инициаторов и организаторов геноцида армян в Османской империи в 1915 г. После поражения в Первой мировой войне вместе с Талаатом и Джемалем бежал в Германию, где проживал под именем Али-бей. В 1919 г. заочно приговорен к смертной казни Константинопольским трибуналом. В 1920 г. прибыл в Москву, где пробыл около 1,5 лет, работая в «Обществе единства революции с исламом». Советское правительство надеялось использовать Энвера и Джемаля для борьбы с англичанами в Афганистане и Индии. В 1921 г. через Закавказье перебрался в Среднюю Азию, где пытался заигрывать с местными лидерами и большевиками. В феврале 1922 г. возглавил поход басмачей на Душанбе и Бухару, стремясь добиться вывода Красной армии из Средней Азии и создания там пантюркистского государства. В мае 1922 г. разгромлен 1-й отдельной Туркестанской кавалерийской бригадой и отброшен в горы, в августе 1922 г. остатки его частей окружены в кишлаке Чагана (ныне Таджикистан), сам он взят в плен и казнен комбригом А. А. Мелкумовым. Останки Энвера торжественно переданы президенту Турции Сулейману Демирелю в августе 1996 г.

Энгельгардт Борис Александрович (1878–1962). Окончил Пажеский корпус (1896), Николаевскую академию Генерального штаба (1903). Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг., по окончании которой вышел в отставку, подполковник. Член IV Государственной думы, член ее военной комиссии, националист, затем октябрист. В 1914 г. вернулся на службу, одновременно продолжая работу в Думе. Офицер для поручений при штабе Гвардейского корпуса (1915). Награжден Георгиевским оружием (1915). Член Особого совещания по обороне. С апреля 1916 г. в распоряжении начальника Генерального штаба, полковник. Возглавлял Военную комиссию Государственной думы (27 февраля — 1 марта 1917 г.), с 1 (14) марта 1917 г. военный комендант Петрограда. С марта 1917 г. кадет, член исполкома Совета офицерских депутатов Петрограда, его окрестностей, Балтийского флота и Отдельного корпуса пограничной стражи. Работал в Военной комиссии под председательством генерала А. А. Поливанова, начальник подотдела сношений с войсками отдела сношений с воинскими частями и провинцией Временного комитета Государственной думы. Летом 1918 г. бежал из Петрограда, с осени 1918 г. заведующий политической частью представительства Добровольческой армии в Киеве. С марта 1919 г. помощник управляющего отделом пропаганды (ОСВАГа) Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России, летом 1919 г. в штабе войск Юго-Западного края (Одесса), осенью 1919 г. начальник отдела пропаганды того же штаба. С 1920 г. в отставке. Эвакуирован из Новороссийска. В эмиграции во Франции, затем в Латвии, тренер Рижского ипподрома. После присоединения Латвии к СССР выслан в Среднюю Азию, в 1946 г. вернулся в Ригу.

Эренталь Алоиз-Леопольд-Иоганн-Баптист-Лекса фон (1854–1912), граф, австро-венгерский дипломат, работал в посольстве Австро-Венгрии в Париже (1877–1878), секретарь

посольства в России (1878–1883, 1888–1894), посланник в Румынии (1895–1899), посол в России (1899–1906), министр иностранных дел (1906–1912).

Эрцбергер Маттиас (1875–1921), германский политический деятель и журналист. С 1903 г. депутат рейхстага, где примкнул к левому крылу католической партии «Центр». В 1914–1918 гг. сторонник аннексий, в октябре 1918 г. вошел в правительство, возглавил германскую делегацию на переговорах о перемирии с Антантой, 11 ноября 1918 г. подписал Компьенское перемирие. Вице-канцлер и министр финансов (1919–1920). В 1921 г. убит сторонниками ультраправой организации, обвинявшей его в предательстве.

Эссен Николай Оттович фон (1860–1915), русский флотоводец, барон. С отличием окончил Морское училище (1881), в звании гардемарина совершил двухлетнее заграничное плавание на броненосном фрегате «Герцог Эдинбургский». Прослушал курс лекций на механическом отделении Николаевской морской академии (1886), окончил Артиллерийский офицерский класс (1891). Артиллерийский офицер крейсера «Адмирал Корнилов», Тихоокеанской эскадры (1892–1897), командир миноносца № 210, старший офицер мореходной канонерской лодки «Грозящий», командир штабного парохода «Славянка» (1897–1900), капитан 2 ранга (1899). Преподавал в Морском кадетском корпусе, командир легкого крейсера «Новик», построенного в Германии, совершил переход на нем в Порт-Артур (1900–1902). Участвовал и отличился в Русско-японской войне 1904–1905 гг., командовал «Новиком» и эскадренным броненосцем «Севастополь», единственный из командиров эскадры принял решение затопить свой броненосец на большой глубине, что исключило возможность его поднятия противником. За боевые заслуги награжден орденом Св. Георгия 4-го класса и золотым оружием с надписью «За храбрость», произведен в капитаны 1 ранга. После возвращения из японского плена в 1905 г. занял должность заведующего стратегической частью военно-морского ученого отдела Главного морского штаба и командира 20-го флотского экипажа. С марта 1906 г. командир строящегося в Англии броненосного крейсера «Рюрик». С августа 1906 г. контр-адмирал, начальник Отряда минных крейсеров Балтийского флота (позже — 1-я минная дивизия), которым командовал до 1908 г. В 1907 г. причислен к Свите Его Императорского Величества, с 1908 г. начальник соединенных отрядов Балтийского флота, с 1909 г. начальник морских сил Балтийского флота, с 1911 г. командующий флотом. Активно руководил боевой подготовкой Балтийского флота к войне, разработкой и принятием в 1912 г. плана действий флота. Под его командованием Балтийский флот в 1914–1915 гг. встретил начало военных действий в полной готовности и провел ряд блестяще организованных операций, адмирал (1915). Умер в 1915 г. в Ревеле.

Юденич Николай Николаевич (1862–1933), выдающийся русский военный деятель, из дворян Минской губернии. Окончил Московское земледельческое училище (1879), 3-е военное Александровское училище, выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Литовский полк (1881), подпоручик (1884), поручик (1885). Окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба, штабс-капитан гвардии с переименованием в капитаны Генерального штаба (1887). Состоял при Варшавском военном округе, старший адъютант штаба 14-го армейского корпуса (1887–1891), обер-офицер для поручений при штабе 14-го армейского корпуса (1891–1892), старший адъютант штаба войск Туркестанского военного округа (1892–1896), подполковник (1892). В 1894 г. участвовал в Памирской экспедиции. Полковник (1896), штаб-офицер при управлении Туркестанской стрелковой бригады (1896–1900), штаб-офицер при управлении 1-й Туркестанской стрелковой бригады (1900–1902), командир 18-го стрелкового полка (1902–1905). Принял участие в

Русско-японской войне 1904–1905 гг., отличился в сражении под Сандепу, где был ранен пулей, и под Мукденом, где лично возглавил атаку своего полка при выходе из окружения, получил штыковое ранение в шею. Генерал-майор (1905), командир 2-й бригады 5-й стрелковой дивизии (1905–1907), за боевые отличия награжден золотым оружием (1906). Окружной генерал-квартирмейстер штаба Кавказского военного округа (1907–1912), генерал-лейтенант (1912), начальник штаба Казанского военного округа (1912–1913), начальник штаба Кавказского военного округа (1913–1914), начальник штаба Кавказской армии (1914–1915). В декабре 1914 г., прибыв под Сарыкамыш, возглавил командование 2-м Туркестанским армейским корпусом и разгромил наступавшую турецкую армию, награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, генерал от инфантерии (1915). В январе 1915 г. назначен командующим Кавказской армией (при главнокомандующем графе И. И. Воронцове-Дашкове), за действия армии в ходе Алашкертской операции награжден орденом Св. Георгия 3-й степени (1915), за Эрзерумскую операцию, окончившуюся взятием крепости Эрзерум, награжден орденом Св. Георгия 2-й степени (1916). С марта 1917 г. исполняющий должность главнокомандующего отдельной Кавказской армией, с апреля того же года главнокомандующий Кавказским фронтом. В мае 1917 г. отстранен от командования «за сопротивление указаниям» Временного правительства и переведен в распоряжение военного министра. В ноябре 1918 г. эмигрировал в Финляндию, а затем в Эстонию. В мае 1919 г. создал «Политическое совещание», а затем по настоянию А. В. Колчака вступил в единоличное командование всеми русскими силами на Северо-Западном фронте, в июне 1919 г. назначен А. В. Колчаком главнокомандующим войсками на Северо-Западе. В августе того же года вошел в состав Северо-Западного правительства. Дважды предпринимал наступление на Петроград, в конце 1919 г. разбит и вынужден вместе с армией отступить в Эстонию, где она была разоружена. В январе 1920 г. арестован частями генерал-майора С. Н. Булак-Булаховича, после освобождения выехал в Великобританию. Умер в Каннах.

Ягов Готлиб фон (1863–1935), германский дипломат и политик, посол в Италии (1909–1912), статс-секретарь по иностранным делам (1913–1916). После 1916 г. в отставке.

Янушкевич Николай Николаевич (1868–1918), русский военный деятель. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1888), Николаевскую академию Генерального штаба (1896). Помощник старшего адъютанта штаба Виленского военного округа (1897–1898), с 1898 г. на службе в Главном штабе, экстраординарный (1910), ординарный (1911) профессор военной администрации Николаевской военной академии. Начальник Николаевской военной академии (1913), начальник Главного управления Генерального штаба (1914), начальник штаба Верховного главнокомандующего (1914–1915), награжден орденом Св. Георгия 4-го класса, генерал от инфантерии (1914). Помощник наместника на Кавказе по военной части (1915), начальник снабжения Кавказской армии (1916). После Февральской революции 1917 г. в отставке. В начале 1918 г. арестован в Могилеве, убит по дороге в Петроград конвоирами.

Яронский Виктор Феликсович (1870–1931), российский и польский политик, потомственный дворянин. Родился в семье известного польского композитора Феликса Яронского. Среднее образование получил в Келецкой гимназии, а высшее — в Варшавском университете на юридическом факультете. По окончании университета в 1894 г. гминный судья в Книмницком уезде, но оставил эту должность из-за разногласий с администрацией и занялся адвокатурой. Сторонник Национальной демократии, член Национальной лиги. Депутат Государственной думы. Член польского национального комитета.

Ярослав Владимирович (около 1135–1187), князь Галицкий (1153–1187), в правление которого Галицкое княжество вступило в период расцвета, участник многочисленных войн XII в., прозванный Осмомыслом за знание восьми языков.

Яхонтов Аркадий Николаевич (1878–1939), государственный и общественный деятель, помощник управляющего делами Совета министров, публицист, «лицеист LV курса». Автор исторического труда «Исторический очерк Императорского Александровского (б. Царскосельского) лицея. 1811–1936» и записок «Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 года)» (1926). В эмиграции — директор школы «Александрино» в Ницце для детей эмигрантов из России.

Примечания

Вступление

[1] Дневник В. Н. Ламздорфа (1886–1890). М., Л., 1926. С. 300.

[2] *Тирпиц А.* Воспоминания. М., 1957. С. 71.

[3] Речь Мольтке на заседании рейхстага 14 мая 1890 г. при обсуждении проекта усиления мирного состава германской армии // Стратегия в трудах военных классиков. Под ред. А. Е. Снесарева и А. А. Свечина. М., 2003. С. 472–473.

[4] Дневник В. Н. Ламздорфа (1886–1890). С. 309.

[5] *Айрапетов О. Р.* На сопках Маньчжурии... Политика, стратегия и тактика России // Русско-японская война 1904–1905. Взгляд через столетие. Под ред. О. Р. Айрапетова. М.: Три квадрата, 2004. С. 355–502.

[6] *Kennedy P.* The rise and fall of the Great Powers Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. Lnd., 1989. P. 272.

[7] Ibid. P. 274.

[8] *Ерусалимский А. С.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М., 1951. С. 313, 340–342.

[9] *Жерве Б.* Германия и ее морская сила // Морской сборник (далее – МС). 1914. № 9. С. 147.

[10] Морская хроника. Морское дело за границей // МС. 1907. № 3. С. 2.

[11] *Luntinen P.* French information on the Russian war plans 1880–1914. Helsinki, 1984. P. 140.

[12] *Kennedy P.* The rise and fall of British naval mastery. Lnd., 1991. P. 228.

[13] *Smithers A. J.* The fighting nation. Lord Kitchener and his armies. Lnd., 1994. P. 64–67; *Jannen W.* The Lions of July. Prelude to War, 1914. Novato, California, 1997. P. 304.

[14] *Repington Ch. A.* The First World War. Lnd., 1920. Vol. 1. P. 7–10, 14.

[15] *Siegel J.* Endgame. Britain, Russia and the final struggle for Central Asia. Lnd., N. Y., 2002. P. 175–196.

[16] *Churchill W.* The Unknown war. The Eastern front. N. Y., 1932. P. 41.

[17] *Бюлов Б.* Воспоминания. М., Л., 1935. С. 389.

[18] *Zuber T.* The real German war plan. 1904–1914. Jellyfish print solutions. 2011. P. 84–85.

[19] *Эренбург И. Г.* Люди, годы, жизнь. Собр. соч. в 8-ми т. М., 1966. Т. 8. С. 152.

[20] *Шидловский С. И.* Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. 2. С. 5.

[21] *Урланис Б. Ц.* История военных потерь. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (историко-статистическое исследование). СПб., 1994. С. 385, 391.

[22] *Крамарж К. П.* Русский кризис. Прага, Париж, 1926. С. 10.

[23] *Lockhart R. H. B.* British agent. N. Y., 1936. P. 98.

[24] Выступление по радио председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина 3 июля 1941 г. // МС. 1941. № 6–7.

[25] *Stone N.* The Eastern Front 1914–1917. Lnd., 1998. P. 13.

[26] *Керсновский А. [А.]* Численное соотношение фронтов Великой войны // Вестник военных знаний. Сараево, 1930. № 5. С. 16.

[27] *Бекман В.* Немцы о русской армии. Прага, 1939. С. 17.

[28] Высочайший Манифест о начале военных действий Турции против России // Известия Министерства иностранных дел. СПб., 1914. № 6. С. 2.

[29] Константинополь и Проливы. По секретным документам б. министерства иностранных дел // Под ред. Е. А. Адамова. М., 1925. Т. 1. С. 110.

[30] Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства // Под ред. П. Е. Щеголева. М., Л., 1926. Т. 6. С. 263.

[31] *Михайловский Г. Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. М., 1993. Кн. 1. С. 249.

[32] *Суханов Н. Н.* Записки о революции. М., 1991. Т. 2. Кн. 3–4. С. 197.

[33] Русский инвалид. 5 мая 1917 г. № 104. С. 2.

[34] Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 12 (25) мая 1917 г. № 16229. С. 5.

[35] Русские официальные сообщения о войне // МС. 1917. № 10. С. 65.

[36] *Ленин В. И.* Седьмой экстренный съезд РКП(б) // Полное собрание сочинений. М., 1969. Т. 36. С. 17.

[37] *Ленин В. И.* Доклад о внешней политике // Полное собрание сочинений. М., 1969. Т. 36. С. 336.

[38] *Луазо [Л.]* Германская стратегия в 1918 году. М., 1936. С. 17.

[39] *Gilbert M.* First World War. Lnd., 1995. P. 465.

[40] Луазо [Л.] Указ. соч. С. 120.

[41] *Gilbert M.* Op. cit. P. 480.

[42] Луазо [Л.] Указ. соч. С. 120–121.

[43] *Урланис Б. Ц.* Указ. соч. С. 400.

[44] *Барсуков Е. З.* Русская артиллерия в Мировую войну 1914–1918 гг. М., 1928. Т. 1. С. 4.

[45] История войн и военного искусства. Учебник для слушателей-офицеров Высших военных заведений Советских вооруженных сил // Под ред. маршала Советского Союза И. Х. Баграмяна. М., 1970. С. 54, 86–87.

[46] *Брухмюллер Г.* Артиллерия при наступлении в позиционной войне. М., 1936. С. 200.

[47] *Урланис Б. Ц.* Указ. соч. С. 401.

[48] История Гражданской войны в СССР. М., 1957. Т. 3. С. 175.

[49] *Lockhart R. H. B.* Op. cit. P. 279.

[50] Из истории Гражданской войны в СССР. М., 1960. Т. 1. С. 8.

[51] *Lockhart R. H. B.* Op. cit. P. 273.

[52] Ibid. P. 279.

[53] История Гражданской войны в СССР. М., 1957. Т. 3. С. 176.

[54] История Гражданской войны в СССР. М., 1959. Т. 4. С. 62, 64, 67.

[55] История Гражданской войны в СССР. М., 1960. Т. 5. С. 336.

[56] Документы истории внешней политики СССР. М., 1963. Т. 8. С. 73.

[57] Там же. С. 75–77.

[58] *Молотов В. Н.* Доклад о внешней политике правительства // Внеочередная пятая сессия Верховного Совета СССР 31 октября — 2 ноября 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 8.

[59] *Зайончковский А. М.* Подготовка России к мировой войне (планы войны). М., 1926; *Он же.* Подготовка России к мировой войне в международном отношении. М., 1926; *Он же.* Мировая война 1914–1918 гг. М., 1938. Т. 1–2.

[60] *Гайдук М. И.* «Утюг». Материалы и факты о заготовительной деятельности русских военных комиссий в Америке. Нью-Йорк, 1918.

[61] *Ипатьев В. Н.* Работа химической промышленности на оборону во время войны. Пгр., 1920; *Он же.* Жизнь одного химика. Воспоминания. Нью-Йорк, 1945. Т. 1–2.

[62] *Маниковский А. А.* Боевое снабжение русской армии в войну 1914–1918 гг. Ч. 1. М., 1920; Ч. 2. М., 1922; Ч. 3. М., 1923.

[63] *Косинский А. М.* Моонзундская операция Балтийского флота 1917 г.; *Он же.* Борьба флота против берега в Мировую войну. Л., 1928.

[64] *Коленковский А. [К.]* Дарданелльская операция. М., 1930.

[65] *Петров М. [А.]* Подготовка России к мировой войне на море. М., Л., 1926.

[66] *Величко К. И.* Русские крепости в связи с операциями полевых армий в мировую войну (Критико-стратегический очерк по архивным материалам и воспоминаниям). Л., 1926.

[67] *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 гг. Париж, [1933].

[68] *Залюбовский А. П.* Снабжение русской армии в великую войну винтовками, пулеметами, револьверами и патронами к ним. Издание Центрального правления общества русских офицеров-артиллеристов за рубежом. Белград, 1936.

[69] *Кирей В. [Ф.]* Артиллерия атаки и обороны. Выводы из применения артиллерии на русском фронте в 1914–1917 гг. М., 1936.

[70] *Новиков Н. [В.]* Операции флота против берега на Черном море в 1914–1917 гг. М., 1937.

[71] *Барсуков Е. З.* Русская артиллерия в Мировую войну 1914–1918 гг. М., 1938. Т. 1–2.

[72] *Корсун Н. [Г.]* Эрзерумская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1915–1916 гг. М., 1938; *Он же.* Алашкертская и Хамаданская операции на Кавказском фронте мировой войны в 1915 году. М., 1940.

[73] См., напр.: История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. С. 167.

[74] *Churchill W. S.* The Unknown war. The Eastern front. N. Y., 1931.

[75] *Chamberlin W. H.* The Russian Revolution 1917–1921. Lnd., 1935. Vol. 1–2.

[76] *Stone N.* The Eastern front 1914–1917. Lnd., 1974.

Накануне австро-германской провокации

[1] *Stavrianos L. S.* The Balkans since 1453. L., 2002. P. 463–464.

[2] *Гулић М.* Одјек Балканских ратова у Далмацији // Балкански ратови 1912–1913: нова виђења и тумачења. Београд, 2013. С. 370.

[3] *Pavlovich S. K.* A History of the Balkans 1804–1945. N. Y., 1999. P. 209.

[4] *Адамов Е. [А.]* К вопросу о подготовке мировой войны (Из документов русской военно-политической разведки 1913–1914 гг.) // Красный архив (далее – КА). М., 1934. Т. 3 (64). С. 93.

[5] Там же. С. 91.

[6] Там же. С. 92.

[7] Public Records office, Foreign office (PRO FO). 371. Russia files 19035–19228, 1914. P. 34.

[8] Ibid. P. 37.

[9] Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878–1917 гг. (далее – МОЭИ). Сер. III. 1914–1917 гг. М., Л., 1931. Т. 1 (14 января – 4 августа 1914 г.). С. 504.

[10] Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1914 г. Сессия вторая. Ч. 5. СПб., 1914. С. 192–193.

[11] Там же. С. 194.

[12] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., Л., 1931. Т. 1 (14 января – 4 августа 1914 г.). С. 543.

[13] *Luntinen P.* French information on the Russian war plans 1880–1914. Helsinki, 1984. P. 128–129.

[14] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., Л., 1931. Т. 1 (14 января – 4 августа 1914 г.). С. 83.

[15] Дневник Куропаткина с 17 ноября 1902 по 6 марта 1903 г. // КА. М., 1923. Т. 2. С. 10.

[16] *Michon G.* The Franco-Russian Alliance 1891–1917. L., 1929. P. 146, 174.

[17] МОЭИ. Сер. II. 1900–1913 гг. М., 1938. Т. 18. Ч. 2 (14 сентября 1911 г. – 13 ноября 1911 г.). С. 2; Т. 19. Ч. 1 (14 ноября 1911 г. – 13 января 1912 г.). С. 15.

[18] *Luntinen P.* French information on the Russian war plans 1880–1914. P. 122–123.

[19] Французская пресса о русской армии // Сборник Главного управления Генерального штаба (далее – Сборник ГУГШ). 1909. Вып. 8. Отдел III. С. 46–49.

[20] *Коленковский А. [К.]* Маневренный период первой мировой империалистической войны 1914 г. М., 1940. С. 64.

[21] Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 855. Карт. 2. Ед. хр. 7. Л. 51.

[22] *Зайончковский А. М.* Подготовка России к мировой войне (планы войны). М., 1926. С. 237.

[23] ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 2. Ед. хр. 7. Л. 59 об.

[24] *Зайончковский А. М.* Подготовка России к мировой войне (планы войны). С. 247.

[25] Вооруженные силы Германии (по данным к 1-му января 1912 г.). Главное Управление Генерального Штаба (Издание отдела генерал-квартирмейстера). СПб., 1912. Ч. 1. Организация, мобилизация и состав вооруженных сил. С. 25, 93, 97, 99, 128, 187–188.

[26] *Коленковский А. [К.]* Маневренный период... С. 64.

[27] ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 2. Ед. хр. 7. Л. 54.

[28] МОЭИ. Сер. II. М., 1938. Т. 19. Ч. 2 (14 января 1912 г. – 13 мая 1912 г.). С. 288–289.

[29] *Зайончковский А. М.* Подготовка России к мировой войне (планы войны). С. 250–252.

[30] Там же. С. 253.

[31] *Luntinen P.* French information on the Russian war plans 1880–1914. P. 126.

[32] Обзор иностранных военных журналов // Военный сборник (далее – ВС). 1914. № 2. С. 193.

[33] Там же. С. 194.

[34] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., Л., 1931. Т. 1 (14 января – 4 августа 1914 г.). С. 88.

[35] Обзор иностранных военных журналов // ВС. 1914. № 2. С. 194.

[36] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., Л., 1931. Т. 1 (14 января – 4 августа 1914 г.). С. 85.

[37] *Яхонтов А.* Первый год войны (июль 1914 г. – июль 1915 г.). Записи, заметки, материалы и воспоминания бывшего помощника управляющего делами Совета министров // Русское прошлое. СПб., 1996. № 7. С. 253.

[38] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., Л., 1931. Т. 1 (14 января – 4 августа 1914 г.). С. 587.

[39] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. № 14027. Четверг, 27 февраля (12 марта) 1914 г. С. 1.

[40] *Grey of Fallodon Ed.* Twenty-five years 1892–1916. N. Y., 1925. Vol. 1. P. 284.

[41] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., Л., 1931. Т. 1 (14 января – 4 августа 1914 г.). С. 589.

[42] *Grey of Fallodon Ed.* Op. cit. Vol. 1. P. 293, 295.

[43] *Lichnovsky [M.]* Heading for the abyss. Reminscences by Prince Lychnovsky. L., 1928. Appendix. The Russo-German relations. P. 355–356.

[44] Ibid. P. 6.

[45] Хроника иностранных армий. Австро-Венгрия // Известия Императорской Николаевской Военной Академии (далее – ИИНВА). 1914. № 51. С. 538–540.

[46] *Asprey R.* The German High Command at War. Hindenburg and Ludendorf and the First World War. L., 1994. P. 56.

[47] *Недзвецкий В.* Влияние борьбы национальностей и политических партий на развитие военного устройства Австро-Венгрии // ВС. 1908. № 7. С. 234.

[48] Хроника иностранных армий. Австро-Венгрия // ИИНВА. 1913. № 45. С. 1391.

[49] Австро-Венгрия. Новый 250-миллионный кредит на армию // Сборник ГУГШ. 1912. Вып. 41. С. 7, 9.

[50] Вооруженные силы Австро-Венгрии (по данным к 1-му декабря 1912 г.). Главное Управление Генерального Штаба (Издание отдела генерал-квартирмейстера). СПб., 1912. Ч. 1. Организация, мобилизация и состав вооруженных сил. С. 86.

[51] Там же. С. 97–98.

[52] Там же. С. 13, 132–134.

[53] Там же. С. 68–69.

[54] Там же. С. 79.

[55] Там же. С. 74.

[56] Там же. С. 82.

[57] Там же. С. 77.

[58] Там же. С. 85.

[59] Там же. С. 12.

[60] *Чернин О. В* дни мировой войны. Мемуары. М., Пгр., 1923. С. 36.

[61] *Куль Г.* Германский Генеральный штаб. Его роль в подготовке и ведении мировой войны. М., 1922. С. 100; *Asprey R.* B. Op. cit. P. 37.

[62] *Sked A.* The decline and fall of the Habsburg Empire 1815–1918. L., N. Y., 1989. P. 262.

[63] *Котляревский С. А.* Австро-Венгрия в годы мировой войны. М., 1922. С. 7.

[64] Хроника иностранных армий. Австро-Венгрия // ИИНВА. 1914. № 53. С. 917.

[65] Австро-Венгрия. Бюджет военного министерства на 1914 год // Сборник ГУГШ. 1914. Вып. 56. С. 6–7.

[66] *Rothenberg G. E.* The army of Francis Joseph. Purdue University Press. West Lafayette, Indiana, 1976. P. 172.

[67] *Котляревский С. А.* Указ. соч. С. 7.

[68] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917. М., Л., 1933. Т. 2 (14 марта — 13 мая 1914 г.). С. 11.

[69] Большие маневры в Западной Венгрии в сентябре 1908 г. // Сборник ГУГШ. 1909. Вып. 2. Отдел II. С. 20–21; Австрийские императорские маневры в 1909 г. // Сборник ГУГШ. 1910. Вып. 13. Отдел III. С. 39–41; Австро-Венгрия. Большие маневры 1911 года в Северной Венгрии // Сборник ГУГШ. 1912. Вып. 32. С. 25–29; Австро-Венгрия. Большие маневры 1912 года // Сборник ГУГШ. 1913. Вып. 44. С. 13, 16.

[70] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917. М., Л., 1933. Т. 3 (14 мая — 27 июня 1914 г.). С. 39.

[71] Речь Министра Иностранных Дел, произнесенная в общем собрании Государственной Думы 10 мая 1914 года // Известия Министерства иностранных дел (далее — ИМИД). СПб., 1914. № 4. С. 19.

[72] Там же. С. 20.

[73] *Pavlovich S. K.* Op. cit. P. 117, 163.

[74] *Stavrianos L. S.* Op. cit. P. 464–465.

Сараевское убийство и первая реакция на него

[1] *Pavlovich S. K.* Op. cit. P. 174; *Stavrianos L. S.* Op. cit. P. 549, 551.

[2] *Шевченко К. В.* «Война с Сербией не должна стать международной катастрофой». Канун Первой мировой войны в чешской прессе // Русский сборник: Исследования по истории России. Редакторы-составители: О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти (далее — Р. Сб.). Т. 3. М.: Модест Колеров, 2006. С. 172.

[3] *Stavrianos L. S.* Op. cit. P. 547–548.

[4] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 3 (16) июля 1914 г. № 14235. С. 1–2.

[5] *Шевченко К. В.* Указ. соч. // Р. Сб. Т. 3. М.: Модест Колеров, 2006. С. 176.

[6] *Stavrianos L. S.* Op. cit. P. 464.

[7] *Jelavich B.* History of the Balkans. Eighteenth and Nineteenth Centuries. Cambridge University Press. Vol. 2. 1999. P. 61.

[8] *Stavrianos L. S.* Op. cit. P. 548.

[9] *Grey of Fallodon Ed.* Op. cit. Vol. 1. P. 299.
[10] *Бюлов Б.* Воспоминания. М., Л., 1935. С. 424.
[11] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., 1935. Т. 1 (14 января – 4 августа 1914 г.). С. 393.
[12] Цит. по: История дипломатии. М., Л., 1945. Т. 2. С. 247.
[13] *Burian S.* Austria in dissolution. L., 1925. P. 9.
[14] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., 1935. Т. 1 (14 января – 4 августа 1914 г.). С. 404.
[15] Русские Ведомости. 1 июля 1914 г. № 150. С. 3.
[16] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., 1935. Т. 1 (14 января – 4 августа 1914 г.). С. 404.
[17] Голос Москвы. 3 (16) июля 1914 г. № 152. С. 3.
[18] Голос Москвы. 1 (14) июля 1914 г. № 150. С. 2.
[19] Голос Москвы. 2 (15) июля 1914 г. № 151. С. 3, 5.
[20] Правительственный вестник. 3 (16) июля 1914 г. № 145. С. 5.
[21] Там же.
[22] Русский инвалид. 8 июля 1914 г. № 147. С. 2.
[23] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., 1935. Т. 1 (14 января – 4 августа 1914 г.). С. 406.
[24] Русский инвалид. 6 июля 1914 г. № 146. С. 2.
[25] *Jannen W.* The Lions of July. Prelude to War, 1914. Novato, California. 1997. P. 13.
[26] *Бюлов Б.* Указ. соч. С. 358.
[27] *Бетман-Гольвег Т.* Мысли о войне. М., Л., 1925. С. 61.
[28] *Jannen W.* Op. cit. P. 21–22.
[29] *Сазонов С. Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 186.
[30] *Тэйлор А. Дж. П.* Борьба за господство в Европе 1848–1918. М., 1958. С. 523.
[31] *Бетман-Гольвег Т.* Указ. соч. С. 75–76.
[32] *Тирпиц А.* Воспоминания. М., 1957. С. 261–262.
[33] История дипломатии. Т. 2. С. 248.
[34] *Сазонов С. Д.* Указ. соч. С. 187.
[35] *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 262.
[36] *Сазонов С. Д.* Указ. соч. С. 196.
[37] *Morgenthau H.* Ambassador Morgenthau's story. N. Y., 1918. P. 84–86.
[38] *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 262.
[39] *Сазонов С. Д.* Указ. соч. С. 191.
[40] *Тэйлор А. Дж. П.* Указ. соч. С. 523.
[41] *Jannen W.* Op. cit. P. 112; *Тэйлор А. Дж. П.* Указ. соч. С. 524.
[42] *Полетика Н. П.* Возникновение мировой войны. М., Л., 1935. С. 351.
[43] *Нольде Б. Э.* Внешняя политика. Исторические очерки. Пгр., 1915. С. 16–17.
[44] *Чернин О.* Указ. соч. С. 23.
[45] Там же.
[46] *Churchill W.* The Unknown war. The Eastern front. N. Y., 1932. P. 72–73.
[47] *Пуанкаре Р.* На службе Франции. Воспоминания за девять лет. М., 1936. Кн. 1. С. 44.
[48] *Beller S.* Francis Joseph. L, N. Y., 1996. P. 218.
[49] *Бюлов Б.* Указ. соч. С. 92.
[50] *Lichnovsky [M.]* Op. cit. Appendix. On the Eve of the Catastrophe. P. 373–374.
[51] Ibid. P. 374.
[52] Ibid. P. 4–5; Appendix. The Colonial convention. P. 301.
[53] Ibid. Appendix. The Colonial convention. P. 297.
[54] Ibid. Appendix. German-English Naval policy. P. 329–348.
[55] Ibid. P. 336.
[56] Ibid. Appendix. The Liman-Sanders Affair. P. 325–328.
[57] Ibid. Appendix. The Colonial convention. P. 284–288, 302–303, 314.
[58] *Тэйлор А. Дж. П.* Указ. соч. С. 514.
[59] *Lichnovsky [M.]* Op. cit. Appendix. The Russo-English Naval Convention. P. 364.
[60] Ibid. P. 366.

[61] *Buchanan G.* My mission to Russia and other diplomatic memories. L., 1923. Vol. 1. P. 138–139.
[62] *Ллойд-Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1934. Т. 1–2. С. 72.
[63] *Churchill W.* Op. cit. P. 49.
[64] Офицеры «Штандарта». Десять лет на императорской яхте «Штандарт» // Морские записки. Издание Общества бывших русских морских офицеров в Америке (далее – МЗ). Нью-Йорк, 1953. № 1–2. С. 77.
[65] *Churchill W.* Op. cit. P. 49.
[66] *Lichnovsky [M.]* Op. cit. Appendix. German-English Naval policy. P. 347–348.
[67] Ibid. P. 9.
[68] Ibid. Appendix. On the Eve of the Catastrophe. P. 380.
[69] Ibid. P. 381.
[70] *Бюлов Б.* Указ. соч. С. 328–329.
[71] *Трубецкой Г. Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 16.
[72] *Janin M.* Pad Carismu a Konec Ruske Armady. Moje Misse na Rusi v Letech 1916–1917. Praha, 1931. S. 12.
[73] *Сидоров К.* Борьба со стачечным движением накануне мировой войны // КА. М., Л., 1929. Т. 3 (34). С. 96.
[74] *Мительман М. [И.], Глебов Б. [Д.], Ульянский А. [Г.]* История Путиловского завода 1801–1917. М., 1961. С. 449, 467.
[75] К вопросу об ответственности Германии (Докладные записки бывшего Генерал-Квартирмейстера Германской Главной Квартиры фон Людендорфа). Новочеркасск, 1919. С. 7.
[76] Голос Москвы. 12 (25) июля 1914 г. № 159. С. 1; The Times History of the War. Part 103. Vol. 8. Aug. 8, 1916. P. 452; *Пуанкаре Р.* Указ. соч. Кн. 1. С. 114; *Бюлов Б.* Указ. соч. С. 132.
[77] *Жерве Б.* Германия и ее морская сила // МС. 1914. № 9. С. 203.
[78] *Bucholz A.* Moltke, Schlieffen and Prussian War Planning. Oxford, 1993. P. 209.
[79] Отчет о веденной в ноябре и декабре 1905 г. Начальником Прусского Генерального штаба военной игре. Варшава, 1910. С. 1.
[80] Там же. С. 2.
[81] Там же.
[82] *Bucholz A.* Op. cit. P. 209–212.
[83] *Гренер В.* Завещание Шлиффена. Оперативные исследования по истории мировой войны. М., 1937. С. 18.
[84] *Zuber T.* The real German war plan. 1904–1914. Jellyfish print solutions. 2011. P. 58, 84–85.
[85] *Гренер В.* Указ. соч. С. 17.
[86] Германский имперский архив. Мировая война 1914–1918 гг. М., 1941. Т. 2. События на восточно-европейском театре. С. 9.
[87] *Bucholz A.* Op. cit. P. 258.
[88] *Тэйлор А. Дж. П.* Указ. соч. С. 459.
[89] Германский имперский архив... М., 1941. Т. 2. События на восточно-европейском театре. С. 9.
[90] *Bucholz A.* Op. cit. P. 258; *Кульь Г.* Указ. соч. С. 178.
[91] Германский имперский архив... М., 1941. Т. 2. События на восточно-европейском театре. С. 9–10.
[92] *Строков А. А.* Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. М., 1974. С. 171, 177.
[93] *Гренер В.* Указ. соч. С. 100.
[94] Германский имперский архив... М., 1941. Т. 2. События на восточно-европейском театре. С. 20.
[95] Там же. С. 21.
[96] *Asprey R. B.* Op. cit. P. 37.

Июльский кризис и начало Первой мировой войны

[1] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917. М., Л., 1931. Т. 4 (28 июня – 22 июля 1914 г.). С. 299.

[2] *Воейков В. Н.* С Царем и без Царя (Воспоминания последнего Дворцового Коменданта Государя Императора Николая II). Гельсингфорс, 1936. С. 83.

[3] *Jannen W.* Op. cit. P. 58.

[4] *Grey of Fallodon Ed.* Op. cit. Vol. 1. P. 300.

[5] *Buchanan G.* Op. cit. Vol. 1. P. 208.

[6] Начало войны 1914 г. Поденная запись б. министерства иностранных дел // КА. М., 1923. Т. 4. С. 7.

[7] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 9 (22) июля 1914 г. № 1423. С. 2.

[8] Русский инвалид. 12 июля 1914 г. № 151. С. 1–2.

[9] *Jelavich B.* Op. cit. P. 110.

[10] Русско-германские отношения. 1914 г. // КА. М., 1922. Т. 1. С. 165.

[11] Правительственный вестник. 13 (26) июля 1914 г. № 154. С. 5.

[12] Начало войны 1914 г. Поденная запись б. министерства иностранных дел // КА. М., 1923. Т. 4. С. 7.

[13] Правительственный вестник. 13 (26) июля 1914 г. № 154. С. 5.

[14] *Барк П. [Л.]* Июльские дни 1914 года. Начало Великой войны. Из воспоминаний П. Л. Барка, последнего Министра финансов Российского Императорского Правительства // Возрождение. Париж, 1959. № 91. С. 17.

[15] Русско-германские отношения. 1914 г. // КА. М., 1922. Т. 1. С. 167.

[16] *Моловец В.* На яхте «Штандарт» // Возрождение. Париж, 1964. № 151. С. 11–12.

[17] Правительственный вестник. 8 (21) июля 1914 г. № 149. С. 3.

[18] Правительственный вестник. 9 (22) июля 1914 г. № 150. С. 3.

[19] Правительственный вестник. 10 (23) июля 1914 г. № 151. С. 3.

[20] Правительственный вестник. 11 (24) июля 1914 г. № 152. С. 3.

[21] Русский инвалид. 11 июля 1914 г. № 150. С. 2.

[22] Правительственный вестник. 12 (25) июля 1914 г. № 153. С. 3.

[23] Офицеры «Штандарта»... // МЗ. Нью-Йорк, 1953. № 3. С. 54.

[24] *Полетика Н. П.* Указ. соч. С. 304.

[25] *Сазонов С. Д.* Указ. соч. С. 182.

[26] Начало войны 1914 г. Поденная запись б. министерства иностранных дел // КА. М., 1923. Т. 4. С. 10.

[27] Правительственный вестник. 13 (26) июля 1914 г. № 154. С. 5.

[28] Там же.

[29] Биржевые Ведомости. 4 (17) июля 1914 г. № 14237. С. 3; 7 (20) июля 1914 г. № 14239. С. 3; 8 (21) июля 1914 г. № 14241. С. 3; 9 (22) июля 1914 г. № 14243. С. 3; Голос Москвы. 4 (17) июля 1914 г. № 153. С. 2; 8 (21) июля 1914 г. № 156. С. 2; Русские Ведомости. 8 июля 1914 г. № 156. С. 3; 9 июля 1914 г. № 157. С. 2; *Мительман М. [И.], Глебов Б. [Д.], Ульянский А. [Г.]* Указ. соч. С. 449, 464, 467.

[30] *Яхонтов А.* Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 251.

[31] *Гоштовт Г.* Кирасиры Его Величества в Великую войну: 1914 г. // Кавалеристы в мемуарах современников 1900–1920. М., 2000. Вып. 1. С. 13.

[32] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 11 (24) июля 1914 г. № 14245. С. 3; *Звегинцов В. Н.* Кавалергарды в Великую и Гражданскую войну. Париж, 1936. Ч. 1. С. 12–13.

[33] Правительственный вестник. 13 (26) июля 1914 г. № 154. С. 3.

[34] *Сергеевский Б. Н.* Пережитое. 1914. Белград, 1933. С. 7.

[35] Особые журналы Совета министров Российской империи. 1914 год. М., 2006. С. 193.

[36] Правительственный вестник. 13 (26) июля 1914 г. № 154. С. 1.

[37] *Торнау С. А.* С родным полком (1914–1917). Берлин, 1923. С. 28.

[38] *Барк П. [Л.]* Указ. соч. // Возрождение. Париж, 1959. № 91. С. 18.
[39] Там же. С. 19.
[40] Там же. С. 20.
[41] *Яхонтов А.* Первый год войны (июль 1914 г.— июль 1915 г.)... // Русское прошлое. СПб., 1996. № 7. С. 254.
[42] *Барк П. [Л.]* Указ. соч. // Возрождение. Париж, 1959. № 91. С. 21.
[43] Там же. С. 22–23.
[44] *Buchanan G.* Op. cit. Vol. 1. P. 208.
[45] Начало войны 1914 г. Поденная запись б. министерства иностранных дел // КА. М., 1923. Т. 4. С. 8.
[46] Особые журналы Совета министров Российской империи. 1914 год. С. 197–198; *Яхонтов А.* Первый год войны (июль 1914 г. — июль 1915 г.)... // Русское прошлое. СПб., 1996. № 7. С. 254.
[47] *Барк П. [Л.]* Указ. соч. // Возрождение. Париж, 1959. № 91. С. 19.
[48] Начало войны 1914 г. Поденная запись б. министерства иностранных дел // КА. М., 1923. Т. 4. С. 11.
[49] История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С. 434.
[50] Начало войны 1914 г. Поденная запись б. министерства иностранных дел // КА. М., 1923. Т. 4. С. 9.
[51] *Lichnovsky [M.]* Op. cit. P. 10.
[52] Ibid. Appendix. On the Eve of the Catastrophe. P. 384.
[53] Начало войны 1914 г. Поденная запись б. министерства иностранных дел // КА. М., 1923. Т. 4. С. 48.
[54] *Lichnovsky [M.]* Op. cit. Appendix. On the Eve of the Catastrophe. P. 387–390.
[55] *Барк П. [Л.]* Указ. соч. // Возрождение. Париж, 1959. № 91. С. 24.
[56] Там же. С. 25.
[57] Особые журналы Совета министров Российской империи. 1914 год. С. 200.
[58] *Коленковский А. [К.]* Маневренный период... С. 70.
[59] *Головин Н. Н.* Из истории кампании 1914 г. на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага, 1926. С. 3.
[60] *Сергеевский Б. Н.* Указ. соч. С. 13.
[61] Правительственный вестник. 13 (26) июля 1914 г. № 154. С. 3; Русский инвалид. 13 июля 1914 г. № 152. С. 2.
[62] *Сергеевский Б. Н.* Указ. соч. С. 13.
[63] Начало войны 1914 г. Поденная запись б. министерства иностранных дел // КА. М., 1923. Т. 4. С. 12.
[64] *Lichnovsky [M.]* Op. cit. P. 10; Appendix. On the Eve of the Catastrpohe. P. 401–402.
[65] *Полетика Н. П.* Указ. соч. С. 309.
[66] Русско-германские отношения. 1914 г. // КА. М., 1922. Т. 1. С. 175.
[67] Начало войны 1914 г. Поденная запись б. министерства иностранных дел // КА. М., 1923. Т. 4. С. 46.
[68] *Lichnovsky [M.]* Op. cit. Appendix. On the Eve of the Catastrophe. P. 401.
[69] Ibid. P. 405–407.
[70] *Grey of Fallodon Ed.* Op. cit. Vol. 1. P. 301.
[71] *Vopicka Ch.* Secrets of the Balkans. Seven years of a diplomatist's life in the storm centre of Europe. Chicago, 1921. P. 28–29.
[72] *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 267.
[73] *Rothenberg G. E.* Op. cit. P. 176.
[74] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 12 (25) июля 1914 г. № 14247. С. 2.
[75] *Rothenberg G. E.* Op. cit. P. 176.
[76] *Jannen W.* Op. cit. P. 102.
[77] Русский инвалид. 15 июля 1914 г. № 153. С. 2.

[78] Русский инвалид. 18 июля 1914 г. № 156. С. 3.

[79] *Jannen W.* Op. cit. P. 132.

[80] Ба*рк П. [Л.]* Указ. соч. // Возрождение. Париж, 1959. № 91. С. 28.

[81] Голос Москвы. 13 (26) июля 1914 г. № 160. С. 3.

[82] *Яхонтов А.* Совет министров Российской империи... С. 252.

[83] Голос Москвы. 8 (21) июля 1915 г. № 156. С. 2.

[84] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 1 (14) июля 1914 г. № 14231. С. 5; 3 (16) июля 1914 г. № 14235. С. 3; 4 (17) июля 1914 г. № 14237. С. 3–4; 7 (20) июля 1914 г. № 14239. С. 4; 8 (21) июля 1914 г. № 14241. С. 3; 9 (22) июля 1914 г. № 14243. С. 3; 12 (25) июля 1914 г. № 14247. С. 4; Русские Ведомости. 1 июля 1914 г. № 150. С. 3; 2 июля 1914 г. № 151. С. 2; 3 июля 1914 г. № 152. С. 3.

[85] *Gurko V. I.* Features of the past. Government and opinion in the reign of Nicholas II. Stanford University, California, L., 1939. P. 537.

[86] Восточно-Прусская операция. Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917). М., 1939. С. 75.

[87] *Дитмар А.* Двадцать лет // Артиллерийский вестник. Орган связи всех русских артиллеристов за рубежом (далее — АВ). Белград, 1934. № 12. С. 5.

[88] Журнал боевых действий 3-й Гвардейской Пехотной дивизии 1914 г. Париж, 1938. С. 3.

[89] *Глиндский В. П.* Боевая летопись лейб-гвардии 3-го Стрелкового Его Величества полка. Париж, 193... С. 5.

[90] Русские Ведомости. 13 июля 1914 г. № 160. С. 2; *Родзянко М. В.* Государственная Дума и Февральская 1917 года революция. Ростов н/Д, 1919. С. 12.

[91] Правительственный вестник. 16 (29) июля 1914 г. № 156. С. 5.

[92] *Churchill W.* Op. cit. P. 97; *Коленковский А. [К.]* Маневренный период... С. 70.

[93] Правительственный вестник. 17 (30) июля 1914 г. № 157. С. 4.

[94] Русский инвалид. 18 июля 1914 г. № 156. С. 2.

[95] *Трайнин П.* Австро-венгерская Дунайская флотилия в Мировую войну 1914–1918 гг. // МС. 1928. № 5. С. 107.

[96] *Jannen W.* Op. cit. P. 169.

[97] Русский инвалид. 18 июля 1914 г. № 156. С. 2–3.

[98] Правительственный вестник. 1 (14) августа 1914 г. № 168. С. 6.

[99] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 15 (28) июля 1914 г. № 14252. С. 3.

[100] *Каменский В. А.* Лейб-егеря в войну 1914 года. Первые дни мобилизации // Военная быль (далее — ВБ). Париж, 1964. № 68. С. 1.

[101] Голос Москвы. 16 (29) июля 1914 г. № 162. С. 4; 17 (30) июля 1914 г. № 163. С. 3–4; Русские Ведомости. 16 июля 1914 г. № 162. С. 2; 17 июля 1914 г. № 163. С. 3–4; 18 июля 1914 г. № 164. С. 3.

[102] *Родзянко М. В.* Государственная Дума и Февральская 1917 года революция. С. 12.

[103] Голгота и воскрес Србије 1914–1915 // Под ред. Нуриh С., Стевановиh В. Београд, 1989. Т. 1. С. 20.

[104] Правительственный вестник. 19 июля (1 августа) 1914 г. № 159. С. 4; Голос Москвы. 19 июля (1 августа) 1914 г. № 165. С. 4.

[105] *Милоданович Е. А.* Из записной книжки начальника штаба XIV армейского корпуса // ВБ. Париж, 1972. № 114. С. 4.

[106] Консульские донесения. Австро-Венгрия // ИМИД. Пгр., 1915. № 2. С. 54.

[107] Голос Москвы. 17 (30) июля 1914 г. № 163. С. 2.

[108] Консульские донесения. Австро-Венгрия // ИМИД. Пгр., 1915. № 2. С. 53.

[109] *Каширин В. Б.* Неотвращенная катастрофа союзника. Борьба на Балканском фронте 1914–1915 гг. в суждениях русского военного агента при сербской военной команде // Р. Сб. Т. 3. М.: Модест Колеров, 2006. С. 190.

[110] *Devine A.* Montenegro in history, politics and war. L., 1918. P. 66.

[111] Голос Москвы. 19 июля (1 августа) 1914 г. № 165. С. 4.

[112] *Трайнин П.* Указ. соч. // МС. 1928. № 5. С. 108.
[113] The Times History of the War. Part 36. Vol. 3. April 27, 1915. P. 399.
[114] *Верховский А. И.* На трудном перевале. М., 1959. С. 19.
[115] За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002. С. 76.
[116] *Lichnovsky [M.]* Op. cit. P. 11.
[117] Начало войны 1914 г. Поденная запись б. министерства иностранных дел // КА. М., 1923. Т. 4. С. 19.
[118] Там же.
[119] Там же. С. 171.
[120] *Барк П. [Л.]* Указ. соч. // Возрождение. Париж, 1959. № 91. С. 29.
[121] *Данилов Ю. Н.* Россия в Мировой войне 1914–1915 годов. Берлин, 1924. С. 88–89; *Он же.* Наше стратегическое развертывание в 1914 году и идеи, положенные в основу его (Из неизданных воспоминаний автора о первом годе Великой войны) // Военный сборник общества ревнителей военных знаний (далее – ВС ОРВЗ). Белград, 1923. Кн. 4. С. 80–81, 95.
[122] *Добророльский С. [К.]* Наши стратегические шансы в 1914 году (к десятилетию 1914–1924 гг.) // Война и мир. Вестник военной науки и техники (далее – ВиМ). Берлин, 1924. № 16. С. 21.
[123] *Данилов Ю. Н.* Наше стратегическое развертывание в 1914 году... // ВС ОРВЗ. Белград, 1923. Кн. 4. С. 82.
[124] *Гренер В.* Указ. соч. С. 112.
[125] *Добророльский С. [К.]* Наши стратегические шансы в 1914 году... // ВиМ. Берлин, 1924. № 16. С. 21.
[126] *Добророльский С. К.* Стратегические планы сторон к началу Мировой войны // ВС ОРВЗ. Белград, 1922. Кн. 2. С. 67–68.
[127] *Пуанкаре Р.* Указ. соч. Кн. 1. С. 62.
[128] *Gourko B.* Memoires and impressions of war and revolution in Russia. 1914–1917. L., 1918. P. 15.
[129] *Данилов Ю. Н.* Россия в Мировой войне 1914–1915 годов. С. 393.
[130] *Данилов Ю. Н.* Наше стратегическое развертывание в 1914 году... // ВС ОРВЗ. Белград, 1923. Кн. 4. С. 87, 93.
[131] *Сазонов С. Д.* Указ. соч. С. 234.
[132] Начало войны 1914 г. Поденная запись б. министерства иностранных дел // КА. М., 1923. Т. 4. С. 20.
[133] *Добророльский С. К.* О мобилизации русской армии в 1914 г. // ВС ОРВЗ. Белград, 1921. Кн. 1. С. 104–106.
[134] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., 1935. Т. 1 (14 января – 4 августа 1914 г.). С. 492.
[135] *Сазонов С. Д.* Указ. соч. С. 235.
[136] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., 1935. Т. 1 (14 января – 4 августа 1914 г.). С. 492.
[137] Начало войны 1914 г. Поденная запись б. министерства иностранных дел // КА. М., 1923. Т. 4. С. 21.
[138] Там же.
[139] Дневники Николая II. М., 1991. С. 476; Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 170–171.
[140] Правительственный вестник. 17 (30) июля 1914 г. № 157. С. 3.
[141] Начало войны 1914 г. Поденная запись б. министерства иностранных дел // КА. М., 1923. Т. 4. С. 25.
[142] *Lichnovsky [M.]* Op. cit. P. 43.
[143] Правительственный вестник. 17 (30) июля 1914 г. № 157. С. 1; Русские Ведомости. 17 июля 1914 г. № 163. С. 4.
[144] Начало войны 1914 г. Поденная запись б. министерства иностранных дел // КА. М., 1923. Т. 4. С. 22.
[145] Там же. С. 25.

[146] *Добророльский С. К.* О мобилизации русской армии в 1914 г. // ВС ОРВЗ. Белград, 1921. Кн. 1. С. 104.

[147] *Воейков В. Н.* Указ. соч. С. 84.

[148] *Шапошников Б. М.* Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1982. С. 231.

[149] *Jannen W.* Op. cit. P. 135.

[150] *Knox A.* With the Russian army 1914–1917. L., 1921. Vol. 1. P. 38.

[151] *Сергеевский Б. Н.* Указ. соч. С. 17.

[152] *Добророльский С. К.* О мобилизации русской армии в 1914 г. // ВС ОРВЗ. Белград, 1921. Кн. 1. С. 107.

[153] *Bezobrazov V. M.* Diary of the commander of the Russian Imperial Guard, 1914–1917. Boynton Beach, Florida, 1994. P. 7.

[154] *Ронжин С. А.* Военные сообщения и управление ими. Сборник записок, относящихся к русскому снабжению в Великую войну. Финансовое агентство в США. 1925. С. 140; *Сергеевский Б. Н.* Указ. соч. С. 17.

[155] Начало войны 1914 г. Поденная запись б. министерства иностранных дел // КА. М., 1923. Т. 4. С. 22.

[156] Там же. С. 23.

[157] *Lichnovsky [M.]* Op. cit. P. 42.

[158] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., 1935. Т. 1 (14 января — 4 августа 1914 г.). С. 503.

[159] Там же. С. 504.

[160] *Добророльский С. К.* О мобилизации русской армии в 1914 г. // ВС ОРВЗ. Белград, 1921. Кн. 1. С. 109.

[161] *Сазонов С. Д.* Указ. соч. С. 247.

[162] *Полетика Н. П.* Указ. соч. С. 377–378.

[163] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., 1935. Т. 1 (14 января — 4 августа 1914 г.). С. 504.

[164] Там же. С. 505.

[165] *Яхонтов А.* Совет министров Российской империи... С. 260.

[166] *Добророльский С. К.* О мобилизации русской армии в 1914 г. // ВС ОРВЗ. Белград, 1921. Кн. 1. С. 110; *Сергеевский Б. Н.* Указ. соч. С. 19.

[167] Русские Ведомости. 19 июля 1914 г. № 165. С. 3.

[168] *Черномор (Люби К. Г.).* Волны Балтики 1914–1915 гг. Рига, 1939. С. 13; 16; *Тимирев С. Н.* Воспоминания морского офицера: Балтийский флот во время войны и революции (1914–1918). Нью-Йорк, 1961. С. 3. *Дудоров [Б. П.]* Вице-адмирал А. И. Непенин (Опыт биографии) // МЗ. Нью-Йорк, 1959. № 2. С. 38.

[169] *Добророльский С. К.* О мобилизации русской армии в 1914 г. // ВС ОРВЗ. Белград, 1921. Кн. 1. С. 106.

[170] *Меркушов В. А.* Записки подводника 1905–1915. М., 2004. С. 180.

[171] *Денисов Б.* Минно-заградительные операции русского флота в Балтийском море в 1914–1917 гг. // МС. 1934. № 8. С. 155; *Козлов И. А.* Минные постановки русского флота в южной части Балтийского моря // МС. 1950. № 1. С. 31–32; *Зонин С. А.* Адмирал Л. М. Галлер: Жизнь и флотоводческая деятельность. М., 1991. С. 81–82; *Граф Г. К.* На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб., 1997. С. 33–34; *Лукин А. П.* Флот. Русские моряки во время Великой войны и революции. Б. м., б. г. Т. 1. С. 96; *Монастырев Н. А.* Гибель царского флота. СПб., 1995. С. 34.

[172] *Черномор.* Указ. соч. С. 27.

[173] *Козлов Д. Ю.* Нарушение морских коммуникаций по опыту действий Российского флота в Первой мировой войне (1914–1917). М., 2013. С. 148.

[174] *Дудоров [Б. П.]* Указ. соч. // МЗ. Нью-Йорк, 1959. № 2. С. 40.

[175] *Меркушов В. А.* Указ. соч. С. 190.

[176] *Черномор.* Указ. соч. С. 27.

[177] *Терещенко С.* Наш долг // МС. Бизерта, 1923. № 1. С. 28; *Монастырев [Н. А.]* Краткий очерк военных действий на Балтийском море с 14 июля 1914 г. по январь 1915 г. //

МС. Бизерта, 1923. № 2–3. С. 9; *Дудоров [Б. П.]* Указ. соч. // МЗ. Нью-Йорк, 1959. № 2. С. 40–41, 43; *Козлов Д. Ю.* Нарушение морских коммуникаций... С. 144.

[178] *Денисов Б.* Минно-заградительные операции... // МС. 1934. № 8. С. 155.

[179] *Денисов Б. А.* Итоги использования мин в Мировую войну // МС. 1936. № 10. С. 89.

[180] *Черномор.* Указ. соч. С. 31.

[181] *Тимирев С. Н.* Указ. соч. С. 11.

[182] Там же. С. 3.

[183] Адмирал Николай Оттович фон Эссен // ВС. 1916. № 8. С. 166.

[184] *Schebeko N.* Souvenirs. Essai historique sur les origines de la guerre de 1914. Paris, 1936. P. 255–258, 261.

[185] Начало войны 1914 г. Поденная запись б. министерства иностранных дел // КА. М., 1923. Т. 4. С. 35.

[186] *Schebeko N.* Op. cit. P. 265–266.

[187] *Lichnovsky [M.]* Op. cit. Appendix. On the Eve of the Catastrophe. P. 413.

[188] *Коленковский А. [К.]* Маневренный период... С. 71.

[189] Начало войны 1914 г. Поденная запись б. министерства иностранных дел // КА. М., 1923. Т. 4. С. 36.

[190] Там же. С. 37.

[191] Там же. С. 38.

[192] Там же. С. 41, 44.

[193] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., 1935. Т. 1 (14 января – 4 августа 1914 г.). С. 525.

[194] *Basily N.* Memoirs. Diplomat of Imperial Russia 1903–1917. Hoover Institution Press. Stanford University. Stanford, 1973. P. 100–101.

[195] *Сазонов С. Д.* Указ. соч. С. 259.

[196] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., 1935. Т. 1 (14 января – 4 августа 1914 г.). С. 526.

[197] *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 295.

[198] *Бюлов Б.* Указ. соч. С. 440.

[199] Там же. С. 404.

[200] *Kennedy P.* The War Plans of the Great Powers, 1890–1914. L., 1979. P. 233, 235.

[201] Начало войны 1914 г. Поденная запись б. министерства иностранных дел // КА. М., 1923. Т. 4. С. 43.

[202] Русский инвалид. 22 июля. 1914 г. № 159. С. 1.

[203] Высочайший Манифест об объявлении военных действий между Россией и Германией // ИМИД. Пгр., 1914. № 5. С. 2.

[204] *Барк П. [Л.]* Указ. соч. // Возрождение. Париж, 1959. № 91. С. 43.

[205] *Коленковский А. [К.]* Маневренный период... С. 71.

[206] *Churchill W.* Op. cit. P. 110.

[207] *Бетман-Гольвег Т.* Указ. соч. С. 97.

[208] *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 296.

[209] *Tuchman B. T.* The guns of August. N. Y., 1962. P. 101–102.

[210] *Lichnovsky [M.]* Op. cit. P. 15.

[211] *Asprey R.* Op. cit. P. 52.

[212] *Куль Г.* Указ. соч. С. 40.

[213] *Шапошников Б. [М.]* Армейская конница в маневренной войне // Сборник статей по военному искусству. М., 1921. С. 20.

[214] *Kluck A. von.* The march on Paris and the battle of the Marne 1914. L., 1920. P. 18.

[215] *Tuchman B. T.* Op. cit. P. 100.

[216] Отчет о веденной в ноябре и декабре 1905 г. Начальником Прусского Генерального штаба военной игре. С. 12.

[217] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917. М., Л., 1933. Т. 2 (14 марта – 13 мая 1914 г.). С. 475.

[218] К вопросу о возможности нарушения германскими войсками нейтралитетов Бельгии и Люксембурга // Сборник ГУГШ. 1914. Вып. 62. С. 76–79.

[219] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917. М., Л., 1933. Т. 2 (14 марта – 13 мая 1914 г.). С. 478.

[220] *Lichnovsky [M.]* Op. cit. P. 12.
[221] Ibid. P. 15.
[222] Ibid. Appendix. On the Eve of the Catastrophe. P. 416.
[223] Ibid. P. 418.
[224] *Lichnovsky [M.]* Op. cit. P. 15. Appendix. On the Eve of the Catastrophe. P. 428.
[225] Ibid. Appendix. On the Eve of the Catastrophe. P. 419–420.
[226] *Grey of Fallodon Ed.* Op. cit. Vol. 2. P. 6–7, 18.
[227] *Tuchman B. T.* Op. cit. P. 108, 122–124.
[228] *Grey of Fallodon Ed.* Op. cit. Vol. 2. P. 64–65.
[229] Дневники Николая II. С. 477.
[230] МОЭИ Сер. III. 1914–1917 гг. М., Л., 1935. Т. 6. Ч. 1 (5 августа 1914 г. — 13 января 1915 г.). С. 13.
[231] Консульские донесения. Австро-Венгрия // ИМИД. Пгр., 1915. № 2. С. 56–57.
[232] *Керсновский А. А.* История русской армии. М., 1994. Т. 3. С. 176.
[233] Русский инвалид. 27 июля 1914 г. № 163. С. 1.
[234] Высочайший Манифест об объявлении военных действий между Россией и Австро-Венгрией // ИМИД. Пгр., 1914. № 5. С. 3.
[235] Голос Москвы. 26 июля (8 августа) 1914 г. № 171. С. 2.

Как начиналась война — реакция общества

[1] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Aleksei Pavlovich Budberg. Box 1. Folder: Воспоминания о войне 1914–1917 гг. L. 1.
[2] *Алексеева-Борель В. [М.]* Сорок лет в рядах русской императорской армии: Генерал М. В. Алексеев. СПб., 2000. С. 326.
[3] *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1957. С. 12.
[4] *Кизеветтер А. А.* На рубеже двух столетий (Воспоминания 1881–1894). Прага, 1929. С. 523.
[5] Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. Дневники. Письма. М., 2012. С. 143.
[6] *Великий Князь Кирилл Владимирович.* Моя жизнь на службе России. Лики России. 1996. С. 226.
[7] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1973. С. 14.
[8] The Times History of War. Part 33. Vol. 3. April 6, 1915. P. 244.
[9] The Times History of War. Part 32. Vol. 3. March 30, 1915. P. 219.
[10] *Данилов Ю. Н.* На пути к крушению. Очерки последнего периода российской монархии. М., 2000. С. 118.
[11] *Незнамов А.* План войны // ИИНВА. 1913. № 39. С. 358.
[12] *Станкевич В. Б.* Воспоминания 1914–1919. Берлин, 1920. С. 19.
[13] *Джонсон Т.* Американская разведка во время мировой войны. М., 1938. С. 7.
[14] *Деникин А. И.* Путь русского офицера. М., 1990. С. 87.
[15] *Горбатов А. В.* Годы и войны. М., 1980. С. 34.
[16] *Масловский Д.* Солдатские библиотеки // ИИНВА. 1910. № 3. С. 1.
[17] *Крачкевич П. З.* История Российской революции (записки офицера-журналиста) 1914–1920. Гродно, 1921. Кн. 1. С. 6.
[18] *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М., 1923. Т. 1. С. 7.
[19] *Куль Г.* Указ. соч. С. 70.
[20] *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. М., 1946. С. 71.
[21] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1970. С. 29.
[22] Там же.
[23] *Горбатов А. В.* Указ. соч. С. 38.

[24] *Баграмян И. Х.* Мои воспоминания. Ереван, 1979. С. 26.

[25] *Николаи В.* Тайные силы. Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время войны и в настоящее время. М., 1925. С. 72, 74.

[26] *Епанчин Н. А.* На службе трех императоров. М., 1996. С. 226.

[27] *Николаи В.* Тайные силы... С. 74.

[28] *Knox A.* Op. cit. Vol. 1. P. 351.

[29] *Степун Ф. [А.]* Бывшее и несбывшееся. СПб., 1994. С. 259.

[30] *Людендорф Э.* Указ. соч. Т. 1. С. 9.

[31] *Пурталес [Ф.]* Между миром и войной. Мои последние переговоры в Петербурге в 1914 году. М., Пгр., 1923. С. 70.

[32] Российский Государственный архив Военно-морского флота (далее – РГА ВМФ). Ф. 609. Оп. 1. Д. 450. Л. 2.

[33] *Шварц А. В.* Жизнь, мысли, дела и встречи. Ч. 1. От детства до Ивангорода // Архивы русской эмиграции. Буэнос-Айрес, 1950. Т. 3. С. 173.

[34] *Боткин С. Д.* Три последних дня пребывания Императорского Посольства в Берлине // ИМИД. Пгр., 1916. № 1. С. 69–70.

[35] *Asprey R.* Op. cit. P. 51.

[36] *Stuermer H.* Two war years in Constantinople. Sketches of German and Young Turkish Ethics and Politics. N. Y., 1917. P. 24.

[37] История дипломатии. Т. 3. С. 725.

[38] Документы, касающиеся участия Японии в войне и ее переговоров с Китаем // ИМИД. Пгр., 1915. № 3. С. 95.

[39] Там же. С. 96.

[40] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., Л., 1934. Т. 5 (23 июля – 4 августа 1914 г.). С. 342.

[41] *Cornwall M.* The Undermining of Austria-Hungary. Battle for Hearts and Minds. N. Y., 2000. P. 16; *Kennedy P.* The rise and fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. L., 1989. P. 278.

[42] *Людендорф Э.* Указ. соч. Т. 1. С. 96.

[43] *Деникин А. И.* Путь... С. 230.

[44] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., 1935. Т. 1 (14 января – 4 августа 1914 г.). С. 527.

[45] Русские Ведомости. 24 июля 1914 г. № 169. С. 3; *Боткин С. Д.* Указ. соч. // ИМИД. Пгр., 1916. № 1. С. 72.

[46] Утро России. 1 августа 1914 г. № 177. С. 3.

[47] Правительственный вестник. 1 (14) августа 1914 г. № 168. С. 6.

[48] *Барк П. Л.* Воспоминания // Возрождение. Париж, 1965. № 160. С. 88.

[49] *Zuber T.* The real German war plan... P. 135.

[50] *Buchanan G.* Op. cit. Vol. 1. P. 213; см. также: *Воейков В. Н.* Указ. соч. С. 96.

[51] *Лукомский А. С.* Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 1. С. 53.

[52] Русский инвалид. 24 июля 1914 г. № 160. С. 2.

[53] *Данилов Ю. Н.* На пути к крушению... С. 117.

[54] The Times History of the War. Part 97. Vol. 8. June 27, 1916. P. 196; *Данилов Ю. Н.* Россия в Мировой войне 1914–1915 годов. С. 112.

[55] *Спиридович А. И.* Великая Война и Февральская Революция 1914–1917. Нью-Йорк, 1960. Кн. 1. С. 5–6.

[56] *Basily N.* Op. cit. P. 69.

[57] *Rosen R. R.* Forty years of diplomacy. L., 1922. Vol. 2. P. 177–178.

[58] Русский инвалид. 24 июля 1914 г. № 160. С. 2; Голос Москвы. 22 июля (4 августа) 1914 г. Экстренное прибавление к № 168. С. 1.

[59] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., Л., 1935. Т. 6. Ч. 1 (5 августа 1914 г. – 13 января 1915 г.). С. 3.

[60] *Яхонтов А.* Совет министров Российской империи... С. 257–258; *Родзянко М. В.* Государственная Дума и Февральская 1917 года революция. С. 12.

[61] *Сухомлинов В. [А.]* Воспоминания. Берлин, 1924. С. 303.

[62] *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 89.
[63] Голос Москвы. 19 июля (1 августа) 1914 г. № 165. С. 2.
[64] *Родзянко М. В.* Крушение империи. Л., 1929. С. 94.
[65] Голос Москвы. 18 (31) июля 1914 г. № 164. С. 1.
[66] *Яхонтов А.* Совет министров Российской империи... С. 261.
[67] Правительственный вестник. 27 июля (9 августа) 1914 г. № 165. С. 2.
[68] Офицеры «Штандарта»... // МЗ. Нью-Йорк, 1953. № 3. С. 55–57.
[69] *Дубенский Д.* Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в Действующей армии. Сентябрь – октябрь 1914 г. Пгр., 1915. С. VIII.
[70] Правительственный вестник. 27 июля (9 августа) 1914 г. № 165. С. 2.
[71] Дневники Николая II. С. 477.
[72] Военный дневник Великого Князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917). М., 2008. С. 50.
[73] *Дубенский Д.* Указ. соч. Сентябрь – октябрь 1914 г. С. IX.
[74] 1914–1924. Крв Словенства. Споменица десетегодишнице светского рата. Београд, 1924. С. 105.
[75] *Лукомский А. С.* Указ. соч. Т. 1. С. 53.
[76] Русский инвалид. 22 июля 1914 г. № 159. С. 2.
[77] *Knox A.* Op. cit. Vol. 1. P. 39; *Buchanan G.* Op. cit. Vol. 1. P. 165.
[78] The Times History of War. Part 32. Vol. 3. March 30, 1915. P. 219.
[79] *Knox A.* Op. cit. Vol. 1. P. 40; *Свечин М. [А.]* Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964. С. 106–107.
[80] War, peace and social change: Europe 1900–1955 // Edited by Marwick A., Simpson W. Open University Press, 1990. Vol. 1. Documents: 1900–1929. P. 3.
[81] Ibid. P. 4.
[82] Ibid.
[83] *Buchanan G.* Op. cit. Vol. 1. P. 207, 212.
[84] Соглашение между Россией, Великобританией и Францией о незаключении отдельного мира в настоящую войну, подписанное в Лондоне 23 августа – 5 сентября 1914 года // ИМИД. Пгр., 1915. № 1. С. 23–24.
[85] *Камбон Ж.* Дипломат. М., 1946. С. 63.
[86] *Ллойд-Джордж Д.* Указ. соч. Т. 1–2. С. 70.
[87] *Пуанкаре Р.* Указ. соч. Кн. 1. С. 5.
[88] *Эренбург И. Г.* Люди, годы, жизнь. Собр. соч. в 8-ми т. М., 1966. Т. 8. С. 153.
[89] *Ллойд-Джордж Д.* Указ. соч. Т. 1–2. С. 71.
[90] *Jannen W.* Op. cit. P. 344.
[91] *Алексеева-Борель В. [М.]* Указ. соч. С. 327.
[92] *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 15.
[93] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 46–47.
[94] *Демьяненко Я.* Бой Финляндских стрелков 19 сентября 1914 г. в Августовских лесах // ВБ. Париж, 1960. № 40. С. 10.
[95] *Раскольников Ф. Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1990. С. 18.
[96] *Rajevskij P.* Moji zapisci (od 1914–1918 u Rusiji). Zagreb, 1920. S. 7.
[97] *Великий Князь Александр Михайлович.* Воспоминания. М., 1999. С. 250.
[98] *Крачкевич П. З.* Указ. соч. Кн. 1. С. 5.
[99] *Добророльский С. К.* О мобилизации русской армии в 1914 г. // ВС ОРВЗ. Белград, 1921. Кн. 1. С. 114.
[100] *Данилов Ю. Н.* Россия в Мировой войне 1914–1915 годов. С. 112.
[101] Русское военное обозрение (Официальные документы войны) // ВС. 1914. № 11. С. 199.
[102] *Gurko V. I.* Op. cit. P. 539; *Данилов Н. А.* Влияние мировой войны на экономическое положение России. Пгр., 1922. С. 44–45.

[103] *Трубецкой Г. Н.* Русская дипломатия... С. 26.
[104] *Монастырев Н. А.* Гибель царского флота. С. 35.
[105] *Войтоловский Л.* Всходил кровавый Марс. По следам войны. М., 1998. С. 3.
[106] *Washburn S.* Field notes from the Russian front. L., [1915]. Vol. 1. P. 34.
[107] *Гейсман П.* Эпизод из первого погрома австро-германцев (Из записок бывшего командира корпуса) // ВС. 1916. № 7. С. 33.
[108] *Данилов Ю. Н.* Россия в Мировой войне 1914–1915 годов. С. 247.
[109] *Ходнев Д.* Л.-гв. Финляндский полк в Великой и Гражданской войне (1914–1920). Белград, 1932. С. 13.
[110] *Зайцов А. [А.]* Люблин — Ивангород — Краков. Гельсингфорс, 1936. С. 6.
[111] *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам... С. 16.
[112] *Головин Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. С. 194.
[113] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. М., 2003. Т. 1. С. 124; *Он же.* Путь... С. 264.
[114] *Деникин А. И.* Путь... С. 236.
[115] *Торнау С. А.* Указ. соч. С. 13.
[116] *Попов К.* Воспоминания кавказского гренадера. Белград, 1925. С. 12.
[117] *Барк П. [Л.]* Глава из воспоминаний. Период национального выздоровления // Возрождение. Париж, 1955. № 48. С. 74–75.
[118] *Барк П. Л.* Указ. соч. // Возрождение. Париж, 1965. № 158. С. 77.
[119] *Добророльский С. К.* Мобилизация русской армии в 1914 г. М., 1929. С. 113.
[120] Правительственный вестник. 8 (21) июля 1914 г. № 149. С. 3.
[121] Правительственный вестник. 17 (30) июля 1914 г. № 157. С. 3.
[122] *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. М., 1997. Т. 2. С. 381.
[123] *Оськин Д.* Записки солдата. М., 1929. С. 72.
[124] *Буденный С. М.* Пройденный путь. М., 1959. С. 12.
[125] *Данилов Ю. Н.* Россия в Мировой войне 1914–1915 годов. С. 111; *Лукомский А. С.* Указ. соч. Т. 1. С. 54; *Добророльский С. К.* Мобилизация русской армии в 1914 г. С. 113.
[126] *Джунковский В. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 381.
[127] Голос Москвы. 8 (21) октября 1914 г. № 231. С. 3; *Добророльский С. К.* Мобилизация русской армии в 1914 г. С. 113–114; *Барк П. Л.* Указ. соч. // Возрождение. Париж, 1965. № 158. С. 79, 81; *Яхонтов А.* Совет министров Российской империи... С. 41.
[128] *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам... С. 15.
[129] *Федоров В. Г.* В поисках оружия. М., 1964. С. 7.
[130] *Lockhart R. H. B.* British agent. N. Y., 1936. P. 96.
[131] *Фурманов Д. [А.]* Дневники (1910–1921). Собр. соч. М., 1961. Т. 4. С. 47.
[132] *Гайда Ф. А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 г. — весна 1917 г.). М., 2003. С. 52.
[133] The Times' History of War. Part 32. Vol. 3. March 30, 1915. P. 209.
[134] *Шапошников Б. М.* Воспоминания... С. 238.
[135] *Яхонтов А.* Совет министров Российской империи... С. 25.
[136] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 28 июля (10 августа) 1914 г. № 14277. С. 3.
[137] *Попов К.* Указ. соч. С. 7.
[138] Национальный архив Армении (далее — НАА). Ф. 45. Назарбеков Фома Иванович. Оп. 1. Д. 12. Л. 109.
[139] *Куяла А.* Коллизии российско-финляндских отношений 1904–1917 // Исторический архив. 2010. № 4. С. 108–112.
[140] *Сергеевский Б. Н.* Указ. соч. С. 23.
[141] *Архипов [М. Н.]* Воспоминания о первой мировой войне // ВБ. Париж, 1968. № 90. С. 22.
[142] *Luntinen P.* French information on the Russian war plans 1880–1914. P. 277; *Сергеевский Б. Н.* Указ. соч. С. 23.
[143] *Сергеевский Б. Н.* Указ. соч. С. 31.
[144] *Дубенский Д.* Указ. соч. Сентябрь — октябрь 1914 г. С. XIV.

[145] *Farmborough F.* Nurse at the Russian front. A diary 1914–1918. L., 1974. P. 21.
[146] *Джунковский В. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 385.
[147] *Knox A.* Op. cit. V. 1. P. 39.
[148] *Данилов Ю. Н.* На пути к крушению... С. 115.
[149] *Яхонтов А.* Совет министров Российской империи... С. 43.
[150] *Gurko V. I.* Op. cit. P. 537.
[151] *Савич Н. В.* Воспоминания. СПб., 1993. С. 124.
[152] *Bezobrazov V. M.* Op. cit. P. 7.
[153] *Щербачев Д. Г.* Львов — Рава-Русска — Перемышль. 9-й корпус и 3-я армия в Галиции // ВС ОРВЗ. Белград, 1929. Кн. 10. С. 116.
[154] *Яхонтов А.* Совет министров Российской империи... С. 263.
[155] *Lockhart R. H. B.* Op. cit. P. 95.
[156] *Головин Н. Н.* Военные усилия России... С. 272; те же данные приводит и генерал Ронжин, см.: *Ронжин С. А.* Указ. соч. С. 141.
[157] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение... С. 583.
[158] *Ронжин С. А.* Указ. соч. С. 142.
[159] *Гёруа Б. В.* Воспоминания о моей жизни. Париж, 1969. Т. 1. С. 212.
[160] *Сухомлинов В. [А.]* Указ. соч. С. 251.
[161] *Гильчевский К. Л.* Боевые действия второочередных частей в мировую войну. М., Л., 1928. С. 7.
[162] *Бекман В.* Немцы о русской армии. Прага, 1939. С. 13.
[163] *Hoffman M.* War diaries and other papers. L., [1929]. Vol. 2. P. 347.

Становление Верховного главнокомандования в первые дни войны, диалог с общественностью

[1] *Бубнов А. [Д.]* В Царской Ставке. Воспоминания адмирала Бубнова. Нью-Йорк, 1955. С. 9.
[2] Положение о Полевом управлении войск в военное время. СПб., 1914. С. 1.
[3] Там же. С. 3.
[4] Там же. С. 4.
[5] *Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий (1881–1903). М., 1973. С. 149.
[6] *Сухомлинов В. А.* Указ. соч. С. 163.
[7] *Мосолов А. [А.]* При Дворе Императора. Рига, б. д. С. 20.
[8] *Воейков В. Н.* Указ. соч. С. 89.
[9] Восточно-Прусская операция... С. 27.
[10] *Мосолов А. [А.]* Указ. соч. С. 18.
[11] *Данилов Ю. Н.* Великий Князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 6.
[12] *Кондзеровский П. К.* В Ставке Верховного 1914–1917. Воспоминания дежурного генерала при Верховном главнокомандующем. Париж, 1967. С. 10.
[13] *Трубецкой Г. Н.* Русская дипломатия... С. 24–25.
[14] *Сухомлинов В. А.* Указ. соч. С. 292.
[15] *Барк П. [Л.]* Указ. соч. // Возрождение. Париж, 1959. № 91. С. 35.
[16] *Сухомлинов В. А.* Указ. соч. С. 292.
[17] *Барк П. [Л.]* Указ. соч. // Возрождение. Париж, 1959. № 91. С. 36.
[18] *Сухомлинов В. А.* Указ. соч. С. 292.
[19] *Григорович И. К.* Воспоминания бывшего морского министра. СПб., 1999. С. 143.
[20] *Воейков В. Н.* Указ. соч. С. 89.

[21] *Данилов Ю. Н.* Россия в Мировой войне 1914–1915 годов. С. 107.
[22] *Кондзеровский П. К.* Указ. соч. С. 8.
[23] *Сухомлинов В. А.* Указ. соч. С. 293.
[24] Дневники Николая II. С. 477.
[25] Русское военное обозрение. Война (Официальные документы войны) // ВС. 1914. № 11. С. 195.
[26] Русский инвалид. 22 июля 1914 г. № 159. С. 1.
[27] Речь. 12 (25) июля 1914 г. № 185 (2854). С. 1.
[28] Речь. 15 (28) июля 1914 г. № 188 (2857). С. 1.
[29] *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 120, 156.
[30] Голос Москвы. 21 июля (3 августа) 1914 г. № 166. С. 2.
[31] *Глинка Я. В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 137.
[32] *Родзянко М. В.* Крушение империи. С. 97.
[33] Наследие Ариадны Владимировны Тырковой... С. 142.
[34] Там же. С. 143.
[35] *Гайда Ф. А.* Указ. соч. С. 53.
[36] Голос Москвы. 22 июля (4 августа) 1914 г. № 167. С. 2.
[37] Русский инвалид. 22 июля 1914 г. № 159. С. 2.
[38] Речь. 22 июля (4 августа) 1914 г. № 193 (2862). С. 1.
[39] *Гайда Ф. А.* Указ. соч. С. 52.
[40] Правительственный вестник. 22 июля (4 августа) 1914 г. № 161. С. 1.
[41] Правительственный вестник. 1 (14) июля 1914 г. № 143. С. 1.
[42] Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографический отчет заседания Государственной Думы, созванной на основании Высочайшего Указа Правительствующему Сенату от 20 июля 1914 г. Заседание 26 июля 1914 г. СПб., 1914. С. 5.
[43] Там же. С. 7.
[44] Там же. С. 8.
[45] Там же. С. 11.
[46] Там же. С. 12–14, 16–17.
[47] The Times History of the War. Part 97. Vol. 8. June 27, 1916. P. 197.
[48] Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографический отчет заседания Государственной Думы, созванной на основании Высочайшего Указа Правительствующему Сенату от 20 июля 1914 г. Заседание 26 июля 1914 г. СПб., 1914. С. 21.
[49] Там же. С. 23.
[50] Там же. С. 21.
[51] Там же. С. 22.
[52] Там же. С. 24.
[53] Там же. С. 18.
[54] Там же. С. 19.
[55] Там же. С. 20.
[56] *Церетели И. Г.* Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1969. Кн. 1. С. 5–6.
[57] Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографический отчет заседания Государственной Думы, созванной на основании Высочайшего Указа Правительствующему Сенату от 20 июля 1914 г. Заседание 26 июля 1914 г. СПб., 1914. С. 24.
[58] Там же. С. 25.
[59] Там же. С. 28, 30.
[60] Русский инвалид. 27 июля 1914 г. № 163. С. 1–2.
[61] *Гайда Ф. А.* Указ. соч. С. 53.
[62] Речь. 2 (15) августа 1914 г. № 204 (2873). С. 1.
[63] Голос Москвы. 16 (29) августа 1914 г. 2-е экстренное прибавление к № 167. С. 1; Протоколы ЦК и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6-ти т. Т. 2. М., 1997. С. 364.

[64] *Мельгунов С. П.* Воспоминания и дневники. Вып. 1. Париж, 1964. С. 183.

[65] Голос Москвы. 26 июля (8 августа) 1914 г. № 171. С. 4.

[66] *Полнер Т. И.* Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова. Личность, взгляды, условия деятельности. М., 2001. С. 92–93; Из дневника А. Н. Куропаткина // КА. М., Л., 1927. Т. 1 (20). С. 65–66.

[67] *Великий Князь Андрей Владимирович.* Дневник б. Великого Князя Андрея Владимировича. 1915 год. Л., М., 1925. С. 31; *Набоков В. [Д.]* Временное правительство (Воспоминания). М., 1924. С. 63–64; *Думова Н. Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 33.

[68] Русские Ведомости. 31 июля 1914 г. № 175. С. 4.

[69] *Никонов В. А.* Крушение России. 1917. М., 2011. С. 266.

[70] Голос Москвы. 31 июля (13 августа) 1914 г. № 171. С. 4; *Шидловский С. И.* Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. 2. С. 63; *Gurko V. I.* Op. cit. P. 539.

[71] *Набоков В. [Д.]* Указ. соч. С. 63.

[72] *Герасименко Г. А.* Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 35.

[73] *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний 1868–1917. Нью-Йорк, 1955. Т. 2. С. 263.

[74] Там же. С. 264.

[75] *Гайда Ф. А.* Указ. соч. С. 55.

[76] Голос Москвы. 2 (15) августа 1914 г. № 177. С. 4.

[77] *Гайда Ф. А.* Указ. соч. С. 55.

[78] Голос Москвы. 8 (21) августа 1914 г. № 181. С. 5.

[79] Утро России. 1 августа 1914 г. № 177. С. 4; Голос Москвы. 8 (21) августа 1914 г. № 181. С. 5; 9 (22) августа 1914 г. № 182. С. 4–5; 12 (25) августа 1914 г. № 184. С. 5; 17 (30) августа 1914 г. № 188. С. 4; 17 (30) сентября 1914 г. № 213. С. 4–5; 30 сентября (13 октября) 1914 г. № 224; 1 (14) октября 1914 г. № 224. С. 1; Русские Ведомости. 1 августа 1914 г. № 176. С. 5; 7 августа 1914 г. Экстренное приложение к № 180. С. 1; Дубенс*кий Д.* Указ. соч. Сентябрь – октябрь 1914 г. С. XIV.

[80] Протоколы ЦК и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6-ти т. Т. 2. М., 1997. С. 424–425, 437–438, 448.

[81] Голос Москвы. 22 ноября (5 декабря) 1914 г. Экстренное прибавление к № 269. С. 2; 11 (24) декабря 1914 г. № 285. С. 4.

[82] *Гайда Ф. А.* Указ. соч. С. 55.

[83] *Rajevskij P.* Op. cit. S. 8.

[84] Голос Москвы. 20 сентября (3 октября) 1914 г. № 216. С. 4.

[85] Русские Ведомости. 31 июля 1914 г. № 175. С. 4.

[86] *Курлов П. Г.* Гибель императорской России. М., 1992. С. 184.

[87] *Барк П. Л.* Указ. соч. // Возрождение. Париж, 1966. № 169. С. 74.

[88] *Курлов П. Г.* Гибель императорской России. С. 184.

[89] Правительственный вестник. 1 (14) сенября 1914 г. № 199. С. 1; *Погребинский А. П.* К истории союзов земств и городов в годы империалистической войны // Исторические записки (далее – ИЗ). 1941. № 12. С. 41; *Барк П. Л.* Указ. соч. // Возрождение. Париж, 1966. № 169. С. 74–75; *Яхонтов А.* Первый год войны (июль 1914 г. – июль 1915 г.)... // Русское прошлое. СПб., 1996. № 7. С. 298; *Яхонтов А.* Совет министров Российской империи... С. 33, 40.

[90] Голос Москвы. 2 (15) ноября 1914 г. № 253. С. 5.

[91] *Герасименко Г. А.* Указ. соч. С. 35.

[92] *Воейков В. Н.* Указ. соч. С. 149.

[93] *Барк П. Л.* Указ. соч. // Возрождение. Париж, 1966. № 169. С. 75.

[94] *Герасименко Г. А.* Указ. соч. С. 35, 42.

[95] *Gourko B.* Op. cit. P. 7.

[96] *Джунковский В. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 383.

[97] *Сухомлинов В. А.* Указ. соч. С. 294.

[98] *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. Т. 1. С. 85.
[99] *Gourko B.* Op. cit. P. 7.
[100] *Лемке М. К.* 250 дней в Царской Ставке. Пгр., 1920. С. 44.
[101] *Кондзеровский П. К.* Указ. соч. С. 11.
[102] *Данилов Ю. Н.* Россия в Мировой войне 1914–1915 годов. С. 110.
[103] *Кондзеровский П. К.* Указ. соч. С. 12.
[104] *Бубнов А. [Д.]* Указ. соч. С. 23.
[105] Восточно-Прусская операция... С. 85.
[106] *Джунковский В. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 384.
[107] *Бубнов А. [Д.]* Указ. соч. С. 21.

Ставка Верховного главнокомандующего в Барановичах, устройство и планы

[1] *Кондзеровский П. К.* Указ. соч. С. 9; см. также: *Бубнов А. [Д.]* Указ. соч. С. 21.
[2] *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 109.
[3] *Бубнов А. [Д.]* Указ. соч. С. 23.
[4] *Knox A.* Op. cit. Vol. 1. P. 45.
[5] *Бубнов А. [Д.]* Указ. соч. С. 27.
[6] *Спиридович А. И.* Указ. соч. Кн. 1. С. 25.
[7] *Данилов Ю. Н.* Великий Князь... С. 116.
[8] *Knox A.* Op. cit. Vol. 1. P. 46.
[9] *Великий Князь Кирилл Владимирович.* Указ. соч. С. 229.
[10] *Кондзеровский П. К.* Указ. соч. С. 83; *Спиридович А. И.* Указ. соч. Кн. 1. С. 25.
[11] *Бубнов А. [Д.]* Указ. соч. С. 28.
[12] *Washburn S.* Op. cit. Vol. 1. P. 46.
[13] *Дубенский Д.* Указ. соч. Сентябрь – октябрь 1914 г. С. 3.
[14] *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 110.
[15] *Самойло А. А.* Две жизни. М., 1958. С. 142; *Данилов Ю. Н.* Великий Князь... С. 113.
[16] *Washburn S.* Op. cit. Vol. 1. P. 45.
[17] *Данилов Ю. Н.* Россия в Мировой войне 1914–1915 годов. С. 90.
[18] *Бубнов А. [Д.]* Указ. соч. С. 27; *Stone N.* The Eastern Front 1914–1917. L., 1998. P. 53.
[19] *Лемке М. К.* Указ. соч. С. 44–45.
[20] *Бубнов А. [Д.]* Указ. соч. С. 28.
[21] *Самойло А. А.* Указ. соч. С. 142.
[22] *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 87.
[23] *Бубнов А. [Д.]* Указ. соч. С. 23; *Данилов Ю. Н.* Россия в Мировой войне 1914–1915 годов. С. 144.
[24] *Knox A.* Op. cit. Vol. 1. P. 42.
[25] *Кондзеровский П.* К. Указ. соч. С. 23.
[26] *Дрейер В. Н. фон.* На закате империи. Мадрид, 1965. С. 85.
[27] *Gourko B.* Op. cit. P. 7.
[28] *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 114.
[29] *Палицын Ф. Ф.* В штабе Северо-Западного фронта (С конца апреля 1915 года по 30 августа того же года) // ВС ОРВЗ. Белград, 1922. Кн. 3. С. 162.
[30] *Gourko B.* Op. cit. P. 7; см. также: *Кондзеровский П. К.* Указ. соч. С. 23.
[31] *Бубнов А. [Д.]* Указ. соч. С. 45.
[32] *Данилов Ю. Н.* На пути к крушению... С. 29.
[33] *Самойло А. А.* Указ. соч. С. 144.

[34] *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 114; *Брусилов А. А.* Указ. соч. С. 66.
[35] *Бубнов А. [Д.]* Указ. соч. С. 45.
[36] *Knox A.* Op. cit. Vol. 1. P. 42.
[37] *Бубнов А. [Д.]* Указ. соч. С. 30.
[38] *Данилов Ю. Н.* Великий Князь... С. 76.
[39] *Самойло А. А.* Указ. соч. С. 144.
[40] *Кондзеровский П. К.* Указ. соч. С. 7, 13.
[41] *Бубнов А. [Д.]* Указ. соч. С. 46.
[42] *Кондзеровский П. К.* Указ. соч. С. 59.
[43] Там же. С. 20.
[44] *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 118.
[45] *Михайловский Г. Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. М., 1993. Кн. 1. С. 75–76.
[46] *Лодыженский А. А.* Воспоминания. Париж, 1984. С. 44, 49–51.
[47] *Knox A.* Op. cit. Vol. 1. P. 41.
[48] *Janen M.* Pad carismu a konec Ruske armady (moje misse na Rusi v letech 1916–1917). Praha, 1931. S. 11–12.
[49] Список офицеров Сербской службы, окончивших курс Николаевской академии Генерального штаба (ныне Императорской Николаевской Военной Академии) // ИИНВА. 1913. № 37. С. 146.
[50] *Самойло А. А.* Указ. соч. С. 147.
[51] *Бубнов А. [Д.]* Указ. соч. С. 29.
[52] *Самойло А. А.* Указ. соч. С. 142; *Knox A.* Op. cit. Vol. 1. P. 45.
[53] *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 121.
[54] Там же; *Knox A.* Op. cit. Vol. 1. P. 45.
[55] *Бубнов А. [Д.]* Указ. соч. С. 30.
[56] *Самойло А. А.* Указ. соч. С. 142.
[57] *Бубнов А. [Д.]* Указ. соч. С. 31; *Stone N.* Op. cit. P. 53.
[58] *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 112.
[59] *Кондзеровский П. К.* Указ. соч. С. 45.
[60] *Данилов Ю. Н.* Великий Князь... С. 13.
[61] *Данилов Ю. Н.* На пути к крушению. Очерки последнего периода российской монархии. С. 34–35.
[62] *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 125.
[63] *Бубнов А. [Д.]* Указ. соч. С. 20.
[64] *Лукомский А. С.* Указ. соч. Т. 1. С. 54.
[65] Голос Москвы. 5 (18) декабря 1914 г. № 280. С. 2.
[66] *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 128.
[67] *Данилов Ю. Н.* Россия в Мировой войне 1914–1915 годов. С. 109–110.
[68] *Палицын Ф. Ф.* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1922. Кн. 3. С. 168.
[69] *Лукомский А. С.* Указ. соч. Т. 1. С. 54.
[70] *Лемке М. К.* Указ. соч. С. 81.
[71] *Головин Н. Н.* Военные усилия... С. 320.
[72] *Керсновский А. А.* Указ. соч. Т. 3. С. 131.
[73] *Великий Князь Александр Михайлович.* Указ. соч. С. 139.
[74] *Друцкой-Соколинский В. А.* На службе Отечеству. Записки русского губернатора (1914–1918). Орел, 1994. С. 31.
[75] *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 189.
[76] *Друцкой-Соколинский В. А.* Указ. соч. С. 34.
[77] *Людендорф Э.* Указ. соч. Т. 1. С. 21.
[78] *Hunbary-Williams J.* The Emperor Nicholas II. As I knew him. L., 1922. P. 179.
[79] *Данилов Ю. Н.* Великий Князь... С. 116.

[80] *Игнатьев А. А.* 50 лет в строю. Т. 2. М., 1952. С. 107.

[81] *Данилов Ю. Н.* Россия в Мировой войне 1914–1915 годов. С. 252.

[82] *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 131–132.

[83] Там же. С. 138.

[84] *Бубнов А. [Д.]* Указ. соч. С. 12.

[85] *Zuber T.* The German war planning, 1891–1914. Sources and interpretations. Cambridge University Press, 2004. P. 167–173.

[86] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Golovin Papers, Box 15. Folder: General Postovskii's letters. June 22, 1923. L. 1.

[87] Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-5793. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 56–56 об.

[88] Отчет о веденной в ноябре и декабре 1905 г. Начальником Прусского Генерального штаба военной игре. С. 2.

[89] Там же. С. 3.

[90] ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 58–59 об.

[91] Крепости восточного фронта Германии. Дополнение к военно-политическому описанию (По данным к 1-му января 1914 г.). Главное управление Генерального штаба. СПб., 1914. С. 78, 80–81, 83.

[92] *Zuber T.* The German war planning... P. 134–135.

[93] Крепости восточного фронта Германии... С. 84–88.

[94] Там же. С. 1.

[95] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Golovin Papers, Box 15. Folder: General Postovskii's letters. June 2, 1923. L. 2.

[96] Отчет о веденной в ноябре и декабре 1905 г. Начальником Прусского Генерального штаба военной игре. С. 4–6.

[97] Там же. С. 8.

[98] *Данилов Ю. Н.* Великий Князь... С. 103.

[99] ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 2. Ед. хр. 7. Л. 27–28.

[100] *Поливанов А. А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916. М., 1924. Т. 1. С. 101.

[101] *Сухомлинов В. [А.]* Указ. соч. С. 236.

[102] *Данилов Ю. Н.* Россия в Мировой войне 1914–1915 годов. С. 101.

[103] *Данилов Ю. Н.* Великий Князь... С. 66.

[104] *Евсеев Н. [Ф.]* Августовское сражение 2-й русской армии в Восточной Пруссии (Танненберг) в 1914 г. М., 1936. С. 14.

[105] Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства // Под ред. П. Е. Щеголева. М., Л., 1927. Т. 7. С. 198.

[106] *Сухомлинов В. [А.]* Указ. соч. С. 238; *Данилов Ю. Н.* Россия в Мировой войне 1914–1915 годов. С. 102.

[107] *Doughty R. A.* France // War Planning 1914. Edited by R. F. Hamilton and H. H. Herwig. Cambridge University Press, 2010. P. 166.

[108] *Алпеев О. Е.* Германские стратегические военные игры 1905–1913 гг. в документах разведки русского Генерального штаба // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания. Материалы XX международной научной конференции. Москва. 31 января — 2 февраля 2008 г. Российский Государственный гуманитарный университет. Историко-архивный институт. Кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. М., 2008. Ч. 1. С. 163.

[109] *Суворов А. Н.* Военная игра старших войсковых начальников в апреле 1914 года // Военно-исторический сборник. Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. М., 1919. Вып. 1. С. 9–10, 15.

[110] *Алпеев О. Е.* Документы стратегических военных игр русского Генерального штаба 1906–1914 гг. в фондах Российского военно-исторического архива // Отечественные архивы. 2008. № 3. С. 43.

[111] *Данилов Ю. Н.* Россия в Мировой войне 1914–1915 годов. С. 101.

[112] *Суворов А. Н.* Указ. соч. // Военно-исторический сборник. Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. М., 1919. Вып. 1. С. 11–12.

[113] Там же. С. 10, 15–16.

[114] Там же. С. 14–15.

[115] *Головин Н. Н.* Из истории кампании 1914 г. на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. С. 42.

[116] *Суворов А. Н.* Указ. соч. // Военно-исторический сборник. Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. М., 1919. Вып. 1. С. 16, 21–24, 26.

[117] *Головин Н. Н.* Из истории кампании 1914 г. на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. С. 43.

[118] ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 422. Ед. хр. 8. Л. 2.

[119] *Евсеев Н. [Ф.]* Указ. соч. С. 15.

[120] *Gourko B.* Op. cit. P. 15.

Маневренный период войны — операции на германо-австрийском фронте: Галицийская битва и Восточно-Прусская операция

[1] *Пуанкаре Р.* Указ. соч. Кн. 1. С. 62.

[2] *Bezobrazov V. M.* Op. cit. P. 7.

[3] Восточно-Прусская операция... С. 81.

[4] *Добророльский С. К.* Стратегические планы сторон к началу мировой войны // ВС ОРВЗ. Белград, 1922. Кн. 2. С. 67.

[5] *Головин Н. Н.* Из истории кампании 1914 г. на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. С. 110.

[6] Восточно-Прусская операция... С. 549.

[7] *Верцинский Э. А.* Из мировой войны. Боевые записи и воспоминания командира полка и офицера Генерального штаба за 1914–1917 годы. Таллин, Ревель, 1931. С. 10.

[8] *Храмов Ф.* Восточно-Прусская операция 1914 г. Оперативно-стратегический очерк. М., 1940. С. 8.

[9] *[Борисов В. Е.]* Краткий стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Русский Фронт. М., 1918. Вып. 1. События с 19 июля по 1 сентября 1914 г. С. 33, 127–128.

[10] *Данилов Ю. Н.* Россия в Мировой войне 1914–1915 годов. С. 200.

[11] *Asprey R. B.* Op. cit. P. 52.

[12] *Bucholz A.* Op. cit. P. 267.

[13] *Шапошников Б. [М.]* Указ. соч. // Сборник статей по военному искусству. М., 1921. С. 20.

[14] *Kluck A. von.* Op. cit. P. 18.

[15] *Шапошников Б. [М.]* Указ. соч. // Сборник статей по военному искусству. М., 1921. С. 17.

[16] *Tuchman B. T.* Op. cit. P. 164, 173–174.

[17] *Asprey R. B.* Op. cit. P. 52–53.

[18] *Kennedy P.* The War Plans of the Great Powers... P. 145–146.

[19] *Полетика Н. П.* Указ. соч. С. 96–97.

[20] *Шапошников Б. [М.]* Указ. соч. // Сборник статей по военному искусству. М., 1921. С. 17, 19.

[21] *Пуанкаре Р.* Указ. соч. Кн. 1. С. 32, 40.

[22] *[Борисов В. Е.]* Указ. соч. Вып. 1. События с 19 июля по 1 сентября 1914 г. С. 26.

[23] Восточно-Прусская операция... С. 87.

[24] *Алексеева-Борель В. [М.]* Указ. соч. С. 327.

[25] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Golovin Papers, Box 12. Folder: Activity of the XV-th Army Corps in Oriental Prussia in 1914. L. 2.

[26] *Беннингсен Г. П.* 1-й пехотный Невский полк в Восточной Пруссии // ВБ. Париж, 1959. № 35. С. 14.

[27] *Р[озеншильд]-П[аулин] А[натолий].* Причины неудач II армии генерала Самсонова в Восточной Пруссии в августе 1914 г. // ВС ОРВЗ. Белград, 1923. Кн. 4. С. 156.

[28] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 8.

[29] *Knox A.* Op. cit. V. 1. P. 41.

[30] Восточно-Прусская операция... С. 80–81, 85, 87.

[31] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 5, 8.

[32] Восточно-Прусская операция... С. 79.

[33] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Golovin Papers, Box 12. Folder: Activity of the XV-th Army Corps in Oriental Prussia in 1914. L. 1.

[34] *Фукс В. [К.]* Краткий очерк операции Наревской армии генерала Самсонова в Восточной Пруссии в августе 1914 г. // ВС ОРВЗ. Белград, 1923. Кн. 4. С. 126.

[35] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Golovin Papers, Box 15. Folder: General Postovskii's letters. June 22, 1923. L. 2.

[36] Восточно-Прусская операция... С. 147.

[37] Там же. С. 157.

[38] *Joffre J.* Memoirs. L., 1932. Vol. 1. P. 157.

[39] *Пуанкаре Р.* Указ. соч. Кн. 1. С. 14.

[40] Там же. С. 55.

[41] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 8.

[42] *Hindenburg P.* Out of my life. N. Y., 1921. Vol. 1. P. 73; *Bucholz A.* Op. cit. P. 106.

[43] *Gourko B.* Op. cit. P. 32.

[44] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 6.

[45] *Керсновский А. А.* Указ. соч. Т. 3. С. 182.

[46] *Бубнов А. [Д.]* Указ. соч. С. 54.

[47] *Seeckt [H.] von.* Thoughts of a soldier. L., 1930. P. 53.

[48] *Kennedy P.* The rise and fall of the Great Powers... P. 278.

[49] Вооруженные силы Австро-Венгрии... СПб., 1912. Ч. 1. Организация, мобилизация и состав вооруженных сил. С. 6.

[50] *Червинка Я.* История, народность, политика и война. Этюды на современные темы // ВС. 1913. № 1. С. 104, 110–112.

[51] *Stone N.* Op. cit. P. 71, 125–126.

[52] Вооруженные силы Австро-Венгрии... СПб., 1912. Ч. 2. Боевая подготовка армии. С. 125.

[53] Там же. С. 126.

[54] Там же.

[55] Правительственный вестник. 2 (15) августа 1914 г. № 169. С. 1; Воззвание Верховного Главнокомандующего полякам // ИМИД. Пгр., 1914. № 5. С. 41.

[56] *Pares B.* My Russian memoirs. L., 1931. P. 272.

[57] Русский инвалид. 1 августа 1914 г. № 166. С. 1; Утро России. 2 августа 1914 г. № 178. С. 2.

[58] *Яхонтов А.* Совет министров Российской империи... С. 29.

[59] Утро России. 4 августа 1914 г. № 180. С. 1.

[60] *Pares B.* Op. cit. P. 272.

[61] Правительственный вестник. 5 (18) августа 1914 г. № 172. С. 5.

[62] Голос Москвы. 3 (17) августа 1914 г. № 178. С. 5.

[63] Правительственный вестник. 9 (22) августа 1914 г. № 176. С. 5.

[64] Правительственный вестник. 14 (27) августа 1914 г. № 181. С. 5.

[65] *Dmowski R.* Polityka polska i odbudowanie panstwa. Warszawa, 1925. S. 169.

[66] The Times History of War. Part 35. Vol. 3. April 20, 1915. P. 325.

[67] *Верцинский Э. А.* Указ. соч. С. 10–12.

[68] *Торнау С. А.* Указ. соч. С. 17.

[69] *Dmowski R.* Op. cit. S. 8.

[70] *Ш[апошников] Б.* Первые боевые шаги маршала Пилсудского // Военное дело. 1920. № 13 (77). С. 389.

[71] *Чернов В. М.* Перед бурей: воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 296–299.

[72] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 9 (22) сентября 1914 г. № 14363. С. 3; *Ш[апошников] Б.* Указ. соч. // Военное дело. 1920. № 13 (77). С. 390–391.

[73] Русский инвалид. 5 августа 1914 г. № 169. С. 1.

[74] *Дрейер В. Н. фон.* Указ. соч. С. 141.

[75] Русский инвалид. 17 августа 1914 г. № 178. С. 1.

[76] Там же.

[77] *Маковой П.* 14-й Пограничный Конный полк в 1914 году // ВБ. Париж, 1970. № 104. С. 22.

[78] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 18 (31) августа 1914 г. № 14319. С. 3; Утро России. 19 августа 1914 г. № 194. С. 3.

[79] *Сергеевский Б. Н.* Указ. соч. С. 104.

[80] Правительственный вестник. 2 (15) августа 1914 г. № 169. С. 4.

[81] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 9 (22) сентября 1914 г. № 14363. С. 3; Утро России. 1 июля 1915 г. № 179. С. 2.

[82] Правительственный вестник. 7 (20) февраля 1915 г. № 30. С. 3; Речь. 7 (20) февраля 1915 г. № 36 (3059). С. 3; Новое Время. 8 (21) февраля 1915 г. № 13977. С. 3.

[83] *Пуанкаре Р.* Указ. соч. Кн. 1. С. 56.

[84] Правительственный вестник. 5 (18) августа 1914 г. № 172. С. 1; Воззвание Верховного Главнокомандующего Русскому народу // ИМИД. Пгр., 1914. № 5. С. 42.

[85] *Степун Ф. [А.]* Из писем прапорщика-артиллериста. М., 1918. С. 15.

[86] *Лебедев В.* Чехословацкая политика царского правительства // Воля России. Прага, 1924. № 8–9. С. 209–210; *Драгомирецкий В. С.* Чехословаки в России 1914–1920. Париж, Прага, 1928. С. 12–14.

[87] Биржевые Ведомости. Экстренное прибавление к вечернему выпуску. 30 июля (12 августа) 1914 г. № 14281. С. 2.

[88] *Тхоржевский И. И.* Как Петербург стал Петроградом // Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 177–178.

[89] Утро России. 1 августа 1914 г. № 177. С. 4.

[90] Голос Москвы. 1 (14) августа 1914 г. № 176. С. 5.

[91] Голос Москвы. 9 (22) августа 1914 г. № 182. С. 4–5; Русские Ведомости. 9 августа 1914 г. № 182. С. 2; *Лебедев В.* Указ. соч. // Воля России. Прага, 1924. № 8–9. С. 209–210; *Драгомирецкий В. С.* Указ. соч. С. 14–16.

[92] Русские Ведомости. 9 августа 1914 г. № 182. С. 4; Правительственный вестник. 11 (24) августа 1914 г. № 178. С. 1.

[93] *Верцинский Э. А.* Указ. соч. С. 8–9.

[94] Правительственный вестник. 15 (28) августа 1914 г. № 182. С. 2.

[95] *Лебедев В.* Указ. соч. // Воля России. Прага, 1924. № 8–9. С. 209–210; *Драгомирецкий В. С.* Указ. соч. С. 14–16.

[96] *Брусилов А. А.* Указ. соч. С. 171.

[97] *Лебедев В.* Указ. соч. // Воля России. Прага, 1924. № 8–9. С. 211–212.

[98] Чехо-словацкий вопрос и царская дипломатия в 1914–1917 гг. // КА. М., Л., 1929. Т. 2 (33). С. 8–9.

[99] *Папоушек Я.* К истории борьбы за чехо-словацкую независимость // Воля России. Прага, 1928. № 10–11. С. 76.

[100] *Cornwall M.* Op. cit. P. 20; «Украинцы... могут сделаться честными австрийцами» // Военно-исторический журнал (далее — ВИЖ). 1997. № 3. С. 60.

[101] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 20 августа (2 сентября) 1914 г. № 14323. С. 2–3.

[102] *Hagen M. von.* War in a European borderland. Ocupations and occupation plans in Galicia and Ukraine, 1914–1918. University of Washington. 2007. P. 10.

[103] Речь. 8 (21) октября 1914 г. № 271 (2940). С. 3; 12 (25) октября 1914 г. № 275 (2944). С. 3.

[104] *Яси О.* Распад Габсбургской монархии. М., 2011. С. 32.

[105] Голос Москвы. 8 (21) октября 1914 г. № 231. С. 4.

[106] Речь. 16 (29) октября 1914 г. № 279 (2948). С. 2.

[107] *Головин Н. Н.* Из истории кампании 1914 года. Дни перелома Галицийской битвы (1–3 сентября нового стиля). Париж, 1940. С. 137.

[108] «Украинцы...» // ВИЖ. 1997. № 3 С. 58.

[109] Австро-Венгрия // Сборник ГУГШ. 1910. Вып. 14. С. 18.

[110] *Груловић Н.* Југословенси у рату и октобарској револуцији. Београд, 1962. С. 14, 19–20, 29.

[111] *Knox A.* Op. cit. V. 1. P. 225.

[112] *Sked A.* Op. cit. P. 261.

[113] Австро-Венгрия. Некоторые бытовые черты корпуса офицеров австро-венгерской армии // Сборник ГУГШ. 1912. Вып. 33. С. 10.

[114] *Червинка Я.* Указ. соч. // ВС. 1913. № 1. С. 114.

[115] *Beller S.* Op. cit. P. 220.

[116] *Liddell Hart B. H.* History of the First World War. L., 1992. P. 107.

[117] *Брухмюллер Г.* Германская артиллерия во время прорывов в мировой войне. М., 1923. С. 27–28.

[118] Австро-Венгрия. Тяжелая осадная артиллерия // Сборник ГУГШ. 1913. Вып. 45. С. 8–10; *Rothenberg. G. E.* Op. cit. P. 150.

[119] *Liddell Hart B. H.* Op. cit. P. 107.

[120] Studia i materialy do historii wojskowosci. T. XII. Czesc I. Warszawa, 1966. S. 239.

[121] Ibid. P. 242.

[122] *Liddell Hart B. H.* Op. cit. P. 107.

[123] Австро-Венгрия. Генералы австро-венгерской армии // Сборник ГУГШ. 1912. Вып. 36. С. 9.

[124] *Людендорф Э.* Указ. соч. Т. 1. С. 64–65.

[125] *Самойло А. А.* Указ. соч. С. 110.

[126] *Asprey R. B.* Op. cit. P. 37.

[127] *Kennedy P.* The rise and fall of the Great Powers... P. 281.

[128] *Asprey R.* Op. cit. P. 56.

[129] *Rothenberg. G. E.* Op. cit. P. 182.

[130] *Каширин В. Б.* Указ. соч. // Р. Сб. Т. 3. М.: Модест Колеров, 2006. С. 193.

[131] Правительственный вестник. 10 (23) августа 1914 г. № 177. С. 6.

[132] *Reiss R. A.* Report upon the atrocities committed by the Austro-Hungarian army during the first invasion of Serbia. L., 1916. P. 24–29, 30–146.

[133] *Яси О.* Указ. соч. С. 32.

[134] *Каширин В. Б.* Указ. соч. // Р. Сб. Т. 3. М.: Модест Колеров, 2006. С. 194.

[135] *Churchill W.* Op. cit. P. 131.

[136] Там же. С. 195–196.

[137] The Times History of War. Part 33. Vol. 3. April 6, 1915. P. 247; *Churchill W.* Op. cit. P. 131.

[138] *Liddell Hart B. H.* Op. cit. P. 109.

[139] *Коленковский А. [К.]* Маневренный период... С. 219; *Зайцов А. А.* Служба Генерального штаба. Нью-Йорк, 1961. С. 132.

[140] *Гренер В.* Указ. соч. С. 107.

[141] Там же. С. 108.

[142] *Stone N.* Op. cit. P. 76.

[143] Германский имперский архив... М., 1941. Т. 2. События на восточно-европейском театре. С. 23.

[144] Там же.

[145] Там же. С. 24.

[146] *Коленковский А. [К.]* Маневренный период... С. 75; *Kennedy P.* The War Plans of the Great Powers... P. 235; Knowing one's enemies. Intelligence assesment before the two world wars. Edited by Ernest R. May. Princeton, 1984. P. 38.

[147] *Knox A.* Op. cit. V. 1. P. 41; *Драгомиров В. [М.]* Краткий очерк военных действий русских армий в Галиции и Прислинском крае в августе 1914 г. // ВС ОРВЗ. Белград, 1922. Кн. 2. С. 135–136.

[148] *[Борисов В. Е.]* Указ. соч. Вып. 1. События с 19 июля по 1 сентября 1914 г. С. 36.

[149] *Драгомиров В. [М.]* Краткий очерк военных действий... // ВС ОРВЗ. Белград, 1922. Кн. 2. С. 144–146.

[150] *[Борисов В. Е.]* Указ. соч. Вып. 1. События с 19 июля по 1 сентября 1914 г. С. 34–35.

[151] *Зайцов А. А.* Служба... С. 136.

[152] *Самойло А. А.* Указ. соч. С. 110.

[153] Там же. С. 111.

[154] *Брусилов А. А.* Указ. соч. С. 74.

[155] *Шапошников Б. М.* Воспоминания... С. 283.

[156] *Андреев В.* Первый русский марш-маневр в Великую войну. Гумбинен и Марна. Париж, 1928. С. 6.

[157] *Алпеев О. Е.* На пути к Каннам. Планирование «похода в Восточную Пруссию» в штабе Варшавского военного округа (1872–1914) // Р. Сб. Т. 10. М.: Модест Колеров, 2011. С. 203–204.

[158] *[Борисов В. Е.]* Указ. соч. Вып. 1. События с 19 июля по 1 сентября 1914 г. С. 62.

[159] *Фукс В. [К.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1923. Кн. 4. С. 172.

[160] *Арнхольд В.* Коршен // Вестник общества русских ветеранов Великой войны (далее — ВОРВВВ). Сан-Франциско, 1960. № 216. С. 12.

[161] *Андреев В.* Указ. соч. С. 6.

[162] *[Борисов В. Е.]* Указ. соч. Вып. 1. События с 19 июля по 1 сентября 1914 г. С. 22.

[163] *Андреев В.* Указ. соч. С. 6.

[164] *Сливинский А.* Конный бой 10-й кавалерийской дивизии генерала графа Келлера 8 (21) августа 1914 года у д. Ярославице. Сербия, 1921. С. 4.

[165] *Rothenberg. G. E.* Op. cit. P. 180.

[166] *Сливинский А.* Указ. соч. С. 55–56.

[167] Там же. С. 15.

[168] Там же. С. 17, 20, 23.

[169] ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Ед. хр. 680. Л. 8–9.

[170] *Драгомиров В. [М.]* Замечания на книгу г. Данилова «Россия в Мировой войне» в отношении Галицийской операции // ВС ОРВЗ. Белград, 1925. Кн. 7. С. 122.

[171] Речь. 23 августа (5 сентября) 1914 г. № 225 (2894). С. 3.

[172] Утро России. 17 августа 1914 г. № 192. С. 7.

[173] Речь. 23 августа (5 сентября) 1914 г. № 225 (2894). С. 3.

[174] ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Ед. хр. 680. Л. 15–17.

[175] *Брусилов А. А.* Указ. соч. С. 77.

[176] ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Ед. хр. 680. Л. 18.

[177] Утро России. 17 авг. 1914 г. № 192. С. 7; Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 20 августа (2 сентября) 1914 г. № 14323. С. 2.

[178] *Брусилов А. А.* Указ. соч. С. 77.

[179] *Геруа Б. В.* Указ. соч. Т. 2. С. 16.

[180] Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем // КА. М., 1922. Т. 1. С. 216–218.

[181] *Драгомиров В. [М.]* Замечания на книгу г. Данилова... // ВС ОРВЗ. Белград, 1925. Кн. 7. С. 123.

[182] *Геруа Б. В.* Указ. соч. Т. 2. С. 16.

[183] Германский имперский архив... М., 1941. Т. 2. События на восточно-европейском театре. С. 30–31.

[184] *Churchill W.* Op. cit. P. 136.

[185] *Коленковский А. [К.]* Маневренный период... С. 218–219.

[186] Германский имперский архив... М., 1941. Т. 2. События на восточно-европейском театре. С. 33–34.

[187] Там же. С. 35.

[188] *Zuber T.* The real German war plan... P. 70–71.

[189] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 12–18.

[190] *Адариди К. [М.]* 27-я пехотная дивизия в боях 4 (17) августа 1914 г. под Сталупененом и 7 (20) августа под Гумбиненом // ВС ОРВЗ. Белград, 1929. Кн. 9. С. 163–164.

[191] *Дрейер В. Н. фон.* Указ. соч. С. 59.

[192] *Будберг А. П.* Гумбинен, 7 августа 1914 г. — 7 августа 1937 г. Забытый день русской славы. [Сан-Франциско, 1937.] С. 2.

[193] *Богданович П. Н.* Вторжение в Восточную Прусиию в августе 1914 года. Воспоминания офицера Генерального штаба армии генерала Самсонова. Буэнос-Айрес, 1964. С. 41.

[194] *Дрейер В. Н. фон.* Указ. соч. С. 59–60.

[195] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Golovin Papers, Box 14, Reminiscences, Officers, G. Mileant, Vospominaniia o prebyvanii v 1 arrmii v 1914 godu. May 1933. L. 1–2.

[196] *Булюбаш Е. [Г.]* Ренненкампф // Часовой. Париж, 1937. № 195. С. 17–18.

[197] Дрейер *В. Н. фон.* Указ. соч. С. 60; *Рябинин А. Н.* Записки старого офицера. О генерале П. К. фон Ренненкампфе. Моя служба под его начальством и о Гумбиненском сражении, как я его понимаю // Часовой. Париж, 1964. № 463. С. 16–17.

[198] Восточно-Прусская операция... С. 177.

[199] *Розеншильд-Паулин А. Н.* Из дневника и записок генерал-лейтенанта А. Н. Розеншильд-Паулина (1914–1916 гг.) // Военно-исторический вестник (далее — ВИВ). Париж, 1956. № 7. С. 35–37; *Адариди К. М.* 27-я пехотная дивизия под Сталлупененом и в сражении под Гумбиненом // ВИВ. Париж, 1964. № 23. С. 9–10.

[200] *Розеншильд-Паулин А. Н.* Указ. соч. // ВИВ. Париж, 1956. № 7. С. 35.

[201] *Андреев В.* Указ. соч. С. 11; *Будберг А. П.* Гумбинен... С. 2.

[202] *Гренер В.* Указ. соч. С. 120–122.

[203] Германский имперский архив... М., 1941. Т. 2. События на восточно-европейском театре. С. 43.

[204] *Керсновский А. А.* Указ. соч. Т. 3. С. 183.

[205] *Zuber T.* The real German war plan... P. 136–140.

[206] Германский имперский архив... М., 1941. Т. 2. События на восточно-европейском театре. С. 43.

[207] *Евсеев Н. [Ф.]* Указ. соч. С. 37.

[208] *Адариди К. М.* Указ. соч. // ВИВ. Париж, 1964. № 23. С. 11.

[209] *Успенский А. А.* На войне. Восточная Пруссия — Литва. Каунас, 1932. С. 31.

[210] Там же. С. 28.

[211] *Андреев В.* Указ. соч. С. 10.

[212] *Адариди К. [М.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1929. Кн. 9. С. 168.

[213] Восточно-Прусская операция... С. 184.

[214] *Успенский А. А.* Указ. соч. С. 32.

[215] Германский имперский архив... М., 1941. Т. 2. События на восточно-европейском театре. С. 58.

[216] Восточно-Прусская операция... С. 184.

[217] *Розеншильд-Паулин А. Н.* Указ. соч. // ВИВ. Париж, 1956. № 7. С. 39.

[218] *Головин Н. Н.* Из истории кампании 1914 г. на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. С. 121–122.

[219] *Адариди К. М.* Указ. соч. // ВИВ. Париж, 1964. № 23. С. 11.

[220] *Адариди К. [М.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1929. Кн. 9. С. 169–170.

[221] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Golovin Papers, Box 13. Folder: Letter Adaridi to Golovin, November 10, 1925. L. 1–2.

[222] *Гренер В.* Указ. соч. С. 123.

[223] *Андреев В.* Указ. соч. С. 16–18.

[224] Восточно-Прусская операция... С. 188.

[225] *Розеншильд-Паулин А. Н.* Указ. соч. // ВИВ. Париж, 1956. № 8. С. 7.

[226] Там же. С. 7.

[227] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 18–20; *Головин Н. Н.* Из истории кампании 1914 г. на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. С. 134–146.

[228] *Розеншильд-Паулин А. Н.* Указ. соч. // ВИВ. Париж, 1956. № 8. С. 8.

[229] *Андреев В.* Указ. соч. С. 27.

[230] *Розеншильд-Паулин А. Н.* Указ. соч. // ВИВ. Париж, 1956. № 8. С. 8.

[231] Там же. С. 9.

[232] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Golovin Papers, Box 13. Folder: Letter Adaridi to Golovin, November 10, 1925. L. 3.

[233] *[Борисов В. Е.]* Указ. соч. Вып. 1. События с 19 июля по 1 сентября 1914 г. С. 71–72.

[234] *Адариди К. М.* Указ. соч. // ВИВ. Париж, 1964. № 24. С. 8–10.

[235] *Успенский А. А.* Указ. соч. 1932. С. 47–49.

[236] Утро России. 7 сентября 1914 г. № 213. С. 4.

[237] Германский имперский архив... М., 1941. Т. 2. События на восточно-европейском театре. С. 69.

[238] *Будберг А. П.* Гумбинен... С. 6.

[239] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Nikolai D. Zarin, Box 1. Folder: Diary of an Ally written by Nicolas D. Zarin. Dedicated to my wife, children and future decsendants and for publication in historical and other works. Notes of World War 1 — started 31 of July 1914. L. 43.

[240] *Churchill W.* Op. cit. P. 176–180.

[241] Германский имперский архив... М., 1941. Т. 2. События на восточно-европейском театре. С. 70.

[242] *Евсеев Н. [Ф.]* Указ. соч. С. 42–43.

[243] *Будберг А. П.* Гумбинен... С. 6.

[244] *Головин Н. Н.* Из истории кампании 1914 г. на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. С. 146.

[245] *Адариди К. [М.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1929. Кн. 9. С. 174–184; *Будберг А. П.* Гумбинен... С. 7; *Епанчин Н. А.* Указ. соч. С. 407–408.

[246] Восточно-Прусская операция... С. 210.

[247] *Головин Н. Н.* Из истории кампании 1914 г. на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. С. 110.

[248] *Успенский А. А.* Указ. соч. С. 54.

[249] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Golovin Papers, Box 13. Folder: Letter Adaridi to Golovin, November 10, 1925. L. 5.

[250] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Nikolai D. Zarin, Box 1. Folder: Diary of an Ally written by Nicolas D. Zarin. Dedicated to my wife, children and future decsendants and for publication in historical and other works. Notes of World War 1 — started 31 of July 1914. L. 17.

[251] *Пономарченко В.* О Гумбиненском сражении // Часовой. Париж, 1964. № 456. С. 14.
[252] *Арнхольд В.* Указ. соч. // ВОРВВВ. Сан-Франциско, 1960. № 216. С. 15.
[253] *Плющевский-Плющик Ю. Н.* Мысли и впечатления // ВИВ. Париж, 1964. № 23. С. 4.
[254] *Gourko B.* Op. cit. P. 61.
[255] Восточно-Прусская операция... С. 251.
[256] *Евсеев Н. [Ф.]* Указ. соч. С. 61.
[257] *Gourko B.* Op. cit. P. 61.
[258] *Knox A.* Op. cit. Vol. 1. P. 60–61.
[259] Воспоминания полковника Желондковского об участии в действиях XV корпуса во время операции ген. Самсонова // ВС ОРВЗ. Белград, 1925. Кн. 7. С. 266.
[260] *Сапер.* Начало Великой войны. Операции 1-го Армейского корпуса в августе 1914 года. Бои под Сольдау (Воспоминания) // Часовой. Париж, 1930. № 43. С. 8.
[261] Восточно-Прусская операция... С. 251.
[262] *Гренер В.* Указ. соч. С. 108–109.
[263] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 21.
[264] *Гренер В.* Указ. соч. С. 118.
[265] *Евсеев Н. [Ф.]* Указ. соч. С. 27.
[266] *Сапер.* Начало Великой войны... // Часовой. Париж, 1930. № 43. С. 8.
[267] *Knox A.* Op. cit. V. 1. P. 57.
[268] *Флуг В. Е.* Высший командный состав. Характеристика русского высшего командного состава // ВОРВВВ. Сан-Франциско, 1937. № 130–132. С. 32.
[269] *Бучинский Ю. Ф.* Танненбергская катастрофа. Дневник участника боев в Восточной Пруссии в августе 1914 г., командира 2-го батальона 5-го пехотного Калужского Императора Вильгельма I-го полка. София, 1939. С. 9.
[270] Восточно-Прусская операция... С. 252.
[271] Воспоминания полковника Желондковского... // ВС ОРВЗ. Белград, 1925. Кн. 7. С. 269–272.
[272] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 21–22.
[273] Крепости восточного фронта Германии... С. 57.
[274] Германский имперский архив... М., 1941. Т. 2. События на восточно-европейском театре. С. 78–79.
[275] *Гренер В.* Указ. соч. С. 128.
[276] Германский имперский архив... М., 1941. Т. 2. События на восточно-европейском театре. С. 79–80.
[277] Крепости восточного фронта Германии... С. 5.
[278] Там же. С. 9.
[279] Там же. С. 10.
[280] *Churchill W.* Op. cit. P. 181.
[281] Германский имперский архив... М., 1941. Т. 2. События на восточно-европейском театре. С. 79.
[282] *Шапошников Б. [М.]* Указ. соч. // Сборник статей по военному искусству. М., 1921. С. 36, 38.
[283] *Гренер В.* Указ. соч. С. 18.
[284] *Bucholz A.* Op. cit. P. 221.
[285] Ibid. P. 265.
[286] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 11.
[287] *Gourko B.* Op. cit. P. 62.
[288] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 22.
[289] Восточно-Прусская операция... С. 258.
[290] *Hindenburg P.* Op. cit. Vol. 1. P. 99.
[291] *Asprey R. B.* Op. cit. P. 69–70.
[292] *Шапошников Б. [М.]* Указ. соч. // Сборник статей по военному искусству. М., 1921. С. 38.

[293] Германский имперский архив... М., 1941. Т. 2. События на восточно-европейском театре. С. 82.

[294] *Людендорф Э.* Указ. соч. Т. 1. С. 42.

[295] *Churchill W.* Op. cit. P. 185–186; *Tuchman B. T.* Op. cit. P. 280–285.

[296] Германский имперский архив... М., 1941. Т. 2. События на восточно-европейском театре. С. 83.

[297] *Людендорф Э.* Указ. соч. Т. 1. С. 43.

[298] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 23.

[299] *Евсеев Н. [Ф.]* Указ. соч. С. 56.

[300] Восточно-Прусская операция... С. 263.

[301] Отчет о веденной в ноябре и декабре 1905 г. Начальником Прусского Генерального штаба военной игре. С. 4–5.

[302] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Golovin Papers, Box 15. Folder: General Postovskii's letters. June 22, 1923. L. 3–4.

[303] *Алпеев О. Е.* Указ. соч. // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания. Материалы XX международной научной конференции. Москва. 31 января — 2 февраля 2008 г. Российский Государственный гуманитарный университет. Историко-архивный институт. Кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. М., 2008. Ч. 1. С. 163.

[304] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Golovin Papers, Box 15. Folder: General Postovskii's letters. June 22, 1923. P. 4–5; *Р[озеншильд]-П[аулин] А[натолий].* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1923. Кн. 4. С. 157; *Фукс В. [К.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1923. Кн. 4. С. 127–128; *Гасбах С. А.* Август Четырнадцатого (Трагедия 2-й русской армии под Сольдау) // Часовой. Париж, 1974. № 578. С. 4; *Артамонов Г. А.* Операция 1-го армейского корпуса генерала Л. К. Артамонова в августе 1914 года // ВИВ. Париж, 1975. № 45–46. С. 22.

[305] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Golovin Papers, Box 12. Folder: Activity of the XV-th Army Corps in Oriental Prussia in 1914. L. 6.

[306] Германский имперский архив... М., 1941. Т. 2. События на восточно-европейском театре. С. 85.

[307] *Евсеев Н. [Ф.]* Указ. соч. С. 105–106, 108.

[308] *Людендорф Э.* Указ. соч. Т. 1. С. 43.

[309] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 31–32.

[310] *Евсеев Н. [Ф.]* Указ. соч. С. 103.

[311] Восточно-Прусская операция... С. 515.

[312] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Golovin Papers, Box 15. Folder: General Postovskii's letters. June 22, 1923. L. 6.

[313] *Свечин М. [А.]* Указ. соч. С. 74.

[314] Восточно-Прусская операция... С. 274.

[315] *Фукс В. [К.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. 1923. Кн. 4. С. 132.

[316] Восточно-Прусская операция... С. 267, 277.

[317] *Сапер.* Начало Великой войны... // Часовой. Париж, 1930. № 44. С. 6.

[318] *Кпох А.* Op. cit. V. 1. P. 95; *Драгомиров В. [М.]* Краткий очерк военных действий... // ВС ОРВЗ. Белград, 1922. Кн. 2. С. 145.

[319] *Строков А. А.* Указ. соч. С. 242.

[320] *Драгомиров В. [М.]* Краткий очерк военных действий... // ВС ОРВЗ. Белград, 1922. Кн. 2. С. 146.

[321] *Баланин Д.* На боевых полях (Воспоминания участника Великой войны) // ВС. 1917. № 1. С. 37.

[322] Там же. С. 38.

[323] *Драгомиров В. [М.]* Замечания на книгу г. Данилова... // ВС ОРВЗ. Белград, 1925. Кн. 7. С. 126.

[324] *Милоданович Е. А.* Указ. соч. // ВБ. Париж. 1972. № 114. С. 5.

[325] *Баланин Д. [В.]* На боевых полях... // ВС. 1917. № 1. С. 43.
[326] *Милоданович Е. А.* Указ. соч. // ВБ. Париж, 1972. № 114. С. 5.
[327] *Mannerheim C. G. E.* Memoirs. N. Y., 1954. P. 80–83.
[328] *Гейсман П.* Указ. соч. // ВС. 1916. № 7. С. 35–36; *Драгомиров В. [М.]* Замечания на книгу г. Данилова... // ВС ОРВЗ. Белград, 1925. Кн. 7. С. 125.
[329] *[Борисов В. Е.]* Указ. соч. Вып. 1. События с 19 июля по 1 сентября 1914 г. С. 142–148; *Зайончковский А. М.* Мировая война 1914–1918 гг. М., 1938. Т. 1. С. 150; *Керсновский А. А.* Указ. соч. Т. 3. С. 204; *Баланин Д. [В.]* На боевых полях... // ВС. 1917. № 1. С. 43.
[330] *Баланин Д. [В.]* На боевых полях... // ВС. 1917. № 1. С. 52.
[331] *Баланин Д. [В.]* На боевых полях... // ВС. 1917. № 2. С. 32–33.
[332] Там же. С. 34.
[333] *Милоданович Е. А.* Указ. соч. // ВБ. Париж, 1972. № 114. С. 6.
[334] *Дрейер В. Н. фон.* Указ. соч. С. 111–112.
[335] *Шапошников Б. М.* Воспоминания... С. 215.
[336] *Баланин Д. [В.]* На боевых полях... // ВС. 1917. № 2. С. 35.
[337] *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 160.
[338] *Милоданович Е. А.* Указ. соч. // ВБ. Париж, 1972. № 114. С. 6.
[339] *Кондзеровский П. К.* Указ. соч. С. 36.
[340] *Баланин Д. [В.]* На боевых полях... // ВС. 1917. № 2. С. 36.
[341] *Милоданович Е. А.* Указ. соч. // ВБ. Париж, 1972. № 114. С. 6, 9.
[342] Там же. С. 6–7.
[343] *Алексеев М.* Военная разведка. Первая мировая война. М., 2001. Кн. III. Ч. 1. С. 170–171.
[344] *Белой А. [С.]* Выход из окружения 19-го Армейского корпуса у Томашова в 1914 г. М., 1937. С. 8.
[345] Там же. С. 7.
[346] *Милоданович Е. А.* Указ. соч. // ВБ. Париж, 1972. № 114. С. 8.
[347] Восточно-Прусская операция... С. 298.
[348] Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем // КА. М., 1922. Т. 1. С. 220.
[349] *Churchill W.* Op. cit. P. 162–163.
[350] *Knox A.* Op. cit. V. 1. P. 97; *Белой А. [С.]* Галицийская битва. М., Л., 1929. С. 141; *Белой А. [С.]* Выход из окружения... С. 73; *Churchill W.* Op. cit. P. 164–165; *Войтоловский Л.* Указ. соч. С. 10–11.
[351] *Головин Н. Н.* Из истории кампании 1914 года. Дни перелома Галицийской битвы (1–3 сентября нового стиля). С. 31.
[352] *Строков А. А.* Указ. соч. С. 243; *Сухомлинов В. [А.]* Указ. соч. С. 314; Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем // КА. М., 1922. Т. 1. С. 217.
[353] *Repington Ch. A.* The First World War. L., 1920. Vol. 1. P. 23.
[354] *Гренер В.* Указ. соч. С. 65.
[355] *Kluck A. von.* Op. cit. P. 77, 164.
[356] *Головин Н. Н.* Из истории кампании 1914 г. на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. С. 224–225.
[357] *Людендорф Э.* Указ. соч. Т. 1. С. 45; *Гренер В.* Указ. соч. С. 140–142; *Churchill W.* Op. cit. P. 202–205.
[358] Германский имперский архив... М., 1941. Т. 2. События на восточно-европейском театре. С. 103.
[359] *Tuchman B. T.* Op. cit. P. 292–293.
[360] *Churchill W.* Op. cit. P. 190.
[361] *Гренер В.* Указ. соч. С. 66.
[362] *Kluck A. von.* Op. cit. P. 77.
[363] *Gourko B.* Op. cit. P. 16, 34.
[364] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 23
[365] Восточно-Прусская операция... С. 221.

[366] Там же. С. 230.
[367] Там же. С. 277.
[368] Там же. С. 281.
[369] Там же. С. 228.
[370] Крепости восточного фронта Германии... С. 60, 65–66.
[371] Там же. С. 66.
[372] *[Борисов В. Е.]* Указ. соч. Вып. 1. События с 19 июля по 1 сентября 1914 г. С. 90.
[373] *Розеншильд-Паулин А. Н.* Указ. соч. // ВИВ. Париж, 1956. № 8. С. 14.
[374] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Nikolai D. Zarin, Box 1. Folder: Diary of an Ally written by Nicolas D. Zarin. Dedicated to my wife, children and future decsendants and for publication in historical and other works. Notes of World War 1 — started 31 of July 1914. L. 47–48.
[375] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 24.
[376] *Гренер В.* Указ. соч. С. 138.
[377] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 32.
[378] *Hoffman M.* Op. cit. Vol. 1. P. 41.
[379] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 34–35.
[380] *Р[озеншильд]-П[аулин] А[натолий].* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1923. Кн. 4. С. 155–156.
[381] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 27.
[382] *Churchill W.* Op. cit. P. 194.
[383] *Knox A.* Op. cit. V. 1. P. 58.
[384] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 29.
[385] *Патронов И. [Ф.]* Действия VI корпуса и главные причины неудачи II армии в Восточной Пруссии (По воспоминаниям и выводам участника) // ВС ОРВЗ. Белград, 1923. Кн. 4. С. 163.
[386] Там же. С. 164.
[387] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Golovin Papers, Box 15. Folder: General Postovskii's letters. June 22, 1923. L. 7–8.
[388] *Патронов И. [Ф.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград., 1923. Кн. 4. С. 165; *Гасбах С. А.* Указ. соч. // Часовой. Париж, 1974. № 578. С. 4.
[389] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 29.
[390] *Knox A.* Op. cit. V. 1. P. 72.
[391] *Бучинский Ю. Ф.* Указ. соч. С. 18.
[392] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 36–39; *Евсеев Н. [Ф.]* Указ. соч. С. 134.
[393] *Патронов И. [Ф.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1923. Кн. 4. С. 167.
[394] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 41–42.
[395] Там же. С. 44.
[396] *Сапер.* Начало Великой войны... // Часовой. Париж, 1930. № 45. С. 11.
[397] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Golovin Papers, Box 12. Folder: Activity of the XV-th Army Corps in Oriental Prussia in 1914. L. 2.
[398] *Патронов И. [Ф.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1923. Кн. 4. С. 172.
[399] *Мацылев С. [А.]* Из воспоминаний // Возрождение. Париж, 1954. № 35. С. 138–139.
[400] *Турчанинов Г.* Русские в Эфиопии // ВИВ. Париж, 1975. № 45–46. С. 11.
[401] *Мацылев С. [А.]* Указ. соч. // Возрождение. Париж, 1954. № 35. С. 136.
[402] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Vladimir Pavlovich Siialskii. Box 1. Accession number: 85057–29.03. Материалы к истории 3-й гвардейской пехотной дивизии. С 26 июля по 31 октября 1914-го года. L. 2.
[403] *Асташов А. Б.* Пропаганда на русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 349.
[404] Там же. С. 350.
[405] *Евсеев Н. [Ф.]* Указ. соч. С. 189–190.

[406] *Головин Н. Н.* Из истории кампании 1914 г. на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. С. 239.

[407] Восточно-Прусская операция... С. 601.

[408] *Головин Н. Н.* Из истории кампании 1914 г. на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. С. 239.

[409] *Сапер.* Начало Великой войны... // Часовой. Париж, 1930. № 45. С. 12.

[410] *Мацылев С. [А.]* Указ. соч. // Возрождение. Париж, 1954. № 35. С. 146.

[411] *Богданович П. Н.* Указ. соч. С. 144.

[412] Восточно-Прусская операция... С. 602.

[413] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Golovin Papers, Box 15. Folder: General Postovskii's letters. June 22, 1923. L. 9.

[414] *Сапер.* Бой 1-го Армейского корпуса под Нейденбургом. В Восточной Пруссии в августе 1914 года (Воспоминания) // Часовой. Париж, 1931. № 50. С. 6.

[415] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 45.

[416] Восточно-Прусская операция... С. 602.

[417] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 46

[418] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Golovin Papers, Box 12. Folder Activity of the XV-th Army Corps in Oriental Prussia. L. 15.

[419] Ibid. L. 5.

[420] Ibid. Box 15. Folder: General Postovskii's letters. June 22, 1923. L. 10.

[421] *Фукс В. [К.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1923. Кн. 4. С. 133; *Р[озеншильд]-П[аулин] А[натолий]*. Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1923. Кн. 4. С. 158, 160.

[422] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 48–52.

[423] Восточно-Прусская операция... С. 602.

[424] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Vladimir Pavlovich Siialskii. Box 1. Accession number: 85057–29.03. Материалы к истории 3-й гвардейской пехотной дивизии. С 26 июля по 31 октября 1914-го года. 15 (28) августа 1914 г. С. 2.

[425] *Евсеев Н. [Ф.]* Указ. соч. С. 199.

[426] Восточно-Прусская операция... С. 294.

[427] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Golovin Papers, Box 15. Folder: General Postovskii's letters. June 22, 1923. L. 9.

[428] *Богданович П. Н.* Указ. соч. С. 151.

[429] Восточно-Прусская операция... С. 272.

[430] Там же. С. 297.

[431] Там же. С. 296.

[432] *Knox A.* Op. cit. V. 1. P. 74.

[433] Восточно-Прусская операция... С. 556.

[434] *Богданович П. Н.* Указ. соч. С. 151, 219–222.

[435] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Golovin Papers, Box 15. Folder: General Postovskii's letters. June 22, 1923. L. 10–11.

[436] Восточно-Прусская операция... С. 557.

[437] *Gourko B.* Op. cit. P. 51.

[438] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 47.

[439] Восточно-Прусская операция... С. 230.

[440] Там же. С. 232.

[441] Там же. С. 304–305.

[442] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 57.

[443] Там же. С. 53, 57–59.

[444] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Golovin Papers, Box 15. Folder: General Postovskii's letters. June 22, 1923. L. 11.

[445] Ibid. Box 12. Folder Activity of the XV-th Army Corps in Oriental Prussia. L. 14.

[446] Восточно-Прусская операция... С. 557.

[447] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Golovin Papers, Box 15. Folder: General Postovskii's letters. June 22, 1923. L. 12.

[448] *Беннингсен Г. П.* Указ. соч. // ВБ. Париж, 1959. № 38. С. 4.

[449] Германский имперский архив... М., 1941. Т. 2. События на восточно-европейском театре. С. 150–151.

[450] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 61.

[451] Восточно-Прусская операция... С. 297.

[452] *Churchill W.* Op. cit. P. 208–209.

[453] *Беннингсен Г. П.* Указ. соч. // ВБ. Париж. 1959. № 38. С. 6.

[454] *Богданович П. Н.* Указ. соч. С. 224.

[455] *Фукс В. [К.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1923. Кн. 4. С. 144–145; *Р[озеншильд]-П[аулин] А[натолий]*. Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1923. Кн. 4. С. 160–161; Восточно-Прусская операция... С. 557–558.

[456] *Богданович П. Н.* Указ. соч. С. 227.

[457] *Беннингсен Г. П.* Указ. соч. // ВБ. Париж, 1959. № 38. С. 6.

[458] *Богданович П. Н.* Указ. соч. С. 228.

[459] *Беннингсен Г. П.* Указ. соч. // ВБ. Париж, 1959. № 38. С. 6.

[460] *Бучинский Ю. Ф.* Указ. соч. С. 36.

[461] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 65–67.

[462] Восточно-Прусская операция... С. 232.

[463] Там же. С. 605.

[464] *Сапер.* Бой 1-го Армейского корпуса под Нейденбургом... // Часовой. Париж, 1931. № 50. С. 6.

[465] Восточно-Прусская операция... С. 605.

[466] *Патронов И. [Ф.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1923. Кн. 4. С. 169.

[467] *Гасбах С. А.* Указ. соч. // Часовой. Париж, 1974. № 578. С.

[468] *Патронов И. [Ф.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1923. Кн. 4. С. 169–170.

[469] *Гасбах С. А.* Указ. соч. // Часовой. Париж, 1974. № 578. С. 5.

[470] Восточно-Прусская операция... С. 79.

[471] *Knox A.* Op. cit. V. 1. P. 82.

[472] Восточно-Прусская операция... С. 318.

[473] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Golovin Papers, Box 15. Folder: General Postovskii's letters. June 22, 1923. L. 13.

[474] Восточно-Прусская операция... С. 318.

[475] *Лясковский А.* Трагедия генерала Самсонова // Часовой. Париж, 1934. № 131–132. С. 10.

[476] Восточно-Прусская операция... С. 318.

[477] *Лясковский А.* Указ. соч. // Часовой. Париж, 1934. № 131–132. С. 11.

[478] Правительственный вестник. 25 октября (7 ноября) 1915 г. № 244. С. 4.

[479] *Лясковский А.* Указ. соч. // Часовой. Париж, 1934. № 131–132. С. 11.

[480] Правительственный вестник. 4 (17) ноября 1915 г. № 254. С. 4.

[481] Новое Время. 16 (29) ноября 1915 г. № 14256. С. 4; 18 ноября (1 декабря) 1915 г. № 14248. С. 6.

[482] Правительственный вестник. 19 ноября (2 декабря) 1915 г. № 268. С. 3; Речь. 19 ноября (2 декабря) 1915 г. № 319 (3342). С. 5.

[483] Новое Время. 18 ноября (1 декабря) 1915 г. № 14248. С. 6.

[484] Германский имперский архив... М., 1941. Т. 2. События на восточно-европейском театре. С. 173.

[485] *Hoffman M.* Op. cit. Vol. 1. P. 41.

[486] Восточно-Прусская операция... С. 460.

[487] *Hoffman M.* Op. cit. Vol. 1.

[488] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 69.

[489] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Golovin Papers, Box 12. Folder: Activity of the XV-th Army Corps in Oriental Prussia in 1914. L. 24–25.

[490] *Флуг В. [Е.]* Из воспоминаний о первой Великой войне // ВБ. Париж, 1957. № 26. С. 20.

[491] Восточно-Прусская операция... С. 559, 580; *Кондзеровский П. К.* Указ. соч. С. 47.

[492] *Прокопович.* Трагедия 2-й армии в 1914 году // Часовой. Париж, 1936. № 160–161. С. 11.

[493] *Кондзеровский П. К.* Указ. соч. С. 48.

[494] *Прокопович.* Указ. соч. // Часовой. Париж, 1936. № 160–161. С. 11; *Кондзеровский П. К.* Указ. соч. С. 49.

[495] Восточно-Прусская операция... С. 319.

[496] *Гренер В.* Указ. соч. С. 156.

[497] Восточно-Прусская операция... С. 321.

[498] *Hunbary-Williams J.* Op. cit. P. 4.

[499] Ibid. P. 12.

[500] *Knox A.* Op. cit. Vol. 1. P. 90.

[501] *Пуанкаре Р.* Указ. соч. Кн. 1. С. 119.

[502] Утро России. 22 августа 1914 г. № 197. С. 3.

[503] *Joffre J.* Op. cit. Vol. 1. P. 222.

[504] *Зайончковский А. М.* Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 135.

[505] *Knox A.* Op. cit. Vol. 1. P. 47.

[506] Ibid. P. 91.

[507] *Stone N.* Op. cit. P. 49.

[508] Отчет о веденной в ноябре и декабре 1905 г. Начальником Прусского Генерального штаба военной игре. С. 20.

[509] *Зайончковский А. М.* Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 103.

[510] *Asprey R.* Op. cit. P. 99.

[511] *Драгомиров В. [М.]* Замечания на книгу г. Данилова... // ВС ОРВЗ. Белград, 1925. Кн. 7. С. 130.

[512] *Кондзеровский П. К.* Указ. соч. С. 42.

[513] *Бубнов А. [Д.]* Указ. соч. С. 87.

[514] *[Борисов В. Е.]* Указ. соч. М., 1919. Вып. 2. События с 1 сентября по 11 ноября 1914 г. С. 6–9.

[515] *Bezobrazov V. M.* Op. cit. P. 10.

[516] *Торнау С. А.* Указ. соч. С. 17.

[517] *Bezobrazov V. M.* Op. cit. P. 10.

[518] *Зайцов А. [А.]* Семеновцы в 1914 году. Гельсингфорс, 1936. С. 7.

[519] *Mannerheim C. G. E.* Op. cit. P. 83–84.

[520] *Головин Н. Н.* Из истории кампании 1914 года. Дни перелома Галицийской битвы (1–3 сентября нового стиля). С. 52–53.

[521] *Торнау С. А.* Указ. соч. С. 20.

[522] *Шапошников Б. М.* Воспоминания... С. 215.

[523] *Головин Н. Н.* Из истории кампании 1914 года. Дни перелома Галицийской битвы (1–3 сентября нового стиля). С. 55.

[524] *Алексеева-Борель В. [М.]* Указ. соч. С. 347; *Головин Н. Н.* Из истории кампании 1914 года. Дни перелома Галицийской битвы (1–3 сентября нового стиля). С. 114.

[525] *Милоданович Е. А.* Указ. соч. // ВБ. Париж, 1972. № 114. С. 7–9.

[526] *Рябинский А.* Суходолы // ВБ. Париж, 1967. № 84. С. 32–34.

[527] *Торнау С. А.* Указ. соч. С. 29.

[528] *Зайцов А. [А.]* Семеновцы в 1914 году. С. 13.

[529] *Торнау С. А.* Указ. соч. С. 29.

[530] *Зайцов А. [А.]* Семеновцы в 1914 году. С. 15.

[531] *Ходнев Д.* Указ. соч. С. 5, 16, 18.

[532] *Милоданович Е. А.* Указ. соч. // ВБ. Париж, 1972. № 114. С. 7–9.
[533] *Сухомлинов В. [А.]* Указ. соч. С. 276.
[534] *Knox A.* Op. cit. V. 1. P. 96.
[535] *Головин Н. Н.* Из истории кампании 1914 года. Дни перелома Галицийской битвы (1–3 сентября нового стиля). С. 28.
[536] *Драгомиров В. [М.]* Краткий очерк военных действий... // ВС ОРВЗ. Белград, 1922. Кн. 2. С. 149.
[537] Там же. С. 148.
[538] *Головин Н. Н.* Из истории кампании 1914 года. Дни перелома Галицийской битвы (1–3 сентября нового стиля). С. 28.
[539] *Коленковский А. [К.]* Маневренный период... С. 243.
[540] Там же. С. 244–245, 247.
[541] ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Ед. хр. 680. Л. 40.
[542] *Драгомиров В. [М.]* Замечания на книгу г. Данилова... // ВС ОРВЗ. Белград, 1925. Кн. 7. С. 136.
[543] *Головин Н. Н.* Из истории кампании 1914 года. Дни перелома Галицийской битвы (1–3 сентября нового стиля). С. 128.
[544] *Зайончковский А. М.* Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 188.
[545] *Churchill W.* Op. cit. P. 166; *Коленковский А. [К.]* Маневренный период... С. 248.
[546] *Белой А. [С.]* Галицийская битва. С. 214.
[547] *Брусилов А. А.* Указ. соч. С. 84; *Головин Н. Н.* Из истории кампании 1914 года. Дни перелома Галицийской битвы (1–3 сентября нового стиля). С. 166; *Сергиевский Б. В.* Воспоминания. Нью-Йорк, 1975. С. 25–26.
[548] *Щербачев Д. Г.* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1929. Кн. 10. С. 127.
[549] *Брусилов А. А.* Указ. соч. С. 68; *Stone N.* Op. cit. P. 89.
[550] *Гейден Д. Ф.* Записки графа Д. Ф. Гейдена. 1914–1917 гг. // ВИВ. Париж, 1971. № 37. С. 15–16.
[551] *Щербачев Д. Г.* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1930. Кн. 11. С. 149.
[552] Воззвание Верховного Главнокомандующего Русскому народу // ИМИД. Пгр., 1914. № 5. С. 42.
[553] *Щербачев Д. Г.* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1929. Кн. 10. С. 128.
[554] *Лемке М. К.* Указ. соч. С. 79.
[555] The Times History of War. Part 33. Vol. 3. April 6, 1915. P. 256.
[556] *Брусилов А. А.* Указ. соч. С. 92.
[557] *Ронжин С. А.* Указ. соч. С. 144.
[558] *Поповић Н.* Односи Србије и Русије у Првом Светском рату. Београд, 1977. С. 121.
[559] Утро России. 11 августа 1914 г. № 186. С. 1.
[560] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 11 (24) августа 1914 г. № 13305. С. 1.
[561] Русский инвалид. 12 августа 1914 г. № 174. С. 1.
[562] Утро России. 13 августа 1914 г. № 188. С. 2.
[563] Русские Ведомости. 15 августа 1914 г. № 187. С. 3.
[564] Утро России. 15 августа 1914 г. № 190. С. 2.
[565] Утро России. 16 августа 1914 г. № 191. С. 1.
[566] Там же.
[567] Утро России. 17 августа 1914 г. № 192. С. 3.
[568] Русский инвалид. 19 августа 1914 г. № 179. С. 1; Голос Москвы. 19 августа (1 сентября) 1914 г. № 189. С. 4.
[569] Голос Москвы. 21 августа (3 сентября) 1914 г. № 191. С. 2.
[570] Русские Ведомости. 20 августа 1914 г. № 190. С. 2.
[571] *Верцинский Э. А.* Указ. соч. С. 12.
[572] Утро России. 20 августа 1914 г. № 195. С. 2.
[573] Утро России. 22 августа 1914 г. № 197. С. 2.
[574] Утро России. 20 августа 1914 г. № 195. С. 3.

[575] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 19 августа (1 сентября) 1914 г. № 14231. С. 1.

[576] Речь. 19 августа (1 сентября) 1914 г. № 221 (2890). С. 1.

[577] Русские Ведомости. 20 августа 1914 г. № 190. С. 2.

[578] *Джунковский В. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 404.

[579] Русский инвалид. 21 августа 1914 г. № 181. С. 1; Русское военное обозрение. Война (Официальные документы войны) // ВС. 1914. № 12. С. 222.

[580] Русский инвалид. 23 августа 1914 г. № 183. С. 1.

[581] Австро-Венгрия. Военно-статистическое описание. Главное Управление Генерального Штаба (Издание отдела генерал-квартирмейстера). Пгр., 1915. Ч. 1. Восточно-Галицийский район. С. 164.

[582] Русские Ведомости. 22 августа 1914 г. № 192. С. 4.

[583] Утро России. 21 августа 1914 г. № 196. С. 3; 23 августа 1914 г. № 198. С. 2; 24 августа 1914 г. № 199. С. 3; 25 августа 1914 г. № 200. С. 2–3; Русские Ведомости. 25 августа 1914 г. Экстренное прибавление к № 194. С. 2; 26 августа № 195. С. 4; The Times History of War. Part 33. Vol. 3. April 6, 1915. P. 256–257; Дневники Николая II. С. 482; *Джунковский В. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 404.

[584] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 2 (15) сентября 1914 г. № 14349. С. 1.

[585] Речь. 22 августа (4 сентября) 1914 г. № 224 (2893). С. 1.

[586] Голос Москвы. 22 августа (4 сентября) 1914 г. № 192. С. 1.

[587] *Lockhart R. H. B.* Op. cit. P. 98.

[588] Правительственный вестник. 22 августа (4 сентября) 1914 г. № 189. С. 3.

[589] *Строков А. А.* Указ. соч. С. 244.

[590] *Брусилов А. А.* Указ. соч. С. 85.

[591] Русский инвалид. 26 августа 1914 г. № 185. С. 1; The Times History of War. Part 33. Vol. 3. April 6, 1915. P. 252; Постижение военного искусства. Идейное наследие А. Свечина. М., 1999. С. 437.

[592] *Зайончковский А. М.* Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 188.

[593] *Гренер В.* Указ. соч. С. 165.

[594] *Брусилов А. А.* Указ. соч. С. 86.

[595] *Коленковский А. [К.]* Маневренный период... С. 253.

[596] The Times History of War. Part 33. Vol. 3. April 6, 1915. P. 264–265.

[597] *Белой А. [С.]* Галицийская битва. С. 216.

[598] *Коленковский А. [К.]* Маневренный период... С. 254–255.

[599] *Зайончковский А. М.* Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 151; *Милоданович Е. А.* Указ. соч. // ВБ. Париж, 1972. № 114. С. 8.

[600] *Ходнев Д.* Указ. соч. С. 20.

[601] *Глиндский В. П.* Указ. соч. С. 9.

[602] The Times History of War. Part 33. Vol. 3. April 6, 1915. P. 258.

[603] *Ходнев Д.* Указ. соч. С. 20.

[604] *Коленковский А. [К.]* Маневренный период... С. 258.

[605] *Гейден Д. Ф.* Указ. соч. // ВИВ. Париж, 1971. № 38. С. 8–9.

[606] *Зайончковский А. М.* Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 190.

[607] *Гейден Д. Ф.* Указ. соч. // ВИВ. Париж, 1971. № 38. С. 10.

[608] *Зайончковский А. М.* Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 194.

[609] *Гейден Д. Ф.* Указ. соч. // ВИВ. Париж, 1971. № 38. С. 10.

[610] The Times History of War. Part 33. Vol. 3. April 6, 1915. P. 265.

[611] *Bezobrazov V.* M. Op. cit. P. 12.

[612] *Глиндский В. П.* Указ. соч. С. 6–7, 11.

[613] *Зайончковский А. М.* Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 199–201; *Коленковский А. [К.]* Маневренный период... С. 259; *Строков А. А.* Указ. соч. С. 244.

[614] *Щербачев Д. Г.* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1930. Кн. 11. С. 153–155.

[615] *Зайончковский А. М.* Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 195.

[616] *Брусилов А. А.* Указ. соч. С. 97; *Churchill W.* Op. cit. P. 172.
[617] *Гейден Д. Ф.* Указ. соч. // ВИВ. Париж, 1971. № 38. С. 10.
[618] *Stone N.* Op. cit. P. 90.
[619] The Times History of War. Part 33. Vol. 3. April 6, 1915. P. 266.
[620] Ibid. P. 270–272.
[621] *Гренер В.* Указ. соч. С. 166.
[622] *Войтоловский Л.* Указ. соч. С. 19.
[623] *Зайончковский А. М.* Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 203; *Строков А. А.* Указ. соч. С. 245.
[624] *Кпох А.* Op. cit. Vol. 1. P. 139.
[625] *Коленковский А. [К.]* Маневренный период... С. 261.
[626] *Зайцов А. [А.]* Семеновцы в 1914 году. С. 32–33.
[627] Русский инвалид. 7 сентября 1914 г. № 196. С. 1; 10 сенября 1914 г. № 198. С. 1; 11 сентября 1914 г. № 199. С. 1.
[628] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 10 (23) сентября 1914 г. № 14365. С. 2.

Организация военной администрации в Восточной Галиции

[1] Правительственный вестник. 4 (17) сентября 1914 г. № 202. С. 1; Воззвание Верховного Главнокомандующего к народам Австро-Венгрии // ИМИД. Пгр., 1914. № 6. С. 3; *Яхонтов А.* Первый год войны (июль 1914 — июль 1915 г.)... // Русское прошлое. СПб., 1996. № 7. С. 285.
[2] Австро-Венгрия. Военно-статистическое описание... Пгр., 1915. Ч. 1. Восточно-Галицийский район. С. 136, 143.
[3] Правительственный вестник. 4 (17) сентября 1914 г. № 202. С. 1.
[4] Положение о Полевом управлении войск в военное время. С. 2.
[5] Утро России. 23 августа 1914 г. № 198. С. 2.
[6] *Гейден Д. Ф.* Указ. соч. // ВИВ. Париж, 1971. № 38. С. 7.
[7] *Клопова М.* Защита на Днестре и Сане. «Русское движение» и его судьба накануне Первой мировой войны // Родина. 2010. № 3. С. 88.
[8] Там же. С. 90–91.
[9] Австро-Венгрия. Военно-статистическое описание... Пгр., 1915. Ч. 1. Восточно-Галицийский район. С. 151.
[10] Правительственный вестник. 4 (17) сентября 1914 г. № 202. С. 1.
[11] Правительственный вестник. 30 августа (12 сентября) 1914 г. № 197. С. 1; Утро России. 16 сентября 1914 г. № 222. С. 2; Русский инвалид. 18 сентября 1914 г. № 205. С. 5.
[12] *Гейден Д. Ф.* Указ. соч. // ВИВ. Париж, 1971. № 38. С. 7.
[13] Русский инвалид. 18 сентября 1914 г. № 205. С. 5.
[14] Правительственный вестник. 10 (23) октября 1914 г. № 238. С. 4.
[15] *Cornwall M.* Op. cit. P. 20; «Украинцы...» // ВИЖ. 1997. № 3. С. 60.
[16] Австро-Венгрия. Военно-статистическое описание... Пгр., 1915. Ч. 1. Восточно-Галицийский район. С. 161.
[17] Там же. С. 162.
[18] Русский инвалид. 18 сентября 1914 г. № 205. С. 5.
[19] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 28 сентября (11 октября) 1914 г. № 14401. С. 2; Речь. 3 (16) октября 1914 г. № 266. (2935). С. 3; Утро России. 8 октября 1914 г. № 244. С. 2.
[20] Правительственный вестник. 12 (25) октября 1914 г. № 240. С. 3.
[21] Русская Галиция и «мазепинство». М., 2005. С. 213.

[22] Речь. 6 (19) января 1915 г. № 5 (3028). С. 4.

[23] Русская Галиция и «мазепинство». С. 225.

[24] *Шевченко К. В.* Русины и межвоенная Чехословакия. К истории этнокультурной инженерии. М., 2006. С. 85.

[25] *Вавpик В. Р.* Терезин и Талергоф. К 50-летней годовщине трагедии галицко-русского народа. Б. м., 1966. С. 9.

[26] Русская Галиция и «мазепинство». С. 279–280.

[27] Австро-Венгрия. Военная подготовка населения // Сборник ГУГШ. 1914. Вып. 58. С. 44–45.

[28] Австро-Венгрия. Военная подготовка в Галиции // Сборник ГУГШ. 1914. Вып. 62. С. 26–27.

[29] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., Л., 1935. Т. 6. Ч. 1 (5 августа 1914 г. — 13 января 1915 г.). С. 334–337.

[30] Австро-Венгрия. Военная подготовка в Галиции // Сборник ГУГШ. 1914. Вып. 62. С. 26–27.

[31] *Сергиевский Б. В.* Указ. соч. С. 19.

[32] Речь 2 (15) ноября 1914 г. № 296 (2965). С. 2.

[33] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Nikolai D. Zarin, Box 1. Folder: Diary of an Ally written by Nicolas D. Zarin. Dedicated to my wife, children and future decsendants and for publication in historical and other works. Notes of World War 1 — started 31 of July 1914. L. 227.

[34] Утро России. 16 сентября 1914 г. № 222. С. 2.

[35] Там же.

[36] Там же.

[37] *Гейден Д. Ф.* Указ. соч. // ВИВ. Париж, 1971. № 37. С. 13.

[38] *Оськин Д.* Указ. соч. С. 181; *Половцов П. А.* Дни затмения (Записки Главнокомандующего войсками Петроградского Военного Округа генерала П. А. Половцова в 1917 г.). Париж, б. д. С. 6; *Валь Э. Г. фон.* Кавалерийские обходы генерала Каледина 1914–1915 гг. Таллин, 1933. С. 40.

[39] *Арсеньев А. [А.]* Кавказская Туземная конная дивизия // ВИВ. Париж, 1958. № 12. С. 8.

[40] *Максимович С. В.* Воспоминания о службе в штабе Кавказской Конной Туземной дивизии // ВБ. Париж, 1968. № 93. С. 21.

[41] Там же. С. 22.

[42] *Немирович-Данченко [А.]* Сторожевое охранение // ВБ. Париж, 1956. № 21. С. 17.

[43] *Марков А. Л.* В Ингушском конном полку (Кавказская конная Туземная дивизия). М., 1997. С. 59.

[44] Там же. С. 80.

[45] *Торнау С. А.* Указ. соч. С. 30.

[46] Русский инвалид. 30 ноября 1914 г. № 276. С. 3.

[47] *Washburn S.* Op. cit. Vol. 1. P. 64, 84; также см.: *Pares B.* Op. cit. P. 272.

[48] Русская Галиция и «мазепинство». С. 286–288.

[49] Отчет о деятельности жандармского управления военного генерал-губернаторства Галиции с 25 ноября 1914 года по 4 июня 1915 года. Киев, 1915. С. 8.

[50] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 11 (24) сентября 1914 г. № 14367. С. 4.

[51] Отчет о деятельности жандармского управления... С. 8.

[52] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., Л., 1935. Т. 6. Ч. 2 (5 августа 1914 г. — 13 января 1915 г.). С. 70.

[53] Ставка и министерство иностранных дел // КА. М., Л., 1928. Т. 1 (26). С. 1.

[54] Там же.

[55] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., Л., 1935. Т. 6. Ч. 1 (5 августа 1914 г. — 13 января 1915 г.). С. 338.

[56] *Лодыженский А. А.* Указ. соч. С. 45.

[57] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., Л., 1935. Т. 6. Ч. 1 (5 августа 1914 г. — 13 января 1915 г.). С. 337.

[58] Отчет о деятельности жандармского управления... С. 2–3.

[59] Австро-Венгрия. Военно-статистическое описание... Пгр., 1915. Ч. 1. Восточно-Галицийский район. С. 138.

[60] Правительственный вестник. 5 (18) декабря 1914 г. № 294. С. 2.

[61] Утро России. 14 ноября 1914 г. № 281. С. 4.

[62] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Fedor Petrovich Rerberg, Box 1. Folder: Десятый Армейский корпус на полях сражений в течение первого периода кампании Великой войны 1914–1918 гг. Воспоминания о «Великой войне» начальника штаба X-го Армейского корпуса. Л. 219.

[63] Утро России. 15 ноября 1914 г. № 282. С. 1.

[64] Речь. 2 (15) ноября 1914 г. № 265 (2934). С. 2.

[65] Правительственный вестник. 11 (24) октября 1914 г. № 239. С. 2.

[66] Утро России. 20 ноября 1914 г. № 287. С. 1.

[67] Голос Москвы. 4 (17) ноября 1914 г. № 254. С. 2.

[68] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 11 (24) сентября 1914 г. № 14367. С. 4.

[69] *Бахтурина А. Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000. С. 80–81, 104–105.

[70] Правительственный вестник. 19 ноября (2 декабря) 1914 г. № 278. С. 4.

[71] Речь. 23 октября (5 ноября) 1914 г. № 286 (2955). С. 4.

[72] Голос Москвы. 4 (17) ноября 1914 г. № 254. С. 2.

[73] Утро России. 15 ноября 1914 г. № 282. С. 1.

[74] *Бахтурина А. Ю.* Указ. соч. С. 105.

[75] Особые журналы Совета министров Российской империи. 1915 год. М., 2008. С. 53.

[76] *Снесарев А. Е.* Письма с фронта: 1914–1917. М., 2012. С. 93–94.

[77] Речь. 7 (20) октября 1914 г. № 270 (2939). С. 2.

[78] Отчет о деятельности жандармского управления... С. 8.

[79] *Гейден Д. Ф.* Указ. соч. // ВИВ. Париж, 1971. № 37. С. 13

[80] Отчет о деятельности жандармского управления... С. 6–8.

[81] Утро России. 2 октября 1914 г. № 238. С. 2.

[82] Отчет о деятельности жандармского управления... С. 7.

[83] *Hagen M. von.* Op. cit. P. 38.

[84] Утро России. 9 февраля 1917 г. № 40. С. 7.

[85] Утро России. 18 марта 1917 г. № 74. С. 4.

[86] Дело задержанного в плену о. Рыжкова и освобождение графа Шептицого // Вестник Временного Правительства. 14 (27) мая 1917 г. № 54 (100). С. 3.

[87] Отчет о деятельности штаба временного военного генерал-губернатора Галиции в период времени с 29 августа 1914 года по 1 июля 1915 года. Киев, 1916. С. 12–13. Приложение № 17.

Завершение битвы в Восточной Пруссии, Варшавско-Ивангородская и Лодзинская операции

[1] *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 197.

[2] Там же.

[3] *Кирилин Ф.* Указ. соч. С. 11.

[4] *Лемке М. К.* Указ. соч. С. 79.

[5] *Сухомлинов В. [А.]* Указ. соч. С. 95.

[6] *Брусилов А. А.* Указ. соч. С. 67.

[7] *Бубнов А. [Д.]* Указ. соч. С. 88.

[8] Русский инвалид. 20 августа 1914 г. № 180. С. 1; Утро России. 21 августа 1914 г. № 196. С. 2.

[9] Восточно-Прусская операция... С. 307.

[10] Германский имперский архив... М., 1941. Т. 2. События на восточно-европейском театре. С. 194.

[11] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 72–75, 78.

[12] Германский имперский архив... М., 1941. Т. 2. События на восточно-европейском театре. С. 196.

[13] Восточно-Прусская операция... С. 328.

[14] Там же. С. 329.

[15] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Golovin Papers, Box 14, Reminiscences, Officers, G. Mileant, Vospominaniia o prebyvanii v 1 arrmii v 1914 godu. May 1933. L. 3–4.

[16] Восточно-Прусская операция... С. 343–344.

[17] *Р.* Константин Константинович Байов. Некролог // Военное дело. 1920. № 1 (65). С. 26.

[18] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Golovin Papers, Box 14, Reminiscences, Officers, G. Mileant, Vospominaniia o prebyvanii v 1 arrmii v 1914 godu. May 1933. L. 7–8.

[19] Отчет о веденной в ноябре и декабре 1905 г. Начальником Прусского Генерального штаба военной игре. С. 6.

[20] *Алексеев М.* Указ. соч. Т. III. С. 41–42.

[21] *Шельтинга Ю.* Действие морских сил Рижского залива в 1914–1916 гг. (По материалам б. Морискома) // МС. 1926. № 3. С. 17.

[22] *Новосильцев П.* Заметки о боевой деятельности миноносцев во время войны 1914–1918 гг. на Балтийском море (По воспоминаниям и архивным материалам Морской Исторической Комиссии) // МС. 1922. № 1–2. С. 29.

[23] *[Новосильцев П.]* Авария германского крейсера «Магдебург» у острова Оденсхольм в ночь на 13-е августа 1914 г. По личным воспоминаниям и документам Морской Исторической Комиссии // МС. 1921. № 1–2. С. 8.

[24] *Рерберг Ф. П.* Исторические тайны великих побед и необъяснимых поражений. Записки участника русско-японской войны 1904–1905 гг., члена военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны 1906–1909 гг. Мадрид, 1967. С. 66.

[25] *Петровский В.* Закупорочные операции // МС. 1936. № 7. С. 4–6.

[26] *Томашевич А.* Подводные лодки в операциях русского флота на Балтийском море в начальный период империалистической войны // МС. 1937. № 3. С. 36.

[27] *Петровский В.* Указ. соч. // МС. 1936. № 7. С. 8.

[28] *Венигер.* Операции на Балтийском море в первое полугодие мировой войны // ВиМ. Берлин, 1924. № 17. С. 141.

[29] *Томашевич А.* Указ. соч. // МС. 1937. № 3. С. 40.

[30] Русские Ведомости. 22 июля 1914 г. № 167. С. 3.

[31] Правительственный вестник. 6 (19) августа 1914 г. № 173. С. 6.

[32] *Венигер.* Указ. соч. // ВиМ. Берлин, 1924. № 17. С. 142–143.

[33] *Новосильцев П.* Указ. соч. // МС. 1922. № 1–2. С. 30.

[34] *Петровский В.* Указ. соч. // МС. 1936. № 7. С. 6.

[35] *[Новосильцев П.]* Указ. соч. // МС. 1921. № 1–2. С. 9.

[36] Там же. С. 11.

[37] Русские Ведомости. 16 августа 1914 г. Экстренное прибавление к № 187. С. 1.

[38] *[Новосильцев П.]* Указ. соч. // МС. 1921. № 1–2. С. 13.

[39] *Черномор.* Указ. соч. С. 87–90; *Дудоров [Б. П.]* Указ. соч. // МЗ. 1960. № 1. С. 56.

[40] Восточно-Прусская операция... С. 337.

[41] *Бубнов А. [Д.]* Указ. соч. С. 56; *Ролльман Г.* Война на Балтийском море. 1915 год. М., 1935. С. 333.

[42] *Гренер В.* Указ. соч. С. 168.

[43] *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918. Helsinki, 1997. P. 265–267.

[44] *Венигер.* Указ. соч. // ВиМ. Берлин, 1925. № 18. С. 166–168.

[45] *Гренер В.* Указ. соч. С. 134.

[46] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Golovin Papers, Box 14, Reminiscences, Officers, G. Mileant, Vospominaniia o prebyvanii v 1 arrmii v 1914 godu. May 1933. L. 6–7.

[47] *Черномор.* Указ. соч. С. 111.

[48] *Шельтинга Ю.* Указ. соч. // МС. 1926. № 3. С. 23.

[49] *Черномор.* Указ. соч. С. 112.

[50] *Шельтинга Ю.* Указ. соч. // МС. 1926. № 3. С. 23.

[51] Отчет о веденной в ноябре и декабре 1905 г. Начальником Прусского Генерального штаба военной игре. С. 6.

[52] Голос Москвы. 21 августа (3 сентября) 1914 г. № 191. С. 2.

[53] Восточно-Прусская операция... С. 332, 338.

[54] Там же. С. 355.

[55] Германский имперский архив... М., 1941. Т. 2. События на восточно-европейском театре. С. 198–199.

[56] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 77–78.

[57] *Ларионов Я. М.* Записки участника Мировой войны. 26-я пехотная дивизия в операциях 1-й и 2-й русской армий на Восточно-Прусском и Польском театрах в начале войны (Сост. по дневнику и полевым документам). Харбин, 1936. С. 29.

[58] *Плющевский-Плющик Ю. Н.* Указ. соч. // ВИВ. Париж, 1964. № 23. С. 4.

[59] Восточно-Прусская операция... С. 370.

[60] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 78–79.

[61] Восточно-Прусская операция... С. 377.

[62] *Плющевский-Плющик Ю. Н.* Указ. соч. // ВИВ. Париж, 1964. № 23. С. 4.

[63] Германский имперский архив... М., 1941. Т. 2. События на восточно-европейском театре. С. 205.

[64] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 80–81.

[65] *Л. С.* Из деятельности ген. Ренненкампфа // Сборник статей по военному искусству. М., 1921. С. 178.

[66] Восточно-Прусская операция... С. 377.

[67] Там же. С. 378.

[68] *Сергеевский Б. Н.* Указ. соч. С. 38.

[69] Там же. С. 39.

[70] *Флуг В. [Е.]* X армия в сентябре 1914 г. Воспоминания участника // ВС ОРВЗ. Белград, 1924. Кн. 5. С. 234.

[71] *Верховский А. И.* Россия на Голгофе (Из походного дневника 1914–1918 гг.). Пгр., 1918. С. 18.

[72] *Архипов [М. Н.]* Указ. соч. // ВБ. Париж, 1968. № 90. С. 23.

[73] *Верховский А. И.* Россия на Голгофе... С. 19.

[74] *Архипов [М. Н.]* Указ. соч. // ВБ. Париж, 1968. № 90. С. 24.

[75] *Верховский А. И.* Россия на Голгофе... С. 19.

[76] *Сергеевский Б. Н.* Указ. соч. С. 43–49.

[77] *Верховский А. И.* Россия на Голгофе... С. 20.

[78] *Л. С.* Указ. соч. // Сборник статей по военному искусству. М., 1921. С. 176–177, 179.

[79] *Гренер В.* Указ. соч. С. 170.

[80] Восточно-Прусская операция... С. 382–383.

[81] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 85–86.

[82] Германский имперский архив... М., 1941. Т. 2. События на восточно-европейском театре. С. 212.

[83] *Людендорф Э.* Указ. соч. Т. 1. С. 57.

[84] *Сергеевский Б. Н.* Указ. соч. С. 51; *Флуг В. [Е.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1924. Кн. 5. С. 235.

[85] *Флуг В. [Е.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1924. Кн. 5. С. 236.

[86] Восточно-Прусская операция... С. 387.

[87] *Плющевский-Плющик Ю. Н.* Указ. соч. // ВИВ. Париж, 1964. № 23. С. 5.

[88] *Сергеевский Б. Н.* Указ. соч. С. 55–56.

[89] *Скальский В. Е.* Из воспоминаний (Материалы к истории 1-го уланского Петроградского полка) // ВИВ. Париж, 1963. № 22. С. 11.

[90] Восточно-Прусская операция... С. 389.

[91] *Незнамов А.* Неповоротливость // Армия и флот. Шанхай, 1933. № 6–1178. С. 43.

[92] Восточно-Прусская операция... С. 389.

[93] *Великий Князь Гавриил Константинович.* В Мраморном дворце. Воспоминания. Нью-Йорк, 1955. С. 248.

[94] *Скальский В. Е.* Указ. соч. // ВИВ. Париж, 1963. № 22. С. 11.

[95] Германский имперский архив... М., 1941. Т. 2. События на восточно-европейском театре. С. 218.

[96] *Плющевский-Плющик Ю. Н.* Указ. соч. // ВИВ. Париж, 1964. № 23. С. 6.

[97] Германский имперский архив... М., 1941. Т. 2. События на восточно-европейском театре. С. 220.

[98] *Плющевский-Плющик Ю. Н.* Указ. соч. // ВИВ. Париж, 1964. № 23. С. 6.

[99] Восточно-Прусская операция... С. 389.

[100] *Сергеевский Б. Н.* Указ. соч. С. 60.

[101] *Флуг В. [Е.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1924. Кн. 5. С. 237.

[102] *Сергеевский Б. Н.* Указ. соч. С. 61.

[103] *Флуг В. [Е.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1924. Кн. 5. С. 238.

[104] *Успенский А. А.* Указ. соч. С. 102.

[105] *Скальский В. Е.* Ночь в Расках // ВИВ. Париж, 1976. № 47–48. С. 20–21.

[106] *Успенский А. А.* Указ. соч. С. 102.

[107] *Кочубей В. [В.]* Об одной второочередной дивизии // Часовой. Париж, 1960. № 405. С. 20.

[108] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 87–89.

[109] *Л. С.* Указ. соч. // Сборник статей по военному искусству. М., 1921. С. 180; Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Golovin Papers, Box 14, Reminiscences, Officers, G. Mileant, Vospominaniia o prebyvanii v 1 arrmii v 1914 godu. May 1933. L. 10–11.

[110] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Golovin Papers, Box 13. Folder: Letter Adaridi to Golovin, November 10, 1925. L. 5–6.

[111] *Ларионов Я. М.* Указ. соч. С. 82–86.

[112] *Великий Князь Гавриил Константинович.* Указ. соч. С. 257.

[113] Восточно-Прусская операция... С. 395.

[114] *Симанский П. [Н.]* Паника в войсках // Вестник военных знаний (далее — ВВЗ). Сараево, 1934. № 1. С. 13.

[115] Утро России. 1 сентября 1914 г. № 207. С. 2; Русский инвалид. 2 сентября 1914 г. № 191. С. 1.

[116] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Nikolai D. Zarin, Box 1. Folder: Diary of an Ally written by Nicolas D. Zarin. Dedicated to my wife, children and future decsendants and for publication in historical and other works. Notes of World War 1 — started 31 of July 1914. L. 70–71.

[117] *Розеншильд-Паулин А. [Н.]* 29-я пех. дивизия в первый поход в Восточной Пруссии (Из дневника начальника дивизии) // ВС ОРВЗ Белград, 1926. Кн. 8. С. 242.

[118] Там же. С. 242–243.

[119] *Кочубей В. [В.]* Указ. соч. // Часовой. Париж, 1960. № 405. С. 20.

[120] *Звегинцов В. Н.* Указ. соч. Ч. 1. С. 76.

[121] *Розеншильд-Паулин А. [Н.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1926. Кн. 8. С. 245.
[122] *Франсуа Г. фон.* Критическое исследование сражения на Мазурских озерах в сентябре 1914 г. // ВиМ. Берлин, 1924. № 12. С. 58.
[123] *Hoffman M.* Op. cit. Vol. 1. P. 41–42.
[124] *Франсуа Г. фон.* Указ. соч. // ВиМ. Берлин, 1924. № 12. С. 59.
[125] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Fedor Fedorovich Palitsyn. Zapiski generala Palitsyna, 1914–1921. L. 64.
[126] Восточно-Прусская операция... С. 460.
[127] Голос Москвы. 2 (15) сентября 1914 г. № 201. С. 3.
[128] Ставка и министерство иностранных дел // КА. М., Л., 1928. Т. 1 (26). С. 8.
[129] Восточно-Прусская операция... С. 422.
[130] Там же. 423.
[131] *Плющевский-Плющик Ю. Н.* Указ. соч. // ВИВ. Париж, 1964. № 23. С. 7.
[132] Восточно-Прусская операция... С. 423–424.
[133] Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем // КА. М., 1922. Т. 1. С. 240.
[134] *Храмов Ф.* Указ. соч. С. 92.
[135] Восточно-Прусская операция... С. 428, 440, 461, 476.
[136] *Архипов [М. Н.]* Указ. соч. // ВБ. Париж, 1968. № 92. С. 41.
[137] *Сергеевский Б. Н.* Указ. соч. С. 63–64.
[138] Там же. С. 65.
[139] *Успенский А. А.* Указ. соч. С. 108.
[140] *Флуг В. [Е.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1924. Кн. 5. С. 234; *Зайцов А.* Наши крепости в 1914 году // ВВЗ. Сараево, 1929. № 3. С. 19.
[141] *Дитмар А.* Указ. соч. // АВ. Белград, 1934. № 12. С. 6.
[142] *Флуг В. [Е.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1924. Кн. 5. С. 234.
[143] *Успенский А. А.* Указ. соч. С. 108.
[144] *Флуг В. [Е.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1924. Кн. 5. С. 240–241.
[145] *Дитмар А.* Указ. соч. // АВ. Белград, 1934. № 12. С. 7.
[146] Утро России. 13 сентября 1914 г. № 219. С. 2.
[147] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 17 (30) сентября 1914 г. № 14379. С. 1.
[148] *Флуг В. [Е.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1924. Кн. 5. С. 243.
[149] *Сергеевский Б. Н.* Указ. соч. С. 70–71, 79–81.
[150] *Гершельман А. С.* Бой под Мацковой Рудой. Воспоминания о войне 1914–1917 гг. // ВБ. Париж, 1967. № 83. С. 29.
[151] *Архипов [М. Н.]* Указ. соч. // ВБ. Париж, 1968. № 93. С. 35.
[152] *Верховский А. И.* Россия на Голгофе... С. 22.
[153] *Сергеевский Б. Н.* Указ. соч. С. 79.
[154] *Архипов [М. Н.]* Указ. соч. // ВБ. Париж, 1968. № 93. С. 36.
[155] *Демьяненко Я.* Указ. соч. // ВБ. Париж, 1960. № 40. С. 13.
[156] *Сергеевский Б. Н.* Указ. соч. С. 83.
[157] Голос Москвы. 14 (27) октября 1914 г. № 236. С. 2.
[158] Голос Москвы. 22 сентября (5 октября) 1914 г. Экстренное прибавление к № 217. С. 1; Русский инвалид. 23 сентября 1914 г. № 209. С. 1.
[159] Утро России. 22 сентября 1914 г. № 228. С. 2.
[160] *Флуг В. [Е.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1924. Кн. 5. С. 243.
[161] Там же. С. 255–256.
[162] *Корольков Г. [К.]* Варшавско-Ивангородская операция. М., 1923. С. 4–5, 8.
[163] The Times History of War. Part 35. Vol. 3. April 20, 1915. P. 326.
[164] *Гофман М.* Война упущенных возможностей. М., Л., 1925. С. 37.
[165] *Mannerheim C. G. E.* Op. cit. P. 84.
[166] The Times History of War. Part 33. Vol. 3. April 6, 1915. P. 272.
[167] *Pares B.* Op. cit. P. 290.
[168] *Burian S.* Op. cit. P. 155.

[169] *Masaryk T. G.* The making of a state. Memoirs and observations 1914–1918. L., 1927. P. 27.
[170] *Лебедев В.* Указ. соч. // Воля России. Прага. 1924. № 8–9. С. 227–228.
[171] Михайловский Г. Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 99.
[172] *Masaryk T. G.* Op. cit. P. 143.
[173] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., Л., 1935. Т. 8. Ч. 1 (24/11 мая — 16/3 октября 1915 г.). С. 21. Russian diplomacy and Eastern Europe 1914–1917. N. Y., 1963. P. 84.
[174] Russian diplomacy and Eastern Europe 1914–1917. N. Y., 1963. P. 84.
[175] *Ронге М.* Разведка и контрразведка. М., 1937. С. 119–121.
[176] *Бетман-Гольвег Т.* Указ. соч. С. 74.
[177] *Фалькенгайн Э.* Верховное командование 1914–1916 в его важнейших решениях. М., 1923. С. 27–28.
[178] *Hindenburg P.* Op. cit. Vol. 1. P. 137–138.
[179] *Gourko B.* Op. cit. P. 73.
[180] *Hoffman M.* Op. cit. Vol. 1. P. 42.
[181] The Times History of War. Part 35. Vol. 3. April 20, 1915. P. 327.
[182] *Гофман М.* Указ. соч. С. 36.
[183] *Коленковский А. [К.]* Маневренный период... С. 268, 270; *Строков А. А.* Указ. соч. С. 251.
[184] *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 461.
[185] *Hoffman M.* Op. cit. Vol. 1. P. 43.
[186] *Корольков Г. [К.]* Варшавско-Ивангородская операция. С. 6.
[187] *Шварц А. В.* Жизнь, мысли, дела... // Архивы русской эмиграции. Буэнос-Айрес, 1950. Т. 3. С. 171.
[188] *Бубнов А. [Д.]* Указ. соч. С. 95.
[189] *Шварц А. В.* Оборона Ивангорода в 1914–1915 гг. Из воспоминаний коменданта крепости Ивангород А. В. Шварца. М., 1922. С. 5, 24–25.
[190] Там же. С. 6.
[191] *Панаев П.* Месяц в Карпатах // МС. 1916. № 1. С. 27.
[192] *Mannerheim C. G. E.* Op. cit. P. 85.
[193] *Gourko B.* Op. cit. P. 85.
[194] *Коленковский А. [К.]* Маневренный период... С. 268.
[195] *Корольков Г. [К.]* Варшавско-Ивангородская операция. С. 9.
[196] *Hindenburg P.* Op. cit. Vol. 1. P. 143.
[197] *Шапошников Б. М.* Воспоминания... С. 323.
[198] *Зайончковский А. М.* Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 227.
[199] *Stone N.* Op. cit. P. 94.
[200] *Черкасов П. [В.]* Штурм Перемышля 7 октября (24 сентября) 1914 г. Л., 1927. С. 17, 39–40.
[201] *Корольков Г. [К.]* Варшавско-Ивангородская операция. С. 9–10.
[202] *Гофман М.* Указ. соч. С. 7.
[203] *Пуанкаре Р.* Указ. соч. Кн. 1. С. 62.
[204] *Корольков Г. [К.]* Варшавско-Ивангородская операция. С. 10.
[205] Варшавско-Ивангородская операция. Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917). М., 1938. С. 23.
[206] Там же. С. 24.
[207] *Bezobrazov V. M.* Op. cit. P. 11.
[208] *Корольков Г. [К.]* Варшавско-Ивангородская операция. С. 11.
[209] Варшавско-Ивангородская операция... С. 26.
[210] *Шатилов П. Н.* Воспоминания о войне 1914–1917 гг. // ВИВ. Париж, 1968. № 32. С. 19.
[211] Варшавско-Ивангородская операция... С. 26.
[212] *Самойло А. С.* Указ. соч. С. 155.
[213] *Шварц А. В.* Оборона Ивангорода... С. 28.

[214] Варшавско-Ивангородская операция... С. 129.
[215] Там же... С. 33, 35, 36.
[216] *Корольков Г. [К.]* Варшавско-Ивангородская операция. С. 12.
[217] *Joffre J.* Op. cit. Vol. 1. P. 177.
[218] *Пуанкаре Р.* Указ. соч. Кн. 1. С. 199.
[219] *Masaryk T. G.* Op. cit. P. 31.
[220] The Times History of the War. Part 44. Vol. 4. June 22, 1915. P. 199.
[221] *Яковлев В. В.* История крепостей. М., 2000. С. 341–342.
[222] *Ребольд Ж.* Крепостная война 1914–1918 гг. М., 1938. С. 114; *Черкасов П. [В.]* Штурм Перемышля... С. 23, 33–34, 42, 44, 46, 48, 97, 120, 123; *Груловић Н.* Указ. соч. С. 24; Times History of War. Part 33. Vol. 3. April 6, 1915. P. 273.
[223] *[Борисов В. Е.]* Указ. соч. Вып. 2. События с 1 сентября по 11 ноября 1914 г. С. 59.
[224] *Шмидт А. [А.]* Перемышль (К годовщине сдачи) // Часовой. Париж, 1932. № 79. С. 8.
[225] *Брусилов А. А.* Указ. соч. С. 104–105; *Черкасов П. [В.]* Штурм Перемышля... С. 25.
[226] *Шмидт А. [А.]* Указ. соч. // Часовой. Париж, 1932. № 79. С. 8.
[227] *Черкасов П. [В.]* Штурм Перемышля... С. 120, 123; *Груловић Н.* Указ. соч. С. 24.
[228] *Bezobrazov V. M.* Op. cit. P. 17.
[229] *Корольков Г. [К.]* Варшавско-Ивангородская операция. С. 13; *Алексеева-Борель В. [М.]* Указ. соч. С. 352, 354–355.
[230] *Корольков Г. [К.]* Варшавско-Ивангородская операция. С. 13.
[231] Там же. С. 14–15.
[232] Там же. С. 16.
[233] *Валь Э. Г. фон.* Указ. соч. С. 32.
[234] *Корольков Г. [К.]* Варшавско-Ивангородская операция. С. 18–19; *Данилов Ю. Н.* Россия в Мировой войне 1914–1915 годов. С. 206.
[235] *Корольков Г. [К.]* Варшавско-Ивангородская операция. С. 19.
[236] *Эрцбергер М.* Германия и Антанта. Мемуары. М., Пгр., 1923. С. 22.
[237] The Times History of War. Part 35. Vol. 3. April 20, 1915. P. 322–323, 334, 339.
[238] Голос Москвы. 4 (17) ноября 1914 г. № 254. С. 2.
[239] *Корольков Г. [К.]* Варшавско-Ивангородская операция. С. 19.
[240] *Гофман М.* Указ. соч. С. 39-40.
[241] *Строков А. А.* Указ. соч. С. 251.
[242] *Коленковский А. [К.]* Маневренный период... С. 275.
[243] *[Борисов В. Е.]* Указ. соч. Вып. 2. События с 1 сентября по 11 ноября 1914 г. С. 23.
[244] *Коленковский А. [К.]* Маневренный период... С. 275.
[245] *Шатилов П. Н.* Указ. соч. // ВИВ. Париж, 1968. № 32. С. 17.
[246] *Корольков Г. [К.]* Варшавско-Ивангородская операция. С. 22, 26.
[247] Варшавско-Ивангородская операция... С. 37.
[248] *Hoffman M.* Op. cit. Vol. 1. P. 43.
[249] *Mannerheim C. G. E.* Op. cit. P. 87.
[250] *Шварц А. В.* Оборона Ивангорода... С. 45; Варшавско-Ивангородская операция... С. 38.
[251] *Корольков Г. [К.]* Варшавско-Ивангородская операция. С. 36–37.
[252] Варшавско-Ивангородская операция... С. 37, 40.
[253] Там же. С. 41–43.
[254] *Гофман М.* Указ. соч. С. 40.
[255] The Times History of the War. Part 44. Vol. 4. June 22, 1915. P. 196.
[256] *Hoffman M.* Op. cit. Vol. 1. P. 45.
[257] *Шварц А. В.* Оборона Ивангорода... С. 27.
[258] *[Борисов В. Е.]* Указ. соч. Вып. 2. События с 1 сентября по 11 ноября 1914 г. С. 123.
[259] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Golovin Papers, Box 15. Folder: General Postovskii's letters. July 14. 1923. L. 1.

[260] Правительственный вестник. 22 сентября (5 октября) 1914 г. № 220. С. 2.
[261] The Times History of War. Part 35. Vol. 3. April 20, 1915. P. 330.
[262] Голос Москвы. 18 (31) октября 1914 г. № 240. С. 2.
[263] *Washburn S.* Op. cit. Vol. 1. P. 129.
[264] Утро России. 3 октября 1914 г. № 239. С. 2.
[265] Речь. 5 (18) октября 1914 г. № 268 (2937). С. 2.
[266] *Сапер.* Бои под Варшавой. Сентябрь 1914 года (Воспоминания) // Часовой. Париж, 1932. № 71. С. 8.
[267] *Пуанкаре Р.* Указ. соч. Кн. 1. С. 204.
[268] *Корольков Г. [К.]* Варшавско-Ивангородская операция. С. 106.
[269] Русский инвалид. 4 октября 1914 г. № 219. С. 2.
[270] *Танутров Г.* На войне // ВБ. 1963. № 58. С. 20.
[271] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Golovin Papers, Box 15. Folder: General Postovskii's letters. July 14, 1923. L. 2.
[272] The Times History of War. Part 35. Vol. 3. April 20, 1915. P. 333.
[273] *Сапер.* Бои под Варшавой... // Часовой. Париж, 1932. № 71. С. 8.
[274] *Hindenburg P.* Op. cit. Vol. 1. P. 146.
[275] *Сапер.* Бои под Варшавой... // Часовой. Париж, 1932. № 71. С. 8.
[276] *Washburn S.* Op. cit. Vol. 1. P. 131.
[277] *Людендорф Э.* Указ. соч. Т. 1. С. 73.
[278] *Hindenburg P.* Op. cit. Vol. 1. P. 147.
[279] *Hoffman M.* Op. cit. Vol. 1. P. 45.
[280] *Корольков Г. [К.]* Варшавско-Ивангородская операция. С. 80, 83.
[281] *Hindenburg P.* Op. cit. Vol. 1. P. 145.
[282] *Зайончковский А. М.* Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 230; *Шварц А. В.* Оборона Ивангорода... С. 35; Варшавско-Ивангородская операция... С. 238.
[283] *Иванов Н. М.* Козеницкая переправа и бои за нее с 26 сентября по 9 октября 1914 года // ВИВ. Париж, 1972–1973. № 42–43. С. 22.
[284] Там же. С. 23–24.
[285] *Величко К. И.* Русские крепости в связи с операциями полевых армий в мировую войну (Критико-стратегический очерк по архивным материалам и воспоминаниям). Л., 1926. С. 56; *Шварц А. В.* Оборона Ивангорода... С. 24, 26; *Gourko B.* Op. cit. P. 79.
[286] The Times History of War. Part 35. Vol. 3. April 20, 1915. P. 335.
[287] *Величко К. И.* Указ. соч. С. 56; *Оськин Д.* Указ. соч. С. 124, 134.
[288] *Шкуро А. Г.* Записки белого партизана. М., 1991. С. 14.
[289] *Hoffman M.* Op. cit. Vol. 1. P. 46.
[290] *Коленковский А. [К.]* Маневренный период... С. 276.
[291] *Чижов П. Н.* Артиллерийская оборона Варшавы в 1914 году в районе 2 сектора // ВБ. Париж, 1969. № 99. С. 4, 8.
[292] Цит. по: *Алексеев М.* Указ. соч. Кн. III. Ч. 2. С. 245.
[293] *Корольков Г. [К.]* Варшавско-Ивангородская операция. С. 117; *Данилов Ю. Н.* Россия в Мировой войне 1914–1915 годов. С. 218.
[294] *Корольков Г. [К.]* Варшавско-Ивангородская операция. С. 118–120.
[295] *Hindenburg P.* Op. cit. Vol. 1. P. 146.
[296] *Коленковский А. [К.]* Маневренный период... С. 278.
[297] *Корольков Г. [К.]* Варшавско-Ивангородская операция. С. 141–142.
[298] Русский инвалид. 5 октября 1914 г. № 220. С. 1.
[299] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 5 (18) октября 1914 г. № 14415. С. 3.
[300] *Курлов П. [Г.]* Конец русского царизма. Воспоминания бывшего командира корпуса жандармов. Пгр., М., 1923. С. 237.
[301] *Hoffman M.* Op. cit. Vol. 1. P. 47.
[302] *Гофман М.* Указ. соч. С. 47.
[303] *Пуанкаре Р.* Указ. соч. Кн. 1. С. 208.

[304] *Новицкий Ф.* Лодзинская операция в ноябре 1914 года (из личных воспоминаний участника) // Война и революция (далее – ВиР). 1930. № 6. С. 111.
[305] *Корольков Г. [К.]* Варшавско-Ивангородская операция. С. 183.
[306] Ставка и министерство иностранных дел // КА. М., Л., 1928. Т. 1 (26). С. 16.
[307] Русский инвалид. 9 октября 1914 г. № 224. С. 1.
[308] Речь. 16 (29) октября 1914 г. № 279 (2948). С. 2.
[309] *Dmowski R.* Op. cit. S. 169.
[310] *Knox A.* Op. cit. Vol. 1. P. 168.
[311] Утро России. 15 октября 1914 г. № 251. С. 2.
[312] Речь. 16 (29) октября 1914 г. № 279 (2948). С. 2.
[313] Утро России 19 октября 1914 г. № 255. С. 4.
[314] Речь. 18 (31) января 1915 г. № 17 (3040). С. 2.
[315] Утро России. 4 ноября 1914 г. № 271. С. 2.
[316] Речь. 15 (28) января 1915 г. № 14 (3037). С. 5.
[317] Утро России. 12 января 1915 г. № 12. С. 2; *Подпрятов Н. В.* Национальные меньшинства в борьбе за «честь, достоинство, целость России». Создание и использование национальных формирований в русской армии // ВИЖ. 1997. № 1. С. 56.
[318] *Корольков Г. [К.]* Варшавско-Ивангородская операция. С. 183–184.
[319] Лодзинская операция. Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917). М., Л., 1936. С. 26.
[320] *Данилов Ю. Н.* Россия в Мировой войне 1914–1915 годов. С. 221.
[321] *Д-С.* Отрывки воспоминаний (К западу от Варшавы) // ВОРВВВ. Сан-Франциско, 1937. № 130–132. С. 34.
[322] *Новицкий Ф.* Указ. соч. // ВиР. 1930. № 6. С. 111–112.
[323] *Шапошников Б. М.* Воспоминания... С. 346.
[324] *Д-С.* Указ. соч. // ВОРВВВ. Сан-Франциско, 1937. № 130–132. С. 35.
[325] *Буденный С. М.* Указ. соч. С. 13–15.
[326] *Новицкий Ф.* Указ. соч. // ВиР. 1930. № 6. С. 112.
[327] *Гофман М.* Указ. соч. С. 48.
[328] Русский инвалид. 4 ноября 1914 г. № 250. С. 1.
[329] *Алексеева-Борель В. [М.]* Указ. соч. С. 362.
[330] *Коленковский А. [К.]* Маневренный период... С. 279.
[331] *Оськин Д.* Указ. соч. С. 141–142.
[332] *Зайцов А. [А.]* Семеновцы в 1914 году. С. 48–49.
[333] *Шварц А. В.* Оборона Ивангорода... С. 42, 44.
[334] *Зайцов А. [А.]* Семеновцы в 1914 году. С. 51–52.
[335] Ставка и министерство иностранных дел // КА. М., Л., 1928. Т. 1 (26). С. 20.
[336] *Зайцов А. [А.]* Семеновцы в 1914 году. С. 61.
[337] *Knox A.* Op. cit. Vol. 1. P. 164; *Шварц А. В.* Оборона Ивангорода... С. 44.
[338] *Шильников И. Ф.* 1-я Забайкальская казачья дивизия в Великой Европейской войне 1914–1918 г. Харбин, 1933. С. 5–6, 8–9.
[339] *Зайцов А. [А.]* Семеновцы в 1914 году. С. 63.
[340] *Торнау С. А.* Указ. соч. С. 44.
[341] Там же. С. 44–45.
[342] *Зайцов А. [А.]* Семеновцы в 1914 году. С. 65.
[343] The Times History of War. Part 35. Vol. 3. April 20, 1915. P. 338; *Шварц А. В.* Оборона Ивангорода... С. 44; *Оськин Д.* Указ. соч. С. 146.
[344] *Шкуро А. Г.* Указ. соч. С. 14.
[345] *Глиндский В. П.* Указ. соч. С. 12.
[346] *Милоданович Е. А.* Указ. соч. // ВБ. Париж, 1972. № 114. С. 10.
[347] *Верцинский Э. А.* Указ. соч. С. 32–33.
[348] *Дрейер В. Н. фон.* Указ. соч. С. 148.
[349] The Times History of War. Part 35. Vol. 3. April 20, 1915. P. 341–343.

[350] Русский инвалид. 2 ноября 1914 г. № 248. С. 2; *Дубенский Д.* Указ. соч. Сентябрь – октябрь 1914 г. С. 42–45; *Спиридович А. И.* Указ. соч. Кн. 1. С. 34–35.
[351] Дневники Николая II. С. 495.
[352] *Дубенский Д.* Указ. соч. Сентябрь – октябрь 1914 г. С. 47–48.
[353] Там же. С. 52–53.
[354] *Washburn S.* Op. cit. Vol. 1. P. 199.
[355] Ibid. P. 201.
[356] *Спиридович А. И.* Указ. соч. Кн. 1. С. 33.
[357] *Hoffman M.* Op. cit. Vol. 1. P. 48.
[358] *Hindenburg P.* Op. cit. Vol. 1. P. 164.
[359] *Asprey R.* Op. cit. P. 129.
[360] Роковые решения вермахта. Ростов н/Д, 1999. С. 76.
[361] *Фалькенгайн Э.* Указ. соч. С. 21.
[362] *Бекман В.* Указ. соч. С. 10–11.
[363] *Washburn S.* Op. cit. Vol. 1. P. 138.
[364] *Д-С.* Указ. соч. // ВОРВВВ. Сан-Франциско, 1937. № 130–132. С. 36.
[365] *Куль Г.* Указ. соч. С. 66.
[366] Лодзинская операция... С. 58.
[367] Там же.
[368] *Зайончковский А. М.* Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 233; *Строков А. А.* Указ. соч. С. 255; *Данилов Ю. Н.* Россия в Мировой войне 1914–1915 годов. С. 225.
[369] Лодзинская операция... С. 63.
[370] Там же. С. 64.
[371] Там же.
[372] Там же. С. 64–65.
[373] *Данилов Ю. Н.* Россия в Мировой войне 1914–1915 годов. С. 222.
[374] *Коленковский А. [К.]* Маневренный период... С. 285.
[375] Лодзинская операция... С. 66.
[376] *Корольков Г. [К.]* Варшавско-Ивангородская операция. С. 207.
[377] *Stuermer H.* Op. cit. P. 32.
[378] *Людендорф Э.* Указ. соч. Т. 1. С. 78.
[379] *Кондзеровский П. К.* Указ. соч. С. 52.
[380] Там же.
[381] *Попов К.* Указ. соч. С. 40–49.
[382] Там же. С. 40.
[383] Ставка и министерство иностранных дел // КА. М., Л., 1928. Т. 1 (26). С. 20.
[384] Там же. С. 21.
[385] *Поливанов А. А.* Указ. соч. С. 146.
[386] *Дрейер В. Н. фон.* Указ. соч. С. 149–150.
[387] The Times History of War. Part 35. Vol. 3. April 20, 1915. P. 340; *Шапошников Б. М.* Воспоминания... С. 349–354; *Дрейер В. Н. фон.* Указ. соч. С. 150.
[388] Утро России. 25 октября 1914 г. № 261. С. 2; Речь. 5 (18) ноября 1914 г. № 288 (2965). С. 2–3; *Шапошников Б. М.* Воспоминания... С. 355–356.
[389] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 2 (15) марта 1915 г. № 14703. С. 2.
[390] Лодзинская операция... С. 105.
[391] *Новицкий Ф.* Указ. соч. // ВиР. 1930. № 6. С. 112.
[392] Лодзинская операция... С. 68, 71.
[393] Правительственный вестник. 4 (17) ноября 1914 г. № 263. С. 4.
[394] Лодзинская операция... С. 72.
[395] *[Борисов В. Е.]* Указ. соч. Вып. 2. События с 1 сентября по 11 ноября 1914 г. С. 196.
[396] *Коленковский А. [К.]* Маневренный период... С. 285.
[397] *Шапошников Б. М.* Воспоминания... С. 354.
[398] Лодзинская операция... С. 46.

[399] *Строков А. А.* Указ. соч. С. 258.
[400] *Коленковский А. [К.]* Маневренный период... С. 289.
[401] *Ротэрмель А.* Еще о Лодзинской операции // ВиР. 1930. № 4. С. 103.
[402] Лодзинская операция... С. 86.
[403] *Коленковский А. [К.]* Маневренный период... С. 289.
[404] *Ротэрмель А.* Указ. соч. // ВиР. 1930. № 4. С. 105.
[405] *Коленковский А. [К.]* Маневренный период... С. 289.
[406] *Churchill W.* Op. cit. P. 251, 257.
[407] *Коленковский А. [К.]* Маневренный период... С. 291–292.
[408] Там же. С. 294.
[409] *Новицкий Ф.* Указ. соч. // ВиР. 1930. № 6. С. 112.
[410] *Коленковский А. [К.]* Маневренный период... С. 294.
[411] *Попов К.* Указ. соч. С. 64.
[412] The Times History of the War. Part 35. Vol. 3. April 20, 1915. P. 350–351; *Строков А. А.* Указ. соч. С. 260.
[413] *Панайот Б.* Ловичский отряд // ВБ. Париж, 1958. № 31. С. 18.
[414] *Коленковский А. [К.]* Маневренный период... С. 295; *Керсновский А. А.* Указ. соч. Т. 3. С. 237–239.
[415] Лодзинская операция... С. 185.
[416] *Мацылев С. [А.]* Указ. соч. // Возрождение. Париж, 1954. № 36. С. 153.
[417] *Гофман М.* Указ. соч. С. 61; *Шапошников Б. М.* Воспоминания... С. 363.
[418] *Манштейн Э.* Утеряные победы. М., СПб., 1999. С. 59.
[419] *Кпох А.* Op. cit. Vol. 1. P. 205.
[420] Лодзинская операция... С. 186; *Бонч-Бруевич М. [Д.]* Потеря нами Галиции в 1915 г. М., 1921. Ч. I. С. 5; *Коленковский А. [К.]* Маневренный период... С. 295–296.
[421] *[Борисов В. Е.]* Указ. соч. Вып. 2. События с 1 сентября по 11 ноября 1914 г. С. 294.
[422] *Шапошников Б. М.* Воспоминания... С. 363.
[423] *[Борисов В. Е.]* Указ. соч. Вып. 2. События с 1 сентября по 11 ноября 1914 г. С. 298.
[424] *Hoffman M.* Op. cit. Vol. 1. P. 50.
[425] *Коленковский А. [К.]* Маневренный период... С. 300.
[426] *Панайот Б.* Указ. соч. // ВБ. Париж, 1958. № 31. С. 18.
[427] *Незнамов А. [А.]* Стратегия темперамента // Сборник статей по военному искусству. М., 1921. С. 140–141.
[428] Там же. С. 162.
[429] *Данилов Ю. Н.* Россия в Мировой войне 1914–1915 годов. С. 244.
[430] *Эйльсбергер Э.* Прорыв у Бржезин 24 ноября 1914 г. // ВиМ. Берлин, 1924. № 17. С. 198–199.
[431] *Ротэрмель А.* Указ. соч. // ВиР. 1930. № 8–9. С. 126.
[432] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., Л., 1935. Т. 6. Ч. 2 (5 августа 1914 г. — 13 января 1915 г.). С. 120.
[433] Русский инвалид. 11 ноября 1914 г. № 257. С. 1; 12 ноября 1914 г. № 258. С. 1.
[434] *Данилов Ю. Н.* Великий Князь... С. 156.
[435] Голос Москвы. 16 (29) ноября 1914 г. № 265. С. 2.
[436] Русский инвалид. 13 ноября 1914 г. № 259. С. 2.
[437] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 12 (25) ноября 1914 г. № 14491. С. 1.
[438] *Д-С.* Указ. соч. // ВОРВВВ. Сан-Франциско, 1937. № 130–132. С. 43.
[439] *Панайот Б.* Указ. соч. // ВБ. Париж, 1958. № 31. С. 18.
[440] *Новицкий Ф.* Указ. соч. // ВиР. 1930. № 7. С. 123; *Ротэрмель А.* Указ. соч. // ВиР. 1930. № 8–9. С. 126.
[441] *Панайот Б.* Указ. соч. // ВБ. Париж, 1958. № 31. С. 19.
[442] *Коленковский А. [К.]* Маневренный период... С. 303.
[443] *Эйльсбергер Э.* Указ. соч. // ВиМ. Берлин, 1924. С. 200.

[444] *Новицкий Ф.* Указ. соч. // ВиР. 1930. № 7. С. 123; *Ротэрмель А.* Указ. соч. // ВиР. 1930. № 8–9. С. 128.

[445] *Шапошников Б. М.* Воспоминания... С. 365.

[446] ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 28.

[447] *Зайончковский А. М.* Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 239; *Данилов Ю. Н.* Россия в Мировой войне 1914–1915 годов. С. 244.

[448] The Times History of the War. Part 35. Vol. 3. April 20, 1915. P. 352.

[449] *Данилов Ю. Н.* Россия в Мировой войне 1914–1915 годов. С. 245.

[450] Русский инвалид. 13 ноября 1914 г. № 259. С. 1.

[451] Голос Москвы. 15 (28) ноября 1914 г. № 264. С. 2.

[452] *Данилов Ю. Н.* Великий Князь... С. 156.

[453] *Людендорф Э.* Указ. соч. Т. 1. С. 89; *Зайончковский А. М.* Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 239.

[454] *Knox A.* Op. cit. Vol. 1. P. 205; *Дрейер В. Н. фон.* Указ. соч. С. 154; *Д-С.* Указ. соч. // ВОРВВВ. Сан-Франциско, 1937. № 130–132. С. 43.

[455] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., Л., 1935. Т. 6. Ч. 2 (5 августа 1914 — 13 января 1915 г.). С. 121.

[456] Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем // КА. М., 1923. Т. 2. С. 134.

[457] *Шапошников Б. М.* Воспоминания... С. 365.

[458] *Hindenburg P.* Op. cit. Vol. 1. P. 157.

[459] *Шапошников Б. М.* Воспоминания... С. 366.

[460] *Бонч-Бруевич М. [Д.]* Потеря нами Галиции в 1915 г. Ч. I. С. 5.

[461] *Барсуков Е. З.* Русская артиллерия в Мировую войну 1914–1918 гг. М., 1938. Т. 1. С. 206.

[462] *Зайцов А. [А.]* Семеновцы в 1914 году. С. 77.

[463] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., Л., 1935. Т. 6. Ч. 1 (5 августа 1914 г. — 13 января 1915 г.). С. 244–245.

[464] Краткий стратегический очерк войны 1914–1918 гг. // Военное дело. 1919. № 1 (30). С. 23.

[465] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., Л. 1935. Т. 6. Ч. 1 (5 августа 1914 г. — 13 января 1915 г.). С. 244–245.

[466] Русский инвалид. 26 октября 1914 г. № 241. С. 1; The Times History of War. Part 24. Vol. 2. February 2, 1915. P. 406–407, 419–421.

[467] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., Л., 1935. Т. 6. Ч. 2 (5 августа 1914 г. — 13 января 1915 г.). С. 125.

[468] PRO FO. 371. Russia files 3147-83964 (1914). P. 268, 270; *Ребольд Ж.* Указ. соч. С. 110–111.

[469] Утро России. 29 ноября 1914 г. № 296. С. 2; Речь. 12 (25) декабря 1914 г. № 336 (3005). С. 4.

[470] *Зайончковский А. М.* Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 240.

[471] *Попов К.* Указ. соч. С. 60.

[472] Журнал боевых действий 3-й Гвардейской Пехотной дивизии 1914 г. С. 41–43.

[473] Русский инвалид. 6 декабря 1914 г. № 282. С. 1.

[474] *Попов К.* Указ. соч. С. 64–71.

[475] *Епанчин Н. А.* Указ. соч. С. 411; *Данилов Ю. Н.* Великий Князь... С. 159, 164.

[476] *Bezobrazov V. M.* Op. cit. P. 24.

[477] *Бонч-Бруевич М. [Д.]* Потеря нами Галиции в 1915 г. Ч. I. С. 11.

[478] *Сергеевский Б. Н.* Указ. соч. С. 131, 146.

[479] *Будберг А. П.* Из воспоминаний о войне 1914–1917 гг. Третья восточно-прусская катастрофа. 25 января — 8 февраля 1915 г. Сан-Франциско, 193?. С. 11.

[480] *Коленковский А. [К.]* Мировая война 1914–1918 гг. Зимняя операция в Восточной Пруссии в 1915 году. М., Л., 1927. С. 29.

[481] *Будберг А. П.* Из воспоминаний о войне 1914–1917 гг... С. 8, 10.

[482] *Дрейер В. Н. фон.* Указ. соч. С. 157.
[483] *Малиновский Р. Я.* Солдаты России. М., 1969. С. 105–106.
[484] *Будберг А. П.* Из воспоминаний о войне 1914–1917 гг... С. 7.
[485] *Дитмар А. [В.]* Отход тяжелых батарей от Летцена в 1915 году // АВ. Белград, 1934. № 13. С. 1–2.
[486] Лодзинская операция... С. 418–419.
[487] *Бонч-Бруевич М. [Д.]* Потеря нами Галиции в 1915 г. Ч. I. С. 11.
[488] The diary of Lord Bertie of Thame, 1914–1918. N. Y., no date. Vol. 1. P. 77; *Бонч-Бруевич М. [Д.]* Потеря нами Галиции в 1915 г. Ч. I. С. 15–16.
[489] *Пуанкаре Р.* Указ. соч. Кн. 1. С. 260.
[490] *Hanbury-Williams J.* Op. cit. P. 21.
[491] *Knox A.* Op. cit. V. 1. P. 216, 270; *Gourko B.* Op. cit. P. 101–104; *Маниковский А. А.* Боевое снабжение русской армии в войну 1914–1918 гг. М., 1920. Ч. 1. С. 32.
[492] *Строков А. А.* Указ. соч. С. 278.
[493] *Сидоров А. Л.* Экономическое положение... С. 20.
[494] *Маниковский А. А.* Указ. соч. М., 1923. Ч. 3. С. 92, 204, 206, 215.
[495] *Ллойд-Джордж Д.* Указ. соч. Т. 1–2. С. 112, 120, 141–412.
[496] *Joffre J.* Op. cit. Vol. 2. P. 597, 599–600.
[497] *Gourko B.* Op. cit. P. 72.
[498] *Головин Н. Н.* Военные усилия России... С. 50.
[499] Переписка Николая и Александры Романовых 1914–1915. М., Пгр., 1923. Т. 3. С. 53.
[500] *Knox A.* Op. cit. V. 1. P. 176–177; *Данилов Ю. Н.* Россия в Мировой войне 1914–1915 годов. С. 246.

Шпиономания и ее первые жертвы. Первые проблемы во внутренней политике

[1] *Спиридович А. И.* Указ. соч. Кн. 1. С. 16.
[2] *Воронович Н. В.* Из потонувшего мира (Мемуары графини Клейнмихель) // Воля России. Прага, 1923. № 6–7. С. 89.
[3] *Клейнмихель М. [Э.]* Из потонувшего мира. Мемуары. Берлин, [1923]. С. 196–197.
[4] *Спиридович А. И.* Указ. соч. Кн. 1. С. 16.
[5] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Nikolai D. Zarin, Box 1. Folder: Diary of an Ally written by Nicolas D. Zarin. Dedicated to my wife, children and future decsendants and for publication in historical and other works. Notes of World War 1 — started 31 of July 1914. L. 17.
[6] Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Vladimir Pavlovich Siialskii. Box 1. Accession number: 85057–29.03. Материалы к истории 3-й гвардейской пехотной дивизии. С 26 июля по 31 октября 1914-го года. Лейб-гвардии Кексгольмский полк в боях с 13 по 17 августа 1914 года. Л. 4.
[7] *Верховский А. И.* На трудном перевале. С. 34.
[8] *Грузенберг.* Вчера. Воспоминания. Париж, 1938. С. 69.
[9] Русские Ведомости. 30 августа 1914 г. № 199. С. 2.
[10] *Войтоловский Л.* Указ. соч. С. 27–28.
[11] *Лукомский А. С.* Указ. соч. Т. 1. С. 87.
[12] Постижение военного искусства. Идейное наследие А. Свечина. М., 1999. Российский Военный сборник. Вып. 15. С. 574.
[13] *Николаи В.* Германская разведка и контрразведка в мировой войне. Издание Разведывательного Управления при штабе всеми вооруженными силами Украины и Крыма. Б. г., б. м. С. 11.

[14] *Николаи В.* Тайные силы... С. 54.
[15] *Ринтельн.* Секретная война. Записки немецкого шпиона. М., 1938. С. 14–15.
[16] Русские Ведомости. 21 января 1915 г. № 16. С. 5.
[17] *Николаи В.* Тайные силы... С. 75.
[18] *Милюков П. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 157.
[19] Правительственный вестник. 2 (15) августа 1914 г. № 169. С. 1.
[20] Особые журналы Совета министров Российской империи. 1914 год. С. 236.
[21] Утро России. 1 августа 1914 г. № 177. С. 4.
[22] Речь. 2 (15) августа 1915 г. № 204 (2873). С. 5.
[23] Утро России. 1 августа 1914 г. № 177. С. 5.
[24] Утро России. 2 августа 1914 г. № 178. С. 5.
[25] Русский инвалид. 6 августа 1914 г. № 170. С. 3.
[26] Русский инвалид. 22 июля 1914 г. № 159. С. 2.
[27] Утро России. 16 августа 1914 г. № 191. С. 2.
[28] Утро России. 19 августа 1914 г. № 194. С. 3; Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 23 сентября (6 октября) 1914 г. № 14391. С. 4.
[29] Утро России. 28 августа 1914 г. № 203. С. 3.
[30] Утро России. 3 сентября 1914 г. № 209. С. 4.
[31] Утро России. 8 октября 1914 г. № 244. С. 4.
[32] Утро России. 10 октября 1914 г. № 246. С. 4.
[33] Утро России. 12 октября 1914 г. № 248. С. 4.
[34] Утро России. 14 октября 1914 г. № 250. С. 4.
[35] Голос Москвы. 11 (24) октября 1914 г. № 234. С. 4.
[36] Правительственный вестник. 12 (25) октября 1914 г. № 240. С. 3.
[37] Речь. 12 (25) октября 1914 г. № 275 (2994). С. 4.
[38] Утро России. 12 октября 1914 г. № 248. С. 4.
[39] Речь. 14 (27) октября 1914 г. № 277 (2946). С. 2.
[40] Там же. С. 2, 6.
[41] Голос Москвы. 12 (25) октября 1914 г. № 235. С. 4.
[42] Там же. С. 5.
[43] Голос Москвы. 11 (24) октября 1914 г. № 234. С. 5.
[44] Утро России. 14 октября 1914 г. № 250. С. 3.
[45] Утро России. 25 октября 1914 г. № 261. С. 4; Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 15 (28) октября 1914 г. № 14435. С. 3; 17 (30) октября 1914 г. № 14439. С. 4; 20 октября (2 ноября) 1914 г. № 14445. С. 4.
[46] Утро России. 2 ноября 1914 г. № 269. С. 3.
[47] Утро России. 15 октября 1914 г. № 251. С. 4.
[48] Голос Москвы. 25 октября (7 ноября) 1914 г. № 246. С. 1.

Вступление Турции в войну: военно-политическая подготовка

[1] *Luntinen P.* French information on the Russian war plans 1880–1914. P. 157.
[2] *Лукин А. П.* Указ. соч. Т. 1. С. 8, 13–14; *Апрелев Б. [П.]* О «Гебене» в войну 1914–1918 гг. // Зарубежный Морской сборник (далее – ЗМС). Пльзень, 1930. № 9. С. 39–40.
[3] *Козлов Д. Ю.* «Странная война» в Черном море (август – октябрь 1914 года). М., 2009. С. 45–48.
[4] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., Л., 1931. Т. 1 (14 января – 4 августа 1914 г.). С. 56–58.
[5] РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 365. Л. 3, 5 об., 7–9, 35–36.

[6] Восточно-Прусская операция... С. 61.
[7] РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 507. Л. 2, 4–4 об., 6, 51.
[8] Там же. Д. 511. Л. 17–17об., 75–80.
[9] Там же. Л. 96.
[10] Кавалеры ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия за 140 лет (1769–1909) // ВС. 1910. № 1. С. 232.
[11] *Лорей Г.* Операции германо-турецких морских сил в 1914–1918 гг. М., 1938. С. 18–19.
[12] *Шталь А.* Стратегический очерк военных действий в Средиземном море в мировую войну. Адриатический период // МС. 1921. № 3–6. С. 36, 38.
[13] Там же. С. 38.
[14] *Лорей Г.* Указ. соч. С. 19–20.
[15] *Шталь А.* Указ. соч. // МС. 1921. № 3–6. С. 39; *Корбетт Ю.* Операции английского флота в Мировую войну. Л., 1927. Т. 1. С. 73.
[16] *Лорей Г.* Указ. соч. С. 20.
[17] *Корбетт Ю.* Указ. соч. Т. 1. С. 73; *Лорей Г.* Указ. соч. С. 27–28.
[18] *Лорей Г.* Указ. соч. С. 22–23.
[19] Австрийский флот в первые дни войны // МС. 1929. № 4. С. 134.
[20] *Hamilton R. F.* War planning: obvious needs, not so obvious solutions // War Planning 1914... P. 12; *Gooch J.* Italy // War Planning 1914... P. 224.
[21] *Лорей Г.* Указ. соч. С. 22–24.
[22] Австрийский флот в первые дни войны // МС. 1929. № 4. С. 134–135; *Козлов Д. Ю.* «Странная война» в Черном море... С. 52–53, 56.
[23] *Лудшувейт Е. Ф.* Турция в годы Первой Мировой войны 1914–1918 гг. Военно-политический очерк. М., 1966. С. 26.
[24] МОЭИ. Сер. II. М., 1939. Т. 20. Ч. 1 (14 мая — 13 августа 1912 г.). С. 211.
[25] *Лудшувейт Е. Ф.* Указ. соч. С. 26–27.
[26] *Djemal Pasha.* Memoires of a Turkish Statesman — 1913–1919. L., [1932]. P. 91, 95; *Tuchman B. T.* Op. cit. P. 140.
[27] *Лудшувейт Е. Ф.* Указ. соч. С. 28.
[28] *Emin A.* Turkey in the World war. New Haven: Yale University Press, 1930. P. 67–68.
[29] История дипломатии. Т. 2. С. 269.
[30] Сборник дипломатических документов. Переговоры от 19 июля до 19 октября 1914 года, предшествовавшие войне с Турцией. Пгр., 1914. С. 3.
[31] Там же.
[32] *Lynn A. S.* My thirty years in Turkey. Rindge. New Hampshire, 1955. P. 90.
[33] Сборник дипломатических документов. Переговоры от 19 июля до 19 октября 1914 года... С. 4.
[34] *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 гг. Париж, [1933]. С. 18.
[35] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., Л., 1935. Т. 6. Ч. 1 (5 августа 1914 г. — 13 января 1915 г.). С. 43.
[36] РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 451. Л. 2; Ф. 609. Оп. 1. Д. 452. Л. 1–2, 6.
[37] Сборник дипломатических документов. Переговоры от 19 июля до 19 октября 1914 года... С. 6.
[38] *Лудшувейт Е. Ф.* Указ. соч. С. 29.
[39] *Пуанкаре Р.* Указ. соч. Кн. 1. С. 24; *Лорей Г.* Указ. соч. С. 30.
[40] *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 357–358.
[41] *Лудшувейт Е. Ф.* Указ. соч. С. 30.
[42] Там же. С. 30–33.
[43] Там же. С. 33.
[44] Там же. С. 33–35.
[45] Письма адмирала фон Поля // МС. Бизерта, 1921. № 2. С. 39.
[46] *Tuchman B. T.* Op. cit. P. 156–157.

[47] Сборник дипломатических документов. Переговоры от 19 июля до 19 октября 1914 года... С. 7.

[48] *Лудшувейт Е. Ф.* Указ. соч. С. 37–38.

[49] *Djemal Pasha.* Op. cit. P. 95, 116.

[50] Сборник дипломатических документов. Переговоры от 19 июля до 19 октября 1914 года... С. 8.

[51] *Корбетт Ю.* Указ. соч. Т. 1. С. 73.

[52] *Djemal Pasha.* Op. cit. P. 116, 119.

[53] *Лудшувейт Е. Ф.* Указ. соч. С. 39.

[54] *Петров М. А.* Два боя (Черноморского флота с л. кр. «Гебен» 5-IX-1914 и крейсеров Балтийского флота у о. Готланд 19-VI-1915). Л., 1928. С. 7, 9; *Лорей Г.* Указ. соч. С. 70–71; *Григорович И. К.* Указ. соч. С. 133.

[55] *Шацилло К. Ф.* Русский империализм и развитие флота накануне Первой мировой войны 1906–1914 гг. М., 1968. С. 160; *Петров М. [А.]* Подготовка России к мировой войне на море. М., Л., 1926. С. 150; *Григорович И. К.* Указ. соч. С. 117.

[56] *Петров М. А.* Два боя... С. 6.

[57] *Лорей Г.* Указ. соч. С. 50.

[58] *Djemal Pasha.* Op. cit. P. 116, 119.

[59] *Morgenthau H.* Op. cit. P. 79.

[60] *Игнатьев А. В.* Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны. М., 1962. С. 177.

[61] *Grey of Fallodon Ed.* Op. cit. Vol. 2. P. 173.

[62] *Heller J.* Sir Louis Mallet and the Ottoman Empire: the road to war // Middle eastern Studies. 1976. Vol. 12. № 1. P. 4, 8.

[63] *Лудшувейт Е. Ф.* Указ. соч. С. 39–40.

[64] Письма адмирала фон Поля // МС. Бизерта, 1921. № 2. С. 39.

[65] Там же. С. 40.

[66] Бреслау – Мидилли // МС. 1918. № 6. С. 20–23.

[67] Сборник дипломатических документов. Переговоры от 19 июля до 19 октября 1914 года... С. 34; *Лорей Г.* Указ. соч. С. 55–56; *Корбетт Ю.* Указ. соч. Т. 1. С. 104; *Гальмерсен П. В.* Операции на западных театрах. Борьба флота против берега в Мировую войну. Л., 1927. Т. 1. С. 95.

[68] Утро России. 9 сентября 1914 г. № 215. С. 3.

[69] *Шталь А.* Указ. соч. // МС. 1921. № 3–6. С. 57.

[70] *Шведе Е.* Боевые действия турецких миноносцев на Черном море в первые месяцы мировой войны (выдержки из воспоминаний начальника Первой Полуфлотилии турецких миноносцев капитана 2-го ранга Рудольфа Фирле) // МС. 1922. № 10. С. 56.

[71] *Шталь А.* Указ. соч. // МС. 1921. № 3–6. С. 57.

[72] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., Л., 1935. Т. 6. Ч. 1 (5 августа 1914 г. – 13 января 1915 г.). С. 29.

[73] Там же. С. 44.

[74] *Лукин А. П.* Указ. соч. Т. 1. С. 15.

[75] Сборник дипломатических документов. Переговоры от 19 июля до 19 октября 1914 года... С. 11.

[76] *Пуанкаре Р.* Указ. соч. Кн. 1. С. 30.

[77] *Яхонтов А.* Совет министров Российской империи... С. 43.

[78] Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем // КА. М., 1922. Т. 1. С. 215.

[79] Русский инвалид. 2 августа 1914 г. № 167. С. 3.

[80] РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 371. Л. 2, 4–5; МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., Л., 1935. Т. 6. Ч. 1 (5 августа 1914 г. – 13 января 1915 г.). С. 14.

[81] РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 451. Л. 23–23 об.

[82] Сборник дипломатических документов. Переговоры от 19 июля до 19 октября 1914 года... С. 12.

[83] РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 452. Л. 23.

[84] Правительственный вестник. 15 (28) августа 1914 г. № 182. С. 1.

[85] РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 28. Л. 18.

[86] *Готлиб В. В.* Тайная дипломатия во время Первой мировой войны. М., 1960. С. 51.

[87] *Пуанкаре Р.* Указ. соч. Кн. 1. С. 15.

[88] *Liman von Sanders O.* Five years in Turkey. Annapolis, 1927. P. 20, 23.

[89] Сборник дипломатических документов. Переговоры от 19 июля до 19 октября 1914 года... С. 5.

[90] *Ericson E.* Ordered to die. A history of the Ottoman Army in the First World war. Greenwood Press. Westport, 2001. P. 10–12.

[91] *Erickson E. J.* Defeat in detail. The Ottoman Army in the Balkans, 1912–1913. Westport, Connecticut, L., 2003. P. 340.

[92] *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте... С. 19.

[93] *Ericson E.* Op. cit. P. 5.

[94] Утро России. 14 августа 1914 г. № 189. С. 3; The Times' History of War. Part 28. Vol. 3. March 2, 1915. P. 51.

[95] *Лудшувейт Е. Ф.* Указ. соч. С. 42–43.

[96] *Townshend Ch.* My campaign in Mesopotamia. L., [1920]. P. 177.

[97] Русский инвалид. 7 ноября 1914 г. № 253. С. 3.

[98] *Ericson. E.* Op. cit. P. 7, 9; *Зайончковский А. М.* Подготовка России к мировой войне (планы войны). С. 328.

[99] *Aaronson A.* With the Turks in Palestine. Boston, N. Y., 1918. P. 13.

[100] *Rankin R.* The inner history of the Balkan war. L., 1914. P. 364, 368–369; *Лорей Г.* Указ. соч. С. 53–54.

[101] *Djemal Pasha.* Op. cit. P. 83, 88.

[102] *Ринтельн.* Указ. соч. С. 11–15.

[103] РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 28. Л. 26–27.

[104] *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 456.

[105] *Burian S.* Op. cit. P. 131.

[106] Българо-турски военни отношения през Първата Световна война (1914–1918). Сборник от документи. София, 2004. С. 26–27.

[107] Сборник дипломатических документов. Переговоры от 19 июля до 19 октября 1914 года... С. 16–18.

[108] *Grey of Fallodon Ed.* Op. cit. Vol. 2. P. 173.

[109] *Алиев Г. З.* Турция в период правления младотурок (1808–1918). М., 1972. С. 238–239.

[110] *Щеглов.* Причины легкомыслия и неудач // Часовой. Париж, 1930. № 35. С. 14.

[111] Правительственный вестник. 18 (31) августа 1914 г. № 185. С. 2.

[112] Правительственный вестник. 20 августа (2 сентября) 1914 г. № 187. С. 5.

[113] Голос Москвы. 23 августа (5 сентября) 1914 г. № 193. С. 4.

[114] *Лудшувейт Е. Ф.* Указ. соч. С. 57–58.

[115] Сборник дипломатических документов. Переговоры от 19 июля до 19 октября 1914 года... С. 26–30.

[116] *Лудшувейт Е. Ф.* Указ. соч. С. 58.

[117] *Эрцбергер М.* Указ. соч. С. 66.

[118] *Алиев Г. З.* Указ. соч. С. 240–241.

[119] *Готлиб В. В.* Указ. соч. С. 29, 31.

[120] Европейские державы и Турция во время мировой войны. Раздел Азиатской Турции. По секретным документам б. министерства иностранных дел // Под ред. Е. А. Адамова. М., 1924. С. 9.

[121] *Emin A.* Op. cit. P. 181.

[122] *Aaronson A.* Op. cit. P. 19.

[123] Ibid. P. 21–22.

[124] The Times History and Encyclopedia of the War. Part 165. Vol. 13. October 16, 1917. P. 293.

[125] Правительственный вестник. 7 (20) октября 1914 г. № 235. С. 2.

[126] *Гальмерсен П. В.* Указ. соч. С. 94–95; *Dutton D.* The Politics of Dipomacy. Britain and France in the Balkans in the First World war. L., N. Y., 1998. P. 45–46.

[127] The Times History and Encyclopedia of the War. Part 165. Vol. 13. October 16, 1917. P. 294.

[128] РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 368. Телеграмма от 16 августа 1914 г.

[129] Там же. Телеграммы от 17 и 19 августа 1914 г.

[130] Там же. Телеграмма от 29 августа 1914 г.

[131] РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 28. Л. 94.

[132] *Щеглов.* Указ. соч. // Часовой. Париж, 1930. № 35. С. 14.

[133] РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 28. Л. 39, 55; Ф. 609. Оп. 1. Д. 451. Л. 40–41.

[134] *Козлов Д. Ю.* «Странная война» в Черном море... С. 92–93.

[135] РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 458. Л. 23–24 об.

[136] *Emin A.* Op. cit. P. 78, 90.

[137] *Козлов Д. Ю.* «Странная война» в Черном море... С. 93.

[138] Правительственный вестник. 5 (18) декабря 1914 г. № 294. С. 3.

[139] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 2 (15) сентября 1914 г. № 14349. С. 2; Утро России. 9 сентября 1914 г. № 215. С. 1.

[140] РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 28. Л. 53.

[141] *Козлов Д. Ю.* «Странная война» в Черном море... С. 68–69.

[142] *Шталь А.* Указ. соч. // МС. 1921. № 3–6. С. 57.

[143] *Козлов Д. Ю.* «Странная война» в Черном море... С. 80.

[144] *Петров М. А.* Два боя... С. 11–12.

[145] *Козлов Д. Ю.* «Странная война» в Черном море... С. 80.

[146] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 3 (15) сентября 1914 г. № 14351. С. 1.

[147] *Григорович И. К.* Указ. соч. С. 144; *Сидоров А. Л.* Экономическое положение... С. 252.

[148] The Times' History of the War. Part 28. Vol. 3. March 2, 1915. P. 44–51; *Гальмерсен П. В.* Указ. соч. С. 96.

[149] Русский инвалид. 16 сентября 1914 г. № 203. С. 4.

[150] *Лудшувейт Е. Ф.* Указ. соч. С. 53.

[151] *Morgenthau H.* Op. cit. P. 110.

[152] Сборник дипломатических документов. Переговоры от 19 июля до 19 октября 1914 года... С. 42–43.

[153] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 18 (31) сентября 1914 г. № 14381. С. 1–2.

[154] The Times' History of the War. Part 48. Vol. 4. July 20, 1915. P. 331.

[155] Геноцид армян в Османской империи // Сборник документов и материалов под ред. М. Г. Нерсисяна. Ереван, 1982. С. 274.

[156] Правительственный вестник. 9 (22) сентября 1914 г. № 207. С. 2; 19 сентября (2 октября) № 217. С. 4; 25 сентября (5 октября) № 220. С. 2; Русский инвалид. 12 сентября 1914 г. № 200. С. 4; 14 сентября 1914 г. № 202. С. 3; 19 сентября 1914 г. № 206. С. 2; 21 сентября 1914 г. № 208. С. 3.

[157] Русский инвалид. 12 декабря 1914 г. № 288. С. 1.

[158] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 22 сентября (5 октября) 1914 г. № 14389. С. 1.

[159] *Минорский В. Ф.* Турецко-персидское разграничение. Пгр., 1916. С. 2, 7–8, 11, 40; The Times History of the War. Part 28 Vol. 3. March 2, 1915. P. 78–79.

[160] РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 28. Л. 105.

[161] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., Л., 1935. Т. 6. Ч. 2 (5 августа 1914 г. — 13 января 1915 г.). С. 4.

[162] *Лудшувейт Е. Ф.* Указ. соч. С. 58.

[163] Сборник дипломатических документов. Переговоры от 19 июля до 19 октября 1914 года... С. 53.

[164] *Новиков Н. [В.]* Операции флота против берега на Черном море в 1914–1917 гг. М., 1937. С. 6.

[165] Там же. С. 4–11; *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте... С. 20.

[166] *Лудшувейт Е. Ф.* Указ. соч. С. 59.

[167] Там же.

[168] Бреслау – Мидилли // МС. 1918. № 7–8. С. 15.

[169] *Козлов Д. Ю.* «Странная война» в Черном море... С. 82–83.

[170] *Шведе Е.* Боевые действия турецких миноносцев... // МС. 1922. № 10. С. 58.

[171] Бреслау – Мидилли // МС. 1918. № 7–8. С. 26.

[172] Там же. С. 27; *Шведе Е.* Операции на Черном море в мировую войну в освещении германской официальной морской историографии // МС. 1928. № 6. С. 108–110.

[173] Утро России. 18 октября 1914 г. № 254. С. 2; 23 октября 1914 г. № 259. С. 4; Голос Москвы. 19 октября (1 ноября) 1914 г. № 241. С. 3; 22 октября (4 ноября) 1914 г. № 243. С. 3; Новое Время. 5 (18) февраля 1915 г. № 13974. С. 3; Русский инвалид. 8 февраля 1915 г. № 31. С. 2; *Лорей Г.* Указ. соч. С. 75.

[174] *Варнек П. А.* Что произошло на «Пруте» (по воспоминаниям командира) // ВБ. Париж, 1973. № 120. С. 41–43.

[175] Утро России. 18 октября 1914 г. № 254. С. 2; 23 октября 1914 г. № 259. С. 4; Голос Москвы. 19 октября (1 ноября) 1914 г. № 241. С. 3; 22 октября (4 ноября) 1914 г. № 243. С. 3; Новое Время. 5 (18) февраля 1915 г. № 13974. С. 3; Русский инвалид. 8 февраля 1915 г. № 31. С. 2; *Лорей Г.* Указ. соч. С. 75.

[176] *Дубенский Д.* Указ. соч. Январь – июнь 1915 г. С. 42.

[177] Голос Москвы. 22 октября (4 ноября) 1914 г. № 243. С. 3.

[178] *Монастырев Н. А.* Гибель царского флота. С. 40.

[179] *Бурхановский В. [З.]* Письмо в редакцию // МЖ. Прага, 1934. № 5 (77). С. 10.

[180] *Пестов А. Н.* «Гебен» на русских минах // ВБ. Париж, 1973. № 125. С. 21–22.

[181] *Покровский А. Г.* Указ. соч. // МЖ. Прага, 1929. № 6 (18). С. 13–14.

[182] *Бурхановский В. [З.]* Указ. соч. // МЖ. Прага, 1934. № 5 (77). С. 10.

[183] *Пестов А. Н.* Указ. соч. // ВБ. Париж, 1973. № 125. С. 21–22.

[184] *Лорей Г.* Указ. соч. С. 82; *Корбетт Ю.* Указ. соч. Т. 1. С. 361.

[185] *Ипатьев В. Н.* Жизнь одного химика. Воспоминания. Нью-Йорк, 1945. Т. 1. С. 434.

[186] *Дубенский Д.* Указ. соч. Январь – июнь 1915 г. С. 44.

[187] *Четверухин М.* Три встречи с «Гебеном» // МЗ. Нью-Йорк, 1948. № 1. С. 53–54.

[188] *Монастырев [Н. А.]* Краткий обзор военным действиям на Черном море в начале войны // МС. Бизерта, 1922. № 5. С. 48.

[189] *Козлов Д. Ю.* «Странная война» в Черном море... С. 152.

[190] Дневники Николая II. С. 492.

[191] Речь. 18 (31) октября 1914 г. № 281 (2950). С. 4.

[192] Голос Москвы. 17 (30) октября 1914 г. № 239. С. 4.

[193] Речь. 17 (30) октября 1914 г. № 280 (2949). С. 1.

[194] Голос Москвы. 17 (30) октября 1914 г. № 239. С. 3.

[195] Сборник дипломатических документов. Переговоры от 19 июля до 19 октября 1914 года... С. 60.

[196] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 23 октября (5 ноября) 1914 г. № 14451. С. 1.

[197] Голос Москвы. 19 октября (1 ноября) 1914 г. № 241; 20 октября (2 ноября) 1914 г. Экстренное прибавление к № 241. С. 1.

[198] Голос Москвы. 19 октября (1 ноября) 1914 г. № 241; 20 октября (2 ноября) 1914 г. Экстренное прибавление к № 241. С. 1; Речь. 21 октября (3 ноября) 1914 г. № 284 (2953). С. 3.

[199] Голос Москвы. 21 октября (3 ноября) 1914 г. № 242. С. 3.

[200] Там же.

[201] Българо-турски военни отношения през Първата Световна война... С. 32.

[202] Сборник дипломатических документов. Переговоры от 19 июля до 19 октября 1914 года... С. 55–56.

[203] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., Л., 1935. Т. 6. Ч. 1 (5 августа 1914 г. — 13 января 1915 г.). С. 460.

[204] Высочайший Манифест о начале военных действий Турции против России // ИМИД. СПб., 1914. № 6. С. 1–2.

[205] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., Л., 1935. Т. 6. Ч. 2 (5 августа 1914 г. — 13 января 1915 г.). С. 6.

[206] Ставка и министерство иностранных дел // КА. М., Л., 1928. Т. 1 (26). С. 21.

[207] *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте... Приложение № 2. С. 431; *Emin A.* Op. cit. P. 174.

[208] Българо-турски военни отношения през Първата Световна война... С. 34, 37–38.

[209] Голос Москвы. 22 октября (4 ноября) 1914 г. № 243. С. 3; Речь. 22 октября (4 ноября) 1914 г. № 285 (2954). С. 3; 25 октября (7 ноября) 1914 г. № 288 (2957). С. 4; Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 24 октября (6 ноября) 1914 г. № 14453. С. 2; Русский инвалид. 25 октября 1914 г. № 240. С. 2.

[210] Утро России. 21 октября 1914 г. № 257. С. 2; 23 октября 1914 г. № 259. С. 2; Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 22 октября (4 ноября) 1914 г. № 14449. С. 2.

[211] Голос Москвы. 1 (14) ноября 1914 г. № 252. С. 4.

[212] Утро России. 21 октября 1914 г. № 257. С. 2; 23 октября 1914 г. № 259. С. 2.

[213] *Asprey R.* Op. cit. P. 129.

[214] *Djemal Pasha.* Op. cit. P. 130–132.

[215] *Эрцбергер М.* Указ. соч. С. 66.

Вступление Турции в войну: экономические последствия для России

[1] *Шульц Г. [К.] фон.* Босфор и Дарданеллы // МС. 1913. № 6. С. 130.

[2] *Дубенский Д.* Указ. соч. Январь — июнь 1915 г. С. 141.

[3] Утро России. 9 ноября 1914 г. № 276. С. 1.

[4] Правительственный вестник. 21 января (3 февраля) 1915 г. № 16. С. 3.

[5] Одесское градоначальство (по последним отчетным данным за 1914 год) // Правительственный вестник. 28 февраля (12 марта) 1916 г. № 47. С. 4.

[6] *Григорович И. К.* Указ. соч. С. 155.

[7] *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). М., 1960. С. 84.

[8] *Наумов А. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 470.

[9] *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987. С. 21.

[10] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., 1935. Т. 1 (14 января — 4 августа 1914 г.). С. 223.

[11] Константинополь и Проливы. По секретным документам б. министерства иностранных дел // Под ред. Е. А. Адамова. М., 1925. Т. 1. С. 156–157.

[12] *Кондратьев Н. Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 107.

[13] *Ипатьев В. [Н.]* Работа химической промышленности на оборону во время войны. Пгр., 1920. С. 21, 31.

[14] Падение царского режима... // Под ред. П. Е. Щеголева. Л., 1925. Т. 2. С. 204; *Погребинский А. П.* Государственно-монополистический капитализм в России. М., 1959. С. 142.

[15] *Vopicka Ch.* Op. cit. P. 129.

[16] *Григорович И. К.* Указ. соч. С. 146.

[17] К сооружению Мурманской железной дороги // Правительственный вестник. 14 (27) февраля 1915 г. № 36. С. 3.

[18] Правительственный вестник. 10 (23) июля 1915 г. № 151. С. 1.

[19] *Козлов Н.* Очерк снабжения русской армии военно-техническим имуществом в Мировую войну. От начала войны до половины 1916 г. М., 1926. Ч. 1. С. 29.

[20] К оборудованию Архангельского и Владивостокского портов // Правительственный вестник. 20 января (2 февраля) 1915 г. № 15. С. 4.

[21] *Козлов Н.* Указ. соч. Ч. 1. С. 29.

[22] *Кротков [Н. В.]* Операции по обеспечению морских перевозок в северных водах // МС. 1934. № 8. С. 186.

[23] *Варнек П. А.* Русский Север в первую мировую войну // МЗ. Нью-Йорк, 1948. № 2. С. 34.

[24] *Кротков [Н. В.]* Операции по обеспечению морских перевозок... // МС. 1934. № 8. С. 185.

[25] *Варнек П. А.* Указ. соч. // МЗ. Нью-Йорк, 1948. № 2. С. 34.

[26] *Трошина Т. И.* Великая война... Забытая война... Архангельск в годы Первой мировой войны (1914–1918). Архангельск, 2008. С. 38.

[27] *Кротков [Н. В.]* Операции по обеспечению морских перевозок... // МС. 1934. № 8. С. 186; *Данилов Н. А.* Влияние мировой войны на экономическое положение России. Пгр., 1922. С. 58, 75; *Он же.* Экономика и подготовка к войне. М., Л., 1926. С. 27; *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. С. 164; *Погребинский А. П.* Государственно-монополистический капитализм в России. С. 142; *Stone N.* Op. cit. P. 157; *Быков П. Д.* Военные действия на Северном русском морском театре в империалистическую войну 1914–1918 годов // Война на Северном морском театре. 1914–1918 годы. СПб., 2003. С. 6, 8; *Трошина Т. И.* Указ. соч. С. 40.

[28] Из статистики Архангельской губернии (по данным официального отчета) // Правительственный вестник. 13 (26) февраля 1916 г. № 35. С. 5.

[29] *Трошина Т. И.* Указ. соч. С. 91.

[30] Из статистики Архангельской губернии (по данным официального отчета) // Правительственный вестник. 13 (26) февраля 1916 г. № 35. С. 5.

[31] *Кротков [Н. В.]* Операции по обеспечению морских перевозок... // МС. 1934. № 8. С. 186.

[32] *Федоров В. Г.* Указ. соч. С. 123.

[33] *Трошина Т. И.* Указ. соч. С. 16.

[34] *Цывинский Г. Ф.* 50 лет в императорском фронте. Рига, б. г. С. 321.

[35] *Трошина Т. И.* Указ. соч. С. 18–20.

[36] РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 406. Л. 110 об.

[37] *Кротков [Н. В.]* Операции по обеспечению морских перевозок... // МС. 1934. № 8. С. 186; *Трошина Т. И.* Указ. соч. С. 4, 50.

[38] РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 406. Л. 110 об.

[39] История отечественного кораблестроения. СПб., 1995. Т. III. С. 351; *Яхонтов А.* Совет министров Российской империи... С. 40; *Григорович И. К.* Указ. соч. С. 175; *Трошина Т. И.* Указ. соч. С. 30.

[40] *Кротков [Н. В.]* Операции по обеспечению морских перевозок... // МС. 1934. № 8. С. 187–188.

[41] *Трошина Т. И.* Указ. соч. С. 35–36.

[42] Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее — АВИМАИВиВС). Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 139. Л. 2 об.; Из статистики Архангельской губернии (по данным официального отчета) // Правительственный вестник. 13 (26) февраля 1916 г. № 35. С. 5; Мурманская железная дорога (Русский железнодорожный путь к

незамерзающему морю как важный фактор в Великой войне) // ВС. 1916. № 2. С. 52, 54; Мурманское окно на морской простор // ВС. 1916. № 4 С. 165, 177.

[43] Олонецкая дорога // Новое Время. 29 апреля (12 мая) 1916 г. № 14419. С. 5.

[44] Мурманская железная дорога... //ВС. 1916. № 2. С. 54, 56.

[45] *Варнек П. А.* Указ. соч. // МЗ. Нью-Йорк, 1949. № 1. С. 23–24.

[46] *Stone N.* Op. cit. P. 158–159; *Корбетт Ю.* Указ. соч. Л., 1930. Т. 3. С. 53; *Ньюболт Г.* Операции английского флота в Мировую войну. М., Л., 1934. Т. 5. С. 329.

[47] Из статистики Архангельской губернии (по данным официального отчета) // Правительственный вестник. 13 (26) февраля 1916 г. № 35. С. 5; Мурманское окно на морской простор // ВС. 1916. № 4. С. 178.

[48] *Трошина Т. И.* Указ. соч. С. 44–45.

[49] Особые журналы Совета министров Российской империи. 1917 год. М., 2009. С. 8.

[50] *Кротков [Н. В.]* Операции по обеспечению морских перевозок... // МС. 1934. № 8. С. 191.

[51] История отечественного кораблестроения. СПб., 1995. Т. III. С. 352; *Шульц Г. К. фон.* С английским флотом в Мировую войну. Воспоминания представителя русского флота при английском Гранд-Флите. СПб., 2000. С. 46.

[52] АВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 210. Л. 37.

[53] *Кротков [Н. В.]* Операции по обеспечению морских перевозок... // МС. 1934. № 8. С. 186.

[54] *Быков П. Д.* Указ. соч. // Война на Северном морском театре. 1914–1918 годы. СПб., 2003. С. 8.

[55] О введении портового управления в Мурманском порте, в Кольской губе и установлении временного штата сего управления // Правительственный вестник. 30 сентября (13 октября) 1916 г. № 210. С. 1.

[56] *Ньюболт Г.* Указ. соч. Т. 5. С. 329; *Григорович И. К.* Указ. соч. С. 175.

[57] *Федоров В. Г.* Указ. соч. С. 123–124; Козло*в Н.* Указ. соч. Ч. 1. С. 29, 31.

[58] *Шульц Г. К. фон.* Указ. соч. С. 47.

[59] *Дворжецкий Ю. К.* В Архангельске в начале 1-й Великой войны // МЗ. Нью-Йорк, 1943. № 5. С. 151, 153.

[60] *Кузнецов Л. А.* Транспорт «Бакан» // Война на Северном морском театре. 1914–1918 годы. СПб., 2003. С. 93.

[61] *Варнек П. А.* Указ. соч. // МЗ. Нью-Йорк, 1948. № 2. С. 35–37, 41.

[62] *Иванов-Тринадцатый К.* Поход и гибель линейного корабля «Пересвет» // ВБ. Париж, 1961. № 51. С. 11.

[63] *Трошина Т. И.* Указ. соч. С. 14–15.

[64] *Быков П. Д.* Указ. соч. // Война на Северном морском театре. 1914–1918 годы. СПб., 2003. С. 15–17.

[65] *Кротков [Н. В.]* Операции германских подводных лодок на Севере // МС. 1934. № 6. С. 113; *Варнек П. А.* Указ. соч. // МЗ. Нью-Йорк, 1948. № 3–4. С. 25–26.

[66] *Быков П. Д.* Указ. соч. // Война на Северном морском театре. 1914–1918 годы. СПб., 2003. С. 17.

[67] *Варнек П. А.* Указ. соч. // МЗ. Нью-Йорк, 1948. № 3–4. С. 27–28.

[68] *Быков П. Д.* Указ. соч. // Война на Северном морском театре. 1914–1918 годы. СПб., 2003. С. 34, 36.

[69] *Давыдов Р. А.* «Весь Архангельск только и говорил о прибывших подводных лодках». Первое появление российских подводных лодок на Севере // Защитники Отечества. Материалы XXIII общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск, 27–28 октября 2007 г. Вып. 11. Архангельск, 2008. С. 309–310.

[70] *Корбетт Ю.* Указ. соч. Т. 3. С. 53–54; *Ньюболт Г.* Указ. соч. Т. 5. С. 329; *Яхонтов А.* Совет министров Российской империи... С. 215; *Григорович И. К.* Указ. соч. С. 169, 176, 180; *Федоров В. Г.* Указ. соч. С. 132; Немецкие подводные лодки в Северном Ледовитом

океане // МС. 1918. № 2–3. С. 1; *Кротков [Н. В.]* Операции германских подводных лодок на Севере // МС. 1934. № 6. С. 114–116; *Он же.* Операции по обеспечению морских перевозок... // МС. 1934. № 8. С. 189; № 2–3. С. 1; *Варнек П. А.* Указ. соч. // МЗ. Нью-Йорк, 1949. № 1. С. 20.

[71] О введении в Архангельском порте и водном районе Белого моря временного военного управления // Правительственный вестник. 4 (17) февраля 1916 г. № 27. С. 1.

[72] *Трошина Т. И.* Указ. соч. С. 56.

[73] *Быков П. Д.* Указ. соч. // Война на Северном морском театре. 1914–1918 годы. СПб., 2003. С. 18–19.

[74] Правительственный вестник. 16 (29) апреля 1916 г. № 84. С. 1.

[75] *Кротков [Н. В.]* Операции германских подводных лодок на Севере // МС. 1934. № 6. С. 114–116; *Он же.* Операции по обеспечению морских перевозок... // МС. 1934. № 8. С. 189; № 2–3. С. 1; *Варнек П. А.* Указ. соч. // МЗ. Нью-Йорк, 1949. № 1. С. 20.

[76] Особые журналы Совета министров Российской империи. 1916 год. М., 2008. С. 24.

[77] *Таубе Г. Н.* Описание действий Гвардейского Экипажа на суше и на море в войну 1914–1917 гг. Нью-Йорк, 1944. С. 26, 30–32; *Иванов-Тринадцатый К.* Указ. соч. // ВБ. Париж, 1962. № 54. С. 9–10.

[78] *Варнек П. А.* Указ. соч. // МЗ. Нью-Йорк, 1950. № 2. С. 25.

[79] *Быков П. Д.* Указ. соч. // Война на Северном морском театре. 1914–1918 годы. СПб., 2003. С. 25–26.

[80] *Бобрецов А. С.* Подводная лодка «Святой Георгий» — «Коммунар» в военной истории Русского Севера // Защитники Отечества. Материалы XXIII общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск, 27–28 октября 2007 г. Вып. 11. Архангельск, 2008. С. 297–299.

[81] *Кротков [Н. В.]* Операции германских подводных лодок на Севере // МС. 1934. № 6. С. 118.

[82] *Погребинский А. П.* Государственно-монополистический капитализм в России. С. 142; *Родзянко М. В.* Крушение империи. С. 124.

[83] *Маевский И. В.* Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М., 1957. С. 205.

[84] *Трошина Т. И.* Указ. соч. С. 71–72.

[85] РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 134. Л. 16.

[86] Русский инвалид. 25 октября 1916 г. № 285. С. 1.

[87] Российский Государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 1603. Л. 11.

[88] *Гайдук М. И.* «Утюг». Материалы и факты о заготовительной деятельности русских военных комиссий в Америке. Нью-Йорк, 1918. С. 68, 77.

[89] *Ринтельн.* Указ. соч. С. 33, 36–37, 48.

[90] Переход подводной лодки «Дейчланд» // МС. 1918. № 1. С. 70.

[91] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 1603. Л. 28.

[92] Там же. Л. 10.

[93] Журналы Особого совещания по обороне государства. 1916 год. М., 1977. Ч. 4. С. 631.

[94] Русский инвалид. 31 октября 1916 г. № 291. С. 1.

[95] *Варнек П. А.* Указ. соч. // МЗ. Нью-Йорк, 1950. № 1. С. 37.

[96] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 1603. Л. 10.

[97] *Варнек П. А.* Указ. соч. // МЗ. Нью-Йорк, 1950. № 1. С. 37.

[98] Там же. С. 38.

[99] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 1603. Л. 10.

[100] *Цывинский Г. Ф.* Указ. соч. С. 333.

[101] *Варнек П. А.* Указ. соч. // МЗ. Нью-Йорк, 1950. № 1. С. 39.

[102] *Трошина Т. И.* Указ. соч. С. 73.

[103] Русский инвалид. 31 октября 1916 г. № 291. С. 3.

[104] РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 134. Л. 16, 45.
[105] Правительственный вестник. 2 (15) ноября 1916 г. № 234. С. 5.
[106] *Варнек П. А.* Указ. соч. // МЗ. Нью-Йорк, 1950. № 1. С. 32, 37, 39.
[107] Правительственный вестник. 2 (15) декабря 1916 г. № 258. С. 1.
[108] *Трошина Т. И.* Указ. соч. С. 75–76.
[109] *Варнек П. А.* Указ. соч. // МЗ. Нью-Йорк, 1950. № 2. С. 27.
[110] АВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 137. Л. 37–38.
[111] Русский инвалид. 22 января 1917 г. № 21. С. 5.
[112] *Варнек П. А.* Указ. соч. // МЗ. Нью-Йорк, 1950. № 2. С. 28.
[113] *Яхонтов А.* Совет министров Российской империи... С. 55–56, 80; *Григорович И. К.* Указ. соч. С. 160.
[114] *Козлов Д. Ю.* Цель — шведская руда. Действия надводных сил флота Балтийского моря на неприятельских коммуникациях в кампанию 1916 года. М., 2008. С. 4.
[115] *Grey of Fallodon Ed.* Op. cit. Vol. 1. P. 113.
[116] *Яхонтов А.* Совет министров Российской империи... С. 161.
[117] *Бубнов А. [Д.]* Указ. соч. С. 109–111; см. также: *Кпох А.* Op. cit. Vol. 1. P. XXXIII; *Рольман Г.* Указ. соч. С. 279; *Ллойд-Джордж Д.* Указ. соч. М., 1935. Т. 3. С. 81; The Times History of the War. Part 97. Vol. 8. June 27, 1916. P. 214.
[118] РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 134. Л. 3–6, 13, 22, 25, 35, 38.
[119] *Данилов Н. А.* Влияние мировой войны... С. 75, 77; *Ньюболт Г.* Указ. соч. Т. 5. С. 329.
[120] The Times History and Encyclopedia of the War. Part 135. Vol. 11. March 20, 1917. P. 159.
[121] *Романов Б. [А.]* Финансовое положение России перед Октябрьской революцией // КА. М., Л., 1927. Т. 6 (25). С. 30.
[122] *Маевский И. В.* Указ. соч. С. 16–17, 19, 47, 127–128, 144–145, 179.
[123] *Morgenthau H.* Op. cit. P. 7.
[124] *Фалькенгайн Э.* Указ. соч. С. 54.

Кавказский фронт: от Аджарии до Персии, зима 1914 — весна 1915 г.

[1] *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте... С. 30–31.
[2] *Зайончковский А. М.* Подготовка России к мировой войне (планы войны). С. 330–332; *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте... С. 32–33.
[3] Русский инвалид. 23 октября 1914 г. № 238. С. 1; 26 октября 1914 г. № 241. С. 1.
[4] *Ахаткин [Кр. З.]* Начало войны с Турцией // Часовой. Париж, 1930. № 23. С. 7.
[5] Русский инвалид. 5 ноября 1914 г. № 251. С. 1.
[6] *Ахаткин [Кр. З.]* Указ. соч. // Часовой. Париж, 1930. № 23. С. 7.
[7] Утро России. 13 ноября 1914 г. № 280. С. 2; Голос Москвы. 13 (26) ноября 1914 г. № 262. С. 3.
[8] РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 455. Л. 8, 13 об.
[9] Масловск*ий Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте... С. 44.
[10] Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 421–424.
[11] *Аглян В.* О формировании Армянского корпуса (1917–1918) // Р. Сб. М.: Модест Колеров, 2009. Т. 6. С. 151–152.
[12] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3018. Л. 78.
[13] Голос Москвы. 29 октября (11 ноября) 1914 г. № 249. С. 3; 2 (15) ноября 1914 г. № 253. С. 3.
[14] Голос Москвы. 2 (15) ноября 1914 г. № 253. С. 3.
[15] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 22 октября (4 ноября) 1914 г. № 14449. С. 1; Голос Москвы. 6 (19) ноября 1914 г. № 256. С. 3.

[16] *Kalmykow A. D.* Memoirs of a Russian diplomat. Outposts of the Empire, 1893–1917. New Haven, L., 1971. P. 258.

[17] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 27 октября (9 ноября) 1914 г. № 14459. С. 2.

[18] Вестник Главного Управления Генерального штаба. 1911. Вып. 23. Характеристика современного состояния IV и V турецких корпусов. С. 73; *Aaronson A.* Op. cit. P. 7, 23–24.

[19] *Строков А. А.* Указ. соч. С. 266–267.

[20] *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте... С. 45.

[21] Там же. С. 49.

[22] Русский инвалид. 13 декабря 1914 г. № 289. С. 1.

[23] *Виберг [С. А.]* Весьма секретно. Военно-географическое и статистическое описание Кавказского военного округа. Стратегический очерк Кавказско-Турецкого театра военных действий. Тифлис, 1911. С. 155.

[24] Русский инвалид. 13 декабря 1914 г. № 289. С. 1.

[25] *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте... С. 131.

[26] *Виберг [С. А.]* Весьма секретно. Военно-географическое и статистическое описание Кавказского военного округа. Стратегический очерк Кавказско-Турецкого театра военных действий. С. 89, 115.

[27] Там же. С. 91.

[28] Там же. С. 154.

[29] *Лудшувейт Е. Ф.* Указ. соч. С. 63.

[30] *Siegel J.* Endgame. Britain, Russia and the final struggle for Central Asia. L., N. Y., 2002. P. 143–144.

[31] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., 1935. Т. 1 (14 января – 4 августа 1914 г.). С. 579; *Moberley F. J.* Operations in Persia 1914–1919. L., 1987. P. 46–47; *Данилов Ю. Н.* Великий Князь... С. 283.

[32] *Бах П.* Тегеран. Май 1914 – апрель 1916 г. // ВИВ. Париж, 1959. № 13. С. 8.

[33] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., 1935. Т. 1 (14 января – 4 августа 1914 г.). С. 579.

[34] *Бах П.* Указ. соч. // ВИВ. Париж, 1959. № 13. С. 5.

[35] Там же. С. 6.

[36] *Емельянов А. Г.* Персидский фронт (1915–1918). Берлин, 1923. С. 8.

[37] *Калугин С.* Персидская казачья Его Величества Шаха Персии дивизия // ВИВ. Париж, 1958. № 11. С. 16.

[38] *Масловский Е. В.* Русские отряды в Персии (К вопросу о естественном историческом поступательном движении России на юг, к открытому морю) // Возрождение. Париж, 1966. № 169. С. 94.

[39] *Масловский Е. В.* Русские отряды в Персии... // Возрождение. Париж, 1966. № 171. С. 106–107, 110.

[40] РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 2. Д. 234. Л. 57–57 об.

[41] *Ericson E.* Op. cit. P. 45.

[42] *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте... С. 121.

[43] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1914 г. Ед. хр. 300. Л. 146–146 об.

[44] Новое Время. 21 апреля (4 мая) 1915 г. № 14048. С. 3.

[45] Русский инвалид. 3 января 1915 г. № 2. С. 3.

[46] *Мартиросян Д. Г.* Трагедия батумских армян. Просто «резня» или предвестник армянского геноцида? // Родина. 2010. № 4. С. 70.

[47] *Виберг [С. А.]* Весьма секретно. Военно-географическое и статистическое описание Кавказского военного округа. Стратегический очерк Черноморского театра военных действий. Тифлис, 1912. С. 82, 85.

[48] Российский Государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 68. Л. 77.

[49] *Мартиросян Д. Г.* Указ. соч. // Родина. 2010. № 4. С. 70.

[50] Русский инвалид. 11 января 1915 г. № 9. С. 2; Новое Время. 21 апреля (4 мая) 1915 г. № 14048. С. 3.

[51] РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 68. Л. 77–77 об.

[52] *Виберг [С. А.]* Весьма секретно. Военно-географическое и статистическое описание Кавказского военного округа. Стратегический очерк Черноморского театра военных действий. С. 84.

[53] *Арутюнян А. О.* Кавказский фронт 1914–1917 гг. Ереван, 1971. С. 160.

[54] РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Ед. хр. 746. Л. 47.

[55] Русский инвалид. 4 декабря 1914 г. № 280. С. 1.

[56] Русский инвалид. 8 декабря 1914 г. № 284. С. 1; 9 декабря 1914 г. № 285. С. 1; 11 декабря 1914 г. № 287. С. 1.

[57] *Дубенский Д.* Указ. соч. Ноябрь – декабрь 1914 г. С. 32–90.

[58] Русский инвалид. 3 декабря 1914 г. № 279. С. 1; *Спиридович А. И.* Указ. соч. Кн. 1. С. 54–65.

[59] *Никольский В. П.* Сарыкамышская операция. 12–24 декабря ст. ст. 1914 года. София, 1933. С. 7.

[60] *Семина Х. Д.* Трагедия русской армии Первой Великой войны 1914–1918 гг. Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Нью-Мексико, 1963. Кн. 1. С. 69.

[61] *Спиридович А. И.* Указ. соч. Кн. 1. С. 63.

[62] *Дубенский Д.* Указ. соч. Ноябрь – декабрь 1914 г. С. 78.

[63] Дневники Николая II. С. 501.

[64] *Никольский В. П.* Указ. соч. С. 8.

[65] *Семина Х. Д.* Указ. соч. Кн. 1. С. 72–73.

[66] *Н. Р.* Сарыкамыш // ВиР. 1927. № 3. С. 159.

[67] Русский инвалид. 9 декабря 1914 г. № 285. С. 1.

[68] *Ахаткин Кр. [З.]* Сарыкамыш // ВС ОРВЗ. Белград, 1925. Кн. 6. С. 110.

[69] *Масловский Е. [В.]* Значение духовной сущности боя // Часовой. Париж, 1932. № 76. С. 8.

[70] *Ахаткин Кр. [З.]* Письмо в редакцию // ВВЗ. Сараево, 1931. № 2. С. 31.

[71] *Никольский В. П.* Указ. соч. С. 43.

[72] *Виберг [С. А.]* Весьма секретно. Военно-географическое и статистическое описание Кавказского военного округа. Стратегический очерк Кавказско-Турецкого театра военных действий. С. 95.

[73] Там же. С. 93.

[74] *Никольский В. П.* Указ. соч. С. 44.

[75] Русский инвалид. 11 декабря 1914 г. № 287. С. 1.

[76] *Ахаткин Кр. [З.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1925. Кн. 6. С. 114.

[77] *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте... С. 93.

[78] *Мартиросян Д. Г.* Генерал Г. Э. Берхман «управлял всем ходом того дела, которое кончилось большим успехом». Приписанные заслуги генералов Н. Н. Юденича и М. А. Пржевальского // ВИЖ. 2008. № 6. С. 28.

[79] *Данилов Ю. Н.* Россия в Мировой войне 1914–1915 годов. С. 272.

[80] *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте... С. 93.

[81] *Никольский В. П.* Указ. соч. Приложение № 3. С. 104.

[82] *Федоровский В. М.* Почти забытые были (Правда о Сарыкамышской операции) // ВБ. Париж, 1963. № 58. С. 3–4.

[83] *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте... С. 93.

[84] *Никольский В. П.* Указ. соч. Приложение № 3. С. 104.

[85] *Мартиросян Д. Г.* Указ. соч. // ВИЖ. 2008. № 6. С. 28.

[86] *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте... С. 92, 127–128.

[87] *Н. Р.* Указ. соч. // ВиР. 1927. № 3. С. 162.

[88] Русский инвалид. 12 декабря 1914 г. № 288. С. 1.

[89] *Ахаткин Кр. [З.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1925. Кн. 6. С. 111.

[90] *Н. Р.* Указ. соч. // ВиР. 1927. № 3. С. 162–163.

[91] *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте... С. 102–103.

[92] *Ахаткин Кр. [З.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1925. Кн. 6. С. 111; *Н. Р.* Указ. соч. // ВиР. 1927. № 3. С. 162–164.
[93] *Никольский В. П.* Указ. соч. С. 25–26.
[94] *Ахаткин Кр. [З.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1925. Кн. 6. С. 112, 116.
[95] Там же. С. 112, 114.
[96] *Никольский В. П.* Указ. соч. С. 44.
[97] *Ахаткин Кр. [З.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1925. Кн. 6. С. 116–117.
[98] *Никольский В. П.* Указ. соч. С. 44.
[99] *Семина Х. Д.* Указ. соч. Кн. 1. С. 77.
[100] *Ахаткин Кр. [З.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1925. Кн. 6. С. 118–119.
[101] *Никольский В. П.* Указ. соч. С. 31.
[102] *Федоровский В. М.* Указ. соч. // ВБ. Париж, 1963. № 58. С. 4; *Мартиросян Д. Г.* Указ. соч. // ВИЖ. 2008. № 6. С. 28.
[103] *Н. Р.* Указ. соч. // ВиР. 1927. № 3. С. 165.
[104] *Никольский В. П.* Указ. соч. С. 31, 33.
[105] Сарыкамышская операция 12–24 декабря 1914 года. Некоторые документы // Под ред. П. Андреева. Париж, 1934. С. 21.
[106] *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте... С. 93, 102–103.
[107] *Н. Р.* Указ. соч. // ВиР. 1927. № 3. С. 165.
[108] *Никольский В. П.* Указ. соч. С. 33–34.
[109] *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте... С. 129.
[110] *Ахаткин Кр. [З.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1925. Кн. 6. С. 120.
[111] РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 461. Л. 125.
[112] *Арутюнян А. О.* Указ. соч. С. 47.
[113] *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте... С. 107.
[114] *Ахаткин Кр. [З.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1925. Кн. 6. С. 121–122.
[115] *Никольский В. П.* Указ. соч. С. 34.
[116] *Масловский Е.* В. Мировая война на Кавказском фронте... С. 108–109.
[117] *Ахаткин Кр. [З.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1925. Кн. 6. С. 124.
[118] *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте... С. 112, 121.
[119] *Ахаткин Кр. [З.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1925. Кн. 6. С. 124–125.
[120] *Hanbury-Williams J.* Op. cit. P. 24.
[121] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., Л., 1935. Т. 6. Ч. 2 (5 августа 1914 г. — 13 января 1915 г.). С. 307.
[122] Там же. С. 308.
[123] РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 29. Л. 21, 27 об.
[124] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., Л., 1935. Т. 6. Ч. 2 (5 августа 1914 г.— 13 января 1915 г.). С. 308.
[125] Русский инвалид. 16 деабря 1914 г. № 292. С. 1.
[126] *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте... С. 113–114.
[127] Речь. 25 декабря 1914 г. (7 января 1915 г.) № 349 (3019). С. 4.
[128] *Н. Р.* Указ. соч. // 1927. № 3. С. 166.
[129] Речь. 28 декабря 1914 г. (10 января 1915 г.) № 351 (3020). С. 7.
[130] Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем // КА. М., 1923. Т. 2. С. 152.
[131] *Ахаткин Кр. [З.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1925. Кн. 6. С. 125–126.
[132] *Елисеев Ф. И.* Казаки на Кавказском фронте 1914–1917. Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадях. М., 2001. С. 58.
[133] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 23 декабря (5 января) 1914 г. № 14573. С. 1.
[134] Русский инвалид. 22 декабря 1914 г. № 298. С. 1.
[135] *Ахаткин Кр. [З.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1925. Кн. 6. С. 126.
[136] Речь. 22 декабря 1914 г. (4 января 1915 г.) № 346 (3015). С. 3.
[137] Речь. 24 декабря 1914 г. (6 января 1915 г.) № 348 (3017). С. 4.
[138] *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте... С. 121–122.

[139] *Ахаткин Кр. [З.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1925. Кн. 6. С. 126.
[140] *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте... С. 126.
[141] Сарыкамышская операция... С. 5.
[142] Русский инвалид. 24 декабря 1914 г. № 300. С. 1.
[143] Утро России. 24 декабря 1914 г. № 321. С. 2.
[144] Речь. 27 декабря 1914 г. (9 января 1915 г.) № 350 (3019). С. 2.
[145] Речь. 21 декабря 1914 г. (3 января 1915 г.) № 345 (3014). С. 2; Голос Москвы. 23 декабря 1914 г. (5 января 1915 г.) № 295. С. 3.
[146] Правительственный вестник. 17 (30) ноября 1914 г. № 276. С. 1.
[147] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 30 декабря (12 января) 1914 г. № 14583. С. 2.
[148] Сарыкамышская операция... С. 6.
[149] *Никольский В. П.* Указ. соч. С. 91–92.
[150] Русский инвалид. 29 декабря 1914 г. № 301. С. 1.
[151] *Виберг [С. А.]* Весьма секретно. Военно-географическое и статистическое описание Кавказского военного округа. Стратегический очерк Кавказско-Турецкого театра военных действий. С. 22.
[152] Там же. С. 24.
[153] *Мартиросян Д. Г.* Указ. соч. // Родина. 2010. № 4. С. 70.
[154] *Арутюнян А. О.* Указ. соч. С. 159.
[155] Новое Время. 15 (28) февраля 1915 г. № 13984. С. 4.
[156] Новое Время. 20 февраля (5 марта) 1915 г. № 13989. С. 4.
[157] *Мартиросян Д. Г.* Указ. соч. // Родина. 2010. № 4. С. 70–71.
[158] *Семина Х. Д.* Указ. соч. Кн. 1. С. 203.
[159] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 8 (21) февраля 1915 г. № 14659. С. 1.
[160] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 12 (25) февраля 1915 г. № 14667. С. 2.
[161] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 17 (30) апреля 1916 г. № 15504. С. 2.
[162] *Виберг [С. А.]* Весьма секретно. Военно-географическое и статистическое описание Кавказского военного округа. Стратегический очерк Кавказско-Турецкого театра военных действий. С. 160.
[163] Речь. 11 (24) февраля 1915 г. № 40 (3063). С. 2.
[164] Там же.
[165] Утро России. 27 декабря 1914 г. № 323. С. 1.
[166] Русский инвалид. 29 декабря 1914 г. № 301. С. 1; 13 января 1915 г. № 10. С. 2.
[167] Русский инвалид. 3 февраля 1915 г. № 26. С. 1.
[168] Утро России. 5 января 1915 г. № 5. С. 1.
[169] Русский инвалид. 20 января 1915 г. № 16. С. 1.
[170] *Ахаткин Кр. [З.]* Указ. соч. // ВС ОРВЗ. Белград, 1925. Кн. 6. С. 126.
[171] *Елисеев Ф. И.* Указ. соч. С. 59–60.
[172] РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 455. Л. 27.
[173] Утро России. 11 января 1915 г. № 11. С. 3.
[174] Утро России. 7 января 1915 г. № 7. С. 1.
[175] Утро России. 8 января 1915 г. № 8. С. 2.
[176] Утро России. 14 января 1915 г. № 14. С. 2; 15 января 1915 г. № 15. С. 2; Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 19 января (1 февраля) 1915 г. № 14621. С. 1; Новое Время. 2 (15) марта 1915 г. № 13999. С. 2.
[177] *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте... С. 126.
[178] Утро России. 4 января 1915 г. № 4. С. 3.
[179] *Ericson E.* Op. cit. P. 59.
[180] *Семина Х. Д.* Указ. соч. Кн. 1. С. 143.
[181] *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте... С. 133; несколько меньшие цифры потерь турок см.: *Liman von Sanders O.* Op. cit. P. 40.
[182] Русский инвалид. 20 января 1915 г. № 16. С. 1.

[183] Утро России. 11 января 1915 г. № 11. С. 3.

[184] Утро России. 3 января 1915 г. № 3. С. 2; 7 января 1915 г. № 7. С. 1; 10 января 1915 г. № 10. С. 2.

[185] *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте... С. 150–152.

[186] Утро России. 12 января 1915 г. № 12. С. 2.

[187] Утро России. 13 января 1915 г. № 15. С. 2.

[188] Речь. 26 января (8 февраля) 1915 г. № 25 (3048). С. 2.

[189] Русские Ведомости. 31 января 1915 г. № 25. С. 2.

[190] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 15 (28) мая 1915 г. № 14844. С. 1.

[191] Сарыкамышская операция... С. 46.

[192] *Никольский В. П.* Указ. соч. С. 11.

[193] Сарыкамышская операция... С. 46.

[194] *Пржеплавский А.* Вторая годовщина Сарыкамышского боя // Новое Время. 24 декабря 1916 г. (6 января 1917 г.) № 14658. С. 3.

[195] *Корсун Н. Г.* Алашкертская и Хамаданская операции на Кавказском фронте мировой войны в 1915 году. М., 1940. С. 33–34.

[196] НАА. Ф. 45. Оп. 1. Д. 12. Л. 149, 203–204.

[197] *Корсун Н. Г.* Указ. соч. С. 36.

[198] Персия. Пути сообщения в западном Азербайджане // Сборник ГУГШ. 1913. Вып. 54. С. 68–69.

[199] Правительственный вестник. 4 (17) июля 1914 г. № 146. С. 3.

[200] *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте... С. 157.

[201] Речь. 7 (20) февраля 1915 г. № 36 (3059). С. 4.

[202] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., Л., 1935. Т. 7. Ч. 1 (14 января — 23 мая 1915 г.). С. 77, 81.

[203] Речь. 7 (20) февраля 1915 г. № 36 (3059). С. 4.

[204] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 7 (20) января 1915 г. № 14597. С. 2.

[205] *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте... С. 157.

[206] Русский инвалид. 20 января 1915 г. № 16. С. 1; 29 января 1915 г. № 24. С. 1.

[207] НАА. Ф. 45. Ф. 45. Оп. 1. Д. 12. Л. 145–146.

[208] Утро России. 19 января 1915 г. № 19. С. 2.

[209] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 19 января (1 февраля) 1915 г. № 14621. С. 1; Утро России. 20 января 1915 г. № 20. С. 2.

[210] Речь. 20 января (2 февраля) 1915 г. № 19 (3042). С. 3.

[211] Речь. 23 января (5 февраля) 1915 г. № 22 (3045). С. 3.

[212] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 1 (14) марта 1915 г. № 14701. С. 1; 17 (30) марта 1915 г. № 14733. С. 1; 28 марта (10 апреля) 1915 г. № 14750. С. 1; Русский инвалид. 3 марта 1915 г. № 50. С. 1; 31 марта 1915 г. № 71. С. 1; Утро России. 31 марта. 1915 г. № 87. С. 2. Новое Время. 2 (15) марта 1915 г. № 13999. С. 3; 30 марта (12 апреля) 1915 г. № 14026. С. 3; 31 марта (13 апреля) № 14027. С. 2.

[213] Новое Время. 21 апреля (4 мая) 1915 г. № 14048. С. 3.

[214] Новое Время. 5 (18) ноября 1915 г. № 14245. С. 7.

[215] Новое Время. 21 февраля (6 марта) 1915 г. № 13990. С. 2.

[216] Особые журналы Совета министров Российской империи. 1915 год. С. 224.

[217] Там же. С. 225–226.

[218] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 7 (20) апреля 1915 г. № 14770. С. 1.

[219] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 10 (23) апреля 1915 г. № 14776. С. 1.

[220] Речь. 19 марта (1 апреля) 1916 г. № 77 (3460). С. 3.

[221] *Ampnem.* Подробности армянских избиений. На берегах Чороха // Армянский вестник. М., 1916. 1916. № 24. С. 13–15.

[222] Русские Ведомости. 4 января 1915 г. № 3. С. 4.

[223] Утро России. 16 января 1915 г. № 16. С. 2.

[224] Утро России. 19 января 1915 г. № 19. С. 2.
[225] Новое Время. 5 (18) марта 1915 г. № 14002. С. 3.
[226] Русские Ведомости. 7 февраля 1915 г. № 30. С. 2.
[227] Утро России. 2 января 1915 г. № 2. С. 1.
[228] Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 21 декабря (13 января) 1914 г. № 14585. С. 2.
[229] Геноцид армян в Османской империи... С. 276–277.
[230] Речь. 6 (19) января 1915 г. № 5 (3028). С. 3.

Турецкий противник: планы и действия союзников по борьбе с ним

[1] *Emin A.* Op. cit. P. 85–86.
[2] *Morgenthau H.* Op. cit. P. 185; *Лорей Г.* Указ. соч. С. 93, 118, 318.
[3] *Денисов Б. А.* Итоги использования мин... // МС. 1936. № 10. С. 89, 95.
[4] *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918. P. 288.
[5] *Massie R. K.* Dreadnought. Britain, Germany and the Coming of the Great War. L., 1992. P. 746.
[6] *Lambert A. [D.]* Admirals. The Naval Commanders who made Britain Great. L., 2008. P. 323.
[7] *Ллойд-Джордж Д.* Указ. соч. Т. 1–2. С. 180.
[8] *Joffre J.* Op. cit. Vol. 2.
[9] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., Л., 1935. Т. 7. Ч. 1 (14 января – 23 мая 1915 г.). С. 64.
[10] *Lambert A. [D.]* Op. cit. P. 325.
[11] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., Л., 1935. Т. 7. Ч. 1 (14 января – 23 мая 1915 г.). С. 64.
[12] *Lambert A. [D.]* Op. cit. P. 325.
[13] *Пуанкаре Р.* Указ. соч. Кн. 1. С. 331; *Данилов Ю. Н.* Русские отряды на французском и македонском фронтах 1916–1918 гг. (По материалам Французского Военного министерства). Париж, 1933. С. 13–14.
[14] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., Л., 1935. Т. 7. Ч. 1 (14 января – 23 мая 1915 г.). С. 104.
[15] Там же. С. 105.
[16] Там же. С. 102.
[17] Указ о присоединении Кипра к Великобританским владениям, 5 ноября 1914 г. // ИМИД. Пгр., 1915. № 2. С. 39–40.
[18] Объявление английского протектората над Египтом // ИМИД. Пгр., 1915. № 1. С. 73–74.
[19] The Times History and Encyclopedia of the War. Part 123. Vol. 10. December 26, 1916. P. 201–202.
[20] *Лудшувейт Е. Ф.* Указ. соч. С. 89–90.
[21] *Aaronsnon A.* Op. cit. P. 44; *Ericson E.* Op. cit. P. 69–70.
[22] *Djemal Pasha.* Op. cit. P. 159.
[23] *Grey of Fallodon Ed.* Op. cit. Vol. 2. P. 78.
[24] *Бубнов А. [Д.]* Указ. соч. С. 136; *Корбетт Ю.* Указ. соч. Л., 1928. Т. 2. С. 130; The Times History of the War. Part 62. Vol. 5. October 26, 1915. P. 362, 375.
[25] *Hamilton J.* Gallipoli diary. N. Y., 1920. Vol. 1. P. 3.
[26] Ibid. P. 4.
[27] Ibid. P. 4–5.
[28] *Ллойд-Джордж Д.* Указ. соч. Т. 1–2. С. 55.
[29] *Hanbury-Williams J.* Op. cit. P. 37.
[30] *Щацилло К. Ф.* Русский империализм и развитие флота... С. 356.

[31] *Шацилло К. Ф.* Из истории финансового капитала. Влияние Первой мировой войны на развитие судостроительной промышленности юга России // Первая мировая война. М., 1968. Под ред. А. Л. Сидорова. С. 198.

[32] РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 28. Л. 15.

[33] Там же. Оп. 2. Д. 235. Л. 2–3.

[34] Германский имперский архив. Мировая война 1914–1918 гг. М., 1941. Т. 7. Сухопутные операции 1915 г. События в течение зимы и весны. С. 5.

[35] Правительственный вестник. 1 (14) августа 1914 г. № 168. С. 6.

[36] РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 461. Л. 131.

[37] Правительственный вестник. 21 августа (3 сентября) 1914 г. № 188. С. 5.

[38] Там же.

[39] Там же.

[40] РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 446. Л. 1–2, 4–5, 9.

[41] МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М., Л., 1935. Т. 7. Ч. 1 (14 января — 23 мая 1915 г.). С. 102.

[42] История отечественного судостроения. СПб., 1995. Т. III. С. 346, 348.

[43] РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 2. Д. 235. Л. 2 об.

[44] Там же. Ф. 609. Оп. 1. Д. 368. Телеграмма от 1 января 1915 г.

[45] Там же. Ф. 716. Оп. 2. Д. 234. Л. 84.

[46] Там же. Д. 237. Л. 1.

[47] Там же. Л. 1–1 об.

[48] МОЭИ. Сер. II. М., 1938. Т. 19. Ч. 2 (14 января — 13 мая 1912 г.). С. 424; *Гельмерсен П. В.* Операции на западных театрах (Борьба флота против берега в I Мировую войну). Л., 1927. Т. 1. С. 97, 110–111.

[49] *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 481.

[50] РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 449. Л. 65, 67.

[51] *Вирен Р. Э. фон.* Флотоводец (Памяти адмирала Эбергарда) // МЖ. Прага, 1936. № 7 (103). С. 10.

[52] *В. Л.* Бои Черноморского флота с крейсером «Гебен» // МС. 1920. № 8–9. С. 18.

[53] *Подгорный Я. [И.]* К 15-летию боя Черноморского флота с германским линейным крейсером «Гебен» 5/18 ноября 1914 г. // ЗМС. Пльзень, 1929. № 7–8. С. 3–4; *Романовский С. А.* Бой с «Гебеном» 5 ноября 1914 г. // Часовой. Париж, 1964. № 462. С. 13–14.

[54] *Петров М. А.* Два боя... С. 26–27.

[55] *Подгорный Я. [И.]* Указ. соч. // ЗМС. Пльзень, 1929. № 7–8. С. 6.

[56] *Трубецкой В. В.* Бой Черноморского флота с германо-турецким крейсером «Гебен» 5 ноября 1914 г. // Часовой. Париж, 1930. № 29. С. 14.

[57] Русский инвалид. 7 ноября 1914 г. № 253. С. 1; Голос Москвы. 7 (20) ноября 1914 г. № 257. С. 3.

[58] *Романовский С. А.* Указ. соч. // Часовой. Париж, 1964. № 462. С. 14–15.

[59] *В. Л.* Бои Черноморского флота с крейсером «Гебен» // МС. 1920. № 8–9. С. 19.

[60] The Times' History of War. Part 30. Vol. 3. March 16, 1915. P. 148; Part 62. Vol. 5. October 26, 1915. P. 377; 381; *Бубнов А. [Д.]* Указ. соч. С. 127–129; *Лорей Г.* Указ. соч. С. 105.

[61] РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 453. Л. 16, 18, 30–31.

[62] Там же. Ф. 716. Оп. 2. Д. 234. Л. 94 об.

[63] *Liman von Sanders O.* Op. cit. P. 48.

[64] Германский имперский архив... М., 1941. Т. 7. Сухопутные операции 1915 г. События в течение зимы и весны. С. 241.

Именной указатель

Абашидзе Аслан-бек — 380
Абдул-Гамид — 11
Адариди Август-Карл-Михаил Михайлович — 176, 178
Адрианов Александр Александрович — 317, 319
Александр I Павлович — 101, 116
Александр II Николаевич — 116
Александр III Александрович — 116, 242
Александр Михайлович, великий князь — 104, 140
Алексеев Михаил Васильевич — 28–30, 103, 129, 134, 146–147, 151, 154–155, 162–163, 170, 192, 212–214, 221, 225, 239, 259, 262–266, 269–271, 274–275, 280, 281, 290–293, 308, 309, 395
Алексей Михайлович, царь из династии Романовых — 116
Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатрис Гессен-Дармштадтская, императрица Александра Федоровна — 101
Алленби Эдмунд Генри Хинмен — 18
Альберт Саксен-Кобург-Готский — 88, 150
Андраши де Чикценткирали унд Красногорка Дьюла —57
Андрей, митрополит Галицкий (Роман Шептицкий) — 238
Андрей Владимирович, великий князь — 100
Антоний, иеромонах — 350
Артамонов Леонид Константинович — 188–189, 199–202, 204
Арц — 258
Асквит Герберт Генри — 47, 87, 103, 401
Астров Николай Иванович — 126
Ауффенберг-Комаров Мориц фон — 33, 189, 193–194, 214, 222–223
Баграм-хан — 379
Баграмян Иван (Ованес Хачатурович) Христофорович — 93
Баденский Максимилиан — 18
Базили Николай Александрович — 136, 233–235, 406
Байов Константин Константинович — 241
Баланин Дмитрий Васильевич — 190
Балтийский (Андреев) Александр Алексеевич — 302
Баратов Николай Николаевич — 382
Барк Петр Львович — 60, 107, 117, 121, 128
Барсуков Е. З. — 21
Бебель Август — 94
Безобразов Владимир Михайлович — 111, 265, 308
Беляев Михаил Александрович — 267, 311, 358
Бем-Ермоли Эдуард фон — 222
Бенкендорф Александр Константинович фон — 31
Беннекендорф унд фон Гинденбург Пауль-Людвиг-Ганс-Антон фон — 154, 185, 195, 197, 204, 208, 240, 246, 250, 254, 260–262, 271–273, 276–278, 281, 285, 288, 296, 298, 305, 371
Беннингсен Г. П. — 152
Бердан Хайрам — 311
Бернард III Фридрих-Вильгельм-Альберт-Георг — 272
Бертхольд унд цу Унгаршитц Фраттлинг унд Пуллутц Леопольд-Антон-Иоганн-Сигизмунд-Иосиф-Корсинус-Фердинанд фон — 40, 43–44, 58, 64–66, 73, 80, 169, 326
Берхман Георгий Эдуардович — 376, 381–383, 386–387, 390–391, 395

Бетман-Гольвег Теобальд фон — 11, 32, 42–43, 47, 64, 81, 83–85, 96, 169, 260
Бисмарк-Шёнхаузен Отто-Эдуард-Леопольд-Карл-Вильгельм-Фердинанд фон — 6, 25
Битти Дэвид — 48
Благовещенский Александр Александрович — 197–198, 203–204, 206
Блюментрит Гюнтер — 288
Бобринский Владимир Алексеевич — 228, 237
Бобринский Георгий Александрович — 228–229, 231, 236, 238
Богданович Павел Николаевич — 202
Болховитинов Леонид Митрофанович — 386
Бомпар Луи Морис — 337
Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич — 90, 105, 108, 147, 240, 275, 310
Боог — 216
Бороевич фон Бойна Светозар —223
Бринкен Александр-Павел Фридрихович фон ден — 249
Бронсарт фон Шеллендорф Фридрих-Генрих-Бруно-Юлиус — 337, 377, 380
Брудерман Р. — 215–216, 223
Брусилов Алексей Алексеевич — 92, 154–155, 162, 172–173, 214, 216–217, 221, 223–224, 237, 240, 268–269
Брухмюллер Георг — 164
Брюсов Валерий Яковлевич — 315
Брянский Виктор Диодорович — 126–127, 317, 320
Бубнов Александр Дмитриевич — 114, 134, 138, 141, 244, 408–409
Будберг Алексей Павлович фон — 308
Буденный Семен Михайлович — 284
Букретов Николай Андрианович —384–385
Буриан фон Райец Стефан — 40
Буэ де Лапейер Огюстин — 324
Бьюкенен Джордж Вильям — 102
Быков Г. А. — 350
Бюлов Бернгард Генрих Карл Мартин фон — 8, 11, 40, 42, 45

Вангенгейм Ганс фон — 43, 50, 329, 331, 374
Варешанин фон Вареш Мариан — 37
Василевский Александр Михайлович — 90, 103
Васильев Федор Николаевич — 302
Вацлав Святой, Вячеслав Чешский — 161
Велепольский Альфред Сигизмундович — 159
Велепольский Сигизмунд Иосифович — 156
Величко К. И. — 21
Венизелос Элефтериос — 342–343
Верховский Александр Иванович — 247, 315
Виберг Сергей Александрович — 382
Виктор-Эммануил III — 326
Вильгельм II — 6–8, 10, 13, 36, 42–43, 48, 55, 60, 62, 69, 74–75, 77, 82, 84, 98, 137, 169, 242, 272, 288, 314, 317, 326, 337, 340, 342, 354
Вильсон Артур Найвет — 401
Вильсон Вудро — 19
Витте Сергей Юльевич — 94
Владимир Святой, Владимир I Святославич — 160
Воейков Владимир Николаевич — 55, 115, 117
Войрш Ремус фон — 170, 189, 212, 224, 261, 271, 273, 292
Войшин-Мурдас-Жилинский Ипполит Паулинович — 191–192
Воронцов-Дашков Илларион Иванович — 124, 354, 381, 386, 389, 391, 395, 398
Вошборн Стенли — 105, 233
Вукичевич Миленко — 101

Габсбург-Лотринген Франц-Фердинанд Карл Людвиг Иосиф Мария фон — 11, 35–36, 38–39, 42, 166, 324
Габсбурги —24, 36, 40, 45, 96–97, 155, 160, 162, 228–229, 260, 267, 317, 326
Гавриил Константинович, князь — 251
Гайде Ф. А. — 23
Гайдук М. И. — 21
Гальвиц Макс фон — 273
Гамильтон Ян Стандиш Монтейт —404–405
Ганин А. В. — 23
Гартвиг Н. Г. — 41
Гаус Антон — 324–326
Гебен Август Карл фон — 324
Гейден Дмитрий Федорович — 216
Гейсман Платон Александрович — 106
Генбери-Вилльямс Джон — 136–137, 210, 310, 388–389, 405
Георг Фредерик Эрнест Альберт — 47–48
Гидулянов Павел Васильевич — 319
Гизль фон Гизленген Владимир — 41, 56–57, 63–65
Гильчевский Константин Лукич — 113
Гирс Михаил Николаевич — 6, 328, 330–331, 333–334, 337, 340, 344, 348, 351–252, 376
Гогенцоллерн Иоахим Франц Гумберт — 281

Гогенцоллерны – 185
Гойос цу Стишенштейн Александр фон – 45
Головин Николай Николаевич – 106, 112, 139, 313
Гольдман (Голдманис) Ян Юрьевич – 121
Гольц Кольмар фон дер – 406
Горбатов Александр Васильевич – 92–93
Горбатовский Владимир Николаевич – 155
Горемыкин Иван Логгинович – 59–61, 78, 117, 120, 136
Горчинский Витольд Остоя – 283–284
Гофман Карл Адольф Максимилиан – 113, 185–186, 197, 208, 258, 260–261, 264, 272, 274–276, 278, 280, 282, 288, 300–301
Гошен Вильям Эдвард – 102
Грей Эдуард – 32, 47, 56, 61–62, 64, 69, 87, 259, 340, 348
Гренер Вильгельм – 71, 168, 209, 225, 244, 248, 298
Григорович Иван Константинович – 60, 73, 79, 117, 123, 322, 359, 408
Гриезлер – 258
Грэхем Стивен – 91
Гумба Х. – 23
Гутор Алексей Евгеньевич – 146, 213
Гучков Александр Иванович – 16, 22, 135, 307

Дакворт Джон Бартоломью – 401
Даниил Романович, Великий князь Киевский – 160
Данилов Николай Александрович – 105, 309
Данилов Юрий Никифорович – 27, 71, 91, 105, 111, 133–135, 137–139, 141, 144–147, 180, 193, 196, 204, 267, 275, 281–282, 284, 302, 306, 308–309, 312, 336, 403, 406–407
Данкль фон Красник Виктор – 189, 193, 212, 214, 222–224, 285
Деймен Фриц – 368
Дельвиг Сергей Николаевич – 268
Делькассе Теофил – 342, 353
Деникин Антон Иванович – 92, 97, 106
Джавид-бей Гусейн – 340
Джафаров Мамед-Юсуф – 392
Джемаль-паша, Ахмет-Джемаль – 339, 347–349, 404
Джемсон Леандр Стар – 48
Джунковский Владимир Федорович – 107–108, 129, 219, 381
Дмитриевич Драгутин – 38
Дмовский Роман Валентьевич – 156–157, 283
Добророльский Сергей Константинович – 71, 73, 77
Добрышин Филипп Николаевич – 144
Довгерд (Довгирд) Стефан Антонович – 383
Драгомиров Владимир Михайлович – 146–147, 214, 240
Дрейер Владимир Николаевич фон – 158, 294
Друцкой-Соколинский Владимир Андреевич – 140
Дубенский Дмитрий Николаевич– 382
Дудыкевич Владимир Феофилович – 228
Думерг Гастон – 151
Душкевич Александр Александрович – 200–201, 204, 206, 300

Епанчин Николай Алексеевич – 175, 179, 254

Жанен Пьер-Тибо-Шарль-Морис – 49
Жераич Богдан – 37
Жилинский Яков Григорьевич – 28, 110, 146–148, 151–153, 155, 179, 181, 185–186, 188–189, 195–197, 201–203, 206, 209, 241, 245–246, 248–250, 254–255
Жоффр Жозеф Жак –31, 141, 144, 150, 153, 210–211, 267, 282, 293, 388, 401
Жуков Георгий Константинович – 93

Забелин Александр Федорович – 309
Зайончковский Андрей Медардович – 21, 22, 211, 263
Зальца Антон Егорович фон – 146, 154, 190, 192
Залюбовский А. П. – 21
Заремба Эдмунд фон – 171
Зарин Николай Дмитриевич – 180

Иван IV Васильевич, Иван Грозный – 116
Иванов Николай Иудович – 146–147, 154–155, 172–173, 215, 239, 263–368, 270–271, 274–275, 280–281, 284, 290, 292, 295, 301, 308, 310
Иванов Николай Максимович – 278
Ивановский Виктор Яковлевич – 361
Иверонов Иван Александрович – 319
Игнатьев Алексей Алексеевич – 27, 31
Извольский Александр Петрович – 10–11, 31
Ильин (Раскольников) Федор Федорович – 104
Иосиф-Фердинанд Сальватор Мария-Франц-Деопольд-Антон-Альберт-Ио-

ганн-Баптист-Карл-Людвиг-Руперт-Мария — 193, 222–223
Ипатьев В. Н. — 21
Ирман (Ирманов) Владимир Александрович — 155, 266, 278, 280
Истомин Николай Михайлович — 383
Исхан-паша Али — 394
Ичас Мартин Мартинович — 121
Ияс Александр Иванович — 396

Йованович Йован-Пижон — 38–39
Йованович М. М. — 23

Кадорна Луиджи — 326
Камбон Жюль — 102
Канин Василий Александрович — 405
Каприви Георг Лео фон — 6–7
Карагеоргиевич Александр — 40–41, 68
Карагеоргиевич Петр — 24, 40, 61
Карден Секвилл Гамильтон — 401
Карл I, Карл Франц Иосиф — 43, 164
Кассандер — 34
Кастельно Ноель Жозеф Эдуард де Курьер де — 43
Каськов Митрофан Иванович — 405
Каширин В. Б. — 23
Кевеш фон Кевешхаза Герман — 168, 170, 215
Келлер Федор Артурович — 171–172
Кербер (Корвин) Людвиг Бернгардович — 370
Керенский Александр Федорович — 16, 17, 22, 99, 122–123, 238
Керр Марк Эдуард Фредерик — 342–343
Керсновский. А. А. — 14
Кизеветтер Александр Александрович — 90, 124
Кирей В. Ф. — 21
Кирилл Владимирович, великий князь — 90, 132
Китченер Горацио Герберт — 310, 312, 388, 401–402, 404–405
Клаузевиц Карл Филипп Готтлиб фон — 50
Клейнмихель Мария Эдуардовна — 314
Клюев Николай Алексеевич — 30, 151–152, 182, 188, 201–202, 204–205
Клюк Александр фон — 194–195
Коковцов Владимир Николаевич — 107
Колвелл Чарльз Эдуард — 342
Коленковский А. К. — 21
Колпакиди Александр — 23
Колчак Александр Васильевич — 79
Кондзеровский Петр Константинович — 116, 129, 134–135, 209, 212, 293
Конрад фон Гетцендорф Франц — 30, 40–43, 45, 52, 53, 84, 137, 155, 166, 168–171, 173, 193, 213, 215–216, 222–225, 277, 285
Константин I — 342
Константин Павлович, великий князь — 116
Корнилов Лавр Георгиевич — 17
Короленко Владимир Галактионович — 316
Коростовец Иван Яковлевич — 16
Корсун Н. Г. — 21
Косинский А. М. — 21
Костюшко Анджей Тадеуш Бонавентура — 230
Коцебу Александр Павлович — 308
Крамарж Карел — 13
Кривошеин Александр Васильевич — 60, 117, 127
Критск — 258
Кудашев Иван Александрович — 26
Кудашев Николай Александрович — 136, 233, 254, 282, 285, 302, 305, 389, 403, 405, 407
Кузнецов М. И. — 319
Кузьмин-Караваев Дмитрий Дмитриевич — 101, 311
Куммер фон Фалькенфельд Генрих — 189
Курлов Павел Григорьевич — 127
Куроки Тамэмото — 404
Куропаткин Алексей Николаевич — 27, 115, 242, 404
Кусманек фон Бургнойштэдтен Герман — 267–268

Лагиш Пьер-Адольф-Анри Викторньен де — 76, 132, 136–137, 210
Ландау Григорий (Гавриэль) Адольфович — 318
Лебедев Сергей — 23
Леман Жерар-Матье-Жозеф-Жорж — 150
Лемке Михаил Константинович — 217, 239
Леонтьев Владимир Георгиевич — 146, 247
Леонтьев Максим Николаевич — 328, 340, 348
Лесневский Иосиф Викентьевич — 277
Лечицкий Платон Алексеевич — 223, 274
Лиддел Гарт Безил — 166
Лиман фон Сандерс Отто — 47, 335, 337, 339, 411
Лимпус Артур Генри — 333–334, 346
Лихновский Карл Макс фон — 32, 45–48, 61–62, 77, 81, 87
Лицман Карл — 302

Ллойд-Джордж Дэвид – 48, 103, 405
Локкарт Роберт Гамильтон Брюс – 13, 20, 221
Ломновский Петр Николаевич – 146
Лонткиевич Бронислав – 136
Лукомский Александр Сергеевич – 101, 112, 138
Львов Георгий Евгеньевич – 30, 124–128
Любавский Матвей Кузьмич – 319
Людендорф Эрих – 92, 95, 97, 140, 150, 166, 185–187, 195, 197, 204, 208, 240, 248, 258, 260–261, 271–272, 277, 293, 296, 298
Ляхов Владимир Платонович – 394, 397

Мадлунг – 334
Макензен Антон Людвиг Август фон – 179–180, 195, 198, 273, 277, 297–299, 301
Маклаков Николай Алексеевич – 73, 98, 128, 161
Маллет Луи дю Пан – 333, 340, 347
Манасевич-Мануйлов Иван Федорович – 124
Манлихер Фердинанд – 165
Маниковский А. А. – 21
Маннергейм Карл Густав Эмиль Карлович – 258, 285
Манштейн-Левински Эрих фон – 300
Мария-София-Фредерика-Дагмара, принцесса Датская, императрица Мария Федоровна – 97–98
Марков Анатолий Львович – 232
Маркс Карл – 94
Мартинович Митар – 136
Мартос Николай Николаевич – 153, 188, 200–202, 204, 208, 218–219
Маршан Жан-Баптист – 199
Масарик Томаш Гарриг – 259
Масловский Е. В. – 21
Мельгунов Сергей Петрович – 124
Меннинг Б. – 23
Меньчуков Евгений Александрович – 302
Мессими Адольф – 84
Милеант Гавриил Георгиевич – 146, 241, 246, 248, 251
Миллер Евгений-Людвиг Карлович – 146, 300
Милн Арчибальд Беркли – 325, 329, 330
Милюков Павел Николаевич – 21–22, 118–119, 123, 127, 259, 316
Михаил Николаевич, великий князь – 116
Мищенко Павел Иванович – 256, 258
Молотов Вячеслав Михайлович – 20–21
Мольтке-младший Гельмут Иоганн Людвиг фон – 52–53, 168–169, 173–174, 182–185, 195, 209, 222, 225
Мольтке-старший Гельмут Карл Бернхард фон – 7
Морген Курт Эрнст фон – 272
Мосин Сергей Иванович – 311
Мотоно Ичиро – 306
Муравьев Петр Петрович – 369
Мухаммед, пророк – 342
Мышлаевский Александр Захарович – 381–387, 389, 390

Набоков Владимир Дмитриевич – 125
Назарбеков Фома Иванович (Назарбекян Товмас Ованесович) – 110
Накашидзе Давид Александрович – 86–87
Наполеон I Бонапарт – 13
Нахичеванский хан Гуссейн Келбалаевич – 177, 203
Незнамов Александр Александрович – 91, 249, 302
Ненюков Дмитрий Всеволодович – 136
Нератов Анатолий Анатольевич – 81
Нестерович – 41
Никитин Владимир Николаевич – 350
Николаи Вальтер – 93–94, 316
Николай, архиепископ (Михаил Захарович Зиоров) – 229
Николай I Павлович – 116
Николай II Александрович – 8, 10, 14–15, 42, 55, 57, 59, 63, 70, 73, 75–78, 81–82, 84, 88–89, 98, 100–101, 108, 111, 113, 115–118, 126–127, 130, 132, 143, 161, 220, 228, 255, 287, 334–335, 351–352, 381–382
Николай Николаевич (младший) – 12, 15, 76, 113, 115–119, 124, 127, 129–130, 132–133, 135–138, 140–141, 143–144, 147–148, 151, 153, 156, 158–161, 163, 173, 186, 192, 209–210, 212, 220, 231, 234, 244, 254, 263, 265–267, 269–270, 272–273, 277, 280–281, 289, 291–294, 299–300, 308, 310, 343, 388–389, 395, 402, 405
Николай Николаевич (старший) – 116, 118
Никольсон А. – 10
Новиков Александр Васильевич – 158, 265–266, 273–274, 281, 287, 294, 301
Новиков Н. В. – 21
Новицкий Федор Федорович – 285
Нокс Альфред – 76, 111, 132, 134–136, 210, 300
Ньюболт Генри Джон – 363

Оболенский Александр Николаевич – 318, 320
Оболенский Николай Леонидович – 136, 233–234
Обручев Николай Николаевич – 27
Ольховский Петр Дмитриевич – 264, 266
Орановский Владимир Алоизиевич – 146, 196, 204, 240–241, 245–246, 266, 296, 309

Павел I Петрович – 116
Палавиччини Янош фон – 35
Палеолог Жорж Морис – 153
Палицын Федор Федорович – 129, 139, 254, 395
Пашич Никола – 38, 41, 63, 167
Пейрс Бернард – 258
Пестич Евгений Филимонович – 218–219
Петр I Алексеевич, Петр Великий – 116–117
Петр-Фердинанд-Сальватор-Карл-Людвиг-Мария-Иосиф-Леопольд-Антон-Руперт-Пий – 193
Петров Михаил Александрович – 21, 332
Петрово-Солово Борис Михайлович – 158
Пивэ Луи-Жозеф – 321
Пилсудский Юзеф (Иосиф) – 157–159
Питирим, архиепископ (Павел Васильевич Окнов) – 354
Плеве Вячеслав Константинович фон – 124
Плеве Павел Адамович – 146, 154–155, 193–194, 223–224, 300
Плющевский-Плющик Юрий Николаевич – 180
По Поль Морис Сезар Жеральд – 136
Поливанов Алексей Андреевич – 143
Поль Хуго фон – 326
Постовский Петр Иванович – 153, 204, 207, 277
Потиорек Оскар фон – 39, 166, 168
Пржевальский Михаил Алексеевич – 383, 386, 388
Принцип Гаврило – 39–40
Притвиц унд Гаффрон Максимилиан фон – 152, 154, 174, 176–178, 181–185, 290
Пришвин Михаил Михайлович – 231
Пуанкаре Раймонд – 45, 57–59, 103, 151, 153, 160, 210, 264, 277, 310, 335, 337
Пурталес Фридрих фон – 49, 61, 73–74, 76–77, 81, 83, 95, 98
Пфеффер – 215

Рагузский Александр Владиславович – 350
Радко-Дмитриев Радко Дмитриевич (Радко Русков Дмитриев) – 240, 269
Радославов Васил (Василий) – 406
Раевский П. – 104
Распутин (Новых) Григорий Ефимович – 66
Рауш фон Траубенберг Евгений-Александр-Эрнест Александрович – 146
Рейс Рудольф Арчибальд – 167
Ренненкампф Павел-Георг Карлович – 130, 146, 148, 152–153, 155, 174–175, 177–179, 184–187, 190, 194–199, 201–203, 240–242, 244–246, 248–250, 252, 254–256, 260, 278, 296–297, 299, 301, 305
Риккель Луи-Дезире-Юбер де – 136–137
Роде Готлиб-Павел-Вильгельм (Василий) Карлович (Павлович) – 216
Родзянко Михаил Владимирович – 67, 100, 119–120, 219
Рожанский Станислав Мечеславович – 277
Розеншильд фон Паулин Анатолий Николаевич – 178, 252–253
Роман Мстиславич, Великий князь Киевский – 160
Романовы – 160–161
Ромейко-Гурко Василий Иосифович – 72, 129, 154, 185, 203, 250
Ромейко-Гурко Владимир Иосифович – 111
Ронжин Сергей Александрович – 112, 136
Рощаковский Михаил Сергеевич – 362
Рузский Николай Владимирович – 146, 154, 214–217, 220–224, 239–240, 255, 263–267, 270, 272, 274–275, 280–281, 284, 292, 294–299, 301, 304–305, 308, 310
Русин Александр Иванович – 321–322, 324, 343–344, 366
Рыжков Николай Николаевич –238

Савич Никанор Васильевич – 111
Сазонов Сергей Дмитриевич – 30–31, 35–36, 41, 56–57, 59–61, 64, 73–74, 76–78, 83–84, 89, 99, 120, 156, 233, 267, 282, 302, 306, 322, 328, 334, 336, 343–344, 348, 352, 357, 389, 401, 403, 406–407
Самойло Александр Александрович – 135–136, 166, 170
Самсонов Александр Васильевич – 13, 146, 152–153, 155, 174, 181, 184–189, 194–196, 198–204, 206–208, 210–211, 213, 218–219, 240–241, 247, 260, 304
Сапари фон Мурашонбат Сечизигет унд Сапар Фридрих – 56, 89

Сахаров Виктор Викторович — 115
Свербеев Сергей Николаевич — 32, 97
Свечин Александр Андреевич — 315
Свидзинский Эдмунд — 284
Сегени-Марич фон Мадьяр-Сеген унд Шолгехаза Ладислав де — 42, 84
Сект Ганс фон — 155
Селиванов Андрей Николаевич — 269
Сергеевский Борис Николаевич — 159, 255
Сиверс Фаддей Васильевич — 308
Сидорин Л. Л. — 298
Симанский Пантелеймон Николаевич — 252
Скобелев Михаил Дмитриевич — 67
Слюсаренко Владимир Алексеевич — 301–302
Спалайкович Мирослав — 41
Спиридович Александр Иванович — 131, 381
Степун Федор Августович — 94
Столыпин Петр Аркадьевич — 125
Стоун Н. — 22, 211
Струве Петр Бернгардович — 119
Сухомлинов Владимир Александрович — 32, 60, 73–74, 77, 99, 104, 112–113, 117–118, 123, 127, 129, 134, 143–144, 146–147, 161, 173, 193, 214, 239, 255, 266, 306, 347, 351, 389
Сушон Вильгельм Антон — 316, 324–325, 329, 332–335, 337, 339, 348–349, 354

Талаат-паша, Талеат Мехмед — 327, 348
Татищев Илья Леонидович — 77
Тэтчер Маргарет Хильда — 22
Тирпиц Альфред фон — 7, 46, 64, 83, 85, 261, 329, 339, 409
Тиса де Борос-Иено Иштван — 44, 57
Траубридж Эрнест Чарльз Томас — 325, 329–330
Трубецкой Григорий Николаевич — 49
Туманов (Туманишвили) Георгий Александрович — 189–192
Тяпкин Николай Дмитриевич — 319

Уваров Федор Алексеевич — 125
Угрюмов Алексей Петрович — 366, 370
Узедом Гвидо фон — 334, 411
Ульянов (Ленин) Владимир Ильич — 13, 21–22, 221
Уолпул Роберт — 103

Фалькенгайн Эрих фон — 82, 260, 288, 298, 374, 406, 411
Федоров Владимир Григорьевич — 109, 311, 364
Фелькерзам Гамилькар (Гамилькар Евгений Магнус) Евгеньевич фон — 121
Фишер Джон — 401
Флуг Василий Егорович фон — 209
Фош Фердинанд — 21
Франсуа Герман фон — 175–177, 188, 186, 195, 199–200, 205–206, 253–254
Франц-Иосиф I — 34, 39, 42, 44–45, 56, 66, 78, 84, 158, 169, 193, 238, 340
Франше д'Эспере Луи-Феликс-Мари-Франсуа — 18
Фредерикс Владимир (Адольф-Антон-Владимир) Борисович — 117
Френсис Дж. — 16, 19
Фридман Нафталь Маркович — 122
Фридрих-Август I — 272
Фридрих-Август III Иоганн-Людвиг-Карл-Густав-Грегор-Филипп — 272
Фридрих-Мария-Альбрехт-Вильгельм-Карл, эрцгерцог Австрийский, герцог Тешинский — 224
Фроммель Рудольф фон — 261, 296, 301
Фурманов Дмитрий Андреевич — 109

Хабибулла-хан — 378
Халим-паша Саид — 327, 340
Харитонов Петр Алексеевич — 128
Хатисов (Хатисян) Александр Иванович — 389
Хаустов Валентин Иванович — 122–123
Холбрук Норманн Дуглас — 410–411
Холдейн Ричард Бердон — 87
Хоменко Александр Александрович — 408–409
Хотек фон Хоткова унд Вогним София — 39

Церетели Ираклий Георгиевич — 122
Циммерман Артур — 55
Цицианов Павел Дмитриевич — 378
Цывинский Генрих Фаддеевич — 361, 370

Чабринович Неделько — 39–40
Чагин Владимир Александрович — 175
Чамберлин У. — 22
Чейсти П. — 23
Челноков Михаил Васильевич — 126–127
Червинка Ярослав Вячеславович — 164
Черкасский Владимир Александрович — 136
Чернин цу Чудениц Оттокар Теобальд Отто Мария фон — 33–35, 44

Чернозубов Федор Григорьевич — 395, 397
Черняев М. Н. — 136
Черчилль Уинстон Леонард Спенсер — 11, 22, 46, 88, 342, 401
Чурин Алексей Евграфович — 146, 298

Шавельский Георгий Иванович (отец Георгий) — 129, 133, 138, 239
Шапошников Борис Михайлович — 191, 263, 284, 296, 301
Шарпантье Клаас-Густав-Роберт Робертович — 273
Шварц Алексей Владимирович фон — 96, 262, 266–269, 276, 279, 286–287
Шварцлозе Андреас Вильгельм — 164
Шебеко Николай Николаевич — 35, 80
Шевченко К. В. — 23
Шевченко Максим Михайлович — 23
Шейдеман Сергей Михайлович — 203, 280–282, 294, 297, 299–300, 303, 305
Шеффер-Боядель Рейнгард Готтлиб Генрих фон — 299–301, 304–306
Шиллинг М. Ф. — 83
Шидловский (Шидловский 1-й) Сергей Илиодорович — 12
Шкинский Яков Федорович — 163
Шкуро Андрей Григорьевич — 286
Шлиппе Федор Владимирович фон — 125–126
Шлиффен Альфред фон — 50–53, 141–143, 184, 211, 242
Шойс Г. — 18
Шойхтестнель — 258
Шратт Екатерина — 45
Штемпель Николай Аркадьевич фон — 200
Штумм Вильгельм Август фон — 55
Шуберт Рихард фон — 260–261
Шуваев Дмитрий Савельевич — 144
Шувалов Андрей Петрович — 302
Шульц Густав (Густав Тойво Иоганн) Константинович фон — 356, 364, 401

Щегловитов Иван Григорьевич — 117
Щербачев Дмитрий Григорьевич — 112, 155, 216, 269

Эбергард Андрей Августович — 334–335, 343–345, 348, 350, 405, 408, 410
Эверт Алексей Ермолаевич — 192, 212, 269, 274
Энвер-паша, Исмаил-Энвер — 327–328, 335–337, 348, 355, 377–378, 386–390, 395–396, 400
Энгельгардт Борис Александрович — 26
Эренбург Илья Григорьевич — 12
Эренталь Алоиз-Леопольд-Иоганн-Баптист-Лекса фон — 10–11, 35
Эрцбергер Маттиас — 354
Эссен Николай Оттович фон — 78–80

Юденич Николай Николаевич — 383–384, 386–387, 389–391, 395
Юлиек — 258

Ягов Готлиб фон — 32, 45–46, 48, 55, 84, 102, 169
Янушкевич Николай Николаевич — 70 ,73–74, 77–78, 116, 130, 134–135, 137, 144, 148, 151, 163, 172–173, 193, 234, 255, 264–266, 269, 274–275, 284, 289, 291–292, 295, 301, 305, 308–309, 312, 336, 347, 389, 408
Яронский Виктор Феликсович — 121
Ярослав Владимирович Осмомысл — 160
Яхонтов Аркадий Николаевич — 31

Содержание

Вступление 5

Накануне австро-германской провокации 24
Сараевское убийство и первая реакция на него 38
Июльский кризис и начало Первой мировой войны 55
Как начиналась война — реакция общества 90
Становление Верховного главнокомандования в первые дни войны, диалог с общественностью 114
Ставка Верховного главнокомандующего в Барановичах, устройство и планы 131
Маневренный период войны — операции на германо-австрийском фронте: Галицийская битва и Восточно-Прусская операция 148
Организация военной администрации в Восточной Галиции 227
Завершение битвы в Восточной Пруссии, Варшавско-Ивангородская и Лодзинская операции 239
Шпиономания и ее первые жертвы. Первые проблемы во внутренней политике 314
Вступление Турции в войну: военно-политическая подготовка 321
Вступление Турции в войну: экономические последствия для России ... 356
Кавказский фронт: от Аджарии до Персии, зима 1914 — весна 1915 г. ... 375
Турецкий противник: планы и действия союзников по борьбе с ним ... 400

Биографический указатель 412

Примечания 558

Именной указатель 630

Айрапетов Олег Рудольфович

УЧАСТИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1914–1917)
1914. Начало

Редактор *Е. Р. Ароян*
Художественное оформление *А. П. Зарубин*
Компьютерная верстка *И. В. Белюсенко*
Корректор *Е. Р. Цегельник*

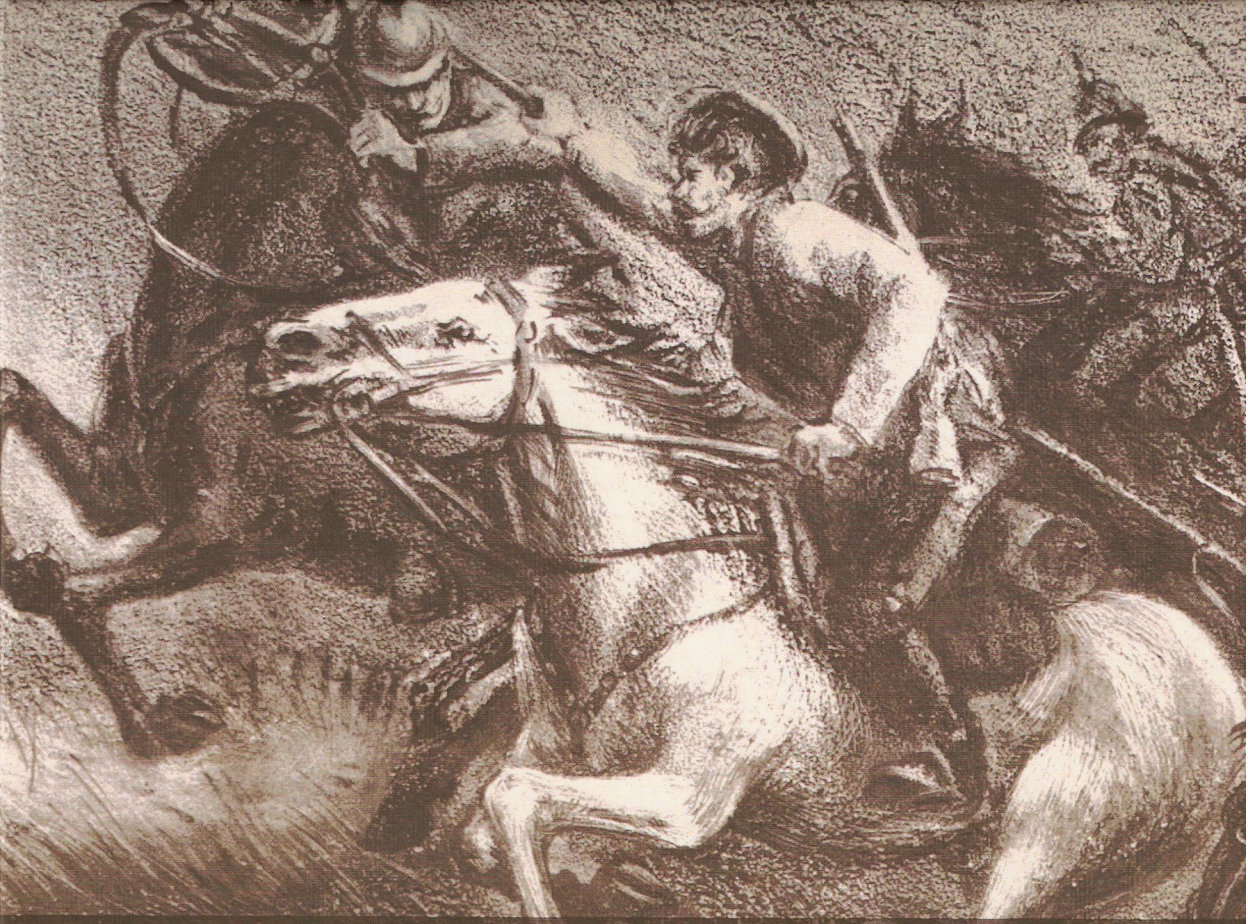
В оформлении обложки использовано изображение гравюры
«Русские казачьи части атакуют германскую кавалерию» художника И. А. Задёры

Издательство «Кучково поле»
123022, г. Москва, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.
Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22.
E-mail: kuchkovopole@mail.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 11.07.14. Формат 70 × 100/16.
Усл. печ. л. 51,6. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ № .

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Тел.: (495) 988 63 87
E-mail: sales@chpk.ru
www.chpd.ru

ISBN 9785995004028

КУЧКОВО ПОЛЕ

ISBN 9785995004028